С. Г. СТРУМИЛИН

ОЧЕРКИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РОССИИ И СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АКАДЕМИК

С. Г. СТРУМИЛИН

ОЧЕРКИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РОССИИ И СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва. 1966

ОТ АВТОРА

Изучая исторический процесс, разные исследователи ставят перед собой весьма различные задачи. Но экономиста в истории прежде всего занимает смена форм и ступеней хозяйственного развития и те закономерности, которым подчиняется это развитие. Большой исторический опыт учит нас, что эти закономерности в той или иной степени проявляют себя в самых различных странах. Однако автоматическое распространение какой-либо единой схемы исторического процесса на все страны и народы незакономерно уже потому, что каждая страна модифицирует общие закономерности развития в соответствии с только ей одной присущими особенностями, требующими конкретного изучения. Поэтому классики марксизма-ленинизма, воспользовавшись для иллюстрации генезиса капиталистической формации весьма типичным в этом отношении историческим опытом Англии, отнюдь не думали, что и все другие страны должны в точности повторить опыт Англии на данном этапе развития. У Англии был свой путь, а Россия, скажем, шла в том же направлении, но по иному пути.

В старину говорили, что все дороги ведут в Рим. А теперь говорят, что все пути ведут к коммунизму. Исследуя линии исторического развития, можно это же сказать и по-иному: все исторические пути влекут человечество в одном направлении — к неуклонному росту его производительных сил. А на этом большом тракте лежат такие три основных этапа, как доклассовый, или общинно-родовой, классовый, исполненный социальных антагонизмов и катаклизмов, и социалистический строй общества. Ни одного из них не минует человечество на своем пути к конечной цели — коммунизму. Но на каждом из этих исторических этапов найдется немало станций и полустанков, на которых по графику истории далеко не для всех стран и народов предусмотрены остановки. Так, на этапе классового строя мы различаем рабовладельческую, феодальную и капиталистическую формации. Человечество, взятое в целом, не миновало на своем историческом пути ни одного из этих перегонов. Но нельзя сказать того же о каждом из народов, взятых в отдельности. В частности, рабовладельческий строй в истории русского народа получил столь слабое развитие, что о нем не стоит и говорить как об особой формации. Можно сказать, что русский народ проскочил этот перегон всемирной истории совсем без остановки.

Бывают, однако, у отдельных народов и более разительные пробелы в отношении пройденных ими формаций. На доклассовом этапе всемирной истории, т. е. в развитии общинно-родового строя, мы, как известно, различаем три последовательные ступени: охотничий быт, кочевое скотоводство и оседлое земледелие. Казалось бы, что от этих самых первых ступеней человеческой истории до той последней, на которую ныне вступили народы СССР, целая пропасть. А между тем в нашей семье народов имеются и такие, которые еще совсем недавно вышли из кочевой стадии родового быта. Напомним, что еще в 1921 г. в числе 25 млн. душ населения, «не успевших пройти капиталистическое развитие», у нас отмечалось наличие ряда племен и народностей, «сохранивших в большинстве случаев скотоводческое хозяйство и патриархально-родовой быт (Киргизия, Баш-

кирия, Северный Кавказ) или не вполне еще ушедших дальше полупатриархального-полуфеодального быта (Азербайджан, Крым и др.), но уже вовлеченных в общее русло советского развития» [1]. Правда, даже у наиболее отставших в своем развитии кочевников нашей страны наряду с остатками еще не вполне отжившего родового быта было немало зачатков и последующих формаций классового общества, но, включившись в социалистическую систему хозяйства, они единым скачком преодолели уже не один, а целый ряд социальных укладов.

Таким образом, можно сказать, что все народы проходят свой путь экономического развития в одном и том же направлении: от родового строя через классовые формации к коммунизму. Обратное направление совершенно исключено. Но в данном направлении одни народы проходят свой путь медленнее, другие — скорее, одни задерживаются дольше на одном этапе, другие — на другом. Некоторые народы совсем сходят с исторической арены уже на полпути к указанной цели, другие проходят весь этот путь до конца, третьим удается миновать в своем развитии те или иные его этапы. И хотя всему человечеству в закономерном его развитии предстоит неуклонный подъем с одной ступени на следующую, это отнюдь не исключает ни временных задержек в развитии и провалов, ни даже полной деградации на исторических путях тех или иных народностей.

В исследовании общих закономерностей экономического развития народов особого внимания заслуживает проблема темпов развития на различных этапах исторического пути человечества. В самой абстрактной схеме этот путь представляется ступенчатой кривой неуклонного подъема производительных сил общества от формации к формации со все *возрастающими* темпами разбега. Пройдя долгий и тернистый путь по пешим тропам первого, первобытнообщинного этапа, человечество, можно сказать следуя этой схеме, сначала взобралось на медлительную арбу с ленивым рабом — погонщиком буйволов; затем оно пересело на зыбкий феодальный тарантас с крепостным кучером Селифаном на облучке и сонным лакеем Петрушкой на запятках; на следующем этапе оно уже катит в пульмановских салон-вагонах экспресса или столь же быстроходных автомобилях со всеми прелестями буржуазного комфорта — от электрических зажигалок для сигар хозяина-капиталиста до изящной бутоньерки для его купленной метрессы, с тем чтобы при социализме, наконец, взлететь вольным соколом к поднебесью на скоростных самолетах и космических ракетах. Однако реальные пути развития конкретных стран и народов многообразнее и сложнее любой абстрактной схемы. Общая закономерность ускорения темпов развития всех стран и народов с каждым новым этапом пути осложняется не менее общим законом неравномерности их развития на определенных этапах. И реальные темпы подъема любой страны могут быть познаны лишь путем конкретного изучения соответствующих этапов ее истории.

Особый интерес в истории экономики представляет также вопрос о том, как именно происходит в ней смена форм и ступеней развития. Смена эта, конечно, совершается на историческом пути далеко не столь просто, как езда на перекладных: одну станцию проехали, мол, на вороных, вторую — на серых, а третью — на гнедых... Слишком упрощает картину даже схема последовательных пересадок человечества с арбы на тарантас, автомобиль и самолет. В действительности наличие самолета на одном из полюсов общества отнюдь еще не исключает арбы на другом. Достижение земледельческой стадии развития в феодальном обществе времен «Русской Правды» совсем не исключало в нем занятий скотоводством и охотой и пережитков родового строя. Эксплуатация наемного труда на петровской ману-

[1] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I. М., 1954, стр. 559.

фактуре вовсе не исключала широчайшей эксплуатации труда крепостных и дворовых холопов. И даже Октябрьская революция, как известно, далеко не сразу исключила возможность одновременного сосуществования на территории СССР всех пяти социальных укладов. Одна форма хозяйства, сменяя другую, зарождается еще задолго до полного изживания предшествующей, постепенно развивается в борьбе с нею в собственных ее недрах и в конце концов достигает господства, разрушая в бурном кризисе не только экономическую базу, но и все государственно-правовые надстройки отжившей формации. Но и после такого кризиса остатки и пережитки отмирающей формации борются с новыми формами, задерживая их развитие.

Окончательная победа в этом соревновании различных форм хозяйства, как известно, всегда обеспечена за новейшей, наиболее передовой и производительной. Но этой победе обычно предшествует весьма затяжная и ожесточенная борьба, которую можно рассматривать как переходный этап от одной стадии развития к другой. Теоретически наряду с господствующей формой хозяйства всегда мыслятся отмирающие и вновь зарождающиеся его формы и ступени. Но практически далеко не всегда легко определяется момент, когда господство одной из форм переходит к другой. К сожалению, как заметил уже Карл Маркс, «эпохи истории общества, подобно эпохам истории земли, не отделяются друг от друга абстрактно строгими границами» [1]. «*Hard and fast lines*,— говорит Ф. Энгельс,— несовместимы с теорией развития» [2]. Но диалектика учит нас правильно видеть наряду с «или — или» также и «как то, так и другое». Именно поэтому приходится иной раз говорить о таких гибридных формах, как «полупатриархальный, полуфеодальный быт». Именно поэтому одной из занимательнейших задач исследователя в области экономической истории является не столько строгая периодизация ступеней развития и датировка переломных моментов в смене борющихся форм хозяйства, сколько изучение сравнительных уровней производительности каждой из них в тех конкретных условиях, в которых протекает эта борьба во всем своеобразии ее проявлений на данном этапе развития и в данной стране.

Нам очень мало известно о первых ступенях дофеодального развития нашей страны. О временах кремневых орудий, первобытнообщинного строя и матриархата, в семейном быту славян нам открываются лишь немногие, полустертые веками следы. Но можно не сомневаться, что уже на этих первых ступенях в закономерной смене орудий труда и систем хозяйства — от охотничего быта к кочевому скотоводству, а затем и к оседлому земледелию — все решающие сдвиги на путях к феодализму были уже связаны с ростом производительности труда. О масштабах этих сдвигов можно судить хотя бы по следующим фактам.

Дикарям в еще не столь давние времена, чтобы свалить каменным топором одно лишь дерево, требовалось долбить его с адским терпением не менее «одной луны», т. е. около месяца, а железным топором его можно срубить и за полчаса, значит, в сотни раз легче и скорее. Можно себе представить, в какой мере это облегчило переход наших предков к условиям хотя бы самого примитивного подсечно-переложного земледелия.

А вот другой факт. Мы знаем, что земледелие даже в условиях рабского труда было продуктивнее патриархального кочевого скотоводства и потому повсеместно приходило ему на смену. Но уже во времена Римской империи опыт показал, что рабам для вспашки одного гектара на волах требуется не менее 16 дней, а оброчный колон на своей делянке вспахивает столько же земли вчетверо скорее. И всесильный рабовладельческий Рим сдал свои позиции полудиким «варварам», усвоившим, однако,

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 382.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 527.

раньше других столь ясные преимущества новой, феодальной системы хозяйства. В числе этих «варваров», как известно, были и славяне.

Только в пристальном изучении прошлого мы находим объективную мерку тех масштабов и темпов развития, какие столь характерны для мощных сдвигов и грандиозных социальных преобразований нашего времени. Только изучив прошлое, мы сможем и в настоящем четко отличать пережитки от зачатков будущего. А эти пережитки тянут нас назад. Их необходимо преодолевать. Вот почему для борцов за лучшее будущее даже на страницах далекого прошлого зажигаются путеводные огоньки, ведущие вперед, в страну красных зорь грядущего.

В поисках этих огоньков обращался не раз и я к прошлому в предлагаемых ниже исторических очерках. Первые из них написаны уже много лет тому назад, другие совсем недавно. Но все они, как мне кажется, представляют все же известное единство в общем подходе к экономической истории нашего прошлого и задачам ее изучения. Мое внимание к тому же привлекали лишь наиболее интересные процессы развития и переломные моменты в истории нашей великой Родины. И уже поэтому хочется думать, что в нашей стране эти очерки найдут своего читателя.

I. О МЕРАХ ФЕОДАЛЬНОЙ РОССИИ [1]

Всяким экскурсам в область экономической истории любой страны должно предшествовать изучение мер, в которых фиксировались факты хозяйственного значения в данной стране на разных этапах ее развития. Нельзя забывать, что и меры, как и все другие явления, переживают во времени свою историю. И даже при неизменном наименовании конкретное их значение во времени и пространстве представляет зачастую величину весьма переменную. В древней России не было никакой Палаты мер и весов, где бы собирались и сохранялись образцовые эталоны всех имеющих в ней хождение единиц измерения. И за отсутствием такой исторической коллекции эталонов наша задача свести воедино все необходимые для нашего исследования сведения о них очень затрудняется.

Для сравнения с мерами древнейшей Руси мы будем отталкиваться от той системы эталонов, какая дожила до последних дней царской России в качестве *официально* установленных, «казенных» единиц измерения. Но, обращаясь к более глубокому прошлому, не следует забывать, что в этом прошлом далеко не всегда можно было среди большого многообразия бытовавших единиц измерения выделить такие повсеместно общепризнанные и узаконенные меры. В период феодальной раздробленности древнейшей Руси их и быть не могло, а в последующий, царский период Московского государства они только постепенно устанавливались центральной властью. Лишь в эпоху Ивана IV (ум. в 1584 г.) один из его опричников, немец Г. Штаден, подводя итоги деяний этого грозного царя, мог обобщить их в следующей формуле: «Нынешний великий князь достиг того, что по всей русской земле, по всей его державе одна вера, *один вес, одна мера*» [2]. Однако и столетием позже другой иноземец, швед Кильбургер, отмечал хождение в Московском государстве весьма различных мер областного происхождения. Под одним и тем же названием в разное время бытовали весьма различные меры местного или специального назначения. И разобраться в этом их многообразии — нелегкая задача, тем более, что в литературе по этому вопросу имеются довольно существенные расхождения мнений. Но все же важнейшие в этой области факты мы вкратце подытожили и можем предложить вниманию читателя.

1. МЕРЫ ЛИНЕЙНЫЕ

В дореволюционной царской России, как известно, узаконены были с Петровских времен следующие меры длины: 1 верста = 500 саженям, 1 сажень = 3 аршинам по 16 вершков, или 7 футам по 12 дюймов. При этом сажень равнялась примерно 2,13 *м*, аршин — 71,1 *см*. Футы и дюймы совпадали по величине с английскими мерами того же наименования и, очевидно, были ввезены Петром в Россию в связи с его практикой кораблестроения. Но аршин был известен и много раньше. В частности,

[1] «Вопросы истории народного хозяйства СССР». М., 1957.

[2] Г. Штаден. О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника. Перев. И. И. Полосина. М., 1925, стр. 113.

Кильбургер, посетивший Москву в 1674 г., сохранил нам на чертеже изображение четверти русского аршина того времени. Из этого чертежа аршин второй половины XVII в. определяется в 71,8 *см* [1]. По «Торговой книге», составленной не раньше 1575 г., 43 русских аршина равнялись 52 любским локтям, откуда аршин определяется в 69,8 *см*. Учитывая неизбежное колебание в длине отдельных кустарных экземпляров аршина и в точности их измерения, можно установить, что и в XVI—XVII вв. старый русский аршин в 70—71 *см* длиной не отличался заметно от новейшего, приравненного в XVIII в. 28 английским дюймам.

Судя по наименованию, русский аршин ведет свое начало с Востока, из Турции или Ирана через Закавказье. При этом турецкий «аршин», или «большой *локоть*», и по своей величине мало отличался от русского аршина, составляя 68,7 *см*, или 98,4% его длины по «Торговой книге» 1575 г.

Локтем как естественной мерой длины искони пользовались многие народы, в том числе и наши древнерусские соотечественники. В «Торговой книге» XVI в. записано равенство: «2 аршина будет 3 локтя», откуда длина русского локтя XVI в. определяется в 46,5 *см*. Известны и более длинные локти, например польский (до XVIII в.) — в 59,6 *см*, литовский — в 65 *см*. Локоть на Руси известен со времен «Русской Правды». В «Хождении игумена Даниила в Святую землю» начала XII в., между прочим, определены в локтях размеры так называемого гроба господня: длина — 4 локтя, ширина — 2 локтя. По более поздним измерениям тех же величин получаем равенства: 4 локтя XII в. = 41 новейшему вершку и 2 локтя = 21 вершку, откуда локоть XII в. составлял от 44,5 до 46,6 *см*, не отличаясь от своего значения и в XVI в. [2]

Казенная *сажень* в 3 аршина, официально узаконенная в Уложении 1649 г., употреблялась и раньше в этом значении *трехаршинной* меры. Например, в 1610 г. при разделе варниц одному из Строгановых досталась часть двора «мерою в длину... 40 сажен печатных, *трехаршинных»* [3]. Но наряду с нею очень долго бытовали и иные сажени, меньшей длины. Например, в источниках XVI—XVII вв. упоминается так называемая *трубная* сажень в «полтретья аршина 2 вершка», т. е. в 42 вершка; известны также так называемые *косая* и *маховая* сажени, связанные с ростом человека [4]. Вместе с тем заслуживает внимания, что узаконенная в Уложении 1649 г. сажень, «которая ...по государеву указу сделана в 3 аршина», названа *новою*. И это понятно, ибо аршин, пришедший на смену локтю, тоже *новая* мера, неизвестная нашим памятникам старше XVI в., а сажень известна уже памятникам XI—XII вв. И, по-видимому, *старая* сажень, до появления аршина, подразделяясь на локти, составляла 3 локтя. Косвенное подтверждение этому находим в древней надписи на так называемом Тмутараканском камне. Эта надпись свидетельствует, что ширина Керченского пролива, измеренного князем Глебом по льду в 1068 г., составляла от Тмутаракани до Корчева 14 000 «сажен». В трехаршинных саженях это составило бы около 28 верст, в трехлокотных саженях — около 18,67 версты, т. е. в 1,5 раза меньше. Современная нам ширина этого пролива — от Тамани до Керчи соответствует меньшей из этих величин. Таким образом, *старая* сажень не превышала 3 локтей (142,2 *см*), или 2/3 *новой*.

---

[1] Б. Г. Курц. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев, 1915, стр. 156. На стр. 382 приведен еще один чертеж, ошибочно названный четвертью аршина, но фактически дающий четверть стокгольмского локтя.

[2] Н. В. Устюгов. Очерк древнерусской метрологии.— «Исторические записки» 1946, № 19, стр. 301.

[3] Там же, стр. 321, 322.

[4] Косая сажень — от большого пальца левой ноги до среднего пальца вытянутой вверх правой руки — около 42 вершков, маховая — в размерах обеих горизонтально вытянутых рук — около 2,5 аршина.

Указанная в Уложении 1649 г. *путевая* верста составляла 500 новых, трехаршинных, саженей, или 1067 *м*. Но наряду с ней Уложение знает и другую, *межевую* версту специального назначения — для измерения крупных лесных и земельных площадей, равную 1000 саженей. А по Кильбургеру, во второй половине XVII в., т. е. уже после Уложения 1649 г., в Московском государстве бытовали и иные версты — в 520,8 сажени, в 651 сажень и др.[1] Однако в официальных документах, например в наказах писцам, уже со времени Ивана IV, по свидетельству Татищева, значилось: «...а верста *пятьсот* сажен царских»[2]. До XVI в. в версте, или «поприще», считалось по 7,5 стадий, или 750 саженей[3]. Но это, очевидно, были еще *старые* сажени, по 3 локтя, и, стало быть, длина путевой версты с переходом в XVI в. от локтя к аршину не изменялась.

2. МЕРЫ ПЛОЩАДЕЙ И ОБЪЕМА

В качестве основной *меры земельной площади* в царской России вплоть до Октябрьской революции дожила казенная десятина в 2400 квадратных саженей. В качестве же соответствующей ей объемной *меры сыпучих тел* следует назвать казенную *четверть*, равную 8 мерам, или четверикам, по 8 гарнцев в каждой мере. А соответствие между десятиной и четвертью выражалось в том, что на *одну десятину* посева основных хлебов (ржи или пшеницы) требовалась как раз *одна четверть* зерна на семена. Это соответствие, подтвержденное вековым опытом земледельцев, позволяло им размер своих земельных площадей выражать не в десятинах, а непосредственно в четвертях посева.

Казенная десятина равнялась 1,0925 *га*. Казенная четверть вмещала 209,9 *л* зерна весом около 8,7 пуда ржи или до 9,6 пуда пшеницы. В соответствии с этим *четверик*, равный 26,2 *л*, вмещал около 43,5 фунта ржи и *гарнец* в 3,28 *л* — до 8 фунтов воды или 5,4 фунта ржи.

В условиях ручного сева соотношение между площадью и мерой высева в зерне было весьма устойчивой величиной во времени и пространстве. Поэтому не только у нас, но и на Западе в феодальную эпоху «наблюдается своеобразный параллелизм между мерами сыпучих тел и мерами поверхности; название последних нередко происходило от названия той меры зерна, которая требовалась для посева на данной площади»[4]. Например, на севере Франции XIII века участок земли, именуемый «буастелэ», требовал для посева одного «буассо», или бушеля, зерна; участок поля, именуемый в Артуа «манкодэ» и равный 0,22 *га*, засевали одним «манко» овса[5]. Там же один акр площади приравнивался одной мезюре («мере»)[6]. В Италии около 1300 г. на один римский югер высевалась одна мера пшеницы, ржи или ячменя[7].

К сожалению, нам не всегда известно реальное значение и происхождение этих мер площади и объема. Но любопытно отметить, что римский югер с древнейших времен «представлял площадь, которую можно было вспахать парою волов в один день»[8]. В Германии основная земельная мера — морген, сменившая собою римский югер, первоначально употреблялась в том же значении, т. е. как величина пашни, которую можно

---

[1] Б. Г. Курц. Указ. соч., стр. 69.

[2] И. Н. Миклашевский. К истории хозяйственного быта Московского государства, ч. I. М., 1894. стр. 29.

[3] Н. В. Устюгов. Очерк древнерусской метрологии. — «Исторические записки», 1946, № 19, стр. 304. По метрологии Петрушевского, древняя Русь знала версты и в 700 саженей (стр. 436).

[4] «Агрикультура в памятниках Западного средневековья». М.—Л., 1936, стр. 183.

[5] Там же.

[6] Там же, стр. 173.

[7] Там же, стр. 306, ср. стр. 313, 316.

[8] Там же, стр. 303. Jigum буквально означало — ярмо, упряжку.

вспахать за один день работы. Английский акр первоначально тоже означал площадь земли, обрабатываемую за день парой быков. В Грузии чуть не до наших дней бытовала мера земельной площади, именуемая «днем пахоты». Тесная связь всех этих единиц измерения площади с трудоемкостью пахоты очевидна. Тем не менее в Риме времен Плиния (I век н. э.) югер не превышал 0,25 *га*, в средневековой Германии мы встречаем уже морген на Рейне в 0,31 и на Мозеле — в 0,34 *га*, в Англии XIII в. акр равен 0,40 *га*, а в Грузии «день пахоты» достигал уже около 0,5 *га*. И это, между прочим, свидетельствует о росте производительности земледельческого труда.

Измерялись югеры и моргены еще в XIII—XV вв. попросту «шагами присяжных землемеров» или веревкой в 16 шагов, известной в Германии под именем «руты», или «виргаты». И хотя требовалось, чтобы шаги были «обыкновенные, как ходят перед церковью» [1], это не могло обеспечить особой точности таких измерений. И не удивительно, что мерами высева можно было определить размер пашни не хуже, чем шагами. Сравним хотя бы такой факт. Английские агрономы XIII в. утверждали, что пшеницы «высеять надо на акр *по меньшей мере* два бушеля» [2]. В переводе на русские меры XX в. такой высев составит «по меньшей мере» 0,94 четверти на десятину, а с учетом того, что каждый восьмой бушель насыпался при этом с *верхом,* «горой» [3], этот высев на десятину приблизится еще на 5—6% к полной четверти. Таким образом, английскую норму высева XIII в. не отличишь от русской даже семь веков спустя.

Однако русские меры площади и емкости сыпучих тел не оставались неизменными на протяжении веков.

В частности, мера площади, именуемая десятиной, появляется в наших памятниках, по-видимому, не раньше XV в. [4] В писцовой книге Вологодского уезда 1503 г. находим запись о высеве на *десятину*: «Сеяли на десятине по 2 четверти ржи. а яри вдвое» [5]. В новгородских писцовых книгах конца XV в. земля измерялась еще непосредственно объемными мерами высева — коробьями. В наказе XVI в. времен Ивана Грозного писцам сошного письма, по свидетельству Татищева, «*десятина* написана в длину и в ширину *десятая* доля версты, а верста 500 сажен царских, и в *десятине* числить *две четверти*». Из этого определения уясняется происхождение наименования «десятина». Но уже в XVI в. нормальный размер казенной десятины определялся в 2400 *кв.* саженей [6].

Тот же размер указной десятины находим в царской грамоте 1623 г., адресованной в Белгород: «А пашню... велел измерить в десятины, а десятину велел мерять в длину по 80 сажень, а поперег по 30 сажень» [7]. В «Книге сошного письма» 1629 г. площадь десятины указывается тоже в 2400 саженей [8], т. е. в той же величине, какая за ней сохранилась и до XX в. Однако если на одну десятину XVI в. сеяли две четверти ржи, а в последующие века — одну, то это объясняется удвоением объема четверти. В Псковской летописи под 1601—1602 гг. читаем: «А четверть была старая невелика, против нынешней вдвое менши» [9]. И это удвоение новой

---

[1] «Агрикультура в памятниках Западного средневековья», стр. 346.

[2] Там же, стр. 199. Акр принимаем в 0,4 *га*, или 0,367 десятины, бушель — 36,3 *л*. или 0,1732 русской четверти. По весу бушель зерна равен 28,6 *кг*, откуда высев на 1 *га* равен 143 *кг*, а на десятину — 156 *кг*, или 9,5 пуда пшеницы.

[3] Там же, стр. 198.

[4] «Акты исторические», т. I, 1490, № 100, стр. 11.

[5] П. Н. Милюков. Спорные вопросы финансовой истории Московского государства. СПб., 1892, стр. 40, 59.

[6] Н. Рожков. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI веке. М., 1899, стр. 499.

[7] И. Н. Миклашевский. Указ. соч., стр. 35.

[8] «Временник Московского общества истории и древностей российских», кн. 17. М., 1853. стр. 56.

[9] «Полное собрание русских летописей» (далее — ПСРЛ), т. IV. СПб., 1848, стр. 321.

четверти как меры сыпучих тел, по-видимому, теснейшим образом связано с появлением новой меры площади, казенной десятины, в XVI в.

* * *

В древнейшей системе русских мер сыпучих тел, как известно, наибольшей мерой со времени «Русской Правды» была бочка, или кадь. Она подразделялась на два половника, на четыре четверти, на восемь осьмин. Кади также и «оковами звауху; оковаху бо по верху тоя кади железным обручом, для тово, что бы не лзя ея урезати»[1]. В Пскове кадь, по-видимому, бытовала под именем зобницы[2]. В Литовской Руси она дожила до XVI в. под именем бочки[3]. До конца XVI в. (1577—1590 гг.) бочка бытовала в торговле хлебом и кое-где на севере России. Но основной мерой в торговле XVI в. была уже четверть[4]. В Новгороде XV—XVI веков наиболее употребительной, впрочем, оказалась не четверть, а мера, именуемая здесь коробьей[5]. Однако новгородская система мер не столь уж ясна. Так, например, еще Карамзин, Лешков и Аристов принимали коробью XV в. равной четверти древней кади[6]. Соколовский приравнивал ее новейшей, т. е. уже удвоенной московской четверти в 8 четвериков[7]. А Никитский определял объем ее в две новые или четыре древние четверти по 4 четверика[8]. При этом, принимая вес московской четверти ржи XVII в. в 6 пудов, Никитский должен был бы вес коробьи, равной двум таким четвертям, определить в 12 пудов ржи, а между тем он определяет его в 7 пудов, впадая таким образом в явное противоречие со своей собственной оценкой веса новой московской четверти. Вес древней кади в четыре четверти принимается им на стр. 6 в 14 пудов, откуда коробья в 7 пудов весу равна половине кади. Но уже на стр. 8, опираясь на писцовые книги 1495 г., Никитский утверждает, что «четверть, очевидно, была четвертою частью коробьи», и, таким образом, приравнивает коробью в четыре старые четверти полной кади в 14 пудов, откуда получаем нелепое равенство: 7 пудов = 14 пудам.

---

[1] «Русские достопамятности», ч. I. М., 1815, стр. 177.

[2] Н. В. Устюгов. Очерк древнерусской метрологии.— «Исторические записки», 1946, № 19, стр. 315. Но Н. М. Карамзин и В. Лешков приравнивали зобницу осьмине (В. Лешков. О народном продовольствии в древней России. М., 1854, стр. 37).

[3] В Литовском статуте 1588 г. узаконенной клейменой мерой хлеба была бочка «в четыри корцы» — «без верху и без тресения, але подстрих» (Разд. 3, арт. 36). Там же даются указные цены пшеницы — за копну полполтины, а за бочку «вдвое», двум «копнам» приравнивается одна «бочка» и других хлебов. В другой редакции того же статута находим иные расценки: «Жыта копа — двадцать грошей. А бочка жыта — двадцать чотыри грошы».— («Временник Московского общества истории и древностей российских», кн. 19. М., 1854, стр. 76—77). А в Литовском статуте 1529 г. и пашня измерялась бочками высева, расцениваясь, «земля пустовская — пят коп грошей, а пашни дворное бочка земли навозное — полкопы грошей, а не навозу — полтретядцать грошей, а сеножати на воз сена — по пятнадцати грошей» (Разд. 9, арт. 20). Литовский рубль = 10 гривнам = 100 грошам.

[4] А. Г. Маньков. Цены и их движение в Русском государстве XVI века. М.—Л., 1951, стр. 28. К сожалению, Маньков не определяет размера четверти XVI в.

[5] А. И. Никитский утверждал, что «в Новгороде совсем не было четверти, как самостоятельной меры» («К вопросу о мерах древней Руси». СПб., 1894, стр. 21). Однако этому мнению противоречит и свидетельство Кильбургера и др. В частности, из новгородских поместных грамот видно, что еще в 1571 г. оброки крестьян взимались и коробьями «в старую меру» и четвертями и осминами «в старую меру» и четвертями же, «с обжи по шти четвертей ржи» — «в новую меру» (И. И. Смирнов. К вопросу о мерах в Московском государстве XVI века.— «Ученые записки Ленинградского государственного университета». Серия исторических наук, вып. 5. Л., 1939, стр. 23; Д. Я. Самоквасов. Архивный материал, т. II, ч. 2. М., 1909, стр. 32, 52, 132).

[6] Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. VI. СПб., 1854, стр. 35; Н. Аристов. Промышленность древней Руси. СПб., 1866, стр. 290.

[7] Считая в древней «четке» по 2 четверика (А. И. Никитский. Указ. соч., стр. 9).

[8] Там же, стр. 11

Из писцовых книг Деревской пятины, составленных около 1495 г., действительно можно вывести, что коробья здешних мест при учете оброков хлебным зерном равнялась четырем «четкам», или «четверткам», и 16 «четверникам» [1]. Но отождествление этих местных четок и четверников с московскими четвертями и четвериками у Никитского совершенно произвольно, что и привело его к нелепым выводам. Более правдоподобно мнение, по которому коробья равнялась *половине* древней кади, или двум старым новгородским четвертям. Но вполне достоверных данных о размерах этих мер в период новгородской независимости, до 1478 г., у нас нет, поскольку показания Кильбургера о новгородской четверти относятся к значительно более позднему времени.

С подчинением Новгорода Москве «старая коробья», как и новгородская четверть, теряют свое прежнее значение. В новгородских писцовых книгах XVI в. московские писцы пользуются коробьей в *новую меру*, которая в сошном письме приравнивается ими двум московским «четям» высева или одной десятине. Высев на десятину ржи составлял около одной удвоенной четверти весом свыше 8 пудов. Таков, значит, был и вес *новой* коробьи XVI в.

К началу XVII в. бочки и коробьи, по-видимому, вовсе вышли из употребления, московская четверть удвоила свой объем, а вместе с тем изменилась вся система мер емкости. В одном памятнике под 1601 г. читаем: «А прежние меры, которые имянуеми четверти, то бывало *четвертая* доля бочки, или кадки... а осьмину имяновали осмую долю бочки». В новой же системе по «Торговой книге» 1575—1610 гг. сохраняется лишь удвоенная четверть с делением на две осьмины по четыре меры, или четверика. О емкости «прежней» четверти мы имеем прямое свидетельство англичанина Д. Флетчера, побывавшего в Москве в 1588 г. Свидетельствуя об избытке здесь хлебов, он пишет, что пшеница «продается иногда по два алтына, или по десяти пенсов стерлинг *четверть*, которая равняется *почти трем английским бушелям*» [2]. По метрологии Петрушевского старый английский бушель обыкновенный равнялся 1,361 русского четверика, винчестерский — 1,343 четверика, три таких бушеля не превышали, стало быть, 4,04 четверика. И если «прежняя» четверть XVI в. была все же *меньше* 3 бушелей, то в ней можно считать ровно 4 четверика, или 105 *л*, т. е. с рожью весом до 71 *кг*, или 4 пуда 14 фунтов [3].

Составляя четвертую долю старой четверти, четверики, как явствует уже из их названия, возникли еще в старой системе мер емкости. И лишь с удвоением старой четверти четверик стал *восьмой* долей *новой* четверти в 210 *л* весом в зерне до 8 пудов 28 фунтов ржи или до 5 пудов ржаной муки.

Один из хронографов связывает появление четверика в качестве ходячей на русских рынках меры с голодом и дороговизной хлеба к началу XVII в. «Ржи четверть купиша тогда по 3 рубли и выше,— читаем мы под 1601 годом.— И *от того времяни* начаша на Москве и во всех городех Русьских всякое жито *четвериками* покупати, а *четверик* имянуется *осмая* доля четверти» [4]. К этому мнению примыкает и Никитский на стр. 18 своей статьи и ссылается при этом на документ, удостоверяющий, что уже в 1591 г. муку измеряли четвериками. Но если четверик был в ходу уже в 1591 г., за 8 лет до голода, то нет никаких оснований связывать его появление с голодом 1599—1601 гг. Новая (удвоенная) четверть, в 8 чет-

---

[1] «Новгородские писцовые книги» (далее — НПК), т. II. СПб., 1862, стр. 841—843.
[2] Д. Флетчер. О государстве Русском. СПб., 1906, стр. 14.
[3] Рожь насыпью не превышает по весу 68—69% веса воды в том же объеме.
[4] «Русские достопамятности», ч. I. М., 1815, стр. 176—177. Сравнить «Новгородския летописи» под 1599 г.: «...был глад велик в Московском государстве по три лета, и покупали ржи четверть кади по три рубли и выше» (Издание Археографической комиссии. СПб., 1879, стр. 454).

вериков, *в качестве меры емкости* вошла в употребление «во всех городах русских» не позже *начала* XVII в. Но в качестве *земельной* меры «четь сошного письма», по свидетельству С. Б. Веселовского, и позже, в XVII веке, сохраняла свою начальную величину *полудесятины* соответствующую высеву зерна в объеме *старой* четверти в 4 четверика [1].

В подобном же двояком значении бытует и новгородская коробья XV—XVI вв. И приходится четко различать старую коробью, времен новгородской независимости — до 1478 года, от новой коробьи — царской эпохи. Мы знаем, что в XV в., не позже 1462 г., коневой корм чернoборцами взимался еще коробьями «в старую меру», в «Актах юридических» 1556 г. мы находим уже «хлеба ржи и овса пять коробей, в *новую* меру», а в 1588 г., когда крестьяне занимают у Вяжицкого монастыря коробью овса тоже «в новую меру», определяется и ее величина в 4 «осмины» [2]. Однако здесь еще неясно, какими осьминами измерял монастырь свой хлеб, давая его в ссуду своим крестьянам,— отдаточными или приимочными и во сколько именно четвериков. Но еще в грамоте от 26 января 1556 г. содержится приказ новгородским дьякам выдавать хлебное жалованье невельским пищальникам вместо 12 коробей по 12 четвертей ржи и овса «в новую меру, а не коробьями» с оговоркой: «А что *лишка* им хлеба вышло за новою мерою, за четвертью, и вы б тот хлеб на них доправили» [3]. Из данной оговорки видно, что указная замена коробьи четвертью не ставила своей задачей увеличить или уменьшить нормы хлебного жалованья и что коробья к этому времени не отличалась уже заметным образом от новой четверти. В противном случае пришлось бы приравнять 12 коробей не 12, а 11, 10 или иному числу новых четвертей. Это подтверждает, что не только в качестве земельной меры, но и в качестве меры сыпучих тел *новая* коробья равнялась уже двум *старым* четям или одной *новой* московской четверти указанной меры.

Это не исключает, конечно, того, что наряду с такой *новой* коробьей, узаконенной в практике сошного письма, бытовала долго в *местном* обиходе и старая коробья с ее подразделениями.

«Вряд ли может подлежать сомнению,— замечает по этому поводу И. И. Смирнов,— что эволюция коробьи от «старой» к коробье «новой» меры заключается в том, что, сохраняя свое существование как особой меры, коробья *изменяла* свою величину, приспособляясь к московской мере — четверти» [4]. Но в качестве *поземельной* меры высева московская четверть, равная полудесятине, сохраняла это свое значение в течение всего XVI в. А московские писцы, приравняв коробью двум «четям» сошного письма, т. е. одной десятине или 8 четверикам высева, сохранили и за *коробьей* высева это значение в течение всего XVI в. Так, например, в писцовой книге Шелонской пятины 1581—1582 гг. зафиксировано такое равенство: «пашни паханые 17 коробей с полукоробьею, а четвертные пашни 35 чети» [5]. А из писцовых книг Вотской пятины 1500 г. видно, что и к началу XVI в. *обжа* в 10 четей или 5 *десятин* земли приравнивалась примерно *пяти коробьям* высева ржи в одном поле [6]. Таким образом, и в конце и в начале XVI в. новгородская коробья высева не превышала *двух*

---

[1] С. Веселовский. Сошное письмо, т. 2. М., 1916, стр. 363.

[2] «Акты Археографической экспедиции» (далее — ААЭ), т. I, № 32, стр. 24; «Акты юридические». СПб., 1838, за 1556 г., стр. 196, за 1588 г., стр. 267.

[3] «Дополнения к Актам историческим», т. I, № 91. СПб., 1846, стр. 143.

[4] И. И. Смирнов. К вопросу о мерах...— «Ученые записки ЛГУ». Серия историческая, вып. 5, стр. 29.

[5] К. А. Неволин. О пятинах и погостах новгородских в XVI веке. СПб., 1853, в прил. III, стр. 73.

[6] В 158 селениях этой пятины на 1008 дворов насчитано мною 878,5 обеж и в них 4380,5 коробей посева ржи (4380,5 : 878,5 = 5) (НПК, т. III. СПб., 1868).

старых московских четей в 4 четверика. Говоря иначе, она в процессе унификации мер полностью сравнялась с новой московской четвертью в 8 четвериков и тем самым вскоре выпала из новой общерусской системы мер.

* * *

В качестве древнейших мер земельной площади, бытовавших на Руси до XVI в., следует назвать плуг, новгородские обжу и сошку и московскую большую соху. Плуг и обжа, а затем и соха вместе с тем служили издревле и единицами поземельного обложения. В первоначальном своем значении они, конечно, были связаны с трудовыми процессами. В Софийской II летописи под 1478 г. сохранилось, например, такое пояснение новгородцев к словам «обжа» и «соха»: «Три обжи — соха, а обжа — один человек на одной лошади орет; а кто на трех лошадех и сам третей орет, ино то соха»[1]. Размер «плуга» в различных областях, по-видимому, определялся по-разному, что могло зависеть от качества почвы и размера обычной запряжки — от одной до трех пар быков. Более определенно размер этих поземельных мер определяется через высев. Во второй половине XVI в. с реформой сошного обложения, когда на смену малой новгородской сошки в 3 обжи пришла большая московская в 300 десятин доброй земли и более, *обжа* не позже 1566 г. стала всегда приравниваться «*десяти четям* доброй земли в поле, а в дву потомуж». «Четь» в качестве *земельной* меры принимается при этом равной *половине казенной десятины* в 2400 кв. саженей[2]. В 1573 г. писцы записывали, например: «По старому писму, *две обжи* земли, а по новой мере *10 десятин*, а четвертные пашни *20 четвертей* в поли»[3].

Отсюда заключаем, что обжа в одноконной упряжке соответствовала обычно 5 десятинам посева в каждом поле, а сошка на трех лошадях — 15 десятинам.

В ст. 58 «Русской Правды» по Карамзинскому списку находим указание и о размерах «плуга» в качестве земельной меры: «А в селе сеяной ржи на два плуга 16 кадей ржи ростовьских; а того на одно лето *прибытка* на 2 плуга 100 копен ржи...»[4]. В эпоху «Русской Правды» не было еще Московского княжества. Но Ростовские земли, унаследованные Москвой, принесли ей, по-видимому, с собой и свои хлебные и земельные меры. И если на 2 плуга сеяли 16 кадей ржи, или 64 старых чети, то по нормам высева сошного письма это соответствует 32 десятинам посева. На один «плуг» приходилось, стало быть, 16 десятин пашни в каждом поле, т. е. примерно столько же, как и в новгородской «сошке» XVI в., когда на 3 лошадях сам-третей запахивали, по-видимому, не свыше 15 десятин под ярь или озимь.

Н. В. Устюгов определяет размер «плуга» по нормам высева в 8 десятин[5]. Но это очевидный ляпсус, ибо в таком случае 32 старые четверти ржи на 8 десятин дают 4 старые или 2 новые четверти ржи, т. е. до 18 пудов высева на казенную десятину — *вдвое выше* норм высева, известных в нашей истории. Столь же необоснованно его заключение, по которому он определяет *плуг* «Русской Правды» в 5 десятин, исходя из ожидаемого «урожая» в 100 копен на 2 плуга и нормы укоса *сена* в 10 копен с десятины. Копны сена нельзя равнять копнам *хлебов*. Вместе с тем

[1] ПСРЛ, т. 4. СПб., 1853, стр. 217.

[2] И. И. Смирнов. К вопросу о мерах...— «Ученые записки ЛГУ». Серия историческая, вып. 5, стр. 27—28, 33—36; Д. Я. Самоквасов. Архивный материал, т. I, отд. 2. М., 1905, стр. 2, 3, 41.

[3] «Русская историческая библиотека», т. 2. СПб., 1875, стр. 96.

[4] «Правда Русская», т. 1. М.— Л., 1940, стр. 353.

[5] Н. В. Устюгов. Очерк древнерусской метрологии.— «Исторические записки», 1946, № 19, стр. 306.

100 копен ржи на два плуга по тексту статьи не весь ожидаемый *урожай* а только «прибыток на одно лето», т. е. *чистый* сбор за вычетом семян. Весь урожай составит, стало быть, 100 копен прибытка плюс 16 кадей зерном на семена. По отчетным данным XVII в., у боярина Морозова из копны ржи намолачивалось не свыше 0,64 новой (удвоенной) четверти[1]. Приняв эту норму и для времен «Русской Правды», мы получили бы весь сбор на 2 плуга в 64 + 32 = 96 четвертей, что соответствует норме урожайности сам-третий. Из расчета на десятину это дало бы не свыше трех (96 : 32 = 3) четвертей, или около 26 пудов, зерна. При допущении Н. В. Устюгова, что плуг не превышал 5 десятин (вместо 16), тот же сбор выразился бы совершенно неправдоподобной для феодальной агротехники цифрой — свыше 83 пудов зерна на десятину.

* * *

В XVII в. новая система мер Московского государства, по свидетельству шведа Кильбургера, включала такие меры сыпучих тел: «Четверть — самая большая мера. Осьмина — $^1/_2$ четверти. Четверик — $^1/_8$ четверти. 3 московские четверти, добавляет к этому Кильбургер, составляют 2 новгородские, а 1 новгородская составляет 2 стокгольмские тонны; псковская четверть немного больше новгородской, а четверть в Печоре в свою очередь немного больше псковской»[2].

Как видим, наряду с новой московской казенной четвертью в 8 четвериков, дожившей до XX в., в XVII в. бытовали еще и другие меры местного значения. Шведская хлебная тонна, или бочка, тоже по-разному определяется в разных источниках[3]. Но даже приняв наиболее скромную величину этой тонны — в 147 *л*, емкость новгородской «четверти» времен Кильбургера в 2 стокгольмские бочки составляет не менее 294 *л*. Объем московской четверти составит, по Кильбургеру, минимум 196 *л*, т. е. по весу ржи не менее 8 пудов 6 фунтов. С этим можно еще сопоставить показание другого источника. В «Торговой книге», восходящей в своей первой редакции к 1575 г., читаем: «Четверть, что слывет *вощаная* — 12 пуд». Иными словами, эта четверть уже в XVI в. вмещала в себя 12 пудов воска. Учитывая удельный вес воска, равный 0,96 воды, в такую четверть вошло бы 12,5 пудов (12 : 0,96), или свыше 204 *кг*, а ржи в зерне — около 8 пудов 17 фунтов. Конечно, вес четверти ржи в зависимости от ее влажности и других условий колеблется от 308 до 382 фунтов. т. е. на десятки фунтов и выше и ниже средней нормы. Но 8 пудов ржи — это все же не 6 и не 4. Говоря иначе, не приходится сомневаться, что речь здесь шла уже об *удвоенной* восьмипудовой четверти емкостью в 8, а не в 4 четверика.

* * *

Этот момент удвоения казенной русской четверти Ключевский относит ко второй половине XVII в. В первой половине XVII в. в Москве он находит еще в быту четырехпудовую четверть, равную позднейшей осьмине. В подтверждение этого им приводятся, в частности, следующие данные о весе печеного хлеба в Москве, выпекаемого из одной четверти ржаной муки. По данным указанной книги «о хлебном и калачном весе» 1626—1631 гг., видно, что по опыту 1626 г. из четверти самой дешевой муки

---

[1] По нормам XX в. из копны в 52 снопа умолачивается еще меньше — в среднем около половины четверти.

[2] Б. Г. Курц. Указ. соч., стр. 156.

[3] По метрологии Петрушевского 1831 г., она с насыпью зерна верхом не превышала 5,6 русских четвериков (147 *л*). В. О. Ключевский («Русский рубль XVI—XVIII вв. и его отношение к нынешнему». Сочинения, т. 7, стр. 176) определяет ее в 6,38 четверика (167 *л*), французский словарь 1839 г.— в 6,77 четверика (177 *л*). Данные XVIII в. из других источников подтверждают цифру Петрушевского.

ценою в 6 алтын 4 деньги выпекалось не менее 298 фунтов хлеба. Вычитая из этого веса на припек по нормам того времени до 50%[1], получим чистый вес четверти муки около 199 фунтов (298 : 1,5 = 199), т. е. до 5 пудов[2]. Ключевский почему-то считал, что мука *тяжелее* зерна и что в «четырехпудовую четверть» входит до 5,4 пуда муки (стр. 183). На деле же мука по своему весу в четверти, как известно, составляет едва 56% веса ржи в зерне. И если в четверть 1626 г. входило до 199 фунтов муки, то более плотной *ржи в зерне* вошло бы до 355 фунтов (199 : 0,56 = = 355), или 8 пудов 35 фунтов. Таким образом, вопреки мнению Ключевского эти данные как раз подтверждают хождение в Москве *удвоенной* четверти в 8 четвериков уже в первой половине XVII в. Такая же четь муки весом в 5 пудов и, стало быть, емкостью в 8 четвериков имела хождение в Новгороде в 1714 г., а на Урале — уже в 1605—1606 гг.[3] Как явствует из приведенного выше свидетельства летописи, удвоенная четверть в 8 четвериков общеизвестна была уже и в 1601 г. Ее наличие удостоверено и «Торговой книгой» 1575—1610 гг.

Когда же она получила свое начало?

О замене старой четверти *новой* мы находим целый ряд грамот еще от времен Ивана IV. Наиболее ранняя из них от 21 декабря 1550 г., отправленная на Двину, предписывая изъятие старых мер, предлагает всем людям, купцам и продавцам под угрозой штрафа всякое жито мерить в *новые* меры, образцом которых должна стать присланная на Двину медная *осьмина,* т. е. половина четверти. В той же грамоте царь извещает: «А таковы есми меры послали во все свои городы ровны»[4]. Известна также Орешковская таможенная грамота 1563 г., где «новая мера» названа «четвертью», с таким же запретом: «...а в *старую* меру хлеба не продовати, не купити»[5]. А еще одна грамота Ивана IV на Белоозеро от 18 февраля 1566 г. Кирилло-Белозерскому монастырю устанавливает и соотношение между старой и новой мерой в данном районе, а именно 500 четвертей ржи «в старую меру» равно 375 четвертям в «новую меру»[6]. И если новой мерой была московская четверть в *восемь* четвериков, то из отношения 500 : 375 = 1,33 явствует, что *старая четверть* на русском Севере вмещала (8 : 1,33) *шесть* четвериков, отражая в себе, по-видимому, *местную* систему мер всей Новгородской области.

В подтверждение сказанного можно сослаться еще на следующие документы. Из указа 1624 г., по которому новая московская мера — медная орленая осьмина рассылалась во все города, видно, что эта *осьмина* подразделялась уже на «полуосьмины и четверики»[7]. Значит, новая четверть, равная двум осьминам, вмещала уже 8 четвериков. А в 1672 г. новгородские стрельцы, ссылаясь как раз на этот указ 1624 г., жалуются, что со времени польского похода им незаконно уменьшена выдача хлебного жалованья, и бьют челом государю о том, чтобы это жалованье *по-прежнему* выдавалось им полностью — «четь за три полуосьмины» — в московскую орленую меру, присланную в Великий Новгород, в таможню, еще в 1624 г. Из этой жалобы ясно, что местные власти вместо московской меры стали выдавать хлеб стрельцам в какую-то иную, очевидно местную,

---

[1] «Из пуда ржаной муки печеных решетных хлебов выходит 1 пуд 20 фунтов» (Н. Аристов. Указ. соч., стр. 292).

[2] В. О. Ключевский. Указ. соч., стр. 182—183.

[3] «Акты, относящиеся до юридического быта древней России» (АЮБ), т. 2, № 189, 190. СПб., 1864, стр. 589, 591.

[4] «Дополнение к Актам историческим», т. I, № 45, стр. 63.

[5] Там же, т. I, № 116, стр. 166.

[6] И. И. Смирнов. К вопросу о мерах...— «Ученые записки ЛГУ». Серия историческая, вып. 5, стр. 37.

[7] Н. Никольский. Кирилло-Белозерский монастырь (1397—1625 гг.), т. 1, вып. II. СПб., 1910, стр. 257—258.

четь, значительно меньшего объема. Дано и соотношение этих мер. Новая московская четверть в 8 четвериков вмещала 2 осьмины, или 4 *полуосьмины*, а местная, новгородская, как видно, только 3 *полуосьмины*, или 6 четвериков. Жалоба стрельцов была признана правильной, «и по его-де великого государя указу... велено давати хлебное жалованье по вся годы против московския таможенныя орленыя меры, за *шесть четвериков — четверть»* [1]. И тут, стало быть, подтверждается то же соотношение между новой московской четвертью и старой новгородской — 4 : 3 = 1,33, какое было узаконено еще в грамоте 1566 г. на Белоозеро.

Все эти факты доказывают, что унификация мер, предпринятая Иваном IV, в масштабе всего Московского государства *началась* не позже 1550 г. В этом можно вполне согласиться с выводами И. И. Смирнова [2]. Но, конечно, и после этого года наряду с новой московской казенной четвертью еще долго бытовала в разных местах и старая и разные другие. В частности, в отдаленное Верхотурье новая «казенная медяная осьмина», в которую дают хлебное жалованье «на Москве и в иных городех», послана только в 1599 г. [3] А в 1624 г. снова подтверждается решение «*во всех городех* Московского государства учините меры меденыя, ровно против нынешния московския меры, какова мера ныне на Москве сделана под гребло» [4]. Рассылались новые меры на места в 1679 г. Но и позже в Сибири еще долго бытовала *старая* «четырехпудная» четверть. В Илимском воеводстве, по свидетельству В. Шерстобоева, «восьмипудовая» четь в 8 четвериков сменила старую «четырехпудовую» только с 80-х годов XVII в. [5] До Якутки *новая* мера «в московскую осмипудную четверть» докатилась, по-видимому, лишь к 1691—1693 гг. [6] Но *узаконенной* эту новую казенную четверть следует считать все же не со второй половины XVII в. и даже не с 1624 г., а с первой же о ней грамоты 1550 г.

Других указных мер за XVI—XVII вв. нам неизвестно.

* * *

Однако имеются попытки вместо этой «осьмипудовой» указной четверти, пришедшей на смену старой — четырехпудовой, установить иное удвоение этой меры по весу — с 3 до 6 пудов [7].

Из советских историков идею о шестипудовой четверти как основной узаконенной единице измерения объема сыпучих тел в XVII в. выдвинул Н. В. Устюгов, а затем ее поддержали Л. В. Черепнин и др. [8] Но шестипудовый вес этой четверти подтверждается Устюговым только ссылкой на сильно устаревшее исследование Никитского 1894 г. А у Никитского на стр. 5 его статьи мы находим о московской удвоенной четверти лишь *обещание*: «Как мы увидим *впоследствии,* позднейшая четверть равнялась для ржи *6 московским пудам*»... Отсюда он тут же заключает, что *старая* четверть до удвоения весила 3 пуда или несколько больше — пред-

[1] «Дополнения к Актам историческим», т. VI, стр. 210; А. И. Никитский. Указ. соч., стр. 22.

[2] И. И. Смирнов. К вопросу о мерах...— «Ученые записки ЛГУ». Серия историческая, вып. 5, стр 24.

[3] «Акты исторические», т. II, № 27. СПб., 1841, стр. 25.

[4] ААЭ, т. III, № 151. СПб., 1836, стр. 217.

[5] В. Н. Шерстобоев. Илимская пашня, т. 1. Иркутск, 1949, стр. 168. Фактически старая четь в 4 четверика весила в Илимске до 4 пудов 23 фунтов.

[6] В. И. Шунков. Меры сыпучих тел в Сибири XVII в.— Сб. «Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия». М., 1952, стр. 170.

[7] Н. В. Устюгов. Очерк древнерусской метрологии.— «Исторические записки», 1946, № 19, стр. 313.

[8] Н. В. Устюгов. Очерк древнерусской метрологии.— «Исторические записки», 1946, № 19, стр. 313; Л. В. Черепнин. Русская метрология. М., 1944, стр. 42, 66, 67; В. И. Шунков. Меры сыпучих тел...— Сб. «Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия», стр. 167.

положительно $3^1/_2$ пуда. Однако «впоследствии», на стр. 11, без всяких новых обоснований такого веса Никитский пишет: «Так как нам *уже известно*, что московская четверть XVI в. содержала в себе по весу $3^1/_2$ московских пуда, то коробья, как *вдвое бо́льшая* величина, должна заключать в себе таких пудов це́лых семь». Такую аргументацию нельзя признать убедительной. А в дальнейшем, приравняв эту коробью (1588 г.) уже *четырем четвертям*, или 16 четверикам, он уже и старую четверть в четыре четверика определяет вместо $3^1/_2$ в $1^3/_4$ пуда, а четверик — в $^7/_{16}$ пуда, или $17^1/_2$ фунта [1].

Все это явно противоречит конкретным свидетельствам о размерах старой и новой четверти Флетчера и Кильбургера, показания которых совершенно напрасно игнорируются Никитским. Вместе с тем при *удвоении* четверти по объему, по весу ржи она у Никитского возрастает с $1^3/_4$ пуда, или 70 фунтов, до 6 пудов, или 240 фунтов, т. е. в 3,43 раза. Явление заведомо ничем не объяснимое и не оправданное.

Несомненно, что в Московской Руси XVI—XVII вв. имели хождение весьма многоразличные меры, именуемые четвертью: боярские и торговые, таможенные и государевы казенные, приимочные и отдаточные, с насыпью верхом и под гребло. В их числе бытовали четверти и в *6* четвериков весом около *шести* пудов ржи. Но никто не установил, что именно шестипудовая четверть была *узаконенной*, официальной мерой. И, в частности, сам Никитский утверждает, что в качестве той меры, какой *взимались* все хлебные доходы государства, «казенная мера была совершенно тождественна с таможенною, содержала одинаковое количество четвериков, т. е. *полных восемь*» [2]. Значит, *полная* казенная четверть в 8 четвериков весила не менее 8 пудов. Но наряду с такой полной четвертью, известной под именем «приимочной», практика феодальной эпохи знала и другие, неполные четверти разной величины, именуемые «отдаточными».

Корни этой практики освещаются методами феодальной эксплуатации крестьянства, вынужденного в неурожайные годы слишком часто прибегать к семенным и продовольственным хлебным ссудам у своих помещиков. Узаконенной нормой ссудного процента в XV—XVI вв. были по формуле «как идет в людех, на пять-шестой» 20% [3]. Но в хлебных ссудах эта норма повышалась до 25% [4] и много выше (до 100%). Для этого существовали разные меры. Хлебные ссуды и хлебное жалованье людям измерялись феодалами в урезанную «отдаточную» меру «вровно», а возврат ссуд, посопный хлеб, которым облагались крестьяне, а также все хлебные доходы царской казны взимались в полную «приимочную» меру с *верхи́*. По аналогии с ссудами и всякие другие хозяйственные затраты, например на семена в собственном хозяйстве, учитывались в отдаточную меру, а поступления, например умолот урожая, приходовались в приимочную меру. И эта двойная бухгалтерия вполне устраивала феодалов.

Отношение приимочной четверти к отдаточной, как и аппетиты крепостников, не были постоянными. Но менялись при этом обычно лишь отдаточные меры. В практике казенных операций с хлебом чаще всего встречаемся с отношением этих мер по числу четвериков, равным 8 : 6 с обычным уточнением, что в приимочной мере *восемь* четвериков, а в отдаточной — шесть. Но нужно еще учесть «верхи», с которыми насыпа-

---

[1] А. И. Никитский. Указ. соч., стр. 11.

[2] Там же, стр. 22. В качестве *торговой меры* таможенная четверть обычно *превышала* казенную, иногда даже в несколько раз. Например, в 1620 г. казной было закуплено на корм ратным людям в Брянске 250 четвертей «в таможенную меру», равных в пересчете $906^1/_4$ четвертям «в казенную приимочную меру», или $1093^3/_4$ четвертям «отдаточной» меры (И. Н. Миклашевский. Указ. соч., стр. 229).

[3] «Акты юридические», № 243, 244, 245, стр. 264—265.

[4] «А рост нам давати на четыре пятое зерно» («Акты юридические», № 239, стр. 262).

лись приимочные меры. Например, из «Росписи государева десятинного хлеба» на Ельце за 1624/25 г. видно, что 443 чети «в государеву приимочную меру, четь в 8 четвериков с верхи» составили 701,5 чети «в отдаточную меру, четь в *шесть* четвериков вровно»[1]. За счет *верхов* отношение 8 : 6 возрастает уж до 9,5 : 6 = 1,59. В том же 1624/25 г. в новгородском крае воевода Ромодановский собрал за год вместо денег хлеба 1909 четей ржи «в приимочную меру». А в отдаточную меру того хлеба оказалось 3818 четвертей, т. е. ровно вдвое больше, что соответствует уже отношению 8 : 4, или 2 : 1. А в 1659 г. другой новгородский воевода, Куракин, установил у себя еще более жесткое отношение: 8 : 3, или 2,67 : 1, пользуясь при раздаче хлебного жалованья «раздаточной четвертью» в *три* четверика[2].

Но если отдаточные меры могли изменяться даже по произволу разных воевод, то ни одну из них нельзя признать *указной*, общегосударственной. В том числе не может быть признана указной и та отдаточная четверть в 6 четвериков весом около 6 пудов, которую принимают за норму для XVI—XVII вв. Н. В. Устюгов и др., тем более что со временем разные «отдаточные» меры *отпали*, а указная «казенная четверть» в 8 четвериков в качестве единственной официально признанной меры сыпучих тел дожила до наших дней.

* * *

В качестве мер емкости жидких тел в царской России дожило до XX в. казенное ведро с подразделениями на 4 четверти, 10 кружек, 20 бутылок (водки), 100 чарок, или 200 шкаликов. Оно вмещало 30 фунтов, или 12,3 *л*, воды. Были в ходу и бочки емкостью до 40 ведер вина, но они, употребляясь в качестве тары, не входили в систему мер.

В XVII в. бытовали различные ведра. Так, например, в 1621 г. царское жалованье сибирскому архиепископу в 100 ведер вина на год измерялось *дворцовым заорленым ведром* в 12 кружек[3]. Известно также, что ведро (олифы) в 1667 г. содержало 12 кружек по 20 чарок, причем такая кружка вмещала «по весу *три фунта*», а ведро в 12 кружек — 36 фунтов[4]. Можно еще указать, что 10½ ведра в такое «дворцовое приимочное орленое ведро» равнялись 16 «измайловским» ведрам в дворцовом селе Измайлове[5]. И если *дворцовое* ведро вмещало 12 кружек, то «измайловское» содержало лишь 8 кружек, будучи раза в полтора меньше. Такое же ведро в *8 братин, или кружек*, в торговле вином и пивом бытовало в Москве 1674 г., по свидетельству Кильбургера[6]. О том же, по-видимому, торговом ведре свидетельствовал и Павел Алеппский, побывавший в Москве еще в 1656 г., утверждая, что «ведро содержит около 8 стамбульских ок», а пуд равняется 13 таким окам[7]. Слово «око», заимствованное у татар, находим и в «Толковом словаре» Даля в значении «вес в *три фунта*». В таком случае торговое ведро и в 1656 г. вмещало 8 трехфунтовых кружек, а в общем не менее 24—25 фунтов воды.

---

[1] «Акты юридические», Белгородского стола, столбцы № 3931; И. Н. Миклашевский. Указ. соч., стр. 228.

[2] Н. В. Устюгов. Очерк древнерусской метрологии.— «Исторические записки», 1946, № 19, стр. 329, 330.

[3] Там же, стр. 342.

[4] «Материалы для истории русской иконописи», собранные Иваном Забелиным.— «Временник Московского общества истории и древностей российских», кн. 7. М., 1850, стр. 78.

[5] Иван Забелин. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст., ч. 1. М., 1918, стр. 565.

[6] Б. Г. Курц. Указ. соч., стр. 117, 527.

[7] Павел Алеппский. Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, кн. 3, стр. 79 («Чтения в Обществе истории и древностей российских...», кн. 4, 1898, стр. 13, 56—57).

Но указом 1652 г. вводится в употребление еще одно ведро для продажи казенных «питей» в 10 кружек по 10 чарок, причем эти новые чарки велено делать каждую в *три* старых. Эти казенные ведра, известные также под именем «государевых *восьмивершковых»*, получили широкое распространение. В частности, в 1673 г. казенное ведро пива и в Киеве содержало 10 кружек по 10 чарок, или ковшей [1]. Такое ведро, в 8 вершков высоты и $4^1/_2$—5 вершков в диаметре, по рассчету должно вмещать около 30 фунтов воды, или 10 кружек по 3 фунта. И, стало быть, по своим размерам оно ничем не отличается от того казенного ведра в 10 кружек по 10 чарок, какое дожило в царской России вплоть до революции.

В результате получаем для XVII в. такие размеры ведра: 1-й — Дворцовое в 12 кружек, вместимостью в 36 фунтов воды, 2-й — Казенное в 10 кружек, вместимостью в 30 фунтов воды и 3-й — Торговое в 8 кружек, вместимостью в 24 фунта воды.

Последнее из них было, по-видимому, наиболее ходовым в частнохозяйственном быту и в торговле.

Ведро на Руси как мера емкости известно с древнейших времен и упоминается впервые в Лаврентьевской летописи еще под 997 г. Но о вместимости этих древнейших ведер достоверных данных до нас не дошло. Во всяком случае соображения Прозоровского, по которым и древнейшее ведро вмещало 24 фунта воды, нуждаются еще в подтверждении.

* * *

О вместимости бочек XVI—XVII столетий можно привести следующие данные. «Торговая книга» 1575—1610 гг. различает смоленскую бочку и бочку-селедовку, служившую тарой не только для рыбных товаров, но и для солонины, пшеницы, семенного масла и других товаров. «Бочка-селедовка — по «Торговой книге» — чают 8 пудов будет», а в «смоленской бочке — полторы селедовки». Бочку-селедовку соленого мяса говяжьего рекомендовалось в этой книге «продати по 2 рубля».

В торговой практике того же времени, судя по закупкам монахов Белозерского монастыря, церковное вино закупали бочками по 15 ведер (1582 г.), масло конопляное — бочками в 12 ведер (1582 и 1606 гг.) и в 18 ведер (в 1726 г.) [2]. Но наряду с этим отмечены также покупки семенного масла на вес: одной бочки в 7 пудов (1606 г.) и двух бочек в $18^1/_4$ пуда, т. е. по 9 пудов весом (1607 г.). Если их вместимость определять торговым ведром в 8 кружек, или 24 фунта, то емкость более легкой из них составит около 12, а более тяжелой — не менее 15 ведер. Бочками же в огромном числе закупалась в монастырь рыба, но ни вес, ни объем их не указан. Возможно, что эти *рыбные* бочки приближались по своему объему к бочкам-селедовкам. В подтверждение этого можно сослаться на такие факты. В декабре 1581 г. монахи купили 2 воза рыбы — 400 щук и 100 лещиков за 4 руб. Воз сена у них считался в 20 пудов, но по зимнему пути с рыбой воз мог составить и до 25 пудов. В таком случае пуд такой рыбы стоит до 8 коп., а за *бочку* рыбы монахи в том же году платили от 40 до 68 коп. Значит, вес бочки с рыбой можно определить от 5 до 8 пудов, в среднем же по весу — до 6—7 пудов, а по вместимости — до 10 ведер торговых.

В 1606 г. монахи купили 22 *бочки ржи* по 65 коп. за бочку. Такая «бочка» обычно вмещала 4 старые четверти. Но цены ржи достигли (в 1607 г.) уже 33 коп. за четверть. Таких четвертей при цене бочки в 65 коп. могло в нее войти не больше двух. Говоря иначе, это были уже

---

[1] Н. В. Устюгов. Очерк древнерусской метрологии.— «Исторические записки», 1946, № 19, стр. 341—343.

[2] Н. Никольский. Указ. соч., стр. CCXII, CLVIII, 248.

новые (удвоенные) четверти, емкостью до 210 *л*. И «бочка» в две такие четверти вмещала до 1000 фунтов воды, или около 40 ведер торговых[1]. И в Петровскую эпоху у помещиков находим «бочки сороковые» — и с вином, и с хлебом емкостью «четверти в две». Четверть этой эпохи заведомо вмещала до 210 *л* воды, и, стало быть, считая по 40 ведер в бочке, каждое ведро вмещало около 24—25 фунтов[2].

В Новгородской области на грани XV—XVI вв. по писцовым книгам также известны были бочки с вином в 15 ведер и пивные — в 10 ведер, или 4 «насадки» по 2,5 ведра.

В XIV в. пользовалась еще известностью бочка меду весом 10 пудов. Учитывая удельный вес меда (1,416), вместимость такой бочки определялась в 116 *л*, или до 12 ведер по восьми кружек.

Можно еще упомянуть единицу объема «*ласт*», которая, по «Торговой книге», равнялась 12 бочкам по 6 пудов, или 72 пудам. По-видимому, ластами измерялась вместимость кораблей. В Пскове ласт *соли* весил от 12 до 14 берковцев. Удельный вес сухой соли не выше 2,17, но соль гигроскопична и за счет всегдашней влажности удельный вес ее заметно колеблется. Поэтому можно думать, что ласт «Торговой книги» в 12 бочек по 6 пудов вмещал 72 пуда *воды*. В таком случае вместимость каждой из них составляла ровно 10 торговых ведер по 24 фунта.

Таким образом, мы находим в обиходе XVI—XVII вв. бочки в 10, 12, 15 и 40 ведер. Самые крупные из них могли вместить старую кадь, или оков, в 16 четвериков ржи, бочка в 10 ведер, стало быть, вмещала одну московскую четверть в 4 четверика. «Смоленская бочка» в 15 ведер соответствовала при этом емкости новгородской старой четверти в 6 четвериков. Бочки в 12 ведер встречаются реже и, по-видимому, не связаны с системой хлебных мер.

3. МЕРЫ ВЕСА

Общепринятыми мерами веса в России XX в., как известно, были: берковец в 10 пудов, пуд в 40 фунтов, фунт в 32 лота, или 96 золотников, и золотник, равный 96 долям. Один пуд равнялся при этом 16,38 *кг*, а фунт — 409,51 *г*.

В XVII в. мы находим те же берковцы по 10 пудов и пуды в 40 фунтов, но вес их в разных областях страны еще заметно колеблется.

Например, новгородский берковец, по Кильбургеру, был меньше московского на 8 фунтов 72 золотника, а Псковский — на 10 фунтов 32 золотника. Карамзин и Ключевский находили к тому же, что московский пуд был больше того, который дошел до нашего времени в 16,38 *кг* на $^1/_6$ его веса. Но это последнее мнение не подтвердилось фактами.

В Музее истории и реконструкции Москвы хранится несколько гирь, найденных в Москве на территории Зарядья, возле деревянного подполья XV—XVI вв., во время раскопок 1949—1951 гг. Датируются они не позднее XVII в. Все эти гири железные, кованые, по форме напоминают усеченную пирамиду и снабжены коваными же ручками. Одна из них (по описи № 223), клейменая двуглавым орлом, отличается от других и числом граней (четыре вместо шести) и представляет для нас особый интерес — как «орленый», т. е. образцовый, экземпляр казенной меры веса. По любезному сообщению директора музея М. Г. Рабиновича, эта 10-фунтовая гиря до реставрации весила 4150 *г*, а после реставрации — около 4000 *г*. Трудно сказать, каков был в точности начальный вес этой гири.

---

[1] Кстати, в числе тары, закупленной монастырем, значится и одна «вересовая бочка в 40 *ведер*». Она стоила 7 алтын 2 деньги, в то время как «рыбные бочки» обходились по 10 денег и дешевле.

[2] «Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства первой четверти XVIII в.». М., 1951, стр. 208, 330, 351.

Но во всяком случае он очень мало отличался от нормы XIX—XX вв. в 4095 *г* и никак не подтверждает мнения Ключевского о том, что московский пуд XVII в. превышал эту норму на 16,7%.

В том же музее три другие 10-фунтовые кованые гири без орла той же находки показали вес около 4200 *г*, а еще две другие, уже не кованые, а литые, датируемые XVII в., весили: одна, большая, 20 фунтовая,— 8000 *г*, другая, малая, 5-фунтовая,— 1975 *г*, т. е. с отклонением уже не вверх, а вниз от норм XX в. Однако техника изготовления кованых и литых гирь такого веса в XVII—XVIII вв., по-видимому, не гарантировала точности свыше 2—3% от заданной нормы. Гораздо точнее требовались меры веса для взвешивания серебра и золота и в монетном деле, где счет шел не на берковцы и пуды, а на фунты и золотники. И эти меры оказались наиболее устойчивыми во времени.

В «Торговой книге», относящейся к XVI в., берковец тоже равен 10 пудам по 40 фунтов. Но в этом памятнике сохранилось еще указание на древнерусскую меру — весовую гривну. И при этом уясняется, что новая единица веса «фунт», несмотря на его немецкое название, ровно ничем не отличался от старорусской «большой гривенки» в 96 золотников. «Торговая книга» отмечает хождение на Руси и таких единиц веса, как западная литра в 72 золотника и «старый бухарский ансырь» в 128 золотников, пришедший с Востока. И все они соизмеряются одним и тем же золотником. Этим эталоном взвешивались наиболее драгоценные денежные металлы. Его вес получил поэтому свое отражение в денежной системе всех времен — и в отдельных монетах, например в «златницах» киевского князя Владимира, и в «монетной стопе» позднейших московских государей, столь часто облегчавших вес своих денег. Как видно, даже царственные фальшивомонетчики нуждались в твердом измерителе для учета эффективности своих сомнительных финансовых операций. И, как это показал в своей монографии о русском весе И. И. Кауфман, золотник оказался наиболее устойчивым измерителем в нашей системе мер и веса.

Впрочем, мера точности и здесь, в определении веса залотых монет, известных под именем «златниц», не так уж велика в соответствии с уровнем техники X—XI вв. в Киевской Руси. Из 8 уцелевших золотых монет этого времени, описанных гр. И. Толстым, одна весила 90 долей, одна — 92 доли, три — по 97 и три — по 99 долей. В среднем это дает 96,25 долей, т. е. почти совпадает с точным весом золотника (в 96 долей), но с колебаниями в целых 10% [1].

Золотник X в. дожил без всяких заметных пертурбаций в качестве единицы веса не только до XVI—XVII, но и до XX в. Это подтверждается и археологией и нумизматикой, т. е. вполне осязательными и убедительными фактами. А вместе с тем остались в основном неизменными и все другие связанные с «золотником» единицы веса. Тем самым облегчается задача соизмерения в неизменных единицах веса и всех прочих, более изменчивых, измерителей емкости, площадей — через нормы высева — и других мер.

---

[1] И. И. Кауфман. Русский вес, его развитие и происхождение в связи с историею русских денежных систем с древнейших времен. СПб., 1906, стр. 84—85.

II. ОПЛАТА ТРУДА В РОССИИ[1]

История труда в России стала привлекать к себе внимание исследователей только после Октябрьской революции и до сих пор не может похвастаться большими достижениями. Особенно слабо разработан древнейший период. А между тем при изучении динамики зарплаты и производительности труда ограничиться лишь вполне освещенным статистически периодом за два-три последних десятилетия совершенно невозможно. Лишь оперируя большими периодами в сотни лет, можно выявить закономерности исторического значения, очищенные от случайных колебаний конъюнктурного характера.

Не располагая временем для большого исторического исследования в этой области, мы все же хотели бы привлечь несколько крайне показательных фактов и цифр из нашей исторической древности для сопоставления их с показателями современности. Вступая в социалистический этап хозяйственного развития, мы прежде всего должны дать себе отчет, какую эволюцию проделал уровень оплаты и производительности труда за весь период капиталистического развития России, т. е. примерно с XVII в. до Октябрьской революции. Но не худо заглянуть хотя бы мельком и в докапиталистический период «простого товарного производства», поскольку он поддается освещению дошедшими до нас весьма скудными историческими памятниками, начиная с «Русской Правды» (X—XII вв.).

Никакого непрерывного динамического ряда за такой большой период мы, к сожалению, получить не можем. Но, ограничиваясь даже только двумя крайними опорными пунктами в прошлом (XII и XVII вв.), мы получим достаточную картину тех сдвигов в области экономики труда, какие имели место на протяжении целых эпох — докапиталистического и капиталистического развития нашей страны.

Начнем с эпохи «Русской Правды».

1. ЭПОХА «РУССКОЙ ПРАВДЫ»

В X—XII вв. на Руси господствующим был, конечно, натуральный уклад хозяйства. Все производилось для себя и лишь избытки поступали в продажу. Однако в городах мы уже в эти века наблюдаем широкое развитие торговли и ремесла. А для торговли требовались и платежные средства. В древнейшее время на Руси таким общепринятым средством платежа, или деньгами, служил скот, а затем «куны», т. е. куньи, собольи и беличьи меха. Могли, конечно, в роли денег выступать и другие достаточно распространенные и однородные потребительные ценности. Например, у некоторых славян роль денег в древности выполняло и полотно, или по древнеславянски «платно» (ср. русское плат, платок), откуда филологи определяют и происхождение слов «платить», «уплата» и т. д. Слова эти весьма древние, ибо мы их находим в языке чуть ли не всех западных

[1] «Плановое хозяйство», 1930, № 4, 7—8.

и восточных славян. Но в X—XI вв. на Руси наряду с кунами имели уже хождение в роли денег и слитки серебра и монеты своей и чужеземной чеканки, свидетельствующие о развитии здесь не только внутренней, но и оживленной международной торговли. Использовался здесь уже и наемный труд.

Некоторые виды ремесленного труда, например строителей, мы находим уже в XI в. организованными в производственные артели. В «Сказании о Борисе и Глебе» кн. Изяслав (1054—1078 гг.), желая построить церковь, призывает для этого «старейшину древоделям», а старейшина, договорившись с князем, «собра вся сущая под ним древоделя» и строит с ними заказанную церковь [1].

Эти ремесленники (древяные здатели, древоделы, плотники, городники, мостники и т. п.) уже в то время работали по найму. И до нас дошли вполне определенные указания о нормах оплаты их труда.

По сохранившемуся историческому преданию, когда Ярослав Мудрый (жил до 1054 г.) решил строить Георгиевскую церковь в Киеве (около 1051 г.), то в начале он не нашел достаточно строителей.

Князь спросил: отчего мало делателей? Ему ответили: люди боятся, что лишены будут платы. Тогда князь приказал возить куны на телегах к месту стройки и объявить на торгу, что каждый получит «за труд по ногате на день» [2].

Этот рассказ не оставляет сомнений, что дело здесь шло о вольном поденном найме [3].

Однако тому же веку были известны и сдельные формы оплаты наемного труда.

В «Русской Правде», открытой под 1016 г., мы находим такое место. За статьей «О поконе вирном», определяющей, сколько вирнику следовало взять деньгами и натурой при исполнении своих обязанностей, следует ссылка: «То ти урок Ярославль». А за ней читаем: «А сей урок мостьником: аще помостивше мост, взяти от дела ногата, а от городници ногата» [4].

За крайней лаконичностью этой древнейшей редакции не сразу ясно, что здесь дело идет о норме оплаты дневного урока мостника. Но в сопоставлении с вышеприведенным распоряжением того же Ярослава об оплате строителей Георгиевской церкви в Киеве по ногате в день видно, что это отнюдь не случайная для того времени норма.

В другой более пространной, редакции «Русской Правды» определяется и самый размер сдельного урока мостника: «Мостникоу, помостившу мост взяти емоу от дела, от 10 локоть, по ногате» [5]. Таким образом, за одну ногату в день нужно было замостить 10 локтей, т. е. примерно около 6,35 аршина помоста [6]. Такая же часть, или звено, в строительстве деревянных городских стен называлась, по-видимому, городней. В связи с этим еще в одной редакции той же статьи читаем: «А се мостьникоу оуроци: помостивъше мост, взяти от 10 локоть по ногате; аже починить моста ветхого, то колико городень починить, то взяти емоу по куне от городне; а мостьникоу ехати самомоу с отроком на двоу коню, взяти 4 лоукна овса на неделю, а ести что можета» (Синодальный список) [7].

---

[1] Н. Аристов. Промышленность древней Руси. СПб., 1866, стр. 87.

[2] Макарий. История русской церкви, т. 1, СПб., 1868, гл. II, стр. 67.

[3] За ногату в те времена можно было купить барана, а в 1913 г. за барана платили 6 р. 40 к. золотом при среднем поденном заработке московских строителей (плотников) не свыше 1 р. 73 к.

[4] См. В. Сергеевич. «Русская правда» в четырех редакциях, по Археографическому списку, ст. 25. СПб., 1904, стр. 7.

[5] Карамзинский список, ст. 97; «Правда Русская», т. 1. М.— Л., 1940, стр. 359, 386.

[6] Старинный русский локоть составлял около 10⅔ вершка (см. «Торговую книгу» (1575—1610 гг.). СПб., 1851, стр. 12). 2 аршина равны 3 локтям.

[7] «Правда Русская», т. 1, стр. 132.

Если, стало быть, за новый мост платили по ногате от каждой городни, то за починку старого — только по куне, т. е. по 0,4 ногаты. Очевидно, за день починить можно было две-три городни. Здесь важно, однако, отметить, что на эту работу приходилось выходить конному (для доставки бревен к месту работы) и что сверх денежной платы мостнику и его лошади в этом случае полагался бесплатный прокорм в течение всей работы. О том, что именно входило в содержание кормовой доли ремесленника тех времен, можно судить по следующей статье «Русской Правды» того же Синодального списка.

«А се оурочи городникоу: закладаюче городьня, куна взяти, а кончавши ногата; а за корм и за вологу, и за мясо, и за рыбы — 7 коун на неделю, 7 хлебов, 7 оубороков пшена, 7 лоукон овса на 4 кони, имати же емоу донеле город съроубять, а солодоу дадять емоу одиноу 10 лоукон» [1].

Городник выезжал на работу, судя по числу коней, по-видимому, самчетверт. За каждую городню (или звено городской стены) деньгами он получал 1 ногату и 1 куну, т. е. по 3,5 куны, а сверх того на прокорм деньгами или натурой: хлеб, мясо, рыбу, пшено и солод (на пиво или брагу). Паек довольно обильный.

Для оценки простого сельского труда в «Русской Правде» имеется только одно указание в статье «О сиротьем вырятьке» по Карамзинскому списку [2]. Из этой статьи явствует, что батрачка в деревне получала в XII в. по гривне кун на лето, на хозяйских харчах и прочем содержании, разумеется [3].

Все эти скудные сведения не говорят нам еще ровно ничего об уровне жизни наемника той эпохи, пока нам неизвестна покупательная сила денежной единицы времен «Русской Правды».

* * *

В древней Руси понятие «гривна» употреблялось в качестве названия единицы веса (гривна *золота*, гривна *серебра*) и в качестве денежной единицы (*гривна кунами*). До сих пор среди исследователей нет полного единства в определении точного значения этой единицы.

В качестве единицы веса, по Кауфману, наша гривна ведет свое начало через Арабский Восток от древневавилонской мины [4]. Эта единица монетного веса, т. е. древняя мина, а затем иракский ротль определяется в 409,32 *г*, т. е. почти в точности равняется современному русскому фунту (409,51 *г*) [5]. Кроме того, мы знаем, что из ротля чеканилось 96 арабских золотых динаров, которые, как видно из содержания многих южнорусских кладов, хорошо были известны домонгольской Руси. Вместе с тем сохранившиеся русские золотые монеты Владимира и Ярослава Мудрого (до 1054 г.) по своему весу не отличаются от арабских динаров. От этих «золотых», или «златниц», очевидно, и ведет свое начало наш золотник, составляющий $^{1}/_{96}$ фунта. В связи с этим Кауфман полагает, что древняя гривна в качестве *весовой* единицы уже в домонгольский период равнялась нынешним 96 золотникам и, стало быть, является прямой родоначальницей современного русского фунта.

---

[1] «Правда Русская», т. 1, стр. 132.

[2] «А женка с дчерию, тем страды на 12 лет, по гривне на лето, 20 гривен и 4 гривны кунами» («Правда Русская», т. 1, стр. 354).

[3] На 1 гривну кун, или 20 ногат, можно было купить 20 баранов. По ценам 1913 г. это составит 128 руб. золотом. В царской России за 1910 г. батрачка получала, на хозяйских харчах, за год до 58 руб., т. е. едва 45% нормы XI—XII вв.

[4] И. И. Кауфман. Русский вес, его развитие и происхождение в связи с историею русских денежных систем с древнейших времен. СПб., 1906, стр. 62—63, 82, 83, 90—91.

[5] Известны также в Малой Азии «золотая» лидийская мина в 410 *г* и в Риме *большая* — в 544 *г* (128 золотников).

Однако не следует забывать, что древняя мина в 96 золотников, или динаров, употреблялась только для взвешивания *золота*. Для взвешивания более дешевого *серебра* на Востоке употреблялась более крупная мина в 128 золотников, из которой чеканилось 192 серебряных диргема в $^2/_3$ золотника каждый. К этому можно добавить, что и на Руси серебро Владимира «Святого» и Святополка Окаянного (умер в 1112 г.) чеканилось, по образцу диргем, в $^2/_3$ золотника [1]. А из «Торговой книги» 1575—1610 гг. (СПб, 1851) узнаем, кстати, что у нас на Руси имели хождение тоже две различные единицы веса: старый, «бухарский ансырь» в $^4/_3$ фунта, или 128 золотников, и «нынешний», равный современному фунту в 96 золотников, или 409,5 *г*.

Восточное происхождение этих единиц веса ясно уже из их названия, а весовое выражение (96 и 128 золотников) вполне тождественно с тем, что нам известно о весе различных разновидностей древней мины. Весьма вероятно поэтому, что и в домонгольской Руси были известны одновременно две гривны: гривна серебра — в 192 серебреника (диргемы) и гривна золота в 96 златниц (динаров), отнюдь не равные друг другу, несмотря на их одноименность. А затем одна из них постепенно вышла из употребления («старый ансырь» «Торговой книги»), а другая дошла до наших дней под немецким названием фунта [2].

В денежном значении гривна, по-видимому, всегда была только счетной единицей, ибо столь крупных монет ни в золоте, ни в серебре до нас не дошло. В качестве же счетной единицы домонгольская гривна кунной системы определяется нами на основе следующих фактов. В эпоху «Русской Правды» фактическое обращение в роли ходячей монеты имели, по-видимому, еще и куньи меха — ногата и резана. На одну гривну кунами считалось 20 ногат, или 50 резан. Меновое значение гривны кун и в наиболее ранних и в позднейших списках «Русской Правды», по-видимому, везде одно и то же. Во всех исправных ее списках гривна приравнивается по таксе 1 волу, или 10 телятам, или 20 баранам и т. д. Точно так же постоянной величиной по всем спискам является и стоимость ногаты («а за боран ногата»). Что же касается куны, то в более древних списках (Академический и Археографический) куна расценивается в $^1/_{25}$ долю гривны кун, а в новейших (Синодальный, Троицкий, Карамзинский, Оболенского и т. п.) куна обесценивается вдвое и повсюду замещает собою резану, которая, как известно из других источников, начиная с XIII в. вовсе выходит из употребления. Отсюда заключаем, что вначале гривна кун делилась на 25 кун и лишь вследствие обесценения последних вдвое стала к XII в. равняться 50 кунам [3].

Таким образом, в X—XI вв. гривна кун равнялась 20 ногатам, 25 кунам, или 50 резанам. Куны, как явствует уже из их названия, представляли, по-видимому, первоначально шкурки куниц, выполнявшие в древности назначение ходячей монеты. Но со временем слово «куна» стало употребляться в более общем смысле денежной единицы, и в качестве таковой могла выражаться и в шкурках разных зверей, и в серебре. В отношении происхождения слов «ногата» и «резана» до сих пор нет общепринятого объяснения. Однако нам кажется, что достаточно оба эти термина

---

[1] И. И. Кауфман. Русский вес..., стр. 86—87. 103 серебреника Владимира весят 6525 долей по 63,35 доли каждый; 28 монет Святополка дают средний вес 63,5 доли, т. е. почти $^2/_3$ золотника.

[2] Мнение Прозоровского, Ключевского и др., которые определяют фунт XVI—XVII вв. в 112 нынешних золотников, мы считаем опровергнутым позднейшей работой И. И. Кауфмана.

[3] Впрочем, у Н. Аристова («Промышленность древней Руси», стр. 233) есть указание, что и в XIII в. «новгородские куны были вдвое меньше смоленских»; таким образом, возможно, что различная расценка кун в разных списках объясняется различным их географическим происхождением, а не большей или меньшей древностью.

сопоставить друг с другом, чтобы найти искомое объяснение. И ногата и резана, на наш взгляд, выполняли свою роль денежных единиц в качестве звериных шкурок различной ценности. При этом «резаной» называлась неполноценная шкурка с обрезанными лапками, а «ногатой» — цельная шкурка со всеми ее конечностями. Один исследователь отверг последнюю догадку на том основании, что у соболей, куниц или белок конечности называются лапками, а не ногами, и предпочел на этом основании рассматривать слово «ногата», как иностранное, заимствованное с Востока. Однако наши предки были не столь уж строги в области филологических тонкостей [1]. Лапки соболиные и прочие они с совершенно спокойной совестью называли «ногами» и обрезали их обычно, искусно сшивая из лапок и т. п. обрезков целые меха для менее притязательных покупателей [2]. Но именно поэтому отличать «резаную» шкуру от «ногатой» у них были все основания.

Наряду с пушниной уже с X в. у нас появляется в денежном обороте и серебряная монета. Спрашивается, какую же из вышеназванных денежных единиц представляли дошедшие до нас серебреники Владимира и Святополка, весившие около $^2/_3$ золотника? Мы принимаем их за резану, т. е. $^1/_{50}$ долю гривны кун, откуда эта последняя определяется в 32 золотника.

В подтверждение сказанному приведем прежде всего свидетельство современника Ибн-Даста. В статье о болгарах, живших во времена путешествия Ибн-Даста (в начале X в.) на Волге, он пишет: «Главное богатство болгар составляет куний мех; Русь привозит к ним товары свои, как-то: меха собольи, горностаевые, беличьи и др. Чеканеной монеты своей нет у них. Звонкую монету заменяют им куньи меха. Каждый мех равняется в цене двум диргемам с половиною. Белые круглые диргемы приходят к ним из стран мусульманских, путем мены за их товары» [3]. Итак, в начале X в. в меновой торговле с болгарами русские купцы расценивали куний мех в 2,5 серебряных диргем. Если это были, как надо думать, полноценные меха без всяких отрезов, т. е. ногаты, составлявшие $^1/_{20}$ гривны кун, то последняя содержала 50 диргем. Но серебреники Владимира равнялись по весу диргему, или $^2/_3$ золотника. Значит, гривна кун X в. в 50 серебреников, или 20 ногат, весила (с лигатурой) около 33,3 золотника и содержала, по-видимому, не более 32 золотников чистого серебра [4], т. е. $^1/_3$ нынешнего, или $^1/_4$ старого фунта, известного еще в XVI в. под именем бухарского ансыря. Полноценная («ногатая») куна при этом оценивалась в 1,6 золотника серебра, а более дешевые куны (хребтовые, черевьи, «резаные» и пр.) — вначале в 1,28 золотника, а после обесценения вдвое — в 0,64 золотника серебра.

Этот вывод вполне подтверждается и следующим свидетельством памятников того времени. В договорах русских с греками — Олега от 911 г. (ст. 5) и Игоря от 945 г. (ст. 14) — установлен тариф за побои или рану в 5 литр сребра «по закону русскому». Соответствующая статья «Русской Правды» (ст. 3 Академического списка) определяет этот тариф в русской валюте в 12 гривен. По вполне удостоверенным данным нумизматики,

---

[1] Так, например, Иван III в конце XV в. сообщал своей дочери Елене в Литву: «Приказывала ты еще, чтобы прислать тебе соболя черного с *ногами* передними и задними и с когтями; но смерды, которые соболей ловят, *ноги* у них отрезывают...» (С. М. Соловьев. История России, т. I—V. Изд. 3. СПб., стр. 1479).

[2] Кроме лапчатых на древнерусском рынке обращались также составные меха: *пупковые, черевьи, хребтовые* и т. д. (А. И. Никитский. История экономического быта Великого Новгорода. М., 1893, стр. 165).

[3] «Известия о хазарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и Руси». Абу-Али-Ахмеда-Бен-Омар. Ибн-Даста. Изд. и перев. Д. А. Хвольсона. СПб., 1869, стр. 22—25, приведено у В. С. Передольского. Новгородские древности. Новгород, 1898, стр. 265.

[4] Звонкая монета у нас еще в XVI в. чеканилась из серебра 92,5 пробы.

византийская литра и соответствующая ей римская либра тех времен равны 327,456 *г*, или 4/5 фунта, т. е. 77 нашим золотникам [1]. Отсюда 5 литр = = 385 золотникам, а одна гривна кун X в. = 385 : 12 = 32 золотникам, т. е. ровно 1/3 нынешнего фунта, или 1/4 старого ансыря [2].

Сопоставляя «Русскую Правду» с новгородской Мирной грамотой 1195 г. и договором г. Смоленска с немецкими городами от 1229 г., мы можем установить далее следующие факты. Виры и продажи, известные нам по «Русской Правде», в договоре 1229 г. выражены в гривнах серебра, т. е. весом, а не монетою. При этом двойная вира «Русской Правды» за голову в 80 гривен кунами в договоре 1229 г. выражается суммой в 20 «гривен серебра», простая вира — в 40 гривен кун приравнивается 10 гривнам серебра, штраф за побои в 3 гривны кун оценивается здесь в «3 четверти серебра», или, по другой редакции, «без четверти гривна серебра» и т. д. Вполне понятно, что в торговых сношениях с иностранцами весовая гривна серебра была более подходящей единицей счета, чем любая монетная, ибо в связи с широко распространенной порчей монеты в международных отношениях ее все равно принимали в уплату обычно только на вес. Но для нас важно установить из этих соотношений, что гривна серебра 1229 г. равнялась ровно четырем гривнам кун «Русской Правды» [3]. Это соотношение подтверждается и вирами новгородской Мирной грамоты 1195 г. Здесь тоже двойная вира выражается суммой в 20, а простая — в 10 гривен серебра, но наряду с этим в других статьях мы встречаемся здесь также с вирой в «40 гривен ветхими кунами» [4]. Отсюда заключаем, что к концу XII в. денежный счет «Русской Правды» хотя и выходил из употребления, но отнюдь не был еще забыт.

Таким образом, можно считать, что в X—XII веках гривна кун «Русской Правды» в 32 золотника составляла не 1/3, а 1/4 весовой гривны серебра и, стало быть, тогдашняя гривна серебра весила на нашу нынешнюю меру не 96, а 128 золотников, или 545,7 *г*.

В XIII в. старая гривна кун в 32 золотника, по-видимому, уже вышла из употребления. В договоре Новгорода с немецкими городами 1270 г., дошедшем до нас только в древненемецком переводе, гривны именуются марками серебра и марками кун. Но из сопоставления с договорами 1195 и 1229 гг. легко установить, что весовая марка серебра 1270 г. во всех вирах и продажах, известных нам по другим памятникам древнерусского права, в точности соответствует по значению гривне серебра 1195 и 1229 гг. Что же касается денежной марки 1270 г., или гривны кун, то она, судя по договору 1270 г., уже значительно легче древнейшей гривны кун и содержит в себе вместо 50 только 30 кун [5]. Из анализа разных статей этого договора можно вывести, что гривна чистого серебра в расчетах

---

[1] И. И. Кауфман. Русский вес..., стр. 71.

[2] Ср. у П. Мрочек-Дроздовского («Опыт исследования источников по вопросу о деньгах Русской Правды».— «Ученые записки Московского университета». Изд. юрид., вып. II. М., 1881, стр. 80) следующую догадку: «Найденные в 1826 г. в Киеве слитки в 1/3 (почти) фунта суть киевские гривны кун».

[3] М. Владимирский-Буданов. Хрестоматия по истории русского права, вып. I. Изд. 5. СПб., Киев, 1899, стр. 109, 112, 114, 115.

[4] Там же, стр. 109—110. Первые указания на появление в обороте «новых кун» относятся еще к 1137 и 1224 гг. (П. Мрочек-Дроздовский. Опыт исследования...— «Ученые записки Московского университета», вып. II, стр. 24). Но возможно, что эти указания отмечают лишь время перехода от более крупной куны в 1/25 счетной гривны к более мелкой в 1/50 *той же* гривны.

[5] См., например, ст. IX договора 1270 г. и проекта, где доставка товаров от берега до немецкого двора расценивается в 15 кун, а от двора до берега — в половину марки или гривны *кун*: И. Андреевский. О договоре Новгорода с немецкими городами и Готландом, заключенном в 1270 году. СПб., 1855, стр. 26 и 27. Ср. также одно место из «Вопросов Кирика» (1130—1156) в списке XIII в., где одна служба за упокой оценивается в 6 кун, две — в 12 кун, а пять — в целую гривну («Памятники древнерусского канонического права».— «Русская историческая библиотека», т. 6, ч. 1. Изд. 2. СПб., 1908, стр. 24).

Новгорода с немцами приравнивалась в это время примерно к 8 гривнам кун[1]. Но нужно учесть, что серебро принималось при этом на вес за скидкой на лигатуру[2]. Достоинство тогдашних слитков было не выше 90-й пробы, и, значит, на гривну серебра в монете по весу шло не более 7,5 гривны кун. Именно такое определение мы и находим в одной позднейшей приписке к «Русской Правде» о штрафе за бесчестие: «А за бесчестную гривну золота... взяти емоу 50 гривен..., а за гривну сребра полосмы гривны»[3].

Эта приписка относится исследователями к XIII в. Стало быть, с XIII в. гривна серебра (в 128 золотников) содержала уже не 4, а 7,5 гривны кун. Вес такой гривны с лигатурой можно определить в 128 : : 7,5 = 17,1 золотника[4]. Ногат, почти не изменивших своей ценности вплоть до XV в., эта гривна кун содержала в XIII в. только 10, а кун, как уже было указано выше,— 30[5].

В XIV в. гривна кун терпит дальнейшее резкое снижение своего веса и значения. Под 1305 г. в Ипатьевской летописи значится: «Сице лях един по гривне, се есть по десети грошей литовских». Таким образом, гривна кун к этому времени равнялась уже $^1/_{10}$ литовского рубля, который определяется Прозоровским в 82,5 золотника[6]. Отсюда гривна кун весила 8,25 золотника.

В XV в. кунная система денежного счета уже отмирает. По летописному известию, псковитяне в 1409 г., а новгородцы в 1410 г. «куны отложиша» и перешли к счету сначала на немецкие артуги, а с 1420 г.— на серебряные деньги собственной чеканки[7]. В Москве эти деньги вошли в употребление еще раньше, примерно с 1381 г., причем новая денежная система базировалась уже и на новой единице «низовского» веса, а именно на

---

[1] Из ст. XXIV и XXV договора 1270 г. видно, что за нанесенную рану плата составляла 1,5 марки серебра, а за побои — 3 ферднига. По договору 1229 г. штраф за синюю или кровавую рану составлял 1,5 гривны серебра, а за побои — $^3/_4$ гривны серебра. Отсюда один ферднинг равен $^1/_4$ марки серебра. Из ст. 22 и 23 «Правды немецкого двора» XIII в. («Новгородские скры») видим, что летние гости платили «дань» вдвое ниже зимних, откуда, сопоставляя ставки этой «дани», можно заключить, что один ферднинг равен 2 маркам кун. Значит, гривна (марка) серебра = 4 ферднингам = 8 гривнам (маркам) кун. (И. Андреевский. Указ. соч., стр. 34 и 53. На стр. 45 Андреевский приравнивает 1 марку серебра к 16 маркам кун, но ничем этого не подтверждает).

[2] В Смоленском договоре 1229 г. имелась об этом специальная оговорка: («точное серебро без 10 золотников, а взяти с веса») при весе гривны в 128 золотников 10 золотников лигатуры определяют 88,5 пробу. По анализам старых слитков серебра новгородских кладов эта проба определялась по-разному, но в средних пределах около 90-й пробы.

[3] «Правда Русская», т. 1, стр. 362 (341, 391).

[4] С этим выводом любопытно сопоставить следующее известие от 1653 г.: «По приказу диаков Серебряного ряду у Ивашки Максимова выменено пречистые богородицы Казанские серебряная чаканная гривна, что в Поместном приказе в киоте за решоткою, на прикладные на старые малые гривенки, а весом в старых гривенках было семнадцать золотников, да прибавлено вновь серебра к той же гривенке четыре золотника, по 2 алтына 3 денги за золотник» (А. А. Соколова и А. К. фон Мекк. Расходные книги и столпы поместного приказа (1626—1659 гг.), кн. 1. М., 1910, стр. 218). По-видимому, старые гривенки в 17 золотников, о которых здесь идет речь, это случайно уцелевшие гривны кун XIII в.; по сравнению с более древними гривнами в 32 золотника они, конечно, «малые».

[5] А. И. Никитский. Указ. соч., стр. 103. При этом Никитский, принимая в ногате по-старому 2,5 куны, насчитывает их в гривне 25, но страницей ниже (стр. 104) сам приводит ссылку на договор с немцами 1269 г., где 15 кун приравнивается к $^1/_2$ гривны, откуда денежная гривна XIII в. равна 30 кунам, а весовая — 30 × 7,5 = 225 кунам.

[6] ПСРЛ, СПб., 1843, т. 2, стр. 227; Д. И. Прозоровский. Монета и вес в России до конца XVIII ст. СПб., 1865, стр. 291.

[7] И. И. Кауфман. Серебряный рубль в России от его возникновения до конца XIX века. СПб., 1910, стр. 29; ПСРЛ, т. 3. СПб., 1841, т. 3, стр. 104—109 (1-я новгородская летопись).

«рублевой гривенке» в 48 золотников[1]. В Новгородских грамотах на бересте XIII в. денежный счет тоже велся уже наряду с гривнами кун в рублях и полтинах, причем в рубле, по-видимому, содержалось еще по 2 весовые гривенки серебра или 96 золотников[2]. А соотношение между единицами той и другой системы к моменту их смены по «Памети» 1494 г. о том, «как торговали доселе новгородцы», определяется так: новая гривенка серебра в 48 золотников = 1 руб. = $15^3/_7$ денежных гривен = $30^6/_7$ ногат = 108 кун = 216 денег[3]. Отсюда гривна кун начала XV в. = 2 ногатам = 7 кунам = 14 деньгам = 3,1 золотника серебра. Ногата в 3,5 куны, или 1,55 золотника серебра, по своему значению в переводе на серебро почти не изменилась по сравнению с X—XII вв., когда она равнялась 1,6 золотника серебра. А куна, равная 2 деньгам, сравнялась по цене с белкой, т. е. заметно понизилась в своем значении со времен «Русской Правды».

* * *

Определив валютное значение различных денежных единиц древней Руси, перейдем теперь к установлению их покупательной силы в товарном выражении.

Обычно для учета покупательной силы денежной единицы в разное время наши историки хозяйства (Ключевский, Туган-Барановский и др.) довольствуются сопоставлением хлебных цен. К сожалению, хлебные цены подвержены наибольшим колебаниям в связи с колебаниями урожайности и целым рядом иных привходящих обстоятельств. В частности, если речь идет о больших промежутках времени, то шаткость выводов получается в этой области уже по причине неустойчивости единицы измерения хлебов во времени и пространстве. В старину хлеба продавались не на вес, а на меру, причем эта мера (четверть) до XVI в. в Москве составляла всего около 4 нынешних четвериков, а в XVI в. она уже удвоилась: в Новгороде она была в полтора раза больше, чем в Москве, четверть в «приимочную меру» — 8 четвериков с верхом, а «в отдаточную меру» — 6 четвериков под гребло и т. д. Другими словами, в каждой области, каждом городе имелась своя мера или свои особенные способы измерения. Поэтому хлебными ценами вообще приходится пользоваться с большой осмотрительностью, проверяя хлебный индекс динамикой цен скота и других сродных товаров. Если же речь идет об уровне жизни, то хлебные цены в отрыве от других и подавно не могут служить сколько-нибудь точным мерилом его.

Хлебные цены в древнейших записях летописца мало показательны уже потому, что в летопись заносились по общему правилу исключительные цены особо голодных лет[4]. Кроме того, почти все записи этого рода относятся к Новгородской области, где обычно не хватало своего хлеба

---

[1] И. И. Кауфман. Серебряный рубль..., стр. 3, 13, 14, 19, 36. Наряду с рублевой гривенкой в 48 золотников существовала, по-видимому, уже с начала XIV в., если не раньше, и рублевая гривна в 96 золотников. О рублевой единице веса впервые говорится уже под 1316 г. Быть может, именно на этой единице низовского веса базировались и те особые «волжьские» гривны, о которых упоминается в Уставе новгородского кн. Святослава (1137 г.) и которые собирались от вир и продаж в Рыбаньске (Рыбинске) и других местах Поволжья. На этой же новой базе строились, по-видимому, с XIV в. и литовско-русские рубли в 100 грошей: Псковская летопись (ПСРЛ, т. 4. СПб., 1848, стр. 199; т. 5. СПб., 1851, стр. 20), упоминая под 1407 г. о полтине серебра в 15 денежных гривен, когда денежная гривна равнялась уже только 2 ногатам по 1,6 золотника, тоже предполагает рубль серебра в 96 золотников.

[2] А. В. Арциховский. Раскопки 1955 г. в Новгороде.— «Вопросы истории», 1956, № 3, стр. 67.

[3] Д. И. Прозоровский. Указ. соч., стр. 174; И. И. Кауфман. Серебряный рубль..., стр. 20, 25, 51.

[4] Н. Аристов. Указ. соч.; В. Лешков. О народном продовольствии в древней Руси. М., 1854.

и расценивался он по ненормально высоким ценам. Наиболее умеренная из них от 1137 г. составляет 7 резан за осмину новгородскую (около 3,5 пуда), или около 8 ногат или 0,4 гривны кун за берковец. За другие годы цены еще более исключительные. Ими мы и вовсе не могли бы воспользоваться для характеристики *нормального* уровня жизни тех времен. И потому в поисках более нормальных цен хлеба мы принуждены обращаться к гораздо более поздним свидетельствам.

Особенно пригодными для нашей цели получить ясное представление о *нормальном* уровне цен на те или иные продукты являются те урочные таксы, какие содержатся в древнейшем законодательстве для определения цены гражданского иска при покупке или уплате налога натурой и в тому подобных случаях. Такие нормативные цены в отличие от рыночных не подвержены случайностям конъюнктуры и могут заменить собой средние цены фактических сделок за соответствующий момент. Эти оценки, конечно, легко могут устареть, если их долго не пересматривают, но для момента издания данного закона они достаточно показательны.

Для хлеба в зерне мы могли бы, например, привести определения писцовых книг 1498—1524 гг., из которых явствует, что коробья ржи в Новгородской области стоила нормально от 7 до 10 новгородских денег [1].

Новгородская коробья XVI в. содержала две старые московских четверти, т. е. около 8 пудов, а 10 денег тогдашних весили $^1/_{60}$ фунта, или 1,6 золотника, т. е. коробья ржи оценивалась здесь в одну древнюю ногату, а за берковец надо считать около 2 золотников, или $^1/_{16}$ древней гривны, т. е. раз в шесть дешевле голодной цены 1137 г. Если эту цену признать даже слишком низкой до XII в. с его архипримитивными условиями земледелия, то все же ясно, что нормальная цена ржи в X—XII вв. колебалась где-то между указанными пределами, т. е. примерно около четверти древней гривны за берковец, или 5 ногат (8 золотников серебром).

В печеном виде хлеб расценивался в *голодные* годы не *ниже* 2 кун за ковригу по летописному новгородскому известию 1129 г. [2] Указные же цены печеного хлеба начиная с XIV в. не превышают даже в Новгородской области одной деньги за ковригу [3]. Исходя из соотношения цен на печеный хлеб и зерно, мы определяем средний вес ковриги хлеба XII—XIII вв. не ниже 20 фунтов [4]. Одна новгородская серебряная деньга с 1447 до 1535 г. весила $^1/_{600}$ фунта. Отсюда коврига хлеба в XV в. оценивалась нормально около 0,16 золотника в серебряной монете, т. е. в 0,1 ногаты. Таким образом, пуд печеного хлеба для времен «Русской Правды» стоил, по-видимому, от 0,2 ногаты до 4 кун, т. е. в среднем около 0,9 ногаты.

Цена пшеницы в отношении к ценам ржи в XII—XIII вв., по Аристову, стояла выше на 60—70%, цены пшена стояли выше пшеницы на 25—40%.

Для расценки животных продуктов той же эпохи у нас имеется довольно указаний в самой «Русской Правде». Причем и здесь имеются *двоякого* рода расценки: во-первых, указные таксы, или урочные нормы, стоимости скота на случай его покражи и, во-вторых, в одном из списков «Правды» — частнохозяйственные инвентарные оценки имущества некоего ростовского князя или боярина. Этот инвентарь Карамзинского списка «Русской Правды» представляет в нем явно инородное, но тем не менее

[1] НПК, СПб., 1886, т. IV, стр. 227; т. V, стр. 387.

[2] Н. Аристов. Указ. соч., стр. 286—292. Прилож. Та же голодная цена отмечена для Новгорода и в 1228 г. в связи с военными сборами — «от стечения народа».

[3] Там же, стр. 291—292, ср. Уставную Белозерскую грамоту 1488 г., Уставную — 1537 г.; О. Турчинович. История сельского хозяйства России от времен исторических до 1850 года. СПб., 1854, стр. 11—12.

[4] Этот вес подтверждается и прямыми данными «Указа о хлебном и калачном весе» 1626 г. («Временник Московского общества истории и древностей российских», кн. 4. М., 1849, стр. 18—23).

чрезвычайно любопытное включение. Составлен он, очевидно, не позже начала XII в., так как денежный счет в нем ведется на резаны, которые позже 1137 г. в летописях уже не встречаются, заменяясь кунами. Тем не менее инвентарные оценки скота по Карамзинскому списку значительно выше урочных цен того же и всех других списков. Очевидно, урочные цены еще более древнего происхождения, а может быть отчасти тут причиной и качество скота. «Княжий» конь и в урочной расценке в 1,5 раза дороже «смердьего». По той же причине и боярский скот ростовского именья может быть значительно дороже средних расценок более худосочных «смердьих» коров, свиней, баранов и прочего домашнего скота.

Сопоставляя урочные и инвентарные цены «Русской Правды» на скот, имеем для вола расценки от 1 до 3 гривен, в среднем 2 гривны, для коровы — от 0,8 до 2, в среднем 1,4 гривны, для свиньи — от 0,1 до 0,5, в среднем 0,3 гривны, и для овцы — от 0,1 до 0,3 и в среднем 0,2 гривны кун. В 1913 г. вол стоил в среднем по 50 губерниям Европейской России 85 руб., корова — 59 руб., свинья — 17 руб. 90 коп. и овца — 6 руб. 40 коп. Из этих соотношений нетрудно вывести средний индекс вздорожания мясного скота с X—XII вв.[1] Для первого приближения допускаем, что вес и качество крестьянского скота в среднем не очень заметно прогрессировали со времен Ярослава Мудрого. А в таком случае можно бы считать, что и цены на битое мясо возросли в том же отношении, как и цены живого скота.

Имеется, впрочем, в «Русской Правде» одно прямое указание на цены битого мяса со ссылкой на «урок Ярославль», т. е. восходящее к началу XI в. Этот урок определяет цену за овна или полоть мяса в 2 ногаты (ст. 42 Академического списка). Однако за отсутствием весового значения этой единицы использовать его для нашей цели едва ли возможно.

Из молочных продуктов «Русская Правда» дает нам только цену коровьего масла: за «горнець» — 10 резан, или 0,2 гривны кун, и цену сыра по резане за штуку (Карамзинский список) [2]. Но размер сыра нам неизвестен. А горнець, т. е. горшок, масла, судя по практике XVII в., весил не менее 10 ф.[3], и, зная это, мы получаем возможность хотя бы приблизительного сопоставления с нынешними ценами. Нужно только помнить, что указанная цена масла относится к повышенным расценкам ростовского имения, где корова по той же статье Карамзинского списка «метана по две гривне», в то время как урочная ее цена по ст. 45 того же списка в 2,5 раза дешевле. Очевидно, и цену масла в 10 резан за горнець надо считать высшей для эпохи «Русской Правды», а низшей, применительно к ценам ст. 45, была бы цена около 4 резан за 10 фунтов.

Из других пищевых продуктов мы можем еще установить расценки на мед и на соль. Мед продавался в Новгороде в 1170 г. по 10 кун за пуд и в этой цене весьма устойчиво держался вплоть до XIII в. (1269 г.) [4]. В 1913 г. пуд меда стоил не менее 10 руб., а сахара — не свыше 5—6 руб., а потому мы в индекс уровня жизни считаем более правильным вводить сахар. В отношении соли имеется довольно темное указание Патерика печорского от XI в., по которому дорогой ценой в Киеве считалось, когда на куну давали 2 «головажи» (ведра) соли, а дешевой — 10 «головажей»

[1] Для рогатого скота он выводится нами в 42 раза, для овец — в 32, в среднем около 38 раз.

[2] «Правда Русская», т. 1, стр. 73, 351, 353. В ст. 45 Карамзинского списка имеется еще в расценках краденого такое место: «А за корову 40 кун..., а за теля 5 кун... а за коровие млеко 6 ногат». По-видимому, за дойную корову можно было взыскивать на 6 ногат или 15 кун больше, чем за яловую.

[3] «Расходная книга новгородского митрополита Никона. 1652 г.».— «Временник Московского общества истории и древностей российских», кн. 13. М., 1852; стр. 11, 24 и 26, где горшок масла стоит 10 алтын при цене масла в 1 алтын за фунт.

[4] Н. Аристов. Указ. соч., стр. 39, 300; ПСРЛ, т. 3, стр. 15 (1-я новгородская летопись).

за куну [1]. Если вслед за Аристовым приравнять головажу ведру, то, считая в нем около 50 фунтов соли, придется берковец соли оценить от 0,8 до 4 кун; а в среднем по 0,24 куны за пуд соли. Но Аристов совершенно произволен в своей догадке. Из «Русской Правды» известно, что вирник с отроками, сам-четверт («а кони 4»), получал на неделю корму: «7 ведер солодоу, а хлебов 7... а соли семь головажень» (ст. 9 Карамзинского списка) [2]. Из структуры бюджетов видно, что на 100 фунтов хлеба расходуется в городах обычно не свыше 5 фунтов соли. И если каравай хлеба весил не больше 20 фунтов, то соли к нему требовалось не более 1 фунта, и «головажня», очевидно, не ведро, а раз в 50 меньшая мера (стакан). А соль — очень дорогой товар по сравнению с нынешними ценами около — 12 кун (=4,8 ногаты) за пуд.

Обращаясь к более поздним источникам, приведем только два указания. В 1232 г. в Новгороде и Пскове из-за войны и недостатка подвоза соль продавалась дорого. «Купляху соль по 7 гривьн бърковьск» [3]. Гривна XIII в. содержала 10 ногат, значит, за пуд соли платили по 7 ногат, или 0,35 старой гривны. В 1407 г. в Пскове при дешевых ценах пуд соли продавался по гривне. Гривна кун начала XV в. содержала только 2 ногаты, или 0,1 старой гривны. В среднем, стало быть, пуд соли по древнейшим летописным известиям стоил от 2 до 7, а в среднем около 4,5 ногаты за пуд.

Из предметов, пригодных для оценки одежды, мы располагаем лишь ценой овечьей шерсти. По «Русской Правде» руно овечье, т. е. около 2,5 фунта грубой овечьей шерсти, в ростовском имении «чтено по резане».

Из того же источника известна еще урочная расценка дров: за воз, т. е. пудов за 25 по зимней дороге, по 2 ногаты.

Наиболее дешевым, однако, в древней Руси было жилище.

Древнейшее известие по этому вопросу относится к XIV в. В Новгородской области изба, клеть и овин оценивались в XIV—XV вв. всего в 10 бел, или 20 денег. Аристов, приводя это известие, называет такую цену «неимоверно дешевой» [4]. И действительно, трудно допустить, чтобы крестьянский двор стоил дешевле барана (15 бел по оценке тех же источников). Но от XVI в. у нас сохранилось следующее, более достоверное известие. В Пскове для приезжих московских торговцев содержался гостиный двор с 69 «амбарами». С амбара, в каждом из которых было по 2 избы с сенями, т. е. целая квартирка, взималось «за тепло, и за стряпню, и за соль, и за капусту, и за скатерь, и за квас, и за утиральники» по 4 деньги в неделю [5]. За 52 недели это составит 208 денег, т. е. 208/1200 фунта серебряной монетой, или 0,52 древней гривны. А в 1910 г. годовая плата за квартиру в одну — три комнаты в среднем по всем городам и поселкам России (в границах СССР до 1939 г.) составляла 208 руб. [6] Отношение тоже чрезвычайно высокое. Впрочем, высота этого отношения объясняется не столько дешевизной строительства в древнее время, сколько высотой лесной и в особенности земельной ренты в городских поселениях капиталистической России.

Пользуясь приведенными оценками и взвешивая их по структуре рабочего бюджета XX в., мы получим следующее соотношение (табл. 1).

---

[1] Н. Аристов. Указ. соч., стр. 69 и 294.

[2] «Правда Русская», т. 1, стр. 348, 352.

[3] ПСРЛ, т. 3, стр. 48; т. 4, стр. 199. Конечно, на местах добычи соль была во много раз дешевле. Так, в 1253 г. в Крыму русские платили, по Аристову, за воз соли тканями на сумму до полугривны за воз, т. е. по 5 ногат пудов за 25, за пуд — 0,2 ногаты. Подобно этому в Перми Великой в 1674 г., по Кильбургеру, соль продавалась по 1,5 коп. за пуд, в то время как в Москве она стоила тогда 20 коп. за пуд.

[4] Н. Аристов. Указ. соч., стр. 304. Прилож. Ср. «Акты, относящиеся к истории Западной России», т. 1, № 2. СПб., 1846, ст. 131, 45.

[5] И. М. Кулишер. Очерк истории русской торговли. Пг., 1923, стр. 174.

[6] С. Г. Струмилин. Очерки советской экономики. Изд. 2. М.—Л., 1930, стр. 52.

Таблица 1

Уровень цен X — XII вв.

№	Состав набора	Единица счета	Годовая норма потребления	Цена за единицу		Годовая норма взрослого рабочего		Индекс вздорожания (X—XII вв. = 1,0)
				X — XII вв., гривнах кун	1913 г., руб.	X — XII вв., гривнах кун	1913 г. руб.	
	1	2	3	4	5	6	7	8
1.	Рожь в зерне . . .	пуд.	10,0	0,026	0,87	0,260	8,70	33,5
2.	Хлеб печеный . . .	«	2,0	0,045	1,05	0,090	2,10	23,3
3.	Пшеница в зерне . .	«	6,0	0,043	1,16	0,258	6,96	27,0
4.	Пшено	«	2,0	0,057	1,60	0,114	3,20	28,1
	Итого .	«	20,0	—	—	0,722	20,96	29,1
5.	Говядина . . .	«	1,5	0,195	7,40	0,292	11,10	38,0
6.	Баранина	«	1,0	0,169	6,40	0,169	6,40	38,0
	Итого . . .	«	2,5	—	—	0,461	17,50	38,0
7.	Масло коровье . . .	«	0,3	0,560	17,80	0,168	5,34	31,8
8.	Мед-сахар	«	0,6	0,200	5,84	0,120	3,50	29,2
9.	Соль	«	0,5	0,220	0,30	0,110	0,15	1,4
10.	Шерсть овечья . .	«	0,2	0,320	13,20	0,064	2,64	41,3
11.	Дрова	воз	3,0	0,100	3,74	0,300	11,29	37,4
12	Жилище	кв. саж.	1,2	0,023	9,10	0,027	10,92	400,0
	Всего с 1 — 12	в валюте	—	—	—	1,972	72,30	36,7
	То же в фунтах (409,5 г):							
	серебра	фунт.	—	3	15	0,658	4,82	7,3
	золота*	«	—	25	525	0,079	0,138	1,75

* Цена золота для древнейшего периода выведена из приведенного выше указания XIII в., что гривна золота равна 50 гривнам кун. Считая в гривне кун XIII в. по 16 золотников чистого серебра, а в гривне золота — 96 золотников, получаем отношение 800 : 96 = 8,33.

Использованный здесь бюджетный набор далеко не полон и в некоторых звеньях опирается на довольно шаткие основания, но в общем дает все же вполне достаточную ориентировку в направлении и масштабах интересующих нас ценовых сдвигов.

Эти сдвиги весьма показательны, особенно если все цены выразить не в меняющейся во времени денежной единице, а в фунтах или граммах денежного металла — серебра или золота. Как видим, в серебре все цены выросли в 7 раз, а в золоте — только на 75%. Это означает, конечно, относительное удешевление серебра по сравнению с золотом и другими товарами. Иначе говоря, затраты труда на добычу грамма серебра падали за исследуемую эпоху быстрее, чем в земледелии, животноводстве и других смежных областях производства. Наибольшее вздорожание в серебре обнаруживают продукты животноводства и лесоводства (шерсть — в 5,6 раза, мясо — в 5,2 раза, дрова — в 5,1 раза, масло — в 4,3 раза), а затем продукты растениеводства (в 4 раза). Отсюда заключаем, что наименьшие сдвиги в производительности труда за последние 8—10 столетий можно отметить в лесных разработках и мясном животноводстве.

Если условно допустить, что движение цен в этих отраслях шло пропорционально трудовым затратам, и прирост производительности труда

в разведении мясного скота принять за отправную норму, то в производстве молочных продуктов мы можем отметить дополнительный против этой нормы прирост производительности труда, равный отношению 38 : 31,8, т. е. на 20%, в производстве зерновых хлебов (38 : 29,1) — на 30% и т. д. Особенно велики эти сдвиги, однако, лишь в отношении серебра и соли, т. е. продуктов промышленного труда. В добыче серебра по отношению к тому же уровню мы должны констатировать относительный прирост производительности труда в 5,2 раза, а в добыче соли (38 : 1,4) — раз в 27. Впрочем, в отношении соли столь резкое удешевление следует объяснять не столько условиями добычи, сколько условиями ее перевозки. Железнодорожный транспорт по сравнению с гужевым дает колоссальное удешевление перевозок, а в цене соли на месте потребления издержки транспорта играют решающую роль.

В отношении уровня жизни и реальной оплаты наемного труда в эпоху Ярослава Мудрого мы можем, пользуясь исчисленным индексом, прийти к следующим выводам. Гривна Ярослава, как видим, стоила в предметах первой необходимости не менее 36 руб. 1913 г. Поденная оплата плотнику в 1 ногату, стало быть, составляла около 1 руб. 80 коп. довоенных, а годовая за 250—300 дней — не менее 450 руб.

Перед началом империалистической войны, в июне 1914 г., средний поденный заработок взрослых рабочих мужского пола по всей фабрично-заводской промышленности России достигал только 1 руб. 41 коп. Специально у деревообделочников, чтобы лучше сравнить их с древоделами XI в., средний поденный заработок по всем группам в июне 1914 г. составлял едва 1 руб. 28 коп., а у взрослых мужчин поднимался до 1 руб. 49 коп. И даже у наиболее высокооплачиваемых столичных плотников, по справочным ценам Московской городской управы, поденная плата в среднем за 1913 г. составляла только 1 руб. 73 коп. Таким образом, в лучшем случае можно считать, что на вершине капиталистического развития в царской России наш рабочий стоял по реальной оплате своего труда на том нищенском уровне, что и 900 лет назад, на заре российской государственности при неизмеримо более низком уровне производительных сил страны и, стало быть, при неизмеримо более низком уровне народного дохода.

На первый взгляд этот вывод может показаться довольно неожиданным. Но тем не менее он совершенно верен. И мы будем иметь еще не один случай подтвердить его на историческом опыте различных эпох и народов.

2. ДОКАПИТАЛИСТИЧЕСКИЙ НАЕМ ТРУДА XVII в.

а) Оплата ремесленного труда

В отношении оплаты ремесленного труда при первом царе из дома Романовых у нас имеются довольно подробные данные. В самом дворцовом ведомстве Михаила Федоровича помимо обычной дворни ежедневно эксплуатировались сотни вольнонаемных мастеровых: портных, скорняков, сапожников, иконописцев и тому подобных ремесленников [1].

Часть из них составляла постоянный персонал царских мастерских и называлась казенными мастерами, а часть приглашалась временно, лишь в сезонный разгар работы, из торговых рядов соответствующей

[1] «Приходо-расходные книги казенного приказа. 1613—1614 гг.».— «Русская историческая библиотека», изд. Археографической комиссии, т. 9. СПб., 1884, стр. 1—14. Ср. М. Довнар-Запольский. Организация московских ремесленников в XVII в.— «Журнал министерства народного просвещения», 1910, № 9, стр. 132—133, где по описи 1681 г. подсчитано 250 дворцовых мастеровых, серебряников, портных, пивоваров, винокуров, мельников, плотников, кузнецов, котельников, токарей и т. д., сверх того, сюда можно еще прибавить 182 иконописца и 276 оружейников разного рода.

специальности и называлась *торговыми* или *рядовыми* мастерами. Последние получали за свою работу только *поденный* «корм» или, при сдельной работе, *задельную* плату, а казенные мастера кроме поденной платы получали еще и «годовое жалованье».

Подобно этому среди иконописцев постоянные работники назывались «жалованными», получая и поденный корм, и годовое или месячное жалованье, а временные — «кормовыми». Последние получали только поденный корм.

Казенные мастера-портные получали оклад по 5 руб. в год и поденного корма по 6 денег, или 3 коп., в день, а казенные скорняки — только по 4 руб. годового жалованья, но зато поденный их корм поднимался до 8 денег, или 4 коп., за день. Как видно из сохранившихся записей, поденный корм выдавался и за воскресные и даже за прогульные (не по вине рабочего) дни [1].

И если считать в году кормовых дней не меньше 360, то общий годовой заработок казенного портного достигал 5 + 10,8 = 15,8 руб., а казенного скорняка — 4 + 14,4 = 18,4 руб., т. е. в общем работа скорняков расценивалась даже несколько выше, чем портных.

Временные работники получали поденного корма обычно больше, чем постоянные той же квалификации. Например, жалованные живописцы до 1643 г. получали по 6 денег, а кормовые — по 10 денег в день; казенные скорняки и портные — по 6—8 денег, а торговые — по 8—10 денег на день, чем и компенсировалось, по-видимому, неполучение ими годового жалованья [2]. Таким образом, из расчета 360 дней и «торговые» мастера на временной работе могли получить не менее 14—18 руб. заработка за год.

Большой разницы в оплате рабочих различной квалификации не наблюдалось. Например, наряду с портными-«мастерами», получавшими от 4 до 5 коп. в день, к портняжной работе в горячие моменты привлекаются и стрельцы, пушкари и конюхи, и им тоже дают те же 4—5 коп. поденного корма [3]. Даже совсем необученные «парни» и «робята», привлекаемые в портняжные мастерские, получают там по 6—8 денег, или 3—4 коп., поденного корма [4].

4—5 коп. в день — это обычная для 1613—1614 гг. норма поденной оплаты ремесленника: и скорняка, и плотника, и сапожника, и шапочного мастера, и портного, и каменщика. Подмастерье каменщика получает 3 коп. в день, но и вовсе необученный — «ярыга», т. е. простой чернорабочий, помогающий каменщику, получает те же 3 коп. поденного корма. Любопытно отметить, что и казенный писец наравне с казенным портным получал 5 руб. годового жалованья и по 3 коп. поденного корма [5].

При сдельной работе ремесленники, вместо поденного денежного «корму», получали деньгами же от урока «на харчь, на квасы, на муку и

---

[1] «Приходо-расходные книги казенного приказа. 1613—1614 гг.» — «Русская историческая библиотека», т. 9, стр. 110, 115, 125, 131, 135, 138; скорняки, получая на день корму по 4 коп., за «неделю» имели по 28 коп., т. е. из расчета 7 дней. Ср. «Материалы для истории русской иконописи», собранные Ив. Забелиным.— «Временник Московского общества истории и древности российских», кн. 7. М., 1850; «Записная книга о продаже хлеба. 1670 г.», сообщенная Ив. Забелиным.— «Временник Московского общества истории и древностей российских», кн. 6. М., 1850, стр. 12—13, где выданный за 6 месяцев «поденный корм» по 25 коп. за день составляет 45 руб. 25 коп., т. е. оплату 181 дня.

[2] Ив. Забелин. Материалы для истории русской иконописи.— «Временник Московского общества истории и древностей российских», кн. 7. М., 1850, стр. 62; «Приходо-расходные книги казенного приказа. 1613—1614 гг.» — «Русская историческая библиотека», т. 9, стр. 49—50, 64, 104.

[3] «Приходо-расходные книги казенного приказа. 1613—1614 гг.» — «Русская историческая библиотека», т. 9, стр. 105, 124.

[4] Там же, стр. 117, 135, 144.

[5] Там же, стр. 46, 112, 136.

на сало»[1]. Это примерное перечисление, несмотря на его лаконичность, характеризует прожиточный стандарт русского рабочего XVII в. со стороны его качества. Но, не зная тогдашних цен, мы ничего не могли бы еще сказать о его количественном значении.

В общем для 1613—1614 гг. по многочисленным сохранившимся записям этого года можно установить следующие нормы поденной оплаты (в Москве): для квалифицированных ремесленников — от 4 до 5 коп. серебром, для чернорабочих — 3 коп. и даже для подростков — «робят» — не менее 2 коп. в день.

Этот номинальный уровень, несмотря на изменения и в весе денежной единицы и в ценах, сохранялся довольно долго. Так, например, каменщик получал в день по 4 коп. и в 1613, и в 1626, и в 1647 гг., т. е. за все время царствования Михаила Федоровича (1613—1645 гг.) эта норма не подвергалась никаким изменениям[2]. Характерно лишь, что последние годы и чернорабочий (ярыжка) расценивался уже по 4 коп.

Первое заметное повышение норм оплаты труда в Москве можно отметить в отношении иконописцев. В 1642 г. кормовые иконописцы получали всего по 5 коп. корма на день, а с 1660 г. они получают уже от 7 до 10 коп. в зависимости от квалификации. Сверх того, как видно из записи 1660 г., платили: «С сытного с дворца московским иконописцам: по 6 чарок вина дворянсково, по 4 кружки меду цыженого, по ведру браги человеку; с кормового дворца по 2 ествы ч. на день, с хлебенного дворца по тому ж да пироги; а городовым (провинциальным) иконником против того в полы»[3].

За 1658 г. мы встречаем уже запись и об оплате каменщиков вместо 4 коп. по 2 алтына, т. е. по 6 коп. в день, а рядовых работников — по 10 денег (5 коп.)[4]. Но в 1658 г. в Москве началась известная финансовая операция по чеканке серебряной монеты из меди, приведшая к народному бунту в 1663 г. И потому указанное повышение номинала поденной оплаты труда нуждается в известных оговорках. Однако до конца 1658 г. медные деньги еще ходили в Москве по довольно высокому курсу (1 руб. серебра = 1 руб. 04 коп. медью), и, стало быть, такое обесценение денег не могло само по себе объяснить отмеченное повышение зарплаты[5].

---

[1] Там же, стр. 46, 49 и др.

[2] А. А. Соколова и А. К. фон Мекк. Расходные книги и столпы поместного приказа (1626—1659 гг.), кн. 1. В записи от 8 октября 1626 г. читаем: «Каменщиком Якиму Олексееву с товарищи, трем человеком, да двум человеком ярыжным, всего пяти человеком корму на 2 дни, по 8-ми денег на день, итого 13 алтын 2 денги» (стр. 8) и далее в 1647 г.: «Каменщиком... да ярыжком... всего пяти человеком корму поденного на три дни, по 4 алтына человеку, а на день 8 денег» (стр. 120).

[3] Ив. Забелин. Материалы для истории русской иконописи.— «Временник московского общества истории и древностей российских», кн. 7, стр. 36—37, 62. Жалованные иконописцы в 1652 г. получали годовой оклад в 12—15 руб. деньгами, хлебом по 20 четвертей ржи и 20 четвертей овса, а во время работы еще по 3 коп. (с. 1667 г. по 6 и 10 коп.) поденного корму. Лучшие мастера иностранцы получали, конечно, гораздо больше — по 10—20 руб. в месяц, не считая всяких натуральных выдач (там же, стр. 15, 89 и 90).

[4] А. А. Соколова и А. К. фон Мекк. Указ. соч., стр. 297; «Каменных дел подмастерью Матюшке Фомину да двум человеком каменьщиком... на три дня корму, по 2 алтына ж человеку на день... Да работником... по 10-ти денег человеку па день...».

[5] Медные деньги Алексея Михайловича имели хождение к началу 1659 г. по 1 руб. 4 коп. за серебряный рубль, к 1660 г.— по 1 руб. 30 коп., к 1661 г.— по 2 руб., к 1662 г.— по 4 руб., к 1663 г.— по 9 руб., а к 15 июня 1663 г.— уже по 15 руб. за 1 серебряный рубль. После бунта их прекратили чеканить, принимая в казну по цене за 2 деньги рубль медью. В одной Москве медных денег было выпущено на 620 тыс. руб. (Н. И. Костомаров. Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII ст. СПб., 1862). Как известно, мелким фальшивомонетчикам в XVII в. заливали горло кипящим оловом, а цари, проделывая эту операцию в больших масштабах, пользовались почтением и уважением.

Скорее в объяснение этого повышения можно привести другой факт. Дело в том, что с 1535 по 1612 г. из фунта лигатурного серебра чеканилось 6 руб. деньгами, с 1613 г. их стали чеканить 8 руб., а с 1650-х годов — 8 руб. 64 коп. Правда, на рыночных ценах это снижение веса денег сказывалось всегда с порядочным запозданием, но все же сказывалось. А вслед за товарными ценами раньше или позже это отражалось и на оплате труда.

В 1662 г. во время дороговизны хлеба, вызванной большими выпусками медной монеты, на совещании торговых людей отмечалось, между прочим, что «*в прежних летах* можно было мастерскому человеку с женою быти сыту днем алтынным хлебом» [1]. Во второй половине века даже после ликвидации медной инфляции индекс дороговизны жизни, как будет показано ниже, заметно поднялся против прежнего уровня.

Вместе с тем мы наблюдаем и соответствующее повышение оплаты ремесленного труда. Уже в 1657 г., вместо прежних 4—5 руб. годового оклада казенных мастеровых, мы встречаем новую норму в *семь* рублей на год, причем по такой норме оплачивается не только портной и сапожник, но и простой сторож [2]. Поденный корм с 1658 г., как уже было отмечено выше, даже для рядовых работников и подмастерьев поднимается до 5—6 коп., а в 1674 г., по показанию Кильбургера, каменщик зарабатывал в день уже до 8 коп. [3] Кузнецы, токари, сторожа и конюхи в *подмосковных* хозяйствах Алексея Михайловича (1645—1676 гг.) получали от 3 до 7 руб. денежного жалованья в год и, сверх того, от 5 до 13 четвертей ржи и овса натурой, не считая поденного корма [4].

Впрочем, нужно думать, что на селе в те времена приходилось оплачивать вольнонаемный труд довольно высоко уже потому, что там его неоткуда было взять. Так, например, в донесении воеводы Сеитова от 1642 г. из царской экономии Яблонова (Курской губ.) читаем: «По твоему государеву указу велено, государь, мне, холопу твоему, в Яблонове пахать твоя государева десятинная пашня под ярь, также и под рожь... *охочими наемными людьми* с поденным кормом, а твоего государева жалованья, поденного корму, велено мне давать за работу пахарем и жнецом и от молотьбы по 10 денег, а бороно-волокам, государь, по 6 денег на день человеку..., а яблоновским, государь, служилым людям твоей государевой десятинной пашни в неволю пахать не велено. А в Яблонове, государь, *охочих людей нет*... И... я, холоп твой, в Яблонове велел пахать твою государеву десятинную пашню яблоновским стрельцам и казакам и пушкарям в неволю...» [5]

Как видно, хотя поденная плата сельскому батраку в 5 коп. равнялась высшей норме оплаты столичного мастерового-ремесленника того времени, охотников на такую оплату не легко было найти в деревне. И это понятно. Деревенская беднота к тому времени почти повсюду была основательно закабалена. Холопов или крепостных незачем было привлекать по найму, ибо их труд эксплуатировался на других основаниях. Свободных от всякого тягла «бобылей» и «сирот» было немного, да и те больше тянулись за заработком к городу или посаду. Сельского пролетариата в совре-

---

[1] М. В. Довнар-Запольский. Торговля и промышленность Москвы XVI—XVII вв.— Сб. «Москва в ее прошлом и настоящем», вып. VI. ч. III. М., 1910, стр. 65.

[2] А. А. Соколова и А. К. фон Мекк. Указ. соч., кн. 1, стр. 251.

[3] Б. Г. Курц. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев, 1915, стр. 169.

[4] А. И. Заозерский. Царь Алексей Михайлович в своем хозяйстве. Пг., 1917, стр. 199—207; К. А. Пажитнов. Положение рабочего класса в России, т. 1. Л., 1925, стр. 107.

[5] И. Н. Миклашевский. К истории хозяйственного быта Московского государства, ч. 1. М., 1894. Прилож. (курсив наш.— *С. С.*). За бороной могли ходить и подростки, отсюда пониженная для них норма оплаты — 3 коп. за день; столько же получали и женщины-жницы (там же, стр. 70).

менном смысле этого слова не было, да и городской пролетариат находился еще только в зачаточной стадии своего становления.

Правда, на окраинах государства, куда разбегались от помещиков их кабальные и всякие иные закрепощенные люди, были *свободные* рабочие руки. На них-то, очевидно, и рассчитывал царский указ воеводе Сеитову. Но при обилии никем не занятых земель на этих окраинах свободные рабочие руки находили себе, по-видимому, достаточное применение и помимо царских запашек.

Возвращаясь к городскому труду и подводя итоги, отметим, что если для первой половины XVII в. нормой поденной платы ремесленника мы можем считать от 3 до 5 коп., то для второй она поднимается до 5—8 коп., а иной раз, например у иконописцев, шапочников и закройщиков, она достигала и 10 коп. в день [1].

Таковы нормы оплаты ремесленного труда. Но начиная с XVII в. в феодальной России можно наблюдать уже некоторое «разложение ремесленного строя и рост капитализма» [2]. Правда, это только самые первые зачатки капитализма. Сведения о *капиталистической* эксплуатации наемного труда за это время крайне скудны и отрывочны. Тем не менее у нас имеются все же некоторые сведения об оплате труда на относительно крупных мануфактурах бесспорно капиталистического типа. И, таким образом, мы можем поставить вопрос о реальном уровне оплаты мануфактурного труда уже на заре капитализма, за 300 лет до пролетарской революции, и сравнить его с последним словом капитализма царской России.

б) Уровень цен XVII в.

Номинальный уровень оплаты ремесленного труда в XVII в. определяется с достаточной точностью. Но рубль XVII в. как мерило валютного значения этого уровня весьма далек от того рубля, какой нам столь хорошо известен из опыта XX в. В сущности реального рубля XVII в. вовсе не знал. Ходячей монетой в этом веке была лишь деньга. А рубль был только счетной единицей в 200 денег московских, или в 100 новгородских, известных также под именем «копейных» денег. Однако эволюция серебряного рубля в России гораздо лучше изучена, чем история домонгольской киевской гривны. И мы можем все основные моменты этой эволюции выразить в одной сжатой таблице (табл. 2).

Как видно из этой таблицы, составленной главным образом на основе известного исследования И. И. Кауфмана, и наш рубль, как и древняя гривна, пережил довольно длинную и скорбную историю. Из века в век, из царствования в царствование он, оставаясь все тем же по имени и числу составляющих его денег, становился реально все более тощим и легковесным. И если древняя гривна кун с X до XV в., т. е. за пять столетий, уменьшилась только в 10 раз, то рубль по содержанию в нем серебра успел сократиться примерно за такой же период своей истории по меньшей мере раз в 20 (табл. 2).

Систематическая порча монеты, как показывает наш опыт и опыт Запада, была одним из наиболее неотразимых соблазнов для властителей. Цари всех времен и народов тем более беспощадно преследовали у себя мелких фальшивомонетчиков, что считали это дело своей наиболее священной и прибыльной царственной привилегией.

В нашу задачу, однако, не входит углубляться в экономические причины столь существенной порчи монеты. Мы должны были отметить здесь только самый факт этой порчи, чтобы надлежащим образом учесть его при переходе от номинального к реальному уровню зарплаты XVII в. Но

[1] К. А. Пажитнов. Указ. соч., т. 1, стр. 106.

[2] С. Архангельский. Процесс образования промышленного пролетариата в Нижнем Новгороде.— «Труд в России», 1925, № 1, стр. 49.

Таблица 2

Эволюция серебряного рубля в России

Годы	Стопа: из 1 фунта лигатурного веса чеканилось			Проба	Район хождения
	руб.	гривен	денег		
1	2	3	4	5	6
1316	1	—	—	90	Тверь
1420—1494	2	30,8	432	»	Новгород
до 1535	2,4	37,0	520	»	»
1468—1535	5,20	52,0	1040	93,3	Москва
1535—1612	2,78	42,8	600	92,5	Новгород
1535—1612	6,00	60	1200	92,5	Москва
1613—1630	8,00	80	1600	(85)	Россия
1630—1680	8,64	86,4	1728	(85)	«
1682—1698	10,08	100,8	2016	(84)	«
1699—1710	14,40	144	2830	(84)	«
1718—1730	14,40	144	2880	70	«
1731—1763	15,84	158,4	—	77	«
1764—1796	17,06	170,6	—	72	«
1797—1914	19,74	197,4	—	83,3	«

и порча монеты и все другие моменты, определяющие этот уровень, отражаются прежде всего в товарных ценах, а потому и нам надлежит прежде всего обратиться к сопоставлению товарных цен XVII и XX вв.

В отношении цен на хлеб в зерне за XVII в. мы можем отметить огромный диапазон колебаний от 10 коп. до 9 руб. за четверть. Но если отбросить сверхголодные цены смутного времени, войн, осадных лет и тому подобных чрезвычайных обстоятельств, а также если не считаться с чрезвычайно дешевыми ценами таких провинциальных хлебных районов, как Казанский и Нижегородский, где рожь даже к концу XVII в. продавалась по 25 коп. за четверть, то нормальными ценами для первой его половины (1620—1631 гг.) можно считать в среднем 32 коп. (от 25 до 39 коп.), а для второй (1674 г.) — 65 коп. за четверть[1]. За 1913 г., считая в четверти 8,7 пуда, мы должны московскую цену четверти ржи определить в 7 руб. 50 коп.[2] Таким образом, индекс вздорожания ржи к XX в. с первой половины XVII в. достигает 23,5, а со второй — 11,5. Ключевский в начале 80-х годов XIX в. определял этот индекс по всем хлебам и районам для первой половины века в 12—14, для второй — в 17[3].

Для определения уровня жизни рабочего гораздо более показательными, однако, будут цены на муку, мясо и прочие предметы первой необходимости. Исходя из структуры потребления, зафиксированной в современном бюджетном наборе, и пользуясь ценами всех продуктов, имевших значение в рабочем бюджете уже в XVII столетии, мы получили следующее сопоставление (табл. 3).

За XVII в. до нас дошел довольно обильный материал по ценам. Но это относительное обилие по сравнению с более древней эпохой не следует преувеличивать. Лишь в редких случаях вошедшие в приведенную

[1] В. О. Ключевский. Сочинения, т. 7, стр. 226 и сл.; Б. Г. Курц. Сочинение Кильбургера о русской торговле..., стр. 177.

[2] «Ежемесячный статистический бюллетень по г. Москве», 1913, № 1—12.

[3] В. О. Ключевский. Сочинения, т. 7, стр. 237. Низкий индекс для первой половины XVII в. Ключевский получил путем удвоения фактических цен того времени, исходя из ошибочного мнения, что четверть тех лет вплоть до 50-х годов XVII в. составляла все еще 4 меры, а не 8; на самом деле удвоение четверти произошло гораздо раньше, до 1601 г.

таблицу расценки опираются на довольно значительное число сравнимых показаний за ряд лет. Гораздо чаще приходится опираться на два-три показания за целое столетие. Особенно много данных по ценам дают такие первоисточники, как «Торговая книга» (до 1610 г.), «Приходо-расходные книги казенного приказа» (1613—1614 гг.), «Расходные книги поместного приказа» (1626—1659 гг.), «Расходная книга Никона» (1651/62 г.), «Донесения де Родеса» (1650—1655 гг.) и известное сочинение Кильбургера о русской торговле (1674 г.). За остальные годы мы располагаем гораздо более скудными и по общему правилу весьма случайными данными различных исторических и юридических актов XVII в. или вообще не располагаем ничем.

Большая часть собранных нами в результате весьма кропотливой работы по памятникам XVII в. цен относится к московскому рынку. А потому и за 1913 г. во всех соответствующих случаях мы пользовались столичными ценами [1]. Провинциальные цены XVII в. сопоставлялись по возможности с аналогичными провинциальными ценами 1913 г. Тем не менее полной сравнимости сопоставляемых данных мы, конечно, не могли достигнуть. В отдельных случаях мы вынуждены были пользоваться и довольно искусственными приемами исчисления недостающих данных. Например, цены на баранину XVII в. определялись у нас по индексу цен живых баранов, цены рыбы (соленая сельдь для 1913 г.) мы исчислили для XVII в. по индексу вздорожания трески и семги, квартирную плату для XVII в.— исходя из индекса вздорожания строительства.

В случае с рыбой мы предпочли индексный расчет даже при наличии прямой цены на селедку. Имеется известие, что митрополит Никон купил в 1651 г. в Валдае 3600 сельдей за 1 руб. 08 коп., а по донесениям де Родеса, «тонна» (бочка) сельдей на московском рынке в 1652 г. стоила 4 руб. 15 коп. [2] Оптовые цены 1913/14 г. на сельдь по «Своду товарных цен» были за 1000 штук не ниже 40 руб. (Царицын), а за бочку (около 9 пуд.) — не выше 40 руб. Таким образом, цена сельдей за 1000 штук выросла, по этим данным, в 133 раза, а за бочку — только раз в 10. Сведения явно противоречивые. Но вес «тонны» де Родеса, как и размер штуки валдайской сельди, нам неизвестен. И потому мы предпочли исходить из индекса цен для тех видов рыбы, какие расценивались на вес.

В отношении квартирной платы нам известно, что громадное большинство ремесленников XVII в. жило в собственных избах и лишь около $^{1}/_{7}$ из них жило в наемных избах или даже в качестве угловых жильцов. По одной сохранившейся московской записи конца XVII в. портной-мастер Соколов снимал в доме старицы Ульяны квартиру — подклеть с сеньми — с оплатой по полугодиям и общей суммой годовой (?) аренды 48 алтын 4 деньги, т. е. 1 руб. 46 коп. [3] По московской переписи 1912 г. годовая плата за самую маленькую квартиру в одну комнату составляла в среднем по всему городу с пригородами без отопления 170 руб., т. е. в 116 раз дороже приведенной записи XVII в. Столь высокий индекс при одном только показании было бы рискованно принять за доказанный, и мы обратились к ценам строительства.

Стоимость рядового городского двора XVII в., составлявшая от 3 до 5 руб., зафиксирована в ряде источников. Между прочим, такие суммы

---

[1] Для 1913 г. мы пользовались помимо «Свода товарных цен» и других специальных статистических изданий («Справочник цен довоенного времени», ВСНХ, вып. I и II. М., 1922; «Средние общероссийские цены 1912 г.», ЦСУ. М., 1924; «Ежемесячный статистический бюллетень по г. Москве» за 1913 и 1914 гг.) и неопубликованными розничными ценами бюджетного индекса Статистики труда за 1913 г.

[2] «Расходная книга новгородского митрополита Никона. 1652 г.».— «Временник Московского общества истории и древностей российских», кн. 13, стр. 2; Б. Г. Курц. Состояние России в 1650—1655 гг. по донесениям Родеса. М., 1915, стр. 120.

[3] М. В. Довнар-Запольский. Торговля и промышленность Москвы XVI—XVII вв.— «Москва в ее прошлом и настоящем», вып. VI, ч. III, стр. 79.

Таблица 3

Уровень дороговизны в XVII в.

Бюджетный набор	Единица счета	Норма потребления	Цена за единицу			Стоимость набора (годовая норма)			Индекс вздорожания (1913 г.=100)	
			1600—1649 гг.	1650—1699 гг.	1913 г., руб.	1600—1649 гг.	1650—1699 гг.	1913 г., руб.	с 1600—1649 гг. гр. 9: гр. 7	с 1650—1699 гг. гр. 9: гр. 8
			коп.	коп.		коп.	коп.			
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
А. Продукты питания										
1. Мука ржаная	пуд.	10	5,0	10,6	1,20	50,0	106,0	12,00	24,0	11,3
2. Хлеб черный	»	2	5,8	10,7	1,05	11,6	21,4	2,10	18,1	9,8
3. Мука пшеничная	»	4	10,0	14,0	2,40	40,0	56,0	9,60	24,0	17,5
4. Хлеб белый	»	2	12,0	16,4	2,35	24,0	32,8	4,70	19,6	14,3
5. Крупа гречневая	»	2	12,0	14,0	1,84	24,0	28,0	3,68	15,3	13,1
Итого 1—5	»	20	—	—	—	149,6	244,2	32,08	21,4	13,1
6. Капуста свежая	»	2,5	0,8	1,1	0,36	2,0	2,7	0,90	45,0	33,3
7. Огурцы	сотня	1,2	1,8	2,3	0,75	2,4	2,8	0,90	40,9	32,7
8. Лук репчатый	пуд.	0,5	6,7	11,3	1,52	3,3	5,7	0,76	23,0	13,3
Итого 6—8	—	—	—	—	—	7,7	11,2	2,56	33,2	22,9
9. Говядина (2-го сорта)	»	1,5	22,4	28,0	7,40	33,6	42,0	11,10	33,0	26,4
10. Баранина	»	1,0	20,0	30,0	6,40	20,0	30,0	6,40	32,0	21,3
Итого 9—10	»	2,5	—	—	—	53,6	72,0	17,50	32,6	24,3

11. Масло коровье	пуд	0,3	74,0	100,0	17,80	22,2	30,0	5,34	24,1	17,8
12. Молоко цельное	ведро	3,3	5,5	8,0	1,50	18,2	26,4	4,95	27,2	18,7
13. Яйца	сотня	1,0	11,0	16,0	3,00	11,0	16,0	3,00	27,3	18,7
14. Рыба (сельдь соленая)	пуд	0,9	9,9	15,4	4,00	8,9	18,9	3,60	40,4	25,9
15. Масло растительное	»	0,4	71,0	123,0	5,48	28,4	49,2	2,19	7,7	4,5
16. Мед — сахар	»	0,6	65,0	91,0	5,84	39,0	54,6	3,50	9,0	6,4
17. Соль	»	0,5	20,0	20,0	0,30	10,0	10,0	0,15	1,5	1,5
Итого продукты питания	—	—	—	—	—	348,6	527,5	74,87	21,5	14,2
Б. Предметы одежды										
18. Крашенина-ситец	арш.	2,4	3,0	3,0	0,15	72,0	72,0	3,60	5,0	5,0
19. Холст — полотно	»	7	2,0	2,5	0,14	14,0	17,5	0,98	7,0	5,6
20. Сукно русское	»	2	5,0	5,0	1,60	10,0	11,0	3,20	32,0	29,1
21. Сапоги простые	пара	0,8	17,0	24,0	5,44	13,6	19,2	4,35	32,0	22,7
22. Овчина деланная	шт.	1	9,0	12,4	1,78	9,0	12,4	1,78	19,8	14,4
Итого 18—25	—	—	—	—	—	118,6	132,1	13,91	11,7	10,5
В. Жилище и пр.										
23. Дрова	воз	3	8,4	9,4	3,74	25,2	28,2	11,22	44,5	39,8
24. Топор	шт.	1	20,0	20,0	0,90	20,0	20,0	0,90	4,5	4,5
25. Жилище	кв. саж.	1,2	11,7	12,3	9,10	14,0	14,0	10,92	78,0	73,8
Итого 23—25	—	—	—	—	—	59,2	62,2	23,04	38,9	37,1
Всего по набору	—					526,4	721,8	111,82	21,2	15,5
То же в фунтах:										
Серебра	—		6,40	8,40	15,00	0,822	0,860	7,45	9,06	8,66
Золота	—		64,00	84,00	525,00	0,082	0,082	0,23	2,60	2,48

«на дворовое строение» выдавались кузнецам, стрельцам и пушкарям при посылке их на службу в окраинные города. В некоторых случаях городские дворы оцениваются всего в 2 руб., одна ветхая изба с кирпичной печью (а «в той избе ночуют работники») оценена еще ниже — всего в 90 коп., другая «избенка» — в 87 коп., но, с другой стороны, попадаются и более дорогие дворы — в 5 руб. 50 коп. и даже в 9 руб. 30 коп.[1] В общем мы приняли для первой половины XVII в. за нормальную расценку 4 руб. 50 коп., для второй — 4 руб. 70 коп. за двор. Дворы эти небольшие, конечно, но даже более мелкие из них, например новгородский «дворишко» ценою в 2 руб. (1612 г.), имели «горницу, сени, подсенье, повалушку, сенницу, баню, избушечку-ветчану, ворота, городьбу да в огороде печь». Заключаем отсюда, что они не меньше крестьянских дворов начала XX в. ценою в среднем около 350 руб. с учетом износа.

Все такого рода расчеты, взятые в отдельности, несомненно, далеки от точности, но тотальный индекс дороговизны жизни, полученный по всем 25 статьям, конечно, гораздо точнее и достовернее, чем это возможно было бы сделать по хлебным ценам или по ценам какого-либо иного товара.

Ввиду изменения веса рубля большой интерес представляет выражение стоимости бюджетного набора не в номинальной денежной единице, а в весе денежного металла, т. е. в фунтах чистого серебра или золота. Но и здесь правильнее будет исходить не из веса серебряного рубля в разное время, а из рыночной цены серебра в слитках. Дело в том, что при отсутствии свободной чеканки денег цена серебра, выраженная в серебряном рубле, далеко не всегда в точности соответствует весу этой денежной единицы.

«Торговая книга» 1575—1610 гг. дает в этом отношении такое указание: «А чистое серебро себе гривенку считай и емли без дву гривен за 3 рубля; а те 2 гривны на угар и на всякую протарь клади и от денежного дела давати»[2]. Из фунта лигатурного серебра тогда чеканили 6 руб., из гривенки в 48 золотников — 3 руб., а платили за ½ фунта чистого серебра в слитках, как видно из «Торговой книги», только 2 руб. 80 коп., т. е. 90% соответствующего веса в деньгах. Близкое к этому соотношение между ценой серебра в монетах и в слитках можно отметить и значительно позже. После 1613 г. фунт серебра в деньгах повысился до 8 руб., а в слитках — до 7 руб. 20 коп. (90%)[3]. С 1699 до 1711 г. фунт серебра в деньгах стоил уже 14 руб. 40 коп., а в слитках — 13 руб., т. е. опять-таки ровно 90% цены фунта денег[4]. А вот в 1913 г. мы имеем уже другое соотношение: из фунта серебра 83,3% чеканят 19 руб. 74 коп., полноценной монеты, а фунт чистого серебра в слитках стоил только 15 руб., т. е. едва 76% названной суммы[5]. Это объясняется, конечно, тем, что с введением в России золотой валюты покупательное значение серебряного рубля определяется не его собственным товарным содержанием, а ценою золота и установленным в законе соотношением между серебром и золо-

---

[1] «Акты юридического быта», т. II. «Купчие на дома и дворовые места 1612 и 1613 гг. (в Новгороде)», стр. 386, 388, 390; т. III. «Ценовая книга Владимирского кружевного двора 1672 г.», стр. 463—465; И. Н. Миклашевский. Указ. соч. (данные 1640 г.), стр. 149; Ив. Забелин. Большой боярин в своем вотчинном хозяйстве. 1658/59.— «Вестник Европы», т. 1 и 2, 1871 г.; «Записная книга о продаже хлеба. 1670 г.» — «Временник Московского общества истории и древностей российских», кн. 6. М., 1850, стр. 11.

[2] «Торговая книга». Под ред. Сахарова. СПб., 1851, стр. 14.

[3] В 1643 г.: «Ковш серебрян бел, весу 3 гривенки, по 2 алт. по 3 денги золотник, от дела 20 алт.» («Материалы для истории русской иконописи», собранные Ив. Забелиным, стр. 10). Ср. такие же расценки А. А. Соколова и А. К. фон Мекк. Указ. соч., кн. I, стр. 13, 16, 23, 29, 38.

[4] И. И. Кауфман. Серебряный рубль..., стр. 135.

[5] «Средние общероссийские цены», ЦСУ. М., 1924, стр. 7—12 (золото 525 руб., а серебро-прокат 15 руб. за фунт).

том в монетной системе. Но так или иначе при переводе стоимости бюджетного набора на серебро мы должны исходить из *рыночного* значения этого товара.

Как видим из нашей таблицы, стоимость бюджетного набора, выраженная в серебре, выросла за 300 лет раз в 9, а в золоте — только в 2—3 раза [1]. Это значит, что серебро за это время сильно дешевело в отношении других товаров. Но это наблюдение можно отнести не только к серебру, а и ко всем другим продуктам промышленного производства. Сельскохозяйственные товары, наоборот, показывают наибольшее вздорожание по сравнению со всеми другими. Конечно, объяснение этому факту следует искать в различных темпах роста производительности труда в разных отраслях хозяйства.

Общий рост производительных сил страны за капиталистический период ее развития, судя по приведенным сдвигам цен, в различных производствах был немалый. Сколько-нибудь точное определение масштабов этого роста представляет слишком сложную задачу, для разрешения которой мы еще не располагаем достаточными данными. Но некоторое представление об этом можно получить уже из сопоставления ценовых сдвигов, выявленных в таблице. Если допустить, что в какой-либо наиболее отсталой области хозяйства, например в разведении мясного скота, за последние 300 лет не было никакого прогресса, что, конечно, неверно, то в других областях труда пришлось бы все же, исходя из *относительного* уменьшения цен, исчислять достигнутое повышение уровня производительных сил в 5—6 и более раз. Особенно велики эти сдвиги в области промышленной продукции, наиболее полно охваченной за это время процессом *капиталистического* развития. Как же, однако, отразился этот прогресс на уровне жизни пролетариата, мозолистыми руками которого он осуществлялся?

Для ответа на этот вопрос необходимо обратиться к данным о динамике оплаты наемного труда в царской России за весь изучаемый нами период.

* * *

Только с ликвидацией крепостного права в России капитализм стал господствующей в ней формацией. Только с этого момента, надо полагать, вступил здесь в полную силу и «закон прибавочной стоимости», который более всего подходит к понятию основного экономического закона домонополистического капитализма. Однако в качестве одного из общественных укладов в виде дореформенной крупной промышленности российский капитализм получил свое начало еще в недрах феодализма. И уже там «закон рождения и возрастания капиталистической прибыли» в качестве *основного* закона капитализма достаточно ярко проявлял свои характернейшие черты. Нельзя того же сказать о всех других законах, свойственных развитому капитализму.

Например, закону *средней* нормы прибыли отнюдь не благоприятствовала феодальная обстановка. В одних отраслях производства преобладал свободный труд, в других — разные формы принудительного труда. Одни из них раньше овладевали передовой техникой, например в обработке хлопка, другие позже, например на дворянских суконных мануфактурах. Первые, удешевляя производство, повышали свою рентабельность; вторые, характеризующиеся отсталой техникой, вынуждены были довольствоваться падающей рентабельностью, возмещая до поры до времени свои потери за счет усиленной эксплуатации своей подневольной

[1] Золото к началу XVII в. расценивалось в Москве по «Торговой книге» (СПб., 1851, стр. 14) в 10 раз дороже серебра, в XVIII в. оно расценивается уже в 12,9 раз дороже (Н. И. Кауфман. Серебряный рубль..., стр. 135, 147). Но мы условно за весь XVII в. принимаем соотношение «Торговой книги».

рабочей силы. И в общем нормы рентабельности как в межотраслевом разрезе, так и в *особенности там, где фабрика соприкасалась с мануфактурой* в одной и той же отрасли труда, отличались крайней пестротой.

Закон средней нормы прибыли в качестве своей предпосылки предполагал такие условия конкуренции капиталов, каких еще не обеспечивал мануфактурный строй. Напомним, что мануфактура, выделяясь как архитектурное украшение на широком основании городского ремесла и сельских промыслов не могла еще «ни охватить общественное производство во всем его объеме, ни преобразовать его до самого корня» [1]. И в основе ценообразования той эпохи, как видно, в частности, из практики Берг-коллегии, еще во второй половине XVIII в. лежали, по-видимому, фактические издержки производства, т. е. закон стоимости в его первоначальной форме, а не цены производства, соответствующие требованиям закона *средней* нормы прибыли.

Феодальные общественные отношения не особенно благоприятствуют и образованию промышленной резервной армии в сколько-нибудь крупных размерах. А это обстоятельство в числе других ставит под вопрос для дореформенной эпохи и некоторые законы, регулирующие *уровень* заработной платы в условиях зрелого капитализма. В буржуазном обществе, как известно, уровень заработной платы как цена рабочей силы определяется стоимостью воспроизводства этого товара, т. е. «*стоимостью жизненных средств*, необходимых для того, чтобы произвести, развить, сохранить и увековечить рабочую силу» [2]. И хотя этот уровень подвержен во времени и пространстве весьма значительным колебаниям, «общая тенденция капиталистического производства ведет не к повышению среднего уровня заработной платы, а к понижению его, то есть в большей или меньшей степени низводит *стоимость труда* до ее *минимального предела*» [3].

Изучая экономику мануфактурной стадии развития капитализма в России, нельзя пройти мимо вопроса о том, в какой мере указанные закономерности и тенденции проявлялись уже в крепостной период оплаты вольнонаемного и подневольного труда.

Сопоставляя формы эксплуатации античного раба, крепостного крестьянина и наемного рабочего, Маркс устанавливает между ними следующие существенные признаки сходства и различия. Сходство заключается в том, что все они *вынуждены* предоставлять своим эксплуататорам без всякого эквивалента известную долю своего рабочего времени в качестве *неоплаченного* труда. А различие этих форм ярче всего сказывается в том, что «на основе системы наемного труда даже *неоплаченный* труд представляется *оплаченным трудом*. У *раба*, наоборот, даже оплаченная часть его труда представляется неоплаченной» [4]. И лишь в условиях феодализма, когда крестьянин, отработав три дня на себя, в своем хозяйстве, шел отбывать задаром барщину на полях помещика, «оплаченная часть труда была осязательно отделена во времени и пространстве от неоплаченной» [5].

Различая эти три разных типа оплаты труда, вытекающие из различия исторических форм его организации и эксплуатации, нетрудно убедиться, что заработная плата рабочих русской дореформенной мануфактуры никак не укладывается в рамки *феодальных* общественных отношений. Независимо от того, кто ее получал — вольнонаемный, посессионный или крепостной рабочий мануфактуры, оплаченная и неоплаченная доли труда здесь были нераздельно слиты одна с другой, создавая обманчи-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 381.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 16, стр. 133.
[3] Там же, стр. 154.
[4] Там же, стр. 136.
[5] Там же, стр. 137.

вую видимость оплаты *всего* рабочего дня по типу заведомо капиталистических отношений, даже в тех случаях, когда заработную плату получал не свободный человек.

Конкретные различия в размерах оплаты вольнонаемного и подневольного труда в разное время были весьма различны. В петровскую эпоху, по-видимому, крепостные рабочие на заводах Демидова получали равную плату с наемными. Но это равенство за пределами заводов тотчас же нарушалось неравенством обложения крепостных и прочих рабочих оброками и подушными платежами. Тот же Демидов в роли помещика отбирал у своих рабочих в форме оброка значительную долю заработка, который он им выплачивал в роли заводчика. А позже и на заводах свой, подневольный, рабочий оплачивался уже значительно ниже пришлых со стороны, поскольку он освобождался от платежа оброков заводчиком. Таким образом, всю разницу в оплате тех и других можно рассматривать как вычет владельцем завода из заработка своих рабочих причитающейся ему с них феодальной ренты. Понятно, что и пришлые на завод со стороны вольнонаемные рабочие, если они были из помещичьих крестьян, платили подобную феодальную ренту, только не заводчику, а своему помещику.

Возникает вопрос: как эти вычеты отражались на уровне жизни рабочих феодальной эпохи?

В том, что они снижали его, не может быть сомнения. Феодальные оброки к тому же сильно росли в крепостной России с развитием крестьянского отхода на внеземледельческие промыслы и заводские работы. За один лишь XVIII в. они выросли раз в 10, быстро обгоняя номинальный рост заводской оплаты труда. И это вело к снижению реального уровня жизни наемных рабочих крепостной эпохи. Но, с другой стороны, почти полное отсутствие *резервной* промышленной армии при все возрастающем спросе заводов на рабочую силу в дореволюционную эпоху могло, в силу закона спроса и предложения, содействовать и обратной тенденции — повышению оплаты наемного труда и уровня жизни трудящихся. Какая из этих противодействующих тенденций брала верх — это уже вопрос фактов и конкретного их статистического исследования.

Обращаясь к фактам, можно отметить отдельные случаи вольного найма даже в раннюю эпоху феодализма в России. Так, например, мы уже приводили известие, что, когда Ярослав около 1051 г. захотел построить Георгиевскую церковь в Киеве и для этого *не нашлось* достаточно строителей, он приказал «возить куны на телегах» к месту стройки и объявить на торгу, что каждый получит за труд по ногате в день[1]. Сопоставив эту расценку рабочего дня с ценами времен «Русской Правды» («а за боран — ногата»), убеждаемся, что тогдашние нормы оплаты вольнонаемного труда были довольно высокими: заработком одного дня можно было прокормиться с семьей целую неделю.

В дальнейшем эти расценки труда в реальном их значении резко снижаются. Так, в Псковской летописи сохранилась запись о постройке каменной стены в г. Гдове, где 300 «наймитов» в 1431 г. за 163 календарных, или 140 рабочих, дня заработали 300 руб., т. е. по 1,5 новгородской деньги за день. По ценам новгородских писцовых книг XV в. за 1,5 деньги можно было купить уже максимум *полбарана,* или около 24 *кг* (1,5 пуда) ржи, или от 1,5 до 3 ковриг печеного хлеба[2]. Получка на один трудодень тоже немалая, однако же она *вдвое меньше* вышеприведенной нормы XII в.

---

[1] Макарий. Указ. соч., т. 1, стр. 67.

[2] По городским ценам Пскова середины XV в. на 1,5 деньги можно было купить еще меньше (Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 712). Но расценки писцовых книг как менее случайные заслуживают, на наш взгляд, большего доверия.

По свидетельству Герберштейна, в 1517—1526 гг., рядовой поденщик получал 1,5 московской деньги, а ремесленник — 2 деньги за день. За 2 деньги можно было купить в начале XVI в. 12 фунтов пшеницы, или около полпуда ржи, или до одной четверти барана[1]. Таким образом, уже только за один век (с 1430-х до 30-х годов XVI в.) поденная плата ремесленника в России упала в своем реальном значении еще вдвое, а по хлебу и втрое. Нужно учесть, однако, что XVI в., начиная с 20—30-х годов, был веком глубокой революции цен, причем не только у нас, но и на Западе, с той лишь разницей, что у нас эта революция была еще глубже. Если на Западе средний рост цен за столетие принимается в 2—2,5 раза, то у нас они выросли по скоту в 2,5 раза, по хлебу — в 4—4,5 раза, а в среднем по всем товарам — до 3—4 раза[2].

Одной из важнейших причин указанной революции цен было последовавшее за открытием Америки в самом конце XV в. наводнение Европы через Испанию более дешевым американским денежным металлом. Награбленные испанскими конквистадорами в Америке, а также добытые там с открытием новых богатейших месторождений дешевые золото и особенно серебро хлынули обильным потоком во все страны Европы.

Наиболее резкий скачок в добыче серебра, по Зоэтбееру, имел место во второй половине XVI в. Ежегодная его добыча поднялась с 30 *т* в 1521—1545 гг. до 312 *т* в 1546—1560 гг., т. е. более чем в 10 раз. Добыча золота возросла за те же годы всего лишь на 19%. По отношению к золоту серебро упало в цене на Западе за XVI в. почти в 2,8 раза, а по отношению к товарам в России — еще значительнее. Этому содействовало уменьшение веса московской деньги путем чеканки из 1 фунта серебра с 1535 г. вместо 1040 денег 1200 денег. Всего за XVI в. поступило вновь в денежное обращение в Европе одного лишь серебра свыше 20 млн. *кг* на сумму в 288 млн. руб. в деньгах тогдашней чеканки, а в переводе на валюту 1913 г., по индексу цен к концу XVI в.— не менее 7,2 млрд. руб.[3] Учитывая, что к этому времени во всей Европе насчитывалось около 100 млн. душ населения, указанный приток серебра в среднем на душу составлял до 72 руб. 1913 г.

Такой скачок в притоке денежного металла в феодальное, т. е. в своей основе натуральное, хозяйство Европы был чреват большими последствиями. Огромное увеличение денежного спроса на все товары создавало новые стимулы и новое направление производства — оно начало развиваться не только ради потребления, а и ради сбыта, для превращения продуктов в деньги и капитал. Широкое развитие получила международная торговля и спекуляция колониальными товарами, которая, превращаясь в наглое ограбление колоний, стала одним из крупнейших источников первоначального накопления капитала в странах Запада, особенно в таких, как Испания и Португалия, а затем Голландия, Франция и Англия. Именно о них пишет К. Маркс в «Капитале»:

«Открытие золотых и серебряных приисков в Америке, искоренение, порабощение и погребение заживо туземного населения в рудниках, первые шаги по завоеванию и разграблению Ост-Индии, превращение Африки в заповедное поле охоты на чернокожих — такова была утренняя заря капиталистической эры производства»[4].

---

[1] П. П. Смирнов. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века, т. 1. М., 1947, стр. 68; А. Г. Маньков. Цены и их движение в Русском государстве XVI века. М.— Л., 1951.

[2] А. Г. Маньков. Указ. соч., стр. 42, 72, 73. Возможно, однако, что Маньков не учел в своих индексах удвоения четверти к концу XVI в.

[3] Покупательная сила рубля 1550 г. по ценам 10 важнейших продуктов потребления почти в 43 раза превышала покупательную силу рубля 1913 г., а к 1600 г.— в 25 раз.

[4] К. Маркс. Сочинения, т. 23, стр. 760.

Приливная волна дешевого серебра докатилась через торговые каналы и до Московского государства XVI в. Это она была основной причиной революции цен XVI в. и в нашей стране. И нашим историкам следовало бы уделить больше внимания этой революции в связи с последующими за ней событиями. Ведь только прилив в страну денежного металла мог обеспечить то расширение товарно-денежного обращения в XVI в., которое подготовило у нас образование всероссийского рынка в XVII в. Только этот прилив позволил так быстро перевести большую часть феодальных крестьянских повинностей из натуральных в денежные. Вместе с тем разве не вздорожание хлебных цен в несколько раз побудило феодалов к расширению собственных запашек и столь отяготительному для крестьян повышению феодальной ренты, что оно вызвало массовое их бегство с насиженных земель и глубокий аграрный кризис XVI в.? И разве не этот кризис был последним толчком к лишению крестьян их права перехода на другие свободные земли и окончательному их прикреплению к земле своих помещиков?

Однако эта понятная реакция русского феодализма на победоносное вторжение в его пределы товарно-денежного обращения лишь углубляла противоречия между статутом закрепощенной деревни и растущими требованиями нового хозяйственного уклада, заявившими о себе уже с появлением первых русских мануфактур XVII в., ибо мануфактуры нуждались в значительном расширении рынка рабочей силы.

Вольный наем, как мы уже видели, имел место и до XVII в., но это был, как правило, *не* капиталистический наем. Наем каменщиков или древоделов для постройки городских стен, мостов и церквей не служил задачам извлечения прибылей и накоплению капитала у нанимателя. Но с XVII в. в этом отношении наблюдается решительный сдвиг. С этого времени мы можем изучать уже закономерности *капиталистического* найма в различных его модификациях.

3. ЭПОХА МАНУФАКТУРНОГО ТРУДА

а) Труд в крепостной России XVII — XVIII вв.

До XVII в. в России все производство носило характер мелкого, ремесленного. Раньше других в связи с интересами обороны страны характер крупного производства приняло у нас горное дело, в частности железоделательное производство. После «смутного времени», при первом царе из дома Романовых — Михаиле Федоровиче (1613—1645), были у нас открыты первые чугуноплавильные и железоделательные заводы в Туле. Готовясь к войне с Польшей, правительство с охотой привлекало заграничных мастеров и инженеров. Нашлись в их числе и заводчики из иностранных капиталистов. Первым из них оказался голландец Андрей Виниус с товарищами, получивший в 1632 г. концессию на постройку в 15 верстах от Тулы завода для выделки чугуна и железа с обязательством «наймовать к тому делу всяких русских людей по доброте, а не в неволю» и поставлять в казну пушки, ядра, ружейные стволы и пр.

Таким образом, этот Тульский доменный и оружейный завод можно считать первым значительным предприятием с капиталистической эксплуатацией вольнонаемного труда в феодальной России. На нем имелись водяные механические двигатели, две домны в 11 арш. высотой с выплавкой по 100—120 пудов чугуна в день. Работало на нем к 1647 г. 56 постоянных рабочих с оплатой в среднем по 8,8 коп. в день и 66 сезонных (углежоги, возчики) с оплатой 5—6 коп. за день. Кроме того, на добыче руды работало не менее 50 «ровщиков». Зарабатывали они сдельно

по 2 алтына, т. е. по 6 коп., в день (за воз в 25 пудов очищенной от земли и камней руды)[1]. Эта норма оплаты, по-видимому, была довольно типичной для данной эпохи. Имеются сведения и о другом горном (медеплавильном) заводе в Соликамском уезде, Пермской губ. (близ Пыскорского монастыря), действовавшем с 30-х годов XVII вв. до 1657 г., где работа производилась *вольнонаемными* людьми и оплачивалась *поденно*: конные — по 12 коп. и пешие — по 6 коп. в день[2].

Если учесть, что поденный корм выдавался в то время не только за будние, но и за праздничные дни, то месячный «корм» заводского рабочего придется определить в 6 коп. × 30, т. е. в 1 руб. 80 коп. в месяц, не считая весьма обычных в XVII в. дополнительных выдач натурой. Годовой заработок, стало быть, даже при 10 месяцах работы определится в 18 руб., а за полный год его можно считать, на заводской работе до 21 руб. 60 коп. на рядового вольнонаемного работника. Это, очевидно, была не слишком высокая норма оплаты для заводского труда того времени, ибо Пыскорский завод закрылся, по имеющемуся свидетельству Крамаренкова, из-за *недостатка рабочих рук*.

Таким образом, в первой половине XVII в. на заводской работе рядовой пролетарий оплачивался на 20% выше квалифицированного ремесленника. Объясняется эта разница в пользу заводских рабочих, очевидно, все тем же недостатком «свободных» рабочих рук в условиях феодализма, о котором мы уже упоминали. Заводы строились на новых местах, вдали от крупных городских центров, и туда привлекать вольнонаемный труд было тем труднее, что городские ремесленники были привязаны оседлостью к своим местам и не имели особой нужды менять свою профессию и место работы.

Во второй половине XVII в. заработок заводских рабочих повышается. Из описания Тульского завода стольником А. Д. Фон-Визиным от 1663 г. видно, что на этом заводе работали до 300 дней в год и зарабатывали: обученные русские мастеровые по 30—40 коп. медью, а необученные («молотом бьют вольные люди») — по 20 коп. медных за день. Из сопоставлений с прежними нормами видно, что 2 алтына серебром приравнивались в то время на заводе 4 алтынам медью. Значит, в переводе на серебро заработки колебались от 10 до 20 коп. за день. Но сверх того те же работники получали натурой хлеба до 2 четвертей и соли от 20 фунтов до 1 пуда в год[3].

По свидетельству Кильбургера (1674 г.), оплата труда на тогдашних тульских железоделательных заводах достигала следующих размеров. Молотовые мастера получали с пуда железа 1 алтын (3 коп.), работники-подмастерья — по 2 коп. и носильщики угля (чернорабочие) — по полкопейки. При этом на одном горне можно было ежедневно вытянуть и отковать до 25 пуд. пруткового железа. Отсюда получаем заработок мастера до 75 коп. в день. Но, вероятно, это предельные нормы заработка. Поэтому следует исходить из более умеренных норм выработки *уральских* заводов, где каждый мастер с подмастерьем обязывались выковать в неделю «*не* менее 80 пуд. железа», т. е. в среднем по 13,3 пуда в день[4]. Это, несомненно, уже вполне реальная норма. Имеется известие, что Петр Великий в одно из своих посещений железоделательного завода (в 1696 г.) собственноручно выковал на пробу за день 18 пудов железа и потребовал себе

---

[1] И. Гамель. Описание Тульского оружейного завода в историческом и техническом отношении. М., 1826, стр. 10—11; Юлий Гессен. История горнорабочих СССР, т. I. М., 1926, стр. 22; С. Г. Струмилин. История черной металлургии в СССР. М., 1954, стр. 106 и сл.

[2] И. Гамель. Указ. соч., стр. 17.

[3] Там же, стр. 40 и сл.

[4] Б. Г. Курц. Сочинение Кильбургера о русской торговле..., стр. 169; К. А. Пажитнов. Указ. соч., т. 1, стр. 110.

уплаты по норме молотового мастера, т. е. по 3 коп. с пуда [1]. А ведь царь не был профессионалом в этом деле. Однако и при средней норме выковки в 13,3 пуда дневной заработок мастера составит около 40 коп., подмастерья — 20 коп. и чернорабочего — 6,5 коп.

Из подробной описи тульских железоделательных заводов 1690 г. имеем следующие сведения. Доменные мастера получали от 100 до 150 руб. за год, другие мастера — от 35 до 70 руб., угольный подмастерье — 40 руб. в год, доменный — 15 коп. в день, другие подмастерья и работники — по 25 руб. в год, или по 8—10 коп. в день, а сдельно молотовые мастера, как и в 1674 г., получали по 3 коп. и подмастерья — по 2 коп. с пуда выкованного железа. Ставку ниже 8 коп. в день получали, по-видимому, лишь подростки до 17 лет и дети [2]. Кроме того, кое-что следует к этому прибавить за счет натуральных доплат хлебом и солью.

Конечно, заводских «мастеров» XVII в. (за исключением разве доменного мастера), а тем более подмастерьев, следует относить к рядовым рабочим, а не к административно-техническому персоналу, как это можно было бы думать, исходя из современной нам практики. Тогдашние «мастера» сами ковали молотом, а подмастерья выполняли роль молотобойцев и прочих подручных. Учитывая это, при выводе средней нормы оплаты труда заводского рабочего по трем описанным Фон-Визиным заводам мы определили ее для второй половины XVII в. в среднем для всех рабочих, включая подростков, в 10—12 коп. за день, или в 25—30 руб. в год.

Ткачи Кадашевской мануфактуры зарабатывали значительно меньше. Поденная их ставка даже во второй половине XVII в. колебалась в пределах от 3 до 6 коп. за кормовой день (включая праздники). В среднем для 29 человек, о которых мы нашли сведения за 1681—1682 гг., эта ставка составила около 4,5 коп. в день, а за 1692 г. она определилась в среднем за шесть с лишком тысяч кормовых дней в 5,2 коп. за день, не считая «добавочных» кормовых денег, которые доплачивались ткачам по разным случаям и повышали среднюю ставку на круг почти на 0,7 коп. за день. В общем московские ткачи Кадашевской царской мануфактуры к концу XVII в. зарабатывали, стало быть, с добавочными около 5—6 коп. за кормовой день, т. е. не менее 1 руб. 50 коп. в месяц, или 18 руб. в год [3].

Начиная с XVII в. на русских мануфактурах, включая и доменные заводы, изготовлявшие товары на продажу ради извлечения прибавочной стоимости, эксплуатация наемного труда носила уже бесспорно капиталистический характер. Но и значительно позже, когда на этих заводах наряду с наемными рабочими стали все чаще привлекаться к труду приписные и крепостные люди заводчиков, получавшие на равных основаниях с другими свою повременную и сдельную заработную плату, это не изменило основных задач и общего типа эксплуатации. Заработная плата этих рабочих, несмотря на отсутствие договоров найма, уже по своей форме *принципиально* отличалась от старых методов оплаты и эксплуатации труда, типичных для докапиталистических формаций. В отличие от феодальных отношений эксплуатации, когда оплаченный и неоплаченный труд крепостного четко отделялись друг от друга во времени и пространстве, в заработной плате даже подневольных заводских рабочих и тот и другой неразличимо сливаются воедино. В отличие от общественных отношений рабства, где даже оплачиваемая доля труда, по Марксу, представляется неоплаченной, в заводском заработке не только вольнонаемного, но и подневольного рабочего дореформенной эпохи даже неоплаченный труд приобретал облик оплаченного. Но дело не только в этом облике.

---

[1] И. Гамель. Указ. соч., стр. 24.

[2] В. Ю. Гессен. Труд детей и подростков в фабрично-заводской промышленности России от XVIII века до Октябрьской революции, т. I. М.— Л., 1927, стр. 168 и сл.

[3] «Крепостная мануфактура в России», ч. III. Л., 1932.

Важнее то, что и по существу расходы на заработную плату *всех* рабочих дореформенной *мануфактуры* являлись уже *переменным капиталом* заводчиков, авансированным не для производства потребительских ценностей, а для воспроизводства самого капитала в расширенных масштабах. И отдельные категории рабочих различались с указанной точки зрения в экономическом отношении лишь возможностями их эксплуатации.

Как же изменились эти возможности во времени?

В XVII в. в связи с дальнейшим обесценением денег, ростом цен и дороговизны жизни возрастала и номинальная заработная плата. В начале XVII в. по расценкам 1613/14 г. в Москве даже рядовые ремесленники получали поденно по 3—4 коп. «корму» на день. И недаром на совещании торговых людей в 1662 г. по случаю дороговизны, вызванной чеканкой медной монеты взамен серебра, отмечалось, что «в прежних летех можно было *мастерскому человеку* и с женою быти сыту днем алтынным хлебом» [1]. Если учесть, что за алтын можно было в эти «прежние лета» купить ковригу хлеба весом в 20 фунтов, то насытить ею не трудно было хоть целое семейство.

Однако оплата наемного труда на первых русских мануфактурах была в среднем еще много выше указанных норм оплаты ремесленного труда. И главной причиной этого была высокая оплата труда мастеровых-иноземцев, привлекавшихся на эти мануфактуры в большом числе. Поэтому с постепенной заменой иноземных мастеров русскими мастеровыми средний уровень оплаты труда на дореформенной мануфактуре стал заметно падать. Снижению его содействовало в дальнейшем и возрастающее в XVIII в. число подневольных рабочих, вынужденных довольствоваться более низкой зарплатой по сравнению с вольнонаемными кадрами. И лишь в XIX в., по мере ликвидации подневольных кадров, могла обнаружиться обратная тенденция к повышению средней оплаты мануфактурного труда.

Таблица 4

Номинальная оплата труда рабочих в черной металлургии России деньгами и натурой

Год	Доменный цех за год, руб. серебром			Кричный цех, за пуд коп. серебром				В среднем по всем цехам		
	мастер	подмастерье	работник	деньгами	хлебом	итого		за год, руб.	поденная	
						коп.	%		коп.	%
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1647	150*	36,5	17,5	6,5	—	6,5	100,0	43,9	17,5	100,0
1696	110*	33	17	6,0	—	6,0	92,3	39,2	15,7	89,7
1726	44	18	15	4,5	—	4,5	69,3	27,2	10,9	62,3
1766	36	24	16	4,25	—	4,25	65,4	25,3	10,1	57,7
1829	63,5	40.	32,5	3,52	1,95	5,47	84,2	28,6	11,4	65,2
1847	75,4	42	32	5,32	1,89	7,21	111,0	42,2	16,9	96,6
1860	117,6	100	56,5	(7,60)	4,45	12,05	185,4	76,5	30,6	174,9

* Иноземцы и русские.

Все эти воздействия феодальной обстановки на уровень заработной платы мануфактурных кадров всего заметнее сказались на *динамике заработной платы* рабочих *железоделательных* заводов вообще, а на Урале, где эта обстановка всего сильнее тормозила промышленное развитие,— в особенности (табл. 4).

[1] М. В. Довнар-Запольский. Торговля и промышленность Москвы XVI—XVII вв.— «Москва в ее прошлом и настоящем», вып. VI, ч. III, стр. 63, 65.

Приведенные цифры 1647 и 1696-х годов относятся к тульским заводам Марселиса и Акемы, а затем Нарышкина, где в XVII в. господствовал вольнонаемный труд. За остальные годы мы использовали наиболее достоверные данные казенных уральских заводов, в том числе начиная с 1766 г. штатные нормативы Гороблагодатских и Камских заводов. Преобладание подневольного труда на этих заводах в начале XIX в. было особенно значительным, а оплата труда даже в денежном выражении — особенно низкой. Может быть, именно поэтому уже с 1799 г. на казенных заводах денежная зарплата подкрепляется *безденежной* выдачей хлебного провианта всем рабочим, составлявшей к 1800 г. до 30 коп. ассигнациями, или 20 коп. серебром, на пуд железа. Но и до 1799 г. на всех заводах практиковалась выдача горнозаводским рабочим хлеба по *удешевленным* ценам, что, к сожалению, не нашло своего стражения в приведенных данных.

Средняя поденная плата выведена нами выше из расчета 250 рабочих дней в году. Но фактически она колебалась довольно значительно и по цехам, и во времени.

Трудно было достигнуть полной сопоставимости данных об оплате труда за разные годы и в связи с изменениями состава рабочих по их квалификации. В XIX в. вследствие включения в их состав наименее обученных внезаводских «непременных» работников эта квалификация *оплачиваемых* кадров заметно снизилась, что не могло не сказаться и на общем уровне оплаты учтенных кадров. Однако, несмотря на все эти оговорки, приведенный динамический ряд показателей за два с лишком столетия заслуживает серьезного внимания.

Интересно уже то, что средний уровень оплаты *заводского* труда на первых порах *значительно превышал* нормы оплаты труда *ремесленного.* Это проявлялось не только в оплате мастеров из иноземцев, но и рядовых русских работников, поденная оплата которых поднималась до 7 коп. против 3—4 коп. в мелком ремесленном производстве. Другими словами, уровень оплаты труда в крупном производстве с мануфактурным разделением труда был вдвое выше, чем в ремесленном. Первые заводчики-капиталисты вроде Виниуса, Марселиса и Акемы делали это, конечно, не из любви к русским рабочим, а лишь потому, что за отсутствием резервной промышленной армии в условиях феодализма они не находили более дешевых рабочих рук на рынке труда. Кроме того, более высокая производительность труда в мануфактурах позволяла им идти на более высокую оплату рабочей силы. Чрезвычайно высокая рентабельность первых мануфактур давала им возможность оплачивать труд иностранцев по более высоким ставкам, чем они платили русским рабочим. В частности, мастерам-иноземцам они готовы были платить и по 120—150 руб. в год до тех пор, пока не смогли заменить их русскими мастерами с оплатой в 36 руб. или около того.

Отсутствие значительных резервов вольнонаемного труда восполнялось подневольными кадрами приписных и крепостных крестьян и вечно отданных рабочих. При этом оплата подневольного труда приписных крестьян жестко ограничивалась на целые десятилетия указными ставками казенного плаката. Но заводской труд всегда оплачивался значительно выше этих твердых ставок, в чем, конечно, выражалось влияние вольного рынка труда и его объективных законов. Из-за отсутствия резервов безработных заводчики переманивали друг у друга заводских мастеровых повышенной оплатой, независимо от наличия у них «отпусков» и других формальностей. Прикрепление рабочих к заводам в 30-х годах XVIII в. не ликвидировало этой практики. И если, скажем, в 1733 г. на казенных заводах Урала оказалось 109 мастеровых, перебежавших туда с заводов Ак. Демидова, то к 1737 г. с казенных заводов на заводы Демидова за

один лишь год перебежало 410 рабочих[1]. По-видимому, оплата труда рядовых рабочих на частных заводах была выше, чем на казенных, но зато на казенных выше оплачивался труд наиболее квалифицированных мастеров. В самом деле, в Горном уставе Татищева находим не одно подтверждение сказанному в приведенном там сопоставлении ставок оплаты труда на казенных и частных заводах.

Сопоставление это осложняется тем, что для казенных заводов показаны нормы *годовой* оплаты труда, а на частных преобладали ставки *поденной и понедельной платы*. Число рабочих дней у частников насчитывалось, за исключением праздников, 310 в году, а на казенных — 288, но по условиям водной энергетики и другим как частные, так и казенные заводы — за исключением около 2 месяцев на ремонт, отпуска рабочих на сенокос и пр.— работали не свыше 10 месяцев в году. Считая поэтому для доменных цехов по 300, а для прочих по 250 рабочих, дней, можно все годовые ставки привести к поденным. И тогда получим следующее сопоставление к 1736 г.

На казенных заводах Урала высшая ставка старшему доменному мастеру или «уставщику» достигала 60 руб. и в год, т. е. 20 коп. в день. А у Демидова «уставщиков» и старших мастеров вовсе не было, а поденные ставки не поднимались выше 15 коп. Но зато они обычно и не опускались ниже 6 коп. на день[2], тогда как на казенных заводах ряд рабочих, например литухи, доменные ученики, молотобойцы, получали по 12 руб. в год, т. е. по 4—5 коп. в день, а сторожа — по 6 руб. в год, или по 2 коп. на день. У Демидова даже сторожа получали по 12—15 руб. в год. Рядовые мастера казенных заводов получали по 30 руб.; подмастерья — по 20 руб., т. е. от 8 до 12 коп. в день; у Демидова на таких же работах рабочие получали от 8 до 15 коп. Горный устав во избежание широкой практики переманивания рабочих на частные заводы пытался подравнять оплату труда на казенных и частных заводах, установив ее на общеобязательном для всех заводчиков уровне предельных для каждой профессии ставок. С этой целью Татищев шел даже на известное повышение этих предельных ставок на казенных заводах. Для сравнения фактических норм оплаты к 1736 г. с запроектированными по новым штатам Татищева 1737 г. приведем несколько конкретных примеров (табл. 5).

Напомним, что ставки приписных *крестьян* для зачета их подушных платежей не превышали 4 коп. зимой и 5 коп. летом. Заводские *рабочие* даже после прикрепления к заводам оплачивались раза в два выше; с учетом всех мастеров и уставщиков, а также сдельных расценок кричного цеха средняя ставка их к 1737 г. на казенных заводах достигала около 27 руб. в год, или 10,8 коп. в день, а на частных — еще выше. Судя по приведенным выше конкретным ставкам мастеровых Демидова, эти ставки превышали казенные на 23%. И ставки нового штата Татищева, несмотря на повышение их против прежних, все же не достигали еще фактического их уровня на частных заводах. Однако уже на совещании по выработке Горного устава между Татищевым и заводчиками выявились существенные расхождения. Заводчики готовы были рассматривать предлагаемые Татищевым ставки как предельные для *прикрепленных* к заводам рабочих, дабы не переманивать их «излишнею передачею». Но, ориентируясь на законы рынка, они оговаривали за собой право: *«вольным* работникам каждый заводчик волен плату давать по *договору»*.

А проект Горного устава требовал от них другого: «Вольным плату производить всем равную и *не выше того,* как определено и установлено

---

[1] Центральный Государственный архив древних актов (ЦГАДА), ф. Берг-коллегии, № 271, кн. 1028, л. 840; Свердловский областной государственный архив (СОГА), ф. 24, оп. I, кн. 635, л. 393, 395.

[2] По-видимому, кроме хлебной им дачи.

Таблица 5

Ставки по штатам Татищева 1737 г.

	Ставки мастеровым	у Демидова	На казенных заводах		«По стату»	
		за день, коп.	за год, руб.	за день, коп.	за год, руб.	за день, коп.
	1	2	3	4	5	6
1.	Каменщику старшему	10	24	9,6	30	12
2.	Каменщику младшему	7	15	6,0	15	6,0
3.	Плотнику 1-й статьи	8—9	20	8,0	20	8,0
4.	Плотнику 2-й статьи . . .	7,5	15	6,0	18	7,2
5.	Столяру 1-й статьи	9	20	8,0	18	7,2
6.	Токарю »	(9)	20	8,0	24	9,6
7.	Слесарю »	12	20	8,0	30	12,0
8.	Кузнецу (рядовому)	10	15	6,0	18	7,2
9.	Молотобойцу »	6	12	4,8	14	5,6
10.	Питуху »	6	12	4,8	16	6,4
	В среднем	8,5	17,3	6,9	20,3	8,1

по указам приписным к заводам крестьянам. Буде же из вольных по договору з заводчиком или прикащиком цену поставят *дешевле* указной, то оставляетца *на их воле»* [1].

Такая трактовка свободы договора при вольном найме, оставляющая рабочим лишь одну возможность — соглашаться со снижением оплаты своего труда, вполне соответствовала нормам феодального права. Однако ни эта трактовка, ни Горный устав Татищева не возымели своего действия: законы товарного производства и обращения оказались уже сильнее указанных норм феодальной регламентации производственных отношений на мануфактуре XVIII в. И хотя рабочая сила лишь становилась во все возрастающих масштабах товаром, но не указные нормы определяли расценки труда на вольном рынке труда, а, наоборот, сами нормы в конечном счете определялись этими рыночными расценками, следуя за ними (хотя и с изрядным отставанием) во всех своих определениях количества и качества оплачиваемого труда. Оплата труда по вольному найму всегда превышала указные ставки закрепощенных рабочих и крестьян, не считаясь ни с какими «плакатами». А указные ставки вынуждены были считаться с вольными расценками труда соответствующей квалификации во избежание потери наиболее ценных работников в результате их бегства к другим, более расчетливым предпринимателям. Таким образом, и оплата подневольного труда уже регулировалась законами товарного обращения. У Демидова не случайно оказалось *вчетверо* больше беглецов с казенных заводов, чем на этих заводах рабочих, сбежавших от Демидова.

Значительный интерес представляют сдвиги в *дифференциации* заработной платы за два века. В середине XVII в. мастер расценивался в 8,5 раза дороже чернорабочего, а два века спустя — только в 2—2¹/₃ раза. Этот курс на «уравниловку» в оплате труда за феодальный период лишь отчасти объясняется сокращением в общем числе рабочих мастеров-иноземцев, как слишком дорогого импортного «товара». В том же направлении в XVIII в. действовало общее снижение среднего уровня заработной

[1] М. А. Горловский и Н. И. Павленко. Материалы совещания уральских промышленников 1734—1736 гг.— «Исторический архив», т. IX. М., 1953, стр. 67, 76.

платы за счет расширения кадров *подневольного труда*, а в XIX в.— *натурализация* оплаты труда. Достаточно сказать, что в 1729 г. каждый рабочий Гороблагодатских заводов, независимо от своей квалификации, получал безденежно по 60 пудов провианту на 60 руб. ассигнациями, или на 16 руб. 25 коп. серебром. Составляя до 57% всей средней заработной платы (деньгами и натурой), эта равная прибавка хлеба и мастеру и чернорабочему выравнивала их общий уровень жизни. К 1860 г. с повышением хлебных цен эта прибавка стала еще значительнее, достигнув 63% от средней оплаты деньгами и натурой. Вырастала вместе с тем и уравнительность в оплате разных категорий труда.

Сопоставление темпов повременной и сдельной оплаты труда за XVII—XIX вв. показывает, что, если годовая плата в доменном цехе за 1647—1860 гг. выросла у рядовых рабочих на 223%, а у подмастерьев — на 170%, то сдельная плата за пуд кричного полосового железа поднялась за то же время всего на 85%. Это отставание сдельных расценок от повышения годовой повременной платы, конечно, возмещалось ростом дневной и годовой производительности рабочих кричного цеха. Впрочем сменная их производительность при застойной технике этого производства выросла, по-видимому, всего процентов на 30 — за весь этот период с 10 до 13 пудов в смену, или с 60 до 80 пудов в неделю на каждую артель в 3 человека. Но годовая выработка на один горн, как мы уже видели выше, росла значительно быстрее в связи с лучшим обеспечением дутья водной и паровой энергетикой и удлинением годового периода действия данного цеха в XIX в.

Начиная с 1829 г. с новым подъемом металлургии в России после тяжелого кризиса возрастает как будто весьма значительно (почти в 2,7 раза за 31 год) и уровень оплаты труда рабочих железоделательных заводов. Но это растет только *номинальная* заработная плата. Необходимо прежде всего установить реальное ее значение. К сожалению, мы не располагаем надежной динамикой товарных цен на все интересующие нас даты. Для подмосковных заводов наши индексы исчислены по московским ценам, для уральских заводов — по местным, уральским, ценам продовольствия и некоторых других товаров. Пользуясь этими индексами покупательной способности рубля (по сравнению ее с уровнем 1913 г.) обнаруживаем такую динамику реальной оплаты труда за 1647—1860 гг. (табл. 6).

Таблица 6

Годовая заработная плата (в руб. серебром)

Год	Номинальная	Реальная	Индекс (1913 г. = 1,00)
1	2	3	4
1647	43,9	806	18,4
1696	39,2	478	12,2
1726	27,2	283	10,4
1847	42,2	226	5,35
1860	76,5	188	2,46

Как видим, вместо роста заработной платы рабочих железоделательных заводов России наблюдается последовательное и очень значительное падение реального ее уровня за весь дореформенный период. Весьма возможно, что уточнение использованных нами индексов изменит кое в чем отдельные цифры в данном их ряду. Но едва ли оно изменит основную теденцию *падения* оплаты и уровня жизни изучаемой группы рабочих в условиях феодализма. Выявленное нами падение (за два века примерно

в 4 раза) слишком велико для того, чтобы исчезнуть с возможными уточнениями индексов дороговизны. И хотя такое падение соответствует общеизвестным закономерностям оплаты труда в условиях капитализма, но глубине этого падения, несомненно, содействовала и специфическая феодальная обстановка, характерная для данной отрасли труда. Мы имеем в виду прежде всего переход от вольного найма к последовательному закрепощению рабочих кадров горнозаводского Урала.

Напомним, что, по свидетельству самих фабрикантов, перед реформой «вольным рабочим платилось *вдвое* против посессионных» [1]. И потому в тех отраслях производства, где к 1860 г. уже господствовал вольнонаемный труд, например в обработке хлопка, мы наблюдаем гораздо более высокий уровень оплаты, чем на уральских горных заводах. Средний заработок фабричного рабочего в России 40-х годов XIX в. Гакстгаузен определял в 1 руб. ассигнациями за день, прядильщика — в 1 руб. 50 коп., ткача и набойщика — в 2 руб. [2] В переводе на серебро это составит от 28,5 до 57 коп. в день, что по самым высоким столичным ценам на хлеб (в 1843 г. 1 пуд ржаной муки стоил 53,4 коп. серебром) эквивалентно 9—18 *кг* муки [3]. Сопоставляя только одноименные профессии посессионных рабочих на горных заводах Урала и вольнонаемных на текстильных мануфактурах Владимирской губ. к 1860 г., получаем следующие соотношения в номинальной оплате их труда (табл. 7).

Таблица 7

Годовая зарплата рабочих к 1860 г. (в руб.) *

	Профессия	Посессионных (за 250 дней)	Вольных (за 12 мес.)
	1	2	3
1.	Токари	50,6	150
2.	Столяры	50,6	135
3.	Кузнецы	48,8	110
4.	Молотобойцы	47,0	84
5.	Чернорабочие	47,0	84
	В среднем	48,8	112,4
	В %	100	230

* Котляревский. По поводу введения вольного труда. «Горный журнал», кн. III, 1863, стр. 568, 571 и сл.; М. Туган-Барановский. Указ. соч., стр. 167 — 168.

Таким образом, одной из важнейших причин резкого падения оплаты труда горнорабочих с половины XVII в. за весь феодальный период является их постепенное закрепощение на казенных и частных заводах. Заработная плата наемных рабочих в условиях феодализма, как видно, включает в себя не только необходимый им минимум средств существования, но и все те из нее вычеты, на которые в форме оброков и прочих феодальных повинностей претендовал господствующий класс феодалов. А вычеты эти уже в XVIII в. поглощали не *менее половины* заработка наемных рабочих. Вот почему те предприниматели, которые совмещали в своем лице владение капиталом с феодальными правами на оплачиваемую этим капиталом рабочую силу, имели полную возможность вдвое

[1] М. Туган-Барановский. Русская фабрика в прошлом и настоящем, т. I. М., 1938, стр. 160.

[2] Там же, стр. 170.

[3] По ценам 1913 г. это составит от 68,5 коп. до 1 руб. 37 коп. в день, или от 171 до 342 руб. золотом в год (см. «Индексы движения цен в Петербурге»; С. Г. Струмилин. Промышленный переворот в России. М., 1944, стр. 34).

меньше платить своим рабочим, поскольку эти рабочие тем самым освобождались от всех других феодальных повинностей. Однако к концу феодальной эпохи эксплуатация *подневольного* труда в масштабах всей страны становилась на фабриках и заводах уже исключением. Правилом же был *вольный* наем и соответствующий ему уровень заработной платы. И, стало быть, можно считать, что уровень оплаты *вольнонаемного* труда снизился реально за два века не в четыре, а всего *раза в два* или около того.

Средний поденный заработок посессионных рабочих на казенных железоделательных заводах Урала определился к 1860 г. в 30,6 коп. деньгами и провиантом. Стало быть, при вольном найме его можно считать не ниже 61,2 коп. в день, или 153 руб. в год. И действительно, уже через год после освобождения, в 1863 г., на тех же Гороблагодатских заводах, где посессионные рабочие получали в 1860 г. по 30,6 коп. в день, их плата поднялась уже до 52 коп. за день, т. е. на 70%. Но ликвидация крепостного права, содействуя образованию резервной промышленной армии, создавала для предпринимателя новые возможности задержек роста и даже прямого снижения реальной заработной платы наемных рабочих. В самом деле, если уровень оплаты в 1860 г. при вольном найме на Урале принять за 153 руб. серебром в год, то в денежном выражении он повысился там к 1911—1913 гг. в среднем для 85 136 рабочих основных металлургических цехов Урала до 236 руб. в год, т. е. более чем в полтора раза [1].

Однако, учитывая уровень цен 1860 г. на Урале, составлявший едва 40,7% от цен 1913 г., убеждаемся, что в реальном своем значении оплата труда в 153 руб. для 1860 г. эквивалентна 377 руб. по ценам 1913 г. Стало быть, она в 1,6 раза превышала уровень уральских заработков 1913 г. Говоря иначе, и за капиталистический период развития России продолжалось то же *падение* реального уровня жизни наемных рабочих, какое прослеживается нами и за весь феодальный период.

Можно даже сказать, что за феодальный период эта тенденция обнаруживается еще резче, чем после 1861 г. Правда, Туган-Барановский довольно безапелляционно утверждал: «В крепостную эпоху заработная плата *росла* (?), после освобождения падала» [2]. Но его наблюдения ограничивались лишь одним XIX в. и немногими мануфактурами, причем в начале века он пользовался данными об оплате труда рабочих на посессионных суконных мануфактурах (Фряновской, Купавинской и др.), а к концу крепостной эпохи (за 1856—1858 гг.) он приводит для сравнения данные по Ивано-Вознесенским ситцевым и бумагопрядильным фабрикам с вольнонаемным трудом [3]. А между тем незаконность подобных сопоставлений он сам удостоверяет следующей ссылкой на кн. Голицына: по словам Голицына, «касательно держания большого числа вольного народа» следует заметить, что одним из *главных* поводов к неудовольствиям приписных мастеровых было то обстоятельство, что сим приписным платилось гораздо менее, нежели работающим с ними вместе вольным людям. Так, например, приписные ткачи заработали в год около 185 руб. каждый, а сидящие с ними вместе и работающие те же самые изделия вольные ткачи заработали кругом около 350 руб. каждый. Приписным набойщикам было положено от 8 до 22 руб. в месяц жалованья, а вольным идет большей частью 420—600 руб. в год, или 35—50 руб. в месяц, и т. д. [4] При такой разнице в оплате этих категорий рабочих нетрудно впасть в ошибку, сопоставляя за разные годы оплату подневольного труда с вольнонаемным. А когда Туган-Барановский сопоставлял по с. Иванову за 1810—1860 гг.

[1] В мартеновских цехах оплата достигала 277 руб., в доменных она не превышала 254 руб. и в прокатных падала до 220 руб. золотом в год.
[2] М. Туган-Барановский. Указ. соч., стр. 355.
[3] Там же, стр. 157, 161, 167—168.
[4] Там же, стр. 159—160. Года не указано, но, очевидно, речь идет о заработках до 1840 г. в рублях ассигнациями.

оплату вполне сравнимых категорий вольнонаемного труда, у него получилось бесспорное падение их реальной заработной платы [1].

Этому падению в числе других причин содействовал почти непрерывный начиная с XVI в. рост хлебных цен в России. Некоторые экономисты, переоценивая роль хлебных цен, готовы были объяснить их ростом даже ликвидацию крепостного права в России. «Пока цены на хлеб были дешевыми,— писал, например, В. П. Безобразов,— крепостной труд был выгодным. Но по мере роста цен на сельскохозяйственные продукты крепостной труд превращался в свою противоположность». В этих словах есть доля истины. В частности, на уральских казенных и посессионных заводах при бесплатном снабжении провиантом сильно разбухших подневольных кадров резкое вздорожание хлеба перед реформой действительно делало все менее «выгодным» малопроизводительный труд на этих заводах и способствовало фабрикам, применявшим только свободный труд, вести с ними конкурентную борьбу. Но зато бесплатный труд миллионов крепостных крестьян на своих господ с вздорожанием хлеба становился для этих господ все выгоднее. Поэтому невысокие цены на хлеб могли толкнуть на ликвидацию крепостных отношений.

Длительное повышение хлебных цен в условиях разлагающегося феодализма тем не менее очень показательно. Вздорожание хлеба прежде всего означало удешевление денежного металла. И если революцию цен XVI в. можно объяснить приливом серебра извне, то для объяснения дальнейшего вздорожания сельскохозяйственных продуктов в течение нескольких веков при относительном (относительно хлеба) снижении цен не только серебра, но, скажем, и железа, и ситца, и ряда других индустриальных товаров нам нет нужды обращаться к внешним воздействиям зарубежного происхождения [2]. Мы знаем, что эти сдвиги цен отражали решающие сдвиги в области производительных сил России. Мы знаем, что в самой России уже с XVII в. возникают крупные предприятия с мануфактурным разделением труда и вольнонаемной рабочей силой, что производительность труда в этом крупном индустриальном производстве росла, в то время как в застойном крепостном сельском хозяйстве назревал глубокий кризис. Именно эти сдвиги в развитии производительных сил и привели в конечном счете к ликвидации всех устоев феодального хозяйства. Но вместе с тем они резко снизили и уровень оплаты наемного труда, характерный для начальной стадии развития русской мануфактуры.

Конечно, и этот начальный уровень оплаты мануфактурного труда в России нельзя считать высоким. Но, очевидно, он был все же много выше того уровня, до которого он упал к концу крепостного периода. Это трудно себе представить, зная, что уже к царствованию Екатерины II средний заработок рабочего казенных заводов Урала упал до 10 коп. в день. На Олонецких казенных заводах к 1775 г. он был еще ниже, не превышая 8,5 коп. за день в денежном выражении. Такой уровень оплаты труда даже царские чиновники признали недопустимо низким. И начальник Олонецких заводов обер-бергмейстер Ярцев рапортовал сенатору Соймонову в январе 1775 г. о необходимости «прибавки» рабочим этих заводов в размере до 35% от их действующих ставок (до 20—60 руб. в год). Мотивируя свое предложение, Ярцев привел и стоимость тогдашнего прожиточного минимума (по ценам 1775 г.), включая в него «только самое необходимое нужное пропитание» одному холостому работному человеку. Этот паек, составленный Ярцевым «против *солдатского* провианта» того времени в ценах 1775 г. и в нашей оценке — по ценам 1913 г.— выражался в следующих цифрах (табл. 8).

---

[1] М. Туган-Барановский. Указ. соч., стр. 171—172.

[2] В частности, уральское железо по отношению к хлебу подешевело с 1700—1709 по 1850—1859 гг. по меньшей мере раза в 4.

Таблица 8

Прожиточный минимум 1775 г. *

	Продукты потребления	Цена за пуд, руб.		Нормы потребления		
		1775 г.	1913 г.	за год, пуд.	по ценам 1775 г., руб.	по ценам 1913 г., руб.
	1	2	3	4	5	6
1.	Мука ржаная	0,34	1,12	21,6	7,35	24,11
2.	Крупа ячневая	0,48	1,88	1,5	0,72	2,82
3.	Мясо (и рыба в посты)	0,60	5,20	13,5	8,10	70,20
4.	Соль	0,40	0,48	0,6	0,24	0,29
	Итого	—	—	—	16,41	97,42

* ЦГАДА, ф. № 271, д. 2159, л. 1016. Цены 1913 г. по северному району см. «Наемный труд в России и на Западе за 1913 — 1925 гг.», ч. I. М., 1927, стр. 38. К началу XVIII в. *семейный* солдат получал 6 руб. деньгами, 6 четвертей ржи, 2 четверти овса, 12 пудов ветчины, 24 фунта масла, 24 фунта соли («Полное собрание законов» — ПСЗ, № 1564); Е. И. Заозерская. Развитие легкой промышленности в Москве в первой четверти XVIII в. М., 1953, стр. 449.

Ярцев добавлял к этому, что рабочие, «при тяжелых и неусыпных работах обретающиеся», употребляют в пищу *гораздо больше* приведенной им нормы солдатского питания и потому при 20-рублевом окладе у них «на платье и обувь совсем ничего доставать не будет». Ссылаясь на высокую оплату труда мастеров-иноземцев и тяжелые условия труда русских рабочих, Ярцев требовал и для них «по справедливости, более сносного вознаграждения». Надо полагать, что в этом рапорте, подписанном 31 января 1775 г., т. е. всего 3 недели спустя после казни Пугачева в Москве, сказались и волнующие настроения подчиненных ему рабочих. Великий мятеж был потоплен в крови, но грозная память о нем была еще слишком свежа. И перепуганная царица еще 26 февраля 1774 г. согласилась, вторично после 1769 г., повысить наиболее низкие плакатные ставки оплаты подневольного труда не только на 35, а даже на 60%. К тому же ей совсем нетрудно это было сделать, поскольку другой рукой она ввела оплату этого труда бумажными ассигнациями, в чем и обрела реальную возможность снова постепенно снизить размер оплаты не только в 2, а и в 4 раза [1].

В условиях падающей валюты измерять уровень жизни трудящихся только в рублях и копейках было бы неправильно. Но и нормы потребления, выраженные в натуре, сами по себе еще недостаточны без сопоставления их с другими нормами и их различиями во времени и пространстве. Возьмем, например, норму потребления хлеба 1775 г. в 21 пуд 24 фунта мукою, или 30 пудов печеного хлеба. На одного рабочего в день это составит не менее 3,3 фунта, или свыше 1340 *г* печеного хлеба [2].

Если сравнить эту норму, скажем, с нормами 1699 г. на Урале, где каждый рабочий «по договору» получал сверх денег (15 руб. в год) еще по 4,5 чети муки и солоду, т. е. до 22,5 пудов в муке, по 1 пуду соли и по 200 язей на год, или с нормами начала XVII в., когда даже рядовые монастырские слуги и мастеровые получали (в 1601 г.) по 6 четвертей ржи и солоду в год на брата, т. е. свыше 43,5 пуда зерна на хлеб и квас, то норма

[1] На оплате рабочих Олонецких заводов, в частности, это сказалось так. В денежном выражении она повысилась с 1775 по 1800 г. в среднем с 21 руб. 40 коп. до 30 руб. ассигнациями, т. е. на 40%, но курс бумажного рубля за это время упал в 1,5 раза и в расчете на серебро она даже снизилась до 20 руб., а по хлебным ценам — еще ниже.

[2] Весь паек 1775 г. давал до 3700 больших калорий в сутки на едока.

хлебного потребления 1775 г. покажется очень скромной. Еще более скудной эта норма покажется в сравнении с нормами питания самих монахов в XVII в. Например, по сметам Кирилло-Белозерского монастыря на 1601 г. из расчета «на пропитание» каждого монаха полагалось по 3,5 чети ржи и 1 чети пшеницы да по 4,5 чети солоду «на квас», т. е. одного лишь хлеба 9 четвертей, или свыше 66 пудов, в год [1]. По сравнению с такими нормами этих тунеядцев рабочий паек 1775 г., конечно, можно назвать *голодным*. Но если сравнить его с фактическим потреблением русских рабочих по бюджетам 1908—1911 гг., то по важнейшим статьям пищевого довольствия получим такие соотношения годового потребления (в пуд. и %):

Годы	Хлеб (в муке)	Мясо (и рыба)
1775	21,6—100	13,5—100
1908—1911*	12,3—57	3,7—27,4

* Е. Кабо. Питание русского рабочего до и после войны (1908 — 1924 гг.). М., 1926, стр. 35. (Среднее потребление по четырем бюджетным обследованиям разных городов и перевод хлеба в муку рассчитаны нами. — *С. С.*)

Приведенные нормы питания из расчета на одинокого рабочего или взрослого едока в семейных бюджетах XX в. не претендуют на полную сравнимость. Но все же они свидетельствуют, что *прожиточный минимум* русского рабочего в XVIII в. был значительно *выше среднего* уровня прожиточного минимума эпохи империализма. А если еще учесть, что для 1775 г. мы использовали ставки *подневольных* кадров Олонецких заводов и что *вольнонаемный* труд оплачивался в крепостную эпоху раза в два выше подневольного, то это лишь подкрепит и усилит сделанный нами вывод. К такому же выводу приводит и сопоставление общего уровня жизни рабочих XVII и XX вв. в России. Теперь мы уже подошли вплотную к разрешению и этой проблемы. Мы уже видели выше, чему равнялся номинальный уровень зарплаты на заре мануфактурной эпохи в России.

Теперь, зная индексы вздорожания стоимости жизни рабочего, мы можем определить и реальный уровень жизни индустриального рабочего на заре и закате капиталистического развития дореволюционной России. Вот несколько достаточно показательных в этом отношении цифр.

Годовой заработок русского фабрично-заводского пролетария, включая сюда и горнорабочих, в 1913 г. достигал, по имеющимся данным, 295 руб., в том числе у текстильщиков он падал до 200 руб., а у металлистов возрастал до 424 руб. Сопоставляя эти цифры с данными XVII в., получаем следующую картину (табл. 9).

Несмотря на всю приблизительность использованных расчетов, мы видим, что за все 300 лет развития капитализма под сенью дома Романовых никакого прогресса в уровне жизни русского рабочего отметить невозможно. Снижение среднего уровня зарплаты текстильщиков к 1913 г. в значительной мере объясняется вовлечением в XX в. на работу огромных кадров наиболее «дешевого» женского и детского труда. Но даже если брать такие отряды современного пролетариата, как горняки и металлисты, где и ныне

[1] Кроме того, на ту же братию в 184 «старца» расходовалось в год 200 бочек соленой и, судя по цене, до 350 пудов свежей рыбы, а в общем пудов по 10 на брата, 600 пудов меду, или по 130 фунтов на каждого, 100 пудов коровьего масла (по 22 фунта) и 24 ведра конопляного (по 2,6 бутылки), 95 четей крупы и гороха (по 3—4 пуда на брата), 700 пудов соли, 1200 фунтов черной икры, 9200 арш. сукна и 559 арш. крашенины на монатьи, ряски и свитки (по 53 арш.), 2760 овчин на шубы (по 15 овчин), 368 пар сапог (по 2 пары на год) и т. д. (Н. Никольский. Кирилло-Белозерский монастырь (1397—1625 гг.), т. I, вып. II. СПб., 1910, стр. 247—249). А в общем на питание каждого «старца», включая хлеб по 40 денег за четь и прочие непокупные продукты, расходовалось до 6 руб. 18 коп. и на одежду по 2 руб. 76 коп., всего же свыше 8 руб. 94 коп. в год. Четверть ржи в XVI в. весила, по Никольскому, 7 пуд. 15 ф.

Таблица 9

Уровень жизни рабочих в России (в руб. за год)

	Номинал зарплаты	Значение рубля	Реальный уровень	
			руб.	%
1	2	3	4	5
XVII в.				
Горнорабочие				
первая половина				
от	18,0	21,2	382	130
до	21,6	21,2	458	156
в среднем	19,8	21,2	420	143
вторая половина				
от	25	15,5	375	128
до	30	15,5	465	158
в среднем	27,5	15,5	420	143
Текстильщики				
вторая половина	18	15,5	279	95
1913 г.				
Текстильщики	200	1,0	200	68
Металлисты	424	1,0	424	144
Всех рабочих	295	1,0	295	100

занят почти исключительно мужской труд, то и здесь мы лишь приближаемся к тем нормам оплаты труда, которые были обычными уже в начале XVII в.

б) Оплата труда в России и за границей

Существует весьма распространенное мнение о том, что оплата труда в крепостной России была значительно ниже, чем на опередившем ее капиталистическом Западе. Думают, что только эта дешевизна рабочей силы в России и позволяла, скажем, уральскому железу столь долго соперничать с более дорогим заграничным на Лондонском и других мировых рынках. Но так ли это? Теория, утверждающая общую для всех стран тенденцию к *падению* заработной платы в условиях капитализма, отнюдь не подкрепляет таких домыслов. Скорее, наоборот, учитывая закон неравномерности капиталистического развития, можно думать, что *страны, опередившие Россию в капиталистическом развитии*, а значит, и в образовании растущей резервной промышленной армии безработных, *должны бы «опередить» ее и в снижении уровня жизни трудящихся.* А если обратиться от абстрактной теории к конкретным фактам, то получим и некоторое подтверждение этой теории на практике.

Известно, что и на Западе, как и у нас, уже за феодальный период наблюдалось очень значительное снижение реальной оплаты труда в связи с ростом цен на хлеб в падающей валюте. В известном исследовании Роджерса [1] мы находим полную аналогию нашим данным и в истории Англии.

Реальная оплата труда, выраженная в квартерах пшеницы, в Англии не росла с развитием капитализма, а довольно заметно падала. Роджерс дает динамику оплаты рядового поденщика-батрака и ремесленника начи-

[1] Т. Роджерс. История труда и заработной платы в Англии с XIII по XIX век. СПб., 1899.

ная с XIII в. Он устанавливает при этом, что в XIII—XV вв. ремесленник зарабатывал раза в 1,5 больше батрака при довольно умеренном рабочем дне и годе. Рабочий год ремесленника колебался от 235 до 312 дней при 8-часовой работе, за лишние — сверхурочные — часы полагалась повышенная добавочная плата. Иногда работнику выплачивали, как и у нас в Москве, поденную плату и за праздничные дни, хотя он, конечно, не работал по воскресеньям. Так, в 1408 г. в Виндзоре плотники при поденной плате в 5 и 6 пенсов за день получили эту плату за 365 дней в году [1]. И, конечно, в денежном выражении вследствие жестокой порчи монеты, которой английские короли промышляли не хуже царей московских, а также технического прогресса в области добычи драгоценных металлов оплата труда в Англии с тех пор показывает огромные темпы роста. Что же касается реального ее значения, то судить о нем можно по табл. 10, составленной нами по данным Роджерса.

Таблица 10

Оплата рядового поденщика за неделю в Англии *

Век	Номинал, шилл.	Реальное значение				Цена пшеницы в зерне		
		в серебре		пшеницею		за квартер, шилл.	на серебро	
		г	%	кг	%		за 100 кг, г	%
1	2	3	4	5	6	7	8	9
XIII	1	18,7	100	33,8	100	5,9	53,4	100
XVI	3	13,5	72	32,5	96	18,4	45,3	85
XVII	5	28,3	153	22,1	65	45,0	124	232
XVIII	7	39,6	212	27,9	83	49,9	138	257
XIX**	10	59,6	302	25,5	75	78,5	215	400

* Т. Роджерс. Указ. соч., стр. 270, 353.
** Первая половина.

Как видим, хотя номинал вырос в 10 раз, по весу чистого серебра, заключенного в монете, этот рост не превышает 3 раз, а в пшенице мы имеем заметное падение.

Конечно, желательно было бы проверить эту динамику и другими ценами. Промышленные товары, несомненно, вздорожали в меньшей степени, чем пшеница, но зато расходы на квартиру в бюджете рабочего росли еще быстрее, чем на хлеб. К сожалению, Роджерс не приводит на этот счет достаточных данных. Среднее вздорожание жизни с 1260 до 1760-х годов. т. е. за 500 лет, Роджерс определяет для Англии в 12 раз; тот же индекс он принимает и за период с 1450 до 1883 г., «если оставить в стороне квартирную плату, самую страшную статью расхода в наше и самую пустую в прошлое время», когда сельский рабочий платил за свой домик и землю при нем 2 шилл. в год, зарабатывая 2 шилл. в неделю [2]. Приведенным данным о заработке простого поденщика соответствует и динамика оплаты труда обученного ремесленника в Англии. В XIII—XVI вв. ремесленник получал около 3 пенсов в день, или 1,5 шилл. в неделю, в XV в. — 3 шилл., в XVI в. — 4—5, в XVIIв.— 7,5, в XVIII в.— 10 и с XIX в.— 18 шилл. и выше. И все же реальное значение этого заработка не росло, а падало, ибо 3 шилл. XV в. превышают по своей покупательной способности 36 шилл. XIX в.

---

[1] Т. Роджерс. Указ. соч., стр. 141, 268.
[2] Там же, стр. 135, 446—447; 2 шилл. XV в. содержали около 22 г серебра.

В Англии капитализм начал свое победное шествие значительно раньше, чем в России. Роджерс уже в XV в. отмечает наряду с чумой, черной оспой и страшной эпидемией этого века, известной под именем «потной болезни», еще одно «крупное событие»: появились *капиталисты*-ремесленники (стр. 277). Это крупнейшее событие знаменовало собой не только громадное ускорение темпов роста производительных сил страны, но наряду с этим и соответствующее им и даже обгоняющее их повышение норм эксплуатации труда. На место весьма редкостной «потной болезни» докапиталистической эры в хозяйственную практику вошло совершенно нормальное и систематическое выжимание трудового пота из пролетария. Уже в XVI в. по известному закону Елизаветы вместо 8-часового рабочего дня был установлен 9,5-часовой без учета перерывов.

Затем капиталистическая практика раздвигает его еще дальше, вплоть до физиологических его пределов. Притягиваются к станкам архи-«дешевые» руки женщин и ручонки детишек. Создаются этой ценою мощные резервы рабочей силы — целые армии безработных. И если при особо выгодной конъюнктуре, например при эксплуатации каких-нибудь новых колониальных рынков, не хватает даже этих резервов, то временно оплата труда поднимается, чтобы затем, когда конъюнктура позволит, еще резче ее снизить при гораздо большем расширении кадров безработных.

Старая, знакомая картина. Но вследствие хронического снижения покупательной силы денежной единицы не только у врагов, но даже у близоруких друзей пролетариата создаются иллюзии почти непрерывного *роста* зарплаты и благосостояния трудящихся в странах процветающего капитализма.

Ту же картину, какую перед нами раскрывает работа Роджерса в отношении Англии, мы можем благодаря кропотливой архивной работе д'Авенеля, собравшего огромный материал о ценах и зарплате с 1200 по 1800 г., воспроизвести и в отношении Франции.

Д'Авенель перевел все цены и ставки зарплаты по их покупательной силе во франки начала XX в. И в этих единицах в отношении поденной оплаты труда ремесленников мы получаем следующую динамику:

Век	Фр.	%
XIII	3,8	100
XIV	3,8	100
XV	4,6	121
XVI	3,5	92
XVII	2,6	68
XVIII	2,5	66

Ко времени Великой французской революции эта плата была еще ниже: 2,2 франка, а к XX в. она, по свидетельству П. Бризона, снова повысилась до 3,55 в крупной и до 3,28 франка в мелкой промышленности [1]. Но и этот большой подъем не возместил прежних падений.

Период падения начиная с XV в. можно иллюстрировать еще следующими товарными эквивалентами, по д'Авенелю (табл. 11).

Как видим, по основным продовольственным товарам заработная плата с XV в. снизилась еще значительнее, чем это указывалось выше. В среднем по пяти перечисленным товарам реальное значение поденной платы чернорабочего в эпоху первоначального капиталистического накопления почти все время падало и к XVIII в. едва достигало и 40% нормы XV в. Особенно высокий уровень дороговизны жизни во Франции отмечается историками к концу XVIII в., т. е. к моменту Великой французской революции. Гражданская война и инфляция не могли не оказать

[1] П. Бризон. История труда и трудящихся. Пг., 1921, стр. 164.

Таблица 11

Поденная плата чернорабочего во Франции

Период	Л		Кг		Вино, л.	В среднем, %
	пшеница	рожь	говядина	свинина		
1	2	3	4	5	6	7
1451—1500	16,45	22,5	3,75	2,63	6,0	100
1501—1550	12,30	17,75	2,70	1,64	5,7	76
1551—1600	5,07	6,65	2,17	1,20	5,1	50
1601—1650	3,55	6,55	1,85	1,48	3,9	44
1651—1700	5,45	9,20	1,80	1,69	6,0	57
1701—1725	4,50	7,70	1,62	1,57	3,0	40

самого тяжелого влияния на уровень жизни трудящихся масс. В эти годы он упал, очевидно, до самых крайних своих пределов и уже поэтому должен был в последующий период бурного капиталистического развития и высокой конъюнктуры заметно подняться.

Но и этот подъем уже пришел к концу. Приведем следующее свидетельство П. Бризона: «Вот уже целую четверть столетия как повышение заработной платы *почти приостановилось*... она *уменьшается*, в особенности в текстильной промышленности» и притом «понижается *уже лет двадцать*» [1].

Спрашивается, однако, какого же уровня достигла оплата труда в этих странах еще до промышленного переворота в Англии?

В денежном выражении наиболее высокой оплатой труда славилась Англия. В XVIII в., до начала 1760-х годов, по Артуру Юнгу, рядовой ремесленник в Англии получал 6—7 шилл. в неделю, металлург — 10—13 шилл., углекоп — 15 шилл. Считая в фунте стерлингов (20 шилл.) 4 руб. 50 коп. серебром по курсу того времени, это составит от 1 руб. 58 коп. до 3 руб. 37 коп. в неделю, или от 26,4 коп. до 56 коп. в день, в то время как русские рабочие доменных цехов Урала получали всего от 6,4 до 14,4 коп. в смену, т. е. якобы раза в 4 меньше [2]. Но это только весьма обманчивая видимость. Английские рабочие, как и русские, питались не монетами, а хлебом, а хлеб в Англии был дороже, чем в какой-либо другой стране. Об этом весьма успешно позаботились английские лендлорды, всемерно вздувая цены на хлеб и тормозя специальными таксами рост оплаты труда. Им пришлось издать пресловутый закон о бедных, по которому рабочий вынужден был восполнять свой нищенский заработок приплатами из «кассы для бедных», т. е. в порядке милостыни [3]. Уже один этот общеизвестный факт свидетельствует о том, что считать английский уровень оплаты труда XVIII в. *высоким* можно лишь по недоразумению.

Чтобы вполне убедиться в этом, достаточно сравнить хотя бы цены на хлеб в России и Англии. В самом деле. Для сопоставления с приведенной выше динамикой оплаты труда на Урале приведем уральские цены ржаной муки дореформенной эпохи в коп. серебр. за пуд (табл. 12).

---

[1] Там же, стр. 344, 349.

[2] Один фунт стерлингов (20 шилл.) в 113 *г* серебра оценивался на русские деньги 1665 г. в 2 руб., в 1723 г.— в 4 руб., в 1750 г.— в 4 руб. 50 коп., с 1764 г.— в 6 руб. 30 коп. (С. И. Архангельский. Дипломатические агенты Кромвеля в переговорах с Москвой.— «Исторические записки», 1939, № 5, стр. 140; ЦГАДА, ф. 271, д. 629, л. 290).

[3] В Англии уже с XVII в. плата ремесленника по таксе не могла превышать 1 шилл. в день, батрака — 8 пенсов при 12-часовом рабочем дне; за нарушение этой таксы нанимателю грозило 10 дней тюрьмы и штраф в 5 фунтов стерлингов, а наймиту — 21 день тюрьмы (Т. Роджерс. Указ. соч., стр. 325, 333, 335).

Таблица 12

Уральские цены муки (в коп. серебра за пуд) *

Период	Цена	Период	Цена
1	2	1	2
1700—1709	2,5	1780—1789	29,2
1710—1719	(4,5)	1790—1799	33,7
1720—1729	6,5	1800—1809	27,0
1730—1739	10,8	1810—1819	17,5
1740—1749	10,7	1820—1829	26,2
1750—1759	9,1	1830—1839	29,7
1760—1769	11,9	1840—1849	26,4
1770—1779	16,0	1850—1859	34,2

* Опубликованные Б. Б. Кафенгаузом цены ржи в Москве: 1728 г. — 88 коп. за четверть (11 коп. за пуд), 1731 г. — 65 коп. за четверть (8,1 коп. за пуд) и 1737 г.—76 коп. за четверть (9,5 коп. за пуд) — мало отличаются от уральских, если учесть, что цены ржаной муки на 30—40% выше цен ржи в зерне.

В Англии рожь давно уже была вытеснена из обихода пшеницей, но, по словам Тойнби, «пшеница стала так же дешева, как прежде рожь и ячмень». А цены этого «дешевого» хлеба в Англии за квартер (291 *л*, или около 218 *кг* пшеницы) и за центнер были следующими (табл. 13).

Таблица 13

Цены пшеницы в Англии

Год	За квартер		За 100 *кг*, руб.
	шилл.	руб.	
1	2	3	4
1750	32,0	7,20	3,30
1767	40,0	12,60	5,78
1782	53,0	16,50	7,57
1795	81,5	25,60	11,75
1800	98,5	31,00	14,20
В среднем	61,0	18,58	8,52

По сравнению с уральскими ценами ржи за те же годы (около 60 коп. за 100 *кг*) эти цены пшеницы в Англии были к 1767 г. раз в 9—10 выше. И если рядовой рабочий в Англии мог купить за свой поденный заработок около 1767 г. не свыше 6,0 *кг* зерна, то русский рабочий на Урале мог получить за свои 6,4 коп. не менее 10—11 *кг* ржи, т. е. почти в 2 раза больше хлеба. Говядина на Урале в 1763 г. стоила 40—50 коп. за пуд, в то время как в Англии она продавалась не дешевле 3,5 пенса за английский фунт, или по 3 руб. 28 коп. за пуд, т. е. раз в 7 дороже[1]. И, стало быть, русский рядовой рабочий мог бы ее на свой заработок купить тоже

[1] Т. Роджерс. Указ. соч., стр. 334.

раза в два больше, чем такой же рабочий в Англии. Кстати сказать, говядина в рабочих бюджетах XVIII в. была гораздо бо́льшим подспорьем к хлебу, чем в XIX и XX вв. И если это можно сказать о второй половине XVIII в., то еще увереннее можно было бы повторить и о первой его половине, когда хлебные цены в России были раза в три ниже, чем во второй, а поденная плата рабочего до 1769 г. оставалась почти стабильной.

Возражая против наших расчетов, В. К. Яцунский противопоставил им свой расчет, по которому дневной заработок мастера-металлурга на Урале в 14,4 коп. при ценах на пшеницу в 20 коп. за пуд в 1763 г. достигал всего 12 *кг*, тогда как английский металлург высшей квалификации мог купить за свой дневной заработок в 2 шилл. по ценам 1750 г. 13 *кг* пшеницы. На этом основании наш критик поспешно заключает: «Получается, что реальная заработная плата на металлургических заводах Англии была не ниже, а значительно выше, чем на Урале [1].

Чем же отличаются наши расчеты?

В. К. Яцунский находит возможным выражать реальную оплату труда для разных стран в одном и том же продукте и избирает для этой цели пшеницу, хотя рабочие Урала заведомо питались, конечно, более дешевым у нас ржаным хлебом. Мы считаем такой подход В. К. Яцунского принципиально неправильным. Реально пролетарии всех стран оказывают предпочтение в условиях равной питательности не самым дорогим, а наиболее доступным по их средствам предметам питания. В одних странах по условиям почвы и климата это будет в основном рожь, в других — пшеница, в третьих — рис, в четвертых, может быть, бананы. Если бы, однако, мы вздумали сопоставить уровень жизни рабочих Урала с условиями такой страны, где бананы из расчета на 1000 калорий много дешевле черного хлеба, и стали этот уровень выражать в килограммах бананов, то даже самый скрупулезный расчет дал бы нам совершенно нереальное сопоставление.

Если уж принять взгляд Яцунского о возможности измерять уровень потребления в одних и тех же продуктах, позволительно спросить его: почему же он отдал предпочтение пшенице в качестве такого общего измерителя, а не ржи, которая в Англии не дешевле пшеницы? Не потому ли, что, исходя из предвзятых взглядов о дешевизне русского труда, предпочел тот вариант, который больше соответствовал именно этим его предвзятым взглядам? Выбор пшеницы в качестве общего измерителя у него совершенно произволен и потому не может быть оправдан. По своему пищевому значению в калориях пшеница от ржи почти не отличается, а вкусовые их качества заметно отличаются лишь в зависимости от качества помола и дальнейшей обработки, а потому с точки зрения *потребительной* их ценности мы имеем все основания считать их эквивалентными независимо от стоимости.

Различаются наши расчеты и в счетном отношении. Я пытался сопоставить реальное значение в Англии и России дневного заработка *рядового рабочего*, который в Англии получал 6—7 шилл. в неделю, а на Урале — 6,4 коп. в день, и сопоставлял эти ставки со *средними* ценами хлебов за вторую половину XVIII в. В. К. Яцунский, игнорируя ставки рядовых рабочих, берет для сравнения лишь высшие ставки рабочих металлургов, а вместо средних хлебных цен исходит из цен пшеницы в Англии за 1750 г. и на Урале за 1763 г. Кроме того, он игнорирует вовсе и цены на говядину, и цены на ржаную муку на Урале [2]. При этом он

---

[1] «Вопросы истории», 1955, № 6, стр. 142.

[2] Цены говядины за пуд составляли в Екатеринбурге в 1728 г. 20—30 коп., в 1763 г.— 40—50, в Перми в 1785 г.— 40 коп. «Горный журнал», 1828, т. 3, стр. 123; т. 4, стр. 18; т. 5, стр. 40.

делает два серьезных промаха. Во-первых, за высшую ставку на Урале он принимает повременную оплату доменщиков — 36 руб. в год, а на деле, как известно, кричные мастера при средней выработке в 80 пудов и при расценках в 3 коп. за пуд зарабатывали значительно больше — 2 руб. 40 коп. в неделю, или около 40 коп. в день. Во-вторых, в условиях роста хлебных цен не совсем удобно оценивать русскую пшеницу по ценам 1763 г., а английскую — по ценам 1750 г., поскольку с 1750 до 1767 г. эти цены поднялись в Англии с 32 до 40 шилл. за квартер, т. е. на 25%. С учетом этих поправок наш критик даже с заменой ржи на пшеницу для уральских мастеров получил бы совсем иные выводы.

Тщательно уточнив в интересах полной сравнимости все имеющиеся у нас данные с учетом цен на пшеницу, рожь и говядину, мы получим следующее сопоставление (табл. 14).

Таблица 14

Оплата труда в России и Англии к 1767 г.*

Страны и категории рабочих	Денежная		Реальная за день, кг		
	за неделю, шилл.	за день, коп.	пшеницы	ржи в зерне	говядины
1	2	3	4	5	6
I. Россия (Урал)					
1. Мастера кричные	—	40,0	32,8	65,6	14,6
2. » доменные	—	14,4	11,7	23,4	5,2
3. Подмастерья	—	9,6	7,8	15,6	3,5
4. Работные люди	—	6,4	5,2	10,5	2,3
5. Батраки (по плакату)	—	4,5	3,7	7,4	1,6
В среднем (арифм.)	—	15,0	12,2	24,5	5,44
II Англия					
1. Углекопы	15	78,8	13,6	15,0	3,9
2. Металлурги	13	68,2	11,8	13,0	3,4
3. »	10	52,5	9,1	10,0	2,6
4. Ремесленники	6,5	34,2	5,9	6,5	1,7
5. Батраки (по плакату)	4	21,0	3,6	4,0	1,1
В среднем (арифм.)	9,7	50,9	8,8	9,7	2,54
Отношение итогов I к II, %	—	—	139	253	214

* Цену пшеницы в Англии — 40 шилл. за квартер — берем за 1767 г., а на Урале — 20 коп. за пуд — за 1763 г., ибо, судя по ценам на ржаную муку, цены на хлеб за 1763—1767 г. достаточно сопоставимы. Цену ржи в Англии приравниваем, по Тойнби, цене пшеницы, с поправкой лишь на калорийность (10%, считая пшеницу по 95 и рожь по 86 коп. за пуд).

Как видим, даже по ценам пшеницы выводы В. К. Яцунского о более высокой реальной оплате труда в Англии отнюдь не подтверждаются. Но цены пшеницы для уровня жизни уральских рабочих совершенно не показательны. А по ценам говядины и ржаного хлеба этот уровень в 2—2,5 раза был выше английского.

Во Франции XVIII в. оплата труда в серебряной валюте была тоже значительно выше, чем в России, а в реальном ее значении много ниже. Поденщики зарабатывали здесь (в среднем за столетие) около 74 сантимов в день, или около 18,5 коп. серебром, каменщики — 99 сантимов,

маляры — 108 сантимов; но в переводе на продукты питания поденная плата рабочего мужчины, по д'Авенелю, составляла [1]:

Годы	Рожь, л	Пшеница, л	Мясо, кг	Масло, кг
1701 — 1725	7,70	4,50	1,62	0,93
1726 — 1750	10,10	6,10	1,78	0,61
1751 — 1775	7,10	6,10	1,56	0,61
1776 — 1800	7,80	5,70	1,24	0,63
Средняя . . .	8,18	5,60	1,55	0,70

Средняя *годовая* плата рабочего-мужчины (всех учтенных профессий) поднялась при этом за то же время со 175 до 205 франков, а реально снизилась на 6%.

В России средняя годовая оплата уральских рабочих за весь XVIII в. составляла около 30 руб. 40 коп., дневная — свыше 12 коп. серебром при средней цене ржаной муки в 13,5 коп. и говядины — около 45 коп. за пуд. Значит, на дневной заработок на Урале можно было купить 14,5 *кг* муки или 4,5 *кг* говядины, в то время как французский рабочий на свой дневной заработок смог бы приобрести не свыше 5,65 *кг* ржи в зерне или 1,55 *кг* мяса, т. е. в 2,5—3 раза меньше. Таким образом, уровень жизни вольнонаемных рабочих во Франции XVIII в. был много ниже уровня жизни русских рабочих, даже если иметь в виду лишь подневольные кадры казенных горных заводов Урала.

Германия значительно позже Англии и Франции вступила на путь капиталистического развития и только на полвека опередила Россию с ликвидацией у себя крепостных отношений. И в Германии, как и в других странах, денежная оплата труда росла, а реальная падала [2]. Но уже Туган-Барановский, говоря о дореформенной русской фабрике 1840-х годов, приводил следующее мнение Гакстгаузена [3]: «Даже денежная заработная плата в России в общем выше, чем в Германии. Что же касается до реальной платы, то преимущество русского рабочего перед заграничным в этом отношении еще значительнее». Этому немецкому исследователю нельзя отказать в наблюдательности. Свое высказывание он подтверждал рядом конкретных примеров, настаивая на том, что «*ни в одной стране* заработная плата фабричных рабочих не достигает такой высоты, как в России». И остается лишь удивляться, что столь важное для русских историков и экономистов наблюдение не подвергалось доныне в нашей литературе сколько-нибудь серьезному обсуждению и проверке.

Его никто не оспаривал. Но, придавая, по-видимому, большее значение сопоставлениям *номинальной* оплаты труда в рублях или долларах, наблюдатели приходили обычно к совсем противоположным заключениям. И тот же Туган-Барановский, приведя отзыв Гакстгаузена о прошлом России, тут же без всяких изысканий и проверок заключает о ее настоящем: «В настоящее время Россия выделяется среди всех *других стран* Европы не высокой, а *низкой* платой» [4]. Туган-Барановскому этот вывод представлялся неотвратимым, как и другой, по которому: «Единственное

[1] Ю. Кучинский. История условий труда во Франции с 1700 по 1948 г. М., 1950, стр. 39—40. По весу в литре ржи надо считать 0,69 *кг*, в литре пшеницы — до 0,76 *кг*.

[2] Ю. Кучинский. История условий труда в Германии. М., 1949, стр. 27—32.

[3] М. Туган-Барановский. Указ. соч., стр. 170. А. Гакстгаузен. Исследование внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России, т. 1. М., 1870, стр. 98, 119 и др.

[4] М. Туган-Барановский. Указ. соч., стр. 355. Это утверждение, несомненно, было сильно преувеличено. Но в условиях империализма царская Россия

(!) спасение от всех зол капитализма заключается в его дальнейшем развитии»[1]. Однако в нашей стране нашлись люди, которые не пожелали следовать этому выводу и указали другой путь спасения от всех зол капитализма путем его **ликвидации**.

Норма реальной оплаты труда в дореформенной России — факт, заслуживающий глубочайшего внимания. Он объясняет многое из нашего прошлого совсем по-новому. В частности, объяснения выдающихся успехов русской металлургии на мировом рынке приходится искать уже не в дешевизне полузакрепощенной рабочей силы наших заводов, а в каких-то других качествах этих заводов и обслуживавшей их рабочей силы. О многих из них уже было сказано. Но полностью высокие качества русских людей не могла выявить крепостная среда. Лишь отчасти они проявились и в условиях капиталистического наемного рабства. И только социализм открыл наиболее широкие возможности проявления и развития всех духовных сил нашего народа. Некоторые из наиболее высоких качеств советских людей обнаруживаются только в наши дни, дни все более успешной борьбы за коммунизм.

4. НАЕМ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЙ

а) Дореформенный вольнонаемный труд[2]

Первые предприятия капиталистического типа проникли в Россию с Запада, как известно, еще в 30-х годах XVII в., т. е. задолго до окончательного законодательного оформления и завершения крепостного права. Получив санкцию закона уже в Уложении 1649 г., крепостное право на Руси все же далеко не сразу восприяло полную свою силу, ослабляемое мощью старых традиций, редкостью населения и легкостью для недовольных крестьян убегать в любой момент на вольные просторы необжитых окраин. Насколько массовый характер иной раз принимал этот последний метод противодействия закрепощению крестьянского труда, можно судить по таким движениям нашей понизовой вольницы, как завоевание Сибири Ермаком Тимофеевичем и потрясший все Московское государство бунт Степана Разина. Но в конце концов и бунт Разина, и еще более грозное движение пугачевщины были подавлены дворянами. И к концу XVIII в. крепостное право в России достигло своего апогея, а отсталая крепостная экономика становилась еще более отсталой и все менее терпимой.

Как же эта причудливая пересадка ростков капитализма в почву зреющего феодализма должна была отразиться на судьбах и того и другого?

Конечно, и на Западе первые ростки капитализма возникали и развивались еще в недрах феодального строя. Но там рост капитализма означал собою начало конца феодализма, являясь показателем его распада и разложения. А в России вследствие значительного запоздания в развитии феодализма получилось весьма оригинальное смещение соответствующих фаз хозяйственного развития. Окончательная дата юридического оформления крепостного права в России (1649 г.) совпадает с датой первой победоносной буржуазной революции на Западе (1649 г. в Англии). А к моменту апогея в развитии крепостничества в России, при Екатерине II, на Западе уже пробил набат Великой французской революции, означавшей решительное поражение западного феодализма в его борьбе с капитализмом. Таким образом, у нас на Востоке Европы в отличие от Запада первым

в указанном отношении действительно не избежала бы жалкой участи всех колониальных и полуколониальных стран, если бы не совершилась пролетарская революция.

[1] М. Туган-Барановский. Указ. соч., стр. 357.

[2] «Плановое хозяйство», 1930, № 7—8.

и при этом уже весьма зрелым росткам капитализма суждено было прививаться в условиях не отмирающего, а чрезвычайно еще полнокровного феодализма.

Нужно сказать, что почва для развития новых форм крупного индустриального производства в России оказалась па первых порах весьма благоприятной. Достаточно сказать, что за первую же сотню лет своего развития крупная железоделательная промышленность в России, несмотря на свою относительную юность, уже догнала и с 1730-х годов перегнала передовую Англию [1]. К 1782 г. выплавка чугуна, по свидетельству Шторха, па всех заводах России достигала 7,5—8 млн. пудов, т. е. была значительно выше, чем в Англии, Швеции, Франции, Пруссии или Америке. Не мы ввозили железо из-за границы, а, наоборот, Запад потреблял ежегодно до 4 млн. пудов русского железа. А это доказывает, что у нас железо производилось дешевле и лучшего качества, чем за границей.

Первое место по размерам выплавки чугуна на громадных заводах, эксплуатировавших по тысяче рабочих и больше, сохранялось у нас вплоть до начала XIX в. Не менее почетное место занимала Россия той эпохи и в других отраслях крупного производства. Так, например, описывая большую Ярославскую мануфактуру Яковлева, на которой в 1806 г. работали 2762 человека, Карл Герман замечает: «Что касается до доброты товаров, то сие заведение по справедливости тем славится; скатерти и салфетки, здесь делаемые, красотою и чистотою своей работы равняются с английскими» [2].

Но начиная с XIX в. западные страны, окончательно стряхнувшие с себя путы феодализма, быстро и решительно обгоняют крепостную Россию в своем индустриальном развитии. Так, например, выплавка чугуна у нас возросла с конца XVIII в. до 1860 г. всего в 1,5—2 раза, в то время как в Англии за тот же период она увеличилась в 30 раз, далеко оставив за собою наши наиболее высокие достижения. Примерно то же наблюдается и в других отраслях индустрии.

Некоторые исследователи объясняют наше отставание за это время техническим прогрессом на Западе. Сюда относят, например, выплавку чугуна на коксе, пудлингование, горячее дутье, паровой молот и технические достижения в области добычи и обработки металла, не освоенные нашей горнозаводской промышленностью за весь крепостной период ее существования. Формально это так, конечно. Но почему же наша промышленность не восприняла этих новых технических идей вслед за английской? Вот в чем вопрос. И на него мы даем только один вполне определенный ответ: прогрессу техники в России препятствовали крепостное право в деревне и полуфеодальная организация горнозаводского труда.

В условиях укрепляющегося феодализма, поглощавшего в течение всего XVII и XVIII вв. все большие массы крепостного труда, русская индустрия к тому же часто не находила для своего развития и достаточных кадров свободного труда.

И в этих случаях, за отсутствием свободных рабочих рук, она строилась на принудительном труде крепостных или посессионных крестьян, привлекала порою даже колодников, «осужденных на натуральную и политическую смерть» и принуждала их работать под крепким караулом [3]. Такой труд был, понятно, очень дешев, гораздо дешевле вольного, но еще в меньшей мере производителен. А главное, он задерживал технический прогресс, ибо, во-первых, высокая техника требует и повышенной культуры со стороны рабочих, а, во-вторых, освобожденный машиной крепостной

[1] С. Г. Струмилин. История черной металлургии в СССР, стр. 204.
[2] М. Балабанов. Очерки по истории рабочего класса в России, ч. I. Киев, 1923, стр. 20.
[3] Там же, стр. 28.

труд не освобождал еще господина от обязанностей кормить своих подневольных безработных[1]. В результате же получились такие факты, что, скажем, еще около 1840 г. выплавка чугуна в России составляла не свыше 144 пуд. в год на рабочего, в то время как в Англии она поднялась уже до 312,5, т. е. в два с лишним раза выше.

Вольнонаемные рабочие даже в начале XIX в. составляли на наших фабриках и заводах едва 52% всего рабочего персонала. Но хуже всего было то, что особенно низок был этот процент на самых крупных предприятиях и наиболее высок на мелких. Не лишне будет отметить, что крепостная статистика относила к числу «фабрик» и чрезвычайно мелкие на наш современный масштаб заведения, вроде кожевенных заводов, которые в 1804 г. составляли свыше трети всех учтенных «фабрик» при среднем числе рабочих на каждом не свыше семи. Такие мельчайшие заведения базировались почти целиком на вольнонаемном труде. Но собрать достаточное количество свободных рабочих рук для организации большой мануфактуры по тому времени было, по-видимому, гораздо труднее. И она базировалась нередко на принудительном труде.

Оплачивался подневольный труд в XIX в. значительно хуже вольнонаемного. Крепостное хозяйство разоряло крестьян основательно, но и заводские их приработки на вотчинных мануфактурах не давали им возможности сводить концы с концами. Очень показательно в этом отношении единственное в своем роде бюджетное обследование рабочих семей полотняной мануфактуры в с. Опалихе за 1819 г.[2] Приведем здесь итоги этого оригинального обследования (табл. 15).

Таблица 15

Бюджеты рабочих вотчинной мануфактуры за 1819 г. (в руб. ассигнациями)

Группы семей	Число		Приход	Расход за год					Дефицит	
	бюджетов	душ		на хлеб	на одежду	на оброк	на строение	итого	число бюджетов	на сумму, руб.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
I. С одним работником										
одиноких	3	3	270	153	55	75	—	283	1	13
семейных	40	133	8340	5626	2535	987	432	9580	25	1240
Итого:	43	136	8610	5779	2590	1062	432	9863	26	1253
II. С двумя работниками	18	88	6350	3943	1815	848	216	6822	11	472
III. С тремя работниками	9	69	4669	3051	1393	649	49	5142	7	473
Всего на 106 рабочих	70	293	19629	12773	5790	2559	697	21827	44	2198
на один бюджет	1	4,2	280,4	182,5	82,8	36,5	10,0	311,8	—	31,4
на одного рабочего	—	2,7	185,2	120,5	54,7	24,1	6,6	205,9	—	20,7
на одну душу	—	1,0	67,0	43,6	19,8	8,7	2,4	74,5	—	7,5

[1] «При крепостном труде заводы терпели нередко от избытка рабочих, будучи обязаны содержать их с семействами и давать работу. По этой причине заводоуправления находились в необходимости исполнять людьми такие работы, которые выгоднее было бы исполнять посредством машин» А. П. Кеппен. Историко-статистический обзор промышленности России, гр. VI. Горная и соляная промышленность. СПб., 1882, стр. 66.

[2] Е. И. Индова. Крепостное хозяйство в начале XIX века. По материалам вотчинного архива Воронцовых. М., 1955, стр. 188—190.

Весьма характерно, что только питание этих рабочих, по статье расхода «на хлеб», поглощало 58,5% всего расходного их бюджета. Столь высокий процент этого расхода уже сам по себе свидетельствует о напряженности бюджета. Весь доход в среднем на одного рабочего составлял всего 185 руб. 20 коп. ассигнациями, или 53 руб. серебром в год, т. е. всего 4 руб. 40 коп. в месяц. По-видимому, в этот доход вошли не только заработок рабочих на мануфактуре, но и прочие приработки членов семьи. И все же расход по всем бюджетам превышал все доходы на 11,2%. Дефицитных бюджетов было 44 из 70, т. е. достигало 63% общего их числа. Иными словами, значительное *большинство* семей с одним и даже с двумя работниками в семье не могли прокормиться своим заработком, а между тем лишь взимаемые с них оброки достигали 13% от всего их дохода. Такая низкая оплата труда не могла, разумеется, стимулировать высокую производительность закрепощенной рабочей силы.

Конечно, с течением времени преимущества вольного найма в русской промышленности, несмотря на крепостное право, брали свое. Принудительный труд постепенно уступал свое место свободному. Так, по предприятиям обрабатывающей промышленности мы имеем следующую динамику численности фабричных рабочих (табл. 16).

Таблица 16

Динамика рабочей силы в России *

Год	Вольнонаемные		Прочие		Итого абс.
	абс.	%	абс.	%	
1	2	3	4	5	6
1804	45 625	47,8	49 637	52,2	95 202
1812	60 641	50,9	58 452	49,1	119 093
1825	114 515	54,4	96 053	45,6	210 568
1860	493 650	87,4	71 350	12,6	565 000

* М. Туган-Барановский. Указ соч., стр 65 — 88; К. А. Пажитнов. Указ. соч., т. 1, стр. 51—60.

Как видим, если общее число рабочих возросло в 6 раз, то принудительный труд увеличился всего на 45%, причем за последние 35 лет перед освобождением крестьян он даже абсолютно сокращался.

Очень интересно, что столь интенсивное вытеснение принудительного труда свободным происходило несмотря на то, что принудительный труд еще в начале XIX в. расценивался вдвое дешевле свободного. Так, например, на шелковой фабрике Дудышкина около 1802 г. посессионные ткачи зарабатывали по 3 руб. 75 коп., а вольные — по 7 руб. 33 коп. ассигнациями в в месяц. На полотняной фабрике Щербатова приписные ткачи в 1817 г. зарабатывали в месяц около 12 руб. 50 коп., а вольные на фабрике Горбунова в той же Ярославской губ.— более 20 руб. в месяц. Подобное же соотношение наблюдалось на Купавинской суконной фабрике Богородского уезда в 1834 г. «Месячный народ,— жаловались здешние посессионные рабочие в прошении министру финансов,— как-то: кузнецы, слесаря, токаря, столяры и пр. получают от 10 до 15 руб., а по вольной цене — по 40 руб., ровенщики при машинах — в месяц по 8 руб., а по вольной цене — по 25 руб., на чесальных машинах мальчики 15 и 16 лет — по 7 руб., а по вольной цене — по 17 руб., при сновальне девки получают по 3 руб. 50 коп., а по вольной цене — по 8 руб.». Туган-Барановский, сопоставлявший эти цифры, заявленные рабочими, с официальной справкой конторы, удостоверяет полное их соответствие. Да и по свидетельству самих хозяев

фабрики Бабкиных, «вольным рабочим платилось *вдвое* против посессионных» [1].

В данном случае речь идет, по-видимому, только о «месячных» рабочих и, стало быть, о *повременных* расценках. Но и на сдельной работе при одних и тех же расценках принудительный труд оплачивался значительно ниже вольного, ибо оказывался значительно менее производительным. Так, например, на той же Купавинской фабрике «вольные ткачи вырабатывали в месяц около трех половинок «масловых» сукон и около семи половинок «мизерицких» и русских сукон; посессионные же ткачи на той же фабрике вырабатывали «масловых» только две половинки, а «мизерицких» и русских четыре, редко пять половинок в месяц.., *хотя задельную плату они получали одинаковую»* [2]. Очевидно, здесь решающим моментом была уже не столько норма и форма оплаты, сколько общее разлагающее влияние сознания полной безнадежности и беспросветности своей судьбы на стороне принудительного труда. «Многие из владельцев привилегированных (т. е. посессионных) фабрик,— свидетельствует современник в «Журнале мануфактур и торговли» за 1837 г. (т. X),— начали давать постоянную плату рабочим; многие платят им даже наравне с рабочими наемными. Но и в этом случае они нередко с большой неохотой принимаются за способ производства более или менее улучшенный, и всегда *наемные рабочие лучше их*». Вместе с тем, когда рабочие посессионной фабрики Угличанинова, пользовавшиеся довольно дурной славой, *получили свободу* и стали работать по вольному найму на соседней фабрике Оловянишникова, то они «*вскоре* работали *так же хорошо*, как и прочие работники» [3].

Эти красноречивые свидетельства объясняют многое. Они объясняют, почему, скажем, ивановские и прочие *купеческие* фабрики с наемным трудом процветали, получая после 1812 г. до *пятисот* (!) процентов прибылей за год, а привилегированные дворянские, строившиеся на подневольном труде, то и дело банкротились. Они объясняют, почему еще в 1832 г. дворянских фабрик насчитывалось 862 из 5599, т. е. 15,5%, а в конце 40-х годов, по Гакстгаузену, их оставалось уже не свыше 500 из 10 тыс., т. е. едва 5% [4]. Они объясняют, почему русская крупная промышленность, несмотря на богатейшие свои задатки и одно из первых мест еще в конце XVIII в., так быстро и резко отстала после Великой буржуазной революции 1789 г. от западноевропейской индустрии. Они объясняют также и то, почему даже весьма полнокровный русский феодализм рано или поздно должен был уступить свое место системе чисто капиталистических отношений «свободного» найма.

Все эти факты и выводы, правду говоря, довольно общеизвестны. Но, к сожалению, при изучении динамики зарплаты о них нередко забывают и сопоставляют без всяких стеснений уровень оплаты *крепостного* труда дореформенной эпохи с оплатой «*свободного*» труда капиталистической фабрики конца XIX в. [5] Такие сопоставления, конечно, очень удобны для апологетов современного капитализма, но совершенно незакономерны. Сопоставлять следует только сопоставимые вещи. Капиталистическому найму после 1861 г. предшествовал вполне сравнимый с ним вольный наем дореформенной эпохи. С оплатой фабричного рабочего XX в. вполне законно и плодотворно сопоставить заработок *вольнонаемного фабричного* крепостной эпохи.

---

[1] М. Туган-Барановский. Указ. соч., стр. 160—161. Все ставки в ассигнациях.

[2] Там же, стр. 170, прим.

[3] К. А. Пажитнов. Указ. соч., т. 1, стр. 60.

[4] М. Туган-Барановский. Указ. соч., стр. 77—82.

[5] См., например, М. Туган-Барановский. Указ. соч., стр. 159, 160; М. Балабанов. Указ. соч., ч. 1, стр. 89 и др.

Однако в исторических памятниках дореформенной эпохи отчетливые и достоверные данные об оплате *вольнонаемного* труда крайне отрывочны и скудны. К тому же пользование ими затрудняется тем, что мы не располагаем обычно соответствующими этим данным *местными* ценами для определения их реального значения.

Государственная регламентация «зарплаты» дореформенной эпохи тоже не дает твердой опоры исследователю, поскольку относится к *подневольному* труду. Очень характерно, однако, что в основу этой регламентации, по-видимому, были положены обычные нормы оплаты *вольного* труда, правда крайне устарелые. Еще в первой половине XVII в., как известно, поденная плата ремесленника и заводского рабочего колебалась около 4—5 коп. в день. Указом Петра Великого от 13 января 1724 г., т. е. 100 лет спустя, эта норма (зимою 4 коп., а летом 5 коп. за день), несмотря на огромный рост цен, признается достаточной для всех приписных к заводам крестьян по всей России. И лишь через полстолетия, в 1774 г., после жестоких потрясений, связанных с пугачевщиной, Екатерина II повышает эту норму вдвое (8 коп. зимой и 10 коп. летом за рабочий день пешего крестьянина).

К этому времени, однако, императорская власть, вместо прежней *порчи* металлических денег, нашла лучший способ извлечения доходов из своей денежной монополии. Путем обильных выпусков бумажных ассигнаций (с 1769 по 1838 г.) казна обрела новый источник доходов, а подневольный рабочий, получая свой заработок в резко падающей валюте, быстро потерял с лихвой все, что ему мог дать вызванный испугом царский манифест 1774 г. Во всяком случае после девальвации новой валюты, произведенной министром финансов Канкриным, и возврата к прежнему счету на серебро по штатам 1847 г. на казенных уральских заводах мы снова встречаемся со ставками мастеровым 1-й статьи по 6 коп., 2-й статьи — по 4 и 3-й — по 3 коп. серебром в день, хотя по содержанию серебра рубль 1847 г. был уже в 3,66 раза меньше рубля времен Михаила Федоровича, а по покупательному его значению еще раза в два дешевле.

Конечно, поденная плата в 6 коп. при указанных условиях не могла бы обеспечить даже рабского содержания. Но, во-первых, эта казенная такса, по-видимому, очень редко где применялась на деле. Во-вторых, там, где она применялась, как, например, в условиях особо низких цен на Урале, она дополнялась очень значительными натуральными доплатами — хлебом, дровами, бесплатным жилищем и т. д. И, в-третьих, приписные крестьяне, отбывая «барщину», работали на заводе не всей семьей и только часть года, а остальное рабочее время семьи посвящали своему крестьянскому хозяйству, которое и давало им основные средства существования. Таким образом, не только для определения уровня зарплаты, но и для оценки уровня жизни приписного к заводам населения подобные казенные таксы и «штаты» не представляют надежных оснований.

Вот почему мы предпочитаем несмотря на скудость соответствующих материалов ограничиться освещением норм оплаты только вольнонаемного труда дореформенной фабрики.

Пользуясь материалами, собранными Туган-Барановским в отношении оплаты труда текстильщиков подмосковных губерний, можно установить следующие факты.

Месячный заработок *вольнонаемного* ткача в 1803 г. за 23 рабочих дня составлял на полотняной фабрике Водовозова Владимирской губ. 6 руб. ассигнациями, на шелковых фабриках Московской губ. Дудышкина — 7 руб. 33 коп. и Москвина — 7 руб. 80 коп. На ситцевых фабриках, где в связи с быстрым ростом производства зарплата даже у приписных рабочих была особенно высокой, мы можем отметить месячный заработок ткача на фабрике Дм. Грачева Московской губ. и Еф. Грачева Владимирской губ. до 10 руб. ассигнациями. В среднем по 5 названным фабрикам

ткачи зарабатывали, стало быть, около 8 руб. 23 коп. ассигнациями в месяц, т. е., 6 руб. 57 коп. серебром по курсу 1803 г. в месяц, или по 28,5 коп. в день [1].

В архивном деле о притеснениях мастеров Фряновской шелковой фабрики Московской губ. 1837 г. имеется указание, что «приписные ткачи кру́гом заработали в год около 185 руб. каждый, а сидящие с ними вместе и работающие те же самые изделия вольные ткачи заработали кру́гом около 350 руб. каждый» [2]. При курсе ассигнаций 1837 г. в 28,2 коп. серебром этот заработок вольных ткачей составляет в переводе на серебро 98,5 руб. в год, или 8 руб. 22 коп. в месяц, т. е. очень близок к вышеприведенным нормам начала XIX в. Для того чтобы судить о реальном значении этих норм, приведем следующую справку о движении цен за XVII—XX вв. в серебряной валюте.

Цены, использованные здесь, по преимуществу московские, в двух-трех случаях использованы цены других рынков или ближайших соседних лет, более сомнительные цены поставлены в скобках, за последние два периода приведены цены сахара-рафинада, за первые два — меда (табл. 17) [3].

Таблица 17

Дороговизна жизни в XVII — XX вв.

№№ п/п	Товар	Ед. изм.	Годовая норма потребления	Стоимость набора, руб. и коп. серебром			
				1600—1649 гг.	1776—1782 гг.	1837—1839 гг.	1913 г.
1	2	3	4	5	6	7	8
1	Мука ржаная	пуд	10,0	0,50	2,23	3,62	12,00
2	Хлеб черный	»	2,0	0,116	0,37	0,64	21,0
3	Мука пшеничная	»	6,0	0,60	2,40	(4,36)	14,40
4	Крупа гречневая	»	2,0	0,24	0,55	0,97	3,68
5	Мясо	»	2,5	0,56	2,03	3,34	16,55
6	Масло коровье	»	0,3	0,222	0,97	1,63	5,34
7	Масло растительное	»	0,4	0,284	(0,80)	0,87	2,19
8	Мед — сахар	»	0,6	0,39	4,62	6,30	3,50
9	Соль	»	0,5	0,10	(0,30)	0,29	0,15
10	Дрова	»	75,0	0,252	2,40	2,97	11,22
	Итого		99,3	3,26	16,67	24,99	71,13
	Индекс дороговизны, %	—	—	4,6	23,4	35,1	100,0
	Стоимость набора, фунтов серебра	—	—	0,51	0,70	1,10	4,75
	То же, %	—	—	10,7	14,8	23,2	100,0

[1] Таблицу курсов см.: Н. Бржеский. Государственные долги России. СПб., 1884.

[2] М. Туган-Барановский. Указ. соч., стр. 155—156, 159.

[3] Цены 1776, 1786 и 1837—1839 гг. см.: К. А. Пажитнов. Указ. соч., т. 1, стр. 137, 142—143 и др. Цены муки ржаной и хлеба по Москве с 1797 по 1895 г. см.: Г. А. Позняков. Цены на хлеб и мясо в Москве. М., 1896; «Хлебопекарный промысел и такса на хлеб в Москве». М., 1899; «Собрание справочных цен на различные предметы торговли в Москве».— «Изв. Моск. гор. думы», 1894 г., вып. I; «Санкт-Петербургский прейскурант Коммерц-коллегии» с 1803 по 1857 г. и другие издания.

Мы не смогли привести по всем сопоставляемым периодам цены на одежду и квартиру. Первые из них, несомненно, понизили бы темп роста дороговизны, но зато квартирные цены, растущие наиболее быстрым темпом, действовали бы в обратном направлении. И потому в общем мы можем считать приведенный индекс достаточно показательным.

Специально для первой половины XIX в. в Госплане СССР была проделана довольно большая работа по исчислению индексов дороговизны жизни в г. Петербурге. С помощью «Санкт-Петербургского прейскуранта», издававшегося государственной Коммерц-коллегией за время с 1803 по 1857 г., и других изданий была исчислена стоимость бюджетного набора по 16 товарам с включением сюда и таких изделий промышленного происхождения, как кожа, холст, сукно и мыло, которые не вошли в нашу таблицу. Результат по питерским ценам (в серебряной валюте) получился следующий:

Год	Продукты питания	Прочие продукты	Общий индекс
1803	43,1	40,5	42,3
1823	37,7	45,5	40,0
1833	38,2	41,4	39,2
1843	39,0	47,4	41,6
1853	46,1	56,4	49,3
1913	100,0	100,0	100,0

Из важных статей рабочего бюджета здесь не учтена только квартирная плата, которая, по приблизительным исчислениям, в 1844 г. составляла около 27,8% и в 1853 г. до 30,1% нормы 1914 г. С учетом и этой статьи по ленинградской норме 1926 г. индекс 1843 г. понизится с 41,6% до 35,9% нормы 1913 г., а индекс 1853 г.— до 46,6%. Таким образом, и этот расчет в общем подтверждает наше исчисление по московским ценам к концу 30-х годов XIX в.

В серебряной валюте индекс 1837—1839 гг. составляет только 35% от норм дороговизны 1913 г. Применительно к данным о зарплате, выраженным в ассигнациях, его пришлось бы для этих лет повысить в 3,55 раза. Серебро, взятое на вес по рыночным ценам, дешевело в отношении перечисленного набора товаров за указанный период весьма интенсивно, в особенности за последнее время, после отмены свободной чеканки и перехода к золотому обращению. С начала XVII в. и до 1837 г., т. е. за два века, оно подешевело в отношении других товаров только вдвое, а с 1837 по 1913 г., т. е. за $^3/_4$ века,— раза в четыре с лишком.

Месячный заработок вольнонаемного ткача Московской губ. конца 30-х годов XIX столетия в 8 руб. 22 коп. в переводе на товарную валюту составит, стало быть, в реальном своем значении около 23 руб. 40 коп. по ценам 1913 г. Для сравнения укажем, что в 1908 г. ткачи той же губернии зарабатывали в месяц на круг в обработке хлопка всего 18 руб. 51 коп., в обработке шерсти — 22 руб. 75 коп., а в среднем по обработке всякого волокна — 19 руб. 89 коп.[1] За время же с 1903 по 1913 г. в текстильной промышленности наблюдалось даже некоторое снижение оплаты труда — номинальной на 2,5% и реальной на 1,5%. Отсюда заключаем, что никакого *повышения* реальной оплаты труда с 1837 по 1913 г. не наблюдалось. Гораздо легче было бы защищать обратное положение, т. е. о понижении ее, в особенности если учесть, что и даровая квартира и бесплатные дрова и тому подобные натуральные прибавки к зарплате на дореформенной фабрике практиковались гораздо чаще, чем в начале XX в.

---

[1] И. М. Козьминых-Ланин. Заработки фабрично-заводских рабочих Московской губ. М., 1911, табл. 2, 5, 8; А. Г. Рашин. Заработная плата за восстановительный период хозяйства СССР. М., 1928, стр. 111.

В пользу того взгляда, что дореформенная полуфеодальная фабрика должна была оплачивать *вольнонаемный* труд дороже, чем пореформенная капиталистическая фабрика, говорит уже тот факт, что в условиях феодализма не было да и не могло быть благоприятных условий для создания на потребу капитала сколько-нибудь значительной массы «свободных рук» вообще и резервной армии *безработных* пролетариев в особенности. Кроме того, начальный *мануфактурный* период развития промышленности нуждался в гораздо большей степени, чем более поздний период крупной машинной индустрии, в квалифицированном труде. С заменой этого труда машиной представлялась возможность снижения оплаты труда для соответствующих категорий рабочих, и капитал, конечно, всегда был готов широко ее использовать.

В качестве очень красочной иллюстрации сказанного можно указать на судьбу набойщиков. В начале XVIII столетия набойка ситцев производилась у нас еще вручную. И это был «золотой век» с точки зрения оплаты набойщиков. Но затем в связи с введением машинного печатания и распространением его в русской текстильной промышленности мы наблюдаем следующую картину катастрофического снижения заработков набойщиков (табл. 18)[1].

Таблица 18

Годовой заработок набойщиков

Годы	Руб. ассигнациями		Серебром	
	от — до	в среднем	руб.	%
1	2	3	4	5
1812—1821	800—1100	950	247	100
1822—1831	650—800	725	194	78
1832—1841	450—600	525	153	62
1842—1851	300—550	425	121	49
1852—1858	250—500	375	107	43

Всего за 40 лет оплата набойщиков упала раза в два с половиной. С учетом некоторого роста дороговизны предметов первой необходимости по отношению к серебру это падение выразилось бы еще резче. Одним словом, здесь мы имеем перед собой типичный пример результатов капиталистического применения машин. Она, во-первых, вытесняя ручной труд, создает на рынке относительный избыток в работниках данной профессии, а во-вторых, упрощая их труд, облегчает применение гораздо более широких кадров малоквалифицированной рабочей силы.

Судьба ручных ткачей тоже представляет большой интерес с указанной точки зрения. В начале XIX в. ручные ткачи оплачивались примерно так же, как и набойщики. По-видимому, эта профессия требовала большой выучки, потому что труд ткачей в то время оплачивался *выше* труда таких квалифицированных профессий, как столяры и кузнецы. Более высокая оплата ткачей наблюдается и в 1803, и в 1817, и в 1834, и даже в 1843 г.[2] Но уже к 1843 г. эта разница сильно сглаживается, а затем с распространением механического ткачества оплата всех ткачей резко снижается и оказывается уже ниже, чем оплата столяров и кузнецов. Характерно при этом, что в один и тот же период ткачи на механизированных работах оплачиваются выше, чем на ручных. Например, в 1856 г.

[1] М. Власьев. Село Иваново.— «Вестник промышленности», 1859, № 4, стр. 192.
[2] М. Туган-Барановский. Указ. соч., стр. 154, 160, 161, 164.

ручные ткачи получали всего 6 руб. 67 коп., серебром в месяц, а машинные — 11 руб. 25 коп. Очевидно, уже в это время ручное ткачество удерживалось лишь на предприятиях, эксплуатирующих *принудительный* труд. Но к моменту падения крепостного права к числу таких относились лишь мелкие предприятия. На более же крупных укрепились уже механические ставки и свободный труд.

Впрочем, окончательная дисквалификация ткачей в связи с развитием машинного производства произошла лишь в пореформенный период. Ниже мы приведем несколько цифр, иллюстрирующих этот процесс.

В общем, исходя из теоретических соображений, оплату труда на первых фазах капиталистического развития труднее было снижать по объективным условиям вследствие недостатка свободных рабочих рук, чем в период расцвета капиталистической индустрии. И мы считаем вполне правдоподобным приведенное выше наблюдение Гакстгаузена, который, говоря о России 40-х годов XIX в., утверждал, что *ни в одной стране* заработная плата фабричных рабочих не достигала такой высоты, как в России. Это могло быть именно вследствие полнокровного российского феодализма в ту эпоху: являясь тормозом в развитии капитализма, крепостной уклад поддерживал в то же время более высокий уровень оплаты *вольнонаемного* труда, чем в тех странах, где пролетаризация крестьянских масс не встречала таких препятствий и «свободных» рабочих рук на рынке было несравненно больше.

Будучи далекими от идеализации устоев николаевской (Николая I) эпохи и чуждаясь реакционно-народнического отрицания заслуг капитализма в деле разрушения этих устоев, мы не можем, однако, апологетически приписывать ему и такие заслуги, каких он не имеет. Реальный уровень оплаты вольнонаемного труда николаевской эпохи в период расцвета капитализма в России отнюдь не повысился, а скорее понизился. И если Туган-Барановский, например, склонен показания Гакстгаузена об уровне зарплаты в николаевской России считать преувеличенными, то это мнение его требует еще тщательной проверки. Дело в том, что Гакстгаузен оперирует данными о *вольном* найме. А Туган-Барановский, отнюдь не оспаривая их, предпочитает пользоваться более низкими, относящимися в значительной своей части к *принудительному* труду. Приводя целый ряд интересных данных об оплате труда различных профессий на разных фабриках, он сильно обесценивает их тем, что оставляет неизвестным, какие из приведенных ставок относятся к принудительному, а какие к вольному труду. Он даже выводит из них средние, хотя из резких колебаний по отдельным фабрикам и профессиям видно, что в эти средние зачастую входили ставки и крепостного и свободного труда.

Это смешение ставит под вопрос и некоторые выводы в отношении динамики зарплаты дореформенной эпохи. Туган-Барановский констатирует *рост* реальной зарплаты на дореформенных фабриках. И в общем этот вывод вполне правдоподобен. Под влиянием целого ряда волнений приписных к заводам крестьян, все время добивавшихся *уравнения* их в оплате с вольнонаемными рабочими, нормы оплаты *подневольного* труда должны были постепенно подтягиваться к оплате все шире применявшегося вольного труда. Но этот вывод во всяком случае нельзя распространять без проверки и на динамику оплаты *свободного* труда. Ставки вольного труда могли даже заметно падать (как, например, это установлено для набойщиков), а в общем при смешении вольного и принудительного труда и резком повышении удельного веса вольнонаемных рабочих *средний* размер оплаты тех и других мог обнаруживать и некоторый рост.

* * *

---

[1] Там же, стр. 167.

Какого же уровня достигала зарплата в России непосредственно перед ликвидацией крепостного права?

По данным 1856—1858 гг., относящимся главным образом к иваново-вознесенским фабрикам, машинные ткачи зарабатывали около 11 руб. 25 коп., прядильщики — до 13 руб. 50 коп., столяры — 11 руб. 13 коп. и кузнецы — 11 руб. 60 коп. серебром в месяц. Неясно, учтены ли здесь только вольнонаемные рабочие или частью и крепостные. По Гакстгаузену, ткачи еще в 40-х годах получали до 57 коп. серебром в день, или 13 руб. 10 коп. в месяц. В столицах соответствующие ставки были, несомненно, еще выше. Но нужно учесть, что 1857 и 1858 гг. были годами кризиса и падения заработной платы. Для сопоставления с ними мы располагаем данными 1883, 1896 и 1908 гг. по Владимирской и Московской губерниям. Однако при номинальном росте этих ставок за полвека раза в два и примерно таком же росте цен реальное их значение изменилось, по-видимому, очень мало: оплата ткачей снизилась на 2%, а у прядильщиков она возросла на 5—6%. Данные эти, к сожалению, мало сравнимы и не дают оснований для достоверных выводов.

б) Пореформенная оплата труда

За пореформенный период мы располагаем несравненно более обильным материалом для освещения динамических процессов в области заработной платы. Но и здесь вплоть до самого конца XIX в. за отсутствием *массовых* статистических материалов приходится довольствоваться весьма разрозненными данными отдельных предприятий, публикациями справочных цен по отдельным городам и тому подобным источникам иллюстративного значения.

Как было уже указано, ко времени реформы подневольные рабочие на русских фабриках составляли всего около 12,6% общего числа рабочих и потому реформа 19 февраля не могла вызвать особо крупных потрясений в большинстве отраслей обрабатывающей промышленности. Особенно резко ее влияние сказалось, однако, в таких отраслях, как горная, и в таких районах, как Урал, где до самой реформы сохранялось за посессионным трудом решающее значение.

В чем же сказалось это влияние? Оно проявилось прежде всего в повальном уходе приписных крестьян с завода и обращении их к другим, более легким или более выгодным занятиям. По свидетельству В. П. Безобразова, в 1860 г. на 7 Гороблагодатских горных заводах Урала числилось 8663 рабочих, в 1861 г.— 7030, в 1862 г.— 4671, в 1863 г.— 3097 и в 1864 г.— 2839 человек. Таким образом, за это время ушло с заводов свыше $^2/_3$ всех рабочих. Вторым следствием явилось резкое повышение зарплаты. Так, плата высшим мастеровым на Богословском заводе и Туринских рудниках за время реформы к 1866 г. удвоилась, а плата рабочим низшего разряда поднялась даже в 7 раз (с 5—8 коп. до 25—60 коп. в день). Но в связи с ростом зарплаты поднялись и цены на хлеб и на все прочие товары и материалы. Например, в Прикамье ржаная мука за пуд стоила в 1855—1857 гг. 25,3 коп., а в 1864—1866 гг.— 60 коп., на Южном Урале за то же время она поднялась с 27 до 62 коп., на Северном — с 27 до 87 коп. и т. д. Вместе с тем короб угля вздорожал за те же годы в среднем с 56 коп. до 1 руб. 28 коп., железная руда — с 1 руб. 63 коп. до 4 руб. 50 коп. за 100 пудов, медная руда — с 6 коп. до 10 коп. за пуд и т. д.[1]

Само собою разумеется, что поднять тем же темпом и цену железа, в каком росла зарплата и материалы, уральские заводчики по условиям

---

[1] В. П. Безобразов. Уральское горное хозяйство.— «Труды комиссии для пересмотра податей и налогов», т. XIII, ч. V. СПб., 1869, стр. 84—85, 102, 323—324.

конкуренции не могли. Поэтому одним из следствий реформы явилась рационализация производства и подъем производительности труда. О том, каков был уровень производительности на Урале до реформы, можно судить по следующей справке. В 1860 г. на лучших казенных заводах Урала производилось с переделом в железо всего 113 пудов чугуна в год на 1 рабочего, а, скажем, в Пруссии в 1851 г.— 250[1]. При свободном труде и таком уровне производительности невозможно было бы хозяйничать. Но уже к 1864 г. число рабочих на этих (Гороблагодатских) заводах сократилось втрое, а продукция чугуна возросла на 45% и достигла 500 пудов чугуна на 1 рабочего в год, т. е. увеличилась вдвое выше прусской нормы[2]. И вот оказывается, что если еще в 1861 г. накладные расходы на металлургических заводах Гороблагодатского округа составляли 94,2% надбавки на цеховую себестоимость металла, то к 1864 г. они падают уже до 25,7%. А общая заводская стоимость металла изменяется следующим образом (табл. 19).

Таблица 19

Заводская стоимость *

Год	Коп. за пуд		Год	Коп. за пуд	
	чугуна	полосового железа		чугуна	полосового железа
1860	31,9	118,2	1863	37,3	123,8
1861	46,5	134,0	1864	34,1	108,6
1862	43,5	115,5	1865	34,0	109,1

* В. П. Безобразов. Указ. соч., стр. 346.

Итак, в результате замены принудительного труда свободным, несмотря на более чем удвоенные нормы его оплаты и такое же повышение цен сырья (руды и угля), стоимость полупродукта уральской металлургии, т. е. чугуна, и в еще большей мере готового продукта — железа — осталась на прежнем уровне и даже снизилась. Иными словами, повышение производительности труда, перекрывшее и рост номинала заработной платы и вздорожание сырья, надо оценивать уже не в два, а по меньшей мере в 3—4 раза. Таковы результаты реформы на Урале.

В районах и областях труда, где уже и до реформы господствовал вольнонаемный труд, ее действие не произвело столь резких сдвигов в ценах рабочей силы и производительности труда. И даже больше, если оплата труда бывших приписных крестьян с падением крепостного права резко повысилась, то свободный труд после реформы заметно упал в цене.

Наиболее длинный динамический ряд в отношении заработной платы представляют справочные цены на рабочие руки по шести профессиям строительных рабочих Петербурга (столяры, маляры, плотники, каменщики, штукатуры и поденщики). А. Рыкачев собрал, опубликовал их за целые 58 лет, начиная с 1853 г.[3] Но у Рыкачева они сопоставляются только с хлебными ценами за соответствующие годы. Нам удалось в Инсти-

---

[1] М. Дженеев. О железной промышленности в России. Н. Новгород, 1858, стр. 29.

[2] С. Г. Струмилин. История черной металлургии в СССР, стр. 433.

[3] А. Рыкачев. Цены на хлеб и на труд в С.-Петербурге за 58 лет.— «Вестник финансов», 1911, № 31; «Ведомости справочных цен в С.-Петербурге» с 1853 до 1916 г. В «Ведомостях» даны колебания цен «от — до»; мы приводим из них средние арифметические за 12 месяцев, средняя по 6 профессиям взята тоже арифметическая.

туте экономических исследований Госплана СССР организовать исчисление на основе тех же справочных цен за весь период с 1853 по 1914 г. более надежного индекса, опирающегося на цены 26 важнейших для рабочего бюджета товаров. Кроме того, удалось исчислить и включить в этот индекс стоимость квартирной платы по данным ряда переписей. В качестве весов для этого индекса мы приняли данные бюджетов питерских рабочих за 1926 г., в которых они уже достигли и даже превзошли довоенный уровень жизни. В среднем выводе по шести профессиям в копейках каждого года и в переводе по индексу на валюту 1913 г. мы получили такую картину (табл. 20).

Таблица 20

Динамика поденной платы строительных рабочих СПб. (в коп. серебром)

Год	Поденная плата		Индексы (1913 г.=100)		Год	Поденная плата		Индексы (1913 г.=100)	
	номинальная	реальная	цен	реальной платы		номинальная	реальная	цен	реальной платы
1	2	3	4	5	1	2	3	4	5
1853	82,5	177,0	46,6	93,3	1884	102,8	134,2	76,6	70,7
1854	82,8	174,3	47,5	91,8	1885	102,0	137,3	74,3	72,3
1855	70,7	148,0	47,8	78,0	1886	85,3	119,8	71,2	63,1
1856	76,0	153,5	49,5	80,9	1887	92,6	138,4	66,9	72,9
1857	71,4	138,6	51,5	73,0	1888	106,3	156,3	68,0	82,3
1858	63,0	126,5	49,8	66,6	1889	116,7	166,3	70,2	87,6
1859	87,0	175,8	49,5	92,6	1890	117,3	173,8	67,5	91,6
1860	114,2	225,2	50,7	118,7	1891	119,3	167,8	71,1	88,4
1861	114,0	215,6	52,9	113,6	1892	120,6	162,1	74,4	85,4
1862	81,1	146,7	55,3	77,3	1893	120,4	161,2	74,7	84,9
1863	90,5	166,1	54,5	87,5	1894	119,1	165,0	72,2	86,9
1864	87,5	164,8	53,1	86,8	1895	120,0	165,6	72,5	87,2
1865	85,1	154,4	55,1	81,3	1896	123,3	169,6	72,7	89,4
1866	80,8	144,3	56,0	76,0	1897	120,5	165,3	72,9	87,1
1867	88,3	152,8	57,8	80,5	1898	136,7	175,3	78,0	92,4
1868	83,8	136,7	61,3	72,0	1899	143,3	180,7	79,3	95,2
1869	94,5	147,0	64,3	77,4	1900	122,0	156,8	77,8	82,6
1870	97,6	150,2	65,0	79,1	1901	137,3	173,6	79,1	91,5
1871	81,6	123,3	66,2	65,0	1902	140,1	174,5	80,3	91,9
1872	83,3	121,6	68,5	64,1	1903	140,5	173,9	80,8	91,6
1873	87,2	129,2	67,5	68,1	1904	137,3	171,6	80,0	90,4
1874	95,3	136,9	69,6	72,1	1905	143,6	177,5	80,9	93,5
1875	98,7	141,6	69,7	74,6	1906	143,6	173,4	82,8	91,4
1876	102,2	142,6	71,7	75,1	1907	150,5	174,8	86,1	92,1
1877	96,0	133,7	71,8	70,4	1908	142,8	158,7	90,0	83,6
1878	94,1	128,6	73,2	67,8	1909	150,0	165,8	90,5	87,4
1879	97,2	127,9	76,0	67,4	1910	141,6	159,1	89,0	83,8
1880	114,0	145,3	78,5	76,6	1911	169,2	185,7	91,1	97,8
1881	112,2	135,4	82,9	71,3	1912	174,9	180,1	97,1	94,9
1882	130,3	161,7	80,6	85,2	1913	189,8	189,8	100,0	100,0
1883	111,0	138,1	80,4	72,8					

Как видим, в среднем за весь период поденный заработок строителя колебался около 1 руб. 50 коп. в день. Но за отдельные годы мы имели весьма значительные отклонения от этой нормы. В 1860—1861 гг. наблю-

даются наиболее высокие нормы реальной оплаты, до которых она не поднимается потом за все 60 лет. Годы Крымской войны из-за сокращения строительства вызывают первое довольно резкое снижение заработной платы, которое ликвидируется только накануне реформы в 1860 г. Первые годы после реформы мы наблюдаем новое, еще более резкое падение платы — почти на 35%. Это падение, очевидно, следует объяснить широким притоком в столицу свежих рабочих рук из освобожденной деревни. Далее мы наблюдаем целый ряд повышений и понижений конъюнктурного характера. Оплата строителей довольно чутко реагирует снижением на каждую заминку или промышленный кризис (1857, 1866, 1871/72, 1883, 1900 гг.), годы войны (1855/56, 1877/78, 1904) и неурожайные годы (например, 1865 и 1867, 1879, 1891 и 1892, 1897, 1906 и т. д.). А в общем и в 1913 г. она не достигает уровня 1860 г. Особенно характерно в этих колебаниях влияние больших неурожаев и голодных лет. В неурожайные годы цены обычно обгоняют рост номинальной зарплаты и это должно бы сокращать нормальный приток рабочей силы в города за счет деревни. Но чем хуже живется в деревне, тем больше бежит из нее народу в город, соглашаясь под влиянием конкуренции даже на очень тяжелые условия труда и пониженный заработок.

Впрочем, влияние колебаний урожайности на динамику зарплаты в России не следует преувеличивать. Чтобы выявить его более рельефно, мы прежде всего определили средний динамический уровень урожайности за весь интересующий нас период (в «самах» [1]). Поскольку в нашей литературе неоднократно высказывались предположения о восьмилетней периодичности урожаев в России, то средняя урожайность исчислялась за каждое восьмилетие. Затем фактическая урожайность каждого года выражалась в процентах от средней за соответствующее восьмилетие. Точно такое же исчисление — для сравнимости тоже по восьмилетиям — проделано нами с реальной поденной платой строителей СПб. В результате получились две кривые погодных отклонений урожайности и зарплаты от среднего динамического их уровня за целые 60 лет (табл. 21).

Колебания урожайности и зарплаты отнюдь не выявляют какой-либо строгой периодичности и очень тесной взаимосвязанности. В частности, колебания в оплате труда особенно велики в начале периода, но затем как будто затухают, а колебания урожайности, наоборот, скорее повышают свой диапазон к концу периода. Тем не менее целому ряду максимумов урожайности (например, 1853, 1858, 1860, 1865, 1870, 1874, 1881, 1887, 1899, 1904 гг.) соответствует в том же году — или чаще только в следующем — повышение и в оплате труда (1854, 1859, 1861, 1867, 1870, 1875, 1882, 1888, 1899, 1905 гг.), и наоборот — за минимумами урожайности кривой (1861, 1867, 1871, 1880, 1885, 1891, 1911 гг.) следуют минимумы кривой зарплаты (1862, 1868, 1872, 1881, 1886, 1892, 1912 гг.). Выраженная математически теснота связи этих кривых, если сопоставлять урожай текущего года с реальной зарплатой последующего, определялась за весь период очень низким коэффициентом $r = 0{,}2$ [2]. Функциональная зависимость, соответствующая прямой пропорциональности, выразилась бы коэффициентом корреляции $r = 1$, а полное отсутствие взаимозависимости сопоставляемых величин — коэффициентом $r = 0$. Таким образом, выявленную нами связь между колебаниями урожайности и реальной зарплаты в дореволюционной России ($r = 0{,}2$) нельзя признать очень тесной.

Более наглядно эту связь можно выявить следующим элементарным приемом. Отобрав по 20 лет наиболее отклоняющихся от среднего уровня урожайности вверх и вниз и выделив, таким образом, в остатке 20 лет,

[1] По данным В. Г. Михайловского («Урожаи в России в 1801—1914 гг.».— «Бюллетень ЦСУ», 1921, № 50, стр. 4).

[2] Для одноименных лет коэффициент корреляции получился отрицательный, но тоже весьма небольшой.

Таблица 21

Колебание урожаев и реальной оплаты труда в России

Год	Урожайность зерновых			Поденная плата в СПб. (реальная)		
	в «самах»		колебания (гр. 2 в % к гр. 3)	в коп.		колебания (гр. 5 в % к гр. 6)
	фактическая	средняя		фактическая	средняя	
1	2	3	4	5	6	7
1853	3,61	3,47	104,0	177,0	177,0	100,0
1854	3,51	3,54	99,2	174,3	166,4	104,7
1855	2,60	3,54	82,4	148,0	158,3	93,5
1856	3,26	3,48	93,7	153,5	156,2	98,3
1857	3,95	3,45	114,5	138,6	167,3	82,8
1858	4,08	3,45	118,3	126,5	168,0	75,3
1859	2,87	3,55	80,8	175,8	167,4	105,0
1860	3,78	3,60	105,0	225,2	189,2	119,0
1861	3,51	3,61	97,2	215,6	170,0	126,8
1862	3,57	3,53	101,1	146,7	173,0	84,8
1863	4,26	3,53	120,7	166,1	172,7	96,2
1864	3,28	3,54	92,7	164,8	165,7	99,5
1865	3,01	3,57	84,3	154,4	155,9	99,0
1866	3,84	3,67	104,6	144,3	151,8	95,1
1867	3,10	3,69	84,0	152,8	149,4	102,3
1868	3,75	3,68	101,9	136,7	144,0	94,9
1869	4,06	3,78	107,4	147,0	139,7	105,2
1870	4,59	3,87	118,6	150,2	137,7	109,1
1871	3,52	3,92	89,8	123,3	136,5	90,3
1872	3,88	3,94	98,5	121,6	136,1	89,4
1873	3,94	3,96	99,5	129,2	135,7	95,2
1874	4,34	3,95	109,9	136,9	133,5	102,6
1875	3,38	3,97	85,1	141,6	132,5	106,9
1876	3,85	3,98	96,7	142,6	134,2	106,3
1877	4,26	4,01	106,2	133,7	136,1	98,2
1878	4,49	4,06	110,6	128,6	138,0	93,2
1879	3,78	4,10	92,2	127,9	139,4	91,8
1880	3,65	4,17	87,5	145,3	138,6	104,8
1881	4,73	4,16	113,7	135,4	138,3	97,9
1882	4,31	4,11	104,9	161,7	138,0	117,2
1883	4,04	4,16	97,1	138,1	138,1	100,0
1884	4,30	4,29	100,2	134,2	139,4	96,3
1885	3,65	4,29	85,1	137,3	142,0	96,7
1886	4,28	4,22	101,4	119,8	144,7	82,8
1887	4,87	4,16	117,1	138,4	147,3	94,0
1888	4,69	4,08	115,0	156,3	150,9	103,6
1889	3,65	4,19	87,1	166,2	154,2	107,8
1890	4,11	4,40	94,1	173,8	158,5	109,7
1891	3,26	4,50	72,4	167,8	163,0	102,9
1892	4,00	4,53	88,3	162,1	165,5	97,9
1893	5,63	4,58	122,9	161,2	166,3	96,9
1894	5,68	4,65	122,2	165,0	166,3	99,2
1895	5,04	4,80	105,0	165,6	167,2	99,0
1896	5,04	5,00	100,8	169,6	167,7	101,1
1897	4,12	5,05	81,6	165,3	168,2	98,3
1898	4,76	4,90	97,1	175,3	169,6	103,4
1899	5,40	4,92	109,8	180,7	170,7	105,9
1900	5,01	4,99	100,4	156,8	171,3	91,5
1901	4,08	5,12	79,7	173,6	172,2	100,8
1902	5,77	5,12	112,7	174,5	172,9	100,9
1903	5,20	5,03	103,4	173,9	172,4	100,9
1904	6,13	5,00	122,6	171,6	172,1	99,7
1905	4,86	5,07	95,6	177,5	171,7	103,4
1906	4,05	5,24	77,3	173,4	170,3	101,8
1907	4,88	5,19	94,0	174,8	170,6	102,5
1908	5,04	5,17	97,5	158,7	171,4	92,6
1909	6,33	5,30	119,4	165,8	172,6	96,1
1910	5,87	5,48	107,1	159,1	174,8	91,0
1911	4,17	5,60	74,4	185,7	177,9	104,4
1912	6,24	5,68	109,9	180,1	183,4	98,2
1913	6,75	5,62	120,1	189,8	190,2	99,8

близких к средней урожайности, мы вывели для каждой из этих групп лет средний уровень урожайности, а затем для следующих за ним лет (с передвижкой только на один год вперед) вывели и средний уровень реальной оплаты труда. Указанная группировка дала нам результат за исследуемый период в 60 лет (табл. 22).

Таблица 22

Группировка по урожайности
(в % от динамической средней)

Группы лет по урожайности (от — до)	Средняя урожайность отчетных лет	Оплата труда последующих лет
1	2	3
1. 105—123	115,1	100,8
2. 95—105	100,4	100,0
3. 80— 95	85,3	98,8

За годами повышенной урожайности, как видим, следует некоторое повышение, а за неурожайными — понижение уровня реальной зарплаты. Но в общем за отклонением урожайности на 15% вверх и вниз следуют колебания в оплате труда всего на 0,8—1,2%.

Несравненно более тесная связь наблюдается между динамикой номинальной зарплаты за тот же период и движением цен. Коэффициент корреляции за все 60 лет (с 1853 до 1913 г.), выведенный из данных табл. 10, достигает 0,77. Рост дороговизны жизни не может не отразиться на денежном выражении оплаты труда, поскольку реальный уровень ее тяготеет к определенному стандарту средств существования. Но эта общая тенденция находит свое полное отражение только на просторе больших периодов времени. Если же изучаемый период в 60 лет разбить на более кратковременные промежутки, то скажется влияние и других временных факторов, ослабляющих действие общего закона. **И тогда** выявится волна падений и роста не только денежной, но и **реальной** зарплаты.

Если, отвлекаясь от погодных колебаний, вычислить динамику реального поденного заработка тех же рабочих по пятилетиям, то выявится следующая тенденция (табл. 23).

Таблица 23

Реальный заработок

Годы	Поденный заработок, коп.	Поденный заработок, %	Годы	Поденный заработок, коп.	Поденный заработок, %
1	2	3	1	2	3
1853—1857	158,3	89,0	1883—1887	133,6	75,1
1858—1862	177,9	100,0	1888—1892	165,3	92,9
1863—1867	156,5	88,0	1893—1897	165,3	92,9
1868—1872	135,8	76,3	1898—1902	172,2	96,8
1873—1877	136,8	76,9	1903—1907	174,2	97,9
1878—1882	139,8	78,6	1908—1912	169,8	95,4

Вплоть до середины 70-х годов после реформы под влиянием процессов пролетаризации деревни идет почти непрерывное снижение оплаты труда.

А затем, по-видимому, под влиянием ускоренного роста и подъема капиталистической промышленности, наступает перелом в сторону повышения заработной платы. Особенно крутой подъем ее относится к 90-м годам истекшего столетия. За последнее же пятилетие перед войной после столыпинской реформы, давшей новый сильный толчок расслоению деревни и отходу в города, мы наблюдаем новое снижение.

Для иллюстрации роста зарплаты начиная с 80-х годов до конца XIX в. мы можем привести еще данные по Коломенскому заводу (табл. 24).

Таблица 24

Коломенский машиностроительный завод *

Год	Число рабочих	Годовой заработок, руб. номинальный	Годовой заработок, руб. реальный	Годовой заработок, реальный, % к 1878 г.	Дневной заработок, коп. номинальный	Дневной заработок, коп. реальный	Дневной заработок, реальный, % к 1878 г.	Индекс дороговизны (1913 г. = 100)	Рабочий год, дней
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1878	3 128	210,5	287,6	100,0	88	120	100,0	73,2	239
1879	2 855	213,3	280,3	97,5	87	114	95,0	76,0	245
1880	3 113	235,6	300,2	104,4	92	117	97,5	78,5	256
1881	3 009	228,1	275,2	95,7	93	112	93,3	82,9	245
1882	2 645	204,9	254,3	88,4	87	108	90,0	80,6	236
1883	3 179	215,1	267,5	93,0	87	108	90,0	80,4	247
1884	3 502	237,8	310,5	108,0	92	120	100,0	76,6	258
1885	3 522	237,0	319,0	110,9	95	127	105,9	74,3	249
1886	3 393	224,8	315,7	109,8	89	125	104,2	71,2	253
1887	3 354	220,1	329,0	114,4	85	127	105,9	66,9	259
1888	3 916	224,4	330,0	114,7	89	131	109,2	68,0	252
1889	3 790	233,7	333,0	115,8	95	135	112,5	70,2	249
1890	3 698	239,1	354,2	123,2	95	141	117,5	67,5	263
1891	3 369	240,3	338,0	117,5	92	129	107,5	71,1	261
1892	4 245	249,4	335,2	116,6	92	124	103,4	74,4	271
1893	5 028	244,9	327,9	114,0	94	126	105,0	74,7	261
1894	5 211	256,9	355,9	123,7	98	137	114,2	72,2	262
1895	5 798	261,5	360,7	125,4	99	137	114,2	72,5	263
1896	6 042	267,7	368,2	128,0	102	140	116,7	72,7	262
1897	6 615	274,2	376,1	130,8	103	141	117,5	72,9	265
1898	6 784	272,2	349,0	121,3	106	136	113,3	78,0	256
1899	6 668	295,0	372,1	129,4	113	142	118,4	79,3	261
1900	7 166	319,7	411,0	142,9	122	157	130,8	77,8	261
1901	7 460	323,0	408,4	142,0	129	163	135,9	79,1	251

* «Техническое описание Коломенского машиностроительного завода. 1863—1903 гг.». Коломна, 1903.

Как видим, рост оплаты фабричного труда за указанный период не только в денежном, но и в реальном выражении был довольно высоким. Но если бы за отсутствием других данных мы отсюда заключили, что этот рост характерен для всего периода капиталистического развития в России, то сделали бы грубую ошибку. Мы уже видели выше, что отмеченной и в настоящей таблице волне подъема зарплаты предшествовала не менее глубокая волна падения. И если брать более длительные периоды для сравнения, то обнаружится, что в лучшем случае в результате блистательных успехов капитализма был достигнут лишь прежний уровень. Кстати, по соотношению между годовым и поденным заработком из той

же таблицы можно установить и продолжительность рабочего года коломенских металлистов. За первое пятилетие (1878—1882 гг.) этот год благодаря изобилию праздников и прогулов не превышал 244 рабочих дней, а с повышением зарплаты прогулы, по-видимому, заметно сократились, и рабочий год за последнее пятилетие (1897—1901 гг.) удлинился до 257 рабочих дней.

За отсутствием специального индекса дороговизны по Коломне мы и здесь применили вышеуказанный ленинградский индекс по 26[1] товарам. Весьма вероятно, что это несколько меняет общий уровень реальной оплаты труда в г. Коломне. Но Коломенский завод вообще едва ли достаточно показателен для характеристики уровня зарплаты по всей промышленности.

Конечно, при наличии довольно свободного передвижения рабочих из одной отрасли труда в другую и с одного предприятия на другое, а эта так называемая *текучесть* рабочего состава в нашей промышленности всегда была очень значительной, общий уровень оплаты труда равной квалификации неизбежно выравнивался повсюду, где не было каких-либо специальных местных особенностей, препятствующих такому выравниванию. Но они все же имели место и в силу различного уровня цен в разных районах, и в силу местных различий в пролетаризации деревни. Например, уральский горняк, привязанный к месту собственным домишком и огородом, или ивановский текстильщик, не порвавший хозяйственных связей с землей, оплачивались обычно гораздо ниже, чем горняки Донбасса, текстильщики Петербурга и т. д.

Но эта дифференциация уровня оплаты труда различных категорий в пространстве отнюдь не препятствовала очень большому сходству динамических колебаний этого уровня в различных местах и производствах, т. е. колебаний его во времени. Одинаковые причины порождают одинаковые следствия. Большинство причин, вызывающих сколько-нибудь заметные сдвиги в общем уровне оплаты труда, например крестьянская реформа, большие неурожаи, войны, промышленные кризисы и подъемы, революции, обычно выходят по своему значению за пределы не только районных, но и государственных границ страны. Вот почему динамика колебаний зарплаты питерских строителей или коломенских металлистов весьма показательна не только для местного масштаба соответствующих производств[2].

Кроме оплаты питерских строителей нам известна динамика оплаты труда за большие периоды для сельскохозяйственных рабочих по 50 губ. Европейской России (с 1882 г.) и железнодорожников по всей сети дорог общего значения (с 1883 г.)[3]. Это очень различные отрасли труда, но все же коэффициент корреляции (Пирсона), исчисленный за весьма большой период (с 1883 по 1913 г.), показывает, что динамика погодовых колебаний соответствующих кривых находится в очень тесной взаимной связи. Эта связь между динамикой номинального уровня поденной платы питерских строителей и годового заработка железнодорожников выразилась за 30 лет коэффициентом $r = 0{,}82$, для строителей и сельскохозяйственных рабочих — $r = 0{,}85$ и для железнодорожников и сельскохозяйственных рабочих — $r = 0{,}92$.

Не менее явственный параллелизм наблюдается в движении кривых оплаты труда различной квалификации. Так, например, если динамику

---

[1] Без жилья.

[2] Это явствует уже из того, что коэффициент корреляции между кривой роста поденной платы питерских строителей и коломенских металлистов, несмотря на все различия в условиях их труда и квалификации, достигает за 1878—1901 гг. весьма высокой нормы 0,66.

[3] С. Г. Струмилин. Очерки советской экономики, стр. 196—197; он же. Проблемы экономики труда. М., 1957, стр. 396 и сл.

оплаты питерских строителей проследить по отдельным профессиям, то получим такую картину по пятилетиям в кредитной валюте (табл. 25).

Таблица 25

Динамика заработной платы строительных рабочих Санкт.-Петербурга

Пятилетия	Номинальная поденная плата, коп.								Реальная плата по шести профессиям
	обученных рабочих						чернорабочие	отношение гр. 7 к гр. 8, %	
	столяры	маляры	плотники	штукатуры	каменщики	в среднем по пяти профессиям			
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1853—1857	88,4	82,6	79,2	74,4	85,8	82,1	49,6	165,5	158,3
1858—1862	102,2	98,2	88,6	96,8	105,0	98,2	60,8	161,5	177,9
1863—1867	100,0	87,0	85,4	84,6	94,2	90,2	67,8	133,0	156,5
1868—1872	104,4	85,4	87,6	87,6	98,8	92,8	65,8	141,0	135,8
1873—1877	103,0	95,6	104,0	101,2	101,2	101,0	70,2	143,9	136,8
1878—1882	116,0	112,0	117,8	111,0	110,4	113,4	70,2	161,5	139,8
1883—1887	114,0	100,0	104,0	123,4	105,4	109,3	66,4	164,6	133,6
1888—1892	131,6	125,7	117,4	128,6	116,2	128,9	77,0	160,9	165,3
1893—1897	135,5	130,4	121,2	135,2	126,2	129,7	77,0	168,5	165,3
1898—1902	162,4	140,8	133,8	157,5	138,4	146,6	83,6	175,4	172,2
1903—1907	183,5	150,8	145,6	152,3	134,9	153,5	91,2	168,3	174,2
1908—1912	192,5	163,8	160,3	164,2	154,9	167,2	98,4	170,0	169,8

Параллелизм движения приведенных рядов по пятилетиям совершенно осязателен. Но если брать даже годовые колебания, то коэффициент корреляции (Пирсона) между движением поденной платы чернорабочего и столяра определится за 1853—1913 гг. чрезвычайно высокой нормой — $r = 0{,}84$. Тем не менее это не полный параллелизм, ибо разрыв в оплате обученного и необученного труда за весь период обнаруживает довольно заметные смещения сначала, до середины 60-х годов, вниз, в сторону большей уравнительности, а затем вверх, в направлении возрастающей дифференциации. Очень показательно, что возрастание уравнительности совпадает по времени с понижением среднего уровня реальной оплаты труда, а рост дифференциации следует за повышением этого уровня.

Объясняется этот факт довольно просто. В периоды низкой конъюнктуры вообще и падающего уровня зарплаты труднее всего снизить уровень хуже всего оплачиваемых слоев пролетариата, ибо они и без того уже стоят у порога физиологического минимума потребностей. А потому прежде всего и легче всего падает оплата труда более квалифицированных профессий, что и приводит к большей уравнительности в расценке различных категорий труда.

Для оценки реального значения оплаты труда за последний период XIX в. в настоящее время имеется уже несколько индексов. Одни из них строятся на базе розничных цен, другие — на основе оптовых биржевых расценок, одни взвешиваются по пропорции данных товаров в рабочем бюджете, другие — по пропорции их в общем товарообороте. В зависимости от этих условий и состава входящих в индекс товаров получаются довольно заметные различия и в динамике индексов. Иллюстрируем это следующей таблицей (табл. 26).

Как видим, два первых индекса, построенные по розничным ценам Санкт-Петербурга, несмотря на разное число товаров, мало отличаются

Таблица 26

Индексы цен за 1885—1914 гг.

(1913 г. — 100) *

Год	Розничные цены				Оптовые цены		
	Институт экономических исследований (27 товаров) по СПб.	М. П. Кохна			Проф. М. Е. Подтягина (66 товаров)	С. П. Боброва (62 товара)	
		(24 товара) по СПб.	(15 товаров) по Москве	средний по двум городам		в кредитной валюте	в золотой валюте
1	2	3	4	5	6	7	8
1885	74,3	75,6	84,9	80,2	75,4	—	—
1886	71,2	71,8	78,3	75,1	73,1	—	—
1887	66,9	72,4	78,0	75,2	74,1	80,9	67,6
1888	68,0	72,2	80,9	76,5	75,4	86,2	77,0
1889	70,2	73,7	82,5	78,1	72,8	83,4	82,5
1890	67,5	71,1	79,8	75,4	70,4	73,7	80,2
1891	71,1	73,5	82,7	83,6	85,6	74,8	74,9
1892	74,4	77,9	84,8	81,4	88,2	73,2	69,2
1893	74,7	79,4	80,9	80,2	78,8	75,9	74,3
1894	72,2	74,2	78,2	76,2	66,4	68,5	68,9
1895	72,5	70,7	74,8	72,7	62,3	69,9	70,8
1896	72,7	70,1	72,8	71,4	62,2	72,0	72,0
1897	72,9	71,1	74,5	72,8	72,2	74,4	74,4
1898	78,0	78,1	76,5	77,3	79,2	78,2	78,2
1899	79,3	80,3	75,6	78,0	78,3	80,7	80,7
1900	77,8	80,0	77,4	78,7	76,0	84,2	84,2
1901	79,1	78,9	79,0	78,9	77,9	79,8	79,8
1902	80,3	79,4	79,9	79,7	79,0	75,8	75,8
1903	80,8	79,2	78,9	79,0	77,8	72,4	77,4
1904	80,0	80,2	81,7	80,9	80,1	80,1	80,1
1905	80,9	80,4	86,3	83,3	84,6	81,9	81,9
1906	82,8	84,0	92,4	88,2	91,0	89,3	89,3
1907	86,1	89,9	96,3	93,1	102,7	97,0	97,0
1908	90,0	95,0	100,8	97,7	103,3	93,0	93,0
1909	90,5	94,2	98,5	96,3	98,6	91,0	91,0
1910	89,0	90,9	96,7	94,3	94,4	91,6	91,6
1911	91,1	91,8	96,4	94,1	94,6	94,8	94,8
1912	97,1	98,1	100,7	99,4	101,5	98,0	98,0
1913	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
1914	105,4	—	—	—	(107,8)	109,2	106,9

* С. Г. Струмилин. История черной металлургии в СССР, стр. 514—515 (субиндексы по 27 товарам за 1853—1913 гг.).

друг от друга. Московский индекс Кохна дает за изучаемый период значительно более медленный темп вздорожания жизни, чем питерский. Оптовые индексы Подтягина и Боброва построены примерно на одной и той же ценовой базе ряда крупнейших товарных рынков (с 1890 г. по своду товарных цен), но первый из них взвешен по весам рабочего бюджета, а второй — по доле участия каждого товара в грузообороте страны (по водным и железнодорожным перевозкам). Кроме того, последний индекс дается нами не только в текущей (кредитной) валюте, но и в переводе по курсу на золото за те годы, когда кредитные рубли отличались от золотых. Все остальные индексы построены в кредитной валюте.

Для характеристики дороговизны жизни во *всероссийском* масштабе наиболее пригодным из них мы считаем «бюджетно-оптовый» индекс

профессора М. Е. Подтягина. Но для изучения динамики составляющих всякий «тотальный» индекс групповых индексов большой интерес представляет индекс Института экономических исследований, позволяющий проследить эту динамику на одном и том же рынке за гораздо больший период времени (табл. 27).

Таблица 27

Индексы розничных цен по 19 товарам по Санкт-Петербургу с 1867 по 1916 г.

(1913 г. = 100)

Год	Продукты			Итого по сельскому хозяйству	Промтовары	Всего
	земледелия	животноводства	лесоводства			
1	2	3	4	5	6	7
1867	77,6	54,6	45,2	58,3	133,6	65,0
1868	86,6	55,7	49,3	62,3	132,5	68,5
1869	77,2	63,0	53,4	64,3	130,1	70,2
1870	71,5	66,7	51,1	64,1	143,0	71,1
1871	73,7	63,9	65,7	67,0	128,6	72,4
1872	83,2	66,7	59,8	69,4	142,8	75,9
1873	84,0	63,5	54,8	66,7	133,3	72,6
1874	83,6	64,6	65,3	69,8	123,8	74,6
1875	76,3	63,2	75,8	69,8	123,2	74,6
1876	75,9	63,9	81,3	71,4	122,7	76,0
1877	79,3	65,6	71,7	70,7	115,8	74,7
1878	88,8	65,3	63,0	71,0	119,2	75,2
1879	87,1	71,0	63,0	73,2	144,6	79,6
1880	106,5	75,4	71,2	82,6	109,7	85,0
1881	121,1	78,4	73,5	88,5	120,2	91,3
1882	103,4	79,9	72,6	84,3	134,0	88,7
1883	88,4	75,6	68,5	77,2	136,2	82,5
1884	90,1	74,0	68,9	77,0	122,2	81,0
1885	89,2	67,0	63,9	72,1	105,7	75,1
1886	86,6	65,1	59,8	69,5	89,1	71,3
1887	80,6	70,3	59,8	70,4	85,6	71,7
1888	75,0	71,2	60,3	69,5	96,3	71,9
1889	78,4	65,6	67,1	69,4	97,4	71,9
1890	75,9	63,9	63,5	67,0	99,8	69,9
1891	89,2	66,5	55,2	69,7	103,3	72,7
1892	99,1	71,9	57,1	75,4	100,9	77,7
1893	87,8	72,8	68,5	75,5	112,7	78,8
1894	72,8	69,8	63,9	69,1	106,9	72,5
1895	69,1	65,6	59,4	64,9	99,9	68,0
1896	67,7	63,9	63,9	64,9	96,4	67,7
1897	71,8	64,6	63,0	65,9	103,4	69,3
1898	80,2	68,8	79,0	74,4	106,9	77,3
1899	78,4	71,0	89,9	77,7	98,7	79,5
1900	77,6	75,4	81,3	77,4	95,3	79,0
1901	78,0	71,0	76,7	74,3	106,9	77,2
1902	79,3	73,1	75,3	75,3	102,2	77,7
1903	75,9	73,3	80,8	75,8	94,0	77,5
1904	75,9	77,3	74,4	76,2	97,5	78,1
1905	80,2	74,5	69,9	74,8	101,0	77,2
1906	83,2	78,7	74,4	78,8	103,4	81,0
1907	93,5	86,2	82,2	87,1	98,8	88,2
1908	104,3	94,4	84,5	94,5	98,7	94,9
1909	100,4	95,5	79,4	92,8	99,9	93,4
1910	91,4	93,2	77,6	88,8	98,6	89,7
1911	90,9	93,0	86,8	90,9	98,7	91,6
1912	100,4	96,0	103,6	99,1	94,0	98,6
1913*	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
1914	100,0	106,6	105,2	106,0	103,5	105,4
1915	120,7	119,2	133,8	123,2	125,8	123,5
1916	158,2	205,8	181,3	187,1	324,6	199,3

* Для 1913 г. веса в наборе: а) продуктов земледелия — 24,1%; б) продуктов животноводства — 44,3%; в) продуктов лесоводства — 22,7%; г) промтоваров — 8,9%.

Из приведенных групповых цен, как видим, наиболее быстрый рост дают цены продуктов лесоводства (дрова), за ними следуют продукты животноводства и продукты земледелия (зерновые, мука, хлеб, картофель), цены же промышленных товаров с 1867 по 1913 г. не только не растут, но даже падают. Никакого параллелизма в движении промышленных и сельскохозяйственных цен за указанный период, таким образом, не наблюдается. Скорее, наоборот, можно говорить о встречном их движении. Объясняется это, конечно, прежде всего разными темпами роста производительности различных отраслей труда. Производительность труда в обрабатывающей промышленности растет быстрее, чем в сельском хозяйстве. Но в том же направлении, надо думать, действует и нарастание земельной ренты (включая сюда горную и лесную). С ростом населения требуется все более интенсивное использование ограниченных естественных богатств земли и ее недр. Монопольная собственность на землю приводит в этих условиях к бешеному росту земельной ренты [1], а вместе с тем и к повышению цен той продукции, которая связана с использованием значительных пространств земли или ее недр, т. е. в первую очередь продукции сельского хозяйства.

В бюджете рабочего сельскохозяйственным продуктам принадлежит значительно больший вес, чем промышленным. Вот почему и номинальный заработок рабочего в своем росте следует за ростом сельскохозяйственного индекса в гораздо большей мере, чем за динамикой цен какой-либо иной группы товаров. Снижение промышленного индекса цен, конечно, замедляет возрастание номинального уровня зарплаты, но все же оно оказывается слишком недостаточным, чтобы приостановить этот рост и направить кривую номинальной зарплаты вниз.

Массовыми данными о динамике зарплаты в фабрично-заводской промышленности за XIX в. мы не располагаем. Но, исходя из тесной закономерности в динамике номинальной оплаты труда и движении цен, с одной стороны, и высоких коэффициентов корреляции между кривыми роста номинальной зарплаты промышленных рабочих и сельскохозяйственных, железнодорожников, строителей и т. д., можно грубо определить и характер кривой зарплаты индустриальных рабочих. Такая попытка, весьма интересная с точки зрения теории, была выполнена в Госплане СССР профессором М. Е. Подтягиным. Тогда мы располагали индексом цен только начиная с 1885 г., а потому и все исчисление пришлось ограничить периодом 1885—1900 гг., опираясь на статистическую базу 1900—1913 гг. по своду отчетов фабричной инспекции.

Годовой заработок фабричного рабочего в России по этому теоретическому расчету за последние 16 лет XIX в. изменялся следующим образом (табл. 28).

По штрафовавшимся заведениям, подчиненным фабричной инспекции, в 1900 г. годовой заработок по всей империи составлял 194 руб.; по более полному обследованию В. Е. Варзара, охватившему почти все заведения, не обложенные акцизом, этот заработок достигал 207 руб. в год. Стало быть, исчисленная цифра 204 руб. для 1900 г. заключается между этими пределами, отличаясь от них на величину от 1,5 до 5%. За другие годы некоторую проверку приведенного исчисления можно еще найти в статистических данных за 1893 и 1897 гг. За 1893 г., по сводке фабричного инспектора Я. Т. Михайловского [2], средний заработок фабрично-заводского рабочего равняется 187 руб. 60 коп., считая год в 288 дней, а

[1] Земельные цены в России с 1870 по 1910 г., т. е. за 40 лет, возросли в 5,55 раза, в том числе с 1900 по 1910 г.— на 62%; квартирная плата в городах только за 6 лет — с 1904 по 1910 г.— возросла на 47,5% и т. д. (С. Г. Струмилин. Очерки советской экономики, стр. 26 и 52).

[2] «Фабрично-заводская промышленность и торговля России». Изд. 2. СПб., 1896.

Таблица 28

Годовая заработная плата (в руб.)

Год	Номинальная	Реальная	Год	Номинальная	Реальная
1	2	3	1	2	3
1885	184,3	244,4	1893	187,2	237,6
1886	184,0	251,7	1894	179,6	270,5
1887	185,2	249,9	1895	175,4	281,5
1888	193,1	256,1	1896	175,7	282,5
1889	179,6	246,7	1897	179,5	248,6
1890	175,8	249,7	1898	188,6	238,1
1891	179,7	209,9	1899	190,6	243,4
1892	178,8	227,3	1900	204,0	268,4

день — в 12 часов. Эта цифра удивительно близко совпадает с приведенным выше теоретическим исчислением. За 1897 г. для необложенных акцизом предприятий с числом рабочих свыше 16 на каждое заведение средний годовой заработок рабочего определился, по нашему подсчету, тоже в 187 руб. Но если учесть, что обложенные акцизом сезонные производства — сахарное, винокуренное и пр.— понижали, по позднейшим данным 1910—1914 гг., средний годовой заработок всех фабричных примерно на круг около 4%, т. е. со 187 руб. до 179,5 руб. или около того, то совпадение последней цифры с исчисленной выше нормой заработка для 1897 г. (179,5 руб.) получается опять-таки разительное. И это тем более любопытно, что лицам, производившим вышеуказанное исчисление, не были известны названные нами отчетные цифры за 1893 и 1897 гг.

Более детальные массовые данные за 1897 г. приводим в табл. 29.

В этой таблице наиболее любопытным является факт низкой оплаты труда в мелких заведениях ремесленного типа по сравнению с более крупными капиталистическими предприятиями. Пользуясь более высокой техникой, крупный капитал, очевидно, имел возможность лучше оплачивать наемный труд, чем мелкий хозяйчик, а рабочие, концентрируясь в более крупных предприятиях, со своей стороны, становились значительно требовательнее по отношению к своим хозяевам, чем в патриархальном быту ремесленного труда.

Приведенными весьма скудными фактическими данными за XIX в. мы, конечно, далеко не исчерпали имеющийся на эту тему сырой материал. Собирание, критический анализ и научная обработка этого материала представляют собою особую задачу, которую мы оставляем другим исследователям. Своей задачей мы считали только проверку на данных XIX в. того основного вывода, к которому мы пришли уже на основании изучения более древней эпохи. Этот вывод — об отсутствии какого-либо прогресса в области динамики реального уровня заработной платы — всецело подтверждается и данными XIX в. Если оставить в стороне преходящие колебания в ту или другую сторону на протяжении отдельных десятилетий, то к концу века мы получим такой же уровень, как и в начале его и в середине, накануне падения крепостного права. Никакой устойчивой тенденции к повышению этого уровня за весь период капиталистического развития мы не находим. Скорее даже наоборот: в целом за большие периоды можно усмотреть, пожалуй, некоторую тенденцию к его снижению.

Таблица 29

Промышленность России в 1897 г.*

Группы производства	Число предприятий с цензом		Число рабочих, тыс.		Годовой заработок на предприятиях, руб.		
	до 16 рабочих	св. 16 рабочих	до 16 рабочих	св. 16 рабочих	до 16 рабочих	св. 16 рабочих	всех
1	2	3	4	5	6	7	8
I. Производства, не обложенные акцизом							
1. Обработка волокнистых веществ	571	3868	4,5	637,1	120	160	159
2. Мукомольное производство . . .	5882	155	43,3	4,3	186	192	191
3. Пр. пищевых продуктов	2608	614	14,3	21,4	146	173	162
4. Обработка животных продуктов	3122	1376	25,2	35,2	168	193	182
5. Обработка дерева	734	1624	7,2	79,5	148	194	191
6. Писчебумажное производство	62	464	0,6	46,0	115	122	122
7. Химическое производство . . .	220	382	1,7	18,9	171	222	218
8. Керамическое производство . . .	1226	2267	13,8	128,2	125	174	169
9. Обработка металлов	412	1973	3,7	211,3	198	282	280
10. Прочие производства	165	399	1,2	26,7	208	210	207
Итого	15002	13122	115,5	1208,6	167	187	185
II. Производства, обложенные акцизом	5812	1956	32,7	193,3	—	—	—
III. Горная и горнозаводская промышленность	294	4318	9,7	477,9	—	—	—
Всего	21 108	19 396	157,9	1879,3	—	—	—

* Исчислено по «Своду данных о фабрично-заводской промышленности России за 1897 г.». СПб., 1900.

* * *

Наиболее достоверными данными о динамике заработной платы промышленных рабочих в России мы располагаем в XX в. По данным фабричной инспекции о всех фабриках и заводах, применявших штрафование рабочих (без подчиненных горному надзору), она изменялась (реальная с учетом всероссийского индекса цен) следующим образом (табл. 30).

Общая картина и за эти годы получается знакомая. Номинальная оплата труда растет, а реальная почти стабильна с тенденцией к снижению. Снижается она в годы кризисов (1900—1902, 1907—1908), в 1905 г. из-за революционных массовых забастовок, в 1914 г. с началом мировой войны. Но все эти колебания вокруг среднего уровня почти не отражаются на самом многолетнем уровне. Российский капитализм со времен ликвидации феодализма достиг огромных успехов в целом ряде областей. Но он не дал никаких заметных сдвигов в области повышения заработной платы. И если до реформы 1861 г. мы стояли в этой области, по Гакстгаузену, впереди многих других так называемых передовых капиталистических стран, то к началу XX в. мы, несомненно, могли и отстать от них в этом отношении и оказаться на одном из самых последних мест, как утверждал Туган-Барановский.

Большой интерес представляет поэтому сопоставление динамики и уровней реальной заработной платы за период империализма в России

Таблица 30

Годовая заработная плата фабричных рабочих в руб. (без Польши и Финляндии) *

Отчетные годы	Номинальная	Реальная	Индекс цен (1913 г. = 100)
1	2	3	4
1897	187,0	259,0	72,2
1900	187,3	246,5	76,0
1901	196,0	251,7	77,9
1902	196,5	248,8	79,0
1903	203,5	261,6	77,8
1904	207,7	259,4	80,1
1905	199,0	235,2	84,6
1906	222,7	244,8	91,0
1907	233,1	227,0	102,7
1908	236,2	228,6	103,3
1909	228,5	231,8	98,6
1910	232,0	245,7	94,4
1911	241,5	255,3	94,6
1912	246,5	242,8	101,5
1913	257,2	257,2	100,0
1914	271,5	251,8	107,8
1900—1904	198,2	253,6	78,2
1905—1909	223,9	233,5	96,0
1910—1914	249,7	250,6	99,7

* С. Г. Струмилин. Проблемы экономики труда, стр. 461.

и в зарубежных странах. Но это особая тема, требующая специального исследования. Трудности такого исследования вытекают из двух весьма реальных оснований. Мы имеем в виду классовую борьбу внутри каждой из стран империализма и условия эксплуатации колониальных стран их метрополиями.

Реальный уровень оплаты труда определяется индексами дороговизны жизни трудящихся. Но в условиях классовой борьбы эти индексы, исчисляемые официальными органами, обычно бесстыдно фальсифицируются в угоду буржуазии, всегда преувеличивая уровень жизни рабочих. Например, официальный индекс дороговизны в США к 1951 г. на базе 1939 г., принимаемого за 100, исчислялся в 182,7%, тогда как по исчислениям профсоюзов он был не ниже 262,5% [1]. Классовые противоречия интересов приводят в этом случае к отклонению от истины на 43,7%, если не больше.

Но не меньшие трудности вытекают из противоречий интересов колоний и метрополий. За счет жестокой эксплуатации трудящихся колоний капиталисты метрополий в известной мере повышают у себя уровень жизни верхушки рабочего класса. И для сопоставления уровня жизни трудящихся, скажем, в таких колониальных державах, как Великобритания, Франция и Германия (последняя до 1914 г.), с дореволюционной Россией следовало бы сравнивать средний уровень жизни всех трудящихся этих держав, включая и их колонии. Но сделать это тем труднее, что в колониях приносятся в жертву чужеземному капиталу и умирают с голоду не только рабочие, но и миллионы крестьян, вовсе не получающих заработной платы.

В качестве первого приближения можно бы сопоставить средний уровень оплаты труда в одних лишь метрополиях. Для 1900 г. известно такое соотношение уровней реальной заработной платы: приняв уровень США за 100, уровень ее в Англии определялся в 80%, а в Германии и Франции — около 64%[2]. По официальным расчетам английского министерства торговли, в среднем за 1909—1911 гг. мы располагаем таким сопоставлением номинальной и реальной оплаты труда индустриальных рабочих разных стран за час (табл. 31).

[1] В. Д. Черменский. Индексы буржуазной статистики. М., 1954, стр. 41.

[2] Ю. Кучинский. Условия труда в капиталистических странах. М., 1954, стр. 264.

Таблица 31

Оплата труда на Западе (в %) *

Страна	Номинальная	Реальная	Индекс дороговизны
1	2	3	4
США	100,0	100,0	100,0
Англия	41,6	58,8	71,0
Германия	31,3	40,0	78,8
Франция	26,7	35,9	78,8
Бельгия	21,7	33,0	68,1

* Ф. Д. Маркузон. Наемный труд на Западе. М., 1926, стр. 57.

Как видим, номинальная плата в США раз в пять, а реальная — раза в три превышала уровень жизни бельгийских рабочих. Однако официальные индексы дороговизны жизни, в которые включены здесь только цены пищевых продуктов и квартирной платы, но остались без учета и налоги, и безработица, и многие другие условия существования, не внушают нам особого доверия. Весьма вероятно, что уровень жизни в Англии и США эти индексы несколько приукрашивают по сравнению с Францией и Бельгией. В частности, если от часовой оплаты труда перейти к поденной, то уровень жизни бельгийского рабочего поднимается до 41,5, а французского — до 47,5% американской нормы. И это, конечно, будет ближе к истине.

Для сопоставления дореволюционной России с США мы имеем такие данные. Средний годовой заработок в обрабатывающей промышленности США по цензу 1914 г. достигал 573 долл. в год, 11,02 долл. в неделю, или 1,84 долл. в день [1]. В пересчете на русскую валюту по паритету дневной заработок американского рабочего составлял 3 руб. 61 коп. золотом.

Таблица 32

Цены 1913 г. в США и России

Продукты	Цена за 1 кг			Месячная норма		
	США		Россия, коп.	кг	на сумму, руб.	
	цент	коп.			США	Россия
1	2	3	4	5	6	7
Хлеб черный	—	—	6,6	16	—	1,05
Хлеб белый	—	—	13,6	8	—	1,09
Итого	12,3	24	8,9	24	5,76	2,14
Картофель	3,7	7,3	1,9	16	1,17	0,30
Говядина	49,2	95,6	29,2	10	9,56	2,92
Молоко	9,4	18,3	7,0	6	1,10	0,42
Яйца (12 шт.)	34,4	67	22,0	—	0,67	0,22
Всего	—	—	—	—	18,26	6,00
%	—	—	—	—	304	100

[1] «Statistical Abstract of the United States», 1950, p. 753.

В России, по массовым данным 1913 г., годовой заработок рабочих деньгами и натурой достигал за 257,4 рабочих дня 300 руб., т. е. не превышал 1 руб. 16 коп. в день, не достигая, таким образом, и трети (32,2%) американской нормы[1]. Отсюда и делались обычно поспешные выводы о резком отставании уровня жизни рабочих России от американского стандарта. Но с учетом сравнительной дороговизны жизни в этих странах выводы получаются другие. В самом деле, сравним розничные цены важнейших пищевых продуктов в США и России за килограмм и за норму месячного их потребления русскими рабочими (табл. 32). . . . . .

Как видим, не только заработок русских рабочих, но и цены важнейших средств существования в России были раза в три ниже, чем в США. Конечно, в наш набор не вошли предметы одежды и другие промышленные товары — более дешевые в США, но удельный вес их в бюджете русских рабочих того времени был еще совсем невелик, не свыше 20—30%. И, допуская даже удвоение индустриальных цен в России по сравнению с их уровнем в США, это могло бы сказаться на общем индексе цен поправкой в 10—15% и снизить его для США с 304 до 274—265% от русского уровня. И тогда уровень реальной оплаты труда в России пришлось бы оценить не ниже 85% американского. Однако это очень грубая прикидка. Она не учитывает более низкой квартирной платы в России, тяжести налогового обложения, размеров безработицы и многих других обстоятельств.

в) Некоторые выводы

Приведенные нами факты из истории капиталистической России не лишены теоретического интереса. Конечно, можно признать эти факты сами по себе слишком недостаточными для широких теоретических обобщений. Можно к тому же ограничить их значение целым рядом оговорок. Так, например, уровень реальной оплаты труда, о котором до сих пор шла у нас речь, еще не определяет полностью реального уровня жизни рабочих, которым мы особенно здесь интересовались. Примененные нами индексы для соизмеримости уровней дороговизны различных эпох весьма несовершенны. Мы вовсе не отразили в них действия изменяющейся структуры рабочего бюджета и нарастания новых потребностей. Мы сознательно ограничили поле своих наблюдений оплатой *вольнонаемного* труда, хотя в XVII в. можно было наблюдать и целый ряд промежуточных полуфеодальных форм найма с пониженным уровнем жизни, вроде оплаты рабочих из числа «приписанных» к заводам казенных или помещичьих крестьян на так называемых будных станах. Мы не проследили динамики зарплаты из века в век, из десятилетия в десятилетие, а потому не отразили, быть может, весьма существенного падения оплаты труда XVIII и первой половины XIX в. и подъема ее в первые годы после ликвидации крепостного права. Все эти оговорки не меняют, однако, сути дела.

Марксистская теория заработной платы как цены рабочей силы, уровень которой определяется стоимостью ее воспроизводства, или, иначе говоря, стоимостью *средств существования* рабочих, находит, на наш взгляд, в вышеприведенных фактах достаточно красочное историческое подтверждение. На протяжении целых девяти столетий, от Ярослава Мудрого до конца дней весьма немудрящего Николая, несмотря на катастрофическое обесценение денежной единицы и геологические сдвиги в производительности труда, наемный рабочий, следуя объективным законам товарного производства, отчуждал свой единственный товар — рабочую

---

[1] И. М. Козьминых-Ланин. Заработки фабрично-заводских рабочих в России, вып. 1. М., 1918. Ср. С. Г. Струмилин. Заработная плата и производительность труда в русской промышленности за 1913—1922 гг. М., 1923, стр. 70

силу — примерно за одну и ту же массу средств существования в потребительном их выражении.

Из этой относительной стабильности уровня оплаты труда рабочего не следует, однако, заключать о такой же стационарности условий его существования. Наоборот, огромный прогресс техники и науки меняет эти условия весьма радикальным образом. Каждое крупное изобретение, создавая новые возможности удовлетворения потребностей человека, вызывает в нем к жизни и новые потребности. Гутенбергу, Эдиссону, Попову и прочим «волшебникам» мы обязаны целой серией наших новых потребностей — в книге, газете, авио, кино, радио и других столь же чудесных методах расширения и облегчения социальных связей человечества. Невозможное стало сначала только возможным, а затем уже и необходимым. Новые потребности появляются и властно предъявляют свои требования. И если рабочий не повышает своих фондов потребления в соответствии с нарастанием этих новых культурных потребностей, то он, очевидно, не может их удовлетворять иначе, как за счет соответствующего сжатия в удовлетворении своих старых, более примитивных потребностей. Таким образом, совершенно понятно, что стабильная или даже медленно возрастающая сумма средств существования при обгоняющей ее в темпе роста сумме новых потребностей означает собою относительно падающий уровень жизни. А приведенные нами факты показывают, что капитализм не всегда обеспечивает рабочему даже стабильный уровень оплаты труда.

В «Манифесте Коммунистической партии» зафиксировано, между прочим, следующее наблюдение: «современный рабочий с прогрессом промышленности не поднимается, а все более опускается ниже условий существования своего собственного класса» [1]. Этот тезис, выдвинутый Марксом и Энгельсом еще до революции 1848 г., открывшей собою новый подъем европейского капитализма, эру широкой его экспансии на колониальных и полуколониальных рынках и значительного подъема оплаты труда, выявляет, однако, такие глубокие исторические тенденции, которые далеко выходят за пределы случайных колебаний конъюнктуры рабочего рынка на протяжении нескольких десятилетий.

Фридрих Энгельс в 90-х годах прошлого века, критикуя в проекте Эрфуртской программы положение — «Численность и *нищета* пролетариев все больше возрастают», как известно, утверждал: «В такой абсолютной форме, как сказано здесь, это неверно. Организация рабочих, их постоянно растущее сопротивление будут по возможности создавать известную преграду для *роста нищеты*. Но что *определенно* возрастает, это *необеспеченность существования*» [2]. Ревизионисты всех мастей очень охотно приводят это высказывание Энгельса в доказательство его отказа от вышеуказанного тезиса «теории обнищания», выдвинутой им вместе с К. Марксом в «Коммунистическом манифесте». Однако такое толкование слов Энгельса совершенно произвольно. Он отвергал здесь лишь слишком абсолютную *форму* утверждения в проекте Эрфуртской программы, а не его *содержание*.

И действительно, утверждать *«постоянное»* увеличение нищеты пролетариата, как показывает исторический опыт, нет основания. Уровень жизни рабочих подвержен не только кратковременным колебаниям рыночной конъюнктуры, но и более длительным сдвигам в *ту и другую* сторону. Но если отвлечься от этих *временных* сдвигов и колебаний уровня жизни рабочих, то за весь период капиталистического развития этот уровень обнаруживает весьма недвусмысленную тенденцию к падению, и организации рабочих своим сопротивлением в лучшем случае лишь замедляют этот процесс, предохраняя себя на время от *дальнейшего роста нищеты*.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 4, стр. 435.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 22, стр. 233.

Здесь вполне естественно будет поставить такой вопрос. В какой мере вышеуказанные колебания и перекрывающая их общая тенденция к падению уровня жизни наемных рабочих в капиталистическом обществе гармонируют с тем основным определением К. Маркса, по которому «стоимость рабочей силы есть стоимость жизненных средств, необходимых для поддержания жизни ее владельца» [1]. Не следует ли рассматривать эту величину средств существования рабочего если не в ценностном, то в потребительном их значении как величину *постоянную* или во всяком случае физиологически предельную, т. е. не поддающуюся дальнейшим снижениям?

В таком именно значении *твердого* предела чаще всего истолковываются известные формулировки «железного закона» заработной платы Ф. Лассаля. Но Маркс никогда не давал повода к подобным недоразумениям. Включая в понятие средств существования рабочих и стоимость содержания их семей, и «издержки обучения», и «издержки снашивания» рабочей силы, меняющиеся весьма существенно в зависимости от изменения условий производства, уровня техники, уровня культуры и др. обстоятельств, Маркс никогда не предполагал и не мог предполагать уровень жизни рабочих неподвижным [2]. По его определению, «размер так называемых необходимых потребностей, равно как и способы их удовлетворения, сами представляют собой продукт истории и зависят в большой мере от культурного уровня страны, между прочим в значительной степени и от того, при каких условиях, а следовательно, с какими привычками и жизненными притязаниями сформировался класс свободных рабочих» [3].

Еще в меньшей мере можно приписать Марксу отождествление нормальных средств существования, «необходимых для поддержания жизни» рабочих, с *физиологическим* минимумом этих средств. «Низшую, или минимальную, границу стоимости рабочей силы,— говорит Маркс,— образует стоимость той товарной массы, без ежедневного притока которой носитель рабочей силы, человек, не был бы в состоянии возобновлять свой жизненный процесс, т. е. стоимость физически необходимых жизненных средств. Если цена рабочей силы падает до этого минимума, то она падает ниже стоимости, так как при этих условиях рабочая сила может поддерживаться и проявляться лишь в хиреющем виде. Между тем стоимость всякого товара определяется тем рабочим временем, которое требуется для производства товара нормального качества» [4]. Таким образом, нормальный уровень жизни, соответствующий *стоимости* рабочей силы, всегда выше физиологического минимума. А заработная плата, т. е. цена рабочей силы, колеблясь вокруг уровня стоимости, может достигать в своем падении и этого физиологического предела. Но, конечно, цена рабочей силы может подняться и *выше* стоимости. Причем эти отклонения цены от стоимости обычно определяются соотношением сил борющихся общественных классов, или, говоря словами Маркса, зависят «от относительного веса, который имеет давление капитала с одной стороны, сопротивление рабочих — с другой» [5].

Нетрудно понять также, что даже растущий уровень оплаты труда не всегда сопровождается уменьшением неудовлетворенности рабочего. Заработная плата в условиях повышающейся производительной силы труда

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 181.
[2] Там же, стр. 182.
[3] Там же.
[4] Там же, стр. 183—184.
[5] Там же, стр. 531. Туган-Барановский, Солнцев и другие сторонники так называемой социальной теории распределения упускают из виду, однако, что этим соотношением классовых сил можно объяснить лишь те или иные *отклонения* от уровня стоимости рабочей силы, но не самый уровень.

может расти не только в денежной, но и в товарной форме. Но если доля ее в общей стоимости создаваемого рабочим продукта при этом падает, то это дает достаточные основания для нарастания глубокой неудовлетворенности рабочего, ибо «при этом относительно, т. е. по сравнению с прибавочной стоимостью, стоимость рабочей силы все время уменьшалась бы, и, следовательно, все глубже становилась бы пропасть между жизненными уровнями рабочего и капиталиста» [1]. Однако этот случай в капиталистической практике, по-видимому, далеко не самый частый. Гораздо чаще и глубже цена рабочей силы в капиталистическом обществе отклоняется не вверх, а вниз от нормальной стоимости этого товара. И вот почему. Во-первых, этому содействует нарастание *новых* потребностей, которые не входят в привычный уровень жизни рабочего *вчерашнего дня* и потому требуют дополнительных усилий пролетариата в классовой борьбе за их признание. А, во-вторых, соотношение сил в этой борьбе до тех пор, пока капиталисты являются *господствующим* классом, очевидно, по общему правилу складывается *не в пользу рабочих*.

Именно поэтому даже при устойчивом уровне *стоимости* рабочей силы *цена* этого товара, а вместе с ней и уровень жизни рабочего в условиях капитализма — в особенности за большие периоды — имеют тенденцию к снижению. Вот почему совсем не случайной обмолвкой в «Манифесте Коммунистической партии» являются приведенные выше слова о падении уровня жизни современного рабочего. Кстати сказать, эту мысль мы находим не только в «Коммунистическом манифесте», но и в гораздо более позднем произведении Карла Маркса — «Капитале», где, устанавливая *исторические тенденции* зреющего капитализма к концентрации производства и централизации капитала, он заключает: «Вместе с постоянно уменьшающимся числом магнатов капитала, которые узурпируют и монополизируют все выгоды этого процесса превращения, возрастает масса нищеты, угнетения, рабства, вырождения, эксплуатации, но вместе с тем растет и возмущение рабочего класса, который постоянно увеличивается по своей численности, который обучается, объединяется и организуется механизмом самого процесса капиталистического производства... Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют» [2].

Ревизионисты марксизма, оспаривая в свое время так называемую теорию обнищания, сформулированную в приведенных нами выражениях Маркса, пытались тем самым ослабить и вытекающий из нее вещий прогноз социального переворота («Zusammenbruchtstheorie»). Но в настоящее время, после Великой Октябрьской революции в России, надо думать, даже в среде самых завзятых апологетов капитализма немногие осмелятся оспаривать глубину этого гениального прогноза, ныне уже осуществленного.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 532.
[2] Там же, стр. 772—773.

III. О ФОРМАХ И НОРМАХ ФЕОДАЛЬНОЙ РЕНТЫ В РОССИИ[1]

1. НАЧАЛЬНЫЕ ФОРМЫ ФЕОДАЛЬНОЙ РЕНТЫ

Феодальная земельная рента является основной формой эксплуатации подневольного крестьянского труда эпохи феодализма. В эту эпоху, по Марксу, «земельная рента есть единственная господствующая и нормальная форма прибавочной стоимости или прибавочного труда» [2]. В отличие от капиталистической феодальная рента «не представляет какого-либо избытка над прибылью. По своему понятию она поглощает последнюю» [3]. И если производство и извлечение прибавочной стоимости можно считать основным законом и целью капиталистического общества [4], то производство и извлечение феодальной ренты столь же правомерно назвать основным законом феодального общества.

Для извлечения феодальной ренты требуются известные предпосылки. Элементы феодализма зародились еще в недрах рабовладельческого общества, в котором рабовладелец является *полным* собственником не только земли, но и обрабатывающих ее рабов. В условиях феодализма не приходится уже говорить о полной собственности на людей или на землю. Процесс феодализации в разных странах протекал по-разному, но суть везде была одинакова: «...ранее свободные крестьяне попадали в личную зависимость от феодалов, захвативших их земли» [5]. Крестьяне, по общему правилу, обрабатывали свою землю уже только на правах ее владельцев. Помещики-феодалы, получившие эту землю на кормление за свою военную или придворную службу, тоже не обладали правом полной на нее собственности. Верховными собственниками всей земли считались князья, государи. Но и эта номинальная собственность всегда была ограничена классовыми интересами феодальной верхушки общества.

Однако, до тех пор пока непосредственные производители — крестьяне остаются «владельцами» средств производства и вещных условий труда, прибавочный их труд для номинального земельного собственника — феодала, по выражению Маркса,— «можно выжать из них только внеэкономическим принуждением, какую бы форму ни принимало последнее» [6]. В отличие от *договорной* аренды свободных граждан феодальная рента извлекается господами — помещиками из своих «подданных» в качестве государственной повинности, в принудительном порядке. И потому границы между данью князю и оброком помещику в этих условиях стираются. Или, говоря точнее, там, где феодальное государство выступает одновременно и в качестве земельного собственника, и вместе с тем суверенно, «рента и налог совпадают» [7].

---

[1] Публикуется впервые.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. II, стр. 357.

[3] Там же, стр. 362.

[4] По мысли Маркса, специфическим отличием капиталистического способа производства является «производство прибавочной стоимости как прямая цель и определяющий мотив производства» (там же, стр. 453).

[5] «Политическая экономия». М., 1959, стр. 35.

[6] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. II, стр. 353.

[7] Там же, стр. 354.

Очень важно при этом отметить, что наши помещики не только собирали с крестьян свои оброки, но одновременно уже с середины XVI в. на них же была возложена полная ответственность и по сбору *государственных* податей и недоимок в своих владениях. А когда к концу века резкое повышение тяжести обложения привело к массовому запустению дворянских владений, эта податная ответственность помещиков, по-видимому, сильно подкрепила их заветное требование о законодательном прикреплении всех помещичьих крестьян к земле [1].

Как известно, К. Маркс из трех основных форм докапиталистической земельной ренты — отработочной, продуктовой и денежной — наиболее простой и первоначальной формой ренты считал отработочную или барщинную форму эксплуатации чужого труда [2]. И действительно, на Западе она даже предшествовала самому феодализму, являясь в рабовладельческих латифундиях Римской империи не только простой, но и единственной формой эксплуатации земледельческого труда. Рента трудом является здесь первоначальной формой прибавочной стоимости и *совпадает с нею*. Но совпадение прибавочной стоимости с неоплаченным чужим трудом не нуждается здесь в анализе, потому что он выступает еще в самой осязательной и грубой форме принудительного *рабского* труда на своего господина.

Рента продуктами — это уже *превращенная* форма отработочной ренты. Сопровождаясь остатками предыдущей формы как *пережитком* рабовладельческих отношений, она представляет собой уже «господствующую и наиболее развитую форму» *феодальной* ренты, и это одинаково, является ли земельным собственником частное лицо или государство. «Продуктовая рента предполагает более высокую культуру производства у непосредственного производителя, следовательно, более высокую ступень развития его труда и общества вообще; и отличается она от предыдущей формы тем, что прибавочный труд должен выполняться уже не в его натуральном виде, а потому уже не под прямым надзором и принуждением земельного собственника или его представителя; напротив, непосредственный производитель должен выполнять его под свою собственную ответственность, подгоняемый силой отношений вместо непосредственного принуждения и постановлением закона вместо плети» [3]. Рента продуктами — это уже *овеществленный* прибавочный труд земледельца собственными орудиями в своем хозяйстве, она охватывает как продукты земли, так и изделия деревенской домашней промышленности.

И наконец, в качестве третьей формы феодальной ренты Маркс рассматривает *денежную* земельную ренту, «возникающую из простого превращения формы продуктовой ренты, как и она сама, в свою очередь, была лишь превращенной отработочной рентой» [4]. В недрах феодализма с его в основном натуральным хозяйством на долю этой формы ренты выпадает, однако, особая миссия. Для того чтобы помещик мог получить от своих крестьян в оброк вместо продуктов их цену, они должны быть проданы. Стало быть, известная часть крестьянской продукции должна быть превращена в товар, *произведена как товар*. Развиваясь все шире, превращение ренты продуктами в денежную ренту неизбежно предполагает более значительный рост торговли, а затем и городской промышленности, вообще *товарного производства*, а с ним и денежного обращения. Далее, превращению натуральной ренты в денежную не только сопутствует, но даже предшествует образование класса неимущих поденщиков, нанимающихся за деньги. И в общем денежная рента, по Марксу, есть

---

[1] С. Б. Веселовский. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.— Л., 1947, стр. 143—144.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. II, стр. 355.

[3] Там же, стр. 358.

[4] Там же, стр. 360.

последняя форма феодальной земельной ренты и в то же время *форма разложения* всех устоев феодального общества.

Вместе с тем претерпевает преобразование и сама экономическая природа ренты. В новых условиях капиталистической эксплуатации земли прежняя рента поступает уже в раздел между собственниками земли и капитала, и таким образом «низводится» от прежнего уровня *всей* прибавочной стоимости до *избытка* лишь ее размеров над средней нормой прибыли на капитал. Это создает новые возможности развития капиталистических отношений, «которые расцветают с особенной быстротой, если им способствуют, как в XVI веке в Англии, особо благоприятные обстоятельства вроде тогдашнего возрастающего обесценения денег...» [1].

Эта классическая схема ступеней развития, смен и превращений различных форм земельной ренты, отнюдь не исключает, однако, тех или иных отклонений от нее в разные эпохи и в разных странах. В чистом виде эти формы вообще не часто встречаются, а «комбинации, в которых различные формы ренты могут сочетаться, искажаться и сливаться», неисчислимы [2]. И, в частности, отработочная форма ренты в чистом виде могла, по-видимому, преобладать разве лишь на стыках рабовладельческого и феодального общества.

У таких народов, как славяне, миновавших рабовладельческую формацию хозяйства, на ранних ступенях феодализма при неограниченных земельных просторах каждый поселянин мог свободно осваивать их по традиционной формуле «куда его топор, соха и коса ходила». И это, конечно, не создавало необходимых условий для широкого насаждения барщины. У таких народов, с остатками еще общинной собственности на землю, эти условия появляются лишь в меру того, как их земли, по свидетельству Маркса, «мало-помалу узурпируются государственными чиновниками и частными лицами, и первоначально свободные крестьяне — земельные собственники ...превращаются таким образом в обязанных нести барщину или обязанных к платежу продуктовой ренты, между тем как узурпаторы общинной земли превращаются в собственников не только узурпированной общинной земли, но и самих крестьянских участков» [3].

Однако уже с древнейших времен и княжеские дани, и десятина в пользу церкви, как известно, собирались натурой. Да в условиях *натурального* хозяйства феодальной эпохи иначе и быть не могло. Рента продуктами, естественно, получает в нем наибольшее распространение. В то же время рента продуктами «благодаря тому, что при ней крестьянская семья приобретает почти совершенно самодовлеющий характер вследствие своей независимости от рынка, от изменений производства и от исторического движения стоящей вне ее части общества, словом, благодаря характеру натурального хозяйства вообще, эта форма как нельзя более пригодна для того, чтобы служить базисом застойных общественных отношений» [4]. Зачатки или остатки отработочной ренты сопутствуют продуктовой ренте в разных дозах на всех этапах феодализма. Но полное развитие этой формы в ряде стран к концу феодальной эпохи несло с собой уже не только застой, но и все признаки хозяйственного регресса. И только денежная форма ренты, содействуя разложению феодального общества, оказалась прогрессивным фактором общественного развития.

В связи с такой оценкой различных форм феодальной ренты особый интерес в конкретном их исследовании для историка-экономиста представляет как раз тот переломный момент, когда возникает и развивается денежная форма феодальной ренты и мало-помалу выводит из застойного состояния самый базис натурального хозяйства феодальной формации.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. II, стр. 363.
[2] Там же, стр. 359.
[3] Там же, стр. 368.
[4] Там же, стр. 359—360.

С этим моментом связаны и переход от восходящей к нисходящей стадии в развитии феодализма, и первые ростки приходящего ему на смену капитализма. Но немалый интерес представляет и более общий вопрос, в каких отношениях на разных этапах истории сочетались различные формы земельной ренты и как это отражалось на общих нормах эксплуатации крестьянского труда в России.

Поставив перед собой такие вопросы, нам хотелось бы ответить на них вполне конкретными нормами и обобщающими их итогами. Но, к сожалению, по состоянию исторических источников это оказалось весьма трудной и далеко не всегда осуществимой задачей. И меньше всего для этого достоверных данных за первые века феодальной эпохи. Не удивительно поэтому, что даже один из лучших знатоков крестьянского уклада этой эпохи приводит о нем лишь очень скудные и противоречивые сведения и суждения.

Б. Д. Греков очень категоричен в своих утверждениях, что уже в X—XII вв. нашей истории на Руси сложилось крупное частное землевладение с барской запашкой и барщиной, с прикрепленными к земле и владельцу крепостными земледельцами и господством «примитивной отработочной ренты» [1]. Однако вся его аргументация в защиту этой концепции очень слабо ее подкрепляет достоверными фактами. Например, в подтверждение того, что земельные владения новгородских князей X—XII вв. были «очень велики», Б. Д. Греков ссылается на свидетельство московского великого князя Ивана III в конце XV в. Иван III, отбирая многие крупные монастырские и частные владения новгородцев, действительно оправдывал их конфискацию тем, что эти земли испокон веков принадлежали великим князьям — «быша бо те волости первое великих же князей, ино они их «освоиша» [2]. Вполне вероятно, что великие князья и в новгородской земле «осваивали» облагаемые данями черносошные волости и погосты. Но какая доля из этих владений уже в X—XII вв. составляла барскую запашку, кто ее обрабатывал и на каких основаниях — об этом ровно ничего не сказал нам Иван III.

Более показательны свидетельства летописей о крупных княжеских дворах и селах XII в. В одном из них, у Святослава Ольговича на Путивле, в княжеских междоусобиях, в 1146 г. враги обнаружили и пограбили много всякого добра и товара, в том числе в погребах 500 берковцев меду и 80 корчаг вина: «...не оставиша ничоже княжа, но все разделиша и челяди 7 сот». А у брата его Игоря при подобном же нападении на его двор враг, пограбив множество всякого товара, медов и вина, велел своим воям «зажечи двор и церковь св. Георгия и гумно его, в нем же бе стогов 9 сот» [3], забрали у них 3000 кобыл и 1000 коней.

900 стогов хлеба на гумне князя Игоря — это большое имение. Но из летописей не ясно, в какой доле этот хлеб поступал князю в качестве *дани* с подвластного ему населения, накопляясь на его гумне за ряд лет, и в какой — из урожаев на собственной запашке, если она еще требовалась сверх столь крупных хлебных запасов необмолоченного хлеба в копнах. А между тем достаточно известно, что княжеские дани той эпохи собирались натурой и основной формой этой дани с *рала* или с *плуга* был именно хлеб, т. е. *продуктовая рента*. Сам Греков приводит свидетельства летописей, что уже князь Владимир в 981 г., победив вятичей, «возложи на ня дань от плуга, яко же и отець его имаше». Та же форма дани бытовала и у западных славян: «вендские князья получали от смердов вендской земли оброк, платимый хлебом от плуга». На Балканском полуострове в XI—XII вв. в качестве дани Византии «каждый болгарин, владеющий

---

[1] Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси. М.— Л., 1946, стр. 85—225.

[2] Там же, стр. 102.

[3] Ипатьевская летопись. Изд. 1871 г., стр. 236, 237.

парой волов, должен был вносить ежегодно меру пшеницы, проса и сосуд вина»[1].

700 душ челяди на селе князя Святослава — это тоже признак крупного хозяйства. И, поскольку родные братья обычно получали в удельной Руси примерно равные владения и вотчины, можно думать, что и запасы хлеба у каждого из них собирались за счет даней и других источников не меньше, чем у другого. Но, сопоставляя столь многочисленную дворню в 700 душ с запасами немолоченного хлеба в 900 стогов, легко убедиться, что такие запасы превышают шестилетнюю потребность княжеского двора со всей его челядью[2]. В таких условиях, за отсутствием хлебного рынка, хлеб, очевидно, гнил бы на гумне. И умножать его для этой цели, сверх даней и оброков, еще и за счет собственных запашек в княжеских владениях не было никакой надобности. Показательно в этом отношении, что даже враг князя Игоря, увозя в качестве трофеев с его двора на возах «собе и воем» все его добро, весь его хлеб оставляет на месте, поджигая лишь двор и гумно. По-видимому, у всех князей за счет одних лишь даней хлеба было не мало. Но владетельных князей была лишь горстка на всю страну, в которой уже в XI в. насчитывались миллионы душ населения[3]. Не мудрено, что, собирая дань хоть по одной или по две меры зерна с каждого двора, можно было и такой скромной данью насытить эту горстку даже с ее челядью.

Из летописи, однако, вовсе не видно, из каких элементов складывалась столь многочисленная княжеская челядь. В ее состав могли входить и полные холопы, мамки и няньки княжеской дворни, и ролейные закупы или рядовичи — наймиты на барской запашке, но, несомненно, в их число вошли все рядовые смерды княжеского села, т. е. относительно свободные еще поселяне, обязанные князю лишь уплатой дани и оброков натурой[4]. И для нас прежде всего важно знать, какая из категорий зависимого населения в ту эпоху являлась преобладающей, или господствующей.

Однако хотя древнепатриархальное *домашнее* рабство еще существовало в Киевской Руси, но, как это признает и Греков, «холопы уже не были главной рабочей силой в хозяйстве князей, бояр и церкви». В отличие от холопов смерды Киевской Руси, по исследованию Грекова,— это широкая масса сельского населения. Смерд, свободный еще или уже более или менее зависимый,— «это и есть основная производительная сила в Киевской Руси... Смерды — главные плательщики даней и ренты»[5]. Но если это верно, то в эпоху, когда и функции денег выполняли в основном еще такие продукты, как скот или куны и беличьи шкурки, очевидно, и все *дани и ренты* этих главных плательщиков тогдашней деревни могли выплачиваться ими только в натуральной форме, продуктами. И, стало быть, даже в крупных княжеских владениях основной формой феодальной ренты могла быть в этих условиях только продуктовая форма ренты.

А в каких условиях развивалось хозяйство частных имений бояр и рядовых «воев» княжеской дружины, не питающихся данями со своих владений?

Известно, что социальное расслоение в этой среде уже к XI в. достигало высоких степеней. В частности, Б. Д. Греков ссылается на факт,

---

[1] Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, стр. 26.

[2] Потребность на 700 душ, считая по 18 пудов зерна в год, не превышала 12,6 тыс. пудов; запасы, считая по 80 пудов на стог в 15—20 копен, составляли до 90 тыс. пудов.

[3] По оценке Урланиса население Киевской Руси к 1000 г. превышало 5 млн. душ.

[4] Слово смерд производят от древнеиранского корня «мерд» — человек, ср. польско-кошубское «смирд» — бедный селянин. В понятие «челядь», по Грекову, входили «рабы, рядовичи и зависимые смерды» (Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, стр. 141), т. е. располагающие собственными запашками и средствами труда крестьяне-земледельцы.

[5] Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, стр. 138, 200, 214.

что новгородцы в 1018 г., собираясь в поход, обложили своих сограждан и «начаша скот сбирать: от мужа по 4 куны, а от старост по 10 гривен, и от бояр по 18 гривен» [1]. Исходя из таких пропорций и считая в гривне того времени по 25 кун, можно думать, что эти бояре уже тогда были в 112,5 раза богаче рядовых новгородских мужей. Конечно, можно усомниться в достоверности подобных свидетельств летописца. Но, если бояре действительно были способны финансировать тогдашние, отнюдь не редкие походы в таких масштабах (напомним, что 18 тогдашних гривен в переводе на скот — это стоимость 18 быков, а по ценам 1913 г. — свыше 1500 руб. золотом), то их владения пришлось бы признать весьма доходными. Однако никаких других, более конкретных данных у Грекова в пользу его тезиса о *крупном частном* землевладении в эпоху «Русской Правды» мы не находим.

Правда, Греков ссылается еще на договоры с греками, в которых участвовали знатные послы с «золотыми печатями», хотя там вовсе отсутствуют какие-либо сведения о наличии у них земельных владений, или называет посадника Дмитра, у которого были «свои села... и челядь», но без всяких указаний о размерах этих владений [2]. Таким образом, признание таких частных владений «крупными» можно отнести лишь к числу тех «догадок» автора, о которых он сам неоднократно упоминает [3]. И остается неясным даже примерный масштаб тех частных владений, какие автор именует «крупными». Крупнейшими земельными владениями, казалось бы, могли располагать монастыри. И действительно, у старейшего Киево-Печерского монастыря уже в XI в. было «немало сел», в которых «со всяким прилежанием» хозяйничали и сами монахи. Но, по признанию Грекова, их «собственное барское хозяйство было весьма небольших размеров», так что «монахи этого монастыря доходили иногда до бедственного положения и буквально не знали, что им придется есть завтра...» [4] Из этого, однако, можно лишь заключить, что норма феодальной ренты, которую можно было извлечь по тем временам из населения монастырских сел, была еще весьма невысокой. А размер этих сел и число их могло быть и немалым.

Не могли отличаться крупными размерами и барские запашки древней Руси. Это ясно было и Грекову, когда он писал о свободных смердах времен «Русской Правды» как главных плательщиках дани в продуктовой ее форме пушнины, меда, воска — натурой: «Барскую пашню, *незначительную по ее размерам*, обычно пашут не они (смерды), а либо холопы, либо закупы, изгои и рядовичи. Предположение о наличии значительной по размерам барской пашни противоречило бы положению хлеба в качестве второстепенного товара на рынке данного времени» [5]. Но вместе с тем рушится и всякое допущение о преобладании в этих условиях *трудовых* форм земельной ренты.

Именно поэтому наибольший интерес для нас в ту древнейшую эпоху представляют даже не столько размеры отдельных крупнейших владений, сколько формы и нормы эксплуатации земледельческого труда, преобладающие и типичные для данной эпохи. К сожалению, как раз на эту тему мы меньше всего сведений находим даже в капитальном исследовании Б. Д. Грекова. Трудное положение историка крестьян за отсутствием более конкретных данных об этой эпохе Греков объясняет тем, что «летописцы очень мало уделяют внимания сельскому населению» [6]. И действи-

[1] Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, стр. 91, а по другим спискам — от бояр даже по 80 гривен.
[2] Там же, стр. 94, 106.
[3] Там же, стр. 102, 103.
[4] Там же, стр. 108.
[5] Б. Д. Греков. Главнейшие этапы истории русской феодальной вотчины.— Сб. «Хозяйство крупного феодала XVII в.», ч. I. Л., 1933, стр. XXVI (курсив наш. — С.С.).
[6] Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, стр. 232.

парой волов, должен был вносить ежегодно меру пшеницы, проса и сосуд вина»[1].

700 душ челяди на селе князя Святослава — это тоже признак крупного хозяйства. И, поскольку родные братья обычно получали в удельной Руси примерно равные владения и вотчины, можно думать, что и запасы хлеба у каждого из них собирались за счет даней и других источников не меньше, чем у другого. Но, сопоставляя столь многочисленную дворню в 700 душ с запасами немолоченного хлеба в 900 стогов, легко убедиться, что такие запасы превышают шестилетнюю потребность княжеского двора со всей его челядью[2]. В таких условиях, за отсутствием хлебного рынка, хлеб, очевидно, гнил бы на гумне. И умножать его для этой цели, сверх даней и оброков, еще и за счет собственных запашек в княжеских владениях не было никакой надобности. Показательно в этом отношении, что даже враг князя Игоря, увозя в качестве трофеев с его двора на возах «собе и воем» все его добро, весь его хлеб оставляет на месте, поджигая лишь двор и гумно. По-видимому, у всех князей за счет одних лишь даней хлеба было не мало. Но владетельных князей была лишь горстка на всю страну, в которой уже в XI в. насчитывались миллионы душ населения[3]. Не мудрено, что, собирая дань хоть по одной или по две меры зерна с каждого двора, можно было и такой скромной данью насытить эту горстку даже с ее челядью.

Из летописи, однако, вовсе не видно, из каких элементов складывалась столь многочисленная княжеская челядь. В ее состав могли входить и полные холопы, мамки и няньки княжеской дворни, и ролейные закупы или рядовичи — наймиты на барской запашке, но, несомненно, в их число вошли все рядовые смерды княжеского села, т. е. относительно свободные еще поселяне, обязанные князю лишь уплатой дани и оброков натурой[4]. И для нас прежде всего важно знать, какая из категорий зависимого населения в ту эпоху являлась преобладающей, или господствующей.

Однако хотя древнепатриархальное *домашнее* рабство еще существовало в Киевской Руси, но, как это признает и Греков, «холопы уже не были главной рабочей силой в хозяйстве князей, бояр и церкви». В отличие от холопов смерды Киевской Руси, по исследованию Грекова,— это широкая масса сельского населения. Смерд, свободный еще или уже более или менее зависимый,— «это и есть основная производительная сила в Киевской Руси... Смерды — главные плательщики даней и ренты»[5]. Но если это верно, то в эпоху, когда и функции денег выполняли в основном еще такие продукты, как скот или куны и беличьи шкурки, очевидно, и все *дани и ренты* этих главных плательщиков тогдашней деревни могли выплачиваться ими только в натуральной форме, продуктами. И, стало быть, даже в крупных княжеских владениях основной формой феодальной ренты могла быть в этих условиях только продуктовая форма ренты.

А в каких условиях развивалось хозяйство частных имений бояр и рядовых «воев» княжеской дружины, не питающихся данями со своих владений?

Известно, что социальное расслоение в этой среде уже к XI в. достигало высоких степеней. В частности, Б. Д. Греков ссылается на факт,

---

[1] Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, стр. 26.

[2] Потребность на 700 душ, считая по 18 пудов зерна в год, не превышала 12,6 тыс. пудов; запасы, считая по 80 пудов на стог в 15—20 копен, составляли до 90 тыс. пудов.

[3] По оценке Урланиса население Киевской Руси к 1000 г. превышало 5 млн. душ.

[4] Слово смерд производят от древнеиранского корня «мерд» — человек, ср. польско-кошубское «смирд» — бедный селянин. В понятие «челядь», по Грекову, входили «рабы, рядовичи и зависимые смерды» (Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, стр. 141), т. е. располагающие собственными запашками и средствами труда крестьяне-земледельцы.

[5] Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, стр. 138, 200, 214.

что новгородцы в 1018 г., собираясь в поход, обложили своих сограждан и «начаша скот сбирать: от мужа по 4 куны, а от старост по 10 гривен, и от бояр по 18 гривен»[1]. Исходя из таких пропорций и считая в гривне того времени по 25 кун, можно думать, что эти бояре уже тогда были в 112,5 раза богаче рядовых новгородских мужей. Конечно, можно усомниться в достоверности подобных свидетельств летописца. Но, если бояре действительно были способны финансировать тогдашние, отнюдь не редкие походы в таких масштабах (напомним, что 18 тогдашних гривен в переводе на скот — это стоимость 18 быков, а по ценам 1913 г. — свыше 1500 руб. золотом), то их владения пришлось бы признать весьма доходными. Однако никаких других, более конкретных данных у Грекова в пользу его тезиса о *крупном частном* землевладении в эпоху «Русской Правды» мы не находим.

Правда, Греков ссылается еще на договоры с греками, в которых участвовали знатные послы с «золотыми печатями», хотя там вовсе отсутствуют какие-либо сведения о наличии у них земельных владений, или называет посадника Дмитра, у которого были «свои села... и челядь», но без всяких указаний о размерах этих владений[2]. Таким образом, признание таких частных владений «крупными» можно отнести лишь к числу тех «догадок» автора, о которых он сам неоднократно упоминает[3]. И остается неясным даже примерный масштаб тех частных владений, какие автор именует «крупными». Крупнейшими земельными владениями, казалось бы, могли располагать монастыри. И действительно, у старейшего Киево-Печерского монастыря уже в XI в. было «немало сел», в которых «со всяким прилежанием» хозяйничали и сами монахи. Но, по признанию Грекова, их «собственное барское хозяйство было весьма небольших размеров», так что «монахи этого монастыря доходили иногда до бедственного положения и буквально не знали, что им придется есть завтра...»[4] Из этого, однако, можно лишь заключить, что норма феодальной ренты, которую можно было извлечь по тем временам из населения монастырских сел, была еще весьма невысокой. А размер этих сел и число их могло быть и немалым.

Не могли отличаться крупными размерами и барские запашки древней Руси. Это ясно было и Грекову, когда он писал о свободных смердах времен «Русской Правды» как главных плательщиках дани в продуктовой ее форме пушнины, меда, воска — натурой: «Барскую пашню, *незначительную по ее размерам*, обычно пашут не они (смерды), а либо холопы, либо закупы, изгои и рядовичи. Предположение о наличии значительной по размерам барской пашни противоречило бы положению хлеба в качестве второстепенного товара на рынке данного времени»[5]. Но вместе с тем рушится и всякое допущение о преобладании в этих условиях *трудовых* форм земельной ренты.

Именно поэтому наибольший интерес для нас в ту древнейшую эпоху представляют даже не столько размеры отдельных крупнейших владений, сколько формы и нормы эксплуатации земледельческого труда, преобладающие и типичные для данной эпохи. К сожалению, как раз на эту тему мы меньше всего сведений находим даже в капитальном исследовании Б. Д. Грекова. Трудное положение историка крестьян за отсутствием более конкретных данных об этой эпохе Греков объясняет тем, что «летописцы очень мало уделяют внимания сельскому населению»[6]. И действи-

[1] Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, стр. 91, а по другим спискам — от бояр даже по 80 гривен.
[2] Там же, стр. 94, 106.
[3] Там же, стр. 102, 103.
[4] Там же, стр. 108.
[5] Б. Д. Греков. Главнейшие этапы истории русской феодальной вотчины.— Сб. «Хозяйство крупного феодала XVII в.», ч. I. Л., 1933, стр. XXVI (курсив наш. — С.С.).
[6] Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, стр. 232.

тельно, можно признать, что наши летописцы совсем не думали о том, в какое затруднительное положение они поставят всех будущих историков чрезмерной лаконичностью своих хронографов. Но тем лишь ценнее для нас всякое известие, которое все же дошло до нас из этой древнейшей эпохи.

Мы имеем в виду весьма конкретную запись об одном из ростовских земельных владений, или селе, в котором было «сеяной ржи на два плуга 16 кадей ржи ростовьскых», т. е., судя по нормам высева, около 32 десятин. Чистый сбор с этой площади определяется в 100 копен ржи, из них немолоченной — 40 копен, а сверх того молоченным зерном — 21 половник овса и 6 половников ячменя, 15 копен полбы и 5 стогов сена. Скота в этом имении учтено 2 кобылы и 1 старый жеребец, 1 лоньская телица-двухлетка, 3 свиньи и 3 старых вепря, 22 овцы и столько же коз. В качестве рабочей силы в этом хозяйстве названы лишь на «сиротьем вырядке» жонка с дочерью, а тем страды — по гривне на лето [1]. Кому принадлежало это «село» — неизвестно, но, судя по высокой в нем расценке скота, оно могло принадлежать только кому-нибудь из достаточно зажиточных феодалов X—XII в. Б. Д. Греков почему-то не использовал этого известия, а между тем оно имеет прямое отношение к характеристике феодальных отношений этой эпохи.

Правда, эта подробная опись одного из феодальных владений, извлеченная из Софийской летописи под 1019 г., представляет собою несомненную вставку в составе окружающих ее статей «Правды Русской» (по Карамзинскому списку). И некоторые историки относят ее происхождение к XIII—XIV вв. [2] Однако денежный счет на резаны в этой описи убеждает нас, что по своему происхождению она даже древнее той пространной редакции «Русской Правды», в которой мы ее находим. Да и по ценам скота она ближе к древнейшим расценкам краткой «Правды» [3]. В XIII—XIV вв. из денежного счета давно уже выпали резаны, а гривны и по числу кун, и по весу серебра становились все меньше прежних — в XIII в. — раза в 2, а к началу XIV в. — раза в 4. Таким образом, эти сдвиги в денежной системе совершенно исключают возможность датировать опись ростовского имения позже XI—XII вв.

Это несомненно *частное* владение. Но по своим размерам пашни — на два плуга — оно не намного превосходит даже крестьянские владения тех времен размером в одну «сошку», на которой владелец «сам-третей пашет». А, впрочем, в условиях натурального хозяйства дружинник или боярин, располагая запашкой даже только в 2—3 раза больше крестьянской сошки, но, владея ею безоброчно, едва ли особо нуждался в дальнейшем ее расширении. Учитывая эти условия, и сам Греков в своем изображении системы вотчинного хозяйства времен «Русской Правды» пришел к таким выводам: «Очевидно, господское хозяйство *не очень велико*. Продуктов, добываемых в хозяйстве, хватает на содержание господского семейства и его слуг. Расширять собственное вотчинное хозяйство у господ не было особых побуждений, так как продукты сельского хозяйства еще не стали сколько-нибудь заметным товаром» [4].

Но если это верно, если преобладающим по размерам типом частных владений следует считать ростовское имение с двумя платными работ-

---

[1] «Правда Русская», т. 1. М.— Л., 1940, стр. 352—354.

[2] М. Н. Тихомиров. Исследование о «Русской Правде». М.— Л., 1941, стр. 180.

[3] В древнейших списках «Правды» гривна — кун содержит еще 25 кун, или 50 резан. В ростовской описи гривна тоже равна 50 резанам. А в пространной «Правде» в гривне насчитывается уже 50 кун, резаны же вовсе исчезают из текста. В ростовской описи «кобыла метана по три гривны», во всех списках «Правды» — «за княжь конь» платили три гривны, а за смердии — две гривны, в пространной «Правде» указанная цена кобылы не превышала 60 новых кун, или 1, 2 гривны.

[4] Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, стр. 121 (курсив наш.— *С. С.*).

никами, а не княжеские дворы с семью сотнями челяди, то утверждение Грекова о *крупном* землевладении уже в эпоху Киевской Руси остается по меньшей мере мало обоснованным. Под большим вопросом остается и его утверждение о «преобладании примитивной отработочной ренты» в эту эпоху.

Общеизвестно, что славяне, как и древние германцы, перешли к феодальному строю, минуя рабовладельческую формацию, непосредственно от патриархально-родового строя, пережитки которого, подобные кровной мести, запечатлены еще в древнейших нормах «Русской Правды». А в сельском хозяйстве живым наследием этого строя еще долго сохранялась поземельная сельская община свободных землепашцев. За отсутствием больших частновладельческих латифундий здесь не мог найти себе широкого применения и рабский труд. И потому он никогда не играл здесь значительной роли в производстве.

Может быть, именно по этой причине участь рабов, даже из числа военнопленных, у славян была менее тяжелой, чем у других народов. «Находящихся у них в плену,— сообщал о славянах византийский писатель Маврикий Стратег еще в VI в.,— они не держат в рабстве, как прочие народы, в течение неограниченного времени, но, ограничивая им срок, предлагают на выбор: желают ли они за известный выкуп возвратиться восвояси или остаться там, где находятся, на положении свободных и друзей». По договору Игоря с греками 944 г. известна и цена выкупа за военнопленных — от 5 до 10 златник за голову, в зависимости от их возраста и работоспособности. По свидетельству «Русской Правды», указная цена, или урок, за голову раба равнялась 5 гривнам — кун. Говоря иначе, в эпоху «Русской Правды» за 5 гривен кун — цену раба — можно было купить 5 волов или быков, в то время как вира за убийство свободного человека составляла 40 гривен кунами или цену 40 быков — в 8 раз дороже раба или обельного холопа. Как видим, рабы и рабский труд были на Руси не слишком дорогим товаром.

В самом деле, вол по ценам 1913 г. стоил не дороже 85 руб., значит раба по этим ценам можно было купить примерно за $85 \times 5 = 425$ руб. И если он мог работать лет 25, то цена его рабочей силы на хозяйском содержании не превышала 17 руб. в год в деньгах XX в. Для сравнения укажем, что российские помещики в 1910 г. платили своим батракам и батрачкам, на хозяйских харчах в среднем до 72 руб. в год, т. е. раза в 4 дороже[1]. Да и в древней Руси, как видно из «Русской Правды», даже батрачки в ростовском имении получали «по гривне на лето», т. е. цену вола, или до 85 руб. золотом в валюте 1913 г. Однако денежная расценка рабского труда не случайно была так низка. Ведь и производительность принудительного труда рабов всегда была раза в 2 ниже норм наемного труда, а кормить и одевать рабов с их чадами приходилось независимо от их трудоспособности всю жизнь, от колыбели до могилы. В результате этого якобы вовсе бесплатный рабский труд становился дороже платного. И если рядовой вотчинник XI—XII вв. уже знал по собственному опыту, что для замены только двух платных женок в его имении ему пришлось бы кормить там за свой счет в 2—3 раза больше рабынь с их чадами и надсмотрщиками, то не удивительно, что он предпочитал обходиться без рабовладения.

Такую роскошь, как многочисленная челядь полупраздной холопской дворни, могли себе позволить по тому времени лишь немногие владетельные князья. Рядовым вотчинникам она была не по карману. Да и в княжеской дворне далеко не всю их «челядь» можно относить к категории

---

[1] На своих харчах батраки в 1910 г. получали до 150 руб., батрачки — 93 руб. в год, причем одно лишь питание (харчи) расценивалось в их бюджете в среднем до 50 руб., достигая 40 % их годового бюджета.

рабского труда. Древнерусское право различает такие понятия, как «челядин полный» и «челядин-наймит», не говоря уже о многих других слугах и людях, чадах и домочадцах, объединяемых в этом понятии[1]. Сюда же входили, очевидно, и разные ролейные «закупы» и «вдачи» и прочие «рядовичи», тоже именуемые «наймитами», связанные «рядом», т. е. договором об отработке полученных задатков. Все это, конечно, зависимые от феодала люди, но не рабы и не крепостные. Юристы могут дискутировать о том, как назвать такие договора — своеобразным договором найма с авансированием кабальных задатков или одной из форм ростовщического займа с обязательством погашения этого «ряда» или «вырядки» его последующей работой? Но остается бесспорным, что эти формы докапиталистического «найма» или «займа» создавали лишь трудовые повинности временного характера и личные обязательства перед феодалом, а не прикрепление к его земле.

Дело в том, что и при наличии любых просторов нераспаханной земли для хозяйственного ее освоения требуются помимо рабочей силы и орудия труда, и рабочий скот, и семена, и запас продовольствия на все время расчистки и распашки новых заимок до первого урожая. И те беднейшие смерды, которые, нуждаясь в семенах, продовольственных или иных ссудах, селились ради этих ссуд на пашню в княжеских и боярских селах, и составили собою, по-видимому, основной слой населения древнейших феодальных владений. А наряду с такой чисто экономической их зависимостью от феодалов методами разбойничьей узурпации вырастала и внеэкономическая. Мы уже видели один конкретный пример применения этого метода. На село одного феодала, князя Святослава Ольговича, нападают другие, грабят его добро и уводят у него все население села. «Не оставиша ничтоже княжа»,— удостоверяет летописец. И если из 700 душ челяди, уведенной из этого села, наряду с немногими холопами были и все обязанные лишь данью и оброками смерды-землепашцы, то во владениях новых своих феодалов зависимость их от произвола этих господ ограничивалась уже лишь нормами обычного права и собственными интересами феодального хозяйства.

Как известно, в «Русской Правде» среди источников обельного холопства не указаны лица, попавшие в плен, хотя в постоянных междоусобиях удельного периода в плененных лицах недостатка не было. Но едва ли это можно считать случайным пробелом в древнерусском праве. Гораздо правдоподобнее допустить, что обращать в рабство своих соплеменников и единоверцев не допускали ни верования, ни правосознание славян. Не требовала этого и экономика эпохи. За пленного князя или боярина выгоднее было получить хороший выкуп. Пленными смердами можно было заселить, обеспечив рабочей силой, свои владения и тем самым умножить приносимые ими дани и оброки. В то время как от умножения в большом количестве рабов ничего, кроме больших затрат на их содержание, ожидать не приходилось. Домашнее рабство как система хозяйства не могло окупаться своими экономическими результатами.

Весьма вероятно, что зависимые в разной степени от феодалов смерды-землепашцы были уже в эпоху «Русской Правды» весьма многочисленны. Однако первоначально, даже по оценке Грекова, «несравненно большая их часть продолжала жить независимо в своих общинах и вести собственное мелкое индивидуальное хозяйство»[2]. А зависимость остальных в этих условиях едва ли правомерно отождествлять и с той, которая получила у нас много позже название крепостной зависимости? Греков, который слишком свободно пользуется этим термином в применении к населению данной эпохи, явно неправ. Он даже об изгоях одной епископии весьма

[1] Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, стр. 129, 131.
[2] Там же, стр. 4.

категорически утверждает, что эти «изгои — несомненно люди крепостные. прикрепленные к земле и лицу», хотя достоверно известно, что изгоями были люди свободные и находились под защитой полной виры в 40 гривен. На чем же основывает он такое свое утверждение? Только на том, что этой епископии князь Ростислав в 1150 г. дал «село Дросенское со изгои и с землею» [1]. Однако вполне естественно, что населенные села переходили от одного владельца к другому с их населением. Но надо еще знать, чем именно было связано это население с данным владельцем и его землей. А такой связью могли быть и дань, и оброк, и другие обязательства. К тому же известно, что и много позже, в XIV—XV вв., все крестьянское население феодальных владений обладало правом свободного выхода от своих господ. Нужно было лишь погасить полученные от них ссуды и другие принятые на себя обязательства. Такое же право зафиксировано и в «Русской Правде» [2].

«А вдачь (вдаче) не холоп, ни по хлебе роботять, ни по придатъце; но оже не доходять года, то ворочати ему милость; отходить ли, то не виноват есть»,— читаем мы в статьях о холопстве Троицкого списка. Эта статья вызвала много разных толкований. Но наиболее естественным следует признать, что в ней идет речь о зависимых смердах феодальных владений, получавших на известный срок в ссуду хлеб и другие хозяйственные принадлежности в «придаток» и обязанных за эту «милость» долей ежегодного урожая или иными повинностями. Статья утверждает, что за такой долг смерды не могут быть обращены в рабство, а, выполнив принятые на себя обязательства в установленный срок или вернув полученную ссуду, получают свободу покинуть это владение. Иными словами, это и есть то право крестьянского выхода в Юрьев день осенний, после ежегодной уборки урожая, которое сохранялось на Руси, с известными ограничениями, вплоть до конца XVI в.

Не подлежали обращению в рабство или закрепощению по древнему праву также ни ролейный закуп, ни челядин-наймит, ни другие «рядовичи», вступавшие в договорные отношения с землевладельцами. Греков рассматривает такие отношения как «замаскированные феодальными условиями формы найма» [3]. Это не мешает ему, впрочем, утверждать в другом месте, что «закуп несомненно выполнял барщинные работы», наделяя, таким образом, и наймитов функциями крепостного труда. Но при таком вольном словоупотреблении исчезают уже всякие границы между принципиально различными формами эксплуатации труда и экономическими категориями. Ведь барщиной мы называем даровой труд крестьянина на господской земле под воздействием внеэкономического принуждения, а не за обусловленную договором заработную плату, подобно закупу «Русской Правды». «К сожалению,— пишет Греков,— «Правда» не дает нам материала для ответа на вопрос, как именно эксплуатировался здесь смерд» [4]. И это толкает его на путь догадок.

«В исторических вопросах,— как говорил о том еще В. О. Ключевский,— чем меньше данных, тем разнообразнее возможные решения и тем легче они даются» [5]. Но такая легкость иных выводов не гарантирует их от легковесности. И чтобы избежать ее, необходимо изучать все исторические процессы в их развитии. В развитии любых институтов, в том числе и таких, как институт крепостного права, наблюдается известная последовательность и закономерность. И если у нас нет достаточно ясных фактов для освещения какого-либо явления в начальный момент его

[1] Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, стр. 124, 126.

[2] «Правда Русская», т. II. М.—Л., 1947, стр. 707—715; ср. М. Н. Тихомиров. Пособие для изучения «Русской Правды». М., 1953, стр. 109—110.

[3] Б. Д. Греков. Указ. соч., стр. 10, 164, 174.

[4] Там же, стр. 215.

[5] В. О. Ключевский. Сочинения, т. I. М., 1956, стр. 116.

развития, то следует обратиться к ближайшим последующим, не перепрыгивая, однако, сразу через всю их цепь. Так, например, на мой взгляд, никак нельзя, исходя из понятий XVII—XIX вв., уподоблять *крепостным* изгоев и закупов X—XII вв., когда известно, что даже зависимые смерды пользовались правом свободного выхода вплоть до конца XVI в. Но вполне правоподобно, что и свободные смерды, поселяясь в боярских и монастырских селах на пашню, тоже рядились об условиях получаемых при этом хлебных ссуд, податных льгот и других «милостей» и связанных с ними оброчных или иных обязательств. И такие договорные отношения этих «вдачей» с правом свободного выхода были еще очень далеки от грядущей крепостной их зависимости.

Все это не исключает и элементов внеэкономического принуждения уже на заре феодального хозяйства. Но если учесть, что ему на Руси предшествовал не рабовладельческий строй, а патриархально-общинные отношения родового строя, то придется заключить, что на заре феодализма и присущие ему формы эксплуатации труда находились еще в начальных формах своего развития. Из епископских поучений еще домонгольских времен известно, что и тогда уже сильные люди на Руси не только присваивали чужие земли — «иному землю и хыти, а ин имение отъят», но «имения не насыщаеся и свободные сироты порабощают и продают» [1]. Однако такое порабощение феодалами свободных смердов тогда еще осуждалось и церковью, и обычным правом народа. И новые формы зависимости вызревали в основном на базе ссудно-кредитных хозяйственных взаимоотношений сторон и общих экономических законов.

В отдельных случаях применялся и рабский труд. Например, из «Жития Феодосия Печерского» XI в. узнаем, что он по смерти своего отца в его небольшом Курском владении уже с 13 лет сам ходил «с рабы своими на село делати с всяким прилежанием». Но это заведомо нетипичный для феодализма пример извлечения отработочной земельной ренты. В упомянутом уже выше мельком ростовском владении эксплуатировался и наемный труд двух жонок. Но и наемный труд в широких размерах нельзя признать типичным для феодальной эпохи. Да и доход нанимателя от такого труда не назовешь рентой. А если вместе с Грековым признать, что главными плательщиками даней и ренты Киевской Руси были смерды, т. е. самостоятельные производители, а не рабы или наймиты, то и преобладающей формой этой ренты в условиях натурального хозяйства придется признать ренту продуктами. Расширять барские запашки до расширения рыночного спроса на хлеб не было экономических оснований.

Что же касается начальных норм феодальной ренты, то они не могли быть высокими уже потому, что низок был общий уровень производительных сил феодальной эпохи. В известной мере они ограничивались и натуральной продуктовой формой, в которой извлекалась эта рента. Накоплять в большом количестве хлеб и другие скоропортящиеся продукты свыше текущей в них потребности феодалов не было разумной надобности. А излишняя жадность их умерялась и свободой перехода тяглецов от одних землевладельцев к другим. В отношении размера дани, взимаемой со славян по древнейшим известиям, можно привести здесь лишь свидетельство Лаврентьевской летописи под 859 г., по которому хозаре взимали с них по белей веверице от дыма, т. е. по белке с каждого двора. Это самая мелкая единица денежного счета того времени. Она составляла, повидимому, не свыше $^1/_3$ ногаты, по ценам хлеба — около 2 пудов ржи, а по ценам скота — меньше $^1/_3$ барана. Вероятно, вначале и свои князья облагали своих славянских сограждан не более высокой данью. И все же, когда

[1] Б. Д. Греков. Указ. соч., стр. 215.

один из них, князь Игорь, попытался в 945 г. взять с древлян более высокую дань за один год дважды, то там и голову сложил вместе с дружиной.

Таким образом, недопустимость перенапряжения действующих норм феодальной ренты контролировалась и с этой стороны весьма наглядной реакцией самого облагаемого населения. Однако со временем в смене этих норм выявляются весьма определенные тенденции вполне закономерного их возрастания.

2. ДРЕВНЕЙШИЕ НОРМЫ РЕНТЫ — ДАНЕЙ И НАЛОГОВ

Феодальная земельная рента в основном складывалась из *даней* всего земледельческого населения в княжескую или царскую казну и всех других его *оброков, платежей и повинностей*, поступающих в качестве дохода от земли боярам, помещикам и прочим членам господствующего класса в феодальном обществе. Она создавалась трудом класса крестьян-земледельцев и, составляя ту или иную долю в общем их трудовом доходе, являлась важнейшей мерой *нормы классовой эксплуатации* в условиях феодализма.

Судебные виры и продажи, а также торговые пошлины мы не включаем в понятие «земельная рента». Едва ли велика была в древнейший период и та доля феодальной ренты сверх княжеской дани, какая доставалась феодальной дружине князя за счет оброков от ее собственных вотчин. Княжеские дружины были немногочисленны и содержались за счет княжеских даней, вир и продаж. Для возникновения крупных боярских экономий — за отсутствием рынков — не было мощных экономических стимулов. К тому же свободной земли было еще много больше, чем рабочих рук для ее использования. И было ясно, что хозяйственную ценность представляют собой лишь населенные людьми земли. Но широко использовать эту ясную идею феодализм смог лишь значительно позже — с достаточным умножением самого населения — в московский период нашей истории. Мы имеем в виду массовую раздачу государственной властью в поместья служилым дворянам так называемых черносошных крестьянских поземельных владений. Эти земли, освоенные крестьянами по праву первой трудовой заимки — в границах, куда их «топор, коса и соха ходили»,— были свободны вначале от всех повинностей сверх платежа государственной дани. Но с тех пор как они были переданы в поместье дворянам с правом «кормиться», пока они служат, вместо денежного жалования, за счет этих поместий, положение существенно изменилось. И тут уже все более значительная доля феодальной ренты из своей первоначальной формы — государственной дани — превращалась в оброки и повинности частного помещичьего землевладения.

Обратимся, однако, к начальной форме феодальной ренты и временам, когда она в практике обложения славянских племен данями была господствующей, если не единственной формой рентообразования. Находятся и ныне еще историки, готовые рассматривать феодальную ренту как *арендную плату* крестьянина за пользование чужой землей — землей помещика. В такой трактовке феодальной ренты, конечно, находит свое оправдание и «священная собственность» помещиков на присвоенные ими земли, а вместе с тем исключаются и отношения эксплуатации помещиками таких «арендаторов», ибо договор аренды предполагает обмен равноценными благами. А между тем общеизвестно, что помещики сами присвоили себе в наследственную собственность все населенные свободными земледельцами поместья и никаких договоров по этому поводу с ними никогда не заключали. Точно так же и те государственные дани, которые в руках помещиков превратились в оброки и барщину, никогда никаким «общественным договором» скреплены не были. И в основе всех этих отношений феодальной собственности и эксплуатации следует искать не договорные начала,

а соотношение классовых сил, экономической их мощности и возможностей внеэкономического принуждения трудящихся.

В самом деле, что нам известно о данях?

В древнейших летописях записано, что славяне еще в 859 г. платили дань чужеземцам. На севере у них имаху дань Варязи «от мужа по белей веверици», а на юге хозары имаху на полянех и вятичах «по били векшици от дыма» [1]. По другому известию, те же вятичи платили дань хозарам «по щьлягу от рала» [2]. Однако и муж, и дым, и рало — все это признаки одного двора или хозяйства. Говоря иначе, щеляг от рала и белка от дыма — однозначные выражения и щеляг можно рассматривать как денежную цену одной белки [3]. О данях иноземцам трудно было забыть. И еще три века спустя певец «Слова о полку Игореве» с горечью поминал о временах, когда нечестивые враги-чужеземцы рыская по земле Русской, *«емляху дань по беле от двора»* [4]. По-видимому, это была весьма распространенная норма дани для той эпохи. За белку еще в XV в. можно было получить 2 новгородских деньги и купить до 2,5 пудов ржи, или гуся, или 60—70 яиц. По ценам 1913 г. это составило бы до 2 руб. золотом.

Ясно, однако, что такая дань навязана была славянам врагами не добром, а силою оружия. Но вот славяне организуют у себя, с помощью наемных варяжских дружин, свою собственную государственную власть. И Олег от имени уже этой новой власти строит города и устанавливает с 882 г. дани словенам и кривичам, а в частности и от Новгорода берет по 300 гривен на лето. В каком же размере устанавливаются эти новые дани собственному князю? Да в том же, по-видимому, в каком ее платили и чужеземным властям, или даже еще в большем. Вот, например, в лето 885 г. Олег обращается к радимичам, платившим дань хозарам. «И рече им Ольг: не дайте Козаром, но мне дайте. И въдаша Ольгови по щьлягу, якоже и Козаром даяху». Точно так же, по-видимому, поступил он и с северянами, платившими дань хозарам по белке от дыма: «И возложи на ня дань льгъку, и не дасть им Козаром дани платити, река: аз им противен, а вам не чему». Но еще в 883 г. тот же Олег, «примучив» древлян, обложил их данью по *черной куне* [5]. И если дань по белке с дыма можно было еще назвать легкой, то нормы обложения древлян и сам летописец без колебаний именует тяжкими [6].

Как видно, нормы феодальной ренты издревле определялись не столько национальными, сколько социальными противоречиями интересов и соотношением общественных сил. Феодальная верхушка — своя или чужая — всегда предпочитала высокие нормы обложения чужого труда более низким. Но повышению их долго препятствовал слишком ограниченный уровень жизни сельского населения и постоянная готовность его к отпору даньщикам, а также слишком легкая возможность для него разбегаться на просторе в любых направлениях от непосильных тягот и разорительных пут феодализма. Примученные Олегом древляне оказались и сами способными дать яростный отпор слишком жадным охотникам за данью. И когда князь Игорь «с малой дружиной» пришел к ним вторично за собранной уже однажды данью, то был там буквально растерзан разгневанными древлянами. Значит, и в собственном княжестве, на заре государственности, ходить за данью приходилось как на разбой — с большой дружиной. Это вызывало слишком высокие издержки взимания тяжких

---

[1] Новгородская 4-я летопись.— ПСРЛ, т. 4, ч. I, вып. 1. Пг., 1915, стр. 10.

[2] А. А. Шахматов. Повесть временных лет, т. I. Пг., 1916, стр. 19 и 75.

[3] В Литовско-русских краях щеляги пользовались известностью и значительно позже, расцениваясь в 1/3 польского гроша (И. Д. Бойко. Селянство Украины в другий половини XVI — перший половини XVII ст. Київ, стр. 330).

[4] «Слово о полку Игореве». М.— Л., 1950, стр. 18.

[5] А. А. Шахматов. Указ. соч., т. I, стр. 24.

[6] Черная куна в начале X в. расценивалась примерно втрое дороже белки.

даней и склоняло феодальные власти к более умеренным нормам обложения своих сограждан. Но и самые низкие из этих норм не исключают уже классовых противоречий, а стало быть, и классовой борьбы в обществе, все члены которого разделялись четкой чертой — на собирателей даней и их неизменных плательщиков. К тому же и легкая дань, когда за нею в полюдие отправлялись целой дружиной, готовой заранее примучить всех тяглецов,— а они должны были еще поить и кормить эту дружину,— становилась совсем уж нелегкой.

Мы знаем, что еще в 859 г. славяне Новгородской земли платили варягам дань по белке от дыма. Как видно из летописей, князь Олег и в 882 г. давал дань варягам «от Новгорода гривен 300 на лето мира деля», т. е. ради мира с варягами [1]. И если эта дань собиралась по той же норме, по белке от дыма, то, считая в гривне по 20 ногат, а за ногату от 3 до 3,5 белок, 300 гривен составляли дань свыше 36 тыс. дворов. А считая на двор до 7 душ, все тяглое население Новгородской земли уже превышало в эти годы 250 тыс. душ.

Несколько поколений спустя умудренный князь Ярослав Владимирович в 1014 г. собирал с Новгородской земли уже по 3000 гривен — кун ежегодно, из которых 1000 гривен поступало за счет «вир и продаж» дружине, а остальные 2000 гривен дани — в княжескую казну [2]. Такой рост дани, от 300 до 2000 гривен, всего за полтора века — от легендарного призвания варягов до Ярослава Мудрого — весьма показателен. Новая династия, укрепившись в стране, по-видимому, не теряла времени для освоения полученных возможностей в обложении данями всех своих собственных сограждан по самой высокой норме. Однако она едва ли уж заметно превысила по всей стране ту «тяжкую» норму по черной куне от дыма, какой еще при Олеге были «примучены» непокорные древляне. Во всяком случае даже много позже, в 1470 г., новгородцы в договоре с призванным из Литвы князем ставили ему такие условия: «...а знать тебе своя черна куна... А черна куна имати по старым грамотам... а иных пошлин тобе... на Новгородския волости не вкладывать через сию крестную грамоту» [3].

Мы не знаем, какую сумму составила эта дань с Новгородских волостей к 1470 г., ибо неизвестна и численность обложенного ею населения. В целях обложения населения данями оно неоднократно подвергалось на Руси посильному учету и общим переписям с древнейших времен, но, к сожалению, никаких итогов этого учета вплоть до XV в. наши летописи не сохранили.

Известно, однако, что в 1428 г. литовский князь Витовт ополчился войной на новгородцев за то, что они называли его пьяницей, и заставил их уплатить за мир 10 тыс. руб. Сбирали это серебро по волостям новгородским и за Волоком и «брали с 10 человек по рублю» [4]. Значит, число тяглых людей в волостях, собравших эту сумму, исчислялось примерно в 100 тыс. дворов, а все население Новгородской земли, считая на двор душ по 7, составляло к 1428 г. не менее 700 тыс. душ. Иными словами, оно умножилось с 882 г.— за счет роста населения и расширения границ — в 2,8 раза за 5,5 столетий. И если можно положиться на точность этих показаний летописцев, то средний прирост тяглого населения Новгородской земли в указанную эпоху составил до 20% в столетие. В таком

---

[1] А. А. Шахматов. Указ. соч., т. I, стр. 19, 24.

[2] Там же, стр. 24, 164; Новгородская 4-я летопись.— ПСРЛ, т. 4, ч. I, вып. 1, стр. 13, 97; М. Владимирский-Буданов. Хрестоматия по истории русского права, вып. I. СПб.— Киев, 1908, стр. 217.

[3] Договор Новгорода с польским королем Казимиром IV.— М. Владимирский-Буданов. Указ. соч., вып. I, стр. 189—191.

[4] С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, т. IV. Изд. 3. СПб., стр. 1099. С 1 тяглеца это составит по 10 белок.

случае это население к концу X в. достигало уже 44 тыс., а к концу XV в.— не менее 110 тыс. дворов, считая одних лишь обложенных данью свободных людей. «Купленные» люди, или «одерноватые» холопы, вообще к платежу дани не привлекались. И даже при самых тяжких сборах почти поголовной дани с новгородцев, именуемой черным бором, действовала специальная оговорка: «А кто будет одерноватый... на том не взяти» [1].

По писцовым книгам конца XV в. А. М. Гневушев только по 3 новгородским пятинам из 5 насчитал 69 329 крестьянских семей [2]. А если к учтенным пятинам (Деревской, Вотской и Шелонской) прибавить за счет остальных двух, по которым писцовые книги сохранились с наибольшими пробелами, не менее 2/5 общего итога, то он составит уже до 115 тыс. тяглых семей только на селе, не включая городских тяглецов. И это позволяет исчисленный нами общий их итог в 119 тыс. дворов к 1500 г. считать отнюдь не преувеличенным [3].

Вместе с тем известно, что в Ордынский выход татарам новгородцы в 1327 г. уплатили 2000 руб. при общей сумме этой дани со всего Московского государства (до 1384 г.) в 7000 руб. [4] И если эта дань взималась пропорционально «числу» жителей, на базе переписей, проведенных татарскими «численниками», то можно определить и общее число плательщиков ордынской дани. В Новгородской земле к 1428 г. их насчитывалось до 100 тыс. дворов, к 1328 г., исходя из темпов роста, их число едва ли превышало 78 тыс. (100 : 1,28 = 78). Но на их долю приходилось только 2/7 всей дани, значит, общее число тяглых дворов к 1328 г. по всей стране достигало около 273 тыс., а все население — не менее 1910 тыс. душ. Таким образом, даже Ордынский выход в 7000—8000 тыс. руб. до конца его дней, из расчета на тяглый двор, не достигал и 6 денег в год, что, при ценах до 100 белок за рубль, не превышало 3 белок или 1 черной куны на обжу. Можно добавить, что и в домонгольский период дань новгородцев своим князьям уже к началу XI в. была, по нашим расчетам, не легче татарской.

В самом деле. Дань с Новгородской земли к 1018 г. в 2000 гривен, считая по 25 старых кун, достигала 50 тыс. кун, по нашему расчету, на 35 тыс. дворов [5]. Значит, на один двор таких кун приходилось даже более одной полноценной черной куны. С этим можно еще сопоставить следующее известие Новгородской летописи под тем же годом. Собираясь в поход с Ярославом против Болеслава и Святополка, новгородцы «начаша скот събирати от мужа по четыри куны, а от старост по 10 гривьн, а от боляр

---

[1] ААЭ, т. I, № 32, 1437 год и др.; М. Владимирский-Буданов. Указ. соч., вып. I, стр. 193.

[2] А. М. Гневушев. Очерки экономической и социальной жизни сельского населения Новгородской области после присоединения Новгорода к Москве, т. 1, ч. 1. Киев, 1915, стр. 155.

[3] По такому же расчету число тяглых дворов в Новгородской области составляло (в тыс.):

Год	Число дворов	Год	Число дворов
900	27,0	1328	78
1000	34,6	1384	89
1018	35,2	1400	93
1200	56,6	1428	100
1300	72,7	1500	119

[4] С. М. Соловьев. Указ. соч., т. IV, стр. 919, 1161. В 1384 г. дань была повышена до 8000 руб.

[5] А. А. Шахматов. Указ. соч., стр. 164; Новгородская 4-я летопись.— ПСРЛ, т. 4, ч. I, вып. 1, стр. 108.

по 18 гривьн...»[1]. Это известие прежде всего свидетельствует о том, как далеко продвинулось уже к данному моменту классовое расслоение общества в Новгородской земле. А вместе с тем мы убеждаемся, что основную массу низовых плательщиков, именуемых здесь «мужами», даже в экстраординарных условиях войны больше, чем в 4 куны, обложить было едва ли возможно.

Не удалось это даже татарским завоевателям. Вначале требования их были чрезмерны. Так, в 1237 г. они потребовали от рязанского князя Юрия десятое от людей и всего имения. Но, встретив ожесточенный отпор, вскоре убедились, что и более посильную дань со всей столь огромной страны им будет получать нелегко. Чтобы собрать поголовную дань «от земледельца до боярина», по выражению Карамзина, нужно было прежде всего их сосчитать. И вначале ордынские власти пытались справиться с этой задачей собственными силами. Если не по всей стране, то хотя бы постепенно от одной области к другой. С этой целью ханские баскаки и «численники» начали в 1246 г. с переписи населения в наиболее ослабленной еще первым вторжением Батыя Киевской Руси: «...сочташа а в число, и нача на них дань имати». Но уже этот первый опыт оказался крайне неудачным, так как, спасаясь от записи в число данников, люди, по свидетельству летописи, «крыхуся в пещерах, и в горах и в лесах». И лишь с уходом татар возвратился в Киев и князь Михаил, «и вси люди с нимъ, и еже беху разбеглися на чюжей земли, придоша на свою землю»[2].

Такие же переписи татарскими численниками производились в 1257 г. в Суздальской, Рязанской и Муромской землях, а в 1259 г.— в Новгородской земле. Но и эти опыты, по-видимому, не были удачнее. Татарским писцам и данникам на местах князья и бояры готовы были содействовать, а народные низы встречали их восстаниями. «Творяху бо бояре собе легко, а меншим зло»,— объяснял такие восстания летописец новгородский[3]. Так уже в 1257—1259 гг. новгородцы учинили по этому поводу мятеж велик, «чернь же не хотеша дати числа» ордынским послам и убила своего посадника Михалка за уговоры подчиниться татарам. Татары испугались и потребовали от князя себе охраны: «Дай нам сторожей, а то убьют нас»[4]. И лишь при содействии великого князя Александра Невского, жестоко расправившегося с виновниками «мятежа», и под его охраной татарским численникам удалось на этот раз кое-как выполнить здесь свою миссию. Такие же мятежи встретили татарских баскаков с даньщиками и во многих других городах Русской земли. Ордынские власти попытались ускорить сбор дани в свою казну сдачей ее на откуп своим баскакам. Но в ответ на их нетерпимые насилия уже в 1262 г. поднялись народные веча и выгнали откупщиков дани из Ростова, Владимира, Суздаля, Переславля Залесского и Ярославля. И русским князьям, по-видимому, без особого труда удалось убедить Орду, что они сами с гораздо большим успехом смогут заменить этих баскаков в роли таких же откупщиков.

Конечно, русские князья при этом не собирались отягчать данями собственных бояр и дворянство. Обложение данями по-прежнему падало всей своей тяжестью на широкие плечи трудового тяглого люда. И социальная грань, отделяющая это тяглое население от командующей феодальной верхушки, осталась непоколебленной. Укрыться в пещерах

[1] А. А. Шахматов. Указ. соч., стр. 182. В пространной «Правде» времен Ярослава Мудрого гривна — кун уже вместо 50 резан содержала 50 кун, но эти резаные «куны» приближались по цене к белкам.

[2] Воскресенская VII летопись.— ПСРЛ, т. 7, стр. 153; Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. IV. СПб., 1842, стр. 23.

[3] Новгородская летопись по синодальному списку. СПб., 1888, стр. 280.

[4] С. М. Соловьев. Указ. соч., стр. 840—842; «Софийский временник», ч. I. М., 1920, стр. 270—271.

от своих собственных властей этим тяглецам было, разумеется, много труднее, чем от пришлых из Орды «численников». И даней собрать с них своя власть могла значительно больше, чем ордынские баскаки. Но весь выигрыш от этого застревал, по-видимому, в карманах ближайших собирателей дани — русских князей, не достигая ханской казны.

Такая утечка даней на путях в Орду не могла быть особым секретом. И, в частности, Татищев сохранил такой рассказ русской летописи под 1275 г. Костромской князь Василий Ярославич поехал с «урочной», т. е. заранее обусловленной, данью в Орду к хану. «Егда прииде князь великий в орду, и принесе дань урочную со всея земли по полугривне с сохи[1], а в сохе числиша два мужи работники, и дары многи и выход особ, и хан принят его с честию но рече: ясак мал есть, а люди многи в землей твоей, по что не от всех даеши?» Князь оправдывался «числом», т. е. учетом населения «баскаков прежних», которые «своея ради корысти» до него брали на откуп сборы ордынской дани. Но хан не поверил ни русскому князю, ни своим баскакам и велел провести новую перепись по всей Русской земле в 1275 г.[2] (По другому варианту летописи в 1273 г.) Однако и новая перепись, по-видимому, ничего не изменила. Сбор дани и впредь сохранился за русскими князьями. И они по-прежнему удерживали из нее в свою пользу сколько могли.

В 1319 г. в Орде был даже убит тверской князь Михаил по обвинению в том, что он «дани ханские брал себе»[3]. Но это не помешало московскому князю Юрию продолжить ту же практику. Вернувшись в 1320 г. из Орды с ярлыком на великое княжение, он получил от тверского князя Дмитрия Михайловича 2000 руб. ордынской дани и не сдал их татарскому послу. А когда хан Узбек узнал от Дмитрия, что «Юрий сбирает дань для хана и удерживает ее у себя», то ярлык на великое княжение и сбор ордынской дани был передан Дмитрию, а после его смерти в 1325 г. его брату Александру, т. е. сыновьям убитого в Орде за ту же вину Михаила. Однако в 1327 г. в Твери на почве насилий присланного туда из Орды посла Шевкала вспыхивает мятеж и после жестокого боя тверичи перебили всех татар вместе с послом их Шевкалом. Татары, конечно, не оставаясь в долгу, во множество пожгли города и села Русской земли. И им усердно помогал в этом московский князь Иван Калита, враждовавший с князьями тверскими[4]. А в результате с 1328 г. уже он получает ярлык на великое княжение от хана Узбека и монополию на сбор Ордынского выхода по всей стране. Но система этого сбора остается прежней. Сохраняя за собой и учет, и обложение тяглого населения всей страны, московские князья могли значительно занижать его численность в своих показаниях ханам, тем самым облегчая и свою задачу утайки требуемой Ордой дани.

Сколько-нибудь точно эта численность известна нам впервые лишь по учету 1646 г., т. е. спустя целые века после свержения татарского ига. Она определяется в 703 тыс. дворов[5]. Для 1328 г. мы выше определили ее примерно в 273 тыс. тяглых дворов. Таким образом, общий прирост их за 320 лет составляет 158%, а средний за каждое столетие — 35%. Разумеется, такой средний процент, вероятно, значительно колебался в течение этого периода, заметно возрастая к его концу. Но исходя в первом приближении из векового прироста числа дворов в 32% и считая на каж-

[1] В XIII в. гривна — кун содержала уже только 10 ногат, или по цене до 30 белок.

[2] В. Н. Татищев. История российская с самых древнейших времен, кн. IV. СПб., 1784, стр. 41, 47; Никоновская летопись.— ПСРЛ, т. 10, стр. 151.

[3] С. М. Соловьев. Указ. соч., т. III, стр. 909.

[4] Там же, стр. 911.

[5] Павел Смирнов. Движение населения Московского государства.— «Русская история в очерках и статьях», т. II, стр. 68. Итог переписи 1678 г.— 787 351 двор. (П. Милюков. Указ. соч., стр. 202).

дый двор не менее 7 душ, мы получаем такие итоги тяглого населения Московской Руси в тысячах дворов и душ:

Год	Число дворов	Число душ	Год	Число дворов	Число душ
1275	232	1624	1484	435	3045
1300	251	1757	1500	458	3206
1328	273	1911	1580	580	4060
1384	322	2254	1600	618	4326
1400	340	2380	1646	703	4921
1428	370	2590	1678	787	5509

Весьма вероятно, что итоги переписей феодальной Руси, проводившиеся с целью подворного обложения были сильно занижены. Население было редкое и разбросанное, с явным преобладанием даже в XV в. деревень в один или два двора. Например, по писцовым книгам 1498—1501 гг., в Шелонской пятине насчитывалось 2682 деревни, в том числе однодворных 1194 (до 45%), да и в среднем по всем деревням этой пятины приходилось не свыше 2,2 двора на деревню [1]. В Тверском уезде, по книгам 1439—1440 гг. в 2887 деревнях насчитывалось всего 5028 крестьянских дворов, по 1,7 двора на круг в каждой деревне [2]. При таком расселении на необъятных просторах тогдашней Руси и понятном желании крестьян уклониться от обложения возможности их в этом отношении были не малые. По оценке некоторых демографов явный недоучет населения в переписях XVI в. столь значителен, что итоги их «нужно увеличить на 60%, чтобы приблизиться к действительности» [3]. Но если это даже так, все же число фактически учтенных и обложенных по переписи дворов сохраняет для нас все свое значение, ибо, зная это число фактически обложенных тяглецов и нормы их обложения, мы сможем определить и общую сумму причитающейся с них татарской дани и княжеских доходов.

Нормы обложения данью за татарский период нам известны начиная с 1275 г. Эта «урочная» норма, по полугривне с сохи, с оговоркой «а в сохе числиша два мужа» и с ссылкой при этом русского князя на «число» по определению прежних баскаков требует, однако, пояснений. Татарские баскаки, конечно, «брали число» не сох, а учтенных ими мужей — плательщиков дани. К тому же «своея ради корысти» они в своих отчетах в Орду, несомненно, значительно занижали это «число». А русские князья, определяя Ордынский выход числом обложенных сох, получали еще ту выгоду, что в «сохе» XIII—XV вв. считалось по три обжи пашни и не два, а по меньшей мере три тяглых работника [4]. Фактически же число облагаемых крестьянских дворов даже заметно превышало число учтенных у них обж. Таким образом, сдавая в Орду дань с каждой «сохи» за двух мужей, сами русские князья собирали ее не меньше, чем с трех дворов, т. е. раза в полтора больше, чем сдавали в Орду.

А в денежном выражении это дает такие итоги. Гривна XIII в. содержала уже только 10 ногат и по ценам того времени стоила до 10 баранов. Значит, облагая крестьян по полугривне с сохи в три мужа, т. е. по 1,67 ногаты или барана с каждого учтенного двора, русские князья собирали со всех 232 тыс. обложенных в 1275 г. дворов, по нашей прикидке, не менее 387 тыс. ногат, из которых в лучшем случае лишь до $^{2}/_{3}$ доходило в Орду, а в княжеской казне ежегодно застревало не менее 129 тыс. ногат, или — по цене баранов — до 800 тыс. руб. золотом в валюте 1913 г.

[1] «Новгородские писцовые книги в статистической обработке», I. Пг., 1915, стр. 21.

[2] «Писцовые книги XVI века», отд. II. СПб., 1877, стр. 40—140.

[3] Б. Ц. Урланис. Рост населения в Европе. М., 1941, стр. 193.

[4] «Три обжи — соха, а обжа — один человек на одной лошади орет, а кто на трех лошадех и сам третей орет, ино то соха»,— свидетельствует Софийская II летопись под 1478 г.

К концу монгольского господства, уже после первого тяжкого поражения Мамая на Куликовом поле, по сообщению Карамзина, сменивший его хан Тохтамыш взял Москву, и в 1384 г. «кровопийцы ордынские» установили новую «весьма тягостную дань» — по полтине с деревни [1]. Однако деревни были разные. И другой хан, Едигей, уже в начале XV в. уточняет это сообщение. Едигей упрекал великого князя московского Василия Дмитриевича в том, что тот «во всех своих владениях брал дань по рублю с двух сох, но серебра этого не присылал в Орду» [2]. И тем самым он лишь подтвердил, что данью облагались сохи, что с одной сохи взималось дани по полтине, как и с «деревни» при Тохтамыше. Таким образом, деревня приравнивалась одной сохе в три обжи или в три нормальных тягла. Значит, и дворов в каждой деревне в эти годы насчитывалось в среднем около трех. А дань по полтине с сохи или «деревни» в три двора составит до 33 денег за обжу или двор. И если тяглых дворов к 1384 г. в Московской Руси насчитывалось не менее 322 тыс., то всех денег с них причиталось до 53 тыс. руб. А между тем даже «кровопийцы ордынские», по признанию того же Карамзина, требовали уплатить в Орду всего 8000 руб. Стало быть, за уплатой их на долю московских князей фактически оставалось еще до 43 тыс. руб. «безгрешных» доходов, т. е. раз в 6 выше той нормы, какую требовали себе «кровопийцы» ордынские.

А между тем с этой добавкой и норма фактического обложения крестьянских дворов возрастает уже в несколько раз. И если еще в 1275 г. дань с одного двора не превышала 1,6 барана, то к концу XIV в. она достигала уже — при цене баранов около 8 денег [3] — свыше 4 баранов (33 : 8 = 4,12), т. е. в 2,5 раза выше. А если еще учесть, что эта цена баранов с конца XIV в. возросла за пять веков до начала XX столетия по меньшей мере в 150 раз — с 4 коп. до 6 руб. и выше, то сумма даней Московской Руси времени хана Тохтамыша (до 1395 г.) в 53 тыс. руб. серебром составит реально уже не меньше 8,3 млн. руб. золотом в валюте 1913 г. А из них лишь на долю московских князей в денежный мешок Ивана Калиты и его преемников попадало до 6—7 млн. руб. ежегодно. И не эти ли миллионы содействовали главным образом и экономическому возвышению Москвы начиная с XIV в. и ликвидации феодальной раздробленности в России уже в XV в.?

Создание централизованной государственности в Москве определилось не оборонными, а наступательными действиями московских князей и постепенным поглощением всех своих соперников. Уже в 1402 г. подчинилось Москве Нижегородское княжество, в 1463 г.— Ярославское, в 1474 г.— Ростовское; в 1478 г. разгромлен Новгород, в 1485 г. пала Тверь, в 1489 г.— Вятка, в 1510 г.— Псков, в 1514 г.— Смоленское княжество, в 1517—1523 гг.— Рязанское, Черниговское и Северское. Таков был путь к преодолению феодальной раздробленности Московской Руси. Но естественной предпосылкой такого конца и его началом был, несомненно, *хозяйственный рост* Москвы, обеспечивший и все дальнейшие политические ее возможности и успехи.

Монополия московских князей на сбор татарской дани оказалась очень для них доходной еще задолго до свержения монголо-татарского ига. Но она стала еще доходнее для них после этого свержения на всю сумму дани, поступавшей в Орду. И в этом отношении никакого облегчения самим плательщикам дани поражение Орды не принесло. Считая себя естественными правопреемниками ханской власти, христолюбивые московские князья и сами заранее готовы были заменить собой этих «кровопийц ордынских»

---

[1] Н. М. Карамзин. Указ. соч., т. V, стр. 51.

[2] С. М. Соловьев. Указ. соч., т. IV, стр. 1162.

[3] В ст. 112 Псковской судной грамоты 1397—1457 гг. (Одесса, 1868, стр. 15) эти цены показаны от 6 до 10 денег.

во всех их функциях. Так, еще в договоре московского князя Дмитрия Донского с князем серпуховским Владимиром в 1388 г. находим такое условие: «Оже ны бог избавит, ослоб(он)ит от Орды, ино мне два жребья дани, а тобе треть» [1]. Так делилась шкура недобитого медведя. Василий II Темный в 1462 г. уже более уверенно завещал эту ордынскую дань своим прямым наследникам. «А переменит бог Орду,— записано в его завещании,— и моя княгиня и мои дети возмут дань собе с своих уделов» [2].

И действительно, уже сын его, Василий III, окончательно прекратил с 1480 г. платить дань в Орду. А вскоре и Орды не стало. Но дань сохранилась. Отпали чужеземные кровопийцы. Но укрепились отечественные грозные самодержцы со своей ненасытной опричиной, а вместе с тем окрепла и вся система феодальной эксплуатации крестьянского труда. Собственно, в нормах обложения данями тяглого населения и после свержения татарского ига больших перемен как будто не наблюдалось. Норма татарской дани XIII в.— по «полугривне с сохи» — по-видимому, дожила и до конца XV в. Так, московский князь Иван III, разгромив новгородцев, еще в 1478 г. обложил их традиционной данью — по полугривне с сохи. Но в эти годы реальное значение дани уже не то, и Иван III не случайно прежде всего захватывает у новгородцев населенные земли: «...владычни, и монастырские, и боярские и чии ни буди в Торжку» [3]. Как видно, владение землей становится здесь уже важнейшим источником доходов.

Сверх дани с Новгорода неоднократно взимался и так называемый черный бор. В 1437 г. и в 1461 г. при этом взималось с сохи деньгами «по гривне по новой», т. е. всего по 7 кун, или 14 денег, с сохи. И даже с добавкой продуктами черноборцам — на сумму около 10 денег — эта норма не превышала 24 денег с сохи, т. е. 8 денег или одного барана с тягла. Показательно, что в XV в. облагалась здесь не только земля и крестьянский труд. Черноборцы расценивали уже здесь и чан кожевничий — за соху, невод — за соху, лавку — за соху, плуг — за две сохи, кузнеца за соху, четыре пешци — за соху, ладью — за две сохи, солеваренный чрен — за две сохи, а кто сидит на исполовьи, на том взяти за полсохи, а кто будет одерноватый — на том не взяти [4].

Судя по такой расценке промыслов и земледельческого труда, хозяйственная дифференциация тяглого населения Московской Руси уже в XV в. достигала весьма заметного уровня. В частности, по трем Новгородским пятинам к 1500 г. мы располагаем такими массовыми данными о числе крестьянских хозяйств в группировке их по размеру запашки в одном поле [5]:

Размер запашки в коробьях	Количество хозяйств абс.	%
От 1 до 1,5	1942	5
» 1,5 — 2,0	8661	21
» 2,0 — 3,0	20512	49
» 3,0 — 4,0	9840	22
Свыше 4,0	1255	3
Всего	41710	100

На одну «соху» в три обжи или трех конных упряжек в собственном крестьянском хозяйстве насчитывалось не меньше чем при тягла. Но один лишь лавочник либо ремесленник — кузнец или кожевник — по доходу

[1] В. О. Ключевский. Сочинения, т. II. М., 1957, стр. 38.
[2] «Собрание государственных грамот и договоров». М., 1813, № 86-87, стр. 205.
[3] Всего свыше 760 сох или 34 тыс. десятин пашни во всех трех полях (ПСРЛ, т. 8, стр. 195).
[4] «Грамоты Великого Новгорода и Пскова». М.— Л., 1949, стр. 38—39; М. Владимирский-Буданов. Указ. соч., вып. I, стр. 191.
[5] А. М. Гневушев. Указ. соч., стр. 229.

приравнивается уже трем крестьянским хозяйствам. А промышленник-солевар, которому на один црен требуется обычно не меньше восьми наемных рабочих, платил дань за шесть крестьянских тягл. В то же время крестьянин, работающий исполу, в чужом хозяйстве, платил только половину, а безлошадные крестьяне — «пещци» — лишь за одну четверть полного крестьянского тягла, т. е. во много раз меньше предпринимателя-солевара, и, очевидно, сами промышляли продажей своей рабочей силы. Здесь на лицо в зачатке уже все элементы для развития *товарного* предпринимательского хозяйства. Раньше чем в других районах стал товарным особо дефицитный здесь хлеб на рынках Новгородской области. Потому московские князья и потянулись именно сюда, поближе к Торжку, где в условиях товарности земельная рента растет не только в форме дани и поземельных налогов, но и во всех других формах феодальной эксплуатации земли и труда.

Черный бор не следует уподоблять регулярной дани в Орду. Он взимался не ежегодно и поступал целиком в казну московских князей, сверх Ордынского выхода. Им облагалось не все население страны, а только отдельных ее областей, потерпевших поражение в междуусобной борьбе с растущей Москвой. Черный бор 1385 г. был, например, расплатой Новгорода за набеги новгородских ушкуйников в Поволжии. В 1437 г. новгородцы после очередного поражения «купили мир» у московского князя Василия Васильевича черным бором, «по гривне новой с сохи» — за 8000 руб. Еще дороже, в 10 тыс. руб. обошелся им Яжелбицкий мир 1456 г.[1] Вполне естественно, что новгородские власти во всех таких случаях пытались переложить хотя бы часть этих контрибуций черным бором на плечи всех тяглецов. Но удивляет все же величина этих уплат — с одной лишь области по 8—10 тыс. руб., в то время когда даже татарская дань со всей Русской земли при Тохтамыше не превышала 8000 руб.[2] Это свидетельствует о значительных уже денежных накоплениях в Новгороде и других областях Московской Руси. А вместе с тем говорит о новых возможностях расширения не только продуктовой и трудовой, но и денежной ренты.

3. НОРМЫ ЗЕМЕЛЬНОЙ РЕНТЫ XV—XVI вв.

Уже на заре феодального общества мы наблюдаем далеко зашедшее его расслоение с весьма расчлененной иерархией князей великих и подручных, бояр и дружины, посадников и старост и всей рядовой массы мужей и сирот — крестьян земледельцев. И если для обложения этой рядовой массы данями не требовалось особых правовых обоснований, то для изъятия таких даней во всяком случае требовалась сила тех же бояр с дружиной и прочий аппарат взимания. Этот аппарат приходилось содержать и оплачивать из тех же даней или наделять иными привилегиями сеньеральной власти. И господская верхушка феодального общества не упустила возможностей использовать эти дани и привилегии. В своих владениях она в значительной доле обратила их в оброки и повинности населения этих феодальных владений. И, таким образом, феодальная рента расчленилась на свои элементы.

Говоря о начальной стадии феодализма на Руси, когда княжеская дружина содержалась в основном непосредственно за счет собираемых ею с населения даней, Маркс рассматривал эту практику как «вассалитет без

---

[1] С. М. Соловьев. Указ. соч., т. III, стр. 990; т. IV, стр. 1086—1089.

[2] 10 тыс. руб. 1450-х годов по своей покупательной способности составили бы свыше 1 млн. руб. в валюте 1913 г. И если в Новгородской области к этому времени насчитывалось около 100 тыс. тяглых дворов, то на каждый из них пришлось бы уплатить не менее 10 руб. золотом. Для сравнения укажем, что тяжесть обложения крестьян царской России в 1913 г. достигала свыше 10 руб. уже не на двор, а на душу.

ленов и лены, состоявшие только из даней». За счет «десятины» от тех же даней кормились издревле и церковные иерархи со всем причтом за свои молитвы о земном и загробном благоденствии властей предержащих. Но со временем и бояре с дружиной, и духовные власти все шире обзаводились и земельными владениями. Неосвоенной земли было по тем временам сколько угодно. Но освоить ее можно было вначале только трудом или захватом, так как путем купли-продажи можно приобрести лишь освоенную уже кем-либо землю. И конечно, трудом землю осваивали по формуле «куда топор, коса и соха их ходила» лишь рядовые крестьяне-земледельцы, а захватом — только власть имущие феодалы. Феодальное право служило сильнейшим и объявляло «верховное» право собственности на землю принадлежностью верховной власти. Но в правосознании рядовых крестьян земледельцев господствовало другое, трудовое право. И даже после полного своего закрепощения они твердили помещикам о своих наделах: «Мы ваши, а земля наша». В связи с этим борьба за землю и стала основной экономической подоплекой всей классовой борьбы в условиях феодализма.

Без земли, этого основного средства производства в условиях феодального хозяйства, крестьяне не могли добывать себе средств существования, а феодалам платить какие-либо дани и оброки. А потому и феодалы были заинтересованы в самом широком трудовом освоении крестьянами свободных земельных угодий. Тем более что освоенные уже трудом так называемые черносошные земли феодалы со временем могли уже и присвоить на том или ином основании. Самый широкий путь к такому присвоению открывала феодальная практика «кормления» великими князьями своих наместников и прочих слуг, вместо денежного жалования, за счет даней с известного круга крестьянских владений. Бояре и дворяне, испомещаемые в таких владениях черносошных крестьян, получали право пожизненно взимать с них за свою службу княжескую дань натурой или деньгами. И тут уже прежняя дань принимала новую форму помещичьих оброков. В первое время размер таких оброков еще ограничивался неизменной нормой «как пошло по старине» в заботе о том, чтобы облагаемые земли не запустели. Но затем отпало и это ограничение. И в «послушных» царских грамотах крестьянам пожалованных владений появилась новая формула: «И вы бы все крестьяне оброк платили, чем вас изоброчат». А в конце концов с прикреплением крестьян к земле помещики завладели уже полностью наравне с вотчинниками и крестьянами, и всем их имуществом, несмотря на то, что и от обязательств государственной службы им удалось еще раньше освободиться.

Частичное превращение даней в оброки и другие повинности крестьян светским и духовным феодалам протекало, однако, и по другой линии. Феодалы расширяли свои владения и не дожидаясь их заселения, прихватывая в их черту нераспаханные пустоши, леса и болота. Широкая практика захвата феодалами такой целины позволяла им вовлекать и ее в хозяйственный оборот уже на правах вотчинников. Свободных для крестьянской распашки земель, за исключением отдаленных окраин, становилось на Московской Руси все меньше. И уже с конца XIV в. до нас дошло немало грамот о купле-продаже, обмене, сдаче в наем и вкладах в монастыри вотчинниками таких, принадлежащих им пустошей «с лесы и з болоты». Был даже вклад «на половину своего болота» [1]. И это означало, что с некоторых пор даже такие земли можно было не без выгоды использовать. Правда, захват пустых, еще не расчищенных лесных дебрей и не распаханой целины без приложения к ним чужого, крестьянского труда не обещал

[1] См., например, «Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI веков», ч. I. М., 1951, № 35—37, 43, 55, 72, 77, 115, 245. 246 с датами 1399, 1416, 1448, 1456, 1464, 1472, 1492, 1495, 1582 гг.

сразу же господам-феодалам никаких особых выгод. Такие земли прежде всего требовалось заселить, леса расчистить, болота подсушить, целину распахать. Но в условиях феодализма и эти задачи решались беспрепятственно.

Дело в том, что сами феодалы и их барские или церковные запашки, да и пустые их земли вовсе не облагались данями. Платило их лишь тяглое население со своих владений и промыслов. Но и оно было крайне неоднородно в имущественном отношении. Из его среды всегда находилось поэтому немало слабейших элементов, готовых порядиться во крестьяне или половники и на чужие земли крупных феодалов и монастырей. Получая при этом от своих господ обычно вместе с наделом и податные льготы, и необходимую «подмогу» хлебом и деньгами, эти тяглецы принимали на себя ряд обязательств. И тут уж феодальная рента, расчленяясь на налоговые платежи в княжескую казну и оброки землевладельцу, осложнялась еще все большей личной зависимостью крестьян от таких наделяющих их средствами производства господ-вотчинников.

Формально «порядную» во крестьяне или в половники можно рассматривать как вполне свободный трудовой договор двух равноправных сторон. Все смерды или крестьяне, облагаемые данями, издревле считались на Руси свободными людьми. В отличие от вовсе необлагаемых «полных холопов» они подвергались сплошному учету при каждой переписи в качестве основных налогоплательщиков казны, но великие князья, проявляя в связи с этим свои заботы о всех таких «численных» людях, не покушались на их личную свободу [1]. И даже когда крестьяне «рядились», т. е. договаривались о заселении и расчистке господских пустошей в качестве половников или плательщиков оброка с используемых ими земельных наделов, они очень долго, вплоть до конца XVI в., сохраняли за собой право свободного выхода из господских вотчин, куда им заблагорассудится. Ограничен был со временем лишь срок, предоставляемый крестьянам для такого выхода ежегодно после сбора урожая и расчетов по договору с вотчинником — в Юрьев день осенний.

Это их право формально было узаконено и в Судебниках 1497 и 1550 гг. [2] Его следы можно усмотреть и в некоторых статьях «Русской Правды» о «рядовичах» (ср. слова «ряд», «порядная») и «ролейных закупах» XII—XIII вв., которые тоже не были холопами. Но все это лишь формальная сторона дела. А по существу важнейшим элементом каждой порядной была ссудная запись крестьянина о возврате им перед «выходом» всей полученной от господина «подмоги» с приплатами за «пожилое» и тому подобными кабальными условиями. Это личное обязательство расплаты за долг для беднейших крестьян, рядившихся обычно на расчистку и распашку присвоенных феодалами пустых владений, было, однако, для них трудновыполнимым. И несмотря на свое право «отказа» и «выхода» из таких обработанных ими господских владений, крестьяне чаще всего оседали в них на всю жизнь.

Помимо земельной ренты в форме даней и оброков таким крестьянам приходилось нередко выплачивать за полученное в подмогу господское или монастырское «серебро» еще и ростовщические проценты. И в этих условиях, по-видимому, уже с XV в. возникали серьезные социальные конфликты. Так, митрополит Симон, обращаясь за воздействием на крестьян к местному волостелю, писал ему около 1498 г.: «Бил ми челом богородицкой поп Нестор... а сказывают, что деи после описи... Славецкие волости християне вступаютца у него в церковную в монастырскую землицу и в пожен-

[1] Так, в завещании великого князя московского Ивана мы находим в его требовании блюсти, судить и рядить «земледельцев свободных или численных людей» еще в 1359 г. прямое признание всех численных людей свободными земледельцами (Н. М. Карамзин. Указ. соч., т. IV, стр. 291).

[2] Судебник 1497 г., ст. 57 и Судебник 1550 г., ст. 88.

ки сильно. И ты б, сыну,... нашего ради благословения о той землице обыскал,... а лихих бы людей поунял... Да того же монастыря серебрецо церковное на людех, и которые де добрые люди христиане, и они нынечя рост дают, а иные де христиане ростов не платят, и ты б, сыну, такꙇе Пречистые деля, того церковного серебра обыскал людьми добрыми...»[1]. Унимать «лихих людей» в своих вотчинах крупные феодалы и сами были горазды. И если в данном случае святые отцы, наткнувшись на отпор своей паствы, обращались к мирской власти со своими слащаво ханжескими призывами унять эту паству и заставить «ради самой Пречистой» расплачиваться за серебрецо церковное с процентами, то ясно, что в подобных конфликтах им не всегда хватало собственной вотчинной власти. Но на сочувствие и поддержку вотчинникам со стороны феодальных властей они независимо от основательности своих претензий всегда могли рассчитывать.

Обязательства, какие принимали на себя крестьяне в своих порядных селиться на землях феодалов, были в разное время весьма различны. Но даже в позднейших из них (XVII в.) находим обычно обязательство пришлых новоселов расчищать пустоши, луга и пожни, расширяя таким образом помещичьи владения. В одной из них крестьяне Ортюшка и Сенька Михеевы дали, например, помещику Ивану Чиркину в 1627 г. такую порядную запись: «Се аз Артемей да яз Семен... дали есмя на себя запись... жити за государем своим за Иваном во крестьянех, где он нас посадит в своей в деревне на пустом жеребью или на пустоши, и, живучи, хоромы поставить и пашня пахати, поля огородити, пожни и луги расчищати, как у прочих жилецких крестьян, и с живущие пашни государевы всякие волостные подати платити и помещицкое всякое дело делати, и пашню на него пахати, и денежный оброк; чем он изоброчит, платити и со всякого хлеба изо ржи и из яри пятина давати ежегод...»[2]. И хотя в XVII в. свободный выход в Юрьев день был уже в основном ликвидирован, в данной записи находим еще особое на сей счет обязательство «не сойти, и не сбежати», и во крестьянство никуда не переходить под угрозой «заставы», т. е. неустойки в 4 руб. московских. По ценам 1913 г. такое взыскание составило бы свыше 80 руб. золотом — сумма для крестьянской мошны не шуточная.

Однако в другой порядной того же века мы не находим еще таких покушений на свободу крестьянского выхода. В порядной крестьянина Ивана Ерофеева с двумя сыновьями от 1634 г. он рядится в половники на «полдеревни» в Троицкий монастырь. Мы знаем уже, что с тех, кто сидел на исполовьи, и в черный бор еще в XV в. брали дань «за полсохи», т. е. вдвое ниже обычной нормы. По-видимому, им было не под силу обработать полную крестьянскую выть в 10—15 десятин пашни и покосов и они садились на полувыть или полдеревни. Не хватало у них семян, и они засевали свой пай монастырскими семенами. Однако их вовсе нельзя уподобить бобылям непашенным или безлошадным «пешцям», которые и по черному бору облагались лишь в 1/4 полной крестьянской нормы. В частности, Иван Ерофеев с сыновьями рядится в Троицкий монастырь пахать и половничать «на своих трех лошадях». И всякая «снасть» деревянная и железная, сохи, и ральни, и бороны, по этой записи,— «наша, половничья», а семена — ржаные и яровые — троицкие. Весь же урожай, за вычетом монастырских семян «из лучшего хлеба», делити с Троицей пополам[3]. Таково первое же из обязательств половников.

---

[1] «Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI веков», ч. I, стр. 173—174.

[2] А. М. Большаков и Н. А. Рожков. История хозяйства России в материалах и документах. Изд. 2. Л., 1926, стр. 202.

[3] Там же, стр. 212.

Еще существеннее, однако, то, что им доставалась отнюдь не готовенькая уже к обработке землица. Распаханные земли феодалов были, по-видимому, уже сильно использованы в наделах крестьян старожильцев. А половникам, как видно из той же записи, предстояло еще самим высечь, выжечь и расчистить нужную им для посева площадь новины, для чего и давалась им соответствующая подмога. «А подмогу мы, половники, Иван с своими з детьми — записано в порядной — взяли у игумена Ионы... 2 руб. денег, а на те нам подможные деньги высечи новины четверть ста (сажень) в первой год, а в другой год выжетчи и выпрятати, и посеети...» К тому, конечно, и сводилось основное обязательство половников и важнейшая выгода монастырской братии — расширить за счет их труда свои владения. Ведь выполнив свои обязательства, эти половники, даже отпущенные куда угодно, по обычаю в Юрьев день, не могли унести с собой и распаханной ими целины. И в той же порядной записано: «А поредилися есми мы половники половничать на три годы, ряд и выряд Георгиев день осенной. А отживем срошные годы и пойдем вон, ино подможные деньги заплатити и приряд весь сделати до готова» [1].

Любопытно, что в XVII в., как видно из этой порядной, во владениях Троицкого монастыря, т. е. в подмосковном центре страны, бытовала еще столь отсталая агротехника подсечно-огневого земледелия. Напомним, кстати, что на подсеке, чтобы высечь и выжечь полосу пустоши на десятину пашни, требовалось уже в первый год затратить около 90 рабочих дней да на «опрятывание» и прочие работы второго года — до 72 дней, а всего за 2 года, еще до первого урожая — не менее 162 дней. А чтобы расчистить подсеку на полвыти, т. е. по меньшей мере на 7,5 десятины пашни в 3 полях, потребовалось бы свыше 1200 дней труда, т. е. и на троих за 2 года не менее 200 рабочих дней в год на каждого. Немудрено, что наш Иван Ерофеев даже сам-третей не мог порядиться в половники больше чем на полвыти, да и то лишь с расчетом на ряд лет. Конечно, и после любого срока он едва ли захотел бы покинуть только что им распаханный надел для новой, столь же каторжной расчистки еще чьих-нибудь чужих владений. Но все же поучительно, что за ним в порядной все же еще обеспечивалось такое право. Это означает, что и половники даже в первой половине XVII в. формально считались еще людьми свободными, несмотря на то, что по их маломощности и неоплатной задолженности своим господам они обычно находились в полной от этих господ зависимости, и давно уже именовались людьми «нетхожими» в их владениях.

Возможности феодальной эксплуатации таких якобы еще свободных людей были огромны. Отдавая за какую-нибудь жалкую подмогу в 2 руб. денег, подлежащих возврату, тысячи дней своего труда на расширение владений своего господина, чтобы только кое-как прокормиться, они не освобождались затем и от обычных оброков и платежей со своих наделов. Это было много выгоднее содержания прожорливой дворни полных холопов, которая не только не приносила своим господам никаких доходов, но и проедала их еще немало. И едва ли случайно, что в этой дворне уже к XVI в. полных холопов оставалось совсем немного. Почти во всех дошедших до нас завещания феодалов, начиная с XIV в., мы находим распоряжения об отпуске своих «полных» людей — после своего живота — на свободу [2]. Господа таким образом спасали свои многогрешные души, а освобождаемые ими холопы без земли умножали собой ряды крестьянских за-

---

[1] А. М. Большаков и Н. А. Рожков. Указ. соч., стр. 212—213.

[2] См., например, духовную новгородца Своеземцева 1393 г. с перечислением 18 семей челяди и приказом: «А челядь мою дерноватую, а то всю, брат мой Григорий, отпусти на свободу» («Грамоты Великого Новгорода и Пскова», стр. 168; ср. также «Акты феодального землевладения и хозяйства», ч. II. М., 1956, стр. 19, 41, 88, 93, 120, 151, 172, 185, 213, 216, 239, 270, 283, 285, 292, 310, 347, 351, 393, 415).

хребетников и подворников или господских новоселов и половников, а кой-где кормились уж и работой по найму.

Но растущая нищета и задолженность крестьян, заселявших господские владения, расширяла возможности применения к ним и «внеэкономических» методов воздействия. По законам Московской Руси, взыскивая долг даже с лиц дворянского звания на правеже, их разрешалось «бить до тех мест, пока с должники не разделаются» [1]. А в отношении наиболее зависимых крестьян феодальных вотчин и поместий широкая практика применения грубой силы еще со времен пресловутой «опричины» XVI в. не знала уже никаких сколько-нибудь терпимых границ. И такое растущее бесправие основной массы крестьян на чужих землях лишь подчеркивалось наличием наряду с ними значительных масс независимых земледельцев — своеземцев или земцев, черносошных или государственных крестьян, по общему правилу свободных от каких-либо принудительных повинностей, кроме платежа государственных налогов. Некоторые из них именуются в новгородских актах XV в. даже «великими смердами». Они свободно владеют и продают «одерень» или «во веки» свою землю [2]. А иные еще в XVI в. владели не только землей, но и собственными «старинными людьми», т. е. холопами [3].

Право собственности на землю, хотя и ограниченное обязательством государственной службы дворянства, отнюдь еще не стало его исключительной монополией. В актах купли-продажи земли XV—XVI вв. наряду с князьями, боярами и крупными монастырями находим также купцов и житьих людей, дьяков и подъячих, попов и прочую мелкоту. В частности, по одной из купчих середины XV в. земец Ларивон Мишутин продал «лоскут земли» игумену за 55 бел, или 110 денег [4]. К тому же времени относятся купчие, по которым у кузнеца Игнатия игумен купил полосу земли, его отчину за 120 бел, а смерды Филька, Родька да Онашка продали своих два жеребья одерень за 400 бел, или 4 руб. [5] В другом месте узнаем, что у бортника Гриди купили деревню; а у Артема-кузнеца — поженки; а Роман-кузнец сам купил в 1538 г. треть деревни; или что по одной купчей «купили для церкви две деревни у 11 крестьян — отчину их» [6]. Подобные факты, вопреки мнению некоторых историков, вполне удостоверяют, что правом собственности на землю нередко пользовались даже рядовые земледельцы — крестьяне.

К сожалению, в огромном большинстве дошедших до нас купчих феодальной эпохи не указана сословная принадлежность лиц, продававших свои отчины большим боярам и монастырям мелкими жеребьями, полосами и лоскутами. Но уж из денежной их оценки можно заключить, что большинство таких участков не превышало обычных размеров крестьянской обжи или выти XV—XVI вв. В самом деле, в новгородских купчих XV в. мы находим такую оценку участков, именуемых лоскутами. По 10 купчим продано 20 лоскутов земли средней ценой до 40 белок, или 0,4 новгородского рубля XV в. [7] За жеребей земли платили по 2 руб., т. е. раз в 5 дороже [8]. О размерах площади лоскутов можно судить по тому, что на одной из них ценою в 20 белок высевалось 2 пуза ржи, на двух других — по 4 пуза [9]. Считая в местной мере емкости, именуемой пузом,

[1] Уложение 1649 г., гл. X, ст. 204.
[2] «Грамоты Великого Новгорода и Пскова», № 227.
[3] «Акты феодального землевладения и хозяйства», ч. III. М., 1961, стр. 212—213.
[4] «Грамоты Великого Новгорода и Пскова», № 166.
[5] Там же, № 165 и 194.
[6] Д. П. Маковский. Развитие товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве Русского государства в XVI веке. Смоленск, 1963, стр. 345, 346, 349.
[7] «А по сту белки за рубль» («Грамоты Великого Новгорода и Пскова», № 123).
[8] Там же, № 194, 206.
[9] Там же, № 158, 238, 255—256.

около 1/4 старой коробьи, пуз вмещал около 1,5 пуда ржи[1]. В таком случае лоскут на 4 пуза ржи составлял по норме высева около 3/4 десятины. И если его расценивали в 0,4 руб., то десятина пашни оценивалась примерно в полтину (53 коп.). А за обжу, т. е. за полную норму посильной крестьянскому двору запашки от 15 до 21 десятины, во всех трех полях пришлось бы уплатить, включая даже цену двора и дворища, не свыше 10 руб. Однако, по моим расчетам, на такие именно наиболее мелкие суммы и падает максимум числа продаж земли по всем новгородским грамотам до конца XV в. (табл. 1).

Таблица 1

Покупка земли по новгородским актам XIV — XV вв.

Цена покупки, руб.	Число случаев		Сумма	
	абс.	%	руб.	%
1	2	3	4	5
до 1	27	20,9	15,6	1,4
1,1 — 2	29	22,5	46,1	4,1
2,1 — 5	34	26,9	128,0	11,2
5,1 — 10	18	13,9	131,0	11,6
Итого . . .	108	83,6	320,7	28,3
10,1 — 20	11	8,5	172,2	15,2
20,1 — 50	6	4,7	151,2	13,9
50,1 — 100	2	1,6	160,5	14,1
св. 100	2	1,6	330,0	29,0
Всего . . .	129	100,0	1134,6	100,0

Как видим, на мелкие участки ценой до 10 руб. приходится свыше 83% общего числа учтенных нами продаж. Но число продавцов нередко превышало число продаж. И процент крестьян в общем числе продавцов земли был, по-видимому, даже выше учтенного. Первое известие о покупке земли у детей посадника за 100 руб. еще в XII в. (до 1147 г.), какое находим по списку XVI в. в данной Антониеву монастырю, не заслуживает доверия, так как в XII в. «рублей» еще вовсе не было и денежный счет шел на гривны кун. Более достоверной является покупка — не ранее 1315 г.— посадником Васильем Своеземцевым земель Шенкурского погоста за 20 тыс. белок плюс 10 руб. деньгами. Сделка состоялась по «ряду» со старостой Азиком «от своей братии», т. е. от крестьян всего погоста[2]. Таким образом, уже в этой первой из известных нам сделок было положено начало широкой скупки крестьянских земель. С ростом денежности этот процесс рыночного обезземеливания свободного крестьянства мог лишь расширяться. А монополизация земельной собственности в руках феодалов тем самым все укреплялась.

Впрочем, денег-то как раз и не доставало еще в рыночном товарообороте феодалов до XVI в. И очень показательно, что даже новгородский посадник, несмотря на широкие торговые связи новгородцев с заморскими рынками, вынужден был, скупая крестьянские земли, расплачиваться за них

[1] В. А. Данилова. Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV—XV вв. М., 1955, стр. 434.

[2] «Грамоты Великого Новгорода и Пскова», № 279—280.

в основном не серебром, а беличьими шкурками. Считая по 100 белок на рубль, посаднику нужно было уплатить всего 210 руб. серебром. Но по тому времени это была немалая сумма. Судя по ценам баранов (около 6 денег), новгородский рубль XIV в. в 216 денег серебром ценился в 230 раз дороже золотых рублей 1913 г. Значит, по ценам 1913 г. покупка посадника Своеземцева потребовала бы свыше 48 тыс. руб. деньгами. Но на уплату такой суммы деньгами даже у посадника не оказалось и 5% нужного серебра. И он был вынужден отправить из Новгорода в Шенкурский погост сверх 10 руб. серебром (шутка ли!) 20 тыс. беличьих шкурок, т. е. целый обоз этой малоценной товарной пушнины.

Понятно, что столь громоздкий и подверженный порче товар, как эти шкурки, ускорению денежного оборота служить не мог, да и для накопления нетленных сокровищ в домашних укрытиях без нафталина весьма мало был пригоден. Тем не менее весьма поучительно, что только в учтенных нами выше актах потребовалось для расплаты за купленную землю свыше 64 тыс. беличьих шкурок «шерстью», как уточнено в одном из актов, и всего лишь 484 руб. серебром. Таким образом, даже по стоимости на долю платежа белками пришлось 56% всего учтенного оборота. В том числе по сделкам XIV в. эта доля повышается до 70% (31 040 белок), а по актам XV в. падает до 48% (33 049 белок) всего оборота белками и деньгами.

Конечно, за пять минувших веков до нас дошла, вероятно, лишь малая доля всех купчих на землю того времени. Но каждая из них документально, с обязательной явкой властям каждой купчей, удостоверяет размер и состав уплоченной суммы. Понятно также, что немало денег в товарном их обороте требовалось и помимо покупок земли. Но и в малой статистической выборке достоверных фактов, как в капле чистой воды, здесь находит свое отражение весь мир товарно-денежных отношений того времени. И прежде всего в ней отражается острый недостаток средств обращения на денежном рынке и натуральный характер феодального хозяйства на данной ступени его развития. Но оно не стояло на месте. И об этом можно судить уже по всем купчим XVI в., собранным в «Актах феодального землевладения Московской Руси» [1]. Ни в одной из них белки в качестве суррогата денежных ресурсов уже не встречаются. Значит, денежность хозяйства значительно возросла.

Нужно заметить, что и рубль московский XVI в. был почти вдвое легче новгородского рубля XV в., да и цены на землю заметно менялись. К сожалению, достоверных данных о них и за XVI в. у нас не много. Отметим все же некоторые из них. В 1511 г. дер. Плетнево Дмитровского уезда была куплена за 30 руб.— по 75 коп. за десятину [2]. В 1526 г. митрополит Даниил купил в том же уезде с. Есеево с деревнями (20 вытей пашни) за 250 руб.— по 12,5 руб. за выть; земли в этом уезде преобладали худые и, считая на выть в одном поле не менее 6—7 десятин пашни, а во всех трех — свыше 18, получим до 70 коп. за десятину [3]. В одной из купчих Иосифо-Волоколамского монастыря (1515—1522 гг.) показано только, что с. Ивановское с деревнями Рузского уезда куплено у вдовы Ивана Осокина за 260 руб., да конь пополнка за 5 руб. [4] Но из «сотной» выписи из писцовых книг Рузского уезда 1569 г. узнаем, что в этом монастырском владении учтено 13 крестьянских дворов, 1 двор пуст, пашни в поле 260 четвертей, т. е. 130 десятин, а в дву потому ж, земля средняя, сена 50 копен, а лесу нет [5]. Заключаем, что на каждый двор приходилось из этой пашни (390 : 14) до 28 десятин и расценивалась она примерно по 67 коп. за десятину

---

[1] «Акты феодального землевладения и хозяйства», ч. I, ч. II, ч. III.
[2] С. Б. Веселовский. Указ. соч., стр. 228.
[3] «Акты феодального землевладения и хозяйства», ч. II, стр. 80.
[4] Там же, стр. 66.
[5] Там же, стр. 387.

(260 : 390 = 0,67), или до 19 руб. на двор. По другой купчей 1532 г. старцы того же монастыря купили с. Ангелово Московского уезда за 400 руб. деньгами да пополнка — шубу кунью [1]. Из писцовых книг, однако, видно, что к 1574 г. в этом селе оставалось только 2 крестьянских двора и 10 пустых. Земли же учтено по 200 четвертей пашни и перелогу в поле, а в трех полях — 600 четвертей, или 300 десятин, но «земля добрая» [2]. Таким образом, здесь она расценивается уже по 1 руб. 33 коп. за десятину (400 руб. : : 300 = 1 руб. 33 коп.), а на двор, включая пустые, приходится по 25 десятин, или до 33 руб. на семью.

Из актов второй половины XVI в. можно привести несколько с указанием и цены и размеров земли уже в самой купчей. Так, в купчей 1556 г. Юрья Данилова с сыном на половину третьего поля дер. Болтиной Волоцкого уезда, проданную его брату, ясно сказано: «А взяли есьма на той земле и на хороме десять рублев. А земли тое на двадцати четвертей. А поставили... яз... двор ново, а хором-изба дву сажен да сенник дву сажен, с присеньем да мыльня полуторы сажени» [3]. Судя по «хоромам» с шестпаршинной избой крестьянского типа, владение это не барское. Крестьянские избы, однако, еще в 1602 г. продавались на своз по цене от 20 до 25 алтын за избу [4]. И если за 20 четей, или 10 десятин, пашни в этом владении было дано 10 руб., то средняя цена земли в нем, включая такие хоромы, не превышала 1 руб. за десятину. Можно еще привести две купчие 1563 г. Д. П. Кутузова на земли в с. Кондратово Рузского уезда [5]. По одной из них продано полторы выти — по 21 четверти в поле, «а в дву по тому жа» — за 21 рубль. Земля в этой вотчине худая и на двор ее приходится десятин до 20 [6]. А цена ей, считая на выть по 14 руб. за 21 десятину пашни во всех трех полях, из расчета на десятину составит 67 коп. По другой купчей Кутузов за 100 руб. продал уже полсела по той же цене, т. е. по рублю за четверть в одном поле, «а в дву потому ж», или по 67 коп. за десятину.

Когда же крестьяне стали сильно разбегаться из господских владений к концу пресловутой опричины (1572 г.), опустевшие земли сразу же, по-видимому, резко обесценились. И едва ли случайно именно в 7081 г. (1572—1573 гг.) последовал указ Ивана Грозного о продаже в подмосковных поместьях порожних земель служилым и неслужилым людям в вотчины с такой их оценкой: «...а продавать земли за рубль по три чети в поле, а в дву потому ж», т. е. по 22 коп. за десятину пашни (1 руб. : 4,5 = = 22,2), целью же такой удешевленной распродажи, как прямо отмечалось в указе, было одно: «только б пустые места, как вместно, иззанимати, что б из пуста вживущее выходило» [7]. Зато в Уложении 1649 г. прикрепление крестьян к земле после долгой борьбы нашло свое окончательное завершение и запустение без рабочей силы уже не угрожало землям феодалов, и казенная их расценка возросла в таких масштабах: «за крестьянский двор с людьми 50 рублей, за распашную землю... по 3 рубля за десятину, за сенные покосы... по 2 рубля за десятину» (гл. XVII, стр. 27). Тут уж становится яснее, в какой мере цены земли, а вместе с ними и нормы феодальной ренты вырастали в зависимости от количества привязанного к этой земле крестьянского труда.

Забегая вперед, напомним, что к концу крепостной эпохи земля, доставшаяся крестьянам при их освобождении, по вольным ценам расценивалась уже в 16 руб. 80 коп. за десятину, а уплатить за нее их заставили даже по 27 руб. за десятину, т. е. раз в 9 выше расценок 1649 г. Однако это не озна-

---

[1] «Акты феодального землевладения и хозяйства», ч. II, стр. 113.
[2] Там же, стр. 491.
[3] Там же, стр. 271.
[4] Там же, стр. 461.
[5] Там же, стр. 327.
[6] Там же, стр. 369.
[7] С. Б. Веселовский. Указ. соч., стр. 98.

чает еще реального их роста, ибо и общее повышение уровня цен за этот период протекало примерно в том же темпе. Падало лишь реальное значение рубля.

В общем при указанных колебаниях цен на землю XVI в. в зависимости от ее качества от 67 коп. за «худую» до 1 руб. 33 коп. за «добрую», а в среднем около 1 руб. за десятину, они как будто раза в 2 превышали новгородские цены XV в. Но для суждения о динамике цен земли за XVI в. этих данных совершенно недостаточно. Известно, что и цены других продуктов труда и земли возросли за этот век в Московском государстве даже более чем вдвое. И объясняется это не столько порчей московских денег с облегчением за XVI в. их веса процентов на 30, сколько обильным притоком в Европу серебра из ограбленной Америки. Революция цен перешагнула в этом веке и наши границы. Но, по сути дела, не товары у нас дорожали, а дешевело серебро и росла денежность феодального хозяйства. Тем не менее номинально крестьянская выть земли по меньшей мере удвоилась в своей рублевой оценке. И с учетом этого факта мы получаем такую группировку купчих на землю до конца XVI в. (табл. 2).

Таблица 2

Покупка земли по актам XV — XVI вв.

Цена покупки, руб.	Число случаев		Сумма	
	абс.	%	руб.	%
1,0— 2	3	3,3	5,5	0,0
2,0— 5	6	6,5	25,5	0,3
5,1—10	2	2,2	20,0	0,2
10,1—20	9	9,8	143,0	1,6
Итого до 20	20	21,8	194,0	2,1
20,1— 50	25	27,2	1268,0	14,1
50,1—100	19	20,6	1444,0	16,1
100,1—200	17	18,5	2490,0	27,7
200,1—600	11	11,9	3610,0	40,0
Всего . . .	92	100,0	9006,0	100,0
В том числе за XV в.	13	14,1	431,0	4,8
за XVI в.	79	85,9	8575,0	95,2

В этих актах, освещающих в основном земельные приобретения московских митрополитов и Волоколамского монастыря, сделки, конечно, много крупнее, чем у рядовых феодалов среднего достатка, скупавших крестьянские земли. Но и у них до 20% всех покупок по своей цене — в среднем до 9 руб. 60 коп. на сделку — не превышают самых скромных крестьянских участков — до 10 десятин на двор. Кому принадлежали земли продавцов более дорогих участков земли, из актов обычно не видно. Но, конечно, и среди них могли быть и тяглые земледельцы-крестьяне. Так, в одной из купчих 1495 г. на дер. Воронино с пустошами, проданной митрополиту детьми Соболева за 60 руб., узнаем, что в число проданных вошел «и тот жеребей, что у них пахала мати их Марья» [1]. Признак, по которому легко открывается и невысокое звание самих продавцов, несмотря на значительный размер их владения.

[1] «Акты феодального землевладения и хозяйства», ч. I, стр. 161.

Наиболее крупные из проданных владений оценивались до 600 московских руб. Но и такие сборные владения из большого числа крестьянских селений, починков и пустошей не похожи еще на крупные дворянские имения с господскими дворами и собственной запашкой. Так, по одной из купчих митрополит в 1526 г. за 500 руб. приобрел у Ю. Б. Перепечина 16 деревень, 17 починков и 27 пустошей[1]. Считая только деревни и починки, получаем 33 населенных пункта ценою в среднем не свыше 15 руб. и, стало быть, размером пашни не свыше примерно одной выти. В каком же из таких однодворных селений нашлось бы место и рабочая сила для крупных барских запашек? По другой купчей 1562 г. кн. Г. П. Звенигородский купил за 600 руб. у детей Полозова с. Селище на Волге, сельцо Пореево, 10 деревень и 1 починок со всеми угодьями, причем из самих названий их (дер. Федюка Молявина, дер. Васюка Зологина, починок Исачков) видно, что и эта сборная вотчина сама создавалась путем скупки и перекупки из разных рук, до тех пор пока не попадала в крепкие руки какого-либо из монастырей[2].

С ростом денежности и цен в феодальном хозяйстве XVI в. росли и размеры покупок земли в среднем на одну сделку. В XV в., по табл. 2, на каждую купчую израсходовано деньгами по 33, а в XVI в.— уже по 108 московских руб. Такой рост, очевидно, оправдывался соответствующим ростом доходности приобретаемых земельных владений, т. е. ростом феодальной ренты. А впрочем, некоторые исследователи рост денежности и феодальной эксплуатации отмечают уже со второй половины XV в. К сожалению, писцовые книги документально освещают нам положение дел в этой области лишь с конца XV в. Из более ранних новгородских грамот на бересте конца XIV — начала XV в. можно лишь усмотреть, что основной формой эксплуатации зависимого крестьянства являлся здесь *хлебный оброк* из доли урожая, а «позем» (арендная плата) взимался белками. Бытовал, по-видимому, и крестьянский посев барскими семенами, т. е. обычная практика половников[3]. И сколько-нибудь заметных следов развития денежного хозяйства не наблюдалось.

Первым из них можно считать факт народного мятежа в Новгороде в 1447 г. в связи с очередной порчей серебряных денег. До этого года из фунта серебра чеканилось 432 деньги, а в 1447 г. эти старые деньги стали переливать и выпускать новые по 600 денег из фунта, т. е. с заметным облегчением их веса (на 28%). «Того же лета,— сообщает летописец,— начаша людие денге хулити серебряная, даже и все новгородци друг на друга смотря, и бысть межи ими голка и мятежь и нелюбовь»... Горожан возбудило, конечно, вздорожание хлеба и прочих продуктов деревни, вызванное порчей денег. Но столь бурная реакция в связи с повышением цен на средства существования уже сама по себе свидетельствует о росте денежного обращения в стране[4].

Говорить о денежности крестьянского хозяйства и нормах денежного обложения ранее XV в., т. е. в условиях полного господства продуктовой ренты, едва ли приходится. Из примеров, приведенных Б. Д. Грековым, видно, что еще в XIII в., около 1287 г., в норму крестьянского обложения на 100 тяглых дворов входил крайне пестрый состав продуктов натурой: «...со ста по две лукне меду, а по две овци, а по пятинадесяти десятков

---

[1] «Акты феодального землевладения и хозяйства», ч. I, № 161, стр. 143.

[2] Там же, ч. II, № 300, стр. 312—313.

[3] В одной из грамот на бересте начала XV в. читаем: «Поклон от Михаила к осподину своему Тимофею. Земля готова, надобе семяна. Пришли, осподине, целовек спроста, а мы не смием имать ржи без твоего слова». Л. В. Данилова думает, что здесь речь идет о барской запашке, но едва ли для засева собственной запашки своими семенами потребовалось бы особое разрешение ключнику. Вернее, что семена требовались половникам (Л. В. Данилова. Указ. соч., стр. 69).

[4] Л. В. Данилова по какому-то недоразумению говорит о «повышении стоимости денег» после этой монетной «реформы» (стр. 72), но это явная оговорка.

льну, а по сту хлебов, а по пяти цедров овса, а по пяти цедров ржи, а по 20 кур. А по тольку от всякого ста. А на горожанах 4 гривны кун»[1]. Из состава этого обложения видно, что в обиходе тогдашней деревни крестьяне могли обойтись вовсе без денег, а в городе деньгами еще служил такой товар, как куны или беличьи шкурки. Да и значительно позже, в 1411 г., как видно из жалованой грамоты новгородского веча «сиротам» терпиловского погоста, они облагались *поралием* «по старым грамотам», по сороку бел, да по четыре сева муки, по десяти хлебов[2], т. е. все еще продуктами земли и леса, натурой.

И только к концу XV в. в обложении новгородских владений заметную роль начинают играть и денежные оброки крестьян серебром. В частности, в составе феодальной ренты крупнейших владений новгородского боярина Богдана Есипова до их конфискации около 1475 г. денежный оброк, по подсчетам Л. В. Даниловой, «составлял в среднем не менее третьей части»[3]. Однако в этих подсчетах есть один существенный дефект. Подсчитывая нормированные хлебные оброки «поспом», т. е. насыпью в коробьях с обжи, можно дать конкретные их итоги по каждому владению. Но хлебные оброки взимались не только «поспом», но и долей от неизвестной нам величины урожая. Данилова смело преодолевает эту трудность своим допущением, по которому «нормированный хлебный оброк обычно был равен долевому»[4]. К сожалению, это допущение не подкрепляется фактами.

По подсчету Даниловой, во владениях Богдана Есипова поступало хлеба поспом с 593 обж 704 коробьи ржи, т. е. 1,2 коробьи на обжу примерно в 5 десятин ржаного посева. Московские писцы конца XV в. приравнивали новгородскую коробью двум московским четям. Стало быть, 1,2 коробьи ржи на обжу весили до 9,6 пуда, т. е. не свыше 2 пудов на десятину посева. Известно также, что долевой оброк колебался в зависимости от качества облагаемой земли от $^1/_5$ до $^1/_3$ ожидаемого урожая. Чаще всего, однако, взимался четвертый сноп, что, очевидно, и следует принять за норму долевого обложения земель среднего качества. Но если приравнять вслед за Даниловой этот четвертый сноп ее нормированному оброку насыпью по 2 пуда с десятины, то пришлось бы заодно признать, что и весь сбор с десятины не превышал $2 \times 4 = 8$ пудов и что его хватало только на семена. Чем же кормились в таком случае крестьяне? И откуда поступал весь извлекаемый из деревни прибавочный продукт? А ведь он составлял совсем уже не малую величину.

Нам неизвестны с точностью нормы урожайности XV в. на новгородских землях. По данным XVI—XVII вв., они колебались в «самах» от 2,5 до 3,5 в различных боярских владениях. Да и в крестьянских хозяйствах в среднем по всей стране они едва ли были заметно ниже нормы сам-третей, т. е. около 24 пудов на десятину. И, стало быть, четвертый сноп при таких урожаях, давая феодалу до 6 пудов прибавочного продукта, оставлял крестьянам из чистого сбора, за вычетом семян, не более 10 пудов зерна. И норма эксплуатации их труда (m : v) колебалась в пределах 60%. Новгородские земли по урожайности всегда были заметно хуже других, и здесь четвертый сноп в долевом оброке мог быть и ниже 6 пудов, но, даже снижая эти нормы до 5 пудов, с десятины, общее его поступление Б. Есипову с 631 обжи, или 6310 десятин посева, составило бы свыше 31 тыс. пудов в год. А если к этому прибавить еще нормированный оброк хлебом с 593 обж, учтенный Даниловой в количестве 1929 коробей зерна, весом до 14 тыс. пудов, то в общем Б. Есипов только хлебом получал со своих владений не менее 45 тыс. пудов в год. И конечно, львиная доля

---

[1] Б. Д. Греков. Указ. соч., стр. 309.
[2] Л. В. Данилова. Указ. соч., стр. 65.
[3] Там же, стр. 129.
[4] Там же, стр. 128.

этого хлеба поступала на рынок, повышая товарность феодального хозяйства.

В денежной оценке, считая овес по 4, а рожь по 7 денег за коробью, весь этот хлебный оброк оценивается нами примерно в 177 руб., а с добавкой мелкого дохода столовыми запасами в натуре и денежной ренты мы получаем по сохранившимся писцовым книгам такие их итоги оброков с владений Б. Есипова к концу XV в.:

	Руб.	%
1. Продуктовая рента	214,7	75
Хлеб долевой	124,0	43
» поспом	53,5	19
Мелкий доход натурой . . .	37,2	13
2. Денежная рента	71,3	25
Всего	286,0	100

Чтобы оценить по достоинству этот итог, необходимо учесть уровень цен того времени. Судя по индексам цен, собранных А. Г. Маньковым, они только за один XIV в. возросли втрое, а с конца XVI в. до 1913 г. они, по моим расчетам, поднялись еще более 20 раз. А в общем московский рубль 1500-х годов можно приравнять 70 руб. 1913 г., а новгородский — в 216 денег — 150 руб. и рента Есипова в 286 руб. новгородских составила бы не менее 43 тыс. руб. золотом по ценам начала XX в.[1] Сумма не маленькая. Но доля *денежной* ренты в общей ее сумме, по этому расчету, не превышала еще все же 25% всего прибавочного продукта тогдашней деревни. Впрочем, по ряду крупных церковных владений — новгородской Софии, посадника Казимира, Марфы Борецкой — эта доля денежной ренты поднималась и выше ее по «старому письму», до конца XV в., а в XVI в. деньги стали почти повсеместно преобладающей формой изъятий.

Таблица 3

Соотношение цен в новгородских деньгах *

Набор продуктов	Норма потребления	Стоимость набора по ценам	
		к 1500 г., денег	в 1913 г., руб.
1	2	3	4
Рожь в зерне, пуд	12	15,0	9,96
Пшеница, »	2	3,4	2,20
Говядина, »	1,5	13,5	11,10
Баранина, »	1,0	7,0	6,40
Свинина, »	1,0	10,7	8,80
Молоко, ведер	3	5,2	4,50
Масло коровье, фунтов	12	6,3	5,34
Яйца, шт.	100	3,0	3,00
Мед — сахар, фунтов	24	12,6	3,50
Соль, »	20	1,5	0,15
Итого		78,2	54,95
Один московский рубль в 100 коп.		1,0	70,00
Один новгородский рубль в 216 денег		1,0	150,00

* А. М. Гневушев. Указ. соч., стр. 74—75.

[1] См. табл. 3. Л. В. Данилова, следуя за А. М. Гневушевым, определяет это обесценение новгородского рубля еще выше — в 211 раз (стр. 128), но такие индексы (по ценам одного лишь хлеба?) нельзя считать убедительными.

Показательно, однако, что господская запашка даже у больших бояр конца XV в. не играла еще заметной роли. Так, у Богдана Есипова, владения которого достигали 1638 обж, т. е. до 49 тыс. десятин пашни, они размещались мелкими клочками в 670 селениях с населением по 2—3 двора и с рентой *деньгами* и *продуктами*, и лишь об одном из них в писцовых книгах отмечено: «А з дву обеж дохода не шло: пахали на Богдана» [1]. Вот и вся его барская запашка — до 30 десятин в 3 полях. Сам Богдан проживал в Новгороде, оброки ему собирали ключники — по одному на целую волость в несколько десятков деревень. Никаких иных забот о своем хозяйстве от боярина не требовалось. Крестьянское хозяйство могло бы и без него реализовать свои излишки. Но это уже не устраивало господскую верхушку. Извлекать и реализовать в свою пользу чужие излишки она считала важнейшей из своих прирожденных функций. До тех пор, однако, пока «излишков» феодальной ренты хватало лишь для прокорма прожорливой рати благородного дворянства, оно потребляло их, насыщая все свои элементарные потребности. Когда же, с ростом производительности труда в крестьянском хозяйстве, эти излишки все чаще стали перерастать текущие потребности феодальной верхушки и потребовали своей *реализации* в массовых масштабах, это послужило и развитию денежного рынка, и накоплению торгового *капитала* в стране. А вместе с тем и феодальная рента в своей новой, в основном денежной форме, формируя отныне уже ничем не утолимую жажду денежной наживы, существенно изменяла свою природу.

В тех случаях, когда феодальная рента взималась только деньгами, она в некоторых владениях Б. Есипова до 1475 г., например по волости Людчик, не превышала 31,5 деньги на обжу, в других — поднималась до 58 или даже 81 деньги с обжи. А в общем деньгами и натурой по всем учтенным его владениям, она, по-видимому, не превышала исчисленного нами итога в 286 руб. (по 216 денег) с 1638 обж, или 37,8 деньги с обжи. В среднем на двор это составит до 30 денег из расчета на десятину пашни — около 2,5 денег, не считая дани в пользу князя и других налоговых изъятий. Напомним, что великий князь Иван III обложил в 1478 г. новгородцев данью по полугривне с новгородской сохи, т. е. всего по 2,3 деньги с обжи. Однако такая дань не шла уже ни в какое сравнение с нормами земельных оброков крестьян частным землевладельцам. Что же касается ренты в денежной форме, то по учтенным владениям Б. Есипова в Вотской пятине до их конфискации Иваном III она не превышала еще 31 руб., а к концу века Л. В. Данилова насчитала деньгами оброков в тех же владениях, на 821 обжу тяглой пашни, уже на сумму не менее 153 новгородских руб., т. е. с увеличением раз в 5 всего за четверть века [2]. В валюте 1913 г. это составило бы уже свыше 23 тыс. руб. золотом, т. е. минимум по 28 руб. на обжу, или 1 руб. 75 коп. на десятину пашни.

Но с повышением денежного хозяйства стало очень быстро, как грибы после обильного дождика, расти и государственное обложение всего тяглого населения страны. Из расчета на большую московскую соху в 800 четей доброй земли, или 400 десятин, в одном поле государственные налоги, по расчетам Н. Рожкова, достигали в 1513 г. 4 р. 28 к., в 1532 г.— 8 руб., в 1550—1580 гг.— 42 руб. и в 1580—1590 гг.— 151 руб. с повышением в московской валюте за этот срок в 35 раз! [3] Считая в сохе по 80 вытей, такой налог к началу века не превышал и 5,3 коп. на выть, но уже за первую его половину возрос почти в 10 раз — до 52,5 коп., а к концу века, поднявшись еще более чем втрое, приближался уж к 2 руб. на выть (1 руб. 89 коп.). Росли вместе с тем и оброки крестьян своим помещикам, хотя и более медленными темпами. По расчетам Рожкова, «денежный оброк», взимаемый

---

[1] Л. В. Данилова. Указ. соч., стр. 131, 388.
[2] Там же. Прилож., табл. 14.
[3] Н. Рожков. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в., стр. 233.

феодалами Вотской пятины, возрос с начала века по 1582 г. с 25 коп. до 1 руб. с выти, т. е. номинально всего раза в 4, а реально не превышал 34% валового дохода крестьян, «тогда как долевой натуральный сбор начала века составлял 50%»[1]. А это означало бы даже реальное снижение тяжести крестьянских оброков.

Однако это заведомо ошибочные расчеты. Прежде всего в начале века преобладающей нормой долевого оброка был четвертый или даже пятый сноп из урожая, т. е. 20—25% валового сбора, а не 50%, как утверждал Рожков. Правда, были еще кой-где и «половники», арендующие исполу чаще всего монастырскую пашню. Но они, как известно, засевали ее монастырскими же семенами. И фактически при урожае сам-третей, отдавая монастырю за вычетом семян до 50% чистого сбора, даже половники выплачивали ему ренту не свыше ⅓ валового сбора с арендованной ими пашни. А затем и в XVI в. помимо денежной были еще и другие формы ренты, которые никак нельзя оставлять без учета. Так, денежный оброк по Вотской пятине Рожков оценил в 25 коп. на выть, а в расчетах Даниловой, со включением и других видов ренты, она была не ниже 153 руб. на 821 обжу, или выть, той же пятины, т. е. до 43 новгородских денег на выть к началу века[2]. Да и в этом расчете не включены еще все элементы долевой ренты. И можно думать, что при более полном их учете мы получили бы до 50 новгородок, или 50 коп. по московскому счету, т. е. раза в 2 выше исходной нормы Рожкова. Но и за вторую половину XVI в. суммарные итоги обложения деньгами и натурой сильно расходятся с оценками Рожкова одной лишь денежной ренты.

Конечно, оброки в частных владениях разных категорий — крупных и мелких, боярских и монастырских или дворцовых — колебались в разное время по своему уровню и составу весьма различно. И подвести им всем общие итоги по состоянию источников невозможно. Но можно все же вполне определенно сказать, что натуральные оброки все чаще заменялись в XVI в. денежными, а вместе с тем неудержимо росла общая тяжесть обложения и феодальной эксплуатации крестьян. Особенно высокого уровня она достигла, по-видимому, к началу 1580-х годов в царской России. С 1581 г. начались памятные «заповедные годы». Это поворотный момент к отмене свободного выхода в Юрьев день и первый серьезный шаг к полному закрепощению крестьян. По оценке Рожкова, крестьянские оброки к 1582 г. достигали 1 руб. с выти. Но это далеко не полный и не типичный показатель. По вполне достоверным данным писцовых книг об имениях тверского князя Семиона Бекбулатовича по описи 1581 г., один лишь *денежный* доход князя «за посошный корм» колебался в разных его владениях от 50 коп. до 1 руб. 50 коп. с выти, не считая хлеба, столовых запасов и прочих продуктов, за которые тоже всего охотнее взимался их денежный эквивалент. Данные по дворцовым его владениям для нас особо показательны уже потому, что крестьяне крупнейших владений вообще легче облагались оброками, чем во владениях рядового служилого дворянства. А между тем здесь даже на землях дворцовых владений князя мы уже к 1581 г. наблюдаем явные признаки переобложения и кризисного разорения деревенского люда.

Об этом свидетельствуют даже самые общие итоги описи его владений, в которых нами учтено в 501 селении 2203 крестьянских двора живущих

---

[1] Н. Рожков. Исторические и социологические очерки, ч. I, М., 1906, стр. 60—61.

[2] Можно еще привести нормы обложения крестьян дворцовых владений по волости Бортоны Шелонской пятины, где на 76 дворов приходилось 96,5 обжи и 337 коробей посева в одном поле. Рента их к 1500 г. достигала из расчета на обжу 47 денег, а на двор — до 58,5. Из них деньгами — 30,5%, хлебом и прочими продуктами полеводства 55,5% и продуктами животноводства — 14% (А. М. Гневушев. Указ. соч., стр 209—210).

и 338 пустых, а земли «в живущем» — пашни 2430 десятин (в поле, а в дву потому ж), да перелогу и лесом поросло 5400 десятин. По числу вытей при этом в живущем учтено всего 297,6, а в пусте — 650 вытей [1]. Иными словами, запустело в этих владениях до 69% всей земли, подлежащей обложению. В описи отдельных дворов и тяглецов так и пестрят отметки: вымер, вышел, вышли по сроку, вывезли, выбежал в Филиповы говеины, выбежал в великий мясоед, збежал за владыку, збежал безвестно или даже «разбили ту деревню разбойники», людеи иссекли, а животы все поимали... Шалили в ту пору, как известно, и лютые опричники с песьими головами у седел. Но всего сильнее содействовали запустению господских владений высокие нормы обложения.

Денежный оброк по учтенным тверским владениям Семиона Бекбулатовича «за посошный корм» с 297,6 выти исчислялся в сумме не менее 354 руб., т. е. в среднем по 1 руб. 19 коп. с выти. Мелкий доход столовыми запасами или деньгами, по расценке писцовых книг,— 232 руб. 70 коп., по 78 коп. с выти. Посопным хлебом у него было обложено только 268,1 выти в количестве 1574 четей ржи и 2249 четей овса без перевода на деньги. Нормы обложения хлебом колебались при этом от 4,25 до 7 четей ржи и от 6 до 9 четей овса на выть, а в среднем составляли до 5,2 чети ржи и 7,5 чети овса на выть. По ценам 1581 г.— 40 денег за четь ржи и 20 денег за четь овса — весь этот хлеб можно оценить в 539 руб. 70 коп., или до 2 руб. на выть. По селу Бели с деревнями 28,5 выти вместо оброка хлебом, т. е. примерно за 57 руб. «пахали» барскую запашку в размере 35 десятин в одном поле или до 70 десятин озимого и ярового клина. Таким образом, обработка барской пашни крестьянским трудом и инвентарем расценивалась здесь не ниже 80 коп. за десятину. А весь рентный доход князя исчислялся к 1581 г. в следующих суммах (в руб.) [2].

	Всего	На одну выть	%
Посошный корм	354,00	1,19	30,0
Мелкий доход	232,70	78	19,7
Итого деньгами	586,70	1,97	49,7
Хлебом	539,70	1,81	45,5
Трудом	57,00	19	4,8
Всего	1183,40	3,97	100,00

Сопоставляя эту ренту в 4 руб. на выть со средними ценами земли по 1 руб. за десятину пашни, или до 20 руб. на выть в 20 десятин «середней земли», убеждаемся, что феодальная рента достигала 20% продажных цен земли XVI в. Такая же норма накопления — на пятьшестой — господствовала, однако, и по денежным ссудам того времени. А из этого можно заключить, что цена на землю в XVI в. определялась по принципу нормальной капитализации земельной ренты, в данном случае из 20% годового дохода землевладельцев.

В итоги этой ренты не вошли еще оброки непашенных и бобыльских дворов — по гривне с двора. Не учтены здесь и такие господские доходы с промыслов, как оброки деньгами с «ремесленных людей» сапожников, кузнецов, каменщиков — по гривне, полуполтине и больше — до 1 руб. в год, с торговцев — по 10 денег за лавку [3], а также немалые кабацкие

---

[1] «Писцовые книги Московского государства», ч. I, отд. II. СПб., 1877, стр. 359, 389, 400.

[2] Там же, стр. 359—360, 389—390, 400; цены хлеба у Манькова см. стр. 107—108.

[3] «В селе ж Кушалин торг, и торгуют по пятницам волостные крестьяне всяким деревенским товаром... и всего 29 лавок с полулавкою, а оброку с них положено на год 49 алт. с денг., с лавки по 10 денег...». В этом селе насчитывалось всего 16 дворов пашенных крестьян, 35 дворов непашенных, 5 дворов конных псарей кня-

доходы, ведь за один лишь кушалинский кабак князь выручал по 41,5 деньги в год, т. е. вчетверо больше, чем с каждой лавки[1]. Не вошли в наш подсчет ни платежи крестьян по волостным поборам и розметам в «посельничий доход» прикащикам, старостам и целовальникам — по 10 алтын на выть, ни «пошлины дворецкого и дьячих с оброку и мелкого доходу» — по 10 денег с рубля[2]. Не включены в наш итог и государственные налоги всех наименований — за ямские и приметные деньги и за всякие иные подати, так как писцы 1581 г. их особо не учитывали. Приведенный выше итог крестьянского обложения в 3 руб. 97 коп. с выти представляет собой лишь поземельную ренту крупного феодала. И все же она раза в 4 превышает норму, принятую для тех же лет Н. Рожковым в 1 руб. с выти. Еще показательнее общие итоги рентного обложения крестьян в денежном измерении со включением государственных налогов «за дань» и прочие повинности (табл. 4).

Таблица 4

Рентное обложение крестьян в XV — XVI вв.

Норма обложения на выть	Вотская пятина				Тверской уезд	
	к 1478 г.		к 1500 г.		к 1581 г.	
	в новгородских деньгах				в коп.	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%
1	2	3	4	5	6	7
I. Господские оброки						
хлебом	11,3	31,8	18,7	29,6	181	40,3
деньгами	17,6	49,5	32,5	51,3	119	26,4
мелкий доход	4,2	11,9	6,7	9,4	78	17,3
отработки	0,1	0,3	0,2	0,3	19	4,2
Итого	33,2	93,5	58,1	91,6	397	88,2
II. Государственные налоги	2,3	6,5	5,3	8,4	52,5	11,8
Всего	35,5	100,0	63,4	100,0	450*	100,0
% к 1500 г.	—	56	—	100	—	710
Число обложенных вытей	731		613,5		297,6	

* С добавкой волостных поборов и пошлин (30 + 12,5 коп.) этот итог повышается до 4 руб. 92 коп., что при оплате труда в 3 коп. за день составляло цену 164 рабочих дня на выть.

В табл. 4 сопоставляются нормы обложения пашенных крестьян во владениях крупнейших феодалов — новгородского боярина Богдана Есипова и тверского князя Семиона Бекбулатовича в денежной оценке. По бывшим владениям Есипова, после их конфискации, использованы наиболее полные данные писцовых книг по 7 волостям Вотской пятины с охватом по «старому письму» около 1478 г. до 731 обжи или выти и по описи 1500—1505 г. — около 613,5 обж, а на обжу доброй земли писцы клали не менее 10 четей посева в одном поле, или 5 десятин пашни[3]. Такой охват для выборочного обследования не так уж мал, и учтенные в таблице нормы об-

зя, двор самого князя Семиона Бекбулатовича, да 1 двор кабацкий! Итого на 58 дворов — 29 лавок и 1 кабак! По 1 лавке на каждые 2 двора («Писцовые книги XVI в.», ч. I, отд. II, 1877, стр. 361).

[1] «Писцовые книги XVI в.», ч. I, стр. 400, ср. стр. 393.

[2] Там же, стр. 293, 309, 359.

[3] Л. В. Данилова. Указ. соч., стр. 99—116. Прилож., табл. 14. Новгородские платежи подсчитаны в деньгах, а остальные — в московских копейках, имея в виду что по весу серебра одна новгородская деньга равнялась двум московским, или 1 коп.

ложения достаточно показательны. А они прежде всего свидетельствуют о ничтожной роли барских запашек и отработочной ренты во владениях крупных феодалов и о большой доле денежной с них ренты уже к началу XVI в. И в частности, если по всем вотчинам Есипова деньгами поступало от $1/4$ до $1/3$ всех его доходов, то после конфискации его владений доля денежной ренты оброками и налогами, учтенной к 1500 г., превышает уже 58% всех крестьянских платежей. К 1581 г. в дворцовых владениях Тверского уезда деньги, включая даже «мелкий доход», оплачиваемый почти повсеместно деньгами, составляли не свыше 55% общего итога, но заметно возросли оброки хлебом. И не только в деньгах, а и в натуре [1].

Конечно, собирая десятки тысяч пудов хлеба, крупные феодалы заботились не столько о собственном пропитании, как о возможности и этот хлеб превратить в деньги на рынке. И эта возможность уже в XVI в. широко открывалась перед ними. И бояре, и монастыри, и царский двор торговали хлебом в крупных масштабах и на местных рынках, и с вывозом его за границу. «Образование единого общерусского рынка и развитие денежного обращения в первой половине XVI в. вызвали большой спрос на хлеб и продукты животноводства»,— заметил один из советских историков еще в 1947 г.[2] О развитии товарно-денежного обращения в стране достаточно свидетельствует уже указанный выше рост рентных изъятий деньгами и товарным хлебом с 1500 по 1581 г. в 7 раз из расчета на выть. А ведь росли не только нормы ренты, но и обложенная ею площадь. С конца XV в. до 1550 г. роздано было дворянам свыше 3000 новых поместий за счет не только конфискованных боярских вотчин, но и за счет розданных в поместья черносошных земель — всего свыше 1 млн. десятин пашни. Среди старой феодальной верхушки — владельцев крупных вотчин — бояр и князей было не так уж много, и новая рать рядовых помещиков, получивших в среднем на каждого не менее 30 вытей, т. е. до 450—500 десятин, образовала собою целый сдвиг в сторону укрупнения массового дворянского земледевладения [3]. А вместе с тем росла и его товарность и общая масса извлекаемой ренты еще быстрее, чем растущие нормы крестьянского обложения.

Чтобы судить о реальной тяжести этого обложения, сопоставим только продуктовую его долю — хлебом и «мелким доходом» по ценам 1581 и 1913 гг. (табл. 5).

Как видим, московский серебряный рубль 1581 г. по своей покупательной способности на продукты феодальной деревни превышал 29 руб. золотом 1913 г. И рентные платежи крестьянского хозяйства только в этой их доле (57,6%) достигают 75 руб. 35 коп., а вся их сумма по ценам 1913 г.— не менее 131 руб. на выть, или 8 руб. 75 коп. на десятину пашни. Свыше 130 руб. на крестьянское хозяйство — это тяжкая норма обложения. Судить об этом можно уже по тому, что с начала века она поднялась в денежной оценке раз в 7 и даже реально, с учетом повышения цен, раза в 4. Но и потому еще, что эта норма в связи с растущей жадностью к деньгам феодалов и мудрующих о том же думных дьяков, собирающих со всех платежей и в свой карман немало пошлин, уже привела к широкому запустению феодальных владений. И не даром псковский летописец XVI в. заключал по этому поводу с нескрываемой горькой иронией: «И быша дьяки мудры, а земля пуста!..»

А о том, какие изменения в этом отношении имели место к концу XVI в., можно видеть хотя бы из следующего. По писцовым книгам 1540 г. в Тверском уезде можно насчитать в 2880 селениях на 5025 пашенных крестьянских дворов всего 93 пустых (1,9%) и на 24 994 десятины пашни в

---

[1] По учтенным в таблице владениям с 1500 по 1581 г. оброки хлебом на выть (по 5 десятин в поле) возросли рожью от 4,4 до 21 пуда, а овсом — примерно от 11,6 до 22,5 пуда.

[2] С. Б. Веселовский. Указ. соч., стр. 313.

[3] Там же, стр. 287, 317, 325.

Таблица 5

Оброки крестьян дворцовых селений к 1581 г. (на выть)

Состав и размер оброков продуктами	Цена за единицу, коп.		На сумму, руб.	
	к 1581 г.	1913 г.	к 1581 г.	1913 г.
1	2	3	4	5
Рожь в зерне (по 5,25 чети=21 п.)	20	312	105	18,40
Овес (по 7,5 чети = 22,5 п.) . . .	10	200	75	15,08
Яловица (по 1/30 с выти)	100	5000	3,5	1,67
Боров (по 1/15 с выти)	25	1800	1,7	1,20
Баран (по 1 с выти)	10	640	10	6,40
Полть мяса свиного (до 1 п.) . .	10	880	10	8,80
Сыров кислых (2 шт.)	1	74	2	1,40
Масла коров (2 ф.)	0,5	37	1	0,74
Поросенок (1 шт.)	1,5	108	1,5	1,08
Гусь (1 шт.)	3,5	210	3,5	2,10
Куры (2 шт.)	1,0	60	2	1,20
Яйца (40 шт. за сотню)	2,5	300	1	1,20
Шерсть (2 поярка)	1,0	100	2	2,00
Дрова (1 сажень)	12,0	500	12	5,00
Сено (1 копна)	25,0	750	25	7,50
Солома ржаная (3 воза)	1,0	50	3	1,50
Итого	—	—	2,58	75,35
На 1 руб.			1,00	29,20

одном поле — в перелоге и лесом поросло не более 358 десятин, т. е. не более 2% пустоты[1]. А вот в 1581 г. в том же Тверском уезде и только в дворцовых его селениях мы находим на 2203 наличных крестьянских двора уже 338 пустых дворов и 50 опустевших дворовых мест и на каждую сотню «живущих» вытей пашни 219 в пусте. Перелогу и лесом поросло здесь уже свыше 5400 десятин, из расчета на двор его в 36 раз больше, чем в 1540 г. И это уж совсем не прежнее трехполье, а какое-то иное, явно регрессирующее по своему типу хозяйство. Такая же картина, однако, получается и по другим районам Московской Руси за последнюю треть XVI в. (табл. 6).

В табл. 6 учтены только тяглые крестьянские дворы. Но тяглецов в них живет на каждую сотню дворов не меньше 108. Кроме того, на каждые 100 тяглых дворов здесь было 15 дворов господских, 13 людских и 16 бобыльских, а всего для подсчетов населения — не менее 152 семей. Селения стали крупнее, чем в первую половину века, по четыре-пять дворов вместо обычной деревни «в два двора». Но зато на каждую сотню уцелевших селений 75 совсем опустели. Да и в оставшихся селениях на каждые 100 «живущих» крестьянских дворов учтено свыше 42 пустых дворов и дворовых мест. И вместо полного тягла от 5 до 8 десятин в поле — в зависимости от качества земли — на каждый двор осталось уже менее 3,5 десятины, т. е. в среднем до 54% полной выти и в общем не свыше 35% всей земли под пашней, а стало быть, за какие-нибудь полвека запустело под перелогом и заросло лесом более половины всей бывшей пашни. Спрашивается, куда же начисто вымело все крестьянское население всех этих опустевших селений, дворов и пашен?

[1] «Писцовые книги Московского государства», ч. I, отд. II, стр. 40—140. Кроме того. здесь учтено 288 дворов помещичьих, 549 людских и только 13 бобыльских.

Таблица 6

Итоги писцовых книг к концу XVI в.

Уезд	Год описи	Число		Площадь одного поля, дес.				Сена, копен
		селений	дворов	пашня	перелог	лесом поросло	поле дикое	
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Веневский	1572	78	1356	5622	—	206	2762	42710
Московский	1574	276	1490	3670	810	7881	—	16173
Каширский	1578	472	2589	16826	27098	6353	—	168163
Тверской	1581	428	1974	2098	4090	58	—	17451
Тульский	1589	444	1446	8872	14186	3172	—	54534
Костромской	1593	151	874	1976	354	403	—	6169
Дмитровский	1594	164	921	1922	510	2992	—	20391
Владимирский	1594	65	473	825	730	657	—	8682
Вяземский	1595	950	3346	9595	2726	5392	—	33524
Орловский	1595	436	1231	4329	—	—	22027	115123
Прочие	1567—94	831	2718	8031	11658	3104	—	50711
Итого		4295	18448	63766	62162	30218	24789	533621
%		100	430	35,3	34,3	16,6	13,7	—

Судя по убыли живущей пашни, и убыль тяглого населения из феодальных владений была не меньше. И этот беспримерный по своей массовости уход рабочей силы с полей феодализма если и нельзя уподобить великому исходу целого народа из египетского пленения, то все же это была самая грандиозная всеобщая забастовка против феодальной системы эксплуатации и первая отчаянная попытка сбросить с своих плеч ее гнет.

Как известно из других источников, в XVI в. было еще у нас достаточно просторов всем тяглецам разбрестись, в случае нужды, от своих господ во все стороны — и на Дон, и на Волгу бурлачить, и еще дальше на Яик, и в Сибирь. И стало немало уж такой бродячей Руси, промышлявшей наймом, в «казакех», и вне всякого обязательного тягла. Ведь оставался для всех еще и свободный выход из тягла в Юрьев день. Но феодализм был еще силен своей организацией, а протестанты против растущей тяжести тягла уносили из него свои ноги, каждый лишь за себя, в одиночку. Мешали их сплочению и разный быт у феодалов разной мощности, и собственное имущественное расслоение. Те, кто был побогаче скотом и инвентарем, дольше держались за свое тягло, а тех, у кого ничего уж не оставалось, ничто уж и не удерживало на месте. И они разбредались куда глаза глядят.

В сущности говоря, в условиях нищенского уровня урожайности сам-третей мелкое крестьянское хозяйство XVI в. не могло еще быть сколько-нибудь товарным. В этом легко убедиться простейшим расчетом. Располагая даже полной вытью пашни до 6—7 десятин средней земли в каждом поле, в условиях парового трехполья крестьянин за вычетом семян не мог получить за год в своем хозяйстве больше 112 пудов ржи (7 × 16), а ему только для пропитания семьи примерно в 7 душ, считая только по 2 фунта в день, требовалось ее до 126 пудов в год (7 × 2 × 360 : 40). Это в лучшем случае позволяло кое-как, с грехом пополам, свести концы с концами, восполняя недобор хлеба ячменным солодом и овсяными киселями, но не оставляло хлеба для продажи. Крестьянские овсы вообще нельзя считать товарными, ибо они в основном шли на корм скоту. А если еще учесть, что к концу XVI в. на каждый пашенный двор приходилось уже не свыше половины выти «середней пашни», т. е. всего до 3,5 десятины в поле, то и

ржи за вычетом семян крестьянин собирал со своего надела не более 56 пудов (3,5×16). И при большой семье ему не только на продажу, но и на прокорм ее не хватало. А отсюда и явствовало, что и самой продуктовой форме феодальной ренты приходил уже конец[1]. Товарным по-настоящему хлеб мог стать лишь в руках феодалов, с барских запашек. И когда с ростом денежности возрос спрос на хлеб, а все попытки увеличить хлебные оброки с крестьянских запашек приводили лишь к запустению, впервые выяснилась в широких кругах феодалов необходимость расширения своих собственных барских запашек на опустевших нивах. Но для этого прежде всего нужны были крестьянские рабочие руки. И феодалы нашли способ прикрепить их в конце концов накрепко к своей земле.

Правда, это потребовало еще немало времени и острой классовой борьбы. Но уже с самого начала заповедных лет, с запретом свободного выхода крестьян, социальные взаимоотношения в феодальной деревне существенно меняются. Любопытно, что вначале запустевшие пашни феодалы пытались сдавать, хотя бы по дешевке, в аренду, а там, где и арендаторов не хватало, пришлось и эти пашни вместе с господской запашкой обрабатывать трудом тех же крестьян, освобождая их от всех или большей части денежных оброков[2]. Сначала такие нормы отработочной ренты не превышали 2 десятин на выть, т. е. примерно $^1/_5$ доли собственной крестьянской запашки. Но с расширением барских запашек росла и барщина, до тех пор пока обычной нормой повсеместно не стала, как известно, трехдневная барщина. По сравнению с долевой рентой к концу XV в., когда четвертый или даже только пятый сноп урожая считался достаточной нормой всех крестьянских повинностей, трехдневная барщина резко повышала нормы эксплуатации крестьянского труда. Вместо 5 или 6 пудов зерна с каждой десятины, или 30—40% чистого продукта своего труда, теперь крестьянин вынужден был отдать совершенно бесплатно уже не менее 50% своего тяжкого труда. И норма его эксплуатации (m : v) повышалась от 40—60 до 100%.

А главное, эта эксплуатация становилась не только все тяжелее, но и все обнаженнее, непригляднее и наглее. Если раньше феодальная зависимость имела хоть какое-то экономическое оправдание: «Ссудные записи во крестьянство» — возникали из займа, в них вплоть до XVII в., применялась по традиции формула «порядилися мы жити», т. е. признавалось все же, хотя бы на словах, договорное происхождение принятых на себя крестьянами обязательств, то с формальным их прикреплением к земле отпала и эта видимость. Осталось лишь до очевидности голое принуждение. И в борьбе с ним не только умножилось число пассивных крестьянских побегов, врассыпную, но получили начало и новые формы самых активных коллективных выступлений крепостного крестьянства, из которых наиболее известны крестьянские восстания под знаменами Болотникова, Разина, Пугачева. Такие коллективные бои и волнения против феодального строя, в сущности говоря, не прекращались уже вплоть до самой его ликвидации.

---

[1] В общем итоге продуктовая рента, господствуя с IX до конца XV в., за 6 веков возросла ценою от одной белки в 2 деньги до 63 денег на выть — в 30 с лишним раз. С развитием денежных форм ренты она только за один век, с 1480-х годов, поднялась в денежном выражении с 36 до 4 руб. 50 коп., раз в 12. Но своего предела — стопроцентной нормы эксплуатации — она достигает лишь в прямых формах изъятия трудом с конца XVI в., поднимаясь до своего апогея в трехдневной барщине и не превышая уже этой нормы за весь остальной период феодализма.

[2] См., например, в описи Дмитровского уезда 1593 г.: «...а за денежные за всякие доходы пашут крестьяне на монастырь десятины» ... «да пашниж наемные 20 четьи..., а пахали ту пустую землю теж троицкие крестьяне, а найму взято 4 гривны», т. е. по 4 коп. за десятину. Но чаще всего пустая земля сдавалась крестьянам в аренду по цене не свыше 10 коп. за десятину («Писцовые книги Московского государства», ч. I, отд. I, стр. 733—734, 773—776).

Но первые из них отмечены еще в конце XVI в. Напомним хотя бы столь своеобразную для того времени забастовку крестьян Волоколамского монастыря, которые еще в 1594 г. «монастырских дел никаких не почали делати: хлеба молотити и в монастырь возити, и солодов растити, и даней монастырских давати». Много шире, очевидно, были те волнения еще до 1601 г., которые вынудили царя Бориса, «видя в народе волнение велие... и убийства смертные, и разбои многие», свободу крестьянских переходов хотя бы на время восстановить [1].

Тем не менее феодализм вступил в новую, крепостную фазу своего развития, и как будто даже укрепились его устои. Крестьянское хозяйство ведь стало еще более натуральным. Все менее посильные ему денежные платежи сокращались, заменяясь растущей отработочной рентой. Но наряду с этим возрастали размеры и товарность господских запашек. И этот рост товарности по-прежнему подрывал устои феодализма. А между тем уровень его производительных сил в связи с расширением барщины терпел несомненный ущерб. С ее ростом одновременно истощались и ресурсы крестьянского хозяйства, а вместе с тем она же во все больших масштабах понижала производительность принудительного крестьянского труда из-под палки во всех использующих ее господских хозяйствах.

И это означало, что феодализм вступает здесь уже в *нисходящую* фазу своего развития.

1965 г.

---

[1] Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, кн. 2. Изд. 2. М., 1954, стр. 317—318.

IV. О ЗАЧАТКАХ КАПИТАЛИЗМА В РОССИИ XVI—XVII вв.[1]

Вопрос о генезисе капитализма в России имеет уже свою историю. Народники еще в конце прошлого века оспаривали не только наличие, но даже самую возможность капиталистического развития России. Важнейшим аргументом народников в защиту такой концепции было их ничем не обоснованное утверждение об отсутствии в отсталой России внутреннего рынка, достаточного для развития капитализма в условиях, когда внешние рынки уже прочно завоеваны передовыми странами капитализма. Именно поэтому В. И. Ленин в своем глубоком исследовании «Развитие капитализма в России» заострил внимание на вопросе, как складывается внутренний рынок для русского капитала, и на конкретном примере капиталистической эволюции пореформенного земледелия в русской деревне показал, как именно капитализм сам создает себе необходимый ему внутренний рынок.

С тех пор у нас уже не спорят на эту тему. Основной факт, что капитализм в России можно считать господствующей в стране формацией уже со времени освобождения крестьян в 1861 г., пользуется у нас общим признанием. Но этим еще не исчерпывается проблема генезиса капитализма на более ранних ступениях его развития. Возникает целый ряд вопросов периодизации экономической истории России в эпоху перехода от феодализма к капитализму.

Перед историками школы М. Н. Покровского не возникали эти вопросы. Дореформенные мануфактуры они именовали «крепостными» и, начисто отрицая их капиталистическую природу, не усматривали и никаких иных зачатков капиталистического уклада, вызревающих еще в недрах доживающего свой век феодализма. Но в такой трактовке истории не было ни грана диалектики. И трактовка эта давно уже забыта. В новейших исторических работах ставятся уже вопросы о капиталистическом укладе в недрах феодализма и о самых ранних его зачатках, а также о том переломном моменте от восходящей к нисходящей стадии феодализма, когда в нем стали зарождаться эти зачатки новой формации. И спорными остаются лишь века и даты, к которым следует отнести те или иные переломные моменты развития.

Так, например, давно уже выяснилось, что еще до освобождения крестьян в России в ней созревали не только отдельные капиталистические мануфактуры, так как здесь еще до реформы была подготовлена целая промышленная революция на путях от мануфактуры к фабрике в решающих отраслях индустриального труда. Правда, и по этому поводу возникали споры о сроках. Некоторые историки вслед за В. К. Яцунским пытались ослабить значение указанного факта тем, что, по их мнению, лишь начало промышленного переворота в России нужно отнести к дореформенной эпохе, тогда как завершение его они относят уж к 1870-м годам, если не позже. Однако по такому поводу едва ли стоит ломать копья. Вполне понятно, что промышленный переворот в любой стране своим первым взлетом открывает лишь начало, а не завершение новой эры машинной индустрии. Подоб-

[1] «Вопросы истории», 1961, № 9.

но этому и Великая Октябрьская социалистическая революция в нашей стране не потому именуется Октябрьской, что в этом именно месяце 1917 г. она завершила свои задачи, а потому, что уже с этой даты ею открывается новая эра решающих побед социализма.

Не спорят у нас историки уже давненько и о том, что в области крупной мануфактурной промышленности капиталистический уклад сложился в России не позже XVIII в., хотя одни из них датируют его второй, а другие первой половиной этого века. Для екатерининской эпохи в пользу такого решения свидетельствуют успехи легкой, в особенности бумаготкацкой мануфактуры, а для петровской — еще более крупный скачок в развитии доменных заводов, благодаря которому Россия по производству железа уже в первой половине XVIII в., обогнав капиталистическую Англию, вышла на первое место в мире. Казалось бы, и здесь спорить не о чем. Ведь Петровская эпоха с ее мировыми успехами в области черной металлургии предшествовала Екатерининской. Однако здесь возможен такой формальный отвод. Петровские доменные заводы были крупнее и производительнее, чем в Англии, но на них применялся не только свободный труд. А там, где применяются и посессионные и крепостные кадры рабочей силы, можно ли ставить вопрос о капиталистическом укладе?

На этот вопрос давались различные ответы. Одни историки, ссылаясь на К. Маркса, утверждали, что «капиталистическая форма кооперации с самого начала предполагает свободного наемного рабочего, продающего свою рабочую силу капиталу», и потому решительно отказывались признать за вотчинной или посессионной мануфактурой капиталистическую форму производства. Другие, опять же ссылаясь на К. Маркса, напоминали, что «мануфактурное разделение труда есть совершенно специфическое создание капиталистического способа производства», что такое разделение труда на той исторической основе, на которой оно возникает, может развиваться только в капиталистической форме [1], и отсюда делали обратный вывод, что даже за вотчинной мануфактурой нельзя отрицать явственных черт капиталистического способа производства. Наконец, нашлось место и для третьей точки зрения. Она пытается «диалектически» примирить взаимно исключающие друг друга решения первых двух, утверждая, что по характеру производительных сил посессионные и вотчинные мануфактуры с их новым типом разделения труда принадлежат капиталистическому способу производства, но, поскольку труд рабочего в них не стал еще товаром, производственные отношения в основном остаются здесь еще по существу феодальными [2].

Такое соломоново решение, отдавая «всем сестрам по серьгам», казалось бы, способно примирить самые противоположные точки зрения. Почему же, однако, столь тонкий диалектик, как К. Маркс, никогда не склонялся к такому половинчатому решению этого вопроса, нигде в мире не усматривал крепостных или феодальных мануфактур и категорически любые из них рассматривал как создание капиталистического способа производства и только в капиталистической форме их развития? А вот академик М. В. Нечкина, даже воздавая честь характеру производительных сил дореформенных мануфактур, не сомневается «в феодальном характере производственных отношений на мануфактуре, применявшей феодально-зависимый труд». И для нее эти отношения не только «феодальная оболочка». Она признает их «феодальными по существу» [3]. Здесь уж концепция М. В. Нечкиной явно расходится с определением К. Маркса. Но, может быть, К. Маркс, изучая развитие капитализма в свободной Англии, попросту чего-то недосмотрел в крепостной России, и М. В. Нечкина права в этом споре?

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 346, 372.
[2] М. В. Нечкина. Указ. соч., стр. 98.
[3] Там же, стр. 98, 102.

Для решения этого вопроса посмотрим прежде всего, в чем именно заключается существо феодальных производственных отношений. Как известно, важнейшим их отличием от капиталистических является господство мелкого натурального хозяйства, в котором собственность на средства производства сохраняется еще за непосредственными производителями, а эксплуатация труда в форме изъятий феодальной земельной ренты осуществляется методом внеэкономического принуждения. Вместе с тем для натурального хозяйства феодалов в основном типичны простое воспроизводство и потребительское использование его плодов, в то время как капиталистическая эксплуатация труда носит всегда приобретательский характер и ставит своей задачей расширенное воспроизводство товарного продукта и капитала. В связи с этим важнейшим признаком начавшегося разложения феодальных отношений на нисходящей стадии их развития было бы неправильно считать появление первых мануфактур с наемным или подневольным трудом. Это разложение начинается еще раньше, уже в основном земледельческом хозяйстве феодалов в меру расширения его товарности.

Говоря о «существенных признаках капитализма», В. И. Ленин в споре с народниками еще в 1895 г. указывал, что первым из них является товарное производство, когда оно становится общей, а не единичной или случайной формой производства. И лишь вторым признаком капитализма он назвал «принятие товарной формы не только продуктом труда, но и самим трудом, т. е. рабочей силой человека» [1]. Второй признак, разумеется, следовал за первым, как дальнейшее следствие ликвидации натуральных производственных отношений феодального хозяйства. Таким образом, разложение феодализма — это процесс, непосредственно связанный с внедрением в него товарно-денежных отношений и приобретательских форм хозяйства не только в таких новообразованиях, как крупная мануфактурная промышленность, но и в самых глубинных недрах феодального земледелия.

Спрашивается, к какому же времени можно отнести существенные сдвиги в этом процессе и определить переломный момент от восходящей к нисходящей стадии феодализма и начальным шагам капиталистического развития в России?

К сожалению, до сих пор выполнено еще очень немного исследований товарного хозяйства и внутреннего рынка феодальной России. Гораздо больше интереса проявили советские историки (Б. Б. Кафенгауз, Е. И. Заозерская, Н. В. Устюгов, Н. И. Павленко и др.) к начальной истории русской мануфактуры XVII—XVIII вв. Известное указание В. И. Ленина о новом периоде русской истории примерно с XVII в., который характеризуется ростом товарного обращения и концентрацией местных рынков в единый всероссийский рынок [2], в новейшей работе о всероссийском рынке XVII в. раскрывается уже на широкой базе ряда конкретных исследований. И в итоге своей очень содержательной сводки А. А. Преображенский и Ю. А. Тихонов находят, что «нет оснований рассматривать XVII в. как период роста лишь простого товарного производства, приурочивая начало его превращения в капиталистическое только к XVIII в.». По их мнению, «зародыши новых, капиталистических отношений не только в сфере обращения, но и в сфере производства» можно датировать уже XVII в. И они заключают: «С XVII столетия товарное хозяйство начинало постепенно превращаться в капиталистическое» [3].

---

[1] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 458.

[2] См. там же, стр. 154.

[3] А. А. Преображенский, Ю. А. Тихонов. Итоги изучения начального этапа складывания всероссийского рынка (XVII в.) — «Вопросы истории», 1961, № 4, стр. 95, 109.

Однако, если говорить о зародышах капитализма, то их можно усмотреть и раньше XVII в. Напомним, что Б. Д. Греков «зачаточные формы товарного производства и денежных отношений» находил еще в конце XV и первой половине XVI века[1]. М. В. Нечкина, первая поставившая в своей интересной статье вопрос о восходящей и нисходящей стадиях феодализма, не уточняя особо момента этого перелома, период с конца XVI в. в России относила уже к нисходящей стадии феодализма. Но все эти датировки еще не подкреплены убедительными конкретно-историческими фактами и цифрами. И потому наряду с ними другие исследователи относят начало той же нисходящей стадии феодализма к гораздо более поздним срокам — не ранее второй половины XVIII в. или даже ко второй четверти XIX столетия[2].

При таких расхождениях по столь существенному вопросу особый интерес приобретает книга смоленского историка Д. П. Маковского о товарно-денежных отношениях в сельском хозяйстве России XVI в.[3] Насыщенная конкретными фактами и цифрами, она вносит немало нового в решение спорной проблемы генезиса капитализма в России. Новым в этой книге является уже то, что в центре внимания автора оказываются не ранние формы русской мануфактуры, а само феодальное сельское хозяйство XV—XVI вв. в процессе его подъема и деградации в связи с ростом товарно-денежных отношений. Ново и то, что первый скачок в их развитии Д. П. Маковский относит не к XVII в. с его всероссийским рынком, а уже к началу XVI в. и смело утверждает, что в связи с насаждением барщины и сокращением денежных оброков, вызвавшими тяжелый аграрный кризис XVI в. в Русском государстве, «в конце XVI и в начале XVII в. имело место значительное сокращение рынков и товарного производства...»[4]. Но если это верно, если товарное производство до кризиса XVI в. было даже шире, чем в XVII в., то, значит, и переломный поворот к капитализму следует искать значительно раньше, чем его находит большинство историков.

Чем же это подтверждается?

Д. П. Маковский, между прочим, ссылается и на свидетельства иностранцев, побывавших в тогдашней России. Они еще в XV—XVI вв. отмечали здесь наличие таких же крупных городов, как Париж, Рим и Флоренция на Западе, а Москва, по Ченслеру, была даже много больше Лондона. Вместе с тем еще в начале XVI в. Альберт Кампензе писал Римскому папе, что «Московия весьма богата монетою... ибо ежегодно привозится туда со всех концов Европы множество денег за товары, не имеющие для московитян почти никакой ценности, но стоящие весьма дорого в наших краях»[5]. Очевидно, большие города России уже широко торговали не только внутри страны, где, по сообщению Ченслера, в зимнее время обозы шли в Москву из отдаленных мест, отстоящих на 1000 миль, но и за ее рубежами. Масштабы этой торговли были очень велики. Например, смоленские купцы закупали огромные партии хлеба на суммы 841, 2 250, 2 968 руб.[6] При ценах начала XVI в. на рожь не свыше 1 коп. за пуд за 1000 руб. можно было купить 100 тыс. пудов хлеба в зерне.

Крупно торговали в Москве и с заграницей. Только царский двор покупал у иностранцев товаров на многие десятки и сотни тысяч флори-

---

[1] Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси.— М.— Л., 1946, стр. 674.

[2] А. М. Сахаров. К вопросу о двух стадиях развития феодальной формации в России.— «Вопросы истории», 1959, № 1, стр. 107; Ф. Я. Полянский. Первоначальное накопление капитала в России. М., 1958, стр. 24.

[3] Д. П. Маковский. Развитие товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве Русского государства в XVI веке. Смоленск, 1960.

[4] Там же, стр. 14.

[5] Там же, стр. 32.

[6] Там же, стр. 172.

нов. Этот двор покупал и продавал самые разнообразные товары, даже солому и мякину. Особой страстью к стяжательству и накоплению, по свидетельству иноземцев, отличался сам царь Иван IV, прозванный Грозным. Этот царь «был самым главным богатым, энергичным и предприимчивым купцом и промышленником» [1]. Но к середине XVI в. известны уже и сотни других гостей и купцов, владевших, по оценке Д. П. Маковского, «крупными капиталами». Они сбывали свои товары за границу не только на наличные, но и в кредит. В частности, московские купцы «суконного ряда» Савва Емельянов, Бажен Иванов и Тараканов кредитовали английскую компанию на 3 555 руб. (свыше 300 тыс. руб. золотом), а смоленскому купцу Афанасию Юдину английские купцы Уильям Фомик и Антон Марш задолжали к 1589 г. еще большую по тому времени сумму, в 6 200 руб. (свыше 450 тыс. руб. золотом по ценам конца XIX в.) [2]. Торговала Москва не только с Западом. В 1534 и 1563 гг. в Москву наезжало с огромными табунами лошадей свыше тысячи восточных купцов, в 1570 г. в Москву с польскими послами приехало 645 литовско-польских купцов [3]. Не менее широко развертывалась и внутренняя торговля.

Все такие факты нельзя считать единичными или случайными для данной эпохи. Знаменуя собой рост товарно-денежных отношений и начальную стадию разложения феодализма в России, они вполне гармонируют с аналогичными процессами в Западной Европе. Не случайна, в частности, и та экономическая политика в области обращения, которую проводил уже первый «царь всея Руси», предприимчивый «купец» и великий стяжатель Иван Грозный (1547—1584 гг.). Мы имеем в виду его запрет вывоза монетных драгоценных металлов за границу и ту практику, по которой он ревниво отбирал их даже у своих послов, возвращающихся не с пустыми руками на родину. Обычно в качестве первых русских меркантилистов называют Ордина-Нащокина, Юрия Крижанича и Ив. Посошкова. Иногда к ним относят и Петра Великого. Но все это деятели XVII—XVIII вв. Первым представителем раннего меркантилизма на практике уже в XVI в., несомненно, следует признать Ивана IV. А меркантилизм, как известно, является политикой ряда феодальных государств в период возникновения капиталистического производства, проводившейся в интересах торгового капитала.

Последним толчком в развитии товарно-денежных отношений и в России и на Западе послужил тот весьма обильный прилив из американских колоний награбленного там, а потому и весьма дешевого, монетного металла, который обусловил собою в XVI в. целую «революцию цен» в Европе. Как известно, этот прилив денег оказал то же воздействие и на русские рынки. Денег поступало сюда даже больше, чем требовал внутренний оборот феодального хозяйства, и часть их за отсутствием сберегательных касс припрятывалась в земле в виде денежных кладов. В одном лишь Смоленске, по свидетельству Д. П. Маковского, уже обнаружено около 10 крупных кладов серебряных монет XVI в., из которых только в одном, найденном у подножия Соборного холма, было зарыто на глубине полутора метров до 10 тыс. таких монет [4]. Об относительном избытке денег свидетельствует и небывалый рост сельскохозяйственных цен — в 2—3 раза и выше за одно столетие. Вместе с ними росло и разложение натуральных устоев феодальной деревни.

Из анализа писцовых книг XV—XVI вв. видно, что еще в 1478—1480 гг. по «старому письму» на Руси явно преобладала натуральная форма феодальной ренты: оброк продуктами или долей урожая по Деревской пятине составлял 60% случаев; смешанный, натурой и деньгами,—

[1] Д. П. Маковский. Указ. соч., стр. 33, 180.
[2] Там же, стр. 20, 33, 172.
[3] Там же, стр. 33.
[4] Там же, стр. 172.

30% и чисто денежный — только 10%. И ни одного случая барщины или отработочной ренты в полеводстве не знает ни «старое», ни «новое письмо» к 1500 г. в этой пятине. Размер полевых барских запашек был невелик, в среднем по 3,2 обжи на каждого, а в общем итоге на всех не более 9% всей «живущей» пашни, и обычно обрабатывали их помещики «своими людьми», т. е. холопами (до 71%) или «сами пахали» (не менее 10%), а остальные земли обрабатывались либо «своеземцами» безоброчно, либо крестьянами за оброк, деньгами или натурою. Но с приливом денег и ростом цен все большее число крестьянских платежей переводилось на деньги и возрастало, опережая самый высокий рост цен. И если цены на скот и хлеб в зерне поднялись к 1570-м годам с начала века от 2 до 4 раз, то государственные налоги возросли с 28 до 150 руб. за соху в 800 четей, т. е. в 5 с лишним раз, а денежная рента феодалов — с 2 гривен до 2 руб. с обжи в 10 четей, или в 10 раз [1]!

К этому надо добавить, что натуральные повинности все шире замещались при этом денежной рентой. И уже в начале 50-х годов XVI в. почти все натуральные повинности были переведены на деньги [2]. В результате этого процесса все большее число крестьян вынуждено было в уплату возраставших денежных платежей продавать скупщикам все большую долю своей продукции. Одновременно росли и товарность сельского хозяйства и... разорение мелкого крестьянства. И на Западе, как было отмечено уже К. Марксом, замена натуральной ренты денежной вела к разорению мелких крестьян [3]. Разорялись они и в России. И современник царя Ивана IV публицист Ермолай Эразм прямо указывал на гибель крестьян «от сребра», т. е. от денег, и требовал, запретив брать с них деньги, взимать от «трудов их» оброк натурой. Но ничто уже не могло повернуть назад колесо истории.

Конечно, денежное хозяйство в деревне, разоряя мелкое крестьянство, кое-кого и обогащало в ней. И наряду с разоренными задворниками, захребетниками и бобылями, вынужденными «наймоваться», Судебник 1589 г. знает и такую фигуру, как «добрый крестьянин», который и сам имел захребетников или «бобылей во дворе» [4]. Расслоение русской деревни XVI в. достигало уже весьма значительной степени. И в актах этого века стало уже обычным делением сельского населения на такие категории: «лучшие или добрые крестьяне, середние, молодчие и бобыли». Разоряемые крестьяне разбегались, бросая свои запустевшие дворы и пашни. Конечно, этот процесс разорения и обезземеливания крестьянства лишь усиливал его социальное расслоение. И к концу века мы находим, по данным Д. П. Маковского, такую меру этого расслоения.

По писцовой книге 1608 г. в Яренском уезде с преобладанием менее пострадавшего черносошного крестьянства насчитывалось: лучших дворов — 36, средних — 298, молодших — 1 682, бобыльских — 180 и 435 вовсе пустых дворов полностью разоренных и разбежавшихся землеробов [5]. Бобыли не пахали. Таким образом, на 2 631 дворовое место 615 бывших земледельцев, т. е. свыше 23%, уже выбыли здесь из их числа. А в других районах, с преобладанием дворянского землевладения, эта норма крестьянского разорения и обезземеливания была гораздо выше. Так, в 10 станах Вяземского уезда Д. П. Маковский насчитал к 1595 г. «живущих дворов», включая бобыльские, 3 717 и 1 233 пустых (25%). А по земле запустело при этом под перелогом и лесом 41 296 четей, или

[1] Д. П. Маковский. Указ. соч., стр. 72, 82, 83—86.
[2] Н. Рожков. Исторические и социологические очерки, ч. I. М., 1906, стр. 59.
[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. II, стр. 361.
[4] Ст. 52 Судебника 1589 г. гласит: «... а доброму крестьянину, который торгует, или деньги и рожь взаймы дает, или в волости его назовут добрым человеком, безчестия ему три рубля, а жене его вдвое». Ст. 58 Судебника 1550 г. уравнивала в этом отношении «добрых крестьян» с «детьми боярскими».
[5] Д. П. Маковский. Указ. соч., стр. 153.

58,6% всего земельного фонда. В новгородских пятинах эта «пустота» даже в среднем превышала 60%, поднимаясь в Шелонской пятине до 84%. В районе Пскова, под залежью, она достигала, по данным Н. Рожкова, 92%, в Московском уезде — от 76 до 95%, причем наибольшее запустение — до 100% — обнаружилось в деревнях наиболее мелких помещиков [1].

Разорялось в XVI в. и население мелких городов и рядков, тесно связанных с сельским хозяйством. В 17 рядках с 1495 по 1546 г. из 724 дворов убыл 191 двор, или 26%. Но за вторую половину XVI в. этот процент убыли резко возрастает. Например, в рядках Боровичи, Волочек и Белый с 1546 по 1583 г.— всего за 37 лет — число дворов убыло с 158 до 33, на 79%, а в начале XVII в. разорение городов достигает своего максимума [2].

Помещики «разгоняли и грабили» крестьян, разоряя их мелкое хозяйство. Классовая борьба обострялась. И массовая утечка рабочей силы из феодальных поместий стала новым грозным оружием крестьян в этой борьбе. А между тем с ростом хлебных цен становилось все выгоднее товарное земледелие, производство зерна на рынок. И оно стало принимать все более приобретательский характер. Во владениях всех феодалов возрастают барские запашки и сокращаются крестьянские наделы. Обычной нормой такого надела на двор до аграрного кризиса в XVI в. была «выть», площадью от 10 до 16 четей пашни в одном поле, т. е. от 15 до 24 десятин — в зависимости от качества земли — во всех трех полях. Но вот по писцовым книгам Вяземского уезда к 1595 г., средний надел крестьян не превышал уже 6,9 чети на двор, с колебанием в разных поместьях от 1—3 до 10 и выше четей в одном поле. А в вотчинах Троице-Сергиевского монастыря, в подмосковном центре, только с 1562 по 1593 г. средний крестьянский надел сократился с 9 до 4,5 чети на двор, т. е. ровно вдвое [3]. Таким образом, если учесть, что в ряде районов этого центра до 60% пашни было вовсе заброшено и запустело, а из остальной пашни до 50% убыло у крестьян в результате сокращения феодалами их наделов, то получим и общую меру обезземеления русского крестьянства в таких районах — до 80% их общего земельного фонда.

В свете таких фактов невольно напрашивается аналогия между аграрным кризисом XVI в. в России и той «земледельческой революцией» в Англии, которая и там возникла в связи с «революцией цен», разоряя сельское хозяйство и открывая собою методами первоначального накопления новую эру общественного хозяйства. Как известно, в Англии эта революция, или, точнее, «пролог переворота, создавшего основу капиталистического способа производства, разыгрался в последнюю треть XV и первые десятилетия XVI столетия» [4]. Она началась с того, что «земельные ренты очень возросли, а обработка пашни (tillage) пришла в большой упадок». По требованию рынка здесь пашню стало выгоднее обращать в пастбища. И мелких крестьян феодалы стали безжалостно изгонять с пашни, огораживая и экспроприируя брошенные ими общинные земли. И вот если еще на протяжении большей части XV в. 1 акр пастбищ приходился на 2, 3 и даже 4 акра пашни, то в середине XVI в. уже 2 акра пастбищ стали приходиться на 2, позднее на 1 акр пашни и, наконец, 3 акра пастбища — на 1 акр пашни [5].

Правда, английские пастбища были сразу же заняты многочисленными стадами овец и баранов, а московские монастырские стяжатели

---

[1] Д. П. Маковский. Указ. соч., стр. 71.
[2] Там же, стр. 120, 164, 202—208.
[3] Там же, стр. 73, 74.
[4] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 729—730.
[5] Там же, стр. 739.

и прочие феодалы не могли, разумеется, сами заменить собою этих баранов на обретенных ими огромных залежах и перелогах, но масштабы экспроприации мелкого крестьянства в интересах товарно-денежного сельского хозяйства были, по-видимому, и там и здесь одного порядка. Нужно еще учесть, что трехпольное паровое хозяйство было вершиной достижений феодального земледелия. Дофеодальные системы мотыжного и подсечно-переложного земледелия соответствовали значительно более низкому уровню производительных сил. А в XVI в. к снижению его, несомненно, толкал и такой «переворот», как массовое вытеснение пашни из феодального трехполья за счет пастбищ и перелогов. Значит, в нисходящую стадию постепенного разложения феодализма Россия вступила и по этому признаку не позже XVI в. Но и в Англии «земледельческая революция» как пролог поворота в сторону капитализма датируется временем не позже XV—XVI вв.

Почему же этот переломный момент остается еще столь спорным для многих советских историков? Конечно, они ссылаются на крепостное право, которое у нас расцвело уже после этого перелома и продержалось, даже укрепляясь в XVIII в., вплоть до реформы 1861 г. Этот факт так называемого второго издания крепостничества в ряде стран восточнее Эльбы, после того как в первом своем издании, на Западе, оно уже было ликвидировано, представляет собою существенное своеобразие стран Востока. Однако он никак не может отменить или изменить датировку начального момента нисходящей стадии феодализма. Замедляется здесь лишь самый процесс его разложения. К тому же на Руси после резкого расширения денежной ренты в сельском хозяйстве XVI в. действительно получили свое начало и заметные зачатки отработочной ренты, но они не идут ни в какое сравнение с отработочной рентой в первом ее «издании» раннего средневековья на Западе. Дело в том, что на заре феодализма в натуральном хозяйстве феодала отработки сервов служили в основном лишь потребительским нуждам сеньора и его двора, а даровой труд крестьянина на барской запашке помещиков XVI—XVII вв., в условиях товарного производства, служит уже чисто предпринимательским интересам феодалов, обуреваемых неутолимой жаждой прибавочного труда [1].

Говоря иначе, это еще феодализм, но, как говорят, и «Федот, да не тот». Если ранний феодализм Запада, поднимаясь от наиболее отсталых своих форм отработочной ренты, шел еще по восходящей линии к все более прогрессивным формам продуктовой ренты и денежного оброка, то поздний феодализм «за Эльбой» на своих путях от денежных оброков к барщине и полному закрепощению крестьянской рабочей силы, несомненно, снижал уровень производительности такого подневольного труда землеробов и тем самым обретался уже на нисходящей линии своего развития. И нам следует лишь установить важнейшие даты этого процесса в Русском государстве.

В этом отношении весьма показательно, что еще в 1571 г., по обыскной книге Вотской пятины, из 179 деревень только в одной практиковались отработки: за пользование 1 обжей пашни (10 десятин посева) крестьяне должны были обработать помещику 2 чети (1 десятину) и накосить 15 копен сена (0,5 десятины луга). А денежный оброк за обжу они платили 1—2 руб. В 19 других деревнях тоже применялись раньше мелкие работы, но были уже заменены деньгами с такими примерно расценками: «за дело и за мелкий доход» — 2 или 3 алтына, т. е. не свыше 5—6% денежного оброка с обжи. Однако с заповедных лет (1581 г. и сл.), после закрепощения крестьян, барщина начинает быстро расти. Правда.

[1] Ср. С. Д. Сказкин. Основные проблемы так называемого «второго издания крепостничества» в Средней и Восточной Европе.— «Вопросы истории», 1958, № 2, стр. 102—105.

в монастырях еще в 1590-х годах господствовала денежная рента, и попытка волоколамских мнихов заменить с 1591 г. денежный оброк «издельем» из 3-го и 4-го снопов, встретив сопротивление крестьян, не увенчалась успехом. Но к концу века в ряде мест и во многих владениях барщина становится уже господствующей[1]. А в первой половине XVII в. крепостное право получает наконец и свое законодательное завершение в Уложении 1649 г. по всей стране.

И тем не менее даже в XVII в., несмотря на столь полное закрепощение, наряду с дворянскими поместьями оказалось немало и черносошных волостей, а в дворянских деревнях наряду с барщинными — и оброчные крестьянские хозяйства, а главное, уже был налицо и охватывающий все эти хозяйства «буржуазными связями» всероссийский товарно-денежный рынок. Однако если учесть и разорительный аграрный кризис конца XVI в., включая огромное сокращение жилой пашни и массовый уход людей из деревни, а также разорение посадского населения многих городов начала XVII в. и общее тормозящее действие закрепощения крестьян к 1649 г. на товарное производство, то окажется вполне правдоподобным и тот вывод Д. П. Маковского, по которому в конце XVI и начале XVII в. имело место значительное сокращение рынков. Кстати сказать, мы могли бы подкрепить этот его тезис и некоторыми прямыми подсчетами.

Англичанин Флетчер, побывавший в Москве в 1588 г., сообщает такие сведения о русских финансах. Приходный бюджет Русского государства «одними деньгами» он определяет в 1 430 тыс. руб. «чистого дохода», отмечая, что в эту сумму не входят дворцовые расходы — до 230 тыс. руб. в год — и постоянное жалованье войску в мирном его составе (96 300 чел.) — ежегодно до 250 тыс. руб., «которые удовлетворяются другими способами», т. е. за счет сборов хлебом и припасами, сибирской пушниной и прочими доходами натурой[2]. Таким образом, весь бюджет 80-х годов XVI в. достигал деньгами и натурой 1 910 тыс. руб., из которых на долю денежного обложения падает до 75%. С этими цифрами можно сопоставить некоторые итоги XVII в. В государственном бюджете 1680 г. чистый доход деньгами — без оборотных поступлений и остатков прошлых лет — составил всего 1 530 667 руб.[3] К этому следует добавить доходы натурой: хлебом до 606 тыс. четей примерно на 303 тыс. руб. и соболиной казной по Сибирскому приказу на 102 тыс. руб., а всего — на 405 тыс. руб.[4] Таким образом, общий доход 1680 г. достигал 1 935 тыс. руб.

Для полной сопоставимости сравниваемых итогов следует еще учесть порчу и обесценение денег, а также рост населения в стране с 1580-х до 1680 г. Дело в том, что за указанное время, во-первых, из одного фунта серебра стали чеканить вместо 6 уже не менее 8 руб. 64 коп. серебром, а по ценам хлеба покупательная сила рубля снизилась еще заметнее. Сопоставляя их с ценами 1882 г., В. О. Ключевский, Н. А. Рожков, а вслед за ними Д. П. Маковский оценивают рубль второй половины XVI в. в 25 руб. Но с учетом и других товаров 1 руб. 1580-х годов по ценам 1913 г. стоил не менее 29,2 руб. золотом, а примерно через 100 лет он стоил уже не свыше 15,5 золотого руб. по тем же ценам 1913 г., т. е. почти вдвое дешевле. А во-вторых, и податное население страны за те же 100 лет, по имеющимся приблизительным расчетам, возросло с 580 до

---

[1] Д. П. Маковский. Указ. соч., стр. 84, 127.

[2] Размеров дворцового расхода Флетчер не указывает, но едва ли он был меньше тех «остатков» дохода дворцового хозяйства (230 тыс. руб.), которые передавались из дворцового приказа в другие (Д. Флетчер. О государстве Русском. СПб., 1906, стр. 59—60, 79—81).

[3] П. Милюков. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905, стр. 76.

[4] Там же, стр. 120, 560.

787 тыс. дворов, т. е. по меньшей мере на 36% [1]. С учетом этих обстоятельств получаем следующую картину доходов Московского государства:

	1580-е годы	1680 г.
I. Доходы, тыс. руб.		
по номиналу	1 910	1 935
в валюте 1913 г.	55 700	30 000
в %	100	54
II. Податное население		
тыс. дворов	580	787
%	100	136
III. Доходы на тыс. податных дворов		
тыс. руб. 1913 г.	96	38
%	100	40

Следовательно, тяглецам XVI в. приходилось добывать в своем хозяйстве денег для уплаты одних лишь государственных налогов в 2,5 раза больше, чем 100 лет спустя, в XVII в. Правда, не все эти суммы извлекались непосредственно прямыми налогами из крестьянского хозяйства. Изрядную долю государственных доходов составляли и косвенные налоги, а в их числе торговые пошлины и кабацкие доходы, доход от монетной операции и некоторые другие, извлекаемые из всех категорий городского и сельского населения. На долю прямых налогов и оброков (кроме хлеба) падало в бюджете 1680 г. 640 тыс. руб. из общего итога денежных поступлений в 1 531 тыс. руб. (42%), стало быть, на поземельные платежи из расчета на один податной двор по ценам XVII в. это составит около 80 коп., а в валюте 1913 г.— не менее 12 руб. 50 коп. золотом.

В бюджете 1580-х годов поземельные прямые налоги («сошные и подушные») составляли, по Флетчеру, 400 тыс. руб., т. е. всего 28% в общем итоге денежных доходов казны (1 430 тыс. руб.) [2]. Но из расчета на 580 тыс. дворов это составит не больше 69 коп. деньгами на каждый податный двор, а в ценах 1913 г.— до 20 руб. золотом. И, стало быть, денежность крестьянского хозяйства к 1580-м годам по этому признаку была значительно выше, чем 100 лет спустя (20 : 12,5 = 1,6). К платежам в казну нужно еще добавить денежные оброки помещику. В XVII в. с закрепощением крестьян и расширением барщины распространение этих оброков резко сократилось. Но перед аграрным кризисом 1580-х годов они получили самое широкое применение. И, по оценке Н. А. Рожкова, денежные оброки были уже не ниже 1 руб. с обжи в пределах всей Вотской пятины [3]. А в общем итоге с налогами все *денежные* платежи земледельца достигали здесь не менее 2 руб. на выть.

А между тем весь чистый сбор такого хозяйства с посевом в 10 десятин при урожае сам-третей, за вычетом семян, не превышал 10 четвертей ржи и 20 четвертей овса. Значит, в 1580—1584 гг. при ценах в 20 коп. за четь ржи и 10 коп. за четь овса весь этот сбор стоил всего 4 руб. И чтобы только уплатить из него оброк и налоги — 2 руб., нужно было отоварить и сбыть на рынке до 50% всего чистого сбора. Это очень высокая норма товарности крестьянского хозяйства. Она не полностью обеспечивала даже нормальное потребление крестьянской семьи в семь душ, которой по самым скудным нормам на питание людям и корм скоту, считая по 18 пудов на душу, требовалось не менее 126 пудов зерна в год.

---

[1] Прямой учет податного населения с 1646 по 1678 г. по переписям дает его прирост с 703 до 787 тыс. тяглых дворов, т. е. за 32 года на 11,9%. За 100 лет это соответствует приросту на 36%.

[2] Д. Флетчер. Указ. соч., стр. 60.

[3] Н. Рожков. Указ. соч., стр. 60—61. В дворцовых владениях Тверского уезда к 1581 г. они были на выть не ниже 1 руб. 19 коп., а на двор — до 64 коп. (54%).

А к концу века, когда крестьянские наделы сократились примерно вдвое, цены же на рожь упали к 1597 г. до 15 коп. за четь, а по овсу — до 6,5 коп. [1] и за весь чистый сбор такого хозяйства на рынке можно было выручить едва 1 руб. 40 коп., положение стало критическим. Ни уплатить налоги и оброки в 2 руб. из этой суммы, ни прокормиться за счет чистого дефицита не оставалось никакой возможности.

Разоряемые крестьяне могли лишь в этих условиях, распродав свой скудный скарб и рабочий скот и лишившись таким образом последних средств производства, бежать куда глаза глядят от своих наиболее лихих хозяев-стяжателей. А этих последних сама экономическая необходимость заставила отказаться от денежных оброков, которых все равно невозможно было взыскать. И, предоставив своим крестьянам самим кое-как кормиться на своих урезанных наделах, феодалы готовы были уже заменить эти ускользавшие оброки хотя бы отработочной рентой на своих барских запашках. Но для этого надо было еще как-то закабалить и закрепить на своих местах стихийно разбегающихся от господ крестьян. Массовая утечка рабочей силы из феодальных владений грозила полным разорением и самим феодалам, в особенности наиболее мелкопоместным из них. И это толкало их к решительным действиям.

До аграрного кризиса и крестьянского разорения помещики привлекали в свои владения «новоселов» разными льготами и ссудами на обзаведение двором, на посев и другие нужды и таким образом привязывали их к своей земле — до уплаты долга — экономическими узами. Но разоренных до конца землеробов — ни новоселов, ни старожильцев — уже никакими льготами и ссудами или посулами невозможно было удержать на пашне. Появившийся спрос на рабочую силу гнал их к новым источникам средств существования. Вполне понятно, что, спасая свои классовые интересы, феодалы приложили тут все усилия, чтобы по возможности закрепостить у себя уже полностью и вернуть в тягло хотя бы силой царских застав весь этот разбегающийся рабочий люд. И это повлекло к насаждению и усилению крепостных отношений в царской России. Однако страна была очень обширна. И беглецам было куда в ней спасаться, обходя на своих путях все заставы. Возникали не раз и грозные крестьянские восстания, подавить которые феодалам удавалось лишь вооруженной рукой. Тем важнее было всем крепостникам удержать и укреплять столь необходимое им в такой большой стране единодержавие и самодержавие защищавшей их царской власти. И действительно, в таком сочетании крепостное хозяйство под опекой крепнувшей царской власти, надолго притормозив неуклонный рост в нем новых, буржуазных отношений, продержалось у нас еще сотни лет. Но это был уже разлагающийся феодализм.

Огромное расширение барщины с конца XVI в., несомненно, резко сузило товарность крестьянского хозяйства. Но зато, расширяя свои запашки за счет барщинного труда, приобретали все более товарный характер помещичьи экономии. И разложение натурального хозяйства в стране лишь замедлилось, не прекращаясь даже в районах наибольшего закрепощения. К тому же подневольный труд на барщине был малопродуктивным. И помещики не замедлили себе уяснить, что повсюду, где растут промыслы, а в районах малоплодородного земледелия в особенности, барщинный труд крепостных приносит им меньше выгод, чем денежные оброки в тех владениях, где крестьянам вместо барщины предоставляется возможность свободных заработков на местных или отхожих промыслах. А в результате этого, если после закрепощения, к началу XVII в., барщина даже в нечерноземной полосе стала «господствующей формой повинности» [2], то в XVIII в., по четвертой ревизии, эта форма

[1] А. Г. Маньков. Цены и их движение в Русском государстве XVI века. М.—Л., 1951, стр. 38, 107—108.

[2] Д. П. Маковский. Указ. соч., стр. 84.

и в черноземном земледельческом центре, ставшем основным очагом крепостничества, охватывала к 1782 г. не свыше 44% всего крестьянского населения, падая в нечерноземном «промышленном центре» до 27, а на Севере — даже до 4% этого населения. Даже в среднем по всей стране эта доля не превышала 30% [1].

Однако в XVII в. закрепощение деревни означало не только снижение товарности крестьянских хозяйств. Вместе с тем сокращался, по-видимому, и общий товарооборот города и деревни. Об этом до известной степени можно судить по сокращению таможенных пошлин на внутренних рынках и в портах Русского государства к 1680 г. В бюджете 1580-х годов они, по Флетчеру, достигали 340 тыс. руб. В 1680 г. они вместе с кабацкими сборами составили 650 тыс. руб. [2] А за вычетом кабацких сборов, на которые следует отнести не менее 60% от итога таможенных пошлин [3], эта сумма составит не свыше 407 тыс. руб. (650 : 1,6 = 407). И мы можем привести такое их сопоставление за два века (в тыс. руб.):

	1580-е годы	1680 г.
В текущей валюте	340	407
В ценах 1913 г.	9900	6309
В %	157	100

Торговые пошлины на внутренних таможнях в XVII в. составляли 5% от продажных цен. Значит, товарооборот России по ценам 1913 г. не превышал $6{,}3 \times 20 = 126$ млн. золотых руб., а оборот 1580-х годов по своему объему был примерно на 57% выше. Если же еще учесть рост населения за 100 лет, то падение товарооборота из расчета на душу населения окажется еще значительнее.

Подобные иллюстративные расчеты не претендуют, конечно, на большую точность. Но игнорировать их не приходится. Они подтверждают большие сдвиги в развитии товарности сельского хозяйства России на протяжении XVI в.

Эти сдвиги не могли не оказать своего действия и на все другие стороны жизни страны. В частности, Д. П. Маковский отмечает довольно широкое использование наемного труда на Руси уже в XVI в. Применялся он и в монастырях и даже в крестьянских хозяйствах, на речном транспорте и в строительстве, у купцов и ремесленников, на соляных варницах и других промыслах. В особенности значительное количество наемного труда поглотило в XVI в. крупное церковное и монастырское строительство, а также сооружение больших крепостей. В одном лишь Смоленске на постройке крепостной стены «было занято около 10 тыс. человек». И царский указ повелевал «те все дела делати наймом, а наймовати на те на все дела охочих людей и уговариваться с ними, а наем им давать из государевы царевы великого князя Федора Ивановича всея Руси казны, смотря по делу, отчего что пригоже». Но для той же Смоленской крепости требовалось еще по смете заготовить 32 тыс. куб. сажен бутового камня, 620 тыс. больших белых облицованных камней, 1 млн. возов песку, 320 тыс. свай, 150 тыс. бревен, 500 тыс. досок, 150 млн. штук кирпича, 320 тыс. пудов извести, 320 тыс. пудов полосового железа, 150 тыс. пудов прутового железа, свыше 1 млн. крупных гвоздей [4]. На заготовку этих материалов требовалось еще больше труда.

Возможность получить на одну лишь стройку до 500 тыс. пудов раскованного железа свидетельствует к тому же о весьма широком развитии

[1] С. Г. Струмилин. История черной металлургии в СССР. М., 1954, стр. 272.
[2] Д. Флетчер. Указ. соч., стр. 58; П. Милюков. Указ. соч., стр. 73.
[3] См., например, П. Милюков. Указ. соч., стр. 17.
[4] Д. П. Маковский. Указ. соч., стр. 188—189.

мелкотоварного производства железа уже к концу XVI в. Дело в том, что по нормам кустарной металлургии на каждый пуд железа расходовалось не менее 9—10 человеко-дней труда. А стало быть, на 500 тыс. пудов железа требовалось до 5 млн. человеко-дней, или до 20 тыс. годовых работников. На заготовку кирпича, считая по 10 тыс. штук в лето на работника, нужно еще добавить до 15 тыс. рабочих, на заготовку свай, бревен и досок по нормам XVI—XVII вв.— около 3 тыс. рабочих, да лишь на доставку к месту работы всех этих материалов — свыше 5 млн. возов — потребно было не менее 20 тыс. годовых возчиков. Всего, стало быть, на постройку одной только Смоленской крепости нужно было нанять до 68 тыс. пеших и конных работников. А ведь в XVI в. было построено до 30 крепостей, в том числе в Москве — Кремль и Китай-город, в Архангельске, Казани, Самаре, Саратове, Царицыне, Астрахани, Туле, Воронеже, Курске, Белгороде и других городах. И строились в стране не только десятки церквей и крепостей, но и целые сотни новых больших и малых городов. «Таким образом,— не без основания заключает Д. П. Маковский,— только одно строительство требовало многих сотен тысяч наймитов» [1]. И притом на каждый десяток тысяч строителей требовалось в 5—6 раз больше работников в промышленности и других отраслях хозяйства, на заготовках и транспорте строительных материалов.

Все эти факты, казалось бы, вполне подтверждают, что и рост товарно-денежных отношений, и разложение феодальной базы сельского хозяйства, и массовое появление лишенной всех средств производства рабочей силы на рынке, и немалые капиталы в торговле и промыслах — все эти предпосылки расцвета «буржуазных связей» уже в XVI в. были достаточными, чтобы признать их зачатками новой, капиталистической эры. Нетрудно было бы усмотреть уже в этом веке и переломный момент в развитии феодализма и по меньшей мере «пролог» назревающего переворота общественных отношений. Ведь было уже немало и на селе крестьян-скупщиков, промышлявших и хлебом и деньгами. Закон XVI в. именует этих крестьян «добрыми», но мы знаем, что в народе они зовутся мироедами и живоглотами, а в марксистско-ленинской науке — сельской буржуазией. Возникали уже рассеянные, а кое-где и централизованные мануфактуры. Особенно широко множились железные и соляные промыслы с вольнонаемным трудом. Весьма показательно, кстати сказать, что в Старой Руссе, где уже в XVI в. процветала в крупных масштабах солепромышленность, казна собирала даже больше таможенных пошлин, чем в торговой Москве [2]. И стало быть, промышленный капитал оборачивался здесь в масштабах, не уступающих торговому капиталу столицы.

Чего же здесь не хватает для признания зачатков новых общественных отношений?

М. В. Нечкина не усматривает производственных отношений капитализма на мануфактурах XVII—XVIII вв. с принудительным трудом, ссылаясь на то, что рабочая сила не стала здесь еще товаром. Но ведь она еще в XVI в., до закрепощения крестьян, стала товаром. И никакие последующие победы феодалов не могли изменить этого факта. История, как и время,— необратимый процесс. Феодалы новой формации в так называемом втором российском издании крепостничества смогли организовать у себя кое-где на своих мануфактурах каторжный режим. Впрочем, и в свободной Англии на заре капитализма он был не лучше. Но и феодалы не смогли обойтись на этих мануфактурах без оплаты труда своих рабочих, лишенных средств производства. Не смогли они эксплуатировать их труд и без вложений постоянного и переменного капитала,

[1] Д. П. Маковский. Указ. соч., стр. 190.

[2] 12 тыс. руб. за год в Москве и 18 тыс. руб. в Старой Руссе 1580-х годов. (Д. Флетчер. Указ. соч., стр. 57).

незаметно превращаясь, таким образом, и сами в капиталистов. Но капитал — это уже не деньги, а общественное отношение. И там, где капитал извлекает прибавочную стоимость, там не только создаются новые производительные силы, но и возникают новые, капиталистические производственные отношения, возникают, развиваются и побеждают даже в наименее благоприятной внешней обстановке.

Феодальная оболочка этих отношений способствует, конечно, расхождению мнений об их содержании в среде советских историков. Но каждое новое исследование о генезисе капитализма в нашей стране сокращает объем и глубину таких расхождений. В связи с этим можно лишь приветствовать появление в свет интересной книги Д. П. Маковского и пожелать дальнейших столь же плодотворных исследований в области изучения экономики этого переломного века нашей истории.

* * *

(Публикуется впервые)

Книга Д. П. Маковского, как известно, была встречена критически со стороны некоторых историков. Но он уже успел им ответить в новом расширенном исследовании на эту же тему, которое, на мой взгляд, заслуживает еще большего внимания советских историков и экономистов [1].

Он еще решительнее ставит и своеобразно решает с привлечением широчайшего круга новых фактов большие проблемы нашей истории, обращаясь к самым начальным зачаткам генезиса капитализма в Московском государстве. И если еще недавно их усматривали лишь в расцвете мануфактур Екатерининской эпохи, т. е. не раньше второй половины XVIII в., или в лучшем случае в буржуазных связях всероссийского рынка XVII в., то Д. П. Маковский ищет и находит их еще на целое столетие раньше — в развитии товарно-денежных отношений крестьянского сельского хозяйства Московской Руси.

Наряду с этим он находит, что и «единый всероссийский рынок начал складываться не в XVII, а в XVI в.», отмечая даже «сокращение товарного производства, рынка и товарно-денежных отношений в России в XVII в. по сравнению с XVI в.». Вместе с тем он находит уже в XVI в. и заметные зачатки мануфактур, и достаточно широкое применение наемного труда. «Доля вольнонаемного труда в XVI в.,— по смелому утверждению автора,— в общей массе народного труда была много выше, чем в XVIII в.». Еще более смелым может многим показаться следующее утверждение автора: «В XVI в. Россия в развитии торговли и промышленности не только не отставала от Западной Европы, но по некоторым особо важным видам (литейное дело, производство оружия) даже обгоняла Европу». Но все же к ним следует прежде всего внимательно прислушаться.

Конечно, подтвердить все такие утверждения на твердой базе статистической отчетности того времени было бы мудрено за отсутствием такой базы на заре капитализма. К тому же мы все так привыкли к мысли о вековой отсталости царской России от передовых стран Запада, что даже при наличии твердых цифр нас трудно было бы убедить в противном. Нам с трудом верится, что даже накануне Великой французской революции феодальная екатерининская Россия по своему промышленному развитию не отставала еще от передовой Франции. Не легче поверить и в то, что только после промышленного переворота в Англии, т. е. уже в XIX в., эта страна смогла опередить по производству металла крепостную Россию, обильно снабжавшую ее своим железом. И совсем не легко оценить, на сколько десятилетий затормозило наше экономическое развитие то закрепощение труда в сельском хозяйстве, какое получило начало с конца XVI в.

---

[1] Д. П. Маковский. Указ. соч.

Как раз поэтому совсем не диво, что, когда профессор Маковский в 1960 г. выступил впервые в защиту своей концепции, ее кое-кто из историков встретил весьма враждебно. Догматикам ведь свойственно обрушиваться на своих противников с тем большим апломбом и высокомерием, чем меньше у них для этого в наличии разумных оснований. И это лишь подчеркивается выпуском в свет, в новом издании, предлагаемой читателю книги Маковского, в которой он уже более чем *удвоил* сотни собранных им исторических фактов, ярко свидетельствующих в пользу все той же его концепции.

«Таким образом,— заключает он в итоге своего исследования,— в середине XVI в. в Русском государстве, в промышленности и сельском хозяйстве, зародились капиталистические отношения». Таков важнейший вывод Д. П. Маковского. И поскольку речь идет лишь о первых зачатках или «зародышах» новых общественных отношений и утробном лишь их развитии в недрах уже вполне созревшего феодального общества, этот вывод автора представляется мне вполне обоснованным.

Конечно, далеко не все большие проблемы, поднятые автором в его книге, получили в ней достаточное освещение. И перед советским историком остается еще широкое поле для новых исследований и дискуссий в области все той же экономики XVI в.— этой переломной эпохи в русской истории. Но и новым исследователям придется пользоваться все теми же скудными источниками, какие дошли до нас из этой эпохи. А за неполнотой их придется и впредь довольствоваться, вместо прямых и полных итогов, лишь отдельными фактами и далеко не бесспорными показаниями и оценками современников изучаемой эпохи. Нужно лишь со знанием дела и без застарелых предрасположений в пользу той или иной концепции рассматривать все известные нам факты и наблюдения.

В книге Д. П. Маковского нет прямых данных об экономике Западной Европы. Но он все же находит, что Россия XVI в. в развитии промышленности и торговли не отставала, а даже кой в чем обгоняла эту Европу. И косвенно это подтверждается и крупными цифрами русского вывоза за границу, и наличием многих тысяч купцов внутри России, и тем, что эти русские купцы кредитовали английских на миллионы рублей, а не наоборот, и большими торговыми караванами многотонных судов, для обслуживания которых только на Волге требовалось — на 500 судов по 40 человек — до 20 тыс. наемного персонала, и наличием немалого круга мануфактур с числом наемных рабочих от 30 до 200 и выше, и такими крупными предпринимателями, как солевары Строгановы, нанимавшие до 10 тыс. рабочих.

Не менее показательной, хотя только косвенной «вещественной уликой» в пользу концепции Д. П. Маковского может служить и такое любопытное явление, как дошедшая до нас торговая книга XVI в. «Книжка описательная, како молодым людям торг вести и знати всему цену», с данными о 213 товарах, имевших хождение на внутренних рынках, и 69 товарах, вывозимых за границу. Стоит лишь вспомнить, какой осведомленностью обладали русские авторы этой книги, составленной около 1575 г., о важнейших рынках Западной Европы. Они по любому товару знали с полной ясностью, почем его можно купить «у нас» и почем, с какой прибылью можно продать «в Брабанех» или даже в далеких «Шпанех».

Не ясно ли уже из этого руководства, как делать деньги, составленного по рецептам еще самой первой монетарной стадии меркантилизма, что оно несомненно отражает в себе все же зачатки тех отношений, какие в политической экономии именуются капиталистическими? А вместе с тем из него видно, что денежные потоки направлялись по этим рецептам с Запада на Восток, а не в обратную сторону. И, следовательно, сильнейшей в этом экономическом соревновании в те времена можно считать Московскую сторону.

Общеизвестно, какие широкие торговые связи уже в XVI в. возникли между Англией и Московской державой. Но, между прочим, в книге Д. П. Маковского особо отмечен такой любопытный факт. Могущество островной Англии крепилось на широкой плавучей базе ее морского флота. А весь такелаж этого большого парусного флота крепился в основном русскими смолеными канатами и пеньковыми парусами с русских канатных и парусной мануфактур в Холмогорах, Вологде и Ярославле. Эти русские канаты и паруса вытеснили своей дешевизной из английского флота все другие и, по оценке самих деятелей этого флота, активно содействовали его победам даже над «непобедимой армадой» Испании в 1588 г. Это напоминает нам по аналогии и другой факт, когда дешевое русское железо 200 лет спустя своим обильным притоком в Англию ускорило в ней промышленный переворот XVIII в., но тем самым в уже закрепощенной России ускорило и ее отставание от буржуазного Запада.

О буржуазных связях, какие к нам направлялись с Запада вместе с денежными потоками в XVI в., у нас, конечно, тоже нет никакой сводной отчетности. Однако известно, что до XVI в. на Руси драгоценных металлов не добывалось. А между тем Д. П. Маковский в своей работе приводит такие факты: Иван III еще в 1478 г., захватив Новгород, вывез из этого торгового центра в качестве военной добычи 300 возов серебра и золота. Считая по 25 пудов на воз и по 5,2 руб. из фунта серебра, эта добыча в 300 тыс. фунтов денежного металла стоила свыше 1,5 млн. тогдашних московских рублей, а в переводе на золотую валюту 1913 г.— по меньшей мере в 65 раз больше, т. е. около сотни миллионов рублей. За XVI в. денежный поток из-за границы, однако, сильно возрос, и сохранилась запись о том, что всего семь русских купцов только за четыре месяца сдали на Московский монетный двор для переплавки 10 300 золотых немецких монет. Сколько же их поступало ежегодно в серебре и золоте по всей стране! А ведь нам уже подсказывает западный опыт, что и там именно деньги подкопали и разъели изнутри феодализм.

Конечно, для этого кроме денег требовалось и наличие такого товара, как свободная от всех средств производства рабочая сила. Но в каком количестве? Д. П. Маковский не дает общего итога вольнонаемных рабочих в XVI в. Но, по моему подсчету, в его книге насчитывается все же свыше 46 тыс. наемных рабочих, в том числе свыше 22 тыс. на торговых судах, не менее 12,8 тыс. в промышленности, до 11 тыс. на стройках и до 600 трудников и батраков в монастырском сельском хозяйстве. Причем это заведомо очень неполный итог. Для сравнения можно сказать, что даже два века спустя после закрепощения крестьян, уже при Екатерине II, к концу 1760-х годов во всей промышленности России мы насчитывали не свыше 42,5 тыс. вольнонаемных рабочих. К этому можно еще добавить, что население России с 1600 по 1762 г., по имеющимся расчетам, возросло примерно с 8,8 до 19 млн. душ, более чем в 2 раза. И стало быть, доля вольнонаемного труда в отношении ко всему населению страны за это время не росла, а падала.

Однако в отношении екатерининской России ныне никто уже не оспаривает наличия в ней не только зачатков, но и целого капиталистического «уклада» в феодальном ее хозяйстве. Тем менее оснований оспаривать зачатки этого уклада в незакрепощенной России XVI в. А если судить об этом по наличию учтенных кадров наемной рабочей силы в XVI и XVIII вв., то придется признать, что Д. П. Маковский даже в самых смелых из своих выводов весьма недалек от истины.

Его интересная работа несомненно представляет собой серьезный вклад в советскую историческую науку и заслуживает всестороннего обсуждения и изучения.

1963 г.

V. ВНУТРЕННИЙ РЫНОК РОССИИ XVII—XVIII вв.[1]

Вопрос об образовании внутреннего рынка в феодальной России теснейшим образом связан с общей проблемой генезиса в ней капитализма еще на самых первых ступенях его развития, в рамках *натурального* в основном, крепостного хозяйства. Правда, товарные отношения имели место и в докапиталистических хозяйственных формациях. «Продукт принимает форму товара,— писал об этом В. И. Ленин,— в самых различных общественных производственных организмах, но только в капиталистическом производстве такая форма продукта труда является *общей*, а не исключительной...»[2]. Именно поэтому Ленин рассматривал товарное производство в такой его развитой, общей форме одним из *существенных* признаков капитализма. И усматривая в русской истории «примерно с XVII в.» такой рост товарного обращения, в котором небольшие местные рынки связывались уже в один общий, «всероссийский рынок», Ленин, как известно, находил, что «создание этих национальных связей было не чем иным, как созданием связей буржуазных»[3]. Иными словами, Ленин в создании всероссийского рынка ясно видел существенный признак зачатков развития *буржуазной* формации уже в крепостной России.

В исследовании генезиса капитализма в России советскими экономистами и историками уже проделана очень большая и плодотворная работа. Но все же остается еще немало неясных и дискуссионных вопросов, в особенности в отношении самых начальных фаз этого генезиса и периодизации важнейших его этапов. С какого времени началась нисходящая стадия в развитии феодального хозяйства России? С какого момента можно говорить о *мануфактурной* стадии развития промышленности в России? Когда ее удельный вес стал достаточно значительным для того, чтобы ее рассматривать как уже новый, капиталистический *уклад* в старой системе феодально-крепостного хозяйства? Когда мануфактура начала перерастать в фабрику? Когда завершился промышленный переворот? Все это еще не решенные вопросы. И каждое новое исследование конкретной экономики XVII—XVIII вв. вносит новое в освещение этих вопросов.

Материал таможенных книг первой половины XVIII в., изученный Б. Б. Кафенгаузом, далеко не охватывает всех торговых оборотов того времени даже по тем нескольким годам и рынкам, какие вошли в книгу автора. Многие книги утеряны, и, например, даже по Москве автор смог подвести итоги продаж только за три месяца (январь — март) 1726 г. и то не по всем товарам. Не сохранилось таможенных книг по С.-Петербургу и целому ряду других крупнейших рынков. И все же работа автора представляет огромный интерес и ценность.

---

[1] «История СССР», 1959, № 4.
[2] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 458.
[3] Там же, стр. 154.

Общие масштабы товарооборота по внутренней торговле России того времени определяются только в общей сумме по обложению ее пошлиной в размере 10 денег с рубля, или 5% от продажной цены. Общий итог таможенных сборов этой торговой пошлины для 1720—1730 гг. составлял около 600 тыс. руб. и, стало быть, обороты внутренней торговли Петровской эпохи достигли не менее 12 млн. руб. серебром [1]. Но это далеко не полный итог торговых оборотов. К ним прежде всего следует прибавить итоги вывоза российских товаров за границу, которые облагались особой пошлиной и достигали в 1718 г. 2612 тыс. руб., а в 1726 г.— 2688,8 тыс. руб. [2] Но и по внутренней торговле не учтены все обороты по продаже кабацких питей. Доход казны по этой статье в 1724 г. с откупщиков по 35 коп. с ведра и за казенное вино «истинных» составлял (992 + 362) = = 1354 тыс. руб. при продажной цене ведра около 80—85 коп. Стало быть, оборот по продаже вина достигал не менее 2,8 млн. ведер на 2,3 млн. руб., а весь оборот по внутренним и внешним таможням и кабацкой торговле составлял в 1724 г. не менее (12 + 2,7 + 2,3) = 17,0 млн. руб., не считая продукции соляной и табачной монополий и некоторых других [3].

Для сравнения приведем следующий примерный расчет. К 1724 г. в России насчитывалось 14 млн. душ населения обоего пола, из них до 7 млн. душ мужского пола: тяглое население составляло 5656 тыс. душ, или 81%, в том числе в рабочем возрасте от 15 до 60 лет, по данным того времени, не менее 52% [4], или 2940 тыс. работников. Считая по казенному плакату от 4 до 5 коп. в день, их заработок за 250 рабочих дней или доход от собственного хозяйства достигал не менее 11 руб. на каждого, или до 32 млн. руб. по всей стране, а с учетом прибавочного продукта, извлекаемого помещиками, торговцами и мануфактуристами в размерах от 50 до 100% от доходов трудящихся, весь народный доход того времени едва ли выходил за пределы 48—64 млн. руб., и его товарная доля в 17 с лишним млн. руб. составляла в таком случае от 26 до 35%. Это довольно высокий процент товарности для феодальной эпохи, и во всяком случае он возможен только на нисходящей стадии ее развития. Отметим для сравнения, что и в капиталистической России товарность *сельского хозяйства* в 1913 г., по моим расчетам, не превышала 35,7%, 4938 млн. руб., включая даже внутридеревенский оборот из 13 814 млн. руб. общей продукции земли и леса [5].

К сожалению, мы не располагаем данными о товарном обращении допетровской эпохи. Но если можно судить о его размерах по динамике такого показателя, как таможенные пошлины в портах и внутри страны и кабацкие доходы в государственном бюджете того времени, то весьма показательными придется признать следующие цифры:

Таможенные и кабацкие доходы (в тыс. руб.)*	1680 г.	1701 г.	1724 г.
В текущей валюте	650	1196	2466
В валюте 1724 г.	1313	1400	2466
В %	100	107	188

* П. Милюков. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого, стр. 116, 118, 669.

[1] Б. Б. Кафенгауз. Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII века, стр. 17 и 261.

[2] А. Семенов. Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII столетия по 1858 г., ч. III. СПб., 1859, стр. 23, 25, 31.

[3] В. Н. Яковцевский. Купеческий капитал в феодально-крепостнической России. М., 1953, стр. 32, 155; Ф. Я. Полянский. Первоначальное накопление капитала в России. М., 1958, стр. 26—28, 33.

[4] П. Милюков. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905, стр. 204, прим.

[5] «Плановое хозяйство», 1925, № 1, стр. 118.

По весу серебра рубль 1701 г. превышал рубль 1724 г. на 17%, а в 1680 г.— в 2,02 раза. Но и с учетом этой порчи монеты можно отметить значительный скачок итога доходов, связанных с ростом товарного обращения в первой четверти XVIII в.

Рост товарности феодального хозяйства продолжается и в дальнейшем, явно опережая рост населения. И это тоже может служить вернейшим признаком *разложения* его натуральных основ. Уже к середине XVIII в., перед ликвидацией внутренних таможен (в 1753 г.), таможенные пошлины по внутренней торговле превышали 900 тыс. руб. и, стало быть, продажа товаров внутри страны превысила 18 млн. руб. А с учетом вывоза за границу — в 1749 г. 6896 тыс. руб. и кабацких питей на сумму 3 млн. руб.— общий итог по продаже товаров достигал 27,9 млн. руб. И даже с учетом снижения веса серебра в рубле на 16% он был не ниже 23,2 млн. руб. в валюте 1724 г., т. е. на 37% выше итога 1724 г. К началу XIX в. внутренний товарооборот России исчислялся уже в 500 млн. руб. ассигнациями[1], а к концу капиталистической эпохи этот оборот исчислялся уже миллиардами. Но все эти цифры без сопоставления их с данными о росте населения и цен малосравнимы.

Кроме того, следует помнить, что итоги оборотов, обложенных таможенными пошлинами в 1724 и 1749 гг., соответствуют товарной продукции этих лет *без повторного счета* перепродаж. А торговые обороты капиталистической России, включая и оптовую и розничную торговлю, несомненно в значительной мере включают эти перепродажи с переходом от опта к рознице, причем с ростом индустриализации вообще и крупной промышленности в особенности оптовое звено должно опережать в своем росте общий рост товарооборота в стране. Весь учтенный торговый оборот за 1888—1913 гг. возрос за 25 лет с 4025 до 11 754 млн. руб. По отношению к валовой продукции сельского хозяйства и промышленности за 1913 г. (13 814 + 7672 = 21 486 млн. руб.) весь торговый оборот в 11 754 млн. руб. составил бы уже до 55%. Но для большей сравнимости с данными феодальной эпохи внесем еще поправку в итоги торговых оборотов за 1888—1913 гг., снизив их примерно на 35% за счет повторного счета в оптовой торговле, и приведем такое же сопоставление с итогами 1724—1749 гг.

Таблица 1

Товарная продукция России

	1724 г.	1749 г.	1888 г.	1913 г.
I. Товарная продукция				
в текущих ценах, млн. руб.	17,0	27,9	2616	7640
в ценах 1913 г.	170	232	3640	7640
в % к 1724 г.	—	136	2141	4494
II. Население России				
в млн. душ	14,1	16,5	116	173
в % к 1724 г.	—	117	823	1223
III. Товарная продукция на душу				
в руб. 1913 г.	12,1	14,1	31,4	44,2
в % к 1724 г.	—	117	260	365

Как видим, население выросло всего в 12 раз, а товарная продукция по всей стране — почти в 45 раз. Но из расчета на душу этот рост за 189 лет в 3,65 раза совсем уже скромен — менее 7% за десятилетие.

[1] Ф. Я. Полянский. Указ. соч., стр. 27.

И лишь за последнюю четверть века капиталистической эпохи обнаруживается заметное ускорение этого роста. По отношению к народному доходу, оценивая его к 1913 г. в 16,4 млрд. руб. золотом [1], товарная его доля составляла все же не менее 46%. И поскольку товарность сельского хозяйства в 1913 г. не превышала 36%, то все возрастание товарности в царской России сверх этой нормы объясняется опережающим в ней ростом промышленности.

Возникает вопрос о *структуре* товарного обращения в феодальной России, и прежде всего о доле промышленных товаров в общем обороте. Этот вопрос не требует для своего решения сплошного учета. И новая работа Б. Б. Кафенгауза достаточно освещает этот вопрос в порядке выборочного обследования по ряду крупных городских рынков первой половины XVIII в. Вот, например, как выглядит эта структура товарного обращения за годы Петровской эпохи (табл. 2).

Таблица 2

Учтенный товарооборот по продаже (в руб.) *

Товары	Рынки			Итого	
	Новгород (1714 г.)	Курск (1720 г.)	Москва (1723—1726 гг.)	абс.	%
1	2	3	4	5	6
I. *Сельскохозяйственные*					
1. Зерно, мука, крупа	46 751	826	75 600	123 177	20,9
2. Живой скот	6 908	57 995	—	64 903	11,0
3. Кожи, меха, пушнины	2 885	22 684	32 844	58 413	9,9
4. Рыба, икра	4 201	3 600	40 284	48 085	8,2
5. Мед	5 389	5 180	4 448	15 017	2,6
6. Лен и пенька	10 303	—	—	10 303	1,7
7. Хмель	4 399	—	2 120	6 519	1,1
8. Фрукты и овощи	2 889	—	1 628	4 517	0,8
9. Воск	2 409	—	1 284	3 693	0,6
10. Мясо	1 920	1 152	—	3 072	0,5
11. Масло коровье и сало	269	—	508	777	0,1
12. Прочие	1 587	2 290	4 824	8 701	1,5
Итого	89 910	93 727	163 540	347 177	58,9
II. *Промышленные*					
1. Ткани и галантерея	7 335	23 743	113 782	144 860	24,6
2. Порох и селитра	—	19 874	810	20 684	3,5
3. Металлы и изделия из них	1 889	10 000	3 465	5 354	2,6
4. Масло конопляное	3 329	102	3 576	7 007	1,2
5. Бумага, стекло, мыло	1 212	625	502	22 339	0,4
6. Прочие	10 307	8 746	4 123	3 176	3,9
Итого	24 072	63 090	126 258	213 420	36,2
III. *Нераспределенные*	4 929	12 066	11 574	28 569	4,9
Всего	118 911	168 883	301 372	589 166	100,0

* Б.Б. Кафенгауз. Указ. соч., стр. 41, 70, 91, 110, 195, 204, 233, 304.

[1] «Опыт исчисления народного дохода 50 губ. Европейской России в 1900—1913 гг.». Под ред. С. Н. Прокоповича. М., 1918, стр. 66.

Подсчитанные нами итоги охватывают всего около 5% обложенного пошлинами товарного обращения внутри России (589 тыс. от 12 млн. руб.). Очень неполно учтен здесь оборот даже по московским таможням. В 1731 г. по одной лишь Москве, судя по итогу собранных здесь пошлин — 75 тыс. руб., оборот достигал 1,5 млн. руб., т. е. раз в пять выше учтенной нами цифры в 301 тыс. руб. Но для выборочного обследования и такой процент выборки не мал. Во всяком случае, несмотря на досадные пробелы в учете ряда важных товаров, можно утверждать, что на долю промышленной продукции уже в Петровскую эпоху падало не менее 36% всего оборота, т. е. свыше 6 млн. руб. А ведь в их числе здесь вовсе еще не учтены продукты винокуренной, соляной и табачной монополий и очень слабо представлена металлопромышленность, в которой было занято до 30% всех рабочих тогдашних мануфактур. Правда, преобладающая роль в этом обороте, несомненно, принадлежала *мелкой* промышленности, так как на долю всех мануфактур, считая в них 18 тыс. рабочих с выработкой до 50 руб. в год на каждого, можно отнести не свыше 900 тыс. руб. товарной продукции, т. е. всего 15% от оборота *промышленной* продукции, и едва около 5% всей товарной массы в стране. Но из мелких хозяйчиков, пользующихся за отсутствием дворянских привилегий исключительно вольнонаемным трудом, в феодальную эпоху как раз *органически*, т. е. совершенно безыскусственно, вырастали средние и крупные предприниматели, а вместе с ними и зачатки нового, капиталистического уклада.

Еще не так давно имела широкое хождение легенда об «искусственном» насаждении и «казенно-парниковом воспитании промышленности» в России при Петре. Но ведь мелкую промышленность никто не насаждал. Очень сильно преувеличивали роль торгового капитала в первоначальном его накоплении для создания крупной промышленности. Но не следует забывать, что даже самый хищный торговец-скупщик может присвоить в неэквивалентном обмене и накопить лишь те ценности, которые уже созданы трудом и поступают на рынок из сельского хозяйства и промышленности. Крестьянин и мелкий промышленник могут реализовать на рынке свой товар и без помощи торговцев, сбывая его непосредственно потребителям. А с ростом товарооборота эти мелкие товаропроизводители и сами из собственной среды выделяют на роль скупщиков достаточно Колупаевых и Разуваевых, способных со временем из кустарной светелки создать и крупную ткацкую мануфактуру или из рядовой кузницы большой доменный железоделательный завод. Но широкого накопления *торгового* капитала без достаточного развития товарности производства в стране невозможно себе и представить.

Вот почему первичным и потому особенно показательным для начальной стадии разложения феодализма фактором мы считаем рост *товарной* продукции и темпы этого роста во времени. Сопоставляя эти темпы за разные периоды феодального и капиталистического развития в России по общему объему товарной массы в неизменных ценах, мы получим такие цифры:

Годы	Рост, %
1680 — 1701	107
1701 — 1724	176
1724 — 1749	136
1888 — 1913	210

Как видим, за последние 25 лет капиталистической России товарооборот в ней поднялся на целых 110%, резко превышая темпы феодальной эпохи. Но за 1701—1724 гг. прирост на 76% за 23 года тоже представляет собою выдающийся скачок, открывающий новую эпоху по сравнению с темпами XVII в. С этого момента можно уже говорить о форми-

ровании капиталистического *уклада* в феодальной экономике России. Переносить этот рубеж на вторую половину XVIII в., как это делают многие историки, я не вижу особых оснований, тем более что уже во второй четверти XVIII в. намечается даже некоторое замедление в темпах роста товарной продукции. К сожалению, для второй половины XVIII в., за ликвидацией внутренних таможенных пошлин, мы уже не располагаем прямыми данными о масштабах и структуре товарного обращения. Однако, если за меру роста промышленной продукции принять общее число рабочих всех мануфактур, которое за 1725—1750 гг. возросло, по нашим расчетам, на 187%, а в последующие 50 лет — не свыше 94% в среднем за каждую четверть века, то замедление темпов роста их продукции за этот период едва ли может вызвать сомнение.

Отсутствуют у нас прямые данные о товарном обращении XVI—XVII вв. И это затрудняет решение вопроса, с какого же момента феодализм вступил у нас в нисходящую фазу своего развития. Однако, когда от здорового роста производительных сил на свойственной ему основе натурального сельского хозяйства феодализм вступил на путь разложения этой основы и накопления противоречий между этой хозяйственной основой со всеми ее защитными надстройками, с одной стороны, и растущими зачатками нового, более прогрессивного индустриального строя — с другой, это, несомненно, должно было сказаться и *замедлением* в дальнейшем росте старого базиса, и кризисными *перебоями* в его развитии, и *общим кризисом* всей устаревшей системы феодальных общественных отношений в базисе и надстройках. И казалось бы, что для ответа на вопрос, когда же именно наш феодализм перешагнул в своем развитии через такой переломный порог, имеется достаточно вполне осязательных примет.

А между тем советские историки расходятся в решении этого вопроса очень резко, на целые века.

Напомним, что М. В. Нечкина, поставившая у нас впервые этот вопрос, находила, что русский феодализм вступил в нисходящую фазу своего развития уже с конца XVI в.[1] А вот другой историк — Ф. Я. Полянский — и ныне еще в своей новейшей работе решительно оспаривает это мнение. «На самом деле,— утверждает он,— XVI—XVIII вв. были периодом невиданной экспансии и расцвета феодализма в России. Говорить о начале его разложения можно лишь применительно ко второй половине XVIII в., а кризис феодализма происходит только во второй четверти XIX в.»[2]. Итак, расхождение во взглядах не шуточное, по меньшей мере на два с половиной века.

Учитывая, что весь период феодализма в России с IX по XIX в. насчитывает не свыше 10 веков, возможность таких погрешностей в 2—3 века при датировке перехода от «расцвета» к «разложению» данной формации была бы весьма печальной для исторической науки. Но, повидимому, в этом споре расхождение взглядов вытекает уже из различной трактовки одних и тех же *понятий*. Говоря о «расцвете феодализма», Полянский, как видно из дальнейших его формулировок, имеет в сущности в виду «экспансию *крепостничества* и *абсолютизма»* в России XVII—XVIII вв., в то время как М. В. Нечкина ставила вопрос о восходящей и нисходящей линии феодализма как *хозяйственной формации*. А это весьма различные вещи. Крепостное *право* — это только надстройка над производственным базисом феодализма, и усиление или расширение крепостничества можно лишь в результате крайней близорукости рассматривать в качестве *экономического* подъема или расцвета феодализма.

По концепции Полянского, экспансия крепостничества и абсолю-

---

[1] М. В. Нечкина. О двух основных стадиях развития феодальной формации. М., 1954.

[2] Ф. Я. Полянский. Указ. соч., стр. 24.

тизма — это первичный фактор, *создавший* «экономическую базу» для широкого развития торговли и первоначального в ней накопления прибытков, получивших свое применение при Петре в мануфактурной промышленности. А поскольку появление мануфактур, и по его мнению, «явилось настоящим скачком в развитии производительных сил в России XVII—XVIII вв.», то отсюда уже, по-видимому, возникает и его идея о расцвете феодализма[1]. С такой концепцией, однако, никак нельзя согласиться.

Усиление крепостного гнета и экспансия крепостничества на новые земли действительно имели место в России XVII—XVIII вв., но их ни в коем случае нельзя рассматривать в качестве предпосылок «экономического роста страны». Там, где происходило расширение барских запашек крепостным трудом за счет сокращения оброчных крестьянских хозяйств, это, несомненно, влекло за собой не повышение, *а снижение производительности крестьянского труда.* Правда, это не мешало расширению хлебной *торговли*, ибо товарность помещичьих хозяйств была выше, чем у крестьян. Но такой рост товарности у помещиков был возможен лишь за счет снижения собственного производства и потребления крестьян, переводимых на барщину. Что же касается мануфактур, то хотя они и росли, *несмотря* на тормозящее этот рост воздействие крепостного права, и это содействовало экономическому росту страны, но такой рост *капиталистических* зачатков служит не расцвету, а разложению и вытеснению производственных основ феодализма. И если мануфактура, по признанию самого Полянского, совершила целый скачок в развитии производительных сил еще в XVII—XVIII вв., то можно ли его вовсе игнорировать, относя *начало* разложения феодализма лишь ко второй половине XVIII или даже на вторую четверть XIX в.?

Это было бы возможно лишь в одном случае, если бы и всю мануфактуру дореформенной эпохи можно было объявить чохом *крепостной.* Тогда ее успехи как раз и послужили бы аргументом в пользу «невиданного» расцвета феодализма вплоть до самой его бесславной кончины в 1861 г. Но такая трактовка дореформенной мануфактуры и фабрики давно уже безнадежно устарела. Все историки ныне уже согласны, что капитализм вызревал еще в недрах феодализма. Спорным является лишь момент, с которого феодализм вступил в нисходящую стадию. И мне кажется, что в этом споре следует полностью поддержать мнение М. В. Нечкиной.

Русский феодализм уже с IX в. развивался в основном на базе натурального сельского хозяйства. Основной производительной силой был крестьянин-пахарь, а высшим его достижением было *паровое трехполье* с обработкой пашни примитивной сохой и прочим крестьянским инвентарем как собственных крестьянских, так и барских посевов. Но к этому *потолку* своих возможностей феодализм поднимался постепенно от гораздо более низких систем хозяйства, таких, как хозяйство кочевников-скотоводов в степи, как мотыжное земледелие, а затем пашня с перелогом на юге или подсечно-переложное земледелие во всей лесной полосе древнейшей России, о чем свидетельствует и наш былинный эпос. Спрашивается, какой же подъем производительных сил сопровождал собой переход от общинно-родового уклада к расширению и достижению господства феодальной формации в России за весь восходящий период ее развития?

Некоторое представление об этом дают следующие сопоставления. Бюджетные данные о продуктивности крестьянского труда в земледелии царской России и кочевников-скотоводов Монголии показывают, что выручка за день труда в кочевом скотоводстве не превышала 2,3 *кг* баранины, или 5800 калорий, а в крестьянском трехполье — не менее 13,3 *кг* зерна, или 40 тыс. калорий, т. е. по питательной ценности этой продукции почти в 7 раз больше. В мотыжном земледелии на обработку гектара

[1] Ф. Я. Полянский. Указ. соч., стр. 14, 25, 40.

посева мотыгой из лосиного рога или деревянной ручной рассохой требовалось по меньшей мере раз в *пять-шесть* больше труда, чем в крестьянском сошном трехполье XVI—XVII вв. И даже трудоемкость подсечно-переложного земледелия с железным топором и бороной-суковаткой была раза в *три-четыре* выше, чем в пашенном паровом трехполье. Все это говорит, что подъем производительных сил растущего феодализма с IX до XVI—XVII вв. измерялся не десятками, а сотнями процентов. Но с того момента, когда паровое трехполье, вытеснив почти повсеместно перелог и подсеку, достигло своего потолка, оно могло заметно расти только вширь, захватывая с ростом населения все новые земли. А трудоемкость его и в 1642 г. и два века спустя, перед реформой, в Центральном земледельческом районе определялась, по имеющимся данным, в 25,4—25,6 человеко-дней на десятину, т. е. вовсе не изменялась. Да и урожайность полей в «самах» поднялась примерно с 3,2 до 3,5, т. е. всего на 10% за два столетия.

Однако переломный момент от восходящей линии в развитии феодализма обозначился еще раньше XVII в. Ярче всего он сказался в *аграрном кризисе* второй половины XVI в. Толчком к нему можно считать «революцию цен», которая в XVI в. имела место в Западной Европе в результате огромного прилива сюда денежного металла, награбленного в американских колониях. На Западе в связи с ним цены серебра упали за весь XVI в., по Зоетбееру, в 2,8 раза. Докатилась эта волна дешевеющих денег и серебра и до русских рынков и при меньшей товарности производства в стране сказалась еще более резким скачком цен. Принимая цены 1600 г. за 100, мы получаем, по исследованию А. Г. Манькова, такую динамику цен на русских рынках XVI в. (табл. 3) [1].

Таблица 3

Динамика цен XVI в.

Годы	Цены скота	Хлеб в зерне	В среднем
1500—1509	42	21	32
1510—1519	28	48	38
1520—1529	47	30	39
1530—1539	42	37	39
1540—1549	48	155	101
1500—1549	41	58	50
1550—1559	68	109	89
1560—1569	62	81	72
1570—1579	83	132	107
1580—1589	80	133	106
1590—1599	99	97	98
1550—1599	79	110	36
1600	100	100	100

Как видим, в среднем по скоту и хлебу в зерне эти цены в России за 100 лет выросли не менее чем в 3 раза, а в частности в зерновом хозяйстве еще значительнее — раз в пять. Но даже только за одну лишь *вторую* половину века по сравнению с первой и хлебные цены, и цены скота вырастают почти вдвое. Конечно, колебания хлебных цен гораздо значи-

[1] А. Г. Маньков. Цены и их движение в русском государстве XVI века. М.—Л., 1951, стр. 118—119, 138—139. Все цены приведены в рублях 1600 г. (по 6 руб. из 1 фунта серебра).

тельнее по сравнению с ценами скота в результате колебаний урожайности. Например, взлет хлебных цен 1547—1549 гг. объясняется неурожайными бедствиями. По свидетельству летописи, в 1549 г. «хлеб был дорог», по 8 гривен четверть, «и людей с голоду мерло много». Подобный же голод отмечается в 1556 и 1557 гг. «по всем московским городам» [1]. Высокие цены на хлеб в 70-х и 80-х годах не случайно совпадают как раз со временем аграрного кризиса в земледельческом центре России. Как чуткий барометр экономической погоды, они безошибочно отмечают ее ухудшение с конца 70-х годов, но тут уж дело идет не о рядовых недородах по причине засухи или ненастья. Побывавший в эти годы в России англичанин Флетчер писал, что хлеба здесь произрастают в достаточном количестве, даже в избытке. Если же бывает дороговизна, как в прошедшем 1588 г., «то это меньше зависит от неурожаев, нежели от дворянства, которое по временам слишком возвышает цены на хлеб» [2].

Повышались, однако, дворянами не только цены на хлеб, но и денежные оброки, возлагаемые ими на своих крестьян, т. е. феодальная рента. До тех пор пока она взималась натурой, «столовыми припасами» и прочей скоропортящейся продукцией деревни, их мудрено было накоплять в неограниченных масштабах. Но с расширением денежного спроса возможности накопления показались помещикам уже безграничными. И прежде всего это сказалось в массовом переходе от продуктовых к денежным формам феодальной ренты. Если в начале века по писцовым книгам Вотской пятины денежным оброком было обложено всего от 6 до 9% крестьянских дворов, то к 1545 г. в Бежецкой пятине этот процент поднялся уже до 26, по Обонежской к 1565 г.— до 76, а к концу XVI в. в целом ряде дворянских вотчин центра натурального оброка вообще уже не наблюдалось. К тому же начиная с 1551 г. и большинство государственных повинностей переводится в денежную форму. Вместе с тем денежные оброки в новгородских вотчинах возрастают с начала века от 4 гривен, или 56 денег, до 200 денег с обжи в 1576 г., а в дворцовых волостях Тверской губ. податное бремя крестьян из расчета на единицу площади возросло за тот же век в 3¼ раза. Вздорожала земля больше чем вдвое, и стали расширяться барские запашки, а стало быть, и даровой барщинный труд. А кончилось все это тем, что не вполне еще закрепощенное крестьянство, спасаясь от своих помещиков, разбежалось из населенного центра на пустопорожние земли окраин [3].

Это была наиболее доступная ему форма классовой борьбы, поскольку она требовала от людей лишь достаточной решительности в ногах. Но помещикам она наносила тяжелый удар. Барские запашки запустели. Огромная доля пашни была брошена и обращена в залежь, росчисти быстро зарастали лесом. В Бежецкой пятине под перелогом и лесом в 1551 г. было всего 6,4% запущенной пашни, в 1564 г.— 20,5 в 1584 г.— 95,3% [4]. Никакие стрелецкие заставы на пути беглецов не могли этот массовый поток отчаявшейся рабочей голытьбы повернуть вспять. Вспять от вершин парового трехполья повернулось само сельское хозяйство феодалов.

Чтобы изжить этот аграрный кризис земледельческого центра, феодалам пришлось приложить немало усилий в классовой борьбе с крестьянством. Лишь к середине XVII в. они добились *полного* закрепощения своих крестьян в Уложении 1649 г. Но и до и после этого акта крестьянство реагировало не раз против растущего крепостного гнета такими все более

---

[1] А. Г. Маньков. Указ. соч., стр. 31. Московская цена в 1600 г. не превышала 20 коп. за четверть (там же, стр. 111).

[2] Д. Флетчер. О государстве Русском или образ правления русского царя (обыкновенно называемого царем Московским). С описанием нравов и обычаев жителей этой страны. СПб., 1906, стр. 14.

[3] С. Г. Струмилин. История черной металлургии в СССР, т. 1, стр. 93—94.

[4] Там же, стр. 95.

грозными движениями, как антифеодальные восстания под знаменами Болотникова в 1606—1607 гг., Разина — в 1667—1671 гг., Пугачева — в 1773—1774 гг. Чтобы сдерживать эти мощные силы, феодалам требовалась сильная власть, и они укрепляли абсолютизм, хотя самодержавная власть и их обращала в своих холопов. Кстати сказать, и сама «*абсолютная монархия*,— по свидетельству Маркса,— возникает в переходные периоды, когда старые феодальные сословия приходят в упадок, а из средневекового сословия горожан формируется современный класс буржуазии...» [1] Таким образом, «экспансия крепостничества и абсолютизма» как результат обострения классовой борьбы и классовых противоречий в феодальном обществе сама по себе, вопреки мнению Ф. Я. Полянского, показателем *расцвета* феодализма никак служить не может. Что же касается, в частности, абсолютизма, который расцвел у нас задолго до времен екатерининских, то и он должен служить признаком *разложения*, а не экономического подъема феодализма XVII—XVIII вв.

Итак, переломный момент в развитии русского феодализма, если связывать его с первыми успехами абсолютизма в стране, можно отнести уже к эпохе царствования Иоанна Грозного в 1547—1584 гг. Кстати сказать, именно в эти годы была мобилизована им и опричнина (с 1565 г.) для разгрома боярства и протекал аграрный кризис в земледельческом центре с обострением всех классовых противоречий. Но взлет цен в 70—80-х годах этого века всего ярче отражает *экономическую* подоплеку того кризиса, который открыл собою начало нисходящей стадии — разложения натуральных основ феодализма. Это разложение продолжается и в XVII в. созданием новых «буржуазных связей» на всероссийском рынке, и в XVIII в.— целым скачком в развитии петровских мануфактур, и в XIX в.— новым кризисом трехполья в феодальной деревне и новыми успехами на путях от мануфактуры к фабрике в капиталистической промышленности. Таким образом, и эту нисходящую стадию развития феодальной формации нельзя рассматривать как полосу сплошного упадка производительных сил. Они — хоть и с перебоями — продолжали расти. И этот рост не исключал «экспансии» элементов крепостничества. Но он протекал все более однобоко, в основном за счет зачатков капитализма при явном отставании и все большем загнивании важнейших элементов экономики феодализма.

Для анализа явлений этого рода историку особенно много дает кропотливое изучение движения цен и товарного обращения прошлых веков. К сожалению, это очень трудоемкая и малоблагодарная работа. Значение ее для нашей марксистской науки еще недостаточно осознано. По истории цен в России у нас еще очень мало работ. О товарном обращении еще меньше. А между тем история не станет сколько-нибудь точной наукой до тех пор, пока в ее руках не будет таких важных измерителей общественного развития, как цены, обороты ценностей и другие столь же конкретные мерила затрат и продуктивности человеческого труда на разных этапах его истории. И с этой точки зрения монография Б. Б. Кафенгауза о рыночных оборотах Петровской эпохи представляет особый интерес и ценность. Большой интерес представляют и продажные цены разных товаров Петровской эпохи, опубликованные Б. Б. Кафенгаузом в том же исследовании. Сопоставляя эти цены за 1714, 1720, 1726 гг. с данными конца XVI в. и ценами 1913 г., мы получаем такую картину крупнейших сдвигов в ценообразовании за три с лишним века [2] (табл. 4).

Конечно, в течение веков менялись и нормы, и структура потребления, и качество одноименных продуктов. Колебались и цены на разных рынках

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 4, стр. 306.

[2] А. Г. Маньков. Указ. соч., табл. 1, 9, 13, 18, 20, 22, 25, 29, 34, 50; Б. Б. Кафенгауз, Указ. соч., стр. 107, 109, 130, 160, 187—189, 219, 242, 314.

Таблица 4

Сдвиги цен в России с конца XVI в. по 1913 г.

Набор продуктов	Единица счета	Норма потребления за год	Цены за единицу, коп.			Стоимость нормы, коп.		
			конца XVI в.	к 1720 г.	1913 г.	конца XVI в.	к 1720 г.	1913 г.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
I. *Сельскохозяйственные продукты*								
1. Рожь в зерне	пуд.	12	2,5	7,5	83	30,0	90,0	996
2. Пшеница	»	2	3,5	9,5	110	7,0	19,0	220
3. Крупа гречневая	»	2	3,8	13,0	184	7,6	26,0	368
4. Говядина	»	1,5	21	47	740	27,0	66,0	1 110
5. Баранина	»	1	20	45	640	20,0	45,0	640
6. Рыба	»	0,9	7	10	400	6,3	9,0	360
7. Масло коровье	»	0,3	48	160	1780	14,4	48,0	534
8. Молоко	ведро	3,3	2	(13)	150	6,6	42,9	495
9. Яйца	сотня	1	10	(40)	300	10,0	40,0	300
10. Мед — сахар	пуд.	0,6	50	100	584	30,0	60,0	350
11. Овчина деланая	шт.	1	4,5	17	178	4,5	17,0	178
Итого	—	—	—	—	—	163,4	462,9	5551
II. *Промышленные продукты*								
12. Масло конопляное	пуд.	0,4	20	57	548	8,0	22,8	219
13. Соль	»	0,5	10	24	30	5,0	12,0	15
14. Мыло	»	0,3	300	(400)	525	90,0	120,0	158
15. Холст-полотно	арш.	7	1,6	3	14	11,2	21,0	98
16. Крашенина-ситец	»	24	2	4	15	48,0	96,0	360
17. Сукно русское	»	2	3,3	5	160	6,6	10,0	320
18. Сапоги яловочные	пара	0,8	12	35	544	9,6	28,0	435
19. Топор железный	шт.	1	7,5	10	90	7,5	10,0	90
Итого	—	—	—	—	—	185,9	319,8	1 695
Всего	—	—	—	—	—	349,3	782,7	7 246
Индекс цен	—	—	—	—	—	4,8	10,8	100,0

весьма заметно, а выбор их за XVI—XVIII вв. был очень ограничен. И сопоставимость цен по отдельным товарам в нашей таблице едва ли велика. Но в сумме цен по всему набору динамика их весьма показательна и позволяет сделать целый ряд немаловажных наблюдений. Прежде всего заслуживает внимания факт, что если за XVI в. товарные цены в серебряной валюте выросли по меньшей мере раза в три, то за следующие примерно 120 лет стоимость нашего набора товаров возросла в текущей валюте с 3 руб. 49 коп. до 7 руб. 83 коп., всего в 2,24 раза. Но в то же время рубль по весу серебра упал с 15,4 до 4,9 золотника, в 3,15 раза. И, стало быть, учтенные в таблице товары по отношению к серебру вовсе не вздорожали, а даже подешевели в отношении 3,15 : 2,24, т. е. в 1,4 раза, или на 29%. Чем же это объясняется?

По закону стоимости цены в товарном обращении изменяются в обратной пропорции к динамике производительности труда в различных его

отраслях или в связи с изменением покупательной стоимости самой денежной единицы. В XVI в. революция цен была, несомненно, вызвана изменениями на стороне денег, и потому и сельскохозяйственные, и промышленные товары повышались в одном и том же темпе: по хлебу и скоту в 2 раза и по всем промышленным товарам тоже «примерно» в 2 раза[1]. Крупной промышленности еще не было, а мелкая не опережала заметно в своем развитии сельское хозяйство. Но уже в XVII в. появились первые мануфактуры, а в Петровскую эпоху имел место целый скачок в их развитии, и это сразу же отразилось в движении цен.

В целом по всему набору продуктов цены серебра уже отставали от общего роста товарных цен. Значит, никакой денежной инфляции за этот период допускать нет оснований. Но в то же время цены промышленных товаров стали заметно отставать от роста сельскохозяйственных цен. И это означало, что рост производительности труда в промышленности опережал ее рост в сельском хозяйстве. А стоимость всего набора в неизменных ценах 1913 г., по исчисленному нами индексу, так изменила свою структуру (табл. 5).

Таблица 5

Стоимость набора

	к 1600 г.		к 1720 г.		к 1913 г.	
	руб.	%	руб.	%	руб.	%
1	2	3	4	5	6	7
I. Сельскохозяйственные товары	33,9	46,8	42,8	59,1	55,5	76,6
II. Промышленные товары	38,6	53,2	29,7	40,9	17,0	23,4
Весь набор	72,5	100,0	72,5	100,0	72,5	100,0

Одно и то же количество благ, производимых в сельском хозяйстве, становилось по отношению к серебряному рублю все дороже, а в промышленности все дешевле, конечно, только потому, что производительность труда в промышленности росла быстрее, чем в сельском хозяйстве. Но серебряный рубль недостаточно отражает это удешевление промышленной продукции, ибо и серебро обесценилось по отношению к золоту за те же три века не менее чем в 4,5 раза. Недостаточно отразил бы его и золотой рубль, поскольку и в добыче золота росла производительность труда. Наиболее медленно она росла, несомненно, в сельском хозяйстве. И вот если уровень цен и производительность труда в сельском хозяйстве принять за 100, то для промышленности получаются такие показатели (табл. 6).

Таблица 6

Динамика цен и производительности труда (1600 г. = 100)

Показатель	к 1720 г.	к 1913 г.
1	2	3
I. Динамика цен (по табл. 4) сельскохозяйственных	283	3 397
промышленных	172	912
II. Снижение цен в промышленности . . .	61	27
III. Рост производительности труда	165	372

[1] А. Г. Маньков. Указ. соч., стр. 97. За первую половину XVI в. у Манькова было слишком мало цен на продукты кустарно-ремесленных промыслов для построения индекса.

Сельскохозяйственные цены к 1720 г. возросли в 2,83 раза, а промышленные — только в 1,72 раза. Это означает, что промышленные товары по отношению к сельскохозяйственным подешевели на 39%, и если цены следуют закону стоимости, то производительность труда в промышленности опередила ее рост в сельском хозяйстве за соответствующий период на 283 : 172 = 1,65, т. е. на 65%. А за следующий период, по тем же данным, к 1913 г. это опережение в производительности труда с 1720 г. возросло бы еще не менее 372 : 165 = 2,24, т. е. более чем в 2 раза. Но нужно еще учесть, что и в сельском хозяйстве и урожайность, и производительность труда не стояли на месте. По моим, правда очень приблизительным, расчетам, в подсечно-переложном земледелии на тонну зерна затрачивалось к XII в. до 500 дней живого и овеществленного труда, в паровом трехполье XII в.— не более 161 дня, а в среднем, считая что к XII в. паровое трехполье занимало уже не менее 50% посевов, эти затраты составляли около 330 дней на тонну *чистого сбора* зерна, к 1642 г. они снизились до 146 дней, перед реформой 1861 г. мы их определяем в 117 дней, а за 1909—1913 гг. — в 71 день. Исходя из этих данных, можно думать, что производительность труда в земледелии дореволюционной России, принимая ее уровень XII в. за 100, росла в дальнейшем примерно такими темпами (в %):

К концу XII в. . .	100
К концу XVI в. . .	(212)
К 1720 г.	(242)
К 1860 г.	282
К 1913 г.	465

При этом на восходящей стадии развития, за XII—XVI вв., рост производительности труда в земледелии достигал 20% за 100 лет, на нисходящей стадии феодализма — с 1600 до 1860 г.— этот рост не превышал уже 12% за целое столетие, а в новых условиях капитализма, после 1861 г., несмотря на все пережитки феодализма в земледелии, мы наблюдаем новое ускорение в росте производительности труда — до 65% всего за полвека. Но и на этом этапе, как и в Петровскую эпоху, рост производительности труда в промышленности резко обгоняет ее рост в сельском хозяйстве. Это подтверждается и прямыми подсчетами, и анализом сравнительной динамики цен в промышленности и сельском хозяйстве капиталистической эпохи. Но анализ движения цен позволяет нам выходить и за рамки этой эпохи, в глубь истории, где прямых данных о росте продукции и затратах труда вовсе нет, а косвенные показатели слишком недостаточны. В таких случаях индексы движения цен представляют собою при умелом ими пользовании исключительно ценный материал для историка-экономиста. Они позволяют судить о главных направлениях и сравнительных темпах развития производительных сил на разных этапах истории. Остается лишь пожалеть, что их недостаточно изучают наши историки.

Но тем более высоко приходится оценить последний труд Б. Б. Кафенгауза о ценах и оборотах внутренней торговли в России Петровской эпохи. Им восполняется серьезный пробел в истории цен на одном из интереснейших ее участков. Хотелось бы, чтобы этот ценный вклад в нашу науку послужил толчком и к ряду дальнейших исследований в той же многообещающей области. Думается, что именно в этой области исследований мы найдем решение многих наиболее интересных и спорных вопросов нашей экономической истории.

VI. К ИСТОРИИ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОГО ТРУДА[1]

1. СИСТЕМА ХОЗЯЙСТВА И ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ТРУДА

Основными отраслями сельского хозяйства являются растениеводство и животноводство. Животноводство по своему происхождению старше растениеводства. Но завоевание технического прогресса в области земледелия много больше, чем в области скотоводства. Кочевой период и пастушеский быт, когда основным источником существования человечества было животноводство, именно потому и отошли в безвозвратное прошлое, уступив свое место земледельческому типу хозяйства, что благодаря прогрессу техники труд в земледелии давно уже стал продуктивнее, чем в животноводстве, обеспечивая при равных затратах усилий больше средств существования. Поясним это конкретными цифрами. В самых примитивных условиях индивидуального крестьянского хозяйства русской деревни 1913 г. день батрацкого труда в среднем за год оплачивался примерно в 67 коп. при ценах ржи в 5 руб. 0,5 коп. за 1 *ц* и ценах баранины в 29 коп. за 1 *кг*. С учетом потребительного значения этих продуктов в калориях можно сказать, что день труда в животноводстве давал только 67 : 29 = 2,3 *кг* баранины × 2523 калории = 5,8 тыс. калорий, а в земледелии 67 : 5,05 = 13,3 *кг* ржи по 3010 калорий, или свыше 40 тыс. калорий. Конечно, качество этих калорий и вкус различны, но количественное значение в энергетическом балансе питания и воспроизводства рабочей силы эквивалентно. И, стало быть, труд крестьянина царской деревни в земледелии к 1913 г. был уже почти в 7 раз (40 : 5,8 = 6,9) продуктивнее его же труда в животноводстве.

О производительности труда в животноводстве первобытной эпохи у нас, разумеется, нет прямых данных. Однако весьма архаическое кочевое животноводство дожило кое-где, например в степях Монголии, и до наших дней. Имеются и бюджетные обследования хозяйств этого типа. В частности, по данным Монгольской экспедиции 1948—1949 гг., нам известно, что день труда в кочевом животноводстве Монголии оплачивался деньгами в 1,5 тугрика, или 1,33 *кг* баранины, т. е. значительно ниже, чем в животноводстве русских крестьян 1913 г. Выражая стоимость продуктов животноводства в днях труда кочевников Монголии и русских крестьян, получаем такие соотношения (в днях):

	В хозяйствах кочевников	В хозяйствах крестьян
Лошадь	146	123
Корова	146	88
10 овец	173	96
200 *кг* баранины	150	86
Итого	615	393
В %	100	64

[1] «Вопросы экономики», 1949, № 2.

Итак, труд кочевника в животноводстве, говоря грубо, вознаграждал его продукцией раза в полтора хуже даже нищенского крестьянского труда в дореволюционной России. А земледелие ему вообще не было знакомо. И это очень тягостно сказывается на сравнительном уровне жизни кочевника-скотовода. В кочевом хозяйстве монголов насчитывается на каждую семью свыше 155 голов скота, в том числе до 35 голов крупного, т. е. в 10—12 раз больше, чем у крестьян, но весь доход такой семьи не превышает 3,65 тугриков на день. Считая в семье не менее четырех полных едоков при затратах на питание даже до 65% бюджета, такой доход обеспечивает на едока не свыше 0,8 кг баранины, т. е. около 2000 калорий, в то время как суточная норма питания, как известно, даже для самого легкого труда достигает 2500—3000 калорий. Отметим, что питание русских крестьян в связи с более высокой производительностью их труда уже в начале XX в. достигало 4000 калорий в сутки на едока и более [1]. Из сказанного ясно, что именно низкая производительность труда в кочевом животноводстве, обрекая занятое в нем население на полуголодное существование, тем самым тормозила и дальнейшее развитие кочевых народностей, удерживая их на многие тысячелетия в состоянии глубокого исторического застоя. Однако и в земледелии производительная сила труда росла до эпохи социализма более чем умеренными темпами.

Начало земледелия относится еще к концу каменного века (неолит). Уже свыше 4000 лет человек занимается культурой хлебных злаков. Вначале он пользовался для этого весьма первобытной каменной мотыгой на деревянной рукоятке, затем ее сменила деревянная рассоха, влекомая по земле человеческой тягой. В этот доисторический период земледелия его трудоемкость была еще слишком велика, чтобы оно могло успешно конкурировать с животноводством. Достаточно сказать, что для вскопки под огородные культуры гектара земли даже современной железной лопатой требуется не меньше 120 8-часовых рабочих дней. Каменной мотыгой и даже ручной рассохой подобную работу едва ли можно было сделать и в 200 дней, не говоря уже о глубине и качестве рыхления. Однако период весенней обработки земли до посева в климатических условиях древней Руси очень короток — не больше двух-трех недель. Значит, мотыгой подготовить к севу за это время можно было одному работнику не более 0,1 *га*. Низкая техника не могла обеспечить высоких урожаев. Но, как увидим ниже, не только *мотыга*, но даже *соха* за весь период *феодального трехполья* не обеспечивала средней урожайности выше убогой нормы сам-третей. С $^{1}/_{10}$ гектара при такой агротехнике можно было все же собрать, за вычетом семян, пуда 1,5—2 зерна, но прокормиться таким урожаем даже бессемейному пахарю в течение целого года было совершенно невозможно. Мотыжное земледелие, очевидно, велось на Руси лишь на очень мелких клочках приусадебной земли и уже поэтому играло только подсобную роль в хозяйстве той эпохи.

Вместе с тем попутно напрашивается и еще один существенный вывод. В условиях «мотыжной» агротехники наши предки не могли бы базировать свое земледелие даже на совершенно даровом, *рабском* труде. Всего продукта рабского труда не хватило бы в этих условиях даже для пропитания самих рабов. Длительная эксплуатация чужого труда столь низкой производительности была совершенно невозможна.

Следы мотыжного земледелия на юге России восходят еще к доскифскому периоду. Раскопками в районе Коломыйщины обнаружены мотыги из лосиного или оленьего рога с просверленным отверстием для деревянной рукоятки, кремневые и костяные с зазубринами серпы и каменные

[1] Крестьянские бюджеты за 1924/25 гг. по Союзу СССР.— «Статистический справочник СССР 1927 г.». М., 1927, стр. 132—134; данные о питании сельского населения за 1924/25 г — «Статистический справочник СССР за 1928 г.». М., 1929, стр. 848.

зернотерки, которые датируются археологами вторым или даже третьим тысячелетием до нашей эры. Стало быть, и у нас кое-где земледелие насчитывает уже около 4000 лет. Некоторые историки склонны рассматривать его даже в этой стадии развития как *главную* отрасль хозяйства по сравнению с второстепенными — животноводством и охотой [1]. Но к подобным выводам можно прийти, лишь совершенно не считаясь с таким элементарным фактом, как соответствующий мотыжной технике крайне низкий уровень производительности земледельческого труда.

Кое-где, например на Смоленщине, мотыжное земледелие дожило у нас, по-видимому, даже до XII—XIII вв. Но наряду с ним археологи отмечают у нас и следы возникновения *подсечного* земледелия не позже III—IV вв. нашей эры (район реки Шексны), а затем и *пашенного* (сошного) не позже VII—VIII вв. А под 1127 г. мы находим уже в летописи прямое указание на практику *яровых* и *озимых* посевов, а стало быть, и трехпольного севооборота в Новгородской области.

Подсечная система земледелия в течение многих веков применялась не только славянами. Она практиковалась уже у древних германцев времен Цезаря и Тацита (58 г. до нашей эры — 98 г. нашей эры), воспевалась с незапамятных времен в рунах карело-финского народного эпоса «Калевалы» и дожила кое-где на севере, например в лесной Карелии, и до XX в. Поэтому о ней нам известно много больше, чем о доисторическом мотыжном земледелии каменного века. Ее основным орудием вместо каменной мотыги является уже железный топор. И хотя человек все еще обходится без сохи, продуктивность труда на подсеке уже много выше, чем в мотыжном земледелии. В «Калевале» процесс подсеки изображен в таких строках:

Старый верный Вейнемейнен
Тут топор устроил острый,
Вырубать леса принялся,
Побросал он их на поле,
Порубил он все деревья...
Высек он ударом пламя.
Ветер с севера примчался,
И другой летит с востока —
Превращает рощи в золу...

И лишь после этого

Он идет засеять землю,
Он идет рассыпать зерна...

В 1904—1905 гг. мне самому пришлось наблюдать этот процесс в одном из глухих карельских селений. Валка леса или *росчисти* его под посев производились здесь еще в начале зимы, чтобы лес успел подсохнуть до весны, когда его превращали в золу. Напомним, что и у славян один из зимних месяцев, в который производилась подсека, именовался «сечень», а один из весенних, когда сваленный и подсохший лес превращали в золу, носил название «березозоль». Но лес мало было свалить. Для пожоги леса его нужно было еще порубить, ибо тяжелые бревна мудрено было бы уложить в костры и передвигать по всему палу, чтобы по возможности спалить на нем все пни и колоды. О трудоемкости валки леса на подсеках мы имеем прямые данные XVII в. У боярина Б. И. Морозова в 1652 г. «в полех» чистили лес «наемные деловые людишки», чистили от зари до зари. И все же за 3,5 дня 139 рабочих вычистили всего 11 десятин, затрачивая по 44 рабочих дня на десятину [2].

[1] Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. М.— Л., 1946, стр. 22, 31.
[2] «Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в.», ч. 1. Л., 1933, стр. 76—77.

Не менее трудоемкой была, по-видимому, и работа на подсеке в весеннее время. Недаром для нее, так же как и для зимней валки леса, отводился особый месяц в древнем календаре. Порубить и сложить в костры порубленные бревна, как только сойдет снег и подсохнет почва, передвигая эти костры шестами постепенно по всей росчисти, чтобы всю ее очистить огнем и равномерно удобрить золою,— это адски тяжелая и трудоемкая работа в дыму и копоти, с которой люди каждый вечер возвращались домой обожженные и черные, как из пекла. А затем надо было еще убрать с росчисти все не успевшие сгореть остатки леса. Именно о такой вырубке и уборке подсеки как о богатырском подвиге поется в одной из былин об Илье Муромце:

> Пошел Илья ко родителям, ко батюшке,
> На тую на работу на крестьянскую,
> Очистить надо пал от дубья-колодья:
> Он дубье-колодье все повырубил...

Распахивать такой нераскорчеванный пал с тысячами корневых сплетений не под силу было бы даже мощному трактору, а потому его и вовсе не распахивали, а просто сеяли по пожоге, расковыряв кое-где примитивной мотыгой и заделывая кое-как брошенные зерна «наволоком», бороной-суковаткой. Малоплодородные лесные подзолы при такой обработке не могли дать высоких урожаев. К тому же нераскорчеванные подсеки уже на третью весну покрывались такой густой порослью, истощающей почву, что их приходилось надолго забрасывать, а под посев разделывать новые подсеки. Поскольку подсека дожила до наших дней, у нас имеются и вполне достоверные данные о потребных на ней затратах труда на десятину посева. Оказывается, что на *очистку* леса без его раскорчевки и в XIX в., как и раньше, требовалось около 45 дней на десятину. Ровно столько же уходило в первый год на *весеннюю пожогу* сваленного леса — итого 90 рабочих дней. А затем на обработку, сев и заделку вручную за два года эксплуатации подсчитаны такие затраты (в рабочих днях) [1]:

1-й год		2-й год	
«Опрятывание» .	6	Разрыхление . .	25
Боронование . .	10	Боронование . .	10
Посев	0,5	Посев	0,5
Заделка	10	Заделка	10
Итого . . .	26,5	Итого . . .	44,5

С добавкой 90 дней на валку и пожогу леса получаем, даже не считая уборки хлеба, 162 рабочих дня за 2 года эксплуатации, или по 81 дню на десятину посева в год. Из них в первый год только за *весеннюю кампанию* требовалось затратить 45 + 26,5 = 71,5 рабочего дня. И потому за краткостью этой кампании, недели за три, один работник мог при подсечной системе обработать не свыше 0,3 десятины посева. Правда, при обслуживании подсеки *конными* сохами-цапульками и «смыками» затраты труда на обработку десятины сокращались в среднем за 2 года на 21 человеко-день за счет дополнительной затраты 11 коне-дней. Но и при таком сокращении в первую посевную кампанию за одну лишь весну требовалось затратить на десятину подсеки 57,5 человеко-дня и 6 коне-дней с возможностью обработать (за 3 недели) не свыше 0,4 десятины на одного работника. На уборку хлеба серпом, возку его с поля, сушку и обмолот цепом требовалось еще, в условиях нашего севера, до 28 человеко-дней и

[1] П. Н. Третьяков. Подсечное земледелие в Восточной Европе.— «Известия Государственной академии истории материальной культуры», т. XIV, вып. 1. Л., 1932, стр. 34.

3 коне-дней на десятину посева[1]. Таким образом, вся сумма затрат в подсечно-огневом хозяйстве на десятину посева составляла, включая уборку, до 88 человеко-дней труда даже при использовании конной тяги в размере 14 коне-дней в год, а без нее — 109 рабочих дней на десятину.

Правда, по сравнению с мотыжным земледелием подсечное все же означало большой прогресс, сокращая затраты труда на единицу площади и единицу продукта раза в два и более. Но если учесть, что для вытеснения мотыжной агротехники подсечной системой земледелия потребовалось *около двух тысячелетий*, то прогресс покажется не столь уж значительным. Однако помимо общего сокращения затрат труда на единицу площади подсечное земледелие имело преимущество перед мотыжным еще и в том отношении, что значительная доля этого труда в нем падала на *зимний* сезон. Благодаря этому сезонная краткость весенней посевной кампании в меньшей степени лимитировала возможность расширения посевной площади.

Однако и такое расширение роли *земледелия* в общем балансе труда земледельца-животновода дофеодального периода едва ли могло бы обеспечить ему первенствующее значение в потребительском бюджете его семьи. Чтобы обеспечить семью только хлебом при урожае сам-третей и высеве до 8 пудов на 1 *га*, нужно на каждого работника с одним иждивенцем засевать ежегодно не менее 1,5 *га*. А между тем подсечная система земледелия отнюдь не обеспечивала таких возможностей ни 2000 лет назад — у древних германцев, ни даже в нашем столетии — на карельском подсеке.

Германцы в I в. до нашей эры, хотя они уже тогда практиковали подсечную систему земледелия, отнюдь не могли бы назвать его *главным* своим занятием. По словам Цезаря «они не особенно усердно занимаются земледелием и питаются главным образом молоком, сыром и мясом», т. е. продуктами животноводства. Лет полтораста спустя Тацит характеризует основной ландшафт Германии словами: «Это страшный лес или отвратительное болото». Приученные в своем быту «к голоду и холоду», германцы уже занимаются земледелием. И хотя «над хлебом и другими плодами земли они трудятся с бо́льшим терпением, чем это соответствует обычной лености германцев», но урожаи получают очень плохие и «требуют от земли *только посеянного»*. Конечно, никто не стал бы сеять в расчете на возврат одних лишь семян. Возврат этот подразумевается сам собою. И требование германцев в награду за свой труд от земли — за возвратом семян — лишь «посеянного» свидетельствует о крайне скудной норме урожайности их посевов — «сам-друг». Немудрено, что и во времена Тацита их обычную пищу составляли «дикорастущие плоды, свежая дичь или кислое молоко», а также мясо, а не хлеб; что в скоте, которым страна изобиловала, они видели «единственный и самый приятный для них вид богатства». Из ячменя же или пшеницы они варили не еду, а хмельной напиток «наподобие вина», а по-нынешнему — пиво.

На лесном севере нашей страны огневое земледелие и через 2000 лет *не прокармливало* занятого им населения, которое ежегодную нехватку хлеба восполняло продуктами животноводства, рыболовством и сбором всякого рода лесной ягоды. И так как это происходило уже в XX в., на наших глазах, то и для подтверждения сказанного вместо скупых ссылок на археологические раскопки или на Цезаря и Тацита можно привлечь гораздо более достоверные факты и цифры.

Об урожайности подсечного земледелия распространяются совершенно баснословные сведения вроде того, что на подсеке «одно зерно может дать до 30 колосьев»[2]. Но массовые статистические данные по Олонецкому

[1] По данным земской статистики Вологодской губ. 1903—1910 гг.

[2] П. Н. Третьяков. Подсечное земледелие в Восточной Европе.— «Известия Государственной академии материальной культуры», т. XIV, вып. 1, стр. 15.

краю, по всем уездам, где еще в 1908 г. до $^2/_3$ площади посевов оставалось под подсекой, совсем не подтверждают этих басен. Так, например, за 1904 г. средний урожай продовольственных хлебов по всем уездам Олонецкой губ., кроме Вытегорского, в котором уже преобладало трехполье, по данным Центрального статистического комитета, не превышал сам 3,13, что при высеве 10,4 пуда на десятину давало около 33 пудов валового сбора десятины. Это было значительно ниже средней нормы даже для убогого пашенного земледелия царской России. А за вычетом семян такой сбор обеспечивал не свыше 3,8 пуда продовольствия на душу сельского населения на целый год. Земли для распашки и подсечки там было всегда сколько угодно. Помещиков вовсе не было. И крестьяне, казалось бы, без всяких помех могли расширять свое хозяйство. А между тем посевная площадь их, по данным официальной статистики, и в 1900 г. не превышала 0,17 десятины на душу сельского населения, что заведомо не могло обеспечить его продовольственных нужд.

Но урожай сам-третей на подсеке в XX в. нельзя считать нормой для древнейшей подсеки. Напомним, что германцы времен Тацита довольствовались на подсеке урожаем сам-два. Едва ли и у славян времен летописца Нестора он был много выше. А между тем даже при урожае сам-третей подсека при посеве до 0,4 десятины на работника, или до 0,2 десятины на душу, за вычетом семян могла бы дать не свыше 3—4 пудов хлеба на душу в год. Ни по затратам труда, ни по значению в пищевом бюджете *такое* земледелие не могло бы еще стать «господствующей» у нас отраслью хозяйства.

Затраты труда на нашем севере даже при *пашенном* земледелии (к началу XX в.) были не ниже 40—60 рабочих дней на десятину. И если пашня все же и здесь *вытеснила* подсеку, то лишь потому, что на подсеке эти затраты были еще раза в два-три больше. Однако даже при затратах на десятину около 100 дней на посев не свыше *одной трети* десятины на работника требовалось всего до 33 дней за весь год. И, стало быть, в общем балансе труда крестьянина земледелие занимало здесь даже в XX в. далеко не первенствующее место.

Труд оседлого земледельца требует меньше земельной площади на единицу продукции по сравнению с экстенсивным скотоводством кочевника и уже поэтому, казалось бы, неизбежно должен вытеснить последнее на известной ступени уплотненности населения данной страны. Но сама его плотность является функцией роста производительности общественного труда. И если бы эта производительность из расчета на единицу продукции эквивалентной питательности, скажем, на 1000 усвояемых нами калорий, в кочевом скотоводстве была больше, чем в земледелии, то у наших предков не оказалось бы никаких экономических стимулов для вытеснения первого вторым. Первичным и решающим фактором в этом деле является, стало быть, лишь сравнительная *производительность,* или, говоря точнее, сравнительные *темпы роста* производительности данных отраслей труда. В земледелии эти темпы оказались выше, чем в кочевом скотоводстве, и потому оно постепенно вытесняло последнее.

То же самое можно сказать и о различных типах, или системах, земледелия. Подсечно-огневое земледелие оказалось производительнее мотыжного и вытеснило его, а затем и само по той же причине уступило свое место пашенному трехполью. Ни мотыжное, ни подсечное земледелие по своей низкой продуктивности и малому удельному весу в хозяйственной деятельности наших предков, вопреки мнению многих археологов, не могли, однако, еще стать *главной,* или *господствующей,* формой хозяйства по отношению к вытесняемым ими скотоводству и охоте. Их возникновение и развитие соответствуют поэтому еще *дофеодальным* ступеням развития производительных сил и общественного хозяйства. Лишь с появлением и

ростом пашенного трехполья создаются вполне благоприятные хозяйственные предпосылки для возникновения и расцвета феодализма в России. Зачатки сошного земледелия археологи датируют у нас, как уже указывалось, не позже VII—VIII вв., когда наряду с сохой в земледелии царили еще архаическая мотыга и топор на подсеках. Но с каждым последующим веком роль и удельный вес сошного земледелия быстро возрастали, и к XII в., если не раньше, мы находим здесь уже вполне определившиеся формы как пашенного *трехполья,* так и феодального общественного строя. И хотя огневая подсека еще в течение нескольких веков не сдавала пашенному земледелию всех своих позиций, все дальше отступая на север, но не она определяла хозяйственный и общественный строй страны.

* * *

Древнейшее известие об уровне урожайности в нашей стране находим уже в «Русской Правде». В Карамзинском списке «Русской Правды», извлеченном из новгородской летописи, имеется целый ряд статей, представляющих нечто вроде инвентарной описи имения какого-то ростовского князя или боярина со сметой вероятного приплода скота и других «прибытков» от имения на 12 лет вперед. Денежный счет в этом инвентаре ведется еще на «резаны», уже с середины XII в. исчезающие из наших летописей, а потому время его составления мы относим к началу XII в. В этом замечательном документе имеется, между прочим, такая статья «О ржи»: «А в селе сеяной ржи на два плуга 16 кадей ржи ростовьских. А того на одно лето прибытка на 2 плуга 100 копен ржи, а на всю 12 лет 1000 копен и 200 копен ржи».

Древняя кадь, или бочка, содержала 4 тогдашних четверти. Древняя четверть *новгородская* содержала около 6 мер, *московская* — около 4 мер. Но если новгородский летописец особо оговаривает, что речь идет о ростовских кадях, то, очевидно, они отличались от новгородских. Надо думать, что в Ростовской земле, вошедшей в состав Владимирского, а затем Московского княжества, употреблялась четь четырех-, а не шестимерная. Тогда высев на 2 плуга в 16 кадей составлял 64 старых или 32 новых четверти по 8 мер. Умолот зерна из копны ржи для нечерноземной полосы можно грубо принять в 0,64 четверти [1]. 100 копен дадут около 64 четвертей. Но эти 100 копен составляли «прибыток» от посева. Стало быть, валовой сбор оценивался с данного участка в 100 копен плюс 16 кадей возврата семян, или, говоря иначе, в 96 новых четвертей, что определяет урожайность той эпохи весьма скромной нормой — сам-третей. И это, очевидно, была *средняя* норма, ибо она положена в основу хозяйственных расчетов на целых 12 лет.

Урожайность того времени из расчета на единицу площади определить труднее ввиду неясности древней поземельной меры, именуемой «плугом». Имеющиеся в памятниках определения этой меры довольно противоречивы. Но, если исходить из высева, который, как показывают памятники со времен Ивана Грозного до наших дней, сохраняется в крестьянском хозяйстве в одной и той же норме — около четверти ржи на десятину в 2400 кв. саженей, то площадь ростовского плуга XII в. определится десятин в 16 посева, а стало быть, тогдашний урожай на десятину был около 3 четвертей ржи, или 26 пудов, т. е. раза в 2 ниже урожайности начала XX столетия.

О трудовых затратах на единицу посевной площади в соответствующую эпоху у нас нет, конечно, никаких прямых данных. В самих названиях поземельных мер (плуг, сошка, обжа и т. п.) имеются, однако, некоторые косвенные указания. В Софийской II летописи под 1478 г. имеется такое

---

[1] Такова норма XVII в. для боярских вотчин Нижегородской губ. По нормам умолота 1929 г. эта величина очень резко колеблется по областям, а в среднем по всей стране не превышала 0,54 четвертей из копны в 52 снопа.

пояснение к измерению земли сошкой: «А кто на трех лошадях и сам-третей орет ино то соха, а обжа — один человек на одной лошади орет». Таким образом, обжой называлось такое количество земли, которое мог распахать один конный работник, а сошкой — такое, которое требовало рабочей силы *трех* конных работников, т. е. по общему правилу целого крестьянского двора. Но за какой срок один работник запахивал обжу пашни? Это неясно.

По нормам крестьянской пахоты XIX в. на одну лишь вспашку десятины требовалось до 3 дней работы с конем, а значит, на 5 десятин — до 15 человеко- и коне-дней. Учитывая, кроме того, затраты труда *на посев* и *заделку* 5 десятин посева не менее 7,5 дня, обработать одноконному пахарю и в XIX в. свыше 5 десятин или 1 обжи за одну весеннюю кампанию едва ли было бы возможно. Но пахарю XV и XII вв. наша северная природа не обеспечивала больше годных для сева дней, чем в XIX в. Большей производительности труда, чем в XIX в., ему тоже приписать нет оснований. Отсюда заключаем, что обжей в 5 десятин посева в одном поле именовалось количество пашни, посильное для обработки в одну упряжку одноконному пахарю за всю посевную весеннюю или осеннюю кампанию, т. е. в 15—20 дней.

Но к этому нужно добавить, что наша почва во всей нечерноземной полосе требовала не одной вспашки. Вспаханное поле здесь приходилось еще «двоить», а во многих местах, на лесных подзолах, и «троить». Бороновали пашню тоже не раз, а два и три, включая заделку. И в общем, с учетом этих повторных операций, скажем, в Вологодской губ., даже в начале XX в. требовалось только в весеннюю кампанию на десятину посева до 13,6, а на обжу в 5 десятин до 68 дней труда. С такой нормой не мог бы уже справиться один работник в 15—20 дней. Она была едва посильна целой семье. И действительно, по писцовым книгам XV в. видно, что обычная норма крестьянской пашни на двор не превышала одной обжи или выти, хотя тогдашний двор в 6—7 душ располагал не менее чем 3 работниками.

И все же по сравнению с подсечно-огневым пашенное земледелие даже при самом примитивном трехполье означало целую революцию. Вместо 0,3—0,4 десятины посева на одного работника или *одной* десятины на двор оно позволяло уже обрабатывать до 5 десятин в одном поле, а в двух — до 10 десятин озимого и ярового посева *на двор*. Даже при урожае сам-третей это обеспечивало *чистый сбор* зерна с 10 десятин не менее 20 четвертей, или до 180 пудов. Этим можно было обеспечить не только годовое хлебное продовольствие всей семьи в 6—7 душ и корм скоту на целый год, но и некоторый остаток на выплату разных феодальных даней и поборов натурой. Только на этой ступени своего развития земледелие становилось *господствующей* отраслью хозяйства. Вместе с тем только на ней создавалась реальная база феодального общественного строя и феодальной земельной ренты.

* * *

В начале феодальной эпохи земельная рента была по необходимости довольно скромной, но все же значительно выше той нормы эксплуатации труда, какая оказалась возможной в период разложения первобытнообщинного строя. Скотоводы уже несколько тысяч лет назад, по законам Моисея, вынуждены были отдавать в пользу своей иерархической верхушки *десятую* долю своего продукта. Земледелие феодальной эпохи оказалось настолько продуктивнее скотоводства патриархальной эпохи, что еще в XV в. крестьяне-землеробы вместо «десятины» облагались в пользу своих феодальных господ пятым снопом своего урожая. Эта практика, многократно запечатленная в писцовых книгах XV—XVI вв., нашла в свое время и теоретическое обобщение в писаниях публициста XVI в. Ермолая-Еразма. Как и следовало ожидать, он обосновывал указанную практику в

духе времени «священным» писанием. «Достоит убо,— писал автор в своем сочинении «Благохотящим царем правительница и землемерие»,— и дань у ратаев царем и вельможам всеми имати от жит их *пятую* часть, якоже Иосиф в Египте учреди...» Пятая часть «от жит» при урожае сам-третей за вычетом семян повышалась, однако, с 20% валового до 30% чистого сбора и, стало быть, уже втрое превышала норму обложения, установленную «священным» писанием Моисея. А затем, как известно, по мере повышения урожайности землеробам пришлось, отчуждать в форме феодальной земельной ренты или прямой барщины все более высокую долю — до 50% своего труда.

Конкретных данных об урожайности посевов в условиях трехпольного парового земледелия XV—XVI вв. у нас очень мало, но в средних нормах она едва ли превышала урожай сам-третей [1]. Гораздо более ясные и достоверные данные об эффективности труда в полеводстве можно извлечь из памятников XVII в. В сказаниях иностранных наблюдателей того времени о русском земледелии встречаются весьма противоречивые оценки его состояния. Так, например, Петрей (1620 г.) уверял, что во Владимирской области рожь родится сам-12, 16, 18 и даже 20, в Рязанской же области «каждое высеваемое зерно дает иногда три колоса». А по Коллинсу (1667 г.), и «лучшия земли в России почти ничего не приносят, так как им не дают отдыхать...» [2] Но такие оценки, конечно, всегда субъективны и малоубедительны.

К счастью, от XVII в. у нас сохранились и подлинные записи хозяйственной отчетности по ряду имений в так называемых ужинных и умолотных книгах и других документах. И нужно сразу сказать, что эти документальные данные отнюдь не подтверждают сказочных показаний Петрея. Земля нечерноземной полосы была уже в XVII в. порядочно выпахана. И про эту полосу источники прямо говорят: «...а земля... здесь (в Костромской губ.— *С. С.*) без навозу не родит» [3]. Но и для благодатного юга с его огромными запасами целинного чернозема на «диком поле» наши источники, как будет показано ниже, дают средние нормы урожайности — отнюдь не сам-20, а в лучшем случае сам-4 или около того. Как видно, иностранцы вроде Петрея, Герберштейна и других, посетивших Россию в XVI—XVII столетиях, отличались большим легковерием и так же воспринимали слухи о сказочных урожаях Рязанской земли, как и всякие другие сенсационные небылицы [4].

Пестрота мер того времени затрудняет определение урожайности в абсолютных единицах. Правда, в XVII в. в Московском государстве уже была введена в обращение казенная десятина в 2400 кв. саженей и новая казенная четверть, вмещающая до 8,6 пуда ржи, но наряду с ними еще очень долго были широко распространены и всякие иные меры. Так, например, в нижегородских вотчинах боярина Б. И. Морозова в одних селах

---

[1] При таком урожае *валовой* сбор с обжи (10 десятин посева в двух полях) составлял на двор до 270 пудов, а *чистый* — около 180 пудов. Исключая из них *необходимый* продукт для потребления членов семьи и корма скоту по самой скромной норме 18 пудов на душу, или 126 пудов на двор в 7 душ, получим для изъятия в пользу феодалов как раз те 54 пуда, или 20% от валового сбора, т. е. *пятый сноп*, который фактически и отчуждался в те времена «у ратаев».

[2] Б. Г. Курц. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев, 1915, стр. 296, 299.

[3] А. А. Новосельский. Вотчинник и его хозяйство в XVII веке. М.— Л., 1929, стр. 98.

[4] Вспомним, например, с какой серьезностью барон Герберштейн, уподобляясь другому, не менее прославленному барону — Мюнгхаузену, рассказывает в своих «Записках о московитских делах» (СПб., 1908), с одной стороны, о необыкновенных урожаях Рязанской земли (стр. 104), а с другой — о разноцветных зайцах с *рогами* (стр. 99 и 112), о ягненке вырастающем подобно злаку, из семени (стр. 158), и даже о людях за Обью, которые каждый год 27 ноября умирают, а весной, к 23 апреля, наподобие лягушек, оживают (стр. 130).

употреблялась большая боярская десятина — 80 × 80 = 6400 кв. саженей, в других (с. Бурцово) — вдвое меньше — 80 × 40 = 3200 кв. саженей, в третьих (с. Кудашево) — и вовсе малая — так называемая *сороковая* — 40 × 60 = 2400 кв. саженей [1]. Четверть у боярина Морозова тоже своя, боярская, причем из записей видно, что 1160,25 чети в боярскую меру «с верхом» составили только 1001,5 чети в казенную меру, т. е. боярская четверть равнялась лишь 0,86 казенной [2]. Поэтому только в редких случаях представляется возможность с достаточной точностью расшифровать значение тех мер, о которых идет речь в памятниках этой эпохи. Попытку такой расшифровки на основании ужинных и молотных записей XVII в. в отношении вотчин Морозова мы даем в следующей таблице (табл. 1).

Таблица 1

Урожай нижегородских вотчин Б. И. Морозова в 1660 г. *

Культура и селения	Посев казенных десятин	Высев на десятину, пуд	Умолот из 100 снопов, пуд.	Урожай		Сбор, пуд.
				«в самах»	на десятину, пуд	
1	2	3	4	5	6	7
Рожь озимая						
Бурцово и Солнцево . . .	65,2	8,4	4,22	2,48	20,7	1350
Новое Покровское	26,7	6,9	5,41	4,45	30,9	824
Перегалей	18,7	8,3	7,40	5,24	43,5	814
Знаменское	13,3	8,6	6,90	4,97	42,9	570
Большие Кемары	13,3	8,3	6,44	2,76	23,0	306
Кудашево	7,0	9,5	7,04	4,31	41,0	287
Кеслава	4,7	11,0	7,40	2,47	27,2	128
Итого	148,9	8,3	5,55	3,48	28,7	4279
Овес						
Новое Покровское	26,7	9,0	4,67	4,45	40,0	1068
Бурцово	21,3	10,8	5,94	4,29	46,4	989
Солнцево	17,3	10,8	5,67	4,21	45,5	788
Перегалей	18,7	14,6	7,55	2,52	37,0	692
Большие Кемары	10,7	13,4	5,5	4,25	57,2	612
Знаменское	7,3	14,3	8,31	4,83	69,4	507
Кудашево	11,0	10,7	5,77	2,01	21,6	237
Кеслава	4,7	14,3	5,5	3,18	45,7	215
Итого	117,7	11,6	5,10	3,74	43,4	5108
Пшеница яровая	29,3	11,7	3,96	2,30	27,0	792
Итого яровых . .	147,0	11,6	4,34	3,45	40,0	5900
Всего хлебов . . .	295,9	9,9	5,15	3,46	34,4	10179

* Вес боярской четверти, 86% казенной, принят для ржи 7,4 пуд., для овса — 4,8 пуд., для пшеницы — 7,8 пуд.

---

[1] Ив. Забелин. Большой боярин в своем вотчинном хозяйстве.— «Вестник Европы», т. 1, № 1. СПб., 1871, стр. 27; т. 1, № 2, стр. 466.

[2] «Книги посовные, ужинные и умолотные в имении Морозова».— «Временник Московского общества истории и древностей российских», кн. 7. М., 1850, стр. 6.

Как видим, средний урожай на боярской запашке Морозова в 1660 г. определился нормой сам-3,5. Весовое его выражение, исходя из объема боярской четверти Морозова в 0,86 казенной четверти XVII в. определилось в 34,4 пуда на казенную десятину. Урожай 1660 г., по-видимому, был средним для данного района. По крайней мере, по с. Новое Покровское, для которого имеются данные за целое пятилетие (1657—1661 гг.), урожай 1660 г. ничем не отличается от среднего за все это пятилетие (около 35 пудов ржи и овса на казенную десятину).

Высев зерна на казенную десятину у боярина Морозова достигал 8,3 пуда для озимой ржи и 11,6 пуда для яровых — нормы, весьма близкие к нормам XIX в. Умолот из копны в 100 снопов — 5,5 пуда ржи, 4,0 пуда пшеницы и 5,1 пуда овса — довольно низок и свидетельствует о мелком размере снопов у Морозова. Становилось таких копен-сотниц у него на *казенной* десятине от 5 до 10 и больше, а на *фактической* на круг — до 12 копен на десятину.

Значительно ниже по сравнению с образцовым для того времени хозяйством боярина Морозова стояли подмосковные вотчины царя Алексея Михайловича. По данным 1675 г., в этих вотчинах была высеяна 37 291 четь зерновых, намолочено 113 335 четей той же меры. Урожай — сам-3,04 в том числе по ржи — сам-3,02, по овсу сам-3,0, по пшенице — сам-2,7 и лишь по второстепенным хлебам эта норма поднималась до сам-3,5—3,7.

Судя по высеву 2 четей ржи и 3,9 чети овса на десятину, размер ее раза в два превышал казенную норму.

Обращаясь к государевым десятинным запашкам на юге тогдашней России, мы находим здесь особо ценные для нашей цели материалы [1]. Особенностью этой окраины было то, что она начала заселяться только со второй половины XVI в. и была в XVII в. очень слабо населена, главным образом детьми боярскими пограничной «драгунской» службы, стрельцами, казаками и другими служилыми людьми. Причем в целых городах, как видно из писцовых книг, ни у одного из детей боярских не оказывалось ни крестьян, ни бобылей. Вести хозяйство крепостным трудом здесь, в пограничных областях, откуда так легко было сбежать на вольные просторы южных степей, было затруднительно. И еще в 1648 г. перепись обнаружила, что у 36 курских помещиков было распахано едва 10% принадлежавшей им земли. Здесь преобладали повсюду вовсе не распаханное «дикое поле» и покосы. Край считался богатым. И, в частности, известно, что во время страшного голода на Москве в 1600—1602 гг. в поисках дешевого хлеба прибегали к «изобильным странам, в числе коих наппаче г. Курск был».

Какие же нормы урожайности можно отметить в XVII в. для этих «изобильных стран» юга тогдашней Руси?

Самый длинный ряд урожаев — за целых 16 лет подряд, с 1676 по 1691 г.,— находим на елецкой государевой десятинной пашне бывшей Орловской губ. Площадь посева на двух полях здесь достигала 200 десятин. Высев на десятину ржи в 1,5 четверти ржи и 3 четверти овса доказывает пониженный объем этой четверти, равной 6 четверикам. А общие итоги росписи урожаев елецкой пашни за 16 лет на первый взгляд вызывают недоумение. Вот они [2]:

	Ужато копен	Вымолочено четей	Высеяно четей	Урожай в «самах»
Рожь	5693	5608	2557	2,2
Овес	5813	4485	4502	1,0
Итого	11506	10093	7059	1,43

[1] И. Н. Миклашевский. К истории хозяйственного быта Московского государства, ч. 1. М., 1894, стр. 226 и сл.

[2] Там же, стр. 279.

Как видим, получается неожиданный результат. Урожаи овса за целых 16 лет как будто не вернули даже семян. Но царское хозяйство обрабатывало здесь землю наемным трудом, учитывало его результаты и, разумеется, не стало бы десятки лет безрезультатно бросать в землю семена. Необходимо, однако, учесть следующее: умолот и высев в данном случае выражены в четвертях *разной* меры.

Широкая практика хлебного ростовщического кредита в государевых «посопных» волостях осуществлялась так, что в долг крестьянам хлеб выдавался четвертями в «отдаточную» меру, а при возврате долга хлеб принимался уже иными четвертями — в «приимочную» меру. Точно так же и в своем хозяйстве высев, т. е. затраты, исчислялся здесь обычно в отдаточных, а умолот, т. е. возврат семян,— в приимочных четвертях. О соотношении этих мер можно судить из следующей росписи остатков хлеба на Ельце за 1625 г.: «Государева десятиннаго хлеба 133 года в Государеву приимочную меру четь в восемь четвериков сверхи ржи за семены (т. е. осталось после посева.— *С. С.*) 443 чети и полчетверика, а в отдаточную меру четь в шесть четвериков вровно 701 четь с осминою» [1]. Из равенства 443 четей приимочных 701,5 чети отдаточной выводим, что приимочная четь превышала в Ельце отдаточную на 58%. Таким образом, отдавая своим подданным хлеб в посоп, т. е. в лихву, русские цари, даже не получая за ссуду ни одной лишней меры хлеба, обеспечивали себе весьма высокую норму ростовщического процента.

Эту поправку необходимо иметь в виду и при исчислении норм урожайности. Но если к выведенным выше нормам урожайности по Ельцу сделать указанную поправку для проведения высева и умолота к сравнимому виду, то средняя урожайность составит по Ельцу (в пудах на десятину):

	Высев	Умолот	Урожай в «самах»
Рожь	9,6	33,8	3,47
Овес	12,4	19,6	1,58
В среднем	10,7	26,4	2,47

В других районах Южной России того времени мы можем отметить и более высокую урожайность на государевой десятинной пашне, в особенности по овсу. Так, по Курску и Белгороду Миклашевский приводит за 1619 г. урожай овса сам-2,3 и сам-3,5 [2]. Но особенно подробные сведения дошли до нас о производстве хлебов на государевой десятинной пашне в Яблонове, бывшей Курской губ.[3] Это была довольно большая экономия — по 200 десятин в каждом поле, не считая покосов. Сена в 1642 г. в Яблонове было накошено 3000 копен, что по тогдашним нормам соответствовало площади укоса десятин в 300, причем косили «понедельно переменяючися» по 40 косцов, косили 3 недели и, стало быть, затратили около 720 человеко-дней. В общем, считая пашню, покос и прочие угодия, в этой экономии было не менее 900 десятин пашни и сенокосов, 40 лошадей, 30 телег, 19 сох и 38 сошников в запасе, 20 борон, 30 кос, 87 серпов и т. д. В 1640 г. на пахоте занято было до 46 сроковых рабочих, а в июле на уборку ржи выходило до 225 поденных жниц. Поденно пахарям и за молотьбу платили по 5 коп., а бороноволокам-подросткам и жницам — по 3 коп. за день. За 1642 г. каждая четверть урожая по всем хлебам обо-

---

[1] И. Н. Миклашевский. Указ. соч., стр. 228. В других районах это отношение, очевидно, в зависимости от разной формы, меры и величины «верхов» довольно сильно варьирует, кое-где применялись «отдаточные» чети и в 8 четвериков «вровно».

[2] Там же, стр. 226.

[3] Там же, стр. 233, 287—288, 302—307.

шлась экономии в «2 гривны»[1] при средних продажных ценах не ниже 25,6 коп. (считая рожь по 30 коп. и овес по 20 коп. за четь). Из расчета на десятину посева эти затраты составили на 4,6 чети сбора (по 2 гривны) около 92 коп., в том числе на оплату *учтенного* труда, исходя из общей суммы по всем хлебам в 243 руб. 52 коп.— не менее 67,6 коп. на десятину; а прибыль и рента — не менее 25 коп. на десятину. Кстати сказать, отдавая десятинную пашню в «наем», царская казна взимала в курских краях уже в 1619 г. по 25 коп. «наемных денег» за десятину посева[2]. Средний урожай в Яблонове в 1642 г. достигал сам-4,6, но это слишком высокая норма урожайности для того времени[3]. Сопоставляя ее с другими приведенными выше данными, можно приблизиться, однако, и к более типичным показателям урожайности XVII в. (табл. 2).

Таблица 2

Урожайность в крупных экономиях XVII в.

Районы	На десятину, пуд.			В «самах»		
	озимые	яровые	всего	озимые	яровые	всего
1	2	3	4	5	6	7
Нечерноземная полоса						
Подмосковный (1675 г.)	26,0	32,7	29,3	3,02	3,05	3,03
Нижегородский (1660 г.)	28,7	40,0	34,4	3,48	3,45	3,46
В среднем	27,3	36,3	31,8	3,25	3,25	3,25
Черноземная полоса						
Орловский (Елец, 1676—1691 гг.)	33,8	19,6	26,4	3,47	1,58	2,47
Курский (Яблоново, 1642 г.)	51,2	41,4	47,0	5,28	3,76	4,56
В среднем	42,5	30,5	36,7	4,37	2,67	3,51
В среднем по обеим полосам	34,9	33,4	34,3	3,81	2,96	3,38

Таковы нормы урожайности зерна в наиболее крупных царских и боярских владениях. На мелких крестьянских участках они были, конечно, еще меньше. По данным 1909—1913 гг., урожайность крестьянских посевов на надельных землях была процентов на 20 ниже, чем на владельческих. Допуская, однако, что в XVII в. эта разница была даже вдвое меньше, придется все же признать, что и в XVII в. нормы урожайности крестьянских полей еще очень мало отличались от традиционной для феодального трехполья нормы *сам-третей* (3,38 : 1,1 = 3,07). В таком случае и в среднем для крестьянских и помещичьих владений она едва ли превышала сам-3,2.

Затраты труда в полеводстве на мелких крестьянских участках обычно превышают норму затрат на единицу площади в крупных хозяйствах. Но, к сожалению, их никто не учитывал у крестьян в XVII в. Тем интереснее

[1] Там же, стр. 288; по прикидкам И. Н. Миклашевского (стр. 234) — 38,9 деньги, или 19,4 коп., но он вовсе не учитывает всех материальных затрат, которые уже в 1640 г. составляли до 2 коп. на четверть урожая (стр. 302—306).

[2] Там же, стр. 270.

[3] В том же Яблонове, в котором за 1642 г. ржи намолочено было 1067 четей, в 1640 г. умолот ее составил всего 724 чети при урожае сам-2,32 (И. Н. Миклашевский. Указ. соч., стр. 306).

редкая возможность довольно точно учесть их для Яблоновской экономии на государевой десятинной пашне. По моим подсчетам, исходя из денежных затрат и поденных расценок труда для этой экономии получились такие нормы затрат труда (табл. 3).

Таблица 3

Затраты труда на десятину в 1642 г. (в чел.-дн.)

Работы	Рожь	Овес	В среднем
1	2	3	4
Пахота	(5,1)	5,1	5,1
Боронование	2,8	1,5	2,2
Жнитво	9,5	8,6	9,1
Молотьба	4,8	4,7	4,8
Итого по учтенным работам . . .	22,2	19,9	21,2
Сев (по данным XIX в.)	0,6	0,6	0,6
Возка и скирдование (по данным XIX в.)	3,6	3,6	3,6
Всего	26,4	24,1	25,4
Кроме того, коне-дн.	12,2	9,5	11,0

Для черноземного центра благодаря застойной технике показанные затраты оказались, по-видимому, довольно устойчивыми. По крайней мере и два века спустя по урочным положениям 1850 г., в барских имениях этого района на десятину озимых посевов требовалось не менее 25,6 человеко-дня и 11,7 коне-дня. Но в черноземном центре не требовалось вывозить навоз, сушить в овинах сырой хлеб, и вообще, по данным XIX в., затраты труда в этом районе были ниже средних по всей России процентов на 14. Таким образом, *средней* нормой затрат на десятину посева в XVII в. *для всей страны* нужно принять норму не ниже 29 человеко-дней и 12 коне-дней. Как видно из урочных положений, составлявшихся помещиками для своих крестьян уже накануне их освобождения, эти нормы в условиях примитивной техники феодальной эпохи не претерпели существенных изменений за весь крепостной период. Конечно, помещики, составляя свои «положения», по мере сил *завышали* свои требования к крестьянскому труду. Крепостной труд не мог бы обеспечить их выполнения. Но в собственном крестьянском хозяйстве, а также в условиях вольного найма после реформы они оказались, как показал опыт, вполне реальными.

* * *

Пореформенный опыт в этой области зафиксирован был не раз в массовых обследованиях Центрального статистического комитета (1885—1889 гг.) и земской статистики. И поэтому его легко подытожить. Конечно, сравнимость таких выборочных исследований, производившихся в разное время, разными методами и с различным территориальным охватом, оставляет желать очень многого. Нелегкой задачей является и сводка воедино весьма пестрого материала таких исследований. Однако, пользуясь уже имеющимися сводками Б. И. Брагинского и других авторов, мы имеем возможность сделать одно весьма поучительное сопоставление (табл. 4).

Таблица 4

Затраты на десятину озимых посевов

Районы обследований и почвенно-климатические зоны	1850-е годы		1885—1889 гг.		1890—1917 гг.	
	чел.-дн.	коне-дн.	чел.-дн.	коне-дн.	чел.-дн.	коне-дн.
1	2	3	4	5	6	7
1. Северный и Приозерный	51,4	25,4	41,0	16,5	52,4	20,1
2. Белорусский	44,9	21,1	35,3	15,0	47,6	17,6
3. Центрально-промышленный	43,2	21,3	33,6	15,0	50,8	15,0
4. Приуральский	35,5	17,0	29,4	13,8	33,3	18,0
5. Украинский	35,6	13,5	32,7	10,7	23,6	10,3
6. Нижневолжский	26,9	12,0	15,4	6,1	28,6	18,2
7. Центральный земледельческий	25,6	11,7	24,0	11,4	28,0	10,0
8. Средневолжский	23,8	11,5	29,3	12,2	27,6	10,0
9. Новороссийский	19,2	11,9	14,3	7,6	14,9	12,7
В среднем по 9 районам	29,2	14,7	29,6	12,3	30,5	13,2
В том числе по зонам:						
лесная зона (1—4)	43,7	21,2	34,8	15,3	46,0	19,0
лесостепная (5—8)	28,0	12,2	25,3	10,1	26,9	12,1
степная (9)	19,2	11,9	14,3	7,6	14,9	12,7

Нормы 50-х годов характерны для переходного момента от старой, феодальной к новой, капиталистической эпохе, когда были еще весьма сильны пережитки крепостного режима. Как известно, эти пережитки сохранялись очень долго. Капитализм проникал в деревню сначала туго, но проникал и все глубже, в особенности на юге России, где за недостатком дешевой рабочей силы приходилось уже с давних пор внедрять и несложные уборочные машины — жнейки и молотилки, а в передовых экономиях — и многопольные севообороты. Нормы конца 80-х годов, составленные на основании опроса «сведущих хозяев», отражают уже опыт кулацко-капиталистической верхушки деревни. Земские данные XX в. базируются на опыте крестьянских хозяйств, но все же это в основном опыт верхушечных прослоек деревни.

В районном разрезе приведенные данные весьма резко отклоняются от средних по стране. Однако и в этих отклонениях нетрудно подметить весьма определенные зональные закономерности: чем выше мы поднимаемся с юга на север, тем выше становятся и нормы трудовых затрат на десятину посева. Тем показательнее устойчивость *средних* затрат на единицу площади за весь капиталистический период, что отражает глубокий застой в техническом вооружении дореволюционной русской деревни. Конечно, агротехника деревни все же не стояла на месте: в более крупных имениях внедрялась и плодосменная система хозяйства, и многопольный севооборот, и в тех или иных размерах мелиорация, а в южных районах — и простейшая механизация труда. Но вся экономия труда за счет частичной его механизации, как видно, целиком поглощалась повышением затрат в связи с увеличением агротехники и не изменила поэтому средних норм затрат труда на единицу эксплуатируемой земельной площади. Однако было бы грубейшей ошибкой, основываясь на стабильности этого показателя, думать, что и производительность земледельческого труда в России за весь этот период оставалась стабильной.

Обращаясь к данным об урожайности зерновых хлебов, которая еще в XVII в., по нашим прикидкам, не превышала сам-3,2 мы можем на основании уже гораздо более точных массовых данных установить, что уже в 1800—1850 гг. она достигала урожая сам-3,5. А затем этот уровень повышался следующими темпами[1] (табл. 5). Как видим, если за два века крепостного права — с половины XVII до половины XIX — урожайность наших полей повысилась в «самах» всего с 3,2 до 3,5, т. е. едва на 9—10%, то за полвека капиталистического развития она возросла процентов на 60. При почти полной стабильности трудовых затрат на единицу площади это означает и соответствующий прирост продуктивности живого труда из расчета на единицу продукта. А кстати сказать, этот ускоряющийся в веках рост плодородия почвы в нашей стране при почти неизменных затратах труда весьма наглядно ниспровергает попутно и пресловутый «закон» буржуазной политэкономии об *убывающем* плодородии земли. Об этом уже говорит следующий иллюстративный расчет, который достаточно точно отображает основные сдвиги в динамике производительности земледельческого труда в России за весьма большой исторический период (табл. 6).

Таблица 5

Динамика урожайности в России

Годы	В «самах»	%
1	2	3
1800—1850	3,50	100,0
1851—1860	3,55	101,4
1861—1870	3,70	105,7
1871—1880	3,91	111,7
1881—1890	4,27	122,1
1891—1900	4,79	136,8
1850—1900	4,04	115,4
1901—1910	5,22	149,1
1911—1915	5,69	162,5

Таблица 6

Динамика производства зерна в России

Социальный уклад и система земледелия	Ведущие орудия труда	Века и годы	Затраты труда на 1 *га* посева, дн.: в поле	на конную тягу	прочие	итого	Сбор зерна с 1 *га*, пуд.: валовой	семена и корм скоту	чистый	Стоимость 1 *т* зерна, чел.-дн.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
I. *Дофеодальный уклад*										
а) подсечно-переложная система . . .	Топор и борона — суковатка	III—IV вв.	100,0	—	—	100,0	17,0	8,5	8,5	718
		до XVII в.	70,0	6,4	—	76,4	25,5	12,3	13,2	352
II. *Феодализм*										
б) паровая трехпольная система . . .	Соха, серп, цеп	XII в.	(27,6)	6,0	1,8	35,4	25,5	12,1	13,4	161
		1642 г.	27,6	5,5	3,7	36,8	27,2	11,8	15,4	146
		1850—1860	25,1	5,4	4,1	34,6	29,8	11,7	18,1	117
III. *Капитализм*										
в) многопольная система	Плуг и конные машины	1885—1889	25,4	5,3	4,4	35,1	36,3	11,7	24,6	87
		1909—1913	26,7	5,7	6,4	38,8	45,1	11,9	33,2	71

Приведенные нами данные свидетельствуют о том, что производительность труда в земледелии от уклада к укладу и от системы к системе

[1] «Бюллетень Центрального статистического управления», 1921, № 50, стр. 4.

росла *скачками, с возрастающим ускорением.* Уже переход от подсечной системы дофеодального общества к феодальному трехполью сопровождается более чем удвоением производительности труда. Но этот период измеряется несколькими столетиями. Затем за 600 с лишним лет феодализма она поднимается всего до 5% за каждое столетие. Затем мы наблюдаем новый скачок в связи с переходом к капитализму — за 25—30 лет (с 1860 по 1885—1889 гг.) она выросла на 35%. Это был период, когда русское сельское хозяйство за каждое десятилетие пробегало 200-летний путь феодального развития.

2. ОТВЕТ КРИТИКАМ

Внимание моего критика т. Корнеева[1] привлек поднятый мною вопрос о том, могло ли дофеодальное земледелие в его наиболее примитивных стадиях развития — мотыжного и подсечно-переложного земледелия — стать господствующей отраслью хозяйства в древней Руси или нет? Исходя из весьма низкого уровня производительности труда в условиях мотыжного и подсечноогневого земледелия, мною этот вопрос разрешается отрицательно. А мой оппонент, считая, что мною сильно преувеличена трудоемкость этих стадий земледелия, решает его положительно.

Однако уже в самом начале спора т. Корнеев отвлекается от сути вопроса, пытаясь связать его с другим вопросом о так называемой норманистской «теории» образования на Руси государства. Норманисты игнорировали социально-экономические предпосылки государственности, и их «теория» уже поэтому совершенно неприемлема для нас, марксистов. Кстати сказать, взгляд, согласно которому достаточно посадить себе на шею нескольких пришлых авантюристов из прекрасного далека для того, чтобы они в неведомой для них стране сразу же наладили новый, государственный порядок соответствует лишь младенческому состоянию науки и едва ли заслуживает наименования теории. Мы знаем, что «государство возникло из потребности держать в узде противоположность классов» и всегда было, исключая социалистическое государство, организацией «имущего класса для защиты его от неимущего»[2]. Стало быть, наличие государства в стране уже само по себе предполагает и развитый в ней институт частной собственности, и имущественное неравенство, и социальное расслоение, и классовую эксплуатацию трудящихся, и достаточно высокий для этого уровень производительных сил. Эти предпосылки государственности впервые созревают еще в дофеодальную эпоху истории, на стадии разложения первобытнообщинного строя и перехода его к рабовладельческой формации. Тем более бесспорно их наличие в Киевской Руси на заре феодальной формации, когда она уже с VII в. осваивала *сошное* земледелие, а в эпоху «Русской Правды» достигла весьма высокого уровня культуры среди других феодальных держав средневековья.

Спорным является совсем другой вопрос, а именно вопрос об уровне производительности и значении в хозяйстве *древней* Руси не *сошного* земледелия к моменту образования русского феодального государства, а *мотыжного* и *подсечного* в период *дофеодальной* формации. Это вопросы не только разных веков, а даже различных формаций. Каждый из них решается по-разному. И скачок в производительности от подсеки топором III—VII вв. к поднимающей целину конной *сохе* на грани двух формаций лишь подкрепляет общепризнанную у нас концепцию о высоком экономическом уровне Руси IX—XII вв. Объединять эти эпохи воедино, как это

---

[1] А. Корнеев. К истории земледелия в России.— «Вопросы экономики», 1949, № 7, стр. 83—92.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 171—172.

делает т. Корнеев, упрекая меня в том, что я делаю «шаг назад» в освещении роли земледелия «древней Руси и в период раннего *средневековья*», едва ли закономерно. На мой взгляд, шаг вперед в научном освещении вопроса о сравнительном уровне производительности труда в земледелии на разных этапах его развития сделает только тот, кто правильнее решит эту нелегкую задачу, а не тот, кто, подобно т. Корнееву, признает ее уже без исследования решенной, хотя, по собственному же его мнению, вопрос этот «в нашей исторической литературе почти совершенно не разработан».

«Теория» норманистов о призвании варягов во всяком случает к этому вопросу ни в какой связи не стоит. Или, если угодно, между ними такая же связь, как в известном сопоставлении: «В огороде бузина, а в Киеве — дядька».

Возвращаясь к существу спора об уровне производительности и роли русского земледелия в дофеодальную эпоху, ограничим прежде всего рамки интересующего нас периода в этой эпохе. Рабовладельческой формации русское земледелие, как известно, не знало, хотя рабы и применялись в домашнем быту. С другой стороны, из этих рамок целиком выпадают и все ступени развития доклассового общества, не знавшие земледелия. Что же остается? Чтобы уточнить рамки интересующего нас периода земледелия доклассовой Руси, обратимся к общей схеме периодизации доисторических ступеней культуры, принятой Энгельсом. В самом сжатом виде эта схема прежде всего различает две большие эпохи, эпоху дикости и эпоху варварства, с подразделением каждой эпохи на три ступени.

В эпоху дикости первобытное общество в лучшем случае располагает только каменными орудиями, луком и стрелами. На низшей ступени, до изобретения огня, оно промышляет в основном сбором плодов, ягод и съедобных кореньев; на средней, при наличии огня и грубых каменных орудий (палеолит), оно уже переходит к рыболовству; на высшей, располагая помимо огня и каменного топора также луком и стрелами (неолит), оно добывает себе средства к существованию в основном уже рыболовством и охотой. Все это время господствует общность имущества и групповой брак. Но за отсутствием земледелия вся эта эпоха целиком выпадает из нашего рассмотрения.

Мало отличается от высшей ступени дикости и низшая ступень варварства. Новшеством в области техники производства здесь является лишь введение гончарного круга, а в области общественного быта — переход от группового брака к парной семье. Здесь родовой строй при имущественном равенстве и господстве матриархата, по Энгельсу, «достигает своего расцвета» [1]. Однако и на этой ступени первобытного коммунизма мы еще не продвигаемся дальше охотничьего быта; о земледелии здесь нет еще и речи, а потому и оно остается за пределами нашей темы.

Первое крупное общественное разделение труда Энгельс относит лишь к средней ступени варварства, когда у ряда передовых племен «на равнинах Индии, а также вдоль Оксуса и Яксарта, Дона и Днепра» впервые началось приручение и разведение скота и «пастушеские племена выделились из остальной массы варваров». «Главной отраслью труда» у них при этом, по Энгельсу, «сделалось сначала приручение и лишь потом уже разведение скота и уход за ним» [2]. Однако наряду со скотоводством и «огородничество, вероятно не известное жителям Азии, находившимся на низшей ступени варварства, появилось у них не позднее средней ступени, как предшественник полеводства» [3]. К этому времени «добывать железо еще не умели», а бронза «не могла вытеснить каменные орудия» [4].

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 156.
[2] Там же, стр. 31, 160.
[3] Там же, стр. 160.
[4] Там же, стр. 161.

Учитывая эти замечания Энгельса, можно заключить, что именно в эту пору, т. е. на средней ступени варварства, когда железного топора для подсеки еще не существовало и каменная мотыга была поэтому единственно доступным орудием земледельца, мотыжное земледелие и получило свое полное развитие. Но следуя за Энгельсом, придется согласиться и с тем, что такое земледелие на мелких огородных участках как *предтеча* обработки полей в условиях развитого животноводства не могло еще стать *господствующей* отраслью хозяйства, хотя, быть может, его успехи и послужили первым толчком к оседлости многих кочевников.

Вывод о подобной роли мотыжного земледелия мною подтверждается данными о высокой его трудоемкости. Разумеется, у меня нет данных о нормах выработки каменной мотыгой наших предков доисторических времен. Но, исходя из вполне законной презумпции, что железная лопата производительнее каменной мотыги, я привел свидетельство советского агронома, согласно которому для ручной вскопки гектара огородной земли и ныне требуется не менее 120 человеко-дней [1]. Корнеев считает эту норму «преувеличенной» (стр. 86), а я — минимальной. По другому источнику, «весенняя перекопка почвы (с выбором корневищ сорных растений)» требует 180—200 рабочих дней на десятину [2]. И это лишь для «перекопки» рыхлой огородной почвы. На вскопку целины или перелога потребовалось бы много больше труда. Извлечение корневищ сорняков при ручной копке необходимо, ибо она не переворачивает пласт почвы, подобно плугу, вверх корнями, и сорняки на взрыхленной лишь лопатой или мотыгой почве задушили бы всякие иные, культурные всходы. Но, кроме того, на посев и заделку, уход и уборку урожая каменным серпом варварской эпохи, несомненно, требовался еще не один десяток рабочих дней. Да и сами каменные орудия-мотыги и серпы не с неба сваливались варварам в готовом виде. На их изготовление и ремонт требовались также большие затраты труда.

Огромная трудоемкость всех этих операций в условиях каменного века для получения *хоть сколько-нибудь сравнимого* с позднейшим железным веком *полевого эффекта*, казалось бы, очевидна. И если т. Корнеев утверждает обратное, если, на его взгляд, «*совершенно очевидно*, что обработку почвы железной лопатой под огородные культуры *ни в коем случае нельзя считать менее трудоемкой*, чем обработку (каменной!) мотыгой», если действительно «рыхление земли (каменной!) мотыгой — *работа более быстрая и менее утомительная* [3], то почему бы ему не запатентовать это блестящее «открытие» о преимуществах каменного века перед железным и не войти на первый случай хотя бы в Совет колхозов с практическим предложением о замене всех огородных железных лопат каменными мотыгами? Ведь это сулило бы не только большое облегчение труда, но и немалую экономию в железе.

Т. Корнеев относит и мотыжное, и подсечно-огневое земледелие к одной и той же *системе* земледелия, *одновременно* функционировавшей в различных районах: мотыжное — в южной степной полосе, подсечное — в лесной (стр. 83). К сожалению, т. Корнеев и в этом случае игнорирует элементарный, но сам по себе важнейший факт, что мотыга была *каменной*, а топор на подсеке *железный*, и что их разделяло не только пространство, но и весь промежуток времени, протекшего от веков камня и бронзы до железного века. Таким образом, они стоят на различных ступенях человеческой культуры. И если мотыжное земледелие в качестве подсобного огородного хозяйства степных пастушеских племен по Дону и Днепру ведет свое начало еще со средней ступени варварства, то возможность

---

[1] Н. С. Богацкий. Нормы выработки в садоводстве и огородничестве. Усмань 1930, стр. 43.

[2] «Справочная книжка русского агронома». Пг. 1920, стр. 188—189.

[3] «Вопросы экономики», 1949, № 7, стр. 85—86.

подсеки возникает на *высшей* ступени варварства, которая, по Энгельсу, началась со времен плавки железа [1]. Только на этой ступени железный топор и железная лопата обеспечили возможность расчистки и корчевки леса сначала под подсечно-огневое земледелие подсобного значения, как у германцев времен Тацита, а затем с появлением конной сохи с железным лемехом «стало возможно земледелие в крупном размере». И лишь тогда, наконец, земледелие стало уже не подсобной, а «основной» отраслью хозяйства [2].

Т. Корнеев явно недооценивает важнейшей роли в смене форм хозяйства и систем земледелия таких факторов, как способы производства и орудия труда и, в частности, роль железа. А между тем железо, по определению Энгельса,— это «последний и важнейший из всех видов сырья, игравших революционную роль в истории» [3], слишком резко отграничивает мотыжное земледелие от подсечно-огневого для того, чтобы объединить их в единой системе. Они радикально различаются не только способами производства и орудиями труда, но и скачком в его производительности от первой системы ко второй.

Мотыжное земледелие до появления железного топора на Руси могло бы расширяться только на юг от грани лесов, проходившей тогда, кстати сказать, гораздо южнее нынешней лесной зоны. Но в южных степях кочевали пастушеские народы, стада которых, все расширяясь, не всегда находили достаточно простора. Железный топор вполне открыл дорогу земледелию на север, в гораздо более широкие и свободные лесные пространства. Но мало того. Расчищая лес топором для посева и выжигая *огнем* дотла все корневища сорных растений в лесной дернине, здешний земледелец тем самым избавлял себя от огромного труда по обработке почвы мотыгой, ибо сеял хлеб прямо по пожоге. Т. Корнеев игнорирует это преимущество подсечно-огневой системы. Он не уловил, что помимо обогащения почвы золою эта система обработки ее *огнем* еще радикальнее, чем каменная мотыга, избавляет почву от сорняков в разрыхленном дерне после пожоги. На расчистку леса и предпосевную пожогу его в огневой системе расходуется до 90 дней на десятину, тогда как при обработке мотыгой требуется до 200 дней. Следовательно, огневая система дает сразу резкий скачок в приросте производительности труда.

В отношении трудоемкости подсечной системы земледелия т. Корнеев, не оспаривая указанного мною общего итога трудовых затрат на десятину, пытается вскрыть мою «ошибку» в их сезонном распределении [4]. По моим расчетам, из общего итога затрат на десятину в первый год после расчистки «только за весеннюю кампанию» требовалось затратить 71,5 дней, включая сюда 45 дней на пожогу леса и 6 дней на «опрятывание», т. е. уборку росчистки от недогоревших на ней головней. И потому, учитывая краткость посевной кампании в 2—3 недели и трудоемкость выпадающих на весну операций, я сделал вывод, что один работник при подсечной системе мог засеять весной не свыше 0,3—0,4 десятины росчистей. Мою «ошибку» т. Корнеев видит в том, что я и пожогу с опрятыванием включил в весеннюю кампанию полевых работ. По его мнению, они производились «до начала» этих работ и, стало быть, каждый работник мог засеять весной за 3 недели «целую десятину» росчисти (стр. 86). Это, конечно, существенное разногласие. Но, к сожалению, в подтверждение своего мнения мой оппонент представляет единственный лишь аргумент. Сославшись на общеизвестное наименование месяца пожоги в древнерусском быту — березозол, т. Корнеев заявляет: «Такое название носил март». Он полагает, очевидно, что этим все уже сказано, поскольку сроки

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 32.
[2] Там же, стр. 32, 163.
[3] Там же, стр. 163.
[4] «Вопросы экономики», 1949, № 7, стр. 86.

сева в большинстве районов России более поздние. Однако не в этом решение вопроса.

Такие народные наименования месяцев, как сечень, сiчень, и березозол, березень, бытовавшие в древнейшей Руси на всем ее протяжении, очень показательны. Они с полной достоверностью свидетельствуют, что в допашенную эру, вопреки мнению т. Корнеева, подсечноогневая система земледелия имела не местное, а *повсеместное* распространение у славян. О южных степях Причерноморья можно не упоминать в этой связи, поскольку там бродили тогда еще торки и берендеи или иные пастушеские племена. Но народный месяцеслов славян не совпадал с позднейшим, христианским, получившим у нас право гражданства лишь с X в. нашей эры. Он ориентировался не на течение звезд, а на гораздо более близкие сердцу поселянина явления природы. Так, например, поспевание красных ягод было признаком месяца *червень*, цветение лип — месяца *липень*, спелость хлебных злаков — месяца *серпень*, или *жнивень*, цветение вереска — *вересень*, опадене листвы — месяца *листопад* и т. д.

Но эти явления в разных широтах наступают в разное время по астрономическому календарю. Так, например, ягоды поспевают на севере *позже*, а листва опадает *раньше*, чем на юге. И потому именно народное наименование червень в украинском календаре присваивается *июню*, а в древнерусском, по словарю Срезневского,— *июлю*, название же листопад в украинском календаре соответствует *ноябрю*, а в древнерусских памятниках XII в.— *октябрю*. Подобно этому, месяц сiчень в украинском календаре обозначает *январь*, а в русском стихире XII в. читаем: «месяц февраль, рекомый *сечьнъ*, имат днии 28». Это значит, что если на юге подсеку вырубали в январе, то в более северных краях древней Руси секли лес для той же цели месяцем позже. И, наконец, месяц березозол, или березень в украинском календаре действительно и доныне обозначает *март*. Но из древнерусских памятников видно, что березозол непосредственно предшествовал травню, о котором в другом месте прямо сказано: «месяц май, рекомый *травьн*, имать днии 31». В таком случае березозол приходился здесь уже на календарный *апрель* по старому стилю.

Теперь сопоставим это со сроками сева в разных районах СССР. В районах правобережной Украины сев яровых и ныне начинается не позже 10 марта по старому стилю (для ячменя), для яровой пшеницы нормальное время сева несколько позже, между 25—31 марта и для овса — между 31 марта и 5 апреля. Значит, на широтах Киевской Руси пожога и опрятывание подсек не позже марта было вполне естественным явлением. Но на севере России сев яровых запаздывает месяца на полтора и больше; овес здесь сеют обычно между 5—10 мая, пшеницу — 8—15 мая[1]. Вот почему и березозол, т. е. пожога, на русских подсеках непосредственно предшествовала здесь травню, т. е. месяцу маю. Т. Корнеев не учел этого своеобразия русского народного «календаря». Но он не учел и другого. В интересах наилучшего использования влаги весенний сев стремятся начать как можно раньше, как только сойдет снег и провянет почва. «Сей овес в грязь — будешь князь!» — гласит народная мудрость. А задача пожоги другая: как можно полнее выжечь из дерна и обезвредить в нем все корневища сорных растений. Но для этого нужно выждать, пока сойдет снег и провянет почва. Жечь лес на снегу было бы столь же разумным делом, как толочь воду в ступе. Именно поэтому пожогу *нельзя отделить* во времени от сева. Чем дольше продлится пожога, тем меньше времени остается для сева.

Но согласимся на минуту с т. Корнеевым, что каждый работник в подсечном земледелии может за 21 день весенней кампании, скажем с 10 до 31 марта, засеять и «целую десятину». Тогда на пожогу и опрятывание

[1] «Справочная книжка русского агронома», стр. 50.

той же десятины ему же придется затратить еще 45 + 6 рабочих дней *до начала* сева, т. е. до 10 марта, или, говоря иначе, придется начать пожогу не позже *18 января,* и стало быть уже заведомо бесцельно нагревать зиму. Вот к какому абсурду приводят нас непродуманные допущения т. Корнеева.

Таким образом, даже с учетом всех наиболее существенных возражений моего оппонента мой основной вывод о высокой трудоемкости дософных систем земледелия сохраняет все свое значение. Урожайность этих систем тоже нет оснований считать более высокой по сравнению с пашенным земледелием, повсюду их вытеснившим. Но здесь следует устранить одно недоразумение. Т. Корнеев приписывает мне ряд утверждений, которых я не делал, ибо вовсе их не разделяю. Например, он приписывает мне мнение, будто кочевое скотоводство было «более производительным», чем мотыжное земледелие [1], а это последнее (в эпоху неолита) будто было *вдвое урожайнее* подсечного земледелия (в железном веке) [2]. Это явное недоразумение. Я отнюдь не принадлежу к тому кругу людей, которые золотой век ищут позади себя, заставляя общественный прогресс совершать *попятное* движение. Скорее такую тенденцию к идеализации первобытнородового строя с общественной собственностью и общим совместным трудом... каменной мотыгой [3] можно было бы приписать т. Корнееву, поскольку, утверждая, что «затраты труда на единицу площади при подсечном земледелии были *большими,* чем при мотыжном» [4], он отдает явное предпочтение каменному веку перед железным.

Откуда же растут подобные недоразумения?

Т. Корнеев, по-видимому, смешивает понятия «основной», или «главной», отрасли хозяйства с понятиями «ведущей», «передовой», «более производительной» отрасли. Только этим я могу объяснить, например, такое его рассуждение: «...мотыжное земледелие,— говорит он о Струмилине,— по его мнению, характеризуется мизерной производительностью труда; кочевое скотоводство, как более производительное, являлось основной отраслью хозяйства» [5]. А между тем я считаю кочевое скотоводство основной отраслью хозяйства на средней ступени варварства не потому, что оно было там более производительным, а *несмотря* на то, что оно было *менее* производительным даже зачаточных форм тогдашнего земледелия. Земледелие это даже в скромных масштабах приселенного огородничества было *передовой и ведущей* отраслью по отношению к кочевому скотоводству, подобно тому как впоследствии промышленность стала *передовой и ведущей* отраслью по отношению к земледелию. Однако это не мешает нам, скажем, царскую Россию считать *земледельческой страной*, а не индустриальной. И совершенно напрасно т. Корнеев подменяет наш спор о масштабах и сравнительном удельном весе дофеодального земледелия на Руси другим спором «о ведущем его месте среди других отраслей» [6]. Его утверждение в конце статьи, что «Струмилин *отрицает* значение земледелия как *ведущей* отрасли хозяйства дофеодальной Руси» [7], ровно ни на чем не основано. Почему же мой оппонент к самому концу спора переводит его своей игрой понятиями в совсем другую плоскость? Не потому ли, что, почувствовав слабость своей основной позиции, он уже сам готов отступить на другие, «заранее заготовленные позиции»?

Убеждая своего читателя, что Струмилин приписал мотыжному земледелию норму урожайности — «сам-третей», т. Корнеев заведомо вводит

---

[1] «Вопросы экономики», 1949, № 7, стр. 90.
[2] Там же, стр. 83.
[3] Там же, стр. 86.
[4] Там же, стр. 83.
[5] Там же, стр. 90.
[6] Там же, стр. 87.
[7] Там же, стр. 92.

его в заблуждение. К сожалению, мне ничего *не известно* об урожайности земледелия времен неолита. И даже справка т. Корнеева о находках в жилищах времен трипольской культуры десятков глиняных сосудов, часть которых, по мнению археологов, служила для хранения зерна, совершенно не решает подобных задач. Поэтому за отсутствием прямых данных я вынужден пользоваться косвенными, заимствуя их из позднейших, но зато более достоверных источников. В частности, исходя из твердого убеждения, что общественный прогресс в земледелии двигает его вперед, а не вспять, я допускаю, что продуктивность каменной мотыги *ниже* железной лопаты, а урожайность эпохи неолита, по меньшей мере, *не выше* уровня феодальной эпохи. «Но, как увидим ниже,— пишу я черным по белому,— не только мотыга, но даже *соха* за весь период *феодального трехполья* не обеспечила средней урожайности выше убогой нормы сам-третей» [1].

Ясно, стало быть, что эту норму урожайности я отношу не к мотыжному, а к *сошному* земледелию. О том же говорит и мой вывод, что при такой урожайности с 0,1 *га* даже «бессемейный пахарь» не смог бы прокормиться. *Пахарь* тоже предполагает, конечно, эпоху *сошного*, а не мотыжного земледелия. А между тем мой оппонент, опустив в своей цитате из моей статьи как раз выше приведенные строки, уверяет своего читателя, что, игнорируя «формы хозяйства», я «*в первобытной общине* нашел *индивидуальные* хозяйства» — бессемейных пахарей и тем самым *разложил родовую общину* раньше, чем возникло пашенное земледелие [2].

Это, быть может, и остроумный полемический прием, но он не достигает цели. Говоря о временах феодального трехполья и пахарях, мне незачем было «разлагать» и без того давно уже разложившуюся первобытную общину. Но так как т. Корнеев, вооружив моего *пахаря* вместо сохи каменной *мотыгой*, ждет от меня показа *первобытной* общины с общественной собственностью и «*общим* совместным *трудом*» в условиях феодального трехполья, то его упрек об игнорировании общественных формаций мне придется вернуть по принадлежности ему самому.

Т. Корнеев не хочет или не может понять использованного мною метода находить меру максимально допустимой производительности доисторических систем земледелия по тем их пережиткам или отдельным элементам, какие возможно установить из позднейших времен и формаций. Таковы, например, пережитки подсечно-переложной системы земледелия в условиях XIX или даже XX в. Конечно, в этих пережитках далеко не все характерно для *предшествующих* времен и формаций. Но грамотный экономист может и должен отличать типичное для данной системы от позднейших новообразований. Так, на подсеке XIX в. можно было наблюдать не только пожогу росчисти — на первом году, но и рыхление ее — на втором. Но очень наивно думать, подобно Корнееву, что и в XIX в. «это рыхление производилось *той же мотыгой*» [3], какая была в ходу в век неолита. В XIX в. рыхление на подсеке производилось уже *конными сохами-цапульками* и требовало раз в десять меньше труда, чем при ручном рыхлении *каменной мотыгой* времен неолита. Но мало того. Рыхление не только мотыгой, но и сохой вообще не типично для подсечно-огневой стадии переложного земледелия.

Мы уже видели, что т. Корнеев непрочь и мотыжное земледелие наряду с подсечным включить в единую «систему перелога» [4]. Но до тех пор, пока мотыга использовалась в эпоху неолита лишь на приселенных огородных участках, едва ли могла идти речь о *перелогах* в ограниченных пределах этих огородов. *Степи* были заняты кочевниками. А значительные

---

[1] «Вопросы экономики», 1949, № 7, стр. 44.
[2] Там же, стр. 96.
[3] Там же, стр. 86.
[4] Там же, стр. 87.

просторы в *лесных* районах для переложного земледелия мог расчистить лишь железный топор. Кроме того, сколько-нибудь широкая распашка полевых участков в *переложном* хозяйстве, т. е. с неизбежным подъемом целинных почв и перелогов, немыслима без наличия железного лемеха с соответствующей конной или воловьей тягой. Но железный топор, по свидетельству археологов, появился много раньше железного лемеха. Вот почему вполне естественно начальной формой переложного земледелия считать подсечно-огневое и лишь последующей — сошно-полевое, хотя обе эти формы мыслятся нами в пределах одной и той же общественной формации. Вполне естественно также, что до появления сохи подсечно-огневое земледелие, вопреки мнению т. Корнеева, вовсе обходилось без рыхления почвы орудиями, довольствуясь уничтожением корневищ в почве огнем. И ту обработку подсеки, какая наблюдалась в XIX в., надо рассматривать уже как переходную ступень от подсечного к полевому перелогу.

Останавливаться подробно на переложной системе земледелия в ее позднейшей форме полевых перелогов в XVI—XVII вв. не входило, однако, в нашу задачу. Не входило потому, что они не столь уж характерны для дофеодальной Руси, а также потому, что в более поздние времена они нередко накапливались лишь в результате временного кризиса феодальной системы трехполья и запустения дворянских поместий в процессе их закрепощения. Отметим лишь, что эти перелоги наблюдались не на малообжитых степных окраинах страны, а в подмосковном центре и на всем пространстве лесной зоны крепостной России.

Т. Корнеев не разделяет всей моей концепции «об эволюции систем земледелия» в теснейшей связи со сменой общественных формаций и ростом производительных сил. Очень сожалею об этом, ибо не вижу в ней особых отличий от общеизвестных высказываний классиков марксизма. Не разошелся я с ними, как видно из приведенных выше высказываний Энгельса, и по основному пункту нашего спора с Корнеевым о роли досошных систем земледелия в дофеодальной Руси. Земледелие времен неолита, и по Энгельсу, не превосходило масштабов «огородничества» и уже поэтому не могло быть «основной» отраслью хозяйства. Отнюдь не опровергает этого вывода и ссылка Корнеева на раскопки трипольского поселения Киевской области времен мотыжного земледелия.

В самом деле, в одном из жилищ этого селения, № 11, найдено 35 глиняных сосудов, *часть* из которых служила для хранения зерна, в других жилищах находили до 30 таких горшков и меньше. Однако возьмем максимум — 35 горшков и подсчитаем их емкость. Допустим, что средняя емкость такого горшка не меньше 12 *л*, т. е. около ведра. Тогда 35 таких сосудов дадут 35 × 12 = 420 *л*, или около двух *четвертей*, т. е. до 18 пудов зерна[1]. Численность населения жилищ точно неизвестна, но, судя по размерам жилищ, т. Корнеев определяет его от 20 до 30 человек на жилище, что совсем немного для «большой семьи», или задруги, «первобытной общины». Возьмем минимум — 20 душ. В таком случае максимальный сбор зерна на душу в такой общине определится всего в 36 фунтов на целый год или по $^1/_{10}$ фунта на день, т. е. раза в 3 меньше той восьмушки килограмма хлеба, какую осажденные ленинградцы получали в наиболее тяжелые дни памятной им осады.

Спрашивается, можно ли отрасль хозяйства, столь скупо обеспечивающую трудящихся, назвать *главной* или *основной* для них отраслью?

Трипольскую культуру называют высокой. Но это весьма относительная высота — лишь для своего времени, т. е. для каменного века. Хороша,

[1] Судя по масштабным изображениям этих горшков в сводной работе Т. С. Пассек, большинство этих горшков не превышало своей емкостью 2—3 *л*, но в единичных случаях некоторые из них достигали и 50—150 *л* (Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений. М., 1949).

например, роспись трипольской керамики. Но Триполью не известен еще даже гончарный круг. Значит, оно пребывает еще на *низшей* ступени варварства. По мнению археологов, «в *основе* хозяйства» трипольских племен лежало «примитивное мотыжное земледелие с возделыванием пшеницы и ячменя на непосредственно прилегавших к поселению землях» [1]. Но в течение целых тысячелетий эта земледельческая «основа» не сделала и шагу вперед от мотыги из оленьего рога и каменной зернотерки, в то время как скотоводство этих племен, несомненно, росло и развивалось. Уже из этого сопоставления легко убедиться, что едва ли *такое* земледелие можно рассматривать как ведущее. Его значение падает в этих условиях, а не растет. Только к концу трипольских поселений археологи отмечают выделение из их среды и формирование у нас на юге первых скотоводческих племен эпохи раннего металла [2]. Таким образом, культура Триполья предшествовала *первому* разделению труда по схеме Энгельса. А в эпоху до разделения труда преждевременно подразделять его на «основные» и подсобные отрасли [3].

Средства существования племена Триполья добывали из самых многообразных источников, и трудно сказать, какой из них был главнейшим. У их поселений на берегах ручьев и речек находят громадные кучи ракушек, площадью до 4 $м^2$ и высотой до 1 $м^3$, а также «значительное количество» рыбьих костей и чешуек [4]. Берега этих речек вокруг селений «были покрыты лесом». При этом археологи говорят о «больших лесах» с признаками «периодических затоплений местности» [5]. Этим, вероятно, и объясняется своеобразие устройства полов в жилищах Триполья с деревянными настилами и покрытием их в несколько рядов обожженными глиняными плитками. Обилие лесов обеспечивало племенам Триполья обильный сбор в них желудей, которые растирались здесь камнями в муку для «желудевого хлеба» [6], и широкими возможностями охоты. Очень показательно при этом, что археологи даже на этапе позднего Триполья, с растущим скотоводством, отмечают в культурном слое, *насыщенном* остатками костей, «преобладание костей диких животных» [7]. Значит, охота играла в тогдашнем хозяйстве далеко не последнюю роль даже в те времена, когда сами археологи отмечают преобладание скотоводства над земледелием. Что же остается наряду с собирательством желудей и ракушек, рыболовством, охотой и скотоводством на долю примитивного земледелия каменного века?

Обработка земли каменной мотыгой или палкой-копалкой, уборка «без всяких орудий, срывая колосья руками», после чего колосья, по мнению Т. С. Пассек, «просто растирались между ладонями или же растаптывались ногами» [8], а затем размалывались вручную между двумя камнями,— все это не могло обеспечить большого производственного эффекта. Выше мы его пытались определить вместимостью всех сосудов. Однако сосуды, вероятно, служили и для сбора желудей, и для других целей. Но в некоторых жилищах оказались специальные обложенные глиняными плитками углубления в полу, которые при отсутствии в жилище больших сосудов служили, по-видимому, именно для хранения зерна. Вместимость такого глиняного закрома в одном жилище известна. Она равна 1,0 × 0,8 × 0,4 *м*, или 320 *л* [9]. Такой закром мог вместить не больше 1,5 четверти, или 13,5 пуда, зерна. На 20 душ за год это может обеспечить около 30 *г*, или

1 Т. С. Пассек. Указ. соч., стр. 18.
2 Там же, стр. 15—16.
3 Там же, стр. 154.
4 Там же, стр. 147.
5 Там же, стр. 146.
6 Там же, стр. 146, 154.
7 Там же, стр. 188.
8 Там же, стр. 151.
9 Там же, стр. 152.

91 б. калорию в сутки при средней норме питания взрослого работника в 3600 калорий. Земледелие обеспечивало, стало быть, до 2,5% пищевой потребности Триполья. Отсюда уже видно, в какой мере эту отрасль труда можно назвать основной или господствующей для того времени.

В отношении подсечного земледелия мною тоже были приведены совершенно конкретные факты о питании и древних германцев времен Тацита, и крестьян Олонецкой губ. XX в., из которых до очевидности ясно *подсобное* значение для них этого земледелия. Мой оппонент не опроверг ни одного из этих фактов. Но если для него неубедительны никакие факты, то продолжение нашей дискуссии представляется мне совершенно бесцельным.

3. ИЗДЕРЖКИ ПРОИЗВОДСТВА ХЛЕБОВ В ЦАРСКОЙ РОССИИ[1]

За довоенный период о стоимости производства хлебов мы имели несколько довольно широких, хотя и весьма неудовлетворительно проведенных обследований.

Первое из них произведено Центральным статистическим комитетом во второй половине 80-х годов через «губернские начальства» по показаниям «сведущих сельских хозяев»[2]. Работа производилась «спешно» по поручению специальной Комиссии по поводу падения цен па сельскохозяйственные продукты. Падение это, как известно, относится к середине 80-х годов. И поскольку более точных указаний года обследования нет, мы его условно относим к 1885—1889 гг.

Хозяева опрашивались о максимальных и минимальных затратах труда и денег по каждой стадии полевых работ. Из этих крайних колебаний были получены сначала по каждому хозяйству, затем поуездные, а затем и погубернские средние, из которых опубликованы только последние. Порайонные и общие по всей стране средние с учетом веса каждой губернии по посевным площадям выведены уже нами, так как в подлиннике таковых не было.

Пользуясь названным источником и дополняя его другими, мы в общем по 41 губернии Европейской России получаем такую картину (табл. 7).

В среднем по всем хлебам на десятину посева требуется по этому расчету до 28 рабочих дней мужских и женских и 11,5 коне-дня. А в денежной оценке на человеческий труд в общем итоге затрат падает 14,5 руб., или 52%, на тяговую силу — 6 руб. 37 коп., или 23%, и на материалы — 6 руб. 86 коп., т. е. около 25% общего итога.

В этот итог вовсе не вошла, однако, ни амортизация живого и мертвого инвентаря, ни налоги, ни всякие другие накладные расходы. Сумма этих издержек в 3 руб. 72 коп. на десятину определилась по другому обследованию того же времени, произведенному департаментом земледелия по 43 губерниям Европейской России. С этой поправкой общие издержки в производстве хлебов поднимаются до 31 руб. 44 коп., из которых на оплату труда падает 14 руб. 49 коп., или 46%.

Чтобы оценить по достоинству величину этого коэффициента, укажем, что в индустрии доля заработной платы в общей сумме издержек производства даже по наиболее трудоемкой каменноугольной промышленности не достигает 40%, а в среднем по всем отраслям падает до 18% и ниже[3].

Однако раньше всякого применения приведенных коэффициентов желательно было бы установить степень их точности и достоверности.

---

[1] «Плановое хозяйство», 1926, № 2.

[2] «Материалы по вопросу о стоимости обработки земли в Европейской России».— «Временник ЦСК», № 10, СПб., 1889, стр. 1.

[3] Ф. Л. Дрибин. Элементы расходов общесоюзной промышленности в 1923/24 году.— «Плановое хозяйство», 1925, № 9, табл. 1.

Таблица 7

Затраты на десятину посева в среднем по 41 губернии Европейской России за 1885—1889 гг.* (по обследованию ЦСК)

Характер затрат	Затраты труда			Конная тяга			Материалы, кредитных руб.	Всего в кредитных руб.
	чел.-дн.	в кредитных руб.		дн.	в кредитных руб.			
		за 1 дн.	всего		за 1 дн.	всего		
1	2	3	4	5	6	7	8	9
А. *Озимые посевы*								
1. Вспашка (2,1 раза) . . .	5,01	0,46	2,31	4,67	0,52	2,43	—	4,74
2. Боронньба (2,1 раза) . . .	2,31	0,39	0,91	2,21	0,46	1,01	—	1,92
3. Посев	0,59	0,50	0,29	0,10	0,83	0,08	4,53	4,90
4. Жатва и укладка в поле	7,94	0,61	4,82	0,01	1,17	0,01	—	4,83
5. Возка на гумно и укладка	3,59	0,51	1,81	2,10	0,57	1,20	—	3,01
6. Сушка, молотьба, веяние	8,38	0,47	3,96	2,03	0,63	1,27	—	5,23
7. Топливо для сушки . . .	1,06	0,35	0,37	0,73	0,36	0,26	0,62	1,25
Итого (1—7)	28,88	0,50	14,47	11,85	0,53	6,26	5,15	25,88
8. Удобрения на 1 десятину								
а) удобренную	9,43	0,32	3,04	6,46	0,41	2,68	9,75	15,46
б) засеянную	1,74	0,32	0,56	1,20	0,41	0,50	1,80	2,86
Итого (1—8б)	30,62	0,49	15,03	13,05	0,52	6,76	6,95	28,74
Б. *Яровые посевы*								
1. Вспашка (1,6 раза) . . .	3,61	0,55	1,98	3,61	0,58	2,10	—	4,08
2. Боронньба (2,0 раза) . . .	1,92	0,44	0,85	1,83	0,51	0,94	—	1,79
3. Посев	0,65	0,52	0,34	0,11	0,64	0,07	5,23	5,64
4. Жатва и укладка в поле	6,50	0,71	4,60	0,01	1,17	0,01	—	4,61
5. Возка на гумно и укладка	3,79	0,54	2,06	1,97	0,59	1,16	—	3,22
6. Сушка, молотьба, веяние	7,50	0,49	3,66	1,85	0,73	1,35	—	5,01
7. Топливо для сушки . . .	0,90	0,38	0,34	0,57	0,35	0,20	0,51	1,05
Итого (1—7)	24,87	0,56	13,83	9,95	0,59	5,83	5,74	25,40
8. Удобрения на засеянную десятину	1,04	0,32	0,34	0,71	0,41	0,30	1,07	1,71
Итого (1—8)	25,91	0,55	14,17	10,66	0,58	6,13	6,81	27,11
Всего в среднем по А и Б	26,38	0,53	14,07	10,65	0,57	6,00	5,52	25,59
Удобрения на засеянную десятину	1,30	0,32	0,42	0,89	0,41	0,37	1,34	2,13
Всего по А и Б с удобрениями	27,68	0,52	14,49	11,54	0,55	6,37	6,86	27,72

* В подсчет не вошли Самарская губ. и Донская обл. за отсутствием сведений, а также все губернии, отошедшие от России после войны. Удельный вес посевной площади озимых 37,5%, яровых — 62,5%. Процент удобряемых посевных площадей исчислен по «Статистическому справочнику» ЦСУ (М., 1925, стр. 284), причем на озими отнесено 50% всех затрат по удобрению, а на яровые хлеба — остальная доля. Расход на семенной материал исчислен по изданиям департамента земледелия («Сельское хозяйство и статистические сведения по материалам, полученным от хозяев». СПб., 1890, в. III).

Стоимость производства в обследовании Центрального статистического комитета определялась перемножением числа человеко-дней и коне-дней на поденную плату конного и пешего работника. Но хозяева опрашивались не о средних величинах этих норм, а об обычном диапазоне колебаний их в данном районе. Причем в какой доле учтены здесь мужской и женский труд — вовсе неизвестно.

Поэтому попробуем прежде всего сопоставить поденные нормы оплаты труда, выведенные в табл. 7, с данными других источников. С данными департамента земледелия можно сравнить заработок батрака во время жатвы и сева. Считая, что сев обслуживается только мужским трудом, а жатва в равной доле мужским и женским, получим следующее сопоставление.

Средний поденный заработок в кредитных копейках составит по той же 41 губернии Европейской России:

Годы	Сев	Жатва
1. По данным департамента земледелия		
1885	43,0	47,6
1886	41,2	48,8
1887	40,4	49,8
1888	42,3	63,2
1889	42,9	47,4
Итого в 1885—1889 г.	42,0	51,4
2. По данным табл. 7	51,0	66,0
То же, % к данным департамента земледелия	121	128

Правда, расчет наш очень груб, но разница слишком велика, чтобы можно было признать ее случайной. По-видимому, нормы оплаты труда в табл. 7 сильно преувеличены по сравнению с данными текущей статистики за все пятилетие, кроме разве одного 1888 г. В 1888 г. оплата труда во время уборки хлебов — в особенности по черноземной полосе — была очень высока, и по отношению к ней нормы табл. 7 представляются более умеренными. Весьма вероятно, что опрос производился именно в 1888 г. и данные этого года сильно повысили максимальные нормы оплаты, показанные сельскими хозяевами.

Что касается числа дней труда, падающих на разные полевые работы, по обследованию ЦСК, то проверить их точность по другим источникам гораздо труднее. Дело в том, что даже земская оценочная статистика не располагает за соответствующий период такого рода данными. Да и за более поздний период мы имеем их чрезвычайно мало. Приведем, однако, для сравнения с нашими земские данные по четырем уездам Вологодской губернии по обследованиям 1903—1910 гг. (табл. 8) [1].

Как видим, данные ЦСК в данном случае отнюдь не преувеличены. Правда, полного их совпадения с земскими данными ожидать мы не могли. Земские данные относятся только к крестьянским хозяйствам, а обследование ЦСК охватывало и частновладельческие земли. В одном случае данные относятся ко всей губернии, в другом — только к четырем уездам. В первом случае данные собраны до 1889 г., во втором — лет на 15—20 позже. Но так или иначе данные ЦСК о затратах труда оказались ниже земских по ржи процентов на 8, по яровым — процентов на 11. Отчасти эта разница объясняется, по-видимому, пропуском затрат на *заделку*

---

[1] «Материалы для оценки земель Вологодской губернии», т. 3, вып. 2. Тотемский уезд (обслед. 1903—1904 гг.). М., 1909 т.; т. 2, вып. 1, 2. Вологодский уезд (обслед. 1905 г.). М., 1907 г.; т. 4, вып. 2. Вельский уезд (обслед. 1907 г.). М., 1912 г.; т. 5, вып. 1. Кадниковский уезд (обслед. 1908—1910 гг.). М., 1911 г.

Таблица 8

Трудоемкость полевых работ в крестьянских хозяйствах Вологодской губ., по данным земской статистики, из расчета на десятину посева

Культуры и работы	Затраты труда, чел.-дн.				Конная тяга, дн.	Данные ЦСК	
	мужчин	женщин	подростков	итого		чел.-дн.	конная тяга
1	2	3	4	5	6	7	8
I. Рожь озимая							
1. Вспашка 1-я	3,00	—	—	3,00	3,00	—	—
» 2-я	2,87	—	—	2,87	2,87	—	—
» 3-я	2,73	—	—	2,73	2,73	—	—
Итого	8,60	—	—	8,60	8,60	6,1	6,1
2. Бороновка 1-я	0,48	0,75	0,13	1,36	1,36	—	—
» 2-я	0,45	0,66	0,09	1,20	1,20	—	—
Итого	0,93	1,41	1,22	2,56	2,56	4,0	4,0
3. Посев	0,95	—	—	0,95	—	1,2	—
4. Заделка	0,55	0,83	0,09	1,47	1,47	—	—
5. Жнитво	1,61	9,85	0,86	12,32	—	12,4	—
6. Возка с поля	1,80	0,83	0,15	2,78	1,79	5,6	2,3
7. Сушка и молотьба	5,94	5,74	1,27	12,95	—	9,3	1,7
Всего	20,38	18,66	2,59	41,63	14,42	38,6	14,1
II. Овес	16,94	18,76	3,62	39,32	7,35	—	—
III. Ячмень	15,91	98,23	3,54	37,68	7,27	—	—
Итого по яровым	16,42	18,50	3,58	38,50	7,31	34,3	8,2
IV. Картофель (2 уезда)	16,59	46,94	4,19	67,72	8,74	—	—
V. Лен чесаный (2—4 уезда)	12,18	109,82	3,23	125,2	7,37	—	—

в обследовании ЦСК, в известной мере частичной заменой ручного труда конным — при молотьбе[1]. Возможны, однако, и другие объяснения.

Более обширный материал для сопоставления с обследованием ЦСК представляет собою другое, аналогичное обследование, произведенное департаментом земледелия в 1887—1888 гг.[2] Трудовые нормы в этом обследовании, к сожалению, не выявлялись, но денежные затраты на обработку земли даны по важнейшим хлебам и главнейшим стадиям обработки с достаточной подробностью. А кроме того, здесь дается и полная стоимость урожая по местным ценам, что позволяет определить и рентабельность соответствующих культур.

---

[1] В земском обследовании конного труда на молотьбе в крестьянских хозяйствах вовсе не показано.

[2] «Сельское хозяйство и статистические сведения по материалам, полученным от хозяев», вып. III. Стоимость производства хлебов. СПб., 1890.

Из отдельных частей расхода по сравнению с табл. 7 в обследовании департамента земледелия вовсе не учтены стоимости навоза и овинной сушки хлеба. А стоимость вывозки навоза учтена дефектно, так как частично включает и цену самого навозного удобрения. Поэтому названные статьи расхода мы берем по обследованию ЦСК. Кроме того, необходимо отметить, что в доходной части департамент земледелия учел только урожай зерна, *показанный опрошенными хозяевами* и относящийся «главным образом к 1887 и 1888 гг.» (стр. V), без учета соломы и мякины. Этот урожай перемножен на средние осенние цены 1885—1888 гг., по данным текущей статистики.

Чтобы подойти несколько ближе к учету рентабельности производства хлебов, мы исчислили и стоимость соломы, исходя из данных более позднего обследования (1912—1914 гг.) с необходимыми поправками на величину сбора и цены соломы по соотношению цен на хлеба. Что же касается мякины, которая, по вологодским данным 1903—1910 гг., составляет не свыше 2—3% стоимости зерна, то мы не включили ее в учет, имея в виду, что и в расходной части остались неучтенными некоторые мелкие расходы, например на огораживание полей, на проведение канав и т. п.

Крайний интерес представляло бы детальное расчленение так называемых общих, или накладных, расходов в производстве хлебов. Но, к сожалению, такого расчленения не было произведено в анкете департамента земледелия. Лишь по производству основных хлебов — озимой ржи и овса — показаны отдельно: 1) амортизация, ремонт и страхование; 2) налоги и платежи; 3) расход на администрацию, куда включены «издержки на управляющего, приказчика, старосту и сторожей» и некоторые другие. По остальным хлебам такого расчленения не сделано, поэтому нам пришлось условно распространить на них те соотношения, какие получились по ржи и овсу.

Расчленение стоимости обработки на оплату конной тяги и человеческого труда произведено нами по соотношениям обследования ЦСК.

В общих итогах по 43 губерниям Европейской России, за исключением Прибалтики, Литвы и Бессарабии, получается следующая картина (табл. 9).

Если сопоставить эти данные в той части, в какой они сравнимы между собою, с данными ЦСК, то получим такую меру их расхождения (табл. 10).

Данные ЦСК и по этому сопоставлению приходится признать преувеличенными процентов на 25 или около того. Выше мы видели, что это расхождение происходит почти исключительно за счет преувеличенной расценки труда (в табл. 7) в пределах от 22 до 28% за разные периоды. Максимальное расхождение при этом падает на период уборки, когда диапазон цен на рабочие руки особенно широк, что и нашло свое отражение в *невзвешенных* средних табл. 7, полученных из минимальной и максимальной расценок рабочего дня батрака.

Но если все преувеличение данных ЦСК почти целиком объяснимо за счет цен, то значит *трудовые* коэффициенты табл. 7 можно признать в достаточной степени правдоподобными.

Что же касается степени достоверности данных департамента земледелия, то мы могли установить лишь следующее. В «Материалах» Комиссии Центра сведены по всем 23 земским губерниям, где до 1900 г. были произведены соответствующие обследования, данные о стоимости обработки и уборки озимых и яровых хлебов на десятину посева. Сопоставляя их с данными департамента земледелия за 1887—88 г. по тем же 23 губерниям, получаем такое расхождение в рублях и процентах (табл. 11).

Как видим, земские данные, опирающиеся на гораздо более широкий материал наблюдений, несколько ниже данных департамента земледелия. Но, учитывая их по общему правилу гораздо более позднее происхождение,

Таблица 9

Стоимость производства зерновых хлебов в 1887—1888 гг. по обследованию департамента земледелия по 43 губерниям Европейской России

Обследовано свыше 814 хозяйств. (в рублях на десятину)

Статьи расходов	Озимые хлеба			Яровые хлеба			Все хлеба			
	черноземная полоса	нечерноземная полоса	в среднем	черноземная полоса	нечерноземная полоса	в среднем	черноземная полоса	нечерноземная полоса	В среднем абс.	В среднем % к итогу
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
А. Живой труд и тяга										
1. Вывозка удобрений	0,30	2,51	0,87	0,16	1,92	0,56	0,22	2,20	0,69	1,6
2. Обработка, посев, уход	6,09	7,25	6,38	6,44	5,69	6,29	6,31	6,46	6,33	14,5
3. Уборка и перевозка	5,48	5,80	5,56	5,38	5,23	5,34	5,45	5,50	5,46	12,5
4. Молотьба и очистка зерна	3,71	3,83	3,74	3,59	3,42	3,57	3,65	3,63	3,64	8,4
5. Сушка (заготовка топлива)	0,49	0,95	0,61	0,41	0,92	0,52	0,44	0,93	0,55	1,3
Итого по А	16,07	20,34	17,16	15,98	17,18	16,31	16,07	18,72	16,67	38,3
В том числе:										
а) живой труд	10,98	13,40	11,60	9,33	12,44	10,04	10,05	12,91	10,72	24,6
б) конная тяга	5,09	6,94	5,56	6,65	4,74	6,27	6,02	5,81	5,95	13,7
Б. Материалы										
6. Навоз	0,47	4,87	1,62	0,26	3,72	1,04	0,35	4,27	1,29	3,0
7. Семена	4,12	5,60	4,51	4,88	6,85	5,30	4,56	6,22	4,95	11,4
8. Топливо для сушки	0,42	1,09	0,60	0,34	1,04	0,49	0,37	1,06	0,53	1,2
Итого по Б	5,01	11,56	6,73	5,48	11,61	6,83	5,28	11,55	6,77	15,6

Таблица 9 (окончание)

Статьи расходов	Озимые хлеба			Яровые хлеба			Все хлеба			
	черноземная полоса	нечерноземная полоса	в среднем	черноземная полоса	нечерноземная полоса	в среднем	черноземная полоса	нечерноземная полоса	В среднем	
									абс.	% к итогу
1	2	2	4	5	6	7	8	9	10	11
В. Амортизация и накладные расходы										
9. Починка, страхование и амортизация	1,54	1,95	1,65	1,39	1,89	1,50	1,46	1,92	1,57	3,6
10. Административные и пр.	1,75	2,21	1,87	1,65	1,90	1,71	1,70	2,05	1,78	4,1
11. Поземельные платежи	0,67	0,42	0,60	0,32	0,12	0,28	0,47	0,29	0,42	0,9
Итого по В	3,96	4,58	4,12	3,36	3,91	3,49	3,63	4,26	3,77	8,6
Г. Рента	8,62	5,48	7,80	6,49	3,95	5,97	7,41	4,71	6,79	15,6
Д. Прибыль	9,43	6,10	8,53	12,32	3,20	10,44	11,10	4,75	9,59	21,9
Всего	43,08	48,06	44,34	43,63	39,85	43,04	43,49	43,99	43,59	100,0
а) Перенесенная стоимость (б, 6, 7, 8, 9)	11,64	20,45	13,94	13,52	18,24	14,60	12,76	19,28	14,29	32,9
б) Оплата труда (а, 10)	12,73	15,61	13,47	10,98	14,34	11,75	11,75	14,96	12,50	28,7
в) Прибавленная стоимость (11, Г, Д)	18,72	12,00	16,93	19,13	7,27	16,69	18,98	9,75	16,80	38,4
Урожай зерна, пуд.	72,4	69,8	71,7	61,8	61,0	61,8	66,5	65,5	66,2	—
Урожай соломы, пуд.	108,5	109,3	108,8	82,4	77,4	81,6	93,6	93,4	93,6	—
Цена зерна за пуд, коп. *	51,1	57,9	53,8	59,4	52,4	58,1	55,5	55,3	55,5	—
Цена соломы за пуд, коп. *	5,6	7,0	6,0	8,4	10,2	8,8	7,0	8,2	7,5	—
Стоимость урожая, руб.:										
а) зерна	37,00	40,42	37,85	36,71	31,95	35,90	36,91	36,20	36,74	—
б) соломы	6,08	7,64	6,49	6,92	7,90	7,14	6,58	7,79	6,85	—
Посевная площадь 1887 г., %	32,8	11,5	44,3	44,1	11,6	55,7	76,9	23,1	100,0	—

* 1885—1888 гг.

Таблица 10

Стоимость отдельных работ на десятину
(в кредитных руб.)

Культура и работы	Данные департамента земледелия	Данные ЦСК			
		живой труд	конная тяга	итого	
				абс.	% к гр. 2
1	2	3	4	5	6
I. Озимые хлеба	6,42	3,51	3,52	7,03	109,5
1. Обработка, посев, уход	5,57	6,63	1,21	7,84	140,2
2. Уборка и перевозка	3,74	3,96	1,27	5,23	140,1
3. Молотьба и очистка					
Итого	15,73	14,10	6,00	20,10	127,8
II. Яровые хлеба					
1. Обработка, посев, уход	6,31	3,17	3,11	6,28	96,6
2. Уборка и перевозка	5,35	6,66	1,17	7,83	146,5
3. Молотьба и очистка	3,56	3,66	1,35	5,01	140,3
Итого	15,22	13,49	5,63	19,12	125,6
Всего по I и II	15,40	13,72	5,77	19,49	126,5

Таблица 11

Стоимость обработки и уборки

Показатель	Земские данные, руб.	Данные департамента земледелия, руб.	% расхождения
1	2	3	4
I. Озимые хлеба			
а) Черноземная полоса (14 губерний)	13,75	14,25	+ 3,6
б) Нечерноземная полоса (9 губерний)	17,2	20,1	+16,9
В среднем по 23 губерниям . . .	15,2	16,5	+ 8,6
II. Яровые хлеба			
а) Черноземная полоса	12,18	13,02	+ 6,9
б) Нечерноземная полоса	13.95	15,94	+14,2
В среднем по 23 губерниям . . .	12,9	14,2	+10,1

мы не имеем права заключить отсюда о преувеличенности норм департамента земледелия. Дело в том, что это расхождение, поскольку его целиком нельзя отчести за счет различных методов собирания сведений, в известной мере можно объяснить и за счет погодовых колебаний производительности труда после 1887 г. в связи с динамикой урожайности, и за счет изменений цен на рабочие руки за разные годы в различных районах, и за счет целого ряда других привходящих обстоятельств.

Во всяком случае расхождения эти в среднем не выходят за вероятные пределы обычной точности статистических исчислений этого рода и потому скорее подтверждают, чем отрицают, непригодность данных департамента земледелия. Конечно, особенной точности этих данных при опросе менее 1000 хозяйств на всю Россию ожидать не приходится. Именно поэтому мы вынуждены отказаться от более детального порайонного их анализа. Погубернские и даже порайонные коэффициенты, выведенные из столь незначительного числа показаний (около 20 на губернию) были бы, вероятно, очень мало пригодны для сколько-нибудь серьезных выводов. Но в общей массе по всей стране даже несколько сотен хозяйств дают, по-видимому, достаточно устойчивые и достоверные коэффициенты.

Обращаясь по существу к данным табл. 9, мы видим, что с учетом прибыли и ренты оплата труда в общей цене продуктов полеводства занимала не более 28,7%, а в общей массе вновь создаваемой стоимости — около 42,7%. Таким образом, норма прибавочной стоимости в сельских хозяйствах, эксплуатирующих наемный труд, достигала 134%.

Все эти нормы, разумеется, в высшей степени условны. Они призваны характеризовать собою лишь условия производства *хлебов,* а между тем реально изолировать полеводство от животноводства или хлебные культуры от других полевых, садовых и огородных культур в сельском хозяйстве нет возможности, ибо каждое помещичье или крестьянское хозяйство представляет собою сложный комбинат, в котором все эти отрасли составляют нераздельное целое. Конная тяга или, скажем, навозное удобрение поступают сюда по общему правилу не со стороны, а из того же хозяйства. Лошадь и другая скотина, конечно, требует за собою дополнительного ухода сверх того труда, который учтен в табл. 9. И в общей сложности полная трудоемкость сельского хозяйства в целом из расчета на единицу площади будет больше учтенной нами. Но мы считаем вполне целесообразным рассматривать полеводство как вполне самостоятельную отрасль сельского хозяйства. Тем более, что рентабельность полеводства отнюдь еще не исключает собою в известных условиях убыточность животноводства и наоборот.

Вся трудность такого разделения заключается в том, что общие расходы на амортизацию и ремонт построек и инвентаря, на содержание администрации и поземельные платежи следовало бы раскладывать не только на продукцию полеводства, но и на доходы от всех других отраслей сельского хозяйства, а это не так просто сделать. В обследовании департамента земледелия во всяком случае такого расчленения общих расходов не производилось.

Тем более высокой можно признать рентабельность полеводства, полученную в результате названного обследования. Капитал, вложенный у нас в полеводство, чрезвычайно невелик. По пензенским бюджетам 1913 г. из расчета на десятину посева, хозяйственные постройки составляли 20 руб. 25 коп., мертвый инвентарь — 11 руб. 63 коп., итого, стало быть, 31 руб. 88 коп.[1] При таких капитальных вложениях прибыль около 9,5 руб. на десятину дает среднюю норму прибыльности до 30% в год.

И это несмотря на то, что обследование 1887—1888 гг. относится к периоду минимальных хлебных цен и затяжного сельскохозяйственного кризиса.

---

[1] Стоимость скота мы не включаем сюда потому, что и конная тяга и навоз учтены уже в издержках производства по полной их стоимости, т. е. как бы приобретены со стороны. Стоимость земли не учитывается, ибо в расходы включена арендная плата («рента»). С поправкой на индекс 1877/78 г. 32 руб. 1913 г. понизятся процентов на 25. Ремонт и погашение построек надо считать около 3.5%, инвентаря — ремонт около 13,8%, погашение 6,4%.

Чем же объясняется столь неожиданный на первый взгляд результат?

Правдоподобнее всего допустить, что *отчасти* повышенная рентабельность получилась у нас потому, что обследованием охвачены хозяйства недостаточно типичные, а именно с повышенной урожайностью против средних норм и более высокими затратами капитала на десятину, чем нами допущено. Но за счет этой последней причины нельзя, по-видимому, сделать большой поправки. По показаниям самих хозяев, амортизация, ремонт и страхование дает у них всего около 1 руб. 55 коп. на десятину, что отнюдь не предполагает высокой капиталоинтенсивности обследованных хозяйств. Если исходить из технических норм погашения и ремонта в 5%, то затратам в 1 руб. 55 коп. должен соответствовать вложенный капитал на сумму всего в 31 руб., что соответствует пензенским нормам 1913 г.

Что же касается урожайности, то она в обследованных хозяйствах превышает процентов на 30—40 ту среднюю урожайность, какую для 1887 г. дает департамент земледелия по опросу своих корреспондентов даже в отношении владельческих хозяйств. По сравнению с заведомо преуменьшенными нормами ЦСК это превышение, конечно, оказалось бы еще больше. Конечно, с понижением урожайности для *средних* хозяйств понизились бы в известной степени и издержки производства (на уборку, перевозку, молотьбу и очистку сбора и т. д.), но еще в большей степени понизилась бы чистая доходность, выведенная в табл. 9.

Если в этой таблице понизить урожайность только на 30%, то валовой доход понизится на 13 руб., а издержки — максимум на 3 руб. И, стало быть, в результате вместо 10 руб. прибыли получится ноль или даже несколько копеек убытка на десятину. Таким образом, надо полагать, что табл. 9 более или менее точно отражает собою экономику производства хлебов лишь для наиболее сильной группы — *помещичьих* и *кулацких* хозяйств, организованных на капиталистических началах. Она отнюдь не показательна для основной массы крестьянских хозяйств с пониженной урожайностью, семейным трудом и натуральным потреблением большей части сбора в пределах своего собственного хозяйства. И все же за отсутствием других, более дифференцированных калькуляций себестоимости производства хлебов в различных социальных группах земледельческого населения приведенные данные могут быть использованы для одного весьма важного вывода.

Допустим, что рентабельность производства хлебов в табл. 9 отнюдь не преувеличена даже в отношении крестьянских хозяйств. Учтем, далее, что крестьянин совмещает в своем лице и землевладельца, и предпринимателя, и рабочего, т. е. получает полностью и ренту, и прибыль, и заработную плату. Это составит около 28 руб. 88 коп. на десятину посева, или при 5 десятинах посева на двор 144,4 руб. на хозяйство в 5—6 душ.

Спрашивается, может ли существовать семейство в 5—6 душ при ежемесячном бюджете 12 руб. на семью?

Ответ ясен. При таком бюджете не просуществуешь. И если наше крестьянство все же в общем и целом по всей стране не вымирало, а умножалось, то, очевидно, оно имело и другие источники существования кроме доходов от полеводства. Сюда относятся и доходы от животноводства, и промысловые заработки. И действительно, довоенные бюджеты в достаточной степени это подтверждают. Средний валовой бюджет крестьянской семьи достигал не менее 400—500 руб. в год, и даже за вычетом хозяйственных расходов и повинностей крестьянская семья в общем проживала не менее 250 руб. в год. Это не слишком много, но все же значительно больше исчисленных нами 144 руб. от полеводства.

Причина такой низкой валовой доходности полеводства заключалась прежде всего в крестьянском малоземелье. В самом деле, на 5 десятин посева в год требовалось всего около $28 \times 5 = 140$ рабочих дней, а в семье из 6 душ надо считать не менее 3 работников с общим запасом годового труда около $280 \times 3 = 840$ дней[1]. Таким образом, из этого запаса при данном уровне интенсивности земледелия полеводство способно было занять не более $^1/_6$ доли.

Столь низкая интенсивность крестьянского землепользования, являясь причиной громадного относительного перенаселения русской деревни, в достаточной степени объясняет как низкий уровень благосостояния нашего крестьянства, так и целый ряд других характерных особенностей нашего дореволюционного сельского хозяйства.

С обследованиями 80-х годов интересно сопоставить данные 1912—1914 гг., собранные через постоянных корреспондентов департамента земледелия[2].

Анкета эта задумана была в программном отношении довольно широко. Но ввиду очень большого числа пробелов в заполнении анкет и других дефектов разработана весьма суммарно. В частности, раздел программы о трудовых затратах на разных работах вовсе остался не разработанным по всем культурам, кроме картофеля.

В предлагаемой ниже сводке мы постарались восполнить некоторые пробелы данного обследования в целях сравнимости его с вышеприведенными данными по различным источникам. Так, например, пропущенный в анкете расход на овинную сушку хлебов включен нами по данным обследования 1885—1899 гг. с поправкой по индексу прироста цен на рабочие руки и топливо к 1912—1914 гг., вывозка удобрения и стоимость навоза определены с поправкой на неудобряемые площади по имеющимся новейшим коэффициентам, выделение расхода на оплату труда из общих затрат на живой труд и тягу произведено по соотношениям прежних лет с учетом движения цен конной и пешей поденщины за весь исследуемый период и т. д. Погубернские средние во всех случаях взвешивались при выводе общих итогов для всей страны по посевным площадям соответствующих культур.

Общие итоги нашей сводки по владельческим и крестьянским хозяйствам представляются в следующем виде (табл. 12).

По сравнению с 80-ми годами затраты на обработку десятины посева возросли в *денежном* выражении за 25 лет с 27 руб. 21 коп. до 38 руб. 71 коп., т. е. на 42%. Индекс дороговизны, по нашим расчетам, возрос, однако, с 1887 по 1912 г. всего на 34%. Таким образом, затраты эти и в *товарном* выражении надо считать возросшими по меньшей мере на 6%[3]. За счет чего же они возросли? За счет падения производительности труда или каких-либо иных причин?

Приводя цены 1887/88 г. по индексу к сравнимому виду с данными 1912—1914 гг., получим по отдельным элементам интересующих нас затрат такое сопоставление.

Урожайность десятины посева по обоим обследованиям оказалась почти одинаковой (66,2 и 65,4 пуда) и в обоих значительно выше средней для Европейской России по массовым данным ЦСК. Из этого можно заключить, что за оба периода подверглись обследованию лишь наиболее «исправные» крестьянские и владельческие хозяйства. Но если иметь в

---

[1] Средняя поденная плата на селе в 1888 г. работников обоего пола составляла 48,5 коп. И за 840 поденщин, даже без всякой прибыли и ренты, можно было заработать 407 руб. 40 коп.

[2] «Стоимость производства главнейших хлебов». Изд. министерства земледелия, вып. I. Пг., 1915, вып. II. Пг., 1916. Всего ответов собрано было 5169, из них 72% относились к крестьянским хозяйствам и 28 — к владельческим.

[3] $(142 : 134) \times 100 = 106$.

Таблица 12

Стоимость производства зерновых хлебов в 1912—1914 гг. по обследованию департамента земледелия по 43 губерниям Европейской России

(в руб. на десятину)

Статьи расхода	Озимые хлеба			Яровые хлеба			Все хлеба			
	черноземная полоса	нечерноземная полоса	в среднем	черноземная полоса	нечерноземная полоса	в среднем	черноземная полоса	нечерноземная полоса	в среднем: абс.	в среднем: % к итогу
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
А. Живой труд и тяга										
1. Вывозка удобрения	0,36	2,71	1,02	0,18	2,04	0,55	0,24	2,33	0,71	1,1
2. Обработка, посев, уход за посевом	9,40	9,61	9,46	9,07	8,30	8,94	9,19	8,96	9,14	14,6
3. Уборка и перевозка	8,09	9,22	8,40	7,18	8,41	7,40	7,49	8,81	7,77	12,5
4. Молотьба, очистка зерна	4,95	5,48	5,09	4,51	4,98	4,60	4,66	5,22	4,73	7,7
5. Сушка (заготовка топлива)	0,78	1,80	1,06	0,65	1,75	0,84	0,69	1,78	0,92	1,5
Итого по А	23,58	28,82	25,03	21,59	25,48	22,33	22,27	27,10	23,32	37,4
В том числе:										
а) живой труд	14,88	20,00	16,30	11,37	19,26	12,88	12,68	19,62	14,16	22,7
б) конная тяга	8,70	8,82	8,73	10,22	6,22	9,45	9,59	7,48	9,16	14,7
Б. Материалы										
6. Навоз	0,70	6,29	2,26	0,34	4,80	7,22	0,46	5,46	1,59	2,5
7. Семена	6,57	8,64	7,13	6,88	10,06	7,43	6,77	9,37	7,33	11,8
8. Топливо для сушки	0,67	1,65	0,94	0,47	1,42	0,64	0,54	1,53	0,75	1,2
Итого по Б	7,94	16,58	10,33	7,69	16,28	9,29	7,77	16,36	9,67	15,5

Таблица 12 (продолжение)

Статьи расхода	Озимые хлеба			Яровые хлеба			Все хлеба			
	черноземная полоса	нечерноземная полоса	в среднем	черноземная полоса	нечерноземная полоса	в среднем	черноземная полоса	нечерноземная полоса	в среднем абс.	в среднем % к итогу
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
В. Амортизация и накладные расходы										
9. Починка и амортизация	2,46	2,82	2,56	2,41	2,69	2,46	2,43	2,76	2,50	4,0
10. Страхование	0,52	0,56	0,54	0,51	0,53	0,51	0,51	0,55	0,52	0,8
11. Администрация	1,14	0,38	0,94	1,12	0,37	9,99	1,13	0,37	0,97	1,6
12. Поземельные платежи	1,09	1,13	1,10	1,06	1,08	1,06	1,07	1,10	1,08	1,7
13. Расходы по сбыту и случайные	0,72	0,41	0,63	0,71	0,39	0,66	0,71	0,40	0,65	1,0
Итого по В	5,93	5,30	5,77	5,81	5,06	5,68	5,85	5,18	5,72	9,1
Г. Рента	16,97	8,97	14,72	14,57	7,46	13,30	15,39	8,20	13,86	22,2
Д. Прибыль	11,05	8,99	10,47	10,99	2,81	9,48	11,01	5,90	9,85	15,8
Всего	65,47	68,66	66,32	60,65	57,09	60,08	62,29	62,74	62,42	100,0
а) Перенесенная стоимость (б, 6, 7, 8, 9, 10, 13)	20,34	29,19	22,79	21,54	26,11	22,37	21,01	27,55	22,50	36,0
б) Оплата труда (а, 11)	16,02	20,38	17,24	12,49	19,63	13,87	13,81	19,99	15,13	24,3
в) Прибавочная стоимость (12, Г, Д)	29,11	19,09	26,29	26,62	11,35	23,84	27,47	15,20	24,79	39,7
Урожай зерна, пуд.	68,8	65,3	67,8	63,0	65,4	63,5	65,0	65,3	65,4	—
Урожай соломы, пуд.	102,9	102,9	102,9	84,1	82,8	83,9	90,9	92,7	91,0	—
Цена зерна, коп. за пуд	81,8	88,3	83,6	80,8	69,8	78,7	81,0	78,8	80,6	—
Цена соломы, коп. за пуд	8,9	10,6	9,4	11,7	13,9	12,0	10,5	12,1	10,9	—
Стоимость урожая:										
а) зерна	56,32	57,74	56,67	50,85	45,60	50,00	52,76	51,52	52,50	—
б) соломы	9,15	10,92	9,65	9,80	11,49	10,00	9,53	11,22	9,92	—
Посевная площадь 1909—1913 гг., %	27,0	10,5	37,5	51,7	10,8	62,5	78,7	21,3	100,0	—

Таблица 13

Затраты на десятину посева

(в руб. 1912/13 г.)

Элементы себестоимости	1887/88 г.	1912/13 г.	Разница, %
1	2	3	4
1. Живой труд	14,34	14,16	— 1,4
2. Упряжная тяга	7,96	9,16	+15,1
3. Материалы	9,05	9,67	+ 7,0
4. Починка, страхование, амортизация	2,10	3,02	+44,0
5. Поземельные платежи	0,56	1,08	+93,3
6. Прочие расходы	2,38	1,62	—32,0
Итого издержек	36,40	38,71	+ 6,2
Рента	9,09	13,86	+52,7
Прибыль	12,83	9,85	—23,2
Валовая продукция	58,32	62,42	+ 7,2
Хлебные цены за 1 пуд., коп.	73,2	80,6	+10
Поденная плата, коп.	57,6	71,8	+25
Число поденщин на 1 десятину	24,9	19,7	—21
Производительность труда, %	100	127	+27

виду именно такие хозяйства, то в отношении их эволюции приходится сделать следующие выводы (табл. 13).

За 25 лет, протекших между двумя обследованиями, эксплуатационные затраты на десятину посева возросли в индексных рублях весьма незначительно — всего на 6%. Но и этот прирост объясняется некоторым возрастанием капитальных затрат, связанных с ремонтом и страхованием, повышением налогов, вздорожанием конной тяги и материалов. Затраты, связанные с оплатой труда, при этом даже несколько сокращаются. Зато рента и прибыль из расчета на десятину посева возрастают с 21 руб. 92 коп. до 23 руб. 71 коп., т. е. в общем итоге на 8%, при гораздо более резком повышении ренты за счет соответствующего снижения предпринимательской прибыли.

Еще больше, чем издержки на оплату труда, сократилось за то же время само количество труда, затрачиваемое на десятину посева. Если исходить из средней поденной платы батраков обоего пола по 43 губерниям Европейской России за соответствующие годы, то число таких средних поденщин на десятину посева сократилось за четверть века на 21%, или, что то же, производительность труда в полеводстве возросла из расчета на единицу обрабатываемой площади на 27%.

Прирост реальной заработной платы составил за тот же период в товарном выражении 25%, т. е. оплата труда росла с некоторым отставанием от производительности труда в сельском хозяйстве. В других отраслях хозяйства, однако, производительность труда росла, по-видимому, еще быстрее, чем и объясняется, конечно, относительное вздорожание хлебных цен на 10% по сравнению с общим товарным индексом. Таким образом, если батрак стал за четверть века получать за свой труд на 25% больше разных полезностей, то трудовая ценность этих полезностей, овеществленная в его реальном заработке, не только не возросла за эту четверть века, но даже несколько снизилась.

К тому же выводу можно прийти и другим путем. Как видно из сопоставления табл. 12 и 13, оплаченный труд в полеводстве по отношению ко всей вновь созданной им стоимости составлял в 1887/88 г. 42,7%, а в 1912/13 г.— уже только 38%, весь же остальной продукт труда шел либо фиску в виде налогов, либо помещику в виде ренты и прибыли. Или, говоря иначе, норма эксплуатации батрацкого труда в обследованных хозяйствах повысилась за 25 лет со 134 до 163%.

Конечно, столь высокая норма эксплуатации относится лишь к обследованной группе хозяйств с высокой урожайностью. Для основной массы крестьянских хозяйств потребительского типа с низкой урожайностью эта норма получилась бы совсем иная. Но поскольку в таких хозяйствах наемный труд вообще почти не имел применения, то исчислять для них норму эксплуатации не приходится. Что же касается «исправных» хозяйств капиталистического типа с широким использованием наемного труда, то для них показанная в анкете урожайность, по-видимому, отнюдь не преувеличена. В анкете шла речь об «обычной» для опрашиваемых хозяйств урожайности их. А стало быть, и вычисленные нами для указанного времени нормы эксплуатации в достаточной степени показательны.

Из отдельных элементов себестоимости хлебов, учтенных в нашей сводке, особенного внимания заслуживают ремонт и амортизация, налоги, администрация и прочие накладные расходы. Их труднее всего учесть, и они чаще всего вовсе не учитываются. Этим-то и объясняется столь распространенное в нашей сельскохозяйственной статистике использование категории «условно чистой» продукции. За трудностью исключения из валовой продукции полеводства амортизации и тому подобных статей их вовсе оттуда не исключают.

Общепринятый метод получения «условно чистой» продукции полеводства путем вычитания из валового сбора хлебов затрат на семена и корм скоту мы считаем глубоко неправильным. Скот помимо тяговой силы и навоза для полеводства дает еще молочную продукцию, приплод и тяговую силу для извоза и других целей, а потому весь корм скота зачитывать целиком в издержки одного лишь полеводства нет никаких оснований. При этом надо иметь в виду, что тяговая сила скота, потребляемая в сельском хозяйстве, не составляет, по массовым данным, и половины всей валовой продукции животноводства. Стало быть, и корм скоту больше чем наполовину должен быть учтен в издержках животноводства, а не полеводства. В общем итоге эта поправка, по нашим расчетам, значительно превышает собою стоимость ремонта и амортизации и, стало быть, такая «условно чистая» продукция полеводства не меньше, как это принято думать, а даже несколько больше чистой его продукции в точном смысле этого слова.

Однако приведенные в наших таблицах данные об амортизации и прочих накладных расходах в полеводстве очень далеки от точности. В большинстве анкет они давались общим итогом, без всякого расчленения. В погубернских итогах они подсчитаны в нашем источнике тоже лишь в суммарных цифрах. Но в общей сводке по всей стране мы сочли возможным разбить эти общие итоги на их составные части по тем процентным соотношениям, какие нам удалось установить на основании конкретных показаний отдельных хозяев, опубликованных в обследовании.

Сводка этих показаний по хозяйствам различного размера дает следующие конкретные коэффициенты (табл. 14).

Как видим, ремонт и погашение, а также страховые издержки из расчета на десятину посева мало меняются от увеличения хозяйства, но относительная доля этих расходов в общей сумме накладных издержек падает в более крупных хозяйствах. Налоги падают с ростом хозяйства и в абсолютном значении, и относительно общего итога накладных издержек. А затраты на содержание администрации, наоборот, растут и в относитель-

Таблица 14

Накладные расходы в производстве хлебов по обследованию 1912—1914 гг.

Статья расходов	Группы хозяйств по размеру пашни			
	до 50 десятин	от 51 до 150 десятин	св. 150 десятин	среднеарифметическая
1	2	4	4	5
А. Абсолютные величины, руб. на десятину посева				
1. Ремонт и погашение	3,53	3,43	3,79	3,58
2. Налоги	1,53	1,41	1,35	1,43
3. Страхование	0,72	0,88	0,70	0,77
4. Администрация	1,02	3,71	4,60	3,11
5. Разные (по сбыту и пр.)	0,91	1,06	0,71	0,89
Итого	7,71	10,49	11,15	9,78
Б. Относительные величины, % к итогу				
1. Ремонт и погашение	45,8	32,7	34,0	36,6
2. Налоги	19,8	13,4	12,1	14,6
3. Страхование	9,4	8,4	6,3	7,9
4. Администрация	13,2	35,3	41,2	31,8
5. Разные (по сбыту и пр.)	11,8	10,1	6,4	9,1
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0
Число обследованных хозяйств	111	41	108	260
Площадь пахотной земли на одно хозяйство, десятина	18,4	99,5	3040,0	1286,0

ных цифрах, и абсолютно. Последний факт объясняется, конечно, тем, что в более мелких хозяйствах не требуется специальных управляющих, конторщиков, сторожей, ибо все эти функции еще не специализированы и выполняются попутно с другими функциями самим хозяином либо, например в области отчетности, вовсе не выполняются.

В сводке по всем хозяйствам (см. табл. 12) общий итог накладных издержек на десятину посева получился значительно ниже, так как в ней удельный вес наиболее многочисленных крестьянских хозяйств, по общему правилу не несущих никаких специальных расходов на администрацию, гораздо выше, чем в группе хозяйств, учтенных в табл. 14.

Обследование 1912—1914 гг. дает нам возможность выявить различия условий производства от размеров хозяйства и по другим элементам себестоимости по главнейшим культурам (табл. 15).

В этой таблице в отличие от табл. 12 мы ограничились простой сводкой погубернских данных, взвешенных нами по посевным площадям, без всяких поправок на пропущенные статьи расхода (заготовка топлива и сушка хлебов) или не совсем точно учтенные (вывозка удобрения, навоз), так как не имели возможности провести эти поправки по отдельным группам хозяйств и культурам. Впрочем, общая сумма издержек производства на десятину без поправок получается у нас почти та же, что и с поправками, ибо наши поправки в табл. 12 по разным статьям идут в разные стороны и в общем взаимно уравновешиваются.

Наиболее общий вывод из анализа приведенной таблицы, конечно, тот, что более крупные хозяйства дают более высокую урожайность и гораздо более рентабельны по сравнению с мелкими. Но затраты труда и

Таблица 15

Стоимость производства главнейших зерновых хлебов в 1912—1914 гг. по 42 губерниям Европейской России

(в руб. на десятину посева) *

Статьи расхода	Мелкие хозяйства (до 50 десятин пашни)					Крупные хозяйства (свыше 50 десятин пашни)				
	Рожь	пшеница озимая	пшеница яровая	Овес	Ячмень	Рожь	пшеница озимая	пшеница яровая	овес	ячмень
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
А. Живой труд и тяга										
1. Вывозка удобрения	2,64	2,20	0,40	1,48	0,88	3,17	2,15	0,84	1,84	0,99
2. Обработка	6,76	8,59	6,74	5,74	6,43	7,72	9,12	7,34	6,22	6,90
3. Посев и заделка . .	2,13	2,34	2,29	2,07	2,24	2,00	2,22	2,15	2,04	2,18
4. Уход за посевом	0,24	0,67	0,39	0,40	0,29	0,27	0,73	0,66	0,48	0,53
5. Уборка урожая . .	5,66	5,39	4,77	5,00	4,28	5,77	5,95	5,12	4,64	4,73
6. Перевозка с поля	2,70	3,14	2,75	2,49	2,69	2,54	2,76	2,43	2,26	2,57
7. Молотьба и очистка	4,98	5,90	4,55	4,62	4,57	5,29	6,02	4,69	4,84	4,78
Итого по А . .	25,11	28,23	21,89	21,80	21,38	26,76	28,95	23,23	22,32	22,68
Б. Материалы										
8. Навоз	6,26	4,55	0,79	3,39	1,97	8,72	6,74	1,82	4,74	2,76
9. Семена	6,98	8,61	7,78	7,76	6,23	6,90	8,50	7,86	7,55	6,03
Итого по Б . .	13,24	13,16	8,57	11,15	8,20	15,62	15,24	9,68	12,29	8,79
В. Прочие издержки	5,48	6,26	5,54	5,34	5,98	7,63	7,52	6,43	7,49	6,83
Итого издержек	43,83	47,65	36,00	38,29	35,56	50,01	51,71	39,34	42,10	38,30
В том числе зависящие от урожая . .	13,34	14,43	12,07	12,11	11,54	13,60	14,73	12,24	11,74	12,08
Г. Рента (арендная плата)	14,21	19,48	14,24	11,50	14,17	14,76	19,50	15,31	12,00	15,37
Д. Прибыль	4,93	18,73	16,57	1,51	8,15	9,75	31,37	19,41	7,26	12,99
Валовая продукция	62,97	85,86	66,81	51,30	57,88	74,52	102,58	74,06	61,36	66,66
Урожай зерна, пуд.	66,0	73,1	57,3	65,4	68,4	77,00	87,1	63,9	76,00	79,1
Урожай соломы, пуд.	101,7	100,6	77,7	87,5	84,3	113,3	125,5	88,8	99,00	99,4
Стоимость урожая зерна	53,47	76,47	57,86	40,30	47,47	63,30	91,30	64,39	48,30	55,20
Стоимость урожая соломы	9,50	9,39	8,95	11,00	10,41	11,22	11,28	9,67	13,06	11,46
Число показаний . .	1 673	196	647	1382	769	420	202	158	407	238
Посевная площадь 1909—1913 гг., % к итогу по 5 культурам	36,9	3,9	25,33	22,3	11,6	36,4	5,8	23,2	21,2	13,4

* В расчет не вошли Прибалтика, Бессарабия и Астраханская область.

Таблица 16

Издержки производства главнейших хлебов по 42 губерниям Европейской России в 1912—1914 гг.

без ренты и прибыли (в руб. за десятину посева)

Полосы и районы	Мелкие хозяйства (до 50 десятин пашни)					Крупные хозяйства (св. 50 десятин пашни)				
	рожь	пшеница		овес	ячмень	рожь	пшеница		овес	ячмень
		озимая	яровая				озимая	яровая		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
А. Черноземная полоса										
1. Центрально-Земледельческий (6 губерний)	42,83	55,06	37,24	37,06	32,83	47,88	57,77	48,65	39,81	47,79
2. Средне-Волжский (6 губерний)	38,49	—	37,17	33,73	35,90	44,39	—	37,08	36,77	33,82
3. Нижне-Волжский (2 губернии)	29,94	—	34,32	30,88	31,64	38,10	—	38,28	34,82	31,95
4. Юго-Западный (3 губернии)	51,31	56,42	46,33	42,28	43,17	53,05	63,92	48,22	47,91	47,36
5. Новороссийский (4 губернии)	29,62	38,00	32,21	30,11	30,26	34,57	41,18	36,91	33,50	33,05
6. Малороссийский (3 губернии)	49,20	52,77	46,32	39,21	42,43	55,61	59,75	49,24	42,87	44,98
В среднем по полосе (24 губернии)	40,15	47,62	35,52	35,53	33,54	46,11	51,52	38,90	39,74	36,50
Б. Нечерноземная полоса										
7. Промышленный (6 губерний)	59,66	—	55,84	47,83	48,02	59,61	—	—	49,21	48,24
8. Белорусский (4 губернии)	55,46	53,14	51,99	45,36	47,43	60,05	63,32	—	45,66	49,94
9. Приозерный (4 губернии)	61,55	—	—	49,31	51,07	62,29	76,51	—	49,84	52,51
10. Приуральский (2 губернии)	43,05	—	47,78	39,44	41,54	44,24	—	46,49	41,86	44,62
11. Северный (2 губернии)	56,77	—	45,49	44,70	53,48	60,17	—	—	48,45	—
В среднем по полосе (18 губерний)	52,38	53,41	48,22	43,30	46,48	57,77	64,71	46,49	46,13	48,73
В среднем по 42 губерниям	43,83	47,65	36,00	38,29	35,56	50,01	51,71	39,34	42,10	38,30
В. Отошедшие губернии										
1. Прибалтика	70,96	70,93	—	47,07	52,61	76,51	75,45	—	47,72	53,87
2. Литва	47,24	56,93	45,53	40,58	41,03	49,14	61,16	—	43,78	42,88
3. Бессарабия	37,90	43,05	37,75	—	35,31	48,75	53,47	45,55	40,93	39,00

материалов на десятину посева в них тоже несколько больше. И это несмотря на гораздо более широкое применение в крупных хозяйствах по сравнению с мелкими всякого рода уборочных и других сложных машин.

Однако если затраты живого труда и тяги посчитать не на десятину посева, а на пуд урожая, то в крупных хозяйствах они окажутся значительно более скромными, чем в мелких. Иными словами, производительность труда в крупных хозяйствах выше, чем в мелких.

В отношении сравнительной трудоемкости различных полевых культур по табл. 15 можно заключить, что озимые хлеба требуют несколько больше трудовых затрат, чем яровые, пшеница больше, чем рожь, но в общем различия эти для зерновых хлебов чрезвычайно невелики.

Другое дело, если сравнить трудоемкость зерновых хлебов с лубяными растениями или с клубнекорнеплодами. Эти последние поглощают в 3—4 раза больше труда, чем зерновые культуры. Но к ним удобнее будет вернуться в другой связи.

Для порайонной характеристики условий производства хлебов приведем следующую табл. (табл. 16).

Здесь мы ограничились сопоставлением лишь общей суммы издержек производства из расчета на одну десятину посева. Как видим, в нечерно-

Таблица 17

Издержки производства 1 пуда хлебов в 1912—1914 гг. по 42 губерниям Европейской России

(в поденщинах батрацкого труда)

Полосы и районы	В мелких хозяйствах (до 50 десятин пашни)			В крупных хозяйствах (св. 50 десятин пашни)		
	рожь	пшеница	овес	рожь	пшеница	овес
1	2	3	4	5	6	7
А. Черноземная полоса						
1. Центрально-Земледельческий	1,00	1,03	0,85	0,94	1,09	0,79
2. Средне-Волжский	0,85	0,99	0,80	0,91	0,97	0,75
3. Нижне-Волжский	0,64	0,65	0,66	0,76	0,69	0,61
4. Юго-Западный	1,09	1,08	0,96	1,05	1,08	0,95
5. Новороссийский	0,60	0,70	0,55	0,53	0,64	0,51
6. Малороссийский	0,85	0,86	0,68	0,85	0,88	0,66
В среднем по полосе (24 губерниям)	0,78	0,81	0,70	0,79	0,80	0,66
Б. Нечерноземная полоса						
1. Промышленный	1,06	1,09	0,81	0,89	—	0,74
2. Белорусский	1,15	1,13	0,96	0,98	—	0,83
3. Приозерный	1,02	—	0,87	0,90	—	0,78
4. Приуральский	0,93	0,99	0,85	0,80	0,94	0,83
5. Северный	0,95	0,81	0,76	0,96	—	0,78
В среднем по полосе (18 губерниям)	1,00	0,88	0,82	0,91	0,94	0,78
В среднем по 42 губерниям	0,85	0,81	0,75	0,83	0,79	0,71
В. Отошедшие губернии						
1. Прибалтика	0,79	—	0,60	0,78	—	0,56
2. Литва	0,95	1,04	0,98	1,03	—	0,92
3. Бессарабия	0,72	0,82	—	0,72	0,80	0,58

земной полосе, где чаще приходится прибегать к навозному удобрению, затраты на единицу площади по общему правилу значительно больше, чем в черноземной. Из отдельных районов дороже всего производство хлеба из расчета на десятину посева обходилось в Прибалтике, всего дешевле — в Новороссийском и Нижне-Волжском районах.

Причин для такого различия этих районов, конечно, много. В одних применяется в большом количестве удобрение, в других оно вовсе не применяется. В районах интенсивного земледелия затрачивается больше труда на единицу площади, чем в экстенсивных. Наконец, нормы оплаты труда в разных районах весьма различны. Чтобы исключить это последнее обстоятельство, мы приводим ниже следующее сопоставление. Вычислив себестоимость производства ржи, овса и яровой пшеницы в копейках за пуд и разделив ее на среднюю стоимость поденщины батраков обоего пола в 1913 г., получим по каждому из районов такие величины в поденщинах (табл. 17).

Как видим, в черноземной полосе трудовые затраты, необходимые для производства пуда зерновых хлебов, меньше, чем в нечерноземной. И особенно они низки в районах южнорусских и заволжских степей (Новороссийский и Нижне-Волжский), где чернозем еще мало выпахан и почва не требует ни навоза, ни дорогой обработки. В нечерноземной полосе районные различия в условиях производства не так велики, как в черноземной. Но все же заслуживает внимания тот факт, что в районе наиболее интенсивного земледелия (Прибалтика), где издержки производства в расчете на десятину посева особенно велики, трудовые затраты в расчете на пуд зерна значительно ниже, чем во всех остальных районах нечерноземной полосы.

Таким образом, интенсификация земледелия отнюдь еще не означает собою понижения производительности труда, как это склонны умозаключать буржуазные экономисты. Пресловутый «закон» убывающего плодородия почвы во всяком случае не получает здесь фактического подтверждения.

4. ДИНАМИКА КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА ЗА 1917—1922 годы [1]

Произведенное в 1922/23 г. по инициативе партии подворное обследование семи волостей, разбросанных в самых различных районах Европейской России, дает нам чрезвычайно интересный материал для изучения эволюции нашего сельского хозяйства уже за первые годы после революции. Своеобразие условий в каждом из обследованных районов требует специального освещения их по каждой губернии. Своею же задачей мы считаем попытку выявить лишь те наиболее общие тенденции развития послереволюционной деревни, какие намечаются произведенным обследованием по всей России, поскольку она представлена в обследовании.

Всего подвергалось обследованию по 7 волостям 8142 двора с населением 42 817 душ и общей площадью посева в 1922 г. в 22 342 десятины. Масштаб достаточно крупный для получения цифровой характеристики целого ряда процессов в деревне.

Обследование разбивает все хозяйства на три группы: зажиточную, середняцкую и маломощную и дает цифровую характеристику их на три срока: 1917, 1920 и 1922 гг. Однако в отношении численности хозяйств мы имеем возможность по данным опроса восстановить погодовую картину их роста за все пятилетие. Эта картина представляется в следующем виде (табл. 18).

В общем за пять лет число хозяйств увеличилось на 23,7%. В среднем за год это дает около 3% прироста, за исключением одного 1918 г., когда этот прирост оказался почти втрое выше нормы прироста последующих

[1] В кн. «Крестьянские хозяйства за время революции». М., 1923.

Таблица 18

Динамика численности хозяйств за 1917 — 1922 гг.

Районы и губернии	1917 г.	1918 г.	1919 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.
1	2	3	4	5	6	7
А. Потребляющий						
1. Московская	1 768	1 842	1 873	1 925	1 975	2 036
2. Псковская	975	1 166	1 211	1 237	1 274	1 309
3. Смоленская	522	576	587	630	646	693
Итого по 3 губерниям	3 265	3 584	3 671	3 792	3 895	4 038
% к 1917 г.	100,0	109,9	112,4	116,1	119,4	123,7
Б. Производящий						
4. Курская	612	683	713	730	764	775
5. Тамбовская	856	922	953	989	1 006	1 064
6. Самарская	877	917	954	987	1 016	1 054
7. Киевская	976	1 067	1 114	1 154	1 199	1 211
Итого по 4 губерниям	3 321	3 589	3 734	3 860	3 985	4 104
% к 1917 г.	100,0	108,1	112,4	116,1	119,6	123,6
Всего по 7 губерниям	6 586	7 173	7 405	7 652	7 880	8 142
% к 1917 г.	100,0	108,9	112,4	116,1	119,5	123,7
Ежегодный % прироста	—	8,9	3,2	3,3	2,9	3,4

лет. Характерно, что и в потребляющей и производящей полосе мы наблюдаем в этом отношении почти тождественный темп движения за все годы.

Обращаясь к изучению основных слагающих указанного прироста, мы можем, если отвлечься от влияния малохарактерных миграций из одной сельской местности в другую, установить два главнейших источника прироста числа хозяйств: 1) раздел и 2) переселение из городов. Относительное значение каждого из них выявляется в следующей таблице (табл. 19).

Прирост хозяйств за счет разделов, как видим, в 5—6 раз превышает прирост за счет возврата городского населения в деревню. Особенно велик процент разделов в 1918 г. Очевидно, мировая война 1914—1917 гг., оторвав от семьи добрую половину взрослого мужского населения, на несколько лет задержала естественное течение семейных разделов. И лишь демобилизация 1918 г. позволила в один год наверстать упущенное в этом отношении за два-три года. Революция, предоставляя крестьянству даровой лес для построек, добавочные земельные ресурсы, господский скот и инвентарь, разумеется, в высокой степени содействовала этому повышению процента разделов.

Переселение из городов тоже дало максимальный прирост хозяйств в 1918 г. Безработица в городах, вызванная демобилизацией военной промышленности, и голод гнали в этом году в деревню не только наиболее тесно связанные с нею полукрестьянские элементы города, но и коренных представителей городского пролетариата. Эта тяга в деревню продолжалась несколько лет. И в общем за пять лет число крестьянских хозяйств увеличилось за счет выходцев из города на 3,3%. Это не слишком много

Таблица 19

Динамика прироста хозяйств за счет раздела и переселения из городов

Районы	Источник прироста	Прирост числа хозяйств					
		1918 г.	1919 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.	за 5 лет
1	2	3	4	5	6	7	8
Абсолютные цифры							
1. Потребляющие 3 губернии	Раздел	235	82	103	82	125	627
	Переселение	68	12	13	23	11	127
2. Производящие 4 губернии	Раздел	189	108	87	88	88	560
	Переселение	31	12	16	17	14	90
3. Итого по 7 губерниям	Раздел	424	190	190	170	213	1187
	Переселение	99	24	29	40	25	217
Относительные цифры. (Прирост в % к наличному числу хозяйств)							
1. Потребляющие 3 губернии	Раздел	7,2	2,3	2,8	2,2	3,2	19,2
	Переселение	2,1	0,3	0,4	0,6	0,3	3,9
2. Производящие 4 губернии	Раздел	5,7	3,0	2,3	2,3	2,2	16,9
	Переселение	0,9	0,3	0,4	0,4	0,4	2,7
3. Итого по 7 губерниям	Раздел	6,4	2,7	2,6	2,2	2,7	18,0
	Переселение	1,5	0,3	0,4	0,5	0,3	3,3

для деревни. Но если учесть, что сельское население у нас в 4 раза многочисленнее городского, то этот прирост деревни всего на 3,3% означает потерю городского населения минимум в 13%. На самом деле город потерял даже значительно больше, так как он терял и от выселения, и от эпидемий, и от гражданской войны, и от целого ряда других бедствий, связанных с войной и блокадой.

Городская перепись 1923 г. отметила уже факт обратной тяги из селений в города. Но, к сожалению, этот факт не мог найти своего отражения в нашем обследовании: выбывшие семьи не могли быть опрошены при подворном обследовании.

Заслуживает еще внимания следующий факт. Убегая из города, голодный рабочий направляется, надо думать, по возможности в наиболее хлебные места производящей полосы. Тем не менее наше обследование показывает, что за 1918 г. прилив горожан в селения наименее плодородной потребляющей полосы более чем вдвое превысил приток их в производящие губернии. Это доказывает, что главную массу переселенцев составляли бывшие крестьяне, возвращавшиеся к себе на родину. Потребляющая полоса, как известно, давала максимальный промышленный отход в города.

Сопоставляя рост числа хозяйств разного типа с изменениями в численности населения соответствующих групп крестьянства, получаем следующие соотношения (табл. 20).

Общие итоги по всем группам показывают, что население отставало в темпе роста по отношению к числу хозяйств и потому средняя населенность двора несколько понизилась за пятилетие 1917—1922 г. Но, конечно, это понижение было бы гораздо значительнее, если бы за изучаемые годы население деревни не пополнялось за счет демобилизаций в 1918 г. и 1921 г. Женское население наших волостей составляло в 1917 г. 19 576 душ, в 1920 г.— 21 620 и в 1922 г.— 22 630 душ, что дает темп роста за те же годы в пропорции 100 : 110 : 115,6.

Таблица 20

Динамика численности дворов и населения по типам хозяйств

Группы хозяйств по 7 губ.	Районы наблюдения	Число хозяйств по обследованию			Наличное население в них			Число душ на одно хозяйство		
		1917 г.	1920 г.	1922 г.	1917 г.	1920 г.	1922 г.	1917 г.	1920 г.	1922 г.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1. Зажиточные	Потребляющий	357	374	385	2 328	2 369	2 565	6,53	6,34	6,67
	Производящий	532	522	527	4 074	3 541	3 356	7,65	6,80	6,37
Итого		889	896	912	6 402	5 910	5 921	7,21	6,60	6,50
В % к 1917 г.		100,0	100,6	102,5	100,0	92,4	92,5	100,0	91,6	90,2
2. Середняки	Потребляющий	1 484	1 676	1 743	8 537	9 715	10 440	5,75	5,80	5,98
	Производящий	1 328	1 442	1 447	7 922	8 137	8 239	5,97	5,63	5,70
Итого		2 812	3 118	3 190	16 459	17 852	18 679	5,86	5,73	5,86
В % к 1917 г.		100,0	110,8	113,5	100,0	108,4	113,5	100,0	97,9	100,0
3. Маломощные	Потребляющий	1 424	1 742	1 910	6 262	7 665	8 815	4,38	4,39	4,62
	Производящий	1 461	1 896	2 130	6 341	8 417	9 402	4,34	4,44	4,41
Итого		2 885	3 638	4 040	12 603	16 082	18 217	4,37	4,43	4,52
В % к 1917 г.		100,0	126,0	140,0	100,0	127,5	144,5	100,0	101,4	103,2
Все хозяйства по 7 губерниям	Потребляющий	3 265	3 792	4 038	17 127	19 748	21 820	5,25	5,22	5,42
	Производящий	3 321	3 860	4 104	18 337	20 095	20 997	5,53	5,21	5,12
Всего		6 586	7 652	8 142	35 464	39 843	42 817	5,38	5,21	5,27
В % к 1917 г.		100,0	116,1	123,7	100,0	112,2	120,8	100,0	96,8	97,5

Часть этого прироста следует объяснить за счет притока из городов. Но даже за вычетом соответствующего процента (0,8% за два года) естественный прирост населения деревни за последнее два года достигал по семи нашим волостям около 1,8% в год. И в общем за счет этого прироста и последних демобилизаций населенность среднего двора за 1920—1922 гг., в особенности в менее затронутой голодом потребляющей полосе, стала повышаться.

Сравнение потребляющей и производящей полосы показывает, что в первой, наименее затронутой нашествиями белых армий, население в общем росло быстрее численности хозяйств, а во второй, наоборот, под влиянием бедствий гражданской войны и голода оно отставало настолько, что даже, несмотря на пополнения за счет демобилизаций, средний размер хозяйства все время падал.

Наконец, сравнение разных типов хозяйств обнаруживает довольно яркую тенденцию к выравниванию среднего их размера. Вследствие различного темпа роста числа хозяйств и населения разных групп мы наблюдаем в зажиточной группе сокращение размера среднего двора почти на 10% за пятилетие, тогда как середняки сохранили прежнюю его величину, а маломощные даже увеличили ее на 3,2%. В результате населенность зажиточного двора превышала населенность двора маломощного в 1917 г. на 65%, в 1920 г.— на 49 и в 1922 г.— уже только на 44%.

Насколько вместе с тем возрастал общий удельный вес маломощной группы за счет относительного сокращения двух других в общей массе крестьянства как по числу дворов, так и по населению, показывают следующие процентные соотношения (табл. 21).

Таблица 21

Группы хозяйств и населения по зажиточности (в %)

	Хозяйства			Население		
	1917 г.	1920 г.	1922 г.	1917 г.	1920 г.	1922 г.
1	2	3	4	5	6	7
1. Зажиточная группа	13,5	11,7	11,2	18,1	14,8	13,8
2. Середняки	42,7	40,8	39,2	46,4	44,8	43,6
3. Маломощные	43,8	47,5	49,6	35,5	40,4	42,6
Итого	100	100	100	100	100	100

Представленное здесь распределение хозяйств по группам «зажиточности», произведенное на местах экспертным путем по совокупности целого ряда признаков и с учетом местного масштаба этих градаций, конечно, весьма условно. Но тем не менее приведенные цифры весьма показательны.

Наблюдая процессы нивелировки населения деревни за годы революции, мы часто слишком преувеличиваем их значение. Многим кажется, что в 1920—1922 гг. уже почти все крестьянство представляет экономически вполне однородную середняцкую массу. Между тем хотя крайние полосы деревни сблизились, но деревенская беднота отнюдь не исчезла.

Означает ли, однако, указанный численный рост наименее обеспеченной группы сельского населения общее понижение среднего уровня благосостояния деревни? И если означает, то в какой именно мере этот средний уровень упал за время революции? И каковы дальнейшие

перспективы, которые в этом отношении открыла перед нами новая экономическая политика?

Для конкретного ответа на поставленные вопросы обратимся прежде всего к данным обследования о динамике посевных площадей за изучаемое пятилетие (табл. 22).

Таблица 22

Динамика обеспеченности посевами по типу хозяйств

Группы хозяйств по 7 губерниям	Районы наблюдения	Общая площадь посева, дес.			Посев на 100 душ, дес.		
		1917 г.	1920 г.	1922 г.	1917 г.	1920 г.	1922 г.
1. Зажиточные . . .	Потребляющие	2 490	1 479	1 483	106,8	62,4	57,9
	Производящие	4 796	2 344	2 065	117,8	66,2	61,6
Итого		7 286	3 823	3 548	113,8	64,7	60,0
% к 1917 г.		100	53,8	48,7	100	56,8	52,7
2. Середняки	Потребляющие	5 490	5 353	5 474	65,9	55,8	52,4
	Производящие	5 554	4 970	4 829	70,2	61,0	58,8
Итого		11 044	10 323	10 303	67,2	57,9	55,3
% к 1917 г.		100	93,7	93,5	100	85,2	82,4
3. Маломощные . .	Потребляющие	2 782	3 575	4 138	44,5	46,7	47,0
	Производящие	2 327	4 083	4 353	36,8	48,5	46,3
Итого		5 109	7 658	8 491	40,5	47,7	46,6
% к 1917 г.		100	150,0	166,2	100	118,0	115,0
Все группы	Потребляющие	10 762	10 407	11 095	62,8	52,8	50,8
	Производящие	12 677	11 397	11 247	69,2	56,8	53,5
Всего		23 439	21 804	22 342	66,2	54,8	52,9
% к 1917 г.		100	93,0	95,5	100	82,4	78,2

Общие итоги приведенной таблицы чрезвычайно характерны. В абсолютных цифрах площадь посева за первые три года революции показывает сокращение. Но все это сокращение не превышает 7% площади 1917 г. Как видим, статистическая легенда о катастрофическом сокращении посевов за первые три года революции нашим обследованием отнюдь не подтверждается.

По официальным данным ЦСУ, вся посевная площадь по РСФСР сократилась с 1917 по 1920 г. с 81,3 до 62,1 млн. десятин, т. е. на 23,6%, а по изучаемым нами 7 губерниям в крестьянских хозяйствах это сокращение еще больше (31,8%). Правда, целый ряд статистиков, занимавшихся этим вопросом, давно уже сомневались в правдоподобности данных переписи 1920 г. В годы продразверстки крестьянство не очень склонно было к точному выявлению своих ресурсов. Но едва ли даже самые большие скептики допускали такой большой масштаб уклонений показаний переписи от истины. Перепись 1920 г. дала сокращение посевов на 31,8% в тех са-

мых губерниях, где ныне подворка дает только 7% сокращения, т. е. в 4,5 раза меньше!

Конечно, возможно допустить, что подворка охватила недостаточно типичные районы обследуемых губерний. Но гораздо вероятнее, что теперь, в 1922 г., крестьянам не было никаких оснований преуменьшать площади посевов 1920 г. Задним числом налогов за 1920 г. с них ведь никто взимать не собирался. А потому и сообщенные ими данные заслуживают ныне гораздо большего доверия. Тем более что опрос 1922 г. производился вполне компетентными статистическими силами местных губстатбюро под наблюдением опытных партработников с соблюдением всех требований подобного рода обследований.

Но если период военного коммунизма давал все же некоторое сокращение посевной площади, то за период новой экономической политики наше обследование дает вполне определенное расширение посевов за два года на 2,5%. Причем в потребляющей полосе этот процент гораздо значительнее (6,5%), но зато в производящей в результате голодного 1921 г. прироста вовсе не оказалось. Если же обратиться к отдельным группам хозяйств, то обнаружится следующее любопытное явление.

Маломощная группа все время весьма энергично расширяла свои посевы не только абсолютно, но и в расчете на душу. Таким образом, если исключить влияние голода 1921 г., то благосостояние этой группы за все время революции росло. И, стало быть, относительный рост этой группы, наиболее выигравшей от революции, означая несомненное расширение базы нашей революции, отнюдь еще не означал сам по себе понижения общего уровня благосостояния русского крестьянства.

Если этот уровень и понижался, то главным образом за счет зажиточной группы и отчасти за счет верхнего слоя середняков. В зажиточной группе за 1917—1920 гг. мы наблюдаем чрезвычайно резкое сокращение посевов, в средней — гораздо меньшее, но все же сокращение. Спрашивается, каковы же причины этого сокращения?

Прежде всего посевы в этих группах могли сократиться вследствие сокращения общего их землепользования, поскольку революция отрезала излишки земли не только у помещиков, но и у кулацкого слоя крестьян. Обращаясь к данным об обеспеченности пашней на 100 душ женского населения, которое не колебалось вследствие условий войны и демобилизаций, получаем в этом отношении следующие характерные коэффициенты. Обеспеченность пашней за 1917—1920 гг. у зажиточной группы по 6 из 7 обследованных волостей[1] упала с 300 до 201 десятины на 100 душ женского пола, т. е. на 33%, тогда как у середняков она, наоборот, повысилась со 165 до 167 десятин, а у маломощных — со 111 до 131 десятины. Таким образом, очевидно, отрезки имели место только у зажиточных хозяйств и размер их не превышает 33% общей площади землепользования этой группы.

Однако, как видно из табл. 22, площадь посева у зажиточной группы упала за 1917—1920 гг. на значительно большую величину — на 46,2%. И, стало быть, некоторую долю этого падения надо отнести за счет перехода известного числа сильнейших хозяйств после раздела в низшие группы, а некоторую — просто за счет недосевов.

Особенный интерес представляет для нас вопрос о динамике недосевов в хозяйствах различной зажиточности. Некоторый свет на этот вопрос прольет табл. 23.

Как видим, общая площадь пашни росла за изучаемые годы, а процент использования ее под посев все время, во всех районах и по всем группам

[1] За исключением Курской губ., по которой группировки произведены по комбинационному методу и по некоторым вопросам трудносравнимы с группировками в других губерниях.

Таблица 23

Динамика использования пашни под посев

Группы хозяйств по 6 губерниям (без Курской)	Районы наблюдения	Вся пашня в дес.			Пашня под посевом, %		
		1917 г.	1920 г.	1922 г.	1917 г.	1920 г.	1922 г.
1	2	3	4	5	6	7	8
1. Зажиточные . . .	Потребляющие	3 232	2 168	2 175	77,0	68,2	68,3
	Производящие	6 816	4 218	4 192	67,1	55,3	48,9
Итого		10 048	6 386	6 367	70,2	59,7	55,5
% к 1917 г.		100,0	63,6	63,4	100,0	85,1	79,1
2. Середняки	Потребляющие	7 744	7 704	8 000	70,9	69,4	68,5
	Производящие	6 211	6 864	7 485	65,4	53,8	48,2
Итого		13 955	14 571	15 485	68,5	62,2	58,7
% к 1917 г.		100,0	104,5	111,0	100,0	90,8	85,7
3. Маломощные . .	Потребляющие	4 092	5 038	6 064	68,9	71,0	68,3
	Производящие	2 883	4 863	5 580	63,1	54,9	51,2
Итого		6 975	9 901	11 644	65,5	63,0	60,3
% к 1917 г.		100,0	142,0	167,0	100,0	91,2	92,1
Итого по 6 губерниям . . .	Потребляющие	15 068	14 913	16 239	71,5	69,8	68,3
	Производящие	15 910	15 945	17 257	65,5	54,5	49,5
Всего		30 978	30 858	33 496	68,3	62,0	58,6
% к 1917 г.		100,0	99,7	108,0	100,0	90,8	85,4
То же по 7 губерниям	Абс.	33 619	35 231	37 958	69,8	62,0	58,7
	% к 1917 г.	100,0	104,5	113,0	100,0	88,8	84,0

неизменно падал. Но если у бедняков это падение за 5 лет составляет менее 8%, то у середняков оно дает уже 14,3%, а у зажиточных даже 20,9%. Нормальный процент использования пашни при трехполье достигает 66%. В 1917 г. эта норма наблюдается, однако, только у маломощной группы. Середняки засевали 68,5%, а зажиточные — даже 70,2% своей пашни. Таким образом, у них в известной доле практиковались и многопольные севообороты. Но за последующие годы картина меняется. Уже в 1920 г. максимальный процент засева дают маломощные, за ними следуют середняки и в хвосте плетутся зажиточные. В 1922 г. это соотношение в общем еще более обостряется, хотя в потребляющей полосе у зажиточных и середняков уже намечается некоторая остановка в падении нормы использования пашни.

Если исходить из норм засева 1917 г., то динамика недосевов по типам хозяйств выразится в следующих цифрах (табл. 24).

Итак, в производящих губерниях, где всегда были избытки хлеба на продажу, недосевы в 5—6 раз выше, чем в потребляющих. Точно так же

Таблица 24

Недосев по зажиточности (в %)

Группы хозяйств по 6 губерниям	1920 г.	1922 г.
1	2	3
1. Зажиточная	14,9	19,9
2. Середняки	9,2	14,3
3. Маломощные	3,8	7,9
Все группы по 6 губерниям	9,2	14,6
То же по 7 губерниям	11,2	16,0
В том числе:		
по потребляющим губерниям	2,2	4,2
по производящим губерниям	17,8	24,0

в зажиточных хозяйствах товарного типа они в несколько раз выше, чем в маломощных хозяйствах потребительского типа. Характерно при этом, что у маломощных крестьян потребляющей полосы недосевов в 1920 г. вовсе не наблюдалось. Было даже известное повышение нормы посевов по сравнению с 1917 г., хотя и небольшое — всего на 3%. О чем же это свидетельствует? О том ли, что крестьяне *не могут* использовать всю освоенную ими земельную площадь, или о том, что они *не хотят* этого делать, находя при наличных условиях обложения и возможностях сбыта *невыгодным* производить больше того, что они производят?

Нам кажется, что двух ответов на этот вопрос быть не может. То, что могут делать наиболее маломощные группы, тем более могли бы делать экономически более сильные слои крестьянства. И если они не делают этого, значит, не хотят, находят для себя маловыгодным.

И весьма понятно почему. В условиях продразверстки, когда отбирались *все* излишки, создавать их было явно невыгодным делом. Но даже с заменой продразверстки налогом, при довольно высокой прогрессивности этого обложения и относительно низких ценах выгодность расширения посевов для зажиточных слоев крестьянства весьма проблематична. И потому хозяйственный мужичок пока еще колеблется. Но тем менее возникает у нас сомнений, что, как только этот мужичок почувствует более благоприятную для него конъюнктуру, от всех вышеуказанных недосевов не останется и следа.

Благодаря значительным урезкам пашни и усиленным недосевам благосостояние хозяйств наиболее зажиточной группы по сравнению с другими группами сильно понизилось. В 1917 г. обеспечение посевами на душу в этой группе было на 180% выше, чем в маломощных, в 1920 г. это превышение снизилось до 36% и в 1922 г. — до 29%. Таким образом, выравнивание произошло порядочное. И экономический центр тяжести в соотношениях различных слоев деревни по признаку посевных площадей значительно переместился. Доля участия каждой из групп в использовании пашни и общей площади посевов изменялась за годы революции следующим образом по шести губерниям (табл. 25).

Как видим, удельный вес средней группы по площади землепользования почти не изменился за минувшее пятилетие. И, таким образом, все, что потеряла зажиточная группа, составляет выигрыш маломощных.

Таблица 23

Динамика использования пашни под посев

Группы хозяйств по 6 губерниям (без Курской)	Районы наблюдения	Вся пашня в дес.			Пашня под посевом, %		
		1917 г.	1920 г.	1922 г.	1917 г.	1920 г.	1922 г.
1	2	3	4	5	6	7	8
1. Зажиточные	Потребляющие	3 232	2 168	2 175	77,0	68,2	68,3
	Производящие	6 816	4 218	4 192	67,1	55,3	48,9
Итого		10 048	6 386	6 367	70,2	59,7	55,5
% к 1917 г.		100,0	63,6	63,4	100,0	85,1	79,1
2. Середняки	Потребляющие	7 744	7 704	8 000	70,9	69,4	68,5
	Производящие	6 211	6 864	7 485	65,4	53,8	48,2
Итого		13 955	14 571	15 485	68,5	62,2	58,7
% к 1917 г.		100,0	104,5	111,0	100,0	90,8	85,7
3. Маломощные	Потребляющие	4 092	5 038	6 064	68,9	71,0	68,3
	Производящие	2 883	4 863	5 580	63,1	54,9	51,2
Итого		6 975	9 901	11 644	65,5	63,0	60,3
% к 1917 г.		100,0	142,0	167,0	100,0	91,2	92,1
Итого по 6 губерниям	Потребляющие	15 068	14 913	16 239	71,5	69,8	68,3
	Производящие	15 910	15 945	17 257	65,5	54,5	49,5
Всего		30 978	30 858	33 496	68,3	62,0	58,6
% к 1917 г.		100,0	99,7	108,0	100,0	90,8	85,4
То же по 7 губерниям	Абс.	33 619	35 231	37 958	69,8	62,0	58,7
	% к 1917 г.	100,0	104,5	113,0	100,0	88,8	84,0

неизменно падал. Но если у бедняков это падение за 5 лет составляет менее 8%, то у середняков оно дает уже 14,3%, а у зажиточных даже 20,9%. Нормальный процент использования пашни при трехполье достигает 66%. В 1917 г. эта норма наблюдается, однако, только у маломощной группы. Середняки засевали 68,5%, а зажиточные — даже 70,2% своей пашни. Таким образом, у них в известной доле практиковались и многопольные севообороты. Но за последующие годы картина меняется. Уже в 1920 г. максимальный процент засева дают маломощные, за ними следуют середняки и в хвосте плетутся зажиточные. В 1922 г. это соотношение в общем еще более обостряется, хотя в потребляющей полосе у зажиточных и середняков уже намечается некоторая остановка в падении нормы использования пашни.

Если исходить из норм засева 1917 г., то динамика недосевов по типам хозяйств выразится в следующих цифрах (табл. 24).

Итак, в производящих губерниях, где всегда были избытки хлеба на продажу, недосевы в 5—6 раз выше, чем в потребляющих. Точно так же

Таблица 24

Недосев по зажиточности (в %)

Группы хозяйств по 6 губерниям	1920 г.	1922 г.
1	2	3
1. Зажиточная	14,9	19,9
2. Середняки	9,2	14,3
3. Маломощные	3,8	7,9
Все группы по 6 губерниям	9,2	14,6
То же по 7 губерниям	11,2	16,0
В том числе:		
по потребляющим губерниям	2,2	4,2
по производящим губерниям	17,8	24,0

в зажиточных хозяйствах товарного типа они в несколько раз выше, чем в маломощных хозяйствах потребительского типа. Характерно при этом, что у маломощных крестьян потребляющей полосы недосевов в 1920 г. вовсе не наблюдалось. Было даже известное повышение нормы посевов по сравнению с 1917 г., хотя и небольшое — всего на 3%. О чем же это свидетельствует? О том ли, что крестьяне *не могут* использовать всю освоенную ими земельную площадь, или о том, что они *не хотят* этого делать, находя при наличных условиях обложения и возможностях сбыта *невыгодным* производить больше того, что они производят?

Нам кажется, что двух ответов на этот вопрос быть не может. То, что могут делать наиболее маломощные группы, тем более могли бы делать экономически более сильные слои крестьянства. И если они не делают этого, значит, не хотят, находят для себя маловыгодным.

И весьма понятно почему. В условиях продразверстки, когда отбирались *все* излишки, создавать их было явно невыгодным делом. Но даже с заменой продразверстки налогом, при довольно высокой прогрессивности этого обложения и относительно низких ценах выгодность расширения посевов для зажиточных слоев крестьянства весьма проблематична. И потому хозяйственный мужичок пока еще колеблется. Но тем менее возникает у нас сомнений, что, как только этот мужичок почувствует более благоприятную для него конъюнктуру, от всех вышеуказанных недосевов не останется и следа.

Благодаря значительным урезкам пашни и усиленным недосевам благосостояние хозяйств наиболее зажиточной группы по сравнению с другими группами сильно понизилось. В 1917 г. обеспечение посевами на душу в этой группе было на 180% выше, чем в маломощных, в 1920 г. это превышение снизилось до 36% и в 1922 г. — до 29%. Таким образом, выравнивание произошло порядочное. И экономический центр тяжести в соотношениях различных слоев деревни по признаку посевных площадей значительно переместился. Доля участия каждой из групп в использовании пашни и общей площади посевов изменялась за годы революции следующим образом по шести губерниям (табл. 25).

Как видим, удельный вес средней группы по площади землепользования почти не изменился за минувшее пятилетие. И, таким образом, все, что потеряла зажиточная группа, составляет выигрыш маломощных.

Таблица 25

Доля пашни и посева по группам (в %)

Группы хозяйств	Пашня			Посев		
	1917 г.	1920 г.	1922 г.	1917 г.	1920 г.	1922 г.
1	2	3	4	5	6	7
1. Зажиточная	32,3	20,7	19,0	33,3	19,9	18,0
2. Середняки	45,2	47,2	46,2	45,1	47,4	46,3
3. Маломощные	22,5	32,1	34,8	21,6	32,7	35,7
Итого	100	100	100	100	100	100

Таблица 26

Динамика товарности крестьянских хозяйств по купле-продаже хлеба

Группы по 6 губерниям (без Курской)	Районы наблюдения	Число хозяйств, участвовавших в купле-продаже хлеба					
		абс.			на 100 дворов		
		1917 г.	1920 г.	1922 г.	1917 г.	1920 г.	1922 г.
1	2	3	4	5	6	7	8
1. Зажиточные	Потребляющие	117	207	224	32,8	55,3	58,2
	Производящие	405	124	396	79,9	24,0	75,5
Итого		522	331	620	60,5	37,0	68,2
% к 1917 г.		100	63,4	119,0	100	61,2	112,8
2. Середняки	Потребляющие	578	878	976	39,0	52,4	56,0
	Производящие	589	314	973	55,8	27,1	82,1
Итого		1 167	1 192	1 949	46,0	42,2	66,6
% к 1917 г.		100	102,2	167,0	100	91,4	145,0
3. Маломощные	Потребляющие	698	1 019	1 142	49,1	58,5	59,9
	Производящие	413	547	1 253	36,0	37,7	77,3
Итого		1 111	1 566	2 395	43,3	49,1	67,8
% к 1917 г.		100	141,0	217,0	100	113,1	156,5
Итого по 6 губерниям	Потребляющие	1 393	2 104	2 342	42,7	55,5	57,9
	Производящие	1 407	985	2 622	51,9	31,5	78,6
Всего		2 800	3 089	4 964	46,9	44,7	67,5
% к 1917 г.		100	110,3	117,0	100	95,5	144,0
То же по 7 губерниям	Абс.	2 988	3 461	5 438	45,4	45,2	66,8
	% к 1917 г.	100	115,7	181,8	100	99,5	147,2

В связи с этим, естественно, возникает вопрос о дальнейших перспективах развития нашего крестьянского хозяйства. Помещичьи экономии, игравшие роль хлебных фабрик для снабжения широкого внутреннего и внешнего рынков продуктами сельского хозяйства, исчезли. Кулацкая верхушка деревни тоже изрядно — на добрую треть, если не больше, срезана революцией. Правда, зато сильно выросла и экономически окрепла бывшая группа маломощных. Но эта группа всегда у нас недоедала. И нынешнее ее укрепление должно, казалось бы, прежде всего повысить средние нормы *натурального* потребления деревни. Каковы же в таком случае перспективы нашего *товарного* оборота сельскохозяйственных продуктов?

О будущем мы судим по опыту прошлого. Если же обратиться к этому опыту за годы революции, то по данным нашего обследования получается следующая, на первый взгляд неожиданная картина (табл. 26).

Прежде всего бросается в глаза, что революция даже в эпоху запрета свободной торговли хлебом понизила долю крестьянства, участвовавшего в купле-продаже хлеба, всего на 0,5%. Причем все это понижение произошло за счет производящей хлеб полосы, тогда как в потребляющих губерниях этот процент дал за 1917—1920 гг. даже довольно сильный прирост — с 42,7 до 55,5 товарных дворов на каждую сотню, т. е. на 30%. За следующие же два года с разрешением торговли хлебом и переходом от разверстки к продналогу мы наблюдаем громадный прирост товарности и в производящей полосе. В результате этого общий итог товарных хозяйств к 1922 г. достигает уже свыше $^2/_3$ (67,5%) всего числа хозяйств, тогда как в 1917 г. он не достигал и половины.

Но особенно характерно то, что наибольший прирост процента товарных хозяйств за все пятилетие (по сравнению с 1917 г.) наблюдается не в зажиточной группе и даже не у середняков, а у маломощных. Другое

Таблица 27

Динамика товарности крестьянских хозяйств по покупке хлеба

Типы хозяйств по 6 губерниям (без Курской)	Районы наблюдения	Число хозяйств, которые хлеб «только покупали»					
		абс.			на 100 хозяйств		
		1917 г.	1920 г.	1922 г.	1917 г.	1920 г.	1922 г.
1	2	3	4	5	6	7	8
1. Зажиточные	Потребляющие	67	172	176	18,8	46,0	45,7
	Производящие	19	88	105	3,7	17,0	20,0
Итого		86	260	281	9,9	29,1	30,9
% к 1917 г.		100,0	302,0	327,0	100,0	294,0	312,0
2. Середняки	Потребляющие	537	761	907	36,2	45,4	52,0
	Производящие	46	230	361	4,3	19,8	30,5
Итого		583	991	1 268	23,0	34,9	43,3
% к 1917 г.		100,0	170,0	218,0	100,0	152,0	188,0
3. Маломощные	Потребляющие	642	957	1 039	45,1	54,9	54,5
	Производящие	292	507	811	25,5	34,9	50,1
Итого		934	1 464	1 850	36,4	45,9	52,4
% к 1917 г.		100,0	157,0	198,0	100,0	126,0	144,0
Итого по 6 губерниям	Потребляющие	1 246	1 890	2 122	38,2	49,9	52,5
	Производящие	357	825	1 277	13,2	26,4	38,3
Всего		1 603	2 715	3 399	26,9	39,3	46,2
% к 1917 г.		100,0	169,0	212,0	100,0	146,0	172,0
То же по 7 губерниям	Всего	1 738	3 068	3 699	26,4	40,1	45,5
	% к 1917 г.	100,0	177,0	213,0	100,0	152,0	172,0

дело, если мы сопоставим 1922 г. с 1920 г. За эти годы, наоборот, маломощные дали наименьший прирост процента товарных хозяйств — всего на 38%, тогда как середняки увеличили его на 58%, а зажиточные — даже на 84%.

За меру товарности группы в табл. 26 мы приняли сумму хозяйств, «только продававших» хлеб, «только покупающих» его, и тех, которые продавали его и покупали. Таким образом, увеличение этого процента означает сокращение группы чисто натуральных хозяйств. Однако приведенные *суммарные* коэффициенты не выявляют еще всех особенностей наблюдаемого процесса. Поэтому приведем еще несколько специальных сопоставлений. Начнем с изучения изменений в числе покупателей хлеба в русской деревне (табл. 27).

Число крестьянских дворов, которые только покупали хлеб, обнаруживает громадный рост за все пятилетие как в абсолютных цифрах, так и по отношению к общему числу хозяйств. Хотя с переходом к продналогу можно отметить заметное замедление темпа их прироста. В потребляющем районе процент покупающих хозяйств, конечно, значительно выше, чем в производящем. Но к 1922 г. эта разница заметно сглаживается. В маломощных хозяйствах процент покупателей, разумеется, гораздо выше, чем в более зажиточных. Но и это различие к 1922 г. несколько сглаживается, ибо в то время как среди маломощных процент покупателей за 5 лет увеличился всего на 44%, у зажиточных он возрос на 212%, т. е. более чем утроился.

Переходя к хозяйствам, только продававшим хлеб, мы имеем следующие данные (табл. 28).

Таблица 28

Динамика товарности крестьянских хозяйств по продаже хлеба

Типы хозяйств по 6 губерниям (без Курской)	Районы наблюдения	Число хозяйств, которые хлеб «только продавали»					
		абс.			на 100 хозяйств		
		1917 г.	1920 г.	1922 г.	1917 г.	1920 г.	1922 г.
1	2	3	4	5	6	7	8
1. Зажиточные	Потребляющие	46	33	22	12,9	8,8	5,7
	Производящие	386	34	183	76,2	6,6	34,9
Итого		432	67	205	50,0	7,5	22,6
% к 1917		100,0	15,5	47,5	100,0	15,0	45,2
2. Середняки	Потребляющие	40	102	28	2,7	6,1	1,6
	Производящие	542	82	390	51,4	7,1	32,9
Итого		582	184	418	22,9	6,5	14,2
% к 1917 г.		100,0	31,7	72,0	100,0	28,4	62,0
3. Маломощные	Потребляющие	25	44	69	1,8	2,6	3,6
	Производящие	121	38	328	10,5	2,7	20,2
Итого		146	82	397	5,7	2,6	11,2
% к 1917 г.		100,0	56,2	272	100,0	45,6	196,7
Итого по 6 губерниям	Потребляющие	111	179	119	3,4	4,7	2,9
	Производящие	1 049	154	901	38,7	4,9	27,0
Всего		1 160	333	1 020	19,4	4,8	13,9
% к 1917 г.		100,0	28,7	88,0	100,0	24,7	71,7
То же по 7 губерниям	Всего	1 213	345	1 175	18,4	4,5	14,4
	% 1917 г.	100,0	28,4	96,8	100,0	24,4	78,3

Число продавцов хлеба, как видим, за первый период революции претерпело к 1920 г. весьма резкое сокращение — раза в 4. Но за следующие

два года оно снова более чем утроилось. Главная масса их, конечно, сосредоточивается в производящей полосе и в более зажиточных хозяйствах. Но весьма характерно, что и в маломощной группе наблюдается уже довольно крупный, а главное, дающий максимальный прирост по сравнению с другими группами процент хозяйств, которые *только продают* хлеб, т. е. хозяйств с товарными его излишками.

Группа хозяйств, которые и продают и покупают хлеб, довольно малочисленна и не характерна, а потому мы можем оставить ее здесь без рассмотрения. Но зато соотношение между числом хозяйств определенно дефицитных по хлебу и хозяйств с товарными его избытками заслуживает особого внимания. И мы посвящаем ему табл. 29.

Таблица 29

Динамика соотношения хозяйств, которые «только покупают» хлеб, к тем, которые «только продают» его

Типы хозяйств по 6 губерниям (без Курской)	Районы наблюдения	Число хозяйств покупающих на 100 продающих		
		1917 г.	1920 г.	1922 г.
1	2	3	4	5
1. Зажиточные	Потребляющие	145,7	521,0	800,0
	Производящие	4,9	259,0	57,4
Итого		19,9	388,0	137,0
2. Середняки	Потребляющие	1 340,0	747,0	3 240,0
	Производящие	8,5	281,0	92,6
Итого		100,0	539,0	303,0
3. Маломощные	Потребляющие	2 570,0	2 180,0	1 505,0
	Производящие	241,5	1 333,0	247,0
Итого:		640,0	1 790,0	466,0
Итого по 6 губерниям	Потребляющие	1 122,0	1 056,0	1 786,0
	Производящие	34,0	535,0	141,7
Всего		148,0	815,0	333,0
То же по 7 губерниям		143,0	890,0	315,0

В этой таблице прежде всего обращает на себя внимание огромное различие между потребляющим и производящим районами. В первом преобладание покупщиков над продавцами хлеба всегда и во всех группах зажиточности представляло вполне нормальное явление. Во втором к началу революции мы его наблюдаем только в одной маломощной группе, а в общем итоге по всем группам продавцов хлеба среди крестьян производящих губерний было втрое больше, чем покупателей. Но практика продразверстки оказала, по-видимому, огромное влияние в сторону повышения процента дефицитных по хлебу хозяйств (к числу хозяйств с избытками хлеба) во всех слоях крестьянской массы. А практика продналога

в общем и целом этот процент дефицитных хозяйств уж заметно сократила.

Некоторым исключением из этого правила являются зажиточные и середняцкие группы хозяйств потребляющего района. Здесь, несмотря на переход к продналогу, отношение числа покупщиков хлеба к числу продавцов его сильно возросло к 1922 г. по сравнению с 1920 г. Но не следует забывать, что благодаря голоду 1921/22 г. в производящих губерниях вся тяжесть продналога этого года легла на плечи крестьянства потребляющей полосы, где поэтому продналог оказывался нередко тяжелее разверстки. А потому некоторое сокращение здесь числа хозяйств с избытками хлеба для продажи, в особенности в более крупных хозяйствах, на которые продналог падал прогрессивно, возрастающими ставками, не представляет собою ничего загадочного.

Специальный интерес представляют общие итоги табл. 29 в связи с проблемой об относительной выгодности высоких хлебных цен. Если подходить к этой проблеме с чисто потребительской точки зрения, то на основании данных нашего обследования можно было бы сказать вполне определенно: высокие хлебные цены явно невыгодны не только рабочим, но и громадному большинству крестьянства, ибо число покупателей хлеба среди них втрое больше числа продавцов. Но, разумеется, это было бы слишком упрощенным решением вопроса.

Пролетариат ставит себе слишком большие задачи в будущем, чтобы приносить наиболее жизненные интересы этого будущего в жертву весьма преходящим грошовым выгодам сегодняшнего дня: *высокие* хлебные цены явно невыгодны нам *сегодня,* но *низкие* цены, если они задерживают возрождение нашего народного хозяйства, могут оказаться гораздо более гибельными для нашего *будущего.* Однако это слишком сложный вопрос, требующий специального рассмотрения [1].

Общие выводы, вытекающие из всей совокупности вышеприведенных данных, таковы. Товарность крестьянского хозяйства за время революции, в особенности с начала новой экономической политики, определенно растет. Одной из главнейших причин этого роста являются, по-видимому, массовые *натуральные* изъятия хлеба в порядке разверстки или налога. Эти изъятия *хлеба* неизбежно должны были повысить число покупателей хлеба в деревне. И оно действительно повысилось с 26% в 1917 г. до 45,5% общего числа хозяйств в 1922 г., т. е. на 72% за пятилетие. Число продавцов хлеба в деревне за первые годы революции сильно сократилось, сосредоточиваясь, по-видимому, лишь в наиболее мощных хозяйствах, «излишки» которых не могла в достаточной степени изъять даже разверстка. Но за последние два года, годы действия продналога, процент хозяйств с товарными избытками хлеба дал колоссальное увеличение —на 220%.

Таким образом, расширение товарного хлебооборота в деревне идет столь быстрым темпом, что превосходит все наши ожидания.

Вместе с тем наряду с уравнительными процессами в деревне наблюдаются все время довольно ощутительные встречные процессы дифференциации. Бывшая группа зажиточных хозяйств 1917 г. выделяет из своей среды с каждым годом все больший процент дефицитных по хлебу хозяйств — хозяйств — покупателей хлеба. Но в то же время в группе маломощных нарастает все более значительный пласт хозяйств с товарными избытками хлеба для продажи.

За последние два года эти внутренние процессы дифференциации деревни проявляются все резче в целом ряде чрезвычайно показательных

---

[1] Подробнее см. С. Г. Струмилин. Проблема высоких хлебных цен.— «Экономическое обозрение», 1923, № 4.

фактов: мы снова наблюдаем задержанный за первые годы революции рост найма рабочей силы и отхожих заработков, расширение внутринадельной аренды земли, распространение аренды сельскохозяйственного инвентаря, развитие крестьянских промыслов и т. д. (табл. 30—41).

Таблица 30

Динамика обеспеченности рабочей силой по типам хозяйств

Типы хозяйств по 6 губерниям	Районы наблюдения	Число полных работников: всего 1917 г.	1920 г.	1922 г.	на 100 душ населения 1917 г.	1920 г.	1922 г.
1	2	3	4	5	6	7	8
1. Зажиточные	Потребляющие	837	911	1 046	36,0	38,5	40,8
	Производящие	1 403	1 346	1 418	36,7	38,2	42,5
Итого		2 240	2 257	2 464	36,4	38,3	41,8
% к 1917 г.		100,0	100,7	110,0	100,0	105,0	115,0
2. Середняки	Потребляющие	3 217	3 662	4 339	37,7	37,7	41,5
	Производящие	2 285	2 543	2 779	38,4	40,2	43,6
Итого		5 502	6 205	7 118	38,0	38,7	42,3
% к 1917 г.		100,0	113,0	129,5	100,0	102,0	111,4
3. Маломощные	Потребляющие	2 223	2 917	3 443	35,5	38,0	39,0
	Производящие	1 891	2 572	2 983	40,3	42,1	44,3
Итого		4 114	5 489	6 426	37,6	39,8	41,3
% к 1917 г.		100,0	133,0	156,0	100,0	105,9	110,0
Все группы по 6 губерниям	Потребляющие	6 277	7 490	8 828	36,6	37,9	40,4
	Производящие	5 579	6 461	7 180	38,6	40,5	43,7
Итого		11 856	13 951	16 008	37,6	39,2	41,9
% к 1917 г.		100,0	117,7	135,1	100,0	104,0	111,4
То же по 7 губерниям	Всего	13 135	15 372	17 708	37,1	38,6	41,3
	% к 1917 г.	100,0	117,0	135,0	100,0	104,0	111,3

Эти факты в связи с определенным сокращением обеспеченности крестьянства рабочим скотом и инвентарем при несомненном избытке рабочей силы создают весьма благоприятные условия для развития новых форм классовой эксплуатации одних слоев крестьянства другими, а стало быть, и для определенного обострения классовой борьбы в деревне. А вместе с тем это обостряет и проблему срочной коллективизации деревни.

Таблица 31

Динамика обеспеченности крестьянских хозяйств рабочей силой и пахотными орудиями на 100 десятин посева*

Типы хозяйств по 6 губерниям	Районы наблюдения	Число работников			Число голов рабочего скота			Число пахотных орудий		
		1917 г.	1920 г.	1922 г.	1917 г.	1920 г.	1922 г.	1917 г.	1920 г.	1922 г.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1. Зажиточные	Потребляющие	33,6	61,6	70,5	33,2	45,1	40,7	37,1	55,0	52,3
	Производящие	30,7	57,8	69,2	35,6	42,4	28,6	19,1	33,0	30,4
Итого		31,8	59,2	69,8	34,1	43,5	33,7	25,4	41,5	39,8
% к 1917 г.		100,0	186,0	220,0	100,0	125,3	97,2	100,0	163,0	157,0
2. Середняки	Потребляющие	58,6	66,7	79,3	38,9	39,1	36,4	42,5	45,4	43,6
	Производящие	56,3	69,0	77,2	44,0	42,1	27,5	26,1	28,3	24,5
Итого		57,7	68,6	78,5	41,1	40,4	32,9	35,8	38,4	36,0
% к 1917 г.		100,0	119,0	136,0	100,0	98,3	80,0	100,0	108,0	101,0
3. Маломощные	Потребляющие	80,0	81,5	83,0	32,9	33,2	32,2	39,0	38,2	36,2
	Производящие	106,0	96,3	103,8	41,6	35,1	23,8	16,0	13,5	10,8
Итого		90,1	87,9	91,5	36,1	34,1	28,1	30,0	27,6	25,8
% к 1917 г.		100,0	97,5	101,6	100,0	94,5	78,0	100,0	92,0	86,0
Итого по 6 губерниям	Потребляющие	58,3	71,9	79,6	36,1	38,0	35,4	40,3	44,3	42,1
	Производящие	53,5	74,2	84,3	40,0	40,0	26,6	21,2	25,0	21,3
Всего		56,0	73,0	81,7	38,0	38,9	31,5	31,0	35,5	33,0
То же в % к 1917 г.	Потребляющие	100,0	123,0	137,0	100,0	105,0	98,1	100,0	110,0	104,5
	Производящие	100,0	139,0	158,0	100,0	100,0	66,5	100,0	118,0	100,5
Всего		100,0	130,0	146,0	100,0	102,0	83,0	100,0	114,5	106,4
То же по 7 губерниям	Всего	56,0	70,9	79,5	37,8	37,8	30,8	30,7	34,3	32,1
	% к 1917 г.	100,0	126,0	142,0	100,0	100,0	81,5	100,0	112,0	104,6

* «Материалы по обследованию деревни (к XII съезду партии)». М., 1923

Таблица 32

Динамика распространения найма рабочей силы. Число хозяйств с наемной рабочей силой

Типы хозяйств по 6 губерниям	Районы наблюдения	Хозяйства, нанимающие сроковых работников: всего, 1917 г.	1920 г.	1922 г.	на 100 хозяйств, 1917 г.	1920 г.	1922 г.
1	2	3	4	5	6	7	8
1. Зажиточные	Потребляющие	39	36	25	10,9	9,6	6,5
	Производящие	55	8	10	10,9	1,5	1,9
Итого		94	44	35	10,9	4,9	3,9
% к 1917 г.		100,0	46,8	37,2	100,0	45,0	35,8
2. Середняки	Потребляющие	73	72	81	4,9	4,3	4,6
	Производящие	28	18	22	2,1	1,6	1,9
Итого		101	90	103	4,0	3,2	3,5
% к 1917 г.		100,0	89,1	102,0	100,0	80,0	87,5
3. Маломощные	Потребляющие	34	55	72	2,4	3,2	3,8
	Производящие	16	20	21	1,4	1,4	1,3
Итого		50	75	93	1,9	2,4	2,6
% к 1917 г.		100,0	150,0	186,0	100,0	126,0	137,0
Итого по 6 губерниям	Потребляющие	156	163	178	4,8	4,3	4,4
	Производящие	90	46	53	3,7	1,5	1,6
Всего		255	209	231	4,3	3,0	3,1
% к 1917 г.		100,0	82,0	90,6	100,0	69,8	72,1
То же по 7 губерниям	Всего	272	224	234	4,1	2,9	2,9
	% к 1917 г.	100,0	82,7	86,0	100,0	70,8	70,8

Таблица 33

Динамика распространения найма рабочей силы. Число сроковых работников

Типы хозяйств по 6 губерниям	Районы наблюдения	Число наемных сроков рабочих: абс., 1917 г.	1920 г.	1922 г.	на 1000 душ населения, 1917 г.	1920 г.	1922 г.
1	2	3	4	5	6	7	8
1. Зажиточные	Потребляющие	49	38	28	21,1	16,0	10,9
	Производящие	77	8	12	20,1	2,3	3,6
Итого		126	46	40	20,5	7,8	6,8
% к 1917 г.		100,0	36,5	31,8	100,0	38,0	33,2
2. Середняки	Потребляющие	78	78	94	9,1	8,0	9,0
	Производящие	35	28	29	5,9	4,4	4,6
Итого		113	106	123	7,8	6,6	7,3
% к 1917 г.		100,0	93,9	109,0	100,0	84,6	93,6
3. Маломощные	Потребляющие	47	59	85	7,5	7,7	9,6
	Производящие	18	25	25	3,8	4,1	3,7
Итого		65	84	110	5,9	6,1	7,1
% к 1917 г.		100,0	129,0	169,0	100,0	103,0	120,0
Итого по 6 губерниям	Потребляющие	174	175	207	10,2	8,9	9,5
	Производящие	130	63	66	9,0	3,9	4,0
Всего		304	238	273	9,6	6,7	7,1
% к 1917 г.		100,0	78,3	89,8	100,0	69,8	74,0

Таблица 34

Динамика обеспеченности рабочим скотом по типам хозяйств

Типы хозяйств по 6 губерниям	Районы наблюдения	Число голов рабочего скота					
		абс.			на 100 душ населения		
		1917 г.	1920 г.	1922 г.	1917 г.	1920 г.	1922 г.
1	2	3	4	5	6	7	8
1. Зажиточные	Потребляющие	827	667	603	35,5	28,2	23,5
	Производящие	1 626	990	585	42,5	28,1	15,5
Итого		2 453	1 657	1 188	39,8	28,2	20,1
% к 1917 г.		100,0	67,6	48,4	100,0	70,9	50,5
2. Середняки	Потребляющие	2 137	2 097	1 990	25,0	21,6	19,1
	Производящие	1 789	1 552	992	30,1	24,5	15,6
Итого		3 926	3 649	2 982	27,1	22,7	17,7
% к 1917 г.		100,0	93,0	76,0	100,0	83,8	65,4
3. Маломощные	Потребляющие	910	1 186	1 330	14,5	15,5	15,1
	Производящие	741	939	685	15,8	15,4	10,2
Итого		1 651	2 125	2 015	15,1	15,5	13,9
% к 1917 г.		100,0	129,0	122,0	100,0	103,0	85,5
Итого по 6 губерниям	Потребляющие	3 874	3 950	3 923	22,6	20,0	18,0
	Производящие	4 156	3 481	2 262	28,7	21,8	13,8
Всего		8 030	7 431	6 185	25,4	20,8	16,2
% к 1917 г.		100,0	92,6	77,0	100,0	81,9	63,8
То же по 7 губерниям	Всего	8 877	8 229	6 887	25,0	20,7	16,1
	% к 1917 г.	100,0	92,8	77,6	100,0	82,8	64,4

Таблица 35

Динамика обеспечения скотом в переводе на крупный по типам хозяйств *

Типы хозяйств по 6 губерниям	Районы наблюдения	Численность скота в переводе на крупный					
		абс.			на 100 душ населения		
		1917 г.	1920 г.	1922 г.	1917 г.	1920 г.	1922 г.
1	2	3	4	5	6	7	8
1. Зажиточные	Потребляющие	2 396	2 002	1 772	102,8	84,5	69,1
	Производящие	3 437	2 133	1 328	89,7	60,5	39,9
Итого		5 833	4 135	3 100	94,7	70,2	52,6
% к 1917 г.		100,0	71,0	53,2	100,0	74,2	55,6
2. Середняки	Потребляющие	5 816	5 944	5 562	68,2	61,1	53,3
	Производящие	3 868	3 423	2 307	65,0	54,1	36,3
Итого		9 684	9 367	7 869	66,9	58,4	46,8
% к 1917 г.		100,0	96,9	81,3	100,0	87,3	70,1
3. Маломощные	Потребляющие	2 440	3 201	3 519	39,0	41,7	39,9
	Производящие	1 863	2 343	1 825	39,7	38,4	27,1
Итого		4 303	5 544	5 344	39,3	40,2	34,3
% к 1917 г.		100,0	128,7	124,0	100,0	102,5	87,4
Итого по 6 губерниям	Потребляющие	10 652	11 147	10 853	62,2	56,5	49,7
	Производящие	9 168	7 899	5 460	63,5	49,5	33,2
Всего		19 820	19 046	16 313	62,7	53,4	42,6
% к 1917 г.		100,0	96,1	82,3	100,0	85,1	68,0
То же по 7 губерниям	Всего	22 089	21 141	18 392	62,3	53,0	42,9
	% к 1917 г.	100,0	95,6	83,3	100,0	85,0	68,8

* Рабочая лошадь, вол, корова приняты за 1, молодняк — 0,35, свинья — 0,2, овца — 0,1.

Таблица 36

Динамика обеспеченности плугами и сохами по типам хозяйств

Типы хозяйств по 6 губерниям	Районы наблюдения	Число пахотных орудий					
		абс.			на 100 душ населения		
		1917 г.	1920 г.	1922 г.	1917 г.	1920 г.	1922 г.
1	2	3	4	5	6	7	8
1. Зажиточные	Потребляющие	923	812	777	39,6	34,9	30,3
	Производящие	873	770	624	22,8	21,8	18,7
Итого		1 796	1 582	1 401	29,2	26,9	23,8
% к 1917 г.		100,0	88,2	78,0	100,0	92,2	81,5
2. Середняки	Потребляющие	2 333	2 434	2 385	27,3	25,0	22,8
	Производящие	1 059	1 044	883	17,8	16,5	13,9
Итого		3 389	3 478	3 268	23,4	21,6	19,4
% к 1917 г.		100,0	102,6	96,5	100,0	92,3	82,9
3. Маломощные	Потребляющие	1 085	1 364	1 498	17,3	17,8	17,0
	Производящие	285	362	310	6,1	5,9	4,6
Итого		1 370	1 726	1 808	12,5	12,5	11,6
% к 1917 г.		100,0	126,0	132,0	100,0	100,0	92,8
Итого по 6 губерниям	Потребляющие	4 338	4 610	4 660	25,3	23,4	21,4
	Производящие	2 217	2 176	1 817	15,3	13,6	10,1
Итого		6 555	6 786	6 477	20,8	19,0	16,9
% к 1917 г.		100,0	103,0	98,8	100,0	91,3	81,3
То же по 7 губерниям	Всего	7 206	7 475	7 170	20,3	18,8	16,7
	% к 1917 г.	100,0	103,7	99,5	100,0	92,8	82,5

Таблица 37

Динамика распространения промыслов. Число хозяйств с промыслами

Типы хозяйств по 6 губерниям	Районы наблюдения	Хозяйства с промыслами					
		абс.			на 100 хозяйств		
		1917 г.	1920 г.	1922 г.	1917 г.	1920 г.	1922 г.
1	2	3	4	5	6	7	8
1. Зажиточные	Потребляющие	93	65	69	26,1	17,4	17,9
	Производящие	52	51	60	10,3	9,8	11,5
Итого		145	116	129	16,8	13,0	14,2
% к 1917 г.		100,0	80,0	111,0	100,0	77,5	84,6
2. Середняки	Потребляющие	303	288	332	20,6	17,2	19,1
	Производящие	97	87	109	9,2	7,5	9,2
Итого		400	375	441	15,8	13,2	15,1
% к 1917 г.		100,0	93,7	110,3	100,0	83,6	95,6
3. Маломощные	Потребляющие	234	263	341	16,4	14,5	17,8
	Производящие	140	192	197	12,2	13,2	12,2
Итого		374	455	538	14,5	14,3	15,3
% к 1917 г.		100,0	121,6	144,0	100,0	98.8	105,6
Итого по 6 губерниям	Потребляющие	519	529	583	16,4	14,0	14,4
	Производящие	289	330	366	10,7	10.6	11,0
Всего		808	859	949	13,5	12,4	12,9
% к 1917 г.		100,0	106,1	117,2	100,0	92,0	95.6
То же по губерниям	Всего	934	973	1 097	14,2	12,7	13,5
	% к 1917 г.	100,0	104,0	117,9	100,0	89,5	95,2

Таблица 38

Динамика распространения промыслов. Число промышленников

Типы хозяйств по 6 губерниям	Районы наблюдения	Число промышленников: абс. 1917 г.	абс. 1920 г.	абс. 1922 г.	на 1000 душ населения 1917 г.	1920 г.	1922 г.
1	2	3	4	5	6	7	8
1. Зажиточные	Потребляющие	118	74	83	50,7	31,2	32,4
	Производящие	55	52	67	14,4	14,7	20,1
Итого		173	126	150	28,1	21,4	25,4
% к 1917 г.		100,0	72,9	86,8	100,0	76,2	90,4
2. Середняки	Потребляющие	399	333	358	46,8	34,3	34,3
	Производящие	108	96	122	18,2	15,2	19,2
Итого		507	429	480	35,0	26,7	25,8
% к 1917 г.		100,0	84,6	94,8	100,0	76,4	81,5
3. Маломощные	Потребляющие	280	309	381	44,7	40,3	43,2
	Производящие	150	217	215	32,0	35,5	31,9
Итого		430	526	596	39,3	38,2	38,4
% к 1917 г.		100,0	122,0	139,0	100,0	97,3	97,8
Итого по 6 губерниям	Потребляющие	797	716	822	46,5	36,3	37,6
	Производящие	373	365	404	21,6	22,9	24,6
Всего		1 110	1 081	1 226	35,2	30,3	32,1
% к 1917 г.		100,0	97,5	110,5	100,0	85,6	92,0
То же по 7 губерниям	Всего	1 253	1 206	1 392	35,4	30,3	32,6
	% к 1917 г.	100,0	96,2	111,0	100,0	85,6	92,0

Таблица 39

Динамика распространения отхожих промыслов. Отхожие промышленники

Типы хозяйств по 6 губерниям	Районы наблюдения	Число отхожих промышленников: абс. 1917 г.	абс. 1920 г.	абс. 1922 г.	на 1000 душ населения 1917 г.	1920 г.	1922 г.
1	2	3	4	5	6	7	8
1. Зажиточные	Потребляющие	60	48	62	25,8	20,3	24,2
	Производящие	42	39	44	11,0	11,1	13,2
Итого		102	87	106	16,6	14,8	18,0
% к 1917 г.		100,0	85,2	104,0	100,0	89,2	108,0
2. Середняки	Потребляющие	182	190	235	21,4	19,6	22,5
	Производящие	59	51	62	9,9	8,1	9,7
Итого		241	241	297	16,7	15,0	17,7
% к 1917 г.		100,0	100,0	123,0	100,0	89,9	106,0
3. Маломощные	Потребляющие	108	149	211	17,2	19,4	24,0
	Производящие	81	95	93	17,3	15,5	13,8
Итого		189	244	304	17,3	17,7	19,5
% к 1917 г.		100,0	129,0	161,0	100,0	102,0	113,0
Итого по 6 губерниям	Потребляющие	350	387	508	20,4	19,6	23,3
	Производящие	182	185	199	12,6	11,6	12,1
Всего		532	572	707	16,8	16,0	18,5
% к 1917 г.		100,0	108,0	133,0	100,0	95,3	110,0
То же по 7 губерниям	Всего	566	594	725	16,0	14,9	16,9
	% к 1917 г.	100,0	105,0	128,0	100,0	93,2	106,0

Таблица 40

Динамика распространения внутринадельной аренды по типам хозяйств

Типы хозяйств по 6 губерниям	Районы наблюдения	Число случаев внутринадельной аренды: абс. 1917 г.	1920 г.	1922 г.	на 100 хозяйств 1917 г.	1920 г.	1922 г.
1	2	3	4	5	6	7	8
1. Зажиточные	Потребляющие	83	10	21	23,2	2,7	5,5
	Производящие	110	11	13	21,7	2,1	2,5
Итого		193	21	34	22,4	2,4	3,7
% к 1917 г.		100,0	10,9	17,6	100,0	10,7	16,5
2. Середняки	Потребляющие	268	11	28	18,1	0,7	1,6
	Производящие	97	11	43	9,2	1,0	3,6
Итого		365	22	71	14,4	0,8	2,4
% к 1917 г.		100,0	6,0	19,5	100,0	5,6	16,7
3. Маломощные	Потребляющие	141	26	27	9,9	1,5	1,4
	Производящие	86	58	91	7,5	4,0	5,6
Итого		227	84	118	8,8	2,6	3,3
% к 1917 г.		100,0	37,0	52,0	100,0	29,6	37,6
Итого по 6 губерниям	Потребляющие	492	47	76	15,1	1,2	1,9
	Производящие	293	80	147	10,8	2,6	4,4
Всего		785	127	223	13,1	1,8	3,0
% к 1917 г.		100,0	16,2	28,4	100,0	13,7	22,9
То же по 7 губерниям	Всего	836	147	248	12,7	1,9	3,0
	% 1917 г.	100,0	17,6	29,6	100,0	14,9	23,6

Таблица 41

Динамика аренды сельскохозяйственного инвентаря

Типы хозяйств по 6 губерниям	Районы наблюдения	Число хозяйств, арендующих сельскохозяйственный инвентарь: абс. 1917 г.	1920 г.	1922 г.	на 100 хозяйств 1917 г.	1920 г.	1922 г.
1	2	3	4	5	6	7	8
1. Зажиточные	Потребляющие	39	55	64	10,9	14,7	16,6
	Производящие	183	158	229	36,2	30,5	43,7
Итого		222	213	293	25,7	23,8	32,3
% к 1917 г.		100,0	96,0	132,0	100,0	92,7	125,6
2. Середняки	Потребляющие	153	185	236	10,3	11,0	13,5
	Производящие	465	353	709	43,1	30,4	59,8
Итого		618	538	945	24,4	19,0	32,3
% к 1917 г.		100,0	87,1	153,0	100,0	77,9	132,0
3. Маломощные	Потребляющие	129	163	210	9,1	9,4	11,0
	Производящие	510	737	1 100	44,5	50,8	68,0
Итого		639	900	1 310	24,8	28,2	37,2
% к 1917 г.		100,0	141,0	205,0	100,0	114,0	150,0
Итого по 6 губерниям	Потребляющие	321	403	510	9,8	10,6	12,6
	Производящие	1 158	1 248	2 038	42,7	39,9	61.1
Всего		1 479	1 651	2 548	24,8	23,9	34,8
% к 1917 г.		100,0	112,0	172,3	100,0	96,5	140,0
То же по 7 губерниям (с Курской)	Всего	1 567	1 793	2 758	23,8	23,4	33,9
	% к 1917 г.	100,0	114,7	176,0	100,0	98,2	142,3

5. РАССЛОЕНИЕ ДЕРЕВНИ В 1926/27 и 1927/28 гг.[1]

а) О методах изучения

Социальная структура советской деревни в переходный период и те динамические процессы, какие в ней происходили за последние годы перед коллективизацией, представляют для нас интерес первостепенной важности. Но, к сожалению, несмотря на многочисленные попытки изучения этой структуры, мы не очень далеко ушли в указанной области. У нас не хватает для этого не только достаточно надежных статистических материалов, но и твердо установленных научных методов и приемов.

У нас пользуется широким правом гражданства расчленение деревни на бедняцкие, середняцкие и кулацкие социальные группы. Но кого и по каким объективным признакам следует относить к той или иной из этих групп, точно не установлено. Классовый подход требует от нас группировки по признаку эксплуатации. К беднякам следовало бы относить все эксплуатируемые группы деревни, к кулакам — эксплуатирующие, к середнякам — промежуточные, не эксплуатирующие и не эксплуатируемые. Теоретически это, казалось бы, очень четкий и ясный критерий. Но *практически* указать точные границы между разными слоями деревни по признаку эксплуатации чрезвычайно трудно.

Прежде всего можно было бы использовать для такого разграничения формальный признак найма или отпуска рабочей силы. Но, во-первых, сроковый наем рабочей силы в нашей деревне распространен очень слабо, а поденный далеко не всегда может служить надежным признаком эксплуататорского хозяйства. А затем не следует забывать, что наем найму рознь. В деревне у нас до сих пор очень мирно уживаются рядом с элементами нового, коллективистического хозяйства и старые элементы капитализма и даже пережитки еще более архаических, докапиталистических укладов. Наряду с *капиталистическим* наймом ради эксплуатации вы встретите здесь и чисто *потребительский* наем батрака какой-нибудь бобылкой или солдатской женой в таких хозяйствах, которые отнюдь не производят каких-либо товарных излишков на широкий рынок. Кроме того, как это указывал еще В. И. Ленин, необходимо строго различать и такие *диаметрально противоположные* виды найма, как «наем батрака или поденщика,— и наем соседа-хозяина, который должен своим инвентарем обработать землю нанимателя» [2]. В первом случае эксплуатируется наемник, а во втором, по общему правилу, совсем наоборот,— сам наниматель. Наконец, немало затруднений представляют для исследователя и те весьма многочисленные крестьянские дворы, которые в разные сезоны, а то и одновременно и отпускают и нанимают рабочую силу. Куда их отнести — к эксплуататорам или эксплуатируемым?

Наряду с формальным признаком найма для изучения социального расслоения деревни может служить и материальный признак — *обеспеченность средствами производства,* т. е. землею, скотом, инвентарем и т. д. Недостаток этих средств для полного использования наличной в хозяйстве рабочей силы является необходимой предпосылкой для возникновения тех или иных форм зависимости этого хозяйства от других хозяйств; избыток их, наоборот, является первейшей предпосылкой для предпринимательства и эксплуатации чужого труда. Отсюда именно берут свое основание многочисленные попытки исследователей использовать для изучения социальной структуры деревни имеющиеся у нас группировки крестьянских хозяйств по посеву, рабочему скоту и тому подобным натуральным

---

[1] «Плановое хозяйство», 1928, № 3.

[2] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 152—153.

признакам. Но и эти попытки, к сожалению, нельзя признать сколько-нибудь удовлетворительными.

Основное достоинство группировок по натуральным признакам заключается в их элементарности и доступности. Статистически это наиболее простая операция. Но не всегда наиболее простая операция может быть признана и наиболее эффективной. В самом деле, какие у нас имеются пути, чтобы перейти, скажем, от *посевных* группировок к социальным? На первый взгляд представляется совершенно бесспорным, что с возрастанием посева на двор возрастает и его хозяйственная мощность. Однако на деле даже это представляется очень спорным. Большой посев *при отсутствии* рабочего скота и инвентаря иной раз дает гораздо меньше, чем меньший посев *при наличии* собственного скота и инвентаря. Кроме того, десятина посева льна или хлопка совсем не равна десятине ржи или овса. Точно так же десятина посева на Кубани далеко не эквивалентна такой же десятине в Псковской или Костромской губерниях.

В 1925 г. ЦСУ произвело опыт социального расчленения деревни по посевным группам в своем хлебофуражном балансе, и этот опыт оказался столь неудачным, что теперь едва ли кто захочет его повторить в ближайшем будущем. Но группировка по скоту и сейчас находит еще весьма авторитетных защитников. Ее и сейчас многие находят вполне пригодным методом для изучения социальной структуры деревни. И действительно, она имеет целый ряд преимуществ по сравнению с посевными группировками. В особенности, если ее осложнить рядом других признаков. Но даже в весьма усложненном виде, т. е. в комбинации с другими натуральными признаками, группировка по скоту может стать лишь суррогатом социальной группировки.

Натуральные признаки хозяйственной мощи двора в условиях товарного хозяйства вообще приходится рассматривать в нашей статистике как атавистический пережиток какого-то другого, более примитивного уклада. Для времен крепостного права и соответствующего ему патриархального быта пользование ими, конечно, более уместно. Но в нынешнем товарном хозяйстве, как мы прекрасно знаем, рабочая лошадь в кулацком и бедняцком хозяйствах и по своей силе, и по хозяйственному использованию, и по рыночной цене, отражающей в себе все другие качества, совсем не одно и то же. При этих условиях уже простой учет скота числом голов является довольно скверным суррогатом ценностного учета. А *социальная* группировка хозяйств по числу *голов* скота, где эта единица измерения для каждой группы заведомо имеет разное значение, и вовсе малопригодна.

Конечно, средства производства могут быть даны и в ценностном выражении для группировки хозяйств по обеспеченности скотом, инвентарем, хозяйственными строениями, семенами и тому подобными производственными ценностями. Но все же достигнуть расчленения деревни на классовые группы этим приемом чрезвычайно трудно. И прежде всего потому, что избыток средств производства является только *необходимым* условием *возможности* эксплуатации, но далеко еще *не достаточным* для констатации ее *наличия*. Избыток средств производства отнюдь еще не превращает их автоматически в капитал, т. е. в орудие эксплуатации чужого труда. В полунатуральном хозяйстве крестьян каких-нибудь сибирских окраин такой избыток средств производства и теперь нередко может быть назван, говоря языком Глеба Успенского, скорее «пропиталом», чем капиталом. Он лежит у крестьянина в виде многолетнего запаса хлеба или ходит на ногах в виде лишней лошади и коровы, выполняя роль известного производственно-потребительского *резерва*, но отнюдь не превращаясь в активное средство извлечения прибавочной стоимости. Хозяйства с такими резервами «пропитала» отнюдь не следовало бы еще зачислять в категорию кулацких.

К тому же, если бы мы решились даже вовсе не считаться с такими моментами, то откуда взять численную меру для определения наличия «избытков» или «недостатков» средств производства в том или ином хозяйстве? Мы можем легко разделить деревню на группы со средствами производства до 200 руб. на двор, от 200 до 500, от 500 до 800, от 800 до 1400 и от 1400 руб. и выше, как это делалось в печати, или как угодно иначе, но сказать, где в этих группировках кончается «бедняк» и начинается «середняк» или «кулак», гораздо труднее. Во всяком случае, если разуметь под этими понятиями *классовые* группировки, то установить конкретные цифровые грани между ними по размеру средств производства едва ли возможно без крайнего произвола.

Мне кажется, однако, что возможен еще один прием классового расчленения деревни, гораздо более свободный от условностей и произвола. В условиях крестьянского хозяйства, конечно, не следует ожидать слишком четкого разделения на классы. Мы присутствуем здесь лишь при самых начальных процессах образования классов. Формы классовой эксплуатации, какие здесь можно наблюдать, довольно сложны и многообразны. Вы здесь встретите и наем, и арендные отношения, и неэквивалентный обмен, и прямое ростовщичество в таких запутанных комбинациях, что не всегда даже возможно установить, кто именно из контрагентов в конечном счете явится эксплуататором и кто эксплуатируемым. Но если исходить из принципа, что судить надо *по результатам* хозяйственного процесса, т. е. по величине общего *дохода от всех операций* данного хозяйства, то отнести его к той или иной социальной группе будет гораздо легче. Если данное хозяйство чаще выступало в роли эксплуататора, чем эксплуатируемого, то в его доходе должно заключаться сверх необходимого продукта еще известное количество продукта прибавочного, а стало быть, и прибавочной стоимости. Если же, наоборот, мы имеем дело с эксплуатируемым хозяйством, то никакой прибавочной стоимости в его доходе не обнаружится.

Говоря иначе, мы выдвигаем на обсуждение в качестве метода изучения социальной структуры деревни идею подоходной группировки хозяйства. Еще В. И. Ленин при изучении разложения дореволюционной русской деревни весьма решительно отвергал ничего не дающую в этом отношении группировку по наделу и высказывался за пользование «исключительно группировкой по хозяйственной состоятельности» [1]. Правда, по состоянию нашей тогдашней земской статистики ему приходилось пользоваться в качестве мерила «состоятельности» крестьянства все теми же натуральными признаками наличия скота и посева. Но там, где ему представлялся выбор, как, например, при изучении американского фермерства, В. И. Ленин отдавал явное предпочтение группировке по суммарной продукции хозяйств в ценностном ее выражении [2]. Кстати отметим, что в указанном случае речь шла не о валовой, а о более или менее очищенной продукции этих хозяйств (за вычетом кормов), что весьма приближает данную группировку к подоходной.

Предлагая подоходную группировку для изучения классового расслоения деревни, мы, конечно, прежде всего должны указать, какими методами мы сможем расчленить доход на необходимый и прибавочный продукт, ибо без этого у нас не будет критерия для отделения эксплуататорских групп от эксплуатируемых.

Правомерно ли, однако, такое расчленение дохода крестьянина на необходимый и прибавочный продукт или, говоря иначе, на заработную плату, с одной стороны, и ренту и прибыль — с другой, имея в виду всю массу крестьянства? Ведь в своей основной массе это самостоятельные производители, не применяющие наемного труда.

[1] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 93.
[2] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 27, стр. 159 и сл.

На первый взгляд это представляется весьма дискутабельным. Тем не менее абстрактный анализ экономики любого общества в эпоху господства отношений найма не может сложить своего оружия и отступить перед самостоятельным производителем, исключая его вовсе из своей теоретической схемы. С точки зрения этой схемы, говоря словами К. Маркса, при капиталистическом способе производства «независимый крестьянин или ремесленник подвергается раздваиванию. В качестве владельца средств производства он является капиталистом, в качестве работника — своим собственным наемным рабочим. Он, таким образом, как капиталист, уплачивает самому себе заработную плату и извлекает прибыль из своего капитала, т. е. эксплуатирует себя самого как наемного рабочего и, в виде прибавочной стоимости, платит себе самому ту дань, которую труд вынужден отдавать капиталу. Равным образом может случиться, что он, в качестве землевладельца, уплачивает себе еще и некоторую третью часть (ренту), подобно тому,— мы в дальнейшем увидим это,— как промышленный капиталист, применяющий в своем предприятии свой собственный капитал, уплачивает себе самому процент и притом считает, что это причитается ему не как промышленному капиталисту, а как капиталисту просто»[1]. И дальше К. Маркс добавляет: «Такой способ представления, каким бы иррациональным он ни казался на первый взгляд, выражает все же на деле нечто правильное в следующем смысле. В рассматриваемом случае производитель создает, правда, свою собственную прибавочную стоимость {предполагается, что производитель продает свой товар по его стоимости}, иными словами: во всем его продукте овеществлен только его собственный труд. Но тот факт, что он может присваивать *самому себе* весь продукт своего собственного труда, что третьим лицом, *хозяином*, не присваивается избыток стоимости его продукта над средней ценой его труда в течение, скажем, одного дня,— этот факт должен быть отнесен не за счет его труда (в данном отношении он ничем не отличается от других рабочих), а только за счет того обстоятельства, что он владеет средствами производства. Значит, только благодаря тому, что он является собственником средств производства, ему достается его собственный прибавочный труд, и в этом смысле он относится как свой собственный капиталист к самому себе как к наемному рабочему.

Разъединение выступает в нынешнем обществе как нормальное отношение. Поэтому там, где это разъединение не имеет места в действительности, оно предполагается, и, как только что было показано, это в известном смысле правильно»[2].

Теория уполномочивает нас, стало быть, разлагать на зарплату и прибавочную стоимость доход даже такого самостоятельного производителя-крестьянина, весь продукт которого овеществляет только его собственный труд. Тем более это законно в отношении тех верхушек крестьянства, где мы по праву можем предполагать в суммарном его доходе и элементы присвоенного чужого труда. К. Маркс указывает нам и вполне пригодный метод для такого разложения. К прибавочной стоимости мы должны относить весь *излишек продукта* и соответствующего ему дохода крестьянского хозяйства *сверх средней нормы оплаты труда,* необходимого для производства этого продукта.

Нормы оплаты батрацкого труда в деревне нам в достаточной степени известны. Батрацкий труд заведомо эксплуатируется. Нормальный доход батрацкой семьи определяется, согласно теории, суммой средств ее существования, необходимых при данных общественно-бытовых условиях. Этот прожиточный стандарт заключает в себе только «необходимый продукт». Стало быть, все крестьянские хозяйства с доходом не выше этой нормы мы смело можем относить к группе *бедняцких,* т. е. в группу пролетарского типа.

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 26, ч. I, стр. 417—418.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 26, ч. I, стр. 418—419.

В следующую, *середняцкую*, группу следовало бы отнести те хозяйства, которые, кроме батрацкой нормы дохода, т. е. зарплаты, располагают в своем доходе и прибавочной стоимостью, однако при условии, что этот доход в целом не превышает стоимости полного продукта труда данной семьи. Как некий двуликий Янус, эта промежуточная социальная группа совмещает в себе черты и рабочего и хозяина, но ее все же нельзя отнести к паразитически эксплуататорским слоям крестьянской буржуазии, ибо она эксплуатирует только свой труд.

В паразитически эксплуататорскую, *кулацкую*, группу попадают только те хозяйства, которые в своем доходе получают не только полную оплату и необходимого и прибавочного труда своей семьи, но и некий излишек сверх этой нормы за счет присвоения результатов *чужого* труда. Если известны нормы оплаты батрацкого труда соответствующей квалификации и средняя норма эксплуатации в стране, то нетрудно определить и ту полную норму трудового дохода для крестьянского хозяйства, сверх которой мы будем иметь дело уже с капиталистическими доходами и, стало быть, с капиталистическими верхушками деревни.

Чтобы судить о масштабах предельных доходов «бедняка» и «середняка» в условиях русской деревни, приведем следующую справку. Средний годовой заработок батрака-мужчины на своих харчах достигал по Европейской России в 1910 г. примерно 140 руб., батрачки — 86 руб. золотом, в среднем — около 113 руб. Таких зарабатывающих батраков на среднюю батрацкую семью в 4,3 души приходится 1,62 человека. Годовая зарплата их, стало быть, составит около183 руб. золотом. К этой сумме можно еще прикинуть на натуральные приработки батрацкой семьи (от собственного производства, от самозаготовок топлива и т. п.) около 20%, т. е. 36 руб. 60 коп. Весь годовой доход батрацкой семьи, стало быть, не превышал 220 руб. золотом. Норма эксплуатации наемного труда в довоенной России, по имеющимся данным, была не ниже 100—150% [1]. Говоря иначе, полный доход батрацкой семьи в 4,3 души при отсутствии эксплуатации составил бы до 550 руб. в год. И, стало быть, применяя эти нормы для подоходной группировки крестьянских хозяйств нашей довоенной деревни, мы могли бы, говоря грубо, к бедняцким хозяйствам отнести все хозяйства с доходом до 220 руб. в год, к середняцким — с доходом от 220 руб до 550 руб. и к кулацким — с доходом свыше 550 руб. [2]

Конечно, эти нормы можно было бы уточнить и в соответствии с разным составом семьи в каждой группе, и с различиями в квалификации и оплате труда разных групп, и с разницей в индексах дороговизны жизни по различным районам. В частности, можно было бы учесть, что квалификация труда в высшей по зажиточности крестьянской группе несколько выше квалификации рядовых батраков, среди которых много молодежи и подростков. Но все эти уточнения не изменяют общего подхода к разрешению указанной задачи.

Переходя к условиям советского сельского быта, можно отметить, что оплата батрацкого труда в крестьянских хозяйствах при *поденном* найме достигала в 1926 г. по номиналу 187% от норм 1910 г. [3] О *годовом* найме батраков в современной деревне у нас нет надежных данных. Но можно

---

[1] В промышленности эта норма достигала в 1913 г. примерно 100%, на транспорте — 120%, а в сельском хозяйстве — даже 163%. (С. Г. Струмилин. Очерки советской экономики. М.— Л., 1928, стр. 95, 201; Он же. Условия производства хлебов в СССР.— «Плановое хозяйство», 1926, № 2, стр. 353).

[2] Для перевода на золотую валюту 1927 г. эти лимиты пришлось бы повысить примерно в 1,8 раза (по крестьянскому индексу дороговизны жизни).

[3] Ср. А. Князев. Поденные цены на рабочие руки в сельском хозяйстве.— «Статистическое обозрение», май 1927 г., стр. 47; С. Г. Струмилин. Оплата и производительность труда в сельском хозяйстве.— «На аграрном фронте», 1926, № 1, стр. 47.

допустить, что они изменяются в том же соотношении, что и поденные нормы оплаты батрацкого труда. Если исключить совхозы, где наемный труд оплачивается значительно выше приведенных норм, и иметь в виду только крестьянские хозяйства, то для них едва ли пришлось бы вносить существенные поправки и в довоенные нормы эксплуатации.

Таким образом, установить конкретные лимиты для подоходной группировки хозяйств в целях изучения социальной структуры советской деревни было бы вполне возможно.

Можно было бы использовать условно в качестве одного из лимитов, отграничивающих середняка от кулака, и прожиточный стандарт *индустриального* рабочего. Индустриальный рабочий вследствие своей более высокой по сравнению с батраком квалификации оплачивается у нас раза в $2^{1}/_{2}$ выше батрака. Стало быть, если доход крестьянина *выше* этой нормы, несмотря на гораздо более низкую его квалификацию, то в этом доходе имеются все основания усматривать элементы прибавочной стоимости, созданной чужим трудом. С другой стороны, тех крестьян, доход которых *ниже* средней зарплаты индустриального пролетариата, едва ли было бы правильно зачислять оптом в категорию эксплуататоров этого пролетариата.

Удобство этого лимита по сравнению с другими заключается в его конкретной осязательности. Каждый крестьянин весьма охотно и, я бы сказал, очень ревниво сопоставляет свой уровень жизни с уровнем жизни рабочего. Этот аршин и общедоступен, и всем понятен. Тогда как, скажем, исчисления средней нормы эксплуатации в стране даже в капиталистических условиях хозяйства весьма трудны и малоубедительны. А в советских условиях само понятие «нормы эксплуатации» теряет свой смысл в отношении всего обобществленного сектора хозяйства. Поэтому установить четкую грань между середняком и кулаком, пользуясь столь условными нормами и неустойчивыми в условиях момента понятиями, было бы гораздо труднее.

Кроме того, расчленение крестьянства на социальные группы меркою батрацкого и рабочего уровней жизни имеет для нас огромный интерес и с точки зрения изучения аграрного перенаселения и городской безработицы.

Крестьянские хозяйства, которым земля не обеспечивает даже батрацкого прожиточного минимума, не могут длительно существовать в качестве таковых. Эта группа, как уже вполне созревший плод аграрного перенаселения, готова каждую минуту навсегда оторваться от своего корня и пополнить собою ряды батрацкого или индустриального пролетарита. Совсем иначе обстоит дело с той группой крестьянских хозяйств, уровень жизни которых выше, чем у городских рабочих. По общему правилу, представители этой группы вовсе не испытывают на себе мощной экономической тяги города. Неземледельческие промыслы, правда, и для них очень часто служат весьма существенным подспорьем в хозяйстве. Но пополнить собою *надолго* ряды батрацкого или городского пролетариата они отнюдь не склонны. Эта группа крепче всего привязана к земле. Промежуточное положение занимает середняцкая группа крестьянства. Она достаточно привязана к земле, чтобы не питать собою кадры *батрацкого* пролетариата, но городской рабочий быт представляется для нее гораздо более заманчивым. В порядке сезонного отхода она регулярно посылает избыточные кадры своей рабочей силы «промышлять» в городах. И те элементы из этих кадров, которым там удается приобрести необходимую квалификацию, оседают в городах не только на время, но и навсегда.

б) Итоги 1926/27 г.

Применимость того или иного метода лучше всего испытывается на конкретном материале. К сожалению, мы не располагаем в настоящий

момент вполне пригодным для этого материалом. Тем не менее и тот материал, которым мы располагаем, представляет громадный интерес для изучения социальной структуры деревни. Мы имеем здесь в виду оперативные данные Наркомфина по обложению деревни сельхозналогом. Несомненно, эти данные в некоторых отношениях дефектны, как все данные, собираемые в фискальных целях. Крестьянство отнюдь не всегда спешит с полной откровенностью в своих показаниях навстречу интересам органов фиска. Но вместе с тем эти данные обладают и многими достоинствами. И прежде всего здесь следует указать на почти исчерпывающий по своей полноте охват материала. *Ежегодно* Наркомфин в порядке обложения производит *сплошную перепись* всего сельскохозяйственного населения страны с подробнейшим учетом всех объектов обложения.

Это обстоятельство было бы особенно ценно с точки зрения динамических сопоставлений. Но, к сожалению, в связи с постоянными новшествами в системе обложения и ежегодными изменениями в программе разработки налоговых данных мы лишены возможности каких-либо динамических сопоставлений по социальной структуре деревни. Более того, программа разработки налоговых данных до сих пор не была унифицирована даже в пределах одного года для разных республик и районов Союза. Так, например, за 1926/27 г. мы имеем для РСФСР группировку по посеву *на едока*, для Туркменистана и Узбекистана — тоже по посеву, но *на хозяйство*, а для УССР — не по посеву, а *по площади всей пашни и сенокоса* на едока. Кроме того, в одних республиках мы находим 10 посевных групп, в других — 12 или 13. Возможность общей сводки такого материала для обозрения по всему Союзу, конечно, чрезвычайно затрудняется.

Более сводимой является группировка по количеству голов крупного скота на хозяйство. Общие итоги этой сводки по всему Союзу представляют следующую картину (табл. 42).

Приведенные итоги охватывают *не сельское, а сельскохозяйственное* население страны [1] независимо от места его жительства, так как сельхозналогом облагаются и жители поселений городского типа, занятые земледелием, но зато им вовсе не облагается фабрично-заводской персонал, железнодорожники и тому подобные группы сельского населения, поскольку они не занимаются сельским хозяйством. В силу этого итоги нашей сводки не вполне сопоставимы с данными ЦСУ *о сельском* населении Союза. Тем не менее напомним, что все сельское население страны, учтенное ЦСУ по переписи на 17 декабря 1926 г., достигало 120,7 млн. душ, посевная площадь 1926 г. в *крестьянских хозяйствах* исчислялась в 100,3 млн. десятин, рабочий скот — в 27,3 млн. голов, коровы — 29,2 млн. голов [2]. Исчисления ЦСУ в отношении скота и посевов едва ли особенно точны, но все же они указывают на определенный недоучет в налоговых данных и скота, и в особенности посевов. Но особенно преуменьшенной в учете налоговых органов является цифра облагаемого дохода. По исчислениям Госплана СССР, вся сумма доходов *земледельческого* населения СССР за 1926/27 г. должна составлять не менее 12 250 млн. червонных руб., т. е. примерно в 2,2 раза больше суммы, *облагаемой* по сельхозналогу [3].

Переходя от абсолютных цифр к относительным, мы получаем следующую картину (табл. 43).

На долю *двух* средних групп из *шести* по обеспечению скотом падает 48,3% населения, 49% дохода и 46,5% налога. На две низшие группы, при 31,4% населения, падает только 24% дохода и 16,3% налога, на две верхние, при 20,3% населения, приходится 27% дохода и 37,2% налога. Названные показатели, несомненно, в достаточной степени отражают

[1] Кроме колхозов с населением 695 тыс. человек и совхозов, учтенных особо.
[2] «Итоги десятилетия Советской власти в цифрах». М., 1927, стр. 35, 171, 189.
[3] «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1927/28 год». М., 1928, стр. 495.

Таблица 42

Общие итоги группировки по скоту за 1926/27 г. по СССР (без Якутской АССР)

Группы по числу голов крупного скота на двор	Число хозяйств, тыс.		Население млн. душ	Посевная площадь, тыс. дес.	Крупный скот, тыс. голов		Облагаемый доход, млн. червонных руб.		Исчисленный налог, тыс. червонных руб.
	всего	с неземледельческим заработком			рогатый *	рабочий	всего	от неземледельческого заработка	
1	2	3	4		6	7	8	9	10
А. Земледельческие районы									
1. Без скота	4 169	390	14,37	7 152	—	—	451,2	20,14	18 343
2. С 1 головы скота	5 118	855	22,03	12 292	3 760	1 430	854,3	42,59	41 889
3. » 2 » »	6 660	1 398	34,51	22 156	6 795	6 588	1 599,1	68,02	94 579
4. » 3 » »	3 637	884	20,99	14 634	5 685	5 269	1 078,8	45,47	76 326
5. » 4 » »	1 689	383	10,70	8 510	3 540	3 242	591,1	21,59	47 022
6. » 5 » и более	1 843	348	12,92	13 943	6 625	6 149	875,2	23,85	89 724
Итого	23 116	4 258	115,52	78 687	26 405	22 728	5 449,7	222,16	367 883
Б. Скотоводческие районы	636	33	2,95	309	1 506	1 746	83,8	1,88	5 239
В. Прочие нераспределенные **	448	45	2,35	429	366	372	38,9	3,37	—
Итого по частному сектору									
УССР	16 574	3 475	84,23	56 823	21 377	17 648	3 814,9	182,82	250 628
РСФСР	5 014	557	24,06	17 953	3 773	3 953	1 281,6	28,88	95 186
ЗСФСР	899	78	4,50	1 112	1 237	1 123	140,0	5,69	6 477
БССР	788	197	4,23	2 121	1 408	856	178,0	7,32	9 537
УзбССР	769	26	3,10	1 198	364	967	126,4	2,34	9 066
ТуркмССР	156	3	0,70	218	118	237	31,2	0,36	2 228
СССР	24 200	4 336	120,82	79 425	28 277	24 844	5 572,1	227,41	373 122
Коллективные хозяйства по СССР	14	—	0,7	739	97	91	42,0	—	3 575
Совхозы	9	—	. . .	1 035	49	139	69,0	—	4 863
Всего	24 223	4 336	121,52	81 199	28 422	25 074	5 683,1	227 41	381 560

* Без волов.
** Не распределенной по скоту оказалась вся группа хозяйств с доходом ниже облагаемого минимума по ЗСФСР.

Таблица 43

Общие итоги группировки по скоту за 1926/27 г. по СССР (без Якутской АССР)

Б. Относительные данные

Группы по числу голов крупного скота на двор	Хозяйства		Население		Посевная площадь на одно хозяйство, дес.	Крупный скот на одно хозяйство, голов		Облагаемый доход червонных руб.		% облагаемого дохода от неземледельческих заработков	Исчисленный налог, червонных руб.		% изъятия дохода
	% к итогу	% хозяйств с неземледельческим заработком	% к итогу	душ на один двор		рогатый *	рабочий	на одно хозяйство	на одну душу		на одно хозяйство	на одну душу	
А. Земледельческие районы													
1. Без скота	18,1	9,3	12,4	3,45	1,72	—	0,01	108	31,35	4,46	4,39	1,27	4,07
2. С 1 головой скота	22,2	16,7	19,0	4,31	2,41	0,73	0,26	167	38,78	4,98	8,19	1,90	4,92
3. » 2 » »	28,8	21,1	29,9	5,20	3,33	1,02	0,98	240	46,19	3,88	14,21	2,73	5,91
4. » 3 » »	15,7	24,3	18,4	5,78	4,03	1,56	1,44	297	51,40	4,26	21,00	3,64	7,08
5. » 4 » »	7,3	22,3	9,2	6,33	5,06	2,09	1,89	350	55,26	3,65	27,84	4,39	7,95
6. » 5 » » и более	7,9	19,0	11,1	7,02	7,59	3,60	3,33	476	67,73	2,72	48,63	6,94	10,25
Итого	100	18,8	100	5,01	3,41	1,14	0,98	236	47,18	4,07	15,93	3,19	6,75
Б. Скотоводческие районы	2,7	5,2	2,5	4,67	0,49	2,37	2,75	132	28,30	2,24	8,23	1,76	6,24
В. Прочие нераспределенные **	1,9	10,0	2,0	5,25	0,88	0,82	0,83	87	16,55	8,66	—	—	—
Итого по РСФСР	68,5	21,0	69,7	5,08	3,43	1,29	1,06	230	45,25	4,80	15,10	2,97	6,56
» УССР	20,7	11,2	19,9	4,80	3,58	0,75	0,79	256	53,27	2,25	18,98	3,96	7,42
» ЗСФСР	3,7	8,7	3,7	5,01	1,16	1,38	1,25	156	31,11	4,06	7,20	1,44	4,63
» БССР	3,3	25,0	3,5	5,37	2,69	1,79	1,09	226	42,03	4,12	12,10	2,25	5,35
» УзбССР	3,2	3,4	2,6	4,03	1,56	0,47	1,26	164	40,70	1,86	11,80	2,93	7,18
» ТуркмССР	0,6	1,9	0,6	4,49	1,39	0,82	1,90	190	42,30	1,15	14,26	3,18	7,50
Всего	100,0	17,9	100,0	5,00	3,31	1,17	1,03	230	46,07	4,08	15,42	3,08	6,70

* Без волов.

** Не распределенной по скоту оказалась вся группа хозяйств с доходом ниже облагаемого минимума по ЗСФСР.

собою факт известного, правда весьма умеренного, расслоения деревни. Правильно возрастающий процент изъятия налога тоже весьма показателен для нашей классовой политики в деревне. Но мы уже указывали, что группировка по скоту может рассматриваться лишь как известный суррогат классовой группировки. Она не дает возможности вполне четко расчленить крестьянство на классы по признаку эксплуатации.

С другой стороны, немало сомнений вызывает и выявленная в таблице прогрессия обложения. В какой мере она соответствует действительности? Ведь облагаемый доход, исчисляемый налоговыми органами *нормативным методом* — по числу десятин посева, голов скота и т. д., едва ли учитывается с одинаковой точностью для разных социальных групп. Поскольку и доходность скота, и урожайность посевов в высших по размеру хозяйствах, несомненно, всегда в среднем выше, чем в низших, расценка их по одним и тем же нормам должна привести к максимальному недоучету доходности именно высших групп. Но, с другой стороны, достаточно взглянуть на средние цифры дохода на двор в низших группах, чтобы удостовериться в том, что и их доход, несомненно, сильно преуменьшен. Ведь даже прожиточный стандарт *батрацкой* семьи того времени определяется нами в сумме до 300—400 червонных руб. в год. Таков *низший предел средств существования* в условиях деревенской жизни 1926/27 г. Можно ли в таком случае поверить, что целые *миллионы* хозяйств могли длительно существовать на уровне в *три-четыре раза* ниже этого предела?

Разумеется, это совершенно неправдоподобно. Деревня наша после революции не вымирает, а, совсем напротив, дает такой высокий прирост населения, и притом именно *за счет снижения коэффициента смертности,* какого мы в дореволюционные времена еще никогда не наблюдали. Очевидно, недоучет доходности в низших группах крестьянства очень значителен. И мы это можем подтвердить двумя соображениями.

Прежде всего в беднейших хозяйствах роль заработков в общем доходе значительно превышает среднюю норму для всех хозяйств [1]. А между тем налоговые органы в *облагаемый доход* по действующему закону включают лишь самую незначительную долю заработков, так как большинство их обложению не подлежит. А с другой стороны, оценка объектов обложения налоговыми органами в беднейших хозяйствах несравненно льготнее, чем в более зажиточных. И это тоже ведет к относительному преуменьшению доходов в беднейших группах.

Чтобы не показаться голословным в последнем утверждении, приведем следующую цифровую иллюстрацию. В распоряжении Госплана имеется такое сопоставление налоговых данных с бюджетными, произведенное в ЦСУ (табл. 44).

Бюджетные данные можно по общему правилу считать в достаточной степени точными и достоверными. Вследствие этого сопоставление их по одним и тем же хозяйствам с налоговыми данными, несмотря на относительно небольшое число обследованных дворов, чрезвычайно показательно. Оказывается, что утайка посева при обложении практикуется во всех группах. Притом по абсолютной величине эта утайка в беднейших трех группах составляет всего 0,67 десятины на двор, в следующих трех повышается до 0,77 десятины и в последних трех достигает 0,94 десятины на хозяйство, т. е. в общем возрастает с увеличением хозяйства. Но зато в относительных величинах эта утайка, наоборот, резко падает с возрастанием хозяйства. Происходит это, разумеется, не потому, что кулаки правдивее в своих показаниях налоговым органам по сравнению с серед-

---

[1] Так, например, по крестьянским бюджетам 1924/25 г. доходы от заработков в низшей бюджетной группе (с доходом до 20 руб. на душу в год) достигали 60% всего «условно чистого» их дохода, а в среднем по всем бюджетам они не превышали 25% всего дохода.

Таблица 43

Общие итоги группировки по скоту за 1926/27 г. по СССР (без Якутской АССР)

Б. Относительные данные

Группы по числу голов крупного скота на двор	Хозяйства: % к итогу	Хозяйства: % хозяйств с неземледельческим заработком	Население: % к итогу	Население: душ на один двор	Посевная площадь на одно хозяйство, дес.	Крупный скот на одно хозяйство, голов: рогатый *	Крупный скот на одно хозяйство, голов: рабочий	Облагаемый доход червонных руб.: на одно хозяйство	Облагаемый доход червонных руб.: на одну душу	% облагаемого дохода от неземледельческих заработков	Исчисленный налог, червонных руб.: на одно хозяйство	Исчисленный налог, червонных руб.: на одну душу	% изъятия дохода
А. Земледельческие районы													
1. Без скота	18,1	9,3	12,4	3,45	1,72	—	0,01	108	31,35	4,46	4,39	1,27	4,07
2. С 1 головой скота	22,2	16,7	19,0	4,31	2,41	0,73	0,26	167	38,78	4,98	8,19	1,90	4,92
3. » 2 » »	28,8	21,1	29,9	5,20	3,33	1,02	0,98	240	46,19	3,88	14,21	2,73	5,91
4. » 3 » »	15,7	24,3	18,4	5,78	4,03	1,56	1,44	297	51,40	4,26	21,00	3,64	7,08
5. » 4 » »	7,3	22,3	9,2	6,33	5,06	2,09	1,89	350	55,26	3,65	27,84	4,39	7,95
6. » 5 » » и более	7,9	19,0	11,1	7,02	7,59	3,60	3,33	476	67,73	2,72	48,63	6,94	10,25
Итого	100	18,8	100	5,01	3,41	1,14	0,98	236	47,18	4,07	15,93	3,19	6,75
Б. Скотоводческие районы	2,7	5,2	2,5	4,67	0,49	2,37	2,75	132	28,30	2,24	8,23	1,76	6,24
В. Прочие нераспределенные **	1,9	10,0	2,0	5,25	0.88	0,82	0,83	87	16,55	8,66	—	—	—
Итого по РСФСР	68,5	21,0	69,7	5,08	3,43	1,29	1,06	230	45,25	4,80	15,10	2,97	6,56
» УССР	20,7	11,2	19,9	4,80	3,58	0,75	0,79	256	53,27	2,25	18,98	3,96	7,42
» ЗСФСР	3,7	8,7	3,7	5,01	1,16	1,38	1,25	156	31,11	4,06	7,20	1,44	4,63
» БССР	3,3	25,0	3,5	5,37	2,69	1,79	1,09	226	42,03	4,12	12,10	2,25	5,35
» УзбССР	3,2	3,4	2,6	4,03	1,56	0,47	1,26	164	40,70	1,86	11,80	2,93	7,18
» ТуркмССР	0,6	1,9	0,6	4,49	1,39	0,82	1,90	190	42,30	1,15	14,26	3,18	7,50
Всего	100,0	17,9	100,0	5,00	3,31	1,17	1,03	230	46,07	4,08	15,42	3,08	6,70

* Без волов.

** Не распределенной по скоту оказалась вся группа хозяйств с доходом ниже облагаемого минимума по ЗСФСР.

собою факт известного, правда весьма умеренного, расслоения деревни. Правильно возрастающий процент изъятия налога тоже весьма показателен для нашей классовой политики в деревне. Но мы уже указывали, что группировка по скоту может рассматриваться лишь как известный суррогат классовой группировки. Она не дает возможности вполне четко расчленить крестьянство на классы по признаку эксплуатации.

С другой стороны, немало сомнений вызывает и выявленная в таблице прогрессия обложения. В какой мере она соответствует действительности? Ведь облагаемый доход, исчисляемый налоговыми органами *нормативным методом* — по числу десятин посева, голов скота и т. д., едва ли учитывается с одинаковой точностью для разных социальных групп. Поскольку и доходность скота, и урожайность посевов в высших по размеру хозяйствах, несомненно, всегда в среднем выше, чем в низших, расценка их по одним и тем же нормам должна привести к максимальному недоучету доходности именно высших групп. Но, с другой стороны, достаточно взглянуть на средние цифры дохода на двор в низших группах, чтобы удостовериться в том, что и их доход, несомненно, сильно преуменьшен. Ведь даже прожиточный стандарт *батрацкой* семьи того времени определяется нами в сумме до 300—400 червонных руб. в год. Таков *низший предел средств существования* в условиях деревенской жизни 1926/27 г. Можно ли в таком случае поверить, что целые *миллионы* хозяйств могли длительно существовать на уровне в *три-четыре раза* ниже этого предела?

Разумеется, это совершенно неправдоподобно. Деревня наша после революции не вымирает, а, совсем напротив, дает такой высокий прирост населения, и притом именно *за счет снижения коэффициента смертности*, какого мы в дореволюционные времена еще никогда не наблюдали. Очевидно, недоучет доходности в низших группах крестьянства очень значителен. И мы это можем подтвердить двумя соображениями.

Прежде всего в беднейших хозяйствах роль заработков в общем доходе значительно превышает среднюю норму для всех хозяйств [1]. А между тем налоговые органы в *облагаемый доход* по действующему закону включают лишь самую незначительную долю заработков, так как большинство их обложению не подлежит. А с другой стороны, оценка объектов обложения налоговыми органами в беднейших хозяйствах несравненно льготнее, чем в более зажиточных. И это тоже ведет к относительному преуменьшению доходов в беднейших группах.

Чтобы не показаться голословным в последнем утверждении, приведем следующую цифровую иллюстрацию. В распоряжении Госплана имеется такое сопоставление налоговых данных с бюджетными, произведенное в ЦСУ (табл. 44).

Бюджетные данные можно по общему правилу считать в достаточной степени точными и достоверными. Вследствие этого сопоставление их по одним и тем же хозяйствам с налоговыми данными, несмотря на относительно небольшое число обследованных дворов, чрезвычайно показательно. Оказывается, что утайка посева при обложении практикуется во всех группах. Притом по абсолютной величине эта утайка в беднейших трех группах составляет всего 0,67 десятины на двор, в следующих трех повышается до 0,77 десятины и в последних трех достигает 0,94 десятины на хозяйство, т. е. в общем возрастает с увеличением хозяйства. Но зато в относительных величинах эта утайка, наоборот, резко падает с возрастанием хозяйства. Происходит это, разумеется, не потому, что кулаки правдивее в своих показаниях налоговым органам по сравнению с серед-

[1] Так, например, по крестьянским бюджетам 1924/25 г. доходы от заработков в низшей бюджетной группе (с доходом до 20 руб. на душу в год) достигали 60% всего «условно чистого» их дохода, а в среднем по всем бюджетам они не превышали 25% всего дохода.

Таблица 44

Утайка посевов при обложении сельхозналогом за 1925 г.

Группы хозяйств с посевом на двор, дес.		Число обследованных хозяйств по СССР	Посевная площадь, дес.				Отношение бюджетных данных к налоговым
			по налоговым данным		по бюджетам		
№№	от — до		всего	на один двор	всего	на один двор	
1	0,00 — 1,04	652	459	0,70	772	1,18	1,68
2	1,05 — 2,04	1 274	2 047	1,61	2 945	2,31	1,44
3	2.05 — 3,04	1 277	3 319	2,60	4 253	3,33	1,28
4	3,05 — 4,04	1 059	3 795	3,58	4 483	4,23	1,18
5	4,05 — 6,04	1 322	6 595	4,99	7 735	5,85	1,17
6	6,05 — 8,04	632	4 422	7,00	4 929	7,80	1,11
7	8,05 — 10,04	350	3 163	9,04	3 512	10,03	1,11
8	10,05 — 16,04	329	4 119	12,52	4 486	13,63	1,09
9	16,05 — и более	117	2 644	22,60	2 700	23,08	1,02
1—9	Итого. .	7 012	30 563	4,36	35 815	5,11	1,17
	В том числе:						
1—3	1,00 — 3,04	3 203	5 825	1,82	7 970	2,49	1,37
4—6	3,05 — 8,04	3 013	14 812	4,92	17 147	5,69	1,16
7—9	8,05 — и выше	796	9 926	12,50	10 698	13,44	1,08

няками и бедняками, а потому, что их строже контролируют эти органы и чаще выправляют неверные показания.

Это, конечно, не заключает в себе ничего неожиданного. В одной из комиссий РКИ в 1925 г. было удостоверено следующее обстоятельство: «Представитель НКФ, который принимал участие в нашей работе, сначала спорил, а потом согласился, что в данных НКФина точность учета хозяйств падает по мере перехода к группе, которая не вносит налога, потому что НКФин, конечно, прежде всего заинтересован в тех, кто вносит налог» [1]. И особенно в тех, добавим мы от себя, кто при довольно крупной прогрессии обложения вносит его в наибольшем количестве. Но едва ли даже в НКФине представляли себе до сих пор вполне отчетливо, в каком широком диапазоне — от 2 до 68% — колеблется точностью налоговых данных для различных социальных групп деревни.

Приведенная справка, между прочим, показывает, насколько рискованно пользоваться таким признаком, как посев, для изучения социального расслоения деревни. Помимо всяких других соображений, уже один только факт столь значительного и притом колеблющегося процента утайки посевов в разных группах может привести, вместо уяснения исследуемой проблемы, к пущему ее затемнению. В самом деле, при изучении расслоения нас прежде всего интересует *удельный вес* различных социальных групп. Допустим, что для «бедняцкой» группы мы установили предел в 3,04 десятины посева на двор. Тогда по хозяйствам, учтенным в табл. 44, вес бедняцкой группы по числу хозяйств составлял бы, исходя из налоговых данных около 46% общего их итога. Но, сделав поправку на утайку, мы увидим, что очень большая группа из наличных бедняков в 1277 хозяйствах имеет в действительности на круг 3,33 десятины, т. е. очевидно, почти целиком должна быть перенесена из бедняцкой группы в середняцкую, что сразу понизило бы удельный вес бедняцких хозяйств

[1] Я. А. Яковлев. Ошибки хлебофуражного баланса. М., 1926, стр. 11.

Таблица 45

Число земледельческих хозяйств, размер двора и облагаемый доход по сельхозналогу в РСФСР за 1926/27 г.

Группы по посеву на едока	Подгруппы по числу голов крупного скота на двор						Итого
	без скота	с 1 головой	с 2-мя	с 3-мя	с 4-мя	с 5-ю и более	
1	2	3	4	5	6	7	8
А. Число хозяйств, тыс.							
1. Без посева	376	227	98	38	17	24	780
2. С посевом до 1/4 дес.	344	562	614	363	139	126	2 148
3. » от 1/4 до 1/2	513	863	1 284	709	286	228	3 883
4. » от 1/2 до 3/4	548	838	1 255	522	242	221	3 626
5. » от 3/4 до 1	364	541	895	376	199	212	2 587
6. » от 1 до 1 1/2	194	301	574	333	211	293	1 906
7. » от 1 1/2 до 2	39	57	124	107	83	159	569
8. » от 2 до 2 1/2	11	16	35	40	34	85	221
9. » от 2 1/2 до 3	4,8	6,2	13	17	15	48	104
10. » от 3 дес. и выше	5,5	5,9	12	19	19	80	141
Итого	2 399	3 417	4 904	2 524	1 245	1 476	15 96
Б. Число душ на один двор							
1. Без посева	3,12	3,83	4,28	4,61	4,83	5,18	3,65
2. С посевом до 1/4 дес.	3,84	4,48	5,34	6,07	6,63	6,99	5,18
3. » от 1/4 до 1/2	3,62	4,38	5,32	6,01	6,72	7,38	5,24
4. » от 1/2 до 3/4	3,54	4,51	5,54	6,05	6,71	7,27	5,25
5. » от 3/4 до 1	3,22	4,27	5,36	5,93	6,53	7,25	5,16
6. » от 1 до 1 1/2	2,93	3,83	4,78	5,44	6,03	7,02	5,04
7. » от 1 1/2 до 2	2,34	3,21	4,00	4,80	5,45	6,82	4,95
8. » от 2 до 2 1/2	2,02	2,79	3,48	4,34	4,98	6,55	4,93
9. » от 2 1/2 до 3	1,73	2,50	3,20	4,01	4,66	6,45	4,92
10. » от 3 дес. и выше	1,53	2,14	2,71	3,43	3,98	5,70	4,60
В среднем	3,40	4,29	5,24	5,81	6,34	6,97	5,10
В. Доход на одну душу, руб.							
1. Без посева	8,66	16,31	23,19	28,25	31,27	44,65	16,54
2. С посевом до 1/4 дес.	16,05	24,45	31,28	34,03	34,36	37,51	29,22
3. » от 1/4 до 1/2	24,52	32,14	39,36	42,99	43,37	45,20	38,28
4. » от 1/2 до 3/4	31,30	37,46	43,46	47,16	48,18	50,74	42,66
5. » от 3/4 до 1	39,15	44,81	49,65	52,50	53,88	57,56	49,69
6. » от 1 до 1 1/2	50,42	55,35	59,79	62,87	64,62	69,83	62,07
7. » от 1 1/2 до 2	71,77	75,11	78,15	80,66	81,73	86,08	81,83
8. » от 2 до 2 1/2	90,51	93,62	96,66	98,86	99,78	103,51	100,77
9. » от 2 1/2 до 3	112,52	111,78	115,46	116,32	116,53	121,04	118,87
10. » от 3 дес. и выше	158,48	151,91	152,58	155,79	156,41	176,56	170,30
В среднем	27,32	35,98	44,56	49,08	53,49	65,74	45,90

с 46 до 28% или около того. Спрашивается, можно ли, однако, пользоваться в указанных условиях группировкой, столь извращающей действительность уже в основном для нас вопросе об удельном весе различных социальных групп?

Конечно, зная меру неточности наших данных, можно было бы избежать *такого рода* ошибок путем внесения соответствующих поправок в исходные данные или в определение намечаемых пределов для расчленения на группы. Например, понизив в нашем случае предельную норму посева для «бедняков» с 3,04 до 3,04 : 1,28 = 2,37 десятины, мы тем самым уравновесили бы вероятную для соответствующей группы хозяйств норму утайки посевов. Но при группировке по натуральным признакам мы не гарантированы, независимо от точности имеющихся данных, от других, гораздо более для нас существенных промахов и ошибок.

Вот, например, комбинационная группировка налоговых данных за 1926/27 г. по посеву и скоту. В некоторых отношениях она очень показательна (табл. 45).

Мы не могли бы дать такую сводку по всему СССР вследствие уже отмеченной выше некоторой пестроты в программах разработки налоговых данных по отдельным республикам. Но и одна РСФСР, обнимающая свыше 70% всего сельскохозяйственного населения Союза, представляет собою достаточно мощный массив для изучения социальной структуры нашей деревни. О чем же говорит приведенная таблица?

Чрезвычайно дробная группировка — на целых 60 групп — прежде всего еще ярче, чем вышеприведенная группировка по скоту, свидетельствует о неполноте налогового учета доходности крестьянских хозяйств. Нам известно, что одни батрацкие *харчи* оценивались у нас в эти годы не ниже 60 руб. в год на человека. А здесь мы встречаем многие тысячи хозяйств, у которых весь годовой доход из расчета на душу раз в *семь* ниже этой нормы. Мы знаем, что облагаемый сельхозналогом доход крестьянства и в среднем для всех групп не превышает 45% полного их дохода. Надо думать, однако, что в беднейших группах этот недоучет еще значительнее [1].

Как бы то ни было, в облагаемом доходе учтены не только посевы и крупный скот, но и более мелкие объекты обложения и даже некоторая часть промысловых заработков. И потому — если не в абсолютной мере, то относительно — этот доход, конечно, несравненно точнее отражает в себе норму состоятельности различных хозяйств, чем, скажем, только посевы или крупный скот, взятые в отдельности. Если же обратиться к этой обобщающей подоходной мерке, то станет совершенно очевидно, как мало пригодны группировки по скоту или посеву в качестве социальных группировок. Дело в том, что каждая из этих групп, взятая в отдельности, отнюдь не однородна в своем составе. Диапазон колебаний состоятельности в пределах *одной и той же посевной* группы по подгруппам весьма значителен. И все же посевные группы, поскольку здесь группировка проведена из расчета посева на душу, а не на двор, отражают в себе большую уравнительность, чем группы по скоту. В последних зачастую объединены хозяйства с диапазоном колебаний состоятельности в несколько сот процентов. Говоря иначе, здесь заведомо объединяются в каждой группе, хотя и в разных пропорциях, и эксплуатируемые, и эксплуататоры.

Такие объединения взамен необходимого нам *расчленения* указанных социально-разнородных элементов, разумеется, ни в какой мере удовлетворить нас не могут.

Вот почему мы можем только приветствовать решение Госналога разрабатывать впредь данные, собираемые им ежегодно по сельхозналогу, в

[1] Необходимо отметить, что зарплата батраков вовсе не подлежит обложению, а в наиболее низких группах эта необлагаемая и потому неучтенная здесь статья составляет, вероятно, львиную долю общего дохода.

подоходной группировке. Это, несомненно, будет значительным шагом вперед. Но данные за 1926/27 г. уже разработаны по натуральным признакам. С этим приходится считаться. Нам кажется, однако, что и эти данные можно использовать после некоторой их перегруппировки для изучения расслоения деревни по предложенной нами схеме.

В самом деле, благодаря детальной комбинационной группировке по скоту и посеву мы можем с полным правом предполагать, что в пределах каждой отдельной подгруппы мы имеем дело с довольно однородным составом хозяйств. Средний доход по каждой из этих подгрупп типичен, стало быть, не только для всей подгруппы в целом, но и для подавляющего большинства составляющих ее отдельных хозяйств. И, стало быть, группировку отдельных хозяйств по их *индивидуальному* доходу мы без особо больших погрешностей можем заменить группировкой уже целых совокупностей этих хозяйств по среднему их доходу. При этом ввиду слишком большого диапазона колебаний в размере хозяйств по числу душ мы предпочитаем за мерку их состоятельности принимать средний доход на душу, а не на хозяйство [1].

Из имеющихся у нас данных Всеработземлеса мы установили, что средний месячный заработок батрака в крестьянских хозяйствах составлял в 1926 г., включая натуру, 16 руб. 80 коп., батрачки — 12 руб. 78 коп., в среднем — 14 руб. 80 коп. Средний доход батрацкой семьи из расчета на душу составит тогда, включая 20% приработков в своем хозяйстве, около 80 руб. в год. Индустриальный рабочий в 1926/27 г. зарабатывал на круг около 60 руб. в месяц. Дороговизна жизни рабочего в городах, по исчислениям ЦСУ, может быть принята в 1,35 от сельской нормы в условиях крестьянского быта. С этой поправкой на индекс дороговизны жизни заработок индустриального рабочего составит около 44,5 «сельских» рублей, т. е. реально раза в 3 выше заработка батрака и в 2,5 раза выше полного его дохода, включая приработки в своем хозяйстве (от огорода, самозаготовок топлива и т. п.).

Таким образом, мы должны бы установить для бедняков предельной нормой душевого дохода 80 руб. и для середняков — 200 руб. в год. Конечно, с ростом зарплаты в городе и деревне эти нормы тоже должны соответственно изменяться. Но для 1926/27 г. их можно считать вполне приемлемыми. Нужно только еще учесть применительно к налоговым данным средний масштаб недоучета в них душевого дохода. Тогда наши предельные нормы по *облагаемому* доходу понизятся в среднем в 2,2 раза, т. е. для бедняков придется принять за такую норму 36 руб. вместо 80 и для середняков — 90 руб. на душу в год. Конечно, эти нормы весьма приблизительны и условны. Их можно бы уточнять и дифференцировать в зависимости от района и других условий. Однако в порядке первого приближения мы считаем возможным использовать их и без дальнейших уточнений.

Применяя наши нормы к данным табл. 45, мы видим, что в группу бедняков попадают по РСФСР из беспосевных и малопосевных (с посевом до 1/4 десятины на душу) все подгруппы с числом голов крупного скота на двор не свыше четырех, при посеве от 1/4 до 1/2 десятины на душу — все хозяйства с 1 головой скота и при посеве от 1/2 до 3/4 десятины на душу — только хозяйства, вовсе лишенные скота. Выше этих норм начинаются середняки, а начиная с посевной группы от 2 десятин на душу и выше — зажиточные с преобладанием кулацких элементов. Разумеется, по другим республикам, да и в пределах РСФСР по разным районам, эти границы охватывают весьма различный состав подгрупп. Но если принять за общую мерку один и тот же денежный аршин среднего душевого дохода, то сводка этих мелких подгрупп в большие группы социального значения по любой республике или району не представит уже никаких затруднений.

[1] Еще лучше было бы принять за единицу измерения средний размер дохода на одного работника.

* * *

Проделав вышеуказанную перегруппировку данных Госналога по каждой республике, а в пределах РСФСР по каждому району в отдельности, мы получили такие сводные итоги по всему Союзу в целом (табл. 46).

Таблица 46

Расслоение деревни в 1926/27 г. по СССР*

Показатели	Бедняки	Середняки	Зажиточные	Итого
	2	3	4	5
1. Число хозяйств				
а) тыс.	8 380	14 901	919	24 200
б) % к итогу	34,6	61,6	3,8	100
2. Население				
а) млн. душ	36,65	80,19	3,98	120,82
б) % к итогу	30,3	66,4	3,3	100
в) в среднем на одно хозяйство	4,37	5,38	4,33	5,00
3. Посевная площадь				
а) млн. дес.	10,67	59,39	9,36	79,42
б) % к итогу	13,4	74,8	11,8	100
в) дес. на одно хозяйство	1,27	3,98	10,20	3,31
4. Крупный рогатый и рабочий скот				
а) млн. голов	11,04	38,09	3,99	53,12
б) % к итогу	20,8	71,7	7,5	100
в) на одно хозяйство	1,32	2,56	4,34	2,20
5. Облагаемый доход				
а) млн. руб.	918,25	4 168,91	485,02	5 572,18
б) % к итогу	16,5	74,8	8,7	100
в) руб. на двор	110	280	528	230
г) руб. на душу	25,10	52,02	122,00	46,10
6. Исчисленный налог				
а) тыс. руб.	27 265	275 965	69 890	373 120
б) % дохода	3,0	6,6	14,4	6,7
в) руб. на двор	3,25	18,51	76,08	15,36
7. Число хозяйств с промыслами				
а) тыс.	1 271	2 993	73	4 337
б) % к общему числу хозяйств	15,2	20,1	7,9	17,9
8. Доход от промыслов				
а) млн. руб.	67,21	154,20	6,00	227,41
б) % ко всему доходу	7,3	3,7	1,2	4,1

* Включая скотоводческие районы и хозяйства с доходом ниже облагаемого минимума.

Как и следовало ожидать, на долю середняцкой массы советской деревни падает около $^2/_3$ всего крестьянского населения. Вся эта масса живет беднее индустриального рабочего, но уровень ее все же выше батрацкого уровня жизни. Это самостоятельные производители, как и городские кустари и ремесленники. В своей основной массе они располагают только *трудовыми доходами*, т. е. не эксплуатируют чужого труда. Ниже уровня середняков живет у нас до 30% населения деревни, а выше — только около 3%.

Это последнее обстоятельство заслуживает особенного внимания. Несколько лет нас пугали возрастающим засилием кулака и требовали, чтобы мы в порядке «первоначального социалистического накопления» выка-

чивали миллиарды из этой верхушки и строили на этой основе социалистическую индустрию страны. А на поверку оказывается, что все это кулацкое «засилье» выражается более чем скромными цифрами. Из общей массы посева на долю этой верхушки падает всего 11,8%, по скоту еще меньше — всего 7,5%, а по населению — 3,3%.

Облагаемый доход этой группы составляет около 485 млн. руб., или 8,7% от общей его массы, а полный мы можем считать примерно в 2,2 раза выше, т. е. свыше 1 млрд. руб. в год. Цифра значительная. Но если принять из нее к учету только ту долю, которая превышает установленный нами предельный трудовой доход середняка (198 руб. на душу в год по полному доходу или 90 руб. по облагаемому), то вся масса *нетрудовых* доходов крестьянской верхушки составит всего около 271 млн. руб. в год, из которых мы уже изымаем только в порядке сельхозналога 70 млн. Однако, по данным 1925/26 г., мы знаем, что сельхозналог составлял не свыше 45% общего налогового бремени, падающего на верхушку деревни[1]. Стало быть, к 70 млн. руб. сельхозналога мы должны еще прибавить около 85 млн. руб. всяких иных налоговых изъятий. И тогда за вычетом из 271 млн. руб. нетрудового дохода 155 млн. руб. налоговых изъятий получим свободный остаток нетрудового дохода всего в 116 млн. руб., что дает менее 30 руб. такого дохода на душу зажиточной группы в год.

Конечно, весьма возможно, что при известном усовершенствовании наших весьма далеких от точности приемов налогового учета доходов этот остаток окажется несколько больше. И это нам позволит путем повышения налогового давления изъять еще десяток-другой миллионов из нетрудовых доходов этой группы. Но совершенно ясно, что даже при полном раскулачивании данной группы мы отнюдь не смогли бы добыть из *этого* источника необходимые нам миллиарды.

Доля учтенного здесь дохода от промыслов, выраженная в процентах от всего облагаемого дохода, как и следовало ожидать, падает с возрастанием состоятельности группы. Но недоучет по этой статье доходов деревни особенно велик. По расчетам контрольных цифр Госплана на 1927/28 г. основанным на бюджетных материалах, доходы деревни от неземледельческих занятий достигали в 1926/27 г. 2252 млн. руб., а по сельхозналогу из них учтено всего 227 млн.руб., т. е. едва десятая часть. Поэтому данные Госналога в этой части малопоказательны. Столь же не показательны и проценты числа хозяйств, занятых «промыслами» по каждой социальной группе. Вследствие изъятия от обложения батрацких заработков, наиболее частых в бедняцкой группе, общее число хозяйств, имеющих приработки по этой группе, конечно, значительно больше учтенного в данной таблице.

Очень показательно среднее число душ на двор в разных группах. В вышеприведенной группировке по скоту (табл. 43) оно все время возрастало параллельно с возрастанием числа голов скота. Такие группировки, несомненно, питают собою довольно распространенные народнические иллюзии о том, что чуть ли не вся наблюдаемая нами дифференциация деревни является лишь прямой функцией различного числа ртов и рабочих рук в разных хозяйствах, т. е. определяется факторами естественно-физиологическими, а не социальными. «Хозяйственный мужичок» крепок, мол, потому, что он держится хороших патриархальных традиций и воздерживается от разделов, а не потому, что он эксплуатирует чужой труд. Тем более интересна наша группировка по состоятельности, которая явно противоречит этим слащавым иллюзиям. Оказывается, что оплотом

---

[1] В группе, нанимающей сроковых рабочих, общий итог налогов на душу составлял за 1925/26 г. 16 руб. 74 коп., в том числе сельхозналог 7 руб. 51 коп. («Доклад Комиссии СНК СССР по изучению тяжести обложения отдельных социальных групп населения СССР в 1924—25 и 1925—26 гг.». М., 1927, стр. 45—47).

семейной патриархальности, поскольку она сказывается в противодействии дроблению семьи, является середняцкая основа деревни, а не кулацкая ее верхушка.

Это вполне гармонирует с тем полунатуральным типом хозяйства, который, как показывают нам крестьянские бюджеты, сохранился в наибольшей неприкосновенности как раз в середняцкой массе деревни. Но с ростом товарности и промысловости крестьянских хозяйств рушится и та база, на которой держались старые патриархальные традиции. Естественным главой семьи становится не тот, кто старше, а тот, кто больше «промышляет» и является фактическим кормильцем семьи. Идеи коммерческого расчета все чаще разрушают узы кровного родства. От середняцкого материка деревни постепенно отслаиваются, с одной стороны, предпринимательские, с другой — пролетарские прослойки. Причем и те и другие в равной мере отходят и от своей прежней экономической базы натурального хозяйства, и от авторитарной надстройки над ней — семейно-патриархального быта.

Семейный состав зажиточной семьи, по нашей таблице, значительно ниже середняцкой, а между тем и по скоту, и по посеву, и по общему благосостоянию эта социальная группа в 2—3 раза богаче середняцкой. Очевидно, стало быть, что эту разницу никак уж нельзя отнести за счет одних лишь *семейных* добродетелей сравниваемых групп.

Превосходство предложенной нами группировки по состоятельности в сравнении с группировкой по скоту в указанном отношении достаточно осязательно. Но еще нагляднее оно сказывается в другом. Сравнивая *степень* расслоения деревни в обеих группировках, мы без труда заметим, что группировка по скоту очень существенно смазывает, затушевывает и умаляет изучаемое явление расслоения. В самом деле, хотя по скоту у нас дано шесть групп, а по состоятельности только три, но отношение верхней группы к самой низкой по душевому доходу в группировке по скоту достигает всего 2,16 : 1, в то время как в группировке по состоятельности оно составляет 4,85 : 1, т. е. в 2,2 раза выше.

Приведенное сопоставление не может еще, однако, служить достаточно точной мерой расслоения для той или другой группировки. Надежным показателем расслоения будет только такой коэффициент, в котором учитывается не только расхождение в состоятельности различных групп, но и удельный вес каждой группы. Мы предложили бы в качестве такого показателя средневзвешенное *отклонение* душевого дохода каждого хозяйства (или каждой группы хозяйств) от средней нормы этого дохода по всей массе изучаемых хозяйств [1].

В применении к группировке по скоту, в табл. 43, где средняя норма душевого дохода по всем шести группам равна 47,2 рубля, средневзвешенное отклонение от этой нормы по всем группам исчисляется в 7 руб. 55 коп., или 16%. А для нашей группировки по состоятельности (см. табл. 37) средний коэффициент расслоения, исчисленный тем же методом, равен 27,7%, т. е. несравненно выше. Но, конечно, и эта последняя цифра, несомненно, еще заметно увеличилась бы, если бы при исчислениях коэффициента расслоения мы исходили из данных о каждом хозяйстве в отдельности, а не из очень суммарной групповой их сводки, приведенной в таблице.

---

[1] Если среднюю норму душевого дохода для всех изучаемых хозяйств обозначить буквой d, арифметическое значение разности между d и средним доходом каждой группы, независимо от знака этой разности, назовем r_1, r_2, r_3 и т. д., а удельный вес этих групп в общем итоге обследованного населения выразим буквами n_1, n_2, n_3 и т. д., то общий коэффициент расслоения R получится по формуле:

$$R = \frac{(n_1r_1 + n_2r_2 + n_3r_3 + \ldots)\,100}{(n_1 + n_2 + n_3 + \ldots)\,d}.$$

Впрочем, если коэффициент расслоения деревни, исчисленный нами по данным табл. 47, и не может претендовать на большую точность, то в качестве относительной мерки для сопоставления различных степеней расслоения деревни по различным республикам и районам при одном и том же методе его исчисления для всех районов он вполне пригоден.

Было бы еще интереснее использовать этот коэффициент для изучения динамики *расслоения* за ряд лет. Но за отсутствием нужного для этой цели цифрового материала обратимся к изучению изменений в дифференциации советской деревни в географическом разрезе (табл. 47).

Таблица 47

Показатели расслоения деревни по отдельным республикам за 1926/27 г.

Республики	Население				Облагаемый доход, руб. на душу				Коэффициент расслоения по душевому доходу
	всего, тыс.	% к итогу							
		бедняки	середняки	зажиточные	бедняки	середняки	зажиточные	в среднем	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1. УССР	24 062	21,0	73,6	5,4	26,36	56,10	117,00	53,27	21,0
2. БССР	4 234	46,4	52,5	1,1	29,97	50,82	128,21	42,03	26,6
3. РСФСР	84 228	30,4	66,6	3,0	25,30	50,80	124,75	45,30	26,8
4. УзбССР	3 100	37,9	60,7	1,4	21,20	51,55	100,00	40,70	36,3
5. ТуркмССР	702	38,2	59,8	2,0	23,70	54,40	143,00	42,30	38,6
6. ЗСФСР	4 502	57,7	40,8	1,5	18,05	47,25	97,38	31,11	48,6
Итого по СССР	120 828	30,3	66,4	3,3	25,10	52,02	122,00	46,10	27,7
в том числе:									
по земледельческим районам	117 875	29,1	67,6	3,3	25,45	52,03	121,25	46,50	26,5
по скотоводческим районам	2 953	80,0	17,3	2,7	19,34	51,10	144,80	28,40	50,5

Если судить по средней состоятельности крестьянства, то на первом месте окажется Украина с душевым облагаемым доходом 53 руб. 27 коп., за ней следуют РСФСР. Туркм ССР, БССР, УзбССР и на последнем месте стоит ЗСФСР, где в 1926/27 г. свыше 52% крестьянского населения пришлось вовсе освободить от сельхозналога, так как их доход лежал ниже облагаемого минимума. Трудно сказать, в какой мере такой рекордный процент бедноты в Закавказье объясняется специфическими условиями учета доходности в этой республике и в какой — общими условиями местной экономики. Во всяком случае ниже Закавказья уровень доходности мы находим лишь в немногих чисто скотоводческих областях РСФСР, Узбекистана и Туркменистана, выделенных по способу взимания налога в особый район.

Высокое благосостояние Украины сказывается и в том, что в ее пределах мы находим максимальный процент середняков (73,6%) и зажиточных (5,4%) при минимальном проценте бедноты (21,0%). Минимум середняков (17,3%) мы находим в районах полукочевого скотоводства, минимум кулаков — в Белоруссии; максимум бедноты падает на Закавказье (57,7%) и скотоводческие районы (80%).

Общий коэффициент расслоения, измеряемый, как выше было указано, по среднему масштабу отклонений доходности различных групп от средней нормы доходности в данном районе или республике, дает наименьшую

величину по УССР (21%), наибольшую — по Закавказью (48,6%) и скотоводческим районам (50,5%). Наименьший коэффициент расслоения дают, конечно, те районы, где всего выше удельный вес середняцкой группы. С возрастанием числа бедняков и зажиточных, наоборот, возрастают и коэффициенты расслоения. Но бедняки по всем республикам гораздо многочисленнее зажиточных, а потому возрастание расслоения означает (при прочих равных условиях) прежде всего высокий процент бедняков и, стало быть, пониженный общий уровень благосостояния крестьянства в данной республике.

Переходя к данным о нормах обеспеченности скотом и посевами разных социальных групп в тех же республиках, получаем такую картину (табл. 48).

Таблица 48

Обеспеченность посевом и крупным рогатым скотом по отдельным республикам за 1926/27 г. в среднем на одно хозяйство

Республики	Посевная площадь, дес.				Крупный рогатый и рабочий скот			
	бедняки	середняки	зажиточные	в среднем	бедняки	середняки	зажиточные	в среднем
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1. УССР	1,47	3,87	6,86	3,58	0,64	1,71	2,52	1,54
2. РСФСР	1,31	4,21	12,93	3,43	1,39	2,77	5,46	2,35
3. БССР	1,83	3,78	6,32	2,69	2,26	3,41	3,02	2,88
4. УзбССР	0,49	2,35	7,51	1,56	0,86	2,42	4,35	1,73
5. ТуркмССР	0,58	2,00	2,41	1,40	1,65	2,96	19,47	2,72
6. ЗСФСР	0,83	1,77	2,34	1,16	1,47	4,04	8,54	2,63
Итого по СССР	1,27	3,98	10,20	3,31	1,32	2,56	4,34	2,20
В том числе:								
по земледельческим районам	1,32	4,01	10,31	3,37	1,17	2,50	3,96	2,12
по скотоводческим районам	0,41	0,66	0,74	0,49	3,47	11,10	31,30	5,12

Как видим, для разных республик эти нормы чрезвычайно резко колеблются. В то время как в Закавказье средняя норма посева зажиточной группы составляет 2,34 десятины на двор, на Украине эта норма повышается до 6,86 десятины, т. е. в 2,9 раза. Зато на Украине скота на зажиточный двор приходится только 2,52 головы, а в Закавказье — 8,54, т. е. в 3 раза больше, чем на Украине. В одном месте, стало быть, хозяйственная мощь крестьянина определяется одним признаком, в другом — другим. Это еще раз свидетельствует о том, сколь малопригоден каждый из этих натуральных признаков, взятый в отдельности, для изучения социального расслоения деревни.

В скотоводческих районах посевная площадь, разумеется, и вовсе не играет сколько-нибудь существенной роли в определении состоятельности данной группы хозяйств. Но зато здесь обнаруживается весьма резкое расслоение по числу голов скота. В зажиточной группе в среднем на каждый двор приходится здесь свыше 31 головы крупного скота, не говоря уже о мелком. Более дробная группировка показывает, однако, что сюда

входят и такие хозяйства, которые насчитывают свыше 280 голов скота (в переводе на крупный) и «облагаемый» доход которых исчисляется в сумме до 4 тыс. руб. на двор. Это бросает некоторый свет на вопрос о том, почему в скотоводческих районах так велик исчисленный нами коэффициент расслоения.

В земледельческих районах Октябрьская революция произвела, как известно, «черный передел» всей земли, а в скотоводческих районах такого генерального поравнения *по скоту*, конечно, не могло быть. В них, стало быть, мы и в 1927 г. еще наблюдали ту высокую степень расслоения и разорения, какая выросла из прежних, дореволюционных условий частнокапиталистического хозяйства. В земледельческих же районах мы наблюдаем гораздо большую уравнительность, созданную самой революцией.

Республиканские итоги, однако, слишком общи для изучения порайонной дифференциации деревни. Во всяком случае такая большая республика, как РСФСР, нуждается в дальнейшем порайонном расчленении. Пользуясь материалами Госналога, мы можем предложить здесь прежде всего следующую таблицу (табл. 49).

Таблица 49

Показатели расслоения деревни по районам РСФСР за 1926/27 г.

Районы	Население: всего, тыс. душ.	Население, % к итогу: бедняки	Население, % к итогу: середняки	Население, % к итогу: зажиточные	Облагаемый доход на душу, руб.: бедняки	Облагаемый доход на душу, руб.: середняки	Облагаемый доход на душу, руб.: зажиточные	Облагаемый доход на душу, руб.: в среднем	Коэффициент расслоения по душевому доходу
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
А. Земледельческие районы									
1. Северный	1 601	9,1	90,4	0,4	27,30	49,78	100,20	47,94	7,8
2. Московско-промышленный	11 166	11,8	87,7	0,5	30,45	51,20	116,60	49,00	9,1
3. Крайний Север	741	17,0	82,8	0,2	27,96	41,30	109,60	39,10	9,8
4. Западный	3 975	15,7	83,3	1,0	30,83	50,78	117,00	48,25	12,5
5. Северо-Западный	4 261	21,6	77,8	0,6	30,80	47,28	113,60	43,88	13,4
6. Рязано-Тульский	4 048	22,4	77,3	0,3	31,62	47,65	130,70	44,32	13,6
7. Цнтрально-земледел.	12 583	26,8	72,9	0,3	29,55	45,42	115,20	41,42	15,3
8. Волжско-Камский	6 587	28,0	71,3	0,7	28,38	47,36	104,80	42,52	18,4
9. Низовье Волги	300	52,4	46,6	1,0	28,60	46,10	129,50	37,82	25,4
10. Уральская область	5 568	24,5	68,2	7,3	22,68	54,75	110,60	50,95	27,2
11. Волжский	7 644	42,1	55,4	2,5	25,71	51,24	117,90	42,22	32,8
12. Бурятская АССР	274	43,4	54,1	2,5	25,12	53,00	111,40	42,35	35,3
13. Башкиро-Оренбург	2 985	41,0	54,8	4,2	24,52	52,70	122,60	43,96	36,6
14. Сибирь	7 207	42,2	54,2	3,6	23,70	56,40	125,50	45,20	39,9
15. Дальневосточный край	1 252	42,8	53,5	3,7	22,61	54,18	121,10	43,10	40,2
16. Северный Кавказ	6 879	33,4	53,8	12,8	20,15	60,95	127,75	55,85	42,7
17. Казахско-Киргизский	3 953	51,3	44,0	4,7	22,23	56,20	130,00	42,46	48,2
18. Крымская АССР	364	22,0	47,0	31,0	29,40	54,85	170,25	84,25	62,3
Итого	81 388	28,6	68,4	3,0	25,92	50,91	124,10	45,78	25,2
Б. Скотоводческие районы	2 840	80,4	16,9	2,7	19,20	51,11	142,20	27,93	50,2
Всего по РСФСР	87 228	30,4	66,6	3,0	25,30	50,80	124,75	45,30	26,8

В приведенной таблице районы расположены в порядке возрастающих показателей расслоения. Причем на первом месте оказался Северный район, а на последнем — Крым. Вместе с тем нетрудно заметить, что вместе с Севером наименьшее расслоение отмечается в Западном и Северо-Западном районах, в то время как возрастающие показатели расслоения распространяются не только к югу России, но и к востоку и на юго-восток. Говоря иначе, расслоение деревни возрастает в направлении от потребляющих к производящим хлеб районам. Весьма вероятно, что это объясняется более высокой *товарностью* этих последних. Во всяком случае для таких районов, как Северный Кавказ, это объяснение более чем правдоподобно. Но для ряда национальных автономных республик, тоже отмеченных показателями повышенного расслоения, это объяснение нуждается еще в дополнительной проверке.

Северный Кавказ довольно резко выделяется в ряду других районов своим высоким процентом зажиточных хозяйств (12,8%). Выше его в этом отношении стоит только Крым с 31% зажиточных. Здесь зажиточная группа даже превосходит по своему удельному весу группу бедняцкую. И это наряду со всеми остальными районами, где высокая степень расслоения достигается главным образом за счет высокого процента бедноты, создает здесь совсем особый и притом весьма своеобразный тип расслоения.

Само собою разумеется, что в советских условиях, где организованный пролетариат, опираясь на деревенскую бедноту и вступая в прочный союз с середняком, стремится тем самым изолировать и обезвредить социально опасную для него кулацкую верхушку, такие районы, где эта верхушка получает особенно пышное развитие, заслуживают особого внимания, пристального наблюдения и изучения с нашей стороны.

Одних налоговых данных для этого, разумеется, совершенно недостаточно. Массовые данные Госналога выполняют свое назначение, давая нам только самое общее освещение проблемы расслоения в порайонном масштабе и вскрывая наиболее опасные для нас его очаги. Для более же углубленного, монографического изучения причин и результатов расслоения в том или ином районе могут быть использованы лишь материалы бюджетных обследований.

Налоговые данные позволяют нам сопоставить между собою в порайонном масштабе лишь нормы обеспеченности разных социальных групп скотом и посевами (табл. 50).

В приведенной *табл.* мы расположили районы в порядке убывающей обеспеченности их посевами из расчета на одно хозяйство. И очень любопытно, что на первом месте в этом списке оказались как раз Крым и Северный Кавказ, т. е. те районы, где особенно сильны кулацкие группы крестьянства при высоких нормах общего расслоения. Зато на последних местах нашего списка, т. е. среди наименее обеспеченных посевами районов, оказались все те районы, какие отличаются у нас наименьшей расслоенностью и наиболее высоким процентом середняков. Характерно при этом, что на Севере в зажиточную группу попадают хозяйства с посевом всего в 2—3 десятины на двор и даже меньше, тогда как на Юге для этого требуется 15—17 десятин на одно хозяйство. Конечно, многопосевные хозяйства являются в то же время и наиболее товарными. В их среде легче всего, стало быть, ожидать развития и товарно-капиталистических отношений, т. е. выделения кулацких элементов на одном полюсе, пролетарских и полупролетарских — на другом. Но такого рода теоретические соображения отнюдь еще не раскрывают перед нами всех тех конкретных путей, по каким у нас шло расслоение деревни, и тех скрытых пружин, которыми оно приводилось в действие в разных республиках и районах.

Наша настоящая работа не претендует на такое углубленное исследование проблемы расслоения. Мы даем лишь известный методологический подход к ее разрешению. Предложенный нами метод группировки, конеч-

Таблица 50

Обеспеченность посевом и крупным скотом по отдельным районам РСФСР за 1926/27 г. на одно хозяйство

Районы	Посевная площадь, дес.				Крупный рогатый и рабочий скот			
	бедняки	середняки	зажиточные	в среднем	бедняки	середняки	зажиточные	в среднем
1	2	3	4	5	6	7	8	9
А. Земледельческие районы								
1. Крым	0,73	3,72	16,35	6,75	0,42	2,39	4,93	2,75
2. Сев.-Кавказский	1,14	6,16	15,85	5,40	1,31	3,11	4,89	2,66
3. Волжский	2,25	6,04	18,15	4,65	1,24	2,27	5,48	2,03
4. Башкиро-Оренбург.	1,74	5,59	13,04	4,18	1,41	3,11	5,80	2,59
5. Сибирский	1,58	5,70	13,10	4,15	2,43	4,66	5,86	4,20
6. Волжско-Камский	2,17	4,05	7,21	4,05	0,90	2,20	1,83	1,79
7. Дальневосточный	1,38	5,21	16,37	3,80	1,62	5,16	5,03	3,98
8. Центр.-земледел.	1,93	4,46	9,01	3,68	0,64	1,69	2,32	1,48
9. Уральский	0,65	3,91	9,88	3,44	1,12	3,14	4,75	3,06
10. Рязано-Тульский	1,56	4,02	5,61	3,33	0,55	1,78	1,15	1,38
11. Казахский	1,19	4,78	13,60	3,31	2,26	4,74	6,70	3,87
12. Бурятская АССР	1,43	4,05	7,86	2,94	2,55	5,62	7,73	4,78
13. Западный	0,84	2,81	6,14	2,50	1,18	2,47	2,88	2,25
14. Московско-промышленный	0,67	2,33	5,34	2,19	0,49	2,10	2,37	1,77
15. Северо-Западный	1,18	1,89	5,98	1,83	2,10	2,42	3,64	2,58
16. Северный	0,59	1,92	3,20	1,76	0,57	2,90	2,72	2,59
17. Низовье Волги	0,57	2,67	17,15	1,59	1,10	5,65	9,43	4,36
18. Крайний Север	0,37	0,85	1,98	0,73	0,75	2,93	3,23	2,20
Итого	1,32	4,24	13,20	3,54	1,19	2,70	4,87	2,24
Б. Скотоводческие хозяйства	0,45	0,67	0,75	0,49	3,51	11,40	35,99	5,13
Итого по РСФСР	1,31	4,21	12,93	3,43	1,39	2,78	5,46	2,35

но, подлежит дальнейшей разработке и уточнению. Но он, несомненно, может дать весьма плодотворные результаты. Приведенные выше конкретные показатели расслоения для разных районов, может быть, и недостаточны. Ввиду дефектов основного материала по учету доходности отдельных групп крестьянства мы придаем всем нашим цифровым показателям лишь иллюстративное значение. Данные налоговых списков подлежат еще проверке материалами бюджетных обследований. Лишь при достаточно хорошо продуманном *комбинированном* использовании налоговых списков и бюджетных данных, проверяя точность первых последними, мы сможем дать достаточно точную и достоверную географию и динамику расслоения советской деревни.

Это нелегкая задача, но она стоит труда. Лишь при наличии ясной картины того, в какую сторону и какими темпами изменяется расслоение

деревни в условиях планового воздействия на ее экономику, мы сможем не только рационально намечать самый план такого воздействия, но и с уверенностью судить о его результатах.

в) Итоги 1927/28 г.[1]

Процессам расслоения советской деревни за последние годы уделялось немало внимания в нашей литературе. Но все же даже основной вопрос о критерии, по которому следует отличать кулака от середняка и середняка от бедняка, не получил еще достаточно авторитетного разрешения. Большого внимания заслуживают последние работы ЦСУ, где авторы пытаются расчленить советскую деревню на социально-классовые группировки по размеру средств производства отдельных хозяйств в комбинации с признаком найма или отпуска внаем рабочей силы и некоторыми другими Это, несомненно, довольно сложный, но многообещающий путь. Однако возможны и другие пути. И, в частности, мною еще год тому назад была выдвинута на обсуждение в качестве метода изучения социальной структуры деревни идея *подоходной* группировки хозяйств.

На мой взгляд, общий размер дохода на хозяйство среднего размера, а еще лучше на работника или на душу населения в этом хозяйстве является таким обобщающим показателем, в котором суммируются все основные элементы производства и который поэтому может с успехом заменить собою целую комбинацию хозяйственных признаков. К числу достоинств этого метода можно отнести его сравнительную элементарность, к числу недостатков — невозможность установить для каждого хозяйства в отдельности непосредственную связь между размером его дохода и классовой характеристикой. Несомненно, что в отдельных случаях эксплуатируемый батрак по размерам своего дохода может превзойти простого товаропроизводителя, а этот последний при благоприятных условиях урожая или близости к рынку может получить более высокий доход, чем эксплуатирующий постоянно наемный труд кулак-предприниматель. Именно поэтому мы вынуждены довольствоваться в своих расчленениях лишь такими общими социальными характеристиками, как бедняцкая, середняцкая и зажиточная группы деревни, в то время как хотелось бы эту деревню расчленить гораздо точнее на пролетариат и сельскую буржуазию, с выделением особо групп обобществленного и простого товарного секторов и т. д. Однако и принятый нами критерий если не в отношении к каждому отдельному хозяйству, то в общем для целых статистических совокупностей таких хозяйств дает неплохие результаты. Во всяком случае полученные нами до сих пор выводы о социальной структуре деревни отнюдь не противоречат известным нам работам других исследователей.

В самом деле, по данным Госналога за 1926/27 г., зажиточная группа по нашему методу определилась в 3,3% от всего земледельческого населения СССР, середняцкая — в 66,4% и бедняцкая с включением сюда и батраков — в 30,3%. Комиссия СНК Союза по тяжести обложения, пользуясь совершенно иными источниками и другими методами, определила за тот же год «предпринимательскую» группу деревни в 3,9% к самостоятельному и в 5,2% ко всему сельскохозяйственному населению СССР, середняцкую — в 62,7% от самодеятельного и 71,9% от всего населения и бедняцкую, включая сельский пролетариат, соответственно в 33,4% и 22,9%. По другим расчетам ЦСУ для того же года, верхняя группа «мелкокапиталистических товаропроизводителей» достигла 5,1%, средняя («простые товаропроизводители») — 70,6 и низшая («пролетариат и полупролетариат») — 23,7% общего итога сельскохозяйственного населения[2].

[1] «Плановое хозяйство», 1928, № 3.

[2] «Тяжесть обложения в СССР». М., 1929, стр. 74, 76 и 124; «Расслоение советской деревни».— «Плановое хозяйство», 1928, № 3, стр. 34—62.

Если учесть, что последние два расчета строились на довольно узкой базе выборочных исследований, а материал Госналога — на сплошной переписи по всему Союзу, что уже само по себе исключает возможность полного совпадения выводов, то определившуюся в этих процентах структуру деревни придется признать по всем расчетам весьма схожей, если не тождественной. И с этой точки зрения наш метод способен, по-видимому, дать вполне удовлетворительные результаты.

Гораздо хуже обстоит дело с тем статистическим материалом, которым приходится пользоваться для подоходной группировки. Данные налоговых сводок по единому сельхозналогу для этой цели могут быть использованы без особого риска только начиная с кампании 1927/28 г. Правда, мы пытались до известной степени использовать для подоходной группировки и данные 1926/27 г. Но для этого пришлось сделать довольно большие и сложные пересчеты с перемещением «сказуемого» основных налоговых таблиц в «подлежащее», так как в основу группировки хозяйств 1926/27 г. был положен не доход, а посевная площадь и число голов крупного скота. Данные 1927/28 г. сгруппированы, наоборот, по доходу, а посевы и скот перенесены из подлежащего в сказуемое. Уже это делает группировки названных лет почти несравнимыми. К этому еще надо добавить, что группировка 1926/27 г. была сплошная по всем хозяйствам, а за 1927/28 г. —

Таблица 51

Итоги сплошного учета по СССР за 1927/28 г. (без Якутской АССР)

Типы хозяйств и республики	Число хозяйств, тыс.	Население, млн. душ	Посев, тыс. га	Облагаемый скот, тыс. голов	Доход, млн. руб.			Исчисленный налог, тыс. руб.
					облагаемый	учтенный		
						весь	в том числе от промыслов	
1	2	3	4	5	6	7	8	9
I. Единоличные хозяйства:								
1. РСФСР	16 896	86,30	65 135	36 750	3 905	4 926	1 258	247 652
2. УССР	5 066	24,61	21 373	7 114	1 293	1 463	208	94 892
3. БССР	793	4,25	2 455	2 074	191	210	26	10 809
4. ЗСФСР	913	4,62	1 250	2 466	154	173	28	8 008
5. УзбССР	989	4,30	1 761	2 042	184	192	14	14 660
6. ТуркмССР	171	0,77	270	477	32	33	2	2 690
Итого по СССР	24828	12485	92 244	50 923	5 759	6 997	1 536	378 705
В том числе скотоводческие хозяйства*	(587)	(2,84)	(306)	(2 870)	(84)	(88)	(6,2)	(4 920)
II. Коллективные хозяйства	13,7	0,65	705	145	38	40	2,6	2 228
III. Совхозы	10,1	—	1 178	184	72	72	0,2	4 768
Всего (I — III)								
Итоги 1927/28 г.	24 852	125,5	94 127	51 252	5 869	7 109	1 544	385 701
То же за 1926/27 г.	24 223	121,5	88 713	53 498	5 683	—	—	381 560

*Распространенные данные.

выборочная (она охватила 19,7% общего числа хозяйств). Если к этому еще добавить, что изменились нормы оценки дохода, изменен возраст скота, подлежащего обложению, и целый ряд других моментов, то возможность сравнения данных за два указанных года станет еще проблематичнее. В связи с новыми изменениями закона о сельхозналоге и программы разработки налоговых данных за 1927/28 г. рассчитывать на полную их сравнимость с данными предшествующих лет тоже не приходится. Таким образом, возможность наиболее интересных для нас динамических сопоставлений социальной структуры деревни за ряд лет становится весьма сомнительной.

Тем не менее данные 1927/28 г. представляют вполне самостоятельный интерес для освещения социальной структуры деревни и пройти мимо них исследователю этой проблемы едва ли возможно.

Общие итоги налоговых сводок по единому сельхозналогу за 1927/28 г. по сравнению с предыдущим годом представляются в следующем виде (табл. 51).

В приведенные итоги не вошло некоторое количество так называемых бездоходных единоличных хозяйств (за 1927/28 г. 388 тыс. хозяйств с 1193 тыс. едоков), а также мелких общественных хозяйств, принадлежащих разным организациям (за 1927/28 г. до 45 тыс. хозяйств, 255 тыс. га посева и 13,2 млн. руб. облагаемого дохода), едва ли полон учет колхозов, не вошла Якутская АССР, не полностью учтены скотоводческие кочевые хозяйства (в особенности их мало за 1927/28 г.), преуменьшено для 1927/28 г. число голов крупного скота за повышением на один год возраста скота, подлежащего обложению, что должно было отразиться и на учете облагаемого дохода 1927/28 г. по сравнению с предыдущим[1]. Но все же в общем мы имеем здесь весьма полный учет типа сплошной переписи.

Наиболее условны в этом учете нормативно исчисленные суммы доходности обложенных хозяйств. Основанный на средних за несколько лет нормах урожайности и ценах, этот учет прежде всего отнюдь не отражает реальной доходности данного года; затем он крайне осторожно, т. е. с заведомым преуменьшением, определяет и средний уровень доходности каждого хозяйства.

Какое влияние на исчисление этой доходности оказывают разные нормы и методы расчета, можно усмотреть из следующего сопоставления (табл. 52).

Прирост населения, показанный в этой таблице, несомненно, преувеличен за счет неточного учета едоков в Средней Азии, где число едоков не принимается в расчет при начислении налога. Так, например, по УзбССР за 1926/27 г. учтено всего 3100 тыс. душ, а за 1927/28 г. их вследствие улучшения учета насчитано там уже 4302 тыс., т. е. на 39% больше. Разумеется, действительного прироста в таких размерах быть не могло. Нормальный прирост может быть не свыше 2,3%. Значит, недоучет едоков за 1926/27 г. по этой республике надо оценивать не менее 1100 тыс. В этом случае общий прирост земледельческого населения по всему Союзу составит не более 2,8 млн. на 122 млн., т. е. как раз 2,3%.

Прирост доходов от сельского хозяйства несколько обгоняет этот прирост населения. Что же касается доходов от промыслов, то по исчислениям НКФ они растут совершенно несообразно с ростом населения. И это служит лучшим доказательством дефектности учета, в особенности за 1926/27 г., когда эти доходы стали учитываться впервые. По расчетам Госплана СССР, основанным на бюджетных данных, доход от промыслов крестьянского населения (отхожих и местных) достигал в 1926/27 г.

[1] Лишь население в приведенной табл. 51, несомненно, сильно преувеличено в целях облегчения налога (так называемое приписное население, а не наличное).

Таблица 52

Доходы земледельческого населения СССР
(в млн. червонных руб.)

Категория дохода и источники	1926/27 г.	1927/28 г.	Прирост	
			абс.	%
1	2	3	4	5
I. Население, млн. душ	120,9	124,8	3,9	3,2
II. Доходы населения:				
1. Облагаемый (индивидуальные хозяйства)				
а) от сельского хозяйства	5 263,1	5 460,4	197,3	3,7
б) от промыслов	225,5	298,8	73,3	32,5
Итого по налоговым данным	5 488,6	5 759,2	270,6	4,9
2. Условно чистый (по средним за ряд лет нормам):				
а) от сельского хозяйства	8 097,5	8 384,2	286,7	3,5
б) от промыслов	826,1	1 535,9	709,9	86,0
Итого по исчислениям НКФ	8 923,6	9 920,1	996,6	11,2
3. Условно чистый (по ценам и нормам данного года):				
а) от сельского хозяйства	9 250,9	9 716,4	465,5	5,0
б) от промыслов	826,1	1 535,9	709,9	86,0
Итого по исчислениям НКФ	10 077,0	11 252,3	175,4	11,7
То же на душу населения, руб.	83,5	90,0	6,5	7,8
4. Доход земледельческого населения СССР по Контрольным цифрам Госплана по всем секторам *	12 757	13 333	576	4,5

* «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1928/29 год», стр. 438; для частного сектора эти итоги следует понизить примерно на 2,7 и 3,4%.

2798 млн. и в 1927/28 г. 3068 млн. руб., т. е. раза в 2 выше максимальной цифры по учету Госналога [1].

Правда, В. Дьяченко, посвятивший целую статью освещению методов учета доходности населения налоговыми органами НКФ, думает, что расчеты Госплана в этом отношении «заведомо преувеличены» [2]. Однако это утверждение *отнюдь* им не доказано. А между тем специальная комиссия по тяжести обложения, использовавшая для своей работы все материалы ЦСУ и НКФ, определила размер промысловых доходов сельскохозяйственного населения за 1926/27 и 1927/28 гг. в сумме свыше 5 млрд. руб., т. е. раза в 3 выше «утвержденной» для 1927/28 г. суммы этих доходов по Госналогу, а общая сумма условно чистого дохода земледельческого населения за 1926/27 г. определена там в 12 756 млн. червонных руб. вместо тех 10 077 млн. руб., которые получились у т. Дьяченко, т. е. на 27% выше [3].

[1] «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1928/29 год». М., 1929, стр. 449.
[2] «Сельское хозяйство Союза ССР в 1926—27 году». М., 1928, стр. CX.
[3] «Тяжесть обложения в СССР», стр. 78 и 82.

Исходя из этих данных, мы считаем итоги «облагаемого» дохода преуменьшенными по крайней мере в 2,2 раза. Это соотношение получилось у нас для 1926/27 г. и подтвердилось данными следующего года. Однако поскольку мера этого преуменьшения известна, и притом, судя по соотношению между облагаемым и всей суммой учтенного Госналогом дохода за 1927/28 г., эта мера преуменьшения почти одинакова для бедняков, середняков и зажиточных, то и «облагаемый» доход является достаточно показательной мерой относительной состоятельности различных социальных групп.

К бедняцким группам мы относим все хозяйства с доходностью не выше среднего уровня жизни сельского батрака, т. е. с доходом рублей 80 на душу, по данным 1926/27 г. Для середняка в качестве верхней границы мы повышаем батрацкую норму в 2,5 раза, что соответствует примерно уровню жизни индустриального городского рабочего. Крестьянские хозяйства с доходом выше этого уровня мы относим уже к категории зажиточных.

Разумеется, в условиях растущей зарплаты эти моменты не остаются неподвижными. В частности, зарплата за 1927/28 г. и в городе, и в деревне выросла, по нашим расчетам, процентов на 10. Таким образом, для 1927/28 г. наши лимиты с 80 до 200 руб. поднимаются до 88 и 220 руб., а в применении к «облагаемому» доходу их следует еще разделить на 2,2 и тогда получаем верхний лимит для бедняков по облагаемому доходу 1927/28 г. 40 руб. и для середняков 100 руб. на душу. В основных таблицах Госналога за 1927/28 г. группировка по доходу на едока предусматривает такие интервалы. И, стало быть, расчленение всей массы хозяйств на три группы, по вышеуказанному признаку, не представляет никаких затруднений.

К сожалению, подоходная группировка на *едока* в материалах Госналога почему-то осуществлена только по четырем республикам из шести. По УзбССР и ТуркмССР мы располагаем группировкой доходов только на *хозяйство*, независимо от размеров семьи, и потому нижеследующая сводная таблица не включает названных среднеазиатских республик (табл. 53).

В приведенной таблице прежде всего может смутить резкое увеличение процента бедняцкой группы по сравнению с расчетами предшествующего года. В 1926/27 г. бедняки составляли, по нашему расчету, только 30% земледельческого населения СССР, а через год эта цифра достигает уже 45%, т. е. возрастает в 1,5 раза. Отчасти это можно было бы отнести за счет неполной сравнимости сопоставляемых за два года данных и методов их обработки. Но главная причина этого расхождения лежит, по-видимому, в другой области. Уровень батрацкой зарплаты, как уже было указано, вырос за 1927/28 г. примерно на 10%. А средний уровень доходности всего земледельческого населения за этот год по целому ряду конъюнктурных причин не обнаружил такого прироста. Вполне естественно, что в этих условиях, при повышении мерки бедняцкого уровня состоятельности, под нее попадает более широкий круг хозяйств.

Не мешает попутно отметить, что сельский пролетариат по своему уровню доходности стоит у нас выше значительной массы деревенской бедноты, именуемой обычно «полупролетариатом». Так, например, по данным исследования «Тяжесть обложения в СССР», средний доход «бедняцкой» группы, не включая сюда батраков, едва достигал за 1926/27 г. 78,6 руб. на душу, у батраков же он поднимался до 93,6 руб. и у середняков — до 113,3 руб. на душу. Таким образом, «полупролетариат» нашей деревни в среднем живет хуже полного, «стопроцентного» пролетариата. И это вполне понятно, ибо большая часть нашей «полупролетарской» бедноты лишена средств производства примерно в той же или почти в той же мере, как и средний батрак, но вдобавок к этому она не имеет еще и

достаточно работы по найму. Говоря иначе, такой «полупролетарий» очень часто отличается от *безработного* пролетария только тем, что он не записан на бирже труда, так как имеет клок земли и потому формально числится самостоятельным хозяином.

Известное повышение численности бедноты с повышением мерки бедняцкого уровня состоятельности вполне естественно. Но правдоподобно ль

Таблица 53

Расслоение деревни в 1927/28 г.

(распространенные итоги по СССР без УзбССР и ТуркмССР)

Группировка по облагаемому доходу на душу

Показатели	Бедняки — до 40 руб. на душу	Середняки* — от 40 руб. до 100 руб. на душу	Зажиточные— свыше 100 руб на душу	Итого
1	2	3	4	5
1. Число хозяйств:				
а) тыс.	10 179	11 879	1 119	23 177
б) % к итогу	43,9	51,3	4,8	100
2. Население:				
а) тыс. душ	53 372	60 155	4 186	117 713
б) % к итогу	45,3	51,1	3,6	100
в) среднем на одно хозяйство	5,24	5,06	3,74	5,80
3. Посевная площадь:				
а) тыс. *га*	24 324	56 320	9 771	90 415
б) % к итогу	26,6	61,7	10,7	100
в) *га* на одно хозяйство	2,39	4,74	8,73	3,09
4. Облагаемый рогатый и рабочий скот:				
а) тыс. голов	15 199	27 226	3 782	46 207
б) % к итогу	32,9	58,9	8,2	100
в) на одно хозяйство	1,49	2,29	3,38	1,99
5. Учтенный доход:				
а) млн. руб.	1 822	4 212	677	6 711
б) % к итогу	27,1	62,8	10,1	100
в) руб. на хозяйство	179,0	354,6	605,0	289,6
г) руб. на едока	34,14	70,02	161,73	57,02
6. В том числе от промыслов:				
а) млн. руб.	403,2	952,8	154,6	15 106
б) % ко всему доходу	22,1	22,6	22,8	22,5
7. Облагаемый доход:				
а) млн. руб.	1 486	3 434	569	5 489
б) % к итогу	27,1	62,5	10,4	100
в) руб. на хозяйство	146,0	289,1	508,5	236,8
г) руб. на едока	27,84	57,08	135,92	46,64
8. Исчисленный налог:				
а) тыс. руб.	39 155	233 228	85 317	357 770
б) % к учтенному доходу	2,15	5,54	12,60	5,33
в) % к облагаемому доходу	2,63	6,79	14,99	6,52
г) руб. на хозяйство	3,85	19,63	76,25	15,43
д) руб. на душу	0,74	3,87	20,39	—

* Исключая хозяйства скотоводческих районов.

столь значительное расширение круга бедноты — в 1,5 раза — при повышении уровня ее дохода только на 10%? Вот вопрос, требующий дополнительной проверки. Что бы сделать такую проверку, следовало бы или понизить на 10% соответствующий лимит бедноты для 1927/28 г., чего, к сожалению, не позволяют сделать наличные интервалы в подоходной группировке этого года, или повысить на 10% этот лимит в нашей искусственной группировке за 1926/27 г. Последний путь для нас легче осуществим. И вот что он нам дает.

В пределах земледельческих районов РСФСР за 1926/27 г. мы насчитали в 1926/27 г. из 15 965 тыс. общего числа хозяйств бедняцких дворов со средним доходом до 36 руб. на едока 4700 тыс., т. е. 29,6%. А когда мы этот лимит повысили теперь всего на 10% (до 40 руб.), то к числу бедняцких хозяйств пришлось прибавить еще 2485 тыс. хозяйств и общее их число поднялось до 45,1% всего числа хозяйств. Этот подсчет показывает, что никакого реального роста бедняцкой массы за 1927/28 г. не имело место. Меняется лишь в наших расчетах понятие «беднота», поскольку мы его связываем со средним уровнем дохода батрацкой массы, а этот уровень заметно возрастает с каждым годом.

Возвращаясь после этой весьма существенной оговорки к данным табл. 53, мы можем сделать следующие выводы. Основную массу в деревне и по этому расчету, как и по другим данным, составляет середняк. Ему принадлежит около 62% посевов, 59% скота и до 63% всего учтенного дохода. Бедняцкая опора пролетарской диктатуры в деревне представляет собою по этому расчету тоже весьма крупную социальную силу. На эту группу падает до 27% посевов, до 33% скота и 27% от всего учтенного дохода; верхняя кулацко-предпринимательская группа обнимает собою всего лишь около 3—4% населения, не свыше 11% посевов, около 8% скота и около 10% всех крестьянских доходов.

Весьма характерно, что по среднему доходу на едока каждый предприниматель раз в 5 богаче рядового бедняка и в 2 с лишним раза мощнее типичного середняка. Но зато классовый характер сельхозналога несколько выправляет это резкое неравенство, ибо с бедняков он начисляется всего в размере 2,15% от учтенного дохода, у середняков этот процент изъятия возрастает до 5,54%, а у зажиточных — даже до 12,6%, т. е. почти в 6 раз выше, чем у бедняков. А если учесть те льготы и скидки, которые даются беднякам после начисления налога, то эта налоговая прогрессия окажется еще резче. И в общем кулак, будучи только раз в 5 богаче бедняка, облагается из расчета на хозяйство раз в 20, а из расчета на душу — даже раз в 30 большей суммой сельхозналога.

В 1926/27 г. эта прогрессия была заметно слабее выражена: процент изъятия у зажиточных только в 4,8 раза превышал норму изъятия у бедняков, а вместе с тем и абсолютный размер исчисленного налога, из расчета на душу, колебался от группы к группе в меньшем диапазоне.

Абсолютные цифры табл. 53 менее показательны, так как не охватывают двух среднеазиатских республик. Чтобы охватить и их, мы должны перейти от группировки по душевому доходу к другой группировке, проведенной по всему Союзу, а именно к группировке по доходу на хозяйство. Считая в нормальном середняцком хозяйстве от 5 до 6 душ, мы низшую границу доходности для такого хозяйства определяем в $40 \times 5 = 200$ руб. и верхнюю в $100 \times 6 = 600$ руб. облагаемого дохода. При таком условии социальная структура советской деревни представится в следующем виде (табл. 54).

В основном и эта группировка подтверждает все те выводы, какие мы выше делали, исходя из группировки по душевому доходу. Но можно отметить и некоторые существенные отличия. Важнейшим из них является совершенно иной состав семьи в крайних социальных группах. В самом

Таблица 54

Расслоение деревни в 1927/28 г.
(распространенные итоги по всему СССР)

Группировка по облагаемому доходу на хозяйство*

Показатели	Бедняки — до 200 руб. на хозяйство	Середняки — от 201 до 600 руб. на хозяйство	Зажиточные — св. 600 руб. на хозяйство	Итого
1	2	3	4	5
1. Число индивидуальных хозяйств:				
а) тыс.	11 943	11 589	778	24 310
б) % к итогу	49,1	47,7	3,2	100
2. Население:				
а) тыс. душ	46 553	69 778	6 501	122 732
б) % к итогу	37,9	56,8	5,3	100
в) душ на одно хозяйство	3,9	6,0	8,3	5,05
3. Посевная площадь:				
а) тыс. *га*	22 299	58 976	11 481	92 756
б) % к итогу	24,0	63,6	12,4	100
в) *га* на одно хозяйство	1,87	5,09	14,75	3,81
4. Облагаемый крупный скот:				
а) тыс. голов	14 795	29 564	4 316	48 675
б) % к итогу	30,4	60,7	8,9	100
в) голов на одно хозяйство	1,24	2,56	5,56	2,00
5. Учтенный доход:				
а) млн. руб.	1 709	4 468	758	6 935
б) % к итогу	24,6	64,5	10,9	100
в) руб. на одно хозяйство	143,1	386,0	975,0	285,3
г) руб. на душу	36,7	64,0	116,6	56,5
6. В том числе от промыслов:				
а) млн. руб.	362,1	998,8	164,9	1 525,8
б) % ко всему доходу	21,2	22,4	21,7	22,0
7. Облагаемый доход:				
а) млн. руб.	1 408,0	3 654,6	642,3	5 704,9
б) % к итогу	24,7	64,0	11,3	100
в) руб. на одно хозяйство	117,9	316,0	826,0	234,7
г) руб. на душу	30,2	52,4	99,0	46,5
8. Исчисленный налог:				
а) тыс. руб.	49 030	238 564	87 346	374 940
б) % к учтенному доходу	2,87	5,35	11,5	5,41
в) % к облагаемому доходу	3,48	6,53	13,6	6,57
г) руб. на одно хозяйство	4,11	20,65	112,1	15,42

* Исключая хозяйства скотоводческих районов.

деле, среднее число душ на хозяйство по обеим группировкам изменяется для разных социальных групп следующим образом:

Группировки	Бедняки	Середняки	Зажиточные
По доходу на едока	5,2	5,1	3,7
По доходу на хозяйство	3,9	6,0	8,3

В первом случае размер семьи падает с возрастанием дохода, во втором, наоборот, очень быстро нарастает. И в результате бедняки занимают по размеру семьи место зажиточных, зажиточные увеличивают свой семейный состав более чем вдвое и лишь середняки не выходят за пределы 5—6 душ на двор. Это приводит к тому, что если по числу дворов бедняцкая группа повысила свой удельный вес в общем итоге хозяйств, то по населению, наоборот, заметно его сокращает, а зажиточная группа, напротив, сократив свой удельный вес по числу хозяйств, увеличивает его по проценту населения.

О чем же говорят столь резкие смещения семейного состава крайних групп?

Едва ли может быть сомнение, что в этих смещениях проявляется действие искусственного отбора семей по тому или иному признаку.

Когда мы в качестве признака группировки выбираем определенный размер дохода на хозяйство, то, несомненно, в высшую группу совершенно искусственно отбираем, помимо настоящих кулаков, имеющих повышенный доход от *эксплуатации* чужого труда, и значительную массу середняков с повышенным доходом за счет большего числа работников в семье и, стало быть, за счет повышенного *трудового* дохода таких *многодушных* семей. Наоборот, мелкая семья даже кулацкого типа по тем же основаниям пониженного дохода попадает при этом в «середняки», а более мелкие середняки переходят в «бедняцкую» группу. Таким образом, по этому признаку все наиболее крупные семьи отбираются в высшую группу, а все наиболее мелкие, наоборот, в низшую по доходу, бедняцкую группу.

Социальное лицо каждой группы благодаря таким смещениям, разумеется, в той или иной мере искажается. И потому вышеиспользованный прием расчленения деревни по размеру дохода на *хозяйство*, независимо от числа составляющих его членов, годится лишь в качестве самого первого приближения к изучению *социальной* структуры советской деревни.

В частности, этот прием дает несомненно преувеличенный удельный вес кулацкой группы в общем населении деревни. Это видно уже из того, что средний доход этой группы из расчета на душу составляет у нас (по табл. 54) всего 99 руб., т. е. даже в среднем по всей группе не достигает установленной минимальной нормы для зажиточной группы (100 руб.).

Гораздо лучшие результаты в смысле социальной чистоты группировки должен обеспечивать признак определенного размера дохода из расчета на *душу*. В этом случае простое слияние двух середняцких семей уже отнюдь не создает нам одной кулацкой, как это было бы при пользовании в качестве мерила неподвижным аршином *посемейного* дохода. Здесь с увеличением размера семьи возрастает и та сумма дохода, которая характеризует ее как бедняцкую, середняцкую или кулацкую. Однако и подвижная мерка *душевого* дохода далеко не всегда удовлетворяет своему назначению. С возрастанием или сокращением числа членов семьи при *нормальном* ее составе признак душевого дохода полностью сохраняет свое значение мерки определенного социального уровня. Но в отношении отдельных хозяйств с нетипичным составом семьи и *душевой* доход становится недостаточно четким критерием социального расчленения.

Поясним это примером. Допустим, что предельной нормой *трудового* дохода в условиях нашего сельского хозяйства середняцкого типа мы установили 100 руб. на душу или 600 руб. на семью в 6 душ. При этом допущении, если доход такого хозяйства превышает указанную норму, то избыток этого дохода мы рассматриваем уже как нетрудовое приобретение, т. е. как результат эксплуатации в той или иной форме чужого труда, и потому относим такое хозяйство в категорию предпринимательских, называем его кулацким и т. д. Такое рассуждение, однако, верно лишь в том случае, если сопоставляемые хозяйства достаточно сравнимы между собою

во всех отношениях, и прежде всего по обеспечению рабочей силой и средствами производства. В среднем хозяйстве из 6 душ, можно считать, 3 работника и 3 иждивенца. Стало быть, предельный трудовой доход, падающий на работника, составит 200 руб. Ну а если в нашей семье из 6 душ только 2 работника и они все же добывают на семью те же 600 руб.? Очевидно, в этом случае этот доход уже превышает предельную трудовую норму данного числа работников, указывая на наличность предпринимательства и эксплуатации чужого труда. И наоборот, при 4 работниках из 6 душ даже 700 руб. дохода отнюдь еще не превышают предельную норму середняцкого хозяйства и не дают права относить такое хозяйство к типу кулацких.

Отсюда мы делаем следующие выводы. При использовании подоходной группировки для расчленения сельского населения на социальные группы наиболее грубое приближение дает группировка по доходу на *хозяйство*. Она преуменьшает размер бедняцкого хозяйства по числу его членов и резко преувеличивает среднее число членов в зажиточных хозяйствах, включая сюда все многодушные середняцкие семьи. Лучшие результаты дает группировка по доходу на *едока*. Но и она в известной мере искажает средний состав семьи в крайних социальных группах, отбрасывая все

Таблица 55

Социальная структура деревни в 1927/28 г. Индивидуальные хозяйства земледельческих районов

Республики	Население				Облагаемый доход, руб. на душу				Коэффициент расслоения
	всего, тыс. душ	% к итогу							
		бедняки	середняки	зажиточные	бедняки	середняки	зажиточные	в среднем	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
А. Группировка по доходу на душу									
1. УССР	24 638	34,4	60,7	4,9	29,0	59,5	131,8	52,5	30,8
2. РСФСР	84 168	46,8	49,9	3,3	28,0	56,3	137,8	45,8	36,3
3. БССР	4 283	48,6	49,0	2,4	29,1	55,8	131,8	44,7	33,9
4. ЗСФСР	4 623	73,9	24,2	1,9	22,5	57,3	143,4	33,2	47,6
Итого (1—4)	117 712	45,3	51,1	3,6	27,8	57,1	135,9	46,6	36,6
Б. Группировка по доходу на хозяйство									
1. УССР	24 638	31,4	63,2	5,4	35,0	57,4	99,0	52,5	21,2
2. РСФСР	84 168	37,2	57,3	5,5	30,3	50,9	93,0	45,8	25,3
3. БССР	4 283	34,8	62,7	2,5	32,0	49,7	96,0	44,7	19,8
4. ЗСФСР	4 623	64,0	32,2	3,8	22,9	47,0	87,2	33,2	39,4
Итого (1—4)	117 712	36,9	57,8	5,3	30,7	52,2	98,0	46,6	25,5
5. УзбССР	4 255	59,1	35,6	5,3	24,9	62,2	122,0	43,3	50,2
6. ТуркмССР	765	56,4	37,6	6,0	27,1	51,0	101,2	40,6	37,3
Всего по СССР	122 732	37,9	56,8	5,3	30,2	52,4	99,0	46,5	26,3
То же за 1926/27 г.	117 875	28,1	68,8	3,1	25,2	52,0	121,1	46,5	25,4

семьи с избытком иждивенцев к бедняцкому концу и с избытком работников — к кулацкому концу деревни. Наиболее правильный результат дала бы в этом отношении группировка по доходу на работника. Но она, к сожалению, по состоянию имеющегося в нашем распоряжении налогового материала в настоящее время не осуществима.

В известной мере эти замечания следовало бы учесть и тем товарищам, которые в основу социальных группировок вместо доходности предпочитают класть признак наличных средств производства. И здесь наилучшие, на наш взгляд, результаты дала бы группировка по размеру средств производства на *работника*, а не на *хозяйство*. Материал, которым оперируют работники ЦСУ, несомненно позволяет это сделать.

Переходя от общих итогов по СССР к отдельным республикам, получаем следующее сопоставление (табл. 55).

На первом месте по облагаемому душевому доходу стоит Украина, на последнем — Закавказская федерация. Облагаемый доход в этом отношении, правда, не особенно показателен, так как он далеко не с одинаковой полнотой учитывается в разных республиках. Так, например, по расчетам т. Дьяченко, за 1926/27 г. облагаемый доход в среднем по всему Союзу преуменьшен по сравнению с условно чистым на 37,2%, но по Украине этот процент падает до 35,2%, а по ЗСФСР возрастает до 49,7%. С поправкой на эту разницу в полноте учета мы получили бы, вероятно, совсем иной порядок в расположении республик по уровню благосостояния деревни. Особенно заметно повысился бы при этом уровень среднеазиатских республик и Закавказья. Но все же, даже с учетом этой поправки, ЗСФСР, по-видимому, осталась бы на последнем месте.

Однако эта различная полнота учета облагаемого дохода, *положенного в основание группировки*, в сильнейшей степени затрудняет сравнение между собою полученных результатов в республиканском и районном разрезах. Так, например, очень характерное понижение процента середняков за счет повышения удельного веса бедняцкой группы, какое мы наблюдаем в ЗСФСР и среднеазиатских республиках, заслуживало бы серьезнейшего внимания. Но поскольку нам известно, что именно в этих республиках облагаемый доход учтен особенно неполно, то при одних и тех же доходных интервалах для всего Союза эта неполнота учета в данных республиках естественно должна была привести к огромному преувеличению в них бедняцкой группы за счет середняков. Это характеризует собою, однако, лишь относительно скверное состояние налогового учета в этих республиках, а не социальную структуру советской деревни в их пределах.

В качестве наиболее обобщенного показателя дифференциации деревни мы принимаем коэффициент расслоения, исчисляемый следующим образом. Берется отклонение среднего душевого дохода бедняков, середняков и зажиточных от средней нормы по всем трем группам независимо от знака разности; выводится *среднее* отклонение, взвешенное по числу душ каждой группы, и это среднее отклонение выражается в процентах от среднедушевого дохода по данной республике или району. Как видно из нашей таблицы, этот коэффициент расслоения заметно меняется в зависимости от метода группировки. В частности, при группировке хозяйств по доходу на *хозяйство*, когда удельный вес середняков повышается, а уровни душевого дохода крайних групп сближаются, снижение коэффициента расслоения очень четко фиксирует это видимое смягчение дифференциации деревни.

Но, конечно, такая видимая нивелировка, вытекающая только из изменения приемов группировки, не представляет никакого интереса. Интереснее были бы те колебания коэффициентов расслоения, какие можно отметить в районном разрезе, но, поскольку и здесь вследствие различной степени полноты учета облагаемого дохода мы не располагаем достаточ-

ной *сравнимостью* сопоставляемых коэффициентов, никаких серьезных выводов из такого сопоставления мы сделать не решились бы.

Общий вывод, к которому мы приходим в настоящий момент, сводится к следующему. Налоговая отчетность в настоящем ее виде может быть использована в целях изучения социальной структуры советской деревни только для наиболее суммарных характеристик по всей стране в целом. По отдельным районам и республикам, ввиду наличных дефектов этой отчетности, пользоваться ею было бы пока едва ли осторожно. Несомненно, все эти дефекты устранимы. Налоговый учет с каждым годом совершенствуется. Но тем не менее переоценивать его пригодность для данной специальной цели в настоящий момент не приходится.

* * *

Ограничиваясь сопоставлениями лишь по всей стране в целом, можно было все же сделать один весьма существенный вывод. Расслоение деревни несомненно росло. За один лишь 1927/28 г. доля середняков в земледельческих районах страны сократилась с 68,8 до 56,8%. Середняцкая основа деревни размывалась. А крайние группы полупролетарской бедноты и наиболее зажиточной верхушки деревни заметно возрастали. Доля бедняцкого населения увеличилась с 28 до 38%, а группа зажиточных — с 3,1 до 5,3%, т. е. за год в 1,7 раза. Это подтверждало общепризнанный тезис, по которому индивидуальное крестьянское хозяйство в условиях товарного производства «химически», т. е. с неотвратимой закономерностью, выделяет из себя элементы капитализма. И в переходную эпоху строительства социализма такой рост элементов капитализма в советской деревне несомненно представлял собой серьезную угрозу задачам этого строительства.

Конечно, далеко не вся зажиточная верхушка умножалась в эти годы за счет эксплуатации *чужого* труда. Немалую роль в ее расширении играл и вполне здоровый рост производительности *собственного* труда в лучше организованных индивидуальных хозяйствах середняков. Меры налоговой политики, тормозящие обогащение мелких хищников типа прежних Разуваевых и Колупаевых, поражали одновременно и передовиков сельского хозяйства. Высокая прогрессия в обложении доходов высшей группы крестьянских хозяйств, тормозя ее рост и обостряя внутренние классовые противоречия в деревне, задерживала и общее развитие производительных сил в сельском хозяйстве. Лучшим выходом из этих противоречий была бы коллективизация мелкого крестьянского хозяйства. Но начальные темпы коллективизации были слишком медленны, а обстановка вынуждала к их всемерному форсированию. Кулацкая верхушка деревни сама толкала к крайним мерам своей борьбой против коллективизации. Уже в 1929 г., сокращая посевные площади и срывая государственные хлебозаготовки, практикуя массовый убой скота, она открыла новый кулацкий фронт гражданской войны в деревне. В этой войне, как известно, кулачество как класс в кратчайший срок было ликвидировано в нашей стране. Сплошная коллективизация решила в этой борьбе бесповоротно вопрос «кто — кого» в пользу социализма. Проблема расслоения деревни потеряла с тех пор всякое значение.

Сейчас наш опыт в этой области используется странами народной демократии, причем используется он творчески, с учетом сложившейся конкретной исторической обстановки. Опыт коллективизации сельского хозяйства в странах, строящих социализм, показывает, насколько легче разрешаются даже столь трудные задачи, как перевод мелкотоварного хозяйства на социалистический путь, в наши дни, когда содружество стран социализма, обогащенное своим коллективным опытом и взаимной поддержкой, решает их в гораздо более спокойной и мирной обстановке...

6. ДИНАМИКА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА [1]

Сельское хозяйство было наиболее отсталой отраслью труда и в дореволюционной России, но и после революции первоочередные требования индустриализации страны не составляли достаточных возможностей для неотложной ликвидации этой отсталости в области распыленного крестьянского сельского хозяйства. Для того чтобы обобществить в социалистическом управлении несколько тысяч промышленных предприятий, достаточно было всего двух-трех лет после революции, но задача социализации 20 млн. индивидуальных крестьянских хозяйств была неизмеримо труднее. И даже через 10 лет после Октября, в 1928 г., удельный вес социалистического сектора в сельском хозяйстве СССР по валовой его продукции не превышал всего 3,3% [2].

Казалось, что, продвигаясь такими темпами, потребуется лет 300 для полной коллективизации советской деревни. В условиях волевого режима это привело, как известно, к безудержному административному нажиму за ускорение колхозной кооперации крестьянского хозяйства с прямым нарушением ленинских принципов добровольности объединения крестьян в колхозы и грубыми извращениями нормальной партийной политики. Однако такой волюнтаризм в плановом хозяйстве не ко двору. «Головокружение от успехов» в нем было весьма кратковременным, ибо успехи эти на поверку оказались мнимыми. И хотя в марте 1931 г. в колхозы было вовлечено до 50% крестьянских хозяйств, но с первым же ослаблением нажима уже к сентябрю в них остался едва 21% общего числа этих хозяйств. А между тем допущенные извращения и волевые перегибы несомненно нанесли большой ущерб сельскому хозяйству и колхозному движению в СССР [3]. Особенно заметный урон потерпело животноводство. Вступая в колхозы под нажимом, большинство крестьян усиленно резало и разбазаривало свой скот. И только с начала 1929 до конца 1932 г. вместо нормального прироста скота обнаружилась такая его убыль: стадо рогатого скота сократилось почти на 25 млн. голов, или 42%, лошадей убыло свыше 15 млн. (40%), свиней — 9,5 млн. (54%), овец и коз — до 70 млн. (66%), и для возмещения этих тяжких потерь потребовались десятки лет. А в связи с этим даже к концу первой плановой пятилетки, когда валовая продукция социалистической промышленности за 15 лет уже в 2,67 раза превзошла уровень 1913 г., продукция сельского хозяйства, несмотря на коллективизацию в нем уже до 61,5% всех крестьянских дворов, все еще колебалась, все больше отставая от промышленности, вокруг своего дореволюционного уровня (табл. 56).

Абсолютные итоги продукции, приведенные в табл. 56 в ценах 1958 г., не отличаются высокой точностью, но темпы роста в неизменных ценах все же в достаточной степени сохраняют свою сопоставимость. И весьма показательно, что продукция сельского хозяйства повысила свой объем за 52 года всего на 148%, в 2,5 раза, в то время как промышленность возросла за те же годы более чем в 60 раз. Это свидетельствует о грандиозных достижениях социалистической индустриализации СССР, но в то же время обнаруживает и несомненное отставание социалистического сельского хозяйства от быстро растущих сырьевых и потребительных нужд страны. Напомним лишь, что население ее возросло уже со 139,3 до 229,1 млн. душ к концу 1964 г., т. е. на 64%, и богаче оно стало уже в несколько раз, а потому и потреблять может много больше, и притом самых ценных про-

---

[1] Публикуется впервые.

[2] «Народное хозяйство СССР в 1963 году». М., 1965, стр. 54.

[3] «Советская социалистическая экономика 1917—1957 гг.». М., 1957, стр. 314.

Таблица 56

Валовая продукция сельского хозяйства СССР, в млрд. руб.
(в неизмененных ценах 1958 г.) *

Год	Продукция сельского хозяйства		В том числе продукция			
			земледелия		животноводства	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%
1	2	3	4	5	6	7
1913	22,2	100	12,0	100	10,2	100
1917	19,6	88	9,6	81	10,2	100
1928	27,6	124	14,0	117	14,0	137
1932	23,8	107	15,1	125	7,7	75
1937	29,8	134	18,1	150	11,4	109
1940	30,4	141	18,6	155	11,8	114
1945	19,1	86	11,2	93	7,4	72
1950	30,4	140	18,2	151	12,2	118
1955	37,8	170	21,1	175	16,5	160
1958	48,5	218	27,3	227	21,2	205
1960	49,8	224	27,2	226	22,6	219
1961	51,3	230	27,6	230	23,7	229
1962	51,9	233	27,6	229	24,3	235
1963	48,0	216	25,2	209	22,8	221
1964	54,9	247	32,5	271	22,4	220
1965	55,3	248	29,3	244	26,0	255

* «Народное хозяйство СССР в 1963 году», стр. 227—228, 311; «СССР в цифрах в 1964 году». М., 1965, стр. 50, 67. В 1913 г. продукция земледелия и животноводства в границах СССР в текущих ценах того времени оценивалась в 10 225 млн. руб.

дуктов животного происхождения, т. е. как раз тех, какие отстают в своем росте от других.

Причин такого отставания, вероятно, немало. Но прежде всего бросаются в глаза огромные потери в животноводстве к 1932 г., за время так называемой сплошной коллективизации советской деревни, и к 1945 г., за время самого жестокого военного вторжения фашизма в нашу страну. Причем поучительно, что потери за счет собственного «головокружения» от непродуманной внутренней политики могут иной раз оказаться даже гибельнее результатов внешнего вторжения. Но были и другие причины. И основной из них была недостаточная стимуляция коллективного труда в деревне. В нарушение всех требований закона стоимости заготовительные цены продуктов деревни во многих районах очень долго не возмещали даже самых элементарных трудовых затрат крестьянина. Но особенно убыточными до последних лет оставались цены продуктов животноводства. И объективный закон стоимости мстил за свои нарушения уже тем, что обычному перевыполнению плановых темпов роста промышленности каждый раз сопутствовало недовыполнение их по сельскому хозяйству или даже прямая остановка и отставание в развитии.

И тем не менее и в сельском хозяйстве СССР в результате социалистической революции можно отметить немалый прогресс и в области энерговооружения, и в показателях роста производительности сельскохозяйственного труда. В частности, энергетические мощности, включая и рабочий скот, возросли с 1916 по 1964 г. в сельском хозяйстве с 23,9 до 205,6 млн. лошадиных сил, т. е. в 8,7 раза, в том числе на 100 га посевной площади — с 20 до 83 л. с., т. е. в 4 раза, а на одного работника — с 0,5 до 6,8 л. с., т. е. до 14 раз. И за счет этого заметно сократилось число работников из расчета на 100 га посевной площади — с 40 до 14, т. е. раза в 3 по срав-

нению с дореволюционными нормами крестьянского хозяйства[1]. Быстрее других в связи с потребностями индустрии росли при этом в полеводстве сырьевые, технические культуры. Посевные площади под ними с 1913 г. по 1964 г. возросли на 482%, в то время как под зерновыми хлебами — всего на 28%. Правда, вместе с тем повысилась и урожайность хлебов на 38%, а общие сборы зерна — на 76%, но с учетом прироста населения на 64% столь скромные успехи планового хозяйства на этом его участке привлекают к себе за последние годы все большее внимание и озабоченность советской общественности. Пересматривается вся система ценообразования и управления в сельском хозяйстве, наращиваются основные производственные его фонды, все обильнее возрастает его снабжение электроэнергией и химическими удобрениями, и это уже к 1958 г. сказалось заметными результатами в повышении производительности труда. За счет снижения полных и прямых затрат в земледелии, по расчетам т. Карнауховой в Институте экономики АН СССР, можно, в частности, отметить такие достижения в этой области (табл. 57).

Таблица 57

Затраты труда в зерновом хозяйстве СССР

Год	Полные затраты				В том числе живой труд			
	на 1 *ц*		на 1 *га*		на 1 *га*		на 1 *ц*	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
1	2	3	4	5	6	7	8	9
				В крестьянских хозяйствах				
1926	34,1	100	4,74	100	25,2	100	3,50	100
				В совхозах				
1928	20,7	60,7	3,62	76,4	10,1	40,1	1,77	50,6
1937	12,7	37,2	1,57	33,1	6,8	27,0	0,84	24,0
1940	10,8	31,7	1,55	32,7	5,7	22,6	0,82	23,4
1950	11,1	32,6	1,49	31,4	5,8	23,0	0,78	22,3
1951	10,5	30,8	1,52	32,1	5,3	21,0	0,77	22,0
1952	11,7	34,3	1,21	25,5	5,6	22,2	0,58	16,6
1953	9,08	26,6	1,10	23,2	4,7	18,7	0,57	16,3
1954	7,53	22,1	1,05	22,2	3,8	15,1	0,53	15,1
1955	5,94	17,4	1,08	22,8	3,0	11,9	0,55	15,7
1956	5,56	16,3	0,72	15,2	2,7	10,7	0,35	10,0
1957	5,10	15,0	1,02	21,5	2,7	10,7	0,54	15,4
1958	6,13	18,0	0,94	19,8	2,8	11,1	0,43	12,3
				В колхозах				
1956	17,1	50,2	2,40	50,6	12,5	49,6	1,75	50,0
1957	17,4	51,0	2,55	53,8	12,6	50,0	1,85	52,9
1958	14,6	42,8	1,85	39,0	10,3	40,9	1,31	37,4

Наиболее значительно снижались затраты труда, по этим расчетам, в совхозах. За 30 лет из расчета на 1 *ц* зерна прямые затраты живого труда сократились в 4 с лишним раза, а полные, включая прошлый труд, немного меньше (в 3,9 раза). Еще больше это снижение затрат по сравнению с нормами индивидуального крестьянского хозяйства. Но на долю совхозов из общего сбора зерна приходилось не свыше 30%, а полные затраты

[1] «Народное хозяйство СССР в 1963 году», стр. 254, 330.

труда в колхозах на 1 *ц* зерна раза в 2 выше, чем в совхозах. И в среднем по всему социалистическому хозяйству эти затраты к 1958 г. были не меньше 1,64 человеко-дня на 1 *ц* зерна. Говоря иначе, производительность труда в сельском хозяйстве СССР возросла уже раза в 3 в сравнении с нормами 1926 г. И все же, по расчетам ЦСУ, она была еще у нас раза в 3 ниже уровня США к 1958 г.[1] Чем это объясняется, нам еще не вполне ясно. Но следует, между прочим, учесть и то, что в США годовое число рабочих на фермах преуменьшается, считая по 300 отработанных дней за полный год, а у нас в колхозах преувеличивается, включая в их число всех, кто хоть один день в месяц вышел на работу. А между тем среднее число выходов на работу в колхозах, по-видимому, не превышает 145 в год, ибо они немало дней работают и в своем домашнем хозяйстве, и на стороне[2]. И это создает совершенно несравнимые условия с капиталистистической эксплуатацией труда на фермах США.

Нельзя также в сопоставлении уровней производительности труда ограничиваться учетом одних лишь прямых затрат его на единицу продукции, ибо прошлый труд за счет химических удобрений, энергии и машинной техники, используемых в сельском хозяйстве США, во всяком случае не меньше, чем в СССР. В советском сельском хозяйстве, в особенности в колхозном его секторе, эти элементы прошлого труда еще не столь значительны. Но, по расчетам Карнауховой, их доля в общей сумме затрат неизменно растет (табл. 58).

Таблица 58

Структура полных затрат труда в СССР на 1 *ц* зерна

Год	В рабочих днях				% к итогу		
	живой труд	прошлый труд		итого	живой труд	прошлый труд	
		сельскохозяйственный	промышленный			сельскохозяйственный	промышленный
1	2	3	4	5	6	7	8
			В крестьянском хозяйстве				
1926	4,40	1,40	0,11	5,91	74,4	23,7	1,9
			В совхозах				
1937	0,84	0,52	0,21	1,57	53,5	33,1	13,4
1950	0,78	0,48	0,23	1,49	52,3	32,2	15,5
1955	0,55	0,35	0,18	1,08	50,9	32,4	16,7
1958	0,43	0,35	0,16	0,94	45,7	37,2	17,1
			В колхозах				
1958	1,31	0,45	0,09	1,85	70,8	24,3	4,9

* В пересчете на 8-ми часовой рабочий день.

---

[1] «Сельское хозяйство СССР». М., 1960, стр. 449.

[2] По бюджетам времени 1934 г. в среднем на каждого взрослого колхозника от 16 до 60 лет учтено за год не свыше 145 отработанных в колхозе дней, или до 1300 рабочих часов, а начислено в оплату по 162 трудодня («Труд в СССР». М., 1935, стр. 370—372). Кстати сказать, по данным ЦСУ за 1958 г. в сельском хозяйстве учтено 30 млн. занятых лиц, но по балансу межотраслевых затрат труда в производстве по сельскому хозяйству эти затраты исчислены всего в 7676 тыс. человеко-лет живого труда, т. е. раза в 4 меньше всего числа занятых в сельском хозяйстве лиц. И если это верно, то реальная производительность их труда много выше номинальной, по прикидкам ЦСУ. Однако, чтобы проверить это, пора уже было бы наладить и учет труда в социалистическом сельском хозяйстве не по количеству занятых в нем едоков, а по числу действительно отработанных ими рабочих дней и часов.

Как видим, в совхозном производстве зерна доля индустриальных затрат к 1958 г. превышала их норму в крестьянском хозяйстве раз в 9 (17,1 : 1,9 = 9). И даже в колхозах эта доля выше, чем в бывших крестьянских хозяйствах 1926 г., в 2—3 раза (4,8 : 1,9 = 2,58). Но минеральных удобрений в колхозах — микродозы, да и энерговооруженность труда по сравнению с совхозами раза в 2 ниже. А между тем и в совхозах эти показатели еще слишком низки. И реальная борьба за их повышение еще вся впереди. Конечно, не приходится сомневаться, что задержка в темпах развития может и должна быть ликвидирована. И повышение закупочных цен сельскохозяйственной продукции до уровня, полностью возмещающего все трудовые затраты непосредственных производителей,— это лишь первое требование объективных законов экономики. Однако зональные цены продуктов земледелия, общепринятые в нашей практике, не удовлетворяли и этому требованию, ибо они были равны для целых огромных зон и республик, а условия труда были различны даже в каждом отдельном совхозе и колхозе. О том, насколько они меняются в различных географических условиях, можно убедиться из следующего сопоставления (табл. 59).

Таблица 59

Затраты труда в зерновом хозяйстве СССР, в чел.-дн. на 1 ц в 1958 г.
Совхозы

Зоны	Живой труд		Прошлый труд	Итого затрат	
	абс.	%	абс.	абс.	%
А	1	2	3	4	5
Всего по СССР	0,43	100	0,51	0,94	100
РСФСР	0,49	114	0,51	1,00	106
В том числе					
Север	2,20	512	2,30	4,50	479
Северо-Запад	1,82	423	2,02	3,84	408
Нечерноземный центр	1,15	267	1,30	2,45	261
Поволжье	0,44	102	0,55	0,99	105
Западная Сибирь	0,40	93	0,54	0,94	100
Северный Кавказ	0,29	67	0,29	0,58	62
Казахстан	0,52	121	0,66	1,18	125
УССР	0,23	53	0,30	0,53	56

Если принять затраты украинского хлебороба на 1 *ц* зерна за 100, то уже в Казахстане они возрастут до 224%, в нечерноземном центре — до 466%, а на севере страны — даже до 855% украинской нормы. Но ведь и на Украине, и во всех других районах они тоже не равны, возрастая от лучшего к худшему в десятки раз. И никакие зональные равные цены при таких различиях не смогут обеспечить достаточного равенства условий социалистического соревнования трудящихся в каждом совхозе и колхозе. А такое равенство осуществимо лишь при равенстве гарантированной оплаты труда во всех хозяйствах по его количеству и качеству, с использованием расчетных цен за продукцию, пропорционально индивидуальной их стоимости в каждом отдельном хозяйстве или их объединении, и поощрительных премиальных фондов каждому из них — в соответствии с его успехами в общем соревновании. Успехи же такого соревнования — важнейшая гарантия против отставания на любом участке хозяйственного фронта.

1964 г.

VII. ОЧЕРКИ МАНУФАКТУРНОГО ПЕРИОДА

1. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ПЕРВЫХ РУССКИХ МАНУФАКТУР [1]

а) Концепция школы М. Н. Покровского

Развитие мелкого товарного производства уже в самом себе содержит возможность возникновения и развития крупной капиталистической мануфактуры. Такая мануфактура, по Марксу, «отличается в своем зачаточном виде от цехового ремесленного производства едва ли чем другим, кроме большего числа одновременно занятых одним и тем же капиталом рабочих. Мастерская цехового мастера только расширена» [2]. С расширением кустарной домницы двумя-тремя лишними работниками и горнами расширяются и возможности накоплений у ее хозяина. Кустарь-одиночка, никого не эксплуатируя, и сам в *процессе призводства* не является еще объектом эксплуатации. Принимая двух-трех подручных, он уже, несомненно, *эксплуатирует* их труд. Но такая элементарная «кооперация» должна еще значительно расшириться для того, чтобы перерасти в мануфактуру. Количественную меру этого роста, однако, можно дать лишь с большой дозой условности.

В. И. Ленин принимал в этом отношении такие градации: «Два-три работника дают хозяину столь небольшой излишек, что он работает наряду с ними... Пять работников уже дают хозяину столько, что он до известной степени освобождает уже себя от ручного труда». «Коль скоро число наемных рабочих достигает 10 или превышает эту цифру, то хозяин не только оставляет ручной труд, но даже почти прекращает свой надзор за рабочими: он заводит главного мастера, наблюдающего над работниками... Здесь он становится уже маленьким капиталистом, «коренным хозяином»» [3]. Но и такой хозяйчик нередко пользуется еще наряду с наемным и *семейным трудом своих* близких. И лишь тогда, когда в его мастерской появляется «от 15 до 30 наемных рабочих,— роль семейного труда в его мастерских падает, доходя до самой ничтожной величины...», «кустарь», по определению Ленина, «превращается в настоящего капиталиста...» [4]. Вот эту цифру в 15 рабочих мы и принимаем за грань, где количество переходит в качество, мелкий буржуа превращается в настоящего капиталиста, а его мастерская — в мануфактуру.

Увеличение числа рабочих в таких предприятих уже само по себе предрешало и разделение труда, и все более сложную кооперацию его в производстве. «Основой всякого развитого и товарообменом опосредствованного разделения труда является отделение города от деревни» [5]. На той же основе, в частности, выросло и мануфактурное разделение труда. Воз-

---

[1] «История черной металлургии в СССР», т. I. М., 1960, стр. 83—98.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 333.
[3] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 355—356.
[4] Там же, стр. 349.
[5] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 365.

никая еще в недрах феодального общества, «мануфактура не была в состоянии ни охватить общественное производство во всем его объеме, ни преобразовать его до самого корня. Она выделялась как архитектурное украшение на экономическом здании, широким основанием которого было городское ремесло и сельские побочные промыслы» [1]. И тем не менее, рассматривая мануфактурное разделение труда как специфически *капиталистическую* форму производства, Маркс категорически утверждал, что «на той исторической основе, на которой оно возникает, оно может развиваться только в капиталистической форме» [2].

Эта мысль приобретает для нас особый интерес в свете той контроверзы о характере русской мануфактуры XVII—XVIII вв., которая и доныне еще не вполне исчерпана в нашей исторической литературе. Уже очень давно целый ряд буржуазных историков высказывался у нас в пользу *искусственности и беспочвенности* насаждения в крайне отсталой крепостной России того времени крупной капиталистической промышленности.

Но если мануфактура XVII—XVIII вв. в России не была капиталистической, то, естественно, возникает вопрос, какой же характер она носила? Следуя за Туган-Барановским, вся школа М. Н. Покровского, как известно, стала русскую мануфактуру крепостной эпохи целиком и полностью рассматривать в качестве «крепостной мануфактуры». Однако уже в самом этом словосочетании заложено плоское внутреннее противоречие. Ведь словом «мануфактура» мы обозначаем определенную ступень *развития капитализма*, тогда как словом «крепостная» мы начисто отвергаем в ней это качество. Следовательно, в результате получается «некапиталистический капитализм». К тому же, допуская, что мануфактура может быть и крепостной, мы сразу же вступаем в явное противоречие с той концепцией Маркса, по которой мануфактурное разделение труда может развиваться *только* в капиталистической форме. Именно такую антимарксистскую позицию еще недавно отстаивали М. Н. Покровский и его ближайшие ученики, выпустившие целую серию томов «Крепостной мануфактуры».

Всю порочность ее, однако, может раскрыть лишь реалистический анализ тех исторических фактов, на которые она опирается. Нет никаких сомнений в том, что экономика Московской Руси перед появлением в ней первых мануфактур была весьма отсталой. Верно и то, что первые мануфактуры в России, а в том числе и первые доменные заводы, строились у нас по западноевропейским образцам. Но можно ли из этого сделать вывод о *некапиталистической* природе этих мануфактур, которые строились по заведомо *капиталистическим* образчикам? Конечно, нет. Они могли, разумеется, со временем изменить свою природу. Но это уже дело факта — в каком направлении и в какой мере они отклонились в своем развитии от своих первоначальных образчиков.

О значении экономической отсталости России в этом деле перед петровской реформой тоже следует судить реалистически. Наша страна не один раз оказывалась в состоянии крайней отсталости по сравнению со своими западными соседями. Это было и перед петровской реформой, и в дни тяжелых испытаний Крымской войны, перед крестьянской реформой, и накануне Великой Октябрьской социалистической революции, т. е. перед каждым из крупнейших *скачков вперед* в области экономического развития России. Может показаться, что именно *отсталость* в этих случаях и толкала нас далеко вперед. И чем глубже было отставание, тем шире открывалась дорога к быстрому продвижению вперед, хотя бы путем заимствования отсталой страной самых совершенных достижений науки и техники опередивших ее стран. Таковы обычные во врем мире проявления закона неравномерности капиталистического развития стран и народов.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 381.
[2] Там же, стр. 377.

Наша страна и в старину не всегда была отсталой. Уже при Ярославе Мудром Киевская Русь была великой державой, занимавшей по уровню своей культуры одно из первых мест в Европе. Однако последующие внутренние усобицы и нашествие диких орд Чингиз-Хана надолго задержали развитие средневековой Руси. Свыше 250 лет (с 1223 по 1480 г.) татары терзали Русь, разоряли ее своими набегами и данями, в то время как Западная Европа, прикрытая необъятными просторами России, продолжала на свободе свое развитие. Более чем 200-летнее татарское владычество не могло не сказаться на судьбах России. И она за это время действительно отстала в своем экономическом развитии чуть ли не на 200 лет. Напомним, что первая домна на Западе построена около 1443 г., а у нас — не ранее 1636 г. Но, стряхнув с себя, наконец, татарское иго, Московская Русь уже не стояла на месте. Вот, например как возрастало число городов в России после свержения этого ига [1] (табл. 1).

Таблица 1

Число городов в России

Год	Всего	Прирост	
		абс.	%
1462	666	—	—
1550	715	49	7,3
1649	923	208	29,1
1750	1 218	295	32,0
1844	1 625	407	33,4

Уже в древней Руси было немало городов [2]. И недаром варяги назвали ее Гардарик, т. е. страной городов. Раскопки древнего Новгорода показывают к тому же, что среди русских городов были уже очень крупные центры торговли и промыслов. За время татарщины рост городов, конечно, сильно замедлился. Невелик он еще и в период 1462—1550 гг. Но тем разительнее *скачок* в ускоренном их росте за последующие столетия после окончательного разгрома татар и взятия в 1552 г. Казани. Напомним кстати, что, по весьма неполному подсчету П. Смирнова, к 1650 г. только по 226 городам насчитано свыше 537 тыс. душ обоего пола городского населения из 11,3 млн. душ всего населения Московского государства [3].

Конечно, это были *феодальные* города, непохожие на современные индустриальные центры, хотя, например, Москва 1554 г. превосходила своими размерами, по свидетельству Ричарда Ченслера, тогдашний Лондон. Но это были те самые феодальные города, рост которых и повсеместно на Западе стал *основой* мануфактурного разделения труда и самой мануфактуры. Не было никаких препятствий к тому, чтобы и в России на том же весьма уже широком к XVII в. основании «городского ремесла и сельских побочных промыслов» не выросла и соответствующая архитектурная надстройка в виде мануфактуры.

---

[1] Подсчитано П. В. Акимовым по «Общему списку русских городов» К. А. Неволина. (Полное собрание сочинений, т. 6. СПб., 1859). Следует отметить, что максимальный процент роста городов приходится на XVIII в., а затем в первой половине XIX в. этот прирост резко падает; за 1751—1800 гг. возникло 322 новых города, за следующие 44 года их учтено только 85.

[2] Еще до X в. их насчитывалось не менее 26, а ко времени татарского нашествия, по подсчетам Самоквасова, их было уже около 350.

[3] П. П. Смирнов. Города Московского государства, вып. 2. Киев, 1919, стр. 352. Ср. Б. Ц. Урланис. Рост населения в Европе. М., 1941, стр. 190

У нас были, например, к этому времени уже многие сотни кустарных домниц в городах и селах. Эти домницы, вырастая, как грибы, на благоприятствующей им почве, умножались в числе, увеличивались, принанимая рабочих, и в своих размерах, обзаводились уже кое-где даже «вододействуемыми» самоковами. И, конечно, из маленьких доменок в этом «органическом» процессе их роста они могли бы со временем и самотеком, без всякого заимствования, вырасти в совсем большие домны нового типа. Но открывать заново давно уже открытую Америку не было никакой нужды. И потому вполне закономерно, что первые высокие доменные печи с выплавкой чугуна вместо сыродутного железа были построены у нас в XVII в. по заграничному образцу. Такова, впрочем, судьба всех достижений технического прогресса. Достаточно им появиться в одной стране, чтобы при наличии экономической эффективности они получили распространение и во всех других странах.

И в Швеции, и в Англии первые домны, как и в России, появились путем пересадки их из-за границы. Да и вообще этот метод распространения мануфактур скорее можно рассматривать как правило, чем как исключение. Несмотря на все усилия сохранить в секрете в виде национальной монополии те или иные производственные достижения первых мануфактур, это никому надолго не удавалось сделать. И Маркс давно отметил это в виде общего правила: «мануфактуры недолговечны и вместе с эмиграцией или иммиграцией рабочих покидают одну страну, чтобы возникнуть в другой» [1]. Причем совсем не редкость, что только после *пересадки* в другую страну, попав в более благоприятную обстановку, мануфактуры получали на новом месте гораздо более успешное развитие. Именно такой случай имел место в доменном производстве после пересадки его в наши российские условия, столь благоприятные для развития древесноугольной металлургии мануфактурного периода. И можно только удивляться слепоте тех историков, которые, толкуя о беспочвенности и даже о крахе петровской политики «парникового» воспитания у нас мануфактур, не удосужились заметить, что именно после Петра мы вышли *на первое место в мире* по производству железа, снабжая им не только свой, но и мировой рынок. Уже этот один факт свидетельствует, что беспочвенными следует признать не русские мануфактуры крепостной эпохи, а лишь псевдоученые разговоры об их «беспочвенности».

Столь же беспочвенными я считаю и все поверхностные разговоры разных мудрецов о некапиталистической природе русской мануфактуры. Попытки умалить значение русской мануфактуры в развитии капитализма в России путем приклеивания к этой мануфактуре ярлыка «крепостная» несерьезны. Во всех других странах, дескать, была настоящая, первосортная мануфактура, а у нас только какой-то крепостной ее суррогатец. Весь скудный разум этой концепции сводится к такому примерно «силлогизму». Капиталистическая эксплуатация предполагает *свободный* труд. Но в условиях феодализма мы находим лишь труд закрепощенный, т. е. в большей или меньшей мере зависимый от тех или иных феодальных пут. Стало быть, в феодальном обществе может быть речь только о *крепостной* мануфактуре. По той же формалистической логике и *фабрика* крепостного общества должна быть признана крепостной. И, значит, *капиталистическими* русские мануфактура и фабрика стали лишь вдруг, по «манию царя», за одну ночку с 18 на 19 февраля 1861 г.

Такая логика чужда марксизму, ибо в ней нет ни грани диалектики. Полной свободой трудящиеся крепостной России действительно не располагали. Однако степень свободы крепостных и посессионных крестьян, сельского населения казенных и дворцовых волостей и посадских тяглецов была весьма различной. Весьма ограниченной у всех них была и сво-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 380.

бода передвижения. И все же практика вовлечения трудящихся в мануфактурное производство *по вольному найму* была очень широкой. Но и в тех случаях, где мы имеем дело с привязанным к заводу крепостным или посессионным трудом, он по общему правилу эксплуатировался на базе сдельной или повременной его оплаты, т. е. методами *экономической* его стимуляции, или, говоря иначе, по образцу капиталистической эксплуатации *вольнонаемного* труда. И лишь в совершенно исключительных случаях встречается на отдельных вотчинных мануфактурах сменная работа крепостных «брат на брата» без всякой оплаты, т. е. на базе свойственной феодализму системы внеэкономического принуждения. В различных сочетаниях всех этих градаций свободы и принуждения трудящихся на мануфактурах последней стадии отживающего свой век феодализма несомненно сказался *переходный* характер этой эпохи. Но всякое явление следует изучать в его развитии.

Капиталистические формы эксплуатации, возникая еще в рамках господствующего феодализма, не могли, однако, мирно с ним уживаться. Между сосуществующими формами разных социальных укладов неизбежно должны нарастать противоречия и протекать борьба, победителем из которой выходят лишь наиболее прогрессивные, т. е. наиболее производительные, формы труда.

В. И. Ленин даже после Октября усматривал у нас целых пять укладов. Но если в Советской России капиталистический уклад был уже исчезающим пережитком прошлого, то в XVII—XVIII вв. он представлял лишь крепнущие зачатки нового хозяйственного строя. И если в мануфактуре того времени наемный труд еще конкурировал кое-где с барщинным, а заработная плата — с батогами и тому подобными феодальными методами стимулирования труда, то нетрудно все же разобраться, какая же из этих форм была *основной* и *нормальной* формой развития крупного производства на данном этапе и какие элементы в ней нужно считать лишь *временными отклонениями* от этой нормы или даже прямыми *феодальными ее извращениями*, неспособными надолго удержаться даже в благоприятствующей им крепостной среде.

История давно уже окончательно разрешила все эти вопросы. А вот некоторые историки и до сих пор не могут разобраться в природе нашей дореформенной мануфактуры. Признав ее крепостной, они ставят перед собою неразрешимую загадку: откуда же в самый день крепостной реформы сразу возникла из небытия или чудесно преобразила свою природу капиталистическая фабрика? Для всех, кто уже не верит в чудеса преображения, должно быть ясно, что рождению фабрики должен был предшествовать известный период ее утробного развития и роста еще в недрах феодализма. Кстати сказать, мануфактура вырастала из недр *феодального строя* не только в России, но и во всех других странах европейского континента. И, однако, классики марксизма ни в одной из них не усмотрели такого ублюдочного образования, как «крепостная мануфактура». Пользуясь аналогией из другой области наук, можно сказать, что зародышевые формы разных организмов в эмбриональном периоде их развития могут быть очень сходны. как, например, зародыши человека и обезьяны, но в зрелом состоянии они столь различны, что их никак не спутаешь между собою, приписав одному природу другого. То же наблюдается и в генезисе общественных форм; зрелые формы и здесь различаются гораздо легче, чем зародышевые. О природе пореформенной фабрики у нас уже не спорят, но, признав за *пореформенной* фабрикой *капиталистическую* природу, мы не имеем уже никаких оснований отвергать ее и для *дореформенной* мануфактуры, из которой она органически вырастала.

«Когда в период феодального строя молодая буржуазия Европы рядом с мелкими цеховыми мастерскими стала строить крупные мануфактурные

предприятия и двигала, таким образом, вперед производительные силы общества, она, конечно, не знала и не задумывалась над тем, к каким *общественным* последствиям приведет это новшество, она не сознавала и не понимала, что это «маленькое» новшество приведет к такой перегруппировке общественных сил, которая должна кончиться революцией и против королевской власти, милости которой она так высоко ценила, и против дворян, в ряды которых нередко мечтали попасть ее лучшие представители...» [1]

Буржуазия не задумывалась и не понимала многого, не предвидя всех последствий строительства мануфактур. Но нам уже известны эти последствия. А зная характер следствий, нетрудно судить и о «природе» вызвавших их причин. Природу мануфактур крепостного периода нужно признать *принципиально* чужеродной феодализму, если она влекла за собою его революционное преодоление. А если это так, то не пора ли кое-кому из наших историков, «призадумавшись», отказаться от отрицания капиталистической природы русской мануфактуры только потому, что она возникла и развивалась в крепостной оболочке. Не пора ли им усвоить, наконец, взгляд, что «возникновение новых производительных сил и соответствующих им производственных отношений происходит не отдельно от старого строя, не после исчезновения старого строя, а в недрах старого строя...» [2]. Это могло бы застраховать их от многих скороспелых выводов о природе, тех «новшеств» старого строя, какие приобретали в нем вполне закономерно явный отпечаток породивших их недр.

б) Иные концепции

Конечно, далеко не все историки квалифицируют всю русскую мануфактуру крепостной эпохи в качестве крепостной. Более умеренные сторонники этой концепции сохраняют эту характеристику лишь за известным периодом в развитии мануфактуры в России. Так, например, Н. Л. Рубинштейн приурочивает эту квалификацию к русской мануфактуре XVII и началу XVIII в., которая, по его определению, «была лишь придатком к помещичьему крепостному хозяйству» и на смену которой *капиталистическая* мануфактура приходит только с 40-х годов, отмеченных ростом «капиталистической мануфактуры русского Манчестера» [3]. В отношении же мануфактур XVII и начала XVIII в. Рубинштейн определенно заявляет, что они «являлись мануфактурами лишь по *внешним* формальным признакам, в действительности же представляли *чисто крепостнические*, вотчинные предприятия — государственные или частные и стояли еще *вне* капиталистического развития русской мануфактуры...» [4]. По каким именно признакам автор приписывает здесь петровским мануфактурам некапиталистическую природу, он не сообщает.

И Маркс и Ленин знали только три ступени в развитии промышленного капитализма: от мелкой товарной мастерской с простой капиталистической кооперацией труда через капиталистическую мануфактуру к капиталистической фабрике. На этом пути *мелкий буржуа* превращается в *крупного капиталиста*, все время оставаясь в пределах одного и того же уклада. И в эту вполне однородную трехступенчатую цепь развития логически никак не укладывается еще одно, четвертое звено — «внекапиталистическая» мануфактура — без насильственного разрыва этим всей цепи.

---

[1] И. В. Сталин. О диалектическом и историческом материализме. М., 1952. стр. 31—32.

[2] Там же, стр. 31.

[3] Н. Л. Рубинштейн. Крепостное хозяйство и зарождение капиталистических отношений в XVIII в.— «Ученые записки МГУ», вып. 87. М., 1946, стр. 112—113.

[4] Н. Л. Рубинштейн. О мануфактурном периоде русской промышленности.— «Вопросы истории», 1947, № 12, стр. 75.

А фактически этого чужеродного звена и не было вовсе. В самом деле, по какому решающему признаку капиталистическое предприятие отличается от всех иных? Нет сомнения, что вполне достаточным и необходимым признаком такого предприятия является наличие в нем самого *капитала*. И феодал, и капиталист, эксплуатируя чужой труд, извлекают из него прибавочный продукт и прибавочную стоимость. Но принципиальное различие заключается в *методах* извлечения. Помещик выжимает из своих крепостных феодальную ренту без всяких вложений, действуя методами внеэкономического принуждения. Это возможно, однако, лишь постольку, поскольку крепостной крестьянин может еще сам собственным инвентарем обработать и свою и чужую землю. Но, чтобы извлечь предпринимательскую прибыль, нужно предварительно построить предприятие и обеспечить повседневное содержание обслуживающих его рабочих, т. е. предварительно произвести значительные вложения и постоянного и переменного капитала. А при заведомом наличии этого основного признака у всех петровских и допетровских мануфактур можно ли отрицать их капиталистическую природу?

Капиталистическое производство — это прежде всего производство прибавочной стоимости ради расширенного воспроизводства капитала. В капиталистическом обществе «капитал и самовозрастание его стоимости является исходным и конечным пунктом, мотивом и целью производства» [1]. Внекапиталистическим можно бы назвать лишь такое вотчинное предприятие, какое феодал построил бы у себя за счет своих доходов *не ради извлечения прибыли*, а лишь для *собственного потребления* в пределах своей вотчины. Такие подсобные вотчинные мастерские с двумя суконными станами для обеспечения всех лакеев барина собственной ливреей и тому подобных надобностей бывали, конечно, в дворянском быту крепостной России. Однако мы не назвали бы их мануфактурами. И не о них, разумеется, идет речь, когда мы говорим о мануфактурах XVII—XVIII вв.

Можно предъявить для признания мануфактур капиталистическими и другие требования, помимо их служения расширенному воспроизводству капитала. Например, можно потребовать, чтобы на них применялся *только* свободный от всякого принуждения вольнонаемный труд, и все предприятия, не удовлетворяющие этому требованию, объявить оптом некапиталистическими. Но едва ли такие требования будут законными. Формирование таких классов, как буржуазия и пролетариат,— это длительный процесс. И нельзя ожидать, чтобы уже в феодальную эпоху они обладали всеми чертами, какие венчают их развитие после падения основ феодализма. Напомним, кстати, что до этого падения в России было немало мануфактур, на которых не только рабочие, но и хозяева-капиталисты числились за кем-либо *крепостными*. Было бы, однако, очень близоруко за юридическими *формами* проглядеть экономическое *содержание* общественных отношений растущего капитализма. Имея дело с феодальной обстановкой, можно заранее предвидеть, что возникавшая в ней мануфактура испытает на себе все многообразие влияний крепостного уклада. Однако в любых даже наиболее феодальных обличьях мануфактура своим ростом отмечала лишь победное шествие капитализма.

Очень показательно, однако, что наши первые мануфактуры XVII и начала XVIII в., вопреки мнению и М. Н. Туган-Барановского и Н. Л. Рубинштейна, менее всего могли бы подойти под определение «крепостных» даже с точки зрения социального состава своих рабочих и предпринимателей. В числе последних почти вовсе не встречаются еще помещики, а среди первых, по данным 1737—1740 гг., на долю помещичьих

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. I, стр. 274.

крестьян пришлось всего 5,0% [1], да и те, конечно, работали здесь за плату наравне со всеми другими. Лишь начиная с 40-х годов значительная часть рабочих мануфактур прикреплена была к ним навечно царскими указами. А со второй половины века умножилось и число *дворянских* мануфактур, в суконной промышленности в особенности. А между тем Н. Л. Рубинштейн именно к этим годам *второй* половины XVIII в. приурочивает свой мнимый «переломный момент» от крепостной мануфактуры к капиталистической.

Но этот взгляд совершенно не обоснован. Если говорить о *зачатках* капиталистических отношений в России, то они возникли раньше. На Западе такие зачатки Маркс относит еще к XIV и XV столетиям [2]. В России они нащупываются не позже XVI—XVII вв. [3] Если же говорить о первом крупном скачке, о первых победах, открывших у нас новую эру *мануфактуры* в развитии русской промышленности, то такой переломный момент, несомненно, относится уже к Петровской эпохе.

О скачкообразном развитии экономики в первой четверти XVIII в. свидетельствуют бурные темпы роста доходов в государственном бюджете России этого времени. Даже с учетом порчи монеты в 1711 г. эти доходы увеличились за 1701—1724 гг. с 4 млн. до 8,17 млн. руб., т. е. более чем на 100%. Сами по себе приведенные цифры в сравнении с масштабами бюджетов капиталистической эпохи могут показаться ничтожными. Ведь бюджет России 1913 г., достигая 20% народного дохода, исчислялся в 3417 млн. руб. Но не следует забывать, что рубль 1724 г. по своей покупательной силе был раз в 10 больше рубля 1913 г., а население петровской Руси — раз в 12 меньше, чем в 1913 г. и, стало быть, из расчета на душу бюджет 1913 г. всего в 3—4 раза превысил нормы 1724 г. А если еще учесть, что и производительность труда феодальной эпохи даже на селе была раза в 2 ниже, чем в условиях 1913 г., то станет понятно, что из национального дохода бюджет 1724 г. извлекал, быть может, не меньшую долю, чем в 1913 г. Для феодальной эпохи с присущим ей огромным преобладанием *натурального* крестьянского хозяйства подобная мобилизация денежных ресурсов страны в государственном бюджете уже сама по себе изумительна. Но еще изумительнее тот *скачок*, которым она была достигнута в условиях феодализма. Для сравнения напомним, что в последующие царствования, при значительном падении покупательной силы рубля, доходный бюджет России с 1725 по 1762 г. возрос по номиналу в общем всего в 1,5 раза, а из расчета на душу населения — едва на 10%. Особенно значительным был прирост петровского бюджета после разгрома шведов под Полтавой, т. е. за последние годы царствования Петра,— до 90% за 14 лет [4].

Такой скачок в области бюджетных изъятий был возможен, однако, лишь в условиях соответствующей ломки натурально-хозяйственных основ феодальной деревни и возникновения над ней новой, *индустриальной* надстройки, содействующей новому расширению товарно-денежного оборота в стране. Элементы такой надстройки в виде отдельных мануфактур были

[1] «Социальный состав рабочих первой половины XVIII в.», Л., 1934, стр. 112.

[2] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 728.

[3] Напомним, что Б. Д. Греков «*зачаточные* формы товарного производства и денежных отношений» усматривает у нас уже в конце XV и в первой половине XVI в. («Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века». М.—Л., 1946. стр. 674).

[4] Напомним, что за первые 14 лет капитализма — с 1861 по 1875 г.— в России ее обыкновенный доходный бюджет возрос от 408 до 577 млн. руб. серебром, т. е. всего на 41%, и даже за первые 14 лет империализма — с 1900 по 1914 г.— его рост от 1704 млн. до 2898 млн. руб. не превысил 70%. С поправкой на индекс дороговизны и этот прирост, однако, снижается до 42%, а из расчета на душу населения падает еще ниже — до 10—12% (П. А. Хромов. Экономическое развитие России в XIX—XX веках. М., 1950, стр. 495, 508, 511).

уже и до Петра I. Но скачок в их развитии в Петровскую эпоху можно рассматривать уже как переход количества в новое качество. *Элементы капитализма* в бурной обстановке острейших социальных противоречий старого и нового строя жизни и жесточайших классовых боев — от стрелецких мятежей и казней 1682 и 1698 гг. до Булавинского восстания 1707—1708 гг.— перерастают уже в целостный *уклад*. Он еще не господствует в хозяйстве, находится пока в недрах феодальной формации, но уже обособился в ней в качестве вполне самостоятельного, хотя и чужеродного ей сектора хозяйства. Исключительный скачок в росте этого сектора за Петровскую эпоху общеизвестен.

В самом деле, всем известно, что железо петровских мануфактур впервые появилось на лондонском рынке в количестве свыше 2000 пудов не позже 1716 г. А к концу Петровской эпохи русские домны превзошли английские не только по своей величине и экономичности, но вскоре затем и по общим масштабам продукции в стране. Такие крупные исторические победы русских мануфактур не случайны. И те, кто приписывает им крепостную природу, ставят себя в довольно смешное положение. Оно обязывает их либо и английские мануфактуры XVIII в. признать некапиталистическими, либо объяснять победы русских превосходством крепостного уклада над капиталистическим. В обоих случаях, однако, обнаруживается в равной мере банкротство исходных позиций, приводящих к столь нелепым выводам.

Петровская эпоха, несомненно, является одним из заметнейших переломных моментов в развитии нашей экономики. Кстати сказать, в этот момент Россия поднимается и в политике на перевальный рубеж — переходит к абсолютной монархии. И это совпадение моментов подъема отнюдь не случайно. «Современная историография показала,— писал К. Маркс еще в 1847 г.,— что *абсолютная монархия* возникает в переходные периоды, когда старые феодальные сословия приходят в упадок, а из средневекового сословия горожан формируется современный класс буржуазии, и когда ни одна из борющихся сторон не взяла еще верх над другой» [1].

Абсолютная монархия в России создалась, конечно, не в одно-два десятилетия. Решительную борьбу за власть против феодальной знати, опираясь на мелкое дворянство и горожан, как известно, начал еще Иван Грозный во второй половине XVI в. И можно сказать, что эта борьба против церковной и дворянской знати едва ли бы увенчалась успехом, если бы у царя, помимо дворянской опричнины, не нашлось союзника в лице вновь поднимающегося с низов третьего сословия.

Аристократ Курбский упрекал царя в том, что тот окружает себя и доверяет преимущественно людям «из простого *всенародства*, а делает это из ненависти к *вельможам* своим» [2]. Демократизм грозного царя в этом отзыве, конечно, сильно преувеличен. Но с силой «простого всенародства» царь, памятуя еще совсем недавний московский бунт 1547 г., не мог не считаться. И вот, прежде чем решиться на отмену всех особых политических привилегий феодальной знати и получить полную возможность по своему произволу даже на сильнейших из них «опалы класть, а иных казнить и *животы их и статки имати*», Иван Грозный благоразумно удаляется подальше от Москвы, в Александровскую слободу, и лишь оттуда вступает в переписку с боярами и верноподданным народом «возлюбленной» своей столицы. По объяснению Соловьева, ему нужно было прежде всего «испытать силы противников, узнать, найдут ли они защиту в народе или предаст их народ» [3]. В одной из его грамот, обращенной к митрополиту,

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 4, стр. 306.
[2] С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. 2, т. VI, стр. 159.
[3] Там же, стр. 165.

царь изливает при этом свой гнев «на богомольцев своих *архиепископов, епископов* и все духовенство, *на бояр своих...* и на всех приказных людей» и, становясь в позу защитника народа от этих лиходеев, перечисляет их многие действительные и мнимые вины перед государством и «всем православным христианством», которое они «*притесняли*». К гостям же и купцам, и ко всему православному христианству города Москвы царь прислал другую грамоту, из которой явствовало, что царского «гнева на них и опалы никакой нет». И лишь после того как выяснилось, что *гости и все горожане* встали на сторону государя, заявив, что «за государских лиходеев и изменников они *не стоят и сами их истребят*», царь вернулся в столицу, завел опричнину и принялся в первую очередь за ликвидацию крупного боярского и монастырского землевладения [1].

Отмеченные события 1564 г., в которых гости, купцы и прочие горожане, т. е. будущая *буржуазия*, явились уже столь значительным противовесом могущественной феодальной верхушке русского общества, послужили началом целого переворота в политической системе Московского государства. «Иван Грозный, учредив опричнину, отбирал целыми массами на себя, в опричнину княжеские вотчины, уничтожая тем последние обломки удельных привилегий» [2]. Крупнейшие феодалы страны были разорены и обескровлены. Их земельные вотчины поступили в передел — в качестве поместий — гораздо более широкому кругу менее родовитого, а то и вовсе безродного дворянства из рядов царской опричнины. И хотя Боярская дума еще играла в течение XVII в. по инерции известную роль наряду с царской властью, победа абсолютизма в стране к воцарению Петра Великого оказалась полной и окончательной. Для нас, однако, эти политические сдвиги представляют интерес здесь лишь постольку, поскольку они являются весьма осязательным следствием достаточно глубоких экономических процессов разложения феодального общества начиная уже с XVI в.

Основной характеристикой феодального общества является *натуральный* строй его хозяйства. И потому рост общественного разделения труда и вытекающая из него необходимость *товарного* производства для рыночного сбыта неизбежно влекут за собою разложение феодализма. Хозяйственной базой феодальных общественных взаимоотношений было крупное землевладение. Царь, а раньше и удельные князья наделяли землей своих бояр и дружину за военную их службу; бояре и дворяне, получая эти земли в вотчину или во временное владение, поместье, «кормились», передавая в свою очередь часть этой земли за отработки и оброки крестьянам-земледельцам. Вся эта феодальная иерархия ступеней господства и зависимости стояла, однако, незыблемой только до тех пор, пока плата за землю, или земельная рента, взималась *натурой* — службой и трудом (или продуктами этого труда). С переходом от натуральных оброков и повинностей к *денежным* начинается разложение феодализма. К какому же времени надо отнести заметное проявление этих *первых признаков* разложения феодальных отношений в России?

Целый ряд фактов позволяет нам заключить, что зарождение денежного хозяйства, основанного на товарном производстве и обращении, началось не позже второй половины XVI в. Начиная с 1551 г. почти все государственные повинности переводятся в России из натуральной формы в денежную. Еще важнее в этом отношении массовый переход за тот же период от натурального оброка к денежному в помещичьих владениях.

---

[1] С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. 2, т. VI, стр. 164—165. Интересно, что в опричнину включались наряду с незнатным дворянством и такие столпы грядущей буржуазии, как «именитые» гости Строгановы, финансировавшие новый государственный режим.

[2] Н. Рожков. Исторические и социологические очерки, ч. 1. М., 1906, стр. 74.

Если до этого времени, по писцовым книгам Вотской пятины, денежный оброк платили всего от 6 до 9% всех крестьянских хозяйств, то к 1545 г. по Бежецкой пятине этот процент поднялся до 26%, по Обонежской к 1565 г.— до 76%, а в последнее десятилетие XVI в. в целом ряде вотчин центра натурального оброка вообще уже не наблюдалось [1].

Конечно, это означало наличие уже достаточно широкого внутреннего рынка на продукты деревни и, стало быть, свидетельствовало о соответствующем росте разделения труда между городом и деревней со всеми вытекающими отсюда последствиями. Известно, например, что из одного лишь Ярославского края по дороге в Москву провозилось тогда ежедневно до 700—800 возов зерна на продажу. Ко второй половине XVI в. относятся также указания на целый ряд весьма оживленных ярмарок на Мологе, в Белозерском монастыре, Балахне, Москве и Казани, у Макарья и на двухнедельной Петровской ярмарке в Острове, куда съезжались купцы из Москвы, Новгорода, Литвы и Ливонии. Не следует забывать, наконец, что с 1555 г. у нас уже завязалась и довольно оживленная *внешняя* торговля с Англией через Архангельск.

Если, однако, при натуральном хозяйстве земельная рента была ограничена весьма элементарными потребностями семьи землевладельца в продуктах деревни, то с развитием городского рынка и денежных оброков стимулы феодалов к повышению земельной ренты за счет эксплуатации крестьянского труда сразу скачкообразно возросли в огромной степени. И если раньше крестьянам хоть кое-где и не только на свободных, черносошных землях, но и на землях, подвластных крупным феодалам и монастырям, жилось более или менее сносно, то теперь у дворянской мелкоты положение крестьян резко ухудшилось. Правда, цены на хлеб в центре с 30-х до 80-х годов XVI в. возросли с 20 до 40 денег за тогдашнюю четверть ржи, т. е. *вдвое* при *неизменном* содержании металла в рубле, но налоги и оброки опережали этот рост.

Цена на землю поднялась с 0,3 руб. за десятину в первой половине XVI в. до 0,7 руб.— во второй. Оброк с одной обжи, или выти, в Новгородских пятинах, достигавший в 1495—1505 гг. 4 гривен, или 56 новгородских денег, к 1564 г. поднялся до 6 гривен (84 денег), а к 1576 г.— уже до 200 денег [2].

О повышении налогов за вторую половину того же века можно судить по следующему факту. В дворцовых волостях Тверского уезда крестьяне платили с 1300 четвертей в первой половине века столько же, сколько к концу века с них стали требовать за 400 четвертей земли [3]. Из расчета на единицу площади это означает возрастание податного бремени в $3^1/_4$ раза. Вместе с тем рост цен стимулировал рост барской запашки, обслуживаемой даровым крестьянским трудом. Чем ценнее становилась земля, тем больше претендентов находилось на овладение ею. Нуждавшийся в союзниках против боярской знати, Иван Грозный очень охотно и широко стал раздавать в поместья *на кормление* этим претендентам не только конфискованные земли крупных феодалов, но и все подходящие *черносошные* крестьянские земли. Уже одна эта *массовая экспроприация земли у трудящихся* должна была вызвать с их стороны соответствующую реакцию. Но и переход из владений крупных феодалов и монастырей, пользовавшихся рядом податных льгот и судебным иммунитетом, в руки рядового служилого дворянства был нелегким для населявших эти владения земледельцев. Чем меньше было владение, тем больше

---

[1] Н. Рожков. Происхождение самодержавия в России. М., 1906, стр. 138 и сл.

[2] Н. Яницкий. Экономический кризис в Новгородской области XVI в. Киев, 1915, стр. 121—122.

[3] П. А. Соколовский. Экономический быт земледельческого населения России и колонизация юго-восточных степей перед крепостным правом. СПб., 1878, стр. 46.

«приходилось» помещику выжимать из своих крестьян в порядке отработочной и денежной ренты, не говоря уже о прямых насилиях и грабежах, весьма обычных во времена опричнины.

Ближайшим результатом всего этого было резкое обнищание феодальной деревни, массовое бегство из нее крестьян на свободные просторы Юга и Заволжья, запустенье бывших населенных имений Центра и длительный аграрный кризис. Огромная доля пашни была заброшена и обращена в залежь. В поместьях Псковского уезда в 80-х годах XVI в. оставалось под пашней всего около 1600 десятин в поле, а под залежью — 18 тыс. десятин[1]. В 11 станах Московского уезда, по писцовым книгам 1584—1586 гг., на 24 тыс. десятин пашни оказалось почти 120 тыс. десятин земли, запущенной и заброшенной, частью даже уже поросшей лесом[2]. В Бежецкой пятине в 1551 г. под перелогом и лесом было всего 6,4% запущенной пашни, в 1564 г.— 20,5%, в 1584 г.— 95,3%[3]. Несомненно, что столь резкое сокращение производства хлебов и было важнейшей причиной вышеуказанного *удвоения* цен на хлеб всего за полвека. Средний размер пашни на один крестьянский двор, по некоторым расчетам, составлял в центре до 70-х годов XVI в. 12,3 десятины в трех полях, а в конце этого века — только 6.6 десятины[4]. Из 1,5 тыс. вытей земли, арендуемых у Кириллова монастыря во второй половине XVI в. его же крестьянами, 1,075 тыс. вытей засевались монастырскими семенами; таким образом, свыше 70% пашни обрабатывалось здесь крестьянами, не имевшими даже чем засеять свои участки[5]. Не удивительно, что в этих условиях дворяне, зазывая на свои запустевшие земли крестьян, вынуждены были выдавать им денежные и семенные ссуды в «подмогу», а крестьяне все чаще закабалялись ими в качестве неоплатных должников на всю жизнь экономически еще задолго до того, как их всех закрепостили полностью юридически.

Еще ярче свидетельствует о степени расслоения и обнищания известных слоев деревни сильно участившаяся в эту эпоху аграрного кризиса практика добровольной записи в пожизненное рабство по так называемым служилым кабалам. Во *второй* половине XVI в. они стали встречаться, по некоторым подсчетам, в 18 раз чаще, чем в *первой*. Формально эти кабалы представляли собою простые заемные письма с обязательством должника за рост у кредитора «по вся дни служити». Но при этих условиях бесплатной службы он, разумеется, не имел никаких шансов на выплату долга и обычно оставался холопом своего хозяина вплоть до смерти. По одной Новгородской области с 1591 по 1609 г. таких кабал, по весьма неполным данным, насчитывается свыше 2566, а записанных в них холопов 4473 души[6]. По сделанному мною подсчету, эти 4473 души были закабалены на всю жизнь всего за 7384 руб., в среднем по 1 руб. 65 коп. за человека с колебаниями от 30 коп. до 15 руб. Для сравнения укажем, что рабочая лошадь в те же годы расценивалась от 1 руб. до 1 руб. 50 коп., корова — 60 коп. Значит, человек продавался нередко дешевле скотины. Среди покупателей преобладали, конечно, помещики — дворяне и боярские дети, но немало было и церковников — от дьячков до митрополита, приказных и торговых людей; был даже один сапожник.

---

[1] Н. Рожков. Исторические и социологические очерки, стр. 64.

[2] М. Покровский. Русская история с древнейших времен, т. II. М., 1922, стр. 127.

[3] Н. Яницкий. Указ. соч., стр. 23, 32, 81.

[4] Е. Сташевский. Очерки по истории царствования Михаила Федоровича. Киев, 1913, стр. 44.

[5] С. Ф. Платонов. Лекция по русской истории. Пг., 1917, стр. 220.

[6] «Новгородские записные кабальные книги 100—104 и 111 годов». М.— Л., 1938, ч. I, стр. 475; ч. II, стр. 444.

Что же касается закабаленных холопов, то социальный состав их и занятие до закабаления, насколько он отражен в кабалах, представлен в следующих итогах (по моему подсчету):

Показанное занятие	Число кабал
1. Разные послужильцы, отпущенные холопы и др.	239
2. Живали в бобылях	86
3. Жили, походя по наймам, в казаках (батраках)	78
4. Малолетние сироты, дети от 6 лет	71
5. Крестьяне и крестьянские дети, пашенные люди	37
6. Вдовы бобыльские и пр.	33
7. Нищие	25
8. Ремесленники	20
9. Разночинцы	13
10. Непашенные люди, жильцы	10
11. Не служивали, еще вольные люди	388
Итого	1000

Большинство этих «вольных людей» — выходцы из нищавшей деревни. Из посадской среды среди закабаляемых в нашем списке гораздо меньше народу. Из мастеровых — шесть портных мастеров и один ученик, сбежавший из ученья, четыре сапожных мастера, два плотника, один работник с соляной варницы, калачник, вязальщик чулок, конюх, ямщик и др.; из разночинцев — неудавшийся сын попа, несколько пономарей, сын торгового человека, бывший стрелец, дружинник, «веселой» (скоморох) и т. д. Били челом в холопство эти люди и оптом, целыми семьями до 10 человек по одной кабале, и в розницу, поодиночке. Детей закабаляли родители. Взрослые сами запродавались. Продавались с голоду, конечно[1]. Продавались тысячами. В одной Новгородской земле мы смогли насчитать их до 4500, при условии, что до нас дошла едва *одна четверть* кабальных книг по данной области за соответствующие годы и что население этой области не достигало и *одной десятой* населения всего государства. Сколько же их насчитывалось в эти годы по всей стране?

Лишенные всех средств производства и свободные распорядиться своей рабочей силой по произволу, многие тысячи этих потенциальных пролетариев не стали ими реально уже к началу XVII в. только потому, что тогда еще не было достаточного спроса на вольнонаемный труд. К тому же с начала XVII в. господское правительство реагировало на небывалое запустение своих и помещичьих владений указами о прикреплении крестьян к земле и насильственном водворении к месту приписки всех беглецов. Крепостное право развивалось вширь и вглубь. Но его успехи не могли приостановить дальнейшего развития денежного хозяйства. А вместе с ним росли и общественное разделение труда в стране, и все расширяющийся внутренний рынок, и социальное расслоение города и деревни, воспроизводящее все новые кадры пролетаризированной рабочей силы. Когда же усилиями Петра вместо приоткрытой в XVI в. архангельской форточки в Европу было прорублено туда, на мировой рынок, из С.-Петербурга целое открытое окно, все предпосылки для возникновения капиталистической мануфактуры в России были уже налицо.

[1] В кабалах то и дело читаем такие сказки: Кузьмы Матвеева, 25 лет (1603 г.), «жил в бобылех.., а теперя *от голоду* бьет челом в службу»..; Савы Иванова, 20 лет, «...жил в бобылех.., а бьет челом в службу *от голоду*»..; Ивашки Самухина о том, что «...отец его живет во крестьянех.., а он от голоду бьет челом в службу»..; вдовы Варвары Хотиловой, что «...отец ей живет в бобылех.., а она от голоду бьет челом в службу» и т. д. («Новгородские записные кабальные книги 100—104 и 111 годов», ч. II, стр. 118, 124, 142, 143, 186 и др.).

2. ЦАРСКАЯ МАНУФАКТУРА XVII в.[1]

Искусство прядения и ткачества — эти два основных процесса текстильного производства — уходят своими корнями во времена доисторические. Остатки льняной пряжи и тканей находят уже в раскопках свайных построек наряду с шлифованными каменными орудиями и следами самого примитивного *мотыжного* земледелия. Таким образом, веретено и ручной ткацкий станок существуют не менее четырех тысячелетий. Они дожили и до наших дней, сохранив почти в полной неприкосновенности свою примитивную конструкцию. Если сравнить ткацкий станок эпохи свайных построек[2] с ручным ткацким станком, и доныне еще функционирующим в русской деревне, то весь технический прогресс, разделяющий эти две конструкции, если не считать некоторых второстепенных улучшений, сводится к тому, что раскрытие зева для пропуска челнока осуществляется ныне ножными педалями, т. е. к работе наряду с руками привлекаются и ноги ткача. Ручная самопрялка, сменившая собою простое веретено, как известно, тоже снабжена ножной педалью для скручивания нити, оставляя на долю рук только процесс присучивания, т. е. питания станка материалом. Однако здесь еще создается добавочное ускорение процесса скручивания посредством большого маховика и ременной передачи его вращения выполняющему роль веретена шпинделю.

Переход от ручного веретена к самопрялке в конструктивном отношении представляет, несомненно, значительно большее техническое достижение, чем замена вертикальной ткацкой установки конца каменного века горизонтальным станком современной деревенской ткачихи где-нибудь в рязанском захолустье. Но известно, что самопрялка только удваивает производительность пряхи по сравнению с ручным веретеном. Нужно думать, что и в области ручного ткачества за последние 4000 лет — в индустриальном масштабе до промышленной революции XVIII в., а в наиболее архаическом домашнем быту нашей деревни и до сего дня технический прогресс едва ли может измеряться более высоким коэффициентом роста.

К сожалению, сколько-нибудь достоверных данных об уровне техники и производительности труда в текстильном деле за древнейший период у нас не имеется. О доисторических временах и говорить не приходится. Но даже на заре исторического периода сохранившиеся памятники освещают эту тему более чем скудно.

В отношении древней Руси, например, известно, что такими «ремеслами», как ткачество и прядение, издревле занимались в более или менее заметном масштабе — не только для себя, но и на *продажу* — монастырские общины. Так, киево-печерские иноки, согласно известиям XI—XII вв., «платна делали», «копытца (чулки) плетуще», и сам старец Феодосий «седяще, прядый волну для одежды» и т. д.[3] Но гораздо чаще и монастыри, и светские феодалы-вотчинники тех времен обеспечивали себя и льном, и пряжей, и холстами в порядке обложения натуральными повинностями зависящего от них земледельческого населения. Несмотря на такое преобладание натуральных форм производства, они уже довольно рано попадают в разлагающую их струю растущего торгового капитала в России. Уже от XV столетия мы имеем несомненные свидетельства, что русские купцы вывозили наши льняные изделия в Самарканд и на среднеазиатские рынки, а один из них, Афанасий Никитин, опередив в поисках рынков лет на 25 знаменитого путешественника Васко да Гаму,

---

[1] В кн. «Крепостная мануфактура в России», ч. III. Л., 1932.

[2] Его изображение см. А. Левин-Дорш и Г. Кунов. Первобытная техника. М.— Пг., [без г.], стр. 445.

[3] Б. И. Сыромятников. Очерк истории русской текстильной промышленности в связи с историей русского народного хозяйства. Иваново-Вознесенск, 1925, стр. 4.

проник сухим путем даже в богатую Индию (1466—1472 гг.). В половине XVII в. рижский купец де Родес, приезжавший в Москву, свидетельствует, что русские льняные ткани сбывались в Голландию и Персию и что через Архангельск за один год было при нем вывезено 325 980 аршин полотна [1]. Еще больше, конечно, этого товара сбывалось на внутреннем рынке.

В XVII в. появился уже *скупщик*, подчиняющий себе «массу мелких кустарей»; некоторые исследователи усматривают в этом веке и «зарождающуюся *домашнюю систему капиталистической промышленности*» [2]. Но если такие выводы, может быть, в известной части и дискутабельны, то одно бесспорно: до XVII в. наши сведения о технике и условиях текстильного *производства* в России неизмеримо скуднее данных о *торговле* текстильными изделиями. Тем большего внимания заслуживают те документы XVII в., опубликованные Академией наук, которые впервые довольно подробно раскрывают перед нами и производственную сторону этого дела [3]. Эти архивные документы относятся к производству бельевых и столовых тканей в так называемых государевых хамовных слободах и селах.

Потребности в «белой казне» московских царей были, по-видимому, очень значительны, ибо они обслуживались в XVII в. целыми тысячами рабочих рук. Из подмосковных государевых слобод наибольшей известностью пользовались Кадашевская (Замоскворечье, в районе Якиманки, Ордынки и других доныне сохранившихся улиц) и Тверская Константиновская хамовная слобода (Хамовники). В объяснение названий этих слобод указывают, что столовое полотно в терминах индийского происхождения называлось *хаман*, а тонкое бельевое — *кадаш*. Кроме этих слобод, «на государев обиход» работали еще приписные ткачи, населявшие Басманную слободу под Москвой, государевы хамовные села Брейтово и Черкасово и посад Воронец, Ярославского уезда, с. Киндяково (киндяк — название хлопчатобумажной ткани) и ряд других сел и посадов.

Приписанное к этим хамовным слободам и посадам население рекрутировалось из свободных людей. Так, например, социальный состав «новопришлых» людей за 1672—1681 гг. в Тверскую Константиновскую слободу по их челобитьям определился следующими категориями:

	Человек
1. Гулящие люди	34
2. Торговые люди	14
3. «Кормятся своею работою»	7
4. Кадашевцы	4
5. Крестьяне, отпущенные на волю	3
6. Наемные рабочие[4]	2
7. Родичи дворцовых служащих	2
8. Выходцы из той же Константиновской слободы	2
9. Торговые люди суконной сотни	1
10. Бобыль дворцовый	1
11. Без указания происхождения	31
Итого	101

Приписываясь к той или иной хамовной слободе, эти новопришлые люди получали здесь обычно безденежно земельный надел и обязывались известным тяглом, т. е. определенным оброком и работой или «службой

[1] Там же, стр. 7, 11.
[2] Там же, стр. 8, 13.
[3] «Крепостная мануфактура в России», ч. III.
[4] «Жил в добрых людех в наймитах и отжил урочные годы» («Крепостная мануфактура в России», ч. III, стр. 301).

государевой». В городах этот надел представлял собой обычно только дворовое место, застроенное или пустое, а в хамовных селах в его состав, кроме усадьбы, входил и полевой участок. Из расчета на полное тягло или «дело» они получали усадьбу в Москве «по слободской мере» — 240 кв. сажен, а хамовных государевых селах — по «загородке» в усадьбе и в среднем по 6 «четвертачков», т. е. по 1,5 десятины пашни [1]. Но много дворов довольствовалось только половиной или четвертью, а то даже и осьмухой надела и обязывалось при этом соответствующей же долей тягла. Тяглецы эти могли довольно свободно перепродавать свои дворы и дворовые строения или передавать по договорам за долги и по другим обязательствам, но всегда с одновременной передачей и соответствующей доли тягла.

Специальные повинности приписанных к хамовным слободам тяглецов сводились, помимо платежа общего денежного оброка в приказ мастерской палаты от 25 коп. до 5 руб. на год [2], к выполнению у себя на дому за плату известного урока в области «хамовного», или ткацкого, «пряжного», «скатертного», «беленного» и тому подобных «дел». Выполнение этих урочных дел выпадало почти всегда на женскую часть тяглового населения, так называемых *деловиц*, да и у них занимало лишь небольшую долю их рабочего времени. Например, ткачихи, или ткальи, обязывались за год на полное «дело» выткать всего 6 полотен по 14 аршин длины и $^3/_4$ ширины, в то время как по другим данным на это требовалось не более 3—4 месяцев постоянной работы наемного ткача [3]. По-видимому, деловицы тратили на государево дело только зиму, обслуживая в то же время и свое домашнее хозяйство.

Наряду с такой раздачей работы на дом тяглое население некоторых слобод, например Кадашевской, привлекалось под названием «палатных сиделых хамовников» и к постоянной работе, тоже за плату, на государевом хамовном и беленном дворах. О размерах этих кадашевских дворов известно следующее. По «росписи государеву хамовному двору» XVII в. это был большой двухэтажный с высокими двухстенными кирпичными сводами корпус общей площадью 5 палат, кроме «сеней» в 153,5 кв. сажени, или 696 м^2, и общим числом окон в этих палатах не менее 86, мерою каждое 24 × 15 вершков. К этому можно еще добавить, что все окна одной из двух нижних палат были снабжены железными решетками и весь двор был обнесен высокой каменной оградой в 157 саженей длиной и 2 сажени вышиной. В каждой палате стояло по одной печи («4 белых, а пятая киевская мурамленая») и необходимое станковое оборудование, в том числе у хамовников полотенных 64 берда, у скатертных и прочих «бралий» — 50 берд, а всего станков в 1630 г. было человек на 140 с лишним [4].

Как видим, этот хамовный двор представлял собою отнюдь не маленькую для этой эпохи мануфактуру. Когда впервые возникла эта своеобразная мануфактура, в точности неизвестно. Но уже при первом царе из дома Романовых Кадашевский хамовный двор представлял собой весьма ветхое деревянное сооружение, в котором не только «кровли огнили», но кое-где и стены разваливались («у хамовников иноземцев изба вымши-

[1] По 2 «четвертачка» (или по $^1/_2$ десятины) в каждом поле («Крепостная мануфактура в России», ч. III, стр. 175—176).

[2] «Крепостная мануфактура в России», ч. III, № 76 (1675 г.); № 77 (1676 г.); № 78 (до 1678 г.); «по меньшой статье» платили бездворные, стр. 123—126.

[3] Ср. выработку полотен — «Федькина тканья Иванова, что выткал он с марта месяца 180-го по 182-й год (т. е. с 1/III 1772 по 1/IX 1773 — за 18 месяцев) 407 аршин». Это дает свыше 22 аршин на месяц («Крепостная мануфактура в России», ч. III, № 23 (1669—1676 гг.), стр. 63).

[4] Не считая рабочих беленного двора, отделявшегося только решеткой от хамовного и занимавшего тоже весьма изрядную площадь в 544 (34 × 16) кв. сажени (Там же, № 7 и № 13, стр. 48—49, 55—56).

лась и развалилась» и т. д.). В 1626—1627 гг. он расширяется за счет «новой прибылой двойни, где сидеть... и швеям посольских скатертей и убрусов», что увеличило число топок с 7 до 9 и повысило расход дров с 12 до 15 руб. в год. В 1636 г. отмечается еще одна прибылая изба, на которую велено дополнительно выдавать дров «по 2 сажени на год». И лишь во второй половине XVII в. (не ранее 1658 г.) после пожара Кадашевской слободы возникает план сооружения большого *каменного* хамовного двора, по сказке приказной боярыни Т. Шиловой, на 8 палат с общей площадью в 210 кв. сажен, каковой осуществляется, правда, в несколько меньшем масштабе (см. № 1, 6) [1].

Кроме Кадашевского хамовного двора, работа *сиделых* хамовников и мастериц применялась также на так называемом семеренном дворе с. Брейтова, Ярославского уезда («на нем построено тройня, да 3 двойни, да одинаковая изба, двор приказщиков» — 1669, стр. 38) и частью на сафьянном дворе в Москве (1669 г.) [2].

Не зная цеховых ограничений, свойственных эпохе западного феодализма, Московская Русь пыталась в этом опыте перескочить от тесной домашней светелки, минуя ремесленную мастерскую, непосредственно к масштабам большой мануфактуры с широким применением специализированного *наемного труда*. Конечно, феодализм наложил свою печать не только на внешнюю архитектуру хамовного двора с его крепостными стенами и тюремными железными решетками, она сказалась и в той цепи зависимых отношений, которые связывали тяглецов государевых хамовных сел и слобод с их феодальным сувереном. Но тяглецов этих все же нельзя смешивать с *крепостными* или даже с так называемыми *посессионными* заводскими крестьянами более поздней эпохи.

Посессионные крестьяне прикреплялись к *предприятиям* для принудительной работы, а хамовники приписывались лишь на житье в данной слободе. Приписывались они притом по собственному челобитью, добровольно. В числе таких просителей попадаются даже иноземцы. Например, один из них, поляк Тимошка Максимов, пишет в 1675 г. в своей челобитной: «...пожалуй меня, сироту своего, вели, государь, меня *записать* в свою государеву Хамовую слободу в *тягло* и взять по мне поручную запись в тое ж Хамовую слободу в своем государеве деле и в житье». А в резолюции на эту челобитную значилось «Велеть Хамовной слободы старосте Дмитрею Андрееву обыскать о Тимошке Максимове, *вольной* ли он человек и нет ли по нем в иных слободах в тяглех поручных записей; и будет скажут в обыскех, что он, Тимошка, *свободной человек* и нигде по нем в слободах нет записей... а по нем Тимошке собрать поручная запись... и надписать ево, Тимошку, в бездворных, а оброку с него имать... противо меньшой статьи по 10 алтын» [3].

Как видим, «жилая запись» за порукой других слобожан в добросовестном исполнении принятых на себя обязанностей предполагает прежде всего *свободу* челобитчика и добровольное желание взяться за данное тягло, а вытекающая из этой договорной записи зависимость — это скорее род вассальной, чем крепостной зависимости. Эта зависимость отнюдь не мешала им работать по найму в хамовном дворе или в другом месте. Многие из них и вовсе не занимались хамовным делом даже в той доле,

---

[1] «Крепостная мануфактура в России», ч. III, стр. 46—48.

[2] Там же, стр. 38, 63.

[3] Там же, стр. 123—124. В данном случае проситель не получает безденежного надела, а потому и не обязывается определенным «хамовным делом» или долею такого дела, да и оброком облагается по меньшей статье: а в другом случае мы встречаем хамовника-иноземца на «полуделе» («Переписная книга Кадашевской слободы», 1630—1631 гг., стр. 12). Попадаются иноземцы в Кадашевской слободе и среди сиделых хамовников на *месячном жалованьи*, стр. 99, 1669—1670 гг.). В последнем случае дело идет, конечно, о типичном *вольнонаемном* труде.

в какой обязывались к тому в связи с размером надела, перелагая эту обязанность на жен или нанимая за себя посторонних лиц. В 1630—1631 гг. в Кадашевской слободе насчитывалось, например, по официальной росписи, из 405 тяглецов 12, «у которых жон нет, а государево дело делают наймом» [1]. Любопытнее всего то, что такой наем не требовал, по-видимому, со стороны тяглецов никакой дополнительной приплаты к казенной расценке в денежном и хлебном жалованьи и потому нередко практиковался в порядке простой «полюбовной» переуступки самого обязательства вместе с оплатой по казенной расценке [2]. Очевидно, вольная рыночная цена не превышала этой расценки.

В отношении разделения труда в текстильном производстве наши документы XVII в. отмечают уже значительные достижения. В отличие от домашнего крестьянского производства, где даже пряжей и тканьем занимались обычно чуть ли не в каждом дворе одни и те же лица, в государевых хамовных слободах и селах наблюдается уже довольно разветвленная *специализация.* Прядение и ткачество обслуживается здесь уже целым рядом профессий. Наряду с «ткачами» и «ткальями» полотенных тканей выделяется уже особая профессия «бралий», работающих на специальных станках *узорные* скатертные ткани; основная профессия прях, или «прялий», разветвляется в прядении убрусных тканей на «основиц» и «утошниц»; в скатертном деле мы встречаем еще особую специальность «беленицъ», или прялий беленых нитей; вышивальщицы убрусных полос образуют особую профессию «швей»; мы уже не говорим о «бердниках» и тому подобных подсобных профессиях.

Специализация на одной и той же работе повышала качество продукции и потому она довольно широко практиковалась уже при росписи и раздаче соответствующих «дел» по светелкам хамовников. Каждому двору поручалось чаще всего только одно и то же — на целый ряд лет — специализированное дело, например: пряжа убрусных основок, тканье двойных полотен, бранье скатертей задейчатых и т. д. Разделение труда в качестве необходимого своего дополнения предполагает кооперацию. Скажем, для производства тонких убрусов требовалось сотрудничество бралий, ткалий и швей. При раздаче дел на дом эта кооперация обеспечивалась организацией деловиц нужных профессий, взятых в должной пропорции в соответствующие производственные группы, или, говоря современными терминами, бригады. Никакой «обезлички» при этом не допускалось. Все группы были поименно переписаны в особых книгах, и каждая ткалья или бралья в точности знала, какие именно прядьи готовят ей пряжу и кому именно из швей ей надлежит передать свои убрусные полочки для вышивания.

Однако при домашней работе, в связи с дроблением наделов и соответствующих им «дел» на половины, четверти и осьмухи и довольно частым перераспределением их и в порядке полюбовных сделок и в порядке наследования, в одном и том же дворе собиралось зачастую по дробям немало *различных* «дел», а в одной семье не хватало, конечно, ни сил, ни стимулов для слишком дробного разделения труда. Вот почему даже при официальной разбивке деловиц хамовных сел Брейтова и Черкасова

---

[1] «Крепостная мануфактура в России», ч. III, стр. 208.

[2] «А он, Гаврила, *подрежался* у многих людей твои государевы полотна делать и хлебное денежное жалованье *за тех людей имал*» (стр. 144, 1680 г.), т. е. казенную норму; ср. еще «полюбовный» договор 1697 г. Сережки Юрманова с другим кадашевцем, Федькой, такого содержания: «И ныне-де он, Федька, здал своего дворишка государское половинное дело пряж тройных полотен бес четверти прясть ему же Серешке и государское жалованье брать хлебное и денежное и лен ему, а он-де, Серешка, с него, Федьки, половину дела снял пряж тройного полотна бес четверти» (там же, стр. 135). Тройное полотно без четверти составляло $^1/_4$ «дела», и Федька сбыл в данном случае со своего двора лишь $^1/_2$ «половинного дела.

по производственным группам и профессиям там встречаются и недифференцированные занятия. Так, за 1684 г. на 685 разбитых по группам деловиц там оказалось 426 прялий, 86 ткалий, 72 бральи, 37 белениц и 33 швеи, а из остальных (31 мастерица) — 29 выполняли в своих группах смешанные функции прялий и ткалий, одна работала в качестве бральи и ткальи и еще одна в качестве бральи и белeницы.

Гораздо успешнее и разделение труда, и кооперация осуществлялись на тех мануфактурах вроде Кадашевского хамовного двора, где общая работа производилась повседневно под одной крышей и непрерывным наблюдением администрации. Здесь каждый мастер и мастерица могли по многу лет специализироваться не только на одной и той же профессии, но даже на одном и том же сорте товаров, а сортов этих было уже немало. Например, полотна ткали: тонкие двойные (гладкие и полосатые), более грубые тройные, еще погрубее тверские и парусные, наконец, так называемые образчатые полотна (нитяные тонкие); убрусные полочки и утиральники тоже подразделялись на тонкие, двойные, тройные; скатертные столбцы — на льняные, посольские и задейчатые и более простые хлопчатые, по толщине — на двойные и тройные, по месту работы — брейтовские, тверские и т. д. В скатертном деле специализация могла идти еще в одном направлении: по узорам тканей. О характере этих узоров можно судить по следующим названиям: «ключатик», «красная развода», «ореховая развода — по оленю в гнезде и по два оленя в гнезде», «осмерног — в 2 зуба и в 3 зуба», «кривоног», «бараньи рога — в 2 зуба», «немецкое колесо — в 2 зуба», «деревье», «лоси под деревьем», «листочки», «чешуйки», «полтинки», «месяцы» «бесконечник», «коровай», «петухи» и т. п. На ручных станах всякий новый узор требовал новых навыков и потому кадашевских мастеров, как видно из одной грамоты, иной раз всю жизнь для скорости работы выдерживали на одном и том же узоре [1].

О производственной технике XVII в. в хамовном деле мы можем судить не только по архивным записям, но и по сохранившимся образцам тканей в Историческом музее. Из записей нам известно, что деловицы хамовных сел работали *за станочками и за пряслицами* (III № 36, 1626 г.). О дифференцированности оборудования можно судить по тому, что принадлежность ткацких станков — *берда* (род гребня для прибоя утка) — по росписи оборудования Кадашевского хамовного двора 1630—1631 гг. различаются: «берда с *набилками*, что берут посольские скатерти» и «берда *простые*, без набилок, что ткут свитки»; затем упоминаются «берда *наметочные*»; в работе у хамовников полотенных перечисляется «16 берд *двойных*, 23 берда *тройных* и 25 берд *тверских*»; у бралей утиральничных и убрусных были в работе «2 берда *утиральничных*, бердо утиральничное же *задейчатое*, 20 берд *убрусных*; у бралей задейчатых скатертей 25 берд, у прялей (?) ниттных 2 берда, у ткалей хлопчатых скатертей 2 берда» [2]. Очевидно, для разных работ применялись различные станки и заправки.

Русские станки тех времен давали только узкие ткани около 12 вершков, поэтому скатерти, например, приходилось обычно сшивать из трех *столбцов*. Но на Кадашевском хамовном дворе уже с середины XVII в. были и *широкие* станы иноземного происхождения. Одного из сиделых хамовников этого дворца, иноземца Борщевского, другие иноземцы-хамов-

---

[1] В грамоте, посланной из Мастерской палаты думному дворянину Савелову, от 29/IX 1691 г. («Крепостная мануфактура в России», ч. III, стр. 72, 134, 158—159) требуют от него прислать в Москву с провожатыми: «отставного ткача, что бил челом тебе во двор в кабальное холопство и ныне живет в деревне твоей и делает скатерти *узором орловые*, каковы он делал, будучи в ткачах на хамовном дворе». Очень характерно, что по имени сбежавшего из слободы тяглеца в грамоте не называют. Имя, очевидно, он мог переменить. Единственной, но вполне достаточной приметой его служит здесь *узор*, который он вырабатывал всю свою жизнь вплоть до отставки.

[2] «Крепостная мануфактура в России», ч. III, № 13, стр. 56.

ники «обнесли и оклеветали» в том, что он брал к себе учеников *со стороны* и обучал их «*в государевой* пряже и в бердах». Оправдываясь, Борщевский писал[1]: «Работаю я, холоп твой, тебе, великому государю, в полате... 18 лет безпрестанно, а хитрости и порухи твоей государеве казне никакой и по се число не учинил и к твоим великого государя делам полотенного мастерства изучил 4 человека. И излучилось мне взяти ученика со стороны, с *боярского* двора, учить скатертей *иноземских широких* и полотен *иноземских* же широких, смотря на свою братью, которые преж сего учивали в свои пряжи и в берда у себя в дому, а не в твоей государеве палате»... Из этого объяснения явствует, что широкие ткацкие станы проникли и в царские мастерские палаты и в боярский обиход феодальной Руси при содействии инструкторов-иноземцев, приглашенных для обучения этому делу из-за границы[2].

Напомним, кстати, что на *широких* станах и у нас и за границей до изобретения самолетного челнока в Англии в 1733 г. приходилось за каждым станком работать ткачу с подручным, так как один ткач не мог продевать челноков на длину больше его руки. Это обстоятельство мешало, конечно, применению широких станков в тесных светелках деловиц, работавших обычно в одиночку. Но тем большее значение они получали в широких стенах царской мануфактуры.

Техника прядения в XVII в. была очень примитивная. Деловицы царских сел обычно пряли покупной чесаный лен вручную. О самопрялках у них нет еще и помину. Работали у *прялиц*[3]. По словарю Даля, прялицею называется донце под кудель или под гребень для ручной веретенной пряжи. На хамовном дворе, по-видимому, пряжей мало занимались. Производилась там лишь бель, т. е. белые крученые нити. О самопрялке в инвентаре хамовного двора тоже нигде не упоминается. Впрочем, в одной расходной записи «Мастерской палаты» 1693 г. значатся, между прочим, такие статьи: «за дело 16-ти *колес железных* — рубль 23 алт. 2 ден. за *клен* на колеса — 6 алт. 3 ден., за веревки — гривна, за дело 9-ти *колес* деревяных и от починки станов — 20 алт.»[4]. О каких здесь станах идет речь и зачем к ним понадобились железные и деревянные колеса — неясно. Можно, однако, думать, что к концу XVII в. на царской мануфактуре были уже зачатки и кое-какой механизации.

Громадный интерес представляет экономика производства льняной мануфактуры XVII в., поскольку она может быть уловлена из опубликованных документов. Конечно, ни бухгалтерских балансов с выводом прибылей и убытков, ни отчетных калькуляций об издержках производства для того, чтобы судить о рентабельности данного дела, в этих документах нет, но основные элементы для соответствующих расчетов в них имеются.

Проще всего определяются издержки производства из сдельных расценок деловиц при раздаточной системе эксплуатации труда хамовников. Никаких накладных, цеховых, амортизационных и тому подобных статей здесь нет. Деловицы, работая в своих светелках, получают определенную ставку от «дела» — за работу и за лен и сдают в казну готовый продукт без всяких дальнейших затрат для раздаточной конторы.

В Ярославских селах в 1626 г. деловицы на выработке пряжи и тканей — двойных и тройных полотен — получали «царского жалованья» деньгами 70 коп. и хлебом 10,5 четверти ржи, да 6 четвертей овса, кроме того, *пряльи* получали на *лен* по 73 коп. от «дела». Из других источников

---

[1] «Крепостная мануфактура в России», ч. III, № 21, стр. 61.

[2] Судя по именам, это чаще всего были поляки, иной раз, впрочем, и немцы (Яган Рыхтер) («Крепостная мануфактура», ч. III, № 23 (1669 г.). стр. 63).

[3] «...Лен покупаем все чесаной и, купя, государь, лен прядем у *прялиц*, а не за гребень...» («Крепостная мануфактура в России», ч. III, № 15 (1632 г.), стр. 57).

[4] «Крепостная мануфактура в России», ч. III, стр 69.

нам известно, что казенная расценка четверти ржи при натуральной оплате в 20-х годах XVII в. составляла 25 коп., овес по соотношению цен XVII в. принимаем 15 коп. четверть. И тогда вышеуказанный хлебный паек придется оценить для того времени в 3 руб. 53 коп. Как видим, хлебный паек раз в 5 превосходил денежную оплату. Немного меньше был хлебный паек и в Москве у кадашевских деловиц (9,75 четверти ржи, да 6,75 четверти овса за полное «дело»), достигая до 120 пудов зерна на сумму 3 руб. 45 коп. по тогдашним ценам. О значительности его можно судить по тому, что годовое хлебное питание современных рабочих не превышает 12 пудов в зерне на душу, а средняя семья хамовников XVII в. даже в селах составляла всего 6,7 души. Учитывая далее, что прядьям на одно «дело» задавалось напрясть льна на 2 полотна двойных или на 3 полотна тройных, а ткальям — выткать 6 полотен двойных или 8 тройных, нетрудно определить, во что обходилось казне то и другое. Этот расчет сделать тем любопытнее, ибо как раз за 1626 г. сохранилась документальная запись о продажных ценах этого полотна. А именно в декабре 1626 г. было продано из Мастерской палаты через казенный двор 200 полотен двойных по 2 руб. за штуку и 600 полотен тройных по 1 руб. 50 коп. за полотно (табл. 2) [1].

Таблица 2

Стоимость казенного полотна при раздаче работ на дом деловицам ярославских сел за штуку в 1626 г. (в коп.) *

Элементы калькуляции	Полотна двойные			Полотна тройные			Полотна тверские		
	деньгами	натурой	итого	деньгами	натурой	итого	деньгами	натурой	итого
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Издержки казны									
1. Материалы («за лен»)	36,5	—	36,5	24,3	—	24,3	9,1	—	9,1
2. Рабочая сила (за «дело»)									
а) пряльи	35,0	176,0	211,0	23,3	117,5	141,0	8,8	44,2	53,0
б) ткальи	11,7	58,8	70,5	8,8	44,1	53,0	7,0	35,3	42,3
Всего	83,2	234,8	318,0	56,4	161,6	218,3	24,9	79,5	104,4
Продажная цена	—	—	200	—	—	150	—	—	—
Убыток	—	—	118	—	—	68	—	—	—

* Ср. за 1631—1632 гг. «Крепостная мануфактура в России», ч. III, стр. 158—159.

Результат нашей калькуляции оказался довольно неожиданным.

Как видим, себестоимость казенного полотна, производимого раздачей работы деловицам на дом, была явно убыточной по сравнению с продажными ценами. Конечно, царская казна могла себе позволить такой убыток, потому что хлеб, составлявший до $^3/_4$ учтенных нами издержек, доставался ей отнюдь не по рыночным ценам. Сомнительно даже, *знали ли* в приказе Мастерской палаты об убыточности. Ведь хлебом хамовные села и слободы снабжались из дворцовых сел, а иной раз и оставлялись на целые годы вовсе без снабжения [2] — по другому ведомству (Приказ большого дворца). Четкое осуществление идей хозрасчета при таких феодальных порядках вообще едва ли возможно. По совершенно иному, *капита-*

[1] «Крепостная мануфактура в России», ч. III, стр. 147, 176, 216.

[2] Жалобы по этому поводу ярославских деловиц, вынужденных в такие годы вместо работы бродить с сумой и питаться «христовым именем», ср. «Крепостная мануфактура в России», ч. III (1626 г.; 1631 г., 1637 г.), стр. 72, 78, 82.

листическому, типу складывалась организация и эксплуатация труда на первой царской мануфактуре — Кадашевском хамовном дворе. Некоторые историки, признавая за казенными мануфактурами XVII в. «все черты, характерные для крупной мануфактуры централизованного типа», утверждают все же, что их «нельзя рассматривать как капиталистические мануфактуры», поскольку они не были связаны с *рынком*[1]. Однако и этого нельзя сказать в отношении *полотняных* царских мануфактур. Их продукция уже частично поступала на московский рынок еще в 30-х годах XVII в. И, стало быть, они если не стали, то уже становились капиталистическими. Здесь сиделые хамовники и мастерицы за свой труд получали только *денежную* — помесячную или сдельную — плату. Учет издержек производства не требовал никаких условных оценок натуральных выдач. Результаты эксплуатации *наемного* труда здесь были уже, по-видимому, тоже совсем иные.

В самом деле, считая в штуке полотна двойного 14 аршин длины, получаем, что ткацкий труд при раздаче на дом обходился из расчета на аршин не дешевле 5 коп., а прядильный — 15 коп. с аршина. И это нормы 1626 г. А к концу века под влиянием вздорожания цен на черный хлеб вдвое, при *неизменном* пайке и денежной ставке деловиц, они в *денежном* выражении выросли процентов на 80 и выше — для ткачей до 9,2 коп. с аршина полотна двойного. Сиделые же мастера, ткачи царской мануфактуры, даже к концу века получали за день обычно от 1 до 2 алтын[2], а в среднем не более 4,5 коп. за кормовой день (1681—1682 гг.), при выработке тонкого полотна за такой день — не менее аршина, т. е. вдвое дешевле оплаты деловиц при хлебных ценах конца века. При таких нормах оплаты труда на Кадашевской мануфактуре производство могло уже, по-видимому, окупиться и рыночной расценкой продукции.

Впрочем, обслуживая главным образом натурой потребности царского обихода и сбывая лишь избытки своей продукции на рынок, эта мануфактура гораздо более заботилась о высоком качестве своих изделий, чем об удешевлении производства и рентабельности сбыта. В наших документах имеются сведения только о трех случаях довольно значительных поступлений этих изделий через «казенный двор» на московский рынок. Предназначенная к продаже «белая казна» подвергалась предварительной «оценке торговых людей холщевого ряда», а затем продавалась по вольной цене — с порядочной надбавкой против этой оценки. Товар для продажи отбирала сама царица. В продажу шел при этом товар «лежалый и нележалый», но в общем, вероятно, прежде всего брак и заведомо залежавшийся товар.

Данные[3] о продаже более значительных партий «белой казны» сведены нами в табл. 3.

Как видно из расценок, самые тонкие сорта ткани производились в Брейтове; Кадашевская слобода по качеству изделий стояла на втором месте, а в Хамовной (Тверской слободе) производились наиболее грубые и дешевые полотна. Резкая дифференциация цен по сортам объясняется при этом прежде всего различной трудоемкостью разных сортов товара и качеством соответствующих сортов волокна. Пониженная расценка партии товара 1631 и 1633 гг. по сравнению с 1626 г. объясняется, вероятно, тем, что в 1626 г. в продажу шел более добротный товар, а в следующие годы — в большей своей части «лежалый», т. е. бракованный. Отчасти это снижение может быть отнесено и за счет того, что призванные в 1631 и 1633 гг. к расценке «торговые люди холщевого ряда», рассчитывая сами выступить в роли продавцов данного товара, исходили в своих

---

[1] «Очерки истории СССР XVII в.». М., 1955, стр. 99—103.

[2] В начале века эта ставка была, по-видимому, не выше алтына.

[3] «Крепостная мануфактура в России», ч. III, стр. 147, 148.

оценках из пониженных *оптовых* цен. Как видно из табл. 3 на деле продажа этих партий через «казенный двор» (в розницу) позволила выручить в 1631 г. на 25%, а в 1633 г. даже на 38% выше оценки торговых экспертов, причем документ эту разницу называет «прибылью государя».

Таблица 3

Продажа «белой казны» из Мастерской палаты

Наименование товара	29.XII 1626 г.			3—4.V 1631 г.			21—22.I 1633 г.		
	Число штук	Оценка за штуку, коп.	На сумму, руб.	Число штук	Оценка за штуку, коп.	На сумму, руб.	Число штук	Оценка за штуку, коп.	На сумму, руб.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Полотна									
1. Двойные	200	200	400	—	—	—	—	—	—
2. » гладкие	—	—	—	30	130	39,00	—	—	—
3. » полосатые	—	—	—	8	100	8,00	—	—	—
4. Тройные	600	150	900	—	—	—	—	—	—
5. » полосатые	—	—	—	32	70	22,40	—	—	—
6. » тверские	—	—	—	20	30	6,00	—	—	—
Скатертные столбцы									
1. Брейтовские задейчатые	—	—	—	—	—	—	10	150	15,00
2. Кадашевские задейчатые	—	—	—	27	100	27,00	7	120	8,40
3. Тверские	—	—	—	34	30	10,20	17	30	5,10
4. Хлопчатые	—	—	—	24	36	8,64	87	40	34,80
Убрусные полки	500	150	750	—	—	—	30	90	27,00
Итого по оценке	—	—	2 050	—	—	121,2*	—	—	90,30
Фактическая выручка	—	—	2 050	—	—	152,43	—	—	124,28

* В подлинной записи этот итог подсчитан ошибочно в 101 руб. 8 алтын.

При сравнении цен полотна со скатертным товаром необходимо учитывать, что столбец узорной скатертной ткани не превышал 10 аршин длины, в то время как штука полотна двойного достигала 14 аршин, а парусного — даже 38 аршин в куске. В 1637 г. состоялось распоряжение: «А больши того, тое государевы белые казны на *казенном дворе*, не продавать». Но это, может быть, еще не означало отказа от рыночных операций с «белой казной» вообще. Возможно, что эти операции просто было выгоднее осуществлять иными путями. Уже в 1634 г. у нас зарегистрированы два случая продажи ткани непосредственно из царицыных «хором», причем столбец скатертный тройной и полотна гладкие тройные продавались по 2 руб. за штуку, т. е. дороже цен 1626 г. Посреднические услуги казенного двора при таких условиях могли стать излишними.

Для сравнения с этими ценами приведем некоторые известные нам рыночные расценки того времени на текстильные товары. Простая рыночная холстина белая ткалась кусками длиною в 10—12 аршин, шириною около 12 вершков и расценивалась в Москве в 1613—1614 гг. от 2 до 3 коп. за аршин [1]; в 1652 г. наиболее грубая ткань, или «точь», продавалась

[1] В «Приходо-расходных книгах Казенного приказа 1613—1614 гг.» находим такие цены: 1613 г.— за 12 арш. 24 коп.; за 12 арш. 27 коп. 1614 г.— за 10 арш. 27 коп.; за 12 арш. 36 коп., за 30,8 арш. 90 коп.; за 30 арш. 90 коп., всего

там от 1,5 до 2,5 коп. за аршин, полотно получше — по 3,4 коп. за аршин [1], в 1674 г. мы находим там же цены от 2 до 5—6 коп. за аршин полотна (холста) [2]. Все эти цены идут в сравнение только с наиболее дешевыми сортами царских полотен Тверской хамовной слободы. Брейтовские и кадашевские, очевидно, были или много тоньше, или *иной* ширины. Характерно в этом отношении, что даже весьма грубые парусные полотна царской мануфактуры обходились казне в 1696 г. на Кадашевском хамовном дворе по 12 коп. за аршин, т. е. раза в два дороже самых высоких цен полотна рыночного (6 коп. за аршин) [3]. Это может говорить за то, что на Кадашевском дворе работа шла на широких ткацких станках иноземного образца.

Из хлопковых тканей на московском рынке того времени имели хождение «белая катунь — полотно», а также «выбойка, или *персидское* полотно», бязь, кумач, бумазея. По Костомарову, бязь продавалась у нас еще в XVI в. по алтыну аршин [4]. Выбойка московская в 1613 г. расценивалась по 5 коп. аршин. Белая катунь (ср. англ. слово cotton — хлопок) продавалась в 1652 г. по 1 руб. 60 коп. за штуку, черная бумазея в том же году — по 13 коп. за аршин (в Вологде) [5]. Если в куске белой катуни считать аршин 12, как в полотне, то цена одного аршина получится тоже около 13 коп. Кумач в XVII в. продавался у нас по 40 алтын за кусок, т. е. за аршин копеек по 10 или около того [6]. Для сравнения укажем, что льняная крашенина продавалась значительно дешевле: красная — по 3,5 коп., лазоревая — от 3 до 4 коп., черная — по 5 коп. аршин [7]. Таким образом, в общем и белые и крашеные ткани из хлопка в XVII в. ценились у нас дороже льняных соответствующей выработки, но лучшие льняные ткани царской мануфактуры расценивались дороже хлопчатых. Возможно, однако, что и здесь решало дело не только качество выработки, но и разная ширина тканей.

Относительная дороговизна бумажных тканей в XVII в. по сравнению с льняными объясняется прежде всего разницей в ценах сырья. Катунь, или хлопковое волокно, как привозной товар, ценилась в Москве в 1674 г. от 2,5 до 5 руб. за пуд, в то время как псковский лен (трепаный) стоил 70—85 коп. за пуд. И, стало быть, даже чесаный лен, который раза в полтора дороже трепаного, обходился в несколько раз дешевле хлопка. Зато хлопок давал более тонкую пряжу, а вместе с тем и больше ткани

за 106,8 арш. 2 руб. 94 коп.; по 2,8 коп. за аршин («Русская историческая библиотека», т. 9. СПб., 1884, стр. 70, 205, 86, 91, 130).

[1] В «Расходной книге новгородского митрополита Никона 7160 года» (1651—1652 гг.) значится покупка в Москве «точи» на «простыни в служба» — 9 арш. за 13 коп. и «немому на рубашку точи» — 8 арш. за 20 коп. («Временник Московского общества истории древностей российских». М., 1852, кн. 13, стр. 48 и 35). Де Родес дает для того же 1652 г. московские цены: за 100 арш. полотна простого 2 руб. 50 коп. и другую — за 100 арш. 3 руб. 40 коп. (Б. Г. Курц. Состояние России в 1650—1655 гг. по донесениям Родеса. М., 1915, стр. 118).

[2] Б. Г. Курц. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича, стр. 101.

[3] «Крепостная мануфактура в России», ч. III, стр. 71.

[4] «Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях», составил Н. Костомаров. СПб., 1862, стр. 228.

[5] «Приходо-расходные книги Казенного приказа 1613—1614 гг.».— Русская историческая библиотека», т. 9, стр. 63; Б. Г. Курц. Состояние России в 1650—1655 гг., стр. 118—119; «Расходная книга Никона».— «Временник Моск. об-ва истории и древностей российских», кн. 13, стр. 46; «куплено бумазеи черныя двенадцать аршин, дано рубль осьмнадцать алтын четыре деньги».

[6] Н. Костомаров. Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях. СПб., 1862, стр. 228.

[7] «Приходо-расходные книги Казенного приказа 1613—1614 гг.».— «Русская историческая библиотека», т. 9, стр. 55—63, 130; «Расходная книга Никона».— «Временник Моск. об-ва истории и древностей российских», кн. 13, стр. 31.

из пуда волокна. В связи с этим небезынтересно отметить известие о том, что уже в XVII в. московское правительство хлопотало о разведении под *Москвой* хлопка и усиленно разыскивало «индейцев, мастеровых людей, которые умеют делать киндяки и бязи» из хлопчатой бумаги[1]. Профессор Сыромятников называет эти хлопоты фантастическими. Однако *производство* бумажных тканей в с. Киндякове и в других хамовных селах ведет свое начало у нас на Руси уже с XVII в., а *разведение* хлопка на русской почве, хотя и не под Москвой, оказалось ныне делом также вполне реальным.

Особый интерес в наших материалах представляют данные о сравнительной трудоемкости различных операций прядильно-ткацкого дела. В XVII в. при раздаче работ на дом в порядке сдельщины на *одно дело* задавались следующие уроки (табл. 4).

Таблица 4

Трудоемкость различных работ в XVII в. *

Сорт товара	Объем «дела», шт.					Число «дел» на 100 шт. товара				Денежная зарплата на 1 шт., коп.
	пряжа		тканье		вышивка					
	прялий	беленниц	ткалий	бралий	швей	пряжных	ткальных	швейных	итого	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Полотна										
1. Двойные	2	—	6	—	—	50	16,7	—	66,7	46,7
2. Тройные	3	—	8	—	—	33,3	12,5	—	45,8	32,1
3. Тверские	8	—	10	—	—	12,5	10,0	—	22,5	15,8
Скатертные столбцы										
1. Двойные	2	4	—	2	—	75	50	—	125	122,5
2. Тройные	6	8	—	2	—	29,2	50	—	79,2	94,7
3. Хлопчатые	8	—	—	—	—	12,5	—	—	—	—
Убрусные полки										
1. Тонкие	8	—	—	8	5	12,5	12,5	20	45,0	31,5
2. Двойные	18	—	—	8	6	5,5	12,5	16,7	34,7	24,3

* «Крепостная мануфактура в России», ч. III, стр. 163—174, 184, 186.

Для целого ряда товаров приведенные нормы выработки остаются неизменными на протяжении всего XVII в., для других, стандарт размеров и качества которых менялся, колеблются и эти нормы.

Оплата урока, именуемого делом, на всех почти работах была одна и та же. В ярославских селах, например, и для прялий и для ткалий на *всех* сортах пряжи и ткани она (сверх хлебного пайка) составляла 70 коп. за дело. *Но бральи* получали на выделке скатертей по 1 руб. 40 коп. Можно думать, что здесь двойная расценка объяснялась тем, что «брать» узорную скатертную ткань приходилось за одним станом *двум* работницам. Это подтверждается и тем, что в соответствующих производственных группах всегда числится не менее двух бралий, в то время как ткачихи работали и поодиночке. С другой стороны, те же бральи на выделке убрусов получали только по 70 коп. Говоря иначе, двойная ставка за скатертное дело на один стан бральям объясняется не повышенной их квалификацией, а тем, что она была рассчитана на двоих. А если это так, то денежная

[1] Б. И. Сыромятников. Указ. соч., стр 13.

ставка за разные работы является в нашей таблице вполне удовлетворительным мерилом сравнительной их трудоемкости. Нужно лишь помнить, что в ней не учтена стоимость льна и прочих материалов.

Из таблицы видно, что у нас в XVII в. ткацкий труд был значительно продуктивнее прядильного, вследствие чего в производстве более тонких полотен на одного ткача требовалось не менее трех прядильщиц. В Англии до технической революции XVIII в. в текстильном деле эта диспропорция наблюдалась еще в большей мере. Там один ткацкий станок давал работу *пяти* или *шести* самопрялкам.

Но эти коэффициенты, по-видимому, относятся к более высоким номерам хлопчатобумажного прядения. Более грубая льняная пряжа, даже на веретенах, требовала у нас лишь немного больше рабочих рук, чем их поглощалось за ткацкими станками. А производительность этих последних на *узорных* тканях (скатерти и убрусы) даже отставала от ручного прядения. Для изготовления «тройных» скатертей на 50 ткацких станов с целой сотней бралий требовалось засадить за пряслицы с веретеном не больше 29 прялий, т. е. тут уже ткачество раза в 3 отставало от прядения. Но поскольку узорные ткани были только предметом роскоши, в общем и у нас в XVII в. ткацкий труд в среднем по всем работам требовался все же в меньшем количестве, чем прядильный.

О суточной выработке ткалий и прялий XVII в. в наших документах очень мало сведений. Кроме выше указанной записи сафьянного двора о тканье полотен Федьки Иванова, «что выткал он с марта месяца 180-го по 182-год 407 аршин» [1], мы имеем еще несколько записей о выработке парусных полотен.

Парусные полотна ткались на хамовном дворе бригадами по 15—16 ткачей на стольких же станах и оплачивались сначала поденно по алтыну на день, а затем сдельно по 3 деньги с аршина по 19 алтын с постава (за штуку в 38 аршин) [2].

Отсюда можно заключить, что при сдельной работе можно было выткать около 2 аршин парусного полотна на человека за день. При повременной работе на 2500 аршин потребовалось затратить, по записям 1693—1695 гг., 1616 кормовых человеко-дней (включая праздники) при оплате 48 руб. 48 коп. или (за вычетом праздников) около 1328 рабочих дней. Значит, за *рабочий* день фактически можно было выткать на поденной работе до 1,88 аршина и заработать с *аршина* 1,94 коп., а за *рабочий день* — 3,65 коп.

На тонких полотнах сафьянного двора при выработке 407 аршин за 18 месяцев по 22,6 аршина в месяц дневная выработка ткача не превышала аршина за рабочий день. Высокая себестоимость этих полотен (352 руб. 42,5 коп. за 1117 аршин, или 31,6 коп. за аршин) по сравнению с парусными полотнами Кадашевской мануфактуры (12 коп. за аршин) позволяет думать, что это были наиболее тонкие «двойные» полотна. В таком случае, исходя из соотношений табл. 2 и считая в штуке полотна 14 аршин длины, в скатертном столбце 10 аршин и в убрусе 2 аршина, получим такие примерно нормы дневной выработки рабочего в аршинах (табл. 5).

Таблица 5

Нормы выработки за день в XVII в.

Изделия	Ткань, арш.	Пряжа, на арш. ткани
1	2	3
Полотна		
1. Двойные	1	0,33
3. Тройные	1,33	0,5
3. Тверские	1,67	1,34
Скатерти		
1. Двойные	0,12	0,16
2. Тройные	0,12	0,41
Убрусы двойные	0,19	0,48

[1] «Крепостная мануфактура в России», ч. III, стр. 63.

[2] Там же (1693 г.), стр. 69—70; (1695 г), стр. 103; (1697 г.), стр. 104—105.

Резкое снижение выработки в аршинах по скатертям объясняется несовершенством тогдашней техники тканья узорных тканей и в частности тем, что один станок обслуживался двумя бральями. Убрусы были тоже узорные, но меньшей ширины (около 9 вершков) и более простого плетенья, а потому выработка здесь выше.

О производительности ручных прядильщиков XVII в. можно еще судить по следующим данным: пряжа для парусных полотен вырабатывалась раздачей льна на дом, причем на «парусное дело» пряжею выдавалось 6 пудов льна (трепаного), из которого «по опыту» выходило по 15 фунтов пряжи с пуда, а всего 2 пуда 10 фунтов пряжи на 85,5 аршина полотна (см. № 34, стр. 71). Таким образом, на аршин парусного полотна требовалось 1,05 фунта пряжи или 2,8 фунта льна трепаного. В тонком прядении, по записи сафьянного двора, из 2 пудов 18,5 фунтов пряжи «по смете» выходило 220 аршин полотна, т. е. на аршин шло 0,448 фунта пряжи (см. № 24, стр. 63), или в 2,3 раза меньше, чем на парусные полотна. Выше мы видели, что ткач вырабатывал за день тонких (двойных) полотен около аршина в день и на одного ткача приходилось три пряхи. Значит, пряха за день пряла пряжи на $1/3$ аршин. Это составит $0,448 : 3 = 0,15$ фунта, или 61,5 *г* тонкой льняной пряжи за рабочий день.

Современные машины дают более тонкую пряжу, чем ручное веретено. Но лен в настоящее время идет главным образом на технические грубые ткани, а в обслуживании личных потребностей человека (белье и одежда) его вытесняет несмотря на более высокие цены этого сырья хлопок. И это целиком объясняется громадным прогрессом в технике прядения этого волокна. В самом деле, в 1927—1928 гг. советские хлопчатобумажные фабрики дали 313 тыс. т пряжи № 28 на 31 млрд. отработанных веретено-часов, т. е. по 10 *г* за час, или 80 *г* за 8-часовой день, на 1 механическое веретено[1]. Но к этому еще надо прибавить, что на 1 рабочего, включая сюда весь персонал прядильных цехов, приходилось в смену до 120 работающих веретен; таким образом, дневная выработка на рабочего составляла за 8 часов 9,6 *кг* пряжи № 28, т. е. минимум раз в 150 выше нормы XVII в.[2]

В ткацком деле наши успехи, по-видимому, много скромнее. В 1927—1928 гг. на 176 тыс. станках за 800 млн. станко-часов у нас было выработано 2666 млн. *м* хлопчатых тканей, что дает на 1 станко-час работы 3,34 *м* весом каждый метр 105 *г*. На 1 рабочего в смену приходилось при этом 1,7 ткацких станка. Значит, за 8-часовой день современный ткач дает свыше 45 *м* ткани. Мы не знаем в точности ни ширины и плотности тканей XVII в., ни длины рабочего дня того времени и потому не могли бы дать вполне сравнимое сопоставление. Однако, допуская, что рабочий день ткачей XVII в. не спускался ниже 10 часов и что в процессе тканья и беленья льняные ткани теряли в весе пряжи не менее 20%, можно определить, что станок XVII в. давал за час не свыше 7 *см*, а за 8 часов — около 56 *см* тонкой льняной ткани, т. е. раз в 48 меньше современных механических станков. А с учетом числа станков, обслуживаемых 1 рабочим, производительность труда в этом процессе повысилась раз в 80, причем нужно еще учесть, что эта «тонкая» ткань XVII в. весила в метре свыше 200 *г*, т. е. была значительно грубее нынешней хлопковой из пряжи № 28.

Таким образом, производительность труда в области процессов прядения за последние два-три столетия обогнала у нас раза в 2 производи-

---

[1] «Промышленность СССР в 1927/28 году», М., 1930, т. II, стр. 144 и сл.

[2] Укажем для сравнения, что Маркс в свое время определял выработку хлопковой пряжи на ручной прялке в 61,4 *г* за 10 часов, а на мюль-машинах — в 11,05 *кг* средних номеров за 10-часовой человеко-день, т. е. в 180 раз больше ручной работы. Выведенный нами коэффициент следовало бы еще увеличить за счет сокращения рабочего дня и за счет большей тонкости нынешней пряжи (№ 28).

тельность ткацкого труда. И в результате теперь у нас уже персонал *ткацких* цехов превышает численность прядильщиков на десятки процентов (в 1928 г. на 72%).

Эти технические сдвиги в связи с общим подъемом производительности труда в указанной области в десятки и сотни раз весьма красноречиво показывают, какой огромный исторический путь пройден нашей текстильной промышленностью от первой царской мануфактуры до современной советской фабрики.

3. К ВОПРОСУ ОБ ЭКОНОМИКЕ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ[1]

Петровская эпоха великих преобразований в России привлекала к себе внимание очень многих русских историков. И все же экономика этой эпохи не получила и доныне достаточного освещения. Во всяком случае ошибочных оценок и творимых легенд в этой области было до сих пор гораздо больше, чем твердо установленных фактов и бесспорных суждений. Очень долго, например, пользовалась кредитом легенда об *искусственности* насаждения Петром крупной мануфактурной промышленности в России и о полном *крахе* этих его начинаний. Историки самых различных масштабов и направлений поддерживали эту легенду весьма красочными высказываниями в течение многих десятилетий. Приведем здесь только немногие из них.

Резкую критику петровской политики протекционизма крупному производству в России в ущерб мелкой кустарной и домашней промышленности находим уже у Корсака. «Следовало бы прежде всего обратиться к живым *народным* силам и дать им возможность к дальнейшему развитию, а не давить их монополией и рабством»,— поучал он Петра в духе общеизвестных несколько позднее народнических воззрений. «*Искусственно* воздвигнутые фабрики с *импровизированными* фабрикантами не находили рабочих...» Лишь только наступала жатва, рабочие оставляли толпами фабрики; «фабриканты несли потери, которые могли вознаграждаться только монопольными ценами изделий»,— продолжает Корсак свое несколько запоздалое поучение и заключает: «Новая форма промышленности была решительно *противуположна* всем народным привычкам и формам жизни»[2]. Не менее критически о петровской политике протекционизма и ее результатах отзываются, однако, и люди иных воззрений. В. О. Ключевский, например, трактовал ее как «*казенно-парниковое* воспитание промышленности»[3]. Об искусственности возникновения у нас крупной промышленности при Петре твердил в свое время и П. Н. Милюков. По его мнению, на Западе крупное производство выросло из домашней формы промышленности органически. «У нас же мануфактура и фабрика не успела развиться органически из домашнего производства под влиянием роста внутренних потребностей населения. Она создана была впервые правительством... Старинные русские кустари при этом были забыты, и новая форма производства *перенесена с Запада* готовою. В стране без капиталов, без рабочих, без предпринимателей и без покупателей эта форма могла держаться только *искусственными* средствами и привилась лишь благодаря продолжительному и усиленному покровительству»[4].

---

[1] С. Г. Струмилин. Очерк экономической истории России. М., 1960, стр. 313—331.

[2] А. Корсак. О формах промышленности вообще и о значении домашнего производства (кустарной и домашней промышленности) в Западной Европе и России. М., 1861, стр. 129 (курсив наш.— *С. С.*).

[3] В. Ключевский. Курс русской истории. Соч., т. 4, ч. 4. М., 1958, стр. 118 (курсив наш.— *С. С.*).

[4] П. Милюков. Очерки по истории русской культуры, ч. I. СПб., 1909, стр. 85—86 и 311 (курсив наш.— *С. С.*).

Что же касается результатов петровской индустриализации, то они в русской дореволюционной исторической литературе оценивались порой еще более отрицательно. Уже Милюков, оценивая «скудные плоды» усилий Петра в этой области, отмечает, что в списке фабрик 1780 г. «мы находим только 22, уцелевшие от петровского времени; между тем общее количество фабрик и заводов, открытых при Петре, доходило до сотни» [1]. А в специальной истории петровского времени Князькова мы находим такую его оценку: «С промышленностью и торговлей случилось то же, что и со всеми реформами Петра...». Они «вяли, как скороспелые цветы». «К торгово-промышленной деятельности у него (Петра Великого) не было и подготовки, может, просто, относительно говоря, способности (!) а воспринятые им начала меркантилизма сами в себе таили в конечном итоге неуспех и неудачу» [2]. Не менее решительны выводы еще одной специальной работы о фабриках Петровской эпохи. В подтверждение своего общего тезиса, по которому «Россия при Петре получила *ложное* экономическое направление», этот автор приводит следующие итоги: «в 1786 г., из построенных Петром 98 фабрик существовало только 11, возникших при жизни Петра...» «Таким образом,— заключает автор,— то, что было создано волею Петра *поспешно* и без соображения с внутренними потребностями народа и отсутствием необходимых элементов производства, *не смогло долго существовать*» [3].

И такие выводы распространяются не только на фабричную, но и на всю горнозаводскую промышленность Петровской эпохи. Так, например, один из историков этой отрасли, отметив «*невероятный* успех» горного дела в первую четверть XVIII в., объясняет его «только личной энергией Петра I», за смертью которого, дескать, и последовал «*застой* в горном деле, начавшийся при преемниках Петра I» [4]. Другой историк той же отрасли пишет: «В конце концов реформы Петра в области промышленности можно всего лучше характеризовать так: это были насильственные реформы, отклонившие движение нашей промышленности от ее *естественного* пути ради скорейшего достижения результатов, требовавшихся общей государственной политикой. Пока был жив сам Петр, пока такое *неестественное* направление нашей промышленной жизни не выходило из его воли, стремившейся к одной строго определенной цели, получались *изумительные* результаты. ...Но органический недостаток такой системы заключался в том, что успехи ее всецело зависели от личности Петра, от силы его гения. Раз этого гения не стало, не стало и души такого своеобразного порядка вещей... На горнозаводском деле, более других отраслей промышленности испытавшем на себе влияние этих чрезвычайных и искусственных мер, последствия их сказались с особенной силой... рост дела, с такой силой заявивший о себе при Петре, после его смерти *замедляется*, а затем надолго и вовсе *останавливается*» [5].

Очень любопытно, что даже Туган-Барановский в своем споре с народниками о судьбах капитализма в России, несмотря на свою весьма положительную оценку петровской политики, отнюдь не оспаривал по существу тезиса об *искусственном* насаждении крупной промышленности в Петровскую эпоху. «Во всяком случае,— пишет он,— не подлежит сомнению,

---

[1] П. Милюков, стр. 87. Милюков забывает при этом упомянуть, что вместо выбывших к тому времени, за ветхостью, старых мануфактур возникло в 6 раз больше новых и более крупных.

[2] С. Князьков. Очерки по истории Петра Великого и его времени. СПб., 1914, стр. 329.

[3] Д. И. Девятисильная. Фабрики и заводы в царствование императора Петра Великого. Историко-экономическое исследование. Киев, 1917, стр. 72—75.

[4] П. А. Голубев. Двухсотлетие русской горной промышленности.— Сб. «Материалы по изучению Пермского края», вып. I. Пермь, 1904, стр. 102—103.

[5] В. Белов. Исторический очерк уральских горных заводов. СПб., 1896, стр. 21—22 (курсив наш.— *С. С.*).

что крупное производство возникло в России под непосредственным влиянием правительства»[1]. И более того. Ему же принадлежит формулировка: «Без мер, принятых Петром, крупное производство не имело никаких шансов развиться в тогдашней России»...[2] Развивая эту мысль, Туган-Барановский говорит о допетровской эпохе: «Превращение кустарного производства в фабричное было невозможно по той простой причине, что при примитивности техники производства, грубости и дешевизне изготовляемых изделий *мелкое производство оказывалось* более выгодным»[3]. Что же касается тех товаров, которые не выделывались кустарями, как тонкие сукна, полотна, шерстяные материи, то к организации их крупного производства в Московской Руси Туган-Барановский указывает два препятствия: «Отсутствие подготовленных, искусных рабочих и трудность сбыта таких товаров, так как иностранные товары ввозились с небольшой пошлиной и по своим достоинствам стояли вне туземной конкуренции»[4]. Поэтому, отнюдь не отрицая «искусственности» насаждения у нас крупной промышленности Петром Великим, Туган-Барановский переводил спор совсем в другую плоскость таким вопросом: «Почему «естественные учреждения» предпочтительнее «искусственных»»[5].

Еще любопытнее, однако, что и М. Н. Покровский при всех его расхождениях и с Туган-Барановским, и с народниками тоже, поддерживая тезис об «*искусственном* создании новых отраслей производства» в Петровскую эпоху, утверждал в то же время весьма решительно «*банкротство* петровского капитализма»[6]. Концепция Покровского при этом очень оригинальна. «Совершенно ошибочно мнение,— писал Покровский,— будто политические условия *форсировали* развитие русского капитализма XVII—XVIII вв.; но что политическая оболочка дворянского государства *помешала* этому капитализму развиться — это вполне верно. Самодержавие Петра и здесь, как и в других областях, создать ничего не сумело, но разрушило многое...»[7] По мысли Туган-Барановского и др., государство в лице Петра «искусственно» *ускорило* развитие крупной промышленности в России, по концепции Покровского, наоборот, задержало его. Но и в том и в другом случае «политика» Петра противопоставляется «экономике», как идущая вразрез нормальному или, употребляя термин Милюкова, «органическому» течению ее развития, что и позволяет трактовать соответствующие мероприятия государственной политики, как искусственные. Это и есть пункт, в котором сходятся даже столь расходящиеся крайние мнения.

«Таким образом,— развивал в противовес Туган-Барановскому свою концепцию Покровский,— в России конца XVII века *были налицо* необходимые условия для развития крупного производства, были капиталы — хотя отчасти и иностранные,— был внутренний рынок, были свободные рабочие руки... и, однако же, *крах* петровской крупной промышленности — такой же несомненный факт, как и все вышеприведенное. Основанные при Петре мануфактуры лопнули одна за другой, и едва десятая часть их довлачила свое существование до второй половины XVIII века»[8]. По Туган-Барановскому, в условиях экономики допетровской эпохи «превращение кустарного производства в фабричное было *невозможно*» и все же политика Петра преодолела эту экономическую невозможность. По мне-

---

[1] М. Туган-Барановский. Русская фабрика в прошлом и настоящем, т. I. М., 1938, стр. 12.
[2] Там же, стр. 18.
[3] Там же, стр. 12 (курсив наш.— *С. С.*).
[4] Там же, стр. 12—13.
[5] Там же, стр. 11.
[6] М. Н. Покровский. Указ. соч., стр. 306 (курсив наш.— *С. С.*).
[7] Там же, стр. 244—245 (курсив наш.— *С. С.*).
[8] Там же, стр. 244 (курсив наш.— *С. С.*).

нию Покровского, наоборот, экономические условия для такого превращения к концу XVIII в. уже были все налицо и все же направленная к этой цели *самодержавная политика* Петра привела это его начинание к краху. Не слишком ли много, однако, чести и бесчестья Петру приписывается в этих *концепциях*, по которым и разумной и даже неразумной политике отдельных лиц предоставляется — *наперекор экономике* — свершить даже «невозможное».

В связи со всеми такими отрицательными оценками петровских преобразований следует напомнить еще одну, получившую в наше время самый широкий резонанс. Мы имеем в виду известное замечание И. В. Сталина в 1928 г. о петровском строительстве заводов и фабрик. Назвав это строительство Петра Великого «своеобразной попыткой выскочить из рамок отсталости», И. В. Сталин тут же дает понять, что эта *попытка* оказалась неудачной, поскольку ни один из «старых классов» — ни феодальная аристократия, ни буржуазия — «были неспособны даже поставить ее, эту задачу, в сколько-нибудь удовлетворительной форме» [1]. Таким образом, в этой оценке И. В. Сталин как будто примкнул к общему хору голосов о крахе петровской экономической политики.

А между тем исторические факты отнюдь не подтверждают таких вердиктов. Прежде всего отпадает версия об искусственности развития мануфактурной промышленности в Петровскую эпоху. Нам теперь уже хорошо известно, что и до Петра, начиная еще со второй половины XVI в., в России возникали десятками и сотнями капиталистические мастерские с вольнонаемным трудом, которые уже в XVII в. перерастали в довольно крупные централизованные мануфактуры [2]. Известно также, что уже в XVII в. была налицо и такая для этого предпосылка, как всероссийский рынок и созданные им буржуазные связи [3]. Неоспорима высокая рентабельность русских мануфактур Петровской эпохи, исключающая всякую идею об оранжерейном их выращивании. Идея о кризисе и крахе петровской промышленной политики после его смерти опровергается уже тем фактом, что именно только после кончины Петра Россия обгоняет даже передовую Англию по производству железа и становится надолго основным его поставщиком в Европе и Америке.

Такие результаты нельзя трактовать как неудачную попытку выскочить из рамок отсталости. Отсталая допетровская Россия после Петра, вплоть до промышленного переворота в Англии и Великой французской революции, действительно «выскочила» на время из экономической отсталости не только по сравнению с Францией. В области черной металлургии она заняла даже первое место в мире. Нельзя забывать, что и «старые» классы были в свое время молодыми. И когда, скажем, буржуазия XVIII в. проводила в Англии промышленный переворот или во Франции социальную революцию, то о ней никак не скажешь, что она неспособна была даже поставить перед собой такие серьезные задачи. Строители петровских мануфактур тоже неплохо для своего времени справились с поставленной перед ними задачей. И сам Петр, задавшийся целью вывести свою страну из крайней отсталости, прорубив окно в Европу и «лихорадочно» развивая в России прежде всего крупное индустриальное производство железа [4], даже опередил свое время в трезвой оценке этого метода преодоления наиболее опасных форм экономической отсталости.

---

[1] И. В. Сталин. Сочинения, т. II, стр. 248—249.

[2] См., например, Н. В. Устюгов. Солеваренная промышленность. Соли Камской в XVII веке. К вопросу о генезисе капиталистических отношений в русской промышленности. М., 1957.

[3] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 154.

[4] Напомним здесь только принцип горной свободы — искать и добывать на своих и чужих землях всякие металлы, провозглашенный Петром в 1719 г. вопреки всем правам феодальной собственности на землю.

Кадетский лидер П. Н. Милюков, осуждая налоговую реформу Петровской эпохи, ссылался на такие «факты», как «утроение податных тягостей (с 25 на 75 млн. на наши деньги) и одновременно убыль населения по крайней мере на 20%», которые, по его мнению, сами по себе доказывают выставленное им положение, что политический рост государства, достигнутый в Петровскую эпоху, «опередил его экономическое развитие». Милюков заканчивает свою книгу о государственном хозяйстве России и таким безрадостным выводом:

«Ценой разорения страны Россия возведена была в ранг европейской державы»[1].

По концепции Милюкова, политический рост государства опередил его экономическое развитие. Но государство — это только политическая надстройка над экономическим базисом. А между тем, по Милюкову, базис в данном случае вовсе не развивался, он деградировал, приходил в упадок, страна разорялась. Ценою разорения, однако, ничего путного не купишь и на падающем фундаменте никаких архитектурных надстроек не возведешь. И если политическая мощь российской державы Петра Великого в огромной степени выросла, что бесспорно, то можно уже априори заключить, что росла она на крепнущей экономической почве.

А обращаясь к фактической стороне, следует прежде всего заметить следующее. Сопоставляя тяжесть обложения податного населения петровской России с 1680 по 1724 г., Милюков приводит такие итоги государственных доходов России, включая прямые и косвенные налоги:

Доходы	1680 г.	1701 г.	1724 г.
В текущей валюте, тыс. руб. . . .	1464	2956	8527
В валюте конца XIX в., млн. руб.	24,9	50,2	76,7

По весу серебра рубль 1724 г. равнялся около 85,5 коп. в валюте 1701 г. и не более 49,5 коп. в валюте 1680 г. Но Милюков пользуется показателями обесценения рубля, исходя из роста хлебных цен. И принимает его для первых двух дат, по Ключевскому, равным 17, а для 1724 г. приравнивает его 9 руб. «нашего времени». Это не очень точно, но автор расчета, по-видимому, совсем не гонялся за большой точностью. Это видно уже из того, что ни одна из исходных цифр его расчета, который призван обосновать столь ответственные выводы Милюкова об утроении податных тягостей и разорении петровской России, не подтверждается отчетными данными.

В самом деле, итог налоговых поступлений 1680 г. показан в его расчете в цифре 1 463 977 руб.; из отчетных данных, приведенных в той же книге Милюкова на странице 76—77, видно, что фактически их поступило (за вычетом оборотных поступлений) не менее 1 897 026 руб., с поправкой же в 90—120 тыс. руб. недоучтенных сумм по нескольким приказам — не менее 1987 тыс. руб., т. е. на 36% больше показанной. Итог поступлений за 1701 г. показан в сумме 2 955 765 руб., а по отчету он не ниже 3 438 279 руб., т. е. на 16% больше показанного[2]. Наконец, за 1724 г. показано Милюковым 8 526 560 руб. сметных поступлений, а в действительности, по отчету, их поступило всего 7 172 433 руб., в том числе 191 827 руб. прибылей по Берг-коллегии от казенных горных заводов; значит, собственно налоговых изъятий от населения за этот год поступило в бюджет не свыше 7980 тыс. руб., т. е. на 546 тыс. руб., или на 6,4%,

---

[1] П. Милюков. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905, стр. 546.

[2] Валовой доход, включая монетную операцию,— 4 690 753 руб., а за вычетом затрат металла на перечеканку монет (с сокращением их веса) — 1 252 474 руб., чистый доход — 3 438 279 руб. (П. Милюков. Государственное хозяйство России..., стр. 580, 182).

меньше учтенной Милюковым цифры изъятий. Кроме того, в этих итогах учтены только денежные доходы и вовсе выпали из учета сборы так называемого стрелецкого хлеба натурой, которого, по переписным книгам 1678 г., собиралось с 792 788 дворов 606 тыс. четвертей, за 1701 г. его собрано 368 тыс. четвертей, а в 1724 г. с переходом на подушную подать деньгами натуральные сборы хлебом вообще отпали. Учитывая и этот хлеб по самым умеренным ценам — к 1680 г. по 50—60 коп., а к 1701 г. по 1 руб. за четверть, мы вносим пока только самые необходимые поправки в подсчеты Милюкова. Эти поправки не так уж велики. Но поскольку «неточности» этого историка неуклонно преуменьшают тяжесть обложения начальных лет, завышая ее лишь к концу Петровской эпохи, то и общий суммарный их результат не так уж мал. И, уточняя его на базе отчетных данных, мы получим такие итоги:

Изъятия, тыс. руб.	1680 г.	1701 г.	1724 г.
В текущей валюте			
деньгами	1987	3438	7980
хлебом	303	368	—
Итого	2290	3806	7980
В валюте 1724 г. (по весу серебра)	4626	4452	7980
То же, % к 1680 г.	100	96	173

За первый из этих двух периодов, до войны со шведами, не было еще никаких реформ, но была уже изрядная порча монеты в 1682 и 1699 гг., и в результате этой порчи, несмотря на номинальное возрастание доходного бюджета на 67%, реальное его значение даже как будто упало на 4%. Если в этом можно усмотреть признаки упадка народного хозяйства, то во всяком случае причину его нельзя усмотреть в тех реформах, какие были тогда еще все впереди. По словам самого Милюкова, признаки кризиса и финансового, и народнохозяйственного открылись еще до реформы, не позже 1710 г. «Дефицит в бюджете и огромная убыль населения обнаружились почти одновременно». Они были вызваны, по его словам, одной причиной — «ростом государственных нужд и соответственным увеличением податного бремени... истощение платежной способности населения ускорило финансовый кризис, а оскудение казны требовало от населения новых жертв... Перепись 1710 г. обнаружила разорение населения... Бюджет 1710 г. показал предстоящий (?) дефицит...» [1]. «Необходимость реформы,— по уверению Милюкова,— застала правительство Петра врасплох» [2]. Петру некуда было деваться, и реформа «была осуществлена им поневоле» [3]. Правда, в результате этой «вынужденной» реформы Россия возведена была в ранг великой европейской державы, но почтенный наш историк слагает с себя всякую ответственность за все прочие последствия разорительных деяний этого неукротимого реформатора.

Так в общем выглядит оригинальная концепция Милюкова в оценке петровских преобразований. Желая осудить эти преобразования как несвоевременные, искусственные и разорительные, он сам доказывает, что, собственно говоря, «кризис» наступил еще до реформ и тем самым лишь подтверждает необходимость и своевременность вызванных этим кризисом реформ.

Конечно, отсталость допетровской экономики общеизвестна. Понятно и то, что длительная Северная война с сильнейшим противником уже в первые ее годы, от жестокого поражения в октябре 1700 г. под Нарвой

---

[1] П. Милюков. Государственное хозяйство России.., стр. 120, 217—218.
[2] Там же, стр. 219.
[3] Там же, стр. 545.

до решающей Полтавской победы в августе 1709 г., могла за девять лет вызвать и финансовое напряжение отсталой экономики, и бюджетные дефициты, и даже разорение. Но вопрос ведь не в этом, а в том, каким оказался эффект последовавших затем внутренних преобразований? Повысили они или ликвидировали бюджетные дефициты? И уменьшилось ли при этом или возросло «податное бремя» населения? Уменьшилось или возросло не до, а после реализации петровских начинаний в экономической области? Но как раз этот вопрос и не решается простой ссылкой на утроение бюджетных ресурсов России с 1680 по 1724 г., ибо в этом случае почтенный профессор допускает уже столь грубую ошибку, за которую погнали бы с экзамена даже безусого студента.

Дело в том, что «податное бремя» измеряется не абсолютными итогами налоговых изъятий со всего населения страны, а относительным его ростом или снижением в среднем на душу податного населения или, еще лучше, по отношению к среднему уровню его доходов, оплате труда или иным показателям хозяйственного роста. Косвенными показателями этого роста могли бы послужить и большие успехи крупной мануфактурной промышленности, выросшей за петровский период. Один лишь фонд заработной платы работников этих мануфактур достигал, из расчета на 18 с лишним тысяч душ их персонала по 25 руб., свыше 450 тыс. руб. в год. А с учетом прибылей по тогдашним нормам весь народный доход от мануфактур можно считать в 2—3 раза больше. И только «десятина» с такой суммы чистой продукции мануфактур составила бы от 90 до 135 тыс. руб. Кроме того, по смете 1724 г. торговые пошлины исчислялись в 1012 тыс. руб. Они тоже не падали на крестьянское тягло. А это при общем итоге всех налоговых изъятий к 1724 г. в 7,8 млн. руб. величина не малая. Более прямым показателем налоговых тягот крепостного крестьянина того времени могло бы послужить такое сопоставление. Заработать на заводе за год простым поденщиком он мог за 250 дней около 12 руб. 50 коп., уплачивая с тягла за 2 души в 1724 г. оброк помещику около 80 коп. и подушной подати в казну 1 руб. 40 коп., а всего примерно 2 руб. 20 коп., или 17,6% своего годового заработка. Милюков не пользуется такими показателями. Но данные о среднедушевом налоговом обложении всех налогоплательщиков к началу и концу изучаемой эпохи еще доступнее.

Мог ли бы их исчислить наш ученый профессор?

Конечно, мог бы, если бы этому не мешали его предвзятые идеи о разорительности для отсталой России петровских экономических начинаний. Данные о податном населении России находим в его же книге. К 1678 г. Милюков определяет его с оговоркой об отсутствии «полной цифры» переписи в 791 018 дворов, считая по 6,98 души на двор [1], откуда население этих дворов исчисляется в 5521 тыс. душ, в том числе мужское, по 3,5 души,— около 2769 тыс. К 1710 г., по его же счету, податных дворов учтено 637 тыс., а душ мужского пола, считая по 3,78 души на двор,— 2408 тыс., с убылью по числу дворов на 19,5%, а по числу душ — на 13% [2]. Но реальность этой убыли давно уже оспаривается новейшими исследованиями. Сам Милюков отмечает, что в итог переписи не вошли дворовые и деловые люди, жившие в помещичьих дворах, а к числу убывших отнесены все беглые крестьяне, мобилизованные в армию и на разные работы, перешедшие в другие сословия или на другие участки, и тому подобные люди, миграция которых из одних мест в другие отнюдь не являлась реальной убылью населения для всей страны. Любопытно, что Милюков насчитал таких заведомо недоучтенных переписью по месту жительства людей свыше 800 тыс. душ [3]. Значит, если хоть половина их

[1] П. Милюков. Государственное хозяйство России.., стр. 202, 206, 669.

[2] Однако весь этот расчет держится на точности показателя 3,78, достоверность которого при подворной переписи не могла быть ничем обоснованной.

[3] П. Милюков. Государственное хозяйство России.., стр. 202—205.

выпала из учета и по новому месту их пребывания, то такой недоучет уже с избытком перекрывает всю учтенную им «убыль».

Тем не менее сам Милюков усматривал в этой мнимой убыли прямое последствие разорения страны и явный признак народнохозяйственного кризиса. Гораздо проще объясняли неважные результаты переписей 1710, 1716 и 1719 гг. их современники фискальным их назначением. Число дворов, обложенных подворной податью, убывало прежде всего путем объединения двух-трех семей в одном дворе, откуда и возникла идея о преимуществах подушных переписей и подушного обложения, убывало оно и путями прямой утайки самих налогоплательщиков. Так, например, по поводу итогов подушной переписи 1719 г. сами участники, ее производившие, сообщали: «Дворяне и дети боярские и монастыри крестьян своих у дозорщиков до 128 г. утаили, а которых и не утаили, и они крестьян своих писали для тягла бобылями» [1]. Когда же эти дефектные итоги были подвергнуты основательной ревизии на местах, то окончательный итог податного населения к 1724 г., по этой «ревизии», оказался не меньше, а раза в 2 выше итогов 1678 г. Милюков его определил в 5570 тыс. душ (стр. 476), а по более точным данным, он не меньше 5656 тыс. душ мужского пола [2].

Податное население возросло за Петровскую эпоху и за счет новых территорий растущей державы, и за счет новых категорий плательщиков. Подушным налогом, в частности, были обложены все дворовые слуги помещиков. И это обычно трактуют как минус подушной реформы, забывая, что за своих дворовых приходилось платить подать их владельцам-помещикам. И это облегчало налоговое бремя остальных крестьян, одновременно штрафуя феодалов за вредное для народного хозяйства умножение непроизводительной их дворни. А в общем, с учетом и прямых и косвенных налогов, тяжесть обложения из расчета на душу податного населения за весь период с 1680 г. изменилась, по фактическим данным, следующим образом:

Показатели	К 1680 г.	К 1724 г.
1. Налоги, тыс. руб.	4626	7980
2. Податное население, тыс. душ мужского пола	2769	5656
3. Тяжесть обложения, руб. на душу	1,67	1,41
%	100	85

Что же оставляют эти цифры от легендарного утроения налоговых тягот и разорения петровской Руси за счет содранных с крестьянства трех шкур?

Как видим, ровно ничего. Тяжесть обложения не утроилась, вопреки уверениям Милюкова, а даже снизилась на 15%. Но в таком случае и общий рост бюджетных ресурсов страны приобретает новое значение и свидетельствует уже не о разорении населения, а о здоровом росте экономической мощи страны. Очень показательно при этом, что за 1680—1701 гг. мы наблюдаем лишь номинальный рост государственных доходов феодальной России при стабильности или даже снижении их реального значения. В то же время за второй период, с 1701 по 1724 г., с ускоренным ростом мануфактур, товарооборота и денежных отношений в стране мы наблюдаем уже вполне реальный рост государственного бюджета с 4452 тыс. до 8172 тыс. руб. серебром в рублях 1724 г., т. е. с увеличением всего за 24 года, несмотря на всю тяжесть 20-летней войны, на 84%.

[1] М. Дьяконов. Очерки по истории сельского населения в Московском государстве. СПб., 1898, стр. 216.

[2] А. А. Кизеветтер. Посадская община в России XVIII столетия. М., 1903, стр. 81.

Этот скачок в области укрепления финансовых ресурсов по сравнению с предшествующим периодом, несомненно, был теснейшим образом связан с первыми же серьезными успехами в развитии капиталистического уклада еще в недрах феодализма. Вместе с тем это был успех петровских преобразований вообще и его промышленной политики в частности и в особенности.

Милюков не сумел по достоинству оценить этих успехов. Во внутренней политике Петра он видел лишь «бесчисленные противоречия» и «непрерывную цепь ошибок и недоразумений» [1]. Но вернее будет сказать, что он сам стал жертвой целой цепи своих ошибок и недоразумений, приняв вопреки фактам несомненный подъем за народнохозяйственный кризис.

Что же касается финансового кризиса, если вполне достаточными показателями его признать бюджетные дефициты, то превышение фактических расходов над текущими доходными поступлениями имело место, по Милюкову, только за 1703—1708 гг. Но и за эти военные годы текущие дефициты перекрывались за счет бюджетных денежных и хлебных остатков прежних лет. Финансовое напряжение военных лет сказывается, однако, не только в сокращении доходов и бюджетных дефицитах, но и в усиленной перечеканке монеты в 1701—1703 гг. и ростом доли затрат на войну в общем итоге денежных расходов — до 96% в 1705 г. [2] Но уже с 1706 г. это напряжение падает, бюджет 1709 г. сводится без дефицита, а за последние годы перед налоговой реформой приходо-расходный баланс государственного бюджета России, по Милюкову, складывается в таких цифрах [3]:

Бюджет, тыс. руб.	1720 г.	1723 г.	1724 г.
1. Приход	6499	6042	8172
2. Расход	5556	4725	6243
3. Превышение прихода над расходом. абс.	943	1317	1929
%	17	28	31
4. Остатки к концу нового года. абс.	1960	2183	4112

После заключения мира со Швецией в 1721 г., по-видимому, отпали вместе с частью военных расходов и некоторые сборы. Особенно заметно сократились расходы в 1723 г. перед реформой обложения. Но превышение доходов над расходами и накопление неиспользованных остатков бюджета достаточно ясно свидетельствует, что ни о каком финансовом кризисе за эти годы не могло быть и речи.

Тем не менее налоговая реформа была своевременно задумана и оказалась достаточно эффективной не только в интересах казны, но и в интересах большинства налогоплательщиков. Основной идеей этой реформы, по замыслу Петра, была замена очень многочисленных денежных и натуральных поборов, чаще всего вовсе не поддающихся контролю и учету, одной единственной и вполне определенной денежной податью. Исчисление ее из расчета на двор или на душу при условии, что в том и в другом случае фактическая раскладка налога производилась в пределах каждого крестьянского общества миром по животам и промыслам, не препятствовало требованиям уравнительности обложения. Феодалы были заинтересованы в этой уравнительности не менее казны, ибо на них возлагалась казной ответственность за полноту сбора налога с их крепостных деревень. И они с переходом на подушное обложение не случайно пред-

[1] П. Милюков. Государственное хозяйство России.., стр. 543.
[2] Там же, стр. 175, 176, 178.
[3] Там же, стр. 492—497.

писывали в 1724 г. приказчикам своих деревень вместе с крестьянами, «разложа по тяглам, а не с души» собирать подати. Иначе ведь их и не возможно было бы собрать вовремя без больших недоимок и разорения собственных владений.

Сопоставление приходных бюджетов 1723—1724 гг. показывает, что податная реформа сразу же повысила ресурсы казны на целых 35%. А вместе с тем платежное бремя крестьян с учетом отпавших натуральных поборов не росло, а падало. Об этом свидетельствуют, в частности, такие факты. В 1711 г. денежные подати в казну в Тамбовской губ., по подсчетам местных властей, не превышали 1 руб. 31 коп. на двор, но с учетом натуральных сборов и повинностей эта цифра повышалась до 10 руб. с лишним. Однако во многих других местах и денежное обложение повышалось значительно, например в Казанской губ. в 1710—1711 гг. до 4 руб. 78 коп. на двор у помещичьих крестьян и даже до 5 руб. 97 коп. на двор у крестьян церковных. А с учетом поставок хлеба и фуража, работных людей и подвод эта цифра поднималась уже до 12—15 и даже 16 руб. с лишком на двор [1]. Говоря иначе, натуральные сборы до 1724 г. даже превышали денежные платежи в казну. Но они прилипали к рукам сборщиков и местных властей, увеличивая издержки взимания и, по-видимому, вовсе выпадая из учета бюджетных поступлений, приведенных у Милюкова. Тем не менее они все же взимались с крестьян вплоть до 1723 г. и только переход к подушной подати избавил крестьян от этого тяжкого бремени. И оставить вовсе без учета это нешуточное облегчение податных тягот было бы непростительной ошибкой.

В качестве первого приближения можно привести такой расчет. Средний размер платежей по сметам 1710—1711 гг. Милюков исчислил для трех губерний в размере 4 руб. 47 коп., 4 руб. 86 коп. и 5 руб. 91 коп. на один податной двор (стр. 216). Допустим, что в среднем по всей стране денежные изъятия и к 1723 г. колебались около 5 руб. на двор или по 1 руб. 32 коп. на ревизскую душу (5,00 : 3,78). Натуральные сборы и прочие местные повинности обычно превышали денежные оклады. Но допустим, что они не превысили той же цифры 1 руб. 32 коп. в 1723 г., а в 1724 г. отпали еще не полностью, а всего, скажем, на 75%, отпадая по 1 руб. на душу. Однако и при этом условии в общем итоге по всему податному населению к 1724 г. это означало бы облегчение натуральных повинностей на 5656 тыс. руб. И тогда даже за вычетом прироста денежных изъятий за 1724 г. на 2130 тыс. руб.— чистый выигрыш населения от проведенной реформы составит в сумме свыше 3 млн. руб. Мы не считаем здесь еще тех дополнительных выгод для наименее платежеспособных слоев крепостного крестьянства, которые им обеспечила реформа переложением значительной доли приходного бюджета на таких плательщиков, как новые заводчики, обязанные платежом подушных за растущую рать своих рабочих и приписных к заводам крестьян, и помещики, вынужденные выплачивать ту же подать за десятки, если не сотни тысяч своей праздной дворни. Такие моменты в оценке петровской экономической политики не может игнорировать марксистская экономическая наука.

Впрочем, помимо таких огульных прикидок мы располагаем и рядом очень конкретных данных об уровне благосостояния и тяжести обложения крепостного крестьянства Петровской эпохи. Они вполне достоверны, ибо получены в результате подворных переписей крестьянских «пожитков» в отписанных на государя имениях опальных дворян разного ранга — от князей самых громких фамилий, сенаторов и губернаторов до самой рядовой дворянской мелкоты. Вопреки мнению многих о Петре как радетеле дворянских интересов, этот царь никому из них не давал

[1] «Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в.». М., 1954, стр. 166—167, 391.

поблажки. У тех из них, которые только отлынивали от службы, он отбирал поместья, а за взятки и казнокрадство даже самых знатных феодалов воспитывал к тому же кнутом и батогами или даже порой и вешал за шею, как, например, князя М. П. Гагарина — воеводу и сибирского губернатора.

Спрашивается, как же жилось крестьянам в имениях, конфискованных у этих феодалов к концу Петровской эпохи? [1]

Оброки крепостных крестьян, по данным имеющихся описей, представляют очень пеструю картину. Так, например, оброки крестьян в вологодских деревнях опального сенатора, барона Шафирова, не превышали к 1723 г. 1 руб. 10 коп. на двор, с оговоркой «а больши того они оброку и столовых припасов и другого протчего ничего ему, Шафирову, не платили и работы на него никакой не работали» [2]. В то же время у того же Шафирова оброк в каширском его имении достигал деньгами и припасами *двух-трех* рублей на двор [3]. В Коломенском уезде крестьяне только деньгами платили осужденному обер-прокурору сената Скорнякову-Писареву по 4 и 5 руб. с тягла [4]. А у казненного в 1718 г. царедворца Кикина в Новгородском уезде 284 двора были обложены денежным оброком в 2000 руб., не считая припасов на сумму до 560 руб., что в общем дает по 9 руб. на двор [5].

При такой пестроте данных мало что говорят крайние нормы обложения, а исчисление средних норм затрудняется оценкой «столовых припасов» в натуре. Однако нередко уже в Петровскую эпоху помещики предпочитали получать их цену деньгами, по указанной ими расценке [6]. И это позволило нам подсчитать по 20 описанным имениям в самых различных областях страны общую сумму оброков деньгами и натурой. В общем итоге по 693 дворам из расчета на 3961 душу мужского пола оброк деньгами и припасами за 1723 г. составил. по нашему подсчету, 1558 руб. по 2 руб. 25 коп. на двор, или до 40 коп. на душу мужского пола. Нужно, однако, оговориться, что в этот подсчет вовсе не вошли все затраты крестьян на зимнюю доставку господского хлеба и прочих припасов помещикам в столичные и прочие города и тому подобные повинности. С учетом подушной подати в 70 коп. с ревизской души все платежи оброчных крестьян составят, стало быть, к 1725 г. около 1 руб. 10 коп. на 1 душу мужского пола, или 55 коп. на душу обоего пола. В пересчете на цены 1913 г. эти цифры пришлось бы раз в десять умножить; 5 руб. 50 коп. на душу в рублях 1913 г.— это, конечно, нелегкая норма обложения для крестьян Петровской эпохи. Но не следует забывать, что в 1913 г. эта норма обложения в капиталистической России поднялась уже до 10 руб. 86 коп. на душу. достигая не менее 19% от всех доходов крестьянского населения, Хрен редьки, значит, не слаще.

Натуральные оброки, именуемые обычно «столовыми запасами», были, по-видимому, менее тяжелыми. Вот, например, какие оброки платили крестьяне с. Ряс с деревнями помещику Нестерову в Рязанском уезде в числе 16 дворов с населением 185 душ мужского пола и 176 душ женского пола (табл. 6).

---

[1] «Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства первой четверти XVIII в.». М., 1951, стр. 234.

[2] Там же, стр. 57.

[3] Там же, стр. 127.

[4] Там же, стр. 135.

[5] Там же, стр. 229.

[6] Вот некоторые из них (за 1705—1723 гг.): ведро вина — 1 руб., пуд свиного мяса — 50 коп., баран — от 20 до 30 коп., поросенок (осос) — от 6 до 10 коп., индейка — 25 коп., гусь — 15 коп., утка — 12 коп., утята по 4 коп., куры от 4 до 7 коп., пуд соли — 24 коп., аршин сермяжного сукна — 10 коп., лошади — до 2 руб. 50 коп., рогатый скот — по 1 руб., продажная цена земли пустой — 2 руб. 50 коп., за десятину пашни, а в кортому или в «наем», т. е. в аренду на год «вешней пашни» — 25 коп., «осенней» (под озимь) — 50 коп. за десятину, четверть ржи в московскую меру — от 60—70 до 1 руб. 32 коп., обработка десятины пашни — 1 руб. 25 коп., поденная плата пешему работнику — от 3 до 5 коп.

Таблица 6

Оброки натурой со всех 16 дворов в 1723 г. *

Показатели	В валюте Петровской эпохи	В валюте 1913 г.	
	количество на сумму, руб.	цена, руб.	на сумму, руб.
1	2	3	4
1. Мяса свиного	20 пуд. × 50 коп. = 10,00	6,70	134,00
2. Баранов	20 шт. × 20 » = 4,00	6,40	128,00
3. Ососов	40 » × 10 » = 4,00	1,34	53,60
4. Гусей	40 » × 15 » = 6,00	0,90	36,00
5. Кур	40 » × 7 » = 2,80	0,40	16,00
6. Яиц	300 » × 0,1 » = 0,30	1,6	4,80
7. Масла коровьего	1 пуд. × 1 р. 60 коп. = 1,60	14,10	14,10
8. Холста поск.	100 арш. × 2 коп. = 2,00	0,13	13,00
Итого на 16 дворов	30,70		399,50
на 1 двор	1,92		24,97
на душу мужского пола, коп.	16,6		2,16

* «Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства первой четверти XVIII века», стр. 299.

Никаких других денежных платежей или барщины за крестьянами этих деревень не показано. Оброк не достигал, как видим, и 2 руб. на двор с населением в 11,6 душ мужского пола, составляя 17 коп. на душу. Это значительно ниже даже подушной подати в 70 коп. с души. Но у каждого помещика были свои нормы обложения.

Обращает на себя при этом внимание факт многолюдности крестьянских дворов Петровской эпохи. Наш подсчет по 40 имениям, описанным за 1705—1715 гг., дал в 649 дворах 3248 душ мужского пола — по 5 душ на двор вместо 3,78 душ, принятых Милюковым для подсчета населения по данным подворной переписи 1710 г. Не этой ли ошибкой в числе душ, населяющих двор, и объясняется мнимое сокращение населения петровской России по Милюкову? Ведь считая во дворе по 5 душ на 637 тыс. дворов, он получил бы 3185 тыс. душ податного населения в России 1710 г. А это дает вместо сокращения уже прирост населения с 1678 г. на 416 тыс. душ мужского пола, или 15%.

О «пожитках» и мере расслоения крепостного населения России к концу Петровской эпохи можно судить по тем же вполне достоверным данным описей дворянских имений того времени. Подсчет по всем владениям, описанным в 1723 г., 1724 и 1725 гг. в разных районах страны с учетом посевов, скота и птицы, дал нам такие итоги в группировке по лошадности крестьянских дворов (табл. 7).

Приведенные итоги охватывают всего 375 дворов, но в распределении их по мощности наблюдаются вполне отчетливые закономерности. В подсчет вошли только крестьянские хозяйства с посевом и скотом. Но, кроме того, в тех же владениях оказалось 13 дворов с прямым указанием, что у них «*нет* пожитков». Не показаны у них и посевы. Однако вся эта полностью лишенная средств производства группа не превышала по числу дворов 3,5%, а по населению — менее 2% учтенного в таблице итога.

Таблица 7

Группировка крестьянских дворов 1723—1725 гг.

Группы дворов по числу лошадей на двор	I 0—1	II 2—3	III более 3-х	I — III
1	2	3	4	5
1. Число учтенных дворов, абс.	97	170	108	375
%	26	45	29	100
2. Число изб на 100 дворов	114	122	131	123
3. Число душ на 100 дворов				
мужчин	318	447	720	491
женщин	288	425	660	457
Итого	606	872	1380	948
4. Пожитки на 100 душ				
лошадей взрослых	94	299	672	353
молодняка	12	22	53	28
коров	50	119	245	138
подтелков	29	71	158	85
свиней	91	304	745	376
подсвинок	—	5	5	4
овец и коз	244	640	1184	695
молодняка	10	12	124	35
кур	442	940	1715	1037
прочей птицы	20	180	845	332
Итого оценка, руб.	478	1415	3269	1710
%	100	296	684	357
5. Посев в десятинах на 100 дворов	165	306	712	387
%	100	186	430	228

В среднем по всем группам учтено по 4,9 душ мужского пола на двор, но у многолошадных их число возрастает до 7,2, а у однолошадных падает до 3,2 душ на двор [1]. По рабочей силе дворы многолошадных в 2,3 раза сильнее однолошадных. И можно бы подумать, что и все «расслоение» сводилось к одному лишь этому факту. Но это далеко не так, ибо уже по размеру посевов высшая группа богаче низшей в 4,3 раза, по лошадности, т. е. средствам труда,— в 7,13 раза, а по числу свиней — даже в 8,2 раза богаче. И, значит, мы имеем здесь дело уже с заметным *имущественным* расслоением, в основе которого лежит не столько рабочая сила, сколько неравенство в наличных средствах производства вообще и в конной тяге в особенности. Но и средний их уровень не мал.

Для сравнения сопоставим наши данные о лошадности крестьянского хозяйства с данными позднейшей эпохи, подытоженными В. И. Лениным по 48 губерниям царской России за 1896—1900 гг. [2] (табл. 8).

Как видим, расслоение крестьянства за капиталистический период достигло высоких степеней; процент беднейших дворов возрос более чем вдвое, процент середняков сократился раза в 1,5, процент многолошадных стал раза в 3 ниже, да и среднее число лошадей на двор сократилось с 3,5 до 1,5. Сопоставляя показатели лошадности крестьянских хозяйств за

[1] В дворах «без пожитков» — 2,2 души мужского пола на двор.

[2] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 138.

Таблица 8

Лошадность крестьянского хозяйства (в %)

Группы хозяйств по числу лошадей	1723—1725 г.	1896—1900 г.
I. 0—1 лошадь	26	59,5
II. 2—3 лошади	45	31,4
III. 4 и более лошадей	29	9,1
	100	100

80-е, 90-е годы XIX в., В. И. Ленин писал: «Сравнение 1888—1891 и 1896—1900 гг. показывает растущую *экспроприацию* крестьянства» [1]. И действительно, там, где убыль конной тяги не возмещается еще ростом механической энергии, повышая лишь трудовую нагрузку крестьянина, она означает *растущую* экспроприацию важнейшего из его средств производства. Но процесс этой экспроприации начался не со вчерашнего дня. Не видно, однако, чтобы экономика крестьянского хозяйства заметно ухудшилась за время петровских реформ или сильно улучшилась при ближайших его преемниках, вплоть до современников самого профессора Милюкова. И хоть драли с крестьян шкуру и до и после Петра, однако все вышеприведенные конкретные факты отнюдь не подтверждают суждений этого профессора о Петровской эпохе. Конечно, полемизировать с заведомо устаревшими концепциями и предвзятыми идеями Милюкова о петровских преобразованиях не было бы ни нужды, ни охоты, если бы они не встретили сочувственных откликов и в нашей печати. Правда, по сравнению с нашей экономикой величайших социальных преобразований всякая иная, отдаленная от нас веками, чрезвычайно много теряет в своих масштабах исторического значения. В свете их и петровские начинания, впервые поднявшие нашу страну на мировой арене так высоко, могут показаться слишком бедными и бесцветными. Но не следует терять исторической перспективы и отказываться от своего славного исторического наследства. С недооценкой экономики Петровской эпохи пора покончить.

4. ГОРНОЗАВОДСКОЙ УРАЛ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ [2]

К воцарению Петра I Россия была очень отсталой в своем развитии по сравнению с такими передовыми тогда странами Запада, как Англия и Голландия. Приморское расположение Голландии и островное Англии и морская торговля с колониями, весьма обогатившие эти страны, вывели их ранее других на пути капиталистического развития и, подорвав устои феодализма в Голландии еще с 1581 г., а в Англии с 1649 г., послужили одной из главнейших причин заметного опережения ими на этом пути других стран. Лишенное выходов к свободному морю Московское государство до Петра не имело никаких шансов сравняться с ними.

Петр рано осознал значение морских путей. И в своем стремлении вывести Россию из рамок крайней отсталости он не только велел стричь неопрятные бороды своих бояр и извлекал их жен и дочерей-затворниц из теремов, подобных гаремам, на публичные ассамблеи с западными танцами. Гений Петра проявился в другом — в том, что он принял решение

[1] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 138.
[2] С. Г. Струмилин. Очерк экономической истории России, стр. 331—344.

«прорубить окно» в Европу, к открытому морю, на Запад, открыв новую эпоху в нашей истории, эпоху, когда, по словам Пушкина:

...Россия молодая,
В бореньях силы напрягая,
Мужала с гением Петра.

Но для вывода России из феодального тупика требовались и другие предпосылки.

Правда, рост внутренней торговли и денежных отношений, разлагая натуральные основы феодального уклада, уже к концу XVI в. завершился тяжелым аграрным кризисом подмосковного центра. Но этот первый кризис феодальной системы разрешился у нас весьма своеобразно.

С ростом городов и дифференциацией занятий населения, расширением рынков сбыта, торгового оборота и денежных отношений в XVI в. заколебались и у нас в России в самом своем основании натуральные устои феодальной экономики. Натуральные оброки и налоги заменялись денежными повинностями. Хлеб дорожал, ибо крестьяне не располагали товарными его избытками. Требовалось расширение запашек. Но феодалы всех степеней не могли допустить такого расширения спроса на хлеб и землю без соответствующего повышения уровня феодальной земельной ренты, т. е. крестьянских оброков и налогов, с одной стороны, а также собственной барской и государственной, так называемой десятинной, запашки — с другой. Помещики не были заинтересованы в том, чтобы накоплять в *натуре* продукты в деревне сверх ограниченных потребностей своего двора, но как только открылась возможность превращать излишки в деньги, предел возможного накопления, а стало быть, и эксплуатации крестьянского труда неограниченно расширились. Налоги и оброки росли как на дрожжах. Росло и обнищание деревни. Ширилось использование и закабаленного крестьянского труда на барских запашках. Наиболее слабые элементы деревни, кругом задолжав, в голодные годы шли целыми толпами в «служилую кабалу», к помещикам, за грошовые займы у которых превращались в бессрочных их холопов по формуле «а за рост им служити по вся дни».

В других условиях, например в Англии, такой кризис лишь ускорил бы процесс расслоения и обезземеливания деревни, создавая лендлордов, фермеров и батраков в деревне и избыточные пролетарские кадры для крупных капиталистических предприятий в городах. Но у нас в России вышло иначе. Впрочем, роль лендлордов не худо сыграли бы и у нас богатейшие из родовитых князей и бояр Рюриковичей и Гедиминовичей. Зазывая крестьян в свои вотчины, они и ссуд им немало могли дать, и податных льгот могли им обеспечить больше других, владея тарханными грамотами. Но если в узких рамках островной Англии крестьянину некуда было податься за землей, минуя давно захвативших ее феодалов, то в тогдашней России с ее необъятными просторами у русского крестьянина был и другой выход — в колонизации никем еще не занятых земель на все более удаленных от центра окраинах России — в Заволжье, на Урале, в Сибири. Аграрный кризис второй половины XVI в. и выразился прежде всего в небывалом еще запустении дворянских имений подмосковского центра в результате почти повального бегства из них наиболее обремененного неоплатными ссудами и окончательно обнищавшего крестьянства.

Менее других страдала от этой утечки рабочей силы из своих вотчин феодальная боярская верхушка, поскольку она всегда могла, пользуясь свободой выхода крестьян в Юрьев день, переманить их к себе с уплатой за них «пожилого» и ссуды из владений менее зажиточного, худородного дворянства. Последнее же, теряя вместе с беглецами не только рабочую

силу, но и выданные им ссуды и «сносы», не располагало достаточными ресурсами для замены беглецов новыми засельщиками своих земель. Именно поэтому худородное дворянство особенно настойчиво требовало возврата к себе вне всяких сроков гражданской давности беглых должников своих, именно поэтому оно добивалось в ограждение от утечки в боярские владения полного запрета выхода крестьян с мест их последней записи в оклад по писцовым книгам — даже в Юрьев день. В борьбе с феодальной верхушкой за самодержавие русские цари, как известно, опирались помимо слабых еще слоев городской буржуазии главным образом именно на это худородное служилое дворянство. Оно подвизалось наряду, впрочем, с такими крупными представителями торгового капитала, как миллионеры Строгановы, в царской опричнине Ивана Грозного. Да и позднее, оставаясь главной опорой царской власти, рядовое дворянство могло много от нее добиваться. И в конце концов оно добилось и *законодательного* прикрепления к земле постепенно закабалявшегося им крестьянства.

Волею случая это завершение феодально-крепостного уклада в России, оформленное Уложением 1649 г., совпало по времени с первой буржуазной революцией в Англии, покончившей там и с феодализмом, а кстати, и с династией, его представлявшей в лице Карла I, обезглавленного в том же 1649 г. Это сулило России надолго и дальнейшее отставание от опередившей ее Англии. Не следует, однако, забывать, что закрепощение русской деревни никогда не было у нас полным и повсеместным. Даже в апогее крепостничества доля помещичьих крестьян не превышала и половины всего сельского населения. Длительный процесс закрепощения в России в условиях уже разлагавшегося натурального хозяйства неоднократно натыкался на энергичный классовый отпор деревни, проявившийся в ряде крестьянских восстаний и до и после 1649 г. Прочное закрепощение крестьянства к тому же долго ограничивалось лишь центральными районами страны, не достигая ее окраин.

Можно думать, однако, что и в дворянском центре России народный отпор закрепощению был бы гораздо мощнее и эффективнее, если бы не было недосягаемых для крепостников отдушин, какие представляли собой для закрепощаемых элементов удаленные окраины России. Возраставший при каждом нажиме приток сюда наиболее энергичных и свободолюбивых элементов крестьянства снижал напряжение в центре. Таким образом, свободные окраины служили как бы предохранительными клапанами, спасающими от взрывов народного гнева центральные очаги крепостничества. Чем сильнее, начиная с конца XVI в., возрастал феодальный гнет в центре, тем большую тягу это создавало для отлива населения на окраины, главным образом на Урал и далее к востоку. Вот почему аграрный кризис XVI в., завершившийся формальным закрепощением центра, уже к середине XVII в. имел и другое следствие — запустение центра привело к заселению Урала.

Урал искони располагал богатейшими природными ресурсами. В частности, изобилие ценнейших руд и лесов открывало здесь огромные возможности для развития местной металлургической промышленности. Но для реализации этих *возможностей* требовались еще известные социально-экономические предпосылки. Дело в том, что здесь для оживления всех наличных природных сил и потенций очень долго недоставало самой важной и решающей производительной силы — человека. Во всей области Перми Великой, раскинувшейся по западным склонам Урала на огромном пространстве до 140 000 $км^2$, по писцовым книгам 1579 г., учтено было всего 2197 дворов, или до 15 000 душ населения. При такой плотности заселения в 0,1 души на 1 $км^2$, этот край представлял собою в сущности девственный лес и дикие прерии. Ему и не снились еще грядущие доменные и пушечные заводы. Требовались большие сдвиги, чтобы столкнуть

этот край с мертвой точки застоя и сразу передвинуть его вперед через целые века и формации в эпоху первоначального капиталистического накопления.

Первым толчком в этом направлении и послужил аграрный кризис земледельческого центра России в XVI в., содействовавший заселению Урала. И вот за одно столетие, с 1579 до 1678 г., русское население Перми Великой возросло, по писцовым книгам, с 2197 до 11 811 дворов, т. е. на 463%, тогда как в целом по всему Московскому государству XVI—XVII вв. естественный прирост населения не достигал за столетие и 15%. Таким образом, приток населения из центра на Урал за это столетие по меньшей мере раз в 30 превышал норму естественного прироста того времени. Если же взять Урал в более широких границах всей Сибирской губ. петровского времени, то податное население его с 1678 по 1724 г., т. е. всего за 46 лет, возрастая еще более энергичными темпами, чем в предшествующий период, почти утроилось: оно поднялось с 39 445 до 111 161 двора, а на восточном, *заводском* склоне Урала — даже более чем *ушестерилось*, достигнув в 1724 г. 645% от уровня 1678 г. Всего на Урале к 1724 г. с учетом служилого элемента насчитывалось уже до 1 млн. душ населения обоего пола. При общей численности населения петровской России до 14 млн. душ эта цифра представляла собой уже величину весьма значительную.

Значение ее повышал и незаурядный качественный состав первых засельщиков Урала. Бежали сюда из центра, спасаясь от феодального гнета, а после 1654 г. и от жестоких *религиозных* преследований так называемого *раскола*, конечно, лишь наиболее вольнолюбивые, крепкие, решительные и бесстрашные элементы тогдашней Московской Руси. Чтобы пробраться туда, за полторы тысячи верст по бездорожью, преодолев все феодальные рогатки и заставы, требовалась незаурядная энергия и сильная воля. На этом пути происходил естественный отбор наиболее непримиримых протестантов против царских порядков, а вместе с тем активнейших пионеров, особенно пригодных для упорного труда и хозяйственного творчества на новых местах в суровой обстановке тогдашнего Урала. Своеобразный характер уральцев и в дальнейшем складывался, выковывался и закалялся в необычных условиях.

Основные черты этого характера — пионерская энергия, русская сметливость и особая уральская напористость в труде и бою — унаследованы ими еще от той пришлой бродячей вольницы, которая, впервые подымая здесь целину, с боями заселяла Урал. Эти черты выковывались затем столетиями в коллективном творческом труде, в огне и копоти горнозаводского Урала. Их закаляла и суровая уральская природа с ее жестокими зимними стужами, частыми и резкими переменами погоды, целительным свежим воздухом и своевольными ветрами. Не осталась без последствий для этого характера, вероятно, и та небольшая примесь туземной пермяцкой крови, которая с давней поры течет в жилах многих уральцев, крови тех легендарных охотников, которые били белку в глаз, ходили в одиночку на медведя и, неутомимо, неделями преследуя дикого зверя на лыжах, способны были загонять его до смерти.

Вслед за бездомной бродячей вольницей продвигались на Урал и такие киты торгово-промышленной буржуазии в России, как «именитые люди» Строгановы.

Строгановы, выбравшись из крепких крестьян-солеваров в купцы, а затем и в банкиры, финансировали при случае и царей, получая от них за это великие и богатые милости, всякие пожалования, льготы и привилегии. Торгуя с одинаковым успехом и своим благочестием, и патриотизмом, эти рыцари наживы везде преуспевали. Они строили богатые церкви и монастыри, сдавая в них «подпапертные места»; они оборудовали подвалы под «склады кабацкого вина» и спаивали там народ, не смущаясь

тем, что в те часы, «как в церкви обедню или вечерню поют, и в те поры под церковью бражники песни поют и всякое бесчинство творят». В голодные годы они, «сговорясь воровством» со своими богомольцами — игуменами и архимандритами, скупали весь хлеб на корню за гроши, а затем спекулировали на этом народном бедствии, продавая этот же хлеб втридорога. В годы опричнины они верноподданно сохраняли и приумножали свои богатства, служа в ее рядах. А в годы великой смуты они спешили присягнуть на верность самозванцу, захватившему Москву при помощи польских интервентов, и получить от него еще одну жалованную грамоту. Из всего они извлекали пользу. Но особенно широкое поприще для своих операций нашли они на Уральском приволье.

В лице пролетаризированной голытьбы, стекавшейся на Урал отовсюду, они находили здесь уже вполне подготовленные кадры для своей деятельности. Только с 1658 г. по 1694 г. они захватили здесь свыше 10 млн. га якобы «пустопорожней» землицы вместе с заселявшим ее туземным и пришлым населением, закрепив их за собой царскими грамотами. Это больше всей современной Венгрии или Португалии. В одно лишь уральское именьице господ Строгановых XVII в. можно было бы упрятать, скажем, Данию, Бельгию и Голландию — три европейских государства. Они усердно зазывали на свои земли, соблазняя всевозможными льготами и ссудами в подмогу, всех беглецов из центра, не любопытствуя, чьи они и откуда. Места здесь имелись богатые. Так, например, в одной челобитной 40-х годов мы читаем о землях по Обве и Ниве: «...крестьяне (здесь) селятся многие и пожни у них великие и место теплое, и земли родимые, и хлеб, и мед, и хмель у них родится по вся годы». Таких земель у Строгановых было немало, и они заселялись даже скорее, чем другие, никем еще не захваченные, ибо бездомным пришельцам гораздо труднее было там устраиваться без всякой подмоги. Пользуясь этим, такие акулы первоначального накопления, как Строгановы, энергично строили здесь свои городки и остроги, варницы и промыслы и, широко используя у себя наемный труд пришлой вольницы, усердно заселяли свои новые владения, сосредоточив, таким образом, в своих руках сказочные богатства.

В погоне за богатствами Строгановы отваживались иной раз и на очень рискованные предприятия. Не довольствуясь своими владениями на западном склоне Урала, они не прочь были и перевалить через хребет, в Сибирское царство Кучума. Уже в 1574 г. они добились «жалованной грамоты» на весь бассейн реки Тобола, т. е. почти на все тогдашнее царство Кучума. Оставалась лишь безделица: нужно было только завоевать это «пожалованное» царство. И оно, как известно из летописей, по призыву Строгановых, щедро финансировавших это широко задуманное коммерческое предприятие, было завоевано славной вольницей Ермака Тимофеевича. Правда, тароватные купцы на этот раз явно просчитались. Узнав о походе Ермака, Иван IV страшно опалился на Строгановых за самовольное нарушение ими гнилого мира с жалким царьком Зауралья, обвинял их в «измене», выразившейся в том, что они «поссорили» его «с сибирским салтаном», требовал вернуть Ермака из похода и грозился перевешать геройских его сподвижников.

Ермак после невероятных подвигов и лишений уже овладел 26 октября 1582 г. столицей Сибири Искером (ныне Тобольск). Узнав об этом, Иван IV сменил свой гнев на милость. Но опальные Строгановы так и не получили завоеванных их «скорострельными пушечками» кучумовских владений.

Как бы то ни было, в этой первой захватнической экспансии на Восток нарождающийся русский капитал встретил сильную поддержку в народных исканиях выхода из-под тяжелого гнета феодализма. В сочетании этих сил колонизационное движение на Восток еще больше усилилось;

дополнительное ускорение оно получило после завоевания Сибири. Правда, здесь, за хребтом, роль Строгановых взяли на себя другие рыцари первоначального накопления. Но и в горнозаводской зоне Урала эти рыцари действовали не менее успешно. Демидовский Урал стал даже опережать в своем росте Урал строгановский. Недаром же к 1715 г. у Строгановых в их владениях из 77 878 душ осевшего у них тяглого населения налицо оставалось только 44 643, т. е. недосчитывалось уже 33 235 душ, «в бегах и в мире скитающихся». Нет сомнения, что бóльшая их часть уже перекочевала дальше на Восток, в горнозаводскую зону Урала, на более привольные условия труда и быта. Дело в том, что на смену *ростовщическому* капиталу средневековья сюда уже шел в Петровскую эпоху, празднуя свои первые победы, *индустриальный* капитал нового времени.

Условия для развития крупного производства на Урале в Петровскую эпоху были особенно благоприятны. В то время как в центре истощались скудные рудные и лесные сырьевые ресурсы, здесь, на Урале, они были неисчерпаемы. В то время как на западе России до 50% крестьянства было уже основательно закрепощено, тогдашний Урал вовсе еще не знал крепостных отношений. И пришлое население занимало здесь чужие земли «только на свободных *договорных* отношениях», в качестве жильцов, половников и пр.[1] В связи с этим в то время как повсюду на Западе обычной нормой становилась *трехдневная* барщина крепостной деревни, что соответствует *стопроцентной* норме эксплуатации, на Урале обычной данью владельцу земли был только *пятый* сноп урожая. Говоря иначе, норма эксплуатации свободного труда в деревне не превышала здесь 25% валовой продукции, т. е. была в несколько раз ниже нормы эксплуатации крепостного труда в центре России. Значительно лучше, чем в других районах, складывались здесь условия и для наемного *заводского* труда.

Обильный приток на Урал беглой голытьбы значительно снизил здесь уровень оплаты наемного труда к началу XVIII в. по сравнению с более ранней эпохой. Попавший сюда в 1722 г. с Олонецких заводов Геннин писал Петру, что на Урале, «рек, руд, лесов, где быть заводам, довольно и *работники дешевы,* так же и *харч недорого,* а не так, как в Олонце». Харч был здесь еще дешевле, чем работники, и это создавало Уралу преимущество перед другими районами не только в глазах предпринимателей, но и в глазах рабочих. Работников на Урале, по Геннину, можно было «наймовать дешевле», чем в Олонце[2]. Но разница в ценах рабочей силы на Западе и Востоке не превышала в те годы 20—30%. А между тем рожь в 1720 г. в Олонецком крае стоила 2 руб. за четверть, т. е. до 23 коп. за пуд, а на Урале в 1721 г. ржаная мука продавалась по 6—7 коп. за пуд, т. е. *раза в три* дешевле олонецкой ржи в зерне. Значит, реально, в переводе на хлеб, уральский рабочий зарабатывал много больше олонецкого. В денежном выражении заработок рабочего доменных заводов Урала к концу Петровской эпохи не превышал, по архивным данным, в среднем 23 руб. в год, или 7—8 коп. за рабочий день. Но в хлебе это давало *не менее пуда за день,* или по ценам 1913 г. не менее 350 руб. золотом в год. Ставка достаточно высокая и для Урала XX в. Тем не менее, по табели 1726 г., пуд железной руды обходился здесь всего в $1/3$ коп., пуд железа на заводах — в $10^1/_4$ коп., а с провозом в Петербург — в $22^1/_4$ коп. при продажной цене на заводах в 40 коп. и в Петербурге — до 65 коп. за пуд. Нужно ли удивляться, что норма прибыли заводчиков при такой рыночной конъюнктуре достигала здесь 200% и что петровский толчок к индустриализации Урала оказался вполне своевременным и весьма эффективным?

[1] Н. Н. Оглоблин. Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа, ч. 1. М., 1895, стр. 48.
[2] «Горный журнал», 1826, кн. 4, стр. 111, 113.

Задумав войну со Швецией, откуда мы до того *ввозили* немало железа, Петр должен был, чтобы прорубить «окно» в Европу, запастись значительными резервами *собственного металла.* И вот уже с 1697 г. он со свойственной ему прозорливостью обращается на Урал. Выписав оттуда образцы руд, Петр посылает их для анализа за границу, проверяет в опытных плавках у тульских кузнецов и, убедившись, что уральское железо не хуже «свейского», интересуется вместе с тем по-деловому уральскими расценками: и «хлеб там почему покупают, и работников почему наймают, поденно или недельно, и зимой и летом что с пуда провозу возмут?» [1]. На Урале одновременно строится сразу два казенных доменных завода. И вот уже 15 октября 1701 г. пущена здесь в дутье домна первого на Урале Каменского доменного завода, давшего еще в этом году 557 пудов чугуна. А через 2 месяца, 15 декабря 1701 г., был пущен и второй на Урале, Невьянский, завод, переданный уже в начале 1702 г. в частное владение тульского оружейного мастера Никиты Демидова. В 1703—1704 гг. было пущено еще два казенных завода — Уктусский и Алапаевский. А к 1725 г. на Урале насчитывалось уже 14 казенных и партикулярных металлургических заводов, на них 23 домны, 54 «вододействуемых» молота и 63 медеплавильные печи.

Военное назначение первых уральских доменных заводов зафиксировано уже в 1697 г. в первых указах Петра о постройке Верхотурских заводов: их назначение в том, чтобы там «лить пушки и гранаты, и всякое ружье». Передача Невьянского завода Демидову, вызванная «нерадением» и даже «крамолой» его приказных строителей, была осуществлена грамотой 4 марта 1702 г. в тех же целях «для снабдения артиллерии всякими военными припасами». С той же целью и Каменский и Невьянский заводы были оборудованы не только ручными, но и крупными вододействующими сверлильными станками в особых «водяных вертильнях» — «к сверлению пушек, и мартиров, и гоубиц».

Строились Петром с той же целью и другие казенные заводы, поближе к театру войны, например Олонецкие и Липецкие, но они не шли ни в какое сравнение с Каменскими, где, по отзыву Геннина, «для доброты выплавляемого чугуна пушки льются и на пробе стоят *всех заводов лутчее*» [2].

Особенно возросло значение военной продукции Урала после поражения наших войск под Нарвой 19 ноября 1700 г., где шведам осталась полностью вся артиллерия русских. С огромными усилиями, переплавляя церковные колокола в пушки и мортиры Петр за один год заполнил эту брешь, отлив до 300 пушек. Но война, разрастаясь, требовала их все больше. И вот уже в 1702 г. один лишь Каменский завод дает их 182, а в 1703 г. с пуском второй домны — 572 орудия. Всего с 1702 по 1709 г., до Полтавской битвы, на Каменском заводе отлито было не менее 854 орудий весом в 38 235 пудов, да ядер к ним, бомб и гранат 27 644 пуда. Демидов со своего Невьянского завода был обязан ежегодной поставкой тоже не менее 14 400 пудов пушечного металла.

Таким образом, уральская кузница оружия уже в ту пору внесла немалый вклад в дело решающей победы русских войск под Полтавой. Во время Отечественной войны начала XIX в. один лишь Каменский завод снова дал только за 1810—1813 гг. 87 274 пуда артиллерийских орудий, прошедших славный путь от Бородина до Парижа, не считая оборонной продукции других заводов Урала. Мы не говорим уже о Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., когда уральский металл, применяясь в неизмеримо бо̀льших масштабах, часто решал судьбы величайших сражений.

---

[1] Д. Кашинцев. История металлургии Урала. М.— Л., 1939, стр. 45.
[2] В. де Геннин. Описание уральских и сибирских заводов. М., 1937, стр. 476.

Но этот металл по мере расширения продукции уральских заводов находил себе широчайшее применение и вне полей сражения. А это расширение обеспечивалось не только количественным ростом новых заводов, но и качественным превосходством их по сравнению с начальными образцами. Первые домны Урала строились частью по старым голландским образцам, освоенным нами еще в XVII в. в подмосковном центре на заводах иноземцев Виниуса, Марселиса и Акемы, частью по более новой «английский препорции». Но русские мастера, перенося к себе новейшие достижения зарубежной техники, по-видимому, не слепо копировали их, а существенно улучшали их из года в год применительно к русским условиям. Во всяком случае уже первые уральские домны оказались значительно крупнее и продуктивнее английских. И это превосходство, несмотря на огромный рост зарубежной техники, нам удалось удержать за собой в течение всего XVIII в. Даже немецкий историк металлургии Людвиг Бек, говоря об уральских домнах на рубеже XIX в., называл их не только «*величайшими* древесноугольными доменными печами континента», но и наиболее *производительными и экономичными* по расходу топлива на единицу продукта, более производительными, чем любые другие печи, не исключая английских.

Все это означало огромный успех петровских начинаний в области индустриализации России. Правда, Петру не удалось вывести страну из состояния отсталости по всему индустриальному фронту. Но на отдельных его участках, и в частности в области черной металлургии, петровский мощный толчок оказался вполне достаточным, для того чтобы догнать и перегнать даже передовую Англию. Говоря об этих успехах, необходимо сразу же рассеять одну крайне распространенную легенду о выплавке в России еще в 1718 г. 6,6 млн. пудов чугуна. Совершенно несуразная цифра, по сравнению с которой гораздо более скромные последующие создавали у многих ложное впечатление банкротства петровских начинаний. Пустил ее в оборот еще в XVIII в. неумеренный панегирист и автор «Деяний Петра Великого» Иван Голиков.

«Еще в 1718 г.,— читаем у него,— было в выплавке чугуна на партикулярных заводах 5 772 238½ пудов, да на казенных 868 884½ пуда, итого 6 641 123 пуда» [1]. Эта цифра, как и приведенные им итоги выпуска 4.4 млн. пудов железа и 197,5 тыс. пудов меди, совершенно неправдоподобны. В те годы и вся мировая выплавка чугуна едва ли превышала цифру Голикова, а выплавка его в Англии достигала всего около 1 млн. пудов. Приходится поэтому лишь удивляться, что такую цифру приняли на веру, повторяя ее до наших дней, целый ряд таких крупных историков, как Ключевский, Пичета, Лященко и десятки других, не исключая авторов академического курса «Истории СССР», изданного в 1940 г. (т. 1, стр. 628). Обращение к первоисточнику показывает, однако, следующее.

Приведя вышеуказанные цифры в подтверждение блестящих успехов Петра в области устроения заводов, Голиков добавляет: «Уединение мое причиною, что не мог я выправить, сколько *ныне* сих металлов выплавляется, однако сомнения нет, что *через 10 лет* не умножились оные». Итак, приведенные Голиковым итоги к моменту написания их устарели всего на 10 лет. Можно бы заключить, что он закончил свою книгу уже в 1728 г. Но такой вывод отпадает уже потому, что в этом году Голикова еще не было на свете. Родился он лишь в 1735 г., начал писать «Деяния Петра» не ранее 1782 г., после возвращения из ссылки по амнистии, а закончил и выпустил в свет 12 томов этих «Деяний» в 1788—1789 гг. Таким образом, его цифры, помеченные 1718 г., но устаревшие к 1788 г. всего на 10 лет, могут относиться только к 1778 г. И, стало быть, мы имеем здесь дело просто с типографской опечаткой в дате, к которой относятся итоги

[1] Ив. Голиков. Деяния Петра Великого, ч. VII. М., 1789, стр. 278.

Голикова. Тем не менее указанной опечатке суждено было в течение целых полутора столетий вводить в соблазн многих исследователей, толкая их иной раз на очень поверхностные исторические выводы о банкротстве петровской политики протекционизма [1].

Поверив Голикову, что выплавка чугуна в России уже в 1718 г. достигала 6,6 млн. пудов, в то время как в год смерти Петра, в 1725 г., она, по отчетным данным, не превышала даже с кустарной продукцией домниц 1,2 млн. пудов, нетрудно было заключить о крахе его начинаний.

Однако факты отнюдь не подтверждают таких выводов. Дефекты статистики XVIII в. велики. Но все же архивные источники позволяют нам установить и достаточно полные списки заводов за разные годы, и их производственную мощность, и даже фактическую их продукцию за ряд лет. На основе этих данных, между прочим, можно установить, что к 1718 г. выплавка чугуна в России достигала не 6,6 млн. пудов, а всего около 566 тыс. пудов, т. е. в 11—12 раз меньше голиковского итога [2]. Вместе с тем совершенно иначе выглядит и динамика роста этой выплавки за все последующее столетие.

Но особенный интерес представляет эта динамика в сопоставлении с известными нам данными о росте английской металлургии за соответствующий период. В Англии, насколько нам известно, выплавка чугуна уже к началу XVIII столетия достигала 732 тыс. пудов, в России же на сильно устаревших заводах Нарышкина и Меллеров она к 1700 г. едва ли превышала даже 150 тыс. пудов. Но в Англии благодаря истощению лесов доменное производство в первой половине XVIII в. испытывало большие трудности в развитии, а в России с легкой руки Петра оно двинулось такими темпами, каких еще не знала Западная Европа. И наше отставание от нее в этой области очень скоро отошло в область преданий. В самом деле, приведем следующее сопоставление (табл. 9.) [3].

Таблица 9

Выплавка чугуна в Англии и в России в XVIII в.

(в тыс. пуд.)

Год	Англия (и Шотландия)	Россия	
		абс.	% к Англии
1	2	3	4
1720	1037	610	59
1725	(1040)	815	78
1730	(1047)	957	92
1740	1058	1530	145
1750	1342	2009	150
1760	1647	3663	222
1770	1952	5106	261
1780	2440	6718	275
1790	4880	7957	163
1800	9516	9908	104

[1] В. К. Яцунский обратил внимание на эту опечатку впервые в одной из своих работ еще в 1924 г., но это не помешало даже его товарищам по Институту истории АН СССР по-прежнему принимать ее в своих трудах за неоспоримую истину без всякой критики.

[2] С. Г. Струмилин. История черной металлургии в СССР, т. I. М., 1954, стр. 180.

[3] Там же, стр. 204.

В приведенных итогах по России учтен только доменный чугун. Но кроме 141 вододействующей домны в петровской России насчитывалось еще до 3000 ручных горнов с продукцией до 350 тыс. пудов сыродутного железа. Таким образом, общая продукция всех домен и домниц Петровской эпохи, достигая до 1165 тыс. пудов сырого металла, уже к 1725 г. превысила английскую выплавку 1740 г. А к 1740 г. уже один Урал дал 1097 тыс. пудов чугуна, т. е. больше всей Англии с Шотландией. Русское железо было много дешевле английского, и его охотно вывозили в Англию вплоть до конца XVIII в. Осуществляя у себя с 70-х годов XVIII в. промышленную революцию, Англия крайне нуждалась в привозе необходимого ей для машиностроения железа и ввозила его раза в 2 больше собственной продукции, причем до 60% в этом привозе составляло русское железо.

Таким образом, дешевое русское железо ускорило промышленную революцию в Англии. Но именно эта революция обусловила огромное ускорение в развитии всей английской промышленности вообще и черной металлургии в частности. Зарубежный спрос на русское железо стал падать. Внутреннее его потребление в крепостной России росло очень медленно. И капиталистическая Англия стала быстро обгонять феодальную Россию.

Однако в пределах XVIII в. русская черная металлургия, опередив сначала Англию, а затем и Швецию, занимала по объему продукции первое место в мире. Изумительны и темпы ее роста — за 100 лет в 66 раз. Для сравнения укажем, что за весь XIX в. со включением даже новых районов польской и украинской металлургии выплавка чугуна в царской России выросла всего в 18 раз.

Мало, однако, сказать, что Россия XVIII в. вышла на первое место по количеству выплавляемого черного металла. Следует прибавить, что уральское железо превосходило также по качеству и дешевизне железо даже таких передовых стран капитализма, как Англия. Именно поэтому оно очень рано хлынуло обильным потоком за границу, и прежде всего в ту же Англию. Но уральское железо находило себе сбыт и в США, Франции и в других странах. Поэтому общий его вывоз достигал весьма внушительных итогов. В 1750 г. общий вывоз железа из России достигал 1236 тыс. пудов, в 1797 г.— 3886 тыс. пудов. При этом в 30-х годах на долю других стран, кроме Англии, падало менее 20%, а к концу века эта доля поднялась почти до 50%.

Очень показательно, что Англия вынуждена была облагать все возрастающими пошлинами ввозимое ею русское железо. Уже в 1718 г. эта пошлина была установлена в размере 2 шилл. за «центнер» в 50,8 кг. Затем эта пошлина повышалась в 1782, 1797, 1802 и 1825 гг., достигнув 6,5 шилл. за центнер. Из расчета на пуд эта пошлина поднялась, стало быть, от 30 коп. до 1 руб. золотом, в то время как в Петербурге железо расценивалось не выше 1 руб. 26 коп. серебром за пуд. Столь высокие пошлины ясно показывают, как боялась Англия конкуренции русского железа. И все же ввоз его туда не прекращался. Еще страшнее была эта конкуренция для более отсталой французской металлургии. Вот что, например, писали о ней современники перед 1812 г.: «Шведское и сибирское железо дешевле и лучше французского, и если оно свободно будет доставляться во Францию... железоделательное производство погибнет совершенно». В 1806 г. пошлина на русское железо была здесь *удвоена*, достигнув 6 франков за 100 кг. Но и этого было мало. Заинтересованные круги добивались полного запрета этого ввоза. Однако, по свидетельству академика Е. В. Тарле, «оказалось, что без шведского и русского железа Франция обойтись не в состоянии». В свете этих фактов легенда о тепличном выращивании русских мануфактур или заводов начиная с Петровской эпохи теряет всякую правдоподобность. Эти заводы должны были

очень глубоко пустить свои корни в родную почву, чтобы столь успешно соревноваться с другими на мировом рынке.

И все же не позже 1805 г. Россию обгоняет по выплавке чугуна Англия, затем около 1825 г.— Франция и США, а с 1855 г.— также Германия и даже Австро-Венгрия. Еще раньше обнаруживается подобное же отставание и в других отраслях промышленности. Было бы, однако, очень близоруким объяснять это новое отставание России неудачей петровских реформ и расценивать как крах его начинаний. Причины здесь были совсем иные. Не следует забывать о промышленном перевороте в Англии с 70-х годов, о перестройке мануфактуры в фабрику и ручного труда в крупное машинное производство. То же происходило с некоторым отставанием и в других странах. А в России по-прежнему еще долго господствовал крепостной труд, даже расширявший сферу своего применения, поскольку волна закрепощения катилась постепенно все дальше от центра к окраинам. Принудительный труд не мирится с машинами. И потому промышленный переворот в России надолго затормозился по сравнению с западными странами. В этом и коренилась основная причина нового отставания России с начала XIX в.

Среди никчемных преемников Петра Великого не нашлось ни одного государственного ума, способного понять, что путем закрепощения в угоду горстки дворян миллионов трудящихся страна обрекается на безнадежное отставание, а армия на неизбежное военное поражение при первом же серьезном конфликте с опередившими Россию соседями. Вот почему крепостной строй рухнул у нас лишь после *военного* разгрома феодализма под стенами Севастополя. Но к этому времени Россия успела уже отстать от передовых стран Запада по меньшей мере на полвека.

5. ПЕТРОВСКАЯ МАНУФАКТУРА[1]

Петр Великий, как известно, в связи со своим планом «прорубить окно» в Европу должен был уже по военным соображениям развивать в России крупную промышленность. Для военных нужд требовалось, однако, не только много металла и оружия, но и все больше солдатских сукон и всяких других предметов снабжения и обмундирования крупных армий. Мелкое ремесло не могло обеспечить такого массового их снабжения. Для этого требовалась организация крупного мануфактурного производства.

Неоднократно возникали сомнения, имелись ли уже в Петровскую эпоху достаточные предпосылки для решения всех поставленных Петром больших задач. Но такие сомнения должны отпасть перед одним лишь тем фактом, что задачи эти были не только поставлены, но и решены совсем не плохо для своего времени. Созданы были и немалые постоянные армии, построен большой и победоносный флот, созданы образцовые железоделательные заводы, заработали суконные и всякие другие мануфактуры, было «прорублено окно» в Европу. Значит, имелись и объективные предпосылки для решения таких задач.

Мы знаем, что и до Петра Великого были опыты организации различных мануфактур в Московской Руси. И раньше всего, конечно, в тех отраслях труда, какие связаны с военными задачами. Можно упомянуть о значительных предприятиях военного назначения еще в XVII в. и раньше. Так, например, имеются известия о пушечной избе, построенной в Москве выдающимся архитектором Аристотелем Фиоравенти в 1479 г. Она сгорела и вновь восстановлена под названием пушечного двора на реке Неглинке. Это — литейный завод, рассчитанный на большую

[1] С. Г. Струмилин. Очерк экономической истории России, стр. 344—362.

производительность. Он просуществовал несколько столетий, до 1802 г. В 1637 г. на этом пушечном заводе числилось 136 рабочих; по списку 1707 г. (вероятно, за 1706 г.), там было уже 150 рабочих. Продукция его за 1706 г. составила 219 медных пушек, не считая другого литья. По сообщению из Москвы Кобенцеля, посла Максимилиана II, там в XVI в. имелось всегда наготове не менее 2000 орудий, так что московская артиллерия уже тогда, по его оценке, занимала первое место среди других европейских государств. Таким образом, наша артиллерия не впервые является лучшей в европейском и мировом, пожалуй, масштабе. Такое количество орудий предполагает уже довольно значительное их производство в стране, тем более что они не только не ввозились в Россию, но даже вывозились за границу. В частности, в 1646 г. было вывезено в Голландию 600 пушек.

Издавна заводились в районе Москвы и другие предприятия, например пороховые мельницы. Первое известие о пороховом заводе иноземца Алевиза в Москве относится еще к 1531 г., когда во время пожара на этом заводе сгорело более 200 работников, по свидетельству С. М. Соловьева. Следовательно, и пушечный и пороховой заводы, насчитывавшие 150 и 200 рабочих,— это, несомненно, уже предприятия крупного масштаба. Даже по современной оценке их не назовешь ремесленными. Это крупные мануфактуры.

Значительный рост начиная еще с XVI в. получила солеваренная промышленность в России. В ценной монографии Н. В. Устюгова[1] мы находим очень обстоятельную картину ее роста. В одной лишь Соли Камской с уездом уже в 1579 г. действовала 31 соляная варница, а к концу XVII в. их насчитывалось в уезде 191 и на посаде не менее 46, а всего до 237 варниц с годовой продукцией до 7 млн. пудов соли в год. При этом одному лишь Г. Д. Строганову принадлежало из них 162, на которых, считая только по 8 работников на каждую, эксплуатировалось около 1300 рабочих. Автор монографии свидетельствует, что в этой отрасли господствовал наемный труд. Он находит в ней уже за эти годы «ценные данные по формированию русской буржуазии и вообще «все условия», позволяющие говорить о капиталистическом характере развития этой промышленности. В частности, по его определению, «соляной промысел представлял собою мануфактуру централизованного типа, основанную на мануфактурном разделении труда», «с высоким органическим составом капитала» и высокой его рентабельностью[2].

Затем из производств мирной индустрии ранее других на русской почве стали возникать бумажные заводы. Первое бумажное производство возникло еще в 1576 г. Затем мы можем назвать бумажную мельницу Василия Бурцева, построенную иноземцем Фрумом, которая за отъездом Фрума на родину вскоре прекратила работу. Известны также мельница Патриаршего приказа на реке Пахре, разрушенная в 1557 г. весенним половодьем и вновь восстановленная взявшим ее на откуп иноземцем Иваном фан Сведеном в 1660 г., и казенная же бумажная мельница на реке Яузе за Покровскими воротами с 1673 г., взятая в 1675 г. на откуп Еремеем Левкиным (Herman Leefken)[3].

Первый стеклянный завод — так называемый Духанинский завод в Горетове Стане Московской губ.— возник у нас по привилегии, данной в 1634 г. шведскому выходцу Юлиусу (Елисею) Койету. Затем в 1669 г. был построен на реке Серебрянке Измайловский казенный стеклянный, а затем в с. Воскресенском другой казенный — Черноголовский стеклян-

---

[1] Н. В. Устюгов. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII веке.
[2] Н. В. Устюгов. Указ. соч., стр. 5, 6, 8, 138, 314.
[3] Г. Новицкий. К истории промышленности и труда во второй половине XVII в.— «Архив истории труда в России», 1924, № 11—12. Пг., стр. 28—42.

ный завод. Наконец, в 1691 г., уже по побуждению Петра Великого, торговый человек гостинной сотни Яков Романов выстроил в Москве у городской стены у Тайницких ворот еще один стеклянный завод, который, впрочем, за отсутствием знающих дело мастеровых в течение четырех лет не смог даже приступить к работе[1].

Большинство из этих заводов были очень мелкими. На них работали 6—7 рабочих. Но были предприятия и покрупнее. Таковы, например, казенная Кадашевская полотняная мануфактура в Москве, на которой уже в 1630 г. работало свыше сотни станов. Заслуживает внимания также частный Бархатный двор Захара Паульсона в Москве, на котором в 1681—1689 гг. работали 18 мастеров.

Наиболее значительное развитие в допетровской Руси, однако, получили «мельничные» железные заводы. В числе их на первом месте следует назвать Городищенские заводы Андрея Виниуса на реке Тулице, начавшие выплавку чугуна с 1636 г., затем Каширские заводы Марселиса и Акемы на реке Скниге — с 1653 г., Алексинский их же завод на реке Вепрее — с 1668 г., Протвинский, Угодский и Боровский заводы Вахромея Меллера — с 1656 г., Звенигородские казенные заводы (Павловский, он же Степанковский с 1651 г. Обушковский и Бородниковский) сданы в 1681 г. на 25 лет гостю Воронину и перестроены на новом месте, олонецкие Бутенанта фон Розенбуш — с 1678 г., Боринский К. Борина и Н. Аристова на реке Белый Колодец Воронежской губ.— с 1694 г. и некоторые другие.

По числу занятых рабочих эти заводы XVII в. были еще довольно мелкими на наш нынешний масштаб. Например, на 7 тульских, каширских и алексинских железных заводах Марселиса ко времени их перехода в 1690 г. к Л. К. Нарышкину числилось всего 106 заводских рабочих, в том числе 54 иноземца[2]. Но если учесть, что это все же были не ручные кустарные домницы, а *вододействующие* доменные заводы с механическим дутьем и ковкой, вполне освоившие передовую технику своего времени и превосходившие по суточной выплавке чугуна даже английские домны XVIII в., то вовсе скинуть их со счета в истории генезиса крупного производства в России едва ли возможно.

Допетровская Русь в промышленном отношении была очень отсталой. И совсем не случайно, конечно, что среди организаторов первых русских заводов было очень много иностранцев. Чтобы пустить в ход эти заводы, приходилось выписывать из-за границы не только специалистов-строителей, но и рядовых мастеровых, и не только сложные механизмы, но подчас даже и весьма примитивные материалы, например огнеупорную глину для стеклянных заводов, пока не нашли у себя великолепную гжельскую глину. Достаточно отсталой оставалась Россия и при Петре. И если ему все же удалось сделать многое, то именно потому, что у него уже были предшественники на этом пути и достаточно подготовленная почва.

Однако этот именно тезис и не находил себе доныне признания в нашей исторической литературе. Преобладающим в ней с давних лет воззрением было как раз утверждение об отсутствии такой почвы. А в связи с этим пользовалась большим успехом легенда об искусственном насаждении Петром крупной промышленности и последующем «крахе» этой «нездоровой» политики.

Концепции, как видим, можно строить разные, в особенности если факты, подлежащие объяснению, изучены мало. А экономика XVIII в. в России в этом отношении представляет еще огромные возможности.

---

[1] Н. А. Бакланова. Стеклянные заводы в Московском государстве XVII в.— «Очерки по истории торговли и промышленности в России». М., 1928, стр. 119—142.

[2] «Крепостная мануфактура в России», ч. II. Л., 1931. Прил., стр. 49.

Но тем большего внимания заслуживают хотя бы те немногие непреложные факты, которые мы можем противопоставить тем или иным неправильным концепциям. Несмотря на всю категоричность утверждений историков о *крахе* петровской крупной промышленности, их прежде всего надлежит проверить. А проверив, мы убедимся в том, что петровский период отличается от предшествующего не тем, что он *впервые* открывает новую эпоху — эпоху мануфактурной промышленности, а тем, что эта промышленность делает первый серьезный скачок в своем развитии, скачок, в котором количественный рост мануфактур приобретает уже характер нового качества.

В условиях господства общественных отношений феодализма, вступая в явный с ними конфликт, здесь получают свое начало уже не отдельные разрозненные элементы, а целый уклад капиталистической мануфактуры. Вместе с тем петровские реформы определили новый толчок и в развитии товарно-денежных отношений в деревне. Замена всех денежных и натуральных повинностей единым *денежным* подушным налогом, рост отхожих промыслов для уплаты этого налога и растущих помещичьих оброков, все более непосильная и разорительная эксплуатация крепостной деревни — все это (и рост производительных сил капиталистического уклада, и истощение их в области крепостного сельского хозяйства) свидетельствовало о том, что феодальный строй в России вступал уже в *нисходящую* стадию своего развития. Петровская эпоха была переломным моментом этого развития.

Итак, обратимся к историческим фактам.

Состояние промышленности к концу Петровской эпохи обычно характеризуется данными известной сводки обер-секретаря сената Ивана Кирилова, составленной им по материалам сенатских архивов в феврале 1727 г.[1] Список Кирилова, использовавшего подлинные ведомости мануфактур и Берг-коллегии (преимущественно за 1724 г.) и другие официальные документы, можно считать наиболее полными. Сюда вошли не только действующие к моменту опроса предприятия, но и давно прекратившие действие заводы и даже такие, которые намечались к постройке, но не были построены «за дороговизною и за недовольствием работников» или по другим причинам (II, 71). Сам Кирилов по своему списку насчитал 233 «завода»[2]. В этот итог не вошли Галицкой провинции «по ведомости 1724 г. в поместьях разных помещиков у крестьян железных ручных 274 горна», Тульской провинции «ручных домен как в оружейной слободе, так и в уезде 51», «да в Багаряцкой слободе у крестьян ручных 4 домны, из которых железа выходило в год (по ведомости 1724 г.) от 8 до 6 и 1 пуда» и много других кустарных заведений[3]. Но если бы кто на этом основании заключил, что итог — 233 «завода» — действительно включает в себя только настоящие мануфактуры и заводы, заслуживающие этого наименования, тот сильно бы ошибся. И в этом итоге преобладают мельчайшие предприятия кустарного типа. Отчасти это можно установить уже из самой «Краткой ведомости» Кирилова, в которой подытожены и 10 «ручных доменных горнов» на Устюжне Железопольской, и немало мелких рудников, соляных варниц, пильных мельниц, и даже один «овчарный завод». Но поскольку Кирилов лишь в редких случаях — по казенным заводам — отмечает число рабочих, определить действительное число предприятий фабрично-заводского типа Петровской эпохи по этому источнику невозможно. Однако в нашем распоряжении имеются и другие источники, более пригодные для этой цели.

---

[1] Иван Кирилов. Цветущее состояние Всероссийского государства, в каковое начал, привел и оставил неизреченными трудами Петр Великий, кн. I, II. М., 1831, кн. I, стр. 122; кн. II, стр. 46, 68, 133.

[2] Там же, кн. II, стр. 133.

[3] Там же, кн. I, стр. 122, кн. II, стр. 46, 68.

На первом месте укажем здесь архивную ведомость о мануфактурах, составленную в 1727 г. по отчетным данным не позже 1725 г.[1] В этой ведомости почти по всем заведениям указаны год их основания, число станов и рабочих, и потому имеется полная возможность, отсеяв более мелкие кустарно-ремесленные заведения, выделить настоящие мануфактуры петровского времени. В ведомости перечислено свыше 80 заведений, но установленному нами выше цензу на них удовлетворяют только около 40. Приведем их перечень (табл. 10).

Едва ли этот перечень является исчерпывающим. Но во всяком случае можно думать, что все крупнейшие заведения, подведомственные Мануфактур-коллегии и конторе, здесь достаточно полно представлены. Здесь не упомянут сахарный завод иноземца Вестова в Петербурге, заведенный в 1718 г., но возможно, что к 1725 г. он уже перешел в другие руки[2]. В позднейших источниках называются и другие владельцы заводов Петровской эпохи, например полотняные мануфактуры Овошникова и Чурашева в Москве — с 1720 г., Пастухова и Карамышева в Москве, Гончарова в Ярославле — с 1722 г., стеклянная В. Мальцева — с 1725 г. и др., но все эти компаньоны и преемники Тамеса, Затрапезного и других фабрикантов, перечисленных в ведомости 1727 г., ставшие затем по разделу или иным основаниям самостоятельными владельцами соответствующих мануфактур[3]. Кроме того, необходимо помнить, что некоторые мануфактуры Петровской эпохи имели характер комбинированных предприятий. Например, мануфактура Затрапезного в Ярославле — полотняная с шелкоткацким лентным отделением, а с 1728 г. и писчебумажная; у Тамеса в 1726 г. наряду с 300 льноткацких станов было 28 шелкоткацких и даже 4 стана, на которых выделывалась хлопчатобумажная ткань (кноп). Эти шелкоткацкие отделения рассматриваются иной раз и в качестве самостоятельных лентных фабрик.

Большой интерес в ведомости 1727 г. представляет заведение армянина Сафара Васильева в Терках (Кизлярское урочище), задачей которого было «делание шелка-сырца из червей и сеяние *хлопчатой бумаги*». Однако эти первые опыты культуры хлопчатника в нашей стране были, повидимому, очень скромными. Вся продукция хлопчатой бумаги у Сафара Васильева с 1718 г. едва достигала 2 пудов за несколько лет. Любопытна также казенная «чихирная фабрика» в Астрахани и на Красном Яру с 1722 г., на которой в виноградниках было занято 144 человека, откуда за 5 лет (с 1720 по 1724 г.) было отпущено белого и красного вина на 5430 руб.

---

[1] ЦГАДА, ф. XIX, № 379. Ведомость Мануфактур-конторы в 1727 г. В ведомости показаны также 2 мануфактуры, заведенные в 1726 г. без данных о рабочих и продукции с указанием по первой: «ныне показать невозможно, ибо оная мануфактура действо свое имеет еще меньше года», а по другой: «в действо еще не вступала».

[2] В ведомости значится сахарный завод иноземцев Андрея Ачкина с товарищами, заведенный в Санкт-Петербурге с 1718 г., на котором работали всего 3 человека с годовой производительностью в 3000 пудов рафинада. Известно также, что Ачкин был одним из компаньонов Вестова.

[3] Особенно много петровских мануфактур благодаря некритическому использованию источников насчитано в крайне неряшливой работе Д. И. Девятисильной («Фабрики и заводы в царствование императора Петра Великого»). Наряду с суконной мануфактурой Щеголина здесь названы, например, как особые предприятия того же времени мануфактуры Докучаева и Серикова (стр. 14 и 18), хотя эти компаньоны Щеголина стали фигурировать в качестве самостоятельных фабрикантов значительно позже; дважды учтена на стр. 22 одна и та же парусная фабрика в Москве адмиралтейского ведомства с одним и тем же числом рабочих (1162), причем один раз в качестве казенной, а другой раз как частная мануфактура Ивана Тиммермана, хотя последний был лишь директором казенной мануфактуры; пять раз учтена на стр. 39 Истинская игольная «фабрика» близ Пронска братьев Рюминых с товарищи, в том числе один раз под фирмой — компаньона Рюминых — Ив. Комлехина, да еще в *шестой* раз на стр. 24 под именем «угольной» фабрики Ив. Комлехина с товарищи и т. д. (ср. П. Г. Любомиров. Очерки по истории русской промышленности в XVII, XVIII и начале XIX в. Л., 1930, стр. 27, 161).

Таблица 10

Петровские мануфактуры к 1725 г.

№ п/п	Род мануфактуры	Местонахождение	Владельцы мануфактур	Год основания	Число станков	Число работников
1	2	3	4	5	6	7
1	Суконная	Москва	Казна, а с 1720 г. купец Вл. Щеголин с товарищи	1704	150	730
2	»	Казань	Казна, а с 1724 г. купец Ив. Микляев с товарищи	1714	69	742
3	»	Сокольский уезд, Воронежской губернии	Казна, а с 1726 г. Гильшер и Литхенс (в 1723—1726 гг. бездействовала)	1713/15	(30)	118
4	»	Москва	Купец Ив. Собольников	1718	30	111
5	»	Путивльский уезд	Генерал-майор Корчмин и Ив. Дубровский	1719	56	476
6	»	Москва	Купец Дм. Бабушкин с товарищи (б. Александрова и Носова)	1720	(18)	90
7	»	Таврийск. креп. Воронежской губернии	Дворянин Фаддей Веневитов с товарищи; бывший казенный	1720	18	92
8	Каразейная	Москва	Дворцовый служитель Родион Воронин	1718	12	46
9	»	»	Иноземец Богдан Пранг	1721	3	36
10	»	»	» Мельхиор Фибих	1721	7	42
11	»	»	» Яган Фишер	1724	3	19
12	»	»	Тяглец Ив. Кузнецов	1724	10	55
13	Каламинковская	С.-Петербург	Казенная, за убыточностью ликвидирована до 1727 г.	1718	(3)	69
14	»	Москва	Купец (?) Никон Волков	1719	4	61
15	Чулочная	»	Казна, а с 1722 г. дворцовый служитель Родион Воронин	1706	8	33
16	Полотняная	»	Казна, а с 1718 г. Иван Тамес с товарищи	1706	443	851

17	»	С.-Петербург	Кабинетская (Екатерингофская)	до 1724	46	148
18	»	Ярославль	Иноземец Иван Тамес	1722	68	160
19	Полотняная	Ярославль	Купец Максим Затрапезнов	1722	104	120
20	Парусная	Малояросл. уезд	Целовальник Тимофей Филатов	1718	140	482
21	»	Московск. уезд	Купец Дмитрий Плавильщиков	1721	69	335
22	»	Переясл. уезд	Купец Леонтий Хвасливый	1724	24	26
23	Штофная и парчей	Москва	Купец М. Евреинов с товарищи (б. Апраксина)	1714(?)	184	723
24	»	С.-Петербург	То же	1717	19	26
25	Лентная и позументная	Москва	Дворцовый истопник Милютин	1714	81	280
26	Лентная	»	Дворцовый служитель Родион Воронин	1723	12	16
27	»	»	Тяглец Селиверст Павлов с товарищи	1725	27	24
28	»	»	Тяглец Иван Панфилов	1725	15	18
29	Шпалерная	С.-Петербург	Кабинетская	до 1716	10	46
30	Бумажная	»	Казенная Красносельская	1722	—	117
31	»	Малояросл. уезд	Целовальник Тимофей Филатов (и Гончаров), (6 чанов)	1722	—	35
32	Картная	Москва	Иноземец Фандерстам	1724	—	19
33	Стокольная	Можайск. уезд	Иноземец Тимофей Левкин с товарищи (и В. Мальцев?)	1722	—	15
34	»	Владимирский уезд	Посадский человек Ив. Комаров	1723	—	23
35	Ценинной посуды	Москва	Купец Афанасий Кириллов	1724	—	21
36	Игольная фабрика	Пронский уезд	Купцы Томилин и Рюмин с товарищи (Комлехин)	1718	—	257
37	Кожевенный завод	Алатырский уезд	Красносельцы Ив. и Л. Симоновы (30 чанов)	1721	—	66
38	Кожевенный завод	Воронеж	Кожевенный мастер П. Пахомов с товарищи (27 чанов)	1725	—	16
39	Лосиная фабрика	Московский уезд	Купец Максим Попов	1720	—	33
40	Табачный завод	Ахтырка	Казенный	1718	—	43
			Итого		1 663	6 620

Заслуживает внимания и личный состав владельцев петровских мануфактур. Если в XVII в. среди них преобладали иноземцы, то теперь из 40 мануфактур только 8 возглавлялись иноземцами. Но особенно показателен социальный состав петровских фабрикантов. Если исключить казенные предприятия (пять мануфактур), то из остальных только одно, полученное в готовом виде из казны, принадлежало воронежскому *дворянину* Фадею Веневитинову, еще одно возглавлял бывший царский денщик генерал-майор Корчмин. Все остальные принадлежали лицам непривилегированных сословий. Из них до дюжины «купецких людей», три «тяглеца», целовальник Тимофей Филатов, придворный комнатный истопник Алексей Милютин, дворцовый служитель Родион Воронин, посадский человек И. С. Комаров, кожевенный мастер Пахомов, «красносельцы» Симоновы и разные другие разночинцы [1].

Как видим, не только дворянам, но даже «купецким людям» не принадлежало в этом перечне решающего большинства. А если учесть, что большинство купцов-компанейщиков вначале шли в промышленность скорее по требованиям Петра, чем по собственной инициативе, и притом шли уже на готовое дело — в созданные казной мануфактуры, то придется признать в этом деле за тяглецами-разночинцами значительную роль не только по их числу, но и по инициативности [2].

Показателен этот личный состав в том отношении, что все эти выходцы из «купецких людей» и прочих тяглых состояний не владели крепостными и, стало быть, их мануфактуры строились в расчете на эксплуатацию *вольнонаемного* труда.

Аналогичную картину можно отметить и в отношении горных заводов Петровской эпохи. У Кирилова их перечислено свыше 50. Но среди них заведомо много кустарных ручных горнов, даже в тех случаях, когда он их именует железными *заводами*. Так, например, Кирилов, ссылаясь на ведомость Берг-коллегии, говорит о железном заводе денежного двора мастера Кондрата Семенникова в Старо-Рязанском стану [3]. А между тем в делах Берг-коллегии мы нашли жалобу за подписью того же Кондрата Семенникова, в которой он сообщает, что у него в Рязанском уезде, Старо-Рязанском стану «ручной, а не водяной завод», что в 1725 г. он плавил всего по 2 пуда 30 фунтов в день и что с него следует взимать десятину, согласно указов, не по копейке, а «по деньге с пуда» [4]. Точно таким же «ручным» оказался названный Кириловым железный завод Гайтанникова в Новоторжском уезде [5]. И, несомненно, еще окажутся многие другие. Пользуясь работой Геннина в отношении уральских заводов и архивными материалами асессора Васильева о замосковских водяных заводах, подлежащих обложению по копейке с пуда, мы можем, однако, с достаточной достоверностью отсеять кустарные заведения [6]. И тогда получим следующий перечень петровских металлургических заводов (табл. 11).

---

[1] Среди более мелких предпринимателей встречались и крестьяне, например владельцы нескольких заводов братья Миляковы, владелец кожевенного завода с 15 рабочими оброчный крестьянин Вас. Зайцев и др. Владелец пильной мельницы, между прочим, и сенатский секретарь Ив. Кирилов, автор вышеуказанной книги «Цветущее состояние Всероссийского государства...».

[2] Туган-Барановский в соответствии со своим предвзятым взглядом на роль *торгового* капитала в создании крупной промышленности Петровской эпохи утверждает, что большинство фабрикантов Петровской эпохи «принадлежали к торговому сословию». Но при этом ряд фабрикантов, например целовальник Филатов, его бывший приказчик Гончаров, тяглецы Павлов и Панфилов, причислены им к этому сословию без всяких доказательств, произвольно, а другие забыты. М. Туган-Барановский. Русская фабрика.., стр. 14—16.

[3] Ив. Кирилов. Указ. соч., кн. I, стр. 105.

[4] ЦГАДА, Фонд Берг-коллегии, № 613, л. 353 об.

[5] П. Г. Любомиров. Очерки по истории металлургической и металлообрабатывающей промышленности в России (XVII, XVIII и начало XIX века). Л., 1937, стр. 254.

[6] В. де Геннин. Описание уральских и сибирских заводов.

Как видим, настоящих горных заводов при Петре I было всего около 30. При этом некоторые из них, например Воронежские, правильнее считать цехами одного и того же завода, чем самостоятельными предприятиями. За один завод сосчитано нами и предприятие Меллеров. Число работников по казенным заводам заимствовано нами у Кирилова. По более поздним данным Геннина, оно значительно больше, даже не включая сюда всех внезаводских вспомогательных рабочих: лесорубов и углежогов, а также рудокопов. По частным заводам мы учли только минимальное число рабочих, потребное по штатным расписаниям того времени для обслуживания учтенного нами числа домен, кричных горнов и медеплавильных печей.

С учетом обслуживающего персонала число работников этих заводов заметно увеличилось бы. Но и без этого оно по всем заводам превышает принятый нами ценз. Несомненно, что в этом перечне мы имеем дело только с предприятиями крупного мануфактурного типа. Тем характернее, что и в этом перечне, за исключением казенных заводов и одного выморочного предприятия Марселиса, доставшегося в дар царским сродникам Нарышкиным, все заводчики — выходцы из податных сословий, причем среди них весьма видное место принадлежит бывшим мастеровым и крестьянам.

Кроме предприятий, подведомственных Мануфактур- и Берг-коллегиям, можно назвать еще несколько казенных промышленных заведений довольно крупного масштаба, подчиненных военному ведомству и некоторым другим. Наиболее крупные из них располагали, по Кирилову, следующим числом рабочих[1]:

Казенные промышленные предприятия, подчиненные военному и другим ведомствам

1. Санкт-Петербургская адмиралтейская верфь	3441	работник
2. Кронштадтская адмиралтейская верфь	1156	»
3. Астраханская адмиралтейская верфь	186	»
4. Санкт-Петербургский арсенал — литейный и пушечный двор с 1714 г.	218	»
5. Московский арсенал	131	»
6. Сестрорецкий оружейный завод — с 1724 г.	677	»
7. Адмиралтейская парусная фабрика в Москве[2] (с 1721 г.—629)	1162	»
8. Адмиралтейский прядильный двор в СПб.	451	»
9. Охтенский пороховой завод в СПб.— с 1715 г.	85	»
10. Пороховой завод на р. Карповице в СПб. с 1710 г.	64	»
11. Адмиралтейская пильная мельница на р. Ижоре с 1711 г.	135	»
12. Синодальная типография в СПб.	75	»
13. Адмиралтейская типография в СПб.	21	»
14. Сенатская типография в СПб.	15	»
Итого	7817	работников

Как видим, особенно крупные заводы принадлежали адмиралтейству, обслуживая любимое детище Петра Великого — морской флот.

У Кирилова показан и профессиональный состав рабочих этих предприятий. Так, в Петербургском адмиралтействе, включая сюда и прядильный двор, числилось 3892 мастеровых и рабочих, в том числе 1575 плотников, 451 прядильщик, 300 кузнецов, 121 конопатчик, 83 парусника, 74 столяра, 69 пильщиков, 64 резчика, 45 токарей, 26 котельщиков, 17 маляров и т. д. На московской парусной — у парусного, флагдучного

[1] Иван Кирилов. Указ. соч., кн. I, стр. 2, 16, 20—23, 25, 27, 89, 95; кн. II. стр. 196.
[2] Бывший Преображенский Хамовный двор — с 1696 г.

Таблица 11

Горные «вододействующие» заводы к 1725 г.

№ п/п	Род заводов, названия и местонахождения	Владельцы заводов	Годы основания	Оборудование		Число заводских работников
				домен	горнов	
1	2	3	4	5	6	7
	I. Железные заводы					
	Олонецкие:					
1	Петровский на р. Лососинке	Казна	1702	2	2	303
2	Повенецкий на р. Повенцы *	»	1703	1	2	37
3	Кончезерский	»	1704—1707	1	2	24
4	Белозерский-Тырпицкий на р. Шогде	»	1702—1704	4	4	41
5	Устюжинский — Ижинский на р. Ижине	Казна (ликвидирован до 1725 г.)	1702—1703	-	—	—
	Воронежские:					
6	Боринский	Взят в казну с 1721 г.	1693—1695	2	2	556 (6–8)
7	Верхне- и Нижне-Липские	Казна	1702	4	6	
8	Козминский	»	1702—1703	—	4	
9	Каменский на Урале	»	1701	2	2	92
10	Уктусский на Урале	»	1702—1704	2	4	119
11	Алапаевский на Урале	»	1704	2	4	108
12	Екатеринбургский на Урале	»	1723—1724	2	16	409
13	Каширские на р. Скниге и пр.	Иноземец Марселис, с 1690 г. бояре Нарышкины	1653	2	8	62
14	Угодский, Боровский и Меньшовский	Иноземцы: Вахромей и Петр Меллеры	1666—1705	4	12	156
15	Невьянский на Урале	С 1702 г. тульский кузнец Н. Демидов	1701—1702	4	6	(380)
16	Тулицкий на р. Тулице, Тульского уезда	Тульский кузнец А. Демидов	1701	2	6	(40)
17	Истьинские на р. Истье, Пронского уезда	Купцы братья Рюмины	1713—1716	3	5	(16)

* К 1725 г. медный.

18	В.— Тагильский на Урале	Тульский кузнец Никита Демидов	1718--1720	2	8	(112)
19	Шуралинский »	» » » »	1716	--	8	(54)
20	В.— Тулицкий на р. Тулице, Тульский уезд	» » Иван Баташов	1716--1717	1	4	(24)
21	Бынговский на Урале	» » Никита Демидов	1718	--	18	(180)
22	Дугненский на р. Дугне, Алексинский уезд	» » » »	1707	2	4	(56)
23	Истьинский — Гулынский	Л. С. Логинова	1717	1	3	18
24	В.—Тулицкий на р. Тулице, Тульский уезд	Тулянин И. Данилов	1719	1	5	(36)
25	Рябкинский на р. Рябке, Краснослободский уезд	Крестьяне Иван и Андрей Миляковы	1719--1722	1	3	(24)
	Итого		—	45	138	2847

II. Медные и серебряные заводы*

26	Выйский медный завод на Урале	Тульский кузнец Никита Демидов	1722	--	10	(60)
27	Пыскорский медный завод на р. Камгорке	Казна	1720--1724	--	12	111
28	Полевской на р. Полевой	»	1724	--	9	25
29	Ягушихинский на р. Ягушихе	»	1724	--	6	40
30	Лялинский на р. Каменке	»	1724	--	2	31
31	Нерчинский серебряный в Сибири	»	1704	--	--	47
	Итого		—	—	39	314

* По медным заводам показано число медеплавильных печей. Число рабочих, показанное в скобках, исчислено нами приблизительно по штатным расписаниям Татищева и Геннина.

и тикового дела — было занято 399 ткачей, 285 утошников, 139 колесников, 96 цевочников, 72 самопрядчика, 71 чесальщик, 22 сновальщика, 20 мыларей и т. д., всего перечислено свыше 20 различных профессий ручного труда. Таким образом, мы имеем здесь перед собою типичный образец крупной централизованной мануфактуры.

В нашей исторической литературе была поднята в свое время дискуссия о характере русской мануфактуры XVIII в.[1] Была ли это настоящая централизованная мануфактура с работой всего коллектива в одном общем помещении или в немногих крупных цехах? Или это было нечто собирательное из целой группы мелких самостоятельных производителей, работающих у себя на дому и объединенных лишь общей работой для казны или иного заказчика-предпринимателя? Лишь в первом случае можно бы говорить о «мануфактуре в узком смысле этого слова», ибо во втором мы имеем дело скорее с раздаточной конторой. Конечно, в тех отраслях труда, где крупная мануфактура выросла на базе широко распространенных кустарных промыслов, раздаточная контора даже в форме чисто *торговой* конторы по скупке и перепродаже тех или иных кустарных изделий являлась естественным преддверием мануфактуры. Такие промежуточные звенья между кустарем и мануфактурой нетрудно указать и в железоделательном и в прядильно-ткацком промыслах не только в XIX, но и в XVIII в. «Жительствующие при самой нашей слободе, в селе Норском и прочих деревнях,— читаем мы, например, в одном из наказов 1767 г. в Екатерининскую комиссию,— многие крестьяне из покупного же железа куют при своих домах гвозди и *по многому числу у своей братии скупая*, отвозят в С.-Петербург и Москву»[2].

Иной тип представляет собой так называемая *фабричная* раздаточная контора, где капитал берет на себя *производственное* объединение рассеянных в мелких светелках и на дому кустарей, организуя таким образом широкое систематическое разделение и кооперацию их ручного труда. Такие светелки и дома, по определению В. И. Ленина, «представляют из себя лишь внешние отделения мануфактуры»[3].

Таким образом, понятие «мануфактура» в *широком* смысле этого слова включает в себя не только централизованные, но и «рассеянные в пространстве», децентрализованные мануфактуры. Вполне «*законченной*» из этих двух форм, по выражению Маркса, является та, которая «*уменьшает пространственное расстояние* между отдельными фазами производства», сокращая вместе с тем время, необходимое на переход продукта от одной стадии в другую, и труд, затрачиваемый на эти переходы. Маркс называет эту форму *органической* мануфактурой. Но в противовес «рассеянной в пространстве» ее можно назвать и *централизованной* мануфактурой. У нас, в России XVIII в. явно преобладала последняя форма. Нетрудно, однако, привести и образчики первой. Отметим хотя бы показательный пример Тульского оружейного завода.

Оружейная слобода в Туле еще с XVII в. была крупным центром производства оружия по заказам казны. В 1712 г. Петр Великий в целях перевода от такой децентрализованной кустарной мануфактуры к настоящей повелел: «...для лучшего в оружейном деле способа, изыскав удобное место, построить заводы, на которых бы можно ружья, фузеи и пистолеты сверлить и обтирать, а палаши и ножи точить водою... Для лучшего же на Туле в оружейном деле усмотрения и поспешения построить оружейный двор, дабы то ружье делать всеми мастеровыми *на том оружейном дворе* безостановочно, *а по домам, где кто живет, ружья впредь отнюдь не де-*

[1] См., например, И. М. Кулишер. Очерк истории русской промышленности. Пг., 1922, стр. 131 и сл. П. Г. Любомиров. Очерки по истории русской промышленности в XVII, XVIII и начале XIX, стр. 8 и сл.

[2] И. М. Кулишер. Указ. соч., стр 133.

[3] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 387.

лать» [1]. В 1717 г. указанные вододействующие сверлильные и точильные цехи и общий каменный оружейный двор были построены, но оказалось, что сосредоточить в нем свыше 1100 оружейников с учениками, не считая подсобных работников, было бы слишком тесно. Мастеровые подали прошение о разрешении им по-прежнему работать на дому, на что последовал ответ: «...оружейных кузнецов на каменный двор до указу не переводить, а делать им ружье по-прежнему в *домах своих»* [2]. Казна от этого немного теряла, так как вся работа велась на основе сдельных расценок. Тульские кустарные домницы поставляли свое железо оружейникам по установленной для них казенной цене 25 коп. за пуд, оружейники-кузнецы сдавали в свою очередь готовые ружья в казну по столь же сходной для нее расценке. Из архивных документов видно, например, что на частном рынке цены кустарного железа были не ниже 30 коп. за пуд. Но казна пользовалась своим монопольным положением и эксплуатировала кустарей, а те в свою очередь, работая у себя на дому, принимали подсобных рабочих и, эксплуатируя их, возмещали за их счет пониженные казенные расценки.

В сводке Кирилова 1727 г. ничего не говорится о Тульском оружейном заводе, хотя и упомянуты «на речке Тулице слободы оружейных мастеров и кузнецов», а также «Двор великий каменный оружейный, сделан замком, где *кладутся* ружья». И это правильно. Указанный двор из производственного помещения превратился в складочное. Это была своего рода раздаточная контора. Но тульские оружейники и кузнецы не случайно предпочитали работать у себя на дому. «Великий каменный двор» был, конечно, просторнее их кустарных домниц и кузниц. Но дело было не в тесноте, а в том, что у себя дома они сами чувствовали себя предпринимателями. Очень характерно, что из числа 41 владельца ручных доменных горнов и кузниц тульской оружейной слободы, по архивным данным 1720 г., не менее 37 имели у себя наемных рабочих [3]. Причем именно из среды этих хозяйчиков кузнецов-оружейников и вышли все крупные железозаводчики того времени — Демидовы, Баташевы, Мосоловы. Говорить после этого об отсутствии почвы для крупного производства в Петровскую эпоху или об отрыве от его естественных истоков — «народной» кустарной промышленности — едва ли приходится.

Конечно, этот процесс формирования из рядов мелкой «народной» промышленности нового класса, крупной капиталистической буржуазии не завершился в Петровскую эпоху, продолжаясь в течение всего крепостного периода. Особенно много представителей этого класса вышло из «народа» в районах старинного ткачества — Ярославской, Владимирской и Костромской губерний. Достаточно назвать имена таких крупнейших фабрикантов-текстильщиков, как Морозовы, Рябушинские, Прохоровы, Гарелины, Грачевы, Шорыгины, Бардыгины, Разореновы, Зимины, Коншины, Балины, Горбуновы, Скворцовы, Миндовские, Дербеневы, Локаловы, Дордоновы, Сеньковы, Клюшниковы, Елагины, Заглодины и многие другие [4]. Все эти предприниматели-миллионеры выросли еще в крепостную эпоху из рядовых кустарей-крестьян или посадских. Все они начинали с кустарной светелки ручного ткача или набойщика, затем обзаводились раздаточной конторой, а затем и настоящей централизованной мануфактурой с сотнями станков и десятками тысяч веретен.

И, конечно, В. И. Ленин, говоря об оторванности так называемого «фабрично-заводского» производства от «кустарного», об «искусственности»

---

[1] И. Гамель. Описание Тульского оружейного завода в историческом и техническом отношении. М., 1826; И. М. Кулишер. Указ. соч., стр. 137.

[2] Иван Кирилов. Указ. соч., кн. I, стр. 122.

[3] ЦГАДА, Фонд Берг-коллегии, № 1061.

[4] Их родословные см. Ч. М. Иоксимович. Мануфактурная промышленность в прошлом и настоящем, т. I. М., 1915.

первого и «народном» характере второго как о распространенном в нашей литературе *предрассудке*, совершенно правильно оценивал фактическое положение вещей [1].

Правда, в условиях крепостной России, когда господствующее «благородное» сословие познало вкус высоких норм прибавочной стоимости, создаваемой в крупной индустрии, оно тоже пожелало приобщиться к этому источнику. И у него нашлось для этого немало самобытных путей, казалось бы, очень быстро и прямо ведущих к цели. Дворянская знать, стоявшая близко к трону, как известно, попросту выпрашивала себе у казны, «покупая» без денег, но с большими казенными субсидиями, уже готовые казенные фабрики и заводы. Другие дворяне не прочь были организовать в своих поместьях без особых затрат собственные крупные предприятия из работающих у себя на дому собственным инструментом крепостных крестьян-кустарей.

Такова, например, суконная мануфактура капитана Василия Выродова, заведенная им в 1756 г. «на собственных землях» в ряде деревень в Унженском, Лихвинском, Пензенском, Владимирском и Малоярославецком уездах. Выродов снабжал своих крепостных шерстью и получал от них готовые половинки суровья, выплачивая им «заработную плату». Кустари работали у себя в избах и только в одно «праздное» время, зимой. Около 1773 г. у Выродова, по ведомостям Мануфактур-коллегии, числился 101 суконный стан [2]. Это типичная *децентрализованная* мануфактура или, точнее, дворянская раздаточная контора. Заслуживает внимания в указанной связи и так называемая слесарная фабрика графа П. Б. Шереметьева в с. Павлове, Горбатовского уезда, Нижегородской губ.,— известном центре кустарного замочно-ножевого промысла. Зачислена она по Мануфактур-коллегии фабрикой еще с 1761 г., но производство шло в ней всегда «в крестьянских домах» [3]. В сущности эта «фабрика» не была даже раздаточной конторой. Раздачей сырья и скупкой изделий занимались здесь разные ловкачи из самих кустарей, успевших обзавестись наемными подмастерьями и учениками [4]. Такое дело было ниже графского достоинства. Объявив свое крепостное село фабрикой, титулованный ее владелец преследовал другую цель. Павловские кустари-скупщики на этом основании получили от имени фабрики «право торговать повсюду» своими изделиями, а благородному графу оставалось лишь без всяких хлопот присваивать себе извлекаемую ими капиталистическую прибавочную стоимость в *феодальной форме* все возрастающих крепостных оброков.

Впрочем, *дворянские* децентрализованные и всякие иные мануфактуры стали заметно умножаться лишь в послепетровскую эпоху. При Петре строились и размножались вполне законченные, централизованные мануфактуры. Да и в последующее время за ними оставалось, как это убедительно доказано в очерках П. Г. Любомирова, решающее преобладание. Своими реформами и творческой инициативой Петр Великий впервые открывал широкую дорогу индустриальному предпринимательству. И на этот путь, вполне естественно, прежде всего вступили твердой ногой выходцы из тех самых трудовых низов, которые получили свою подготовку в области так называемых народных ремесленно-кустарных промыслов Московской Руси. Вот почему во главе петровских заводов и мануфактур оказалось так много бывших кузнецов и всякого иного рода тяглецов.

---

[1] См. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 385, 386.

[2] П. Г. Любомиров. Очерки по истории русской промышленности в XVII, XVIII и начале XIX в., стр. 40.

[3] Там же, стр. 172.

[4] В 1813 г. на этой «фабрике» числилось 284 кузницы и 1300 рабочих. В 1823 г.— 252 кузницы, на которых работали 1056 крепостных и 234 вольнонаемных кустарей; нанимал их, конечно, не граф, а владельцы кустарных кузниц из наиболее удачливых.

В талантливости и полнокровности этих представителей трудовых низов феодальной России не приходится сомневаться. Каких верхов артистического искусства достигали наши мастеровые XVIII в., широко известно. Кто не слыхал о легендарном тульском кузнеце Левше, подковавшем блоху? Крепостной мастер графа Шереметьева в с. Павлове Алексей Перелестов выделывал такие микроскопические замочки, что их выходило по 300 и по 1000 на один золотник по весу и, стало быть, каждый замочек весил менее 4 *млг.* Но это были наименее практичные и удачливые из них. Их искусство служило лишь на забаву господам-феодалам. И даже гениальному механику-самоучке Кулибину, как известно, пришлось растрачивать свои таланты на никчемные фейерверки для праздной царицы. Но совсем другое дело получалось, когда столь же талантливые кузнецы, как Никита Демидов, или такие ткачи, как Савва Морозов, вступали на практическую стезю индустриального предпринимательства. Соперничать с ними на этой стезе таким паразитическим типам старой формации, как граф Шереметьев и капитан Выродов, было трудновато. Капитаны Выродовы постепенно вырождались в заурядных капитан-исправников и земских начальников. А Рябушинские становились капитанами промышленности, забирали в свои руки вместе с миллионами и соответствующее им политическое влияние в стране.

Однако, не забегая далеко вперед, подведем общие итоги индустриального строительства Петровской эпохи. Суммируя данные выше приведенных списков крупнейших мануфактур и заводов с расчленением их на группы по числу рабочих и служащих, получаем такие итоги (табл. 12).

Таблица 12

Общие итоги крупного производства к 1725 г.

Производства	Группы по числу работников									
	16—50		51—100		101—500		Свыше 500		Итого	
	«фабрик»	работников	«фабрик»	работников	«фабрик»	работников	«фабрик»	работников	«фабрик»	работников
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1. Полотняное и парусное	1	26	—	—	5	1245	2	2013	8	3284
2. Суконное, каразейное и каламинновое	4	143	5	367	3	705	2	1472	14	2687
3. Шелковое	4	84	—	—	1	280	1	723	6	1087
4. Канатно-прядильное, чулочное	1	33	—	—	1	451	—	—	2	484
Итого	10	286	5	367	10	2681	5	4208	30	7542
5. Обработка металла	—	—	—	—	3	606	1	677	4	1283
6. Разные	9	257	4	290	3	438	2	4597	18	5582
Итого по обрабатывающей промышленности	19	543	9	657	16	3725	8	9482	52	14407
То же без военных заводов	19	543	7	508	13	3190	5	4209	44	8450
7. Горные, железные и медные заводы	13	403	5	324	9	1878	1	556	28	3161
Всего	32	946	14	981	25	5603	9	10038	80	17568

Едва ли эти итоги очень полны. В них заведомо не вошли все рудники и соляные варницы и некоторые другие, не считая всех мелких заведений с числом рабочих до 15 человек. Но в общем они все же достаточны для характеристики масштабов и концентрированности петровской мануфактурной промышленности. Конечно, по нынешним масштабам это очень скромные цифры. Но их надо сопоставлять с масштабами и темпами XVII, а не XX в. Не следует ведь забывать, что к концу первой четверти XVIII в. все население петровской империи не превышало 14 млн. душ. И тогда станет ясно, что за эту четверть века крупная промышленность сделала у нас огромный скачок вперед, такой скачок, для которого по темпам допетровской Руси не хватило бы и сотни лет.

Не потерпело никакого ущерба развитие петровской мануфактуры и после смерти Петра Великого. В самом деле, если оставить в стороне горные заводы, то получим такие темпы роста мануфактурной промышленности за последующее столетие. Если к 1725 г. число рабочих в ней, учтенное нами, не превышало 14—15 тыс., то уже к 1770 г. оно поднялось до 57 тыс., а к 1825 г.— до 210 тыс., т. е. возросло по меньшей мере в 14 раз за 100 лет. Для сравнения укажем, что с 1813 по 1913 г., т. е. тоже за 100 лет, число рабочих, за исключением подчиненных горному надзору, возросло со 172 до 2320 тыс., т. е. в 13,7 раза. Таким образом, темпы роста мануфактуры в послепетровскую эпоху ни в коем случае нельзя было бы назвать застойными. Тем менее оснований говорить о крахе петровских начинаний.

6. РАБОЧАЯ СИЛА МАНУФАКТУР XVIII в.[1]

В связи с дискуссией о социально-экономической природе дореформенной русской мануфактуры большой интерес представляет мало изученный доныне вопрос о социальном составе и численности различных категорий рабочих крепостной эпохи. В работе по истории черной металлургии я пытался уже по архивным первоисточникам и литературным данным собрать и подвести некоторые итоги в этой области. В самом кратком извлечении приводим их и в предлагаемом очерке.

В дискуссии о подневольном труде ряд историков, ссылаясь на Маркса, подчеркивали, что «капиталистическая форма кооперации с самого начала предполагает свободного наемного рабочего, продающего свою рабочую силу капиталу»[2]. Начетчики и талмудисты выводили отсюда, что в условиях феодализма вследствие отсутствия этой предпосылки не может быть и речи о возникновении капиталистической мануфактуры. Вполне свободных от феодальной зависимости пролетариев в этих условиях действительно мудрено было найти. А между тем кое-кому из историков даже любая примесь несвободного труда к свободному казалась исключающей признание капиталистических отношений. Мануфактуру первой четверти XVIII в. нельзя признать капиталистической, утверждали они, ибо «на ней применялся и свободный, и принудительный труд»[3]. По ведомости Мануфактур-коллегии 1727 г. известно, что из всех мануфактур конца Петровской эпохи с числом рабочих свыше 7500 только на одной из них, кабинетской, работало *подневольных* 7 работниц и 1 рабочий. Но и этого, как видно, достаточно, чтобы все эти мануфактуры некоторые экономисты признали *некапиталистическими*. К таким нелепым выводам, однако, приводит лишь крайне догматическая трактовка высказываний классиков марксизма.

---

[1] С. Г. Струмилин. Очерк экономической истории России, стр. 362—390.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 346.
[3] Е. И. Заозерская. Мануфактура при Петре I. М.— Л., 1947, стр. 136.

Генезис капитализма — это процесс, причем процесс весьма длительный. Ленин писал, что «капитализм, это — та стадия развития товарного производства, когда и рабочая сила становится товаром» [1]. Словом «становится» Ленин подчеркивает незавершенность и длительность этого процесса. «Следует добавить,— замечает Ленин в другом месте,— что в нашей литературе зачастую слишком шаблонно понимают то положение теории, что капитализм требует свободного, безземельного рабочего». А между тем это только «основная тенденция» «среди чрезвычайного разнообразия форм» [2]. Превращение рабочей силы в товар — это тоже процесс, имеющий различные ступени развития, соответствующие степени развития капитализма, вплоть до высшей его стадии — крупной машинной индустрии. «Только последняя, высшая стадия,— говорит Ленин о машинной индустрии,— представляет кульминационную точку развития капитализма, *только она,*— подчеркивает Ленин,— создает совершенно экспроприированного, свободного, как птица, рабочего...» [3]

Уже из этого ясно, что на ступени мануфактуры, далекой еще от высшей ступени развития капитализма — машинной индустрии, далеко еще и до рабочего, «свободного, как птица». Не исключаются здесь, стало быть, и всякие переходные, полуфеодальные формы его зависимости и свободы, а вместе с тем не исключаются и разные формы свободного, полусвободного и кабального найма в условиях феодализма, на нисходящей стадии его развития. Напомним, что Ленин различал в этом развитии и такие формы симбиоза противоборствующих начал, как «полуфеодальный» капитализм [4]. Конечно, это были еще низшие формы его развития, но все же это был уже капитализм.

Для признания этих зачаточных форм наемного рабства в качестве капиталистической формы эксплуатации не требуется такого условия, как численное преобладание «свободной» рабочей силы уже на стадии мануфактурного производства. В феодальной Франции Петровской эпохи тоже были налицо и крупные мануфактуры и возглавлявшая их «мануфактурная буржуазия». И вот что говорят об этих старейших французских мануфактурах историки: «В 1715 г. большинство рабочих в мануфактурах находилось в феодальной, крепостной зависимости» [5]. «Рабочий персонал германских мануфактур того времени,— утверждал и Туган-Барановский, говоря о феодальной эпохе.— состоял преимущественно из разного рода несвободных людей» [6]. И все же никто из классиков марксизма не усматривал в этих странах крепостной мануфактуры. Еще менее этот термин применим, конечно, к первым русским мануфактурам, где в отличие от Франции и Германии как раз почти безраздельно преобладал вольнонаемный труд.

А впрочем, арифметика вообще едва ли применима к решению таких вопросов, где решающими являются качественные признаки новых хозяйственных явлений и социальных укладов. Кстати сказать, и В. И. Ленин для признания наличия капиталистических общественных отношений вовсе не требовал преобладания в эксплуатации наемного труда. «Там, где господствует товарное производство и наемный труд употребляется не случайно, а систематически,— писал Ленин в полемике с народниками,— налицо есть все признаки капитализма» [7]. Едва ли, однако, возможно оспаривать факт, что крупное мануфактурное производство даже

[1] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 581.
[2] Там же, стр. 171.
[3] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 460.
[4] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 24, стр. 6.
[5] Ю. Кучинский. История условий труда во Франции с 1700 по 1948 г., М., 1950, стр. 14.
[6] М. И. Туган-Барановский. Крепостная фабрика.— Сб. «Великая реформа», т. III. М., 1911, стр. 141.
[7] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 2, стр. 329—330.

в условиях феодализма было по преимуществу — если не полностью — *товарным* и что наемный труд применялся в этом производстве отнюдь *не случайно*.

И это относится не только к Петровской эпохе и к купеческим мануфактурам. Без найма не могли обходиться ни посессионные, ни вотчинные мануфактуры. Ведь приписные к заводам крестьяне обязаны были отрабатывать в принудительном порядке только свой подушный оклад в 70 коп.[1], а в качестве постоянных заводских мастеровых они уже получали заработную плату наравне с пришлыми, вольнонаемными рабочими. Крепостные крестьяне в порядке своих феодальных повинностей тоже могли привлекаться по обычному праву не свыше трех рабочих дней в неделю, а в остальные дни их труд можно было эксплуатировать только в порядке найма за плату. Купленные, как и приписные к заводам, крестьяне «теряли свою *свободу передвижения»*, но превратить их в постоянных заводских рабочих можно было только «охотою», т. е. в порядке найма. Нанимали заводчики целыми сотнями даже собственных крепостных и по письменным договорам с трафаретными оговорками, что договор заключен «доброхотно, а не по принуждению», и без всяких договоров и оговорок. При этом рекомендовалось приказчикам «отыскивать и наймовать» предпочтительно *собственных* крестьян, потому, что крестьяне других господ «...во время работ весьма бывают упорны»[2].

Можно как угодно расценивать достоинства таких форм полусвободного найма, который не исключал и внеэкономических мер воздействия на рабочую силу. Но нельзя отрицать одного, а именно того, что наемный труд на мануфактурах во всех своих модификациях представлял собою явление новое и не случайное, а вполне закономерное.

Рабочий отрывался от собственных средств производства в собственном хозяйстве не на время, а на постоянную работу в чужом предприятии и уже поэтому должен был получать регулярную плату. Это было экономической необходимостью. Но вместе с тем это существенно изменяло и самый способ производства, меняло производственные отношения и характер эксплуатации труда, создавало новые качества и в самой рабочей силе, повышая ее квалификацию, и в организации коллективного труда, повышая его производительность.

Одна или две ласточки не делают еще весны, но когда они появляются целыми стаями, это безошибочный признак весны. То же можно сказать и о мануфактурах, возвещающих собою начало *крупного товарного производства*, а вместе с тем и весну капиталистического развития. Крупное ручное производство невозможно организовать на базе *дарового* семейного или крепостного труда, ибо оно требует много рабочих рук и притом весьма различной квалификации. Мануфактурное разделение труда предполагает профессиональную его специализацию и выучку, приобретаемую лишь в процессе длительной и постоянной работы. Отрывать такой же обученный труд для рядовой крестьянской работы становится все менее выгодным, а при постоянной работе на мануфактуре даже крепостной труд неизбежно становится *платным*, предполагая у предпринимателя наличие помимо постоянного капитала переменного капитала. А это определяет уже совершенно новые по сравнению с феодальными производственные отношения, новую задачу расширенного воспроизводства капитала.

Вначале труд может существовать в самых различных формах «найма»: и пришлых, и приписных, и даже собственных крепостных рабочих. Но опыт неизбежно показывает, что вольнонаемный труд производитель-

---

[1] «А сверх подушного оклада таких приписных,— по сообщению Н. Н. Демидова в 1756 г.,— ни по какой нужде в заводские работы употреблять *не велено»* (С. Г. Струмилин. История черной металлургии в СССР, т. I, стр. 332).

[2] Там же, стр. 301, 337.

нее подневольного. Поэтому уже в мануфактурном производстве даже в недрах феодализма рабочая сила становится товаром, а наемный труд — правилом, т. е. преобладающей нормой производственных отношений. Случайным явлением на мануфактуре он во всяком случае считаться не может. Даже на вотчинных мануфактурах он применяется систематически и тем самым сообщает им, хотя бы и в зачаточной форме, «все признаки капитализма».

Переходя от этих общих замечаний к конкретным фактам, мы прежде всего должны напомнить о том крупном скачке в росте мануфактурного производства и обслуживающей его рабочей силы, какой имел место в первой четверти XVIII в. К 1700 г. из крупных предприятий XVII в. дожили очень немногие. Из них можно назвать парусную фабрику в Москве (бывший хамовный двор), железные заводы Нарышкина и иноземцев Меллеров и, может быть, еще 2—3 более мелких с общим числом рабочих едва ли свыше 300—500 человек. К концу Петровской эпохи, по нашим далеко не исчерпывающим подсчетам, получились такие итоги числа мануфактур и работников (табл. 13).

Таблица 13

Кадры петровских мануфактур к 1726 г.*

Род мануфактур	Число учтенных мануфактур	Число работников		То же в среднем на одну мануфактуру
		абс.	% к итогу	
1	2	3	4	5
I. Добывающая промышленность				
1. Железоделательные заводы	31	3390	18,4	109
2. Медные рудники и заводы	5	616	3,3	121
Итого	36	4006	21,7	111
II. Обрабатывающая промышленность				
1. Суконные, каразейные и каламинковая мануфактуры	15	2720	14,7	181
2. Полотняные, парусные и прочие	9	3735	20,3	415
3. Шелковые, лентные и прочие	5	1087	5,9	217
Итого по обработке волокна	29	7542	40,9	260
4. Обработка металлов, оружейные заводы	4	1283	7,0	321
5. Корабельные верфи, обработка дерева	4	4918	26,6	1230
6. Пороховые заводы	2	149	0,8	75
7. Бумажные и картные	4	217	1,2	54
8. Разные	10	327	1,8	33
Итого по обрабатывающей промышленности	53	14436	78,3	272
Всего	89	18442	100,0	207
В том числе казенных	29	9218	50,0	318
частных	60	9224	50,0	154

* С. Г. Струмилин. История черной металлургии в СССР, т. I, стр. 300.

По сравнению с XVII в. число работников мануфактурной промышленности за одну лишь четверть века возросло в десятки раз. Но в составе

предпринимателей дворяне по-прежнему составляли ничтожное меньшинство, а прочие не имели права владеть крепостными. В указах, разрешающих им открытие новых мануфактур, находим обычно требование обслуживать их «наемными людьми», платя им за труд «достойную плату» и нанимая их из «свободных, а не крепостных». Стало быть, такой наем был не случайным или эпизодическим, а вполне нормальным и узаконенным явлением. Правда, с 1726 г. на казенных заводах рабочая сила пополнялась и за счет рекрутов, призываемых сверх необходимого армии комплекта. Но и они получали зарплату наравне со всеми другими и выполняли одинаковые со всеми функции рядовых «работных людей». Что же касается обученных «мастеровых», то большинство из них и до 1725 г. состояло из пришлых вольнонаемных людей. И начальники казенных заводов неоднократно жаловались, что этих мастеровых переманивает на свои частные заводы преуспевающий современник Петра I Никита Демидов. А Демидов всякие обвинения отводил тем, что он действует по закону. «А у нас таких людей никогда не бывает, чтоб всякую работу работались даром, безденежно,— отписывался Демидов,— нанимаем повольною ценою... против Уложения 11-й главы, 32-й статьи, с записями и без записей» [1]. Когда же в 1721 г. у него на заводах обнаружилось человек 150 беглых рекрутов, то Демидов совершенно хладнокровно объяснил, что «у него оные беглые жили на заводах *из найму,* а что они беглые — не ведал» [2].

Высокий процент рабочих на казенных, и в частности военных, заводах того времени объяснялся, конечно, условиями военного времени вплоть до заключения мира с Швецией в 1721 г. Но заслуживает внимания факт, что казенные заводы даже в годы войны значительную долю своей продукции железа сбывали на рынок. А о социальном составе рабочих всех железных заводов Урала (и частных и казенных) можно еще привести такую их характеристику. По первой ревизии (1718 г.) на этих заводах было учтено всего 5389; душ, из которых на долю «мастеровых и работных людей» следует отнести до 3 000. Производивший перепись полковник Солнцев так писал о них: «Они уроженцы разных губерний и работают всякую работу, *переходя с завода на завод, а домов не имеют,* а живут по заводским избам человек по 300 и по 200» [3]. Не может быть никакого сомнения, что вся эта бездомная бродячая голытьба была вполне подходящим объектом для капиталистической эксплуатации.

Но с умножением мануфактур появился возрастающий спрос и на подневольную рабочую силу. В 1721 г. было разрешено заводчикам и не из дворян покупать крепостных крестьян к заводам. По указам 1737 и 1740 гг. началось прикрепление к заводам всех работавших на них обученных мастеровых. Число таких купленных и «вечноотданных» рабочих постепенно возрастало, но не прекращался приток и пришлых, еще не потерявших свободы передвижения вольнонаемных рабочих. Однако и после второй ревизии (1742—1744 гг.), снова приписавшей к заводам тысячи занятых на них работных людей, мы находим в одном из постановлений Сената на основе полученных им отчетных ведомостей такое заключение (1753 г.): «...Правительствующим Сенатом из вышепоказанных ведомостей усмотрено: многие заводчики заводы свои производят не столько покупными крестьянами, но более *вольными наемными людьми,* из чего следует и впредь следовать может не малая подлому народу от найма оных к заводу польза» [4]. Подлому народу, если под этим именем подразумевать «многих заводчиков», действительно следовала от найма

---

[1] С. Г. Струмилин. История черной металлургии в СССР, т. I, стр. 294.
[2] Там же, стр. 295.
[3] Там же, стр. 285.
[4] Там же, стр. 303.

вольных людей немалая польза. И это определяло успех капиталистических методов эксплуатации даже в недрах феодализма.

По нашим весьма приблизительным подсчетам, в середине века число людей на работе на всех учтенных нами мануфактурах выражалось в следующих цифрах. Общее число их достигало 52 863 человек. Из них на 25 казенных заводах было к 1756 г. около 4783 человек, т. е. уже едва 9% общего итога. А на частных мануфактурах (не позже 1753 г.) мы имеем такие итоги[1] (табл. 14).

Таблица 14

Итоги к 1753 г.

Отрасли труда	Число мануфактур	Число работников	В том числе наемных
Добывающая	61	20 765	10 775
Обрабатывающая . . .	153	27 315	14 476
Итого . . .	214	48 080	25 251

По числу мануфактур и по числу рабочих в сравнении с итогами Петровской эпохи эти итоги показывают рост в 2,4—2,6 раза. На вольнонаемный труд, правда, приходится всего 52,5%, но эта категория рабочей силы в крепостной статистике всего труднее поддается учету. И мы ее можем подкрепить лишь свидетельством царского сената о преобладании вольного найма в середине XVIII в. у «многих заводчиков».

Более надежными мы считаем итоги следующей сводки по всем учтенным нами мануфактурам к концу 60-х годов (табл. 15)[2].

Таблица 15

Итоги к 1764—1768 гг.

	Число заведений	Число работников	В том числе наемных	
			абс.	%
А. Горные заводы к 1764 г.	174	42 419	21 373	50,4
В. Прочие мануфактуры к 1768 г.	404	39 361	21 131	53,7
Итого по А+Б	578	81 780	42 504	52,0

Эта сводка показывает дальнейший рост числа мануфактур и рабочих, подтверждая некоторое преобладание вольного труда над другими его видами.

* * *

Кроме *заводских* мастеровых и работных людей железные заводы XVIII в. обслуживало большое число *внезаводских*, приписных к ним для отработки подушного оклада, казенных *крестьян*. Они заготовляли в лесу

---

[1] Там же, стр. 313, 315.
[2] Там же, стр. 335, 341, 346.

дрова для углежжения, возили уголь и руду на железные заводы и выполняли другие подсобные внезаводские работы. Их не следует смешивать с заводским персоналом уже потому, что, отработав свой подушный оклад в 70 коп. и казенный оброк в 40 коп. за 3—4 недели, они весь остальной год работали в своем собственном крестьянском хозяйстве или, привлекаясь к заводским работам *по найму,* подвергались там на общем основании со всеми пришлыми, наемными рабочими уже капиталистической эксплуатации. Однако число их сильно росло. Находясь в теснейшей зависимости от заводов, они раньше других вовлекались в сферу их влияния и, подвергаясь здесь двойной — и феодальной и капиталистической — эксплуатации, острее и чаще других реагировали против нее.

Уже к моменту первой ревизии в Петровскую эпоху приписных к заводам крестьян насчитывалось свыше 30 тыс. душ мужского пола. В дальнейшем, несмотря на связанные с их эксплуатацией «беспокойства» — вплоть до грозного Пугачевского восстания 1773—1774 гг., число приписных крестьян все умножалось. Но к концу века, после третьей ревизии этот рост заметно замедлился. Вот несколько цифр (табл. 16) [1].

Таблица 16

Число приписных ревизских душ (мужского пола)

Ревизии	На казенных заводах	На частных заводах	Итого	%
1	2	3	4	5
II. (1741/42)	63 054	24 199	87 253	100
III. (1762)	167 035	43 187	210 222	241
IV. (1781/82)	209 554	60 859	270 403	310
V. (1794/96)	241 253	70 965	312 218	358

Приписные крестьяне, занятые в отличие от приписных рабочих на внезаводских подсобных работах без всякой оплаты труда — в порядке отбывания своих феодальных повинностей, представляли собой, казалось бы, категорию заводского труда, в наибольшей мере соответствующую условиям тогдашней крепостной эпохи и потому наиболее жизнеспособную Но в действительности эта категория менее всего отвечала новым требованиям роста производительности труда в условиях зреющей капиталистической мануфактуры и оказалась наименее жизнеспособной из всех полуфеодальных элементов дореформенной мануфактуры. Необходимость периодически отрываться, порой за сотни верст, от собственного хозяйства ради дарового обслуживания заводов, на которых давно уже стал общепризнанной нормой платный труд, была очень тягостна и разорительна для приписных крестьян. Это приводило с расширением мануфактур ко все более затяжным конфликтам, нарушениям трудовой дисциплины и перерывам в снабжении заводов необходимым сырьем и углем. Конфликты перерастали в массовые выступления, крестьянские мятежи и восстания. Разоряя крестьян, заводчики и сами терпели убытки, а дворянское правительство испытывало все более крупные «неприятности и беспокойства».

Социально-экономические противоречия, все более обостряясь, привели прежде всего к резкому отставанию прироста кадров приписного крестьянского труда от общего роста заводского производства. Этот труд во второй половине XVIII в. применялся почти исключительно в одной лишь

[1] С. Г. Струмилин. История черной металлургии в СССР, т. I, стр. 330, 349.

горнозаводской промышленности, и притом главным образом на казенных горных заводах. На частных заводах прирост приписных крестьян за 20 лет — с 1743 по 1762 г.— достигал 78%, за последующие 20 лет он упал до 41, а к пятой ревизии 1796 г., т. е. за 14 лет, он составил уже едва 17%. Еще резче сокращался прирост приписных крестьян от ревизии к ревизии на казенных горных заводах. К концу века прирост приписных крестьян и на частных и на казенных горных заводах не превышал норм естественного прироста всего населения. А в 1800 г. царским указом эта категория труда и вовсе была признана подлежащей ликвидации с заменой приписных крестьян постоянными, *платными*, «непременными мастеровыми». Их набирали из расчета по 58 действительных работников на 1 000 душ мужского пола из числа бывших приписных крестьян по последней ревизии [1]. Таким образом, феодальный принцип дарового труда потерпел в этой реформе поражение в отношении самой многочисленной категории подневольного на заводах труда. Свыше 300 тыс. приписных к заводам крестьян навсегда освободились от феодальной повинности даром трудиться на заводах. Впредь заводчики могли использовать у себя огромную армию внезаводского труда лишь в порядке вольного, капиталистического найма.

Помимо приписных крестьян на заводах наряду с трудом вольнонаемных рабочих еще долго применялся и труд значительных масс такой подневольной рабочей силы, как посессионные и крепостные рабочие. Мало отличались от посессионных рабочих и кадры на казенных заводах. И те и другие, работая чужими средствами производства, получали заработную плату и создавали прибавочную стоимость в процессе расширенного воспроизводства капитала, но, лишенные свободы передвижения, они вынуждены были мириться с более низкими ставками оплаты труда и, стало быть, более высокими нормами эксплуатации, чем если бы они работали в условиях вольного найма. Экономическая стимуляция труда заработной платой подкреплялась гнетом внеэкономического принуждения. В этом сочетании методов капиталистической и феодальной эксплуатации труда проявлялась характерная для изучаемой эпохи борьба двух систем, в которой выявилось преобладание более производительных форм вольнонаемного труда над всеми гибридными модификациями полуфеодального подневольного найма. Разница же между частными и казенными заводами в этом отношении сводилась в основном лишь к тому, что в одном случае господствовал частный, а в другом — государственный капитал. А частые переходы этого капитала из казны в частное владение и обратно подтверждали на практике отсутствие каких-либо принципиальных различий в способах его использования и экономической природе этого капитала.

Указом 22 августа 1762 г. было запрещено покупать крестьян к заводам и с землями, и без земли. Заводчикам предлагалось в нем удовольствоваться «вольными, наемными за договорную плату людьми» [2]. Это расширяло применение вольного найма. Но в условиях феодализма даже «вольный» наем не исключал ряда признаков, свойственных многим формам полусвободного кабального найма. В частности, широкое распространение получила система закабаления наемных рабочих выдачей им значительных авансов или *задатков* для уплаты подушных податей и оброков, без чего они не могли получить паспортов на отхожие промыслы. Эти авансы позволяли заводчикам и снижать оплату труда «озадаченных» рабочих, и удерживать их у себя в бессрочной задолженности подобно «вечноотданным» и прочим категориям труда подневольного. На этом

[1] После чего «все прочие приписные крестьяне — по указу — навсегда уже остаются *свободными от заводских работ* и поступают в общее число государственных (ЦГАДА, ф. 271, д. 2630, 1801 г., л. 319).

[2] «Полное собрание законов» (ПСЗ), т. 15, № 11. СПб., 1830, стр. 490.

основании некоторые историки, усматривая в этой форме закабаления один из «существенных признаков феодальных отношений», делают такой весьма решительный вывод: «...кабала по своей сущности противоположна капиталистическому найму. Следовательно, рассмотренную форму найма в условиях XVIII в. следует отнести к явлениям первоначального накопления, т. е. к явлениям, *предшествующим* капиталистическим производственным отношениям» [1].

Итак, одним росчерком пера зачеркивается вся мануфактурная стадия развития капитализма в России. Оказывается, что не только вотчинная и посессионная, но и растущая на вольном найме мануфактура по своим производственным отношениям — явление докапиталистическое. Значит, Маркс и Ленин ошиблись, рассматривая мануфактуру как уже *вторую* стадию капиталистического развития? Но, может быть, и фабрику на том же основании следует отнести к докапиталистическим явлениям нашей истории? Ведь система «задатков» при найме рабочих для привлечения их на фабрики из самых глухих «Нееловок и Гореловок, Неурожаек тож» значительно пережила годы крестьянской реформы.

Такой трактовкой русских фабрик и мануфактур можно бы и впрямь многих озадачить. Однако так ли уж силен аргумент Н. И. Павленко о кабальном «озадачивании» наемных рабочих мануфактуры? И прежде всего спросим его, всякая ли кабала по своей сущности «противоположна» капиталистическому найму.

Павленко апеллирует в своих утверждениях к авторитету В. И. Ленина. Последуем его примеру. Ленин много уделил внимания крестьянским отработкам в помещичьем хозяйстве пореформенной эпохи — этому несомненному пережитку кабальной работы на барина. «Отрабатывались» при этом крестьянами чаще всего как раз *задатки*, получаемые ими, как правило, в самые тяжелые моменты взыскания с них недоимок и, конечно, по самым дешевым расценкам труда. Кабальный характер этой «полусвободной» формы найма, заменившей собою отжившую феодальную барщину, не вызывает никаких сомнений. И все же В. И. Ленин, различая в системе отработок такую, казалось бы, второстепенную деталь, чьим инвентарем — своим собственным или хозяйским — обрабатывал крестьянин барскую землю, писал о них: «Очевидно, что как для крестьянского, так и для помещичьего хозяйства отработки первого и второго вида имеют противоположное значение, и что последние отработки составляют прямой переход к капитализму, сливаясь с ним рядом совершенно неуловимых переходов» [2]. А там, где эти виды отработок вплотную соприкасаются, по словам Ленина, «становится невозможным сказать, где кончаются „отработки“ и где начинается „капитализм“» [3].

Н. И. Павленко обращает все свое внимание на кабальные задатки рабочих русских мануфактур, но он забывает о такой «детали», как то, что эти рабочие *всех* мануфактур отрабатывали не только задатки, но и всю свою зарплату *чужими* средствами производства, тем самым вступая уже на путь капиталистических производственных отношений.

Отличая зачатки капитализма даже в отработочной системе, несмотря на свойственные ей *кабальные формы* найма, В. И. Ленин в полемике с Каблуковым указывает и действительное отличие ее от *чисто* капиталистической. «Отработочная система хозяйства,— пишет он,— вполне однородна с капиталистическою, вопреки мнению г-на Каблукова. Действительное же отличие их состоит в том, что отработки необходимо предполагают самую низкую производительность труда; поэтому для увеличения

---

[1] Н. И. Павленко. Наемный труд в металлургической промышленности России во второй половине XVIII века.— «Вопросы истории», 1958, № 6, стр. 57—58.

[2] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 199—200.

[3] Там же, стр. 191—192.

дохода нет возможности увеличить количество прибавочного продукта, для этого остается только одно средство: применение всяческих кабальных форм найма. Наоборот, при чисто капиталистическом хозяйстве кабальные формы найма должны отпадать, ибо непривязанный к земле пролетарий есть негодный объект для кабалы...»[1] Однако Ленин прекрасно знал, что такие «кабальные формы» найма или «продажи рабочей силы» не отпали и после реформы, вплоть до конца XIX в. К таким формам найма он относил и «капиталистическую работу на дому» кустарей. Правда, формально, *де-юрэ,* они продают еще свои *изделия,* а не рабочую силу. Но тем не менее кустарь, по Ленину, „становится de facto наемным рабочим, работающим у себя дома на капиталиста». В. И. Ленин ясно видит в этих отношениях, из которых росли и раздаточные конторы, и рассеянные мануфактуры, признаки «ростовщичества» и «форму кабалы». Но тем не менее он рассматривает их, как «очень крупный шаг в развитии капиталистических отношений»[2]. Он на каждом шагу учит нас различать форму от содержания явлений. «Что же касается до форм наемного труда, то они в высшей степени разнообразны в капиталистическом обществе, опутанном еще со всех сторон остатками и учреждениями докапиталистического режима»[3].

Отличать *остатки* прошлого от *зачатков* будущего и не терять из виду за внешними *формами* — основное *содержание* всей диалектики исторического развития,— вот чему учил нас Ленин. И нам остается лишь пожалеть тех историков, которые, ориентируясь на остатки прошлого, поворачиваются *задом* к зачаткам грядущего и поэтому не отражают *главного* в развитии.

Возвращаясь к конкретным показателям этого развития, напомним, что уже манифест от 21 мая 1779 г., вызванный пугачевским восстанием, не только повысил расценки труда приписных к заводам крестьян, но и освободил их от обязательных работ по выжигу угля и в рудниках, после чего и эти внезаводские работы пришлось выполнять вольным наймом.

Более отчетливо и полно эта растущая потребность казенных горных заводов в вольнонаемной рабочей силе обнаруживается к концу XVIII в., что видно из данных табл. 17[4].

В графу «Состоит по списку», как явствует из балансов, вошло все наличное число прикрепленных к заводам казенных мастеровых, годных к работе[5]. Но ощущался уже их недостаток для намеченной сметой программы «полного действия». Однако эта программа выполнялась даже с избытком. Например, по смете намечалось по учтенным заводам выплавить 725,6 тыс. пудов чугуна за 1800 г., а фактически было выплавлено 867,8 тыс. пудов, т. е. смета была перевыполнена на 20%. Значит, необходимое число рабочих было изыскано. Поскольку недостаток их мог быть восполнен лишь за счет вольного найма, то тем самым определяется и примерное число наемных рабочих на 1800 г. Для всех 18 казенных предприятий Урала оно составляло не меньше 4 100 человек, т. е. 43% всего списочного наличия рабочих (9510 человек), а по отношению к собственно заводскому персоналу (5954 человека) достигало 69%: по отдельным же заводам эта цифра была еще выше. Вольнонаемные рабочие привлекались, по-видимому, главным образом на рудники и кучные работы, где уже нельзя было использовать труд приписных крестьян за «подушный оклад». Но кое-где ими приходилось восполнять недостаток

---

[1] Там же, стр. 209.
[2] Там же, стр. 367.
[3] Там же, стр. 585.
[4] ЦГАДА, ф. 271, д. 2730, 1799 г., л. 155 об.— 156 об.
[5] По данным Зябловского, на казенных горных заводах насчитывается до 22 859 «мастеровых» и 227 455 приписных крестьян, но это, конечно, ревизские души, согласно пятой ревизии.

Таблица 17

Казенные горные заводы Урала к концу XVIII в.
(по смете 1799 г. на 1800 г.)

Заводы и рудники	Мастеровых и работных людей					Приписных крестьян (душ мужского пола)	
	по списку	Потребно для полного действия: на заводах	в рудниках и кучной работе	всего душ мужского пола	недостает	налицо	потребно
1	2	3	4	5	6	7	8
А. Железные							
10 заводов, 8 домен, 53 молота	3561	3385	666	4051	409	83308	76843
Б. Медные							
5 заводов	2069	1164	1814	2978	909	34676	68209
Туринский рудник	933	—	2395	2395	1462	—	—
Итого	3002	1164	4209	5373	2371	34676	68209
В. Прочие							
Екатеринбургский золотопромышленный	2094	612	2721	3333	1239	13451	(15785)
Золотопромышленный монетный двор	853	793	60	853	--	9207	2118
Итого	2947	1405	2781	4186	1239	22658	17903
Всего	9510	5954	7656	13610	4100	140642	162955

списочного состава казенных рабочих и заводских мастеровых. Этот недостаток в людях только по 4 железным заводам составил 321 человек.

Обращает на себя внимание то, что на долю заводского персонала приходится не свыше 44% общей потребности в рабочей силе, учтенной выше, в 13 610 человек, тогда как на работу в рудниках и на кучные работы — не менее 56%. Но и эта цифра преуменьшена, ибо по ряду железных заводов в приведенной смете вовсе не показаны рабочие в рудниках и на кучных работах. Как видно из сметы денежных расходов по тем же заводам, эта потребность удовлетворялась помимо вольного найма через так называемых рудопромышленников и прочие крестьянские «поставки», осуществляемые в конечном счете тоже вольнонаемным трудом. Приписным крестьянам вменялись в обязанность только заготовка дров и доставка руды и угля к заводам. Но несмотря на огромное число этих крестьян на казенных заводах, их все же не хватало, по данным Берг-коллегии, для указанных работ, и часть этих работ тоже выполнялась вольнонаемным трудом. Правда, по железным заводам был даже избыток приписных крестьян в 11 026 душ, но зато по остальным отмечался недостаток в 40 428 душ. Переброска излишка приписных крестьян с одних заводов на другие была весьма затруднена, а для замены всех недостающих крестьян наемными рабочими по тогдашним расценкам необученного труда требовалось еще свыше 3 000 годовых рабочих — дровосеков и возчиков; всего же не менее 7 000 наемных рабочих.

По денежной смете 1800 г. мы имеем такие статьи расхода на оплату разных категорий труда по всем казенным заводам Урала (включая «банковские», бывшие Походяшина, но без Златоустовских)[1].

Статьи расхода	Руб.
Заработная плата (заводского персонала)	272 697
Оплата работ по вольному найму	182 161
В том числе:	
добыча и разбор руд	55 714
кучные работы	102 524
перевозка руд	23 923
Поставки (за деньги)	172 954
В том числе:	
руды рудопромышленников	11 857
флюсов, бревен, смолы, дегтя, дров	161 097
За подушный оклад (в зачет)	177 031
В том числе:	
рубка угольных и прочих дров	62 452
возка угля	79 366
перевозка руд	15 597
за прохожие дни	19 616
Всего	804 843

В эти итоги затрат мы не включили только расход на провиант и фураж (171 422 руб.), но их получали все работники, в том числе и вольнонаемные, а сколько именно приходилось на долю каждой категории, в источнике не раскрыто. Неясно также, каков удельный вес вольнонаемного труда в оплате заводского персонала. Но совершенно ясно, что если всю оплату заводского персонала принять за 100, то на долю только подсобных работ по вольному найму придется не менее 67%, в то время как феодальный привесок принудительного труда за «подушный оклад» не превышает 65% от той же величины. Таким образом, не вызывает никаких сомнений, что удельный вес наемного труда к концу XVIII в. даже на казенных горных заводах Урала был весьма значительным. *Внезаводские* работы по вольному найму на сумму 182 тыс. руб. (считая по 25 руб. в год) требовали до 7280 годовых рабочих (не включая в это число работающих по найму *заводских* мастеровых), в том числе не менее 3075 человек на железных заводах.

После манифеста 1779 г. не только на казенных, но и на всех частных заводах вместо *феодальных* отработок крестьян, приписанных к заводам, стал широко применяться платный *вольнонаемный* труд. Этот процесс означал существенное возрастание переменного капитала в горной промышленности России с подчинением ему все новых отрядов формирующихся здесь *постоянных* кадров грядущего пролетариата. Эти кадры притекали на мануфактуру из феодальной деревни преимущественно в принудительном порядке. Но возможность их использования в расширенных масштабах уже сама по себе предполагала соответствующее расширение не только переменного, но и постоянного *капитала* заводчиков-предпринимателей даже в том случае, если они были столбовыми дворянами и формировали свои кадры постоянных платных рабочих только из числа собственных крепостных. Расширенное воспроизводство капитала даже в феодальной оболочке является вместе с тем и расширенным воспроизводством капиталистических отношений. Возникающий уклад, так же как и завершенная формация, определяется своим *базисом*, а не правовыми и другими *надстройками*, которые отстают в своем развитии от базиса.

[1] ЦГАДА, ф. 271, д. 2730, лл. 163—166.

Правовое положение вольнонаемного, посессионного и крепостного рабочего на дореформенной мануфактуре при всем своем различии еще в сильнейшей степени родственно всей сумме надстроек господствующей феодальной системы хозяйства. А общественные отношения, выражающиеся, в частности, в формах производственной эксплуатации и экономической стимуляции труда, т. е. *базис* мануфактуры, были уже совершенно чужды феодализму, вступили в *противоречие* с присущими ему надстройками и, *преодолевая* их тормозящее действие, обнаружили свою принципиально новую, *капиталистическую* природу.

Некоторые историки, преувеличивая значение таких надстроечных явлений, как различия в правовом статуте разных категорий рабочих дореформенной мануфактуры, требуют различать мануфактуру «капиталистическую» от «полуфеодальной», или «феодализированной», и от феодальной, или «крепостной». Однако эта терминология представляется мне явно несостоятельной. Отнюдь не отрицая существенных различий между мануфактурами с вольнонаемным трудом и мануфактурами посессионными и вотчинными, нельзя все же игнорировать тот основной факт, что мануфактура есть ступень развития *капитализма* и что, стало быть, все ее модификации в своей основе обладают, хотя бы и в разной степени, одной и той же экономической базой и находятся в пределах единого капиталистического уклада.

* * *

Наиболее полные достоверные данные о кадрах частных горных заводов относятся к концу XVIII в. Они опубликованы Германом в 1808 г. на русском и в 1810 г. на немецком языках, а также Е. Зябловским в 1808 г., но без точного указания, к какому именно году их следует отнести. Итоги, исчисленные Зябловским, К. Пажитнов в одной из своих работ отнес к 1805 г., считая их отчетными данными горного департамента о фактическом составе людей на работе[1]. Однако сличая эти итоги с данными Германа (в русском издании 1808 г.), убеждаемся, что число «рабочих», указанное у Зябловского, по большинству частных заводов полностью совпадает с числом ревизских душ по пятой ревизии, т. е. относится примерно к 1796 г. и почти вдвое больше числа мастеровых и работных людей на работе. Впрочем, число ревизских душ могло не меняться в отчетах до новой ревизии, а число людей на работе, вероятно, возрастало по мере увеличения продукции. Но мы располагаем еще одной архивной ведомостью Берг-коллегии, составленной уже в 1800 г., со сведениями по многим уральским заводам о числе людей на работе, очень близкими или полностью совпадающими с соответствующими данными Германа. Поэтому ведомость Германа в отношении людей на работе мы можем отнести к той же примерно дате. Пользуясь всеми указанными источниками для взаимной проверки и восполнения пробелов, мы в отношении социального состава горнорабочих к концу XVIII в. получаем по частным заводам такую картину (табл. 18).

Из учтенных нами итогов по 94 частным заводам Урала видно, что из 44700 рабочих крепостные и посессионные мастеровые составляли 30 946 человек, т. е. свыше $^2/_3$ их общего числа к 1800 г. И это вполне соответствует той оригинальной особенности в развитии дореформенного Урала, которую отметил еще В. И. Ленин[2].

В сводке, опубликованной в 1957 г. Н. И. Павленко по 39 заводам Центра, насчитывается не менее 10 020 ревизских душ, из них 6191 мастеровой на работе. Вольнонаемных на этих заводах им учтено всего 7927 че-

---

[1] К. Пажитнов. К вопросу о «переломе» в мануфактурной промышленности XVIII века.— «Вопросы истории», 1948, № 3, стр. 61, 62.

[2] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 485.

Таблица 18

Персонал частных заводов России к концу XVIII в.[1]

Заводы и районы	Число заводов	Мастеровых и работных людей по 5 ревизии		Кроме того, вольнонаемных	Всего на работе
		всего душ мужского пола	из них на работе		
1	2	3	4	5	6
I. Железные заводы					
1. Пермского наместничества	70	51 128	27 761	10 561	38 322
2. Уфимского »	14	5 174	2 487	1 118	3 605
3. Вятского »	10	1 368	698	2 075	2 773
Итого по Уралу	94	57 670	30 946	13 754	44 700
4. Заводы Центра . . .	43	11 635	(6 353)[2]	9 699	16 052
Итого железных заводов	137	69 305	37 229	23 453	60 752
II. Медные заводы	25	6 960	3 477	5 124	8 601
Всего по I и II . . .	162	76 265	40 776	28 577	69 353

ловек, однако этот итог далеко не полон, и по ряду крупных заводов, где они заведомо *были* в значительном числе, они вовсе не учтены.

В общем итоге по всем учтенным в его сводке 173 металлургическим заводам насчитывается 106 действующих домен и 219 медеплавильных печей, 763 действующих и 256 запасных молотов: на них работало мастеровых людей 35 959 человек, в том числе «собственных» 69% от общего итога ревизских душ. Кроме того, *учтено на работе* 28 133 вольнонаемных и 38 857 собственных «крестьян», по-видимому главным образом на внезаводских работах. Но и эти итоги не полны. Восполняя их, Н. И. Павленко насчитывает по 190 заводам мастеровых на работе 44 647 человек[3]. Если к этому итогу добавить еще все не учтенные им *рудники*, включая золотодобывающий казенный в Екатеринбурге (6005 человек), то общий итог мастеровых людей, прикрепленных к заводам, по всей горнозаводской промышленности достигнет 50 652 человек. Это весьма близкая цифра и к нашему итогу горнорабочих по всем казенным и частным заводам[4]. Но в соответствующих поправках нуждаются и подсчеты вольнонаемного труда на тех же заводах.

В использованных нами источниках нет данных о числе людей на работе на большинстве заводов подмосковного Центра, и потому исчисленный нами итог — 6353 человека — показан в скобках. В числе «собственных» мастеровых учтены данные ревизии о числе купленных на основе посессионного права и крепостные души мужского пола. Выделить в особый итог крепостных мастеровых по всем заводам, принадлежавшим дворянам-заводчикам, наши источники не позволяют. Но исключив из общего числа заводов все купеческие и посессионные дворянские предприятия, получим особую группу *вотчинных* дворянских заводов, владевших

[1] С. Г. Струмилин. История черной металлургии в СССР, т. I, стр. 358.
[2] Ср. Н. И. Павленко. Численность рабочих русской металлургии на грани XVIII—XIX вв.— «Вопросы экономики, планирования и статистики». М., 1957, стр. 353—355.
[3] Там же, стр. 353—355.
[4] 40 776 + 9510 = 50 286.

основными кадрами своих рабочих на основе дворянского права. В эту категорию следует включить заводы Строгановых, Шаховского, Голицыных, Лазарева и Всеволожского. У них на 18 заводах по пятой ревизии учтено мастеровых и работных людей 9358 душ мужского пола, в том числе на работе — 5014 человек (53,5%); их продукция за 1800 г. составляла всего 1339 тыс. пудов чугуна и 900 тыс. пудов железа. На долю этих вотчинных заводов приходится не свыше 13—15% общего числа рабочих и выплавки чугуна на всех частных железоделательных заводах. Эти заводы обслуживались в основном крепостными людьми, получавшими, однако, заработную плату. Кроме того, на этих заводах систематически работало значительное число людей и по вольному найму. В частности, у Лазарева и Всеволожского на 1658 крепостных рабочих было 610 вольнонаемных, т. е. около 37% числа крепостных. Не меньше вольнонаемных насчитывалось, как уже отмечалось выше, и на других вотчинных заводах, например у Голицыных, где рекомендовалось *нанимать* на заводские работы предпочтительно *собственных крепостных*.

К сожалению, число вольнонаемных в нашей сводке заведомо преуменьшено. И у Германа, и у Зябловского данные эти по разным заводам весьма случайные. Например, у Германа по Шайтанским заводам Ширяева показано до 200 вольнонаемных, а у Зябловского — 800 человек, но зато, скажем, по Сысертскому заводу у Германа учтено до 1 000 вольнонаемных людей, а у Зябловского — ни одного, на Пожевском вотчинном заводе Всеволожского было, по Герману, 450 вольнонаемных, по Зябловскому,— ни одного и т. д. В то же время по замосковным заводам вольнонаемные рабочие показаны только у Зябловского и в некоторых архивных ведомостях Берг-коллегии. Впрочем, в последних чаще всего отмечается лишь использование вольного найма без указания числа вольнонаемных работников. По 67 железным заводам, для которых имеются данные о числе вольнонаемных людей, их оказалось до 23 453 человек на 16 992 обязанных рабочих, или 138% числа последних. Вместе с тем на 21 медном заводе с 2870 «вечно отданных» и своих рабочих нами учтено до 5124 наемных, или 179%. В среднем по всем 88 заводам с известным числом наемных рабочих они составляли до 144% числа обязанных. Если эти выводы распространить и на 21 завод с 6260 обязанными рабочими, где *заведомо* применялся наемный труд, хотя и не указаны масштабы найма, то к итогу нашей сводки придется прибавить еще до 9000 вольнонаемных[1]. И эту поправку нужно считать минимальной, ибо отсутствие сведений о вольном найме по остальным 53 заводам вовсе еще не означает, что эти заводы не использовали в широких масштабах вольнонаемный труд хотя бы собственных и приписных к заводам крестьян.

Вольнонаемный труд применялся главным образом на вспомогательных — внезаводских — работах, вытесняя феодальные отработки за оброк приписных и крепостных крестьян, временно отрываемых от земледелия. Но одновременно такие отработки вытеснялись и другим путем —путем перевода этих крестьян в постоянные кадры «мастеровых и работных людей», выполнявших те же внезаводские горные и кучные работы, но уже не временно, за оброк, а в течение всего года, с обычной для их квалификации оплатой труда. К концу века таких постоянных рабочих вне заводов было уже довольно много. В частности, по ведомости 1800 г. постоянный персонал обязанных рабочих разделялся по месту работы у ряда частных заводчиков следующим образом (табл. 19).

Приведенную расшифровку людей на работе по ведомости 1800 г. мы смогли осуществить только по 12 заводам[2]. Но она показательна для всех

[1] В том числе до 440 вольнонаемных на медных заводах.
[2] ЦГАДА, ф. 271, д. 2715, лл. 674, 677—683, 687, 697—698.

Таблица 19

Число мастеровых и работных людей

Заводы	Всего душ мужского пола	Из них на работе		
		заводской	внезаводской	всего
1	2	3	4	5
Демидовых (4)	3165	778	968	1746
Яковлевых (4)	3170	978	708	1686
Лазарева (1)	1082	274	346	620
Хлебникова (1)	456	248	—	248
Мосолова (2)	389	113	131	244
Итого по 12 заводам	8262	2391	2153	4544
То же, %	100	29	26	55

частных заводов. Из каждой сотни ревизских душ обязанных рабочих (с семьями) *годных* к работе насчитывалось до 55%, но на заводских работах было занято меньше 1/3 (29%), а остальные (26%) работали на заготовке и возке припасов. Только на одном из этих заводов (Назе-Петровском заводе Хлебникова) припасы заготовлялись «вольными» людьми (300 человек) и потому на заводских работах оказалось 54% всех ревизских душ, т. е. все годные к работе. Немало «вольных» людей наряду с обязанными привлекалось для заготовки припасов и на других заводах. Например, у Лазарева на Чермосском заводе сверх указанных 346 своих рабочих использовалось на внезаводских работах еще 160 «вольных», у Мосолова сверх 131 своих — до 330 «вольных» и т. д.

Общее число вольнонаемных на частных горных заводах к 1800 г., как уже показано было выше, с поправкой на недоучет достигало не меньше 28 577 + (9000) = 37 577 человек. Из них, по-видимому, не менее 2/3, т. е. около 25 тыс., привлекались на внезаводские, вспомогательные работы. К этому числу внезаводских нужно прибавить из учтенных по пятой ревизии 40 776 постоянных платных рабочих еще не менее 1/3 из их состава, т. е. свыше 13 тыс. человек, использовавшихся на внезаводских горных и кучных работах. Итого на заготовке припасов было занято не менее 38 тыс. *платных*, своих и наемных, работников. Кроме них к тем же внезаводским работам привлекалась еще целая армия приписных казенных — до 70 965 — и собственных крепостных крестьян — свыше 58 тыс., а всего — до 129 тыс. ревизских душ в порядке *феодальной* повинности, в зачет оброков и подушных платежей. Но всю эту армию *дарового* труда, как известно, можно приравнять по производительности ее труда к отряду постоянных *платных* работников численностью в 7500 человек (5,8%). Таким образом, можно считать, что на частных заводах еще до замены приписных крестьян «непременными» работниками свыше 80% внезаводских работ выполнялось уже *платным* трудом.

Подводя общие итоги численности горнорабочих на казенных и частных заводах, мы получаем, на основе вышеприведенных данных, следующую сводку (табл. 20).

В эту сводку вошли не все горные заводы, так как по некоторым из них нет сведений. Но заслуживает внимания тот факт, что, например, К. А. Пажитнов в уже упомянутой работе насчитал, пользуясь в основном теми же источниками, по 209 горным заводам «106 254 мастеровых, которых представляли *крепостные* разных видов», и всего 14 918 вольно-

Таблица 20

Горнорабочие России к 1800 г.

Заводы	Число заводов	Люди на работе		
		свои	наемные	итого
1	2	3	4	5
Железные				
Частные	137	37 299	32 453	69 752
Казенные	10	3 561	3 075	6 636
Итого	147	40 860	35 528	76 388
Медные и пр.:				
Частные	25	3 447	5 124	8 571
Казенные	8	5 949	4 205	10 154
Итого	33	9 396	9 329	18 725
Всего	180	50 256	44 857	95 113

наемных[1]. Возможность столь крупных расхождений в данном случае объясняется прежде всего дефектами самих источников крепостной статистики. В частности, когда в них указывается число «мастеровых», то обычно очень нелегко удостовериться, вошли ли в этот подсчет только рабочие или все ревизские души, включая членов семьи. Это относится к сводкам и Германа, и Зябловского. Еще более обычное явление — *пропуск* данных о *наемных* рабочих по тому или иному заводу в одних ведомостях при наличии этих данных в других. Вот почему только очень внимательное сличение многих источников за разные даты и критическая проверка одних данных другими может застраховать исследователя от весьма прискорбных недоразумений и ошибок в этой области. Впрочем, в данном случае даже не очень кропотливое сличение данных Зябловского и Германа показывает, что у Зябловского подсчитаны в основном «души» мастеровых, а не люди на работе и, стало быть, дается удвоенное их число а вольнонаемные учтены крайне неполно.

С численностью горнорабочих хотелось бы сопоставить число рабочих мануфактур обрабатывающей промышленности. Для этого можно прежде всего использовать два близких по времени источника: во-первых, сводку Мануфактур-коллегии за 1799 г., опубликованную Мешалиным, и, во-вторых, отчет министерства внутренних дел за 1804 г., составленный по данным конца XVIII в. и приведенный Зябловским в его книге[2]. Обе сводки составлены лишь в разрезе отраслей, без приведения данных по отдельным заводам, что затрудняет их проверку. Но все же при сопоставлении их они в известных отношениях взаимно контролируют и восполняют друг друга (табл. 21).

Сопоставляя итоги обоих учетов по отдельным слагаемым, убеждаемся, что в каждом из них обнаруживается изрядный недоучет в том или ином производстве. Особенно значительный недоучет в итогах 1799 г. оказался в области обработки хлопка и кожи, где уже явно преобладал вольнонаемный труд. Недоучтено также число вольнонаемных в полотняном и суконном производствах, где Н. Л. Рубинштейн насчитал только на

---

[1] К. Пажитнов. К вопросу о «переломе» в мануфактурной промышленности XVIII века.— «Вопросы истории», 1948, № 3, стр. 61.

[2] И. В. Мешалин. Текстильная промышленность крестьян Московской губернии в XVIII и первой половине XIX века. М.— Л., 1950, стр. 94; Е. Зябловский. Статистическое описание Российской империи, кн. 2, ч. V. СПб., 1808, стр. 9—87; он же. Землеописание Российской империи, СПб., 1810, т. II, III.

Таблица 21

Обрабатывающая промышленность России к началу XIX в. (без Польши и Финляндии)

Производства	Учтено заведений		Учтено рабочих (обязанных)		Кроме того, вольнонаемных		Продукция в 1799 г., тыс. руб.
	к 1799 г.	к 1804 г.	к 1799 г.	к 1804 г.	к 1799 г.	к 1804 г.	
1	2	3	4	5	6	7	8
Полотняное	318	285	10208	9384	19095	14327	4928
Суконное	158	155	30626	25901	5733	2788	1907
Шелкоткацкое и позументное	357	365	2162	2361	3935	6900	3938
Бумаготкацкое и ситцевое	249	203	154	1208	1802	6973	1963
Итого	1082	1008	43150	38854	30565	30988	12736
Кожевенное	572	850	436	189	139	6115	2150
Обработка металлов	53	63	853	3049	450	1618	536
Стекло-фарфоровое	104	170	1095	2268	799	2157	918
Писчебумажное	59	64	2245	4424	325	1533	493
Канатное	50	58	—	225	283	1295	517
Разные	174	210	401	544	1006	1919	842
Итого	1012	1415	5030	10699	3002	14637	5456
Всего	2094	2423	48180	49553	33567	45625	18192

219 полотняных предприятиях по ведомостям 1797—1803 гг. свыше 23 тыс. вольнонаемных плюс 7027 наемных рабочих только на 93 суконных мануфактурах [1]. Но зато несомненно преувеличены за оба года итоги численности обязанных рабочих по суконным мануфактурам, что с очевидностью выявляет сравнение числа рабочих с количеством станов (2428) по этому производству к 1804 г. Известно, что на один суконный стан требуется от 7 до 9, максимум 12 рабочих, а по итогу 1799 г. получается по 15 человек на стан. Объясняется это, по-видимому, тем, что в числе «приписных» людей суконщики и в данном случае показали не людей на работе, а общее число ревизских душ, т. е. примерно вдвое больше.

Дело в том, что посессионные суконные мануфактуры обязывались поставлять армейское сукно в казну по 104 аршина на душу из расчета числящихся за этими мануфактурами *ревизских* душ — «вечно отданных» и «к фабрикам» покупных на основе посессионного права [2]. В то время как в других производствах стали уже учитывать только людей *на работе*, суконщикам приходилось все еще отчитываться из расчета числящихся у них приписных душ. Поэтому, исходя из итогов 1799 г., следует

[1] Н. Л. Рубинштейн. Некоторые вопросы формирования рынка рабочей силы в России XVIII века.— «Вопросы истории», 1952, № 2, стр. 85—86. Насколько преуменьшены итоги *вольнонаемных* суконщиков за 1799—1804 гг., можно усмотреть из того, что уже к 1773 г., после «морового поветрия», их насчитывалось свыше 11 тыс., а в 1814 г.— 13 295 человек.

[2] Вся продукция *солдатских* сукон в 1803 г., кстати сказать, не превышала, по официальным данным, 1 806 652 аршин, что из расчета по 104 аршина соответствует 17 372 ревизским душам на всех посессионных суконных мануфактурах, или примерно 50—55% этого числа в пересчете на годные к работе возрасты.

число приписных по суконным мануфактурам сократить *наполовину*, т. е. на 9745 душ престарелых и малолеток, а по другим производствам с явным недоучетом рабочих перекрыть этот недоучет, исходя из приведенных выше данных других источников. И тогда получим следующие данные о численности рабочих кадров по учтенным мануфактурам к концу XVIII в. (табл. 22).

Таблица 22

Численность рабочих по учтенным мануфактурам к концу XVIII в. (с поправками)

Производства	Обязанные	Вольнонаемные	Всего
1	2	3	4
Полотняное	10208	23000	33208
Суконное	(20881)	7027	27908
Шелковое	2361	6900	9261
Хлопчатобумажное	1208	6973	8181
Итого	34658	43900	78558
Кожевенное	436	6115	6551
Писчебумажное	4424	1533	5957
Обработка металлов	3049	1618	4667
Стекло-фарфоровое	2268	2157	4425
Канатное	225	1295	1520
Прочие	544	1919	2463
Итого	10946	14637	25583
Всего	45604	58537	104141
То же, %	44	56	100

Весьма вероятно, что приведенные итоги, несмотря на внесенные в них существенные поправки, все еще страдают известной неполнотой за счет ускользающего от учета мелкотоварного крестьянского производства. Но это не может изменить основного вывода, вытекающего из наших расчетов: вольнонаемный труд вопреки широко распространенному мнению стал преобладающим в русской дореформенной мануфактуре значительно раньше, чем это показывает наша весьма несовершенная крепостная статистика, если принимать ее показания на веру, без всякой критики.

Таблица 23

Общее число людей на работе к 1800 г.

	Обязанные	Вольнонаемных	Всего
1	2	3	4
Горнорабочих	50 256	44 857	95 113
Прочих	45 604	58 537	104 141
Итого	95 860	103 394	199 254
То же, %	48	52	100

Этот вывод не изменится, если к данным о рабочих обрабатывающей промышленности прибавить вышеприведенные данные о числе горнорабочих с преобладанием в них подневольных кадров. В этом случае получим следующие итоги (табл. 23).

Сопоставляя итог 1800 г. с предшествующими, получаем такие данные о рабочей силе на русских мануфактурах XVIII в.:

Год	тыс.	%
1725	18,4	100
1753	48,3	263
1768	81,8	445
1800	199,3	1083

Как видим, такой рост петровской мануфактуры никак не подтверждает ходячих легенд о ее крахе.

Показания заводчиков о вольнонаемных кадрах в XVIII в. не вытекали из требований обложения. Ими не интересовались ни Берг-, ни Мануфактур-коллегии. А потому сведения о них в тогдашней отчетности носят весьма случайный характер с неизбежными пропусками и большим недоучетом. И если все же в нашей сводке вольнонаемных насчитывается свыше 50% общего числа рабочих, то фактически их преобладание в тогдашнем крупном мануфактурном производстве, было, несомненно, гораздо более значительным.

В мелкотоварных отраслях производства преобладание наемного труда было, конечно, наиболее значительным и, можно сказать, уже подавляющим. Например, как мы видим из приведенной сводки, число вольнонаемных в канатном производстве раз в 6 превышает число крепостных, а в кожевенном — в 14 раз. И это понятно. Ведь мелкотоварное производство с наемным трудом было *первой* ступенью в развитии капиталистических отношений. Но нужно заметить, что и в такой крупнейшей отрасли мануфактурного труда, как текстильная промышленность, за исключением одного лишь суконного производства, к началу XIX в. из 50 650 рабочих не менее 36 873 человек, или до 73%, работали по вольному найму (не считая обслуживающих эту отрасль деревенских прядильщиц).

Всего в горнозаводской и прочей мануфактурной промышленности к 1800 г., по вполне достоверным данным, работали свыше 100 тыс. вольнонаемных рабочих. Сверх того, по весьма правдоподобным расчетам Н. Л. Рубинштейна [1], до 200 тыс. сезонников работали на водном транспорте и до 30 тыс.— в судостроении. Большая часть этих рабочих обслуживала те же мануфактуры, снабжая их хлебом и солью, перевозя в караванах миллионы пудов железа и других товаров. Ту же мануфактуру обслуживали, по подсчетам Н. Л. Рубинштейна, до 60 тыс. прядильщиц в порядке капиталистической работы на дому. И если всю эту армию вольнонаемного труда в 300—400 тыс., уже сформированную промышленным капиталом, сопоставить с той неполной сотней тысяч «мастеровых и работных людей», которая была связана с тем же капиталом помимо заработной платы еще и другими, феодальными, узами, то станет ясно, что не феодализм был движущим началом растущей мануфактуры. А если верно допущение Н. Л. Рубинштейна, что в мелкотоварном производстве в России к 1800 г. было занято не свыше 50 тыс. *наемных* рабочих, то придется признать, что эта *первая* ступень капиталистического развития промышленности была у нас к тому времени давно уже пройденной ступенью.

---

[1] Н. Л. Рубинштейн. Некоторые вопросы формирования рынка...,— «Вопросы истории», 1952, № 2, стр. 95.

VIII. ОТ МАНУФАКТУРЫ К ФАБРИКЕ [1]

Промышленный переворот в Англии открыл собой новый этап в развитии *мирового* капитализма. И в этом его особое историческое значение. В других же странах, где процесс перевооружения мануфактуры в фабрику протекал значительно позже, его значение ограничивалось уже более узкими национальными рамками данной страны. Но для любой страны этот перелом на путях от мануфактуры к фабрике с крутым подъемом на высшую ступень — машинную индустрию означал собой революционный процесс незаурядного исторического значения. Его отнюдь нельзя трактовать только как радикальный *технический* переворот в способах производства, ибо «за этим техническим переворотом,— как это подчеркивал В. И. Ленин,— неизбежно идет самая крутая ломка общественных отношений производства...» [2] В каждой стране, однако, этот процесс, развиваясь в разное время и в различной народнохозяйственной обстановке, протекает в особых, своеобразных формах и уже поэтому заслуживает специального изучения.

Особый интерес представляло бы *сравнительное* изучение этого процесса в различных странах. Такое изучение, объяснив нам детально, почему именно в одних странах технический переворот имел место раньше или позже, чем в других, протекал разными темпами и приводил к весьма различным социально-политическим результатам, несомненно застраховало бы нас от многих предвзятых мнений и априорных заблуждений. Возьмем хотя бы такой вопрос: можно ли себе мыслить технический переворот в рамках *крепостной* эпохи?

Apriori легче всего было бы отвергнуть такую возможность. Но фактический опыт истории решает эту проблему, по-видимому, для разных стран весьма различно. И если в Англии и Франции политическое преодоление феодализма *предшествовало* промышленному перевороту, то, например, в России даже промышленный переворот оказался недостаточным толчком для *полной* ликвидации феодально-крепостнических отношений, доживших не только до 1861 г., но в известной мере и до дней Николая II.

Однако сравнительно-историческое изучение экономики различных стран не имеет еще под собой достаточной научной базы, и было бы преждевременно предвосхищать все возможные из него выводы.

Теме о превращении мануфактуры в фабрику в условиях развития российского капитализма до сих пор не очень везло в нашей экономической литературе. В наиболее обстоятельной истории «Русской фабрики» Туган-Барановского эта тема вовсе не затронута, поскольку он вообще не затруднял себя строгим разграничением этих понятий и соответствующих им ступеней развития капитализма в России. Не уделили ей должного внимания и другие исследователи российской экономики.

---

[1] С. Г. Струмилин. Промышленный переворот в России. М., 1944.
[2] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 455.

Теперь уж едва ли требуется разъяснять, что генезис таких явлений, как, скажем, промышленный капитализм в России, нельзя приурочивать к одной дате, допустим с 18 на 19 февраля 1861 г. Мы знаем, что появлению на свет даже отдельной личности предшествует длительный процесс утробной ее жизни. В еще большей мере это справедливо в отношении происхождения целых общественных формаций. Подобно этому можно сказать, что и зарождение фабрики и фабричного строя крупной машинной индустрии — это дело не одного дня или года.

Но к какому же периоду следует его отнести у нас в России? В какой конкретной обстановке и какими темпами протекал у нас этот процесс превращения мануфактуры в фабрику? Можно ли его уподобить по бурным темпам развития промышленному перевороту в Англии, или он протекал у нас столь медленно и постепенно, что начало его и конец вообще теряются в потоке времени? Каковы все другие специфические особенности этого процесса в России по сравнению с другими капиталистическими странами? И наконец, что особенно интересно, может ли промышленный переворот эпохи капитализма идти в какое-либо сравнение по своим масштабам и значению с промышленной революцией нашей эпохи социалистической индустриализации?

В предвидении этой эпохи Фридрих Энгельс писал еще в 1847 г.: «Крупная промышленность, освобожденная от оков частной собственности, разовьется в таких размерах, по сравнению с которыми ее нынешнее состояние будет казаться таким же ничтожным, каким нам представляется мануфактура по сравнению с крупной промышленностью нашего времени» [1]. Это гениальное предвидение Энгельса сбывается на наших глазах. Мы имеем уже возможность прямого сопоставления двух замечательнейших эпох скачкообразного подъема производительных сил, обозначивших своими взлетами те пороги, которые лежат на гранях смежных экономических формаций. Через первый из них в свое время переступил в нашей стране капитализм, а на гребне второго из них перед нами открылись широкие возможности для небывалого расцвета производительных сил, для завершения строительства социалистического общества и постепенного перехода к коммунизму. Не ясно ли, что сравнительное изучение и сопоставление таких переломных моментов на гранях различных формаций помогло бы нам не только лучше осветить наше прошлое, но и приоткрыть завесу ближайшего будущего?

Все эти и подобные им вопросы, связанные с нашей темой, еще ждут исследования. И между тем конкретного исторического материала для их освещения у нас накопилось уже немало, и хотелось бы путем хотя бы частичного его использования в порядке почина привлечь внимание исследователей к этой благодарнейшей теме.

1. ПРОМЫШЛЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В АНГЛИИ

Если *исходным* моментом промышленной революции в Англии было изобретение и внедрение в производство хлопчатобумажной пряжи целой серии *рабочих* машин, то *завершение* ее стало возможным лишь с применением в процессе использования этих машин *парового двигателя*. Принимая определение фабрики как *системы* рабочих машин, покоящейся на простой или сложной кооперации их и приводимой в движение общим двигателем, мы можем мыслить себе такой двигатель и в виде *конного* ворота или *водяного* колеса. Но логика развития этой системы машин очень скоро отбросила все такие примитивные формы двигателей, не исключая даже паровой машины Ньюкомена, изобретенной еще в конце XVII в., но годной лишь для водоотливных устройств. По словам Маркса,

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. т. 4, стр. 334—335.

машина Ньюкомена, обслуживая предприятия мануфактурного периода вплоть до 80-х годов XVIII в., «не вызвала никакой промышленной революции. Наоборот, именно создание рабочих машин сделало необходимой революцию в паровой машине» [1], в результате чего создана была универсальная паровая машина двойного действия Уатта, запатентованная в апреле 1784 г.

Вполне естественно, однако, что после этой венчающей эпоху великих изобретений XVIII в. революции в самой системе механических двигателей вполне *законченной* фабрикой стала лишь система машин, обслуживаемая такой универсальной паровой машиной. И если *спорадического* появления машин на той или иной мануфактуре еще недостаточно для перерастания ее в фабрику, то появление на ней *парового двигателя* в качестве завершающего звена системы машин может быть принято за вполне осязательный признак такого перерастания.

Промышленный переворот означал собой победу фабричного строя над мануфактурным. Конечно, эта победа потребовала немало времени и все же отнюдь не означала полного вытеснения мануфактурного ручного труда машинным во *всех* отраслях индустрии. Установить вполне точную грань, где кончается мануфактура и начинается фабрика, или, говоря иначе, где кончается мануфактурный период и начинается период машинной индустрии, едва ли возможно. К сожалению, «эпохи истории общества, подобно эпохам истории земли, не отделяются друг от друга,— как это уже отметил Маркс,— абстрактно строгими границами» [2]. Начальным моментом промышленной революции в Англии можно было бы считать освоение в производстве первых рабочих машин. «Когда Джон Уайетт в 1735 г. возвестил о своей прядильной машине», он, по словам Маркса, вместе с тем *возвестил* «о промышленной революции XVIII века...» [3] Однако эта первая весть не имела еще практических последствий. Известно, что с момента изобретения многих машин до их внедрения в производство проходит немало времени. Так, челнок-самолет Джона Кэя, изобретенный еще в 1733 г., нашел свое первое заметное применение лишь через 27 лет, в 1760 г. Станок же Уайета вообще не вошел в жизнь. Устроенная Паулем и Уайетом в 1740 г. маленькая прядильня на 10 человек с одной машиной, приводимая в движение двумя ослами, уже через два года обанкротилась, а другая, побольше, с пятью машинами той же системы прозябала подольше, до 1764 г., но тоже безвременно угасла, оставшись без подражания. Поэтому Энгельс не без основания считал непосредственным толчком к промышленной революции в Англии, вызвавшей полный переворот в буржуазном обществе, изобретение паровой машины и машин для обработки хлопка *второй* половины XVIII столетия.

В порядке дальнейшего уточнения начальных моментов этой революции можно отметить конец 60-х годов XVIII в. В 1768 г. была введена в действие первая прядильная машина «дженни» Харгревса, получившая *широкое* распространение. В 1788 г. в Англии насчитывалось уже свыше 20 тыс. «дженни», но применялись они главным образом в мелком производстве и приводились в движение *ручной* тягой. Почти одновременно, начиная с 1769 г., вошла в эксплуатацию и прядильная машина Аркрайта, приводимая в действие конной тягой. С 1771 г. приводом к ней служило уже *водяное* колесо, отчего она и получила свое название ватер-фрем, т. е. водяной станок. Только с появлением машин Аркрайта, по оценке Манту, «машинизм перестает быть фактом, относящимся исключительно *к истории* техники; он становится экономическим фактом в самом широ-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 386.
[2] Там же, стр. 382.
[3] Там же, стр. 383.

ком смысле этого слова»[1]. В новую и наиболее решающую фазу своего развития промышленная революция в Англии, однако, вступила лишь с применением ко вновь изобретенным прядильным машинам универсального парового двигателя Уатта. Первые его машины 1775—1784 гг., применимые лишь к водоподъемным насосам, еще не годились для этой цели. Но с 1785 г. появляются уже новые паровые двигатели *двойного* действия с *вращательным* движением и промышленная революция получает новое ускорение. Так, если за 1775—1785 гг. завод Болтона и Уатта, получивший монопольное право на производство паровых двигателей в Англии, выпустил их всего 70 штук общей мощностью в 1381 *л. с.*, то за следующее десятилетие этот выпуск возрос до 155 машин в 2239 *л. с.*, а всего к 1800 г. с завода было выпущено 325 машин в 5411 *л. с.*[2] Еще быстрее нарастало число прядильных станков и веретен. Промышленная революция расширяла свою техническую базу в геометрических пропорциях и темпах.

Не столь четко, как начало, отграничивается во времени конец промышленной революции в Англии. Называя ее «промышленной революцией XVIII в.», Маркс и другие исследователи тем самым как будто вполне определенно датируют ее завершение в этой стране до начала XIX в. Но, как известно, бурное развитие капитализма в Англии продолжалось и после 1800 г. Решающие технические сдвиги на пути от мануфактуры к фабрике в Англии к началу XIX в. имели место лишь в хлопчатобумажной промышленности, металлургии и машиностроении. Да и в обработке хлопка полную победу машин можно отметить только в бумагопрядении. Но если в обработке хлопка *ручное* прядение уже отошло в область преданий, то в других отраслях обработки волокнистых веществ, наоборот, механическое прядение до 20-х годов составляло лишь *единичное* явление. Еще медленнее внедрялось механическое *ткачество*. Хотя механический ткацкий станок Картрайта был запатентован уже в 1785 г., но и к началу XIX в. «во всей Англии имелось еще только *несколько сот* механических станков»[3]. В то же время ручных станков еще в 1813 г. насчитывалось до 200 тыс. Еще в меньшей мере вытеснила фабрика к началу XIX в. не только мануфактуру, но и кустарный ручной труд в других отраслях, например в суконной промышленности. Так, по свидетельству Манту, из всего количества суконных материй, сотканных в 1803 г. в Вестрайдинге, «только 1/16 шла из больших фабрик, управляемых капиталистами, все же остальное, около 430 тыс. кусков, вышло из мастерских, где работали кустари»[4]. Об общем числе законченных фабрик с паровыми двигателя можно судить по следующим итогам Джона Лорда о распределении установленных к 1800 г. паровых машин во всех отраслях британской промышленности (табл. 1).

Со включением двигателей, установленных на каналах и водопроводах, общее их число в стране достигало 321 мощностью в 5200 сил. Из них собственно в Англии находилось 289 двигателей в 4543 силы, остальные приходились на долю Шотландии и Ирландии. Львиная доля учтенной в таблице мощности при этом падала на обработку хлопка и металлургию. А в большинстве остальных отраслей паровые машины были еще большой редкостью, например: в производстве бумаги — всего одна, в кожевенном производстве — тоже одна, в производстве стекла и фарфора — шесть и т. д. Да и общее количество фабрик на всю страну, не достигавшее 300, по сравнению с современными нам масштабами представляется более чем скромным. Поэтому завершение промышленной революции в

---

[1] П. Манту. Промышленная революция XVIII столетия в Англии. М.— Л., 1925, стр. 168 (курсив наш.— *С. С.*).

[2] John Lord. Capital and Steam-Power, 1750—1800. London, 1923, p. 167—175.

[3] П. Манту. Указ. соч., стр. 176 (курсив наш.— *С. С.*).

[4] П. Манту. Указ. соч., стр. 194.

Таблица 1

Паровые двигатели британской индустрии в 1800 г.

Производства	Двигатели	Число сил	
		абс.	%
1	2	3	4
Обработка хлопка	92	1 510	32,3
» шерсти	9	180	3,8
» льна и пеньки	6	104	2,2
Ситцепечатни, красильни, белильни	7	94	2,0
Итого	114	1 888	40,3
Металлургия и обработка металлов	37	922	19,7
Медные рудники, свинцовые, соляные копи	29	523	11,2
Угольные шахты	34	412	8,8
Пивоваренные и винокуренные заводы	27	349	7,5
Зерновые мельницы	13	192	4,1
Прочие производства	34	391	8,4
Всего	288	4 677	100

Англии иногда относят к концу первой четверти (кризис 1825 г.) или даже к середине XIX в. Но с этим никак нельзя согласиться. Конечно, *техническое* перевооружение ряда отсталых отраслей на путях от мануфактуры к фабрике затянулось в Англии, значительно выходя за грани XVIII в. Однако тот *решающий* технический сдвиг, который означал собой не только *техническую* революцию, но и целый «переворот в общественном способе производства» [1], мы имеем все основания относить еще к концу XVIII в. Недаром же именно эта грань принимается нами за начало новой эры — господства буржуазных отношений в Европе.

Таким образом, если самый начальный, так сказать *утробный*, период развития капитализма в недрах феодализма отнести ко времени от начала XVI в. до английской революции 1649 г., а эту последнюю условно принять за дату его рождения, то в период французской революции и промышленного переворота в Англии, к 1800 г., капитализм праздновал уже свое гражданское совершеннолетие и полную правоспособность. В этих широких хронологических рамках собственно на период промышленной революции, если оставить в стороне ее первых неудачливых провозвестников, придется период с конца 60-х годов XVIII в. до начала XIX в., т. е. всего около 30 лет. В том что переход количества в качество в развитии этой революции приходится именно на указанные годы, можно убедиться из сопоставления сравнительных темпов роста потребления хлопка в Англии за различные периоды. За первую половину XVIII в. при безраздельном господстве мануфактурного строя это потребление утроилось, поднявшись с 1 млн. до 3 млн. фунтов, что соответствует среднему приросту до 25% за целое десятилетие. Таковы темпы мануфактурной эпохи. Не выше этой нормы оказались и темпы роста ввоза и потребления хлопка в Англии за последующие два десятилетия, до начала 70-х годов. Но зато в следующие три десятилетия, когда после ряда упорных исканий, неудач и разочарований реализовались наконец с силой взрывной волны все чая-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 484.

ния и патенты Аркрайта, Уатта и целой плеяды других знаменосцев новой промышленной эпохи, темпы оказались совсем иные.

С 1771 по 1800 г. ввоз хлопка в Англию (Соединенное королевство) возрос с 4,8 млн. до 56 млн. англ. фунтов[1], т. е. в 12 раз, что дает уже до 130% прироста в среднем за десятилетие вместо прежних 25. Причем если разделить этот период в 30 лет пополам — до 1785 г., когда прядильные машины приводились еще в движение в лучшем случае *водяным* колесом, и с 1785 г., когда начала работать первая *паровая* бумагопрядильня Робинсонов, то получим такое ускорение темпов потребления хлопка: за первую половину этого периода получается примерно *удвоение* потребления за 10 лет, а за второй — рост его в 2,8 раза, или на 180%, за 10 лет. Для сравнения укажем, что сначала XIX в., с 1800 по 1810 г. этот темп упал уже до 122%, а с 1810 по 1820 г. темпы упали еще ниже — всего до 23%. Если всю эту динамику темпов представить в виде кривой, то сразу станет ясно, что *вершина* этой кривой промышленного переворота окажется между 1785 и 1800 гг., т. е. *целиком в пределах XVIII в.* А если присмотреться к этой кривой повнимательнее, то обнаружится и еще одно весьма интересное явление.

На кривой максимального подъема наблюдаются весьма чувствительные провалы, свидетельствующие о *первых* за капиталистическую эпоху — пока еще, по-видимому, частных — кризисах перепроизводства. Эта кривая «прогресса», как ее называет Манту, с 1780 до 1800 г. «представляет несколько понижений, через довольно правильные промежутки; понижения отвечают *промышленным кризисам*, из которых два по меньшей мере были серьезны. В 1788—1789 гг. большинство недавно основанных фабрик принуждены были рассчитать часть своего персонала; некоторое число их даже совсем закрылось. В деревнях Ланкашира и Чешира, где «дженни» стала главным источником существования местного населения, нужда была велика. В 1793 г. положение было, может быть, еще более серьезным: свыше десятка фабрикантов-прядильщиков объявили себя несостоятельными, и ввоз сырья упал сразу с 35 млн. фунтов до 19 млн. Правда, за каждым из этих кризисов следовало новое оживление». Современникам эти кризисы представлялись катастрофическими. «Я был свидетелем более чем одной катастрофы в хлопчатобумажной промышленности,— рассказывал впоследствии один фабрикант. В 1788 г. мне казалось, что она не оправится больше. В 1793 г. она получила новый удар; в 1799 г. она испытала еще более жестокое потрясение. Точно так же в 1803 и 1810 гг. Но после каждого такого *краха* подъем был изумителен»[2]

Эти кризисные явления известны были и Марксу, который в развитии английской хлопчатобумажной промышленности за время с 1770 по 1815 г. насчитывал уже «5 лет кризиса и застоя...»[3]. И если у нас обычно историю кризисов перепроизводства начинают только с 1825 г., когда кризисы обнимают уже не одну-две, а вообще *все* охваченные капиталистическим подъемом отрасли крупной машинной индустрии, то не следует забывать, что до начала XIX в. такой охват по необходимости был гораздо у́же и почти целиком ограничивался одной лишь ведущей в области машинизации хлопчатобумажной промышленностью. Отрасли с преобладанием *ручного труда*, едва поспевавшие в темпах своего развития за естественным приростом населения, не угрожали перепроизводством. Только с внедрением *машинной* техники, резко повысившей темпы развития, как мы видели из данных о потреблении хлопка, в условиях капиталистического присвоения возникла возможность кризисов. То, что они

---

[1] Абсолютные цифры ввоза см. П. Манту. Указ. соч., стр. 181, 188; «Мировые экономические кризисы (1848—1935)», т. I. М., 1937, стр. 474. В 1810 г. потребление хлопка достигло 124 млн. фунтов, в 1820 г.— 153 млн. фунтов.

[2] П. Манту. Указ. соч., стр. 182 (курсив наш.— *С. С.*).

[3] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 469.

фактически имели место уже в конце XVIII в. является лучшим показателем капиталистической зрелости ведущих отраслей английской промышленности к этому времени. Лишь на базе новой техники стало возможным не ограниченное никакими рамками крупное машинное производство, началось широкое внедрение паровых машин, стали вырастать действительно крупные промышленные центры.

«Паровая машина — мать промышленных городов» [1]. Она завершает своим появлением на свет целую полосу общественного развития. Обусловив своим внедрением в производство рост крупных фабричных центров, она явилась базой не только небывалого еще *ускорения* темпов экономического развития вплоть до периодических кризисов перепроизводства, но и расширенного воспроизводства на этой новой базе классовых противоречий, углубления и обострения *классовой борьбы* пролетариата с буржуазией. Именно поэтому перевооружение английской мануфактуры в фабрику к началу XIX в. означало собой не только *техническую* революцию. Из новой техники вырастала новая экономика и новые общественные отношения. «Переход от мануфактуры к фабрике,— по словам Ленина,— знаменует полный технический переворот, ниспровергающий веками нажитое ручное искусство мастера, а за этим техническим переворотом неизбежно идет самая крутая ломка общественных отношений производства, окончательный раскол между различными группами участвующих в производстве лиц, полный разрыв с традицией, обострение и расширение всех мрачных сторон капитализма, а вместе с тем и массовое обобществление труда капитализмом» [2].

Спрашивается, когда же и как протекал этот столь чреватый последствиями процесс у нас, в России?

2. ОТ МАНУФАКТУРЫ К ФАБРИКЕ В РОССИИ

Если XVIII в. в России был веком безраздельного господства и роста крупной мануфактурной промышленности, то уже с самого начала XIX в. здесь можно отметить наряду с мануфактурой первые зачатки машинной индустрии. Фабрика вступает в борьбу с мануфактурой.

Имея за собой английский опыт, русская промышленность могла бы избежать многих напрасных исканий и всяких других неудач, связанных с первыми шагами в деле механизации мануфактурного труда. Недостатка в людях, способных *освоить* передовую английскую технику, у нас даже в XVIII в. не было. Если английские мастера в этот век артистического ручного труда способны были сконструировать даже механическую блоху, то наши русские во всяком случае могли ее подковать. Живо билась у нас уже и тогда самостоятельная, творческая техническая мысль. Вспомним хотя бы имена таких одаренных русских техников-самоучек, как Кулибин или Ползунов, построивший уже в 1765 г. первую в мире паровую машину для непосредственного привода заводских механических агрегатов. Богаче многих других стран русская земля была уже тогда и рабочей силой, и естественными ресурсами. Однако все такие потенциальные преимущества тогдашней России перекрывались одним весьма существенным недостатком — Россия была крепостной.

Для проникновения и широкого внедрения машин в русскую промышленность крепостной строй, конечно, являлся сильнейшим тормозом. Несомненно, что этот строй сильно задерживал и нормальный рост *мануфактуры* в нашей стране. Но для *фабрики* он являлся гораздо более серьезным и опасным препятствием. Мы уже не говорим о том, что крупная

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 388.
[2] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 455.

машинная индустрия нуждается в широком рынке сбыта, а по преимуществу *натуральное* крепостное хозяйство ставит очень узкие пределы развитию такого рынка. Основное противоречие между фабрикой и крепостным укладом заключалось в другом. Сложная машина предъявляет к рабочему такие требования, каких к нему никогда не предъявлял элементарный ручной труд. Дорогая машина совершенно не мирится с крайне непроизводительным, хотя и дешевым крепостным трудом, и не только потому, что при дешевом труде отпадают сильнейшие стимулы к его замещению дорогими машинами. Не следует еще забывать, что дорогая машина прежде всего требует культурного к себе отношения и сильно штрафует своего хозяина за всякий простой и за всякое недостаточно интенсивное ее использование. В связи с этим для машинной индустрии требуются такие условия труда и такой *уровень культуры*, какого не дает крепостной строй. А когда такой рабочий все же воспитывается машиной, то, даже будучи выходцем из крепостной среды, он уже никогда не примирится с этой средой.

Уже из этого непримиримого противоречия ясно, что если несколько запоздавшее у нас наступление фабрики на мануфактуру и *задерживалось* господством в стране крепостных отношений, то совершенно неотвратимая победа крупной машинной индустрии над гораздо менее производительным ручным трудом, наоборот, должна была сильно *ускорить* разложение и неизбежную ликвидацию феодально-крепостного уклада. И потому совсем не случайно, что период перевооружения мануфактуры в фабрику, повелительно требующую свободного труда, в основном совпал у нас с периодом разложения и окончательного преодоления самого крепостного строя. В самом деле, сопоставим несколько показательных дат и цифр из промышленной истории Англии и России на интересующем нас этапе развития от мануфактуры к фабрике.

Если в Англии первая паровая машина Уатта для водоотлива в рудниках Корнуэльса была установлена в 1775 г., то в России первая такая машина для водоотлива на Воицком золотом прииске была построена в Петрозаводске Гаскоином на казенном заводе в 1790 г. Однако частичная механизация одного лишь водоотлива при ручной добыче руд или золотоносных песков не может еще служить достаточным признаком переоборудования в «фабрику». Первыми вполне законченными *фабриками* с паровыми двигателями в Англии можно, по-видимому, считать лишь машиностроительный завод Болтона в Сохо и механическую бумагопрядильню Робинсонов в Папльвике. На обоих были установлены паровые машины Уатта двойного действия не раньше 1785 г. В России первый машиностроительный завод Карла Берда возник в 1792 г., но первая машина в 4 *л. с.* установлена была на нем не позже 1795 г. Первая механическая бумагопрядильная фабрика в России возникла около 1800 г. Однако паровой машиной эта бумагопрядильня, известная под именем Александровской казенной мануфактуры, оборудована была не раньше 1805 г. Таким образом, эти первые русские фабрики по начальной дате завершения их механизации отстали от соответствующих английских всего на 10—20 лет.

Гораздо хуже, однако, пошло дело с дальнейшим ходом машинизации в России. Очень долго, целые десятилетия, она продвигалась у нас вперед черепашьими шагами. Под действием крепостных тормозов наше отставание от Англии на путях машинизации нарастало, и если в Англии, скажем, переработка хлопка уже в 1771 г. достигла 2132 *т*, то в крепостной России (без Польши и Финляндии) эта норма была впервые превзойдена лишь в 1828 г. отставанием от Англии уже не на 10—20, а на целых 58 лет. Начиная, однако, с 30-х годов механическое бумагопрядение в России сделало огромный скачок вперед, не только не отставая, но даже опережая соответствующие темпы промышленной революции в Англии. В самом деле, если в Англии с 1771 по 1800 г., как мы уже отмечали, ввоз

хлопка, поднявшись с 2,13 тыс. до 25,4 тыс. *т*, возрос за *тридцать* лет раз в 12, то в России соответствующий путь пройден был с 1829 по 1849 г., т. е. всего за *двадцать* лет. Рассматривая ввоз хлопка в Россию по десятилетиям, мы получаем такую чрезвычайно характерную для переломных моментов кривую темпов[1]:

Годы	Ввоз, тыс. *т*	% прироста
1819—1829	1,62—2,19	35
1829—1839	2,19—5,82	165
1839—1849	5,82—25,50	338
1849—1859	25,50—48,00	88
1859—1869	48,00—52,50	9

Скачки с повышением или понижением темпов роста ввоза сразу в 5—10 раз довольно отчетливо выделяют полосу наиболее бурного промышленного переворота в российском бумагопрядении с вершиной его в 40-х годах прошлого века. Слишком резкое падение этих темпов в начале 60-х годов, вызванное Гражданской войной в США, нуждается, конечно, в специальных оговорках. Но дело в том, что и в последующие десятилетия за весь капиталистический период развития данной отрасли мы уже не встречаем таких темпов ее роста, как в отмеченный нами период с начала 30-х до конца 50-х годов XIX в. За эти 30 лет переработка хлопка в России возросла в 22 раза, причем таких темпов, как за 40-е годы, с *учетверением* за одно лишь десятилетие, не знала даже Англия в свои лучшие годы промышленного переворота XVIII в. А между тем период 1830—1860 гг. целиком укладывается у нас в рамки, правда, *разлагающегося*, но все же еще не изжитого феодально-крепостнического уклада. Темпы роста вполне сопоставимы только тогда, когда и *абсолютные уровни* сопоставляемых величин для начального момента наблюдения — одного же порядка. В нашем случае это условие вполне соблюдено для периодов максимального взлета темпов механического прядения в Англии с 1770 до 1800 г. и в России с 1829 по 1849 г. И, таким образом, мы можем воочию убедиться, что хотя промышленный переворот в крепостной России запоздал в бумагопрядении лет на 50—60 по сравнению с Англией, но зато взлет темпов роста здесь был круче, чем в Англии. Вот почему тот малоизвестный факт, что путь, который Англия прошла лет за 30, в России был пройден за одно 20-летие, заслуживает особого внимания.

Механическое бумагопрядение и в России, как и в Англии, было наиболее передовой и показательной отраслью в общем ходе промышленной революции. Кстати сказать, оно даже у нас, в крепостной России, целиком базировалось на вольнонаемном труде. Достижения других отраслей в машинизации, в особенности таких, где значительную роль играли *принудительные* формы труда, были значительно скромнее. Но и в Англии успехи других отраслей, кроме бумагопрядения, за XVIII в. были не столь уже значительны. И во всяком случае тот *уровень* развития, какого они достигли к концу промышленной революции в Англии, был в основном пройденной ступенью и в России еще в пределах крепостной эпохи. Это может показаться для многих неожиданным, но тем не менее это подтверждается довольно убедительными фактами. Приведем на первый случай только некоторые из них.

Возьмем хотя бы наиболее технически отсталую у нас отрасль — черную металлургию. Несмотря, однако, на это отставание, она применяла у нас уже в крепостной период и пудлингование (с 1842 г.), и бессемерование (с 1857), и другие технические новшества, которые не были известны английской металлургии до 1800 г. Правда, английская метал-

[1] В. И. Юферов. Хлопководство в Туркестане. Л., 1925, стр. 143—144.

лургия из-за недостатка древесного угля уже с 1735 г. начала перестраиваться на минеральный уголь, а русская в крепостную эпоху вследствие обилия и дешевизны лесов предпочитала выплавлять более высокий по качеству древесно-угольный металл. Тем не менее, несмотря на все иные преимущества коксовой плавки, в Англии за 1800 г. было выплавлено всего 193 тыс. метрических тонн чугуна, а в России за 1860 г.— 336 тыс. т. К этому еще добавим, что на соответствующие даты в английской металлургии числилось *не свыше* 37 паровых машин Уатта мощностью в 922 *л. с.*, а в русской — не меньше 123 паровых двигателей общей мощностью в 2788 *л. с.*[1] Как видим, даже весьма отсталая русская металлургия отставала от Англии менее чем на 60 лет и в области технического перевооружения к 1860 г., несмотря на все крепостнические тормозы, заметно превзошла тот уровень, который по английским масштабам 1800 г. знаменовал собой целый переворот.

Отставало у нас в темпах своего развития от бумагопрядения и механическое бумаготкачество, но не в большей мере, чем в Англии начала XIX в. И если в Англии к 1800 г. насчитывалось всего несколько сот механических ткацких станков, то у нас уже к концу 40-х годов их было не меньше, а к 1860 г. их было, по минимальным подсчетам, 13 131[2]. Правда, *ручных* станков на централизованных мануфактурах и за раздаточными конторами у кустарей числилось еще больше. И мучительный затяжной процесс вытеснения этих ручных кустарей машиной продолжался еще не одно десятилетие. Но и в Англии было не лучше. Напомним, что еще в 1813 г. там насчитывалось до 200 тыс. ткацких станков, из которых механических было не свыше 1%. «Преобладало» там ручное ткачество и в 1819—1821 гг. Массовый переход ручных ткачей на фабрики в Англии начался лишь в 30-х и 40-х годах, а окончательное их вытеснение последовало не раньше середины XIX в.[3]

Однако численное соотношение механических и ручных ткачей и станков без сравнительного учета их производительности мало показательно. Поэтому приведем следующие итоги продукции бумаготкацких фабрик, мануфактур и кустарных светелок в России, которые нам удалось расчленить по этим рубрикам, к сожалению, только за 1866 г. (табл. 2).

Таблица 2

Бумаготкачество в России за 1866 г.

Тип заведений	Количество			Кусков ткани		
	заведений	станков	рабочих	всего, тыс.	на один стан	на одного рабочего
1	2	3	4	5	6	7
Фабрики механического тканья	42	16 100	20 694	3 308	205	160
Мануфактуры (ручные станки)	289	11 200	20 336	664	59	33
Раздаточные конторы и кустари	143	64 848	64 848	1 399	22	22
Итого	474	92 148	105 878	5 371	58	51
В том числе ручного тканья . .	432	76 048	85 184	2 063	28	24

[1] С. Г. Струмилин. Черная металлургия в России и в СССР. Технический прогресс за 300 лет. М.— Л., 1935, стр. 231 (данные за 1859 г.); см. также указанную работу Дж. Лорда, из которой мы взяли мощность всей британской металлургии, включая сюда и машиностроение.

[2] М. Я. Киттары. Обозрение Санкт-Петербургской выставки русской мануфактурной промышленности. СПб., 1861, стр. 274.

[3] И. М. Кулишер. Лекции по истории экономического быта Западной Европы. Пг., 1916, стр. 478, 485.

Как видим, механические станки составляли в 1866 г. едва 17,5% общего числа станков. Но производительность их была почти раз в 10 выше по сравнению с основной массой ручных станков в кустарных светелках. И в результате на эти 17,5% механических фабричных станков падает до 62% общего итога ткацкой продукции. Примерно те же соотношения можно принять и для 1860 г. Говоря иначе, преобладание фабрики над мануфактурой со всеми ее кустарными придатками достигнуто было и в бумаготкачестве еще в *крепостной* России уже к началу 60-х годов.

Несколько слов стоит еще сказать о машиностроении. Если мерить его сегодняшней меркой, то пришлось бы сказать, что его вовсе не было в дореформенной России. Но в экономической истории приходится оперировать *историческими* масштабами. И в этом случае поучительным масштабом может послужить нам пример Англии конца XVIII в., выдержавшей к этому времени как раз такой экзамен на индустриальную зрелость, как промышленная революция. Очень любопытно, однако, что в Англии за 1775—1800 гг., т. е. в самый разгар этой революции, производством паровых машин занят был всего лишь один завод Болтона в Сохо. И все же усилиями одного завода было оборудовано новыми машинами достаточно фабрик, чтобы говорить о целой революции. В России к началу XIX в. тоже имелся всего один машиностроительный завод Берда. Но уже в 1848 г. здесь насчитывалось не менее двух десятков механических заводов, а к 1861 г. их число доходило уже до сотни. Среди них были такие по тому времени гиганты, как Людиновский завод Мальцева — свыше 3000 рабочих, Путиловский — до 1800 рабочих, Берда — 1200 рабочих, Невский — до 1200 рабочих, Шипова в Костроме — 1151 рабочий и многие другие. А кроме того, по сравнению с Англией XVIII в. Россия первой половины XIX в. располагала еще одним крупным преимуществом: она помимо *своих* машин для переоборудования мануфактур в фабрики могла использовать и *ввоз их из-за границы.* При этом ввоз за 1830—1860 гг. дал даже больше, чем собственное производство. Но производство продукции росло значительно быстрее ввоза, и к 1860 г. оно уже примерно сравнялось с ввозом по стоимости, давая продукции до 8 млн. руб. в год.

В отличие от механического бумагопрядения, давшего наивысшие темпы роста уже в 40-е годы XIX в., другие, более отсталые отрасли ручного труда перестраивались на машинный лад несколько позже. Однако особенно бурная перестройка мануфактур в фабрики и в этих отраслях, по-видимому, прошла у нас еще до 1861 г. Об этом свидетельствуют и динамика ввоза машин, и темпы развития собственного машиностроения. За 1850—1860 гг. машиностроение выросло у нас в следующих размерах: по числу заводов — с 25 до 99, т. е. раза в 4, по числу рабочих — с 1470 до 11 600, т. е. почти в 8 раз, и по сумме продукции — с 423 тыс. до 7954 тыс. руб., т. е. почти в 19 раз. Это совершенно беспримерное по темпам роста десятилетие за весь XIX в. Даже за 1860—1870 гг., непосредственно вслед за реформой, эти темпы замедлились, давая прирост в 5—6 раз. Если в Англии за весь период промышленной революции во все отрасли производства было внедрено всего 4543 *л. с.* паровой мощности, то в России в 1860 г., т. е. еще до падения крепостной системы, насчитывалось уже до 60 тыс. *л. с.* паровой мощности в стационарных установках, до 100 тыс. *л. с.*— на железных дорогах и до 40 тыс. *л. с.*— на паровых судах, а в сумме — до 200 тыс. *л. с.*[1] Это немного, конечно, на наш современный масштаб, но все же в 44 раза больше того, что имела Англия в результате промышленного переворота.

Уже из приведенных сопоставлений можно сделать некоторые выводы. Как бы мы ни датировали начальный и конечный моменты промыш-

[1] M. Mulhall. Industries and Wealth of Nations. London, 1896, p. 157.

ленного переворота в Англии и в России, но *решающие* сдвиги в этой перестройке в Англии, по-видимому, следует отнести примерно на 1770—1800 гг., а в России, говоря грубо,— на *1830—1860 гг.* Конечно, перестройка мануфактур в фабрики продолжалась у нас еще очень долго и после крестьянской реформы, захватывая все новые отрасли индустрии. Но после реформы, развитие капитализма в России вширь и вглубь протекало уже более спокойными темпами. Если же сопоставить наивысшие точки подъема темпов в этой перестройке, то придется признать, что Россия к концу крепостной эпохи отстала от Англии в своем развитии по меньшей мере лет на 50—60. А между тем еще в Петровскую эпоху русская мануфактура выдвинулась на передовые позиции: и русское железо, и русское полотно петровских мануфактур вывозились из России в Англию. Столь серьезное отставание России от Англии ко времени перестройки этих мануфактур на фабричный уклад в этом свете станет еще показательнее. Отставание это, несомненно, произошло *вследствие* господства крепостного строя в России. Но по мере его разложения темп перестройки нарастал, и в общем она все же прошла у нас, *несмотря* на крепостной строй. Некоторое запоздание во времени перестройки привело к тому, что она прошла у нас даже в более *широких масштабах,* чем это было возможно в английских условиях XVIII в., и во всяком случае не менее бурными темпами.

Впрочем, уже теоретически можно было предположить, что такой решающий сдвиг в развитии народного хозяйства, как перестройка мануфактуры в фабрику, не мог и у нас, в России, протекать слишком плавно и незаметно, без очень чувствительных толчков на поворотах. Диалектический метод познания учит нас, что в развитии хозяйства, как и во всех процессах в природе и обществе, *нормой* является не сплошь гладкий путь плавной эволюции, а гораздо более сложный путь развития с неоднократными ускорениями и замедлениями, со скачкообразными взлетами и провалами. Такими революционными скачками сопровождается каждая смена экономических формаций в любой стране. А в пределах капиталистической формации взлеты и провалы, резко учащаясь образуют собой, как известно, непрерывную цепь периодических промышленных циклов с их кризисами. Типичным скачком с еще более бурным превращением количества в качество мыслится нам и тот промышленный переворот, который поднимает малопроизводительный ручной труд мануфактуры на высшую ступень — на ступень машинизированного труда в крупном машинном производстве. Каждая новая машина, каждая новая фабрика настолько повышают эффективность труда, а вместе с тем и рентабельность предприятий — пионеров в этой области, что они создают стимулы к росту в геометрической прогрессии нового типа предприятий.

Известную аналогию этому явлению можно усмотреть в распространении так называемой взрывной волны в физико-химических процессах. Взрывчатые вещества разлагаются с освобождением больших количеств энергии. Потому достаточно малейшего начального импульса, чтобы, разложив хотя бы одну молекулу, освободить столько энергии, сколько ее требуется для разложения уже нескольких соседних молекул и освобождения энергии для дальнейшего распространения взрывной волны целыми цепями элементарных взрывов во всех направлениях. При всей условности аналогий нужно признать, что разложение каждой мануфактуры и превращение ее в фабрику тоже освобождает немалое количество трудовой энергии для более эффективного ее использования в других предприятиях. Только скорость разложения мануфактурного строя и распространения соответствующей взрывной волны исчисляется здесь не долями секунды, а целыми десятилетиями.

Уже apriori также понятно, что перестройка мануфактуры в фабрику в условиях крепостного строя должна протекать несколько иначе, чем в

обстановке полной свободы капиталистического развития. Принудительные формы труда много дешевле свободного труда. И потому чем шире они распространены, тем у́же поле для успешного вытеснения столь удешевленного ручного труда довольно дорогими на первых порах машинами. Но, с другой стороны, свободный труд много производительнее принудительного, и уже в силу этого он *сам* разлагает крепостной строй, непрерывно расширяя сферу своего применения. И потому промышленный переворот, получивший свое начало, как у нас, еще в крепостную эпоху, на первых порах *должен* протекать весьма замедленными темпами. Но зато с тем большим ускорением этот процесс развивается по мере разложения крепостного уклада, ускоряя вместе с тем и самую его гибель.

Впрочем, никакие априорные суждения и аналогии не могут заменить собой конкретного экономического исследования. Наиболее плодотворным при этом было бы изучение интересующего нас процесса перестройки в *отраслевом* разрезе, ибо каждая отрасль индустрии в этом процессе имела, конечно, свои особенности в развитии техники и производительности труда, свою кривую темпов развития и вообще свою особую судьбу. Однако этому отраслевому изучению проблемы не мешает предпослать и более общий обзор развития российской промышленности за соответствующий период.

3. ПРОМЫШЛЕННЫЙ ПОДЪЕМ

Крепостной строй зиждется прежде всего на базе натурального хозяйства и крайне низком уровне производительности принудительного труда. Для характеристики этого уровня достаточно сказать, что урожайность зерновых хлебов в России и в половине XVII в. не превышала 3—3,5 четвертей сбора на каждую четверть посева и 200 лет спустя, к середине XIX в., оставалась примерно на том же уровне — около 30 пудов на десятину при затратах живого труда не менее одного человеко-дня на пуд зерна. Но наряду с мертвым застоем в области крепостного сельского хозяйства Россия прошла за это время немалый путь в области развития не только мелких кустарных промыслов, но и крупной мануфактурной промышленности. А вместе с тем росло промышленное население и, разлагая натуральное хозяйство России, рос как внутренний, так и внешний товарооборот страны.

По свидетельству современника, уже к началу 30-х годов XIX в. крестьянская семья в 5 душ расходовала на оплату податей и другие нужды *деньгами* не менее 19 руб. 80 коп. серебром (72 руб. 50 коп. ассигнациями), а к началу 40-х годов этот денежный расход определялся уже в 47 руб. серебром на семью[1]. При ценах хлебов не свыше 43 коп. за пуд для покрытия такого расхода в 47 руб. пришлось бы продать свыше 100 пудов зерна или за нехваткой его отправлять кого-либо из семьи в отход на заработки. О реальном значении таких сумм, как 47 руб., для крепостного крестьянина можно судить еще и по тому, что крестьянская лошадь расценивалась в те же годы в 17 руб. да и самого крестьянина можно было купить по цене от 60 руб. за ревизскую душу. Пересчет указанных норм денежного расхода на все сельское население соответствующих лет, не считая оборотов помещичьих имений, дает к 1830 г. свыше 200 млн. руб., а к 1840 г.— уже свыше 500 млн. руб. денежных оборотов в стране за счет одной лишь деревни с возрастанием их за одно десятилетие на 150%. Уже одна эта цифра достаточно красноречиво говорит о темпах *разложения* натурального хозяйства крепостной России того времени.

---

[1] Д. Вилькинс. Что нужно помещичьему издольному крестьянину для безбедного содержания себя в нечерноземных губерниях. М., 1832; он же. Мысли и наблюдения о положении земледельческой промышленности. М., 1843; ср. «Журнал сельского хозяйства и овцеводства», 1843, № 9, стр. 252.

О росте торговой буржуазии в России за интересующий нас период можно до известной степени судить по данным о выборке купеческих гильдейских свидетельств и суммах «объявленных» при этом торговых капиталов. Впрочем, с 1816 по 1824 г. в связи с зигзагом слишком «либеральной» тарифной политики за эти годы и соответствующей задержкой в росте промышленности число выбранных гильдейских свидетельств не только не росло, а даже сократилось с 20 059 до 13 106, т. е. почти на 35%. В дальнейшем мы имели такой рост их [1]:

Год	Число свидетельств	Год	Число свидетельств
1825	27 879	1845	39 986
1830	26 471	1850	44 193
1835	34 707	1855	50 659
1840	37 381	1858	61 858

Как видим, при весьма ничтожном росте за 1816—1830 гг. за следующий период наблюдается существенное ускорение темпов роста, и в общем за 1830—1858 гг. получается рост купечества всех трех гильдий в $2^1/_3$ раза (на 133%). О сумме объявленных при этом капиталов у нас имеются такие данные неопубликованных отчетов департамента торговли и мануфактур (в пересчете на серебро):

Отчетный год	Число купцов	Объявлено капиталов, млн. руб.
1838	36 828	100,0
1839	35 422	101,0
1840	37 381	105,9
1841	38 590	109,6
1855	50 659	139,1
1856	53 205	142,4
1857	55 558	149,1
1858	61 858	158,3

Абсолютная величина учтенных здесь капиталов, разумеется, крайне преуменьшена. Шипов для 1856 г., считая у 1149 купцов 1-й гильдии капитал по 100 тыс. руб., у 2000 купцов 2-й гильдии — по 40 тыс. руб. и у 51 тыс. купцов 3-й гильдии — по 6 тыс. руб., определил общую сумму их капиталов свыше 500 млн. руб., т. е. в 3,5 раза выше «объявленной» самим купечеством [2]. Но и прикидка Шипова не дает еще правильного представления о размерах тогдашних торговых оборотов и капиталов. Не говоря уже о столицах, даже в провинции купцы с миллионными оборотами были не редки. Так, например, в Тверской губ. такие обороты имели в 1837 г. тверской купец Коровин, калязинский почетный гражданин Полежаев и рижский — Образцов. Обороты кашинского почетного гражданина Жданова оценивались в 2 млн. руб., ржевского купца Немилова — в 3 млн. руб. Одного хлеба эти и другие тверские капиталисты прогоняли по Вышневолоцкой системе на сумму свыше 100 млн. руб. ассигнациями в год, железа — 350 тыс. пудов, пеньки — 550 тыс. пудов и т. д. [3] Но тем не менее *динамика* «объявленных» купечеством торговых капиталов с 1838 по 1858 г., показавшая за 20 лет прирост на 58%, заслуживает внимания.

---

[1] В. Потехин. О гильдеском сборе в России.— «Промышленность, журнал мануфактур и торговли», 1861, т. III, кн. III, № 15, стр. 265—269.

[2] Александр Шипов. Куда и отчего исчезли у нас деньги? — «Вестник промышленности», 1860, т. IX, № 7, стр. 58.

[3] «Журнал мануфактур и торговли», 1838, ч. 3, № 7, стр. 81, 82.

О росте оборотов внутренней торговли России свидетельствует прежде всего следующая динамика привоза товаров на Нижегородскую ярмарку (в млн. руб. серебром) [1]:

Год	Привоз	Год	Привоз
1824	22,2	1849	55,5
1829	28,2	1854	57,5
1834	39,2	1859	103,3
1839	46,2	1864	108,9
1844	50,4	1869	144,0

Конечно, Нижегородская ярмарка только одна из многих, и показательны здесь не столько абсолютные итоги привозов, сколько темпы роста учтенных здесь торговых оборотов. Известно, впрочем, что в 1863 г. общий оборот по всем 6050 ярмаркам, учтенным в 50 губерниях Европейской России, достигал 383 млн. руб., из которых на долю Нижегородской приходилось всего 101 млн. руб., или 26%. А с учетом не только ярмарочного, но и всего лавочного оборота эта доля Нижегородской ярмарки оказалась бы, конечно, еще раза в 4 ниже. Этот общий оборот, по некоторым подсчетам, еще до 1818 г. оценивался в 900 млн. руб. ассигнациями (237 млн. руб. серебром), что раз в 15 превышало привозы на Нижегородскую ярмарку за соответствующие годы [2].

Обращаясь к темпам роста этих привозов, мы увидим, что за 30 лет, с 1829 по 1859 г., они выросли на 266%, причем максимум роста падает на последнее перед реформой десятилетие, за которое торговые обороты ярмарки дали скачок в 87%, тогда как за следующие 30 лет, с 1860 по 1889 г., этот темп не достигал даже 20% в среднем за десятилетие.

Значительно слабее, но все же неплохо отражает ту же тенденцию и внешний товарооборот России по ввозу и вывозу за границу. В 1829 г. он составлял 123 млн. руб., в 1839 г. — 160 млн., в 1849 г. — 192 млн., в 1859 г. — 325 млн. руб. [3] Таким образом, за 30 лет мы имеем прирост всего на 164%. И здесь максимум прироста приходится на последнее десятилетие перед реформой — 69%. Но за 60-е годы этот прирост еще выше — 87%. И лишь в последующие десятилетия он снижается явно затухающими темпами. Правда, эта волна подъема темпов не раз прерывается падениями, в том числе и в начале 60-х годов. И новый подъем со второй половины 60-х годов несомненно связан с новым резким подъемом товарности раскрепощенной деревни.

Однако подъем товарности и быстро прогрессировавшее расширение внутреннего и внешнего товарооборота в стране сами по себе отнюдь еще не являлись признаком какого-либо общего хозяйственного подъема. Напротив, свидетельствуя об ускоренном разложении самых основ натурального крепостного хозяйства, они являлись ярким симптомом тяжелого кризиса всей системы феодализма. Довольно наглядное отражение этот кризис нашел и в развитии *государственного* хозяйства России той эпохи. Вот, например, некоторые суммарные итоги исполнения государ-

[1] Ярмарочные обороты за 1824—1839 гг. см. «Журнал мануфактур и торговли», 1837, ч. 3, № 7-8, отд. III, стр. 21; 1838, ч. 2, № 5, стр. 278; ч. 4, № 10, стр. 145; 1839, ч. 1, № 1, стр. 159; ч. 4, № 11, стр. 269 и т. д. За 1863 г. «Статистический временник Российской империи», серия I. гл. VI. СПб., 1866, стр. 158—173; ср. также «Сборник статистических сведений о России», кн. III. СПб., 1858, стр. 595. Обороты в ассигнациях переведены на серебро.

[2] К. И. Арсеньев. Начертание статистики Российского государства, ч. I. СПб., 1818, стр. 170—174.

[3] М. П. Заболоцкий. Сравнительное обозрение внешней торговли России за последние 25 лет (1824—1848); «Сборник статистических сведений о России», кн. I. СПб., 1851, стр. 150; «Виды государственной внешней торговли» за соответствующие годы и пр.

ственного бюджета России за последние десятилетия крепостной эпохи (в млн. руб.) [1]:

Годы	Расход	Приход	Дефицит	% прихода
1832—1841	1548	1 465	83	5,7
1842—1851	2271	1 923	348	18,1
1852—1861	3362	2 513	849	33,8
Итого	7181	5901	1280	21,7

Всего за 30 лет правительству удалось выкачать из населения около 6 млрд. руб., а между тем самые элементарные государственные потребности требовали много больше. Характерно, однако, что с каждым десятилетием этот разрыв между потребностями и возможностями государственного бюджета возрастал в геометрической пропорции. И если доходные ресурсы вырастали в пропорции 100 : 131 : 171, то расходы росли уже в отношении 100 : 147 : 217, а дефициты еще стремительнее — как 100 : 419 : 1023. При таких темпах нарастания дефицитности, в особенности после неудач Крымской кампании, даже займами невозможно было надолго спасти положение. А между тем, оказавшись перед угрозой надвигающегося государственного банкротства, даже самодержавная власть в условиях *крепостного* хозяйства не могла уже выжать из населения ни гроша для своего спасения. Это и было одним из показательнейших признаков банкротства самой системы феодализма.

Как же развивалась в указанной обстановке крупная промышленность России?

Рассматривая весь период ее развития, от появления первых фабрик в России в начале XIX в. до тех первых, но решающих побед машинной индустрии, которые завершаются у нас кризисом всей феодальной системы, мы прежде всего можем подразделить его на две части: от 1800 г. примерно до 1830 г. и от 30-х до начала 60-х годов XIX в. В первую треть XIX в. фабрики возникают еще спорадически и мануфактура продолжает господствовать почти безраздельно; во вторую треть, начиная с 30-х годов, фабрика вступает в решительную борьбу с мануфактурой. Эту полосу борьбы, с 1830 по 1860 г., можно еще разделить на две примерно равные полосы. В первую из них, примерно до 1845 г., хотя фабрики и завоевывают все возрастающий удельный вес на рынке наряду с мануфактурой, но не достигают еще явного перевеса над ней. Во вторую, после 1845 г., фабричная продукция в ряде отраслей начинает уже определенно вытеснять продукцию мануфактур с рынка, приходя к экономическому господству на рынке.

К сожалению, в отчетности департамента мануфактур до 1845 г. мы находим лишь общие итоги числа действующих «фабрик» и занятых в них рабочих без указания суммы производства и без всяких других признаков, по которым можно было бы отличить фабрику от мануфактуры. Тем не менее и в таком виде они представляют некоторый интерес для общей характеристики роста всей крупной промышленности без расчленения ее на фабрики и мануфактуры (табл. 23).

Приведенные данные, извлеченные нами главным образом из неопубликованных отчетов департамента мануфактур, не отличаются особой точностью и полнотой. В частности, итоги XVIII в., по-видимому, относятся только к *указным* мануфактурам, т. е. основанным каждая по особому указу, с разрешения правительства. Но наряду с ними, в особенности после 1762 г., когда разрешительная процедура уже не требовалась, как

[1] «Статистический временник Российской империи», серия I, 1866, гл. VI, стр. 77—81.

О росте оборотов внутренней торговли России свидетельствует прежде всего следующая динамика привоза товаров на Нижегородскую ярмарку (в млн. руб. серебром) [1]:

Год	Привоз	Год	Привоз
1824	22,2	1849	55,5
1829	28,2	1854	57,5
1834	39,2	1859	103,3
1839	46,2	1864	108,9
1844	50,4	1869	144,0

Конечно, Нижегородская ярмарка только одна из многих, и показательны здесь не столько абсолютные итоги привозов, сколько темпы роста учтенных здесь торговых оборотов. Известно, впрочем, что в 1863 г. общий оборот по всем 6050 ярмаркам, учтенным в 50 губерниях Европейской России, достигал 383 млн. руб., из которых на долю Нижегородской приходилось всего 101 млн. руб., или 26%. А с учетом не только ярмарочного, но и всего лавочного оборота эта доля Нижегородской ярмарки оказалась бы, конечно, еще раза в 4 ниже. Этот общий оборот, по некоторым подсчетам, еще до 1818 г. оценивался в 900 млн. руб. ассигнациями (237 млн. руб. серебром), что раз в 15 превышало привозы на Нижегородскую ярмарку за соответствующие годы [2].

Обращаясь к темпам роста этих привозов, мы увидим, что за 30 лет, с 1829 по 1859 г., они выросли на 266%, причем максимум роста падает на последнее перед реформой десятилетие, за которое торговые обороты ярмарки дали скачок в 87%, тогда как за следующие 30 лет, с 1860 по 1889 г., этот темп не достигал даже 20% в среднем за десятилетие.

Значительно слабее, но все же неплохо отражает ту же тенденцию и внешний товарооборот России по ввозу и вывозу за границу. В 1829 г. он составлял 123 млн. руб., в 1839 г.— 160 млн., в 1849 г.— 192 млн., в 1859 г.— 325 млн. руб. [3] Таким образом, за 30 лет мы имеем прирост всего на 164%. И здесь максимум прироста приходится на последнее десятилетие перед реформой — 69%. Но за 60-е годы этот прирост еще выше — 87%. И лишь в последующие десятилетия он снижается явно затухающими темпами. Правда, эта волна подъема темпов не раз прерывается падениями, в том числе и в начале 60-х годов. И новый подъем со второй половины 60-х годов несомненно связан с новым резким подъемом товарности раскрепощенной деревни.

Однако подъем товарности и быстро прогрессировавшее расширение внутреннего и внешнего товарооборота в стране сами по себе отнюдь еще не являлись признаком какого-либо общего хозяйственного подъема. Напротив, свидетельствуя об ускоренном разложении самых основ натурального крепостного хозяйства, они являлись ярким симптомом тяжелого кризиса всей системы феодализма. Довольно наглядное отражение этот кризис нашел и в развитии *государственного* хозяйства России той эпохи. Вот, например, некоторые суммарные итоги исполнения государ-

---

[1] Ярмарочные обороты за 1824—1839 гг. см. «Журнал мануфактур и торговли», 1837, ч. 3, № 7-8, отд. III, стр. 21; 1838, ч. 2, № 5, стр. 278; ч. 4, № 10, стр. 145; 1839, ч. 1, № 1, стр. 159; ч. 4, № 11, стр. 269 и т. д. За 1863 г. «Статистический временник Российской империи», серия I. гл. VI. СПб., 1866, стр. 158—173; ср. также «Сборник статистических сведений о России», кн. III. СПб., 1858, стр. 595. Обороты в ассигнациях переведены на серебро.

[2] К. И. Арсеньев. Начертание статистики Российского государства, ч. I. СПб., 1818, стр. 170—174.

[3] М. П. Заблоцкий. Сравнительное обозрение внешней торговли России за последние 25 лет (1824—1848); «Сборник статистических сведений о России», кн. I. СПб., 1851, стр. 150; «Виды государственной внешней торговли» за соответствующие годы и пр.

ственного бюджета России за последние десятилетия крепостной эпохи (в млн. руб.) [1]:

Годы	Расход	Приход	Дефицит	% прихода
1832—1841	1548	1 465	83	5,7
1842—1851	2271	1 923	348	18,1
1852—1861	3362	2 513	849	33,8
Итого	7181	5901	1280	21,7

Всего за 30 лет правительству удалось выкачать из населения около 6 млрд. руб., а между тем самые элементарные государственные потребности требовали много больше. Характерно, однако, что с каждым десятилетием этот разрыв между потребностями и возможностями государственного бюджета возрастал в геометрической пропорции. И если доходные ресурсы вырастали в пропорции 100 : 131 : 171, то расходы росли уже в отношении 100 : 147 : 217, а дефициты еще стремительнее — как 100 : 419 : 1023. При таких темпах нарастания дефицитности, в особенности после неудач Крымской кампании, даже займами невозможно было надолго спасти положение. А между тем, оказавшись перед угрозой надвигающегося государственного банкротства, даже самодержавная власть в условиях *крепостного* хозяйства не могла уже выжать из населения ни гроша для своего спасения. Это и было одним из показательнейших признаков банкротства самой системы феодализма.

Как же развивалась в указанной обстановке крупная промышленность России?

Рассматривая весь период ее развития, от появления первых фабрик в России в начале XIX в. до тех первых, но решающих побед машинной индустрии, которые завершаются у нас кризисом всей феодальной системы, мы прежде всего можем подразделить его на две части: от 1800 г. примерно до 1830 г. и от 30-х до начала 60-х годов XIX в. В первую треть XIX в. фабрики возникают еще спорадически и мануфактура продолжает господствовать почти безраздельно; во вторую треть, начиная с 30-х годов, фабрика вступает в решительную борьбу с мануфактурой. Эту полосу борьбы, с 1830 по 1860 г., можно еще разделить на две примерно равные полосы. В первую из них, примерно до 1845 г., хотя фабрики и завоевывают все возрастающий удельный вес на рынке наряду с мануфактурой, но не достигают еще явного перевеса над ней. Во вторую, после 1845 г., фабричная продукция в ряде отраслей начинает уже определенно вытеснять продукцию мануфактур с рынка, приходя к экономическому господству на рынке.

К сожалению, в отчетности департамента мануфактур до 1845 г. мы находим лишь общие итоги числа действующих «фабрик» и занятых в них рабочих без указания суммы производства и без всяких других признаков, по которым можно было бы отличить фабрику от мануфактуры. Тем не менее и в таком виде они представляют некоторый интерес для общей характеристики роста всей крупной промышленности без расчленения ее на фабрики и мануфактуры (табл. 23).

Приведенные данные, извлеченные нами главным образом из неопубликованных отчетов департамента мануфактур, не отличаются особой точностью и полнотой. В частности, итоги XVIII в., по-видимому, относятся только к *указным* мануфактурам, т. е. основанным каждая по особому указу, с разрешения правительства. Но наряду с ними, в особенности после 1762 г., когда разрешительная процедура уже не требовалась, как

[1] «Статистический временник Российской империи», серия I, 1866, гл. VI, стр. 77—81.

Таблица 3

Обрабатывающая промышленность России (без Польши и Финляндии)

Год	Число заведений	Число рабочих	Год	Число заведений	Число рабочих
1	2	3	1	2	3
1763	324	37 862	1827	5 122	209 547
1767	456	44 868	1828	5 244	225 414
1770	426	57 099	1829	5 269	231 624
1804	2 423	95 178	1830	5 450	253 893
1811	3 164	137 273	1831	5 599	264 358
1812	2 332	119 093	1832	5 656	272 490
1814	3 731	169 559	1833	5 664	273 969
1815	3 189	172 885	1834	6 045	279 673
1816	4 484	187 061	1835	6 054	288 058
1817	4 385	187 337	1836	6 332	324 203
1818	4 457	178 419	1837	6 450	376 838
1819	4 531	176 635	1838	6 855	412 631
1820	4 578	179 610	1839	6 894	454 980
1821	4 658	183 354	1840	6 863	435 788
1822	4 781	172 757	1841	6 831	429 638
1823	4 838	185 842	1842	6 939	455 827
1824	5 092	200 816	1843	6 813	466 579
1825	5 261	210 568	1844	7 399	469 211
1826	5 128	206 408	1845	8 302	507 577

грибы вырастали и более мелкие заведения, которые тоже нередко причитывались к общему итогу «фабрик и заводов». Так, В. И. Семевский насчитывал за 1763 г. до 390 (указных) «фабрик», из которых только по 324 было указано число рабочих. По другим же подсчетам, уже к 1762 г. было 948 «фабрик», а к концу царствования Екатерины II (1796) их насчитывалось уже не менее 3129, включая сюда, впрочем, лишь для пущего прославления этой царицы даже кумысные «фабрики» и овчарные «заводы» [1]. Более сравнимы между собой итоги XIX в. Правда, за невыясненностью понятия «фабрика» они тоже включают большое число мельчайших кустарно-ремесленных заведений, но, судя по среднему числу рабочих на одно учтенное заведение, крупные мануфактуры все же среди них преобладают. Кроме того, в мелких кустарных мастерских и рабочих немного. Так, например, в итогах за 1814 г. заведения до 16 рабочих, по нашим подсчетам, достигали 70% всех учтенных «фабрик», а по числу рабочих их удельный вес падал до 7,4%. Таким образом, заметного влияния на общую динамику численности всех рабочих даже весьма значительные колебания в числе охваченных учетом мелких заведений иметь не могли.

Что же показывает эта динамика?

Прежде всего можно отметить значительный и почти непрерывный за весь представленный в таблице период *рост* крупной промышленности, и притом с огромным ускорением в XIX в. против XVIII в. Если весь рассматриваемый период в 82 года разбить пополам, то за 1763—1804 гг. прирост числа рабочих будет не свыше 153%, а за 1804—1845 гг.— не менее 434%. Иными словами, за первый период число рабочих возросло

[1] В. Бурнашев. Очерки истории мануфактур в России. СПб., 1833, стр. 15—18 и 26—30; «Материалы для истории и статистики мануфактурной промышленности в России».— «Сборник сведений и материалов по ведомству министерства финансов», т. II, № 6. СПб., 1865, стр. 224—225.

всего в 2,5 раза, а за второй — по меньшей мере в 5 раз. Но первый период был периодом безраздельного господства мануфактуры, а во втором начинается уже постепенное внедрение механизации труда и паровой машины. В начале XVIII в. преобладали при этом весьма примитивные формы механизации — на конной тяге или водной энергии; паровые машины появлялись лишь как редкое исключение. Но с 1815 до 1830 г., по имеющимся у нас архивным данным, одних лишь паровых машин *внутреннего* производства внедрялось ежегодно не меньше десятка, а в сумме за 15 лет — до 150 паровых двигателей, около 650 разных механических станков, до 975 прядильных машин и свыше 3000 разных других машин (подъемных кранов, прессов, насосов, вальцов и тому подобных механизмов). А с 30-х годов механизация приняла уже гораздо более широкие масштабы — на многие миллионы рублей. И вот если с 1815 по 1830 г. число учтенных в нашей таблице рабочих возросло всего на 47%, то за следующие 15 лет, с 1830 по 1845 г., оно уже удвоилось. Таким образом, уже первые, еще очень скромные успехи механизации *удваивают* темп промышленного развития крепостной России.

Заслуживает внимания также и другой факт. Выше отмечены были высокие темпы развития внутренней и внешней торговли крепостной России. Однако крупная промышленность заметно обгоняла в своем развитии не только внешнюю, но и внутреннюю торговлю. Так, если обороты внешней торговли за 20 лет, с 1825 по 1845 г., возросли со 113 млн. до 170 млн. руб. серебром, т. е. всего в 1,5 раза, а ярмарочные привозы — раза в 2,5, то продукция крупной промышленности, как увидим ниже, утроилась за те же 20 лет по своей стоимости. Отставание торговли объяснялось, конечно, тем, что в ее обороты входила и сильно отстававшая в своем росте сельскохозяйственная продукция. Во внешнем товарообороте доля ее была значительнее, а потому и отставание здесь больше. В ярмарочных привозах преобладали промышленные изделия, потому эти привозы росли быстрее. А в общем, очевидно, не столько рост торгового капитала и рыночного спроса определял собой динамику промышленного развития России, сколько, наоборот, ускоренный темп развития крупной промышленности расширял сферу действия торгового капитала и его обороты, ускоряя тем самым разложение натурального хозяйства и всего крепостного уклада.

Можно сказать с уверенностью, что развитие крупной промышленности в России значительно опережало уже в этот период рост внутреннего рынка, скованного условиями крепостного хозяйства, ибо промышленность испытывала уже не раз, несмотря на всю ограниченность своих производственных ресурсов, состояние относительного перепроизводства. Особенно заметно становилось такое состояние, когда наряду с узостью внутреннего рынка чувствовалась какая-нибудь задержка в развитии внешнего товарооборота. А поскольку львиная доля во внешнем товарообмене с Россией принадлежала Англии, наша промышленность весьма чутко реагировала на всякую заминку спроса на этом рынке. В частности, немалым бедствием для многих отраслей ее явилась континентальная блокада Англии, навязанная России Наполеоном с 1807 г. Как известно, эта блокада очень неохотно осуществлялась русским правительством, что и послужило одним из поводов к вторжению Наполеона в Россию и к Отечественной войне 1812 г.

В нашей таблице 1812 г. отмечен резким падением числа действовавших «фабрик» и занятых в них рабочих. За этот год в московском пожаре погибло немало крупнейших промышленных заведений. И все же с прекращением блокады, уже в 1813—1814 гг., мы наблюдаем новый скачок мануфактурной промышленности. Однако в порядке резкой реакции против блокады вместо полного запрета торговли с Англией с 1816 по 1822 г. в России был установлен слишком уж «либеральный» по тогдашним

условиям тариф. При таком тарифе русской *мануфактуре* конкурировать со значительно опередившей ее в результате промышленной революции английской фабрикой было не под силу. В результате с 1816 по 1822 г. мы наблюдаем явную задержку и даже некоторое снижение в развитии русской мануфактуры. Лишь в 1823 г., с восстановлением прежней охранительной таможенной политики, начинается новый крутой ее подъем. Очень характерно при этом, что за весь период с 1823 по 1845 г. на этом крутом подъеме мы наблюдаем только два момента, отмеченные прямым сокращением числа рабочих,— это 1826 и 1840—1841 гг. Имея в виду английский промышленный кризис 1825 г. и международный 1837—1839 гг., невольно встает вопрос, не являются ли вышеуказанные два снижения кривой промышленного развития России лишь вполне закономерным конъюнктурным отражением капиталистического цикла на Западе?

Ввиду неполного совпадения названных нами начальных дат кризисов на Западе с предполагаемым их отражением в России заметим следующее: и в Англии кризис 1825 г. сказался в снижении цен, в падении экспорта и потребления хлопка (почти на 20%) только в 1826 г., все же *годовые* итоги 1825 г. говорят еще о повышающейся конъюнктуре [1]. Еще *осенью* 1826 г. в Манчестере отмечалось и падение цен на ситцы ниже себестоимости, и сокращение рабочих на всех фабриках, и полное бездействие многих из них [2]. Точно так же в период кризиса 1837—1839 гг. в Англии первое сокращение в потреблении хлопка (на 22%) наступило только в 1839 г., второе (на 18%) — в 1841—1842 гг. А в США, где этот кризис разразился несколько позже, резкое снижение цен и ухудшение других показателей началось только с 1840 г. В русской журналистике того времени кризисный «перелом» в хлопчатобумажной промышленности Англии и «чрезвычайно низкие цены» отмечаются впервые только в 1839 г. [3] Говоря об Англии, Маркс тоже отметил для 1826 г. огромную нужду и волнение хлопчатобумажных рабочих, для 1840 г.— сильную депрессию, а для 1841 и 1842 гг.— ужасающие страдания фабричных рабочих [4]. Таким образом, одновременность отмеченных кризисных явлений на Западе с их отражением в России едва ли является спорной.

И в этом совпадении их во времени нет ничего случайного. Обращаясь к таможенной статистике, мы сразу же находим и объяснение таких совпадений. Английский кризис 1825 г., начавшись осенью, привел, между прочим, к сокращению импорта в Англию за 1826 г. на 6,4 млн. фунтов стерлингов, или 14,6%. А это в свою очередь сказалось на сокращении вывоза из России на 15,9 млн. руб. серебром, что составляло 25% общего вывоза из России. Такое сокращение емкости заграничного рынка на наши продукты не могло, конечно, не сказаться соответствующим снижением спроса и цен на мануфактурную продукцию в России. В 1825 г. вывоз из России превышал ввоз на 14,1 млн. руб., а в 1826 г. уже ввоз превысил упавший вывоз на 1,4 млн. руб. Конечно, в Англию вывозилось из России главным образом сельскохозяйственное сырье и прочие продукты сельскохозяйственного производства, но, недополучив из-за границы сумму в 15,9 млн. руб. за свои продукты, деревня неизбежно должна была сократить примерно на столько же свой спрос на продукты города.

Сокращение спроса на 15 млн. руб. в год по нынешним оборотам ничтожно, но по отношению к тогдашним масштабам мануфактурной промышленности, вся продукция которой в 1825 г. не превышала 47 млн. руб., это была очень заметная величина. Она приводила к затовариванию, к сокращению числа занятых рабочих и ко всем прочим симптомам относительного перепроизводства.

---

[1] «Мировые экономические кризисы (1848—1935)», т. I, стр. 474.
[2] См. «Журнал мануфактур и торговли», 1826, ч. 3, № 8, стр. 121—135.
[3] «Журнал мануфактур и торговли», 1839, ч. 3, № 7, стр. 102, 110.
[4] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 365.

Остановка в росте за 1839 г. и прямое снижение числа действовавших «фабрик» и занятых в них рабочих в России за 1840 и 1841 гг. тоже не случайный дефект тогдашней отчетности, а вполне реальное явление, теснейшим образом связанное с американо-европейским кризисом этих лет. Это подтверждается и сокращением *вывоза* из России начиная с 1840 г. со снижением положительного сальдо внешней торговли (на 18,1 млн. руб. за 1840 г. и на 17,4 млн. руб. за 1841 г.) и рядом других фактов. Так, официальный отчет департамента мануфактур за 1840 г., отмечая сокращение «фабрик» в действии на 31 и мастеровых на 19 202, поясняет это сокращение тем, что «некоторые содержатели фабрик уменьшили *временно* число нанимаемых ими рабочих, а другие и *вовсе остановили* свое производство». А из отчета за следующий год узнаем, что «стеснение торговых оборотов» и «уменьшение сбыта фабричных изделий» *не прекратилось* и в 1841 г. и еще убыло 6155 рабочих [1]. Но если в этих отчетах в объяснение указанных кризисных явлений мы находим лишь довольно беспомощные ссылки на «дороговизну хлеба от бывших неурожаев и засух», то в других, более осведомленных источниках в качестве такой причины прямо указывается на влияние американского *кризиса*, отразившегося «неблагоприятным образом на нашей бумагопрядильной промышленности с 1837 по 1840 г.» [2]. Значит, и в эти годы мы можем отметить кризисные явления в российской промышленности, связанные с колебаниями промышленного цикла на Западе.

Выше было отмечено, что по числу рабочих с 1804 по 1845 г. обрабатывающая промышленность России выросла на 434%. Вполне достоверных данных о росте продукции соответствующих отраслей за весь этот период у нас нет. Однако имеется все же ряд оценок продукции за отдельные годы, представляющих для нас значительный интерес. Так, у Семенова продукция 1804 г. исчислена в сумме 31,7 млн. руб. ассигнациями, а продукция 1825 г.— в 174 млн. руб. [3] За 1845 г. имеется прямой подсчет продукции только по 39 производствам в 95,7 млн. руб. серебром. Но, по более полным данным 1850 г., можно установить, что на эти 39 производств падало не свыше $^2/_3$ всей продукции отраслей, подведомственных департаменту мануфактур (без Польши и Финляндии) [4]. Учтя это обстоятельство и переведя ассигнации 1804 и 1825 гг. на серебро, получим такую динамику продукции:

Год	Количество фабрик	Количество рабочих	Продукция млн. руб.	Продукция %
1804	2 423	95 202	25,1	100
1825	5 261	210 568	46,8	186
1845	8 302	507 577	(143,5)	572

В общем за 41 год число заведений возросло в 3,4 раза, число рабочих — в 5,3, а продукция — даже в 5,7 раза. Значит, и по числу рабочих, и по продукции в указанном периоде шла усиленная *концентрация производства* и средний размер предприятий укрупнялся. За вторую половину периода, начиная с 1825 г., наблюдается явное ускорение этих процессов. И если число заведений за эти 20 лет увеличилось всего на 57%, то число

---

[1] См. неопубликованные отчеты соответствующих лет в Ленинградском архиве народного хозяйства.

[2] «Вестник промышленности», 1859, т. II, № 5, стр. 98.

[3] А. Семенов. Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII столетия по 1858 г., ч. 3. СПб., 1859, стр. 482, 483.

[4] По полной архивной сводке департамента за 1850 г. учтено продукции 166 млн. руб. серебром, по неполной (39 производств) — 110,9 млн. руб. Ср. «Сборник сведений и материалов по ведомству министерства финансов», т. II, № 6, СПб., 1865, стр. 235, 236, где опубликованы неполные итоги 1845—1850 гг.

рабочих возросло уже на 142%, а продукция — на 206%. Впрочем, сами по себе, без учета динамики цен за соответствующий период эти показатели еще мало о чем говорят. Приведем поэтому справку о движении индексов оптовых и розничных цен за сто лет. В основу этих индексов положены «Санкт-Петербургский прейскурант, издаваемый от государственной Коммерц-коллегии» с 1803 по 1857 г., «Ведомости справочных цен в г. С.-Петербурге» с 1853 г., «Своды товарных цен» и другие источники. Весами оптовых индексов служили веса *товарной* продукции соответствующих отраслей и продуктов в 1912—1913 гг., весами розничных цен — веса потребления рабочих по бюджетам начала XX в. Ассигнационные цены 1803—1840 гг. пересчитаны на серебро (табл. 4).

Таблица 4

Индексы движения цен в Петербурге*

(1913 г. = 100)

Год	Оптовые индексы						Розничный индекс дороговизны жизни
	сельскохозяйственный			промышленный			
	животноводство (3 товара)	растениеводство (12 товаров)	общий (15 товаров)	кожевенно-обувной (2 товара)	хлопчатобумажных изделий (3 товара)	общий (26 товаров)	
1	2	3	4	5	6	7	8
1803	—	—	—	23,7	374,0	171,6	42,3
1813	33,7	43,0	40,0	26,1	368,5	161,8	—
1823	38,7	41,9	40,8	40,7	241,8	116,4	40,0
1833	34,6	41,7	39,4	31,3	227,4	107,1	39,2
1843	38,4	47,0	44,2	35,8	234,2	111,5	41,6
1853	42,4	55,7	54,4	42,9	143,2	84,6	46,6
1863	50,6	69,5	63,4	52,3	115,7	86,9	54,5
1873	73,8	79,4	77,6	85,8	102,0	85,3	67,5
1883	89,3	78,5	82,0	81,0	88,4	78,7	80,4
1893	83,9	79,6	81,0	78,6	93,1	80,9	74,7
1903	93,7	74,8	81,0	85,8	95,2	84,9	80,8

* В промышленный индекс включены цены по 11 отраслям; розничный до 1843 г. включает 18 товаров, с 1853 г. — 26 товаров, в том числе 18 пищевых, 7 непищевых — промышленных, дрова и, кроме того, квартирную плату.

Эти индексы, построенные в свое время В. Л. Далматовым, сами по себе представляют немалый интерес. Если индекс дороговизны жизни принять за показатель покупательной силы рубля, то обнаруженный в таблице рост сельскохозяйственных цен целиком объясняется соответствующим удешевлением серебряного рубля. Но зато реальное снижение *индустриальных* цен, если их выразить в *неизменном* рубле, окажется в 2,5 раза значительнее того, каким оно показано в таблице, а это, конечно, объясняется в основном ростом производительности труда в промышленности за счет механизации и других причин.

Впрочем, и промышленные цены на разные товары вели себя по-разному. Так, например, на продукты кожевенно-обувной отрасли — с огромным преобладанием крайне примитивно организованного ручного труда — цены вовсе не падали, а даже значительно выросли за 1803—1913 гг. А в крупной хлопчатобумажной индустрии, где уже за крепостной период наиболее энергично шло техническое перевооружение мануфактуры в фабрику, мы наблюдаем, наоборот, максимальное снижение цен. Можно сказать даже больше, в то время как за весь последующий капиталистический период в хлопчатобумажной промышленности мы видим лишь коле-

бания цен в ту и другую сторону не свыше 15%, в крепостной период мы наблюдаем до 1860 г. целую революцию в ценах — за 60 лет падение в три с лишним раза. Такие революции в ценах уже сами по себе знаменуют целый переворот в технике и организации производства и в уровне производительности соответствующих отраслей труда. Правда, отчасти удешевление русских ситцев за этот период объясняется огромным удешевлением ввозимой в Россию английской пряжи, которая еще в 1800 г. продавалась по 3 шилл., а в 1830 г.— уже по 1 шилл. за фунт. Но если учесть, что уже в эти годы английская пряжа начала весьма успешно вытесняться русской, то собственные успехи российской хлопчатобумажной промышленности будут очевидны.

Несмотря на громадное удешевление пряжи и ситцев, хлопчатобумажная продукция за год в России росла такими темпами [1]:

Год	Млн. руб. серебром	%
1822	8,4	100
1824	9,9	117
1831	28,0	332
1845	38,0	452
1850	44,9	534
1860	71,1	846

В то время как продукция всей промышленности с 1825 по 1845 г. только удвоилась, в обработке хлопка она за 1824—1845 гг. почти учетверилась. А если период с 1831 по 1860 г. разбить на две половины — до и после 1845 г., то получим такое ускорение темпов: за первые 14 лет продукция дает прирост на 36%, за следующие 16 лет — на 89%. С учетом же снижения цен этот скачок в *натуре* окажется еще грандиознее.

4. РАЗЛОЖЕНИЕ МАНУФАКТУРЫ

Все сказанное, казалось бы, убеждает, что российская промышленность еще в крепостной период, в особенности с 30-х годов, а еще заметнее с половины 40-х годов XIX в., вступила в ту полосу весьма радикальной своей перестройки и бурного роста, которые в Англии известны под названием промышленного переворота. Однако же, обращаясь к динамике числа «фабрик» и занятых в них рабочих после 1845 г., мы с первого взгляда наталкиваемся как будто на явное противоречие такому взгляду. Во всяком случае здесь нащупывается какое-то новое явление, какой-то поворотный момент. Туган-Барановский по этому поводу утверждает следующее: «До 40-х годов фабричное производство энергично развивалось и сами фабрики становились крупнее; с конца 40-х годов *рост фабричного производства* приостановился и фабрики стали раздробляться» [2]. И в самом деле, восполняя итоги за отсутствовавшие у Туган-Барановского годы и уточняя его цифры по архивным отчетам, получаем такую картину (табл. 5).

Итоги отчетов департамента мануфактур не вполне сравнимы между собой за разные годы. Так, например, с 1855 г. в них впервые включаются винокуренное, пиво-медоваренное и лесопильное производства, а с 1863 г. все подакцизные отрасли исключаются. Кроме того, до 1850 г. в них

---

[1] В. Пельчинский. О состоянии промышленных сил в России до 1822 г. СПб., 1833, стр. 64—65; «Коммерческая газета», 1827, № 27 (за 1824 г.); «Сборник сведений и материалов по ведомству министерства финансов», т. 2, № 6, СПб., 1865, стр. 235—236 (за 1845—1850 гг.) и архивные Отчеты департамента мануфактур.

[2] М. Туган-Барановский. Русская фабрика в прошлом и настоящем. М., 1938, стр. 65.

Таблица 5

Обрабатывающая промышленность России за 1845 — 1863 гг. (без Польши и Финляндии)

Год	Полные итоги		Сравнимые итоги		
	число «фабрик»	число рабочих	число «фабрик»	число рабочих всего	число рабочих на одно заведение
1	2	3	4	5	6
1845	8 302	507 577	8 172	483 000	59
1846	8 333	508 607	8 203	484 000	59
1847	9 029	532 056	8 914	510 200	57
1848	8 928	483 542	8 778	455 000	52
1849	9 172	495 364	9 020	467 000	52
1850	9 843	501 639	9 691	472 711	49
1851	10 126	465 016	10 126	465 016	46
1852	10 388	470 914	10 388	470 914	45
1853	10 087	481 018	10 087	481 018	48
1854	9 944	459 637	9 944	459 637	46
1855	10 943	483 234	10 218	459 869	45
1856	11 556	518 661	10 569	491 396	46
1857	11 809	591 382	10 770	511 111	47
1858	13 309	628 155	12 163	599 923	49
1859	14 214	610 653	12 940	581 965	45
1860	15 388	565 142	14 013	537 225	38
1861	15 860	549 687	14 024	519 892	37
1862	15 910	512 778	14 123	482 415	34
1863	13 101	363 607	13 630	422 932	31

входило много горных заводов Пермской губ., подведомственных горному надзору. С 1851 г. они исключаются. Поэтому наряду с официальными итогами отчетов мы приводим за весь период более сравнимые цифры, за исключением горных заводов (в 1850 г. 152 завода с 28 928 рабочими и продукцией в 4981 тыс. руб.), лесопильных, винокуренных и пивоваренных, но со включением сахарной и табачной отраслей за все годы, не исключая 1863 г. Кроме того, в отчете за 1858 т. пришлось исправить один крупный просчет. В показанный там итог — 573 295 рабочих — по сахаропаточным заводам включен всего 13 451 рабочий, а прямой подсчет по губерниям дал нам 68 311 человек. Итоги соседних лет по той же отрасли (за 1857 г.— 62 847 и за 1859 г.— 75 698 рабочих) вполне подтверждают просчет в итоге 1858 г. на 54 860 рабочих, который мы и исправляем в нашей таблице.

Что же дает эта таблица?

С первого же взгляда в ней поражают два обстоятельства: это, во-первых, почти полный застой в росте численности рабочих в период с 1845 по 1862 г. и, во-вторых, прямое падение среднего числа рабочих на одну «фабрику». Впрочем, и на этом в общем застойном фоне наблюдается несколько заметных колебаний числа рабочих. И если исключить сокращение их за 1854—1855 гг., связанное с Крымской войной, то два других после подъемов 1847 и 1857—1858 гг. несомненно связаны с мировыми кризисами перепроизводства соответствующих лет, как это уже показано было нами в другом месте[1]. Уже современники отмечали эту связь. Так,

[1] С. Струмилин. Промышленные кризисы в России (1847—1867 гг.).— «Проблемы экономики», 1939, № 5, стр. 125—144.

например, один из русских наблюдателей упадка торговли ситцами в России в 1857 и 1859 гг., Ф. Журов, писал в декабре 1859 г. из Тейкова: «Наконец и у нас является что-то вроде прошедшего европейско-американского кризиса, и наши вековые дома падают, бумагопрядильщики и льнопрядильщики останавливают свои заведения, механическо-ткацкие закрываются, и торговля идет к неожиданному застою» [1].

Еще категоричнее в этом отношении показание известного американского экономиста Кэри, который в письме из Филадельфии от 5 января 1860 г., обозревая течение кризиса 1857 г. в Европе, утверждал, что в отличие от Франции, Бельгии и Германии слабее других стран, задетых этим кризисом, «Россия и Швеция пострадали *значительно*: в них кризис оказался столь же *продолжителен*, как и у нас» [2], т. е. в США. И даже *продолжительнее*, добавим мы от себя о России, где кризис 1857 г. в своем продолжении совпал с первыми последствиями крепостной реформы 1861 г.

Что же, однако, можно сказать о более общем «застое» 1845—1863 гг.? Можно ли признать этот «застой» и измельчание «фабрики» за явные доказательства победы кустаря над фабрикой, как это думал, например, Туган-Барановский?

Мы думаем совершенно иначе. Процессы, протекавшие за эти годы в развитии крупной промышленности России, были значительно сложнее и интереснее, чем это казалось Туган-Барановскому. И никакого ущерба развитию *фабрики* вышеуказанная приостановка в росте общего числа рабочих на фабриках и мануфактурах причинить не могла. В действительности терпела ущерб и деградировала в эти годы только *мануфактура*, притом прежде всего и особенно энергично — помещичья, вотчинная мануфактура, и деградировала она под ударами конкуренции развивающейся в недрах крепостного строя капиталистической фабрики, т. е. крупной *машинизированной* индустрии. Конечно, этот процесс начался значительно раньше середины 40-х годов, но он протекал медленнее. Удельный вес машинного труда по отношению к ручному был еще невелик. Одна-две фабрики на сотню мануфактур не могли еще оказать того губительного конкурентного воздействия, какое способны оказать уже 10—20. И мануфактуры до поры до времени мирно уживались и даже порой умножались наряду с фабриками, но раньше или позже этому мирному сосуществованию должен был наступить конец.

В самом деле, механический ткацкий станок, по имеющимся расчетам в разное время, по мере своего усовершенствования давал столько же продукции, сколько дают от 4 до 40 ручных станков. Цилиндрическая печатная машина Томаса Белла выполняла работу 100 ручных набойщиков. Прядильный мюль Кромптона, увеличивая число веретен до 500 и более, мог заменить собой многие сотни ручных прях. Но допустим, что в первое время, в период освоения этих механизмов, ткацкая фабрика требовала только в *десять* раз меньше труда на единицу продукта по сравнению с мануфактурой. Допустим, далее, что норма эксплуатации труда на мануфактурах до появления фабрик составляла 100%. Тогда, исходя из теории стоимости, при неизменном уровне оплаты труда можно исчислить следующие данные роста продукции и распределения прибавочной стоимости между ткацкими фабриками и мануфактурами с возрастанием доли механизированного, фабричного труда по отношению к общей численности рабочих крупного производства (табл. 26).

Приведенный примерный расчет довольно поучителен, хотя в нем немало условного. Конечно, мануфактуристы не могут долго работать

[1] Ф. Журов. О торговле ситцами, миткалем и бумажной пряжей в 1859 году.— «Вестник промышленности», 1860, т. VIII, № 4, стр. 13.

[2] Генрик Кэри. О финансовых кризисах, их причинах и последствиях.— «Вестник промышленности», 1860, т. VIII, № 4, стр. 34.

Таблица 6

Производство и распределение продукции мануфактур и фабрик в период промышленного переворота на 100 единиц машинного и ручного труда*

% труда		Количество продукта в натуре			Трудовая стоимость всего продукта	Средняя цена единицы продукта (гр. 6 : : гр. 5)	Доля в стоимости			
							рабочих	хозяев		
фабрик	мануфактур	фабрик	мануфактур	итого				фабрик	мануфактур	итого
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
0	100	—	100	100	100	100,0	50	—	50,0	50
1	99	10	99	109	100	91,7	50	8,7	41,3	50
2	98	20	98	118	100	84,7	50	16,0	34,0	50
3	97	30	97	127	100	78,7	50	22,1	27,9	50
4	96	40	96	136	100	73,5	50	27,4	22,6	50
5	95	50	95	145	100	69,0	50	32,0	18,0	50
6	94	60	94	154	100	64,9	50	36,0	14,0	50
7	93	70	93	163	100	61,4	50	39,5	10,5	50
8	92	80	92	172	100	58,3	50	42,6	7,4	50
9	91	90	91	181	100	55,2	50	45,2	4,8	50
10	90	100	90	190	100	52,6	50	47,6	2,4	50
11	89	110	89	199	100	50,2	50	49,8	0,2	50
12	88	120	88	208	100	48,1	50	51,7	—1,7	50

* Показатели этой таблицы получены следующим образом. Продукция одного рабочего за день на мануфактуре принята за единицу, а на фабрике — за 10 единиц. И потому цифры граф 2 и 4 совпадают, а цифры графы 3 в 10 раз больше, чем графы 1. Трудовая стоимость этой продукции (в графе 6) при одних и тех же затратах труда (графа 1 + графа 2 = 100% рабочих) *не меняется* с возрастанием фабрик, но цена единицы продукта, принятая для начального момента за 100 (в графе 7), *падает* обратно пропорционально производительности труда, так что цифры графы 7 равняются итогам графы 6, деленным на графу 5. Прибавочная стоимость фабрикантов и мануфактуристов (графы 9 и 10) при сделанных допущениях получится из следующего расчета. Пусть рабочий в исходный момент создает за день стоимости на 1 руб. и получает из нее в оплату труда 50 коп. Хозяину останется при этом от 100 рабочих по 50 коп., или 50 руб. В следующий момент при 99 рабочих мануфактурист выручит ввиду снижения цен за их продукцию 99 × 0,917 = 90,8 руб., что за вычетом оплаты их труда 99 × 50 = = 49 р. 50 к. даст ему уже только 41,3 руб. прибыли. А фабрикант за 10 единиц продукции по той же цене выручит 9 р. 17 к. и за вычетом 50 коп. зарплаты получит 8 р. 67 к. чистой прибыли, что соответствует норме прибавочной стоимости в 867 × 100 : 50 = 1724%.

себе в убыток или даже с ничтожной прибылью, не сделав всего возможного, чтобы покрыть свои потери и убытки за счет максимального снижения зарплаты рабочих, усиленной эксплуатации наиболее дешевого домашнего труда и тому подобных мероприятий. Но и этот источник имеет свои весьма жесткие границы. Табл. 6 показывает, что при заданном соотношении производительности машинного труда решительная победа фабрики над мануфактурой наступает гораздо раньше полного ее вытеснения. Даже когда мануфактура охватывает еще 90% всех занятых в крупном производстве рабочих, песенка ее уже спета, ибо она попадает в совершенно безысходный для себя кризис на грани полной бесприбыльности и застойного прозябания.

Победу фабричного строя над мануфактурным надо, в сущности, датировать не с того момента, когда он станет преобладающим в стране по числу предприятий или рабочих, и даже не с того момента, когда он даст свыше 50% продукции в той или другой ведущей отрасли труда. Капитал ведь «работает» не ради увеличения продукции, а ради извлечения возможно большей массы прибылей. С этой точки зрения фабричный строй в лице представляющей его прослойки предпринимателей-фабрикантов становится первенствующим по значению и господствующим уже с того

момента, когда этой прослойке удается захватить в свою пользу преобладающую долю *прибавочной стоимости*, создаваемой в промышленности. А для этого, как видно из нашей таблицы, достаточно охвата при заданных предпосылках не свыше 30% продукции и всего до 4—5% по числу предприятий и рабочих.

Очень любопытен при этом следующий вывод из той же таблицы. Чем меньше доля машинизированного труда в общей его массе, тем более высокая премия за предприимчивость достается первым фабрикантам, пионерам машинизации, в форме непомерно вздутой против среднего уровня нормы прибавочной стоимости. В нашем примере средняя норма прибавочной стоимости на всех ступенях машинизации для всего крупного производства в целом принята условно неизменной. Но в отдельности для мануфактуры и фабрики она весьма различна с общей тенденцией резкого падения как для той, так и для другой. В частности, на фабрике при 5% фабричного труда в общей его массе она достигает огромной цифры в 32 : 2,5, или 1280%, при 10% такого труда она все еще держится — несмотря на удешевление цен продукции *вдвое* — на уровне в 950% и лишь при полном, 100%-ном охвате фабричным строем всего производства и *десятикратном* снижении цен она спускается до средней нормы в 100%. В то же время на мануфактуре уже при 5% машинизации труда норма прибавочной стоимости со 100 падает до 37,8%, при 10%-ной доле машинного труда в общей его массе она снижается уже до 5%, а затем и вовсе исчезает всякая прибавочная стоимость и прибыль.

Конечно, предпринимателей в большей степени интересует норма прибыли, чем норма прибавочной стоимости. Не следует забывать, что *фабричное* оборудование из расчета на единицу труда обходилось в десятки, а иной раз и в сотни раз дороже *ручного* на мануфактуре. И, стало быть, в нормах прибыли, т. е. по отношению к вложенному капиталу, преимущества фабрики над мануфактурой были значительно меньше, чем в нормах прибавочной стоимости, по отношению к зарплате. Но все же, когда прибыль мануфактуриста вовсе исчезала или даже превращалась в хронический убыток, ему не оставалось ничего иного, как либо переоборудовать свою мануфактуру в фабрику, либо, если для этого не хватало капитала, попросту ее ликвидировать.

Однако капитала, которого хватало на оборудование даже большой мануфактуры в *две-три тысячи* рабочих, едва ли могло хватить на перевооружение ее по фабричной мерке даже для *сотни-другой* рабочих. Отсюда неизбежное следствие. В период усиленного разложения мануфактуры путем ликвидации более слабых или путем хотя бы частичного оборудования машинами более сильных мануфактур неизбежны, во-первых, массовые расчеты рабочих, занятых на мануфактурах, а во-вторых, в качестве дальнейшего следствия неизбежно превращение ряда многолюдных мануфактур в гораздо менее многолюдные на первых порах фабрики и, стало быть, известное снижение среднего размера предприятий по числу рабочих. Машины для того ведь и вводятся, чтобы замещать ими известное число рабочих. Однако с ликвидацией одних и переоборудованием других мануфактур в менее крупные по числу рабочих фабрики возникали и новые крупные фабрики за счет притока капиталов из других сфер хозяйства и даже из-за границы. В силу этого действие указанных тенденций несколько ослабевало и вместо общего *сокращения* вытесняемых машиной рабочих получилась лишь временная приостановка в их росте, вместо более резкого измельчания средних размеров предприятия по числу рабочих получилось менее резкое, но все же измельчание их.

Такие явления представляются совершенно парадоксальными в свете всего дальнейшего развития крупной промышленности с ее бурным ростом и по общему числу рабочих и по концентрации их на крупнейших фабриках за счет гибели более мелких. Но даже относительно мелкая

фабрика была несравненно жизнеспособнее более крупной мануфактуры. и в период наиболее острой борьбы этих конкурирующих между собой форм эти парадоксальные явления стали вполне закономерным фактом, отмеченным всеми отчетами департамента мануфактур за 1845—1863 гг.

И еще один кажущийся парадокс. В эпоху наиболее острого кризиса мануфактурного строя, когда мануфактура уже не могла успешно конкурировать с фабрикой, на смену ей в роли таких конкурентов на рынке выступают довольно широкие массы кустарей, светелочников и тому подобных представителей мелкой домашней промышленности. Особенно парадоксально изображает это столкновение кустаря с фабрикой Туган-Барановский, который, не различая фабрики от мануфактуры, совершенно не понял природы данного явления и твердил «о распадении в первой половине XIX в. крупных фабрик (?) под влиянием конкуренции с ними кустарей» (!), о том, что в России «не домашняя промышленность порождала фабрику, а, наоборот, фабрика (?) порождала домашнюю промышленность» и что вообще у нас в эту эпоху «мелкое производство стало вытеснять крупное» [1].

Все это было не так, конечно. Распадалась в указанный период совсем не фабрика, а мануфактура, и не под влиянием конкуренции кустарей, а под ударами более прогрессивной крупной машинной индустрии. А кустарную промышленность этой эпохи следует рассматривать не в качестве какого-то неожиданного порождения фабрики, а просто как весьма естественный *продукт распада* деградирующей *мануфактуры*. Хозяин мануфактуры, если она уже не приносила ему достаточного дохода, мог ликвидировать ее, избрав для себя другое, более прибыльное помещение капитала. Но изгнанные с мануфактур рабочие, вовсе не претендуя на извлечение прибылей, хотели все же жить и потому волей-неволей становились, используя свои профессиональные навыки, «самостоятельными» производителями-кустарями, работая большей частью за полцены на того же предпринимателя-мануфактуриста и выпадая, таким образом, из учета «фабрик». Некоторая связь с сельским хозяйством и тяжелая необходимость заставляли их идти на урезку даже той доли своего продукта, которая им следовала бы в качестве нормальной оплаты их труда. Но такое нищенское их существование в течение известного периода, до голодной смерти или перемены профессии, означало, конечно, не победу мелкого кустарного производства над фабрикой, а только несколько затянувшуюся последнюю стадию разложения уже распавшейся централизованной мануфактуры. Это была уже только агония — правда, очень длительная — побежденного машиной ручного труда.

В том что это было именно так, а не иначе, легче всего убедиться, обратившись к прямым данным о динамике продукции за рассматриваемый период. Если длительный застой, а порой даже значительное сокращение числа рабочих до начала 60-х годов можно еще истолковывать по-разному, то динамика продукции за данный период не поддается уже никаким кривотолкам. Дело в том, что *продукция* крупной промышленности за этот период, несмотря *на приостановку* роста рабочей силы и даже в годы *снижения* численности рабочих, почти непрерывно *росла*, и притом весьма высокими темпами (табл. 7).

Всматриваясь в эту таблицу, мы можем отметить только одно заметное снижение продукции во время Крымской войны (1854 г.), а в общем за весь период в 15 лет, до реформы 19 февраля, мы наблюдаем почти удвоение валовой продукции при огромном возрастании производительности труда. Да и после реформы, несмотря на резкое сокращение числа работавших с помощью принудительного труда вотчинных мануфактур, этот

---

[1] М. Туган-Барановский. Очерки развития мануфактурной промышленности России. М., 1912, стр. 11; он же. Русская фабрика..., стр. 178, 207.

Таблица 7

Продукция обрабатывающей промышленности России за 1845 — 1863 гг.

Год	По отчетам		По сравнимому кругу отраслей		
	число рабочих, тыс.	продукция, млн. руб. серебром	число рабочих, тыс.	продукция	
				всего, млн. руб. серебром	на одного рабочего, руб. серебром
1	2	3	4	5	6
1845	507,6	(143,5)	483,0	(139,0)	287
1850	501,6	166,0	472,7	161,0	341
1851	465,0	159,4	465,0	159,4	343
1852	470,9	162,2	470,9	162,2	344
1853	481,0	169,2	481,0	169,2	352
1854	459,6	151,9	459,6	151,9	330
1855	483,2	175,5	459,9	165,5	360
1856	518,7	205,2	491,4	191,1	389
1857	591,4	220,5	511,1	203,3	397
1858	628,2	241,5	599,9	222,6	371
1859	610,7	273,5	582,0	252,7	434
1860	565,1	292,5	537,2	268,8	500
1861	549,7	313,3	519,9	284,6	547
1862	512,8	305,1	482,4	272,1	565
1863	363,6	242,0	422,9	281,1	663

рост продолжался с неменьшим успехом. Характерно при этом резкое ускорение в росте производительности труда. В то время как с 1825 по 1845 г., т. е. за 20 лет выработка на одного рабочего возросла всего на 28%, за следующие 18 лет, т. е. с 1845 по 1863 г., она выросла уже на 131%. Этот рост производительности труда будет еще разительнее, если учесть и снижение цен, имевшее место за сравниваемые периоды, по индексу оптовых цен для всей промышленности. По приблизительному расчету это даст в неизменных ценах следующую картину (табл. 8).

Таблица 8

Годовая выработка рабочего

Год	Руб. серебром	Руб. 1913 г.	%	Индекс цен (1913 г. = 100)
1	2	3	4	5
1804	264	156	100	169,6
1825	223	195	125	114,6
1845	287	269	172	106,5
1863	663	764	490	86,9

В среднем за десятилетие до 1825 г. прирост выработки был не выше 11—12%, с 1825 по 1845 г.— до 17% за десятилетие, после 1845 г.— до 78% за десятилетие. Подобных скачков в приросте и вообще столь высоких темпов производительности труда не знала российская промышленность ни раньше, ни после 1845—1860 гг., не достигая и половины этих темпов даже в годы наивысшего расцвета капитализма. В среднем за 1863—1913 гг. прирост производительности труда в России не превышал и 21% за целое десятилетие, или около 2% за год. Лишь в наши дни советская промышленность впервые по темпам роста производительности труда перекрыла все, что было известно до сих пор в мировой практике.

Темпы роста производительности труда в 40-х годах прошлого века были значительно меньше, чем при социализме. Но все же и они представляли огромный скачок вперед, точнее, целую промышленную революцию, подъем от мануфактуры к фабрике. Почти непостижимо, как мог ее просмотреть Туган-Барановский. Проглядеть целую революцию — это не шутка. Но все же это случилось. Игнорируя имевшиеся в литературе данные о небывалом росте индустриального производства в России со второй половины 40-х годов, он доказывал, базируясь только на динамике числа рабочих, что именно с конца 40-х годов этот рост «фабричного производства» *приостановился. Остановка* в росте численности рабочих при бурном росте объема производства и падении цен означала собой такой рост производительности труда, который совершенно немыслим без весьма радикальной перестройки всей *технической базы* тогдашней мануфактуры. Старая мануфактура при *ручном* труде и *неизменном* числе рабочих не могла бы повысить свою продукцию по физическому объему в 2,8 раза всего за 18 лет. Повышение производительности труда за эти годы на 185% свидетельствует об очень энергичных темпах перестройки мануфактуры в фабрику. Фабрика праздновала в эти годы свои первые решительные победы, а Туган-Барановский, проглядев все это, твердил о ее разложении.

Период 1845—1860 гг. был ознаменован, конечно, не только подъемом фабрики, но и упадком мануфактуры. Впрочем, это лишь две разные стороны одного и того же кризисного процесса. Особой чертой этого кризисного процесса в России по сравнению с Англией и Францией было, однако, то, что он протекал у нас в условиях крепостного хозяйства. Даже в промышленности наряду с капиталистически организованными крупными предприятиями с наемным трудом у нас вплоть до 1861 г. сохранялось немало и таких вотчинных и посессионных мануфактур, которые в основном базировались на принудительном труде. Производительность такого труда, как это установлено нами по отчету департамента мануфактур за 1813—1814 гг., была раза в 2 ниже по сравнению с лучше оплачиваемым вольнонаемным, даже при равной технике. И потому в условиях конкуренции с гораздо более вооруженным технически фабричным трудом такие большей частью *помещичьи* мануфактуры разорялись значительно раньше *купеческих*. Острее других они испытывали поэтому и всякое конъюнктурное снижение рыночного спроса и цен. Особенно плохо приходилось им в такие годы, когда воздействие английских кризисов, а затем и мировых вынуждало российскую промышленность от времени до времени сокращать свою продукцию и действующий состав рабочих, как это было, например, в результате циклических потрясений 1825, 1839, 1847 и 1857 гг. Вольнонаемных рабочих легко было рассчитать, а посессионных и крепостных приходилось оплачивать и содержать независимо от того, имелась ли для них работа или нет. Вотчинную мануфактуру в случае нужды можно было при этом и закрыть, переведя своих крепостных на оброк или иную работу, а убыточное посессионное предприятие и закрыть было невозможно без специального разрешения правительства, без огромной потери времени и дорогостоящей бюрократической волокиты.

Вот почему особо стеснительной для самих владельцев предприятий оказалась именно посессионная форма принудительного труда. И уже в 1839 г., в разгар промышленного кризиса на Западе, вскоре сказавшегося и в России заметным сокращением числа рабочих, граф Канкрин, по ходатайствам самих посессионных «фабрикантов» еще с 1836 г., вошел в Государственный совет с представлением об отмене основных положений посессионной системы [1]. В первом же пункте этого представления предлагалось отменить «обязанность (посессионных владельцев) *не уменьшать действий* фабрик и не изменять рода изделий», а затем облегчить им возмож-

---

[1] См. Архивные Отчеты департамента мануфактур за 1836 и 1858 гг.

ность и полной ликвидации убыточных заведений с увольнением занятых в них рабочих. Государственный совет «по вопросу о том, как поступать с посессионными заведениями, при коих состоят посессионные люди, когда *люди становятся бременем для фабриканта*», признал, что ныне, когда «число вольных рабочих и мастеров быстро увеличивается, *удобнее* и едва ли не *выгоднее* для фабрикантов иметь сих людей *по найму*, нежели держать собственных и приписных и на *стеснительных* условиях посессионного права», и, ссылаясь на «*постоянные* жалобы посессионных владельцев», высказался за «постепенное», но решительное уничтожение в государстве посессионных заведений с обращением посессионных людей в *свободные состояния*.

Это мнение Государственного совета удостоилось «высочайшего утверждения» 18 июня 1840 г., но по разным соображениям вовсе не было опубликовано. Тем не менее на основе этого решения, по свидетельству Семевского, за 1840—1850 гг. было упразднено свыше 100 посессионных заведений с освобождением 19 309 душ посессионных крестьян. В 1825 г. в заведениях, подведомственных департаменту мануфактур, числилось 29 328 посессионных *рабочих*. К 1851 г. при «фабриках» оставалось только 27 009 *душ* мужского пола посессионных крестьян, стало быть, за вычетом детей и стариков-рабочих не свыше 12—13 тыс., а к моменту крепостной реформы, очевидно, еще меньше [1].

Наряду с посессионными все чаще ликвидировались к этому моменту и вотчинные дворянские мануфактуры, эксплуатирующие крепостной труд. В то время как сильнейшие купеческие мануфактуры закупали машины и перестраивались в фабрики, более слабые дворянские при первом же серьезном снижении цен не выдерживали конкуренции с фабрикой и прекращали работу. Так, например, в связи с кризисным потрясением русской промышленности конца 50-х годов, по отчетам департамента мануфактур начиная с 1859 г., имело место значительное сокращение числа рабочих: за 1859 г.— на 17,5 тыс. и за 1860 г. на 45,5 тыс. человек. «Такое уменьшение числа рабочих людей на фабриках,— читаем мы в отчете департамента за подписью вице-директора Кригера,— происходит частью от *уменьшения производства на помещичьих фабриках, частью же от введения машин»*. Наблюдение верное, не подмечена в нем лишь внутренняя теснейшая связь двух отмеченных явлений.

Уменьшение производства на *помещичьих* «фабриках» еще до реформы 19 февраля происходило именно «от введения машин» на других фабриках. Обе «части» составляли единый процесс. Машина вытесняла рабочих не только на тех предприятиях, на которых она непосредственно вводилась, но и на тех, где ее по тем или иным причинам не могли ввести. Крепостной труд в промышленности находился не в меньшем противоречии с машиной, чем свободный с крепостными устоями на всех других участках народного хозяйства. В борьбе между фабрикой и мануфактурой принудительные формы труда не усиливали, а даже ослабляли позиции последней. Хуже обстояло дело с развитием достаточного внутреннего рынка для растущей фабричной продукции, хотя и это препятствие довольно быстро изживалось с разложением натурального крепостного хозяйства. Но если отживающий крепостной строй не мог уже надолго замедлить неизбежную победу машинной индустрии в России, то последняя во всяком случае заметно ускорила и без того неотвратимое его разложение и окончательную гибель. И, таким образом, это победное *начало* машинной индустрии в России далеко не случайно совпало у нас с бесславным *концом* всего крепостного уклада.

---

[1] В. И. Семевский. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II, т. I. СПб., 1903, стр. 745; ср. П. Кеппен. Девятая ревизия. СПб., 1857, стр. 293; «Исторический архив», т. I. М.— Л., 1936, стр. 258.

IX. ПРОМЫШЛЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ В РОССИИ

1. ПЕРВЫЕ ШАГИ МАШИННОГО ПРОИЗВОДСТВА [1]
(до 30-х годов XIX в.)

Появление и эпизодическое применение машин в мануфактурном производстве России не было редкостью и до XIX в. В необходимых для этого людях — искусных мастерах и механиках-изобретателях — не было недостатка и в крепостную эпоху. Напомним хотя бы о таких мастерах, как поморский кузнец Федор Юдин или устюжский кузнец Шумило Вырачев, которые еще в XVII в. прославились устройством столь сложных механизмов, как боевые башенные часы в разных городах России. На Тульских металлургических заводах не позже 1647 г. уже сверлили «водою» пушечные стволы [2]. Нам неизвестны имена изобретателей таких механических сверлильных станов, которые, требуя всего трех работников, заменяли собою свыше 40 людей у ручных «вертилен» при той же выработке. Но если верить известному специалисту голландцу Геннину, который много лет спустя, описав в 1714 г. такую же водяную вертильню, устроенную им на Олонецких заводах, заверял, что «такой машины *нигде нет* и, чаю, не слышно», то придется признать, что изобретатели сверлильного стана 1647 г. намного опередили зарубежных механиков.

И в XVIII в. техническая творческая мысль в России работала не менее активно, чем в других странах, опередивших нас в ликвидации феодально-крепостнической системы хозяйства. Приведем для подтверждения этого несколько общеизвестных фактов. Если в Англии первая паровая машина Уатта двойного действия, обеспечившая целый промышленный переворот в этой стране, была построена только в 1785 г. то в России аналогичная двухцилиндровая паровая машина была создана уральским механиком Ползуновым уже в 1765 г., т. е. на 20 лет раньше. Если в Англии изобретение Генри Моудсли суппорта к токарному станку, увенчавшее промышленную революцию XVIII в., обеспечив возможность и машины строить посредством машин, датируется 1797 г., то у нас замечательный механик Андрей Нартов создавал самые совершенные копировальные токарные станки с механическим суппортом, заменяющим руку человека, еще в Петровскую эпоху [3]. В легкой промышленности можно отметить с 60-х годов XVIII в. чесальную и прядильную машины в заведении Родиона Глинкова, на много десятилетий опередившие механическое льнопрядение в Англии. В тяжелой промышленности следует отметить раннее появление у нас прокатных валков и станов.

---

[1] С. Г. Струмилин. История черной металлургии в СССР, т. I. М., 1954, стр. 398.

[2] На Каменском заводе в 1703 г. тоже была «водяная вертильня» для сверления пушек и 4 ручных.

[3] Токарные станки с водяным приводом, как и сверлильные, применялись нередко и в заводской практике. Например, на «токаренной фабрике» Невьянского завода, по описи 1767 г., значилось пять таких «точильных станов водяных» на сумму в 320 руб. (Свердловский областной музей краеведения, п. 27, № 150, стр. 36).

Известно, что в Англии первые прокатные вальцы Дж. Пейна для отжатого железа появились лишь в 1728 г., а более совершенные прокатные станы запатентованы Генри Кортом и пущены в обращение не раньше 1783 г. В России же простейшие плющильные машины для проката шинного железа были в ходу на Урале уже в 1723 г.[1] Но и более сложные вальцы с калиброванными ручьями для сортового проката применялись на Урале еще до 1765 г., а листопрокатные станы — с 1782 г. В частности, у нас еще до 1765 г. «с великою пользою под плющильной машиной делали разные карнизы, вырезывая для сего фигуру их в нижнем валу и стачивая столько же верхнего, так, чтоб выходил на нем против той вырезки поясок с такою же фигурою. Железо, пропускаемое между сим пояском и вырезкою, получало подобную им форму»[2].

Не позже 60-х годов XVIII в., т. е. раньше, чем на Западе, появились у нас и первые углевыжигательные печи (у Демидовых), в которые садилось по 45 куренных саженей дров зараз, с выходом до 220—230 коробов, или 4500 пудов, угля и «смолы, чистой на подобие олифа, ведер по 20»[3]. Мы уже не говорим о том, что русские древесноугольные домны до конца XVIII в. считались даже иноземными авторитетами вроде Л. Бека крупнейшими и лучшими в Европе. Именами таких одаренных механиков-самородков XVIII в., как И. П. Кулибин, Т. И. Волосков, Лев Собакин и многих других, Россия может гордиться. Они строили точнейшие геодезические приборы и астрономические часы, но способны были при нужде построить и паровую машину, как это доказал Собакин уже в 1803 г. И не их вина, что на такие машины не было спроса в крепостной России до промышленного переворота в Англии.

До этого крутого переворота мануфактурную промышленность России не было оснований считать отсталой. Правда, крепостной строй с его натуральным хозяйством и засилием принудительного труда сильно тормозил нормальный рост мануфактуры, но все же она росла, во многом даже обгоняя страны Запада и в свою очередь воздействуя на крепостной строй. И если крепостной строй, вступая в коренное противоречие с растущими силами капитализма, крепко противодействовал их развитию, то и сам испытывал с их стороны не меньшее воздействие и, слабея, сам постепенно сдавал им свои позиции. Решающие победы капитализма на Западе еще больше обострили внутренние противоречия уже теряющего под собой почву феодализма и ускорили темпы его разложения в России.

Раньше других отраслей труда почувствовала свою отсталость после промышленного переворота в Англии русская металлургия, работавшая на английский рынок. Первая после Ползунова паровая машина, созданная в России, была построена в 1790 г. на Александровском металлургическом заводе в Петрозаводске для откачки воды на Воицком руднике. Для водоотлива на Гумешевском медном руднике была построена и *первая на Урале* паровая машина в 1799 г. Для освоения новой английской техники был приглашен один из крупных инженеров по горнозаводской технике шотландец Гаскойн. Правда, паровые машины, построенные вывезенными им из Англии мастерами, оказались «худой конструкции» и быстро выходили из строя[4]. Вывоз машин из Англии был запрещен под угрозой смертной казни еще в 1786 г. И потому вместо машин приходилось вывозить

---

[1] Ив. Герман. Историческое начертание горного производства в Российской империи, ч. I. Екатеринбург, 1810, стр. 49—70.

[2] «Горный журнал», 1830, ч. II, кн. 4, стр. 82.

[3] «Книга мемориальная» Гр. Махотина 1770 г. в Свердловском музее, п. 27, № 150, стр. 122—123.

[4] Так получилось с машиной, построенной в 1802 г. для стекольного завода. В марте 1805 г. Гаскойн сдал в эксплуатацию другую паровую машину Александровскому заводу, а в августе она уже стояла — сломалась ось. В 1808 г. на Богословский завод была доставлена еще одна паровая машина Гаскойна ценою в 9943 руб., но

IX. ПРОМЫШЛЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ В РОССИИ

1. ПЕРВЫЕ ШАГИ МАШИННОГО ПРОИЗВОДСТВА [1] (до 30-х годов XIX в.)

Появление и эпизодическое применение машин в мануфактурном производстве России не было редкостью и до XIX в. В необходимых для этого людях — искусных мастерах и механиках-изобретателях — не было недостатка и в крепостную эпоху. Напомним хотя бы о таких мастерах, как поморский кузнец Федор Юдин или устюжский кузнец Шумило Вырачев, которые еще в XVII в. прославились устройством столь сложных механизмов, как боевые башенные часы в разных городах России. На Тульских металлургических заводах не позже 1647 г. уже сверлили «водою» пушечные стволы [2]. Нам неизвестны имена изобретателей таких механических сверлильных станов, которые, требуя всего трех работников, заменяли собою свыше 40 людей у ручных «вертилен» при той же выработке. Но если верить известному специалисту голландцу Геннину, который много лет спустя, описав в 1714 г. такую же водяную вертильню, устроенную им на Олонецких заводах, заверял, что «такой машины *нигде нет* и, чаю, не слышно», то придется признать, что изобретатели сверлильного стана 1647 г. намного опередили зарубежных механиков.

И в XVIII в. техническая творческая мысль в России работала не менее активно, чем в других странах, опередивших нас в ликвидации феодально-крепостнической системы хозяйства. Приведем для подтверждения этого несколько общеизвестных фактов. Если в Англии первая паровая машина Уатта двойного действия, обеспечившая целый промышленный переворот в этой стране, была построена только в 1785 г. то в России аналогичная двухцилиндровая паровая машина была создана уральским механиком Ползуновым уже в 1765 г., т. е. на 20 лет раньше. Если в Англии изобретение Генри Моудсли суппорта к токарному станку, увенчавшее промышленную революцию XVIII в., обеспечив возможность и машины строить посредством машин, датируется 1797 г., то у нас замечательный механик Андрей Нартов создавал самые совершенные копировальные токарные станки с механическим суппортом, заменяющим руку человека, еще в Петровскую эпоху [3]. В легкой промышленности можно отметить с 60-х годов XVIII в. чесальную и прядильную машины в заведении Родиона Глинкова, на много десятилетий опередившие механическое льнопрядение в Англии. В тяжелой промышленности следует отметить раннее появление у нас прокатных валков и станов.

---

[1] С. Г. Струмилин. История черной металлургии в СССР, т. I. М., 1954, стр. 398.

[2] На Каменском заводе в 1703 г. тоже была «водяная вертильня» для сверления пушек и 4 ручных.

[3] Токарные станки с водяным приводом, как и сверлильные, применялись нередко и в заводской практике. Например, на «токаренной фабрике» Невьянского завода, по описи 1767 г., значилось пять таких «точильных станов водяных» на сумму в 320 руб. (Свердловский областной музей краеведения, п. 27, № 150, стр. 36).

Известно, что в Англии первые прокатные вальцы Дж. Пейна для отжатого железа появились лишь в 1728 г., а более совершенные прокатные станы запатентованы Генри Кортом и пущены в обращение не раньше 1783 г. В России же простейшие плющильные машины для проката шинного железа были в ходу на Урале уже в 1723 г. [1] Но и более сложные вальцы с калиброванными ручьями для сортового проката применялись на Урале еще до 1765 г., а листопрокатные станы — с 1782 г. В частности, у нас еще до 1765 г. «с великою пользою под плющильной машиной делали разные карнизы, вырезывая для сего фигуру их в нижнем валу и стачивая столько же верхнего, так, чтоб выходил на нем против той вырезки поясок с такою же фигурою. Железо, пропускаемое между сим пояском и вырезкою, получало подобную им форму» [2].

Не позже 60-х годов XVIII в., т. е. раньше, чем на Западе, появились у нас и первые углевыжигательные печи (у Демидовых), в которые садилось по 45 куренных саженей дров зараз, с выходом до 220—230 коробов, или 4500 пудов, угля и «смолы, чистой на подобие олифа, ведер по 20» [3]. Мы уже не говорим о том, что русские древесноугольные домны до конца XVIII в. считались даже иноземными авторитетами вроде Л. Бека крупнейшими и лучшими в Европе. Именами таких одаренных механиков-самородков XVIII в., как И. П. Кулибин, Т. И. Волосков, Лев Собакин и многих других, Россия может гордиться. Они строили точнейшие геодезические приборы и астрономические часы, но способны были при нужде построить и паровую машину, как это доказал Собакин уже в 1803 г. И не их вина, что на такие машины не было спроса в крепостной России до промышленного переворота в Англии.

До этого крутого переворота мануфактурную промышленность России не было оснований считать отсталой. Правда, крепостной строй с его натуральным хозяйством и засилием принудительного труда сильно тормозил нормальный рост мануфактуры, но все же она росла, во многом даже обгоняя страны Запада и в свою очередь воздействуя на крепостной строй. И если крепостной строй, вступая в коренное противоречие с растущими силами капитализма, крепко противодействовал их развитию, то и сам испытывал с их стороны не меньшее воздействие и, слабея, сам постепенно сдавал им свои позиции. Решающие победы капитализма на Западе еще больше обострили внутренние противоречия уже теряющего под собой почву феодализма и ускорили темпы его разложения в России.

Раньше других отраслей труда почувствовала свою отсталость после промышленного переворота в Англии русская металлургия, работавшая на английский рынок. Первая после Ползунова паровая машина, созданная в России, была построена в 1790 г. на Александровском металлургическом заводе в Петрозаводске для откачки воды на Воицком руднике. Для водоотлива на Гумешевском медном руднике была построена и *первая на Урале* паровая машина в 1799 г. Для освоения новой английской техники был приглашен один из крупных инженеров по горнозаводской технике шотландец Гаскойн. Правда, паровые машины, построенные вывезенными им из Англии мастерами, оказались «худой конструкции» и быстро выходили из строя [4]. Вывоз машин из Англии был запрещен под угрозой смертной казни еще в 1786 г. И потому вместо машин приходилось вывозить

[1] Ив. Герман. Историческое начертание горного производства в Российской империи, ч. I. Екатеринбург, 1810, стр. 49—70.

[2] «Горный журнал», 1830, ч. II, кн. 4, стр. 82.

[3] «Книга мемориальная» Гр. Махотина 1770 г. в Свердловском музее, п. 27, № 150, стр. 122—123.

[4] Так получилось с машиной, построенной в 1802 г. для стекольного завода. В марте 1805 г. Гаскойн сдал в эксплуатацию другую паровую машину Александровскому заводу, а в августе она уже стояла — сломалась ось. В 1808 г. на Богословский завод была доставлена еще одна паровая машина Гаскойна ценою в 9943 руб., но

оттуда мастеров, и притом, по-видимому, далеко не лучших. Ряд таких мастеров во главе с инженером Гаскойном прибыл из Англии еще в том же, 1786 году. Этот живой импортный товар обходился недешево. Один лишь Гаскойн получал по 2500 ф. в год. Первые машины обходились еще дороже — по 1000 руб. за *л. с.*, пожирали несметное количество дров и быстро ломались[1]. Но спрос на них в стране возрастал с каждым годом. И ничто уже не могло остановить их внедрение в производство.

В начале XIX в. даже царские чиновники уразумели, что на одной лишь «строгости» в отношении подневольных рабочих русских мануфактур без вооружения их новой техникой далеко не уедешь. «Возможная строгость,— убеждал Александра I его министр финансов граф Васильев в 1804 г.,— вызывает лишь одно беспрерывное противоборствование рабочих людей». «Притом,— добавлял он,— строгость принуждения делает работника унылым; унылость духа затмевает его способности, которые развязываются в одном непринужденном состоянии»[2]. Внеэкономическое принуждение в крупном производстве теряло уже всю свою привлекательность даже в глазах царских бюрократов. И они рекомендовали учреждение Общества заводчиков, начальникам казенных заводов в виде премий — участие в прибылях, рабочим — задельную плату и обветшавшим заводам — фонды на новое строительство и машинное оборудование.

Особенно обветшали к этому времени уральские горные заводы. И на обновление их (на машины и прочее) было ассигновано уже в 1806 г. 50 тыс. руб., в 1807 г.— 200 тыс., в 1808 г.— 200 тыс., в 1809 г.— 144 085 руб. в надежде, что «то, что теперь делается руками, тогда будет производимо машинами»[3]. Вместе с тем предполагалось устройство «городов при заводах» в предвидении, «что со временем заводы достигнут до своей цели, чтоб все работы исправлялись людьми свободными»[4]. Это была развернутая программа развития новых буржуазных порядков в городах и промышленности. И минусом ее было только полное забвение о феодальной деревне и сельском хозяйстве, где все еще господствовал старый крепостной порядок.

В 1805 г. Берд взялся приготовить у себя для уральских казенных заводов из учеников 100 мастеровых, в том числе 5 к деланию паровых машин, 10 машинистов «из умеющих писать», 15 кузнецов, 10 слесарей и т. д. Кроме жалованья и хлебного довольствия от казны Берд платил им от 5 до 15 руб., в месяц от себя в течение пятилетнего срока обучения. И уже в 1806 г. у него было до 100 человек учеников, причем все заводы сделали

сразу же потребовала переделки, а после переделки англичанином Меджером работала в руднике с такими частыми поломками, что при ней в запасе приходилось все время держать лошадей и конный ворот.

[1] Даже лучший из приехавших с Гаскойном мастеров, механик Чарльз Берд не скоро обучился строить у нас изрядные паровые машины. Свой механический завод он основал у нас еще в 1792 г. и обзавелся паровой машиной в 4 *л. с.* не позже 1795 г. Но только в 1804 г. он строит первую паровую машину в 14 *л. с.* Александровскому казенному заводу для ватеров, и неудачно. Машина осталась стоять в бездействии даже не в цеху, а в комнате «для буфета и столовой». В 1810 г. Берд установил машину в 24 *л. с.* в Санкт-Петербургском арсенале для 6 сверлильных и 2 цапфельных станков, но уже через пять лет машина вся расшаталась, ее оси и колеса нестерпимо стучали, и она требовала капитального ремонта. В 1813 г. он отослал машину в 26 *л. с.* Тульскому оружейному заводу, но машина оказалась с дефектами и вовсе не пошла. В 1815 г. Берд сдал машину в 40 *с. л.* экспедиции заготовления государственных бумаг, но и она уже в 1824 г. потребовала капитального ремонта, так как при работе имела «необыкновенное трясение, опасное для нее и для здания». И все же Берд не прогорел, а уже с 1811 г. приобрел дворянство, его мелкая механическая мастерская превратилась в крупный машиностроительный завод, на котором еще в 1803 г. числилось 113 рабочих, в 1812 г.— 400 и в 1824 г.— 900 человек.

[2] «Высочайше утвержденные доклады и другие сведения о новом образовании Горного начальства и Управления горных заводов», ч. I. СПб., 1807, стр. 213.

[3] Там же, стр. 301, 303.

[4] Там же, стр. 316.

заявки прежде всего на обучение «машинистов», «для делания паровых машин» и т. п. В частности, для Екатеринбургских заводов начальник их, Герман, потребовал обучить ему четырех человек «к деланию паровых машин и по 2 человека к машинному и инструментальному ремеслу». Начальник Гороблагодатских заводов потребовал для паровых машин четырех человек и четырех машинистов. Начальник Богословских заводов пожелал иметь к изготовлению паровых машин трех мастеровых и трех машинистов и т. д. [1]

В 1806 г. Герман испрашивал для Березовских рудников кредиты «на провод каналов для постройки предполагаемых вододействуемых машин, вместо конных при рудниках для отливки воды равно и на постройку паровых машин, для подъема руд» [2]. Но водяные колеса не могли вследствие своей ограниченной мощности заменить собою сотни лошадей, занятых водоотливом на этих рудниках. И пришлось и для этой цели обратиться к паровым машинам. В половине 1810 г. на Березовских рудниках была установлена и пущена первая из них, заменившая собою 236 лошадей. Но и после этого вода отливалась здесь еще долго конными приводами, требующими 417 лошадей. Для замены их пришлось пустить в ход еще две паровые машины [3]. В 1811 г. было уже три паровые машины и на Турьинских казенных рудниках для водоотлива. Еще раньше, в 1808 г., некий иноземный бракодел Иберфельд, присланный в Екатеринбург из Берг-коллегии, построил для той же цели паровую машину на Соймоновском руднике, но она «не пошла» [4]. Вскоре, однако, выросли и свои, русские механики, вполне освоившие новую технику. В частности, известный уральский машиностроитель Еф. Ал. Черепанов из крепостных Демидова, побывав в Швеции и Англии, построил в 20-х годах для водоотлива на медном руднике Нижне-Тагильского завода 2 паровые машины в 30 и 40 *л. с.*, а затем еще одну, в 40 *л. с.*, на заводах наследников Расторгуева.

Хорошо обеспеченные водной энергией доменные и молотовые заводы меньше, чем рудники, нуждались для своего действия в паровых машинах, и вначале обзаводились ими только в качестве резерва на время маловодья. И если вспомнить, что водная энергия ничего им не стоила, а первые паровые машины таких «мастеров», как Меджер, одних лишь дров пожирали до 5000 саженей в год, то станет понятно, почему их держали в резерве. Тем не менее можно отметить, что уже в 1803 г. на Петровском железоделательном заводе купца Бутылина в Сибири была построена паровая машина. В 1808 г. появляется первая паровая машина на казенном Кушвинском доменном заводе. Около 1810 г., по свидетельству Рогозина, была построена «своими средствами» первая паровая машина на Верх-Исетском заводе, в 1815 г. горный чиновник Вяткин построил там еще одну паровую машину, а в 1817 г., по словам Чупина, он строил уже вторую, более крупную, для Алексеевского медного рудника.

В 1817 г. на Пожевском доменном заводе Всеволожских построен первый речной пароход на Каме; затем в той же механической мастерской, или «фабрике», строился целый ряд других пароходов и машин, в том числе и паровая машина высокого давления в 47 *л. с.*, построенная там мастером Матвеем Назукиным в 1833 г. В 1824 г. на Нижне-Тагильских заводах Демидова появилась первая паровая машина в 4 *л. с.*, построенная Е. А. Черепановым, а к 1845 г. там уже было помимо 20 водяных колес

---

[1] Н. Чупин. Записки о горном управлении и горном промысле на Урале в царствование императора Александра I (1801—1825 гг.).— «Горный журнал», 1878 г., кн. I, № 3, стр. 402.

[2] «Высочайше утвержденные доклады...», т. II. СПб., 1807, стр. 114.

[3] Строил их англичанин Меджер, но первая из них сгорела в 1819 г., а две другие, пущенные не раньше 1817 г., уже в 1823 г. были остановлены за негодностью («Горный журнал», 1878, кн. I, № 3, стр. 406—409).

[4] Там же, стр. 403.

11 паровых машин, 19 прокатных станов, 2 пудлинговых печи и много других печей, нагреваемых терявшимся раньше жаром, и прочих машин. На Билимбаевском доменном заводе Строгановых первая паровая машина была построена Меджером еще до 1826 г., а в этом же году у Меджера, который с 1823 г. обзавелся уже собственной «механической фабрикой», строилась и другая паровая машина для того же завода.

Приведенный перечень железных заводов, обладавших паровыми машинами уже в первой четверти XIX в., далеко не исчерпывает общего их числа. Известно, что один лишь завод Берда в С.-Петербурге до 1825 г. построил 130 заводских и 11 пароходных паровых машин, в том числе и для первого русского парохода «Елизавета», выпущенного в ноябре 1815 г.[1] Но паровые машины строил у нас не один Берд. Они строились и в Петрозаводске на казенном Александровском доменном и пушечном заводе, и на двух казенных заводах в С.-Петербурге — чугунолитейном, переведенном в 1801 г. из Кронштадта[2], и на Александровской мануфактуре (1800—1862 гг.), где наряду с пряжей и тканями одних лишь машин изготовлялось на сумму до 500 тыс. руб. в год (1838 г.). Строились паровые котлы и машины наряду с броней и прочим и на Колпинских, Ижорских заводах морского ведомства с 1814 г. Изготовлял их бывший чугунолитейный завод горного департамента (с 1826 г.), переоборудованный затем в 1844 г. в Главный механический завод Николаевской ж. д. и выпускавший по сотне и больше локомотивов в год. И, конечно, продукция всех этих казенных заводов не попадала в учет департамента мануфактур. Изготовляли паровые машины и на частных заводах горного ведомства, например на Выксунском и Сноведском доменных заводах Шепелева в Нижегородской губ., на Людиновском доменном заводе Мальцева в Калужской губ. и на многих других.

Начиналось это обычно так. В 1815 г. на Выксунском заводе «за скудною водою» после многих неудачных опытов была построена своими механиками Ильей Лукиным и Ястребовым паровая машина в 12 *л. с.* и установлена у себя на заводе для доменного дутья. Затем к 1823 г. там же была построена и другая паровая машина, в 8 *л. с.*, для суконной фабрики того же владельца, где она приводила в действие все машины, кроме прядильных. А к 1825 г. была здесь сделана уже первая машина в 12 *л. с.* на *продажу*[3]. Подобно этому, на Сноведском доменном заводе с 1836 по 1860 г. было изготовлено прежде всего 19 паровых машин в 434 *л. с.* для собственного употребления, затем 32 машины в 1000 *л. с.* для казны и частных лиц, а затем для пароходов и шхун еще 33 машины в 1758 *л. с.*, итого 84 машины в 2192 *л. с.*[4] На Людиновском заводе Мальцева наряду с выплавкой чугуна строили целые винтовые пароходы с двигателями в 200 *л. с.* На Урале тоже было немало горных заводов, где в качестве побочной продукции выпускались не только паровые двигатели, но и целые пароходы и даже паровозы для внутризаводского транспорта[5]. И, конечно, вся такая побочная их продукция выпадала из регулярного учета и не появлялась в официальной отчетности об итогах машиностроения.

По неофициальным подсчетам современников, к 1830 г. число сил установленных паровых двигателей в обрабатывающей промышленности России было очень невелико. «Ныне,— писал В. Пельчинский,— количество

---

[1] В. В. Данилевский. Русская техника. Л., 1947, стр. 168. А с 1825 по 1830 г., по отчетам департамента мануфактур, учтено еще 58 паровых машин, построенных на частных заводах России.

[2] В 1842 г. сдан Мальцеву для проката рельс, в 1848 г. подарен генерал-адъютанту Н. А. Огареву, с 1868 г. куплен Путиловым.

[3] «Отечественные записки». СПб., апрель 1826 г., стр. 28, 32, 33.

[4] «Вестник промышленности», 1860, т. IX, № 8, стр. 65.

[5] Как известно, русские механики Еф. Ал. и Мир. Еф. Черепановы построили на Нижне-Тагильском заводе два паровоза для собственных его нужд еще в 1834—1835 гг., т. е. до постройки первой железнодорожной линии в России.

ных по мануфактурной производимости полагать должно не менее 2200 сил лошадей» [1]. Считая среднюю мощность двигателя для того времени не свыше 14—15 *л. с.*, получим на 2200 *л. с.* всего около 150 двигателей. Это число не достигает даже итога паровых машин, выпущенных до 1830 г. одним лишь заводом Берда, не считая всех других русских заводов и ввоза машин из-за границы. На горных рудниках и заводах к началу 30-х годов мы насчитали еще меньше — всего около 22 паровых двигателей. По-видимому, первые паровые машины слишком быстро выходили из строя. И потому из числа поступивших за 30 лет на заводы двигателей, сохранилась на работе лишь небольшая их доля. Низкое качество и дороговизна первых паровых машин при изобилии дешевого подневольного труда на первых порах сильно замедляли внедрение их в производство.

Подобно тому как в XVIII в. эпизодическое распространение отдельных машин на мануфактурах еще не превращало их в фабрики, так и появление первых единичных фабрик в XIX в. до 30-х годов не могло еще поколебать господство мануфактурного строя в России. Прилет первых ласточек, как известно, не делает еще весны. Но начиная с 30-х годов XIX в. умножение числа фабрик в крепостной России приобретает такое ускорение, при котором количественные сдвиги в техническом перевооружении мануфактур создают уже новое качество и новый облик целых отраслей крупной промышленности. Систематическое применение машин в этих отраслях, мощным скачком повышая в них уровень производительности труда, приводит по закону стоимости и к соответствующему снижению цен. А снижение цен в несколько раз расширяет во столько же раз, если не больше, рынок для удешевляемой фабричной продукции.

Фабрика сама создает для себя все более широкий рынок. И не только в меру снижения цен, но и за счет вытесняемой с рынка более дорогой продукции мануфактур, а также мелкотоварной кустарной и натуральной продукции деревни. Ни домашняя пряжа, ни домотканые рубахи, паневы, сермяги, ни прочие изделия докапиталистической деревни, несмотря на всю свою добротность, не могли долго соперничать со все дешевеющими пестрыми ситцами, цветастыми «полушелковыми» платками и лентами и всякой иной заманчивой фабричной галантереей. Но за всякую городскую «галантерею» деревне приходилось расплачиваться, расширяя и вынося на рынок свою основную, сельскохозяйственную продукцию. А в этом процессе, завершающем разделение труда между городом и деревней на основе массового товарообмена продуктов промышленности на продукты земледелия, рушились самые устои натурального хозяйства феодальной эпохи.

2. МАСШТАБЫ И ТЕМПЫ МАШИНОСНАБЖЕНИЯ (1830—1860 гг.) [2]

Рассматривая кризис мануфактуры как непосредственный результат вытеснения ручного труда машинным, глубину этого кризиса можно измерить темпами машинизации и превращения мануфактур в фабрики, ибо в этом процессе падение мануфактуры есть лишь оборотная сторона подъема вытесняющего ее машинного производства.

Какие же темпы этого подъема можно установить за последние 30 лет крепостной эпохи?

Для успешной машинизации ручного труда требовалось прежде всего растущее машиностроение. Однако к 1830 г. в России насчитывалось всего семь машиностроительных заводов, в том числе четыре мелких для производства конных молотилок и тому подобных земледельческих машин и орудий. По отчету департамента мануфактур, вся их продукция в 1830 г. составила едва 726 машин; в том числе только 6 паровых двигателей,

---

[1] В. Пельчинский. О состоянии промышленных сил в России до 1832 г., стр. 63—64.

[2] С. Г. Струмилин. История черной металлургии в СССР, т. I. М., 1954, стр. 404.

100 прядильных машин, 310 токарных, сверлильных и прочих станков, прокатных вальцов и прессов, 150 насосов и 100 молотилок. В денежной оценке вся эта продукция не превышала 240 тыс. руб. серебром. Учитывая, что в 1814 г. один лишь завод Берда при наличии 323 рабочих дал на 117 тыс. руб. продукции, весь прирост ее за 16 лет на 105%, или до 4% в год, приходится признать более чем скромным. К 1840 г. число механических заводов в России поднялось уже до 16 со средней продукцией в 40-е годы до 20—25 тыс. руб. и общей в 300—370 тыс. руб. серебром. В 1850 г. у нас насчитывалось уже 25 механических заводов с 1475 рабочими и продукцией в 92 786 штук и 6552 пудами машин и их частей на сумму в 423 тыс. руб. серебром. Конечно, это очень неполный итог, ибо одна лишь неучтенная в нем Александровская казенная мануфактура уже к началу 40-х годов давала машин на сумму от 61 до 146 тыс., а в среднем не менее чем на 93 тыс. руб. серебром. Но для динамических сопоставлений мы не располагаем более полными итогами.

Нередко к итогам машиностроения относят продукцию не только механических, но и литейных заводов, поскольку здесь отливаются части машин и заготовки для них. Но это ведет лишь к повторному учету литья в общей стоимости машин, и к тому же в таких общих итогах резко искажается истинная динамика машинной продукции. Дело в том, что литейные заводы дореформенной эпохи относились в своей массе к числу средних и мелких мануфактур, в то время как механические заводы за редкими исключениями были уже настоящими фабриками в точном смысле этого слова. И в то время как эти механические фабрики быстро росли, литейные мануфактуры находились уже в стадии упадка и измельчания. Эту очень характерную для лет промышленного переворота картину можно представить в следующих итогах (табл. 1).

Таблица 1

Механические и литейные заводы в 50 губерниях Европейской России за 1851 — 1871 гг.

Год	Механические заводы			Литейные заводы			Итого		
	число заводов	число рабочих	продукция, тыс. руб.	число заводов	число рабочих	продукция, тыс. руб.	число заводов	число рабочих	продукция, тыс. руб.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1851	19	1 349	478	108	23 477	3 638	127	24 826	4 116
1852	28	3 180	2 305	115	27 879	3 696	143	31 058	6 001
1853	27	3 261	2 340	125	32 944	4 721	152	36 205	7 061
1854	29	3 813	2 005	135	31 610	4 696	164	35 423	6 701
1855	36	5 252	4 012	139	32 208	5 027	175	37 460	9 039
1856	31	6 604	3 865	155	30 660	5 798	186	37 264	9 663
1857	43	7 032	4 015	160	40 495	5 568	203	47 527	9 583
1858	47	7 602	4 199	150	30 978	7 597	197	38 580	11 796
1859	85	8 526	5 260	122	43 452	5 810	207	51 978	11 070
1860	99	11 600	7 954	130	21 323	5 110	229	32 923	13 064
1861	106	12 396	7 263	134	19 509	5 544	240	31 905	12 807
1871	165	30 186	26 927	84	1 891	824	249	32 077	27 751

Приведенные нами итоги казенной статистики по механическим и литейным заводам весьма обманчивы. Они показывают, например, совершенно ничтожный общий прирост числа рабочих, всего до 30% за 20 лет, с неуклонным снижением среднего их числа на завод — от 195 человек в 1851 г. до 133 человек в 1861 г. и 129 человек в 1871 г. Но мельчали и даже вовсе выбывали из строя начиная с 1857 г. только литейные ману-

фактуры, в то время как механические фабрики, наоборот, бурно умножались и росли и по числу рабочих, и еще быстрее по размерам своей продукции. Говоря словами В. И. Ленина, «мы имеем здесь дело с двумя противоположными течениями, которые однако оба выражают развитие капитализма» [1]. Кризис мануфактуры в условиях бурного подъема фабрики свидетельствовал лишь о переходе капитализма на новую, более высокую ступень своего развития. Но очень показательно, что максимальные темпы подъема механических фабрик приходятся еще на 1851—1861 гг., т. е. еще до падения крепостного права, а максимальный упадок литейных мануфактур — уже на следующее десятилетие после ликвидации крепостных отношений.

За 1851—1861 гг. число механических заводов выросло в 5,6 раза, число рабочих — в 9,2 и продукция — в 15,2 раза. Среднегодовой прирост продукции свыше 30% — это показатель воистину революционных темпов развития нового общественного уклада. Ни до 50-х годов, ни после, вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции, мы не знаем подобных темпов. За 1861—1871 гг. механическое производство выросло по числу заводов всего на 56%, по числу рабочих — на 143 и по продукции — на 270%, что дает всего до 14% прироста из расчета на год [2]. В то же время литейное производство по числу рабочих упало за 1861—1871 гг. раз в 10, а по продукции — в 6,7 раз. Таким образом, реформа 1861 г. лишь добила эту и без того падавшую мануфактуру.

Наиболее важным показателем успехов машинизации ручного труда является рост его производительности. Механические заводы уже в начальном своем оборудовании располагали целой системой машин, представляя собой в этом отношении вполне законченные фабрики [3]. Но с улучшением качества и возрастанием количества этих машин росли вооруженность и производительность труда в этом производстве. В частности, в денежном выражении годовая выработка в расчете на 1 рабочего за 1851—1871 гг. в металлообработке на механических и литейных заводах составляла:

	Механические заводы		Литейные заводы	
Год	руб.	%	руб	%
1851	354	100	155	100
1861	586	166	284	183
1871	892	252	436	281

Как видим, производительность труда и на тех и на других заводах росла очень значительно. Но у литейщиков она росла за счет ликвидации наиболее отсталых мануфактур, а в машиностроении — за счет умножения лучше вооруженных фабрик. Вместе с тем заслуживает внимания тот факт, что прирост производительности за 1851—1861 гг., составлявший от 66 до 83%, значительно превышает прирост ее за последующее десятилетие (52—54%). Таким образом, и по производительности труда наибольший скачок приходится на дореформенные годы.

Этот скачок, однако, становится еще значительнее, если мы учтем снижение цен на продукцию машиностроения. В начале века в России паровые машины расценивались за 1 *л. с.* по 1000 руб. ассигнациями, или до 800 руб. серебром, и выше. В начале 30-х годов эти цены уже упали до 520 руб. серебром за 1 *л. с.* и ниже, к 1850 г.— до 300 руб., к 1860 г.— до 100 руб. за 1 *л. с.*, или до 6 руб. 67 коп. за пуд, а части машин продавались

[1] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 470.

[2] По мощности паровых двигателей механическое производство к 1860 г. насчитывало свыше 2114 *л. с.*, в 1871 г.— 8095 *л. с.*, т. е. стало на 283% больше.

[3] В их оборудовании к 1871 г. входило на каждый завод 2—3 паровых двигателя с общей мощностью в 47 *л. с.*, 20 горнов, печей и вагранок, до 20 разных механических станков и машин и до 55 ручных тисков и верстаков.

от 4 до 8 руб. серебром за пуд [1]. Столь резкого снижения цен на машины в последующие десятилетия уже не наблюдалось [2]. Падение цен на машины раз в 5 за 30 лет, и в том числе раза в 3 за одно лишь последнее десятилетие крепостной эпохи, уже само по себе свидетельствует о революции в условиях производства. С учетом этого падения цен выработка рабочего машиностроителя за 1851—1861 гг. выросла уже не на 65%, как это получается в денежной оценке, а почти в 5 раз за 10 лет, или по 17% за год, считая выработку рабочего в неизменных ценах. Такой скачок мыслим только у вершин промышленного переворота.

Наряду с количественным ростом машин повышалось и их качество. Так, например, если паровая машина Меджера в начале XIX в. потребляла до 5000 саженей дров в год, или саженей по 20 в сутки, то к началу 40-х годов машина в 10 *л. с.* требовала уже не свыше 1,5—2,0 саженей пятичетвертовых дров в сутки. Таким образом, не только двигатели, но и содержание их стало уже в несколько раз дешевле к тому времени, когда (в 1842 г.) отпал наконец запрет вывоза машин из Англии. Английские заводчики убедились, что никакие запреты не смогут уже задержать внедрение машин в зарубежных странах. Эти запреты лишь облегчали их конкурентам за границей развивать собственное машиностроение и поощряли контрабандный вывоз машин из Англии. Накидка контрабандистов за риск, связанный с их профессией, не превышала 60—100% от цены машин в Англии, хотя они рисковали при этом собственной жизнью. Но снятие этой накидки с ликвидацией запрета на вывоз означало дальнейшее удешевление импортных машин в России и новое расширение их ввоза в нашу страну. Уже в 1843 г. этот ввоз утроился по сравнению с 1842 г., а к 1860 г. возрос почти в 40 раз по сравнению с 1842 г. Но особенный интерес в итогах импортного оборудования за последние десятилетия крепостной эпохи представляет сопоставление ввоза машин с ввозом ручного инструмента. Суммируя данные таможенной статистики по десятилетиям, получаем следующие итоги (табл. 2).

Таблица 2

Ввоз оборудования в Россию (в тыс. руб. серебром)

Годы	Машины	Инструменты	Итого
1811—1820	177	1 792	1 969
1821—1830	487	2 712	3 199
1831—1840	4 111	4 321	8 432
1841—1850	11 747	4 199	15 946
1851—1860	48 080	6 348	54 428
Итого за 50 лет	64 602	19 372	83 974
1861 — 1870	128 140	13 142	141 272

Машинный инвентарь ввозился для оборудования фабрик, а ручной инструмент — главным образом для снабжения мануфактур. И не случайно, что еще в 1811—1820 гг. импорт инструмента в 10 раз превышал ввоз машин, а в 1851—1860 гг. уже, наоборот, ввоз машинного оборудования в

[1] А. Бутковский. Сравнительная польза различных систем паровых машин.— «Журнал мануфактур и торговли», 1834, ч. I, № 3, стр. 9 (2000 руб. ассигн. за 1 *л. с.* при курсе 26,33 = 526 руб. 30 коп. серебром); ЦГАДА, д. № 5726, 1852, г., л. 67 и сл.; Д. Скуратов. По поводу вопроса о наложении пошлины на ввоз машин.— «Вестник промышленности», 1860, т. VIII, № 4, стр. 25; «Сборник сведений и материалов по ведомству министерства финансов», т. III, СПб., 1865, стр. 226—230.

[2] Из расчета за пуд цены машин даже поднялись к концу века; в частности, за 1900 г. 367 тыс. пудов паровых машин расценивались в 3288 тыс. руб., т. е. по 8 руб. 95 коп. за пуд.

7—8 раз превысил импорт ручного инвентаря. Этот сдвиг в пропорциях означал решительную победу машинного труда над ручным, а вместе с тем и фабрики над мануфактурой. Инструментальный инвентарь требовался и для фабрик, и для мануфактур, и все же его рост в импорте в несколько раз отставал от роста машин, и его удельный вес за 4 десятилетия упал с 91 до 11,7% в привозном оборудовании 1851—1860 гг. Фабрика вытесняла мануфактуру. Конечно, этот процесс продолжался и после 1860 г., но уже сильно замедленным темпом.

Наиболее крупный скачок в привозе машин — на 744% за десятилетие — приходится на 30-е годы, значительно меньше этот прирост в 50-е годы XIX в.— 309%, а за следующее десятилетие после реформы он не превышал уже 166%. Со включением внутреннего производства общая сумма внедряемых в страну машин возрастала весьма бурными темпами. Начиная с 30-х годов по десятилетиям мы подсчитали такие итоги (в тыс. руб. серебром):

Годы	Производство	Ввоз	Итого
1831—1840 . . .	(2 750)	4 111	6 861
1841—1850 . . .	(4 860)	11 747	16 607
1851—1860 . . .	36 433	48 080	84 513
За 30 лет . .	44 043	63 938	107 981
1861—1870 . . .	141 830	128 142	269 972

Всего за 20 лет перед реформой 19 февраля в России (без Польши и Финляндии) было внедрено машин на сумму свыше 100 млн. руб. По нынешним масштабам строительства этого очень мало. Но машины в общей стоимости фабричных предприятий составляют не свыше 50%. Значит, общая сумма вложений для перестройки мануфактур в машинное производство за 1830—1860 гг. составила до 200 млн. руб. Продукция фабрик по нормам последующих лет составляет обычно не менее 100% от основного капитала [1]. А между тем вся валовая продукция обрабатывающих отраслей, включая сюда и фабрики, и мануфактуры, и множество более мелких заведений, не превышала в 1860 г. 293 млн. руб. и даже вместе с горнозаводской промышленностью едва ли достигала 330 млн. руб. И если на долю фабрик из этого итога, по самым скромным расчетам, можно отнести не менее 200 млн. руб., или свыше 60%, то придется заключить, что уже до 1861 г. фабрика в основном победила мануфактуру, раза в полтора превзойдя всю ее ручную продукцию.

Правда, после реформы, за 1861—1870 гг. мы наблюдаем новый крупнейший скачок в снабжении страны машинами — на 270 млн. руб. за одно десятилетие, т. е. в 3,2 раза больше, чем за 1851—1860 гг. И на этом основании можно бы подумать, что именно только этот столь обильный после реформы приток машин в русскую индустрию и знаменовал собою подлинный промышленный переворот в России. Но это не так. Если под промышленным переворотом понимать перестройку мануфактурного строя в фабричный, то такая перестройка в основном была уже осуществлена до реформы. Вотчинные мануфактуры с подневольным трудом в освобожденной России сразу же развалились, а для перестройки остальных не потребовалось бы и третьей доли тех машин, какие вошли в строй за 1861—1870 гг. Это была уже не перестройка и обновление весьма узкой, старой производственной базы, а создание и расширение совершенно новой индустриальной базы капитализма.

Для развития капитализма вширь на российских просторах требовалось, конечно, очень много машин. Но весьма показательно все же, что

---

[1] Например, в 1913 г. оборудование составляло 1870 млн. руб. из 4128 млн. руб. основных фондов всей фабрично-заводской промышленности, т. е. 45%, а продукция — 5620 млн. руб., т. е. 136% (С. Струмилин. Очерки советской экономики. М.— Л., 1930, стр. 80, 91).

темпы их прироста после 1860 г. заметно замедлились. И если за 1851—1860 гг. против 50-х годов приток машин возрос более чем в 5 раз, на 409%, то за следующее десятилетие после реформы этот приток поднялся всего на 221%. Для оценки зрелости русского капитализма показательно также, что внутреннее производство машин по темпам своего роста значительно обгоняло свободный от пошлин заграничный их ввоз еще до 1861 г., хотя импортные машины были значительно дешевле. Это показывает интенсивность спроса на машины в годы наиболее усиленной перестройки мануфактур в фабрики.

С этими фактами и цифрами, свидетельствующими о бурном внедрении машин в русскую промышленность еще в крепостную эпоху, хочется сопоставить категорическое утверждение немца Германа в его докладе С.-Петербургской Академии наук в октябре 1820 г., что «русские рабочие питают решительное отвращение к машинам и, если предприниматель не находится постоянно на фабрике, они будут скоро испорчены» [1]. Это заявление — отвратительнейшая клевета на русского рабочего с его общепризнанной «смекалкой» и изобретательностью. Рабочий питал решительное отвращение к той бездушной эксплуатации, которой его подвергали на фабрике и выражал свое возмущение на первых порах как умел, в том числе порчей дорогих машин или выпуская «красного петуха» на хозяйскую фабрику [2]. У него уже хватало смекалки понять, что самым большим ударом по хозяевам будет удар по их карману, но еще не хватало сознательной организованности для более рациональной классовой борьбы со своими эксплуататорами. Академик Герман, очевидно, по собственным наблюдениям знал о нарочитой порче машин русскими рабочими того времени. Но их яростно ломали, как известно, перенося свой гнев с эксплуататоров на это неодушевленное орудие эксплуатации, и рабочие свободной Англии, где ими еще в 1779 г. была разрушена одна из первых фабрик Аркрайта. Тем естественнее это было наблюдать в крепостной России 20-х годов, где еще много подневольных рабочих подвергалось двойной эксплуатации. И тем не менее машины внедрялись, преодолевая все препятствия и всю инерцию крепостного строя.

Из общей массы внедряемых в производство машин особый интерес представляют для рассматриваемой эпохи паровые двигатели как источник энергии для рационального использования исполнительных механизмов. Лишь на базе этой новой энергетики стало возможным быстрое развитие крупного машинного производства, а вместе с тем и небывалое ускорение расширенного воспроизводства капиталистических отношений.

Паровую машину недаром признают отличительным признаком фабрики от мануфактуры. Ее наличие уже само по себе предполагает использование целой системы исполнительных механизмов, системы, которую она завершает и приводит в движение. Паровая машина даже в тех случаях, когда она только дополняет в качестве резерва или заменяет собою водяные колеса,— это слабосильное и несовершенное наследие средневековья, вносит новое качество и преобразует это наследие. Водяное колесо, как и вся система феодального хозяйства, ограничивала возможности расширенного воспроизводства, а паровая энергетика снимает это ограничение.

При использовании водяных колес на мануфактуре самой дорогой частью строительства была плотина. И если она обеспечивала мощность водяных колес, скажем, в 100 *л. с.*, то и всю мануфактуру приходилось сразу сооружать на полное использование этой мощности, причем в маловодные годы ей угрожали простои, а в многоводные — бесплодные потери

---

[1] Доклад опубликован в «Мемуарах» Академии на французском языке (т. VIII, 1822).

[2] Особенно часто у нас горели вотчинные сахарные заводы; нередко помещичьи: «...люди... кидали камни в терку... и всячески старались остановить ход заводского действия» («Земледельческий журнал», 1833, № 5, стр. 712).

энергии. Но мало этого. Такая мануфактура не могла уже расширить своего производства за счет умножения своих машин и агрегатов на 10, 20, 30% и т. д., ибо для них уже неоткуда было взять энергии. И если предприниматель, например уральский железозаводчик, в стремлении использовать преимущества крупного производства пытался увеличить масштаб или число своих домен, укрупнить воздуходувки, завести «вододействуемые» станки для сверления пушек или какое-нибудь иное нововведение, то осуществить это возможно было лишь за счет простоя других агрегатов или цехов. На Урале эта задача частично решилась путем разделения труда между заводами, за счет отказа от полного цикла работ на каждом из них в отдельности. Например, на Каменском заводе с 1736 г. осталась только выплавка чугуна, а на Екатеринбургском — передел его в железо; на Кушвинском заводе работали только домны, а на Воткинском и Ижевском — кричные молоты и горны. Такой разрыв производственного цикла вызывал, конечно, дополнительные затраты на перевозки чугуна с одного завода на другой. Но и это не позволяло расширить производство на каждом из них сверх установленной уже при постройке этих заводов мощности водяных колес.

Это был предел, «его же не прейдеши». Для сравнения можно указать, как возрастала энергетическая мощность хотя бы первой из русских фабрик — механического завода Берда в С.-Петербурге. В 1795 г. у него появилась первая паровая машина в 4 *л. с.*, в 1803 г.— вторая в 8 *л. с.*, в 1817 г.— еще одна в 30 *л. с.*, в 1848 г.— еще одна в 30 *л. с.*, в 1861 г.— уже 8 машин, а в 1866 г.— 16 паровых машин в 200 *л. с.*, итого за 70 лет рост в 50 раз с удвоением за каждое десятилетие.

Эти преимущества паровой энергетики, столь благоприятствующие расширенному воспроизводству капитала и капиталистических общественных отношений, и обусловили собою промышленный переворот в России, несмотря на тормозящее действие господствующих в ней крепостных отношений.

3. ПРОМЫШЛЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ (1830—1860 гг.)[1]

У нас нет вполне достоверных и полных данных о суммарной мощности механических двигателей и их динамике в дореформенную эпоху. Но считая этот показатель решающим для перестройки ручного труда в машинный, приведем все же некоторые итоги имеющихся в нашем распоряжении подсчетов.

В Москве к 1820 г. насчитывалось всего две паровые машины [2]. В дальнейшем для Москвы с уездом можно привести такие цифры [3]:

Год	Число паровых машин	Всего *л.с.*	В том числе на 1 машину
1839	32	457	14,3
1843	50	693	13,9
1853	61	1 419	23,2
1860	83	1 893	22,8
1868	207	2 921	14,2
1871	491	5 970	12,2

[1] С. Г. Струмилин. Промышленный переворот в России. М., 1944; он же. История черной металлургии в СССР, т. I. М., 1954.

[2] «Журнал мануфактур и торговли», 1830, ч. I, № 3, стр. 82. В Санкт-Петербурге мы насчитали к этому времени не менее 7 паровых машин в 145 *л. с.* всего на 4 заводах.

[3] «Журнал мануфактур и торговли», 1840, № 10, стр. 151; Л. Самойлов. Атлас промышленности Московской губ. М., 1845, стр. 65; Ст. Тарасов. Статистическое обозрение промышленности Московской губ. М., 1856; «Вестник промышленности», июль 1858 г., стр. 14—15; Н. Матисен. Атлас мануфактурной промышленности Московской губ. М., 1872; «Материалы для статистики паровых двигателей». СПб., 1882.

По промышленности всей Московской губернии мы располагаем такими итогами (табл. 3).

Таблица 3

Паровые двигатели Москвы с уездом

Годы	Число паровых машин	Всего *л. с.*	В том числе на одну машину
1843	80	1 330	16,6
1853	102	2 411	23,6
1857	152	3 115	20,5
1860	191	4 353	22,8
1868	369	6 436	17,4
1871	912	11 224	12,3
1875—1878	696	13 668	19,6

Наиболее полными и надежными из приведенных данных надо считать итоги специальной переписи 1875—1878 гг. Данные нашего подсчета к 1860 г. по разным источникам заведомо не полны. И все же прирост мощности паровых двигателей в Московской губ. с 1843 по 1860 г., т. е. все за 17 лет, по этим данным, составил 227%, а за следующие 18 лет — не свыше 214% [1].

Имеются еще подсчеты механических двигателей по Петербургским заводам [2]. К 1860 г., по нашим подсчетам, по обеим столичным губерниям было:

	Фабрик	Паровых двигателей, шт.	*л. с.*
С.-Петербургская губерния	117	241	6 456
Московская губерния . . .	110	191	4 353
Итого	227	432	10 809

По переписи 1878 г., на эти две губернии приходилось 31 476 *л. с.*, или 31,8% всей мощности паровых двигателей в обрабатывающей промышленности России (без Финляндии). Если принять тот же процент и для 1860 г., то общая мощность двигателей всей фабрично-заводской промышленности России (без Финляндии) еще в крепостную эпоху достигала не менее 34 тыс. *л. с.*, а с учетом горной и горнозаводской индустрии — 6417 *л. с.*, водопроводов и прочих коммунальных предприятий — до 1070 *л. с.* (3,14%), сельского хозяйства — до 4500 *л. с.* (13,2%). Общий итог мощности стационарных паровых машин по империи составил до 46 тыс. *л. с.*, а с турбинами — свыше 50 тыс. *л. с.* Известный английский статистик Мелгол исчислял мощность паровых двигателей России к 1860 г. для сопоставлений с другими странами в 60 тыс. *л. с.* Однако крепостная статистика в своей официальной отчетности так мало интересовалась техническим оборудованием своих фабрик, что получение достаточно полных итогов паровых двигателей, механических станков и других машин прямым их подсчетом едва ли возможно [3].

[1] Всего по Московской губ., включая коммунальные предприятия и сельское хозяйство, учтено к 1878 г. 713 паровых машин и локомобилей мощностью в 13 973 *л. с.*, но из них в промышленности было не свыше 12 600 *л. с.*

[2] По одному из них в 1863 г. на 99 заводах С.-Петербургской губ. учтено 168 паровых машин мощностью в 3999 *л. с.*, по другому на 1868 г.— 342 машины в 7903 *л. с.* (Н. П. Дорогин. Фабрики и заводы в С.-Петербурге и в С.-Петербургской губернии, вып. II. СПб., 1864; И. Бок. Материалы для статистики заводско-фабричной промышленности Европейской России за 1868 г. СПб., 1872, стр. XXIV и сл.).

[3] В качестве иллюстрации неполноты такого рода данных приведем следующие цифры. По ведомостям департамента мануфактур за 1868 г. по всей России можно было насчитать 15 301 *л. с.*, в том числе по Московской губ. 1720 *л. с.*, в то время как по специальному учету их оказалось в Московской губ. 6436 *л. с.*, т. е. в 3,7 раза больше (И. Бок. Указ. соч., стр. 388—412).

В частности, М. Ф. Злотников по всей русской промышленности с оговоркой неполноты своего подсчета насчитал к концу 50-х годов всего 15 423 *л. с.* паровых машин и 37 790 *л. с.* водяных колес. Однако на основании этих столь скудных результатов своих поисков он делает весьма ответственный вывод о «скудости» всего энергетического оборудования дореформенных фабрик и «скромном» приросте паровой мощности с 1831 г.— «всего на 13 223 лошадиных силы» [1]. Очень жаль, что к этому поспешному выводу поторопился присоединиться, объявив его «правильным», и такой серьезный историк, как А. М. Панкратова [2]. Жаль потому, что ее весьма решительное утверждение, будто русская «мануфактура до самой отмены крепостного права оставалась господствующей формой развития промышленности» [3], за отсутствием иных доказательств, кроме «скудных» цифр Злотникова, зиждется на слишком зыбком основании.

В самом деле, Злотников считал дореформенные приросты паровой мощности скудными, незначительными. Спрашивается, однако, по сравнению с чем они незначительны? А. М. Панкратова уверяет нас, что промышленный переворот в России «характеризовался сравнительно медленным ростом фабрик» [4]. Но сравнительно с чем, с каким именно иным ростом этот рост признается ею медленным, она не указывает. Однако такие субъективные оценки лишены научной ценности. Наука начинается там, где мы имеем дело с определенной мерой вещей и оцениваем одни величины путем сопоставления их с другими. Например, Злотников находил учтенный им прирост паровой мощности в 13 233 *л. с.* с 1831 г. незначительным. Но если его сравнить с уровнем 1831 г. в 2200 *л. с.*, с которого отсчитывался этот прирост, то получим целый скачок в приросте — за три десятилетия на 600%, т. е. увеличение в 7 раз. Можно еще привести такое сравнение. В Англии за весь период промышленного переворота до 1800 г. включительно было внедрено в промышленность 288 паровых двигателей с мощностью в 4677 *л. с.*, а у нас, по Злотникову, до 1860 г.— 15 423 *л. с.*, т. е. в 3,3 раза больше. Почему же это количество, достаточное для промышленной революции в свободной Англии, признается незначительным для крепостной России?

К этому еще следует прибавить, что Злотников пользовался заведомо неполным учетом паровых мощностей в России. Крепостная статистика была полна дефектов, но и из нее при достаточном использовании всех ее ресурсов можно извлечь много больше, чем содержится в одних лишь официальных сводках департамента мануфактур. По нашим подсчетам мощностей по отдельным крупнейшим фабрикам дореформенной эпохи, не считая водяных колес и конных приводов, получились такие итоги (табл. 4).

Эти итоги мы тоже считаем весьма неполными, но они уже в 6,2 раза превышают силовое оборудование английской промышленности к 1800 г. и в 13,2 раза выше уровня 1831 г. в России. И эти очень значительные темпы роста никак не может игнорировать историк-марксист, ибо «применение паровых двигателей к производству,— как учил нас В. И. Ленин,— является одним из наиболее характерных признаков крупной машинной индустрии» [5].

А. М. Панкратова находит, что промышленный переворот в России характеризовался сравнительно медленным ростом, причем относит его в основном на пореформенный период. А вот В. И. Ленин с гораздо большим основанием утверждал, что «после 61-го года развитие капитализма

---

[1] М. Злотников. От мануфактуры к фабрике.— «Вопросы истории», 1946, № 11—12, стр. 47—48.

[2] «Рабочее движение в России в XIX веке». Сборник документов и материалов. Под ред. А. М. Панкратовой, т. I, 1951, стр. 21.

[3] Там же, стр. 19.

[4] Там же.

[5] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 506.

Таблица 4

Силовое оборудование фабрик России к 1860 г. (без Польши и Финляндии)

Производство	Число фабрик	Число л. с.
1	2	3
1. Обработка хлопка	114	9 725
2. Обработка шерсти	62	2 195
3. Обработка прочих волокнистых веществ	15	886
Итого (1—3)	191	12 806
4. Свеклосахарное	177	4 809
5. Писчебумажное	15	1 098
6. Машиностроение	27	976
7. Прочие обрабатывающие отрасли	119	2 928
Итого по обрабатывающей промышленности	529	22 617
8. Железоделательные заводы	96	5 122
9. Прочие горнозаводские	14	1 295
Итого (8—9)	110	6 417
Всего по учтенным фабрикам	639	29 034*

* В том числе учтено 9 локомобилей в 63 л. с. и до 70 водяных турбин в 4314 л. с.

в России пошло с такой быстротой, что в несколько десятилетий совершались превращения, занявшие в некоторых старых странах Европы целые века» [1]. Возможно, что, говоря о медленных темпах промышленного переворота в России, А. М. Панкратова имела в виду лишь самые начальные, дореформенные его годы. Но мы уже видели, что и машины вообще, и паровые двигатели в частности внедрялись у нас в эти годы даже более высокими темпами, чем после реформы [2]. Медленные темпы переворота — это вообще нелепое словосочетание, ибо оно подменяет революционный сдвиг, бурный скачок, переломный порог отрицающим всякие пороги понятием эволюции, т. е. плавного скольжения по кривой развития, мелкими шажками, через два часа по чайной ложке.

В подкрепление своей концепции о «скромных» достижениях промышленного переворота в России в конце 50-х годов А. М. Панкратова пишет: «Даже наиболее значительная отрасль промышленности — бумаготкацкая — была оборудована машинами и паровыми двигателями весьма скудно. На 252 бумаготкацких предприятий приходилось лишь 30 машин и 3 паровых двигателя» [3]. Такие достижения действительно впору измерять хоть чайными ложками. Но очень жаль, что А. М. Панкратова ни словечком не обмолвилась при этом, что приведенные ею цифры без указания источника относятся не к концу 50-х годов, как можно было бы полагать по контексту всей аргументации, а к 1842 г., и не ко всей России, а только

[1] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 20, стр. 174.

[2] Кстати сказать, Ф. Энгельс уже в 1848 г. находил, что «в России развитие промышленности идет гигантскими шагами и даже бояр все более и более превращает в буржуа» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 4, стр. 468).

[3] «Рабочее движение в России в XIX веке», т. I, стр. 21.

к одной лишь Московской губ. Исправляя эту досадную оплошность, укажем, что к 1860 г. по всей России (без Польши и Финляндии) мы насчитали лишь в бумаготкачестве не менее 15 884 механических ткацких станков [1], каждый из которых заменял собой от 8 до 12 ручных, а все вместе — до 150 тыс. Для сравнения укажем, что на всех мануфактурах, раздаточных конторах и светелках к 1866 г. оставалось уже не свыше 76 тыс. ручных станков. К 1842 г. по всей России насчитывалось всего 177 механических «самоткацких» станков [2]. Стало быть, к 1860 г. их число возросло за 18 лет в 89,7 раза, или раз в 12 за десятилетие. Такие темпы не назовешь «медленными», даже подходя к ним с нынешней, советской меркой. Укажем еще для сравнения, что за 1890—1900 гг., за годы наиболее высоких темпов промышленного подъема в капиталистической России, число самоткацких станков в производстве бумажных материй возросло за 10 лет (без Польши) с 76,4 до 126,7 тыс., т. е. на 66%. Но и этот заведомо высокий рост не идет ни в какое сравнение с дореформенным скачком — на 1100% за десятилетие.

Спрашивается, по сравнению с чем же именно столь бурные темпы перевооружения ручного труда в крепостную эпоху можно признать «сравнительно медленными»?

Переходя от самоткацких станков к другим видам машинного оборудования, напомним, что в ситценабивном и бумагопрядильном производствах победа машин над ручным трудом была еще решительнее. Дело в том, что если самоткацкий станок заменял собою до десятка ручных ткачей, то цилиндрическая ситценабивная машина вытесняла до 200 ручных набойщиков, а прядильный ватер или мюльмашина в 450 веретен делали излишними по меньшей мере столько же ручных прях. За 1830—1851 гг. в одном Иванове было установлено 40 «цилиндренных» ситцепечатных машин, каждая из которых набивала свыше 700 тыс. аршин ситца в год. Это сразу же резко сократило ручную набойку. А появление здесь с 1846 г. перротин в три, четыре и пять колеров, по свидетельству современников, «окончательно убило ручное производство». То же наблюдалось, конечно, и во всех других районах ситценабивного производства [3]. Что же касается бумагопрядения, то оно уже с 30-х годов росло, вытесняя импортную пряжу, как воистину крупное машинное производство: с 350 тыс. веретен в 1843 г. до 1232 тыс. в 1853 г. и 1784 тыс. веретен в 1860 г., т. е. всего за 17 лет — в 5,1 раза, а в среднем за одно десятилетие — в 2,7 раза, или на 170%. Для сравнения можно сказать, что с 1890 по 1900 г. число веретен в России (без Польши) выросло с 3224 тыс. до 5600 тыс., т. е. всего на 74%. И здесь, стало быть, дореформенный скачок в приросте веретенного оборудования в два с лишним раза превышает рекордные темпы капиталистической России. О масштабах силового оборудования фабрик к 1860 г. было сказано выше.

Если из общих по стране итогов обработки хлопка вычтем учтенную нами машинную его обработку, то на долю ручной получаются такие остатки (табл. 5).

Наши итоги машинного производства страдают заведомым недоучетом, в особенности по ситценабивному производству. Значит, итоги ручного производства мануфактур, раздаточных контор и светелок, полученные

---

[1] По неполным официальным сводкам департамента мануфактур, их обычно насчитывали к этому времени 10—11 тыс., по подсчету профессора М. Я. Киттары, их учтено 13 131 («Обозрение Санкт-Петербургской выставки русской мануфактурной промышленности 1861 г.». СПб., 1861, стр. 274), в «Биржевых ведомостях» 1860 г.— 13 791, в «Северной почте», 1862, № 166 — 13 755, но проверка обнаружила и в этих подсчетах по ряду губерний значительный недоучет.

[2] На Александровской мануфактуре — 132 и у Волкова с 1839 г.— 45 механических станков.

[3] Уже к 1830 г. в России находилось в работе 27 набивных машин, а к 1860 г., судя по продукции машинных ситцев, их было уже не менее 250.

Таблица 5

Машинная и ручная обработка хлопка в 1860 г. (в 50 губерниях Европейской России)

Производство	Число заведений	Число рабочих		Продукция		
		всего	на одно заведение	всего, млн. руб.	на одно заведение, тыс. руб.	на одного рабочего, руб.
1	2	3	4	5	6	7
I. Машинное						
1. Бумагопрядильное . .	57	41 295	725	28,7	503	695
2. Бумаготкацкое . . .	49	25 610	523	14,6	298	570
3. Ситценабивное, красильное и белильное	30	13 706	457	13,8	460	1 007
Итого	136	80 611	592	57,1	420	708
II. Ручное						
1. Бумаготкацкое . . .	603	71 623	119	4,7	8	66
2. Ситценабивное	369	17 952	49	9,3	25	518
Итого	972	89 575	92	14,0	14,4	157
III. Всего						
1. Бумагопрядильное . .	57	41 295	725	28,7	503	695
2. Бумаготкацкое . . .	652	97 233	149	19,3	30	198
3. Ситценабивное (1859 г.)	399	31 658	79	23,1	58	730
Итого	1 108	170 186	154	71,1	61	418

путем вычитания из общих итогов департамента мануфактур, преувеличены. И все же на долю машинной продукции падает по денежной оценке не менее 80% от общего ее итога. При этом фабрик с паровыми двигателями и прочими машинами в общем числе 1108 заведений мы насчитали всего 136, но каждая из них превосходила остальные по выработке на одного рабочего в 4,5 раза, по числу рабочих — в 6,4 и по сумме продукции — в 29 раз. Еще в 1835 г. в среднем на одном бумаготкацком заведении насчитывалось 194 рабочих, а в 1860 г.— только 149. Не отличая фабрик от мануфактур, Туган-Барановский принимал это снижение за признак распадения фабрики. Но, как видно из приведенной таблицы, мельчало и распадалось не фабричное, а ручное производство. В частности, с 1835 г. в бумаготкачестве, где еще вовсе не было паровых фабрик, до 1860 г. среднее число рабочих в ручном производстве миткалей упало с 194 до 119, в то время как на бумаготкацких фабриках насчитывалось уже по 523 рабочих. Это был несомненный кризис мануфактуры, и притом очень глубокий, поскольку она здесь, в обработке хлопка, уже на 80% уступила свои позиции машинному производству.

Машины очень энергично вытесняли ручной труд. Например, в обработке хлопка, по наличию учтенных нами машин к 1860 г., они определили собою такую экономию в людях:

За счет 1 784 тыс. бумаго-прядильных веретен . . .	1 784 000 человек
» » 15 884 механических самоткацких станков	158 840 »
» » 9 892 *л. с.* механических двигателей . . .	98 920 »
» » 250 ситцепечатных машин	50 000 »
Итого, не считая всех других машин . . .	2 091 760 »

Это значит, что для выполняемого в 1860 г. объема работ ручным трудом к наличному персоналу 136 фабрик по обработке хлопка в 80 611 человек пришлось бы еще добавить свыше 2 млн. рабочих. Говоря иначе, каждый из наличных рабочих, вооруженный машинами, выполнял работу за 27 ручных рабочих. В производстве хлопка, обрабатываемого этими машинами, не произошло никаких сдвигов за то же время, поэтому в ценах пряжи и ситцев не наблюдалось такого же скачка, как в издержках машинного передела хлопка в ткани. Но все же эти цены резко снизились, например цены миткаля с 1800 по 1860 г. снизились в Москве с 40 коп. серебром до 8—12 коп. за аршин [1]. И если фабриканты, продавая свой товар по стоимости, получали при этом даже сверхприбыль, то мануфактуристам при неизменных издержках падающие цены становились все более убыточными. В этом и проявлялся кризис мануфактуры, от которого не было иного спасения, кроме перевооружения отживших мануфактур в более производительные фабрики.

Особенно крупные успехи этого перевооружения можно отметить за последнее десятилетие перед реформой. Мы уже отмечали скачок в подъеме машиностроения за это десятилетие. К 1860 г. насчитывалось 99 механических заводов с продукцией в 7954 тыс. руб. Из них только 27 заводов, располагая паровыми двигателями в 976 *л. с.*, при 8849 рабочих произвели машин на 6580 тыс. руб., что составляет 83% общей продукции всех механических заводов. В свеклосахарном производстве к 1851 г. насчитывалось всего 64 паровых завода, а в 1860 г. паровыми двигателями мощностью в 4829 *л. с.* располагали уже 177 фабрик. При этом каждая из них была в несколько раз крупнее и производительнее остальных, и в общем их продукция достигала уже 3300 тыс. пуд., или 84% всей продукции 427 заводов, равной 3902 тыс. пудов сахару [2]. Писчебумажные фабрики с паровыми двигателями уже к 1850 г. (39 фабрик с 40 бумагоделательными машинами) дали свыше 50% всей бумажной продукции, а в 1860 г.— не меньше 80% [3]. В обработке шерсти 62 фабрики с паровой мощностью в 2195 *л. с.* и 36 956 рабочими дали в 1860 г., по нашим подсчетам, на 22 211 тыс. руб. продукции из общей суммы в 34 940 тыс. руб. по всем 591 суконным и шерстяным заведениям, т. е. свыше 63%. В производстве фарфора и фаянса только 5 фабрик с 2010 рабочих и 138 *л. с.* в 1860 г. дали 80% всей продукции этого производства. Таким образом, решающее преобладание машинной продукции в этих производствах еще до крепостной реформы не вызывает сомнений. А между тем в этих производствах, где господствовала уже машинная индустрия, в 1860 г. было занято, включая обработку хлопка, 374 тыс. рабочих с продукцией в 151 млн. руб., т. е. значительно больше, чем во всех остальных производствах с преобладанием ручного труда.

Для полной ясности вопроса о степени перевооружения ручного труда до 1861 г. желательно учесть удельный вес в общих итогах продукции не только законченных фабрик с паровыми двигателями, но и всех мануфактур с числом рабочих не менее 16, для чего пришлось бы исключить из общих итогов официальных отчетов помимо сотен фабрик также и тысячи мелких кустарных светелок всякого рода. За 1860 г. мы не имеем таких данных, но по архивным ведомостям 1858 г. выделить мелкие предприятия с числом рабочих ниже 16 оказалось возможным с достаточной полнотой.

---

[1] Цены ситца в России за аршин составляли в 1764 г. 55 коп. в 1768 г.— 54 коп., в 1773 г.— 45 коп.

[2] В. К. Яцунский. Помещичьи сахарные заводы в России в первой половине XIX в.— «Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия». Сборник статей. М., 1952, стр. 350; «Обзор различных отраслей мануфактурной промышленности России». т. I. СПб., 1862, стр. 83.

[3] «Обзор различных отраслей мануфактурной промышленности России», т. III. СПб., 1865, стр. 144.

Допуская, что и в 1860 г. их было не меньше, мы попытались проделать соответствующий расчет и получили весьма поучительные итоги (табл. 6).

Таблица 6

Обрабатывающая промышленность России к 1860 г. (без Польши и Финляндии)

Форма производства	Производства с потреблением						Итоги по всем производствам		
	машинного труда			ручного труда			число заведений	продукция	
	число заведений	продукция		число заведений	продукция			млн. руб.	%
		млн. руб.	%		млн. руб.	%			
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1. Фабрики (в 1860 г.) . . .	423	113,4	75,6	106	22,5	25,2	529	135,9	56,8
2. Мануфактуры	1 837	36,5	24,4	3 634	66,7	74,8	5 471	103,2	43,2
Итого в крупном производстве	2 260	149,9	100,0	3 740	89,2	100,0	6 000	239,1	100
3. Светелки и прочие (1858 г.)	274	1,1	0,7	8 500	39,6	44,4	8 774	40,7	17,0
Всего . .	2 534	151,0	100,7	12 240	128,8	144,4	14 774	279,8	117,0

В приведенные итоги не вошла продукция чугуна, железа и меди, поскольку металлургия заслуживает особого рассмотрения. Из остальных мы выделили в особую группу выше названные производства с преобладанием машинного труда. В этой группе на долю фабрик приходится свыше $^3/_4$ продукции крупного производства, а мелкие не играют уже почти никакой роли. Можно считать, что промышленный переворот в этой группе, дающий 150 млн. руб. из 239 млн., или до 63% всей продукции крупного производства, уже выполнил свою задачу. В остальных производствах наоборот, до $^3/_4$ продукции доставляют еще мануфактуры, с которыми, повидимому, способно было конкурировать даже очень большое число кустарей. Но в общем итоге по всем производствам фабричная продукция уже преобладает над мануфактурой. По размерам продукции средняя фабрика уже в 14 раз превышала мануфактуру, давая продукции на 257 тыс. руб. в год против 18,8 тыс. руб. в среднем на мануфактуру. Из расчета на 1 рабочего выработка на фабриках составляла 692 руб. за год, а на мануфактурах — 376 руб., т. е. почти вдвое меньше. В денежном выражении, однако, эта разница еще недостаточно показательна из-за снижения цен в механизированных производствах. С учетом этого снижения цен на продукты фабричного труда в результате промышленного переворота указанная разница оказалась бы в натуральном выражении еще в 2—3 раза значительнее. В этих условиях, когда для преобладания фабричного строя над мануфактурой даже в наиболее отсталых производствах достаточно было увеличить машинную продукцию за счет ручной всего на каких-либо 20—30 млн. руб., завершение промышленного переворота не требовало уже больших усилий. А опыт Англии показывает, что для осуществления такого переворота и вовсе не требуется полной победы машинного производства во всех отраслях труда.

Тем более странное впечатление производят тщетные попытки некоторых историков перенести промышленный переворот в России в основном на пореформенный период, растянув его как можно дальше, вплоть до конца 90-х годов XIX в.

Эти попытки тщетны уже потому, что противоречат не только историческим фактам, но и законным требованиям элементарной логики. Среди марксистов уже не требуется доказывать, что при смене общественных формаций «надстройка порождается базисом», а не базис надстройкой. Поэтому надстройка отражает изменения в уровне развития производительных сил не сразу и не прямо, а после изменений в базисе. И «если рождается новый базис, то вслед за ним рождается соответствующая ему надстройка». Одним словом, и здесь, как всегда, причина предшествует следствию, которое потому и получило свое название, что оно следует за причиной, а не опережает ее в течении событий. Бесспорно также, что промышленный переворот в вооружении труда, за которым, по словам Ленина, «неизбежно идет самая крутая ломка общественных отношений производства» [1], изменяет самый базис старого общества, а правовую реформу 19 февраля 1861 г. со всеми последующими учреждениями эпохи «великих реформ» можно рассматривать лишь как элементы возводимой надстройки над обновленным базисом. Уже из этого можно заключить, что не крепостная реформа обусловила собою промышленный переворот в России, а, как раз наоборот, этот переворот подготовлял собою неизбежность реформы. И те историки, которые, ломая естественную последовательность причин и следствий, пытаются перебазировать промышленный переворот в России на пореформенные времена, не только насилуют элементарную логику, но незаметно для себя сползают и с позиций марксистского мировоззрения.

Объясняя причины крушения феодализма в России, можно ссылаться и на крестьянские восстания, и на финансовое бессилие царского режима, и на военное его поражение у стен Севастополя, и на прочие проявления общего кризиса крепостного хозяйства. Но историк-марксист не должен забывать, что в основе смены формаций в качестве первопричины всех таких проявлений кризиса лежит не падение, а определенный подъем производительных сил страны. В сельском хозяйстве крепостной России, где доживал свой век старый строй, не приходится искать такого подъема. Там было прямое падение. Подъем надо искать только там, где развивались ростки нового индустриального строя. И его причину, соразмерную с обусловленными его следствиями, можно найти только в промышленном перевороте дореформенных лет. Признав пореформенный строй капиталистическим, смешно было бы искать причины его победы не в прошлых, а в последующих за ней событиях, уже после победы. Говорят, что «причина» не предшествует, а меланхолически идет за своим «следствием» только в единственном случае, когда неудачливый врач провожает угробленного им пациента в последний путь, на кладбище. Но этот случай не заслуживает подражания.

Едва ли ему следовало бы подражать и тем историкам, которые не только относят промышленный переворот в России на пореформенный период, но датируют его победу подъемом 90-х годов, т. е. самым концом XIX в. Если до конца XIX в. у нас еще господствовала мануфактура, а с XX в., как известно, мы вступили уже в эпоху империализма, то, значит, из нашей истории благополучно выпал целиком весь период индустриального капитализма. Не было у нас, значит, и свойственных этому периоду крупной машинной индустрии периодических смен временного процветания разрушительными промышленными кризисами, и многих других бедствий. Все это было бы хорошо. Но очень странно, что ни один из

---

[1] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 455.

классиков марксизма до сих пор не заметил столь крупного пробела в нашей истории, а В. И. Ленин даже посвятил этому «выпавшему» у нас периоду развития капитализма целое исследование. Вернее, однако, что проглядели в нашем развитии XIX в. такую безделицу, как промышленный переворот в истории крупной машинной индустрии, не те, кто ее изучал досконально, а те, кто предпочитает налегке перескакивать через целые эпохи.

4. РАЗЛОЖЕНИЕ КРЕПОСТНОГО ХОЗЯЙСТВА[1]

Рост крупной городской промышленности даже в мануфактурной стадии ее развития подготовлял рыночными методами и кризис феодально-крепостной системы *земледелия* в русской деревне с первых же десятилетий XIX в. Но особенно ускорило наступление этого «кризиса трехполья», как его иногда именуют в литературе, появление крупных фабрик и *машинного* производства с его широкими возможностями *массового* выпуска товаров. Централизованная мануфактура, как известно, проникала и в деревню, насаждая и там по кустарным светелкам через раздаточные конторы все новые кадры мануфактур «рассеянных». Особое ускорение этот процесс приобрел лишь с появлением фабрик, когда мануфактура в безнадежном соревновании с машинным трудом стремилась продлить свое существование за счет все более тяжелой эксплуатации и разорения «кустарей» через своих скупщиков и раздаточные конторы. Вместе с тем возрастал и промысловый отход крестьян на заработки в города и сельские промышленные центры, в связи с чем все большее число дворян промышленного центра находило для себя выгодным переводить своих крестьян с *барщины на оброк*.

Но рост промыслового населения за счет отрыва его от земли означал собою одновременно расширение денежного спроса на хлеб и прочие продукты деревни. Возрастал и вывоз хлеба за границу в связи с теми же процессами индустриализации в опередивших крепостную Россию зарубежных странах. Это добавочное действие хлебного вывоза еще более ускоряло разложение натурального хозяйства в земледельческих районах черноземного центра феодальной России. Расширение хлебного рынка толкало здесь помещиков к расширению господских запашек за счет крестьянского землепользования, ибо иные методы повышения продуктивности своих полей в условиях крепостного труда убогим крестьянским инвентарем были для них недоступны.

Отдельные опыты внедрения более интенсивной, чем паровое трехполье, многопольно-плодосменной системы земледелия не располагали окружающих крепостников к подражанию. Для этого требовались и дополнительные вложения капитала в орудия труда, и более производительный наемный труд. Тщетно экономисты доказывали крепостникам, что «вред», причиняемый даровым крепостным трудом в земледелии, «превосходит издержки, нужные на наем вольных работников», что вольный работник обрабатывает 9 десятин там, где крепостной «при самой усиленной барщине» обработает 5, а нормально — от 3 до 4, что при обработке барского имения вольными людьми «доход с оного по крайней мере удвоился бы»[2]. Все подобные доводы, били, однако, мимо цели, ибо капиталов у крепостников для ведения рационального хозяйства не было. А выжать что-либо еще из даровой рабочей силы они уже не могли. В условиях, когда, по свидетельству современников, две нужные для этого помещику

---

[1] С. Г. Струмилин. История черной металлургии в СССР, т. I. М., 1944, стр. 373.

[2] «Труды Вольного экономического общества», ч. LXVI. СПб., 1814, стр. 7, 22—24 и сл.; П. А. Хромов. Экономическое развитие России в XIX—XX веках. М., 1950, стр. 21—22.

силы, т. е. работник и его лошадь, и без того «едва движутся», взять с них было нечего [1].

Расширения запашек требовал не только хлебный рынок, но с развитием промышленности и сырьевой — посевов льна-долгунца для полотняных мануфактур, сахарной свеклы для вновь возникшей сахарной промышленности и ряда других культур для маслобойных и иных заводов. В связи с этим распахивались луга, вырубались леса. От бескормицы сокращалось поголовье крестьянского скота по отношению к растущей площади посевов, а вместе с тем и возможности нормальной обработки и удобрения полей. Пары во многих районах удобрялись за девять лет один раз. Рабочий скот на соломенном корму слабел, допуская лишь мелкую вспашку, что вело к усиленному размножению сорняков. Выпаханные земли забрасывались, заменяясь новыми. И без того низкая урожайность хлебов стала переходить к прямому падению. По подсчетам П. И. Лященко, она уже в 1800—1820 гг. не превышала 3,5 зерна сбора на одно зерно посева, а в 1820—1840 гг. не поднималась уже выше 3,4. Но этот очень грубый подсчет по губернаторским отчетам намечает лишь общую тенденцию и средний уровень урожайности. По расчетам А. Ф. Фортунатова, падение урожайности было гораздо более значительным: если уровень 1800—1809 гг. принять за 100, то в 1820 — 1829 гг. она уже снизилась до 83%, а в 1850—1859 гг. до 79% [2]. Правда, общий сбор хлеба в Европейской России все же возрос, по официальным данным, за время с 1800—1813 гг. до 1857—1863 гг. от 155 до 220 млн. четвертей в год, или в общем за 54 года на 42% [3]. Но, очевидно, этот рост шел лишь за счет экстенсивного расширения запашек, которые с учетом снижения урожайности до 80% достигали, по-видимому, 178% (142 : 0,8) и требовали немалого напряжения сил от трудового населения русской деревни.

Тяжелый кризис трехполья «с частыми и продолжительными неурожаями» выталкивал все больше рабочих рук из деревни на промыслы «более выгодные», по свидетельству Зябловского, чем земледелие. И этот массовый уход производителей из нищающей деревни, содействуя дальнейшему росту промышленности, в соревновании систем уже сам по себе означал победоносное усиление в стране позиций капитализма. Но и в феодальной деревне «кризис трехполья» далеко не в равной мере поразил различные элементы земледельческого населения, всей своей тяжестью обрушившись на самую основную крепость феодализма — дворянские барщинные вотчины и их крепостное население. Казенные крестьяне и прочие элементы деревни по весьма понятным причинам переживали кризис гораздо легче. Они не знали барщины и других наиболее тяжких форм крепостнической эксплуатации. И это всего отчетливее сказалось на тех сдвигах в населении русской деревни, какие наблюдались в дореформенной России XIX в. Сопоставляя итоги численности крестьян по Европейской России по шестой ревизии за 1812 г., по подсчетам известного статистика К. И. Арсеньева, с данными восьмой — десятой ревизий, получаем такие соотношения (табл. 7) [4].

В XVIII в. крепостное население хотя и медленно, главным образом за счет закрепощения новых отрядов крестьянства, но все же росло и преобладало в деревне. Его рост отставал от общего прироста населения, но за

[1] «Земледельческая газета», 1826, № XVI, стр. 33.

[2] А. Ф. Фортунатов. Урожаи ржи в Европейской России. СПб., 1893, стр. 82—84.

[3] П. А. Хромов. Указ. соч., стр. 18, 19.

[4] К. И. Арсеньев. Начертание статистики Российского государства, ч. I. СПб., 1818, стр. 63—64; А. Тройницкий. Крепостное население в России по 10 народной переписи. СПб., 1861, стр. 49. Итоги 1812 г. несколько преуменьшены за счет части Литвы, временно отошедшей в состав герцогства Варшавского. В итогах шестой ревизии отсутствует Ковенская губ. с населением в 474 тыс. душ мужского пола, в том числе 175 тыс. душ крепостных по 10 ревизии.

Таблица 7

Число крестьян Европейской России

Год	Помещичьих (включая дворовых)		Казенных и прочих		Итого	
	млн. душ мужского пола	%	млн. душ мужского пола	%	млн. душ мужского пола	%
1	2	3	4	5	6	7
1812	10,50	58,5	7,45	41,5	17,95	100
1836	10,87	57,1	8,18	42,9	19,05	106
1851	10,71	53,8	9,19	46,2	19,90	111
1859	10,69	46,6	(12,25)*	53,4	22,94	128

* По другому источнику — 12,71 душ (А. Бушен. Статистические таблицы Российской империи, вып. 2. СПб., 1863).

полвека, с 1745 до 1795 г., составил все же около 62% [1]. Это означало, что феодализм еще прочно удерживал свое господство в деревне. Но вот в XIX в. число помещичьих крестьян — этой трудовой опоры господствующего класса феодалов — вовсе прекращает свой рост и даже идет на убыль. За исключением непроизводительной прослойки дворовых число помещичьих крестьян обоего пола составляло по восьмой ревизии 21,2 млн., по девятой — 20,6 и по десятой — 20,2 млн., т. е. за 23 года убыло на целый миллион душ, не считая естественного прироста за эти годы, который, судя по приростам других групп крестьян, мог бы при лучших условиях составить еще до 20%, или 4 млн. душ, за эти годы [2]. Таким образом вместо 25 млн. крепостных к десятой ревизии их осталось едва 20 млн. Вместо расширенного воспроизводства эта основная база феодализма стала характеризоваться даже не простым, а суженным воспроизводством [3].

И это понятно. Кризис крепостного трехполья в деревне, связанный с ростом его товарности в условиях феодализма, сказался прежде и сильнее всего в крупных дворянских хозяйствах, работающих на рынок и располагающих наибольшими возможностями расширения барских запашек за счет своих крестьян. На них-то и обрушилась главная тяжесть всех последствий этого кризиса, не исключая в числе их и резко повышенной смертности. Но расширение дворянских запашек при сокращении обрабатывающей их рабочей силы, означая все возрастающую тяжесть феодальной эксплуатации, вызывало и соответствующую политическую реакцию наиболее угнетенных масс крепостного крестьянства. Общеизвестно, что число крестьянских мятежей и волнений перед реформой 1861 г. возрастало из пятилетия в пятилетие с угрожающим ускорением:

Годы	Абс.	%
1826—1834	148	100
1835—1844	216	146
1845—1854	348	235
1855—1861	474	320

[1] В. И. Семевский. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. Изд. 2, т. I, стр. 17, 579—580; 3,44 млн. душ мужского пола по второй ревизии и 5,58 млн. душ мужского пола — по пятой ревизии (без Украины и С.-Петербургской губ.); все податное население со второй до пятой ревизии выросло с 6643 тыс. до 17 200 тыс. душ мужского пола, т. е. на 159%.

[2] Тройницкий пытался объяснить убыль крепостного населения рекрутскими наборами, но это опровергается простым фактом, что убыль крепостных женщин, которых не брали в солдаты, еще значительнее за те же годы (1836—1859 гг.), чем мужчин.

[3] Для сравнения укажем, что население казенных и частных горных заводов перед реформой составляло, по Кеппену, в 1816 г. 336 тыс. душ мужского пола, в

Нарастающее политическое напряжение перед самой реформой создало в стране революционную ситуацию. Правда, в отрыве от рабочего движения, без руководства рабочего класса такая рассеянная по всей стране крестьянская революция в розницу и не могла получить своего завершения. Но общественный строй, который уже не способен даже на простое воспроизводство рабочей силы — главного элемента производительных сил, не жизнеспособен. Он еще функционирует по инерции, но заживо разлагаясь, это уже живой труп. И его только нужно столкнуть в могилу. Таким был рабовладельческий Рим накануне его столкновения с варварами. И там еще до военного разгрома варварами наряду с развитием колоната *рабское* население латифундий, невосполняемое больше новыми кадрами за счет военнопленных, уже явно вымирало, знаменуя этим глубокий кризис и близкий конец рабовладельческой системы хозяйства.

Вымирание крепостного населения в России перед реформой, которое еще недостаточно привлекало внимание наших историков, столь же знаменательно. Весьма показательно, что вместе с обнищанием и прямой убылью своих крепостных кормильцев на закате феодализма явно таял, разоряясь и вырождаясь, и сам господствующий класс — феодалы-помещики. В 1836 г. по восьмой ревизии их насчитывалось в Европейской России 127 103, а к 1859 г. из них осталось в качестве владельцев, крепостных душ только 103 380, т. е. вместо прироста наблюдалась убыль на 18,25%[1]. Обусловивший эту деградацию кризис феодального земледелия был лишь другой, оборотной стороной вызревающего в промышленности капитализма. Противоречия между требованиями растущего капиталистического уклада в городах и деградирующей крепостной деревней становились все более вопиющими. И кризис «парового трехполья» был только одним из проявлений общего кризиса отжившего феодализма в России.

Крестьянские восстания в условиях этого кризиса не переросли в победоносную революцию, хотя и глубоко потрясали самые устои старого хозяйственного строя с его дворянской командной надстройкой. Но расшатанные экономические устои этого строя оказались уже настолько подгнившими, что для окончательной его ликвидации не потребовалось даже сокрушительного внешнего нашествия. Весьма поучительно, что страна, еще в 1812 г. отразившая с таким успехом нашествие «двунадесяти языков» во главе с великим стратегом Наполеоном I, всего через 40 лет в лице типичного феодала Николая Палкина капитулировала под стенами Севастополя перед жалкой коалицией, которую возглавлял бесталанный эпигон великого Наполеона Наполеон III, по прозванию Маленький. Это была капитуляция не народа, а устаревшей системы его хозяйства.

Живой труп русского феодализма мог свалить в могилу уже и легкий толчок извне, тем более, что за Наполеоном Маленьким поднимались сильно возросшие потенции западноевропейского капитализма.

Зрели уже однако эти потенции и в отставшей от Запада крепостной России.

1834 г.— 441 тыс., в 1850 г.— 576 тыс. душ обоего пола. П. Кеппен. Девятая ревизия. СПб., 1857, стр. 285—287.

[1] А. Тройницкий. Указ. соч., стр. 67.

X. ПРОМЫШЛЕННЫЕ КРИЗИСЫ В РОССИИ (1847—1907 гг.)[1]

В известной монографии о мировых экономических кризисах, созданной большим коллективом советских экономистов [2], с первых же страниц поражает читателя одно на первый взгляд довольно загадочное обстоятельство. Почему в этом монументальном исследовании по истории капитализма вовсе не нашлось места для капиталистической России?

В данных, где перечислены все охваченные монографией периодические промышленные кризисы с 1825 по 1939 г. по всем важнейшим странам до Японии включительно, о России даже не упомянуто. В чем же дело? Относят ли авторы капиталистическую Россию к числу таких второстепенных держав, как Бельгия, Дания, Голландия и др., которые ничего не решают в «мировом» масштабе? Или, может быть, по их мнению, в России вовсе не было капиталистических кризисов? Или, наконец, они игнорируют ее по каким-либо иным причинам, например потому, что большинство наших «мировиков» просто не знают экономической истории своей собственной родины? Мы отнюдь не удивились бы и такому объяснению. Историческим прошлым своей страны у нас, к сожалению, интересуются очень немногие экономисты.

Впрочем, наши авторы не совсем забыли о России. В объемистом томе свыше 800 страниц читатель найдет до 30 строк и о российских кризисах. При этом в обзоре промышленных кризисов за весь период домонополистического капитализма, до 1900 г., о них не дается ни полслова, а в разделе кризисов в период монополистического капитализма мы находим следующие «ценные» указания. В качестве особенностей кризиса 1900 г. отмечается, что именно в этом году «*впервые* ясно обозначился циклический ход развития хозяйства Японии», а также «*впервые* (?) кризис в России». А затем следует декларация: «В настоящей работе мы не даем специального анализа кризисов и циклов в царской России, *так как они начались здесь сравнительно поздно* (?) *и закончились уже в 1913 г.* (?)» Вместо тщательного анализа и дальнейших пояснений авторы довольствуются простой ссылкой на приложенные диаграммы, которые, дескать «в известной мере (!) иллюстрируют циклический ход промышленного производства в России» [3].

К сожалению, эти диаграммы *ни в какой мере* не подтверждают ни «сравнительно поздней» начальной даты российских кризисов (в 1900 г.?), ни указанной авторами конечной их даты... в 1913 г. Как всем известно, в 1913 г. ни у нас, ни на Западе никакого кризиса не было и, стало быть, *закончились* у нас кризисы не позднее 1907 г. Что же касается начальной их даты, то в определении ее авторы монографии делают большой шаг назад даже по сравнению с весьма устаревшими работами Туган-Барановского. Ведь уже Туган-Барановскому помимо кризиса 1900 г. в России были известны «заминка» и «депрессия» начала 90-х годов, «тяжелый про-

---

[1] «Проблемы экономики», 1939, № 5; 1940, № 2.

[2] «Мировые экономические кризисы (1848—1935)», т. I. М., 1937, стр. 4.

[3] Там же, стр. 22—23 (курсив наш.— *С. С.*).

мышленный кризис» и «застой» 80-х годов, «кризис и банкротства» начала 70-х годов и даже «всеобщий промышленный и коммерческий застой» и «кризис» 1857 г. [1]

Авторам «Мировых кризисов», если они согласны с ним, следовало бы по меньшей мере объяснить, в каком смысле русские кризисы 1857 и последующих лет «начались сравнительно *поздно?* Сравнительно с чем? Сравнительно с мировым потопом что ли? А если они отвергают мнение Туган-Барановского как буржуазную ересь и не в шутку принимают за первый капиталистический кризис в России кризис 1900 г., то возникают другие недоумения.

Возможно ли, чтобы *за весь период* промышленного капитализма в России не было *ни одного* промышленного кризиса? Ведь с 1900 г. мы вступили уже, как известно, в период империализма. Или, может быть, правы народники; утверждавшие вплоть до конца прошлого века, что в России еще не было капитализма? Какой же это в самом деле капитализм без анархии производства и порождаемых им кризисов? А если это так, то не придется ли признать, что царская Россия и впрямь «миновала» капитализм, перескочив непосредственно из феодализма в империализм. Но правдоподобен ли столь экстравагантный исторический прыжок?

Конечно, нет. И чтобы не плодить таких прискорбных для всякого грамотного марксиста недоумений, необходимо прежде всего несколько поглубже изучать — помимо всяких других полезных вещей — и свою собственную экономическую историю. Историей промышленных кризисов в России до сих пор никто еще вплотную не занимался. А между тем материалов для такого исследования в нашем распоряжении более чем достаточно.

В самом деле, если Туган-Барановский мог в свое время насчитать за период до 1900 г. только три кризиса, соответствующих колебаниям мировых циклов, то ныне можно утверждать с уверенностью, что *ни одного* из известных нам мировых кризисов вплоть до 1907 г. *не миновала* в той или иной степени в своем циклическом развитии и наша российская крупная индустрия. И в этом нет ничего загадочного. Стихийного воздействия мировых циклов не может избежать ни одна страна — *независимо* от *степени ее индустриального развития*, если она уже вовлечена в международный товарооборот и если она не может противопоставить этой стихии столь совершенной преграды, как монополия внешней торговли в руках сознательно планирующего свое хозяйство социалистического общества.

Согласно марксистской теории кризисов, возникновение их объясняется анархией производства, свойственной капитализму с его основным противоречием между общественным характером производства и частнокапиталистическими методами присвоения. Расширяя во имя накопления производство, капитал сам периодически создает *диспропорции* между производством и потреблением, неизбежно каждый раз наталкиваясь на ту слишком узкую базу, на которой покоится потребление трудящихся масс. Противоречие это разрешается только разрушительным воздействием очередного кризиса, после которого вновь открывается возможность дальнейшего расширения и обновления производственных фондов во имя накопления впредь до неизбежного воспроизводства на расширенной базе новых диспропорций и разрешения их в пучине нового кризиса. Эта теория, впрочем, слишком известна, чтобы излагать ее здесь во всех деталях.

Заметим лишь следующее. Возникая в одной отрасли труда, кризис неизбежно передается и во все другие, связанные с первой цепной скрепой производственно-экономических отношений. Перепроизводство ситцев

---

[1] М. Туган-Барановский. Русская фабрика в прошлом и настоящем, т. I, М., 1938, стр. 263—278; он же. «Основы политической экономии». СПб., 1911, стр. 414.

невозможно без соответствующего расширения продукции ткацких и прядильных фабрик. Но зато и сокращение ситценабивного производства немедленно же повлечет за собой сокращение спроса на миткаль, а затем и на пряжу. Эта цепная связь отдельных производств, все возрастающая с ростом общественного разделения труда, объясняет *одновременность* кризиса в различных отраслях труда. А *периодичность* их определяется необходимостью *периодического* обновления, реконструкции и расширения основных фондов оборудования промышленности после каждого кризиса и сроками их массового износа на данном уровне техники.

Сокращая производство, а вместе с тем и уровень жизни трудящихся данной страны, каждый кризис сокращает свои экспортные и импортные ресурсы в отношении других стран. Через аппарат внешней торговли, мировых цен и денежно-кредитных взаимоотношений кризисы, перерастая национальные рамки отдельных стран, становятся мировыми. При этом жертвой их неизбежно становятся не только наиболее развитые страны капитализма, но и гораздо более отсталые колониальные и полуколониальные народы, вовлеченные при содействии первых в общий мировой товарооборот. И, как нас учит опыт истории, даже весьма отсталые страны, *раз уже они включились* в общий кругооборот мировых циклов не всегда пассивно *следуют* за другими в прохождении циклов, но в качестве слабейших звеньев капиталистической цепи нередко *раньше других* становятся жертвами очередного мирового кризиса и, таким образом, представляются нам исходными пунктами дальнейшего его развития. Такими пунктами являлись, например, Австралия, Индонезия и Бразилия для мирового кризиса 50-х годов или Аргентина, Трансвааль, Уругвай, Мексика и некоторые другие страны — для кризисов 1890 г.

Из России мировой капитал извлекал на свою потребу еще в крепостную эпоху огромные количества сырья и жизненных припасов в обмен на избытки своей индустриальной продукции. В 1860 г. наш внешний товарооборот уже составлял 340 млн. руб., что чуть ли не вдвое превышало общий итог производства во всей фабричной промышленности тогдашней России. Каждый мировой кризис, как показывает наша статистика, сокращал за счет снижения платежеспособного спроса и цен общие итоги товарообмена с Россией на очень изрядные суммы. В общем итоге только за шесть мировых кризисов после реформы 19 февраля — с 1867 по 1908 г.— эти суммы составили, по моему подсчету, не менее 2 млрд. руб., в том числе по экспорту из России — свыше 1112 млн. руб. Этот огромный недобор по экспорту за годы кризисов шел главным образом за счет снижения цен на хлеб, масло, яйца, лен, кожи и тому подобные продукты русской деревни. Такие миллиардные жертвы трудящихся России Молоху мирового капитализма не могли, разумеется, остаться без влияния и на состояние внутреннего рынка. Продавая за бесценок или вовсе лишаясь возможности сбыть из-за мировых кризисов значительную долю своей товарной продукции, русская деревня в свою очередь сокращала свой спрос на ситцы, сахар, керосин, железо и тому подобные продукты отечественной индустрии. Если к тому же вспомнить еще и о той, самой непосредственной зависимости русской промышленности, в которой она находилась от заграничного ввоза машин, хлопка, красок и целого ряда других химических и прочих продуктов, то механизм воздействия мировых циклов на развитие нашей индустрии станет достаточно ясным.

Однако, для того чтобы воздействие мирового цикла на отсталую страну сказалось не только периодическими бедствиями, но и подлинными промышленными кризисами, необходимы известные предпосылки. И прежде всего, конечно, необходимо наличие в этой стране хотя бы и небольшой, но капиталистически организованной промышленности и достижение ею определенной ступени технического развития. Известно, например, что в Англии до промышленного переворота конца XVIII в., несмотря на наличие

капиталистической мануфактуры, промышленных кризисов не было. Техника ручного труда, по-видимому, еще не обеспечивала тех темпов роста, свойственных машинной индустрии, которые, стремительно опережая платежеспособный спрос трудящихся, столь быстро и часто в последующую эпоху стали упираться в кризисы перепроизводства.

Правда, по сравнению с Англией и даже с Францией после 1789 г. российская промышленность, скованная крепостными путами, сильно отстала в своем развитии к середине XIX в. В гораздо меньшей степени, однако, это относится к таким странам Центральной Европы, как Австрия и Пруссия, которые тоже до 1848 г. далеко еще не разделались ни с феодально-крепостническими отношениями, ни с преобладанием мануфактурных форм труда в промышленности. Очагами машинной индустрии в то время повсюду были машиностроение и целиком механизированное бумагопрядильное производство. Впрочем, машиностроение на всем континенте Европы было еще очень слабо развито (у нас к 1850 г. насчитывалось всего 25 механических заводов) и почти все машины ввозились из Англии. Но тем большего внимания заслуживает факт, что в общем вывозе машин на 817 тыс. фунтов стерлингов доля России составила, по английским данным, за 1848 г. целых 26%. Очевидно, Россия в этом вывозе занимала в ряду других стран далеко не последнее место. По русским данным, ввоз машин в Россию с 1820 по 1840 г. вырос раз в 9 и в 1850 г. достиг по своей ценности 2315 тыс. руб., а в общей сумме с 1824 по 1847 г. составил не менее 17,4 млн. руб. Механическое бумагопрядение — эта самая передовая отрасль машинной индустрии той эпохи — развивалась у нас следующими темпами. В 1820 г. ввоз хлопка в Россию составлял всего около 1000 *т*, в 1830 г.— 2500, в 1840 г.— 6500, а к 1850 г.— уже до 20 000 *т*. Для сравнения укажем, что население России за те же 30 лет возросло всего на 41%, а число фабричных рабочих — на 180%. Отметим еще, что в Германии по всему таможенному союзу потребление хлопка в 1850 г. не превышало 17,8 тыс. *т*, из которых на долю Пруссии по числу веретен можно отнести не свыше четверти этого итога. В России перед мировым кризисом 1848 г. насчитывалось от 600 до 700 тыс. веретен в бумагопрядении, в Пруссии — всего около 150 тыс. Таким образом, и в этом отношении тогдашняя Россия занимала не последнее место на континенте Европы.

Российская промышленность середины XIX в. в значительной своей части уже выходила из состояния мануфактуры, поднимаясь на следующую ступень машинной индустрии. Посессионные фабрики энергично ликвидировались у нас уже с 1840 г., и крепостные кадры к 1860 г. не достигали и 13% общего итога постоянной армии *фабричного* труда [1]. Таким образом, русская промышленность, по-видимому, уже с конца крепостной эпохи располагала достаточными предпосылками для включения в мировой цикл развития. Во всяком случае она вступила в полосу кризисов не позже большинства других стран Европейского континента.

Конечно, первые кризисы дореформенной эпохи в России нужно рассматривать лишь как *отражение* капиталистических кризисов Западной Европы в полуколониальной обстановке весьма отсталой страны, в которой промышленный капитализм находится еще только в первой стадии своего развития в недрах *феодализма*. Но нужно сказать сразу, что и эти наиболее ранние кризисы в России не были только более или менее *поверхностным* отражением зарубежных влияний по линии мировых цен в международном товарообороте и кредитно-денежных взаимоотношений. Нет, в каждом из них мы можем отметить и гораздо более глубокие проявления, свойственные всем *промышленным* кризисам — в *области производства*.

В монографии о мировых кризисах совсем не освещен международный характер кризиса 1837 г. Авторы монографии отмечают наличие кризисных

[1] Хуже обстояло дело на горных заводах, где ликвидация посессионных отношений началась только с 1861 г.

явлений за этот период только в Англии (1836 г.) и США (1837 г.). А между тем они имели место также во Франции и Германии. По описанию Э. де Лавеле, этот кризис начался с *ноября* 1836 г. Своего апогея в США он достиг только в 1839 г., когда здесь, «приостановили платежи» сразу 959 банков. Но еще в 1837 и 1838 гг. в США учтено 3300 банкротов с пассивом в 440 млн. долларов. В Англии в 1837 г. отмечаются банкротства большинства домов, торговавших с Америкой, а в связи с невыгодным торговым балансом и расчетным курсом — «новый финансовый кризис». Много пострадала при этом и *промышленность*, в результате чего, по словам Лавеле, рабочие «начали слушать чартистов». Не избежала «всеобщего потрясения» и Франция. В одном Париже с января по июль 1839 г. учтено 600 банкротств, в том числе 93 банкротства *акционерных компаний,* на 148 млн. франков. В том же 1839 г. кризис достиг и Гамбурга с повышением учетного процента до «неслыханных» здесь размеров — 7% — и многочисленными банкротствами [1].

Непонятно, почему монография о мировых экономических кризисах 1848—1935 гг., вовсе не останавливаясь за «недостатком статистического материала» на кризисе 1847—1848 гг., не совсем последовательно объявляет *первым* международным кризисом кризис 1857 г. [2] Вы спросите, а как же тогда квалифицировать кризис 1848 г.? Если он, согласно заголовку книги, «мировой», то почему «не международный»? И вообще, чем именно в отношении «международности» кризис 1847 г. отличается от кризиса 1857 г.? И в том и в другом в качестве «решающих» участников названы одни и те же страны — Англия, США, Германия и Франция. И тот и другой отнесены к числу *промышленных кризисов*. Если этого недостаточно для зачисления по разряду «международных», то недостаточно в обоих случаях. А между тем в книге сказано: «В середине XIX в. капиталистическое развитие охватило вслед за Англией целый ряд других стран; в этом смысле (?) кризис 1857 г. можно назвать *первым* международным кризисом» [3]. Такая мотивировка не слишком ясна и убедительна. 1848 год не в меньшей мере относится к «середине» XIX в., чем 1857 г., и «в этом смысле» между ними нет существенной разницы. Вместе с тем экономическому кризису в связи с целой серией последовавших за ним буржуазных революций 1848 г. на Западе едва ли возможно отказать в международном и даже мировом значении. Доказывать достаточную к этому моменту *зрелость* буржуазного уклада в довольно широком международном масштабе, необходимом для соответствующего развертывания *капиталистических кризисов*, не приходится. Об этой зрелости достаточно красноречиво свидетельствует успех всех буржуазных революций 1848 г. А потому начальной датой мирового цикла кризисов, несомненно, следует считать уже 1847 г.

Кризис 1847 г. В Англии наиболее острый момент этого кризиса — с высшей учетной ставкой английского банка в 9,5%, паникой и банкротствами — падает на ноябрь 1847 г. А в США он разразился только в 1848 г. Но подготовлялся этот кризис исподволь. Ему предшествовало некоторое сокращение производства и сбыта в Англии уже с 1846 г. В 1846 г., как известно, был чрезвычайный неурожай в Англии, Франции и Германии. Им пришлось ввезти очень много хлеба из России и США. В связи с соответствующим отливом золота в эти страны расчетные курсы с США и Россией стали весьма невыгодными для Англии и других пораженных неурожаем стран. Металлический запас английского банка уже в декабре 1846 г. упал с 15 до 9 млн. фунтов стерлингов. Банковский учетный процент стал быстро подниматься с 3 до 9,5%, а с сентября 1847 г. англий-

[1] Эмиль де Лавеле. Торговые и монетные кризисы.— «Журнал мануфактур и торговли», 1866, т. VII, № 5, стр. 86—87.

[2] «Мировые экономические кризисы (1848—1935)», т. I, стр. 13—14.

[3] Там же, стр. 14.

ский банк прекратил ссуды даже под залог государственных фондов. По свидетельству Лавеле, «сначала обанкротились дома, торговавшие хлебом», а потом и другие. В результате «многие фабрики закрылись» и «более 100 тыс. рабочих питались общественным призрением на основании закона о бедных». Первая волна кризиса в Англии прокатилась еще весной 1847 г., вторая, еще более сильная — осенью. И потому Лавеле утверждает, что в Англии за 1847 г. «было два кризиса — в апреле и октябре». Тяжелее других отраслей пострадали в Англии хлопчатобумажная, железная и каменноугольная промышленности, а также железнодорожное строительство, где в 1848 г. было распущено с постройки дорог свыше 50 тыс. рабочих.

Не миновала того же кризиса и Франция. С июля 1846 по 15 января 1847 г. банковский золотой резерв здесь упал с 252 до 59 млн. франков. Спасаясь от денежного кризиса, французский банк, по свидетельству Лавеле, перехватил 25 млн. франков по мелочам у английских банков и целых 50 млн. франков у российского императора взамен французской ренты. Но и феодальное золото Николая Палкина, выступавшего, как видим, не только в роли жандарма Европы, но и в роли тароватого банкира монархической Франции, не спасло ее от капиталистического кризиса и победоносной буржуазной революции 1848 г. Денежный кризис в связи с усиленными спекуляциями вокруг железнодорожного строительства завершился и здесь банкротствами, безработицей и прочими бедствиями. Как известно, и Германия испытала действие того же урагана.

О тесноте мировых связей того времени может свидетельствовать, между прочим, следующий факт. Капиталистическая Англия, на долю которой падала целая *треть* европейского ввоза в крепостную Россию и *половина* вывоза из нее, извлекала оттуда в случае нужды не только сырьевые ресурсы, но и золотые резервы. В частности, в момент наибольшей денежной паники в Англии в конце 1847 г. она получила именно отсюда изрядное подкрепление. В Лондон прибыло «значительное количество золота» из России [1]. На этот раз оно принадлежало уже не русскому царю, а английским капиталистам, проникшим уже давно в Россию, и было извлечено оттуда в опасный момент для спасения собственной страны от денежного кризиса.

Учитывая неурожай 1846 г. в ряде стран, Лавеле довольно наивно объясняет мировой кризис 1847—1848 гг. «холодной погодой» в предшествующее лето. Холодная погода, дескать, вызвала неурожай, неурожай вызвал отлив золота, а оттуда уже возникли денежный кризис, банкротства и все прочие следствия. Это не мешает, впрочем, тому же автору объяснять следующий мировой кризис 1857 г. уже не отливом, а, наоборот, огромным *приливом* золота из Австралии и Калифорнии в Европу — в размере свыше 4 млрд. франков с 1848 по 1856 г. Можно бы добавить, что и в канун 1847 г. не везде была холодная погода и отлив золота. В частности, в США, сбывавших свой урожай в голодную Европу по высоким ценам, был несомненный *прилив* золота из Европы, что отнюдь не избавило их от жестокого кризиса. За приливом золота и впрямь нередко наблюдается бешеная спекуляция, а за ней — паника, банкротство и прочие признаки кризиса. Дело, значит, не в этих *приливах и отливах*, являющихся лишь симптомами глубочайшей *анархии* в океане мирового капиталистического производства. При наличии анархии капиталистического хозяйства даже самые противоречивые симптомы предвещают один и тот же зловещий конец — мировой кризис.

Спрашивается, какое же отражение в России нашел уже этот первый мировой промышленный кризис 1847 г.?

---

[1] М. И. Туган-Барановский. Периодические промышленные кризисы. История английских кризисов. Общая теория кризисов. СПб., 1914, стр. 81.

Наиболее прямой привод зарубежных влияний на русское народное хозяйство — это, конечно, внешний товарообмен России. И потому раньше всего обратимся к его итогам за 1845—1849 гг. (в млн. руб. серебром):

Год	Вывоз	Ввоз	Итого
1845	92,6	83,2	175,8
1846	102,7	87,0	189,7
1847	148,6	89,2	237,8
1848	88,3	90,8	179,1
1849	96,1	96,2	192,3

Как видим, уже к 1847 г. Россия в достаточной степени вовлечена была в мировой товарообмен, отставая в нем от Англии, Франции, США и Германского таможенного союза, но заметно превышая Австрию (около 144 млн. руб.) и Пруссию [1]. В результате кризиса мировой капитал, однако, сразу снизил свой спрос на русские товары на целых 60 млн. руб., или на 40%, и такой удар не мог пройти бесследно для торговли и промышленности России, вся фабричная продукция которой к 1847 г. едва достигла 105 млн. руб.

При этих условиях сокращение выручки за экспорт хлеба и других продуктов деревни на целых 60 млн. означало вместе с тем огромное сокращение платежеспособного спроса деревни на продукты города внутри страны. Но международный капитал сокращал его не только косвенным путем, сокращая свой спрос на русские товары, но прямо извлекая свое золото из наших капиталов обращения в годы кризисов. В частности, за 1848 г. сальдо *отлива* золота и серебра из России достигало весьма значительной суммы в 6780 тыс. руб., тем более что в другие, нормальные годы золото обычно к нам *приливало* из-за границы. Требование уплаты наличностью таких больших сумм в кризисный год уже само по себе могло вызвать целый ряд банкротств и потрясений в области кредитно-денежных отношений.

В связи с «чрезвычайным неурожаем» 1846 г. в Западной Европе и растущими ценами на хлеб туда было вывезено из России в 1847 г. до 11,5 млн. четвертей хлеба на 71 млн. руб., но со второй половины этого года наступил «перелом в хлебной торговле» и ценах [2]. На Западе, по словам официального обзора нашей внешней торговли, разразился «коммерческий кризис», в связи с которым и у нас в России «многие торговые дома понесли оттого большие убытки» [3]. Но этим дело не кончилось. В отчете за следующий, 1848 г., в объяснение *резкого* падения вывоза из России тот же официоз пишет: «Последствия коммерческого кризиса, расстроившего в исходе 1847 г. кредитные обороты на европейских биржах, еще были ощутительны в начале 1848 г., когда февральская революция во Франции и возникшие вскоре потом беспокойства (!?) в Германии и в Италии произвели *большие потрясения* в торговле, остановили в этих странах развитие *всех отраслей промышленности* и привели там в расстройство все источники народного благосостояния. *Бедственный кризис* в кредитных, финансовых и торговых оборотах, поразивший *все государства*, взволнованные внутренними смутами (!?), не мог не иметь вредных последствий для внешней торговли вообще, которой тесно связаны взаимные интересы *всех* наций» [4].

---

[1] Григ. Небольсин. Статистический обзор внешней торговли России, ч. II. СПб., 1850, стр. 473—474.

[2] В С.-Петербурге цены на пшеницу в августе были 7 руб. 50 коп. за четверть, к июню 1847 г. они поднялись до 11 руб. 71 коп., а к июню 1848 г. снова упали до 7 руб. за четверть.

[3] «Государственная внешняя торговля в разных ее видах за 1847 г.». СПб., 1848, стр. IV.

[4] «Государственная внешняя торговля за 1848 год». СПб., 1849, стр. 111.

Но едва ли не сильнее всех других наций «бедственный кризис» поразил Россию в связи со свирепствовавшей там в 1848 г. *азиатской холерой* и карантинными против нее мерами западных стран.

До нас дошли известия, что целые заводы в этом году прекратили свою работу в связи с *холерными и цинготными* заболеваниями, чему с осени 1848 г. содействовал и тяжелый неурожай в России. В соединении с голодом этот бедственный кризис стоил нам потерь целого миллиона человек в населении за один год [1].

Минимум вывоза из России пришелся на 1848 г., хотя перелом экспортных цен на снижение по хлебу, льну и другим товарам обозначился еще в половине 1847 г. Да и сокращение самого вывоза началось по отдельным товарам еще в 1847 г. (юфть), в 1846 г. (железо, невыделанные кожи) и даже в 1845 г. (лен и шерсть).

Состояние внутреннего рынка за соответствующие годы достаточно выявляется ценами и оборотами того всероссийского торжища, которое ежегодно происходило на Нижегородской ярмарке.

Общий оборот товаров на этой ярмарке выражался в следующих итогах (в млн. руб.) [2]:

Год	Привоз	Продано	Остаток
1843	47,9	39,1	8,8
1844	50,4	42,7	7,7
1845	55,8	48,7	7,1
1846	57,2	50,3	6,9
1847	56,0	48,7	7,3
1848	51,7	43,8	7,9
1849	55,5	45,5	10,0

Здесь падением привозов и суммы продаж отмечены уже два года — 1847 и 1848. Таким образом, внутренний рынок реагировал на мировой кризис даже раньше внешнего. Падение суммы проданных товаров за 2 года на 13 % и повышение непроданных остатков за эти годы с 12,1 до 15,3% от суммы привозов означало, конечно, наличие кризиса относительного перепроизводства товаров в стране.

Более детальный анализ привозов по отдельным товарным группам указывает нам, что этот кризис подготовлялся исподволь. Затруднения с реализацией суконных товаров и металлоизделий, а также продуктов кожевенной промышленности начались еще с 1846 г. Снижение привозов хлопчатобумажных и шелковых изделий падает на 1847 и 1848 гг., а привозы сахара резко упали только в 1848 и 1849 гг. Вместе с тем начиная уже с 1845 г. отмечается резкое снижение цен по сукнам, которое достигает за 3 года 24%; по чугуну за 1847—1848 гг. они падают на 14,5; по ситцам за те же 2 года — на 10% и т. д.

Обозреватели ярмарочной конъюнктуры уже в отчете по ярмарке 1846 г. начали отмечать снижение цен по ряду товаров и расширение продаж в кредит от 6 до 18 месяцев. В 1847 г. они отмечают, что в связи с кризисом и многими банкротствами за границей и ряд русских торговых домов «потеряли важные капиталы», «кредит сделался туг» и «расчеты шли

---

[1] За 1847 г. при нормальном урожае в России умерли 1877 тыс. лиц православного исповедания, а в 1848 г — 2840 тыс. Приписать это увеличение смертности на целый миллион душ одному лишь неурожаю 1848 г. едва ли возможно, ибо действие его должно бы сказаться еще сильнее в 1849 г., а между тем за 1849 г. умерли 1876 тыс. душ, т. е. не больше, чем в 1847 г. Что же касается холеры и цинги, то они сами развивались на почве голода, усиленного бедствиями кризиса (Е. И. Кайпша. Движение народонаселения в России с 1848 по 1852 г.— «Сборник статистических сведений о России», кн. III. СПб., 1858, стр. 451).

[2] «Журнал мануфактур и торговли» за 1849, кн. III, ч. III, № 9, стр. 425; за 1850, кн. I, ч. II, № 4, стр. 104.

не совсем успешно». Еще хуже, конечно, прошла ярмарка 1848 г. Но показательнее всего динамика самого производства.

Общее число заведений и рабочих, учитываемых департаментом мануфактур по всей России (без Польши и Финляндии), составляло:

Год	Заведения	Рабочие
1841	6831	429 638
1842	6939	455 827
1843	6813	466 579
1844	7399	469 211
1845	8302	507 577
1846	8333	508 607
1847	9029	532 056
1848	8928	483 542
1849	9172	495 364
1850	9843	501 639

В этих итогах, извлеченных нами из подлинных архивных отчетов департамента, очень резко выделяется падение числа действовавших заведений и рабочих за один лишь 1848 г. К сожалению, мы не располагаем соответствующими данными о ценности продукции за те же годы. Но имеется все же довольно полная сводка о сумме продукции по важнейшим отраслям за 1845—1850 гг. (табл. 1) [1].

Продукция важнейших производств в России за 1845—1850 гг. в млн. руб.

Год	Суконных и шерстяных материй	Льняное и полотняное	Бумагопрядильное и ткацкое	Обработка металлов	Ситценабивн., красильное и белильное	Шелковое и парчевое
1845	25,1	4,4	27,7	11,3	10,3	6,2
1846	24,1	2,4	29,3	17,8	15,3	6,4
1847	21,0	2,0	27,3	18,3	15,5	6,8
1848	27,3	2,7	30,4	15,9	12,0	4,2
1849	22,6	3,1	30,7	17,5	12,6	7,9
1850	25,1	2,8	28,7	17,2	16,2	6,7

В использованной здесь нами сводке департамента мануфактур учтены итоги 38 производств. Не вошли сюда только подакцизные отрасли — производства вин, табака, сахара — и ряд мелких полукустарных производств, главным образом по обработке животных и пищевых продуктов. Особо учитывалась у нас и горная промышленность, за исключением ряда железных заводов Пермской губ., которые вплоть до 1850 г. по нерялшивости тогдашней статистики включались и в сводки департамента мануфактур. В 1850 г. частично, а с 1851 г. уже почти полностью они выпали наконец из этих сводок, вследствие чего, к сожалению, итоги 1851 г. вовсе несравнимы с данными предшествующих лет.

Как видно из подчеркнутых нами итогов, сокращение производства в России по некоторым отраслям началось уже в 1846 г., хотя наибольшего упадка по всем производствам оно достигло только в 1847 и 1848 гг. Глубина этого падения по разным отраслям неодинакова — от 6,8% в бумагопрядении до 16,3% в суконном, 22,6% в ситценабивном, 27,3% в химическом, 38,4% в шелковом и 54,5% в полотняном производстве. В среднем

[1] «Сборник сведений и материалов по ведомству министерства финансов», т. II. СПб., 1865, стр. 235—236.

по всем учтенным отраслям, взятым в *отдельности*, глубина кризисного падения достигает 17%. Но благодаря *разновременности* этого падения в различных отраслях общее падение производства по итоговой графе табл. 1 с 1846 по 1847 г. составляет всего около 3%. Этот наиболее суммарный показатель глубины кризиса, впрочем, совсем не надежен. Благодаря закону неравномерного развития различных производств и расхождению высших и низших точек кризиса в разных отраслях такие *суммарные* для всей промышленности индексы развития крайне малочувствительны. Можно указать немало кризисов, за время которых общепромышленный индекс годовых колебаний продукции вообще не обнаруживает никакого ее снижения [1].

Говоря об общем снижении фабричной продукции в России за 1847 и 1848 гг. на 3% надо, однако, еще учесть, что, судя по нормальному темпу ее роста за все пятилетие на 16%, эта продукция должна бы *вырасти* за два года процентов на 6, и если вместо роста на 6% она упала на 3%, то общую глубину падения следует считать не ниже 9%.

Помимо обрабатывающей промышленности, кризис 1847 г. сказался у нас не менее явственно и в других ее отраслях. Так, например, выплавка чугуна, составлявшая в России в 1845 г. 11,4 млн. пудов и в 1846 г.— 13,1 млн., в 1847 г. падает до 11,7 млн. пудов, т. е. на 10,7%. Добыча угля в Донбассе, достигавшая в 1845 г. 1,69 млн. пудов, в следующие два года

Таблица 1

(без Польши и Финляндии)

Писчебумажное и обойное	Стеклянное и хрустальное	Химическое красочное и уксусное	Разное	Итого	Чугун, млн. пуд.	Каменный уголь (донецкий), млн. пуд.
2,9	2,1	1,4	4,3	95,7	11,4	1,69
3,1	3,0	1,5	5,0	107,9	13,1	1,45
3,2	3,1	2,2	5,6	105,0	11,7	1,45
2,9	2,8	1,6	4,9	104,7	12,1	2,18
2,9	2,7	1,7	4,4	106,1	11,6	2,53
3,5	3,0	2,2	5,5	110,9	13,2	3,54

снижается до 1,45 млн. пудов, т. е. на 14%. Характерно также сокращение железнодорожного строительства в России в связи с кризисом 1847 г. За 1846 г. было открыто 134 *км* новых железнодорожных линий, в 1847 г.— 90 *км*, а в 1848 г.— только 14 *км*.

Мы уже не говорим о снижении цен и других явлениях того же рода, имевших у нас место в 1847—1848 гг. [2]

Спрашивается, можно ли все эти явления считать случайными. Случайно ли это одновременное сокращение производства во всех отраслях труда, падающее и у нас в России как раз на те же самые 1847 и 1848 гг., в которые протекал промышленный кризис в Англии, Германии, Франции и США? Конечно, нет. По теории вероятности шансы такого совпадения в

[1] См., например, кризисы 1866, 1883 и 1900 гг. в Германии («Мировые экономические кризисы (1848—1935)», т. I, стр. 500).

[2] Отметим, например, неудачу с реализацией внешнего займа за границей в связи с «политическими происшествиями» в Европе начала 1848 г., рекордный портфель *протестованных* векселей в Государственном коммерческом банке за 1848 г. и т. п. Е. И. Ламанский. Статистический обзор операций государственных кредитных установлений с 1817 г. до настоящего времени.— «Сборник статистических сведений о России», кн. II, СПб., 1854, стр. 182, 247).

порядке «случайности» крайне ничтожны. Мы просто наблюдаем во всех этих странах общие следствия, потому что их порождают общие причины.

Столь бесспорное отражение мирового капиталистического кризиса в крепостной России наводит, пожалуй, на размышления. Но факт остается фактом. Конечно, крепостной уклад был *господствующим* в николаевской России. Но при полном господстве его в сельском хозяйстве у нас уже в ту пору зрели вполне жизненные ростки капитализма в области крупной промышленности. На таком передовом участке индустриального фронта, как хлопчатобумажная отрасль промышленности, которая всегда целиком базировалась на эксплуатации вольнонаемного труда, в эту пору уже шла полным ходом перестройка капиталистической мануфактуры в капиталистическую фабрику. Напомним здесь хотя бы о кипучей деятельности небезызвестного представителя манчестерской фирмы Де Джерсей в Москве Людвига Кнопа по оснащению русских мануфактур английскими машинами начиная еще с 1839 г. Как известно, один Кноп оборудовал у нас по-новому не менее 122 бумагопрядилен [1]. Не отставали от бумагопрядения и многие другие производства.

Нам известно, что возникновение новых производительных сил и соответствующих им производственных отношений происходит не отдельно от старого строя, *не после исчезновения старого строя, а в недрах старого строя.* И в частности, в России «*капиталистическая* организация хлопчатобумажной промышленности,— как это отметил уже В. И. Ленин,— сложилась до освобождения крестьян» [2]. Но если в недрах *феодальной* России уже зрела *капиталистическая* промышленность, то почему бы в ней не проявляться и анархии производства в форме промышленных кризисов? Одинаковые причины повсюду вызывают одинаковые следствия.

К р и з и с 1857 г. Мировому кризису 1857 г. предшествовал ряд серьезных предвестников. Сюда относится прежде всего австралийский кризис конца 1853 г., за которым в Австралии последовал целый ряд банкротств, в особенности среди импортеров заграничных товаров. Затем последовало заметное падение английского экспорта в 1854 и 1855 гг., вызвавшее угнетенное состояние важнейших отраслей английской промышленности, в особенности хлопчатобумажной. Осенью 1856 г. вспыхнул острый биржевый кризис во Франции.

Однако настоящий кризис разразился только в конце августа 1857 г. в США, когда вслед за бешеной спекуляцией с железнодорожными ценностями там началась жестокая паника и банкротства. 3 сентября там прекратили возврат вкладов сразу 175 банков. Дисконт достигал 30—40%, фабрики начали закрываться, рабочие были распущены. В США и Канаде учтено было 5722 банкротства на 1,5 млрд. франков.

Из Америки этот кризис быстро перекинулся в Европу. С конца октября начались банкротства банков и промышленных фирм, имевших дела с Америкой, в Англии. Затем кризис перебросился на континент — в крупнейшие центры Германии, Австрии, Дании, Швеции и Франции и даже сказался по другую сторону экватора — на Яве и в Бразилии. В конце ноября 1857 г. Маркс писал: «На европейском континенте зараза распространилась от Швеции до Италии в одном направлении и от Мадрида до Будапешта — в другом» [3].

Продолжительность кризиса 1857 г. была, однако, невелика. Уже через несколько месяцев он сменился умеренной депрессией, а в Англии к 1859 г. его действие окончательно изгладилось. Но максимум банкротств и безработицы вместе с минимумом продукции в большинстве стран Запа-

---

[1] Г. Ш у л ь ц е - Г е в е р н и ц. Очерки общественного хозяйства и экономической политики России. СПб., 1901, стр. 76.

[2] В. И. Л е н и н. Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 520.

[3] К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Сочинения, т 12, стр. 336.

да падает все же на 1858 г., а в отдельных отраслях, например в производстве и потреблении чугуна, даже на 1859 г. (Франция) и 1860 г. (Германия).

Не обошла «зараза» мирового кризиса и нашу страну. Серьезные предвестники кризиса были уже с 1852 г. В некоторых отраслях он затянулся вплоть до 1860 г. Но основная волна минимумов этого кризиса в России падает все же на 1857 г. и ей сопутствуют все характернейшие особенности всякого промышленного кризиса. «Конец 50-х годов,— по свидетельству Туган-Барановского,— был отмечен у нас банкротствами банков, акционерных предприятий, торговых и промышленных фирм, застоем торговли и сокращением производства — обычными симптомами промышленного кризиса» [1].

В области внешней торговли 1858 г. отмечен сокращением ввоза в Россию всего на 2,3 млн. руб., но вывоз из России упал за этот год на 17 млн. руб. А отлив золота из страны, несмотря на положительный торговый баланс, *превысил* прилив его в 1857 г. на 14,9 млн. руб., в 1858 г.— на 24,2 млн. и в 1859 г.— на 25,8 млн. руб. [2] Всего за 3 года мирового кризиса международный капитал выкачал, таким образом, из России до 65 млн. руб. золота в монете и слитках. Эти изъятия не могли, конечно, спасти капиталистический Запад от кризиса, но для полунищей России они означали громадное ускорение в наступлении «повсеместного безденежья» и общего застоя в торговле. При обсуждении тогдашней конъюнктуры на заседаниях «политико-экономического комитета» при Русском географическом обществе особенно отмечались именно *денежные затруднения.* «Нужда в деньгах лежит тяжелым гнетом на всех торговых сделках», «дисконт векселей труден до невероятности», «привозные товары, почти без исключения, продаются на 6- и 9-месячный срок». Вместе с тем здесь отмечалось, что разменный фонд наш, составлявший к 1 января 1855 г. 164 млн. руб., уменьшился к началу 1860 г. уже до 84 млн., а внешний долг *увеличился* на 162 млн. руб. В связи с этим на вопрос: «В чем состоит нынешний кризис?» — давался прямой ответ: «*Мы зарвались*», «Нам платить нечем» и ставился даже «вопрос о нашем банкротстве» [3].

На внутреннем рынке затруднения начались лишь с конца 1857 г. Нижегородская ярмарка 1857 г. (с 15.VI по 1.IX) закончилась, по-видимому, еще до начала кризиса в России и прошла, по отзывам обозревателя, «необыкновенно успешно». Высокие цены на хлопчатобумажные товары держались до конца 1857 г., «когда получены были сведения *о начале торгового кризиса* и об упадке цен на хлопок в Англии». На шерстяные изделия цены упали на 10—15% тоже только с конца 1857 г., ибо «вследствие *промышленного кризиса* требования за границу прекратились». Резко упали также цены на выделанные подошвенные кожи в связи с прекращением заграничных закупок. Еще летом 1857 г. они продавались в Калужской губ. по 1400 руб. за сотню, а к концу года после прекращения закупок упали в цене до 800 руб. при цене одного лишь кожсырья до 700 руб. за сотню, т. е. продавались много ниже себестоимости. К тому же сроку отмечается и падение цен на сахар на 15—20%, но уже в связи с внутренними спекуляциями на петербургской бирже. Вот почему уже в начале следующего, 1858 г., по замечанию присяжного хроникера, «отчасти, вероятно, вследствие *общего торгового европейского кризиса*, отчасти же

---

[1] М. Туган-Барановский. Русская фабрика..., стр. 262.

[2] Валовой итог платежей за границу в 1859 г. исчислялся в 50—60 млн. руб., из которого платежи по внешним займам составили 13 млн. руб., проценты по железнодорожным акциям иностранных компаний — 5,4 млн. и разные расходы казны за границей — 5,2 млн. руб. («Обозрение промышленности и торговли в России».— «Вестник промышленности», 1861, т. XII, № 4, стр. 5—6).

[3] «Обозрение промышленности и торговли в России».— «Вестник промышленности», 1861, № 4, стр. 7, 8, 17.

от *усиленного движения двух предыдущих лет* в сбыте товаров чувствовался некоторый *застой*» [1].

Еще яснее эта вторая причина «застоя» 1858 и 1859 гг., в течение которых «даже самые солидные предприятия не избежали *влияния кризиса*», указывается тем же хроникером В. Татариновым через пару лет. Ссылаясь на свою статью 1858 г., где он уже будто бы предсказывал, что «акционерным обществам грозит близкий кризис», он так формулирует его причину: наши фабриканты, «увлекшись усиленным спросом последних лет... *несоразмерно увеличили свое производство*» [2]. В связи с этим перепроизводством привозы на Нижегородскую ярмарку 1858 и 1859 гг. отнюдь не падали, но *реализация* их шла все хуже. Фабриканты *вынуждены* были отдавать товары в кредит на продолжительные сроки, несмотря на то, что многие из старых долгов не были уплачены. Прямое сокращение оборотов Нижегородской ярмарки можно отметить лишь за 1860 и 1861 гг. [3]

Ярмарка 1860 г., по замечанию ее обозревателя, «под влиянием общего застоя торговли, безденежья и нестерпимой жары, шла вяло», рано прервана холерой и в общем «должна быть отнесена к числу наименее удачных». Ярмарка 1861 г. прошла не лучше — *при «страшном упадке цен...* главнейшая масса товаров отдана в кредит и на продолжительные сроки: от 6 до 12 и даже до 24 месяцев», причем не платили и старых долгов. Причинами и здесь обозреватель С. Серафини указывает «всеобщее и совершенное безденежье», перепроизводство и «торговый кризис», налегшие «общественным бедствием на промышленный наш класс» [4].

Таким образом, действие мирового кризиса 1857—1858 гг. затянулось у нас в отдельных отраслях хозяйства значительно дольше, чем на Западе, вплотную сомкнувшись с кризисом всей системы крепостного хозяйства России.

Начальную стадию этого кризиса в России несколько затемняет Крымская война, длившаяся с марта 1853 г. по февраль 1856 г. Эта война нанесла тяжелый удар всему народному хозяйству. В частности, она совершенно прекратила железнодорожное строительство и создала на время не только застой, но даже прямой упадок промышленной деятельности с минимумом производства в 1854 г. По ряду производств это падение продолжалось еще и в 1855 г. Но в общем с этого года, несмотря даже на войну, а отчасти, может быть, и в связи с военными поставками в стране почувствовалось явное повышение конъюнктуры.

«Коренное оживление наших промышленных и коммерческих дел,— по свидетельству современника,— принадлежит к 1854—1857 гг. Оно началось еще до заключения мира. Оно проявилось чрезвычайным усилением фабричной деятельности, преимущественно в северной промышленной полосе... необычайной бойкостью оборотов на всех внутренних ярмарках, быстрым увеличением сбыта как отечественных, так и иностранных мануфактурных товаров... Апогей этого движения внутри России был в *1855 и 1856 годах*, о которых решительно все участники нашей промышленной и коммерческой деятельности говорят как *о золотом времени.* И простые рабочие (?), и фабричные (?), и фабриканты, и купцы всюду говорили нам об этом времени, «мы тогда озолотились». Фабрики не успевали изготов-

---

[1] В. Татаринов. Промышленная хроника. Январь — апрель 1858 г.— «Журнал мануфактур и торговли», 1858, т. VI, кн. 10, отд. VI, стр. 28, 29, 31 (курсив наш.— *С. С.*); «Материалы для географии и статистики России. Калужская губерния», ч. 1—2. СПб., 1864, стр. 625.

[2] В. И. Татаринов. Обозрение правительственных распоряжений, касающихся промышленности, за 1860 год.— «Журнал мануфактур и торговли», 1861, т. I, кн. I, стр. 1, 24 (курсив наш.— *С. С.*).

[3] Общая сумма привоза товаров на Нижегородскую ярмарку составляла в 1858 г. 94,9 млн. руб., в 1859 г.— 103,3 млн., в 1860 г.— 102,6 млн. и в 1861 г.— 96,8 млн. руб.

[4] С. Серафини. Нижегородская ярмарка в 1861 году.— «Журнал мануфактур и торговли», 1861, т. I, кн. I, стр. 49, 52—53, 78.

лять товары, которые быстро расхватывались; строились новые фабрики и расширялись старые; удваивалось число рабочих часов, работали ночью; цены на все товары и заработки росли непомерно» [1].

Высшей точкой предпринимательского ажиотажа были, по-видимому, конец 1856 и начало 1857 г. Капитал вновь основанных акционерных компаний за 1855 г. составлял всего 750 тыс. руб., за 1856 г. он поднялся до 15,5 млн. руб., в 1857 г. сразу делает прыжок до 300 млн. руб., а затем снова резко падает в 1858 г. до 51 млн. руб. [2] «Сначала казалось,— писал об этом ажиотаже другой современник,— что акционерные дела идут весьма хорошо, и публика обратилась к ним с необыкновенным доверием. Акции всех обществ весьма легко перепродавались на бирже и часто заменяли наличные деньги или облигации. Но скоро все изменилось. Невыгодный (платежный) баланс произвел невыгодный курс и вызвал большой спрос монеты. Банки перестали выдавать ссуды под недвижимые собственные имения и дома. Акции потеряли свою ценность и не могли уже по-прежнему заменять денежных знаков... Недостаток денег сделался повсеместным. Все это совокупно отразилось на всех других отраслях промышленности, особенно на мануфактурных, и произвело повсеместный в государстве застой торговли» [3].

«После промышленного оживления,— сообщает о том же В. Безобразов,— настала эпоха, с совершенно противоположными признаками: всеобщий промышленный и коммерческий застой, дающий положению наших дел с 1858 и 1859 гг. характер кризиса. Уже с 1858 г. начинаются во внутреннем производстве и торговле задержки, заминки, которые в 1859 г. превращаются внутри России *в решительный кризис*... Крушение акционерных компаний было бы излишне описывать; оно слишком всем известно... Место безграничного увлечения акционерным делом заступила или настоящая паника или полнейшее равнодушие» [4].

Эти настроения поддерживались дальнейшим резким падением цен начиная с 1857—1858 гг. Так, например, цены на сахар-сырец за 1857—1859 гг. упали с 8 руб. 78 коп. золотом за пуд до 6 руб. 24 коп., т. е. почти на 29%; цены на русскую шерсть — с 6 руб. 26 коп. в 1857 г. до 4 руб. 77 коп. в 1859 г., или на 24%; на американский хлопок в Москве за те же годы — с 7 руб. 67 коп. до 6 руб. 61 коп., или на 14%, а на бумажную пряжу — с 21 руб. до 17 руб. 12 коп., т. е. на 18,5%; на полосовое железо в Петербурге за один 1859 г.— с 1 руб. 45 коп. до 1 руб. 29 коп., т. е. на 11%, и т. д. [5] По другому источнику, цены бумажной пряжи высшего качества (основа № 30—40) в г. Шуе достигали в 1856 и 1857 гг. 24 руб. 50 коп. серебром за пуд, в 1858 г.— 18 руб. 50 коп., в 1859 г.— 18 руб., в 1860 г.— 16 руб., т. е. за 3 года упали на 33% [6].

Мы не располагаем вполне сравнимыми отчетными данными по всей промышленности за соответствующий период. Слишком часто менялась тогда полнота учета в отношении числа охваченных им производств и губерний. Менялся также нередко и состав производств, объединяемых в ту или иную отрасль. Недосланные за какой-либо год сведения из той или иной губернии чаще всего восполнялись данными соседних лет. Если же,

---

[1] В. Безобразов. О некоторых явлениях денежного обращения в России в связи с промышленностью, торговлею и кредитом.— «Русский вестник», М., 1863, т. 45, № 5, стр. 377, 378.

[2] Там же, стр. 379.

[3] А. Шипов. Куда и отчего исчезли у нас деньги? — «Вестник промышленности», 1860, т. IX, № 7, стр. 33—34.

[4] В. Безобразов. О некоторых явлениях...— «Русский вестник», 1863, т. 45, № 5, стр. 380, 391.

[5] М. Н. Соболев. Таможенная политика России во второй половине XIX века. Томск, 1911, Прилож., таблица цен.

[6] И. М. Лядов. Очерк торговли хлопчатобумажною пряжею в г. Шуе и его уезде.— «Памятная книжка Владимирской губернии на 1862 год», отд. II. Владимир, 1862, стр. 33.

Продукция важнейших производств России за

Год	Бумагопрядильное	Ситценабивное, красильное и отделочное	Полотняное и льнопрядильное	Суконное и камвольное	Шелковое и ленточное	Бумаготкацкое
1	2	3	4	5	6	7
1851	13,5	15,7	3,2	23,6	6,2	12,2
1852	15,6	16,3	2,2	24,4	5,7	14,2
1853	17,3	16,8	2,5	22,5	5,5	15,9
1854	15,6	14,3	2,9	23,3	4,9	11,9
1855	15,2	12,1	3,3	25,4	4,9	13,5
1856	18,5	16,5	2,9	32,4	6,4	15,6
1857	21,9	19,2	4,0	28,9	5,8	13,4
1858	23,6	22,3	4,0	31,9	6,7	18.7
1859	31,3	20.0	4,3	32,6	7,9	21,5
1860	28,7	23,6	6,1	35,4	7,1	19,3

несмотря на это, департамент находил доставленные ему по тем или иным производствам сведения неполными, то и вовсе опускал их «за неполнотой» в своих сводках и публикациях. Однако ограничиваясь лишь важнейшими производствами, по которым имеются достаточно полные и сравнимые итоги за весь сопоставляемый период, мы получаем такую картину для 50-х годов (табл. 2).

Если оставить в стороне столь отдаленные предвестники кризиса, как заметное сокращение продукции полотняной, шелковой, кожевенной и сахарной промышленности еще с 1852 г., то довольно резкий упадок производства в военные годы с минимумом в самый разгар войны (1854 г.) можно было бы целиком отнести за счет военной разрухи. Однако общее сокращение продукции в 1854 г. со 109,6 до 101,9 млн. руб., т. е. на 7,7 млн. руб., или 7,0%, по всем учтенным в табл. 2 отраслям перекрывается с избытком падением одной лишь хлопчатобумажной продукции за тот же год с 50 млн. до 41,8 млн. руб., т. е. на 8,2 млн. руб., или 16,4%, причем это падение продолжалось еще и в следующем году. Вместе с тем известно, что сокращение переработки хлопка за те же 1854 и 1855 гг. имело место в Англии, и во Франции, и в Германии, и даже в США, т. е. в странах, отнюдь не задетых какой-либо войной. Этот *международный* характер указанного явления мешает нам отнести его за счет одной лишь войны и в России.

Вслед за минимумом 1854 г. и сменившей его полосой бурного оживления в 1855 и 1856 гг. наши итоги обнаруживают новую полосу сокращений производства, соответствующую мировому кризису 1857 г. В этом году мы можем отметить новый минимум в 7 производствах из 13, а в следующем — еще в 3. Из остальных: в полотняном производстве минимум продукции падает уже на 1856 г., а в хлопчатобумажных производствах, переживших уже тяжелое испытание в 1854—1855 гг., новый минимум несколько запаздывает, проявляясь полностью лишь в 1859 и 1860 гг. В сахарном производстве минимум продукции пришелся на 1856 г., в добыче угля — на 1859 г. В связи с таким расхождением минимумов для разных отраслей в итоге по всем учтенным производствам в нашей таблице можно отметить только остановку роста в 1857 г. вместо прямого падения. Впрочем, при среднем годовом приросте продукции до 7% в год такая остановка роста тоже весьма показательна. Если же обратиться к отдельным отраслям, то прямой упадок продукции в кризисные для них годы дости-

Таблица 2

1851—1860 гг. в млн. руб. (без Польши и Финляндии)

Обработка металлов	Обработка кожи	Химическое и красочное	Стекло-фарфоровое и фаянсовое	Итого	Чугун, млн. пуд.	Каменный уголь (донецкий), млн. пуд.
8	9	10	11	12	12	14
10,7	9,6	2,2	3,7	100,6	12,6	3,31
11,9	9,2	2,4	4,0	105,9	13,2	4,00
12,7	10,0	2,6	3,8	109,6	14,5	3,84
13,4	9,1	2,9	3,6	101,9	14,2	3,75
15,0	9,6	3,4	3,4	105,8	15,3	4,50
15,6	10,0	3,9	4,0	125,8	15,8	3,80
15,2	9,4	3,4	4,1	125,3	13,1	4,50
17,8	11,1	4,4	4,1	144,6	16,9	4,50
22,8	14,0	4,7	4,7	163,8	16,5	2,80
23,4	16,6	4,1	5,1	169,4	20,5	6,01

гал и гораздо более значительной глубины: например, по бумагопрядению — от 8,5 до 12%, по производству шелковых, шерстяных, суконных, бумажных тканей и химических продуктов — от 9 до 13%, по льнобумаготкачеству — от 12 до 14%, по производству чугуна — до 17 и добыче угля — до 38%.

Очень характерны в этих коньюнктурных колебаниях взаимоотношения таких конкурентов, как лен и хлопок. Каждому падению переработки хлопка соответствует повышение переработки льна, и наоборот, всякому снижению льняного производства соответствует подъем хлопчатобумажной промышленности. Это отнюдь не случайное явление, и оно отчасти объясняет столь заметное в табл. 2 расхождение и разновременность кризисных максимумов и минимумов в различных отраслях промышленности.

Минимум производства обычно совпадает с максимумом безработицы и наоборот. Однако для конца 50-х годов характерно иное явление. Здесь значительное сокращение числа рабочих наблюдается уже после низшей точки кризиса 1857 г. По отчетам департамента мануфактур, мы располагаем такими итогами динамики всей обрабатывающей промышленности (кроме подакцизных отраслей накануне крестьянской реформы).

Год	Число фабрик	Число рабочих, тыс.	Продукция, млн. руб.
1856	10 011	432,1	166,0
1857	10 152	445,9	173,0
1858	11 456	530,6	195,5
1859	12 242	503,5	221,1
1860	13 325	468,6	234,5

1858 г. здесь дает прирост по всем показателям. Сумма продукции растет также и в следующие годы. А число рабочих, несмотря на возрастание числа учтенных предприятий, *падает* за два года на 11,6%. И это, как уже отмечалось выше, отнюдь не случайное явление. В архивном отчете департамента за 1861 г. мы находим следующее его объяснение: «Такое уменьшение числа рабочих людей на фабриках происходит частью от уменьшения производства на *помещичьих* фабриках, частью же от *введения машин*, что подтверждается и постоянным возрастанием машинного

производства в России». О росте машиностроения за соответствующие годы можно судить по следующим отчетным данным:

Год	Заведения	Рабочие	Продукция, тыс. руб.
1850	25	1 475	423,4
1856	31	6 604	3865
1857	43	7 032	4015
1858	47	7 602	4199
1859	85	8 526	5260
1860	99	11 600	7954

За 1856—1860 гг., несмотря на кризис в других отраслях, продукция машиностроения удвоилась. Темп головокружительный для того времени, в особенности после 1858 г., когда за два года оно возросло на 90%! И в этом не было ничего удивительного. Каждый капиталистический кризис, обостряя конкуренцию, служит толчком к новой технической реконструкции промышленности, а, стало быть, и к новому подъему машиностроения. Но в те годы реконструкция направлялась еще на перестройку мануфактуры в фабрику. Говоря иначе, ручной труд вытеснялся машинным, что не могло проходить без заметного сокращения рабочей армии даже при некотором расширении производства. А тут, в дореформенную эпоху, оставалось еще немало помещичьих мануфактур с крепостным трудом, которым и без того трудно было соперничать с более производительным свободным трудом. В период кризиса это становилось для них еще труднее, а в период реконструкции соперничать с передовой машинной техникой купеческих фабрик и совсем невозможно. Помещичьи предприятия не выдерживали конкуренции и закрывались. Таким образом, промышленный кризис 1857 г., перерастая в условиях крепостной России в кризис всей системы отживающего феодализма, несомненно, в какой-то степени ускорял ее неизбежную гибель.

Кризис 1866 г. Мировому кризису 1866 г. предшествовала гражданская война в США, протекавшая с весны 1861 по май 1865 г., и вызванный ею хлопковый голод. Эти события вызвали уже с 1861 г. довольно серьезный застой и безработицу в текстильной промышленности Англии и ряда других стран. Раньше, чем в других странах, с прекращением военных заказов вспыхнул общий кризис в США. Предвестником его можно считать биржевую панику в Нью-Йорке, разразившуюся еще в апреле 1864 г. Промышленный кризис здесь начался немедленно вслед за прекращением военных действий в 1865 г. Но если низший уровень производства чугуна здесь падает на 1865 г., то в других отраслях этот уровень достиг здесь минимума лишь в 1867 г.

В Англии дело началось с краха одного из крупнейших лондонских банков 10 мая 1866 г. До вечера 11 мая выявилось еще 6 банкротств на 21 млн. фунтов стерлингов; 17-го «паника, по-видимому, миновала», но поступили сведения о банкротствах в Вене, Стокгольме, Гавре, Шафгаузене, Барселоне... В Англии минимум производства в разных отраслях был достигнут в 1866, 1867, 1868 гг. Во Франции после застоя 1861—1864 гг. последовало некоторое улучшение и настоящий кризис разразился только в 1867 г. после краха крупнейшего французского банка Креди Мобилье. Минимум производства в разных отраслях здесь приходится уже на 1867 и 1868 гг.

В России 60-х годов помимо хлопкового голода и мирового кризиса действовал еще свой, особый фактор, заметно задержавший развитие некоторых отраслей промышленности. Мы имеем в виду кризис всей крепостной системы хозяйства, вылившийся в крестьянскую реформу 1861 г. В тех отраслях промышленности, в которых к моменту реформы еще сохранились

значительные кадры принудительного труда, переход к новым условиям освобожденного труда сопровождался резкими потрясениями и даже прямым упадком производства на два-три года. Реформа 19 февраля 1861 г. на заводах проводилась с большой волокитой, уставные грамоты о новых взаимоотношениях проводились крайне медленно. Но старый заводской режим был скоро сломлен, рабочие разбегались в поисках лучших условий, и в ряде отраслей, в особенности в горнозаводском деле, в сахарной и суконной промышленности, заводы пару лет после реформы работали с перебоями.

Кризис крепостной системы, связанный с датой 19 февраля 1861 г., имел неисчислимые социально-политические и экономические последствия в самых разнообразных областях жизни, и в особенности в области сельского хозяйства. Но это особая тема, заслуживающая специального изучения. Нельзя, однако, оставить без внимания в этой области некоторые моменты, которые непосредственно связаны и с промышленными кризисами. Реформа 1861 г. дала громадный импульс для развития всех отраслей хозяйства, в том числе и для нового, еще невиданного подъема промышленности. Но та огромная ломка, которая потребовалась повсюду, чтобы приспособиться к новым условиям хозяйства, потребовала немалых издержек пускового периода по освоению нового социального строя и немалого времени. Прежде всего старый барин-крепостник по общему правилу *совсем не мог их освоить* и до прихода ему на смену «чумазого» кулацко-купеческого предпринимателя во избежание неприятных встреч со всей бывшей «крещеной собственностью» чаще всего удалялся на покой в столицы или за границу проедать там свои выкупные свидетельства, а затем и родовые дворянские гнезда. У Щедрина имеются незабываемые образы таких порхающих налегке за границей бар, которые из Парижа или Монако то и дело шлют своим управителям срочные телеграммы о продаже своих родных Тараканих, Опалих, Бычих, Коняих и т. п., ставших теперь для них лишь обузой, и о присылке денег. Vendez Russie vite, envoyez d'argent [1],— вот в последнем счете как звучали в передаче Щедрина эти телеграфные приказы из «прекрасного далека».

Сопоставляя с этим литературным свидетельством отчетные данные об отливе золота за границу после крестьянской реформы, мы получили некоторое представление и о небывалых до того масштабах этой операции. Если ограничиться для большей ясности вывозом и ввозом золота в монете и слитках только по европейской границе, то получим такие итоги за 1860—1867 гг. (в тыс. руб.).

Годы	Вывоз	Ввоз	Сальдо
1860	6 546	7 065	+519
1861	11 752	6 968	— 4 784
1862	32 206	4 838	—27 368
1863	59 921	4 990	—54 931
1864	21 938	5 048	—16 890
1865	18 924	3 021	—15 903
1866	25 827	2 373	—23 454
Итого за 1861—1866 гг.	170 568	37 238	—143 330
1867	12 131	33 229	+21 098

Шесть лет подряд после реформы русское золото лилось непрерывным потоком за границу. И это несмотря на внешние займы: в 1862 г. на 15 млн. фунтов стерлингов, или 96 млн. руб. золотом, и англо-голландский заем в 1864 г. на 38 млн. руб. Если бы эти займы на 134 млн. руб. не удалось

[1] Продавайте скорее Россию, высылайте денег!

заключить, то отлив золота из России за указанные шесть лет повысился бы, стало быть, до 277 млн. руб. [1] Но и это еще не все. Верная своему лозунгу «недоедим, а вывезем», русская деревня перекрыла за 1861—1866 гг. ввоз по европейской границе вывозом минимум на 178 млн. руб. Таким образом, полный итог *всех* платежей золотом и товарами, которые царская Россия вынуждена была уплатить за свою отсталость капиталистическому Западу в течение 1861—1866 гг., составил не менее 455 млн. руб. Конечно, в эту сумму вошли и платежи по государственным внешним займам, и проценты на иностранные капитальные вложения в России, и многое другое. Но такого рода платежи бывали и до 1861 г. и после 1866 г., а подобного отлива ценностей за границу не бывало. Его не мог бы создать даже самый упорный промышленный кризис. Это, несомненно, было очень яркое проявление гораздо более глубокого кризиса *всей системы хозяйства*, в котором расплачивался, между прочим, целым ливнем золота за границу за свою хозяйственную несостоятельность *и господствующий класс* павшего феодального уклада — российское дворянство.

Сопоставляя приведенные выше огромные суммы наших платежей за границу с более чем скромными размерами золотой наличности Государственного банка [2], нетрудно заключить, что крепостная Россия после крымской кампании, как это уже отмечалось русской общественностью перед реформой, действительно уже совсем «зарвалась». Ей «нечем было платить» по своим обязательствам. И если бы она еще задержалась на пару лет с отменой крепостного строя, теряя с внутренней дезорганизацией и внешний кредит, она не миновала бы полного государственного банкротства.

Хлопковый голод в России в связи с гражданской войной в США достиг своей высшей точки в 1862 г. По отдельным годам ввоз хлопка через европейскую и азиатскую границы в Россию составлял (в тыс. пуд):

Год	Хлопок
1860	2 611 +229 =2 840
1861	2 491 +152 =2 643
1862	445 +405 =850
1863	587 +495 =1 082
1864	993 +704 =1 637
1865	1 125 +466 =1 591
1866	2 372 +580 =2 952

Как видим, хлопковый голод кончился у нас не раньше 1866 г., причем ввоз в 1862 г. едва достигал 30% нормы 1860 г. Число рабочих на бумагопрядильных мануфактурах, однако, сократилось несколько меньше — с 41,3 тыс. в 1860 г. до 22,4 тыс. в 1862 г., т. е. до 54% той же нормы, а по стоимости продукции это сокращение в связи с ростом цен было еще меньше, сохраняя до 92% нормы 1860 г. Конечно, цифры подвоза хлопка, не совпадали с итогами его переработки за те же годы, и минимум переработки, судя по числу рабочих, имел место только в 1864 г., т. е. в год прекрасной рыночной конъюнктуры на хлопковые изделия, когда цены на пряжу в 2,5—3 раза превышали у нас цены 1861 г. [3] Уже из этого ясно, что не всякое сокращение продукции можно трактовать как кризис перепроизводства.

[1] Кстати сказать, и видимый *прилив* золота в Россию за 1867 г. на 21 млн. руб. объясняется только новым англо-голландским займом по указу от 4.XI 1866 г. на 38 млн. руб. золотом. Без него и в 1867 г. мы имели бы еще чистый отлив золота на 17 млн. руб. («Ежегодник министерства финансов», вып. 1, отд. 2. СПб., 1869, стр. 2).

[2] К 1861 г. не свыше 60 млн. руб.

[3] Пряжа (уток № 38—40) в 1861 г. стоила 10 руб. 50 коп., а в 1864 г.— 62 руб. 40 коп.— 35 руб. 50 коп. золотом за пуд.

Иначе приходится расценивать сокращение и застой производства в ряде отраслей после 1866 г. С 1864 по 1866 г. у нас наблюдался заметный подъем промышленности как по числу рабочих, так и по объему производства. Но уже в конце 1866 г. конъюнктура резко меняется. Цены на хлопок и хлопковую пряжу и ткани, столь стремительно взлетевшие в предшествующий период кверху, столь же стремительно летят вниз. Так, например, бумажная пряжа (уток № 38—40), доходившая в Москве в 1864 г. до 46 руб. кредитных или 35 руб. 50 коп. золотом, за пуд, в 1867 г. расценивалась уже в кредитных рублях в 17 руб. 28 коп., а в 1868 г.— в 16 руб. 54 коп.

В связи с низкими урожаями 1864 и 1865 гг. снижаются и денежные ресурсы деревни. Всего заметнее это сказывается уже с 1865 г. снижением поступлений в доход казны всех *косвенных* налогов и пошлин, включая сюда и такой крупнейший козырь фиска, как питейный доход. В 1864 г. эти налоги дали фиску 191,2 млн. руб., в 1865 г.— 188,8 млн. руб. и в 1866 г.— 181,7 млн. руб. В городах, в особенности в крупнейших столичных центрах, за те же годы можно отметить не менее показательный отлив вкладов из сберегательных касс. Так, например, по Москве и С.-Петербургу вклады в сберегательные кассы составляли: в 1865 г.— 1007 тыс. руб., в 1866 г.— 852 тыс. руб. и в 1867 г.— 790 тыс. руб., а истребовано за те же годы из касс соответственно 1692, 897 и 816 тыс. руб., т. е. истребовано в общем при ежегодном снижении вкладов на 28,6% больше, чем вложено. Влияние мирового кризиса 1866 г. привело к снижению вексельного курса петербургской биржи на Лондон за рубль серебром с $32^1/_8$ пенса 12.III 1865 г. до $25\ ^3/_4$ пенса к 14.VI 1866 г., т. е. почти на 22% [1]. Внутренние затруднения на денежном рынке вынуждают даже Государственный банк поднять учетный процент за время с 18.VI 1866 г. по 16.VI 1867 г. с 5 до 8%, причем на этом уровне учетная ставка держится свыше 9 месяцев — до 28.III 1868 г., спускаясь вновь до 5% не ранее февраля 1869 г. К тому же периоду относятся и возрастающие затруднения в товарообороте с минимумом в 1868 г. [2] Привоз на Нижегородскую ярмарку достигал в 1867 г. 128 млн. и в 1868 г.— 126 млн. руб. Общий оборот внешней торговли за 1867 г. составил 510 млн. руб., в 1868 г.— 487 млн. руб.

Обращаясь, наконец, к общим итогам движения обрабатывающей промышленности в 50 губерниях Европейской России, мы располагаем такими цифрами по 34 производствам [3].

Год	Заведения	Рабочие, тыс.	Продукция, млн. руб.
1864	5 782	272	201
1865	6 175	290	211
1866	5 775	311	239
1867	6 934	314	236
1868	7 091	329	249
1869	7 325	341	283
1870	7 691	354	314

Как видим, несмотря на некоторое увеличение числа учтенных здесь за 1867 г. заведений и рабочих, продукция их определенно *падает* за этот год.

Еще заметнее это падение — и не только по объему производства, но и по числу рабочих — уже начиная с 1866 г., но с минимумом в 1867 г. в более полной сводке, приведенной В. И. Лениным [4], *по всем* учтенным

[1] «Ежегодник министерства финансов» за 1869 г., вып. 1, отд. 1. СПб., 1869, стр. 28—29; отд. 2, стр. 110—131, 162, 163, 166.

[2] «Мировые экономические кризисы (1848—1935)», т. 1, стр. 513—516.

[3] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 603.

[4] Там же.

производствам. Но, к сожалению, итоги этой более полной сводки менее сравнимы между собой. Не дается у В. И. Ленина также, к сожалению, расчленения его итогов по отраслям, а потому в целях более детального *отраслевого* анализа приведем здесь еще одну таблицу по важнейшим производствам, охватывающую более узкий круг производств, но дающую достаточно сравнимые итоги за целое десятилетие (табл. 3).

Таблица 3

Продуция важнейших производств России за 1860—1870 гг., в млн. руб. (без Польши и Финляндии)

Год	Химическое и красочное	Машиностроительное и литейное	Стекло-фарфоровое	Бумагопрядильное, ткацкое	Ситценабивное, красильное и отделочное	Шелковое и ленточное	Обработка кожи	Обработка бумаги	Полотняное и льнопрядильное	Суконное и камвольное	Итого	Чугун, млн. пуд.	Каменный уголь (донецкий), млн. пуд.	Сахарный песок, млн. пуд.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
1860	4,1	13,1	5,0	48,0	23,6	7,1	16,6	6,4	6,1	35,4	165,4	20,5	6,0	4,0
1861	4,9	12,8	5,1	49,8	29,3	7,7	19,0	6,3	7,7	32,6	175,2	19,5	10,2	2,6
1862	3,5	13,0	4,6	44,9	24,5	6,6	18,1	6,3	7,1	32,9	161,5	15,3	7,1	1,9
1863	3,1	18,2	5,0	38,7	21,4	4,7	18,2	6,1	6,3	33,3	155,0	17,0	6,4	2,9
1864	2,5	20,9	5,4	52,4	23,5	3,7	17,8	5,3	7,9	42,0	181,4	18,3	7,0	3,9
1865	2,8	14,6	4,9	61,8	24,6	4,4	18,4	5,2	8,4	45,6	190,7	18,3	9,8	3,0
1866	3,9	14,5	4,8	80,2	32,8	4,7	18,6	5,5	9,6	45,6	220,2	18,6	13,8	5,7
1867	4,6	14,6	4,7	72,6	32,1	4,4	16,1	(5,3)	10,4	51,2	216,0	17,6	9,3	6,3
1868	6,3	17,8	4,8	70,8	39,0	6,3	16,9	7,0	10,3	48,8	228,0	19,8	7,9	4,1
1869	6,4	19,2	5,5	89,3	39,4	6,9	20,7	7,5	(9,4)	52,5	256,7	20,1	13,4	5,0
1870	6,1	28,5	6,8	96,5	40,1	7,4	25,0	8,0	(11,0)	54,3	283,7	21,9	15,7	6,3

С завершением крестьянской реформы начиная с 1863 по 1866 г. общий прирост продукции по 10 отраслям достиг за 3 года 42%. Правда, в некоторых отраслях, например в производстве чугуна, бумаги и шелковых изделий, вызванный крестьянской реформой глубокий застой продолжался все десятилетие. Но тем показательнее бурное оживление *в остальных* отраслях. Очевидно, и хлопковый голод, и перестройка, связанная с реформой, к этому времени для них уже целиком были в прошлом. И все же в связи с мировым кризисом 1866—1867 гг. мы в 1867 г. наблюдаем новое общее падение продукции с последующим застоем. При среднем годовом приросте за десятилетие в 6—7% за 1867 г. мы видим прямое падение на 2% с таким подъемом в 1868 г., который дает всего 4% прироста к уровню 1866 г. Говоря иначе, за два года получилась потеря в темпах прироста минимум на 10%.

Еще резче сказалось влияние мирового кризиса на отдельных отраслях российской промышленности. Уже в год начальной даты этого кризиса в США, т. е. в 1865 г., мы можем отметить и у нас заметное падение продукции в бумажном и стекольном производствах, в сахароварении на 23% и в машиностроении — до 30%. В 1866 г. продолжается падение продукции машиностроения и стекольно-фарфорового производства, намечается остановка суконной промышленности, а в 1867 г. мы вновь наблюдаем падение продукции уже в 8 отраслях из 13, приведенных в табл. 3. В 1868 г. кризис еще продолжается в бумагопрядении и каменноугольной добыче, падает вновь продукция суконной, полотняной и свеклосахарной промышленности; в 1869 г. наблюдается падение льнопрядильного производства. В общем за вторую половину 60-х годов то или иное сокращение продукции претерпели решительно все из перечисленных в табл. 3 произ-

водств, в том числе обработка кожи и бумагопрядение — до 31%, свеклосахарное производство — на 35% и добыча каменного угля — свыше 42%.

Нужно отметить, что на Западе такой глубины падения продукции за время мирового кризиса 60-х годов ни в одной из отраслей промышленности не отмечалось [1]. У нас кризис 1866—1877 гг. был, по-видимому, глубже, чем в США, Англии, Германии и Франции. А между тем в нашей экономической литературе этого кризиса до сих пор никто даже не заметил.

В приведенном кратком обзоре кризисов 1847, 1857 и 1867 гг. в России мы далеко не исчерпали весь материал, характеризующий экономику этой интереснейшей эпохи ликвидации крепостного строя в России. Нам далеко еще не ясна роль указанных частных *промышленных* кризисов в ускорении и завершении основного кризиса всего дореформенного хозяйственного уклада. Но уже теперь несомненно, что роль их в этом отношении была немалая. Ведь каждый из этих кризисов давал новый огромный импульс к механизации труда. И если в 1845 г. годовой привоз и внутреннее производство машин давали их стране всего на 1,25 млн. руб., то уже после первого кризиса эта сумма возросла в 1850 г. до 2,5 млн. руб., после второго к 1860 г. она поднялась уже до 16,5 млн. руб., т. е. в 6,6 раза за десятилетие, а после третьего, к 1870 г.,— до 65 млн. руб., т. е. еще почти в 4 раза, а всего за 25 лет — в 52 раза. К началу 1861 г. у нас было уже внедрено машин на сумму свыше 100 млн. руб., а к концу 1870 г.— не менее чем на 350 млн. руб. Правда, по современным советским масштабам эти суммы ничтожны, но по тогдашним масштабам индустриализации они означали огромный *революционный сдвиг* на пути от мануфактуры к фабрике. Во всяком случае подобных *темпов* машинизации уже не знавала последующая история капиталистического развития России.

* * *

С начала 70-х годов цикличность в развитии русской промышленности приобретает особую отчетливость и яркость. Юный капитализм, сбросив с себя крепостные путы, не встречал уже внешних преград в дальнейшем своем развитии. Правда, натыкаясь на ограниченность внутреннего рынка, промышленный рост России по-прежнему прерывался периодическими кризисами перепроизводства. Но и кризисы становятся иными. Их уже не приходится трактовать как *отражение* мировых кризисов, они возникают здесь нередко даже раньше, чем на Западе, становятся гораздо более глубокими и затяжными. Страна вступила в новую полосу своего развития.

К р и з и с 1873 г. Мировой кризис 70-х годов в большинстве стран начался уже в 1873 г. Ему предшествовала во всей Западной Европе эпоха необыкновенного оживления. На фондовый рынок Германии в связи с миллиардами контрибуции, текущими из побежденной Франции, были внезапно выброшены огромные капиталы. Началась учредительная горячка. Особенно сильный ажиотаж и спекуляция наблюдались в Германии и Австрии, в частности в Вене, где прежде всего и разразился кризис. Сигналом к нему послужила биржевая паника на Венской фондовой бирже 8 мая 1873 г. Вскоре затем последовал биржевый кризис и в Германии. В США вслед за небывалой железнодорожной спекуляцией разразился соответствующий крах лишь 18 сентября 1873 г. Это был один из самых тяжелых и затяжных мировых кризисов. Если его начало относится к 1873 г., а разгар к 1874 г., то в целом ряде отраслей низшая его точка наблюдалась и значительно позже, вплоть до 1879 г. Что же касается Англии, то хотя в

[1] «Мировые экономические кризисы (1848—1935)», т. 1, стр. 66—77. В США отмечается падение продукции отдельных отраслей до 18%, в Германии — до 12, в Англии — до 8 и во Франции — до 3—4%.

1873—1874 гг. она и испытала легкое снижение продукции некоторых отраслей, но настоящий кризис разразился в ней только в 1878—1879 гг.

В России указанный кризис начался, по-видимому, несколько раньше, чем на Западе. С конца 60-х годов до 1873 г. у нас тоже наблюдалось большое оживление и подъем в промышленности и торговле. В огромной степени расширилось и железнодорожное строительство. Но начало кризиса и банкротства относится еще к концу 1872 г., а снижение цен и продукции в некоторых производствах началось еще раньше.

В области цен первые признаки снижения рыночной коньюнктуры намечаются уже в 1870—1871 гг. Но гораздо более решительное снижение цен после некоторого оживления в 1872 г. началось с 1873 г. К действию кризиса здесь присоединилось, быть может, и влияние войны 1877—1878 гг. Во всяком случае послекризисное падение цен затянулось до 1877—1878 гг. Это особенно ясно видно, если устранить резкие колебания курса кредитного рубля, выражая цены в *золотом* исчислении. Приведем ряд конкретных цен за 1872—1878 гг. (табл. 4) [1].

Таблица 4

Цены 1872 — 1878 гг. (в руб. золотом)

Год	Миткаль средний, за аршин, коп. (Москва)	Пряжа уток № 20 за пуд (Москва)	Сахар, песок за пуд (Москва)	Каменный уголь, за пуд, (Рига)	Железо полосовое за пуд (Санкт-Петербург)
1	2	3	4	5	6
1872	8,3	14,61	5,44	7,3	1,32
1873	7,2	11,61	4,81	8,1	1,29
1874	6,7	10,57	5,58	7,9	1,49
1875	—	10,37	5,33	7,8	1,46
1876	5,7	8,66	3,99	7,3	1,38
1877	4,7	8,62	3,34	6,1	1,33
1878	5,5	11,54	3,26	5,9	1,23

В некоторых отраслях в 1874 г. намечается улучшение, но затем цены снова идут вниз. В общем же цены на железо упали с 1874 г. на 17,5%, на каменный уголь с 1873 г.— на 27,2, на сахар за 4 года —на 41,7, на миткаль за 1873—1877 гг.— на 43,4 и на пряжу за те же 5 лет — на 41%. С 1878 г. дела с хлопком уже заметно улучшаются. Наступает перелом коньюнктуры.

Денежные затруднения, а вместе с тем и учетная ставка Государственного банка стали заметно повышаться уже с осени 1872 г. 1 сентября 1872 г. учетная ставка была поднята с 6 до 6,5%, 9 сентября — до 7%, 3 октября — до 8% и на этом уровне оставалась до 12 января 1873 г., а затем медленно поползла вниз, достигнув вновь 6% только 20 апреля 1874 г.

Во внешней торговле значительное сокращение вывоза из России имело место уже в 1872 г. на 42 млн. руб. и в 1874 г.— на 50 млн. руб. Во внутренней торговле прямое падение привозов на Нижегородскую ярмарку на 11,2% отмечается только в 1873 г. с некоторым повышением в 1874 г. и новым неуклонным падением вплоть до 1878 г.— за 4 года на 21%. Но и производство пряжи и тканей из хлопка пошло на снижение уже в 1871—1872 гг. Спрос на них падал, и, по свидетельству Я. Гарелина, уже «конец 1872 и начало 1873 г. ознаменованы были *банкротствами*». «Такой ход торговли,— поясняет Гарелин,— не объясняется конкуренцией с иностранными фабрикантами... Главная причина такой плохой торговли за-

[1] М. Соболев. Указ. соч., Прилож., таблица.

ключалась в том, что ситцев наработано было громадное число и их нужно было сбыть во что бы то ни стало» [1].

Такие объяснения не слишком глубоко вскрывают «главнейшие причины» кризисов, но они фиксируют весьма важные для нас факты. Не менее для нас интересны указания, вскрывающие связь кризиса тех лет с железнодорожной строительной горячкой, предшествующей ему в России. В год кризиса 1867 г. у нас в России открыто было новых железнодорожных линий всего 465 *км*. А затем этот показатель изменялся следующим образом [2]:

Год	Км
1868	1748
1869	1380
1870	2565
1871	2910
1872	719

После громадного подъема строительства в течение четырех лет, в 1872 г., т. е. еще до взрыва мирового кризиса на Западе, мы видим катастрофическое падение этого строительства в России — сразу в 4 раза. «Громадный оборот быстрого железнодорожного строительства,— замечает по этому поводу современник,— везде вызывал кризисы, независимо даже от политических обстоятельств. У нас же, в стране крайне медленного экономического развития, он представил нечто вроде того «золотого дождя», какой явился в Германии пятью млрд. франков французской контрибуции. Ведь основной капитал наших железных дорог — 1544 млн. кредитных руб. представил также недалеко до 5 млрд. франков. И сокращение строительства повлияло на возникновение и у нас чего-то (?) вроде «краха» [3]. Конечно, и это объяснение кризиса 70-х годов, к которому, кстати сказать, в свое время присоединился и Туган-Барановский, не очень глубоко. Сокращение железнодорожного строительства в 1872 г. нельзя рассматривать как *причину* общего «краха» уже потому, что оно само, являясь *следствием* капиталистической анархии производства, было только *началом* этого краха, именуемого на языке политэкономии промышленным кризисом. Железнодорожные спекуляции действительно являлись преддверием кризиса не только у нас, в России. Однако, как известно, далеко не все, что предшествует данному событию, можно рассматривать как его причину.

Как же протекал этот крах в России? «Прежде всего,— как описывает его Макс Вирт,— банкротства разразились в метрополии русской торговли — в Нижнем Новгороде. Уже в конце августа сделалось известным, что трое купцов оказываются несостоятельными на сумму в 1170 тыс. руб... Торговцев, оказавшихся несостоятельными на более мелкие суммы, было очень много... Из Одессы извещали о многих крупных и мелких банкротствах, вызвавших среди тамошних коммерсантов настоящую панику, так что деньги совсем исчезли из обращения... Перепуганные банки, которые перед этим щедро расточали направо и налево свой кредит, стали усиленно стягивать обратно выданные ими ссуды и этим только усилили общее смятение» [4].

Острая паника, конечно, скоро прошла. Но кризис и у нас оказался очень затяжным и тяжелым. В области производства он затянулся вплоть до 1877 г. с двумя весьма резко выраженными минимумами продукции в

[1] Я. П. Гарелин. Город Иваново-Вознесенск, или бывшее село Иваново и Вознесенский посад Владимирской губернии, ч. 2. Шуя, 1885, 59—60.
[2] «Мировые экономические кризисы (1848—1935)», т. 1, стр. 517.
[3] «Вестник Европы», т. 6, кн. 12. «Хроника.— Внутреннее обозрение. СПб., 1877, стр. 802; ср. М. Туган-Барановский. Русская фабрика..., стр. 265.
[4] М. Вирт. История торговых кризисов в Европе и Америке. СПб., 1877, стр. 475.

1873 и 1876 гг. Не лучше обстояло дело и в области торговли. В одном лишь районе Московского коммерческого суда за 1874—1876 гг. учтено было банкротств:

1874 г. — 68 банкротств на 5313 тыс. руб.
1875 » — 56 » » 109100 » »
1876 » — 113 » » 31495 » »

В отчете московского отделения совета торговли и мануфактур за 1876 г. значилось: «...в настоящее время можно сказать без преувеличения, что нет ни одной фирмы в Москве, которая не понесла бы более или менее значительных убытков и не была бы вынуждена к более или менее значительному сокращению своих оборотов» [1]. Лучше всего, однако, течение кризиса в масштабе всей страны рисуется динамикой продукции важнейших производств в России (табл. 5).

Таблица 5

Продукция важнейших отраслей за 1870—1880 гг. в 50 губерниях Европейской России (в млн. руб.)

Год	Бумагопрядильное и ткацкое	Ситценабивное красильное и отделочное	Суконное и камвольное	Полотняное и льнопрядильное	Обработка кожи	Стекло-фарфоровое	Химическое и красочное	Шелковое и ленточное	Машиностроит. и литейное	Бумага и бумажные изделия	Итого	Чугун, млн. пуд.	Каменный уголь (донецкий), млн. пуд.	Сахарный песок, млн. пуд.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
1870	96,5	40,1	54,3	11,0	25,0	6,8	6,1	7,4	28,5	8,0	283,7	18,4	15,6	6,3
1871	93,2	48,2	56,0	11,9	27,5	7,4	6,0	7,8	27,8	7,6	293,4	18,6	20,5	4,8
1872	102,9	45,6	57,4	13,1	30,2	8,2	6,2	8,5	32,9	8,2	313,2	21,3	36,3	6,3
1873	99,4	45,3	56,7	12,6	29,3	8,1	6,0	7,8	31,8	9,7	306,7	19,8	37,6	6,9
1874	102,2	38,2	54,6	13,6	29,2	8,6	6,2	7,6	41,2	12,4	313,8	19,6	35,0	7,0
1875	105,4	40,1	58,7	13,9	28,6	8,3	5,2	8,2	43,4	10,6	322,4	22,5	51,4	8,1
1876	102,7	37,7	55,2	16,1	26,6	7,4	5,5	8,2	45,2	12,0	316,6	28,3	58,5	11,2
1877	104,2	39,6	57,9	18,3	29,3	8,4	4,9	8,1	48,0	11,4	330,1	20,7	48,9	9,2
1878	131,8	49,2	71,3	20,9	36,1	8,7	5,8	7,5	60,7	12,1	404,1	22,2	69,1	9,9
1879	151,5	60,9	86,4	21,6	45,5	9,6	6,0	8,7	54,0	13,2	457,4	23,4	76,5	11,0
1880	154,4	60,9	84,2	20,7	45,5	10,3	7,5	8,4	55,1	14,0	461,0	23,1	86,4	10,9

Обращаясь к общим итогам табл. 5, мы можем сразу же отметить два минимума производства — в 1873 и 1876 гг. Снижение в каждом из них невелико — всего на 2—3%. Но в общем итог 1876 г. едва возвращает нас снова к итогу, достигнутому уже в 1872 г. Эта задержка в росте почти на 4 года при среднегодовом приросте за десятилетие в 5—6% означает общую потерю в темпах роста за время кризиса не менее 20%.

В отдельных производствах первое падение продукции имело место еще в 1871—1872 гг., но в 1873 г. это падение охватывает уже сразу почти все производства. И затем наступает тягостный застой, а в ряде отраслей и дальнейшее падение. В 1873 г. по нашей таблице можно отметить остановку в росте и прямое сокращение продукции в 10 отраслях, в 1874 г.— в 5, в 1875 г.— в 4, в 1876 г.— в 6, в 1877 г.— в 6, в 1878 г.— в 1 отрасли. Некоторые же производства, например шелковое и химическое, все десятилетие пребывали в состоянии глубокого застоя. По некоторым производствам глубина падения продукции от максимума к минимуму достигала: по кожевенному делу — не менее 12%, по стекло-фарфоровой промышленности — до 14, по писчебумажной — 14,5, по ситцевой — 21,8, по свекло-

[1] «Вестник Европы», т. 6, кн. 12. «Хроника.— Внутреннее обозрение», стр. 795.

сахарной — до 18 и по химической (в 1877 г.) — 21% [1]. Однако в целом по всей промышленности начиная с 1877 г., несомненно, начинается новый подъем с приростом продукции за 4 года до 45%. Таким образом, русско-турецкая война 1877—1878 гг., по-видимому, не оказала существенного влияния на течение кризиса 70-х годов в России.

Кризис 1882—1883 гг. После затяжной депрессии 70-х годов на Западе начиная с 1879 г. наступило кратковременное оживление, прерванное в 1882 г. новым мировым кризисом с не менее затяжной депрессией. Сигналом к этому кризису послужил крах в результате биржевых спекуляций французского банка Юнион-Женераль в январе 1882 г. Но заметное снижение промышленной продукции во Франции и безработица начались лишь с 1883 г. с минимумом ее в 1884—1866 гг. В 1883 г. кризис перекинулся в Германию, США и другие страны. В США, где падение цен началось еще с сентября 1882 г., достигнув минимального уровня лишь в 1886 г., своего апогея кризис достиг после паники и краха на Нью-Йоркской бирже 10 мая 1884 г. Снижение производства и здесь, как и в других странах Запада, приходится в разных отраслях на период с 1883 до 1886 г., а в Англии растягивается даже до 1887 г.

В России кризис 80-х годов, как и предшествующее ему тоже весьма кратковременное оживление, несомненно, начался несколько раньше, чем на Западе. Течение событий после кризиса 70-х годов Безобразов характеризует следующими чертами: «Затишье и почти застой в промышленных предприятиях до войны; чрезвычайное промышленное возбуждение, начинающееся с конца войны в 1877 г. и достигающее своего апогея в конце 1879 г., реакция против этого возбуждения, возникающая в начале 1880 г. и продолжающаяся приблизительно до второй половины 1881 г.; оживление дел с середины 1881 г.» А затем, как известно, после ярмарки 1882 г.— новые «неудачи» и тяжелый промышленный застой, затянувшийся вплоть до 1887 г.

В области внешней торговли первое снижение вывоза из России (на очень крупную величину в 129 млн. руб.) произошло еще в 1880 г., второе — в 1884 г., после чего итоги вывоза в течение 4 лет, вплоть до 1887 г., не поднялись даже до уровня 1879 г. Ввоз в Россию начал непрерывно падать с 1883 г., достигнув минимума лишь в 1888 г. с понижением против 1882 г. на 180 млн. руб., или 31,9%. В области внутренней торговли начало падения привозов на Нижегородскую ярмарку относится к 1882 и 1883 гг., а в 1885 и 1886 гг. последовало дальнейшее падение; с 1881 по 1886 г. оно достигло 62 млн. руб., или 25%.

В области цен за эти годы наблюдались такие колебания (в золотом исчислении) [2] (табл. 6).

Первое снижение цен на пряжу и ткани из хлопка отмечается еще в 1879—1880 гг., в 1881 г. мы видим некоторое их повышение, а затем следует новое длительное падение цен: по пряже — к 1883 г. на 15—20%, по миткалю — к 1884 на 25%. Менее значительно снижение цен с 1884 г. на железо и уголь, но зато цены на сахар с 1883 по 1887 г. падают за 4 года на целых 46%.

Особенно ярко предкризисное оживление сказалось с окончанием турецкой войны в феврале 1878 г. «Нижегородская ярмарка 1878 г.,— повествует об этом Безобразов,— разыгралась необыкновенно блистательно во всех отношениях. Подобной ярмарки не запомнили в летописях Макария. Сбыт всех товаров был необыкновенно бойкий; почти по всем отраслям спрос превышал предложение. В особенности хороши были расчеты; все продажи делались за наличные, все уплаты по прежним обязательствам

[1] На Западе соответствующие показатели за те же годы не превышали: в Англии — 9,3%, в Германии — 17,6, в США — 27 и во Франции — 44%.

[2] М. Соболев. Указ. соч., Прилож., таблица.

Таблица 6

Цены 1878—1888 гг. (в руб.)

Год	Пряжа бумажная за пуд (Москва)		Миткаль средний за арш. коп. (Москва)	Сахар песок за пуд (Москва)	Железо полосовое (Санкт-Петербург)	Каменный уголь, коп. (Рига)
	№ 20	№ 38/40				
1	2	3	4	5	6	7
1878	11,54	12,41	5,5	3,26	1,23	5,9
1879	11,12	13,38	6,7	3,26	1,29	—
1880	10,71	12,80	5,2	3,54	1,38	5,8
1881	11,17	12,42	5,6	4,04	—	—
1882	9,62	11,88	5,2	4,58	1,53	4,5
1883	8,87	9,99	4,2	4,35	1,53	—
1884	8,96	10,11	4,2	3,46	1,46	4,6
1885	—	10,38	4,4	3,06	1,53	4,6
1886	—	10,12	4,1	2,37	1,24	4,2
1887	9,33	10,70	4,6	2,36	1,14	4,4
1888	11,45	12,49	5,3	2,79	1,22	5,2

производились с величайшей исправностью. В наличных деньгах было неслыханное изобилие».

Такое состояние рынка «усилило донельзя возбуждение в нашем промышленном мире». «Это возбуждение, какого давно не запомнят в нашей промышленности, необыкновенное усиление производства на всех прежних фабриках и заводах и расширение новых достигли своего апогея в середине 1879 г., и он (апогей) продолжался до 1880 г... Это усиление было таково, что хлопчатобумажная промышленность, всего более подвергавшаяся промышленному возбуждению этой эпохи, расширилась на 900 тыс. (и может быть, до 1 млн., как исчисляли знающие люди) вновь поставленных в 1879 г. прядильных веретен. Это расширение, когда все количество веретен исчислялось у нас до 3,5 млн., дает понятие о том необыкновенном полете, который приняла вся наша промышленность в эту эпоху, хотя хлопчатобумажное дело превзошло в этом отношении все прочие» [1]. Лучше всего, однако, о стимулах этого возбуждения свидетельствуют сухим языком цифр официальные отчеты акционерных обществ, прибыли которых за этот период нередко достигали 40, 50 и даже 70% на основной капитал.

За возбуждением, конечно, последовала реакция. Уже ярмарка 1880 г. выявила превышение предложения над спросом.

Правда, привоз на ярмарку 1881 г. благодаря ожиданиям, связанным с хорошим урожаем, был еще выше, чем в 1880 г., но реализация его прошла хуже. Приведем очень показательные в этом отношении итоги привоза и реализации хлопчатобумажных товаров на Нижегородскую ярмарку за 1877—1882 гг. (в млн. руб.) [2]:

Год	Привезено	Продано	%
1877	12,6	12,6	100
1878	9,7	9,6	99
1879	22,1	21,2	96
1880	34,7	27,2	78
1881	51,0	11,6	23
1882	46,0	29,9	65

[1] В. Безобразов. Народное хозяйство России, ч. I. СПб., 1882, стр. 277—279; ср. М. Туган-Барановский. Русская фабрика..., стр. 266 и 267.

[2] «Историко-статистический обзор промышленности России», т. II, вып. 1. СПб., 1883, стр. 118.

По свидетельству современников, в Московской губ. промышленный застой, принявший особо острую форму после Нижегородской ярмарки 1880 г., начался еще с весны того же года. «Зимой 1880/81 г. рабочие во всех отраслях промышленности были поставлены в самое бедственное положение. В Петербурге крупные заводы, особенно механические, стали распускать рабочих... Так, например, на огромном заводе Берда, где прежде работало 3000—4000 человек, теперь (в 1882 г.) осталось 1000 рабочих, на Александровском заводе вместо 800 осталось 350 рабочих; на Сампсониевском вместо 1200—1500 — только 450 человек; на заводе Нобеля вместо 900—1200 — около 600; на остальных механических заводах точно так же произошло значительное уменьшение числа рабочих. Вообще миллионные обороты заводов сократились почти наполовину». В том же году жестоко пострадала шелкоткацкая промышленность Владимирской губ., где без работы остались свыше 900 человек. В Тверской, Черниговской, Костромской губ., в Иваново-Вознесенске в 1881 г. тоже началась безработица. Цены на рабочие руки падали. Рабочих донимали штрафами, которые «были доведены до беспощадной строгости». Даже такие солидные фирмы, как наследники Саввы Морозова, стали распускать рабочих. «Отчаяние в среде рабочего населения,— по словам «Московского телеграфа»,— было так велико, что требовалось особое искусство при расчете рабочих, чтобы дело не дошло до беды».

В 1882 г. под влиянием снижения зарплаты произошел ряд забастовок. «Долго замалчиваемый у нас рабочий вопрос как будто вдруг вырос из земли и предстал пред нашими глазами в то время, когда продолжительный промышленный кризис ухудшил положение рабочих» [1]. Но это были еще только цветочки.

В 1883 г. дела пошли еще хуже. Даже такие казенные оптимисты, как Д. А. Тимирязев, жаловались в 1883 г. на *«стесненное* положение у нас мануфактурного дела.... *вызванного слишком быстрым развитием производства* вслед за восточной войной, под влиянием усиленных выпусков кредитных билетов и преувеличенных надежд на благотворное действие таможенных тарифов, переложенных в 1877 г. на золотую валюту и в 1880 г. еще увеличенных на 10%» [2]. В 1884 г. известный экономист А. И. Чупров в статье о «Кризисе русской промышленности» писал: «какую бы отрасль обрабатывающей промышленности мы не взяли, *везде слышатся жалобы* на низкие цены и вялые дела... Сведующие люди говорят, что в истории нашей промышленности никогда еще не было примера столь продолжительного и упорного застоя...» По его объяснениям, «центр тяжести затруднений, переживаемых в последние годы, состоит не в недостатке капиталов, не в каких-либо стеснениях производства, а преимущественно, если не исключительно, в *трудности сбыта изделий.* Эта трудность зависит прежде всего от *чрезвычайного расширения производства* в недавнем прошлом» [3]. Трудности перепроизводства, несмотря на всю его относительность, не облегчались, конечно, снижением зарплаты и непомерными штрафами или массовыми расчетами рабочих. Это уже тогда приводило порой к очень острым классовым схваткам вроде исторической морозовской стачки в январе 1885 г. в Орехово-Зуеве, но отнюдь не расширяло возможностей *сбыта* залежавшихся товаров. Выброшенные на улицу безработные, спасаясь от голода, перебирались и в без того разоренную всякого рода царскими поборами и помещичьей кабалой русскую деревню, лишь умножали в ней голод и нищету.

---

[1] С. Приклонский. Хроника рабочего труда в России.— «Дело», 1883, № 1, стр. 53—86; см. также М. Туган-Барановский. Русская фабрика..., стр. 268—270.

[2] «Историко-статистический обзор промышленности России», т. II, стр. IV.

[3] А. И. Чупров. Речи и статьи, т. III. М., 1909, стр. 445—447 (курсив наш.— *С. С.*).

Ленин писал: «В России вообще действие кризиса неизмеримо сильнее, чем в какой-нибудь другой стране. К застою в промышленности присоединяется у нас голодовка крестьян» [1]. Вспомним о миллиардных потерях русской деревни в результате кризисов. Но особенно применимо это положение Ленина к кризису 80-х годов. Не имея выхода на внешний рынок вследствие своей отсталости, русская промышленность в условиях крайне узкого городского рынка и «оскудевшей» деревни после каждого скачка вперед расплачивалась за него целыми годами мучительной депрессии. За 5 лет кризиса и застоя 1882—1886 гг. в литературе зарегистрировано не менее 48 стачек, охвативших более 80 тыс. рабочих. Но все усилия их, направленные против снижения в явных или скрытых формах заработной платы, были тщетны. Особенно плоха была зима 1886/87 г.: «Цены на труд и спрос на рабочие руки упали; многие фабрики встали; другие сократили производство». Застой на фабриках Московской губ. в конце 1886 г. был так силен, что многие рабочие, совершенно отвыкшие от земледелия, вернулись в деревню и взялись за соху. Кое-где «фабричное производство почти что приостановилось, весь фабричный народ жил дома без заработка» [2].

По отдельным отраслям мы имели такую картину течения кризиса (табл. 7).

Таблица 7

Продукция важнейших производств за 1878—1888 гг. в 50 губерниях Европейской России (в млн. руб.)

Год	Суконное и камвольное	Полотняное и льнопрядильное	Обработка кожи	Обработка бумаги	Машиностроит. и литейное	Стекло-фарфоровое	Шелковое и ленточное	Ситценабивное, красильное и отделочное	Бумагопрядильное и ткацкое	Химическое и красочное	Итого	Чугун, млн. пуд.	Каменный уголь (донецкий), млн. пуд.	Сахарный песок, млн. пуд.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
1878	71,3	20,9	36,1	12,1	60,7	8,7	7,5	49,2	131,8	5,8	404,1	22,2	69,1	9,9
1879	86,4	21,6	45,5	13,2	54,0	9,6	8,7	60,9	151,5	6,0	457,4	23,4	76,5	11,0
1880	84,2	20,7	45,5	14,0	55,1	10,3	8,4	60,9	154,4	7,5	461,0	23,1	86,4	10,9
1881	80,5	19,0	38,8	17,6	53,8	12,2	9,9	58,1	189,0	8,7	487,6	24,2	91,3	14,9
1882	77,3	17,5	38,7	16,3	53,7	12,1	10,8	60,9	206,6	9,0	503,4	23,9	106,3	13,9
1883	68,9	19,4	39,9	18,5	49,3	12,1	9,9	60,5	182,3	9,0	469,8	25,3	107,3	15,9
1884	67,1	22,7	39,7	18,5	41,6	12,7	9,5	57,5	168,5	12,9	450,7	26,8	101,5	17,1
1885	64,2	21,6	31,7	17,8	37,5	11,8	9,6	58,6	165,7	10,4	428,9	27,6	114,9	24,0
1886	60,1	20,0	31,2	17,2	43,7	12,1	11,3	56,9	164,5	9,9	426,9	28,2	128,7	21,8
1887	64,0	21,8	31,7	18,5	44,2	11,8	10,8	61,6	188,5	12,1	465,0	32,1	125,5	20,2
1888	67,2	24,2	31,2	18,2	48,3	12,5	11,9	73,6	226,4	14,4	527,9	34,2	136,8	24,7

В сумме по всем учтенным нами отраслям начало упадка продукции относится к 1883 г., причем глубина этого падения с каждым годом, вплоть до 1886 г., все увеличивается. В общем за 4 года (с 1882 г.) это падение достигает очень заметной величины — 15,2%. По отдельным производствам, однако, картина гораздо пестрее. В машиностроении первое снижение продукции замечается еще в 1879 г.; в пяти отраслях начало падения относится к 1880 г.; в 1881 г. мы можем отметить падение продукции тоже в пяти отраслях, за следующие четыре года (с 1882 по 1885 г.) это падение захватывает ежегодно уже от семи до восьми отраслей: в 1886 г.— восемь; в 1887 г.— четыре и в 1888 г.— две. При этом, в некоторых отраслях,

[1] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 5, стр. 85—86.

[2] «Статистический ежегодник Московского губернского земства 1887 г.». М., стр. 18.

например в суконной и камвольной, падение продолжается без всякого перерыва с 1880 по 1886 г., т. е. семь лет подряд, и даже к концу десятилетия по объему продукции они не восстанавливают своего докризисного уровня. Не достигается этот уровень также в машиностроении и кожевенном производстве.

В отдельных производствах глубина падения (по продукции) достигала в сахарной промышленности 16%, полотняной — 19, в хлопчатобумажной — 20, в кожевенной — 21, в химической — 23, в суконной — 30 (за 1879—1886 гг.) и в машиностроении — 32% за 5 лет. Судя по этим показателям, можно сказать, что кризис 80-х годов в России был не только *продолжительнее, но и глубже*, чем в таких наиболее развитых капиталистических странах Запада, как США, Англия, Германия и Франция [1].

В других отраслях промышленности России действие кризиса было значительно короче и слабее; а в общем с 1887 г. начинается уже новый скачок вперед — за 2 года на 23% — главным образом за счет хлопчатобумажной промышленности.

Кризис 1890 г. Предшествовавший мировому кризису 1892 г. подъем продолжался на Западе не свыше трех лет. Начало кризиса было ознаменовано после самой безрассудной железнодорожной спекуляции грандиозным биржевым крахом в Аргентинской республике (в июле 1890 г.), за которым в более слабых формах последовал подобный же крах в Трансваале, а также в Уругвае, Мексике и других латиноамериканских республиках. Затем кризис перекинулся в Европу. 14 ноября 1890 г. обанкротилась крупнейшая банковская фирма братьев Берингов в Англии, спекулировавшая аргентинскими бумагами; в марте 1891 г. в связи с теми же аргентинскими спекуляциями аналогичный крах поразил один из крупнейших французских банков. Слабее, чем в других странах, события 1890 г. отразились в Германии и США. В Австралии и США, впрочем хотя и с некоторым запозданием, этот кризис достиг все же полного своего развития в 1893 г. Упадок производства и тяжелая депрессия в большинстве этих стран началась в 1891 г., а закончилась не раньше 1893—1894 гг.

В России мировой кризис 1890 г. нашел свое выражение в целом ряде совершенно бесспорных фактов. Правда, некоторые исследователи склонны преуменьшать их значение и предпочитают говорить о «заминке» 1890 г. в России (Туган-Барановский), но это совершенно не обоснованно. С. А. Первушин в своей работе 1925 г. говорит уже о «депрессии 1891—1892 г.г., выражающейся в некотором уменьшении потребления железа, понижении потребления хлопка, понижении цен на миткаль, росте числа банкротств и безработице» [2]. Однако и эта оценка слишком слаба. Заминкой можно назвать кратковременную задержку в сбыте, застоем и депрессией — длительную задержку в росте производства с незначительными его колебаниями вверх и вниз, какие всего чаще наблюдаются в послекризисный период. Но там, где за снижением цен следует прямой упадок производства, в ряде отраслей труда безработица и банкротства, там мы, несомненно, имеем дело с *кризисом* перепроизводства.

В самом деле, обратимся к фактам. Прежде всего следует отметить, что кризис 90-х годов у нас начался раньше, чем на Западе. В области внешней торговли сокращение вывоза из России имело место в 1889 г. на 33 млн. руб. (4,2%) и в 1890 г. еще на 59 млн. руб. (7,8%), а падение ввоза за 1890 и 1891 гг. выразилось суммой в 60 млн. руб., или на 14%. Что же касается внутренней торговли, то, судя по привозам на Нижегородскую ярмарку, ее упадок начался еще с 1888 г. и продолжался непрерывно до своего минимума в 1892 г.— за 5 лет на целых 25%. Для тех, кто связывает

[1] «Мировые экономические кризисы (1848—1935)», т. 1, стр. 66—67. В Германии соответствующие показатели не превышали за эти годы 28% (сахар), во Франции — 26,7 (чугун), в Англии — 19,7 (хлопок), в США — 15,4 (хлопок)..

[2] С. А. Первушин. Хозяйственная конъюнктура. М., 1925, стр. 164.

«заминку» 90-х годов с неурожаями 1890 и 1891 гг., отметим, что урожаи 1887 и 1888 гг., за которыми последовало первое снижение оборотов внутренней торговли и начало кризиса, были значительно выше средних (на 17 и 15%). В области цен наблюдается резкое их снижение уже с 1889 г. Так, миткаль средний расценивался в Москве в 1888 г. по 5,3 коп. золотом, в 1889 г.— по 4,9 коп., а в 1892 г.— уже по 4 коп. за аршин, т. е. на 24,5% ниже цен 1888 г. Еще резче упали цены на пряжу (№ 20 уток): только за 1889 г. они снизились с 11 руб. 45 коп. золотом до 9 руб. 14 коп. за пуд, т. е. на 20%; минимума (8 руб. 05 коп.) они достигли в 1892 г. За 1891 и 1892 гг. цены падают также на шерстяные изделия (17,5%), лен и пеньку, сахар, металлы, нефтепродукты, каменный уголь. В частности, цена на нефть на промыслах в Баку упала с 7,1 коп. за пуд в 1890 г., до 2,7 коп. в 1891 г. и до 1 коп. за пуд в 1892 г., т. е. за 2 года в 7 раз [1].

Если такие головокружительные скачки цен вниз считать только «заминкой», то что же пришлось бы назвать катастрофой?

Но дело не ограничивалось только падением цен. Несмотря на низкие цены хлопка, ввоз его в Россию вслед за максимумом 1887 г. резко падает уже в 1888 г. (на 31%), а затем после некоторого повышения в 1889 г. снова падает в 1890 и 1891 гг. до 83% нормы 1889 г. Вместе с тем начиная уже с 1889 г. в стране падает не только «потребление», но и само производство текстильных и других изделий, которое достигает своего минимума в 1890 и 1891 гг. Столь же показательно сокращение железнодорожного строительства в стране, которое началось с 1889 г. В 1888 г. было открыто 1188 *км* новых железнодорожных линий, в 1889 г.— 505, в 1890 г.— 663, в 1891 г.— только 127, в 1892 г.— 479 и лишь с 1893 г. наблюдается новый резкий подъем — до 1668 *км* в год и выше. На 1891 и 1892 гг. падает также минимум вложений в торгово-промышленные акционерные предприятия. Податная инспекция в официальном отчете за 1891 г. отмечает также по ряду губерний *«сокращение производства на фабриках*, которое повело к уменьшению числа рабочих на них, оставшихся без заработка», а вместе с тем упадок ряда кустарных и отхожих промыслов [2]. О том же говорят и общие итоги производства по всей стране.

Таблица 8

Динамика производства за 1887—1897 гг. (в границах СССР до 1939 г.)

Год	Тяжелая промышленность		Легкая промышленность		Итого	
	Число рабочих, тыс.	Продукция млн. руб.	Число рабочих, тыс.	Продукция млн. руб.	Число рабочих, тыс.	Продукция млн. руб.
1	2	3	4	5	6	7
1887	405	290	590	675	995	965
1888	420	316	614	760	1 034	1 076
1889	446	359	612	778	1 058	1 137
1890	463	377	606	751	1 069	1 128
1891	459	377	612	772	1 067	1 149
1892	473	411	632	810	1 105	1 221
1893	518	461	678	871	1 196	1 332
1894	506	478	672	905	1 178	1 383
1895	499	508	678	903	1 177	1 411
1896	592	674	716	1 035	1 308	1 709
1897	702	769	788	1 091	1 490	1 860

[1] М. Соболев. Таможенная политика России во второй половине XIX века. Своды товарных цен.

[2] Приложение к отчету департамента неокладных сборов за 1891 г., стр. 18; ср. С. А. Первушин. Указ. соч., стр. 164.

В сумме по всей тяжелой и легкой промышленности России, в границах СССР, мы располагаем такими итогами (табл. 8).

Как видим, общее снижение производства продукции по всей фабрично-заводской и горной промышленности за 1890 г. совершенно ничтожно — меньше чем на 1%. Но при огромном темпе роста (за десятилетие на 93%) даже простая остановка в росте означает потерю в темпах не менее 8%. В легкой промышленности минимум продукции падает на 1890 г., а в тяжелой полная остановка роста — только на 1891 г. Но сокращение числа рабочих в легкой промышленности началось еще с 1889 г., а некоторая задержка в развитии чувствуется вплоть до 1895 г.

Более отчетливую картину течения кризиса, однако, можно получить лишь в результате анализа отраслевой динамики продукции (табл. 9).

Таблица 9

Продукция важнейших производств за 1888—1897 гг. в 50 губерниях Европейской России (в млн. руб.)

Год	Обработка кожи	Бумагопрядильное и ткацкое	Суконное и камвольное	Машиностроительное и литейное	Обработка шелка	Стекло-фарфоровое	Полотняное и льнопрядильное	Ситценабивное, красильное и отделочное	Обработка бумаги	Химическое и красочное	Итого	Сахарный песок, млн. пуд.	Каменный уголь (донецкий) млн. пуд.	Чугун млн. пуд.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
1888	31,2	226,4	67,2	48,3	11,9	12,5	24,2	73,6	18,2	11,4	527,9	24,7	136,8	34,2
1889	31,0	215,1	60,2	50,8	11,5	13,1	23,4	69,7	18,4	14,6	507,8	20,7	189,9	38,4
1890	28,3	208,6	54,6	47,4	10,8	13,1	25,1	74,7	19,3	15,1	497,0	23,5	183,2	47,6
1891	26,2	202,0	55,5	46,1	9,9	11,9	22,8	84,8	20,0	16,1	495,3	25,4	191,9	52,2
1892	25,9	215,5	57,9	45,0	10,7	12,2	27,1	90,4	21,1	18,8	521,6	20,3	218,1	54,5
1893	23,1	251,3	62,8	67,0	12,1	14,0	25,9	112,6	23,1	22,5	519,4	30,1	239,8	58,3
1897	48,2	314,3	81,7	139,9	21,8	26,1	34,3	(163,2)	37,8	36,4	908,7	34,5	414,7	98,2

Общее снижение суммы производства по учтенным здесь отраслям уже в 1889 г. составляет заметную величину. К 1891 г., т. е. за три года, оно превышает 6%. Но и в 1892 г. эта сумма не достигает даже уровня 1888 г. Таким образом, после кратковременного оживления 1887—1888 гг. мы имели по учтенным в табл. 9 отраслям прямое падение общего уровня производства по меньшей мере на два-три года с минимумом в 1891 г. С 1889 г. мы наблюдаем сокращение производства в семи отраслях, в 1890 г. оно охватывает тоже не менее семи отраслей из 13, в 1891 г.— шесть.

Особенно сильно кризис сказался в кожевенном производстве, где он затянулся до 1893 г., и в бумаготкацкой промышленности с прогрессирующим падением производства в течение целых трех лет. Меньше других отраслей пострадала, по-видимому, черная металлургия. Выплавка чугуна даже несколько выросла за кризисные годы. Но если учесть все потребление железа в стране, включая импортный металл, то окажется, что за 1890 г. оно достигало 77,1 млн. пудов, а в следующем, 1891 г.— только 76,2 млн. пудов в переводе на чугун [1]. Говоря иначе, сокращения производства чугуна в стране удалось избежать лишь за счет весьма решительного сокращения импорта черного металла. Меньше других была задета кризисом также химическая и писчебумажная промышленность, где можно отметить лишь некоторую задержку в росте, а также добыча угля и обработка металлов. Но если из последней группы выделить машиностроение, то для него упадок производства окажется значительно сильнее —

[1] Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России. Под ред. В. И. Покровского, т. 1. СПб., 1902, стр. 234—235.

с 50,8 млн. руб. в 1889 г. до 45,0 млн. в 1892 г., или на 11,5%. Весьма значительное сокращение производства было в других отраслях, например: в полотняной — на 9%, в стекольно-фарфоровой — на 9,1, в бумаго-прядильно-ткацкой — на 11, в шелковой — на 16,8, в кожевенной — на 17, в суконной — на 17,4, в сахарной — на 20%. Для железнодорожного строительства в России соответствующий показатель сокращения производства к 1891 г. достигал еще большей величины — 89,3%.

Для сравнения укажем, что на Западе средний по четырем странам (США, Англия, Германия и Франция) показатель сокращения продукции в период мирового кризиса 90-х годов составлял: по углю — 5,3%, по стали — 8,4, по чугуну — 12,6, по потреблению хлопка — 20,8 и по сахару (в Германии) — 11%. Как видим, эти показатели отнюдь не превышают наших. Правда, на Западе тяжелая промышленность пострадала за данный период сильнее, чем у нас. Но и там наиболее резкое снижение отмечается в области переработки хлопка, т. е. как и у нас, в легкой промышленности. У нас, в России, в связи с рядом неурожаев 1889—1892 гг. кризис легкой промышленности 1890 г. можно было бы объяснить сокращением спроса голодающей деревни. Но опыт Запада показывает, что и там, вне всякой зависимости от русской деревни, наблюдалось перепроизводство в тех же отраслях промышленности, что и у нас. Не ясно ли, что в основе этих общих явлений лежали другие, более глубокие, общие причины.

Кризис 1900 г. Мировой кризис 1900 г. на Западе после подъема 1893—1899 гг. особенно тяжелую форму принял в Германии, более легко задел он Францию и Англию, впервые захватил Японию. Первым предвестником его можно считать заметное сокращение хлопчатобумажной промышленности еще с 1898 г. во Франции и с 1899 г. в Германии. Но более общий упадок производства здесь наблюдался только с осени 1900 г. с минимумом в 1901 г. и с депрессией до 1905 г. Позже всего начался — только в 1903 г.— промышленный кризис в США с минимумом в 1904 г. и с новым подъемом уже с 1905 г.

В России с 1895 по 1900 г. был огромный подъем промышленности — за 5 лет выпуск продукции увеличился с 1411 до 2253 млн. руб., т. е. на 59%. Этот подъем производства промышленной продукции совпал с еще более крупным подъемом железнодорожного строительства. Если продукция всей фабричной и горной промышленности с 1892 по 1899 г. включительно выросла (в границах СССР до 1939 г.) с 1221 до 2121 млн. руб., т. е. за 7 лет на 73%, то строительство железных дорог за те же 7 лет поднялось с 479 до 5248 *км* в год, т. е. в 11 раз. Этому подъему сопутствовала и небывалая ни раньше, ни позже в России учредительная горячка. Если в 1892 г. прирост основных капиталов в акционерных предприятиях в России едва достигал 25 млн. руб. за год, то в 1899 г. он достиг максимальной цифры за весь капиталистический период — 431 млн. руб. за год, т. е. был в 17 раз больше нормы 1892 г. Это грюндерство сопровождалось уже с конца 1893 г. бешеной биржевой спекуляцией, завершившейся в С.-Петербурге биржевым кризисом 1896 г. Однако этот первый предвестник общего кризиса еще не остановил продолжающегося промышленного подъема. Лишь с конца 1898 г. в России начинается заметное стеснение на денежном рынке: учетная ставка Государственного банка 30 сентября 1898 г. поднимается с 4,5 до 5,5%, и это повышение продолжается почти без перерыва больше года, достигнув к 11 декабря 1899 г. своего максимума в 7%. Еще раньше, уже в августе 1899 г. начались первые крупные банкротства, начало которым положили фон Дервиз и Мамонтов. За крахом этих крупнейших воротил железнодорожного и машиностроительного дела последовала биржевая паника, а в «черный день» Петербургской биржи (23 сентября) — и общее крушение биржевых ценностей. Падение этих ценностей продолжалось до второй половины 1900 г., после чего наступило некоторое улучшение в этой области.

В области торговли уже 1897 и 1898 гг. отмечены у нас заметным снижением привозов на Нижегородскую ярмарку, а в 1899 г. упал и вывоз русских товаров за границу — за год на 105 млн. руб., или 14,3%. Вместе с тем уже с зимы 1899/900 г. со всех концов России стали поступать сведения о застое торговли, банкротствах и безработице, в связи с которой газеты отмечали даже случаи голодной смерти. Особенно остро протекал кризис в районах хлопчатобумажной промышленности (Лодзь, Иваново), сахарной (Киев) и машиностроения.

В начале 1900 г. газеты сообщали: «Кризис, как разрушительный ураган, пронесся над Лодзью. Он никого и ничего не миновал, всех и все задел: до одних он чуть-чуть дотронулся и особенного вреда им не причинил, других сильно изуродовал, а многих раздавил и похоронил под развалинами. Это целое поле битвы. Стоит только пройтись по Петроковской улице, присмотреться к этим сосредоточенным мрачным лицам, с блуждающими взглядами, чтобы увидеть, сколько пострадавших...» «На днях на улице замечена была молодая женщина, не более 21 года. Она шла шатаясь, как пьяная, возбуждая насмешки прохожих, и у нее едва хватало голоса сказать, что она не пьяна, а не ела уже семь дней. В тот же день упал без чувств на улице мужчина, оказавшийся ткачом, лишившимся работы. Он не ел несколько дней и не имел даже своего угла. Тогда же на улице были подобраны совершенно истощенный от голода 12-летний мальчик, девушка 21 года и 55-летний старик. В один день подобрано на улице 5 человек! Сколько же их осталось незамеченными, голодающих дома, а может быть, не имеющих уже сил выходить на улицу? В том же положении — добавляет газета,— находится и Белосток и его фабричный район». Такую же картину «подтянутых животов, прикрытых жалкими лохмотьями», приносили газетные вести из Иванова, Сормова, Тулы, Баку и других промышленных центров [1].

Туган-Барановский в свое время уже отметил, что кризис 1899—1900 гг. начался у нас «несколько раньше», чем на Западе [2]. «В Европе,— говорил о том же Жан Лескюр,— кризис начался не во Франции и не в Англии, а в России, в которой развитие промышленности и быстрый рост железных дорог носили в себе все зародыши кризиса... Кризис начался в России и затем мало-помалу распространился по всей Европе». Такие случаи бывали, впрочем, и раньше в практике мировых кризисов. Гораздо более спорным является другое утверждение Жана Лескюра о том же кризисе. «Когда большие русские линии — Сибирская и Маньчжурская — были закончены, промышленность осталась без заказов. Вследствие этого,— утверждает Лескюр,— в 1899 г. во всей русской металлургической промышленности наступил кризис» [3]. Это объяснение кризиса, на наш взгляд, в корне неверно. Во-первых, как и у нас, так и на Западе (и даже в Японии) кризис 1900 г. начался с легкой, а не с тяжелой промышленности. Во-вторых, 1899 г. был у нас годом максимальной, а не падающей стройки железных дорог и уже поэтому металлургия не могла остаться без заказов. В третьих, цены на металл в 1899 г. были у нас тоже максимальные за ряд лет и начали падать только с 1900 г. А главное, ни в 1899, ни даже в следующем 1900 г. мы вовсе не имели еще снижения годовой продукции черной металлургии, хотя в целом ряде других отраслей оно уже имело место в эти годы.

Конечно, упадок железнодорожного строительства не мог не повлиять на черную металлургию, но сам этот упадок является одним из следствий развертывающегося мирового кризиса и уже поэтому не может быть его причиной. При лучшей конъюнктуре и обилии свободных капиталов окончание Сибирской дороги повело бы только к началу строительства целого

[1] М. Туган-Барановский. Русская фабрика..., стр. 287 и сл.
[2] Там же, стр. 292.
[3] Жан Лескюр. Общие и периодические промышленные кризисы. СПб., 1908, стр. 248.

ряда других дорог. Фактическая динамика черной металлургии в связи с железнодорожным строительством за 1897—1904 гг. отражена в следующих итогах по всей России (табл. 10).

Таблица 10

Динамика черной металлургии за 1897 — 1904 гг.

Год	Построено железных дорог, *км*	Прокатано рельс, млн. пуд.	Выплавлено чугуна, млн. пуд.	Цены чугуна за пуд., коп. (Санкт-Петербург)
1	2	3	4	5
1897	2 039	22,5	114,8	88,8
1898	3 037	26,4	136,8	91,0
1899	5 248	26,5	165,4	98,6
1900	3 364	29,7	179,1	89,8
1901	3 218	27,2	175,0	76,3
1902	1 147	21,6	158,6	68,0
1903	763	20,0	151,9	65,4
1904	1 254	25,9	181,4	71,6

Как видим, минимум выплавки чугуна падает только на 1903 г., а начало падения может быть отнесено в крайнем случае *к концу* рекордного по выплавке 1900 г. В годовых итогах это падение начинается лишь с 1901 г., как в Германии и Франции, и позже, чем в Англии, где сокращение выплавки чугуна отражено уже в годовом итоге за 1900 г. Значит, *началом* мирового кризиса упадок русской металлургии отнюдь не являлся.

Иначе обстояло дело в других отраслях промышленности. Первым предвестником кризиса в области цен у нас было снижение их уже в 1897 и 1898 гг. на хлопок и лен, сахар, керосин и другие предметы потребления; в 1898 г. начинается падение цен на железо и уголь, соль, соду; в 1899 г. мы можем отметить новое падение цен на пряжу, миткаль, соль, сахар, лишь с конца 1900 г. наступает общее падение цен по всей тяжелой и легкой промышленности. В соответствии с этим и снижение производства продукции в отдельных отраслях у нас наблюдалось значительно раньше 1901 г. Например, в бумагопрядении, сахароварении, винокурении первое сокращение производства у нас имело место уже в 1897 г., в кожевенной и основной химической промышленности — в 1898—1899 гг., в металлообработке — в 1899—1900 гг. К сожалению, мы не располагаем отчетными данными о продукции ряда отраслей за этот период. Но пользуясь сводкой Варзара и Кафенгауза, в которой недостающие данные о продукции исчислены, мы можем привести такие наиболее общие итоги по всей фабричной и горной промышленности России (табл. 11).

В итоге по всей промышленности кризис 1900 г. отразился незначительным снижением числа рабочих и продукции только в 1902 г. По тяжелой промышленности мы можем отметить это снижение уже с 1901 г., а по легкой благодаря разновременности высшей точки кризиса в разных отраслях оно вообще исчезает. Совсем другая, однако, картина получается при рассмотрении отраслевой динамики продукции за тот же период (табл. 12).

Приведенная таблица, составленная нами по сводке Варзара и Кафенгауза, к сожалению, не вполне сравнима с предыдущими, ибо дается в иных границах и по другой классификации производств. Но для нашей цели и она достаточно показательна. Из нее видно, что кризис у нас начался с *легкой* промышленности, постепенно расширяя свою сферу. В 1897 г. мы наблюдаем остановку и сокращение продукции в двух производствах, в 1898 г.— еще в двух, в 1899 г.— уже сразу в четырех, в 1900 г.— в шести, в 1901 г.— в пяти новых отраслях, а в 1902 г.— даже в восьми отраслях.

Таблица 11

Динамика производства за 1896 — 1904 гг. (в границах СССР до 1939 г.)

Год	Тяжелая промышленность		Легкая промышленность		Итого	
	Число рабочих, тыс.	Продукция, млн. руб.	Число рабочих, тыс.	Продукция, млн. руб.	Число рабочих, тыс.	Продукция млн. руб.
1	2	3	4	5	6	7
1896	592	674	716	1036	1308	1710
1897	702	769	788	1091	1490	1860
1898	722	880	791	1124	1513	2004
1899	760	960	803	1161	1563	2121
1900	793	1047	811	1206	1604	2253
1901	824	1001	858	1270	1682	2272
1902	787	923	863	1321	1650	2244
1903	777	970	884	1421	1661	2391
1904	782	1099	863	1521	1645	2620

Таблица 12

Продукция важнейших производств России за 1896 — 1904 гг. в млн. руб. (в границах СССР до 1939 г.)

Год	Обработка животных продуктов	Обработка льна, пеньки, джута	Основная химическая и красочная	Обработка металлов	Обработка шерсти	Силикатная	Обработка дерева	Обработка шелка	Черная металлургия	Топливная	Производство бумаги и бум. изделий	Итого	Бумажная пряжа, тыс. т	Сахарный песок, тыс. т
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
1896	69,2	49,7	37,1	228,7	90,2	51,9	63,8	22,1	118,0	66,7	32,6	830,0	153,0	564,5
1897	76,3	55,5	39,1	268,6	91,0	60,8	70,8	25,8	139,3	79,3	33,6	940,1	152,3	534,3
1898	72,0	55,0	39,1	313,4	91,6	61,1	72,2	26,7	164,9	103,6	35,9	1 035,5	157,5	544,5
1899	67,8	54,2	38,9	307,6	94,8	61,2	73,8	27,3	178,0	146,8	38,1	1 088,5	179,5	562,7
1900	63,6	53,4	40,4	297,0	92,3	61,0	73,8	27,7	218,8	178,0	40,4	1 146,4	187,5	673,4
1901	76,6	63,5	50,3	337,2	105,7	77,0	79,6	24,9	188,8	133,3	41,6	1 178,5	183,7	661,5
1902	73,7	60,4	54,5	313,3	108,9	74,9	78,7	24,9	161,5	117,6	42,7	1 111,1	194,6	758,1
1903	74,9	58,6	52,9	339,0	112,5	77,5	87,8	27,9	148,5	126,0	43,8	1 149,4	198,9	893,1
1904	67,3	60,0	52,4	354,0	133,9	73,0	85,9	26,5	173,2	175,9	45,0	1 247,1	209,7	903,3

В 1903 г. это падение отмечается только в трех отраслях. Что же касается 1904 г. то он, несмотря на войну с Японией, дает в общем значительное расширение производства. Из отдельных отраслей особенно сильно падает производство в металлообработке (за 1902 г.) — до 7%, в шелковой промышленности — 10, в обработке животных продуктов 16,6, в черной металлургии за 3 года — на 32 и в топливной промышленности за 2 года — на 33,8%. В сравнении с наиболее развитыми странами Запада (США, Англия, Германия и Франция) глубина нашего кризиса 1900—1903 гг. может быть измерена по ввозу в страну хлопка для переработки и по производству угля, чугуна и стали следующими средними процентами падения:

	Россия	Запад
Уголь	0,8	4,1
Сталь	5,6	5,3
Чугун	17,2	10,9
Хлопок	15,3	9,6

Во время всякого кризиса падает не только производство продукции в натуре, но и цены, а потому падение в натуре обычно значительно ниже, чем в ценностном выражении. Однако и в объемном выражении глубина кризиса в России выражается достаточно высокими показателями. Особенно сильно упала выплавка чугуна. Может быть, как раз потому, что и предшествующий этому падению взлет — за пять лет более чем вдвое — был в этой отрасли беспримерно велик. Казенные заказы для Сибирской и Маньчжурской дорог, несомненно, помогли этому взлету. Но кризис назрел и развернулся у нас значительно раньше их исчерпания. Поэтому прекращение их отнюдь не могло сыграть той роли, которую им приписал Ж. Лескюр. Наоборот, можно сказать, что только эти казенные заказы *задержали* у нас на целый год, если не больше, начало вполне назревшего у нас металлургического кризиса, хотя в других отраслях он уже развертывался в это время полным ходом.

Кризис 1907 г. Мировой кризис 1907 г. после кратковременного оживления 1904—1907 гг. начался в США. Еще с марта 1907 г. здесь начали падать курсы ценных бумаг, с лета стали падать и цены, а 22 октября того же года в Нью-Йорке разразилась биржевая паника и банкротства. Эта финансовая паника уже в ноябре того же года перекинулась в Англию, Германию, Португалию, Чили и ряд других стран. Особенно тяжелые формы принял кризис в США, наиболее легкие — во Франции. Минимум производства почти во всех странах пришелся на 1908 г., депрессия продолжалась и в 1909 г., а с 1910 г. начался новый подъем.

В России кризису 1907 г. предшествовали такие огромного значения события, как война с Японией (с января 1904 по август 1905 г.) и буржуазная революция 1905 г. Правда, протекавшая на дальневосточной окраине японская война не задержала начавшегося еще в 1903 г. оживления и подъема русской промышленности, так как военные заказы в ряде отраслей лишь содействовали этому подъему. Но события 1905 г., особенно январская и октябрьская всеобщие политические забастовки, приостановившие нормальную работу промышленности и транспорта по всей стране, сказались очень заметно даже на общих итогах промышленной продукции за весь 1905 г. В этом году мы имели прямое снижение продукции, и хотя в последующие два года подъем продолжался в общем за весь предкризисный период 1904—1907 гг., продукция нашей промышленности поднялась всего на 16%. За этим невысоким подъемом последовал и не слишком глубокий кризисный провал 1908 г. с депрессией 1909 г., после чего мы наблюдаем у нас уже новый блестящий подъем 1910—1914 гг., прерванный мировой войной 1914 г.

Существует взгляд, согласно которому весь период после кризиса 1904 вплоть до 1909 г. в России следует рассматривать как один сплошной период депрессии. В XX в. русская конъюнктура, дескать, «отклоняется от западного образца» (Первушин). «Со времени кризиса 1900 г.,— писал, например, Туган-Барановский в 1914 г.,— Запад пережил новый подъем в 1905—1907 гг., между тем как русская промышленность *все время пребывала в состоянии крайнего угнетения»* [1].

Однако такое представление отнюдь не подтверждается фактами. Пользуясь сводкой Варзара и Кафенгауза, мы можем привести здесь такие итоги развития всей нашей промышленности (табл. 13).

Всего за 10 лет продукция всей нашей горной и фабрично-заводской промышленности почти удвоилась. В том числе за вторую половину этого периода, после мирового кризиса 1907—1908 гг., мы имеем средний ежегодный прирост не менее 10%. Это блестящий темп для капиталистической

---

[1] «Народное хозяйство в 1913—1914 гг.» (Ежегодник газеты «Речь»); ср. В. М. Штейн. Теория и политика экономической конъюнктуры. Л., 1924, стр. 85; С. А. Первушин. Указ. соч., стр. 187.

Таблица 13

Итоги промышленности за 1903 — 1913 гг.

Год	Тяжелая промышленность		Легкая промышленность		Итого	
	Число рабочих, тыс.	Продукция, млн. руб.	Число рабочих, тыс.	Продукция, млн. руб.	Число рабочих, тыс.	Продукция, млн. руб.
1	2	3	4	5	6	7
1903	777	970	884	1 421	1 661	2 391
1904	782	1 099	863	1 521	1 645	2 620
1905	786	1 111	873	1 392	1 659	2 503
1906	790	1 145	909	1 577	1 699	2 722
1907	826	1 265	931	1 776	1 757	3 041
1908	840	1 187	976	1 788	1 816	2 975
1909	841	1 275	964	1 812	1 805	3 087
1910	870	1 359	1 018	2 172	1 888	3 531
1911	965	1 495	1 042	2 307	2 007	3 802
1912	1 034	1 863	1 060	2 434	2 094	4 297
1913	1 240	2 237	1 117	2 526	2 357	4 763

страны. Но если взять 1905—1907 гг., которые Туган-Барановский рассматривал как период подъема на Западе в противовес «крайнему угнетению» в России, то окажется, что в России за этот период мы имели в среднем тоже свыше 10% прироста в год, а в сумме за 2 года — 21,5% прироста. В Германии за те же два года индекс промышленной продукции вырос всего на 4,4%, в США — на 5,4%. Но если прирост за 2 года на 4—5% называется *подъемом*, то почему же прирост в 21,5% за тот же период трактовать как *крайнее угнетение*? Конечно, такая трактовка свидетельствует лишь об одном: как видно, даже авторитетные экономисты способны иной раз делать весьма ответственные выводы, игнорируя при этом самые элементарные факты. Фактически же русская конъюнктура и в 900-х годах отнюдь не отклонилась от западных образцов. Во всяком случае и там и здесь мы имеем весьма отчетливый период оживления после кризиса 1900—1903 гг. и новый кризис в 1907—1908 гг.

Это подтверждается целым рядом показаний. «Когда же к концу 1903 г.,— читаем мы в одном из них,— появляются первые признаки *окончания* промышленной депрессии, немедленно затишье 1899—1903 гг. сменяется *оживлением* хлопчатобумажной промышленности... *Открываются остановленные фабрики, строятся новые...»* [1] А затем наступает кризис 1907 г. «Об этом достаточно красноречиво говорит то обстоятельство,— читаем мы в другом источнике,— что в 1908 г. происходит во всех промышленных центрах *сжатие производства, массовые увольнения рабочих*. Особенно тяжело отозвался кризис на металлистах» [2]. В Петербурге только на 8 заводах с 22 310 рабочими было за 1907 г. уволено 8030 человек. На Юге и Урале широко практиковалась сокращенная рабочая неделя, сменная работа через одну-две недели, так называемая система неопределенных отпусков на время кризиса и тому подобные формы скрытой безработицы [3].

Правда, и за время войны 1904—1905 гг. у нас наблюдалось в ряде отраслей промышленности и сокращение числа рабочих в связи с мобилизацией, и даже сокращение производства продукции. Но никакого

---

[1] «О рабочем движении и социал-демократической работе во Владимирской губернии в 900-х годах», вып. II. Владимир, 1925, стр. 7—8 (курсив наш.— *С. С.*).

[2] Ф. Булкин. На заре профдвижения. М., 1924, стр. 159.

[3] Свод отчетов фабричных инспекторов за 1908 и 1909 г. СПб., 1910.

«угнетения» за это время отнюдь не чувствовалось, ибо цены на промышленную продукцию росли и конъюнктура все время повышалась. Росли несмотря на войну и железнодорожное строительство, и капитальные вложения в акционерные предприятия. Другое дело после 1907 г. В это время и цены и все прочие показатели конъюнктуры действительно покатились вниз, как это всегда и бывает во время кризиса. Прежде всего уже с 1907 г. наблюдается заметное снижение заграничного спроса на русские товары. В 1908 г., т. е. уже за 2 года, это снижение достигло не менее 97 млн. руб. в итоге экспортной торговли, или 8,8% к уровню 1906 г. Еще хуже сказалась конъюнктура внутреннего рынка. Вот, например, как обстояло дело с ценами. Если уровень 1903 г. принять за 100, то по «Своду товарных цен» получим такую их динамику за 1903—1910 гг. (табл. 4).

Таблица 14

Динамика цен за 1903 — 1910 гг.

Год	Пряжа хлопковая	Шерсть	Миткаль средний (Москва)	Чугун древесн. (Санкт-Петербург)	Каменный уголь рядовой (Одесса)	В среднем (1—5)	Нефть сырая (Баку)
1	2	3	4	5	6	7	8
1903	100	100	100	100	100	100,0	100
1904	113	104	106	100	100	104,6	162
1905	112	116	96	108	112	108,8	208
1906	129	124	114	117	136	124,0	315
1907	143	131	128	118	137	131,4	338
1908	134	130	121	115	128	124,1	270
1909	124	122	109	113	119	117,4	262
1910	131	137	123	118	119	125,6	188

Как видим, до 1907 г. жаловаться на депрессию или угнетение не было решительно никаких оснований. Но начиная с конца 1907 г. цены действительно начали резко падать, и новый подъем их обозначился только с 1910 г. (в нефтедобыче — с 1911 г.).

Не менее показательна в том же отношении и динамика капитальных вложений и железнодорожного строительства.

Вот несколько цифр (табл. 15).

Таблица 15

Динамика капитальных вложений и железнодорожного строительства

Год	Прирост акционерных капиталов		Открыто новых железнодорожных линий	
	млн. руб.	%	км	%
1	2	3	4	5
1903	82,4	100	763	100
1904	94,1	114	1 254	164
1905	99,7	121	1 469	192
1906	127,3	155	2 538	333
1907	115,8	140	1 877	246
1908	139,2	169	419	55
1909	37,6	46	426	56
1910	173,4	210	236	31

Оба показателя, несмотря на войну и революцию, отмечают бесперебойный рост конъюнктуры за 1904—1906 гг., заметный упадок ее в 1907 г.

и очень резкое снижение по железнодорожному строительству с 1908 г. (раза в 4) и по акционерным вложениям в 1909 г. (раза в 3). С 1910 г. однако, мы видим уже новый прыжок вверх — раза в 4 — акционерных вложений, а с 1911 г. еще более резкий скачок — раз в 6—7 — по размерам железнодорожного строительства (1446 *км*). Менее резко, но все же с полной отчетливостью выявляются все фазы кризиса 1907 г. в России и в отраслевой табл. 16.

Таблица 16

Продукция важнейших производств России за 1903—1913 гг., в млн. руб. (в границах СССР до 1939 г.)

Год	Обработка металлов	Обработка льна, пеньки и джута	Топливная промышленность	Обработка хлопка	Обработка шерсти	Черная металлургия	Сахарная промышленность	Обработка животных продуктов	Обработка шелка	Производство бумаги и бум. изделий	Основная химическая и красочная	Обработка дерева	Силикатная промышленность	Итого
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
1903	339,0	58,6	126,0	523,7	112,5	148,5	255,5	74,9	27,9	43,8	52,9	87,8	77,5	1928,6
1904	354,0	60,0	175,9	601,9	133,9	173,2	253,0	67,3	26,5	45,0	52,4	85,9	73 0	2102,0
1905	385,6	70,4	176,8	494,1	113,3	165,1	239,2	79,3	22,6	43,6	52,7	86,3	70,2	1993,2
1906	358,4	73,9	235,9	632,9	117,4	140,4	238,7	70,2	21,7	45,6	55,4	86,9	67,1	2144,5
1907	364,3	72,1	276,0	750,5	131,8	174,3	284,4	71,6	23,4	48,8	59,4	92,7	72,8	2422,1
1908	330,7	72,6	250,9	724,4	125,2	167,6	260,6	90,6	32,4	57,3	60,6	94,3	75,7	2342,9
1909	347,5	92,6	262,0	684,2	125,2	181,1	276,6	89,5	29,7	54,1	75,1	107,4	86,1	2411,1
1910	389,3	115,9	226,8	975,7	123,7	192,7	285,3	88,5	36,1	65,4	89,7	140,1	106,6	2835,8
1911	420,2	125,5	286,2	959,3	142,9	(224,0)	370,6	92,8	37,8	70,1	72,8	153,3	117,5	3073,0
1912	490,0	125,0	388,8	1048,7	161,5	266,5	334,6	93,4	50,8	74,4	87,5	168,6	139,3	3429,1
1913	646,1	126,1	461,1	1065,6	195,1	285,0	297,6	119,9	49,2	77,7	164,1	171,2	146,3	3805,0

В 1904—1906 гг. сокращение производства — по преимуществу в отраслях легкой промышленности — можно отметить не менее чем в шести отраслях за каждый год. Это, несомненно, означало известную задержку в развитии промышленности. Но при возрастающих ценах и хорошем спросе такие задержки лишь ускоряют капиталонакопление в стране и быстро возмещаются. За 1904 г., несмотря на приостановку в росте ряда отраслей, общий прирост продукции составил целых 9%. Снижение итога 1905 г. на 5,2% объясняется главным образом сокращением производства в хлопчатобумажной промышленности почти на 18% в связи с революционными событиями этого года. Но уже за 1906 г. общий итог продукции по учтенным в таблице отраслям возрастает на 7,6%, а за 1907 г., в котором можно было отметить одну лишь заминку в льняной промышленности, общий итог возрастает еще на 12,9%. Вслед за этим подъемом цен и продукции цены начинают падать, а за ними и продукция. В 1908 г. кризис перепроизводства охватил сразу 6 отраслей из 13, в том числе такие решающие, как обработка хлопка, металлопромышленность и др., а в 1909 г. к ним прибавились еще 3 новые. В 1910 г. влияние кризиса еще сказывалось в топливной промышленности (низкие цены на нефть) и отчасти в шерстяной и кожевенной. Но в большинстве отраслей цены с 1910 г. уже пошли вверх, а вместе с ними и продукция. За 1908 г. общий итог продукции упал на 3,3%, но уже за 1909 г. мы имеем прирост на 2,9%, за 1910 г. он повышается сразу до 17,6%, а за следующие 3 года мы являемся свидетелями дальнейшего почти бесперебойного роста во всех отраслях в общем итоге еще на целых 34%.

В отдельных отраслях наиболее значительное сокращение продукции за время кризиса можно отметить: в писчебумажной — на 5,6%, в каменноугольной — на 5,8, в шерстяной — на 6,2, в сахарной — на 8,3, в шелковой — на 8,3, в хлопчатобумажной — на 8,8, в металлообрабатывающей — на 9,2, в топливной — на 17,8 и в химической — на 18,8%. Все эти показатели значительно ниже показателей глубины кризиса 1900 г. Но сравнив их со средними показателями глубины кризиса 1907 г. в западных странах (в США, Англии, Германии и Франции, где они составляли: по углю — 3,4%, по чугуну — 15,7, по стали — 17,6 и по хлопку — 6,6%), мы не сможем признать их слишком низкими для этого кризиса.

* * *

Приведенный выше краткой обзор промышленных кризисов не претендует на сколько-нибудь исчерпывающий охват этой многосторонней темы. История промышленных кризисов в России — это огромная и благодарная тема для целого ряда исследований. Нам хотелось только привлечь внимание исследователей к тому очень большому, хотя и малоизвестному фактическому материалу промышленной статистики, который во многих случаях совсем по-новому освещает эту проблему. И до сих пор было известно, что развитие промышленности в России носило циклический характер, гораздо теснее связанный с циклами зарубежной капиталистической экономики, чем, скажем, с периодическими колебаниями урожайности в России. Но приведенные нами факты говорят больше. Наши кризисы в России не только сходны с западноевропейскими, но они тождественны с ними, представляя собою по своему характеру и происхождению составную часть мировых капиталистических кризисов.

Это *капиталистические* кризисы перепроизводства. И потому их тщетно было бы искать после Октябрьской революции в СССР. Как известно, после победоносного завершения гражданской войны мы не имели в бурном развитии советской промышленности ни одного провала, ни одной остановки, хотя капиталистический мир пережил за это время уже несколько кризисов.

Понятие конъюнктурных циклов развития в отношении СССР совершенно неприменимо. Тем не менее конъюнктурные исследования колебаний советской экономики одно время были у нас по какому-то недоразумению в большой моде. Конечно, и в советской экономике возможны известные колебания, например *сезонные* в зависимости от летних отпусков, разного числа рабочих дней в различных месяцах и т. п. Но усердные конъюнктурщики, не довольствуясь такой малостью, как *сезонные* циклы, пытались в своих коньюнктурных кривых установить и иную цикличность. Рассматривая в лупу каждый зигзаг в расценках тех или иных товаров на нэпманском рынке и каждое мимолетное колебание торговой конъюнктуры, они на каждом шагу открывали у нас то подъем, то «депрессию», снова «оживление», снова «острую депрессию» или даже «кризис» и «общий застой рынка». За очень короткий период с 1921 по 1925 г. один из таких обозревателей советской конъюнктуры установил несколько циклов и зафиксировал в своих выводах «исключительную динамичность» советского хозяйства и «кратковременность его циклов» [1].

Оспаривать теперь такого рода концепции совершенно излишне. Они давно уже опровергнуты самим ходом промышленного развития нашего планового хозяйства. Поскольку конъюнктурные циклы и вообще хозяйственная конъюнктура в тесном смысле этого слова является результатом факторов стихийного характера, о них не приходится много говорить в условиях *планового* советского хозяйства. Но одно замечание все же будет

[1] С. А. Первушин. Указ. соч., стр. 272 и др.

не лишним. При выявлении конъюнктурных циклов внимание читателя чаще всего направляется по линии таких поверхностных явлений, как биржевые бури в стакане воды по поводу спекуляций с бумажными ценностями, как колебания учетных ставок и банковской золотой наличности, вексельных курсов и товарных цен, и меньше всего его внимание сосредоточивается на динамике глубинных производственных процессов [1]. Именно поэтому столь поверхностно и слабо доныне освещались, а то и вовсе выпадали из счета некоторые кризисы дореволюционной России и вот почему так не лено, что называется прямо из пальца, высасывались иной раз конъюнктурные циклы в СССР.

Характерна и та легкость, с которой у некоторых конъюнктуристов из непрерывной смены конъюнктурных подъемов и депрессий выпадает основное звено промышленного цикла — кризис. Полный цикл, как известно, слагается из следующих фаз: оживление, подъем, кризис и депрессия. Но вот, например, профессор С. А. Первушин, который насчитывает в России с 1870 по 1911 г. целых *семь* завершенных циклов, только в одном из них отмечает наличие кризиса (1901 г.). В остальных «оживление и подъем» непосредственно сменяются «депрессией». И это относится не только к России, в отношении которой до конца XIX в. кое-кем оспаривался даже самый факт развития капитализма, порождающего кризисы. Нет, точно такая же картина у профессора Первушина получается и в отношении таких стран, как Англия и Германия. И в этих странах за тот же период *семь раз* оживление и подъем сменяется депрессией и только *один раз* между ними вклинивается «кризис» — правда, уже не в 1901, а в 1874 г. [2]

Итак, в трех капиталистических странах за *сорок* с лишним лет имело место всего *два* кризиса, т. е. не больше, чем тот же автор насчитал в Советском Союзе всего за *четыре* года.

Конечно, все это смахивает на анекдот. Бескризисные циклы в капиталистической экономике можно бы рассматривать просто как случайную обмолвку данного автора. Но, к сожалению, он не одинок. У Туган-Барановского в отношении периодических колебаний промышленности «в новейшее время» уже раньше встречались аналогичные высказывания. «Промышленный цикл *остается*,— высказывался он еще до революции,— но прежние промышленные *кризисы прекратились»*. В связи с этим, избегая слова «кризис», он говорит в дальнейшем лишь о *«депрессии* 1901 — 1904 гг.» и о *«депрессии* 1908—1909 гг.» в Англии и довольно смело предсказывает, что «время *острых* кризисов для Англии *окончательно миновало»* [3]. Из этого уже ясно, что в подмене четкого термина «кризис» гораздо менее обязывающим словом «депрессия» скрывается апологетическая идейка о *смягчении* промышленных кризисов в «новейшее время» картелей, трестов и тому подобных элементов «организованного» капитализма. Однако эта утлая идейка уже наголову разбита последующей историей. Теперь уже не нужно доказывать, что новейшие мировые кризисы обостряются и углубляются, а не ослабляются по сравнению с прошлыми. Промышленный цикл *без кризиса* — это, несомненно, либо апологетический фокус, либо плод грубейшего невежества.

В свое время народники, отрицая победное пришествие капитализма в Россию, пытались объяснить промышленные депрессии в этой стране влиянием неурожайных лет. Отзвук этих идей об урожае как *основном* факторе торгово-промышленной конъюнктуры страны в эклектическом сочетании с противоположной идеей об определяющем влиянии в этой

---

[1] Ср. «Единый показатель русской конъюнктуры» С. А. Первушина, в который входит все что угодно, кроме *промышленного производства* («Хозяйственная конъюнктура», стр. 158—159)

[2] С. А. Первушин. Указ. соч., стр. 186.

[3] М. И. Туган-Барановский. Периодические промышленные кризисы, стр. 163, 165 (курсив наш.— *С. С.*).

области мировых капиталистических циклов нашел свое отражение и в советской литературе первых лет. Отвергая «*исчерпывающий* параллелизм» кривых урожайности и промышленной конъюнктуры, это воззрение тем не менее утверждает, «что наша промышленность, торговля, денежный рынок, рынок капиталов находятся все же в *довольно тесной зависимости* от колебаний нашего сельского хозяйства», причем «относительная роль мировой конъюнктуры как фактора русской конъюнктуры вплоть до 1914 г. *убывает*, а роль колебаний русского сельского хозяйства, наоборот, *возрастает»*. Однако и после 1914 г., и Октябрьской революции эта роль сельскохозяйственного фактора — согласно излагаемому неонародническому воззрению — не ослабевает. «Погодичный и поквартальный анализ динамики народного хозяйства за последние четыре года,— писал тот же автор о хозяйственной конъюнктуре советской страны в 1925 г.,— позволяет установить *особо тесную зависимость, во-первых, от колебаний сельскохозяйственного производства* (урожай) во-вторых, от денежно-кредитного фактора» [1].

Теперь смешно было бы оспаривать эту давно уже забытую концепцию о примате сельского хозяйства над промышленностью и о ведущей роли «господина урожая» в нашем народном хозяйстве. Тем более что и в давно отошедшие времена Николая — она «господин урожай» ни в какой мере *не определял* собою течения наших промышленных циклов. Это ясно уже из того, что наши промышленные циклы ни в чем не расходились с мировыми. Трудно допустить, однако, что одни лишь русские неурожаи определяли бы собой времена и сроки не только русских, но заодно и мировых промышленных кризисов, независимо от состояния урожая во всех других странах. Легче уж принять, что и урожаи и кризисы во всем мире совпадают друг с другом во времени под влиянием какого-либо *третьего* фактора мирового значения, например от периодических сгущений пятен на солнце. Но и эта космическая гипотеза давно уже забракована.

Можно, однако, подойти к этой проблеме проще. Если кризисные годы вызываются влиянием неурожаев, то средний урожай за эти годы должен быть очень низким. Однако прямой подсчет за все начальные годы русских промышленных кризисов от 1847 до 1907 г. дал нам норму в 101,5% средней урожайности в России за соответствующий период, что отнюдь не подтверждает нашего допущения. Проверим, однако, его еще другим путем. Возьмем годы минимальных урожаев за каждое десятилетие в России и посмотрим, росла или падала *вслед за ними* продукция промышленности.

Годы минимальных урожаев	Урожай в % среднего	Рост (+) или падение (—) продукции, %
1848	81,0	+ 1,6
1859	80,8	+ 9,3
1867	84,0	+ 4,3
1875	85,1	— 2,9
1885	85,1	— 1,0
1891	72,4	+ 3,5
1906	77,3	+11,6
В среднем за 7 лет . . .	80,8	+3,8

Как видим, даже минимальные урожаи в большинстве случаев не влекли за собой снижения промышленной продукции. Тем менее оснований думать, что *кризисные* падения вызваны менее значительными колебаниями урожайности. К тому же выводу приводит и следующий расчет. Выделив за весь период с 1847 по 1913 г. годы оживления и подъема (33 года) в одну

[1] С. А. Первушин. Указ. соч., стр. 202, 211.

группу, а годы кризиса и депрессии (34 года) — в другую, мы исчислили для каждой из них среднюю урожайность. Но и здесь и за тот и за другой периоды получилась совершенно одинаковая урожайность — в 100% средней нормы. Таким образом, никакой зависимости промышленных циклов от колебаний урожайности прямые факты не подтверждают.

В нашей краткой исторической справке о кризисах в России мы почти не коснулись тех бесчисленных бедствий, какие каждый из этих кризисов, несомненно, причинил российскому пролетариату. К сожалению, у нас нет статистических данных о движении безработицы в царской России. Чрезвычайно скудны также все наши сведения о динамике заработной платы промышленных рабочих за дореволюционный период. В качестве некоторой иллюстрации о влиянии кризисов на уровень жизни и оплату труда русских рабочих мы могли бы только сослаться на многолетние данные о динамике поденной платы питерских рабочих-строителей. Несмотря на то что начальные и конечные моменты кризисов и депрессий в промышленности и строительстве не всегда совпадают, колебания реальной поденной платы строителей находятся в полнейшем согласии с колебаниями промышленного цикла. Вот, например, на какие годы приходятся максимумы и минимумы реальной поденной платы строителей, выраженные в процентах среднего плавного уровня за соответствующий год [1]:

Максимумы		Минимумы	
Год	Плата	Год	Плата
1854	126,0	1857	78,4
1860	125,2	1862	80,1
1865	106,1	1868	91,5
1870	109,1	1872	87,7
1882	112,1	1886	86,0
1890	109,9	1893	92,3
1896	107,1	1900	88,1
1905	107,0	1908	88,3
В среднем	112,8	—	86,5

Как видим, лишь за исключением 1862 г. (хлопковый голод) все минимумы зарплаты пришлись у нас либо в точности на годы мировых кризисов (1857, 1872, 1900), либо на ближайшие к ним годы острой депрессии (1868, 1886, 1893, 1890). Наиболее далеким от начала кризиса (1882 г.) оказался минимум зарплаты 1886 г., но и он полностью совпадает у нас по времени и с минимумом производства за кризис 80-х годов. Кстати сказать, и 1862 г. был у нас годом падающего производства. Обращает на себя внимание огромный размах колебаний зарплаты от максимума к минимуму в ближайшие годы к 1861 г.— этому переломному моменту для всей системы трещавшего уже по всем швам феодализма. Столь резкие и разрушительные колебания жизненного уровня трудящихся, несомненно, служили признаком *крайней неустойчивости* и всей доживающей свой век системы.

Средний размах колебаний зарплаты за весь период с 1854 по 1908 г. от 112,8 до 86,5%, т. е. 26,3 пункта, конечно, тоже чрезвычайно глубок и страшен, если вдуматься в его значение с точки зрения жизненных интересов трудящихся масс. Капиталистическая система, которая периодически наносит такие губительные удары трудящимся — этой основной производительной силе общества, тоже не может считаться очень устойчивой и долговечной. В России эти кризисные удары были значительно ощутимее, чем

[1] С. Струмилин. Оплата труда в России.— «Плановое хозяйство», 1930, № 7—8, стр. 150.

в других странах, уже потому, что она была слабейшим звеном в цепи капиталистических стран. Отсталая техника мешала нам конкурировать на внешнем рынке, а внутренний крестьянский рынок, скованный в своем развитии такими пережитками крепостных пут, как выкупные платежи, кабальная аренда и целый ряд других, был очень ограничен. И крупная капиталистическая промышленность России в своем стихийном росте на этой узкой базе сильнее многих других стран реагировала на все рытвины и ухабы мировых циклов. Включившись в их русло еще на заре своего развития в недрах отмиравшего феодализма, она неизменно в течение 60 лет испытывала на себе все бедствия кризисных провалов. Удары мировых кризисов поражали ее при этом как слабейшее звено в цепи, обычно и раньше, и глубже других звеньев.

Всякое действие вызывает, однако, соответствующее противодействие. Обрушиваясь на пролетариат, удары мировых кризисов не могли не вызывать в нем ответной реакции на всем протяжении их действия. Но там, где чувствительнее были удары, сильнее была и реакция. Более сплоченной и крепкой выковывалась под этими ударами у нас в России и боевая партия пролетариата.

Вот почему капиталистическая цепь эксплуатации оказалась под особо большим натяжением именно здесь в слабейших своих звеньях. И она впервые порвалась — как всем известно, отнюдь не автоматически — именно в этом, одном из слабейших ее звеньев — в России.

XI. ЗАБАСТОВКИ И РЕВОЛЮЦИЯ (1850—1917 гг.) [1]

Эксплуатация труда и присвоение прибавочного продукта трудящихся масс господствующими классами — это вполне закономерные процессы для всех классовых хозяйственных формаций. Столь же закономерно для них и противодействие трудящихся этой эксплуатации, хотя формы развивающейся на этой почве классовой борьбы весьма различны на разных этапах хозяйственного развития. На кульминационных вершинах классовая борьба проявляется в столь активных формах, как, скажем, восстание рабов, поднятое Спартаком в рабовладельческом Риме, или крестьянские войны в эпоху феодализма, подобные грозным восстаниям времен Степана Разина и Емельяна Пугачева в крепостной России, или, наконец, как вооруженное восстание московского пролетариата в 1905 г. Такие острые формы классовой борьбы эксплуатируемых народных масс оставляют глубочайшие следы в истории, несмотря даже на то, что шансы их на успех в борьбе с гораздо более организованным и лучше вооруженным врагом невелики. Но между восстаниями протекают столетия, а классовая эксплуатация не прекращается ни на час. И повседневный отпор ей не может проявляться в столь острых формах.

Однако в арсенале повседневной борьбы трудящихся против эксплуататоров имеются и другие формы классового сопротивления, гораздо более пассивные, но все же в известных условиях достаточно эффективные. Рабы спасались от своих господ только бегством. Крепостные тоже широко пользовались при всякой возможности этим спасительным средством, и, скажем, в уральских вотчинах Строганова в 1715 г. при наличии 44 643 ревизских душ крестьян недосчитывалось 33 235 душ мужского пола «в бегах и в мире скитающихся». В бегах спасалось здесь, стало быть, свыше 42% всего состава его вотчин. Но это легко удавалось сделать на таких удаленных окраинах страны, как Урал. А в центре крепостные, если не могли сбежать, то, экономя свой труд для своего надела, отдавали на барщине лишь предельный минимум своего подневольного труда. И с полным сознанием своей правоты они, по свидетельству Радищева, признавались ему, что даже «грешно» бы было так же работать на барина, как они работали в своем личном хозяйстве. На первый взгляд такой убежденный саботаж крепостного хозяйства помещиков как будто слишком слабое оружие против могущественных феодалов. Но если вдуматься поглубже, то его роль в падении феодализма имела решающее значение. Ведь он автоматически тормозил потенции феодализма.

У пролетариев нет своего надела. Они работают чужими средствами производства, умножая их в чужих интересах. Но чем быстрее растут и сосредоточиваются в больших массах эти средства производства, превращаясь в капиталы буржуазии, тем теснее сплачиваются в большие, все более организованные и сознательные коллективы рабочие, обслуживающие эти средства производства своим наемным трудом. А вместе с тем становится

[1] Печатается полностью впервые.

все более действительным важнейшее защитное оружие пролетариата — коллективный сговор, именуемый «стачкой», и прекращение работы, т. е. забастовка. Стоит лишь овладеть этим оружием в современных условиях по-настоящему, и пролетариат становится решающей силой. Рабочим не нужно никуда бежать от своих эксплуататоров. Им достаточно, оставаясь у своих орудий труда, лишь дружно скрестить на груди свои мозолистые руки и вздохнуть полной грудью. И это сразу остановит все машины и дезорганизует все возможности даже сильнейшего врага.

Легко себе представить такую картину. Всеобщая забастовка. В карманы буржуазии уже не льются потоки процентов и дивидендов, но с каждым днем умножаются неустойки, убытки от простоя дорогих машин и скоропортящихся материалов. И мало того, остановился весь транспорт и прекратился привоз из деревни в крупные центры всех жизненных припасов, не работают водопровод, почта и телеграф, телефон и радио, нет газет, погас электрический свет. В панике жандармы и полиция. Волнуется военное начальство за спокойствие в казармах. Теряют головы обезвреженные министры, не имея никакой возможности даже вызвать из гаража свои машины. А на заводах уже идут выборы в Совет рабочих депутатов — это новое правительство пролетарской диктатуры.

Но не сразу и пролетариат выковывает для себя столь мощное классовое оружие. Сначала забастовочное движение развивается крайне туго. Стачка рассматривается как ужаснейшее преступление не только против хозяина, но вместе с тем против царя и бога. Забастовщиков преследуют, сажают в тюрьмы, заковывают в кандалы, отправляют на каторгу, ссылают. И это служит хорошей школой не только экономического, но и политического воспитания рабочих масс. А система высылок на родину и в разные самые дальние от столицы края наиболее упорных забастовщиков распространяет их опыт по всей стране. Еще не написана история рабочего движения в нашей стране, хотя уже собран и опубликован богатейший архивный материал на эту тему. Но хочется все же предложить читателю хотя бы самый краткий обзор забастовочного движения в капиталистической России. Без него нельзя и представить себе развития капитализма с промышленным переворотом, периодическими кризисами и всеми прочими закономерными следствиями этого развития.

Отдельные забастовки и рабочие волнения имели место и в эпоху феодализма, в мануфактурный период развития капиталистической промышленности. И в соревновании мануфактур с вольнонаемным и подневольным трудом они, несомненно, сыграли положительную роль. Невыгодность подневольного труда усугублялась непрерывными волнениями рабочих на посессионных мануфактурах из-за много более низкой на них оплаты труда. И это ускоряло ликвидацию таких мануфактур или перестройку их в фабрики с вольнонаемным трудом.

Однако о рабочих волнениях дореформенной эпохи у нас, к сожалению, еще очень мало подытожено конкретных данных. Ценную сводку таких данных о коллективных выступлениях рабочих перед реформой 1861 г. дает, например, Р. Е. Рутман в своей «Хронике рабочего движения», но и она охватывает лишь события с 1850 по 1860 г. В этой сводке, по опубликованным и архивным источникам, приводится перечень 329 выступлений рабочих, включая и коллективные их жалобы в различные инстанции. Отбирая из этого перечня лишь такие конфликты, в которых рабочие не ограничивались одной лишь подачей жалоб, мы подсчитали по годам и видам число этих конфликтов и общее число учтенных в них участников, а там, где оно не было дано, попытались учесть его хотя бы приблизительно по средним нормам участия рабочих во всех известных нам случаях. Результаты этих подсчетов даны в табл. 1.

Максимум конфликтов падает в этой сводке на 1857 кризисный год: всего 45, в том числе 21 без данных о числе участников; максимум участ-

Таблица 1

Забастовки и волнения рабочих в России за 1850 — 1860 гг.

Годы	Забастовки		Уход с работы		Волнения		Итого конфликтов		
	Число случаев	В них участников	Число случаев	В них участников	Число случаев	В них участников	Число случаев	В них участников: Всего	В них участников: на один случай
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
I. Случаи с известным числом рабочих									
1850	1	149	4	752	4	1 263	9	2 164	240
1851	1	400	4	859	3	483	8	1 742	218
1852	2	220	3	281	3	1 469	8	1 972	246
1853	1	500	1	48	2	444	4	992	248
1854	1	444	5	416	2	175	8	1 035	130
1855	—	—	—	—	2	900	2	900	450
1856	1	230	5	759	1	160	7	1 159	165
1857	3	1 783	2	360	19	3 905	24	6 048	260
1858	6	1 724	4	1 019	9	2 069	19	4 812	254
1859	5	3 040	2	419	8	1 261	15	4 720	314
1860	2	1 700	15	4 182	10	3 081	27	8 963	332
Итого . .	23	10 190	45	9 095	63	15 210	131	34 495	264
	2	886	7	1 414	48	11 568	57	13 868	243
II. Прочие случаи									
Всего	25	11 076	52	10 509	111	26 778	188	48 363	257
В среднем на один случай . . .		443	1	202	1	241	1	257	—

ников — на последний перед реформой год. Из числа учтенных участников движения на 1851—1855 гг. приходилось 6642 рабочих, а на следующее пятилетие уже 25 702, т. е. почти в 4 раза больше. Главнейшими причинами этих конфликтов были вообще «тяжелые условия труда», что прежде всего отмечается в 38 случаях волнений, в частности «низкая оплата труда» с требованиями ее повысить вызвала 51 случай, частые задержки в оплате труда, на месяцы и даже на целый год и неправильные расчеты — 36 случаев, чрезмерные штрафы и высокие вычеты даже за дни болезни — 15 случаев, недостаточный отпуск провианта, гнилая мука, плохая пища — 19 случаев, повышение и без того непосильных уроков труда — 11 случаев, лишение праздничного отдыха — 6 случаев. Отмечалась в ряде жалоб рабочих и эксплуатация детей и женщин, а также необеспеченность престарелых рабочих. Но особенно показательны для предреформенных лет решительные протесты рабочих против «притеснений» своих управителей — 39 случаев, «жестокого обращения» — 24 случая и незаконного «закрепощения» заводских рабочих — 13 случаев, а также против принуждения женщин заводского населения обслуживать на домашних работах своих заводовладельцев.

С появлением первых слухов о «скорой воле» волнения рабочих заметно участились. Среди них меньше всего было вполне организованных стачек, подобных выступлению 230 суконщиков Симбирской губернии, которые упорной забастовкой добивались уплаты хозяевами не только всей задолженности им по зарплате за проработанное время, но и за все дни

стачки по день расчета (с 11 июня 1856 г. по август месяц). Чаще дело кончалось простым уходом с работы или даже массовым бегством рабочих с места производств. В ряде случаев рабочие бежали с целью поступления на военную службу (в 1854 г. свыше 400) и такой ценой добывали себе свободу, а когда прошел слух про волю, такие самовольные уходы и массовые побеги умножились и в надежде на скорое освобождение. За 1857—1860 гг. только по 7 таким оказиям ушло с работы свыше 3500 рабочих, не считая железоделательных заводов князя Голицына Пермской губ., где в ожидании манифеста о воле еще в 1858 г. волнения охватили 15 тыс. заводских крестьян.

Каждое из таких массовых рабочих выступлений, именуемых «беспорядками», представлялось, конечно, совершенно нетерпимым в условиях феодального режима. На помощь заводчикам спешили жандармы, полиция, а нередко и вооруженная военная сила. На головы рабочих обрушивались тяжкие репрессии. Их вожаки все чаще подвергались арестам, заполняли тюрьмы, шли на каторгу. Но и перебои в производстве становились все чаще и тягостнее. «Порядок» восстанавливался в одном месте только для того, чтобы подвергнуться нарушениям в двух-трех других. И старый порядок, столь неразлучный с расширенным воспроизводством все более опасных режиму «беспорядков», уступил наконец с 1861 г. свое место новой эпохе половинчатых реформ сверху.

Но и после 1861 г. заводы, обеспеченные до реформы даже в избытке подневольным трудом, работали с большими перебоями, главным образом из-за низкой оплаты труда. Так, на Каменском заводе в 1862 г. домна работала всего 145 дней из-за ухода «хороших мастеров» и недожога угля. Сокращение производства «от уменьшения числа рабочих, не изъявивших желания продолжать заводские работы по увольнении от обязательной службы», имело место и на других заводах. Двухмесячная остановка произошла, например, на Нижне-Уфалейском заводе, где рабочие «подали первый пример самовольной выдувки домны». Два месяца простояли домны и на Нижне-Сергинском заводе в 1862 г., где рабочие разошлись «в надежде найти более выгодные платы». В Пермском округе рабочие тоже два месяца не выходили на работы. А в Алапаевском округе «заводы не действовали в течение семи месяцев», что объяснялось заводоуправлением «тревожным состоянием людей при переходе от обязательного труда к вольному», а по существу было стихийной их забастовкой [1]. Едва ли, однако, такие забастовки вошли в далеко не полный их учет за пореформенный период.

По сводке А. М. Панкратовой, использовавшей многотомные сборники архивных документов по рабочему движению, и другим источникам мы располагаем такими итогами забастовочного движения в России за 1861—1884 гг. (табл. 2).

Рабочие «волнения», подсчитанные в табл. 2, можно рассматривать как конфликты, которые лишь благодаря попечительному вмешательству начальства, жандармов, а нередко и значительных воинских команд не завершились настоящими забастовками. На некоторых из охваченных ими заводов имели место и прекращение работ, отказы от работы в праздничные дни, требование повышения зарплаты и др. Но в большинстве случаев дело кончалось арестами «зачинщиков», судом и расправой и в лучшем случае розгами и высылкой. Стачки срывались, но уроки, преподанные царскими слугами рабочим, не пропадали. Сознание того, что и царское правительство, и все его слуги становятся всегда на сторону хозяев и отстаивают их интересы против рабочих, росло и ширилось, подготовляя почву для перехода от экономических конфликтов с отдельными хозяева-

---

[1] С. Г. Струмилин. Черная металлургия в России и в СССР. М.— Л., 1935, стр. 223.

Таблица 2

Число забастовок и волнений рабочих в России в 1861 — 1884 гг.*

Годы	Забастовки	Волнения	Итого
1	2	3	4
1861	11	12	23
1862	4	6	10
1863	2	4	6
1864	3	5	8
1865	3	6	9
1866	2	3	5
1867	1	2	3
1868	3	1	4
1869	4	2	6
1870	18	3	21
1871	17	7	24
1872	25	8	33
1873	17	12	29
1874	30	11	41
1875	23	13	36
1876	25	13	38
1877	12	10	22
1878	37	16	53
1879	51	9	60
1880	23	10	33
1881	14	13	27
1882	18	8	26
1883	20	11	31
1884	19	9	28
Итого . . .	382	194	576
В том числе			
1861 — 1868	29	39	68
1869 — 1876	159	69	228
1877 — 1884	194	86	280

* «Рабочее движение в России в XIX веке», т. II, ч. 1. М., 1950, стр. 35, 45, 56. Ср. еще сводку за 60-е и за 70-е годы XIX в. «История пролетариата СССР», 1934, № 4, стр. 41 — 42.

ми к более широкой политической борьбе. Жандармы каждую стачку готовы были рассматривать как бунт, но их действия сами расширяли число таких «бунтов».

Уже чтение манифеста 19 февраля 1861 г. об освобождении крестьян оказало свое воздействие на рабочих. И когда в апреле того же года на Людиновском заводе Мальцева исправник попытался наказать одного рабочего розгами, то рабочие завода, окружив исправника, не допустили этой расправы, а в ответ на аресты «зачинщиков» этой акции мастеровые завода прекратили работу и потребовали от исправника, чтобы он немедленно освободил арестованных или «их всех посадил бы» [1].

Этим благородным актом пролетарской солидарности и открывается в сущности новая эра рабочего движения в освобожденной от крепостного гнета России.

[1] «Рабочее движение в России в XIX веке», т. II, ч. 1, стр. 41, 82.

В те годы, однако, такие забастовки были еще большой редкостью. И сам заводчик, генерал Мальцев, остановку работ и порчу машин на одном из своих заводов приписывал как раз не гнусным действиям исправника, а чтению царского манифеста на его заводах, которое он объявил «вредным, неправильным и неудобным» [1]. Бывает же, что от страха и небо покажется с овчинку. А рабочая солидарность страшнее всего эксплуататорам труда. Не мудрено, что и «высочайший манифест» с перепугу может сойти в такой оказии за опасную прокламацию.

Удивляться тому, что всякие проявления активности рабочего класса вызывали невольный трепет в рядах его классовых врагов, не приходится. Этому содействовали и западная история рабочего движения со столь яркими его взлетами, как Парижская коммуна 1871 г., и собственный опыт русских фабрикантов со всей охраняющей их интересы полицейской ратью. Российский рабочий класс начал формироваться одновременно с русской буржуазией еще задолго до падения крепостного права. Но к 1861 г., после того как у нас в основном уже завершилась промышленная революция, промышленный пролетариат, насчитывая в своих рядах свыше 800 тыс. рабочих, представлял собой уже достаточно внушительную силу. Ему недоставало еще социалистической зрелости в сознании своих исторических задач, но и продвигаясь ощупью к их решению в повседневной классовой борьбе с буржуазией, это был уже, несомненно, вполне оформившийся класс.

Не считаться с этим очень весомым фактом в повседневной хозяйственной практике и политике не могли, конечно, даже самые лютые враги пролетариата. Но в теории они очень долго попросту замалчивали так называемый рабочий вопрос, отрицая даже самое существование пролетариата в России. В 1870 г. в стачках на 17 крупных предприятиях участвовало свыше десятка тысяч забастовщиков. Факт — достаточно осязательный. И тем не менее на съезде фабрикантов в том же 1870 г. один из ораторов, Мясоедов, доказывал «полную невозможность в России борьбы труда и капитала», и в частности сделал такой утешительный вывод: «У нас нет пролетариата, что составляет предмет зависти всех иностранных государств» [2]. Призрак коммунизма, бродивший по Европе, начинал уже тем временем обретать плоть и кровь в Парижской коммуне 1871 г. И хоть там этот призрак был потоплен в собственной крови коммунаров, он не давал спокойно спать стражам «порядка» даже в далекой России.

Число забастовок, несмотря на все усилия этих стражей в борьбе с ними, неудержимо росло высокими темпами. В годы кризисов и депрессий забастовки носили по преимуществу оборонительный характер, а в годы подъема — наступательный, бастующие чаще всего требовали повышения оплаты труда. Росло и число участников этих забастовок и волнений, даже в условиях неблагоприятной конъюнктуры. Правда, число их в ряде случаев осталось неизвестным, но, исходя из среднего числа участников на одну забастовку по всем случаям, где оно дано, и распространяя эти средние на все известные нам случаи за ряд лет, мы получим следующие итоги (табл. 3).

Как видим, забастовки и волнения, учтенные в данной сводке, охватывали в общем очень крупные фабрики и заводы. Возможно, впрочем, что известная часть волнений на мелких предприятиях, урегулированная мирным путем, без участия полиции, и не попала в общий их учет. Но и без них мы имеем дело уже с массовым движением, насчитывающим десятки и сотни тысяч участников. Во всяком случае в темпах своего роста оно намного опережало общий рост промышленного пролетариата в стране.

---

[1] «Рабочее движение в России в XIX веке», т. II, ч. 1, стр. 15.
[2] Там же, стр. 85.

Таблица 3

Итоги рабочего движения за 1861—1884 гг.

	1861—1868 гг.	1869—1876 гг.	1877—1884 гг.	1861—1884 гг.
1	2	3	4	5
I. Число случаев				
забастовок	29,0	159,0	194,0	382,0
волнений	39,0	69,0	86,0	194,0
Итого	68,0	2228,0	280,0	576,0
% к 1861—1868 гг.	100	335,0	412,0	—
II. Число участников на один случай				
забастовок	530,0	643,0	564,0	594,0
волнений	112,0	863,0	692,0	836,0
Итого	863,0	707,0	605,0	674,0
% к 1861—1868 гг.	100	82,0	70,0	—
III. Всего участников, тыс.				
забастовок	15,4	102,2	109,4	227,0
волнений	43,4	59,5	59,5	162,4
Итого	58,8	161,7	168,9	389,5
% к 1861—1868 гг.	100	274,0	287,0	—

Особенно крупный скачок в числе стачек и забастовщиков начинается с 70-х годов. Растет, по-видимому, и классовое сознание. Один из жандармских офицеров в августе 1871 г. так рапортовал своему начальству о настроениях обследованных им строителей одной из железных дорог: «Общий ропот и недоверие слышатся везде» [1]. Один из уездных исправников, объясняя московскому губернатору князю Ливену в донесении от 15 июля того же года, почему участились стачки и «почти повсеместно все рабочие проявляют сильную наклонность под разными предлогами бросать фабрики и заведения», привел прежде всего такое соображение: «В прежнее время удерживал их страх быстрого разбирательства на месте и полицейской расправы, с парализованием же полицейской власти — жаловался он, намекая на результаты судебной реформы,— начали появляться стачки». Обращая внимание губернатора на «бедную, пьяную и неразвитую жизнь нашего рабочего класса», просвещенный исправник в то же время утверждал, что «у нас собственно *фабричного или заводского класса нет*», поскольку эти рабочие «выделяются из хлебопашцев-крестьян», почему они всякое лето уходят, бросая фабрики, к себе в деревню [2].

Очень любопытно, что эта убогая идейка уездного исправника тотчас же была использована и московским губернатором князем Ливеном в его записке от 24 ноября того же 1871 г. министру внутренних дел Тимашеву. В этой записке, составленной по поводу двух июльских стачек в Московском уезде, Ливен прежде всего сообщает, что «зачинщики» немедленно были арестованы полицией без всяких судебных проволочек. Но помимо этого в ней сообщается о рабочих кружках и толках в кабачках и на свободе о том, что: а) фабриканты живут пóтом рабочих; б) они богатеют, разоряя рабочего; в) благодаря им, держащим всю торговлю в своих руках, рабочий волею-неволею должен работать исключительно на них;

[1] «Рабочее движение в России в XIX веке», т. II, ч. 1, стр. 550—551.
[2] Там же, стр. 545. 546 (курсив наш.— *С. С.*).

г) не будь их, рабочим легко бы самим сделаться мастерами; д) что, следовательно, ввиду такой несправедливости недурно бы разорить фабрикантов, выжигая их фабрики и машины. Конечно, из самодельных «толков» этого рода видно, что рабочие и сами уже пытались во многом разобраться. Но из пунктов г и д совершенно ясно, что в их домыслах еще и не пахло социалистической теорией. Тем не менее мудрый губернатор тотчас же удостоверил, что эти толки навеяны извне, с Запада, и что в них содержится «вкратце сжатый свод главных оснований социалистического рабочего катехизиса» [1]. И вот этот сиятельный бюрократ, для которого русские рабочие были только «грубой, развратной и разгульной массой», находит, однако, что в России «рабочему вопросу не пробил еще час». Его вывод очень категоричен: «Вопрос антагонизма владельцев и людей, лишенных всякого имущества, не является еще у нас вопросом насущным; *пролетариата у нас нет*» [2].

Эта полицейская мудрость пыталась пролить успокоительный бальзам в сферах, обеспокоенных забастовочным движением. Стачки налицо, но пролетариата нет, гласила эта убогая мудрость, значит, «владельцам» капитала у нас еще не грозят такие опасности, как, скажем, Парижская коммуна. Но этот бальзам не мог устранить ни антагонизма между трудом и капиталом, ни всех его проявлений в растущем рабочем движении.

Очень поучительно, что не только явные враги народа, подобные сиятельному московскому губернатору, но и чуть ли не все «народники» во главе со своим лидером Н. К. Михайловским, тоже очень долго, вплоть до 90-х годов прошлого века, оспаривали факт развития капитализма в нашей стране, а сам Михайловский утверждал вопреки фактам, что в России еще надо создать пролетариат, что в России нет пролетариата, и тем самым вызвал достойную отповедь со стороны В. И. Ленина [3]. Слепота народников в этом памятном их споре с марксистами объясняется, конечно, прежде всего тем, что все их внимание было обращено к деревне и рабочим вопросом они меньше всего интересовались. Но любопытно, что и доныне еще находятся историки, которые утверждают, что «складывание пролетариата как «класса в себе» и его конституирование в «класс для себя» на почве соединения с социализмом в истории русского пролетариата *почти совпали*», и относят этот момент к концу XIX — началу XX вв. [4]

Если согласиться с этими мнениями и признать, что до конца XIX в. в России еще не сформировался пролетариат даже на первом досоциалистическом этапе его развития, когда господство капитала создает для него одинаковое положение и общие интересы и он в борьбе сплачивается и конституируется как класс, противостоящий классу капиталистов, то придется признать и все вытекающие отсюда выводы. Если пролетариат как класс сформировался в России только к концу века и, стало быть, его заведомо не было в 70-х и 80-х годах, то не было, значит, у нас в эти годы и крупной буржуазии, ибо оба эти класса создаются одновременно уже в результате промышленного переворота. Но если у нас не было этих классов, то не могло быть и классовой борьбы между ними. Да и развитие капитализма при отсутствии их немыслимо. Значит в споре народников с марксистами по этому вопросу следует признать правыми народников? Но в таком случае и отрицавшие наличие пролетариата в России 70-х годов господа Ливены и Мясоедовы были тоже правы? А В. И. Ленин, высмеивавший по тому же поводу Михайловского, ошибался?

---

[1] «Рабочее движение в России в XIX веке», т. II, ч. 1, стр. 280.
[2] Там же, стр. 287.
[3] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 199.
[4] Л. М. Иванов. К вопросу о формировании промышленного пролетариата в России.— «История СССР», 1958, № 4, стр. 51.

Но не проще ли признать ошибочной концепцию тех советских историков, которые, недостаточно считаясь с некоторыми историческими фактами, незаметно для себя скатываются на заведомо порочные и чуждые нам позиции?

Конечно, отрицать наличие борющегося пролетариата и замалчивать как некую постыдную болезнь буржуазного общества «рабочий вопрос» в полном его действии оказалось невозможно даже в царской России. Шила в мешке не утаишь. И рабочее движение даже на первом его этапе чисто экономических забастовок все чаще опровергало на практике фальшивые измышления Мясоедовых и Ливенов и близорукие теории народников. Уже в мае 1870 г. в результате крупной стачки на Невской бумагопрядильной фабрике в Петербурге (800 рабочих) судебный процесс над ее виновниками раскрыл такую жуткую картину эксплуатации труда и действительных виновников забастовки, что даже вся подцензурная пресса, несмотря на запреты писать о стачках, заговорила о появлении рабочего класса в стране [1]. Дело было настолько скандальным, что по велению самого царя циркуляром от 6 июля 1870 г. предложено было всем губернаторам расправляться впредь с забастовщиками, «не допуская дела до судебного разбирательства» [2].

Такие рабочие забастовки, пока их можно было рассматривать как явление новое и довольно редкое, не мешали еще, как это было в том же 1870 г. на съезде фабрикантов, болтать о невозможности в России борьбы труда и капитала. Но борьба эта все сильнее и ярче разгоралась. И уже забастовка на крупнейшей в стране Кренгольмской мануфактуре близ Нарвы в августе-сентябре 1872 г. вновь приковала общее внимание все к тому же «рабочему вопросу». На мануфактуре эксплуатировалось самым беспощадным образом до 7000 рабочих, русских и эстонцев, в том числе до 1500 детей, работавших по 13—14 часов в сутки. Стачка была очень дружная и упорная. Арестованных товарищей рабочие «освободили силой». Для ликвидации забастовки потребовался целый полк солдат. Сами жандармы признали, что в этой стачке не было «ничего политического» и что «причиною всех беспорядков на Кренгольмской мануфактуре было полное бесправие фабричных рабочих и совершенный произвол фабричного начальства...» [3] Тем не менее подверглись жестоким репрессиям — вплоть до отправки в арестантские роты и на каторгу — только рабочие. Но в своей «записке» царю об этой забастовке III отделение, уже отнюдь не пытаясь отрицать наличие в России рабочего класса, отмечает даже высокую его сознательность. «Рабочие, видимо, *сознали,* что завод... без них *ничто*»,— с грустью докладывают царю свои выводы жандармы. «Это сознание и породило в настоящее время тот дух единомыслия, который так часто стал проявляться между рабочими»,— объясняют они царю. «Весьма грустно»,— вторит им Александр II собственноручной пометкой на том же документе [4].

Рабочее движение и социализм весьма долго не только за рубежом, но и в России за весь народнический период его эволюции развивались в основном самостоятельно. Но между ними никогда не было непроницаемых перегородок. И даже в первой после реформы стачке на Людиновском заводе в 1861 г. среди ее пострадавших «зачинщиков» было двое рабочих — Яков Дарочкин и Василий Вьюшкин, охваченных уже до того революционной пропагандой в тех или иных ранних народнических кружках. Заводили связи с рабочими еще революционные кружки Ишутина и «чайковцев» начиная с 60-х годов. Идеи социализма проникали в рабочую

---

[1] «Рабочее движение в России в XIX веке», т. II, ч. 1, стр. 48.
[2] Там же, стр. 242.
[3] Там же, стр. 332, 338, 352, 405.
[4] Там же, стр. 52.

среду и через прифабричные воскресные школы в 1861—1862 гг. [1] В 1871 г. шефу жандармов поступают сведения об организации революционных кружков «из рабочих» в Москве с целью «организации стачек и бунта на легальной почве» и тому подобных проектах [2]. В 1873—1874 гг. велась революционная пропаганда среди рабочих Петербурга в кружках С. С. Синегуба и др. с участием в них А. В. Долгушина, Д. И. Клеменца, С. М. Кравчинского, П. А. Кропоткина, Софьи Перовской, Д. М. Рогачева, Л. Э. Шишко и др. Сходки рабочих собирались в квартирах рабочих Петра Алексеева, братьев Петерсонов. Участвовал в них и слесарь Виктор Павлович Обнорский. Все эти имена широко известны в истории революционного движения. Многие из них сложили свои головы в рядах героической партии «Народной Воли». Но участие их в рабочем движении было слишком эпизодическим и мимолетным, чтоб оставить в нем столь же глубокий след.

Тем не менее рабочее движение все чаще соприкасалось с социалистической идеологией. Так уже в 1875 г. в Одессе организуется «Южнорусский союз рабочих» с задачей «пропаганды идей освобождения рабочих из-под гнета капитала и привилегированных классов». В союз, организованный Евгением Осиповичем Заславским, входили и связанные с ним кружки в Харькове, Ростове, Таганроге и Орле. В Одессе состояло в союзе до 300 членов. К концу года он был основательно разгромлен жандармами [3]. Но ряд кружков в Одессе и Херсоне продолжал свою деятельность вплоть до 1881 г., причем в одном из них еще в 1878—1879 гг. мирно занимался обучением рабочих Андрей Желябов, в других — его друзья Фроленко, Колоткевич и Тригони, а с 1879 г. и «чернопередельцы» Аксельрод и Стефанович [4]. Вместе с тем в документах III отделения мы находим многочисленные сообщения за 1875 г. о распространении запрещенной литературы и революционной пропаганды среди рабочих на фабриках Москвы, Иваново-Вознесенска и Петербурга с активным участием в ней самых передовых рабочих — Петра Алексеева, Семена Агапова и др.[5]. В 1876 г. можно отметить уже первую политическую демонстрацию на Казанской площади в Петербурге с участием рабочих, на которой выступал с речью Г. В. Плеханов. А в 1878 г. в Петербурге возник «Северный союз русских рабочих», в программе которого уже значилось, что по своим задачам он примыкает к социал-демократическим рабочим партиям Запада, хотя и эта программа была еще не совсем свободна от политической незрелости народнических влияний.

За десятилетие 1875—1884 гг. мы насчитали 242 забастовки и 112 волнений с общим числом участников до 215 тыс. [6] За следующее десятилетие мы наблюдаем дальнейший рост рабочего движения (табл. 4).

В приведенной таблице недоучтено из-за отсутствия данных число участников по 83 забастовкам и 106 волнениям. Среднее число участников по остальным — 866 на одну стачку и 690 на одно волнение, что с распространением этих средних на все случаи дает по всем учтенным забастовкам и волнениям 280 + 144 = 424 тыс. участников. Это почти вдвое больше их итога за 1875—1884 гг. Но росло не только количество, но и сознательность забастовщиков.

Уже с первой же за этот период забастовки в январе 1885 г. на Никольской мануфактуре Морозова в Орехове-Зуеве открывается новый этап рабочего движения. Эта грандиозная забастовка (до 8000 рабочих) в ат-

[1] «Рабочее движение в России в XIX веке», т. II, ч. 1, стр. 43, 586 и сл.
[2] Там же, стр. 601.
[3] Там же, ч. 2, стр. 103, 105, 158.
[4] Там же, стр. 498.
[5] Там же, стр. 14—60.
[6] В их числе следует отметить крупную забастовку на Сормовском заводе, где 23 марта 1882 г. появились впервые в организации стачек прокламации.

Таблица 4

Забастовки и волнения рабочих за 1885—1894 гг. *

Годы	Забастовки		Волнения		Итого		Число участников, % к 1885 г.
	Число случаев	Число участников	Число случаев	Число участников	Число случаев	Число участников	
1	2	3	4	5	6	7	8
1885	26	25 761	47	3 316	73	29 077	100
1886	24	6 126	29	467	53	6 593	23
1887	56	24 557	32	5 287	88	29 844	103
1888	26	13 891	19	3 520	45	17 411	60
1889	26	18 011	16	21 580	42	39 591	136
1890	33	12 094	6	300	39	12 394	43
1891	28	16 634	12	12 440	40	29 074	100
1892	29	35 818	16	16 047	45	51 865	178
1893	35	30 426	12	1 489	47	31 915	110
1894	41	25 558	20	6 820	61	32 378	111
Итого . . .	324	208 876	209	71 266	533	280 142	966
В том числе							
1885 — 1889	158	88 346	143	34 170	301	122 516	44
1890 — 1894	166	120 530	66	37 096	232	157 626	56

* «Рабочее движение в России в XIX веке», т. III, ч. 1. М., 1950, стр. 72 и 79.

мосфере политической реакции, наступившей после цареубийства 1 марта 1881 г. и полного разгрома партии «Народной Воли», всколыхнула всю страну. Правительство, считавшее все силы революционного движения окончательно подавленными, было крайне встревожено. Новому царю Александру III сразу же померещилось возрождение старой, но еще не забытой опасности. Стачка началась 7 января, но уже на другой день сам царь на докладе о ней министра внутренних дел Д. Толстого обнаружил свои чувства в следующей резолюции: «Я очень боюсь, что это дело анархистов»,— писал струсивший царь, имея в виду под этим именем, конечно, бесстрашных деятелей «Народной Воли». Но опасность была гораздо больше, чем он думал.

Во главе стачки оказался не террорист, а один из испытанных уже в забастовочном движении деятель «Северного союза русских рабочих», ткач Петр Моисеенко. И опасность для царского режима и всей буржуазии вырастала как раз из того факта, что революционное движение становилось все более массовым и *классовым* движением пролетариата. Морозовская стачка была только первым серьезным, но довольно показательным шагом на этом пути. Начатая в условиях промышленной депрессии и застоя, она отразила самые крайние формы эксплуатации труда методами совершенно бесконтрольного штрафования рабочих в пользу хозяев со снижением этим способом уже и без того сниженной оплаты труда на десятки процентов. На помощь хозяевам были брошены войска, до 300 рабочих было арестовано, свыше 800 выслано на родину. На суде, с участием присяжных, «зачинщикам» забастовки было предъявлено обвинение по ста одному пунктам. Но вскрытая на суде система эксплуатации была так отвратительна, общественное сочувствие рабочим столь очевидно, что брошенные на скамью подсудимых рабочие по всем пунктам были судом оправданы.

Экономическая рабочая стачка стала в этих условиях большим политическим событием. Вызванный ею закон о штрафах от 3 июня 1886 г., запре-

тивший их обращать в пользу предпринимателей, и учреждение фабричной инспекции были уже реальной победой рабочего *класса*, ибо действие их распространялось на все, подчиненные фабричной инспекции, фабрики и заводы. Это значение морозовской стачки особо было подчеркнуто реакционной печатью того времени. Негодуя по поводу оправдания забастовщиков судом присяжных в г. Владимире по всем 101 пунктам, известнейший реакционер М. Н. Катков с издевкой над этим приговором писал в «Московских Ведомостях»: «Вчера в старом богоспасаемом граде Владимире раздался сто один салютационный выстрел в честь показавшегося на Руси рабочего вопроса. Итак, да здравствует рабочий вопрос!...»

В сущности говоря, Катков сильно запоздал с этим открытием. Его признание свидетельствовало лишь о том, что значение рабочего вопроса в России становится очевидным даже слепым от рождения мракобесам. Но столь очевидные успехи рабочего движения привлекали к себе внимание не только врагов, но и друзей. Неудачи народников в их пропаганде социалистических идей в русской деревне привели уже многих из них к полному разочарованию и пересмотру своей идеологии. Как известно, за границей уже в 1883 г. из таких вчерашних народников образовалась первая социал-демократическая «Группа освобождения Труда» во главе с Г. В. Плехановым, который еще до своей вынужденной эмиграции за границу сам принимал активное участие в руководстве одной из стачек в России. В декабре 1883 г. возникла, по инициативе Д. Н. Благоева, первая марксистская организация в Петербурге, охватившая в 14 рабочих кружках до 100—150 рабочих. В январе и июле 1885 г. эта организация выпустила два номера подпольной социал-демократической газеты «Рабочий», появление которой, как и Морозовская забастовка, было целым событием в революционных кругах столицы. С тех пор мы наблюдаем немало социал-демократических групп, ведущих пропаганду в рабочей среде (группы Павла Точисского в 1885—1886 гг. и М. И. Бруснева в 1889—1893 гг. в Петербурге, Н. Е. Федосеева в Казани и много других в Нижнем Новгороде, Туле, Иваново-Вознесенске, Харькове, Минске и Вильно, Риге, Либаве, Тифлисе и т. д.).

Весь этот период, однако, все эти кружки представляли еще рассыпанную храмину. В них многие рабочие уже приобщились к социализму, но рабочее движение развивалось еще само по себе, вне всякой организационной связи с социал-демократическими ячейками и во всяком случае без социалистического им руководства. В. И. Ленин рассматривает весь этот период, вплоть до 1895 г., как период *теоретического* основания социал-демократии и «утробного» ее развития. Лишь с образованием в 1895 г. «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» в Петербурге, а затем и в других городах, внесение в рабочее движение социалистического сознания стало делать все более заметные успехи. От замкнутой в кружках социалистической пропаганды партийные круги перешли к активной агитации и прямому воздействию на ход рабочего движения. И это сразу сказалось на самом характере социал-демократического рабочего движения.

Для самого сжатого его обозрения достаточно привести следующую картину забастовочного движения в России с 1895 г. до Великой Октябрьской революции 1917 г. (табл. 5).

Таблица эта, составленная по официальным данным фабричной инспекции, не охватывает горнозаводской промышленности, не учитывает массовых забастовок железнодорожников 1905 и 1917 гг. и вообще едва ли отличается достаточной полнотой учета [1]. И все же она поражает небывалым ростом забастовочного движения за весь этот период по сравнению с предшествующими годами. Если за 1885—1894 гг. насчитывалось всего 324 слу-

[1] В горной и горнозаводской промышленности учтено забастовщиков в 1914 г.— 16 284, в 1915 г.— 17 596, в 1916 г.— 76 903, в 1917 г. (январь-февраль) — 5326. См. К. Яковлева. Забастовочное движение в России. Материалы по статистике труда, вып. 8. М., 1920, стр. 56.

Таблица 5

Забастовки в России за 1895—1917 гг. *

Год	Число забастовок			Число бастовавших рабочих			Число потерянных рабочих дней, тыс.
	всего	в том числе		всего, тыс.	в том числе, %		
		экономических	политических		экономических	политических	
1	2	3	4	5	6	7	8
1895	68	68	—	31	100,0	—	157
1896	118	113	5	30	99,2	0,8	189
1897	145	143	2	60	99,1	0,9	321
1898	215	209	6	43	96,4	3,6	159
1899	189	178	11	57	94,6	5,4	265
1900	125	115	10	29	85,8	14,2	120
1901	164	159	5	32	98,4	1,6	110
1902	123	112	11	37	86,3	13,7	128
1903	550	424	126	87	78,1	21,9	445
1904	68	66	2	25	98,0	2,0	185
1905	13 995	4 190	9 805	2 863	35,6	64,4	25 030
1906	6 114	2 545	3 569	1 108	41,3	58,7	5 513
1907	3 573	973	2 600	740	27,0	73,0	2 433
1908	892	428	464	176	47,4	52,6	865
1909	340	290	50	64	87,0	13,0	418
1910	222	214	8	47	91,9	8,1	256
1911	466	442	24	105	92,0	8,0	791
1912	2 032	732	1 300	726	24,2	75,8	2 376
1913	2 404	1 370	1 034	887	43,4	56,6	3 863
1914	3 534	969	2 565	1 337	20,8	79,2	5 755
1915	928	715	213	540	71,1	28,9	1 863
1916	1 284	1 041	243	952	67,4	32,6	4 649
1917**	1 906	589	1 317	870	21,5	78,5	3 823
Итого	39 455	16 085	23 370	10 846	40,6	59,4	59 714

* «Наемный труд в России», ч. 1. М., 1927, стр. 152.
** За девять месяцев.

чая забастовок, то за 1895—1904 гг. их было уже 1715 по числу заведений, охваченных стачками, т. е. в 5,3 раза больше, а за 1905—1914 гг. — уже 33 572, т. е. еще раз в 20 больше предшествующего десятилетия. Характерно, что в этот период впервые появляются забастовки с *политическими* требованиями и что число таких забастовок возрастает еще более поразительными темпами: со 178 за 1895—1904 гг. до 21 419 за следующее десятилетие, т. е. увеличивается в 120 раз. Но самое поразительное это те пиковые взлеты числа забастовок и забастовщиков, какими отмечены 1905 и 1917 революционные годы, за которые число политических забастовок превышает в два-три раза число экономических при общем росте тех и других. Этот рост рабочего движения в гармонических сочетаниях экономической и политической борьбы пролетариата лучше всего свидетельствует и о росте партийного влияния на его формы и о том, что оно в полном смысле этого слова было *социально-демократическим.*

Эти красноречивые факты и цифры представляют живейший интерес и наталкивают на чрезвычайно поучительные выводы. Охватывая весь период идеологической подготовки великой русской революции с первых робких итогов нашего рабочего движения вплоть до октября 1917 г., они заклю-

чают в себе богатейшие материалы для ответа на один весьма неясный и трудный вопрос: почему мы первые в мире оказались у врат социализма?

Россия одна из наиболее отсталых в культурном отношении стран Европы. Это страна земледельческая по преимуществу. Индустриальный пролетариат составлял в ней ничтожное меньшинство трудящегося населения страны. И все же этот пролетариат, будучи количественно в несколько раз слабее пролетариата Германии, Англии или Америки, оказался первым у врат социализма. Он первый решительно взял власть в свои руки и вот уже почти полвека так крепко держит ее, что вышибить у него ее не могут все силы мирового империализма.

Как же объясняется эта на первый взгляд столь парадоксальная загадка?

Некоторыми говорилось о том, что именно наша отсталость и объясняет, почему мы впервые не выдержали тяжести империалистической войны. Наша истомленная войной страна накопила к решительному моменту слишком много оснований для недовольства режимом, подвергшим ее столь тяжелым испытаниям. А самый режим этот, опиравшийся на слишком слабый экономический базис, был настолько расшатан мировой войной, что распался под первым же натиском революционной волны.

Такое объяснение годилось бы еще, пожалуй, да и то с грехом пополам, для февральской революции. С грехом пополам, ибо и февральскую революцию оно объясняет лишь наполовину. Царский режим неизбежно должен был пасть. Но под чьими ударами?

Легче всего он мог пасть жертвой своей собственной неспособности, под ударами одного из назревших уже военно-патриотических заговоров. Его могла принудить к капитуляции и какая-нибудь новая волна народнического терроризма, выступающего с револьвером и бомбой в руках, опираясь на поддержку радикальной интеллигенции и сочувствие своей уравнительной идеологии широких крестьянских масс. В обстановке всеобщего презрения его могли рано или поздно свалить даже иерихонские трубы Родичевых, Маклаковых и тому подобных думских трубадуров нашей либеральной демократии. Возможно, что этот жалкий старый режим мог спасовать в конце концов даже перед ослиной челюстью какого-нибудь Гучкова в роли нового горе-Самсона фрондирующей отечественной буржуазии.

Но почему же все эти весьма разнообразные возможности были предупреждены и исключены одним стихийным взмахом массовой пролетарской забастовки? Крестьянским характером страны и нашей индустриальной отсталостью этот факт во всяком случае не объясняется.

В самом деле, почему в отсталой крестьянской стране революционный пролетариат не только нашел в себе достаточно сил, чтобы опрокинуть подгнивший царский режим, но и так сказочно быстро — в одно лето — созрел для того, чтобы, свергнув гнет буржуазии, самому стать у власти? И почему эта власть так легко и так неотвратимо естественно, как созревший плод, пала к его ногам? И почему он оказался в силах так прочно ее удержать? И почему, например, немецкий пролетариат, гораздо более богатый в те годы опытом и мощный численностью, вступив после падения своего абсолютизма осенью 1918 г. на тот же путь, на каком мы оказались весной 1917 г., до сих пор даже после поражения фашизма безрезультатно борется в Западной Германии за Советскую власть и диктатуру пролетариата?

Но если наличность пролетарской власти в Советской России остается неоспоримым фактом, а объяснение этого факта нашей индустриальной отсталостью было бы по меньшей мере невразумительным, то в чем же мы должны искать более вразумительных объяснений?

Обращаясь к истории развития нашего хозяйственного уклада и борьбы классов, мы сможем отметить здесь следующие две характерных особенности. Первая из них лежит в области экономической. Это — высокая степень концентрации нашего индустриального хозяйства. Она свидетельст-

вует, что русский капитализм, несмотря на всю юность, или, вернее, именно вследствие этой юности, отнюдь не приходится характеризовать, как слишком отсталый [1]. Вторая особенность — в области политики. Мы имеем в виду царский режим со всеми его атрибутами.

Чтобы оценить по достоинству значение указанных двух особенностей русского уклада по сравнению с Западом, приведем несколько фактов и цифр.

В России не было промысловых переписей. Учета мелкой промышленности ремесленного типа вовсе нет. Учет крупной промышленности тоже далеко не полон по сравнению с данными германской или американской статистики. Но все же в отношении более крупных предприятий такое сравнение возможно. Что же оно дает?

Если отбросить для сравнимости данных наиболее мелкие предприятия с числом рабочих до 20 человек, а из оставшихся учесть, какая доля по числу рабочих падает на самые крупные с цензом свыше 1000 человек, то получим следующий процент концентрации индустриальных рабочих в крупнейших предприятиях:

Год	Германия	Соединенные Штаты	Европейская Россия
1895	(13)	—	(31)
1904	15	—	38,8
1907	—	17,9	39,2
1914	—	20,5	43,8

Как видим, степень концентрации рабочих в крупных предприятиях для России по меньшей мере вдвое выше германской и даже американской нормы. Но нужно еще учесть, что указанные коэффициенты для России заведомо преуменьшены, ибо в использованные для их исчисления данные фабричной инспекции не вошли наиболее крупные казенные и все металлургические заводы. По обследованию Погожева, включение в учет и этих заводов повышает норму концентрации рабочих на крупнейших русских заводах для 1902 г. с 31,5 до 47,6%, т. е. еще в 1,5 раза [2]. Таким образом, относительный вес крупной промышленности в России можно считать раза в 3 выше, чем в Германии и Соединенных Штатах.

Но и абсолютные итоги крупной промышленности весьма показательны. Общий итог рабочих во всех заведениях обрабатывающей промышленности с цензом более 20 лиц составлял для Германии в 1907 г. около 4,5 млн. рабочих (и служащих), для Соединенных Штатов в 1909 г.— 5662 тыс. и в 1914 г.— 6112 тыс. рабочих. В России соответствующие итоги давали гораздо меньше: в 1902 г. всего около 2 млн. и в 1914 г. около 2,8 млн. рабочих, не включая сюда горнорабочих (около 500 тыс.) и фабрично-заводских служащих (более 200 тыс.).

Зато на крупных предприятиях с числом рабочих выше тысячи в Германии было в 1907 г. едва 655 тыс. фабрично-заводских рабочих, в Соединенных Штатах в 1914 г. 1,255 тыс., тогда как в России уже в 1902 г. их было более 980 тыс., а к 1914 г. во всяком случае не менее 1,3 млн. (со включением казенных и металлургических, но без горных заводов), т. е. больше, чем даже в Америке. При этом в среднем на таких крупнейших заводах в Германии в 1907 г. работало 1980 рабочих, в Соединенных Штатах в 1914 г.— 1940 рабочих, а в России уже в 1902 г.— 2490 рабочих.

И еще один факт. Заводов-гигантов с числом рабочих свыше 5 тыс. насчитывалось в Германии в 1907 г. всего 12 со 119 тыс. рабочих, тогда как

[1] В. И. Ленин еще в 1908 г. отметил то противоречие, «которое глубже всего объясняет русскую революцию: самое отсталое землевладение, самая дикая деревня — самый передовой промышленный и финансовый капитализм!» (Полное собрание сочинений, т. 16, стр. 417).

[2] Н. В. Погожев. Учет численности и состава рабочих в России. СПб., 1906, стр. 45, 59—60 и сл.

у нас в одном Петрограде перед революцией таких заводов-«большевиков» было больше, чем во всей Германии (14 заводов, 132 тыс. рабочих), по всей же России насчитывалось уже в 1902 г. 35 заводов с 270 тыс. рабочих.

Таким образом, Россия, страна заводов-«большевиков» и вообще крупнейшей капиталистической индустрии преимущественно, слишком «отсталой» в этом отношении, по сравнению со своими западными соседями, едва ли может быть признана.

Это первый вывод. Но все его значение будет понятно лишь тогда, когда мы установим другой очень важный факт, что вся революционная активность пролетариата концентрируется как раз почти исключительно в крупной промышленности, на заводах-«большевиках».

Вся история забастовочного движения в России доказывает это с полной несомненностью. Забастовки — испытанное средство борьбы во всех странах, но все же распространенность этого метода борьбы весьма различная для разных стран. Для иллюстрации приведем несколько цифр (табл. 6).

Таблица 6

Ежегодное число забастовщиков (в тыс. человек)

Страна	Период наблюдения	Минимум	Максимум	Среднее	% к России
1	2	3	4	5	6
Германия	1900—1913	40	397	154	34
Франция	1893—1911	46	438	167	37
Соединенные Штаты .	1893—1905	176	533	341	75
Англия *	1893—1915	87	1 463	369	81
Россия	1895—1916	25	2 863	453	100

* Со включением горнорабочих и рабочих транспорта.

Приведенные в таблице данные по России сильно преуменьшены, так как относятся только к заведениям, подчиненным фабричной инспекции. С учетом казенных и металлургических заводов их пришлось бы увеличить, судя по числу неучтенных рабочих в этих заводах, по меньшей мере на 30%. Но и без того русские цифры для забастовок являются рекордными.

Итак, если русских рабочих и меньше, они гораздо активнее в коллективном отстаивании своих классовых интересов. Если забастовочную активность русского рабочего, т. е. число забастовок на одного рабочего в год, принять за 100, то активность американского рабочего выразится, примерно, числом 35, а немецкого цифрой 17. Говоря иначе, каждый русский рабочий по своей забастовочной активности стоит трех американских или шести немецких.

И в этом нет ничего удивительного, ибо забастовочная активность пролетариата есть прямая функция размеров предприятий. Чем выше размер предприятий, тем больше процент бастующих из общего их числа.

Вот, например, несколько итогов (табл. 7).

В среднем за 16 лет активность мелких предприятий была в восемь раз ниже, чем у самых крупных. В годы общего революционного подъема она относительно несколько поднимается (до $^{1}/_{5}$ высшей нормы), но зато в годы реакции еще быстрее падает (до $^{1}/_{27}$ этой нормы). Ясно, стало быть, какую скромную роль играют рабочие мелкой и даже средней промышленности в общей классовой борьбе пролетариата. По числу забастовщиков на долю всех мелких и средних предприятий — до 500 рабочих — приходилось в 1905 г. не более 37,6%, в 1910 г. еще меньше — едва 30%. Таким образом, на долю более крупной промышленности приходится не менее $^{2}/_{3}$ всей забастовочной активности.

Таблица 7

Процент ежегодно бастовавших заведений в России

Размер заведений по числу рабочих	1895—1910 гг.	1905 г.	1910 г.
1	2	3	4
До 20	4,5	47	0,3
21—50	9,3	89	0,9
51—100	13,3	109	1,5
101—500	20,2	160	3,1
501—1000	24,4	164	6,3
Более 1000	34,5	232	8,0
Отношение максимума к минимуму	7,7	4,9	26,6

И если в мелких предприятиях (до 20 рабочих) даже в бурном 1905 г. бастовало всего 47% их числа, то на заводах-«большевиках», с тысячами рабочих, этот процент поднимается до 232, т. е. каждый завод бастовал здесь больше 2 раз в году.

Мы уже видели выше, что, скажем, германский или американский пролетариат, хотя и был многочисленнее русского, но сосредоточен он в основном в мелком и среднем производстве. Говоря иначе, средний размер предприятий на Западе ниже, чем в России. Отсюда ясно, что и боевая забастовочная активность этого пролетариата должна быть соответственно ниже.

Она и была там ниже уже вследствие одного лишь экономического факта — более низкой концентрации капиталистического производства в передовых странах Запада. В отсталую Россию капитализм вторгся сразу вооруженным с ног до головы, уничтожая этим всякую возможность соперничества с собою со стороны мелкого производства. Он сразу сосредоточил крупные массы рабочих в немногих предприятиях и поставил их этим в условия, наиболее благоприятные для воспитания классового самосознания и коллективной активности.

Это одно уже объясняет многое, но не все. Экономической обстановке содействовала в том же направлении и политическая. Крупное капиталистическое производство у нас сочеталось с абсолютизмом.

На Западе рабочий мог питаться иллюзиями, что за него кто-то другой — в лице избранных им представителей — стоит на страже его интересов в парламенте. Это очень долго усыпляло его политическую активность. До самого последнего времени он почти вовсе не упражнял своей коллективной воли для непосредственного, прямого воздействия на весь государственный строй своей страны. Забастовки у него в лучшем случае служили для экономического воздействия на своих непосредственных угнетателей и эксплуататоров, отнюдь не задевая их общей классовой организации господства.

Иначе обстояло дело у нас.

У русских рабочих не было никаких конституционных гарантий. Но у них не было и никаких парламентских иллюзий. В России были лишь парламентские скамьи, с которых рабочим депутатам довольно легко было угодить на каторгу. Но на каторгу у нас нетрудно было попадать рабочим и прямым путем. И наши рабочие пошли прямыми путями, минуя всякие парламентские околицы и закоулки. На всякий акт произвола, большой или маленький, будь то арест товарища или массовые расстрелы рабочих на Ленских приисках, преследование рабочей прессы или разгром рабочих организаций, наши рабочие отвечали забастовкой протеста. И не мудрствуя

лукаво в тонких различиях интересов хозяйского правительства от интересов самих хозяев, эти рабочие, не щадя себя, били с плеча в самое больное место буржуазии — по ее кошельку.

Царский режим сдерживал рост и обострял формы борьбы социалистических организаций в России, но вместе с тем и очищал их ряды от всяких случайных «попутчиков», ревизионистов, оппортунистов, которыми так богаты легальные социалистические партии Западной Европы. Эти партии были много богаче рабочей партии, выпестованной В. И. Лениным. Значительно они превосходили ее и количественно, но это было лишь в ущерб их качеству. Зато можно было сказать с уверенностью, что более принципиальной и решительной, чем партия Ленина, не было ни в одной другой стране. И конечно, такие качества этой партии как нельзя более соответствовали историческим задачам революционного рабочего движения. Царские сатрапы долго утешались тем, что «у нас,— как они говорили,— слава богу, нет парламента». И у нас уже по необходимости российский героический пролетариат, вдохновляемый своей классовой партией, много лет воспитывал в себе революционный закал теми методами, какие можно назвать методами прямого действия: от массовых местных стачек и манифестаций до всеобщей генеральной забастовки по всей стране и вооруженного восстания в подходящий момент.

Правда, русские рабочие не знали, что это самое и называется «методами прямого действия», как мольеровский мещанин не знал, что всю свою жизнь он говорит «прозой». Но от этого дело не меняется. И факт, что с 1895 по 1916 г. 60% забастовок в России были политическими выступлениями пролетариата, остается фактом.

Законы коллективной психологии в области классовой борьбы еще очень плохо исследованы. Это не то, что законы физики. Там нас не удивило бы, что миллионы тонн воды, распыленной по большой поверхности, образуют лишь лужи, а десятая доля той же воды, поднятая и сосредоточенная в высоком водоеме, свергаясь оттуда водопадом, способна произвести громадную полезную или разрушительную работу. Точно так же нас ничуть не смутило бы, что неизмеримый запас электричества при нулевом потенциале ни в чем себя не проявляет, а небольшая его доза, аккумулированная в лейденской банке при высоком потенциале, убивает, как молния.

Но разве не такую же сгущенную ударную силу представляла собою перед революцией коллективная воля русского пролетариата, сосредоточенная в значительных массах на заводах-«большевиках» наших крупнейших промышленных центров и поднятая широкой практикой прямого действия до высокого потенциала революционной энергии?

Многим представляется непостижимым, какими судьбами последний по времени выступления на арену истории и самый малочисленный отряд международного пролетариата мог выдвинуться на самые передовые позиции мировой борьбы за социализм и оказаться у заветного порога новой эры истории человечества. И когда это непостижимое стало реальным фактом, они не верят своим глазам.

А между тем все, по-видимому, гораздо проще, чем кажется. Там, где нужно прокладывать новые, еще не проторенные пути, там, где требуется исключительная инициатива, решимость и энергия, там, где коллективная воля стоит перед задачей преодолеть инерцию масс, сдвинуть их с мертвой точки и увлечь за собой вперед, одним словом, там, где речь идет о революции,— решает дело не пассивное большинство, а активное меньшинство, способное увлечь за собой инертное большинство. Говоря иначе, в авангарде революции всегда будут те отряды пролетариата, которые обладают наиболее высоким потенциалом революционной энергии.

Дело, значит, здесь не в количестве, а в качестве.

1920—1965 гг.

XII. СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ СССР[1]

Советская экономика находится на одном из этапов своего бурного развития. Законченным в сущности можно считать только первый из этих этапов. А именно, в результате успешного выполнения двух пятилетних хозяйственных планов, в 1937 г., т. е. примерно через 20 лет после Великой Октябрьской революции, в СССР была осуществлена в основном первая фаза коммунизма, социализм. Вторым этапом явится построение второй фазы коммунизма в СССР. Но это новая полоса *«постепенного перехода от социализма к коммунизму»* [2]. Советский Союз приступил сейчас к построению материально-технической базы коммунизма. История уже вполне созревшей экономики коммунизма еще впереди.

События текущих дней рано еще заносить в скрижали истории. О них, даже в порядке самой непритязательной летописи, никому из современников не удавалось судить, «добру и злу внимая равнодушно». Тем не менее современники этих событий нередко могут кое в чем разобраться даже лучше, чем беспристрастные историки, вынужденные сто лет спустя извлекать свои выводы из документальных туманов архивной пыли. Вот почему в качестве живого свидетеля всех экономических событий Советской эпохи мне хотелось бы подвести хотя бы в самом сжатом очерке некоторые итоги развития экономики этой увлекательной эпохи.

Первостепенный интерес в этом отношении представляют прежде всего итоги индустриализации СССР.

Промышленность в России и до 1917 г. была ведущей отраслью народного хозяйства. В. И. Ленин, отметив в свое время вопиющее противоречие между *самым отсталым* землевладением, самой дикой деревней и *самым передовым* промышленным и финансовым капитализмом в царской России, в достаточной степени оценивал передовую роль промышленности в дореволюционной экономике нашей родины. В то же время это противоречие, по Ленину, «глубже всего объясняет русскую революцию» [3]. Вступив на стезю капиталистического развития позже других стран Запада и располагая в связи с этим в основном новейшим оборудованием зарубежного происхождения, русская индустрия по сравнению с другими, как известно, еще до революции достигла максимальной концентрации своего производства и рабочей силы в самых крупных центрах и наиболее передовых предприятиях страны. И этот признак ее зрелости, несмотря на то, что по масштабам продукции она намного отставала от ряда стран, опередивших Россию в капиталистическом развитии, в условиях мировой войны 1914—1918 гг. оказался решающим для развязывания победоносной пролетарской революции 1917 г. Отсталая деревня, сметая остатки феодализма, поддержала передовой революционный пролетариат, и русская революция, объединив в

---

[1] Печатается полностью впервые.

[2] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. II. М., 1953, стр. 883.

[3] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 16, стр. 417.

себе в феврале сразу *антифеодальные* и *антибуржуазные* потенции страны, уже в октябре стала социалистической.

Закрепить эту победу могла лишь дальнейшая индустриализация, на этот раз уже социалистическая индустриализация страны на базе самой высокой современной техники. Однако, чтобы лучше уяснить, чем отличалась эта социалистическая индустриализация от капиталистической, протекавшей в условиях классового строя старой России, необходимо напомнить некоторые факты из истории дореволюционной экономики нашей страны.

1. ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ТЕМПЫ РАЗВИТИЯ

Капиталистическая мануфактура в России, как известно, получила свое начало еще в условиях феодально-крепостной эпохи. Но эти условия мало благоприятствовали ее развитию. В частности, по числу мастеровых и работных людей рост мануфактуры с конца Петровской эпохи до начала XIX в., за целых 75 лет, выражается в следующих цифрах [1]:

Отрасль труда	1725 г.	1800 г.
Добывающая	4 006	95 113
Обрабатывающая . . .	14 436	104 141
Итого	18 442	199 254

За 75 лет число этих работников выросло в 10,8 раза, что соответствует в среднем за год приросту до 3%, а по обрабатывающей промышленности еще меньше, не свыше 2—2,5%. В начале XIX в. в добывающей промышленности вообще, а в черной металлургии в особенности, наблюдалась остановка роста и даже попятное движение в связи с промышленной революцией в Англии и резким сокращением вывоза русского железа за границу. Но в обрабатывающих отраслях продолжался дальнейший рост мануфактур, который в пределах феодальной эпохи протекал, по отчетным данным, такими темпами. Общее число рабочих с 1800 по 1860 г. по имеющимся подсчетам по всей России — без Финляндии и Польши — составляло (в тыс.):

Отрасль труда	1800 г.	1860 г.
Обрабатывающая	104	565
Горная и горнодобывающая .	95	245
Итого	199	810
% к 1800 г.	100	407

Общий прирост рабочих за 60 лет на 307% дает в среднем за год довольно умеренный рост — не свыше 3% (геометрический прирост), а по добывающей промышленности еще раза в 2 меньше. Но весь этот период нельзя рассматривать как единый, ибо во вторую его половину и особенно в 1845—1860 гг. шел энергичный процесс перерастания мануфактуры в фабрику. Вместе с тем в связи с техническим прогрессом наблюдалось резкое снижение цен на привозную пряжу и на всю совокупность индустриальных товаров. К сожалению, мы не располагаем сопоставимыми данными за эти годы о продукции всей промышленности. Однако, ограничиваясь лишь данными обрабатывающей промышленности без подакцизных ее отраслей (винокуренной, сахарной, табачной), можно по 50 губерниям Европейской России привести такие итоги (табл. 1).

[1] С. Г. Струмилин. История черной металлургии в СССР, т. I. М., 1954, стр. 300 и 363.

Таблица 1

Темпы индустриального роста феодальной России (по сравнимому кругу) *

Год	Рабочие		Продукция, млн. руб.			Выработка рабочего		Индекс цен (1913 = 100)
	тыс.	%	текущие цены	руб. 1913 г.		руб. 1913 г.	%	
				абс.	%			
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1800	104,1	100	25,1**	14,8	100	142,2	100	170,0
1845	470,6	452	99,4***	93,3	630	198,3	139	106,5
1850	456,0	438	139,0	144,8	978	317,5	223	96,0
1860	460,3	442	228,3	265,5	1794	576,8	406	86,0

* «Отчеты Департамента мануфактур и внутренней торговли за 1845—1860 гг.» (ЦГИАЛ).

** По неполной сводке Мешалина за 1799 г.—18,2 млн. руб., а по ведомости 1804 г. при равном числе рабочих, — 31,7 млн. руб., ассигнациями или 25,1 млн. руб. серебром (см. И. В. Мешалин. Текстильная промышленность крестьян Московской губернии в XVIII и первой половине XIX века. М.—Л., 1950, стр. 94).

***По неполному кругу учтенных мануфактур 95,7 млн. руб., по сравнимому с 1850 г. кругу — 99,4 млн. руб.

Число рабочих с ликвидацией или частичной заменой ручного труда машинным с 1845 г. пошло даже на убыль. Но тем быстрее возрастал общий объем их продукции и производительности труда. Особой точностью крепостная статистика, вообще говоря, не отличалась. Но в данном случае разница в темпах роста продукции до и после 1845 г. слишком велика для того, чтобы объяснить ее за счет погрешностей учета. Продукция за 45 лет первого периода дала прирост 530%, но в среднем за 15 лет это дает не свыше 85%, а между тем за следующие 15 лет, несмотря на сокращение числа рабочих, она почти утроилась, дав прирост на 185%. Еще заметнее это ускорение темпов роста сказалось на величинах средней выработки рабочего за оба периода. За 1800—1845 гг. она выросла в неизменных ценах всего на 39%, за 15 лет это дает менее 12%. А за следующие 15 лет выработка поднялась на 191%, т. е. росла в 16 раз скорее! В частности, за одно лишь десятилетие 1850—1860 гг., по нашим данным, она поднялась с 318 до 577 руб. в ценах 1913 г., т. е. на 81%. Такие скачки не могут быть случайными. Этот знаменательный скачок в росте производительности живого труда, как известно, объясняется энергичным перевооружением труда в эти годы. Мануфактура становилась фабрикой, ручной труд заменялся машинным. Говоря иначе, это были годы промышленной революции в России. И не только технической, но и социальной, ибо она сопровождалась такими социальными сдвигами, как раскрепощение многомиллионного крестьянства и возвышение нового класса — промышленной буржуазии. Правда, этот промышленный переворот начался еще до 1850 г. и завершился в ряде отраслей индустрии после 1860 г., но десятилетие 1850—1860 гг. было кульминационным и решающим моментом в его развитии.

* * *

Царский манифест 19 февраля 1861 г. не сразу освободил всех подневольных заводских рабочих. Но этих рабочих уже невозможно было удержать на месте. Они разбегались в поисках лучших условий труда. И старый заводской режим трещал по всем швам. «Тревожное состояние людей

[1] С. Г. Струмилин. Черная металлургия в России и в СССР. М.— Л., 1935, стр. 223.

при переходе от обязательного труда к вольному»[1] продолжалось не менее трех лет. И за эти переходные годы кризиса всего крепостного строя число промышленных рабочих в России не росло, а падало (табл. 2):

Таблица 2

Число промышленных рабочих в России (без Польши и Финляндии) *

Год	Добывающая		Обрабатывающая		Итого	
	тыс.	%	тыс.	%	тыс.	%
1	2	3	4	5	6	7
1860	244,7	100,0	565,1	100,0	809,8	100,0
1861	179,8	73,5	549,7	97,3	729,5	90,1
1862	147,2	60,2	512,8	90,7	660,0	81,5
1863	133,9	54,7	422,9	74,8	556,8	68,8

* С. Г. Струмилин. Черная металлургия в России и в СССР, стр. 224; 1845—1860 гг. Отчеты Департамента мануфактур и внутренней торговли; А. Г. Рашин. Формирование промышленного пролетариата в России. М., 1940, стр. 41, 47, 91 и «Сборник сведений и материалов по ведомству Министерства финансов», т. II. СПб., 1865.

Особенно тяжелые потери понесла при этом горная и горнозаводская отрасли, где особенно широко применялся подневольный труд. Но с 1863 г. мы наблюдаем уже вполне нормальное развитие капиталистической промышленности в России.

* * *

В освобожденной от крепостного гнета России индустриализация страны с 1863 г. протекала еще успешнее, захватывая все новые отрасли труда и районы, но таких скачков в производительности труда, как в 1850—1960 гг. мы в ней больше не наблюдаем. Мы не располагаем достаточно сопоставимыми данными о росте всей промышленности России за весь капиталистический период. Однако по имеющимся отчетам Департамента мануфактур можно заключить, что в первые десятилетия после реформы 1861 г. этот рост, прерываемый тяжкими периодическими кризисами, по числу занятых рабочих протекал довольно умеренными темпами. Гораздо энергичнее росла валовая продукция промышленности за счет растущей производительности труда, в связи с дальнейшей его механизацией. Так, в добывающей и обрабатывающей фабрично-заводской промышленности России (без Польши и Финляндии) со включением подакцизных производств общее число рабочих, достигавшее уже к 1860 г. не менее 810 тыс., через 30 лет, к 1890 г., в тех же пределах возросло до 1105 тыс., т. е. всего на 36%. В среднем за десятилетие это дает не свыше 12% прироста. А мощность паровых машин, обслуживавших этих рабочих, поднялась примерно с 25 тыс. л. с. в 1860 г. до 264 тыс. в 1892 г., т. е. в десять с лишним раз[1]. Такое повышение энерговооруженности труда не могло, конечно, не сказаться на соответствующем росте объемов валовой продукции и годовой выработке рабочих.

В частности, по обрабатывающей промышленности, без подакцизных производств, по Европейской России можно привести такие данные (табл. 3).

В первые годы после реформы 19 февраля 1861 г. число рабочих в промышленности, как мы уже видели, даже заметно сократилось по сравнению

---

[1] Можно добавить, что с 1892 до конца 1916 г. мощность двигателей в СССР возросла уже до 2681 тыс. л. с., т. е. еще раз в 10 за неполных 25 лет.

Таблица 3

Рост объемов валовой продукции и годовой выработки рабочих в 1863—1893 гг.

Год	Число рабочих, тыс.		Продукция, млн. руб.		Выработка рабочего, руб. 1913 г.		Индекс цен (1913 г. = 100)
	абс.	% к 1863 г.	текущие цены	цены 1913 г.	абс.	% к 1863 г.	
1	2	3	4	5	6	7	8
1863	358,2	100	238,6	274,6	767	100	86,9
1873	407,0	113,6	351,5	412,1	1013	132,1	85,3
1883	618,4	172,7	624,0	792,9	1282	167,1	78,7
1893	931,2	260,0	1140,8	1410,1	1514	197,4	80,9

с 1860 г., в основном за счет ликвидации последних вотчинных предприятий с принудительным трудом. Но общая продукция и средняя выработка освобожденных рабочих продолжала расти даже в эти первые переходные годы новой эпохи. А затем с 1863 по 1893 г. число рабочих выросло за 30 лет на 160%, их продукции — на 414, а средняя выработка рабочего в ценах 1913 г.— примерно на 97%. В среднем за десятилетие это даст прирост по числу рабочих до 38%, по объему валовой продукции — до 72, а по выработке рабочих — около 25% за десятилетие. По сравнению с годами промышленного переворота перед реформой, когда выработка рабочих за одно десятилетие 1850—1860 гг. поднялась сразу с 317,5 до 576,8 руб. за год в ценах 1913 г., т. е. на 82%, пореформенные темпы прироста производительности живого труда в 25% за целое десятилетие могут показаться весьма умеренными. Но если их сопоставить с нормальными темпами капиталистического развития на Западе, то придется дать им совершенно иную оценку. Напомним здесь только известную оценку их В. И. Лениным, по которой «после 61-го года развитие капитализма в России пошло с такой быстротой, что в несколько десятилетий совершались превращения, занявшие в некоторых старых странах Европы целые века» [1].

Особенно высокий подъем промышленности наблюдался в царской России в 90-е годы XIX в., начиная с 1896 г. Некоторые авторы пытались именно к 90-м годам приурочить даже время промышленного переворота в России. Однако для этого нет достаточных оснований. Располагая для последних десятилетий капиталистической России гораздо более полными и сравнимыми данными, чем за предшествующий период, мы можем привести следующие итоги. Они охватывают и фабричную и горнозаводскую промышленность по всей бывшей империи со включением всех подакцизных производств. По этой сводке, проделанной в ВСНХ под наблюдением В. Е. Варзара и Л. Б. Кафенгауза, получаем такую картину (табл. 4).

Рассматривая этот период в целом, нельзя забывать о кризисе 1900 г., закончившемся не ранее 1903 г. и ставшем гранью между столь различными стадиями капитализма, как капитализм индивидуалистический, в условиях относительно «свободной» конкуренции отдельных предпринимателей, и капитализм монополистический или империализм, с подавляющим господством на рынке монополий и монопольных цен. Это сказывается прежде всего на характерном для этой грани переломе в движении рыночных цен. Промышленные цены в эпоху империализма, несмотря на продолжающийся рост производительности труда, обнаруживают повсюду

[1] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 20, стр. 174.

Таблица 4

Рост объемов валовой продукции и годовой выработки рабочего в 1892—1913 гг.

Год	Число рабочих, тыс.		Продукция, млн. руб.		Выработка рабочего		Индекс цен (1913 г. = 100)
	абс.	% к 1893 г.	текущие цены	цены 1913 г.	руб. 1913 г.	% к 1893 г.	
	В границах бывшей империи						
1893	1462,6	100	1824,3	2255	1542	100	80,9
1903	2104,9	144	3638,3	4285	2036	132	84,9
1913	3028,7	207	6938,9	6939	2291	149	100,0
	В границах СССР до 1939 г.						
1913	2475,9	—	5722,6	5723	2311	—	100,0

вместо снижения определенную тенденцию роста. В России эта тенденция наметилась еще с половины 90-х годов, а после кризиса, с 1903 г., стала господствующей. И потому номинальный прирост продукции с 1893 г. за 20 лет на 280% с учетом движения цен реально не превышает 208%, с заметным замедлением темпов ее роста за последнее десятилетие (с 90 до 62%). Замедляется и прирост выработки рабочих с 32 до 12,5% за десятилетие. И в этом, несомненно, проявляются уже общие закономерности эпохи империализма.

В общем итоге за 1863—1913 гг. число промышленных рабочих в России с 557 тыс. (без Польши и Финляндии) выросло до 2476 тыс. (в границах СССР до 1939 г.), т. е. примерно в 4,45 раза. А средняя выработка рабочего поднялась с 767 руб. в 1863 г. до 2311 руб. в 1913 г., т. е. примерно в три раза. В среднем за одно десятилетие это соответствует приросту продукции за счет числа рабочих до 40% и за счет их выработки до 25%, а в общем, по объему продукции,— до 75%, в год — до 5,5%.

Что же касается высокого промышленного подъема 90-х годов XIX в., то рост объема продукции за 1893—1903 гг. на 90%, т. е. всего по 6,3% за год, являясь результатом высокой рыночной конъюнктуры, не означал промышленной революции. Повышение производительности живого труда в 1893—1903 гг. на 32% не идет ни в какое сравнение со скачком ее на 82% за 1850—1860 гг. Не было оно рекордным и за весь период промышленного капитализма в России. Значит никакого даже чисто технического переворота оно не предполагало. Не привел этот подъем 90-х годов и к каким-либо связанным с ним социально-революционным сдвигам в экономике страны. Правда, за высоким промышленным подъемом 90-х годов последовал глубокий промышленный кризис, но это нормальное явление в капиталистическом цикле воспроизводства.

Новая промышленная революция в нашей стране наступила значительно позже, в памятные годы коренной реконструкции уже советской промышленности — на гранях новой общественной формации.

2. ЗАВИСИМОСТЬ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ ОТ ЗАПАДА

Дореволюционная Россия, несмотря на значительное развитие в ней крупной капиталистической промышленности, оставалась все же в основном страной аграрной и притом с огромным преобладанием в этой обла-

сти наиболее отсталых натуральных форм мелкого крестьянского земледелия. Достаточно сказать, что доля сельскохозяйственной продукции в народном доходе Европейской России 1913 г. в 2,2 раза превышала долю индустриальной продукции всей крупной и мелкой промышленности, причем натуральная часть народного дохода от сельского хозяйства более чем вдвое превысила товарную [1]. Сохраняя в своем аграрном строе немало пережитков феодально-крепостнической эпохи в виде многочисленных сословных ограничений крестьянства, особых фискальных тягот в налоговом обложении крестьянских земель, чрезмерной земельной чресполосицы, созданной в результате пресловутой «освободительной» реформы, и много различных видов кабальной земельной аренды, крестьянское земледелие старой России отличалось своей крайней агрикультурной рутиной и низкой производительностью. Но и капиталистическая индустрия царской России по своим масштабам еще очень сильно отставала от более старых стран капитализма.

Меру этого отставания можно определить следующими масштабами. Занимая по своему протяжению и населению первое место среди великих капиталистических держав мира, Россия до 1913 г. по масштабам фабрично-заводской продукции стояла позади США, Германии, Англии и Франции. Причем если от Франции по объему этой продукции Россия отставала всего раза в полтора, от Англии и Германии раза в три с половиной, то от США отстала в этом отношении по меньшей мере раз в восемь.

Сильнее всего отсталость российской промышленности сказывалась в области тяжелой промышленности, т. е. производства средств производства и прежде всего в области машиностроения в химической индустрии. Значительно отставала от растущих потребностей страны топливодобывающая промышленность и вся металлургия вообще, а цветная в особенности, и целый ряд других отраслей тяжелой индустрии. Для развития их требовались большие вложения, а внутри страны их недоставало. И это обрекало страну на весьма тягостную зависимость от иностранного капитала.

В расчете на сверхвысокие монопольные прибыли этот капитал шел в Россию. Заинтересованный прежде всего в вывозе своих национальных фабрикатов на русский рынок, иностранный капитал охотнее всего финансировал те отрасли русской промышленности, которые менее всего угрожали ему конкуренцией на этом рынке, например коммунальные предприятия, городские трамваи, речное пароходство, железные дороги. Услуги этих предприятий не поддавались импорту из-за границы, а для строительства их и оборудования импорт, конечно, требовался и немалый. Кроме того, большая железнодорожная сеть в России была желательной для иностранного капитала и с точки зрения облегчения и удешевления массового экспорта из России сырья, в котором весьма нуждались индустриальные державы капиталистического Запада. Немного было шансов у иностранного капитала на значительный ввоз в Россию и таких малотранспортабельных товаров, как каменный уголь, руда, чугун и железо, и потому он довольно охотно финансировал развитие соответствующих отраслей промышленности в России. Но в его интересы вовсе не входил рост сильной машинной и химической индустрии в России, и эти важнейшие для самостоятельного развития русской индустрии отрасли безбожно отставали.

О степени нашей зависимости от иностранного капитала перед революцией можно судить по следующим данным. По имеющимся подсчетам, иностранному капиталу к 1917 г. принадлежали целиком или в большей части

---

[1] С. Н. Прокопович. Опыт исчисления народного дохода Европейской России в 1900—1913 гг. М., 1918, стр. 79.

акции и облигации русских акционерных предприятий в следующих отраслях (в млн. руб.) [1]:

Отрасль	млн. руб.
Горная	834,3
Обработка металлов	392,7
Текстильная	192,5
Химическая	83,6
Пищевкусовая	37,3
Бумажно-полиграфическая	31,4
Деревообрабатывающая	25,7
Обработка минеральных веществ	18,2
Обработка животных продуктов	14,5
Итого в промышленности	1630,2
Коммунальные предприятия, торговые, кредитные и прочие	612,8
Всего	2243,0

Приведенный подсчет едва ли очень точен. Профессор Н. Н. Любимов определяет сумму претензий только одних держав Антанты к СССР за вложенные их гражданами в царской России акционерные и облигационные капиталы торгово-промышленных предприятий в 1955 млн. руб. [2] Если сюда еще прибавить вложения прочих стран, достигавшие, по данным П. В. Оля, 562 млн. руб., и вычесть 613 млн., вложенных в коммунальные, торговые и прочие предприятия, то и на долю промышленности остается не менее 1904 млн. руб. вложений, контролируемых иностранным капиталом. Имущественные фонды всей российской фабрично-заводской промышленности, включая землю, достигали в пределах бывшей империи к концу 1916 г. около 5293 млн. руб [3]. Таким образом, на долю иностранного капитала в этой сумме падало не свыше 36%. Значительнее была его доля в фондах русских частных железных дорог и речного пароходства. А если к этому еще прибавить, что фонды всех русских банков тоже на целых три четверти контролировались международным капиталом, то влияние его на все народное хозяйство дореволюционной России станет достаточно понятным.

Ярче всего это влияние сказалось, конечно, на составе дореволюционного ввоза и вывоза из России. Рассматривая Россию как свою полуколонию, иностранный финансовый капитал воздействовал на нее всеми своими рычагами извне и изнутри, чтобы полностью использовать ее внутренний рынок. Страна вынуждена была ввозить по высоким ценам многообразнейшие фабрикаты капиталистической индустрии, расплачиваясь за это вывозом по дешевке огромных масс своих жизненных припасов, сельскохозяйственного сырья и полуфабрикатов. Вот, например, главнейшие статьи вывоза из России за 1913 г. Больше всего выкачивалось из страны хлеба в зерне — 651 млн. пуд. на 595 млн. руб., затем вывозились лен и пенька — 22,8 млн. пуд на 117 млн. руб., яйца — 14,3 млн. пуд. на 91 млн. руб., масло коровье — 4,8 млн. пуд. на 72 млн. руб., кожевенно-меховое сырье — на 53 млн. руб., нефтепродукты — на 50 млн. руб. и т. д. Характерно, что из общей суммы вывоза в 1472 млн. пуд. на 1520 млн. руб. готовые изделия фабричного и ремесленного труда составляли всего 0,5% по весу и 5,6% по ценности от общего итога. В привозе, конечно, решающее значение при-

---

[1] П. В. Оль. Иностранные капиталы в России. П., 1922, стр. 8.

[2] Впрочем, в сумму этих «претензий» могли войти также перепроданные за гроши после революции акции и облигации спасавшейся за границей русской буржуазии. Н. Н. Любимов. Баланс взаимных требований Союза ССР и держав согласия. М.— Л., 1924, стр. 21.

[3] С. Г. Струмилин. Очерки советской экономики. М.— Л.. 1930, стр. 103.

надлежало не сельскохозяйственному сырью, а чисто индустриальной продукции. Здесь на первом месте за 1913 г. мы находим металлопродукты на 316 млн. руб., в том числе оборудование на 211 млн. руб., затем текстильную группу товаров на 326 млн. руб., в том числе текстильное сырье на 217 млн. руб., затем шли минеральное топливо, кожевенные товары, химические, бумажно-полиграфические и прочие. Всего в привозе числилось 937 млн. пуд. разных товаров на 1374 млн. руб. [1]

Как видим, вывоз превышал ввоз на изрядную сумму в 146 млн. руб. Но это отнюдь не означало нашего обогащения за счет других стран, а как раз наоборот. Своим вывозом мы вынуждены были покрывать не только стоимость ввоза, но и выкачиваемые иностранным капиталом проценты и дивиденды за их вложения в российскую промышленность и торговлю. Считая хотя бы по 10% прибыли на свои вложения в российскую промышленность и торговлю, иностранный капитал за свои два с половиной миллиарда, застрявших в России, должен был ежегодно выкачивать из нашей страны до 250 млн. руб. Часть из этих накоплений шла на расширение иностранных фондов в эксплуатации, а остальное извлекалось в виде сырья и жизненных припасов в порядке экспорта. В последнем счете вся тяжесть этих экспортных контрибуций иностранного капитала в дополнение к текущей эксплуатации отечественной буржуазии и помещиков перелагалась, конечно, на трудящиеся массы города и деревни. И вот поощряемые налоговым прессом и прочими приемами «хитрой механики» извлечения прибавочного продукта из неоплаченного труда, эти массы расплачивались за все и вывозили по испытанному рецепту: «не доедим, а вывезем».

Зависимость российской промышленности от иностранного влияния в указанных условиях ее развития была чрезвычайно многообразной. Не говоря уже о том, что русские предприятия строились по заграничным образцам и проектам, обслуживались очень нередко иностранными инженерами, финансировались прямо или косвенно международными банками или русскими их филиалами, они в части сырья и оборудования повседневно питались в очень значительной части заграничным импортом. Как показала еще перепись 1900 г., иностранное оборудование в русской фабрично-заводской промышленности достигало 63% общей его стоимости, причем ни в одной, даже в наиболее отсталой, ее отрасли этот процент не падал ниже 30, а в более передовых, например в текстильной, поднимался до 73% и выше [2]. В 1910—1912 гг. импорт заграничного оборудования в общем итоге снабжения им русской промышленности тоже не спускался ниже 62% [3]. Но и помимо оборудования в дореволюционной России трудно указать хотя бы одну отрасль промышленности, способную к развитию без тех или иных статей заграничного импорта. Даже наиболее развитая текстильная индустрия, работая почти целиком на привозном оборудовании, прикупала сверх того в 1913 г. свыше 18 млн. пуд. сырья — хлопка, шерсти, джута, шелка сырца и готовой пряжи, окрашивала свои ткани привозными красителями и т. д. Металлопромышленность закупала за границей помимо машин даже простой чугун в штыках и железный лом, не говоря уже о качественной стали и цветных металлах — олове, цинке, меди, никеле, алюминии и т. д. Для бумажной промышленности, несмотря на обилие лесов внутри страны, закупалась импортная древесная масса и целлюлоза, всякое тряпье, бумажные обрезки и заграничная макулатура. Для кожевенно-обувного производства ввозилась из-за границы сырая и обделанная кожа и всякого рода импортные дубители. Для керамики и строительства из-за границы ввозили десятками миллионов пудов даже дикий камень, кремень,

---

[1] «Обзор внешней торговли России за 1913 г.». СПб., 1914; «Народное хозяйство Союза ССР в цифрах». М., 1924, стр. 194—199, 189—193.

[2] В. Е. Варзар. Статистические сведения о фабриках и заводах по производствам необложенным акцизом за 1900 г. СПб., 1903, стр. 9 и др.

[3] С. Г. Струмилин. Избранные произведения, т. I. М., 1963, стр. 347.

неочищенный мел и сырой гипс, инфузорную землю, заводские глины и естественный песок... Как будто у нас даже своей земли, глины и песку не хватало! Мы уже не говорим о том хроническом топливном дефиците дореволюционной русской промышленности, для покрытия которого за один лишь 1913 г. было ввезено из-за границы в Россию 534 млн. пуд. угля и кокса.

Из иностранных держав наибольшую заинтересованность в русском рынке, хотя и по-разному, проявляли Франция и Германия. Французская буржуазия, рассматривая Россию с ее беспредельными естественными богатствами как весьма надежное и крайне выгодное поле приложения своих накоплений, экспортировала свои капиталы. Германская же буржуазия, за недостатком собственных колоний для реализации растущих товарных избытков своей индустрии, предпочитала использовать русский рынок прежде всего для экспорта своих товаров. По сумме своих капитальных вложений в российские акционерные предприятия к 1917 г. различные державы располагаются, по подсчетам П. В. Оля, в следующем порядке [1].

	млн. руб.	%
Франция	732	32,6
Англия	507	22,6
Германия	442	19,6
Бельгия	322	14,4
США	118	5,3
Прочие	122	5,5
Итого	2243	100,0

Как видим, в этом списке первое место принадлежит Франции, а Германия занимает в нем только третье место, едва опережая при этом маленькую Бельгию. Гораздо успешнее завоевала Германия себе первое место на российском товарном рынке. Еще в 1903 г. из общего ввоза в Россию в 682 млн. руб. на долю Германии падало 242 млн., или 35,4%, а через 10 лет, в 1913 г., доля Германии составила уже 652 млн. руб. из 1374 млн., т. е. свыше 47%, в то время как ввоз Великобритании оценивался только в 173 млн., или 12,6%, ввоз США — в 79 млн., или 5,7%, ввоз Франции составлял всего 57 млн., или 4,1%, и т. д. Если даже в германском ввозе частью учтены транзитные товары, то все же огромное почти монопольное господство ее на российском импортном рынке перед революцией останется неоспоримым.

Великая Октябрьская революция, вооружившая нас таким прекрасным оружием, как монополия внешней торговли, все это радикально изменила. Мы стали в плановом порядке определять своих контрагентов по экспорту и импорту. Германии, несмотря на все ее тяготение на Восток, сколько она ни бряцала своим оружием и мошной, не удалось завоевать на советском рынке столь блестящих позиций, какими она располагала в дореволюционной России.

3. СОВЕТСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ 1917—1927 гг.

1917—1920 гг. Великая Октябрьская революция, раз навсегда покончившая в нашей стране с капитализмом, открыла перед советской промышленностью совершенно новые перспективы развития. Как внутренний гнет отечественного капитала, так и тягостная зависимость от чужеземной буржуазии были одновременно подрублены революцией под самый корень. Но и русская и международная буржуазия несклонны были без боя отказаться от своих классовых привилегий и ответили на революцию контрреволю-

[1] П. В. Оль. Иностранные капиталы в России, стр. 9.

цией и вооруженной интервенцией. Советской промышленности уже и без того сильно дезорганизованной за время империалистической мировой войны пришлось выдержать в удушающем кольце блокады новые тяжелые удары гражданской войны и разрухи.

Уже в августе 1917 г., за два месяца до Октябрьской революции, VI съезд нашей партии так оценивал положение страны: «...После трех лет войны, экономическое положение России представляется в следующем виде: полное истощение в сфере производительного труда и дезорганизация производства, всемерное расстройство и распад транспортной сети, близкое к окончательному краху состояние государственных финансов и, как последствия всего этого, доходящий до голода продовольственный кризис, абсолютная нехватка топлива и средств производства вообще, прогрессирующая безработица, громадное обнищание масс и т. д. Страна уже падает в бездну окончательного экономического распада и гибели» [1].

Таким образом, эта надвигавшаяся катастрофа ясно обозначилась еще в условиях полного господства капиталистических отношений. Идеолог прогрессивной буржуазии профессор В. И. Гриневецкий, обращаясь к этому времени, прямо признает, что революционное разложение русской промышленности, протекавшее с быстротой, «которая к концу 1917 г. стала катастрофической», являлось лишь обострением «зародышей разложения, внесенных из военного или даже довоенного времени» [2]. Еще в сентябре 1917 г. В. И. Ленин очень трезво расценивал и причины этого обострения: «России,— писал он,— грозит неминуемая катастрофа. Железнодорожный транспорт расстроен неимоверно и расстраивается все больше. Железные дороги встанут. Прекратится подвоз сырых материалов и угля на фабрики. Прекратится подвоз хлеба. Капиталисты умышленно и неуклонно саботируют (портят, останавливают, подрывают, тормозят) производство, надеясь, что неслыханная катастрофа будет крахом республики и демократизма, Советов и вообще пролетарских и крестьянских союзов, облегчая возврат к монархии и восстановление всевластия буржуазии и помещиков.

Катастрофа невиданных размеров и голод грозят неминуемо» [3].

Большевики, однако, отнюдь не устрашились и не отступили перед лицом этой катастрофы и неминуемого голода. Они лишь поспешили взять в свои руки власть, чтобы, сломив саботаж буржуазии, скорее предотвратить или хотя бы ослабить и побороть надвигавшуюся катастрофу. Конечно, Октябрьская революция означала новое обострение классовой борьбы в стране, открывая собою тот переходный период нашей истории, который, по определению В. И. Ленина, «не может не быть периодом борьбы между умирающим капитализмом и рождающимся коммунизмом;— или иными словами: между побежденным, но не уничтоженным, капитализмом и родившимся, но совсем еще слабым, коммунизмом» [4].

С первых же дней после завоевания власти большевики саботажу капиталистов противопоставили организацию низового рабочего контроля в каждом предприятии. Фабриканты и заводчики в ответ на «Положение о рабочем контроле», изданное Совнаркомом уже в ноябре 1917 г., в ряде своих резолюций заявили, «что русский пролетариат совершенно не подготовлен для руководства чрезвычайно сложным механизмом промышленности, неминуемо своим решающим вмешательством приведет эту жизненную отрасль государства, уже потрясенную в своих основаниях, к быстрой гибели»... и что организация заводчиков признала «необходимым в случае

---

[1] «КПСС в революциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК», ч. I. М., 1953, стр. 377.

[2] В. И. Гриневецкий. Послевоенные перспективы русской промышленности. Харьков, 1919, стр. 48.

[3] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 34, стр. 155.

[4] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 39, стр. 271.

предъявления в предприятиях требований о введении рабочего контроля такие предприятия закрывать» [1]. В тогдашних условиях крайнего неблагополучия на фронте такое решение, разумеется, могло лишь довершить разложение нашей промышленности в тылу и ускорить надвигающуюся общую хозяйственную катастрофу в стране. Но русская буржуазия меньше всего беспокоилась о судьбах своей страны. Нанося ей изменнический удар в спину, господа заводчики и фабриканты заботились только о собственных своих интересах. Рабочий контроль, правда, еще вовсе не покушался на их священную собственность, но они не могли стерпеть никакого посягательства па их исконную классовую привилегию совершенно бесконтрольной эксплуатации своих рабочих и потому объявили им локаут.

Это было открытое с их стороны объявление войны пролетариату. Переходя от более замаскированных форм саботажа к прямому локауту, буржуазия решила, схватив пролетариат за глотку костлявой рукой голода, вынудить его к капитуляции. Но она жестоко просчиталась.

Конечно, русские рабочие в 1917 г. отнюдь еще не были «подготовлены» к руководству промышленностью. А на инженерно-техническую интеллигенцию, которая в значительной своей части явно примыкала к саботирующей буржуазии, возлагать большие надежды тоже не приходилось. Рабочий контроль как раз должен был стать той школой, в которой рабочие могли научиться управлять своим хозяйством. Рабочее правительство поэтому отнюдь не предполагало сразу же национализировать все промышленные предприятия, взяв на себя всю ответственность за их бесперебойную работу в столь тяжелой международной обстановке, какую переживала тогда Россия. Оно готово было в общегосударственных интересах предоставить буржуазии довольно длительную отсрочку национализации, оставляя за фабрикантами право собственности, все руководство их предприятиями и прибыли предприятий, а за собой лишь учет и общественный контроль за нормальным ходом этого производства. Но в тех случаях, когда весьма равнодушные к судьбам своего отечества предприниматели попросту закрывали свои предприятия, выбрасывая рабочих за ворота на произвол судьбы, такие предприятия пролетариату приходилось экспроприировать и брать в свое управление, совершенно независимо от степени своей готовности к этому делу. Так началась национализация промышленности в нашей стране.

В течение первых семи месяцев после революции было национализировано в порядке пресечения саботажа отдельных предпринимателей 513 заведений. 28 июня 1918 г. был издан первый общий декрет о национализации всей средней и крупной промышленности. Но и этот декрет, объявив соответствующую группу предприятий достоянием республики, оставлял их до поры до времени «в безвозмездном арендном пользовании прежних владельцев», предоставляя последним управлять этими предприятиями, финансировать их, а равно и получать с них доходы на прежних основаниях. Прежние хозяева могли бы и впредь еще оставаться, стало быть, на своих предприятиях в почетной роли «капитанов промышленности», поскольку они готовы были вполне лояльно подчиниться новому социальному режиму. Но таких было слишком мало. Саботаж их по мере укрепления Советской власти принимал все более замаскированные формы, но не прекращался. На их место все чаще приходилось выдвигать из рабочей среды новых, так называемых красных директоров. Пользуясь доверием и поддержкой рабочих, эти красные директора, как оказалось на практике, несмотря на свою неопытность, довольно быстро осваивались с работой и с полным успехом заменяли прежних владельцев. Это позволило ускорить темпы национализации. К декабрю 1918 г. было всего национализировано около

---

[1] Эм. Квиринг. Очерки развития промышленности СССР 1917—1927 гг. М.— Л., 1929, стр. 19.

1115 заведений, к марту 1919 г.— 2000, к январю 1920 г.— 4000, к ноябрю — около 5000, т. е. до 80% всех предприятий цензовой промышленности, а 29 ноября 1920 г. ВСНХ издал постановление об общей национализации всей мелкой промышленности с числом рабочих при наличии двигателя свыше 5 или без двигателя свыше 10 [1].

За этими сухими датами и цифрами, которые сами по себе очень мало говорят, скрывается, однако, целая полоса так называемого военного коммунизма, героическая полоса полных драматической красоты и силы горячих военных сечь и бескровных боев за социализм, полоса ожесточеннейшей классовой борьбы за каждую шахту, завод или фабрику в процессе их национализации. Мы не могли еще тогда успешно использовать свои плановые возможности на хозяйственном фронте. В условиях гражданской войны любые планы становились крайне ненадежными. Германцы, ограбив Украину, лишили нас продовольственных ресурсов, Деникин отрезал у нас Донбасс, а Колчак — Урал и Кузбасс, англичане лишили нас бакинской нефти, а чехословаки пересекли путь туркестанскому хлопку к текстильным предприятиям. На каждом шагу нас подстерегали подобные сюрпризы. И все их необходимо было преодолеть.

Каждому предприятию приходилось самому как-нибудь справляться со всеми своими злоключениями. Трудная, но благодарная школа коллективной самодеятельности! Когда-нибудь из пыли архивов будет извлечено немало красочных эпизодов этой эпохи, когда советским рабочим на каждом шагу приходилось проявлять столько большевистской напористости, героического самоотверженния и энтузиазма. Вспомним хотя бы эпопею субботников — этот первый великий почин социалистического соревнования за высшую производительность труда в условиях архиголодного 1919 г. Вспомним, как голодные рабочие, окруженные злостной контрреволюционной агитацией буржуазии, меньшевиков и эсеров, устраивали коммунистические субботники, работая сверхурочно без всякой платы и достигая незаурядного повышения производительности труда, несмотря на то, что они устали, измучены и истощены недоеданием. Разве это не величайший героизм?

Однако даже величайший героизм не мог предотвратить в указанных выше условиях глубокого падения советской промышленности. Гражданская война сделала свое дело. По имеющимся подсчетам, прямой ущерб советской промышленности в результате гражданской войны от разрушения заводов, затопления шахт, пожаров и хищений имущества оценивается в 1353 млн. руб. золотом, а косвенный ущерб в результате связанных с этим вынужденных простоев предприятий по очень неполным данным ВСНХ достигал не менее 5471 млн. руб. золотом [2]. И в общем итоге динамика продукции фабрично-заводской промышленности СССР (цензовой) за этот период исчисляется по ценам 1913 г. в следующих цифрах (табл. 5)

Как видим, уже мировая война довольно резко (на 32%) снизила общую продукцию нашей промышленности в границах СССР и производительность труда. Но за время гражданской войны и блокады это снижение оказалось еще значительнее. Общая продукция упала почти в пять раз — до 21% нормы 1917 г., а годовая выработка рабочего более чем вдвое — до 45% нормы 1917 г.

Таков был уровень советской промышленности к началу нэпа.

1921—1927 гг. Победоносное завершение в 1920 г. гражданской войны позволило нам с 1921 г. перейти на рельсы новой экономической политики. В эпоху военного коммунизма в борьбе с саботажем буржуазии и контрреволюцией мы вынуждены были в своем наступлении на частный капитал

[1] Эм. Квиринг. Указ. соч., стр. 22—24.

[2] Н. Н. Любимов. Баланс взаимных требований Союза ССР и держав согласия. М.— Л., 1924, стр. 76.

предъявления в предприятиях требований о введении рабочего контроля такие предприятия закрывать» [1]. В тогдашних условиях крайнего неблагополучия на фронте такое решение, разумеется, могло лишь довершить разложение нашей промышленности в тылу и ускорить надвигающуюся общую хозяйственную катастрофу в стране. Но русская буржуазия меньше всего беспокоилась о судьбах своей страны. Нанося ей изменнический удар в спину, господа заводчики и фабриканты заботились только о собственных своих интересах. Рабочий контроль, правда, еще вовсе не покушался на их священную собственность, но они не могли стерпеть никакого посягательства на их исконную классовую привилегию совершенно бесконтрольной эксплуатации своих рабочих и потому объявили им локаут.

Это было открытое с их стороны объявление войны пролетариату. Переходя от более замаскированных форм саботажа к прямому локауту, буржуазия решила, схватив пролетариат за глотку костлявой рукой голода, вынудить его к капитуляции. Но она жестоко просчиталась.

Конечно, русские рабочие в 1917 г. отнюдь еще не были «подготовлены» к руководству промышленностью. А на инженерно-техническую интеллигенцию, которая в значительной своей части явно примыкала к саботирующей буржуазии, возлагать большие надежды тоже не приходилось. Рабочий контроль как раз должен был стать той школой, в которой рабочие могли научиться управлять своим хозяйством. Рабочее правительство поэтому отнюдь не предполагало сразу же национализировать все промышленные предприятия, взяв на себя всю ответственность за их бесперебойную работу в столь тяжелой международной обстановке, какую переживала тогда Россия. Оно готово было в общегосударственных интересах предоставить буржуазии довольно длительную отсрочку национализации, оставляя за фабрикантами право собственности, все руководство их предприятиями и прибыли предприятий, а за собой лишь учет и общественный контроль за нормальным ходом этого производства. Но в тех случаях, когда весьма равнодушные к судьбам своего отечества предприниматели попросту закрывали свои предприятия, выбрасывая рабочих за ворота на произвол судьбы, такие предприятия пролетариату приходилось экспроприировать и брать в свое управление, совершенно независимо от степени своей готовности к этому делу. Так началась национализация промышленности в нашей стране.

В течение первых семи месяцев после революции было национализировано в порядке пресечения саботажа отдельных предпринимателей 513 заведений. 28 июня 1918 г. был издан первый общий декрет о национализации всей средней и крупной промышленности. Но и этот декрет, объявив соответствующую группу предприятий достоянием республики, оставлял их до поры до времени «в безвозмездном арендном пользовании прежних владельцев», предоставляя последним управлять этими предприятиями, финансировать их, а равно и получать с них доходы на прежних основаниях. Прежние хозяева могли бы и впредь еще оставаться, стало быть, на своих предприятиях в почетной роли «капитанов промышленности», поскольку они готовы были вполне лояльно подчиниться новому социальному режиму. Но таких было слишком мало. Саботаж их по мере укрепления Советской власти принимал все более замаскированные формы, но не прекращался. На их место все чаще приходилось выдвигать из рабочей среды новых, так называемых красных директоров. Пользуясь доверием и поддержкой рабочих, эти красные директора, как оказалось на практике, несмотря на свою неопытность, довольно быстро осваивались с работой и с полным успехом заменяли прежних владельцев. Это позволило ускорить темпы национализации. К декабрю 1918 г. было всего национализировано около

---

[1] Эм. Квиринг. Очерки развития промышленности СССР 1917—1927 гг. М.— Л., 1929, стр. 19.

1115 заведений, к марту 1919 г.— 2000, к январю 1920 г.— 4000, к ноябрю — около 5000, т. е. до 80% всех предприятий цензовой промышленности, а 29 ноября 1920 г. ВСНХ издал постановление об общей национализации всей мелкой промышленности с числом рабочих при наличии двигателя свыше 5 или без двигателя свыше 10 [1].

За этими сухими датами и цифрами, которые сами по себе очень мало говорят, скрывается, однако, целая полоса так называемого военного коммунизма, героическая полоса полных драматической красоты и силы горячих военных сечь и бескровных боев за социализм, полоса ожесточеннейшей классовой борьбы за каждую шахту, завод или фабрику в процессе их национализации. Мы не могли еще тогда успешно использовать свои плановые возможности на хозяйственном фронте. В условиях гражданской войны любые планы становились крайне ненадежными. Германцы, ограбив Украину, лишили нас продовольственных ресурсов, Деникин отрезал у нас Донбасс, а Колчак — Урал и Кузбасс, англичане лишили нас бакинской нефти, а чехословаки пересекли путь туркестанскому хлопку к текстильным предприятиям. На каждом шагу нас подстерегали подобные сюрпризы. И все их необходимо было преодолеть.

Каждому предприятию приходилось самому как-нибудь справляться со всеми своими злоключениями. Трудная, но благодарная школа коллективной самодеятельности! Когда-нибудь из пыли архивов будет извлечено немало красочных эпизодов этой эпохи, когда советским рабочим на каждом шагу приходилось проявлять столько большевистской напористости, героического самоотвержения и энтузиазма. Вспомним хотя бы эпопею субботников — этот первый великий почин социалистического соревнования за высшую производительность труда в условиях архиголодного 1919 г. Вспомним, как голодные рабочие, окруженные злостной контрреволюционной агитацией буржуазии, меньшевиков и эсеров, устраивали коммунистические субботники, работая сверхурочно без всякой платы и достигая незаурядного повышения производительности труда, несмотря на то, что они устали, измучены и истощены недоеданием. Разве это не величайший героизм?

Однако даже величайший героизм не мог предотвратить в указанных выше условиях глубокого падения советской промышленности. Гражданская война сделала свое дело. По имеющимся подсчетам, прямой ущерб советской промышленности в результате гражданской войны от разрушения заводов, затопления шахт, пожаров и хищений имущества оценивается в 1353 млн. руб. золотом, а косвенный ущерб в результате связанных с этим вынужденных простоев предприятий по очень неполным данным ВСНХ достигал не менее 5471 млн. руб. золотом [2]. И в общем итоге динамика продукции фабрично-заводской промышленности СССР (цензовой) за этот период исчисляется по ценам 1913 г. в следующих цифрах (табл. 5)

Как видим, уже мировая война довольно резко (на 32%) снизила общую продукцию нашей промышленности в границах СССР и производительность труда. Но за время гражданской войны и блокады это снижение оказалось еще значительнее. Общая продукция упала почти в пять раз — до 21% нормы 1917 г., а годовая выработка рабочего более чем вдвое — до 45% нормы 1917 г.

Таков был уровень советской промышленности к началу нэпа.

1921—1927 гг. Победоносное завершение в 1920 г. гражданской войны позволило нам с 1921 г. перейти на рельсы новой экономической политики. В эпоху военного коммунизма в борьбе с саботажем буржуазии и контрреволюцией мы вынуждены были в своем наступлении на частный капитал

[1] Эм. Квиринг. Указ. соч., стр. 22—24.

[2] Н. Н. Любимов. Баланс взаимных требований Союза ССР и держав согласия. М.— Л., 1924, стр. 76.

Таблица 5

Падение продукции за 1913—1920 гг. *

Год	Число рабочих, тыс.	Валовая продукция в ценах 1913 г.	
		общая, млн. руб.	на одного рабочего, руб.
1	2	3	4
1913	2592	5621	2169
1917	2596	3848	1482
1918	2011	1845	917
1919	1335	955	715
1920	1223	818	669

* «Итоги десятилетия Советской власти в цифрах. 1917—1927 гг.» ЦСУ СССР, стр. 242; «Социалистическое строительство СССР». М., 1936, стр. 3. Ср. иные итоги «Народное хозяйство Союза ССР в цифрах». Краткий справочник. М., 1924, стр. 132—133.

продвинуться значительно дальше, чем это отвечало нашим хозяйственным задачам и возможностям. Мы не только национализировали банки, железные дороги и крупную промышленность, но всю частную торговлю, что сильно задевало интересы не только торгового капитала, но и весьма широких середняцких масс деревни. В этой части и в целом ряде других тесно с нею связанных моментов, как продразверстка, заградительные отряды, карточная система снабжения, уравниловка в оплате труда и т. д., «военный коммунизм», как это отметил еще В. И. Ленин, «был вынужден войной и разорением. Он не был и не мог быть отвечающей хозяйственным задачам пролетариата политикой. Он был временной мерой» [1]. И потому при первой же возможности Советская власть отказалась от этой политики.

Новая экономическая политика в интересах мира с деревней и прочной смычки с середняком открыла всерьез и надолго широкий простор рыночным отношениям. Отныне свобода рыночного товарооборота ограничивалась лишь все возрастающим влиянием планового начала. Начало нэпа можно считать с декрета 21 марта 1921 г. о замене продразверстки продналогом. Но ему предшествовал еще более знаменательный декрет 22 февраля об организации Госплана, которому, по замыслу В. И. Ленина, предстояло путем постепенного, но вполне последовательного ограничения рыночной стихии полностью обуздать ее со временем народнохозяйственным планом. С прекращением гражданской войны и блокады мы могли уже совершенно беспрепятственно вступить на путь организованного планирования. Составленный еще к концу 1920 г. перспективный план ГОЭЛРО указывал нам пути восстановления советской промышленности на новой базе электрификации страны. И теперь всем известно, сколь успешно нам удалось осуществить этот процесс восстановления.

Уже через пять лет, в 1925/1926 г., наша индустриальная продукция в целом по всей крупной промышленности достигла довоенного уровня. Но для некоторых наиболее сильно потрепанных за время гражданской войны отраслей, например для черной металлургии, этот так называемый восстановительный период несколько затянулся. А в общем до начала первой пятилетки, наметившей широкий план реконструкции советской промышленности в целях последовательной индустриализации страны, она проделала уже следующий путь развития (табл. 6).

Подводя общие итоги за первое десятилетие Советской власти в области промышленного развития, можно с удовлетворением отметить, что,

[1] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 43, стр. 220.

Таблица 6

Динамика цензовой промышленности СССР *

Год	Число рабочих		Валовая продукция в ценах 1926/27 г.			
					на одного рабочего	
	тыс.	% к 1913 г.	млн. руб.	% к 1917 г.	руб.	% к 1917 г.
1	2	3	4	5	6	7
1913	2592	—	10 251	146	4000	148
1917	2596	100	7 003**	100	2698	100
1920	1223	47	1 410	20	1153	43
1921	1298	50	2 004	29	1544	57
1922	1199	46	2 619	37	2184	81
1923	1480	57	4 005	57	2706	100
1924	1698	65	4 660	67	2744	102
1925	2119	82	7 739	111	3652	135
1926	2481	96	11 083	158	4467	166
1927	2651	102	12 679	181	4783	177

* «Социалистическое строительство СССР», стр. 2—3. Данные по цензовым предприятиям того же круга отраслей, что и в 1913 г. (без рыбной и заготовок леса).

** 7003 = 3848 × 1,82, где 1,82 индекс цен 1926/27 г. в процентах к уровню 1913 г. (по другим оценкам продукции 1917 г. составляла от 63 до 71% уровня 1913 г. «Народное хозяйство СССР 1952 г.» М., 1953, стр. 45).

несмотря на все тяготы гражданской войны, интервенции и блокады, мы за 1917—1927 гг. добились все же увеличения продукции на 81% и притом почти исключительно за счет подъема производительности труда, ибо число рабочих за это десятилетие мало изменилось. Установленная мощность двигателей при этом с 1 января 1917 г. до 1 января 1927 г. возросла с 2186 до 2440 тыс. квт., т. е. всего на 11,6%, а средняя годовая выработка рабочих — на 77%. Успех поразительный. А если откинуть годы войны и блокады и считать подъем только с 1920 г., то этот подъем окажется еще более изумительным.

За указанные годы мы не имели возможности делать сколько-нибудь значительных вложений в основные фонды советской промышленности. И они выросли с 1920 по 1927 г. с 8090 до 9015 млн. руб., всего на 11,4%. Тем не менее продукция ее за эти годы увеличилась в 9 раз, а выработка рабочих в 4 раза!... Довоенный уровень продукции 1913 г. был превзойден при этом на 24% [1]. Еще значительнее превзошли мы довоенную производительность труда по годовой выработке, несмотря на сокращение рабочего дня с 10 до 7,8 часов,— на 21%, а по часовой — на 52%, что уже само по себе было достаточно наглядным показателем преимуществ нашей плановой системы хозяйства над дореволюционной, капиталистической. Кстати сказать, крупнейшие капиталистические державы, вышедшие из первой мировой войны даже во много лучшем состоянии, чем мы из гражданской, в результате свойственной им анархии производства, то поднимаясь, то снова падая, более или менее прочно превзошли свой довоенный уровень значительно позже СССР. Германия, Англия и Франция и к 1936 г. еще топтались вокруг этого заветного рубежа.

Конечно, успехи восстановительного периода достались нам не без борьбы. И тем не менее восстановительный подъем советской промышленности,

[1] Однако весь народный доход из расчета на душу населения и в 1926/27 г. не превышал еще 99,8% уровня 1913 г. «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1928/1929 год». М., 1929, стр. 71.

а вместе с нею и всего хозяйства под твердым руководством партии шел своим чередом, не задерживаясь ни на минуту.

В этом стремительном движении был только один опасный момент, заслуживающий общественного внимания. Это пресловутое «затоваривание» 1923 г. Несмотря на то, что нэп был прежде всего политикой смычки с деревней, многие хозяйственники усматривали главное его устремление в идее хозрасчета и высокой прибыльности советской промышленности. Хотя троцкистская теория о первоначальном социалистическом накоплении за счет деревни не нашла еще тогда своего законченного литературного выражения [1], но глава этой школы, Троцкий, уже в январе 1923 г. заявил на XII съезде партии: «Мы собираемся проходить через стадию первоначального социалистического накопления»,— и провел в резолюции о промышленности такую формулировку взаимоотношений между рабочим классом и крестьянством, по которой необходимые для возрождения государственной промышленности оборотные средства «должны образоваться в сельском хозяйстве». В связи с этим важнейшая директива съезда о промышленном накоплении поддавалась соблазнительным толкованиям. «Вопрос о создании в государственной промышленности прибавочной стоимости,— гласила эта директива,— есть вопрос о судьбе Советской власти, т. е. о судьбе пролетариата» [2]. В троцкистской трактовке Ю. Л. Пятакова, управлявшего в то время промышленностью союзного значения, эта директива нашла свое отражение в приказе ВСНХ трестам 16 июля 1923 г. Этот приказ, провозглашая, что «общим руководящим началом для деятельности как предприятий, так и ВСНХ на ближайший период является прибыль», требовал от трестов принять все меры к тому, чтобы получить «наибольшую прибыль» [3]. Идя по пути наименьшего сопротивления к этой цели, крупная промышленность повысила цены своей продукции с января по октябрь 1923 г. более чем в 2 раза (на 130%), что при одновременном снижении сельскохозяйственных цен и очень ограниченной покупательной способности деревни неизбежно должно было привести и привело советскую индустрию вместо сверхприбыли к очень для нее чувствительному затовариванию и замедлению темпов восстановления.

Характерно, что Госплан еще весной 1923 г. сигнализировал о надвигающейся опасности кризиса сбыта и знаменитые «ножницы», образованные разрывом цен города и деревни, еще в апреле 1923 г. фигурировали на XII съезде партии. Но Троцкий, выступавший там докладчиком по вопросу о промышленности, следуя успокоительным рецептам изобретательного Ларина, вполне с ним сошелся в том, «что крестьянин может в течение известного, наиболее тяжелого для промышленности периода потерпеть», и вместо вывода о необходимости снижения индустриальных цен предложил съезду резолюцию об образовании оборотных средств промышленности за счет «избытка сельскохозяйственных продуктов над потреблением деревни» [4]. Иначе поставил вопрос о «ножницах» ЦК партии в сентябре 1923 г. Он создал специальную комиссию, в работе которой окончательно определилось коренное принципиальное расхождение партии с троцкистской группой. В последовавших затем решениях XIII партконференции троцкистская политика высоких цен во имя накопления за счет деревни была категорически осуждена как явное извращение директив XII съезда. Практическое же снижение их началось уже с ноября 1923 г. наряду с повышением цен сельскохозяйственных, в результате чего затоваривание

---

[1] Е. А. Преображенский. Новая экономика, т. 1, ч. 1. М., 1926.

[2] «Двенадцатый съезд РКП(б). 17—25 апреля 1923 г.». Стенографический отчет. М., 1923, стр. 624.

[3] Эм. Квиринг. Очерки развития промышленности СССР, стр. 74.

[4] «Двенадцатый съезд РКП(б). 17—25 апреля 1923 г.». Стенографический отчет, стр. 294, 623.

очень быстро было ликвидировано и с тех пор больше не повторялось в нашей практике.

С оздоровлением хозяйства в новых социалистических условиях, исключающих эксплуатацию труда, мы очутились перед трудностями совершенно другого порядка. Угрозы перепроизводства в нашей стране оказались совершенно эфемерными. Несмотря на бурные темпы восстановительного процесса рост покупательной способности в стране обгонял даже эти темпы возрастания продукции, и страна все время испытывала высокую конъюнктуру, которую в терминах капиталистического рынка можно бы назвать «товарным голодом». Для лечения этого зла предлагались различные рецепты. Легче всего было бы устранить его по рецепту троцкистов — путем повышения цен государственной продукции. Но это было мнимым решением проблемы, ибо оно отнюдь не повысило бы реальных товарных ресурсов снабжения страны. Другие экономисты, например, Сокольников и Шанин, искали решения этого вопроса на путях форсирования аграрного развития страны. Это увеличило бы наши ресурсы для сельскохозяйственного экспорта, за счет которого рекомендовалось повысить ввоз заграничной индустриальной продукции для утоления товарного голода страны. Но и этот путь наша партия расценила на XIV съезде ВКП(б) как «политику превращения нашей страны в придаток мировой системы капитализма» и решительно ее отвергла, противопоставив ей свою генеральную линию индустриализации СССР [1].

Развитие собственной индустрии до таких пределов, чтобы иметь возможность самостоятельно насытить все важнейшие потребности страны, было, разумеется, самым прямым и естественным решением поставленной проблемы. Но оно казалось многим маловерам слишком трудным, так как требовало огромного напряжения сил страны для огромных капитальных вложений Однако, как показал опыт проведения планов первой и второй пятилеток, заложенная в них грандиозная программа реконструкции промышленности оказалась для нас все-таки вполне посильной.

4. РЕКОНСТРУКЦИЯ СОВЕТСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

В. И. Ленин еще в сентябре 1917 г., сопоставляя политические достижения страны с ее экономической отсталостью, поставил перед ней с беспощадной резкостью такую дилемму «либо погибнуть, либо догнать передовые страны и перегнать их также *и экономически*... Погибнуть или на всех парах устремиться вперед. Так поставлен вопрос историей» [2].

Наша программа индустриализации как раз и явилась ответом на это повелительное требование истории. Мы должны были все время двигаться вперед на всех парах. И наши темпы роста за годы восстановительного периода вполне отвечали этому заданию. Но с исчерпанием наличных производственных мощностей они, естественно, могли бы сильно замедлиться. И потому мы прежде всего должны были резко расширить и обновить нашу технико-производственную базу.

Этой цели прежде всего должен был послужить составленный по инициативе В. И. Ленина еще в 1920 г., тотчас же после победоносного завершения гражданской войны, грандиозный по тому времени план электрификации России, известный под названием плана ГОЭЛРО. По этому плану, составленному под непосредственным руководством одного из ближайших соратников Владимира Ильича Ленина Глеба Максимилиановича Кржижановского, надлежало за 10—15 лет построить до 30 районных

---

[1] «XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 18—31 декабря 1925 г.». Стенографический отчет. М.— Л., 1926, стр. 28.

[2] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 34, стр. 198.

электростанций, мощностью в 1,5 млн. квт. И, несмотря на все трудности первых лет строительства после шести с лишним лет мировой и гражданской войны, план ГОЭЛРО еще в восстановительный период этого строительства содержал немало элементов далеко идущей реконструкции. Учрежденный в 1921 г. Госплан, проводя план ГОЭЛРО в жизнь, уже в 1927 г. мог отметить, что продукция электроэнергии с 1920 г. повысилась за семь лет с 0,5 до 4,17 млрд. квт-ч, т. е. более чем в 8 раз. Через 10 лет после утверждения, в 1931 г., т. е. еще в пределах первой пятилетки, план ГОЭЛРО, как известно, был претворен в жизнь. В результате успешного выполнения первого пятилетнего плана была создана реальная база и для всех дальнейших успехов индустриализации СССР.

Естественным продолжением первого пятилетнего плана стал еще более грандиозный народнохозяйственный план. «Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР,— как значится в этом историческом документе,— является планом окончательной ликвидации капиталистических элементов и классов вообще и превращения всего трудящегося населения страны в сознательных и активных строителей бесклассового социалистического общества, планом завершения технической реконструкции всего народного хозяйства и коренного подъема жизненного уровня рабочих и крестьянских масс» [1].

Чтобы судить о грандиозности этих планов в области реконструкции промышленности, достаточно сказать, что если за пять предшествующих лет (1923/24—1927/28 гг.) сумма капитальных вложений по всей социалистической промышленности, на реновацию и расширение ее фондов, не превышала 4,9 млрд. руб., то по плану первой пятилетки ассигнования по той же статье повышались до 19,1 млрд. руб., т. е. почти в 4 раза, а по плану второй пятилетки — до 62,5 млрд., т. е. почти в 13 раз выше отчетной суммы за 1923/24—1927/28 гг. [2]

Эти вложения были употреблены, как известно, не столько на простое расширение круга действующих предприятий, а главным образом на техническое их перевооружение на новой базе электрификации всей страны. Число рабочих в крупной промышленности с 1917 г. выросло в СССР за 20 лет всего раза в 3, а мощность установленных двигателей за то же время возросла с 2970 тыс. до 16 750 тыс. *л. с.*, т. е. в 5,64 раза. Но еще быстрее росла мощность электростанций и выработка электроэнергии в стране. За одно лишь десятилетие 1927--1937 гг. этот рост выразился в таких цифрах [3]:

Год	Мощность станций		Выработка электроэнергии	
	тыс. квт	% к 1927 г.	млрд. квт-ч	% к 1927 г.
1927	1698	—	4,2	—
1932	4677	275	13,5	322
1937	8235	485	36,2	862

Темпы роста энерго- и особенно электровооруженность труда сказались на повышении производительности индустриального труда. Капиталистический мир, который отнюдь не собирался финансировать наше социалистическое строительство, не верил, конечно, в возможность таких небывалых темпов за счет внутренних ресурсов и рассматривал вначале наши планы как явную утопию, бред и фантазию. Но по мере того как первая пятилетка стала воплощаться в жизнь — досрочно и с перевыполнением по ряду решающих моментов — даже буржуазная пресса капита-

---

[1] «Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1933—1937 гг.)», т. I. М., 1934, стр. 9.

[2] «Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР», М., 1933, стр. 253; «Второй пятилетний план», т. I, стр. 442.

[3] «Народное хозяйство СССР в 1959 году». М., 1960, стр. 193.

листического Запада вынуждена была к концу 1932 г. на ряд весьма показательных признаний:

«Коммунизм гигантскими темпами завершает реконструкцию... В состязании с нами большевики оказались победителями», — писала, например, французская газета «ТАН». «Достижения пятилетнего плана представляют собой изумительное явление. Тракторные заводы Харькова и Сталинграда, автомобильный завод АМО в Москве, автомобильный завод в Нижнем Новгороде, Днепровская гидроэлектрическая станция, грандиозные сталелитейные заводы в Магнитогорске и Кузнецке, целая сеть машиностроительных и химических заводов на Урале, который превращается в советский Рур, — все эти и другие промышленные достижения во всей стране свидетельствуют, что, каковы бы ни были трудности, советская промышленность, как хорошо орошаемое растение, растет и крепнет», — свидетельствовал английский журнал «Раунд Тейбл». «Не пытайтесь недооценивать русских планов и не делайте ошибки, надеясь, что советское правительство может провалиться... Сегодняшняя Россия — страна с душой и идеалом. Россия — страна изумительной активности... Быть может самое важное в том, что вся молодежь и рабочие в России имеют одну вещь, которой, к сожалению, недостает сегодня в капиталистических странах, а именно — надежду», — меланхолически звучал предостерегающий голос английского капиталиста, председателя банка «Юнайтед Доминион». «Четыре года пятилетнего плана принесли с собой поистине замечательные достижения... Лицо страны меняется буквально до неузнаваемости... Впервые в истории Россия добывает алюминий, магнезит, апатиты, иод, поташ и многие другие ценные продукты. Путеводными точками советских равнин не являются больше кресты и купола церквей, а зерновые элеваторы и силосные башни». «Россия начинает

Таблица 7

Динамика крупной промышленности СССР (в ценах 1926/27 г.) *

Год	Число рабочих		Валовая продукция		Выработка одного рабочего	
	тыс.	% к 1917 г.	млн. руб.	% к 1917 г.	руб.	% к 1917 г.
1	2	3	4	5	6	7
1917**	2596	100	7 003	100	2698	100
1927**	2651	102,1	12 679	181,1	4783	177,3
1927***	3377	100,0	13 089	100,0	3876	100,0
1928	3699	109,5	16 860	128,8	4558	117,6
1929	4154	123,0	21 204	162,0	5104	131,7
1930	4996	147,9	27 699	211,6	5544	143,0
1931	6037	178,8	34 159	261,0	5658	146,0
1932	6951	205,8	38 831	296,7	5586	144,1
1933	6901	204,4	42 041	321,2	6092	157,2
1934	7404	219,3	50 568	386,3	6830	176,2
1935	8177	242,1	62 129	474,7	7598	196,0
1936	8799	260,6	80 900	618,1	9194	237,2
1937	9079	268,8	90 200	689,1	9935	256,3

* «Социалистическое строительство СССР». М., 1936, стр. 3; Экономическое соревнование социализма и капитализма. Л., 1939, стр. 8; «20 лет Советской власти. Статистический сборник». М., 1937, стр. 18, 14.

** По кругу цензовой промышленности без лесозаготовок и рыбопромышленности.

*** С включением лесозаготовок и рыбной промышленности, число рабочих, по данным 1928 г., увеличено на 27,3%, продукция — на 6,6. За последующие годы — вся крупная промышленность.

«мыслить» машинами!» — деловито подытоживал наблюдения своих туристов и буржуазный американский журнал «Нейшен».

Большой и вполне заслуженный международный успех советских пятилеток можно усмотреть между прочим в тех многочисленных, хотя и совершенно беспочвенных, а потому и безуспешных в условиях капиталистической анархии, попытках планирования, которые имели место в США и других странах капиталистического мира.

Советские темпы развития крупной промышленности за период ее реконструкции измеряются следующими итоговыми отчетными данными (табл. 7).

В советскую фабрично-заводскую промышленность за период реконструкции вошло немало совершенно заново созданных производств. Другие отрасли, хотя они существовали и в дореволюционной России, настолько преобразованы, что едва поддаются сравнению с довоенным их охватом и структурой. И потому добиться полной сопоставимости сравниваемых данных по всему кругу этих производств за много лет нелегко. Тем не менее остается фактом, что по своему физическому объему советская индустриальная продукция уже всего за одно десятилетие 1927—1937 гг. выросла почти в 7 раз, в том числе за счет увеличения выработки рабочих в 2,5 раза. В то же время мощность двигателей с 1927 по 1937 г. возросла в промышленности с 2,7 до 12,3 млн.квт, на 355%, а энерговооруженность труда — на 150% [1].

Такой рост за одно десятилетие представляет собою скачок совершенно беспримерный в истории развития мирового хозяйства. Так, для такого же роста по числу рабочих, как в СССР за 10 лет, в обрабатывающей индустрии США потребовалось около 40 лет — примерно с 1879 по 1919 г. [2] При этом выработка рабочих возрастала там за эти годы в среднем за 10 лет на 23%, т. е. раз в 7 ниже советской нормы за 1927—1937 гг. (156%). В капиталистической России максимальный прирост производства за 1893—1903 гг. не превышал по объему продукции в неизменных ценах 90%, а по выработке рабочих 32%. Лишь за последнее десятилетие крепостной эпохи мы имели скачок в производительности на 82%. Но это были годы промышленного переворота, на стыке двух формаций — между феодализмом и капитализмом. Однако и этот скачок от мануфактуры к фабрике меркнет по своему значению и стремительности перед взлетом советской индустриализации за 1927—1937 гг.

В предвидении этого нового взлета на стыке между капитализмом и социализмом Фридрих Энгельс еще в 1847 г. писал: «Крупная промышленность, освобожденная от оков частной собственности, разовьется в таких размерах, по сравнению с которыми ее нынешнее состояние будет казаться таким же ничтожным, каким нам представляется мануфактура по сравнению с крупной промышленностью нашего времени [3]. И это гениальное предвидение уже сбылось в СССР. Взлет 1927—1937 гг. мы можем с полным правом назвать уже второй промышленной революцией в нашей стране, перед которой первая представляется действительно мизерной.

Реконструкцию советской промышленности, осуществленную за первые две пятилетки, недостаточно назвать технической революцией, ибо она вместе с тем была тем порогом, переступив который, мы завершили важнейший этап, революции *социальной*. В процессе этого этапа индустриализации мы попутно показали, что можем, расширяя производство, идти и по затратам труда раза в четыре быстрее самых развитых капиталистических стран, обгоняя еще успешнее их возможности в области подъема производительности труда. А так как важнейшие капиталисти-

---

[1] С. Струмилин. Проблемы экономики труда. М., 1957, стр. 61, 69.

[2] «Statistical Abstract of the United States», 1950, p. 753; «Экономика социалистической промышленности». М., 1940, стр. 99.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 4, стр. 334—335.

ческие страны в связи с кризисом и депрессией 1929—1933 гг. позадержались на своем пути, то мы уже с 1932 г. заняли по объему индустриальной продукции первое место в Европе, обогнав не только Англию и Францию, но и Германию [1].

• • •

Советская индустрия продолжала свое развитие и за пределами второй пятилетки. Но это был уже рост индустриальной страны. Задача социалистической индустриализации Советской страны — добиться, с беспримерным подъемом производительных сил и окончательной ликвидацией эксплуататорских классов, полной победы социализма в СССР — была уже решена. Вместе с тем успешно решались ею и целый ряд других важнейших экономических проблем. В частности, вместе с ростом производительности труда из года в год росла и заработная плата, а стало быть и уровень жизни трудящихся в СССР.

Замечательным достижением того же периода индустриализации было освобождение нашей страны от тягостной зависимости ее от капиталистического окружения в области внешней торговли. СССР никогда не стремился к полной автаркии в этой области, правильно оценивая все преимущества нормального разделения труда в международном товарообороте. Но мировая буржуазия уже не раз пыталась задушить СССР в кольце блокады. И тем, что ей не удалось этого достигнуть, мы обязаны только высоким темпам социалистической индустриализации. В царской России свыше 40% внутренней потребности в машинном оборудовании покрывалось ввозом из-за границы, и это обрекало Россию на роль полуколонии опередивших ее в развитии стран империализма. Но в СССР продукция машиностроения уже к 1938 г. в 30 раз превысила уровень 1913 г. По удельному весу в общей продукции всей промышленности СССР машиностроение уже в 1935 г. достигало 24%, в то время как в Германии оно не превышало 14,6, в Великобритании — 16,2, в США — 17,6%. И это обеспечило нам полную технико-экономическую независимость от тех или иных условий импорта, доля которого во внутреннем потреблении СССР резко сократилась за 1928—1937 г. [2] Удельный вес импорта в потреблении СССР показывают следующие данные (в %).

Вид продукции	1913 г.	1928 г.	1937 г.
Продукция машиностроения	43,6	30,4	0,9
Каменный уголь, кокс, брикет	19,8	0,0	0,0
Тракторы (в переводе на 15-сильные)	Не было	63,4	0,0
Автомобили	100,0	68,2	0,0
Хлопок	46,9	37,2	0,0
Каучук	100,0	100,0	23,9
Бумага и картон	26,3	21,1	0,0
Суперфосфат	63,1	28,0	0,0
Алюминий	100,0	100,0	4,9
Велосипеды	100,0	57,8	0,0
Часы карманные и ручные	100,0	100,0	2,3

Как видим, даже продукцию чужого натурального каучука оказалось возможным заменить на три четверти своим, синтетическим. По всем же важнейшим продуктам массового потребления мы уже могли вполне безболезненно обходиться и без чужеземного импорта. Даже очень богатые капиталистические страны не обладают в такой же мере независимостью

[1] По исчислениям берлинского конъюнктурного института в общем итоге мировой продукции в 1932 г. США занимали 34,4%, СССР — 13,1, Великобритания — 11,3, Германия — 8.9 и Франция — 7,5%.

[2] БСЭ, СССР, стр. 803—804.

от внешнего рынка. Так, США вынуждены почти целиком покрывать импортом свою потребность в каучуке, марганцевой руде, никеле, хромитах. Гитлеровская Германия в такой же мере нуждалась в импорте нефти, хлопка, каучука, марганца, никеля, бокситов и ввозила даже до 45% потребности железной руды. Англия полностью зависит от ввоза хлопка, каучука, нефти, бокситов, железной руды, меди, никеля, цинка и лесоматериалов. Япония вынуждена ввозить хлопок, каучук, нефть, бокситы, железную руду, никель, свинец и т. д.

Так было до второй мировой войны. После второй мировой войны лагерь стран социализма расширился, образовалось два параллельных мировых рынка, две системы — империалистического и социалистического миров, и потуги первого из них по-прежнему душить в кольце торговых эмбарго и всяческих дискриминаций второй просто смехотворны. Страны империализма только суживают этим свои собственные рынки, тем более, что и бывшие их колониальные рынки, с освобождением ряда стран от колониальной зависимости, все явственнее выпадают из сферы монопольного их влияния. Получив возможность свободно выбирать своих контрагентов, эти бывшие колонии в своем естественном стремлении к собственной индустриализации, все чаще ищут содействия в том лагере, который оказывает его наиболее бескорыстно, без всяких покушений на их государственный суверенитет, т. е. в лагере социализма. Не следует, однако, забывать, что первым шагом на этом пути была индустриализация СССР в годы первых двух плановых пятилеток, тот промышленный переворот в СССР, без которого не осуществимы были бы и все остальные достижения социалистического лагеря.

К сожалению, вторая мировая война снова на целый десяток лет приостановила рост нашего производства, в то время как США получили новый толчок к расширению производства.

5. СТРУКТУРНЫЕ СДВИГИ (1927—1937 гг.)

Высокие темпы *количественного* роста производительности в советской промышленности оказались возможными только на базе технической ее реконструкции и соответствующих качественных сдвигов в социальной структуре и организации нашей индустрии.

Наибольшее значение среди этих сдвигов, сопровождавших промышленную революцию 1927—1937 гг., имели, конечно, социальные сдвиги в обобществлении производства и в классовой структуре общества. Достаточно сказать, что доля обобществленного сектора в народном доходе СССР, еще в 1926/27 г. не достигавшая и 43%, поднялась за 1928—1937 гг. с 44 до 99,1%, а по валовой продукции всей промышленности до 99,8% общего итога, в то же время доля крестьян-единоличников в населении СССР за 1928—1937 гг. упала с 72,9 до 5,6%, кулацко-непманские элементы вовсе исчезли, а население социалистического сектора возросло с 20,7 до 90,2% (не считая армии, учащихся, пенсионеров и прочих неучтенных в этом итоге членов того же сектора) [1]. Сдвиги в отраслевой структуре народного дохода за годы первых двух пятилеток, как видно из данных табл. 8, были тоже весьма показательны.

За одно десятилетие сдвиги в структуре народного дохода оказались столь значительными, что доля сельского хозяйства сразу же упала почти вдвое, до 25,7% общего итога, в то время как доля промышленности поднялась до 53,1%. Чистая продукция сельского хозяйства выросла при

[1] «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1928—1929 год». М., 1929, стр. 71; «Итоги выполнения второго пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР». М., 1939, стр. 69.

Таблица 8

Национальный доход СССР (цены 1926/27 г.) *

Отрасль	1926/27 г.		1937 г.	
	млрд. руб.	%	млрд. руб.	%
1	2	3	4	5
Сельское и лесное хозяйство	11,80	50,7	24,75	25,7
Промышленность	6,79	29,2	51,14	53,1
Строительство	1,31	5,6	5,58	5,8
Торговля	2,72	11,7	9,15	9,5
Транспорт и связь	0,66	2,8	5,68	5,9
Итого	23,28	100,0	96,30	100,0

* «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1928—1929 год», стр. 436; Я. А. Кронрод. Социалистическое воспроизводство. М., 1955, стр. 259.

этом на 110%, а промышленности на 653%, в несколько раз опередив рост сельского хозяйства. СССР из отсталой аграрной страны превратился в передовую высоко-индустриальную державу. Не менее показательны сдвиги в пропорциях между отраслями самой промышленности в результате различных темпов развития крупной механизированной и мелкой кустарно-ремесленной промышленности, базирующейся на ручном труде, а также в основных подразделениях всей промышленности по группам средств производства и предметов потребления. Индустриализация страны требовала прежде всего технического перевооружения труда в производстве и, стало быть, резкого опережения роста средств производства по сравнению с предметами потребления. Однако ускорение в росте средств производства неизбежно влекло за собой и рост перевооружаемых ими производств предметов потребления при безнадежном отставании немеханизированных предприятий промышленности — без двигателей.

К сожалению, сколько-нибудь полного и точного учета мелкой кустарной промышленности без механических двигателей или с числом рабочих ниже 16 ни в царской России, ни в первые годы после революции не велось. Различные исчисления недостоверны и сильно расходятся. Так, в первых расчетах ЦСУ по СССР продукция мелкой промышленности за 1913 г. исчислялась в 5,2 млрд. руб. от общего итога в 16,25 млрд. по ценам 1926/27 г. и достигала 32% общего итога. В ценах 1913 г. этот общий итог составил бы по индексу 1,82 около 8,94 млрд., а для мелкой промышленности не менее 2,86 млрд. золотом. В то же время по расчетам Госплана за 1913 г. опубликованы такие итоги валовой продукции (в млн. руб. золотом) [1]:

	В границах бывшей империи	В границах СССР до 1939 г.
Фабрично-заводская	7 690	6354
Кустарно-ремесленная	1 695	1395
Акциз	816	691
Итого . . .	10 201	8440

[1] «Перспективы развития народного хозяйства СССР на 1926/27—1930/31 гг.». М., 1927, стр. 23.

Как видим, по этому подсчету на долю мелкой промышленности в общем итоге учтенной продукции приходится всего 16,5%, т.е. раза в два меньшая доля, чем в некоторых исчислениях ЦСУ.

Можно еще привести данные налоговой статистики, по которой весь годовой оборот мелкой промышленности в заведениях с числом наемных рабочих до 15 не превышал в 1913 г. по империи 790 млн., а в границах СССР до 1939 г.— не более 655 млн. руб. золотом, т. е. едва 9,7% от общего оборота учтенной продукции в этих границах в сумме 6754 млн. руб. в ценах 1913 г.

Неодинаковые итоги, очевидно, объясняются различным учетом мельчайших кустарных сезонных промыслов крестьянского населения. Продукция таких мелких промыслов без наемных рабочих вообще выпадает из учета капиталистической промышленности на Западе, да и у нас ее рост едва ли бы мог служить показателем успехов социалистической индустриализации. Тем не менее включение в общие итоги промышленной продукции, по данным ЦСУ, всех таких промыслов заметно замедляет общие темпы ее роста. В частности, если продукция крупной, цензовой промышленности с механическими двигателями выросла в СССР в неизменных ценах за десятилетие 1927—1937 гг. на 589%, то общая продукция всей промышленности, включая и все кустарные промыслы, поднялась по индексам ЦСУ только на 430% [1].

И все же это был максимальный скачок за весь советский период, не превзойденный ни в одной из самых передовых стран капитализма. И этот рост в условиях развернутого планового хозяйства, несомненно, мог бы быть еще значительнее, если бы его не тормозили задачи обороны СССР. Угрозы непосредственной агрессии с Запада с приходом к власти воинствующего фашизма в Германии становились все реальнее уже с конца 30-х годов. А затем последовало прямое вторжение полчищ Гитлера в пределы СССР с тяжелыми потерями военных лет. И, наконец, уже после капитуляции фашизма потребовалось новое напряжение оборонных ресурсов СССР в условиях навязанной нам многолетней «холодной войны» с агрессивными силами Запада. Все это не могло не замедлить и послевоенных темпов индустриализации нашей страны. Однако же в условиях общего кризиса империализма эти темпы на Западе замедляются еще заметнее, так как война, даже «холодная», повышая бесплодную растрату производительных сил, нигде не содействует полнокровному росту экономики. И в общем соревновании экономических систем решающие успехи социалистической индустрии в темпах и масштабах ее развития по сравнению с капиталистической и ныне остаются непревзойденными.

6. ОБЩИЕ ИТОГИ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ СССР

Индексы промышленной продукции в «неизменных» ценах в условиях меняющейся структуры отраслей труда, появление новых продуктов, появление все новых цен и даже новых масштабов рубля и доллара нельзя считать вполне надежным измерителем динамики объема продукции за много лет. Но в настоящее время для ряда международных сопоставлений мы располагаем и более надежными подсчетами валовой продукции СССР и США в *текущих* ценах и валюте. Известно, что американский доллар с 1913 г. снизил свою покупательную способность уже раза в три, а советский рубль резко ее повысил за последние годы. И это существенно меняет абсолютные масштабы сопоставляемых величин. По подсчетам ЦСУ, в текущих ценах валовая продукция промышленности США за 1958 г. достигала 334 млрд., а условно чистая — 152 млрд. долл. В пере-

[1] «Промышленность СССР». М., 1964, стр. 36, 104, 105.

Таблица 9

Объем валовой продукции промышленности в неизменных ценах *

Год	США			СССР		СССР, % к США
	млрд. долл.	млрд. руб.	%	млрд. руб.	%	
1	2	3	4	5	6	7
1913	74,6	55,9	100	4,62	100	8,4
1917	95	71	127	3,28	71	4,6
1927	119	89	159	5,13	111	5,8
1937	142	106	190	27,2	588	25,4
1940	157	117	210	35,5	769	30,3
1945	252	189	337	32,6	705	17,2
1950	267	200	358	61,6	1332	30,8
1955	344	258	462	114,0	2463	44,2
1958	334	250,5	448	152,5	3305	60,9
1960	388	291	520	186	4032	63,9
1961	392	294	526	203	4399	68,8
1962	422	316	566	223	4395	69,2
1963	444	333	595	241	5216	72,4
1964	466	346	625	258	5586	74,5

* «Промышленность СССР», 1964, стр. 105—107; «СССР в цифрах в 1964 году». М., 1965, стр. 47—48.

счете же на рубли нового масштаба та же валовая продукция США составила 250,5 млрд. руб., а в СССР по оптовым ценам промышленности[1] — не менее 152,5 млрд., равняясь, таким образом, по объему 61% уровня США. Исходя из таких сопоставлений и динамики национальных индексов роста продукции в неизменных ценах, мы можем представить и общую картину соревнования СССР в области индустриализации с самой передовой и могущественной страной дряхлеющего капитализма (табл. 9).

Сопоставление продукции в неизменных ценах за разные моменты служит здесь мерой соизмерения потребительной ценности этой продукции. И хотя при меняющемся составе оцениваемой продукции этот метод не гарантирует полной сопоставимости ее объемов, им все же, с этой оговоркой, приходится пользоваться. Сопоставляя при этом темпы роста продукции в нашей таблице за целые полвека, с 1913 до 1963 г., мы прежде всего убеждаемся в решающем превосходстве советских темпов индустриального роста. В то время, как в США, при полной недосягаемости их границ за океанами, продукция выросла всего в 6 раз, в СССР, несмотря на военные вторжения, интервенцию, торговую блокаду и все напряжение многолетней «холодной войны», индустриальная продукция за 50 лет поднялась в 52 раза! А если весь этот период разделить пополам, то за первую половину его, до 1938 г., продукция СССР поднялась на 657%, за второй — на 796%. Годовой прирост в среднем за 46 лет (с 1917 г.) по США был не выше 3,4%, по СССР — не ниже 10%, а за 1945—1964 гг. этот годовой прирост в США не превышал 2,3%, а в СССР достигал 10,3%. При этом за 1927—1937 гг. этот прирост в СССР был выше даже 16%, а в годы войны падал ниже нуля. Средний прирост не ниже 10% в год в течение 46 лет, включая годы мировой войны с фашизмом, представляет собой в условиях СССР достижение небывалое еще в истории.

---

[1] Включая налог с оборота.

Соотношение абсолютных размеров продукции США в долларах и рублях, приведенное в таблице, показывает, что нынешний доллар в текущих ценах реально не превышает уже 75 коп. в новой советской валюте, в то время как в 1913 г. он расценивался в 1 руб. 94 коп. золотом по паритету. Напомним, кстати, что вся валовая продукция США по ценам 1913 г. стоила всего около 26 млрд. долл., а в границах СССР не менее 8,44 млрд. руб. золотом. Из этого нетрудно сделать вывод не только о реальном обесценении доллара в отношении 74,6 : 26, т. е. почти в 3 раза, но и о значительном повышении покупательной силы советского рубля по сравнению с 1913 г. (8,4 : 4,6 = 1,8).

Впрочем, сопоставления по валовой продукции, включая повторный счет внутрипромышленных оборотов, в этом отношении не достаточно показательны, так как доля этих повторных оборотов в общих итогах за разные годы неодинакова. В частности, в 1913 г. такой повторный счет в валовой продукции СССР составлял до 53%, в 1963 г. — свыше 60%. И это, конечно, завышало общие темпы роста продукции за данный период. Но, с другой стороны, известно, что цены на средства производства, которые составляли до 75% всей валовой продукции промышленности СССР к 1963 г., у нас еще сильно занижены, а это занижает и физический объем учтенной валовой продукции СССР. К тому же индексы ЦСУ измеряют объем продукции в промежуточных «ценах предприятий», без учета доли «налога с оборота», хотя наиболее «сопоставимыми» для такого измерения являются как будто неизменные цены конечной продукции страны у потребителя. Таким показателем, в частности, можно признать объем народного дохода в неизменных ценах. Поэтому наряду с показателями темпов объемного роста валовой продукции большой интерес представляет сопоставление очищенного от повторного счета национального дохода СССР с таким же доходом наиболее индустриальных стран капиталистического Запада за разные годы.

По расчетам ЦСУ можно привести следующее сопоставление размеров национального дохода — без повторного счета — по ряду стран за 1963 г. (табл. 10).

Таблица 10

Национальный доход без повторного счета в 1963 г. *

Страна	По курсу валюты		В пересчете по ценам		Прирост с 1950 г., %
	млрд. долл.	%	млрд. долл.	%	
1	2	3	4	5	6
1. США	346	100	346	100	49
2. ФРГ	56,5	16,3	72,7	21,1	143
3. Франция	45,8	13,2	60,8	17,6	79
4. Англия	49,0	14,2	56,4	16,3	32
5. Италия	27,6	8,0	34,3	9,8	108
Итого (2—5)	178,9	51,7	224,2	64,8	82

* «Народное хозяйство СССР в 1963 году». М., 1965, стр. 70—71, 501.

Валютный хаос, давно уже спутавший все карты на мировом денежном рынке, заметно искажает все пропорции, исчисляемые на базе валютных курсов, сильно завышая уровень США за счет других стран. Завышен несколько по валютному курсу и уровень Англии, национальный доход которой по курсу доллара еще выше, чем во Франции, хотя реально,

в пересчете по товарным ценам, национальный доход Франции выше, чем Англии. Но особенно быстро по темпам роста повышается реальный уровень народного дохода СССР. Он уже в несколько раз превышает этот показатель любой из великих держав капиталистической Европы и быстро приближается, по 5—6% в год, к рекордному уровню США. Однако пересчеты в текущих ценах за каждый год по всему кругу сотен тысяч разных продуктов слишком громоздки и отнюдь не обеспечивают полной сопоставимости получаемых результатов. Этому мешают и различия в структуре сравниваемой продукции, и неодинаковое качество одноименных продуктов в разных странах, и различная степень отклонений цен от стоимости в каждой из них. К тому же в сопоставлениях валовой и чистой продукции любых двух стран оценка ее возможна по ценам и той, и другой, а между тем результаты это дает неравные.

Поэтому наряду со сплошными пересчетами в международных сопоставлениях не приходится отказываться и от разного рода индексных исчислений по гораздо более узкому кругу расцениваемых продуктов. В частности, мною с этой целью был испытан недавно агрегатный индекс лишь для одного десятка наиболее необходимых продуктов питания в тех пропорциях, в каких они входят в годовой рацион взрослого рабочего. В качестве такого вполне достаточного и отвечающего всем требованиям гигиены рабочего пайка мною был принят такой состав пищевых продуктов: хлеба (белого и черного) — 183 кг., картофеля — 114 кг., овощей — 141 кг., мяса — 63 кг, рыбы — 21 кг., молока — 365 л., масла животного —5 кг., масла растительного или маргарина —6 кг., яиц —350 шт. и сахарного песку —31 кг. Такой паек, дающий свыше 3000 больших калорий усвояемой энергии в сутки, разумеется, можно было бы в порядке международной о том договоренности и расширить, уточнив стандартный ассортимент расцениваемых продуктов. Однако в условиях, когда две трети населения мира еще регулярно голодают и им не по средствам даже такой, нормальный рацион наиболее необходимых всему человечеству благ, значительное расширение их круга в составе индексного набора едва ли скоро потребуется.

Что же могут дать такие индексные сопоставления?

Рабочий паек определенного состава, независимо от меняющейся его стоимости и цен в разных странах и за разные годы, всегда представляет собою реально одну и ту же потребительную стоимость. И поскольку товарные цены в своем движении следуют в общем закону стоимости, изменения такого, неизменного по объему, пайка в текущих ценах могут служить достаточно точной мерой и покупательной силы денег, а вместе с тем и объемного роста в потребительном значении всего общественного продукта и народного дохода сопоставляемых стран. По имеющимся расчетам стоимости такого рабочего пайка в текущих ценах, соотношение национальных валют разных стран измеряется следующими показателями (табл. 11) [1].

Как видно из приведенных данных, покупательная сила денег не отличается особой устойчивостью по отношению к реальным жизненным благам, которые с каждым годом становятся все дороже, хотя никаких видимых оснований для этого, казалось бы, нет. А поскольку производительность труда не падает, а растет, то следовало бы ожидать, наоборот, неизбежного снижения цен рабочего пайка с каждым годом. И если они все же растут, то объяснить это можно лишь хроническим обесценением самих денег в условиях общего валютного хаоса наших дней. И это обесценение

---

[1] В табл. 11 нами в основном использованы конкретные расчеты кандидата экономических наук Г. А. Яременко по опубликованным данным текущей статистики этих стран.

Таблица 11

Стоимость рабочего пайка в национальной валюте

Страна и валюта	1950 г.	1960 г.	1961 г.	1962 г.	1963 г.	Паритет валют к 1963 г.
1	2	3	4	5	6	7
Страны капитализма						
США, долл.	342	410	413	419	424	1,00
ФРГ, марки	700	991	1011	1052	1085	2,52
Франция, фр.	—	1232	1225	1270	1368	3,30
Англия, ф.	—	117	120	122	123	0,29
Страны социализма						
СССР, руб.	453	319	321	333	337	0,79
ГДР, марки	690	1102	1113	1112	1123	2,66
Польша, злотые	—	5993	6000	6235	6191	14,60
ЧССР, кроны	—	3602	3602	3602	3681	8,70
Венгрия, форинты	—	5035	5059	5126	5126	12,10
Болгария, левы	—	336	341	373	403	0,95

самих денег даже много больше, чем это вытекает из учтенного в таблице повышения товарных цен, так как в ней еще не учтено одновременное повышение производительности труда. Показательно при этом, что и золотой американский доллар обесценился с 1940 г. не менее многих других бумажных валют. Рабочий паек указанного состава в США только с 1940 по 1963 г. поднялся в текущих ценах со 177 до 424 долл, т. е. в 2,4 раза, а производительность труда возросла за те же годы в промышленности в 2,15 раза [1]. Но если этот паек вместо удешевления примерно в 2,15 раза вздорожал в долларах в 2,4 раза, то, стало быть, и золото обесценилось при этом уже раз в пять! [2] А это означает, что и последней в мире золотой валюте, по примеру всех других, предстоит неотвратимая девальвация.

Агрегатные индексы дороговизны средств существования, подобные нашему рабочему пайку, доныне применялись лишь для соизмерения уровней реальной заработной платы рабочих в международных ее сопоставлениях. Но их можно использовать и шире, для сопоставления объема всей продукции и уровней всего народного дохода разных стран в столь же реальном, потребительном их измерении. Так, зная величины народного дохода разных стран в национальной валюте и разделив их на цену рабочего пайка в каждой из этих стран, мы соизмеряем их доходы уже не в разных деньгах, а числом рабочих пайков, эквивалентных по стоимости этим доходам, но вполне сопоставимых и по своей потребительной ценности. В частности, для иллюстрации предложенного метода приведем следующий расчет (табл. 12).

Сопоставляя приведенные объемы национального дохода в рабочих пайках с данными табл. 10, где они исчислены в неизменных ценах по всему кругу производств, мы прежде всего можем отметить, что темпы роста доходов за последние годы по обоим расчетам почти совпадают, а потому и уровни по отношению к США в них весьма близки. В частности, народный доход США и в рабочих пайках вырос за 13 лет всего на 48%, в ФРГ он поднялся на 136%. И это кое-где на Западе расценивалось уже

[1] «Промышленность СССР». М., 1964, стр. 106.
[2] $2{,}15 \times 2{,}4 = 5{,}16$.

Таблица 12

Национальный доход-нетто в потребительном измерении (в млн. рабочих пайков)

Страны	1950 г.	1960 г.	1961 г.	1962 г.	1963 г.	Уровень 1963 г., % США
1	2	3	4	5	6	7
Страны капитализма						
США	552	745,0	759,0	785,0	815,0	100,0
ФРГ*	104	218,0	233,0	240,0	246,0	30,1
Франция	—	139,0	150,0	161,0	164,0	20,1
Англия	—	132,0	139,0	141,0	146,0	17,9
Страны социализма						
СССР	163	460,0	476,0	495,0	508,0	62,3
ГДР	44	66,8	68,3	69,8	71,0	8,7
Польша	—	62,7	68,5	68,3	74,3	9,1
ЧССР	—	47,2	47,8	48,7	46,9	5,8
Венгрия	—	28,1	29,2	30,3	31,8	3,9
Болгария	—	13,4	13,8	13,9	14,1	1,7

* Включая косвенные налоги; без них уровень ФРГ составил бы 27,8% уровня США в 1963 г.

как «экономическое чудо». Однако взлет за те же годы в СССР народного дохода более чем втрое, на 212%, никого уже не удивляет. К высоким темпам планового хозяйства все привыкли.

По отношению к уровню США народный доход СССР в рабочих пайках поднялся за 13 лет с 29,5 до 62,3%, более чем вдвое, намного обогнав уровень любой из остальных «великих» держав старого мира. Это в основном подтверждается и выше приведенными расчетами в табл. 10. Конечно, ни один из них не гарантирует полной сравнимости народных доходов разного вещного состава, поскольку потребительная ценность таких благ вообще непосредственно несоизмерима, а относительная их сопоставимость основывается лишь на том, что состав их меняется постепенно и в каждый последующий момент в этом составе элементы сходства преобладают над элементами различия. И потому, с известными допусками, т. е. пренебрегая мелкими погрешностями, можно еще и такие составы благ признать условно сопоставимыми. Но возможность аптекарской точности в подобного рода экономических расчетах заведомо исключается. Тем более, что и мелкие погрешности, накопляясь во времени, все возрастают.

Нужно сказать, что область экономики, где *количественным* измерениям соизмеряемых комплексов всегда сопутствуют *структурно-качественные* их модификации, это специфическая область весьма относительной и условной сопоставимости всего многообразия таких народнохозяйственных комплексов. Применимость приближенных вычислений в этой области не вызывает сомнений. Необходимо лишь в каждом частном случае установить предел вероятной погрешности, какая допускается в конкретных условиях задачи. К сожалению, в наших плановых расчетах и экономисты и математики еще мало считаются с этой элементарной необходимостью.

Советское планирование еще далеко от совершенства. Оно еще несвободно от крупных просчетов и далеко еще не изжитых хозяйственных диспропорций. В нем еще не освоены все новейшие методы и приемы оптимального планирования. И все же его достижения на путях индустриализации СССР поразительны. Заняв по объему промышленности и народ-

ному доходу уже первое место в Европе, СССР соревнуется ныне лишь с США за первое место в мире. А решающее превосходство СССР в темпах роста по сравнению со всем лагерем стран империализма определяет и дальнейшие судьбы этого соревнования. Мы уже видели, что индекс промышленного производства в СССР с 1913 по 1963 г. вырос в 52 раза. Но показательно, как резко изменилась при этом структура всей советской индустрии: выплавка чугуна увеличилась в 14 раз, продукция предметов потребления — в 18, а электроэнергия и химические производства возросли в 200 раз, продукция машиностроения — в 400, а добыча газа — даже в 5380 раз! [1] Такие структурные сдвиги — весьма наглядный образец тех переходов количества в качество, в которых на новом уровне индустриализации обретается не только новая, нигде еще невиданная техника, но и столь же новая по своим качествам культура труда и быта.

Для оценок качественного роста нашей культуры мы не имеем еще надежных индексов. Но и такие показатели, как рост энерговооруженности труда и повышение его производительности свидетельствуют, какими не превзойденными еще никем скачками мы продвигаемся вперед в новых, плановых условиях развития производительных сил и культуры. А ведь мы еще только учимся науке планирования, и легко себе представить, насколько повысятся наши возможности, когда мы ею овладеем вполне.

Соревнование двух социально-экономических систем продолжается. Старый мир еще полон сил и энергии. И его обреченность сказывается пока только в том, что в соревновании с новым миром его мудрецы все настойчивее подкрепляют свои силы гонкой вооружений в совершенно бесперспективной «холодной войне». Говорят, что боги Олимпа, стремясь погубить тех, кто их прогневал однажды, лишали их разума. Похоже, что ныне мудрецы старого мира прогневили своим ханжеством кого-либо из богов, чем и объясняется их поведение во Вьетнаме, в Доминиканской Республике и других местах. По этим признакам судьбы старого мира и ныне далеко не блестящи.

Остальное довершит история.

1955—1965 гг.

---

[1] «Промышленность СССР», стр. 29, 53.

Фабрично-заводская промышленность России в 1813—1814 гг.

Отрасль производства	Группы по числу рабочих											
	16—50		51—100		101—500		свыше 500		итого		кроме того кустарное производство	
	число фабрик	число рабочих	число фабрик	число рабочих	число фабрик	число рабочих	число фабрик	число рабочих	число фабрик	число рабочих	число фабрик	число рабочих
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
1. Бумажные материи	65	1 840	30	2 279	54	11 397	20	22 228	169	37 744	257	1568
2. Суконное производство	61	1 862	57	4 075	64	14 281	19	29 012	201	49 230	31	275
3. Шелковое »	51	1 618	16	1 133	13	2 781	4	2 641	84	8 173	69	513
4. Полотняное »	50	1 487	30	2 141	68	14 842	10	9 723	158	28 193	49	363
5. Прочие текстильные	53	1 483	10	809	4	584	—	—	67	2 876	109	632
Итого по текстильным	280	8 290	143	10 437	203	43 885	53	63 604	679	126 216	515	3 [illegible]51
6. Писчебумажное производство	25	819	15	1 136	19	3 221	3	2 396	62	7 572	9	67
7. Производство металлических изделий	25	707	8	500	16	4 696	6	5 976	55	11 879	353	1 795
8. Стекольно-хрустальное производство	83	2 194	13	820	10	2 278	—	—	105	5 292	43	423
9. Кожевенное производство	89	2 309	15	942	—	—	—	—	104	3 251	1 131	4 607
10. Химическое »	18	472	5	341	—	—	—	—	23	813	76	435
11. Сахарное »	29	838	1	58	—	—	—	—	30	896	16	139
12. Разные производства	28	587	9	676	3	927	—	—	40	2 190	389	1 796
Всего	577	16 216	209	14 910	251	55 007	62	71 976	1 099	158 109	2 532	12 613
в том числе:												
с вольнонаемным трудом	401	11 228	133	9 418	140	29 902	30	30 096	704	80 644	2 402	11 596
с принудительным трудом	118	3 318	55	4 071	84	18 397	19	28 133	276	53 919	86	638

Динамика фабрично-заводской промышленности России по сводке В. Е. Варзара и Л. Б. Кафенгауза

(в текущих ценах)

Год	В границах б. империи (без Финляндии)			В границах СССР до 1939 г.		
	число рабочих, тыс.	валовая продукция		число рабочих, тыс.	валовая продукция	
		всего, млн. руб.	на одного работающего, руб.		всего, млн. руб.	на одного работающего, руб.
1	2	3	4	5	6	7
1887	1 210	1 401	1 158	1 029	1 117	1 086
88	1 269	1 542	1 215	1 067	1 243	1 165
89	1 294	1 590	1 229	1 093	1 309	1 198
1890	1 302	1 582	1 215	1 105	1 282	1 161
91	1 313	1 623	1 236	1 103	1 310	1 188
92	1 359	1 712	1 260	1 142	1 379	1 208
93	1 463	1 824	1 247	1 234	1 487	1 205
94	1 455	1 909	1 312	1 218	1 542	1 266
95	1 468	1 968	1 341	1 220	1 583	1 298
96	1 658	2 457	1 482	1 362	1 949	1 431
97	1 885	2 717	1 441	1 557	2 167	1 362
98	1 920	2 927	1 524	1 578	2 344	1 485
99	1 972	3 058	1 551	1 624	2 466	1 518
1900	2 015	3 205	1 591	1 662	2 600	1 564
01	2 122	3 369	1 588	1 747	2 707	1 550
02	2 085	3 408	1 635	1 719	2 716	1 580
03	2 105	3 638	1 728	1 733	2 906	1 677
04	2 104	3 905	1 856	1 717	3 158	1 839
05	2 119	3 828	1 807	1 732	3 099	1 789
06	2 167	4 178	1 928	1 778	3 390	1 907
07	2 240	4 612	2 059	1 837	3 730	2 031
08	2 317	4 606	1 988	1 902	3 759	1 976
09	2 302	4 778	2 076	1 883	3 841	2 040
1910	2 422	5 444	2 248	1 965	4 314	2 195
11	2 577	5 914	2 295	2 088	4 691	2 247
12	2 689	6 459	2 402	2 183	5 243	2 402
13[1]	3 029	6 939	2 291	2 476	5 723	2 311
14	—	—	—	2 510	5 333	2 125
15	—	—	—	2 584	6 092	2 358
16	—	—	—	2 865	5 753	2 008
17	—	—	—	2 894	3 982	1 376

[1] Включая мукомолье и 40-градусное вино. По другому, более полному подсчету, число рабочих по империи в 1913 г. составляло 3115 тыс., валовая продукция — 7358 млн. руб. См. «Динамика российской и советской промышленности», т. I, ч. III. М.—Л., 1930, стр. 177.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

СОДЕРЖАНИЕ

Станислав Густавович Струмилин

Очерки экономической истории России и СССР

Утверждено к печати
Отделением экономических наук
Академии наук СССР

Редактор издательства *М. Е. Товмосян*
Технический редактор *Г. Н. Шевченко*

Сдано в набор 2/III—1966 г. Подписано к печати 30/V—1966 г. Формат 70×108¹/₁₆. Печ. л. 32,25. Усл. печ. л. 42,35. Уч.-изд. л. 45,5. Тираж 2500 экз. Т- 08144. Изд. № 902/66. Тип. зак. 263

Цена 3 р. 07 коп.

Издательство «Наука».
Москва, К-62, Подсосенский пер., д. 21

2-я типография издательства «Наука»
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
55	Табл., 2 сн.	Питуху	Литуху
59	17 св.	невысокие	не высокие
113	13 св.	ногату	куну
	14 св.	36	26
	16 св.	250	180
	11 сн.	2,8	3,8
	9 сн.	20	28
114	1 св.	44	35
116	9 сн.	32	35
117	17 св.	1439—1440	1539—1540
118	29 св.	8,3	8
119	9 сн.	при	три
132	17 св.	XIV	XVI
161	Табл., 6 сн.	22 339	2339
	5 сн.	3176	23 176
217	Табл., заголовок	перенаселения	переселения
270	4 св.	составляли	оставляли
320	25 св.	25	20
480	26 сн.	1960	1860

С. Г. Струмилин

